

A gold crown sits atop a red banner with a fringed edge, tied with gold ribbons. The banner is set against a dark blue background.

РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ
БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

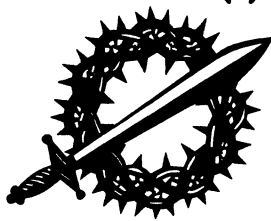
A wide, ornate gold border with a repeating floral and leaf pattern surrounds the central text area.

ПЕРВЫЙ
КУБАНСКИЙ
«ЛЕДЯНОЙ»
ПОХОД

ПЕРВЫЙ
КУБАНСКИЙ
(«ЛЕДЯНОЙ»)
ПОХОД

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2001

Под общей редакцией предводителя
Российского Дворянского Собрания
князя А.К. Голицына

Авторы проекта:
Валентина Алексеевна БЛАГОВО
Сергей Алексеевич САПОЖНИКОВ

Оформление художника И.А. Озерова

П26 **Первый кубанский («Ледяной») поход / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии д.и.н. С.В. Волкова. — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. — 944 с.**

ISBN 5-227-01285-7

Книга «Первый кубанский («Ледяной») поход» представляет собой третий том из серии, посвященной Белому движению в России, и знакомит читателя с воспоминаниями участников событий на Дону и Кубани зимой и весной 1918 г.

В книге впервые с такой полнотой представлены свидетельства не только руководителей антикоммунистической борьбы, но и ее рядовых участников, позволяющие наглядно представить обстановку и атмосферу того времени, психологию и духовный облик первых добровольцев. За небольшим исключением помещенные в томе материалы в России никогда не издавались, а опубликованные за рубежом представляют собой библиографическую редкость.

Том снабжен предисловием и обширным комментарием, содержащим несколько сот публикуемых впервые биографических справок об авторах и героях очерков.

Книга вместе с рядом других книг открывает новую серию под названием «Россия забытая и неизвестная», к изданию которой приступает издательство «Центрполиграф». Книга, как и вся серия, рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей, а также на государственных и общественно-политических деятелей, ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей возрождающейся России.

ББК 63.3(2)-8

© С.В. Волков, состав, предисловие,
комментарии, 2001

© Художественное оформление серии,
ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2001

© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2001

ISBN 5-227-01285-7

ПРЕДИСЛОВИЕ

Третий том серии «Белое движение в России» посвящен легендарному 1-му Кубанскому походу Добровольческой армии, который также известен под названием «Ледяной поход». Настоящий том служит непосредственным продолжением первого и второго («Зарождение Добровольческой армии» и «Первые бои Добровольческой армии»), в которых собраны воспоминания о формировании на Дону и на Кубани добровольческих частей и их действиях до выступления в 1-й Кубанский поход.

Первый поход Добровольческой армии во главе с Лавром Георгиевичем Корниловым продолжался с 9 февраля по 30 апреля 1918 года. Оставив Ростов, армия пошла на Екатеринодар, имея целью соединиться с кубанскими белыми частями. Однако после начала похода выяснилось, что он уже оставлен Кубанским отрядом. Соединившись с последним в середине марта, армия 28—31 марта предприняла неудачную попытку взять город (при соотношении сил один к десяти в пользу красных). После смерти генерала Л.Г. Корнилова армия под командованием А.И. Деникина выступила в обратный путь на Дон, где уже началось восстание казачества.

В самом начале похода в станице Ольгинской армия, состоявшая до того из 25 отдельных частей, была реорганизована (батальоны превратились в роты, роты — во взводы) и стала включать: Сводно-Офицерский, Корниловский ударный и Партизанский полки, Особый Юнкерский батальон, 1-й легкий артиллерийский дивизион (4 батареи), Чехословацкий инженерный батальон, Техническую роту, 1-й кавале-

рийский дивизион полковника Гершельмана, Конный отряд полковника Глазенапа, Конный отряд подполковника Корнилова, Охранную роту штаба армии, конвой командующего армией и походный лазарет. Вскоре после соединения 14 марта 1918 года с Кубанским отрядом армия была переформирована. В 1-ю пехотную бригаду (генерал С.А. Марков) вошли Сводно-Офицерский и Кубанский стрелковый полки, 1-я Инженерная рота, 1-я и 4-я отдельные батареи; во 2-ю (генерал А.П. Богаевский) — Корниловский и Партизанский полки, Пластунский батальон (кубанский), 2-я инженерная рота (кубанская) и 2-я, 3-я и 5-я отдельные батареи; в конную бригаду (генерал И.Г. Эрдели) — Конный и Черкесский полки, Кубанский конный дивизион (полк) и конная батарея (кубанская). После возвращения Добровольческой армии на Дон она была реорганизована и пополнилась новыми добровольцами.

Добровольческая армия вышла в 1-й Кубанский поход в числе до 4 тысяч человек (при 8 орудиях), присоединившиеся к ней кубанские части насчитывали, по разным данным, до 3,2 тысячи человек (при 8 орудиях), кроме того, к армии присоединилось несколько сот казаков из отдельных станиц, так что под Екатеринодаром она насчитывала до 6 тысяч бойцов. Вернулось из похода около 5 тысяч, из которых около 1,5 тысячи раненых. Безвозвратные потери (убито, пропало без вести и оставлено в станицах) составили, следовательно, не меньше 1,5 тысячи человек, а общее число участников похода — 7—8 тысяч.

Среди 3683 участников похода, вышедших из Ростова, было 36 генералов (в т. ч. 3 генерала от инфантерии и генерала от кавалерии и 8 генерал-лейтенантов), 190 полковников, 50 подполковников и войсковых старшин, 215 капитанов, ротмистров и есаулов, 220 штабс-капитанов, штабс-ротмистров и подъесаулов, 409 поручиков и сотников, 535 подпоручиков, корнетов и хорунжих, 668 прапорщиков, 12 морских офицеров (в т. ч. 1 капитан 1-го ранга и 1 капитан 2-го ранга), 437 вольноопределяющихся, юнкеров, кадет и добровольцев и 2 гардемарина, 364 унтер-офицера (в т. ч. подпрапорщики и им равные), 235 солдат (в т. ч. ефрейторов и им равных) и 2 матроса. Кроме того — 21 врач, 25 фельдшеров и санитаров, 66 чиновников, 3 священника и 14 гражданских лиц. Из 165 женщин 15 были прапорщицами, 17 рядовыми доброволицами, 5 — врачами и фельдшерицами, 122 — сестрами милосердия и 6 — не служили в армии. Не считая женщин и гражданских лиц, всего — 2325 офицеров и 1067 добровольцев. По возрасту — старше 40 лет было около 600 человек и около 3000 молодеж.

За 80 дней похода (из которых 44 дня боев) армия прошла 1050 верст. Участникам похода пришлось претерпеть тяжелые лишения, справедливо создавшие первопоходникам тот ореол мученичества, которым они были окружены впоследствии. Именно эти люди стали ядром и душой Белого движения на Юге России, из их числа выдвинулись почти все видные командиры белых частей (первопоходниками были практически все командиры батальонов и полков и большинство командиров рот Добровольческой армии), многие из них дослужились до высоких чинов.

Русский писатель Иван Шмелев сказал о походе: «Этот подвиг — уход в ледяные степи, — определяемый условным человеческим временем — 9 февраля 1918 года, — имеет бессмертный смысл — ответ Голгофской Жертвы. Этот подвиг роднится с чудеснейшими мигами человеческого мира, когда на весах Совесть и Любви взвешивались явления двух порядков: тленного и нетленного, рабства и свободы, бесчестия и чести. Этот подвиг — проявление высокого русского гражданства: в подвиге этом не было ни различия классов, ни возраста, ни пола, — все было равно, едино, все было — общая жертва жизнью. Ледяной поход длится. Он вечен, как бессмертная душа в людях, — негасимая лампада, теплящаяся Господним Светом».

Для участников похода был установлен знак в виде серебряного тернового венка, пересеченного снизу вверх направо серебряным мечом рукоятью вниз, носившийся на Георгиевской ленте с розеткой национальных цветов. В общей сложности им было награждено около 5 тысяч человек. Список награжденных в единственном экземпляре хранился до Второй мировой войны у секретаря Главного правления Союза участников 1-го Кубанского похода полковника К.Н. Николаева и пропал после занятия Югославии советскими войсками. Сохранилось лишь несколько неполных рукописных копий (включающих около 4 тысяч человек).

В настоящем издании собраны воспоминания участников 1-го Кубанского похода, в разное время публиковавшиеся в русской эмигрантской печати. Помещены как фрагменты из книг, так и журнальные и газетные публикации. Впервые делается попытка собрать их вместе, чтобы представить картину похода с разных сторон, и впервые они представлены с такой полнотой (хотя некоторые публикации оказались пока недоступны). Почти все эти воспоминания (за исключением мемуаров генералов А.И. Деникина и А.С. Лукомского, а также книг Р. Гуля и В. Ларионова) никогда в России не публиковались.

Материалы тома сгруппированы по разделам. В первом из них собраны материалы, посвященные походу в целом или отдельным его сторонам. В остальных — воспоминания лиц, служивших в тех или иных частях: в Офицерском, Корниловском, Партизанском полках, в кубанских частях, в артиллерии и в кавалерийских частях.

Как правило, все публикации приводятся полностью (сокращению подверглись только уже публиковавшиеся в России воспоминания). Из крупных трудов взяты только главы и разделы, непосредственно относящиеся к 1-му Кубанскому походу. Кроме того, из них исключались фрагменты, заимствованные авторами из тех источников, которые самостоятельно публикуются в настоящем издании. Авторские примечания помещены в скобках в основной текст. Во всех случаях сохранялся текст оригиналов. Исправлены лишь явные ошибки и опечатки.

Поскольку в белой армии на Юге России вплоть до ее эвакуации из Крыма использовался старый стиль, все даты, кроме особо оговоренных случаев, приводятся по этому стилю.

С.В. Волков

**ПЕРВЫЙ
КУБАНСКИЙ
(«ЛЕДЯНОЙ»)
ПОХОД**

Раздел 1

А. Деникин¹

ПЕРВЫЙ КУБАНСКИЙ ПОХОД²

Мы уходили.

За нами следом шло безумие. Оно вторгалось в оставленные города бесшабашным разгулом, ненавистью, грабежами и убийствами. Там остались наши раненые, которых вытаскивали из лазаретов на улицу и убивали. Там брошены наши семьи, обреченные на существование, полное вечного страха перед большевистской расправой, если какой-нибудь непредвиденный случай раскроет их имя...

Мы начинали поход в условиях необычайных: кучка людей, затерянных в широкой донской степи, посреди бушующего моря, затопившего родную землю. Среди них два Верховных Главнокомандующих русской армией, главнокомандующий фронтом, начальники высоких штабов, корпусные командиры, старые полковники... С винтовкой, с вещевым мешком через плечо, заключавшим скудные пожитки, шли они в длинной колонне, утопая в глубоком снегу... Уходили от темной ночи и духовного рабства в безвестные скитания...

За синей птицей.

Пока есть жизнь, пока есть силы, не все потеряно. Увидят светоч, слабо мерцающий, услышат голос, зовущий к борьбе, те, кто пока еще не проснулись...

В этом был весь глубокий смысл 1-го Кубанского похода. Не стоит подходить с холодной аргументацией политики и стратегии к тому явлению, в котором все — в области духа и творимого подвига. По привольным степям Дона и Кубани ходила Добровольческая армия —

малая числом, оборванная, затравленная, окруженная — как символ гонимой России и русской государственности.

На всем необъятном просторе страны оставалось только одно место, где открыто развеялся трехцветный национальный флаг, — это ставка Корнилова.

* * *

Покружив по вымершему городу, мы остановились на сборном пункте — в казармах Ростовского полка³ (генерала Боровского⁴) — в ожидании подхода войск. Еще с утра Боровский предложил ростовской молодежи, кто желает, вернуться домой: впереди тяжелый поход и полная неизвестность. Некоторые ушли, но часть к вечеру вернулась: «Все соседи знают, что мы были в армии, товарищи или прислуга выдадут...»

Долго ждем сбора частей. Разговор не клеится. Каждый занят своими мыслями, не хочется думать и говорить о завтрашнем дне. И как-то странно даже слышать доносящиеся иногда обрывки фраз — таких обыденных, таких далеких от переживаемых минут...

Двинулись наконец окраиной города. По глубокому снегу. Проехало мимо несколько всадников. Один остановился. Доложил о движении конного дивизиона. Просит Корнилова сесть на его лошадь.

— Спасибо, не надо.

Из боковых улиц показываются редкие прохожие и, увидев силуэты людей с ружьями, тотчас же исчезают в ближайших воротах. Вышли в поле, пересекаем дорогу на Новочеркасск. На дороге безнадежно застрявший автомобиль генерала Богаевского⁵. С небольшим чемоданчиком в руках он присоединяется к колонне. Появилось несколько извозчичьих пролеток. С них нерешительно сходят офицеры, по-видимому задержавшиеся в городе. Подошли с опаской к колонне и, убедившись, что свои, облегченно вздохнули:

— Ну слава те Господи! Не знаете, где 2-й батальон?

Идем молча. Ночь звездная. Корнилов, как всегда, хмурый, с внешне холодным, строгим выражением лица, скрывающим внутреннее бурное горение, с печатью того присущего ему во всем — в фигуре, взгляде, речи — достоинства, которое не покидало его в самые тяжкие дни его жизни. Таким он был полковником и Верховным Главнокомандующим; в бою 48-й дивизии и в австрийском плену, на высочайшем приеме и в кругу своих друзей, в Могилевском дворце и в Быховской тюрьме. Казалось, не было такого положения, которое могло сломить или принизить его. Это впечатление невольно возбуж-

дало к нему глубокое уважение среди окружающих и импонировало врагам.

Вышли на дорогу в Аксайскую станицу. Невдалеке от станицы встречается квартирьер:

— Казаки держат нейтралитет и отказываются дать ночлег войскам.

Корнилов нервничает:

— Иван Павлович! Поезжайте, поговорите с этими дураками.

Не стоит начинать поход усмирением казачьей станицы. Романовский⁶ повернул встречные сани, пригласил меня, поехали вперед. Долгие утомительные разговоры сначала со станичным атаманом (офицер), растерянным и робким человеком; потом со станичным сбором: тупые и наглые люди, бестолковые речи. После полуторачасовых убеждений Романовского согласились впустить войска с тем, что на следующее утро мы уйдем, не ведя боя у станицы. Думаю, что решающую роль в переговорах сыграл офицер-ординарец, который отвел в сторону наиболее строптивого казака и потихоньку сказал ему:

— Вы решайте поскорее, а то сейчас подойдет Корнилов — он шутить не любит: вас повесит, а станицу спалит.

Утомленные переживаниями дня и ночным походом, добровольцы быстро разбрелись по станице. Все спит. У Аксяя — переправа через Дон по льду. Лед подтаял и трескается. Явился тревожный вопрос: выдержит ли артиллерию и повозки?

Оставили в Аксайской арьергард для своего прикрытия и до окончания разгрузки вагонов с запасами, которые удалось вывезти из Ростова, благополучно переправились. По бесконечному гладкому снежному полю вилась темная лента. Пестрая, словно цыганский табор: ехали повозки, груженные наспех и ценными запасами, и всяким хламом; плелись какие-то штатские люди; женщины — в городских костюмах и в легкой обуви — вязли в снегу. А вперемежку шли небольшие, словно случайно затерянные среди табора войсковые колонны — все, что осталось от великой некогда русской армии... Шли мерно, стройно. Как они одеты! Офицерские шинели, штатские пальто, гимназические фуражки; в сапогах, валенках, опорках... Ничего — под нищенским покровом живая душа. В этом — все.

Вот проехал на тележке генерал Алексеев⁷. При нем небольшой чемодан; в чемодане и под мундирами нескольких офицеров его конвоя «деньгонош» — вся наша тощая казна, около шести миллионов рублей кредитными билетами и казначейскими обязательствами. Бывший Верховный сам лично собирает и распределяет крохи армейского содержания.

* * *

Остановились в станице Ольгинской, где уже ночевал отряд генерала Маркова, пробившийся мимо Батайска левым берегом Дона. Корнилов приступил к реорганизации Добровольческой армии, насчитывавшей всего около 4 тысяч бойцов, путем сведения многих мелких частей.

Состав армии получился следующий:

1-й Офицерский полк⁸, под командой генерала Маркова⁹ — из трех офицерских батальонов¹⁰, Кавказского дивизиона¹¹ и Морской роты¹².

Юнкерский батальон, под командой генерала Боровского, — из прежнего Юнкерского батальона¹³ и Ростовского полка.

Корниловский ударный полк¹⁴, под командой подполковника Неженцева¹⁵. В полк влиты части бывшего Георгиевского полка¹⁶ и партизанского отряда¹⁷ полковника Симановского¹⁸.

Партизанский полк¹⁹, под командой генерала Богаевского, — из пеших донских партизанских отрядов.

Артиллерийский дивизион, под командой полковника Икишева²⁰, — из четырех батарей по два орудия. Командиры: Миончинский²¹, Шмидт²², Ерогин²³, Третьяков²⁴.

Чехословацкий инженерный батальон²⁵, под управлением штатского инженера Краля и под командой капитана Неметчика²⁶.

Конные отряды (донские партизанские отряды Краснянского²⁷, Боккова²⁸, Лазарева²⁹ и др. присоединились к нам в Ольгинской. — А.Д.):

- а) полковника Глазенапа³⁰ — из донских партизанских отрядов;
- б) полковника Гершельмана³¹ — регулярный;
- в) подполковника Корнилова³² — из бывших частей Чернецова.

Сведение частей вызвало много обиженных самолюбий смещенных начальников и на этой почве некоторое неудовольствие в частях. Приглашает меня к себе Алексеев и взволнованно говорит:

— Я не ручаюсь, что сегодня не произойдет бой между юнкерами и студентами (Ростовский полк назывался еще в начале формирования Студенческим, хотя студентов в нем было очень мало. — А.Д.). Юнкера считают их «социалистами»... Как можно было сливать такие несхожие по характеру части?

— Ничего, Михаил Васильевич. Все обойдется. Волнуется больше П. (П.³³ — бывший командир Юнкерского батальона. — А.Д.), чем батальон.

Спешно комплектовали конницу и обоз, покупая лошадей с большим трудом и за баснословную цену у казаков. Патронов было очень мало, снарядов не более 600—700. Для этого рода снабжения у нас оставался только один способ — брать с боя у большевиков ценою крови.

В Ольгинской разрешился наконец вопрос о дальнейшем плане нашего движения.

Корнилов склонен был двигаться в район зимовников (зимовник — усадьба — становище донских табунов. — А.Д.), в Сальский округ Донской области. Некоторые предварительные распоряжения были уже сделаны. Обеспокоенный этим, генерал Алексеев 12 февраля писал Корнилову: «Из разговоров с генералом Эльснером³⁴ и Романовским я понял, что принят план ухода отряда в зимовники, к северо-западу от станицы Великокняжеской. Считаю, что при таком решении невозможно не только продолжение нашей работы, но даже при надобности и относительно безболезненная ликвидация нашего дела и спасение доверивших нам свою судьбу людей. В зимовниках отряд будет очень скоро сжат с одной стороны распустившейся рекой Доном, а с другой — железной дорогой Царицын — Торговая — Тихорецкая — Батайск, причем все железнодорожные узлы и выходы грунтовых дорог будут заняты большевиками, что лишит нас совершенно возможности пополнения людьми и предметами снабжения, не говоря уже о том, что пребывание в степи поставит нас в стороне от общего хода событий в России.

Так как подобное решение выходит из плоскости чисто военной, а также потому, что предварительно начала какой-либо военной операции необходимо теперь же разрешить вопрос о дальнейшем существовании нашей организации и направлении ее деятельности — прошу Вас сегодня же созвать совещание из лиц, стоящих во главе организации, с их ближайшими помощниками».

На военном совете, собранном в тот же вечер, мнения разделились. Одни настаивали на движении к Екатеринодару, другие, в том числе Корнилов, склонялись к походу в зимовники.

Принято было решение идти на Кубань. Однако на другой день вечером обстановка изменилась: к командующему приехал походный атаман генерал Попов³⁵ и его начальник штаба, полковник Сидорин³⁶. В донском отряде у них было 1500 бойцов, 5 орудий, 40 пулеметов. Они убедили Корнилова идти в зимовники. Наш конный авангард, стоящий у Кагальницкой, получил распоряжение свернуть на восток... Поднявшись с постели, я пошел в штаб отвести душу. Безрезультатно. Некоторое колебание, однако, посеяно: решили собрать дополнительные сведения о районе. В Ольгинской — прилив и отлив. Присоединилось несколько казачьих партизанских отрядов, прибывают офицеры, вырвавшиеся из Ростова, раненые добровольцы, бежавшие из новочеркасских лазаретов. Притворяются здоровыми, боясь, что их не возьмут в поход.

Приехал из Новочеркасска генерал Лукомский³⁷. Накануне нашего выступления из Ольгинской он вместе с генералом Ронжиным³⁸

(впоследствии главный военный прокурор Вооруженных Сил на Юге России. — А.Д.), переодетые в штатское платье, поехали в бричке прямым путем на Екатеринодар для установления связи с Кубанским атаманом и добровольческими отрядами. Но в селе Гуляй-Борисовка они были пойманы большевиками, томились под арестом и едва спаслись от расстрела.

Уехал полковник Лебедев³⁹ с небольшим отрядом «особого назначения», состоявшим при генерале Алексееве. Ему было поручено связаться с Заволжьем и Сибирью. Лебедев впоследствии пробрался в Сибирь и стал начальником штаба у адмирала Колчака; часть его спутников, по советским сообщениям, попала в тюрьмы Поволжья. Уехали вовсе, по личным побуждениям, несколько офицеров, в том числе Генерального штаба генерал Складовский и капитан Роженко⁴⁰ (Быховец). Оба они в Великокняжеской были убиты большевиками исключительно за «буржуйный» вид, и тела их бросили в колодец...

* * *

Мы шли медленно, останавливаясь на дневках в каждой станице. От Ольгинской до Егорлыцкой 88 верст — шли 6 дней. Сколачивали части, заводили обоз. При условии направления в зимовники такая медленность была вполне понятна.

У Хомутовской Корнилов пропускал в первый раз колонну. Как всегда — у молодых горели глаза, старики подтягивались при виде сумрачной фигуры командующего. С колонной много небоевого элемента, в том числе два брата Сувориных (А. и Б.), Н.Н. Львов, Л.В. Половцев⁴¹, Л.Н. Новосильцев⁴², генерал Кисляков⁴³, Н.П. Щетинина, два профессора Донского политехнического института и др. Члены нашего «Совета» не пошли: и Корнилов, и я в самой решительной форме отсоветовали им идти с нами в поход, который представлялся чреватый всякими неожиданностями и в котором каждый лишний человек, каждая лишняя повозка — в тягость.

Два перехода шли по невылазной грязи, в которой некоторые добровольцы буквально оставили обувь и продолжали путь босыми...

* * *

В селении Лежанка нам преградил путь большевистский отряд с артиллерией.

Был ясный слегка морозный день. Офицерский полк шел в авангарде. Старые и молодые, полковники на взводах. Никогда еще не

было такой армии. Впереди — помощник командира полка полковник Тимановский⁴⁴ шел широким шагом, опираясь на палку, с неизменной трубкой в зубах, израненный много раз, с сильно поврежденными позвонками спинного хребта... Одну из рот ведет полковник Кутепов⁴⁵, бывший командир Преображенского полка. Сухой, крепкий, с откинутой на затылок фуражкой, подтянутый, краткими отрывистыми фразами отдает приказания. В рядах много безусой молодежи — беспечной и жизнерадостной. Вдоль колонны проскакал Марков, повернул голову к нам, что-то сказал, чего мы не расслышали, на ходу разнес кого-то из своих офицеров и полетел к головному отряду.

Глухой выстрел, высокий, высокий разрыв шрапнели. Началось.

Офицерский полк развернулся и пошел в наступление: спокойно, не останавливаясь, прямо на деревню. Скрылся за гребнем. Подъезжает Алексеев. Пошли с ним вперед. С гребня открывается обширная панорама. Раскинувшееся широко село опоясано линиями окопов. У самой церкви стоит большевистская батарея и беспорядочно разбрасывает снаряды вдоль дороги. Ружейный и пулеметный огонь все чаще. Наши цепи остановились и залегли: вдоль фронта болотистая, незамерзшая речка. Придется обходить.

Вправо, в обход, двинулся Корниловский полк. Вслед за ним по скакала группа всадников с развернутым трехцветным флагом...

— Корнилов!

В рядах — волнение. Все взоры обращены туда, где виднеется фигура командующего...

А вдоль большой дороги совершенно открыто юнкера подполковника Миончинского подводят орудия прямо в цепи под огнем неприятельских пулеметов; скоро огонь батареи вызвал заметное движение в рядах противника. Наступление, однако, задерживается...

Офицерский полк не выдержал долгого томления: одна из рот бросилась в холодную, липкую грязь речки и переходит вброд на другой берег. Там — смятение, и скоро все поле уже усеяно бегущими в панике людьми, мечутся повозки, скачет батарея. Офицерский полк и Корниловский, вышедший к селу с запада через плотину, преследуют.

Мы входим в село, словно вымершее. По улицам валяются трупы. Жуткая тишина. И долго еще ее безмолвие нарушает сухой треск ружейных выстрелов: ликвидируют большевиков... Много их...

Кто они? Зачем им, смертельно уставшим от четырехлетней войны, идти вновь в бой и на смерть? Бросившие турецкий фронт полк и батарея, буйная деревенская вольница, человеческая накипь Лежан-

ки и окрестных сел, пришлый рабочий элемент, давно уже вместе с солдатчиной овладевший всеми сходами, комитетами, советами и терроризировавший всю губернию; быть может, и мирные мужики, насильно взятые советами. Никто из них не понимает смысла борьбы. И представление о нас как о врагах какое-то расплывчатое, неясное, созданное бешено растущей пропагандой и беспричинным страхом. «Кадеть»... Офицеры... Хотят повернуть к старому...

Член ростовской управы, социал-демократ (меньшевик) Попов, странствовавший как раз в эти дни по Владикавказской железной дороге, параллельно движению армии, такими словами рисовал настроение населения:

«...Чтобы не содействовать так или иначе войскам Корнилова в борьбе с революционными армиями, все взрослое мужское население уходило из своих деревень в более отдаленные села и к станциям железных дорог... «Дайте нам оружие, дабы мы могли защищаться от «кадет», — таков был общий крик всех приехавших сюда крестьян... Толпа с жадностью ловила известия с «фронта», комментировала их на тысячу ладов, слово «кадет» переходило из уст в уста. Все, что не носило серой шинели, казалось не своим; кто был одет «чисто», кто говорил «по-образованному», попадал под подозрение толпы. «Кадет» — это воплощение всего злого, что может разрушить надежды масс на лучшую жизнь; «кадет» может помешать взять в крестьянские руки землю и разделить ее; «кадет» — это злой дух, стоящий на пути всех чаяний и упований народа, а потому с ним нужно бороться, его нужно уничтожить» («Рабочее слово». 1918. № 10. — А.Д.).

Это, несомненно, преувеличенное определение враждебного отношения к «кадетам», в особенности в смысле «всеобщности» и активности его проявления, подчеркивает, однако, основную черту настроения крестьянства — его беспочвенность и сумбурность. В нем не было ни «политики», ни «Учредительного собрания», ни «республики», ни «царя»; даже земельный вопрос сам по себе здесь, в Задонье, и в особенности в привольных ставропольских степях, не имел особой остроты. Мы, помимо своей воли, попали просто в заколдованный круг общей социальной борьбы: и здесь, и потом всюду, где ни проходила Добровольческая армия, часть населения, более обеспеченная, зажиточная, заинтересованная в восстановлении порядка и нормальных условий жизни, тайно или явно сочувствовала ей; другая, строившая свое благополучие — заслуженное или незаслуженное — на безвременье и безвластии, была ей враждебна. И не было возможности вырваться из этого круга, внушить им истинные цели армии. Делом? Но что может дать краю проходящая армия, вынужденная

вести кровавые бои даже за право своего существования. Словом? Когда слово упирается в непроницаемую стену недоверия, страха или раболепства.

Впрочем, сход Лежанки (позднее и другие) был благоразумен — постановил пропустить «корниловскую армию». Но пришли чужие люди — красногвардейцы — и солдатские эшелоны, и цветущие села и станицы обгарились кровью и заревом пожаров...

У дома, отведенного под штаб, на площади, с двумя часовыми-добровольцами на флангах стояла шеренга пленных офицеров-артиллеристов квартировавшего в Лежанке большевистского дивизиона.

Вот она, новая трагедия русского офицерства!..

Мимо пленных через площадь проходили одна за другой добровольческие части. В глазах добровольцев презрение и ненависть. Раздаются ругательства и угрозы. Лица пленных мертвенно-бледны. Только близость штаба спасает их от расправы.

Проходит генерал Алексеев. Он взволнованно и возмущенно упрекает пленных офицеров. И с его уст срывается тяжелое бранное слово. Корнилов решает участь пленных:

— Предать полемому суду.

Оправдания обычны: «Не знал о существовании Добровольческой армии...», «Не вел стрельбы...», «Заставили служить насильно, не выпускали...», «Держали под надзором семью...».

Полевой суд счел обвинение недоказанным. В сущности, не оправдал, а простил. Этот первый приговор был принят в армии спокойно, но вызвал двоякое отношение к себе. Офицеры поступили в ряды нашей армии.

* * *

23 февраля мы вступили в пределы Кубанской области.

Совсем другое настроение: армию встречают приветливо, хлебом-солью. После скитаний среди равнодушной или враждебной нам стихии — душевный уют и новые надежды.

Тихая заводь привольной кубанской жизни замутилась, однако, враждой и чувством мести к тем, кто нарушил ее покой. Когда в станице Незамаевской я замешался в пестрой, праздничной, веселой толпе, там это чувство буйно рвалось наружу. Они уже сосчитались с одними или угрожали сосчитаться с другими из своих большевиков, главным образом иногородних. Придет утро, мы уйдем, а еще через день появится отряд «товарища» Сорокина⁴⁶ или Автономова⁴⁷, и начнется возмездие...

2 марта главные силы армии двинулись на станицу Журавскую, а Неженцев с Корниловским полком ударил по станции Выселки. После краткого боя, понеся небольшие потери, корниловцы лихой атакой взяли Выселки и продвинулись на несколько верст вперед к хутору Малеванному. Армия расположилась на ночлег в Журавской, а в Выселках должен был стать заслоном конный дивизион полковника Гершельмана. Дивизион почему-то ушел без боя из Выселок, которые были заняты вновь крупными силами большевиков (Гершельман был отрешен за это от должности. — А.Д.). Положение создалось крайне неприятное.

Корнилов приказал генералу Богаевскому с Партизанским полком и батареей ночной атакой овладеть Выселками. Ночь была темная, на дворе сильнейший холод. В маленькой станице не хватало ни крыш, ни продовольствия для всех частей, набившихся в нее. Партизаны, голодные, усталые, до поздней ночи оставались под открытым небом. Вероятно, поэтому Богаевский отложил наступление до утра. Чуть забрезжил рассвет, потянулась колонна к Выселкам, и под редким огнем артиллерии стали разворачиваться против села отряды партизан капитана Курочкина⁴⁸, есаула Лазарева, Власова⁴⁹, полковника Краснянского. Редкие цепи шли безостановочно к окраине деревни, словно вымершей. И вдруг длинный гребень холмов, примыкавших к селу, ожил и брызнул на наступавшие цепи огнем пулеметов и ружей.

Бой оказался серьезнее, чем рассчитывали. Пришлось выдвинуть новые силы. Из Малеванного направлен в обход Выселок с востока батальон корниловцев, прямо на село двинут Офицерский полк Маркова.

Скоро обозначилось наступление Корниловского батальона. Идут быстро, не останавливаясь, как на ученье, заходя большевикам в тыл. Подходят марковцы; левый фланг партизан продвинулся уже вперед — в охват. Словно электрический ток проносится по всем цепям, раскинувшимся далеко — не окинешь взглядом. Партизаны поднялись и бросились снова вперед.

Противник бежит.

В этот день мы узнали крайне неприятную новость: не так давно здесь, возле Выселок, произошел бой между большевиками и отрядом кубанских добровольцев Покровского⁵⁰. Добровольцы были разбиты и поспешно отступили в сторону Екатеринодара. Шли какие-то зловещие слухи и о кубанской столице...

Пока — только слухи. И потому назавтра приказано наступать далее, на Кореновскую, в которой сосредоточилось не менее 10 тысяч красногвардейцев с бронепоездами и с большим количеством ар-

тиллерии. Большевистскими силами командовал кубанский казак, бывший фельдшер Сорокин.

Против нас был уже не тыл, а фронт екатеринодарской группы большевиков.

* * *

Под Усть-Лабой надо было спешить, так как всегда спокойный и уравновешенный Богаевский доносил, что его сильно теснят, и просил подкреплений. Корнилов двинул вперед Юнкерский батальон и Корниловский полк. Первый пошел правее на видневшуюся насыпь железной дороги из Екатеринодара, второй прямо на станицу.

Опять Корнилов в жестоком огне, и Марков горячо нападает на штаб:

— Уведите вы его, ради Бога. Я не в состоянии вести бой и чувствовать нравственную ответственность за его жизнь.

— А вы сами попробуйте, ваше превосходительство!.. — отвечает, улыбаясь, всегда веселый генерал Трухачев⁵¹.

Но охват корниловцев уже обозначился. Двинулись в атаку и с фронта, и скоро весь полк ворвался на станцию и в станицу, сбил большевиков с отвесной береговой скалы, венчавшей вход на дамбу, овладел мостом и перешел за реку Кубань.

Путь свободен.

* * *

Повсюду в области, в каждом поселке, в каждой станице, собиралась красная гвардия из иногородних (к ним примыкала часть казаков, фронтовиков), еще плохо подчинявшаяся Армавирскому центру, но следовавшая точно его политике. Объединяясь временами в волостные, районные, армейские организации, эта вооруженная сила, представлявшая недисциплинированные, хорошо вооруженные, буйные банды, будучи единственной в крае, приступила к выполнению своих местных задач: насаждению советской власти, земельному переделу, изъятию хлебных излишков, «социализации», то есть попросту ограблению зажиточного казачества и обезглавливанию его — преследованием офицерства, небольшевистской интеллигенции, священников, крепких стариков. И прежде всего — к обезоружению. Достоин удивления, с каким полным непотребием казачьи станицы, казачьи полки и батареи отдавали свои орудия, пулеметы, ружья, которые шли отчасти на вооружение местных красногвардейских

отрядов, отчасти отвозились в ближайшие центры. Когда, например, потом, в конце апреля, восстали против большевиков казаки одиннадцати станиц Ейского отдела и двинулись на Ейск, это было, по описанию Щербины⁵², в полном смысле безоружное ополчение. «У казаков было не более 10 винтовок на сотню, остальные вооружились чем могли. Одни прикрепили к длинным палкам кинжалы или заостренные полоски железа, другие сделали из железных вил что-то вроде копий, третьи вооружались острогой, а иные просто захватили лопаты и топоры».

* * *

В ночь на 8 марта наши передовые части перешли с боем на левый берег Лабы и, отбросив большевиков, обеспечили переправу армии. Первым перешел Юнкерский батальон. Боровский доносил, что юнкера смело бросились в холодную воду, хотя «малыши пускали пузыри», так как местами глубина реки превышала их рост.

Неженцев занимал еще северную окраину станицы, прикрывая ее со стороны войск, наступавших от Усть-Лабы. А внизу, под крутым скатом берега, шла лихорадочная переправа обоза. Жиденский мост был сильно перегружен; часть повозок с беженцами и ранеными спустилась к глубоким бродам; лошади шли неохотно в студеную воду, иногда повозка опрокидывалась или, отнесенная течением в глубокое место, погружалась чуть не доверху вместе с походным скарбом или беспомощно бьющимся человеческим телом. На том берегу обоз раскинулся широким табором в ожидании «открытия пути».

Лишь к закату армия раздвинула несколько сжимавшее ее огневое кольцо и заночевала в двух хуторских поселках. Штаб — в Киселевских хуторах. Собственно, только эти два пункта находились в нашем фактическом обладании, охраняемые на небольшом расстоянии аванпостами. А дальше раздвинутое кольцо сжалось вновь.

Выступление назначено рано, но до полудня продвинулись мало, так как шедшие впереди Офицерский полк и в особенности Партизанский пробивались с трудом, отвоевывая каждую версту пути упорным боем. Задерживаться в хуторах также было небезопасно, так как вскоре у самой окраины их послышался сильный треск пулеметов... Пули жужжали между избами. Все войска втянулись в бой, и потому для прикрытия колонны с тыла в распоряжение коменданта штаба полковника Корвин-Круковского⁵³ оставлена в хуторах охранная рота из офицеров-инвалидов и конвой Корнилова. С трудом протискиваясь по запруженной улице — это части выходят на окраину. Двинулся

обоз и остановился в версте. Опять по нему бьет неприятельская артиллерия — очевидно, перелеты по боевым линиям: и с фронта, и с тыла, и еще откуда-то, видимо со стороны Некрасовской.

Офицерский полк рассыпан редкими цепями, затерявшимися среди беспредельного поля и такими, казалось, слабыми в сравнении с массой большевиков. Цепи продвигаются очень медленно: мы едем вперед рысью к маленькому хуторку. Корнилов с Романовским уже на стогу. Треск пулеметов. Ранен тяжело в голову полковник Генерального штаба Патронов⁵⁴. Текинцы суетливо прячут за стог и за хату лошадей...

Отчетливо видны отдельные фигуры в цепях. Похаживает вдоль них небольшого роста коренастый человек. Шапка на затылке, руки в карманах — Кутепов, командир 3-й роты. В этот день три пули пробили его плащ, но, по счастью, не ранили. Подымаются отдельные группы прямо в рост, перетаскивают куда-то пулемет. Тихо бредут и ползут назад раненые. И не один из них вдруг валится на пашню, как срезанный, — догнала новая пуля... Офицеры поднялись, снова пошли в атаку, и темная масса впереди сначала зашевелилась на местах, потом хлынула назад.

Немедленно под прикрытием Офицерского полка главные силы и обоз двинулись влево, в направлении Филипповского. Прошли версты три, опять остановились: справа у Богаевского еще идет бой, а впереди слышна дальняя редкая перестрелка, и от Неженцева, направленного с утра на Филипповское, нет сведений — занято ли уже это село, центр большевизма и военной организации всего района...

Скоро и другая приятная новость: Корниловский полк после небольшой стычки овладел Филипповским, которое оставили большевики и покинули все жители.

* * *

Оставление Екатеринодара «кубанскими правительственными войсками» являлось вопросом не столько военной необходимости, сколько психологии. Еще во второй половине января после неудачного боя под Выселками Кубанский добровольческий отряд, прикрывавший Тихорецкое направление, спешно отступил к Екатеринодару. В связи с этим были отведены и другие отряды, и в двадцатых числах все вооруженные силы Кубанской республики в составе преимущественно добровольцев — офицеров и юнкеров — Черкесского полка и незначительного числа кубанских казаков стояли уже на ближайших подступах к Екатеринодару.

Еще с января в Екатеринодаре жил генерал Эрдели⁵⁵ в качестве представителя Добровольческой армии. В числе поручений, данных ему, было подготовить почву для включения Кубанского отряда в состав Добровольческой армии. При той оторванности, которая существовала тогда уже между Ростовом и Екатеринодаром, такое подчинение должно было иметь главным образом моральное значение, расширяя военно-политическую базу армии и давая идейное обоснование борьбе кубанских добровольцев. В то же время М. Федоров⁵⁶ добивался от Кубани материальной помощи для Добровольческой армии. Эти предложения встретили резко отрицательное отношение к себе среди всех кубанских правителей. Атаман Филимонов⁵⁷ то клялся в конституционной верности, то поносил Раду и правительство в дружеских беседах с Эрдели и Покровским.

При создавшихся военно-политических условиях длительная оборона Екатеринодара не имела бы действительно никакого смысла. Но 25 февраля обстановка в корне изменилась. В этот день прибыл в Екатеринодар посланный штабом Добровольческой армии и пробравшийся чудом сквозь большевистский район офицер. Он настойчиво и тщетно убеждал кубанские власти повременить с уходом ввиду того, что корниловская армия идет к Екатеринодару и теперь уже должна быть недалеко.

Ему не поверили или не хотели поверить: держали его под негласным надзором.

Вечером 28 февраля из Екатеринодара через реку Кубань на юг выступили добровольческие отряды, атаман, правительство, казачье-горская фракция Законодательной Рады, городские нотабли и много беженцев.

Сосредоточившиеся на другой день в ауле Шенджий кубанские войска были сведены в более крупные части, составив в общей сложности отряд до 2 1/2—3 тысяч штыков и сабель с артиллерией.

Отряд дошел до станицы Пензенской. Но в эти несколько дней похода отсутствие объединяющей политической и стратегической цели встало пред всеми настолько ярко, что не только под давлением резко обозначившегося настроения войск, но и по собственному побуждению кубанские власти сочли необходимым поставить себе ближайшей задачей соединение с Корниловым. Тем более, что к этому времени вновь были получены сведения о движении Добровольческой армии к Екатеринодару и о происходивших к востоку от него 2—4 марта боях.

Покровский двинул отряд обратно в Шенджий и 7 марта, выслав заслоны против станции Эйнем и Екатеринодарского железнодорож-

ного моста, неожиданно с главными силами захватил Пашковскую переправу. В течение двух дней Покровский вел артиллерийскую перестрелку, не вступая в серьезный бой, и в ночь на 10-е, отчаявшись в подходе Корнилова, ушел на восток. 10-го встретил сопротивление большевиков у аула Вочепший, где бой затянулся до ночи.

Неудача поисков Добровольческой армии, непонятное метание отряда и недоверие к командованию вызвали в войсках сильный упадок духа. Аула не взяли (мы были в этот вечер всего верстах в 30 от Вочепшия), и расстроенный отряд ночью, бросая обоз, без дорог устремился по направлению к горам на станицу Калужскую. Но со стороны Калужской шло уже наступление значительных сил большевиков, поставившее Кубанский отряд в критическое положение. 11-го произошел бой, в котором утомленные несколькими днями маршей и бессонными ночами войска Покровского напрягали последние усилия, чтобы сломить упорство врага. Участь боя, которым руководил командир Кубанского стрелкового полка подполковник Туненберг⁵⁸, не раз висела на волоске. Уже в душу многих участников закрадывалось отчаяние, и гибель казалась неизбежной. Уже введены были в дело все силы, пошли вперед вооруженные наспех обозные, старики, «радяне» (члены Рады. — А.Д.) — подобие нашего «психологического подкрепления»... Артиллерия противника гремела не смолкая, цепи его подошлись совсем близко... Но вот Кубанский полк собрался с духом, поднялся и бросился в атаку. Большевики дрогнули, повернули назад и, преследуемые черкесской конницей, понеся большие потери, отхлынули в Калужскую.

На другой день была взята Калужская, и Кубанский отряд расположился наконец со спокойным сердцем на отдых.

14-го состоялось в ауле Шенджий свидание с Покровским. В комнату Корнилова, где, кроме хозяина, собрались генералы Алексеев, Эрдели, Романовский и я, вошел молодой человек в черкеске с генеральскими погонами — стройный, подтянутый, с каким-то холодным, металлическим выражением глаз, по-видимому несколько смущенный своим новым чином, аудиторией и предстоящим разговором. Он произнес краткое приветствие от имени кубанской власти и отряда. Корнилов ответил просто и сдержанно. Познакомились с составом и состоянием отряда, его деятельностью и перешли к самому важному вопросу о соединении.

Корнилов поставил его с исчерпывающей ясностью: полное подчинение командующему и влитие кубанских войск в состав Добровольческой армии.

Покровский скромно, но настойчиво оппонировал: кубанские власти желают иметь свою собственную армию, что соответствует кон-

ституции края; кубанские добровольцы сроднились со своими частями, привыкли к своим начальникам, и всякие перемены могут вызвать брожение в войсках. Он предлагал сохранение самостоятельного Кубанского отряда и оперативное подчинение его генералу Корнилову.

Алексеев вспыхнул:

→ Полноте, полковник... Извините, не знаю, как вас и величать. Войска тут ни при чем — мы знаем хорошо, как относятся они к этому вопросу. Просто вам не хочется поступиться своим самолюбием.

Корнилов сказал внушительно и резко:

— Одна армия и один командующий. Иного положения я не допускаю. Так и передайте своему правительству.

Хотя вопрос и остался открытым, но стратегическая обстановка не допускала промедления. И потому условились, что на другой день, 15-го, наш обоз перейдет в Калужскую, где и останется временно вместе с кубанским под небольшим прикрытием. Войска же Добровольческой армии и Кубанского отряда в тот же день одновременным ударом захватят станицу Ново-Дмитриевскую, занятую крупными силами большевиков, и там фактически соединятся. Небольшой конный отряд должен был произвести демонстрацию на Эйнем.

* * *

15 марта — «Ледяной поход» — слава Маркова и Офицерского полка, гордость Добровольческой армии и одно из наиболее ярких воспоминаний каждого первопоходника о минувших днях: не то были, не то сказки.

Всю ночь накануне лил дождь, не прекратившийся и утром. Армия шла по сплошным пространствам воды и жидкой грязи, по дорогам и без дорог — заплывших и пропадавших в густом тумане, стлавшемся над землею. Холодная вода пропитывала насквозь все платье, текла острыми, пронизывающими струйками за воротник. Люди шли медленно, вздрагивая от холода и тяжело волоча ноги в разбухших, налитых водою сапогах. К полудню пошли густые хлопья липкого снега, и подул ветер. Застывает глаза, нос, уши, захватывает дыхание, и лицо колет, словно острыми иглами.

Впереди перестрелка: не доходя 2—3 верст до Ново-Дмитриевской — речка, противоположный берег которой занят аванпостами большевиков. Их отбросили огнем наши передовые части, но мост оказался не то снесенным вздувшейся и бурной речкой, не то испорченным противником. Послали конных искать броды.

Колонна сгрудилась к берегу. Две-три хаты небольшого хуторка манили дымками своих труб. Я слез с лошади и с большим трудом пробрался в избу сквозь сплошное месиво человеческих тел. Живая стена больно сжимала со всех сторон; в избе стоял густой туман от дыхания сотни людей и испарений промокшей одежды, носился тошнотный, едкий запах прелой шинельной шерсти и сапог. Но по всему телу разливалась какая-то живительная теплота, отходили окоченевшие члены, было приятно и дремотно.

А снаружи ломались в окна, в двери новые толпы.

— Дайте погреться другим, совести у вас нету.

Переправу искали долго. Корнилов разослал и всех конвойных офицеров. Всадники шли по подернувшему реку у берега тонкому слою льда, проваливались и иногда вместе с конем погружались в ледяную воду. Наконец марковские конные разведчики перешли реку вброд у снесенного моста. Тотчас же мелькнула белая папаха Маркова, и с того берега донесся его громкий голос:

— Всех коней к мосту, полк переправлять верхом и на крупах.

Началась томительно долгая переправа: глубина — в полкорпуса лошади, одновременно проходило не более двух; потом в поводу поворачивали коней обратно за новой очередью пехоты. Попробовали провезти орудие. Лошади шарахнулись, запутались в построюках, повалились вместе с ездowymi в воду и опрокинули пушку. Новая задержка. А в это время переправу начала громить неприятельская артиллерия. Одна за другой ложатся гранаты по снежному полю, падают в реку, вздымая высокие столбы пенящихся брызг. Вот одна упала прямо в костер, разведенный на берегу среди гревшейся толпы добровольцев, разметала, побила, переранила людей.

Между тем погода вновь переменилась: неожиданно грянул мороз, ветер усилился, началась снежная пурга. Люди и лошади быстро обросли ледяной корой. Казалось, все промерзло до самых костей; покоробившаяся, будто деревянная одежда сковала тело: трудно повернуть голову, трудно поднять ногу в стремя.

Уже вечерет — пурга заглушает шум ружейной стрельбы. Не слышно, что делается впереди. Возле дороги, ведущей от переправы к Ново-Дмитриевской, в поле — брошенные орудия и повозки, безнадежно застрявшие в расплывшейся пахоте, подернутой сверху тонкой коркой льда. По дороге тянется вереница людей. Словно тени. Местами тут же на дороге лежит неподвижное тело.

— Раненый?

Долго молчит. Потом отрицательно качает головой.

— Вы подбодритесь, деревня близко, пропадете ведь здесь, в поле...

Идут и не обращают уже никакого внимания на свист пуль, которыми посыпают дорогу застрявшие где-то в стороне, в темнеющей роще, большевики. Проехал Корнилов с одним только штабом — конвой почти весь переправляет пехоту. Стемнело окончательно.

Марков, развернув против станицы Офицерский полк, оказался с ним в полном одиночестве. Покровский, который должен был атаковать станицу с юга, не подошел — счел невозможным двигать по такой дороге и в такую погоду свой отряд. Это обстоятельство спасло большевиков от окружения и стоило нам потом двух лишних боев и лишней крови. Коннице, направленной в охват вправо, не удалось перейти речку, и к ночи она вернулась к общей переправе. Батарея с поврежденными механизмами орудий застряла в поле. В пятом часу только еще начинала переходить вброд голова Партизанского полка — переправа его протянется, очевидно, до ночи...

Марков решил:

— Ну вот что. Ждать некого. В такую ночь без крыш тут все подохнем в поле. Идем в станицу!

И бросился с полком под убийственный огонь мгновенно затрепавших со всех сторон ружей и пулеметов.

Полузамерзшие, держа в онемевших руках винтовки, падая и проваливаясь в густом месиве грязи, снега и льда, офицеры бежали к станице, ворвались в нее и перемешались в рукопашной схватке с большевиками: гнали их потом до противоположной окраины, встречаемые огнем чуть не из каждого дома, где засели и грелись не ожидавшие такой стремительной атаки и не успевшие построиться красногвардейцы резервных частей.

Когда мы подъехали к окраине станицы, Офицерского полка там уже не было. У околицы толпились артиллеристы застрявшей батареи с лошадьми, спасавшиеся от стужи и стоявшие в нерешительности: по всем темным улицам станицы шла беспорядочная стрельба. Корнилов послал ординарцев разыскать Маркова и полк, но не дождался донесения и поехал с Романовским, несколькими чинами штаба и ординарцами в обычный сборный пункт — станичное правление.

Командующий армией входил туда как раз в тот момент, когда из правления в другие двери выбегала толпа большевиков, встреченная в упор огнем...

Всю ночь шла стрельба в станице; всю ночь переправлялась армия, и весь следующий день подбирали и вытаскивали из грязи повозки обоза и артиллерию. Утром большевики атаковали Ново-Дмитриевскую, но с большим уроном были отброшены. И каждый день потом их артиллерия со стороны Григорьевской громила нашу станицу, пре-

имущественно площадь с церковью, где, как всегда, располагался Корнилов с штабом.

В тот же день, 15-го, наш обоз переходил из аула Шенджий в станицу Калужскую, куда прибыл поздно ночью. Раненые и больные весь день лежали в ледяной воде... Смерть витала над лазаретом.

* * *

Мой бронхит свалил меня окончательно. Молодой заурядный врач, променявший свою мирную профессию на беспокойную и опасную должность ординарца генерала Маркова, милейший Г.Д. Родичев⁵⁹ выслушал меня и, найдя какие-то необыкновенные шумы, смущенно сказал:

— Дело плохо, надо сбегать за доктором...

Но 17-го приехали представители Кубани на совещание по поводу соединения армий. Пришлось подняться. Предварительно беседовал с Корниловым и Романовским. Выяснилось, что части Кубанского отряда «с оказией» прислали доложить, что они подчиняются только генералу Корнилову, и если их командование и Кубанское правительство почему-либо на это не пойдут, то все они перейдут к нам самовольно. Было решено, чтобы не создавать опасных прецедентов и не подрывать принципов дисциплины, побудить кубанские власти к мирному и добровольному соглашению.

Приехали — атаман, полковник Филимонов, генерал Покровский, председатель и товарищ председателя Законодательной Рады Рябовол и Султан-Шахим-Гирей, председатель правительства Быч — люди, которым суждено было впоследствии много времени еще играть большую роль в трагических судьбах Кубани.

Начались томительно долгие нудные разговоры, в которых одна сторона вынуждена была доказывать элементарные основы военной организации, другая в противовес выдвигала такие аргументы, как «конституция суверенной Кубани», необходимость «автономной армии» как опоры правительства и т. д. Они недоговаривали еще одного своего мотива — страха перед личностью Корнилова: как бы вместе с Кубанским отрядом он не поглотил и их призрачную власть, за которую они так цепко держались. Этот страх сквозил в каждом слове. На нас после суровой, жестокой и простой обстановки похода и боя от этого совещания вновь повеяло чем-то старым, уже, казалось, похороненным, напомнившим лето 1917 года с бесконечными дебатами революционной демократии, доканчивавшей разложение армии. Зиму в Новочеркасске и Ростове — с разговорами Донского

правительства, дум и советов, подготовлявшими вступление на Дон красных войск Сиверса... А за стеною жизнь, настоящая жизнь уже напоминала о себе громким треском рвавшихся на площади и возле дома гранат.

Нелепый спор продолжался.

Корнилов заявил категорически, что он не согласен командовать «автономными» армиями и пусть в таком случае выбирают другого.

Кубанское правительство согласилось наконец на соединение армий, но устами Быча заявило, что оно устраняется от дальнейшего участия в работе и снимает с себя всякую ответственность за последствия.

Корнилов вспыхнул и, ударяя по столу пальцем с надетым на нем перстнем — его характерный жест, сказал:

— Ну нет! Вы не смеете уклоняться. Вы обязаны работать и помогать всеми средствами командующему армией.

Жизнь настойчиво возвращала совещание к суровой действительности: задрожали стены, зазвенели стекла, возле нашего дома разорвалось несколько гранат, одна забрызгала грязью окна, другая разбила ворота...

Кубанские представители попросили разрешения переговорить между собой. Мы вышли в другую комнату и, набросав там проект договора, послали его кубанцам. В окончательной редакции протокол совещания гласил:

«1. Ввиду прибытия Добровольческой армии в Кубанскую область и осуществления ею тех же задач, которые поставлены Кубанскому правительственному отряду, для объединения всех сил и средств признается необходимым переход Кубанского правительственного отряда в полное подчинение генералу Корнилову, которому предоставляется право реорганизовать отряд, как это будет признано необходимым.

2. Законодательная Рада, войсковое правительство и войсковой атаман продолжают свою деятельность, всемерно содействуя военным мероприятиям командующего армией.

3. Командующий войсками Кубанского края с его начальником штаба отзываются в состав правительства для дальнейшего формирования Кубанской армии».

Подписали: генералы Корнилов, Алексеев, Деникин, Эрдели, Романовский, полковник Филимонов, Быч, Рябовол, Султан-Шахим-Гирей.

Последние строки 3-го пункта, введенные по настоянию кубанских представителей главным образом якобы только для морального удовлетворения смещенного командующего войсками, создали впоследствии большие осложнения во взаимоотношениях между главным командованием и Кубанью.

В этот день, 17-го, после артиллерийского обстрела большевики из Григорьевской перешли опять в наступление на Ново-Дмитриевскую. Вечером проникли даже небольшими частями в самую станицу, соединившись здесь с местными иногородними. Несколько часов по улицам жужжали пули, пока, наконец, около полуночи наступление не было отбито. В ближайшие дни прибыли кубанские войска, влились в Добровольческую армию, которая после расформирования некоторых частей получила следующую организацию (Чехословацкий батальон не включался в состав бригад. — А.Д.):

1-я бригада (генерал Марков),
 Офицерский полк,
 1-й Кубанский стрелковый полк⁶⁰,
 1-я инженерная рота⁶¹,
 1-я⁶² и 4-я батареи,
 2-я бригада (генерал Богаевский),
 Корниловский ударный полк,
 Партизанский полк,
 Пластунский батальон⁶³,
 2-я инженерная рота⁶⁴,
 2-я⁶⁵, 3-я и 5-я батареи,
 Конная бригада⁶⁶ (генерал Эрдели),
 1-й конный полк⁶⁷,
 Кубанский полк⁶⁸ (вначале — дивизион),
 Черкесский полк⁶⁹,
 Конная батарея.

Общая численность армии возросла до 6 тысяч бойцов. Вместе с тем почти удвоился наш обоз.

* * *

Атака Екатеринодара решена.

В двадцатых числах бригада генерала Богаевского после кровопролитного боя захватила Григорьевскую и Смоленскую. Эрдели с конницей пошел к Елисаветинской. 24-го перед рассветом генерал Марков должен был внезапным ударом овладеть Георгие-Афипской станицей и станцией, где был центр закубанских отрядов, гарнизон свыше 5 тысяч человек с артиллерией и бронепоездами и склад боевых припасов.

Неожиданным нападение не вышло: выступление почему-то сильно замешкалось, и, когда голова колонны была в расстоянии менее версты от станицы, как-то сразу рассвело. Большевики увидели перед

собою на ровном открытом поле не успевшую развернуться компактную массу пехоты, артиллерии, конных и после минутного замешательства открыли по ней убийственный огонь, в котором принял участие и показавшийся за поворотом бронированный поезд. Корнилов со штабом в это время обгонял колонну и едва успел отъехать в сторону. Ружейной пулей ранило в ногу навывлет генерала Романовского, который, однако, остался с Корниловым. По всему полю заметались люди, орудия... По счастью, впереди по заливным лугам проходила высокая насыпь железной дороги, и Марков успел развернуть и скрыть за ней свои части.

В таком положении колонне Маркова пришлось простоять несколько часов. Впереди — окраина станицы, опоясанная протекавшей в совершенно отвесных берегах речкой Шелш с единственным через нее мостом.

Наступление замерло.

Корнилов послал приказание бригаде Богаевского ускорить движение от Смоленской в глубокий обход Георгие-Афипской с запада. Сам переехал на это направление.

Во второй половине дня корниловцы и партизаны, прорезав железную дорогу, вышли в тыл большевикам и после краткого горячего боя ворвались в станицу и на станцию. С востока вошел и Марков. Началось истребление метавшихся по всей станице остатков большевиков, не успевших прорваться к Екатеринодару. На станции, в числе прочей добычи, нашли и драгоценные для нас снаряды — до 700 штук.

Полки, как всегда, соперничали в доблести, не омраченной ревнивым чувством. Когда Корнилов благодарил командира Партизанского полка генерала Казановича⁷⁰ за взятие станицы, он ответил:

— Никак нет, Ваше Высокопревосходительство. Всем успехом мы обязаны Митрофану Осиповичу (подполковник Неженцев, командир Корниловского полка. — А.Д.) и его полку...

25 марта подтянулся обоз, и пополудни армия двинулась дальше на северо-запад, подорвав железнодорожный мост и выслав отряд для демонстрации против Екатеринодара. Шли вначале вдоль полотна. Скоро, однако, приостановились: подъехал бронированный поезд и эшелон большевиков, с которым наш авангард вел бой до темноты. Колонна свернула в сторону и продолжала путь уже темной ночью. Опять без дорог, сбиваясь и путаясь среди сплошного моря воды, залившей луга и дороги, скрывшей канавы, ямы, обрывы, в которые проваливались люди и повозки. Ночь казалась такой бесконечно долгой и таким желанным — рассвет...

Пройдя 32 версты, колонна остановилась в ауле Панахес, откуда после небольшого отдыха 2-я бригада генерала Богаевского двинулась дальше, к Елисаветинской переправе, находившейся в десяти верстах и уже захваченной Эрдели.

* * *

К 27 марта на правом берегу Кубани была уже конница Эрдели и 2-я бригада Богаевского. Бригада Маркова прикрывала обоз.

Утром 28-го Богаевский двинулся на Екатеринодар. Партизанскому полку приказано было атаковать западную окраину города, Корниловскому — Черноморский вокзал (севернее города). Еще левее шла конница Эрдели в охват города с севера и северо-востока; она должна была преградить большевикам пути по Черноморской и Владикавказской железным дорогам и поднять казаков станицы Пашковской.

Корниловцы, не получив почему-то своевременно приказа, задержались, и Казанович — этот несравненный таран для лобовых ударов — атаковал ферму и прилегающие хутора один и после горячего боя взял их. Ненадолго — большевики подвели крупные резервы, при содействии сильного артиллерийского огня перешли в контратаку и вновь овладели фермой. Но слева подходили уже корниловцы, опрокидывая большевиков; кубанские пластуны полковника Улагая поддержали партизан и вместе с ними снова ворвались на ферму, закрепив ее за нами окончательно. В этот день пало много храбрых; в числе других ранены генерал Казанович, полковник Улагай⁷¹, партизан есаул Лазарев...

Перед вечером получено было донесение, что войска правого крыла под начальством полковника Писарева⁷² (партизаны, пластуны и подошедший батальон Кубанского стрелкового полка) после жестокого боя овладели предместьем города с кожевенным заводом и идут дальше.

Утром 29-го нас разбудил треск неприятельских снарядов, в большом числе рвавшихся в районе фермы. В течение трех дней с тех пор батареи большевиков перекрестным огнем осыпали ферму и рошу. Расположение штаба становилось тем более рискованным, что ферма стояла у скрещения дорог — большой и береговой, по которым все время сновали люди и повозки, поддерживавшие сообщение с боевой линией. Но вблизи жилья не было, а Корнилов не хотел отдаляться от войск. Романовский указал командующему на безрассудность подвергаться такой опасности, но, видимо, не очень настойчиво, больше по обязанности, так как и сам лично относился ко всякой опасности с полнейшим равнодушием.

И штаб остался на ферме.

За ночь, оказалось, боевая линия не продвинулась. Писарев дошел до ручья, отделявшего от предместья артиллерийские казармы, обнесенные кругом земляным валом, представлявшим прекрасное оборонительное сооружение, и дальше продвинуться не мог. Атаки повторены были и ночью, и под утро не оставившим строя раненым Казановичем, вызвали лишь тяжелые потери (ранен был и полковник Писарев), но успехом не увенчались. Казанович предпринимал более «солидную» артиллерийскую подготовку. На нашем языке это означало лишних 15—20 снарядов...

Неженцев оставался в прежнем положении, встретив упорное сопротивление и будучи не в силах преодолеть жестокий огонь противника. Корниловский полк, ослабленный сильно предшествовавшими боями, таял. В его ряды на пополнение влили две-три сотни мобилизованных кубанских казаков, по большей части не обученных, которые, попадая сразу в самое пекло оглушительного боя, терялись и нервничали. Неженцев страдал за полк, ставил на чашу весов последнюю гирию — свое моральное обаяние, и второй день уже безотлучно сидел возле цепей на кургане, вокруг которого неустанно сыпались пули и рвали в клочья человеческое тело вражеские гранаты.

Только у Эрдели дело шло, по-видимому, успешно: конница его заняла Сады (северное предместье Екатеринодара со сплошными садами. — А.Д.), пересекла железную дорогу и направилась к Пашковской.

Ввиду сосредоточения всей бригады Маркова решено было разобрать перемешанные части и вечером в 5 часов повторить атаку всем фронтом: Маркову — на артиллерийские казармы, Богаевскому — против Черноморского вокзала.

Батарея полковника Третьякова редким огнем подготавливает штурм казарм. Цепи наши лежат словно выросшие в землю; нельзя поднять головы, чтобы тотчас же не задела одна из тысяч летящих кругом пуль. В глубокой канаве — Марков с Тимановским, штабом (три человека) и командой разведчиков. Он ходит нервными шагами, нетерпеливо ждет начала атаки. Приказ отдан, но части медлят...

— Ну, видимо, без нас дело не обойдется.

Вскочил на насыпь и бросился к цепям.

— Друзья, в атаку, вперед!

Ожило поле, поднялись добровольцы, и все живое бросилось к смертоносному валу — храбрые и робкие, падая, подымаясь, оставляя за собою на взрыхленном снарядами поле, на камнях мостовой судорожно подергивавшиеся и мертвенно неподвижные тела...

Артиллерийские казармы взяты. Когда известие об этом дошло до левого фланга, Неженцев отдал приказ атаковать. Со своего кургана, на котором Бог хранил его целые сутки, он видел, как цепь поднималась и опять залегала. Связанный незримыми нитями с теми, что лежали внизу, он чувствовал, что наступил предел человеческому дерзанию и что пришла пора пустить в дело «последний резерв». Сошел с холма, перебежал в овраг и поднял цепи:

— Корниловцы, вперед!

Голос застрял в горле. Ударил в голову пуля. Он упал. Потом поднялся, сделал несколько шагов и повалился опять, убитый наповал второй пулей.

Не стало Митрофана Осиповича Неженцева!..

Потрясенные смертью командира, потеряв раненым помощника Неженцева, полковника Индейкина, и убитым командира Партизанского батальона, капитана Курочкина, перемешанные цепи корниловцев, партизан и елисаветинских казаков схлынули обратно в овраг и окопы.

А к роковому холму подходил последний батальон резерва (2-й батальон партизан, перешедший с правого фланга. — А.Д.), и генерал Казанович с рукой на перевязи, преодолевая боль перебитого плеча, повел его в атаку. Под бешеным огнем, увлекая за собой и елисаветинцев, он опрокинул передовые цепи большевиков и уже в темноте по пятам бежавших двинулся к городу.

К ночи в штабе армии положение фронта определялось следующим образом. Бригада Маркова закрепляется в районе артиллерийских казарм. С партизанами Казановича связь потеряна, и о судьбе их ничего не известно. Корниловский полк, весьма расстроенный, занимает прежние позиции. Конница Эрдели отходит к Садам.

Утром 30-го, ко всеобщему сожалению, мы узнали, что успех боя был уже почти обеспечен и только ряд роковых случайностей вырвал его из наших рук.

Шел четвертый день непрерывного боя. Противник проявлял упорство, доселе небывалое. Силы его везде, на всех участках боевой линии, разительно превышали наши. Какова их действительная численность не знали ни мы, ни, вероятно, большевистское командование. Развед. штаба определяла в боевой линии до 18 тысяч бойцов при 2—3 бронепоездах, 2—4 гаубицах и 8—10 легких орудиях. Но отряды пополнялись, сменялись, прибывали новые со всех сторон. Позднее в екатеринодарских «Известиях» мы прочли, что защита Екатеринодара обошлась большевикам в 15 тысяч человек, в том числе 10 тысяч ранеными, которыми забиты были все лазареты, все санитарные поезда, непрерывно эвакуируемые на Тихорецкую и Кавказскую.

Как бы то ни было, ясно почувствовалось, что темп атаки сильно ослабел.

В этот день генерал Корнилов собрал военный совет впервые после Ольгинской, где решалось направление движения Добровольческой армии. Я думаю, что на этот шаг побудило его не столько желание выслушать мнение начальников относительно плана военных действий, который был им предрешен, сколько надежда вселить в них убеждение в необходимости решительного штурма Екатеринодара.

Собрались в тесной комнатке Корнилова генералы Алексеев, Романовский, Марков, Богаевский, я и Кубанский атаман полковник Филимонов. Во время беседы выяснилась печальная картина положения армии.

Противник во много раз превосходит нас силами и обладает неисчислимыми запасами снарядов и патронов.

Наши войска понесли тяжелые потери, в особенности в командном составе. Части перемешаны и до крайности утомлены физически и морально четырехдневным боем. Офицерский полк еще сохранился, Кубанский стрелковый сильно потрепан, из Партизанского осталось не более 300 штыков, еще меньше в Корниловском (командиром его был назначен полковник Кутепов. — А.Д.). Замечается редкое для добровольцев явление — утечка из боевой линии в тыл. Казаки расходятся по своим станицам. Конница, по-видимому, ничего серьезного сделать не может.

Снарядов нет, патронов нет.

Число раненых в лазарете перевалило за полторы тысячи.

Настроение у всех членов совещания тяжелое. Опустили глаза. Один только Марков, склонив голову на плечо Романовского, заснул и тихо похрапывает. Кто-то толкнул его.

— Извините, ваше высокопревосходительство, разморило — двое суток не ложился...

Корнилов не старался внести успокоительную ноту в нарисованную картину общего положения и не возражал. За ночь он весь как-то осунулся, на лбу легла глубокая складка, придававшая его лицу суровое, страдальческое выражение. Глухим голосом, но резко и отчетливо он сказал:

— Положение действительно тяжелое, и я не вижу другого выхода, как взятие Екатеринодара. Поэтому я решил завтра на рассвете атаковать по всему фронту. Как ваше мнение, господа?

Все генералы, кроме Алексеева, ответили отрицательно.

Мы чувствовали, что первый порыв прошел, что настал предел человеческих сил и об Екатеринодар мы разобьемся; неудача штурма

вызовет катастрофу. Даже взятие Екатеринодара, вызвав новые большие потери, привело бы армию, еще сильную в поле, к полному распылению ее слабых частей для охраны и защиты большого города. И вместе с тем мы знали, что штурм все-таки состоится, что он решен бесповоротно.

Наступило тяжелое молчание. Его прервал Алексеев:

— Я полагаю, что лучше будет отложить штурм до послезавтра. За сутки войска несколько отдохнут, за ночь можно будет произвести перегруппировку на участке Корниловского полка, быть может, станичники подойдут еще на пополнение.

На мой взгляд, такое половинчатое решение, в сущности лишь прикрытое колебание, не сулило существенных выгод: сомнительный отдых в боевых цепях, трата последних патронов и возможность контратаки противника. Отдаляя решительный час, оно сглаживало лишь психологическую остроту данного момента. Корнилов сразу согласился:

— Итак, будем штурмовать Екатеринодар на рассвете первого апреля.

Участники совета разошлись сумрачные. Люди, близкие к Маркову, рассказывали потом, что, вернувшись в свой штаб, он сказал:

— Наденьте чистое белье, у кого есть. Будем штурмовать Екатеринодар. Екатеринодара не возьмем, а если и возьмем, то погибнем.

После совещания мы остались с Корниловым вдвоем.

— Лавр Георгиевич, почему вы так непреклонны в этом вопросе?

— Нет другого выхода, Антон Иванович. Если не возьмем Екатеринодар, то мне останется пустить себе пулю в лоб.

— Этого вы не можете сделать. Ведь тогда остались бы брошенными тысячи жизней. Отчего же нам не оторваться от Екатеринодара, чтобы действительно отдохнуть, устроиться и скомбинировать новую операцию? Ведь в случае неудачи штурма отступить нам едва ли удастся.

— Вы выведете...

* * *

В этот день, как и в предыдущие, артиллерия противника долго громила ферму, берег и рошу. Вдоль берега по дороге сновали взад и вперед люди и повозки. Шли из екатеринодарского предместья раненые — группами и поодиночке. Я сидел на берегу и вступал в разговоры с ними. Осведомленность их обыкновенно невелика — в пределах своей роты, батальона, понятие об общем положении подчас фантастическое, но о настроении частей дают представление довольно определенное: есть

усталость и сомнение, но нет уныния — значит, далеко еще не все потеряно. С левого фланга по большой дороге проходят люди более подавленные и более пессимистически определяют положение; они, кроме того, голодны и промерзли.

Неожиданная встреча: идет с беспомощно повисшей рукой — перебита кость — штабс-капитан Бетлинг⁷³. Спаситель «бердичевской группы генералов», начальник юнкерского караула в памятную ночь 27 августа. Притерпелось или пересиливает боль, но лицо веселое. Усадил его на скамейку, поговорили.

И этот храбрый офицер о штурме говорил в тот день как-то нерешительно:

— От красногвардейцев, когда идешь в атаку, просто в глазах рябит. Но это ничего. Если бы немного патронов, а главное — хоть немножко больше артиллерийского огня. Ведь казармы брали после какого-нибудь десятка гранат...

Как бы то ни было, там — в окопах, в оврагах екатеринодарских огородов, в артиллерийских казармах — люди живут своей жизнью, не отдают себе ясного отчета о грозности общего положения, страдают и слепо верят.

Верят в Корнилова.

А ведь вера творит чудеса!..

С раннего утра 31-го, как обычно, начался артиллерийский обстрел всего района фермы. Корнилова снова просили переместить штаб, но он ответил:

— Теперь уже не стоит, завтра штурм.

Перебросились с Корниловым несколькими незначительными фразами — я не чувствовал тогда, что они будут последними.

Я вышел к восточному краю усадьбы взглянуть на поле боя. Там тихо, в цепях не слышно огня, не заметно движения. Сел на берегу возле фермы. Весеннее солнце стало ярче и теплее, дышит паром земля, внизу под отвесным обрывом тихо и лениво течет Кубань. Через головы то и дело проносятся со свистом гранаты, бороздят гладь воды, вздымают столбы брызг, играющих разноцветными переливами на солнце, и отбрасывают от места падения в стороны широкие круги.

Подсели два-три офицера. Но разговор не вяжется, хочется побыть одному. В душе — тягостное чувство, навеянное вчерашней беседой с Корниловым. Нельзя допустить непоправимого... Завтра мы с Романовским, которому я передал разговор с командующим, будем неотступно возле него...

Был восьмой час. Глухой удар в роцце: разметались кони, зашевелились люди. Другой совсем рядом — сухой и резкий...

Прошло несколько минут.

— Ваше превосходительство! Генерал Корнилов...

Преодо мной стоит адъютант командующего подпоручик Долинский⁷⁴ с перекошенным лицом и от сдавившей горло судороги не может произнести больше ни слова.

Не нужно. Все понятно.

Генерал Корнилов был один в своей комнате, когда неприятельская граната пробила стену возле окна и ударилась об пол под столом, за которым он сидел. Силой взрыва его подбросило, по-видимому, кверху и ударило об печку. В момент разрыва гранаты в дверях появился Долинский, которого отшвырнуло в сторону. Когда затем Казанович и Долинский вошли первыми в комнату, она была наполнена дымом, а на полу лежал генерал Корнилов, покрытый обломками штукатурки и пылью. Он еще дышал... Кровь сочилась из небольшой ранки в виске и текла из пробитого правого бедра.

Долинский не закончил еще своей фразы, как к обрыву подошел Романовский и несколько офицеров, принесли носилки и поставили возле меня. Он лежал на них беспомощно и недвижимо с закрытыми глазами, с лицом, на котором как будто застыло выражение последних тяжелых дум и последней боли. Я наклонился к нему. Дыхание становилось все тише, тише и угасло.

Сдерживая рыдание, я приник к холодеющей руке почившего вождя...

Рок — неумолимый и беспощадный. Щадил долго жизнь человека, глядевшего сотни раз в глаза смерти. Поразил его и душу армии в часы ее наибольшего томления.

Неприятельская граната попала в дом только одна, только в комнату Корнилова, когда он был в ней, и убила только его одного. Мистический покров предвечной тайны покрыл пути и свершения неведомой воли.

Вначале смерть Главнокомандующего хотели скрыть от армии до вечера. Напрасные старания: весть разнеслась словно по внушению. Казалось, что самый воздух напоен чем-то жутким и тревожным и что там, в окопах, еще не знают, но уже чувствуют, что свершилось роковое.

Скоро узнали все. Впечатление потрясающее. Люди плакали навзрыд, говорили между собою шепотом, как будто между ними незримо присутствовал властитель их дум. В нем, как в фокусе, сосредоточилось ведь все: идея борьбы, вера в победу, надежда на спасение. И когда его не стало, в сердца храбрых начали закрадываться страх и мучительное сомнение. Ползли слухи, один другого тревожнее, о но-

вых большевистских силах, окружающих армию со всех сторон, о неизбежности плена и гибели.

— Конец всему!

В этой фразе, которая срывалась с уст не только малодушных, но и многих твердых людей, соединились все разнородные чувства и побуждения их: беспредельная горечь потери, сожаление о погибшем, казальность, деле и у иных — животный страх за свою собственную жизнь.

Корабль как будто шел ко дну, и в моральных низах армии уже зловещим шепотом говорили о том, как его покинуть.

Было или казалось только, но многие верили, что враг знал уже о роковом событии. Чудилось им за боевой линией какое-то необычайное оживление, а в атаках и передвижениях большевиков видели подтверждение своих догадок. Словно таинственные флюиды перенесли дыхание нашей скорби в окопы врагов, вызвав в них злорадство и смелость.

* * *

«В тот же день 2 апреля, — говорится в описании «Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков»⁷⁵, — Добровольческая армия оставила колонию Гначбау, а уже на следующее утро, 3 апреля, появились большевики в предшествии разъездов Темрюкского полка. Большевики первым делом бросились искать якобы «зарытые кадетами кассы и драгоценности». При этих розысках они натолкнулись на свежие могилы. Оба трупа были выкопаны, и тут же большевики, увидев на одном из трупов погоны полного генерала, решили, что это генерал Корнилов. Общей уверенности не могла поколебать оставшаяся в Гначбау по нездоровью сестра милосердия Добровольческой армии, которая, по предъявлении ей большевиками трупа для опознания, хотя и признала в нем генерала Корнилова, но стала уверять, что это не он. Труп полковника Неженцева был обратно зарыт в могилу, а тело генерала Корнилова, в одной рубашке, покрытое брезентом, повезли в Екатеринодар...

В городе повозка эта въехала во двор гостиницы Губкина на Соборной площади, где проживали главари советской власти Сорокин, Золотарев, Чистов, Чуприн и другие. Двор был переполнен красноармейцами — ругали генерала Корнилова. Отдельные увещания из толпы не тревожить умершего человека, ставшего уже безвредным, не помогли — настроение большевистской толпы повышалось. Через некоторое время красноармейцы вывели на своих руках повозку на улицу. С повозки тело было сброшено на панель. Один из представи-

телей советской власти Золотарев появился пьяный на балконе и, едва держась на ногах, стал хвастаться перед толпой, что это его отряд привез тело Корнилова. Но в то же время Сорокин оспаривал у Золотарева честь привоза Корнилова, утверждая, что труп привезен не отрядом Золотарева, а темрюкцами. Появились фотографии; с покойника были сделаны снимки, после чего тут же проявленные карточки стали бойко ходить по рукам. С трупа была сорвана последняя рубашка, которая раздиралась на части и обрывки разбрасывались кругом. Несколько человек оказались на дереве и стали поднимать труп. Но веревка оборвалась, и тело упало на мостовую. Толпа все прибывала, волновалась и шумела...

После речи с балкона стали кричать, что труп надо разорвать на клочки. Наконец отдан был приказ увезти труп за город и сжечь его. Труп был уже неузнаваем: он представлял из себя бесформенную массу, обезображенную ударами шашек, бросанием на землю. Тело было привезено на городские бойни, где, обложив соломой, стали жечь в присутствии высших представителей большевистской власти, прибывших на это зрелище на автомобилях...

В один день не удалось закончить этой работы: на следующий день продолжали жечь жалкие останки; жгли и растаптывали ногами и потом опять жгли...

Через несколько дней после расправы с трупом по городу двигалась какая-то шутовская ряженая процессия, ее сопровождала толпа народа. Это должно было изображать «похороны Корнилова». Остановившись у подъездов, ряженые звонили и требовали денег «на помин души Корнилова».

* * *

Жизнь шла своим чередом, не позволяла предаваться унынию и от горестных мыслей о тяжелой утрате возвращала к суровой действительности.

В тот момент, когда от берега Кубани понесли носилки с прахом командующего, его начальник штаба обратился ко мне:

— Вы примете командование армией?

— Да.

Не было ни минуты колебания. Официально по званию «помощника командующего армией» мне надлежало заменить убитого. Морально я не имел права уклониться от тяжелой ноши, выпавшей на мою долю в ту минуту, когда армии грозила гибель. Но только временно — здесь, на поле боя...

Поэтому, когда мне дали на подпись краткое сообщение о событии, адресованное в Елисаветинскую генералу Алексееву, с приглашением прибыть на ферму, я придал записке форму рапорта, предпослав фразу: «Доношу, что...» Этим я признавал за Алексеевым естественное право его на возглавление организации и, следовательно, на назначение постоянного заместителя павшему командующему.

Штаб перешел в конец рожи, где расположился на перекрестке дорог, под открытым небом, в ожидании генерала Алексеева и Кубанского атамана полковника Филимонова.

Приехал Алексеев и обратился ко мне:

— Ну, Антон Иванович, принимайте тяжелое наследство. Помогите вам Бог!

Мы обменялись крепким рукопожатием.

Вместе с Романовским Алексеев обсуждал проект приказа, причем оба остановились в нерешительности на одной технической детали: неписаная конституция добровольческой власти не знала иного определения ее, как термином «командующий армией». От чьего же имени отдавать приказ, как официально определить положение Алексеева? Романовский разрешил вопрос просто:

— Подпишите «генерал от инфантерии»... и больше ничего. Армия знает, кто такой генерал Алексеев.

Приказ гласил:

«§1

Неприятельским снарядом, попавшим в штаб армии, в 7 ч. 30 м. 31 сего марта убит генерал Корнилов.

Пал смертью храбрых человек, любивший Россию больше себя и не могший перенести ее позора.

Все дела покойного свидетельствуют, с какой непоколебимой настойчивостью, энергией и верой в успех дела отдался он на служение Родине.

Бегство из неприятельского плена, августовское выступление, Быхов и выход из него, вступление в ряды Добровольческой армии и славное командование ею известны всем нам.

Велика потеря наша, но пусть не смутятся тревогой наши сердца и пусть не ослабнет воля к дальнейшей борьбе. Каждому продолжать исполнение своего долга, памятуя, что все мы несем свою лепту на алтарь Отечества.

Вечная память Лавру Георгиевичу Корнилову, нашему незабвенному вождю и лучшему гражданину Родины. Мир праху его!

§2

В командование армией вступить генералу Деникину».

* * *

В темную ночь армия уходила от Екатеринодара в неизвестное.

На походе я узнал, что из станицы Елисаветинской не удалось вывести всех раненых. Начальник обоза доложил, что окрестности были уже заняты противником, перевозочных средств одной Елисаветинской не хватало, и пришлось оставить в ней 64 тяжело раненных⁷⁶ из числа безнадежных и тех, которые, безусловно, не в состоянии были бы вынести предстоящие форсированные марши. С ранеными оставлены врач, сестра и денежные средства.

2 апреля нам предстояло прорваться через линию Черноморской железной дороги — я наметил для этого станцию Медведовскую. Обозы были готовы с утра, и выступление предположено с таким расчетом, чтобы подойти к железной дороге в темноте. Но около полудня неожиданно со стороны Ново-Величковской обнаружилось наступление крупного отряда большевиков, и скоро колония с ее скученным добровольческим населением подверглась жестокому обстрелу десятка орудий; в то же время большевистская пехота начала охватывать нас с востока, стремясь запереть в излучине реки.

При таких условиях о скрытности движения и перехода через железную дорогу не могло быть и речи. И я решился на крайнее средство — отсидеться в Гначбау до темноты, с тем чтобы под покровом ночи скрыть свой марш и от гначбауского, и от медведовского противника. Обоз приказал сократить до минимума: изъять все лишние войсковые повозки, бросить лишние орудия, унести затворы, испортив лафеты, так как для оставшихся 30 снарядов достаточно было и четырех орудий; беженцам оставить по повозке на 6 человек, остальные порубить. В голову обоза поставить лазарет.

Части 2-й бригады выдвинулись за окраину, залегли и приостановили наступление противника. Но артиллерийский обстрел колонии продолжался с исключительной силой.

Этот день останется в памяти первопоходников навсегда. В первый раз за три войны мне пришлось увидеть панику. Когда люди, прижатые к реке и потерявшие надежду на спасение, теряли всякий критерий реальной обстановки и находились во власти самых нелепых, самых фантастических слухов. Когда обнажались худшие инстинкты, эгоизм, недоверие и подозрительность друг к другу, к начальству, одной части к другой. Главным образом в многолюдном населении обоза. В войсковых частях было лучше, но и там создавалось очень нервное настроение. Вероятно, среди малодушного элемента шли разные разговоры, потому что в продолжении пяти-шести часов в штаб

приходили вести одна другой тревожнее. Получаю, например, донесение, что один из полка конницы решил отделиться от армии и прорываться отдельно... Что организуется много конных партий, предполагающих расплыться... Входит бледный ротмистр Шапрон⁷⁷, адъютант Алексеева, и трагическим шепотом докладывает, что в двух полках решили спасаться ценою выдачи большевикам старших начальников и добровольческой казны... Предусмотрено какое-то участие в этом деле Баткина... Что сводный офицерский эскадрон прибыл добровольно для охраны генерала Алексеева. От всякой охраны лично я отказался, но много позднее узнал, что тревожные слухи дошли до штаба 1-й бригады и полковник Тимановский (начальник штаба у Маркова. — А.Д.) придвинул незаметно к штабу армии «на всякий случай» офицерскую часть.

Люди теряли самообладание, и надо было спасать их помимо их собственной воли. Мы с Иваном Павловичем, который сохранял, как всегда, невозмутимое спокойствие, успокаивали волнующихся, спорили с сановными беженцами, добивавшимися права следовать чуть ли не с авангардом, и ждали с нетерпением наступления все примиряющих сумерек. Часовая стрелка в этот день, как всегда в таких случаях, передвигалась с необычайной медленностью...

Перед самым закатом приказал начать движение колонны на север, по Старо-Величковской дороге. Движение замечено было противником, и лощину, где проходит дорога, большевики начали обстреливать ураганным огнем. Но уже спускалась ночь, огонь стал беспорядочнее, голова колонны круто свернула вправо и пошла на северо-восток по дороге на Медведовскую.

Вырвались!

* * *

Еще во время остановки в Ильинской пришли хорошие вести с двух сторон.

Из кубанской станицы Прочноокопской — наиболее твердой и всегда враждебно относившейся к большевизму — явились посланцы с просьбой идти к ним, в Лабинский отдел. Они рассказывали, что, невзирая на неудачу, постигшую недавно восставших, вся тайная организация, охватывающая Лабинский, Баталпашинский, частью Майкопский и Кавказский отделы, сохранилась, что оружие спрятано, закопано в землю, что, наконец, сделаны все приготовления к захвату города Армавира, где имеются в изобилии в большевистских складах оружие и боевые припасы.

В то же время до нас доносились настойчивые слухи с Дона, что казачество там встало поголовно и что даже столица донская — Новочеркасск — в руках восставших.

Армия воспрянула духом окончательно.

Обозные стратеги волновались больше всех, роптали на долгую остановку и рвались дальше — к полуоткрывшимся окнам, в которых вдруг мелькнул свет. Но военно-политическая обстановка оставалась для штаба все еще далеко не ясной. Нужно было убедиться в серьезности всех этих сведений, чтобы решить, куда идти. От этого зависела дальнейшая судьба армии.

С этой целью на Дон, в станицу Егорлыцкую, был послан с разездом полковник Генерального штаба Барцевич⁷⁸. Одновременно, по просьбе Кубанского правительства и генерала Покровского, в его распоряжение предоставлен был отряд в составе до четырех кубанских и черкесских сотен, который должен был составить ядро восставших лабинцев. Отряд стал сосредоточиваться к югу, в станице Расшеватской, в ожидании решения общего плана операции.

Барцевич выехал из Ильинской, в несколько дней сделал лихой пробег в 200 верст (туда и обратно) и вернулся в Успенскую с сотней донских казаков в восторженном настроении.

— Дон восстал. Задонские станицы ополчились поголовно, свергли советскую власть, восстановили командование и дисциплину и ведут отчаянную борьбу с большевиками. Бьют челом Добровольческой армии, просят забыть старое и поскорее прийти на помощь.

И. Какурин⁷⁹

ПЕРВЫЙ КУБАНСКИЙ ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА ПОХОД⁸⁰

Дон переживал новую драму в своей истории. В Новочеркасске остались Донской атаман генерал Назаров, правительство и войсковой Круг. Большевики, оккупировав территорию донских казаков и заняв 12 февраля Новочеркасск, умертвили независимость Дона и задушили его свободу. Этот всегда спокойный и патриархальный город захлестнула кровавая волна произвола и красного террора. Атаман генерал Назаров и до 600 донских офицеров были расстреляны, члены Круга посажены в тюрьмы, на Новочеркасск была наложена контрибуция в 5 миллионов рублей. Часть золотого запаса Государственного казначейства осталась в городе и досталась красным. В Ростове также шел красный террор и массовые расстрелы офицеров...

Пустынны и мрачны были ростовские неосвященные улицы. Вдали, на Темернике и в районе вокзала, слышны были выстрелы. Колонна двигалась на Нахичевань и дальше, на станицу Аксайскую. В арьергарде шел Первый офицерский батальон. По выходе из Нахичевани дорога стала тяжелой: местами снежные заносы преграждали путь. Этот первый переход в 25 верст для большинства юношей был чрезмерно тяжел; многие из них вышли в поход прямо из караулов, после бессонной 24-часовой службы; другие, утомленные физически, не имели возможности подкрепить свои силы перед выступлением, короче говоря, были очень голодны. Дул холодный ветер, снег скользил под ногами, тяжелая сумка и винтовка оттягивали плечи, патронташи давили грудь и не давали свободно вздохнуть, а идти нужно было быстро, не отставая от своих. После 4-часового марша люди устали, продрогли и проголодались.

10 февраля рано утром началась переправа частей через Дон, на котором лед уже местами начал таять и трещал. Генерал Корнилов со своим конвоем, верхом, переехал Дон и, остановившись на другом берегу, пропускал проходившие части, здороваясь с ними. Проходит пехота: офицерские батальоны, Корниловский полк, Юнкерский и Студенческий батальоны, донские партизанские отряды полковника Краснянского, есаула Лазарева, чернецовцы капитана Курочкина. Самых юных солдат армии генерал благодарит за их первый такой для них тяжелый ночной переход. Орудия снимаются с передков и перекатываются руками, лошади переводятся отдельно, снаряды перевозятся на подводках. С высокого берега от Аксайской в это ясное, слегка морозное утро далеко видна бескрайная белая степь, по которой ползет бесконечная черная лента людей и повозок. Дон остался позади. На душе стало спокойнее. После полудня вся армия сосредоточилась в станице Ольгинской, расположившись на широких квартирах. Красные не преследовали армию, лишь два их самолета пролетели над колонной на большой высоте и сбросили несколько бомб, разорвавшихся в стороне от дороги. Сторожевое охранение было выставлено во все стороны, а в станицу Хомутовскую выслан сильный конный разезд.

11 февраля красные со стороны Нахичевани дали несколько орудийных выстрелов, да их небольшая конная часть атаковала партизанский отряд сотника Грекова, но была им отбита с потерей для отряда одного убитого и трех раненых. В станице Ольгинской армия оставалась четыре дня.

Всего в армии было бойцов до 4000, из коих 1200—1300 донцов, влившихся после оставления Новочеркасска мощной группой в Доб-

ровольческую армию, пополнив последнюю в станице Ольгинский и в станице Кагальницкой на треть боевого ее состава. А с двумястами ранеными и небоевым элементом — около 4500 человек, 8 орудий, 700 снарядов и десятка два пулеметов.

В отношении Партизанского полка нужно сказать еще следующее: 3 февраля 1918 года в Ростов, в штаб Добровольческой армии, выехали из Новочеркасска три офицера лейб-казака: есаул Я. Рыковский⁸¹ и подъесаулы Н. Плеве⁸² и Ф. Рыковский⁸³. Они зачислены были в донской партизанский отряд полковника Краснянского, численностью в 120 штыков, состоявший на три четверти из донских офицеров и на четверть — из юнкеров, кадет и гимназистов и разделенный на два взвода. Есаул Я. Рыковский был назначен командиром 1-го взвода, а подъесаул Плеве — его помощником. Подъесаул Ф. Рыковский, как прибывший с лошадью, был зачислен ординарцем отряда, причем вторым конным ординарцем был корнет А. Жеребков⁸⁴, внук коренного лейб-казака и сам впоследствии офицер полка. 9 февраля из Ростова, в составе Добровольческой армии, выступило четыре донских партизанских отряда, носившие названия по фамилиям их начальников: отряды Краснянского, Лазарева, Грекова и Чернецова⁸⁵. Последнего уже не было в живых, но отряд сохранил имя своего доблестного начальника. Командиром Чернецовского отряда был сподвижник Чернецова капитан Курочкин. В станице Ольгинской эти отряды были сведены в Партизанский полк, численностью в 600 штыков, под командой генерала Богаевского. Отряды стали именоваться сотнями, сохранив свои названия: 1-я сотня Краснянского, 2-я — Лазарева, 3-я — Чернецова. Отряд сотника Грекова сохранился и далее как отдельная единица, но вскоре он был расформирован и влит в воинские соединения армии.

13 февраля группа лейб-казаков, пришедших с подступов Новочеркасска в Ольгинскую, а именно: подъесаул С. Краснов⁸⁶, хорунжие Н. Ляхов⁸⁷, братья С.⁸⁸ и Г.⁸⁹ Чекуновы, подхорунжий Г. Мигулин⁹⁰ и казак Харламов, присоединились к однополчанам, состоявшим уже в Добровольческой армии. Подъесаул С. Краснов, привезший с собою пулемет, был назначен командиром пулеметного взвода и был подчинен командиру 1-го взвода есаулу Я. Рыковскому. Номерами при пулемете состояли хорунжие Н. Ляхов и братья С. и Г. Чекуновы, подхорунжий Мигулин и казак Харламов. От прибывших добровольцев узнали об обстановке в Новочеркасске и выступлении двухтысячного отряда донцов походного атамана генерал Попова, двинувшегося в Сальский округ. Кроме вышеупомянутых лейб-казаков, в состав Партизанского полка вошли следующие офицеры Войска Донского,

впоследствии офицеры лейб-гвардии Казачьего полка: хорунжие И. Какурин, И. Усачев⁹¹ и Л. Упорников⁹²; прапорщики О. Балабин⁹³, К. Солтысов⁹⁴ и В. Скалозубов⁹⁵. Получилась уже внушительная лейб-казачья группа в 16 бойцов, принявшая активное участие в походе генерала Корнилова.

При Партизанском полку был очень хороший перевязочный отряд, включенный в состав полка вместе с отрядом Чернецова, при котором он был сформирован. Этот отряд давал возможность возить своих раненых при полку. Ни один из раненых в походе партизан не был оставлен на милость красным в Елизаветинской, Гначбау и Дядьковской. Здесь будет уместно упомянуть, что в первом Кубанском походе приняла участие в качестве сестры милосердия сестра лейб-казаков братьев Рыковских, Ольга Федоровна⁹⁶, впоследствии супруга лейб-казака полковника К.Р. Поздеева⁹⁷.

12 февраля на втором заседании военного совета генерал Корнилов решил двигаться на Кубань, на Екатеринодар. В тот же день утром из Новочеркасска выступила на станицу Богаевскую Баклановская конная сотня, численностью в 50 шашек, под командой есаула Власова. В состав этой сотни вошел и автор этого очерка, впоследствии переведенный в команду офицеров-ординарцев при штабе генерала Богаевского.

13 февраля в Ольгинскую к генералу Корнилову прибыл в сопровождении своего начальника штаба походный атаман генерал Попов. Генерал Корнилов предложил ему присоединиться к Добровольческой армии, но генерал Попов отказался, мотивировав отказ настроением своего отряда, не желавшего покидать Дон, в чаянии в его степях выждать пробуждение донского казачества.

14 февраля утром подъем и выступление в дальнейший путь. Тяжело идти по густой, липкой черноземной грязи, особенно авангарду. К вечеру, пройдя 20 верст, армия втянулась в станицу Хомутовскую, куда уже раньше были высланы квартирьеры, и расположилась на ночлег.

15 февраля в прежнем порядке, по такой же тяжелой дороге, пройдя 20 верст, армия пришла вечером в станицу Кагальницкую, где и расположилась на ночлег, выставив охранение.

16 февраля во время дневки в конный дивизион полковника Глазенапа влились: донская сотня имени генерала Бакланова, под командой есаула Власова, и сотня есаула Бокова и несколько добровольцев донских казаков. После этого пополнения в дивизионе полковника Глазенапа насчитывалось около 300 шашек. В Кагальницкой армия простояла два дня, не тревожимая противником.

17 февраля армия совершила переход в 27 верст по вязкой грязи в станицу Мечетинскую. Конный дивизион полковника Глазенапа оставлен на сутки в станице Кагальницкой.

18 февраля — дневка в станице Мечетинской.

19 февраля — переход в 26 верст в последнюю донскую станицу Егорлыцкую. Конный дивизион полковника Глазенапа между Мечетинской и Егорлыцкой устроил засаду большому красному отряду, шедшему по пятам армии, и нанес ему такие тяжелые потери, что отряд красной гвардии в расстройстве повернул назад.

20 февраля — дневка. Принято окончательное решение двигаться на Кубань. Отряд походного атамана генерала Попова в это время подходил к станице Великокняжеской. За минувшие дни потеплело и дороги подсохли, что весьма радовало добровольцев.

21 февраля утром Добровольческая армия выступила из Егорлыцкой на село Лежанка Ставропольской губернии, находящееся в 22 верстах южнее. В авангарде шел Офицерский полк с батареей. Противник, увидев идущую в воде цепь, открыл по ней огонь. Генерал Марков с одной из рот атакует мост. Красные не выдерживают атаки и стремительно бегут в село, преследуемые нашим огнем. В этом бою ярко сказался недостаток у нас конницы: ни хорошей разведки, ни энергичного преследования противника не было. И в других боях мы это чувствовали.

В этот день генерал Корнилов выслал к походному атаману генералу Попову офицерский разъезд из офицеров 6-го Донского казачьего полка в 15 шашек под командой подполковника Ряснянского⁹⁸ с новым предложением о соединении с Добровольческой армией. Подполковник Ряснянский настиг отряд походного атамана в станице Великокняжеской и поручение передал, но генерал Попов вновь категорически отказался покинуть Донскую область.

22 февраля армия отдыхала в селе Лежанка, наполовину оставленном жителями. Убитые офицеры с воинскими почестями были погребены на местном кладбище. Генералы Алексеев и Корнилов проводили их до места вечного упокоения.

23 февраля утром армия выступила из Лежанки на станицу Плоскую Кубанской области. Конный дивизион полковника Глазенапа несколько раньше был выслан в направлении на селение Белая Глина Ставропольской губернии для отвлечения внимания противника от истинного направления движения главных сил. В арьергарде шел Офицерский полк с батареей. Установилась теплая погода, дорога была сухая и идти было легко. Совершив 20-верстный переход, армия остановилась на ночлег в первой кубанской станице Плоской, разместившись там по

квартирам. Сразу же всех поразила резкая противоположность тому, что было в Лежанке: станица не была оставлена жителями и казаки встретили добровольцев приветливо и радушно.

24 февраля армия двинулась дальше в западном направлении, имея в арьергарде Офицерский полк с батареей. Сделав в хуторе Ново-Ивановском двухчасовой привал, армия перешла на ночлег в станицу Незамаевскую, пройдя за день 26 верст. В Незамаевской отношении к добровольцам было радужное. Эта станица первой из кубанских станиц дала армии пополнение — две сотни добровольцев, одну пешую и одну конную. Генералы Алексеев и Корнилов почти в каждой станице держали речи на станичных сборах.

25 февраля в 6 часов утра армия выступила из станицы Незамаевской на станицу Веселую. В арьергарде шел Чехословацкий батальон. Неожиданно на него наскочило два эскадрона красной конницы, но батальон не растерялся, развернулся против неприятеля, а один из пулеметчиков своим метким огнем нанес большие потери красным и они быстро повернули обратно. Пройдя всего лишь 15 верст, армия остановилась в станице Веселой и расположилась по квартирам. Около 10 часов вечера армия двинулась дальше, имея в авангарде Офицерский полк, Юнкерский батальон, Техническую роту и батарею, под общим начальством генерала Маркова.

Предстояло ночью перейти линию Владикавказской железной дороги между важными железнодорожными узлами Тихорецкая и Сосыка. Обе станции были заняты крупными отрядами красных, между ними — курсантами бронепоезда, а на станциях стояли эшелоны, готовые к переброске в угрожаемый пункт. Поэтому нужно было перейти железную дорогу ночью и как можно скорее. Перед выступлением все были предупреждены о цели движения; запрещены разговоры, курение; приняты всевозможные меры предосторожности. Чтобы ввести противника в заблуждение, колонна двигалась сначала на запад, на станицу Павловскую, но, пройдя верст десять, у хутора Упорный авангард круто свернул на юг. Наш обоз в темноте случайно оторвался от общей колонны, подошел почти на 3 версты к станице Павловской, занятой противником, и только счастливая случайность спасла его от гибели. В полной тишине шли всю ночь. Руки немели от винтовок, ноги наливались тяжестью, глаза слипались, одолевал сон, но шли и шли безостановочно в эту холодную, сырую ночь. По пути прошли по топкой гати, и около двух часов драгоценного времени нам пришлось потерять, чтобы сделать настил для провоза орудий и обоза по этой мягкой соломенной плотине, среди зарослей камыша. Прошли мост через реку Тихонькая.

26 февраля в предрассветном сумраке авангард вошел в станицу Новолеушковскую и, не задерживаясь в ней, продолжал путь, но уже в западном направлении и, пройдя еще 5—6 верст, в ясное солнечное утро вышел на железнодорожный переезд, пропуская мимо себя армию и походный лазарет. Однако переход армией железной дороги не прошел спокойно: с севера, со стороны станции Сосыки, подошел бронепоезд красных и начал обстрел переезда. Оказалось, что линия железной дороги была подорвана слишком близко, но бронепоезд скоро отогнала наша батарея, выехав на версту вперед. Когда прошли последние части, тронулся за ними и Офицерский полк с батареей. Только ночью арьергард вошел в станицу Старолеушковскую, где армия, сделав в течение 37 часов с шестичасовым перерывом переход в 60 верст, расположилась на ночлег.

27 февраля при отличной теплой погоде и по хорошей дороге армия спокойно перешла в станицу Иркиевскую, находящуюся в 20 верстах южнее, и здесь расположилась на ночлег.

28 февраля дневка в Иркиевской прошла спокойно. Добровольцы отдохнули и, кто мог, починили сапоги и одежду. Здесь от местных жителей услышали темные слухи, что Кубанский атаман и правительство с верными ему казаками уже покинули Екатеринодар, который и занят красными.

1 марта утром армия двинулась на станицу Березанскую, находящуюся в 18 верстах южнее. В авангарде шел Корниловский полк с батареей, Офицерский полк шел в голове главных сил. В ясный солнечный день, после полудня авангард спокойно подходил к станице Березанской, но неожиданно был встречен с большого расстояния сильным ружейным и пулеметным огнем из вырытых вокруг станицы окопов. Здесь нас впервые встретили с оружием в руках кубанские казаки. Бой был краток: огонь артиллерии и быстро наступавшие цепи корниловцев и Офицерского полка заставили красных сначала одиночками, а затем и всей своей массой подняться и бежать из окопов, бросая пулеметы и винтовки. Конный дивизион обошел станицу и преследовал противника до станицы Журавской, находящейся в 12 верстах южнее, и занял ее. Офицерский полк после небольшого привала в Березанской также перешел в Журавскую, пройдя за день до 30 верст и проведя бой. Потери в бою были ничтожны. Остальные части армии остались на ночлег в Березанской.

2 марта вся армия перешла в станицу Журавскую, выделив Корниловский полк и конный дивизион полковника Гершельмана для занятия станции Выселки, находящейся в 10 верстах восточнее на линии железной дороги Тихорецкая—Екатеринодар. При подходе

Корниловского полка к Выселкам противник открыл артиллерийский огонь. Стремительной атакой батальона корниловцев, поддержанных огнем нашей батареи, станция была взята. Кроме пленных, заковали пулеметы, немного снарядов, большую партию сахара и в одном из вагонов дамское белье. Передав взятую станцию конному дивизиону полковника Гершельмана, корниловцы перешли на ночлег в хутор Малеванный, находящийся в нескольких верстах от станции Выселки. Дивизион полковника Гершельмана не выставил должной охраны и не подорвал железнодорожное полотно в сторону Тихорецкой, стоял беспечно, и этим воспользовались красные. Неожиданно подошедший бронепоезд красных выбил наших конников с потерями со станции, а подвезенная в эшелонах красная пехота и матросский отряд заняли станцию, поселок и каменное здание паровой мельницы. Создалась угроза нашему флангу. Генерал Корнилов приказал генералу Богаевскому восстановить положение и на рассвете атаковать и взять станцию и селение Выселки. Генерал Богаевский отдал распоряжение о сборе своего Партизанского полка к трем часам ночи. Ночь была темная и холодная. Разбросанные по многим хатам и сараям партизаны, только что разбуженные, немедленно же засыпали опять мертвым сном, а многих и найти было невозможно в эту темную ночь. Наконец, после больших усилий, с помощью старших офицеров удалось собрать почти весь Партизанский полк, кроме сотни есаула Лазарева, который еще не прибыл на сборный пункт. Дождаться его уже было невозможно: было уже около 4 часов утра 3 марта, и ночная тьма стала редеть. До станции было около 10 верст — три часа ходу. Двинулись...

Тихое, холодное, морозное утро. Невыспавшиеся, голодные, полусонные партизаны сумрачно шагали по дороге. В голове шла 1-я сотня полковника Краснянского и 1-й взвод лейб-казака есаула Я.Ф. Рыковского. Орудия батареи шумом колес обнаруживали наше движение. Стало уже светло, когда партизаны подходили к цели. На горизонте начали вырисовываться постройки станции и селения Выселки.

Партизаны начали разворачиваться в боевой порядок. Справа развернулись стрелковые цепи чернецовцев, слева — краснянцы и без выстрела двинулись вперед. Батарея стала на позицию и едва успела выпустить первую гранату по железной дороге станции, как там отчетливо и звонко раздался звук кавалерийской трубы, игравшей тревогу и сбор, и вслед за этим жидкие цепи партизан были встречены жестоким ружейным огнем из крайних построений и окопов и пулеметным во фланг из обширного каменного здания паровой мельницы. Открыл огонь и красный бронепоезд. В это время над горизонтом показалось солнце; его

яркие лучи били партизанам прямо в глаза, крайне затрудняя прицелку. Неприятель расстреливал партизан на выбор. Один за другим падают убитые и раненые. Легло много чернецовцев, которые вначале даже ворвались в селение, но потом вынуждены были отойти; не выдержали поредевшие цепи, подались назад и залегли. Началась перестрелка в крайне невыгодных для партизан условиях: на открытом поле, солнце в глаза; противник хорошо укрыт, а у партизан за отсутствием лопат нет никаких укрытий. А в это же время против левого фланга краснянцев появился красный пулемет с прикрытием, который жестоким огнем начал осыпать всю нашу цепь. Часть партизан повернулась к нему и завязала с ним перестрелку. В резерве осталась еще сотня есаула Лазарева, уже подошедшая в это время к полю сражения. В случае контратаки противника этих сил не хватит для ее отражения, но помощь была уже близка: сзади, по обе стороны дороги, быстрым шагом, не ложась, двигались стрелковые цепи Офицерского полка с генералом Марковым и батареей; за ними вдали — конная группа с национальным флагом, — то был генерал Корнилов со штабом. На горизонте, со стороны хутора Малеванного, быстро идет густая стрелковая цепь, заходя во фланг и тыл красным: очевидно — корниловцы. Противник растерялся и стал разбрасывать свой огонь. Есаулу Лазареву с его сотней приказано усилить краснянцев слева и атаковать противника во фланг, а боевой части перейти в атаку одновременно с Офицерским полком. Стройно повел свою сотню есаул Лазарев; офицерские роты ускорили движение на гребень. Едва поднявшись на него, они столкнулись с наступавшими густыми цепями противника. С дистанции в 50 шагов партизаны ринулись в штыки. Местами произошел короткий рукопашный бой; красные были опрокинуты. Расстояние быстро увеличивалось; офицерские и партизанские цепи, продолжая наступление, преследовали противника огнем, но, встреченные огнем многих пулеметов из построений поселка, залегли.

Тем временем красные с помощью резервов снова перешли в наступление. Блеснули клинки шашек, и лава донцов в 40 шашек с гиком бросилась в атаку на матросов; короткие залпы противника, и казаки врубались в наступавших матросов. Генерал Марков воспользовался замешательством противника и бросился бегом с цепью в атаку, поддержанную всеми остальными частями, а батареи привели к молчанию пулеметы, установленные в здании мельницы, и принудили бронепоезд уйти в сторону Тихорецкой. Генерал Корнилов в решающий момент атаки станции был с цепями.

Станция и поселок Выселки были нами взяты и противник разбит, но красные, в составе коих были матросы (около 150 человек, погиб-

ли почти все), казаки станицы Суворовской и солдаты 39-й пехотной дивизии проявили на этот раз большое упорство, известную организованность и нанесли добровольческим частям, особенно Партизанскому полку, тяжелые потери. Смертельно ранен был полковник Краснянский (на другой день он умер), убит есаул Власов, ранен есаул Лазарев; больше 80 партизан выбыло из строя, среди них убитых — почти половина, в том числе несколько мальчиков-кадет Донского корпуса. Из первого взвода есаула Я. Рыковского в 50 человек было 13 бойцов. После боя командиром краснянцев был назначен полковник Писарев. На станции был захвачен специальный поезд-мастерская для исправления железнодорожного полотна; его облили керосином и сожгли.

Стало известно об отряде кубанских добровольцев полковника Покровского; несколько дней тому назад здесь, в Выселках, эти части потерпели неудачу в бою с красными, понесли большие потери и отошли к Екатеринодару и, по словам прибывшего из Екатеринодара офицера, будто бы даже оставили Екатеринодар и двинулись на юг, в горы. Офицерский полк, техническая рота и батарея расположились на ночлег в Выселках и в близлежащей станице Суворовской. Партизанский и Корниловский полки со взятием Выселок ушли на ночлег в станицу Журавскую. Перед заходом солнца тела есаула Власова и 33 убитых партизан были преданы земле на местном кладбище. Армия шла по кубанским степям, оставляя на своем пути безымянные могилы...

4 марта на рассвете армия выступила на станицу Кореновскую, находящуюся в 15 верстах южнее. В авангарде шел Юнкерский батальон с батареей, в арьергарде — Партизанский полк с батареей. Красная армия Северного Кавказа под командованием бывшего фельдшера, кубанского казака Сорокина решила остановить движение Добровольческой армии на Екатеринодар и сосредоточила у станицы Кореновской на заранее укрепленной позиции до 10 тысяч бойцов с многочисленной артиллерией и двумя бронепоездами, то есть силы противника в четыре раза превышали боевую силу Добровольческой армии. Качественно вся эта масса была на большой высоте, хорошо руководима, упорна и активна. Меткость стрельбы красной артиллерии и двух бронепоездов была такой же, как и в офицерских батареях. Среди красных было много матросов и кубанские казаки Суворовской станицы.

Для боя развернулись все части Добровольческой армии. В обход станицы справа были двинуты Партизанский полк и Юнкерский батальон с батареей. С фронта наступали корниловцы, а на левом фланге — Офицерский полк с батареей. Задачей Офицерского полка было

взятие массивного железнодорожного моста через реку Бейсужек и затем железнодорожной станции Станичная. Бой начался с утра, и в течение дня несколько раз назревал кризис. Атаки корниловцев и Офицерского полка чередовались с контратаками красных, массами наступавших на наши редкие цепи. Положение спасают то самоотверженные пулеметчики, все перераненные, но открывавшие меткий огонь в 100 шагах от противника, то образовавшийся в другом месте прорыв затыкается «резервом» из 10—12 легко раненных юнкеров, возвращающихся после перевязки в строй. Особенно тяжелые потери наносил добровольческим частям бронепоезд красных, который так и не удалось окончательно подбить: снаряды были все израсходованы; в артиллерийском парке оставалось к концу боя всего 30 шрапнелей.

Генерал Корнилов все время находился в буфере огня. Генерал Марков, полковник Неженцев, генерал Казанович лично водили в атаку свои части. Наступил критический момент боя. Генерал Корнилов прислал генералу Богаевскому приказание атаковать станицу с запада. Обоз с сотнями раненых с уходом Партизанского полка был оставлен без прикрытия. Наконец, около 3—4 часов дня наш правый фланг, Партизанский полк и Юнкерский батальон перешли в атаку, охватывая станицу справа и выходя ей в тыл. Офицерский полк, а затем и наиболее пострадавший Корниловский поддерживают атаку, и красные бросаются назад, ища спасения в камышах реки Бейсужек и переходя ее вброд. Противник толпами бежал на станицу Станичная и левее в лесок, и только с подходом 3-й роты и после того, как по бронепоезду и станции открыла с тыла огонь и 2-я батарея, бронепоезд ушел и 3-я рота ворвалась на станицу. После отбития сильной контратаки красных последние отошли. Станица и станция были взяты.

При выходе из Кореновской на дорогу, ведущую в станицу Усть-Лабинскую, генерал Богаевский с конвоем и ординарцами наткнулись на отходившую цепь красных, которые, увидев нас, стали втыкать винтовки штыками в землю и поднимать руки вверх. Увидя это, генерал Богаевский скомандовал: «Конница вперед!» Когда же жиденья лава в 20 всадников, в рядах которой находился и пишущий эти строки, поскакала к ним, то противник моментально выхватил винтовки и встретил лаву огнем почти в упор: к счастью, обошлось без потерь. Пришлось поспешно ретироваться и укрыться за ближайшие амбары, находящиеся на окраине станицы. Красные отошли к ближайшему леску, недалеко от железнодорожной линии. Вскоре со стороны Екатеринодара появился другой бронепоезд, сопровождаемый цепями красных. В это время станция была уже захвачена Офицерским полком, который разбирался в захваченной на станции добыче. Появление с тыла друго-

го бронепоезда грозило Офицерскому полку тяжелыми потерями и последствиями. К счастью, бронепоезд, не доходя версты до станции, остановился и, послав несколько снарядов, сам попал под огонь нашей 2-й батареи и вышедших на юго-западную окраину станицы и далее к железной дороге корниловцев и Юнкерского батальона, и бронепоезд пошел назад вместе с цепями прикрытия и исчез с горизонта. Стрельба смолкла. Наступили сумерки. Противник побежден, но не разбит, как был разбит под Лежанкой и Выселками. Он отошел, сохранив порядок, и отошел он на каких-нибудь пять верст на станицу Платнировскую. На железнодорожной станции был захвачен целый состав, в котором оказались около 600 снарядов, ружейные патроны, много пулеметов, медикаменты, белье и продовольствие. На двух платформах в двух больших котлах был приготовлен для красных борщ, который использовали Офицерский полк и шедшая с ним батарея.

В этом бою добровольцы понесли тяжелые потери, особенно корниловцы и Офицерский полк; в общем наши потери выразились в 100 убитых и до 400 раненых. Во время боя при временных отходах наших цепей было видно, как красные прикалывали штыками наших раненых; видя это, некоторые раненые, имевшие револьверы, тут же стрелялись. Это особенно озлобляло и ожесточало добровольцев, и они рвались отомстить за красный террор. За два боя у Выселок и Кореновской походный лазарет армии увеличился почти на 200 подвод, на которых разместили новых раненых. Упорство противника стоило ему огромных потерь. Тела полковника Краснянского и убитых добровольцев были преданы земле на местном кладбище. Черные кресты да насыпи братских могил без слов говорили о великом тернистом пути первопоходников. Наши потери были несколько пополнены прибывшими в армию тремя сотнями кубанских казаков из станицы Брюховецкой.

5 марта — дневка в Кореновской; от нее до Екатеринодара 70 верст. В этот день было точно выяснено, что Кубанское правитель-ство и отряд полковника Покровского с Кубанским атаманом полковником Филимоновым покинул Екатеринодар и ушел на юг за Кубань, но куда точно, не было известно. Теперь мы поняли, что обозначали виденные нами в последние ночи вспышки на горизонте, точно зарницы, и отдаленный гром днем: то уходили с боем кубанцы за Кубань. Это известие и доклад генералу Корнилову командирами полков о больших потерях и крайнем утомлении добровольцев понудили генерала Корнилова свернуть с прямого направления и идти в обход Екатеринодара на станицу Усть-Лабинскую. Цель — не Екатеринодар, а соединение с Кубанским отрядом полковника Покровского.

С утра красный бронепоезд несколько раз приближался к Кореновской и издавал ее обстреливал. В направлении на станицу Платнировскую были видны цепи красных, занимавших позиции, а далеко сзади — дымки паровозов, очевидно подвозивших подкрепления. Бой под Выселками и Кореновской и уход Кубанского отряда полковника Покровского в аулы показали, что надежды генерала Корнилова, что кубанские казаки восстанут при приближении Добровольческой армии, не оправдались.

С наступлением темноты, в полной тишине, армия, имея в авангарде Корниловский полк, Юнкерский батальон и Чехословацкий с батареей, выступила на юг на станицу Усть-Лабинскую, находящуюся в 30 верстах к юго-востоку. В арьергарде шел Партизанский полк, насчитывавший в это время в своих рядах до 400 штыков. К арьергарду присоединилась 4-я рота Офицерского полка, бывшая в охране, а также и батарея. Обойдя станицу Раздольную, колонна армии вышла на большой тракт на станицу Усть-Лабинскую.

6 марта. Армия шла спокойно всю ночь, и только рассвело, как партизанам пришлось отбиваться от преследующих армию красных сорокинцев. Генерал Корнилов избрал рискованный путь. Добровольческая армия вошла в «железный треугольник», образуемый железнодорожными линиями, соединяющими Екатеринодар, Кавказскую и Тихорецкую. Эти вершины треугольника были крупными базами противника; между ними курсировали бронепоезда. Там находились сильные гарнизоны и стояли эшелоны, готовые к переброске в угрожаемый пункт. Прямо перед армией, пересекая тракт, лежит железнодорожная линия, связывающая Екатеринодар с Кавказской. Далеко белеют дымки паровозов, спешно подвозящих и справа и слева эшелоны пехоты и артиллерии на помощь усть-лабинским большевикам. Налево — болото. Сзади насаждает Платнировский отряд сорокинцев, преследующий армию. Направо — железная дорога на Екатеринодар.

К рассвету прошли половину пути. Утро принесло неприятность: погода изменилась к худшему, подул холодный ветер, небо покрылось тучами, стал накрапывать мелкий дождь, как вдруг тишину нарушил треск ружейной пальбы. Это красные из Платнировской догнали колонну армии и стали насаждать на Партизанский полк, шедший с батареей и 4-й ротой Офицерского полка в арьергарде. Однако после решительного отпора противник стал осторожнее и не слишком напирал, но зато не давал нам покоя своей артиллерией. Перелетавшие снаряды падали и около походного лазарета. Партизаны сдерживали наседавших преследователей. Остановившись, быстро рассыпаясь в

цепь и отстреливаясь и снова собираясь в колонну, арьергард дошел до хуторов, верстах в четырех от Усть-Лабинской. Здесь партизанам пришлось остановиться и принять бой по всем правилам. Двигаться вперед уже было невозможно, так как окраина станицы, железнодорожная насыпь и каменный мост через реку Кубань были заняты крупными силами противника, занимавшего свежеврытые окопы. С ними уже вступил в бой авангард под командой генерала Маркова. Наше положение было серьезное — во что бы то ни стало мы должны были пробиться через станицу и перейти каменный мост через глубокую, с крутыми берегами реку Кубань. Сзади энергично наседали Сорокин со значительными силами. Обоз с 500 ранеными попал между двух огней. Жуткое было ожидание для несчастных раненых и всего состава обоза. Все знали, какая ужасная участь грозила им в случае победы красных. Стоять приходилось на совершенно открытом поле, где не было никаких укрытий, и лавировать между фонтанами из земли от падающих гранат. Санитарный обоз нес потери от артиллерийского огня. Положение арьергарда становилось все труднее: партизаны еле сдерживали наседающих сорокинцев.

Корниловцы, шедшие в авангарде, быстро сломали сопротивление противника, захватили каменный мост через Кубань и увлеклись преследованием противника вдоль реки, не оставив заслона в сторону железнодорожной линии на Кавказскую. И вот, когда все слабые силы добровольцев были разбросаны на значительном пространстве в разных концах станицы, внезапно появился со стороны Кавказской эшелон красных. Поезд остановился верстах в двух, красные моментально разгрузились в поле, выкатили на руках 4 орудия, установили их на позицию и повели наступление на станицу. За головным эшелоном красных подошел бронепоезд, и на площади, где остановился штаб генерала Корнилова и часть обоза, стали рваться шестидюймовые снаряды. Осколком шрапнели был убит донец сотник Козьма Хохлачев. Генерал Корнилов отдал приказ: на площади поставить батарею, Корниловскому полку возвратиться назад, а Офицерскому полку повернуть против подошедших от Кавказской. 1-я батарея в течение трех четвертей часа, пока собирались другие части, удерживала противника. Контратаками подошедших частей противник был отброшен. Батарея принудила красную батарею к молчанию и подбила неприятельский бронепоезд. Красные, понеся большие потери, поспешно погрузились в поезд и исчезли с горизонта.

Путь через станицу и переправа через Кубань со слегка испорченным мостом свободны. Спешно проходят вперед походный лазарет, а

за ним Партизанский полк с батареей. Армия еще раз выскочила из окружения, в данном случае полного.

Только ночью армия, пройдя еще 10 верст, втянулась в станицу Некрасовскую, совершив за сутки 46-верстный переход и проведя серьезный бой.

7 марта во время дневки противник обстреливал станицу Некрасовскую ружейным и артиллерийским огнем. Больше всего снарядов падало на площадь у церкви, где обычно в доме священника помещался генерал Корнилов со своим штабом. На совещании у генерала Корнилова было решено глубокой ночью с 7-го на 8 марта форсировать реку Лабу переходом вброд, так как мост через реку был испорчен красными. Начать эту операцию выпало Юнкерскому батальону.

8 марта. Красные отходили. Перепрыгивая с одной подводы на другую, поставленные рядом поперек реки, партизаны генерала Богоевского быстро перешли на противоположный берег Лабы и, перетащив батарею, энергично повели наступление на хутора, занятые красными, и сбили их. Противник отходил. Инженерная рота быстро навела мост, но для переправы артиллерии и санитарного обоза пришлось использовать слабый паром, и армия двинулась прямо на юг. Этим ясным солнечным утром вдали на горизонте были видны туманные синие горы Кавказского хребта. Мы вошли в местность, населенную вперемежку казаками, черкесами и иногородними крестьянами; последние отличались особой революционностью и ненавистью к казакам и к нам, добровольцам. Хутора мы находили почти пустыми. Население перебежало к красным, окружавшим нас, которые рассказывали всяческие ужасы о насилиях, якобы творимых нашими войсками, и население часто принимало самое деятельное участие в борьбе против нас, добровольцев. Эти хутора один за другим стали загораться. Их поджигали шедшие в авангарде кубанские казаки, мстя за их совместные с красными выступления против казаков и добровольцев. Это было жуткое зрелище. На ночлег армия остановилась в нескольких, близко один от другого расположенных хуторах Киселевских, находящихся в 20 верстах от Некрасовской. Противник находился в непосредственной близости.

9 марта. В этот день армия оказалась в наиболее тесном тактическом окружении, имея свой фронт всего лишь версты в две, а глубину своей колонны версты в четыре. Едва стало светать, колонна армии двинулась дальше на хутора Филипповские, находящиеся в 15 верстах южнее. Она вклинилась в расположение противника, в то же время преследуемая его частями из Некрасовской. Многочисленные хутора, пересеченная местность с небольшими рощами — все это

затрудняло движение армии и давало прикрытие красным, которые хорошо это использовали и обстреливали ружейным и пулеметным огнем не только строевые части, но и походный лазарет с ранеными, который двигался в центре колонны, охраняемый со всех сторон. Хутор Филипповский защищался значительными новыми силами красных, засевших в окопах по гребню перед хутором. Офицерский и Корниловский полки с фронта, а Партизанский — в обход, не останавливаясь, пошли в атаку на окопы. Особенно ожесточенный бой был у партизан, туда была направлена из резерва 4-я офицерская рота. Красные, подпустив к окопам Офицерский полк шагов на 200, когда уже можно было различать даже их лица, вдруг стремительно очистили окопы и бросились в ближайший большой Княжевский лес, где и укрылись. Во время этой атаки генерал Корнилов, как всегда, находился вблизи наших стрелковых цепей. Пули все время посвистывали вокруг. Положение походного лазарета и обоза создавалось очень опасным, но с ними был оставлен генерал Марков с батареей, которая вела огонь на все стороны. Хутор Филипповский был взят почти пустым: все жители бежали. За минувший бой Офицерский полк потерял около 50 человек; немалые потери понесли и другие части.

Армия расположилась на ночлег в этом большом хуторе, выставив сторожевое охранение. Конница продвинулась дальше и заняла село Царский Дар. Ночью со стороны Екатеринодара доносился отдаленный гул артиллерийской стрельбы, а на темном небе слабо мерцали зарницы.

10 марта. Ночь прошла беспокойно, были две тревоги; красные наступали, но были отброшены. С раннего утра противник повел наступление на хутор Филипповский с тыла, со стороны пройденных нами накануне хуторов. Армия в это время выступала из хуторов на запад, имея в авангарде Корниловский полк и Чехословацкий батальон, еще накануне занявший переправу с мостом через реку Белую. Колонна армии двинулась по дороге на станицу Рязанскую. Партизанский полк, а в составе его и взвод есаула Я. Рыковского со всеми лейб-казаками сегодня в главных силах, за походным лазаретом. Дорога в двух-трех верстах от хутора поднималась на невысокий гребень, уже занятый крупными силами противника; лес в стороне — также занят им. Едва часть походного лазарета перешла по мосту на противоположную сторону реки, как с гребня правого берега долины по нему открыл огонь противник с дистанции в 800 шагов. Корниловцы с чехословаками перешли против него в наступление и несколько оттеснили его, но удержаться не смогли вследствие огромного превосходства сил противника и стали медленно отходить, залегли, начав окапываться. В тылу, в арь-

ергарде тоже было тяжело: Юнкерский батальон, Техническая рота и конный дивизион с трудом сдерживали наседавших с тыла преследователей. Походный лазарет и обоз, сбившись в кучу и прижавшись к крутому скату правого берега долины, переживали тяжкие часы, так как снаряды красных все время падали среди них, взрывая огромные черные фонтаны земли, и разбили несколько подвод. Один снаряд разрывается вблизи экипажа генерала Алексеева и убивает его кучера-австрийца. Есть раненые и в обозе.

Несчастные раненые доходили до полного отчаяния, и многие из них уже спрашивали друг друга, не пора ли застрелиться. Положение впереди становилось все хуже. Уже начинают отходить чехословаки, расстреляв все свои патроны. К ним поскакал конвой генерала Корнилова и снабдил их патронами; чехословаки остановились, залегли; текинцы легли рядом, и цепь вновь открыла огонь. Наступление красных приостановлено. По приказанию генерала Корнилова офицеров и добровольцев, шедших с обозом и по наружному виду способных носить оружие, отводят в сторону, раздадут им винтовки и патроны, и 120 человек с полковником во главе идут к высотам.

Уже начинает колебаться Корниловский полк. Мечется из части в часть горячий полковник Неженцев, видит, что трудно устоять против подавляющей силы, и шлет к генералу Корнилову ординарца с просьбой о подкреплении. Партизанский полк выдвигается вперед и усиливает левый фланг корниловцев, но и эта помощь не изменила положение. Из арьергарда срочно вызывается и Офицерский полк и вступает в бой. Три полка переходят в массивное наступление, и фронт красных, неся большие потери, покатился назад и исчез с горизонта. Техническая рота в спешном порядке зажгла мост через реку Белую, и наступление противника с тыла остановилось на линии реки. В арьергарде находился Юнкерский батальон с батареей и конный дивизион. Весь тяжелый бой окончился во второй половине дня. Армия сворачивается в походную колонну и уже беспрепятственно движется на станицу Рязанскую.

Говорили, будто бы от Кубанского отряда полковника Покровского к генералу Корнилову прибыл разъезд для связи, — следовательно, нужно ожидать скорого с ним соединения. Прибывший разъезд сообщил, что отряд ведет бой верстах в 50 к западу от нас. С запада доносился отдаленный гул артиллерийской стрельбы.

Авангард и главные силы с походным лазаретом, под начальством генерала Маркова, прошли дальше на запад, минуя Рязанскую, на аул Габукай. В станице Рязанской на ночлег остался только штаб армии и арьергард — Партизанский полк генерала Богаевского.

Что же касается реорганизаций конницы, и в частности лейб-казачков, то произошло следующее. Еще до соединения с Кубанским отрядом полковника Покровского генерал Корнилов, ощущая большую нужду в коннице, после боя под Кореновской, где у противника было захвачено небольшое количество лошадей, приказал посадить на них в первую очередь из рядов пехоты офицеров конных полков, поручив это сделать полковнику Гершельману. Осуществилась затаенная мечта лейб-казачков: во время дневки в Рязанской они получили трофейных лошадей. Конный взвод есаула Я. Рыковского, в составе всех девяти лейб-казачков и 25 кубанских казаков Брюховецкой станицы, вошел в состав конного дивизиона полковника Гершельмана.

11 марта. Армия медленно, рывками двигалась по сильно пересеченной местности. Глинистую лесную дорогу часто пересекают ручьи и речки. Перекинутые через них шаткие мосты на высоте 5—6 саженей ненадежны. Перешли реку Пшиш. В 2 часа ночи остановились в ауле Габукай, где отдохнули 4 часа и выспались. Габукай совершенно пуст, большевики вырезали часть населения, а оставшиеся ушли в горы. Красные разграбили сакли, даже ульи разрубили топорами, чтобы достать из них мед. На рассвете колонна армии двинулась дальше, на аул Гатлукай, где сделали привал на полчаса. Перед вечером пошли в аул Понежукай и расположились на ночлег по квартирам, выставив пехотное охранение, кавалерийские заставы и выслал разъезды.

12 марта. Ночь прошла спокойно. В ауле — мир; с высоких минаретов слышатся голоса муэдзинов, призывающих правоверных к молитве. Женщины с закрытыми чадрой лицами хлопочут по хозяйству. С наступлением темноты назначено выступление на аул Вочепший. Противник выступил из Рязанской по стопам армии и подошел к аулу еще засветло. Юнкерский батальон отбил их атаку. В назначенный час, когда уже стемнело, батальон стал сниматься с позиции, и как раз в это время красные атаквали снова. Едва не погибло одно орудие 1-й батареи, сорвавшееся с шаткого мостика и вырванное контратакой батальона; противник отброшен. Моросил дождь. Пропустив Юнкерский батальон, Офицерский полк с батареей пошел в арьергарде.

13 марта шли медленно всю ночь. Около полудня отряд генерала Маркова остановился на трехчасовой привал в ауле Вочепший. Дальнейший путь. В прикрытии — техническая рота, которая ведет перестрелку с наседающим с тыла противником. Как-то внезапно на нее налетел неприятельский грузовик, вооруженный пулеметами. Рота отбилась, но понесла потери, в их числе 5 без вести пропавших офицеров. Поздней ночью, проделав за сутки до 30 верст, отряд генерала

Маркова пришел в аул Шенджий, где уже сосредоточились все остальные силы армии, и расположился на ночлег. Мы прошли в два дня около 80 верст по ужасным, размытым дождями лесным дорогам, чтобы скорее соединиться с Кубанским отрядом полковника Покровского. Для несчастных раненых это было тяжким мучением; для многих из них, при отсутствии перевязочного материала, хорошего ночлега и покоя, этот крестный путь окончился смертью.

14 марта. В ауле Шенджий произошла долгожданная встреча с генералом Покровским, прибывшим из станицы Калужской на свидание с генералом Корниловым.

15 марта из аула Шенджий рано утром выступили боевые части армии на станицу Ново-Дмитриевскую, находящуюся в 30 верстах южнее, а походный лазарет и обоз двинулись с прикрытием в другом направлении, на станицу Калужскую. Прикрывать походный лазарет пришлось конному дивизиону; другой конный дивизион получил специальное задание: произвести демонстрацию в направлении железнодорожной станции Эйнем, находящейся вблизи Екатеринодара. День был пасмурный, накрапывал мелкий, холодный дождик, низкие облака неслись, гонимые сильным, пронизывающим норд-остом. Становилось все холодней и холодней. Тщетно кутались добровольцы в свои жиденькие шинели. Дождь промочил насквозь их одежду, промокли ветхие сапоги и ноги. Так прошли половину пути. Норд-ост усиливался, его порывы сливались в сплошную бурю. Дождь превратился в ледяные иголки, больно бившие по лицу. Верхняя одежда смерзлась, покрылась тонкой ледяной корой и связывала движения рук и ног; полы шинелей ломались, как тонкое дерево. Лошади также покрылись тонкой ледяной корой и еле передвигали ноги. Добровольцы замерзли на открытых отрогах Кавказа...

Наконец вместо ледяных иголок стал падать снег. Крупные пушистые хлопья его падали гуще и гуще, и все стал затмевать степной буран. Грязное, черное поле быстро покрылось белой пеленой. С трудом можно было различать спину впереди идущего соратника. Дороги не видно. Колонна идет в белую кружащуюся мглу. В авангарде армии — Офицерский полк с батареей. Орудийные кони едва тянут орудия и зарядные ящики. Падают от изнеможения лошади, их заменяет резервными. Но при каждой остановке колеса орудий и зарядных ящиков вмерзают в землю; орудия сдвигают совместными усилиями лошадей и людей. У орудий и зарядных ящиков уже не колеса, а какие-то сплошные ледяные диски. Неимоверно тяжело идти людям. Медленно тащится колонна. Вдруг где-то очень близко впереди раздалось несколько выстрелов, заглушенных ветром. Колонна остановилась. Еще и еще...

Через несколько минут, показавшихся вечностью, к голове колонны спереди привели нескольких пленных. Это была снята красная застава, стоявшая в какой-то придорожной усадьбе; часть людей заставы погибла, а оставшиеся в живых стояли перед колонной, подведенные к генералу Корнилову. Затем конные черкесы и текинцы и пленные с генералом Марковым ушли обратно, скрывшись в пурге. Колонна двинулась. Погода снова стала меняться: стихал ветер, и снег падал густыми хлопьями, как будто стало теплее, но кругом по-прежнему не видно ни зги. Вот и придорожная усадьба, но колонна прошла мимо. Время подходило к 17 часам. Об отряде генерала Покровского сведений нет, и посланные разъезды не нашли никого, кроме неприятельских дозоров. Оказалось, что около полудня отряд генерала Покровского, испугавшись бурана, неожиданно повернула назад и к вечеру возвратился в Калужскую. Такой поступок генерала Покровского весьма разгневал генерала Корнилова, и последний через пару дней отстранил генерала Покровского от командования отрядом.

Вдруг колонна остановилась: она уперлась в реку Черную, окаймляющую станицу Ново-Дмитриевскую. Маленькая речка после дождей и снегопада набухла, вышла из берегов и превратилась в грязный, бурный поток, снесший деревянный настил моста. Таким образом, переход реки вброд стал весьма затруднительным. Генерал Марков приказывает пленным войти в воду и исследовать брод. Барахтаясь и спотыкаясь, переходят они по грудь в ледяной воде на противоположный берег.

«Посадить пехоту на круп лошадей, и марш вперед!» — командует генерал Марков. Для переправы пехоты мобилизованы все верховые, а последних было весьма мало, так как вся наша конница ушла как прикрытие походного лазарета и обоза и для производства демонстрации в направлении железнодорожной станции Эйнем. Да и каждая лошадь после 3—4 рейсов в ледяной воде выше брюха с двумя всадниками на спине решительно отказывалась от работы. Один за другим офицеры с общей помощью взбираются на круп, и всадники, преодолевая упрямство своих лошадей, переправляют пехоту на противоположный берег. Пишущий эти строки также переправил на своем коне нескольких бойцов. Офицеры не могут без посторонней помощи взобраться на круп: вся одежда их покрыта ледяной корой, стесняющей движения рук и ног. Их подсаживают и поочередно переправляют на другой берег, там они скатываются с лошадей. Спешившиеся помогают спуститься следующим. Переправа идет медленно. Попытка соорудить новый мост из бревен и плетней усадьбы не удалась: было глубоко, и бурное течение сносило все. Переправивши-

еся офицеры карабкаются на довольно крутой обледенелый берег, скользят, падают. Руки коченеют от холодной как лед винтовки. Вытянувшейся толпой идут они к еще невидимой в темноте станице, находящейся в двух верстах от моста и переправы. Генерал Марков, оставив у переправы полковника Тимановского, вскочил на коня и поскакал к станице, обгоняя людей и торопя их.

Добровольцы, вошедшие в станицу, вступили в рукопашный бой с красными, которые, надеясь на погоду, совсем не ожидали нашего прихода. Три офицерские роты распространяются по станице веером. По улицам раздавались редкие выстрелы; действовали главным образом штыки. На одной из улиц на идущих офицеров налетает красная 4-орудийная батарея. Ей кричат «Стой!», в ответ следуют выстрелы. Результат: батарея остановлена, весь ее людской состав уничтожен. Офицеры шли дальше. Где-то влево раздались глухие орудийные выстрелы. Это два орудия противника, стоявшие на позиции значительно левее направления, по которому шли в станицу части Офицерского полка, открыли огонь. Их снаряды рвались в районе переправы, и одна граната угодила прямо в костер, убив 4 и ранив 22 добровольца, гревшихся вокруг него. К счастью, стрелявшие орудия быстро прекратили огонь. Оказалось, что по этим орудиям противника открыли огонь подошедшая 4-я рота Офицерского полка и одно орудие нашей батареи. Первый выстрел — и оно остановилось в положении полного отката, и никакими усилиями его нельзя было подать вперед, замерзло масло в компрессоре. Произведенный нами орудийный выстрел был единственным за весь бой. Но видимо, и он сделал свое дело, так как орудия красных прекратили стрельбу. Генерал Корнилов со штабом въехал в станицу вместе с передовыми частями. В это время переправа частей была в полном разгаре, и не столько на крупах лошадей, сколько пешим порядком. Вслед за Офицерским полком стали немедленно переправляться Корниловский и Партизанский полки, но с переправой батареей и боевого обоза произошла задержка. Благодаря длительной остановке не только колеса орудий, зарядных ящиков и подвод вмерзли в землю, но и лошади, окончательно промерзшие, уже не были в силах сдвинуть свой груз с места. Чтобы спасти лошадей, было приказано выпрячь их и отвести в станицу, а орудия, зарядные ящики и подводы оставить на переправе до утра, до того времени, когда будет приведен в порядок мост. Всю ночь подтягивались отставшие части, располагаясь где попало на ночлег. Время приближалось к полуночи. Порыв Офицерского полка слабел. Есть предел как силам физическим, так и моральным. Пройдена и занята лишь незначительная часть станицы, но противник (установлено, что в станице Ново-Дмитриевской в это время находилась и часть сол-

дат 491-го пехотного Варнавинского полка. — И.К.) уже не оказывал никакого сопротивления. Невольная остановка перемешавшихся групп бойцов разных взводов и рот. Страдало тело от холода, от мокрой одежды и обуви. Тянуло к теплу, которое было вот тут, рядом. Группы офицеров стали заходить в дома и были уже не в силах оставить их...

Всю ночь Техническая рота и Юнкерский батальон работали на реставрировании моста. К утру вода в речке спала настолько, что открыла весь мост, что облегчило его починку. В станицу ушел Юнкерский батальон и расположился в домах на ближайшей окраине. Трудно представить себе, что перенесли за минувший день и ночь добровольцы, но сознание величия и важности дела, на которое они пошли, побороло все. В тепле, согрешившись горячим чаем, они ожили...

16 марта с рассветом вошли в станицу остальные части армии, которые провели ночь перед переправой через реку Черную в очень тяжелых условиях. Весь день ушел на сушку одежды, белья, обуви, на очищение станицы от остатков красных, даже не знавших, что станица ночью была занята добровольцами. Орудия, оставленные за мостом и вмержшие в землю, вывезли на волах. Утром генерал Марков собрал командиров рот Офицерского полка, батареи и других начальников. Офицерский полк потерял лишь 2 офицеров убитыми и 10 ранеными. Батарея потеряла 3 ранеными. Красные сосредоточили в станице до трех тысяч штыков и много орудий. С трех сторон станицы они вырыли окопы. Противник понес огромные потери убитыми. Добровольцами захвачено 8 орудий, снаряды, госпиталь и комиссары. А на позиции стояли брошенные те два орудия красных, которые ночью обстреливали переправу. Окопы были залиты водой.

Победа имела бы несравненно больший результат, если бы конница Кубанского отряда генерала Покровского выполнила данное ей задание, а не повернула бы назад, испугавшись непогоды. Штаб армии расположился в доме священника, а на площади, где-то в углу ее стояло несколько виселиц. В станице Ново-Дмитриевской мы провели целую неделю с 15-го по 23 марта, но отдых был неполный.

17 марта из станицы Калужской приехал Кубанский атаман с членами Кубанского правительства. В этот день у генерала Корнилова было совещание с Кубанским атаманом полковником Филимоновым, командующим отрядом генералом Покровским и членами Кубанского правительства. Члены правительства Кубанского края настаивали на сохранении самостоятельного Кубанского отряда. Это совещание шло в то время, когда на южной окраине станицы разгорался бой с наступавшим противником и когда в районе штаба рвались неприятельские снаряды. Это повлияло на представителей Кубанского края, и

вскоре был подписан протокол совещания. Кубанский правительственный отряд перешел в полное подчинение генералу Корнилову. Генерал Покровский остался не у дел. Наступавшие красные частично ворвались в станицу, но на улицах они были смяты и в беспорядке, уже под покровом темноты, бежали в свое исходное положение. Из Калужской же перешел и походный лазарет. От раненых и персонала мы узнали об отчаянной трагедии, пережитой ими за время похода и особенно в день 15 марта, день «Ледяного похода», из аула Шенджий в станицу Калужскую, и затем 17 марта, когда их везли из Калужской в Ново-Дмитриевскую. Пришлось трястись по непролазной грязи, испытывать боли после каждой минутной остановки от рывков уставших лошадей. Многие раненые умерли от заражения крови. В походе не могло быть хирургического вмешательства, не хватало медицинских средств, даже просто бинтов для перевязок, даже при полной жертвенности сестер милосердия, давно разорвавших на бинты запас своего белья. Все, что доставалось ими у казачек, быстро иссякло. О сестрах милосердия все говорили с необычайным восторгом и глубокой благодарностью. Немало раненых в походе покончили с жизнью самоубийством. В Ново-Дмитриевской раненые в первый раз были размещены по домам в хороших условиях и нетревожимые пробыли в них пять суток. Но и тут смерть не оставляла их. (Из донских кадет-чернецовцев следует упомянуть участников похода Сергея Воронина, впоследствии сотника л.-гв. Казачьего Его Величества полка, и Владимира Полякова, сотника л.-гв. 6-й Донской казачьей Его Величества батареи, ныне благополучно здравствующих. — И.К.)

В походном лазарете и раненые, и медицинский персонал нередко находились в сфере артиллерийского и ружейного огня противника. Много сестер в походе заплатили жизнью за свой подвиг, многие были ранены. Я упомяну лишь некоторых из убитых и раненых сестер — уроженцев Новочеркасска: убиты — Вавочка Грекова у Екатеринодара и Ольга Горшкова у Горькой Балки; ранена Домна Сулацкая и другие. Эти чудные, светлые женщины и девушки — сестры милосердия — снискали к себе всеобщую любовь и уважение как своим самоотверженным уходом за ранеными и больными, так и своею доблестью и пренебрежением к смерти. Одна из них, сестра лейб-казаков братьев Рыковских, Ольга Федоровна, в расцвете своей юности приняла участие в походе генерала Корнилова сестрой милосердия, доблестно переносила все тяготы похода и боевой страды.

18 марта утром неприятель повел наступление с двух сторон, от станицы Григорьевской и Георгие-Афипской, и снова был отбит Парти-

занским полком, корниловцами и Юнкерским батальоном. В последующие дни красные больше не наступали, и добровольцы отдохнули и привели себя в порядок, особенно нуждаясь в починке обуви. Сапоги приходилось снимать с убитых и пленных, так как купить их было невозможно, а для починки не было времени.

19 марта прибыл из Калужской Кубанский отряд и влился в Добровольческую армию. Добровольцы узнали о силе этого отряда — он почти удваивал мощностъ Добровольческой армии. В Кубанском отряде числилось до 2500 человек пехоты, 800 человек конницы, 12 орудий, 24 пулемета и одна радиостанция, а с ранеными, гражданскими лицами и обозом — до 400 человек. Таким образом, состав Добровольческой армии увеличился до 6000 бойцов, 16 орудий, около 50 пулеметов и радиостанции, а с ранеными, обозом и гражданскими лицами — до 9000 человек. В походном лазарете было до 700 человек раненых.

Когда произошло соединение с Кубанским отрядом, лейб-казаки, к обоюдной радости, увидели среди конницы генерала Эрдели кадр конвоя Его Величества, в составе которого находились полковник Рашпиль⁹⁹, есаулы Ветер¹⁰⁰ и Галушкин¹⁰¹. При встрече лейб-казаки и гвардейские кубанские казаки решают соединиться вместе. Генерал Корнилов пошел навстречу ходатайству полковника Рашпиля, и с его согласия была организована отдельная гвардейская казачья сотня под командой полковника Рашпиля в конном отряде генерала Эрдели. Состав сотни был следующий: лейб-казачий взвод есаула Я. Рыковского, 2-й взвод — офицеры и казаки конвоя Его Величества, 3-й и 4-й взводы — казаки Варшавского кубанского дивизиона — всего около 100 шашек. К сожалению, как увидим из дальнейшего, бытие этой сводной сотни оказалось кратковременным.

Во исполнение намеченного плана наступления на Екатеринодар 2-й бригаде генерала Богаевского было приказано выбить красных из станиц Григорьевской и Смоленской, откуда они могли ударить во фланг и тыл армии при ее наступлении на Георгие-Афипскую.

22 марта поздно вечером генерал Богаевский с бригадой выступил на станицу Григорьевскую, находящуюся в 10—12 верстах южнее. В авангарде шел Корниловский полк. Дорога была тяжелая: грязь по щиколотку, с кусками льда, порой лужи. Люди и лошади измучились, вытаскивая орудия, завязавшие в липкой грязи. Перед рассветом корниловцы вступили в бой. С окраины станицы, где у красных были окопы, противник встретил их жестоким ружейным и пулеметным огнем. Только ночь спасла корниловцев от огромных потерь, так как они наступали по ровному полю без всяких укрытий. Пули красных долетали

до резерва в ближайший тыл и ранили людей. На перевязочном пункте около штаба генерала Богаевского один раненый офицер был ранен вторично, а третьей пулей убит. Одна пуля попала в адъютанта командира бригады корнета Жеребкова, лежавшего на бурке рядом с генералом Богаевским, но только контузила его. Одна пуля задела коня пишущего эти строки, когда я лежал на бурке рядом с офицерами-ординарцами штаба бригады, держа лошадь рукой за чумбур. Вдруг конь сильно рванулся и помчался в ночную тьму. Только через 10 дней я нашел моего боевого друга в немецкой колонии Гначбау. Корниловцы по липкой грязи атаквали окопы противника и после упорного сопротивления, понеся большие потери, сбили его и заняли станицу. Корниловцы в этом ночном бою потеряли до 60 человек убитыми и ранеными. Противник отошел к станице Смоленской, до которой было всего около трех верст. Ввиду крайней усталости войск — тяжкого ночного перехода по липкой грязи, бессонной ночи и кровопролитного боя, — людям был дан отдых до полудня.

23 марта, отдохнув в Григорьевской, 2-я бригада в полдень перешла в наступление на Смоленскую, имея в авангарде Партизанский полк с батареей. Противник, заняв возвышенную окраину станицы, укрепился и встретил партизан жестоким ружейным и пулеметным огнем. Генерал Казанович сам был в стрелковых цепях, ободряя наступавших партизан. Только с большими усилиями и потерями удалось сломить сопротивление красных и взять станицу, в которой бригада и расположилась на ночлег, выставив охранение. Ночью генерал Богаевский получил приказание генерала Корнилова выступить с рассветом и одновременно с бригадой генерала Маркова атаковать с тыла и взять станицу Георгие-Афипскую.

24 марта с рассветом генерал Богаевский с бригадой двинулся на Георгие-Афипскую и, пройдя версты три, неожиданно попал под жестокий огонь с левого фланга. Оказалось, что пехотная колонна красных шла от станции Северной к Смоленской и, увидя нас, перешла в наступление. Меткий огонь нашей батареи и переход в атаку партизан заставили красных ретироваться. Мы продолжали путь, попали еще раз под меткий огонь артиллерии противника. Наши передовые части в отдельной усадьбе захватили десяток матросов, бывших в сторожевой заставе, и немедленно их расстреляли. Зверские подвиги матросов хорошо были известны всем, и потому этим негодьям пощады не было.

Бригаде генерала Маркова было приказано внезапным налетом перед рассветом атаковать и взять Георгие-Афипскую железнодорожную станцию и станицу, где находился центр закубанских красных отрядов. Бригаде генерала Богаевского приказано было поддержать эту

атаку обходом противника слева и в тыл, а конной бригаде генерала Эрдели, обойдя Георгие-Афипскую, стремительным ударом захватить паромную переправу через реку Кубань у станицы Елизаветинской и самую станицу. Наступление 1-й бригады почему-то задержалось, и, когда она подходила к Георгие-Афипской, проделав ночной 20-верстный переход по густой грязи и лужам в низинах, стало уже светло. До станции оставалось еще до двух верст.

Вдруг сильнейший пулеметный огонь с бронепоезда обрушился на бригаду. Огонь, открытый красными, по своей силе превышал силу любого предыдущего боя. Положение добровольцев — отчаянное. Генерал Марков приказывает батарее отогнать бронепоезд, стоящий у станции. Первый же снаряд батареи лег на насыпи под вагоном бронепоезда; второй попадает в здание, в склад снарядов, и следует сильный взрыв снарядов. Красные вдруг вскочили и бросились бежать через железнодорожную насыпь. Бронепоезд немедленно дал задний ход в сторону Екатеринодара, вслед за ранее ушедшим и не вернувшимся назад, потому что там к железной дороге подходили 5-я и 6-я офицерские роты. Мгновенно рванулись вперед цепи бригады. Цепь Офицерского полка, поднявшись на полотно правее станции, увидела далеко убежавшего противника. Оказалось, что 2-я бригада смелой атакой с тыла взяла уже западную половину станицы. Как только 2-я бригада генерала Богаевского захватила западную половину станицы и станцию, с востока ворвалась в нее и бригада генерала Маркова, пользуясь тем, что растерявшиеся красные стали метаться по станице и оставили оборону массивного моста, через который и вошла 1-я бригада. Последний взрыв пулеметного и ружейного огня был в двух верстах от станции в сторону Екатеринодара: отходивший второй бронепоезд красных, оказавшийся вооруженным лишь многочисленными пулеметами, попал под огонь 5-й роты с дистанции 200—300 шагов. Вдруг паровоз окутался густым облаком пара, и поезд вскоре остановился — бронебойные пули повредили сухопарник. Юнкера быстро атаковали, захватили поезд и уничтожили задержавшихся на нем матросов. Бой кончился. Наступала ночь...

В станицу Георгие-Афипскую вступали 2-я и 1-я бригады и сейчас же санитарный обоз из Ново-Дмитриевской, где он в тревоге оставался до конца боя за Георгие-Афипскую. Вся станица оказалась забитой пришедшей армией. Во многие дома свозили раненых. Генерал Богаевский собрал после боя на площади у железнодорожной станции свою бригаду для встречи генерала Корнилова, приехавшего благодарить ее за решительную атаку и взятие станицы. Только к вечеру все части и обоз расположились на ночлег.

В этом бою Офицерский полк понес большие потери: до 150 человек. Немалые потери понес и Кубанский стрелковый полк. Станцию и станицу оборонял отряд красных, численностью до 5000 человек с двумя бронепоездами. Среди захваченных трофеев особенную ценность имели около 700 снарядов, которые находились в соседнем со взорванным здании. Наступила ночь. Генерал Марков, взяв батальон кубанцев и роту Офицерского полка, повел их вдоль железной дороги на Екатеринодар, где и выставил сторожевое охранение на берегу реки Кубани в степи.

25 марта. Ночь прошла спокойно. После полудня штаб армии, 2-я бригада и походный лазарет выступили на аул Панахес, находящийся в 30 верстах севернее. Конная бригада генерала Эрдели с батареей была выслана еще накануне в обход Георгие-Афипской для захвата паромной переправы через Кубань у станицы Елизаветинской. Форсированным 90-верстным переходом конница генерала Эрдели, а в составе ее и лейб-казаки взвода есаула Я. Рыковского, захватили ночью переправу. 1-й бригаде было приказано остаться в Георгие-Афипской, выставить заслоны в сторону Екатеринодара и Новороссийска и взорвать железнодорожные мосты и полотно. 2-я бригада и походный лазарет сначала двигались вдоль полотна железной дороги, но потом пришлось свернуть в сторону, так как дальнейшему движению мешал своим огнем подошедший красный бронепоезд. Двинулись дальше уже ночью напрямик, без дорог. Нам пришлось идти по плавням реки Кубани, затопившей на много верст свой левый берег; пришлось почти все время идти по воде, сбиваясь с дороги, попадая в ямы и канавы. Этот переход был чрезвычайно труден. До наступления темноты идти было легче, но в темную безлунную ночь пробираться среди кустарников и попадать в глубокие протоки было мучительно. Лошади походного лазарета и обоза выбивались из сил; часть подвод даже была брошена. Стоны раненых, крики возчиков, хлюпанье грязи и воды наполняли воздух. Глубокой ночью 2-я бригада и походный лазарет вошли в аул Панахес и расположились на ночлег.

26 марта. Отдохнув несколько часов в ауле Панахес, мы прошли 10 верст дальше и утром начали переправу на пароме, который мог поднять не более 50 человек, или 16 всадников, или 4 запряженные повозки. Часть лошадей была переправлена вплавь в сопровождении лодок. С помощью еще другого парома и нескольких рыбацких лодок конница и 2-я бригада к вечеру переправились на противоположный берег и заняли без боя станицу Елизаветинскую. Жители обширной, богатой станицы встретили нас спокойно. Корниловский полк выставил сторожевое охранение в сторону Екатеринодара. В этот день утром 1-я бри-

гада оставила станицу Георгие-Афипскую и к вечеру пришла в аул Панахес, прикрывала переправу походного лазарета и обоза от возможного нападения красных с тыла. Огромным табором на левом берегу Кубани стоял лазарет и обоз. Раненые терпеливо ждали своей очереди, но в обозе с беженцами нервничали и старались попасть на паром вне очереди. У переправы генерал Марков наводил порядок. Переправа через Кубань была трудна технически и чрезвычайно смела по замыслу и выполнению. Всего нужно было переправить 9 тысяч человек, 4 тысячи лошадей и более 500 орудий, зарядных ящиков и подвод. Красные могли угрожать переправе как с тыла, со стороны Георгие-Афипской, так и с фронта от Екатеринодара в направлении на Елизаветинскую. К счастью, переправа, шедшая непрерывно днем и ночью трое суток, прошла спокойно, за исключением небольшой перестрелки 27 марта. Все же для охраны многочисленных раненых и остального обоза у переправы оставлена была вся 1-я пехотная бригада генерала Маркова; он нервничал, боялся, что Екатеринодар будет взят без него и его бригады, торопил переправу и наводил порядок в походном поселке, образовавшемся у переправы. Генерал Корнилов оставил треть своих боевых сил на другом берегу Кубани. Это было вопреки стратегическому правилу сосредоточения всех сил в кулак для нанесения сокрушительного удара, но во имя человеколюбия, ради защиты раненых и беззащитных беженцев в обозе от зверской расправы красных, могущих напасть на обоз с тыла.

27 марта. Ночь прошла спокойно. После полудня красные перешли в наступление со стороны Екатеринодара на станицу Елизаветинскую, обстреливая ее и переправу усиленным артиллерийским огнем. Генералу Богаевскому приказано отбросить противника. Красные сильно наседали на сторожевое охранение корниловцев. Уже полковник Неженцев ввел в бой весь свой полк. Ему на помощь двинулся Партизанский полк. Генерал Казанович смело повел партизан в наступление и после упорного боя у кирпичного завода, на полпути от Екатеринодара, сбил и отбросил противника до предместья города — фермы Экономического общества, в трех верстах от Екатеринодара. С наступлением темноты 2-я бригада возвратилась на ночлег в станицу, оставив на высоте кирпичного завода сторожевое охранение. Походный лазарет и обоз спокойно продолжали переправу. Этот успешный бой и дошедшие до штаба армии сведения о панике в городе и о будто бы начавшейся эвакуации красных побудили генерала Корнилова поспешить с нанесением решительного удара, и, отдав распоряжение о переброске из бригады генерала Маркова Кубанского пластунского батальона полковника Улагая, он решил на следующий день штурмо-

вать Екатеринодар. Ночью генерал Богаевский получил приказ: вместе с конницей генерала Эрдели атаковать утром и взять город.

28 марта утром 2-я бригада, усиленная кубанскими пластунами и конницей, перешла в наступление на Екатеринодар. Генерал Казанович с Партизанским полком получил приказание атаковать город с западной стороны, полковник Неженцев с корниловцами — черноморский вокзал. Генерал Эрдели с конницей должен был обойти город со стороны предместья «Сады» и атаковать его с севера. Чрезвычайно затрудняли штурм города ничтожное количество артиллерии с весьма ограниченным количеством снарядов, каменные постройки и сосредоточенные противником превосходные силы. И против таких сил у нас было не более 4000 бойцов, не считая конницы. Армия не могла ввести в бой сразу все свои силы, задержанные переправой через Кубань. Сельскохозяйственная ферма и отдельные ближайшие к ней маленькие хуторки были прочно заняты красными. Генерал Казанович с Партизанским полком и Кубанским пластунским батальоном полковника Улагая повел на них решительную атаку и к полудню выбил их, заняв ферму и продвинувшись вперед к окраине Екатеринодара. После полудня приехал на ферму генерал Корнилов со своим штабом и разместился в доме, в котором было шесть больших комнат, разделенных коридором. Одну комнату занял генерал Корнилов, в другой была устроена перевязочная, в третьей помещался телефон. Остальные комнаты были заняты чинами штаба. Генерал Богаевский со своими офицерами и ординарцами поместился около роши биваком. Корниловский полк повел наступление левее партизан на Черноморский вокзал и линию железной дороги, по которой курсировали красные бронепоезда, а конная бригада генерала Эрдели в это время совершила 100-верстный рейд в глубокий тыл противника, обойдя город со стороны предместья «Сады». Ей было приказано зайти в охват города с севера, северо-востока, взорвать железнодорожные пути по Черноморской, Тихорецкой и Владикавказской линиям. Задача эта была выполнена только частично, и гарнизон Екатеринодара непрерывно пополнялся по этим железнодорожным веткам и людьми и боеприпасами. В этом рейде участвовали все лейб-казаки взвода есаула Я. Рыковского. Во время боя 28 марта 2-я бригада понесла тяжелые потери: генерал Казанович был ранен в плечо, но остался в строю; ранены: есаул Лазарев, полковник Писарев и Улагай. Перед казармами наступление, уже в сумерках, остановилось под сильным огнем противника, занимавшего отличную позицию. Левый фланг бригады оказался загнутым назад, так как встретил упорное сопротивление из «Садов» и с линии Черноморской железной дороги, на ко-

торой курсировали бронепоезда противника. Красные прочно заняли окраины Екатеринодара, вырыли окопы и засели в них.

29 марта с утра шла непрерывная перестрелка; красные стали осыпать ферму градом снарядов. Генерал Богаевский несколько раз переменял место своего бивака. Генерал Романовский несколько раз докладывал генералу Корнилову о неудобствах управления армией при таких условиях; но генерал Корнилов его не послушал, не желая уходить далеко от войск, а помещения ближе не было. По сведениям, полученным впоследствии, красных было в это время в Екатеринодаре до 28 000 человек с 2—3 бронепоездами, 20—25 орудиями с огромным запасом снарядов и патронов. После полудня подтянулись с переправы и все части 1-й бригады генерала Маркова и влились в боевую линию. Санитарный обоз с небольшим прикрытием был оставлен в Елизаветинской.

Генерал Корнилов решил повторить в 5 часов дня атаку на Екатеринодар всем фронтом. Она удалась только на правом фланге. 1-я бригада генерала Маркова после упорного боя овладела артиллерийскими казармами и начала закрепляться там. Атака артиллерийских казарм стоила Офицерскому полку огромных потерь — до 200 человек. А на левом фланге 2-я бригада, понесла тяжелые потери, не могла сбить противника и отошла на свои позиции. Убиты были командир Корниловского полка полковник Неженцев и его заместитель, в командование полком вступил полковник Кутепов. Убит командир 1-го батальона Партизанского полка, сподвижник Чернецова, капитан Курочкин. Конная бригада генерала Эрдели, совершив рейд в тыл противника, отходила к «Садам». В ночь на 30 марта генералу Казановичу со вторым батальоном партизан, численностью в 250 штыков при двух пулеметах, удалось прорваться в город, и он дошел до Сенной площади, но, не поддержанный соседями, оказался отрезанным красными, занявшими западную окраину города со стороны Черноморского вокзала, и на обратном пути ему пришлось пробиваться через линию красных в свое исходное положение. К утру 30 марта в боевом составе армии осталось во 2-й бригаде в обоих полках едва по 300 штыков, а в 1-й бригаде всего около 1200 штыков. Конница хотя и сохранилась, но не могла оказать существенной помощи. Везде противник оказывал упорное сопротивление и вводил в бой свежие силы. Их огонь не ослабевал.

30 марта. День прошел в перестрелке. Противник обстрелял наши позиции огнем ружейным, пулеметным, артиллерийским и бронепоездами в районе «Садов». Добровольческая армия в боях предыдущих двух дней понесла тяжкие потери. В лазаретах в Елизаветинской на-

ходилось 1500 раненых (четверть всего боевого состава армии). Ощущался острый недостаток в снарядах и патронах. За три дня 28, 29 и 30 марта удалось овладеть лишь частью предместья города, фермой, кирпичным и кожевенным заводами и артиллерийскими казармами.

Вечером в доме фермы состоялся военный совет, на котором, кроме генерала Корнилова, приняли участие генералы Алексеев, Деникин, Романовский, Марков, Богаевский и Кубанский атаман полковник Филимонов. Несмотря на понесенные громадные потери, особенно в командном составе, и несмотря на выяснившееся громадное численное и техническое превосходство противника, генерал Корнилов не отказывался от конечного штурма города, но, во внимание к крайнему утомлению войск, перенес его, по предложению генерала Алексева, на утро 1 апреля, но судьба не дала ему провести в жизнь свой приказ. Силы противника, в это время сосредоточенные в Екатеринодаре, нужно исчислять между 25 и 40 тысячами. В районе артиллерийских казарм наблюдается усиленная активность противника. Ночью красные атаковали артиллерийские казармы и захватили несколько крайних зданий. Генерал Марков с офицерскими ротами переходит в контратаку. Их встречает жестокий огонь, разрывы ручных гранат. Офицеры залегают, они прижаты к земле; отползают раненые, их много; многие лежат неподвижно. Продолжение атаки невозможно, кое-как по цепи передается приказание «отползай». В Офицерском полку огромные потери. В «зоне смерти» лежат убитые и десятки раненых. Подобрать их невозможно: красные стреляют из окон зданий. Рассветало... К их ружейным выстрелам присоединились орудийные, но молчит артиллерия добровольцев.

К вечеру 30 марта конница генерала Эрдели возвратилась из рейда в глубокий обход Екатеринодара и втянулась в «Сады». Там и ночевали, кто в летних домах огородников, а кто под плетнями и навесами. Выставлено сторожевое охранение.

31 марта. А вот и последний день боя под Екатеринодаром. День теплый, весенний, солнечный, но солнца не видно — сплошное облако пыли, песка, густого черного дыма висит над добровольцами. Лица черные, закопченные, на зубах песок; шум, грохот, звенит в ушах. Человеческого голоса не слышно в двух шагах. Поляна кипит взрывами снарядов. Штаб армии во все дни штурма находился на ферме в трех верстах от окраины города и все время был под артиллерийским обстрелом. С раннего утра, как обычно, начался артиллерийский обстрел фермы. Генерала Корнилова просили переменить место расположения штаба, но он ответил: «Теперь уже не стоит, завтра — штурм» — и остался в домике. Около семи с половиной часов утра несколько сна-

рядов разорвались над фермой; один из них целиком влетел в комнату, где сидел генерал Корнилов. Раздался страшный грохот и удар точно молнии, от которого задрожал весь дом. Когда бросились туда, то нашли генерала Корнилова лежащим на полу с закрытыми глазами. Кровь сочилась из небольшой ранки в виске и текла из пробитого осколком правого бедра. Он еще дышал. Его положили на носилки и вынесли на берег Кубани. На его лице застыло выражение боли. Прошло несколько томительных минут. Генерал Корнилов скончался. Советская граната лишила русскую контрреволюцию ее общепризнанного вождя. Слепой случай поставил под вопрос дальнейшую судьбу начатой генералом Корниловым вооруженной борьбы. Теряя генерала Корнилова, русская контрреволюция теряла будущего российского правителя. С арены борьбы 31 марта 1918 года сошла самая крупная и яркая фигура не признавшей большевиков России...

Сообщение о гибели генерала Корнилова потрясло всю армию. Впечатление, произведенное ею на армию, было так велико, что продолжение штурма становилось невозможным. В сердцах храбрых начали закрадываться страх и мучительное сомнение. Ползли слухи один тревожнее другого о новых неприятельских силах, окружающих армию со всех сторон, о неизбежности плена и гибели. Смерть генерала Корнилова решила участь штурма.

В командование остатками армии в этот тяжелый момент вступил генерал Деникин. Нового вождя мало кто знал, вокруг его имени не было ореола генерала Корнилова.

В это время положение армии в тактическом отношении резко ухудшилось: на участке, занимаемом конницей генерала Эрдели у «Садов», обнаружилось движение большой пехотной колонны красных, шедших друг за другом гуськом на юг, в охват левого фланга корниловцев и в тыл всей нашей линии фронта, и стремившихся отрезать армию от ее тыла — Елизаветинской, где находился лазарет с 1500 ранеными добровольцами и генерал Алексеев. Опасность полного и непоправимого уничтожения нависла над остатками армии и над массой раненых. Перед лицом такой угрозы генерал Эрдели решил бросить всю свою конницу в атаку, чтобы преградить противнику путь на юг и уничтожить его живую силу. В это время конная бригада стояла у «Садов» фронтом на восток. Полки 1-й Офицерский конный и только что сформированный полк из молодых кубанских казаков елизаветинцев и марьинцев стояли в резервных колоннах в укрытии от противника за скирдами соломы и отдельными курениями. На невысоком холмике видно было начальство: генерал Эрдели со штабом, командиры полков и их ординарцы. Но вот начальство спустилось с

холмика. От командиров полков прискакали к сотням ординарцы с приказанием: «Приготовиться к атаке в конном строю; подтянуть подпруги, осмотреть холодное оружие и выбросить лишнее барахло!» Командиры сотен в двух словах объяснили всадникам создавшееся положение. Всадники оставили свои кожанки и бурки под скирдами и в строй стали налегке. Опять команда: «По коням, садись!» — и всадники начали выравниваться. На правом фланге построился 1-й эскадрон, состоявший из офицеров регулярной кавалерии, левее его — Донская имени генерала Бакланова казачья сотня, численностью до 50 шашек, с их черным значком и эмблемой — белым черепом и скрещенными костями, еще левее Кубанская гвардейская сотня с лейб-казачьим взводом есаула Я. Рыковского, еще левее — Кубанская офицерская сотня. Левее выстроился пятисотенный Кубанский полк из молодых казаков елизаветинцев и марьинцев. Эскадрон и сотни сразу же построили двухшереножный развернутый фронт. Точно не могу сказать, куда был направлен в это время Черкесский конный полк. При этом построении Кубанская офицерская сотня высунулась из-за закрытия и со стороны красных затакали довольно редкие выстрелы и пули посвистывали над головами. До неприятеля в этот момент было шагов с тысячу. Бронепоезда с линии Черноморской железной дороги дали 2—3 орудийных выстрела, не причинившие коннице вреда, и, задымив, ушли в сторону Екатеринодара. Командир гвардейской сотни полковник Рашпиль выехал вперед на установленную дистанцию, повернулся в седле и, указывая в сторону противника, скомандовал: «Сотня, в атаку, шашки вон, рысью марш!» Блестнули клинки шашек, и сотни и эскадрон двинулись в атаку на нерасстроенную пехоту. Первое время сотня шла по твердому грунту. Всадники быстрой рысью сближались с неприятелем, и видно было, как одиночные люди и небольшие группы противника, двигавшиеся по возвышенности к югу, останавливались и поворачивали фронт на запад, против атакующих. Огонь противника был редким, но пули уже находили жертвы в рядах сотни. Пройдя рысью шагов 300—400, полковник Рашпиль перевел сотню в намет. На правом фланге вместе с гвардейской сотней шли в атаку лейб-казаки. Впереди их на белом арабе несся есаул Я. Рыковский, немного сзади на вороном жеребце подьесаул Н. Плеве, а дальше хорунжий Н. Ляхов, подхорунжий Г. Мигулин, казак Харламов и весь взвод. И только всадники перешли в намет, как вдруг очутились на вспаханном, размякшем от талого снега и дождей поле, и лошади стали сбавлять аллюр. Красные цепи открыли шквальный огонь. Всадники продолжали скакать, но уже на взмыленных, тяжело дышавших лошадях. С расстояния 400 ша-

гов красные открыли огонь залпами. Здесь уже можно было видеть, как падали лошади и валялись с них всадники. А немного впереди, еще 100—150 шагов, сотня напоролась на топкое, низинное болото; уставшие лошади с трудом, где «собачьей рысью», а где и шагом двигались вперед по этому болоту. Красные были в двух шеренгах; передняя шеренга опустилась для стрельбы с колена, а задняя стоя, и с дистанции прямого прицела атакующие были встречены залпами пехотного огня. Противник не проявлял никакой нервности, так как это была только что прибывшая с Кавказского фронта настоящая строевая часть, пополненная мобилизованными закубанскими пластунами, резко выделявшимися в цепи своими рыжими и черными мохнатыми шапками. Красные продолжали расстреливать теперь уже частым огнем. Тут, собственно, и погибла гвардейская сотня и эскадрон. Простреленный в обе ноги и грудь, падает есаул Я. Рыковский, за ним подъесаул Н. Плевел и полковник Рашпиль. Был ранен в шею хорунжий Н. Ляхов. Под ним, как и под подхорунжим Г. Мигулиным и казаком Харламовым, были убиты лошади. Ранены кубанцы подъесаулы Чигрин и Помазанов. Эскадрон потерял убитыми корнета Ветрова и прапорщика баронессу де Бодэ¹⁰². Баклановцы потеряли есаула Дронова и других. В общем, конница понесла тяжкие потери: убито 32 человека. Атака захлебнулась. Сотни были отведены назад в исходное положение. Тела погибших и раненых не было возможности вывезти. Казаки елизаветинцы и марьинцы не дошли в атаке до «Садов», а «благоразумно задержались» у разных закрытий. Так печально и трагически окончилась эта отчаянная атака. Всадники доскакали до противника и рубили его, хотя и не все. Но главное, конница выполнила данное ей задание: не дала красным выйти во фланг и тыл нашей пехоте, оставшейся без патронов и снарядов и прижатой к берегу многоводной Кубани. Вероятно, красные ожидали повторной конной атаки. Один вид видневшейся массы нашей конницы лишил их моральной стойкости. Совершился психологический перелом. Разбитый морально красный отряд приостановил обходное движение и отошел со злополучной поляны, обильно политой кровью, к Черноморской железнодорожной станции. Добровольческая армия пережила один из самых критических моментов своего существования. Успех был куплен ценою крупных потерь, но достигнутый результат компенсировал тяжкие потери. Потери конницы генерала Эрдели были так велики, что она должна была оставить район «Садов» и отойти к главным силам. Гвардейская сотня и взвод лейб-казаков, потеряв три четверти своих лошадей и четверть состава своих людей, прекратили свое существование как отдельные единицы, и остаток людей волился в состав

1-го Конного полка полковника Глазенапа. Незаменимую потерю понесла семья лейб-казаков в лице есаула Якова Федоровича Рыковского и подьесаула Николая Павловича Плева, запечатлевших подвиг своею смертью. (Тела есаула Я. Рыковского и подьесаула Н. Плева, уже после взятия Добровольческой армией Екатеринодара во время Второго Кубанского похода, то есть через 4 месяца, были извлечены из братской могилы и перевезены однополчанами в Новочеркасск, где и торжественно преданы земле на городском кладбище. В конной атаке 31 марта у «Садов» не приняли участия находившиеся на излечении в походном лазарете подьесаулы С. Краснов и Ф. Рыковский, а также и хорунжие братья С. и Г. Чекуновы. — И.К.) Незаменимые потери понесли и другие конные части. При том тяжком нравственном и физическом состоянии, в коем находилась армия после пятидневных тяжких боев и смерти генерала Корнилова, продолжать атаку Екатеринодара с нашими ничтожными силами было невозможно, и генерал Деникин решил, ради спасения армии, с наступлением темноты снять осаду города и большими форсированными переходами вывести из-под удара екатеринодарской группы красных войск Сорокина.

В ночь на 1 апреля от Екатеринодара в полной тишине потянулись быстрым маршем куда-то на север уцелевшие остатки армии, а из станицы Елизаветинской вышел огромный обоз с 1500 ранеными и подводой, на которой везли два гроба с телами генерала Корнилова и полковника Неженцева. Обоз растянулся на несколько верст. 64 тяжело раненных добровольца при врачах и сестрах милосердия были оставлены в станице в надежде, что красные их не тронут. Большая часть раненых и медицинский персонал были с невероятной жестокостью перебиты отрядом матросов, вступившим утром 1 апреля в Елизаветинскую.

В арьергарде шла бригада генерала Богаевского с батареей. Редкой цепью по бокам подвод шли измученные физически и морально подавленные добровольцы. На заре находившиеся в походном лазарете больные подьесаул С. Краснов и Ф. Рыковский узнали о незаменимой потере в семье лейб-казаков. Генерал Эрдели им лично сообщил о доблестной смерти есаула Я. Рыковского и подьесаула Н. Плева. На просьбу обоих разрешить им с разездом вернуться к месту атаки и взять тела генерал Эрдели ответил: «Нельзя, родные, смотрите...», и как бы в подтверждение его слов со стороны красных из окраины города раздался орудийный выстрел, и первая шрапнель разорвалась над хвостом обоза.

С рассветом из станицы Андреевской красные повели наступление на голову колонны, стремясь преградить ей путь. Генерал Марков, шедший в авангарде с Офицерским полком и батареей, быстро раз-

вернул часть полка и атаковал противника; красные были смяты, отхлынули назад и попали под удар шашек черкесов. Перед ветером колонна прошла брошенные жителями хутора, где немного передохнула и в сумерках вошла в немецкую колонию Гначбау. До крайности утомленные и голодные люди заснули где пришлось. Конная бригада генерала Эрдели прикрывала отход армии с тыла и днем вела бой в районе Екатеринодара и только ночью подошла к колонии. На широкой улице колонии в несколько рядов расположился походный лазарет. В просторных домах устроились на ночлег добровольцы и значительное число раненых. Ночь прошла спокойно.

2 апреля. Здесь Добровольческой армии пришлось пережить моральный кризис и кажущуюся неминуемую гибель. Неудача под Екатеринодаром, первая неудача за весь поход, гибель вождя — все сказывалось в этот день.

В колонии выяснилось следующее: Партизанский полк, начав штурм Екатеринодара в составе 800 штыков, к концу боя имел 300; в Корниловском полку осталось едва 100 штыков; Офицерский полк в боях под Екатеринодаром и во время отхода от него потерял 50 процентов своего состава, то есть 350 бойцов, из которых около 80 человек было убито и до 50 пропало без вести. В полку оставалось не больше 400 штыков. Вся армия, начав бой под Екатеринодаром в составе до 6 тысяч бойцов, в колонии имела менее 3 тысяч бойцов и более 1500 раненых. Каковы были силы противника, стало известно позднее: от 40 до 50 тысяч. Известной стала и цифра его потерь — до 10 тысяч одними ранеными.

Поползли слухи о необходимости распылиться. Некоторые малодушные срезали погоны и другие знаки Добровольческой армии. 4-я рота Офицерского полка стала у штаба армии и выставила часовых... Скученность в небольшой колонии, начавшийся артиллерийский обстрел ее и наступление противника усиливали это подавленное настроение. К счастью, не все этому поддавались. Эта подавленность совершенно не коснулась возглавления армии. Все-таки некоторые ушли (например, командир 4-го кавалерийского корпуса генерал Гилленшмидт со своим вестовым) и бесследно пропали. Потихоньку ушли из наших рядов многие молодые кубанские казаки и возвратились в свои станицы.

Генерал Деникин решил двинуться на север, на станицу Медведовскую, а затем повернуть на восток, чтобы вырваться из густой сети железных дорог, идущих на Екатеринодар, Кавказ и Ростов. Кольцо, сжимавшее измученную армию, охватывало ее все плотней, и нужны были отчаянные усилия, чтобы прорывать его и двигаться дальше. Для большей подвижности приказано было бросить все лишние подводы и часть орудий, так как не было к ним снарядов. Четырехорудийные

батареи становились двухорудийными, и при конной бригаде вместо двух орудий оставлено одно. Всех, кого можно, посадить на лошадей. Запас снарядов в артиллерийском парке выражался в количестве 40. Количество подвод уменьшилось на 200. Здесь лейб-казаки вошли в 1-й Конный полк полковника Глазенапа третьим взводом офицерского эскадрона. Взвод принял полубольной подъесаул С. Краснов. Хорунжие Лягов, братья Чекуновы, подхорунжий Мигулин и казак Харламов получили лошадей убитых офицеров 1-го конного полка.

Чтобы скрыть направление движения армии, пришлось, несмотря на сильный артиллерийский обстрел и наступление противника, остаться в колонии до наступления темноты. Спешно похоронили офицеры в колонии двух своих убитых в бою и отправили в лазарет десяток раненых. В колонии пришлось оставить нескольких умирающих, уже умерших и застрелившихся, похоронить последних не было возможности. Испорченные 5 орудий, брошенное имущество и подводы оставались в колонии.

В полной ночной тишине — «не разговаривать, не курить» — двигалась по широкой степи колонна длинной лентой обоза в несколько верст. Предстояло снова переходить через железную дорогу, по которой кассировали неприятельские бронепоезда, а на станции стояли готовые к переброске в угрожаемый пункт красные эшелоны. На переход обоза с ранеными через полотно железной дороги нужно было не менее трех часов. В авангарде — генерал Марков со штабом и конвоем в 100 шашек и Офицерский полк с батареями. В арьергарде — бригада генерала Богаевского с батареями. Конница, и в составе ее взвод подъесаула Краснова с лейб-казаками, была направлена севернее Медведовской для порчи железнодорожного пути и отвлечения внимания противника. Черноземная пыль заглушает стук колес. Даже усталые кони не ржут.

Время подходило к четырем часам утра 3 апреля. В полуверсте от железнодорожной будки и переезда находится станция Медведовская, где, по сведениям, добытым от сторожа, стоят два бронепоезда и два эшелона красной пехоты, частью выгрузившейся и занявшей позицию в районе станции и окопавшейся за кладбищем фронтом к железной дороге, переезду и грунтовой дороге, идущей с переезда в станицу. Генерал Марков отдал короткие, ясные распоряжения подъехавшим к будке начальникам. Прошло с полчаса, как колонна остановилась. За это время части генерала Маркова подтянулись и приготовились к встрече бронепоезда и к атаке станции.

Офицерский полк быстро развернулся фронтом на станцию и перешел в наступление. Уже светало. Преодолев огонь противника, си-

девшего в окопах, отчаянным порывом смяли и его. Когда офицерские роты шли в атаку на станцию, походный лазарет и обоз стали быстро переходить через переезд, попадая по пути в полосу пулеметного огня со стороны станции, снова ранив проезжавших раненых и тех, кто был у переезда, но это продолжалось короткое время, так как противник был сбит и обращен в бегство наступавшей офицерской ротой. За обозом и походным лазаретом переезда прошла 2-я бригада с батареей. Прорита брешь в кольце красных. Армия вышла из почти безвыходного положения. На бронепоезде захвачено два орудия, 360 снарядов, 100 тысяч ружейных патронов, большое количество пулеметных лент, а на станции в оставленном составе захвачены продукты, белье и медикаменты. Уничтожены полтора бронепоезда, один на переезде, а от другого на станции захвачена половина; другая половина с паровозом успела отцепиться, дала задний ход и скрылась с горизонта. Разъезд под командой подполковника Ряснянского захватил в станице группу комиссаров, а в станичном правлении отобранное у казаков оружие.

Бой у Медведовской является одной из самых ярких страниц истории Первого Кубанского похода. Не останавливаясь в Медведовской, армия, имея в авангарде Партизанский полк, прошла дальше еще 15 верст и остановилась на ночлег в станице Дядьковской, проделав за сутки до 40 верст и проведя весьма серьезный бой.

4 апреля дневка в станице прошла спокойно. Хотя армия и вышла из тесного окружения, но все же оставалась в окружении — куда бы она ни двинулась, ей придется снова переходить железную дорогу. Для ускорения движения армии и сбережения сил бойцов генерал Деникин приказал всю пехоту посадить на подводы, и в дальнейшем движение армии от Дядьковской к станице Успенской было отлично организованным маршем для выхода из большевистского окружения.

В Дядьковской выяснилось чрезвычайно тяжелое положение раненых. На некоторых подводах раненые не выгружались трое суток; ни медикаментов, ни перевязочных материалов не было. Смертность усилилась. Генерал Деникин собрал старших офицеров и некоторых общественных деятелей, ехавших с армией, и на совещании было решено оставить в станице наиболее тяжело раненных, не могущих вынести быстрой и длительной езды. В Дядьковской мы еще не знали об ужасной участи, постигшей оставленных раненых в Елизаветинской. Это была тяжкая в моральном отношении мера, но другого выхода у нас не было. Из числа 200 человек, признанных врачами, что они не перенесут перевозки, полки замаскированно

увезли с собой около 80 человек. Многие из них умерли в дороге, не вынеся тряски и отсутствия отдыха и ухода.

5 апреля с наступлением ночи не тревожимая противником армия, посаженная на подводы, тронулась из станицы дальше на восток на станицу Журавскую, где был большой привал. Ночью армия благополучно перешла Владикавказскую железную дорогу между станциями Выселки и Козырки.

6 апреля армия переменным аллюром ехала куда-то на восток. В пути были лишь большие и малые привалы. Погода стояла хорошая. Совершив переход в 65 верст, армия остановилась на ночлег в станице Бейсутской.

7 апреля утром армия двинулась быстрым маршем к хутору Владимирскому, где стала на большой привал. Ночью предстояло перейти железную дорогу в очень опасном месте, между станциями Тихорецкой и Кавказской, которые отделяет всего 60 верст, и можно было ожидать нападения противника с двух сторон. Выставив конные заслоны против этих станций, армия ночью в третий раз благополучно перешла железную дорогу между станциями Малороссийской и Мирской. К концу перехода через переезд, уже на рассвете, со стороны Кавказской появился поезд. Он был обстрелян и подбит нашей артиллерией. Он оказался товарным, и с него сгрузили лошадей, перевязочный материал и другое имущество.

8 апреля продолжение ночного марша в 45 верст. Остановка в Хоперских хуторах, но в них армия пробыла недолго, так как обнаружилось наступление противника со стороны железной дороги. Принимать бой в семи верстах от нее генерал Деникин не хотел, и ночным маршем армия двинулась дальше, на станицу Ильинскую, находящуюся в 23 верстах к северо-востоку.

9 апреля вечером армия приехала в станицу Ильинскую и расположилась на ночлег. 70-верстный переход с небольшими привалами сильно утомил и здоровых, и особенно раненых, большинство которых провели весь этот переход не сходя с подвод. За четверо суток армия проделала около 150 верст. Все нуждались в отдыхе. Объявлена дневка, а это значит многое: можно умыться, освежиться; избавиться от покрова пыли, проникшей сквозь одежду до тела; можно снять одежду, обувь, а раненым — оставить неудобное ложе. Отдых оказался длительным.

10 и 11 апреля армия оставалась на мосте, несмотря на то что 10-го противник вел наступление небольшими силами со стороны Дмитриевской, легко отбитое 2-й бригадой, после чего конница добила красных, заняв станицу Дмитриевскую. Наступила весенняя теплая солнеч-

ная погода. Сады в цвету, поля покрыты молодыми всходами. К этому благополучию присоединились и радостные слухи о восстании казаков против красных на Дону и о захвате донцами Новочеркаска, а также и о влитии в Офицерский полк пополнения — 200 кубанских казаков из числа призванных в армию Кубанским атаманом. Генерал Деникин послал из Ильинской разведку под командой подполковника Барцевича на разведку в станицу Егорлыцкую. 11 апреля день прошел спокойно в Ильинской.

12 апреля армия спокойно и легко перешла в соседнюю станицу Успенскую, находящуюся в 28 верстах к востоку. В этой станице армия оставалась четыре дня. В Успенской были разгружены все подводы с ранеными, и они могли спокойно и более удобно отдохнуть. Здесь люди помылись в бане, надели чистое белье и привели в порядок одежду, обувь и оружие. Для обеспечения армий были высланы заслоны к Дмитриевской, Расшаватской и посаду Наволокинскому. У последнего пришлось дать бой красным, имевшим там штаб местных большевистских войск. Рота корниловцев в 100 штыков и конница разбили скопище противника, но корниловцы потеряли до 60 человек убитыми. Красные были вооружены французскими винтовками устаревшей системы Гра, и крупные пули с тупыми концами оставляли ужасные разрывные ранения; этим и объясняются такие крупные потери убитыми. В Успенской узнали о начавшемся восстании на Дону.

14 апреля возвратился из Донской области подполковник Барцевич и привел с собой депутацию от донцов, численностью в 17 всадников, из станицы Егорлыцкой, подтвердивших известие о поголовном восстании донских казаков против советской власти. Дальнейший путь армии становился ясным, нужно двигаться на Дон. 14 апреля, в день прибытия депутации от донцов, генерал Деникин произвел первый смотр армии. Полки постарались привести себя в порядок к смотру нового вождя, к которому уже прониклись доверием и глубоким уважением, ибо для всех было ясно, что он вывел армию из тягчайшего положения, спас ее от распыления и вдохнул бодрость в утомленных бойцов. Все же перед генералом Деникиным, подъехавшим к частям с развевающимся национальным флагом, предстали худые, с обветренными лицами добровольцы, одетые в самые разнообразные шинели и тулупы, с нарисованными химическим карандашом погонами и в изношенной обуви. От прежних сомнений и угнетенного настроения не осталось и следа. Общий подъем духа увеличился, когда кое-кто у штаба армии лично видел и разговаривал с прибывшими для связи с Дона казаками Егорлыцкой станицы.

15 апреля генерал Деникин, на основании сведений, привезенных подполковником Барцевичем, и показаний прибывших казаков, решил двигаться на Дон и поддержать восстание донцов. Выступление было назначено с таким расчетом, чтобы ночью перейти железную дорогу между станциями Ея и Белая Глина. Выступить пришлось под прикрытием арьергарда, вступившего в бой с наступавшими с юга ставропольскими красноармейцами. В авангарде двигалась на подводах 1-я пехотная бригада генерала Маркова с батареей. В арьергарде — 2-я пехотная бригада генерала Богаевского с батареей. Колонна армии, выступившая после полудня на село Горькая Балка, двинулась сначала на северо-восток для введения в заблуждение противника, а затем уже в сумерках повернула на Горькую Балку. Предстояло пройти более 50 верст по открытой, ровной степи; по дороге ни одного хутора, ни одной хаты. Ночь была темная. В тиши раздавался лишь шум колес многочисленного обоза и топот коней.

16 апреля к рассвету колонна подходила к железнодорожному переезду. Колонна остановилась, ожидая донесения от передового разъезда. Вдруг в ночной тишине послышалось тяжелое пыхтение паровоза; все ближе и ближе, как будто бы остановился на месте. Томительное ожидание — откроет нас или нет? Пыхтение паровоза усилилось, ясно было слышно гроыхание цепей, стук буферов и шум колес; все дальше и тише пыхтение: поезд прошел дальше. Рассветало. Колонна стала быстро переезжать через железнодорожный переезд. На рассвете красный бронепоезд обнаружил хвост нашего обоза и пытался его обстрелять, но огнем нашей батареи был быстро отогнан, не причинив нам вреда. Последняя линия железной дороги перед Донской областью была пройдена. Это был четвертый переход железной дороги после снятия осады Екатеринодара. Авангард — Офицерский полк, — подходя к Горькой Балке, был встречен большими силами красных. В жестокой схватке сопротивление противника было сломлено, и он стал отходить и исчез из поля зрения, а появившийся снова бронепоезд был отогнан огнем нашей батареи, и авангард ворвался в Горькую Балку.

Большой привал в Горькой Балке прошел спокойно, и армия перешла в станицу Плоскую, куда прибыла вечером и расположилась на ночлег. До 70 верст прошла армия в течение суток, провела весьма серьезный бой. В Плоскую прибыл донской разъезд и донес, что на задонские станицы красные ведут наступление и казаки просят помощи. Эта помощь им была на следующий день выслана.

17 апреля генерал Деникин выслал из Плоской прямо в Егорлыцкую 1-й конный полк, в составе коего находились и лейб-казаки:

подьесаулы С. Краснов и Ф. Рыковский, хорунжий Н. Ляхов и братья С. и Г. Чекуновы, подхорунжий Г. Мигулин и казак Харламов. После полудня армия тронулась из Плоской на село Лежанка Ставропольской губернии, ей памятное по бою 21 февраля. На этот раз село нас встретило без всякого сопротивления и с населением, уже не бросившим свои дома.

18 апреля. День прошел в Лежанке спокойно. Настроение у добровольцев было хорошее: выбрались из окружения, соединились с восставшими донцами; армия пополнилась кубанцами, и генерал Покровский сформировал конный отряд в составе нескольких сотен. Доносился отдаленный гул артиллерийской стрельбы — то донцы вели бой с красными у станицы Заплавской, расположенной в 14 верстах от Новочеркасска. Вечером было выставлено усиленное охранение с пулеметами.

19 апреля перед рассветом часть Офицерского полка была посажена на подводы и выехала в северо-восточном направлении. Было приказано выбить красных из села Лопанка, находящегося в 15 верстах. Произошел встречный бой, и стремительным ударом противник был опрокинут и село занято. Ночью части возвратились в Лежанку.

20 апреля 2-я и конная бригады срочно ушли на помощь донцам в Гуляй-Борисовку в тыл красным, наступавшим на донские станицы Егорлыцкую и Мечетинскую. В Лежанке остались 1-я бригада и конный отряд генерала Покровского, а с ними весь походный лазарет армии с 500 ранеными и обоз. Пройдя 15 верст, передовые части 2-й бригады вошли в соприкосновение с противником, и после первых стычек с красными последние прекратили наступление на Мечетинскую и стали поспешно отступать на слободу Гуляй-Борисовка. Наступала уже ночь, и генерал Богаевский с бригадой прекратил преследование, остановившись на отдых в большом хуторе. 1-му конному полку полковника Глазенапа было приказано после освобождения Егорлыцкой наступать к Мечетинской. Противник, заметив выход из Лежанки большой колонны, повел на село энергичное наступление с востока и юга. Их была подавляющая масса. 1-я бригада заняла позиции редкой цепью и, подпустив противника на тысячу шагов, сильным огнем заставила его залечь. Затем бригада перешла в атаку, поддержанная подвижными пулеметными батареями на тачанках, и обратила его в бегство по всему фронту. Бригада преследовала красных несколько верст. Наступила ночь. Выдвинувшимся вперед частям приказано было отойти к селу и выставить усиленное охранение. Потери в Офицерском полку были серьезные, до 50 человек. Был ранен и командир полка генерал Боровский.

После отдыха на хуторе 2-я бригада генерала Богаевского выступила около 10 часов вечера и, пройдя насколько часов в полной тишине,

на рассвете 21 апреля атаковала слободу Гуляй-Борисовку Корниловским полком, шедшим в авангарде. По-видимому, противник не ожидал нашего появления. Из крайних хат началась беспорядочная стрельба, скоро прекратившаяся. Суматоха поднялась по всей слободе. Цепи корниловцев во главе с полковником Кутеповым ворвались в нее. Началась ловля и истребление неприятеля по дворам. Пленных стогнали на площадь на краю слободы. Вскоре их набралось у партизан генерала Казановича более 300 человек. Здесь впервые от начала похода было получено приказание генерала Богаевского, по случаю страстной субботы, пленных не расстреливать. Но суровая действительность заставила военно-полевой суд отнестись к некоторым из них более строго.

В страстную субботу конница генерала Эрдели вступила в Егорлыцкую, где была встречена казаками с хоругвями и иконами. Добровольческая армия соединилась с восставшими донцами южных станиц. У армии теперь есть тыл, и в первой половине дня в тыл, в станицу Егорлыцкую, из Лежанки кружным путем ушел весь походный лазарет и обоз 1-й бригады. Обоз оставлял Лежанку под обстрелом артиллерии противника.

Обстрел начался с утра и постепенно усиливался. Было видно разворачивание красной пехоты. Затем вся эта масса перешла в наступление. Бой был жестокий. Бригада генерала Маркова с трудом сдерживала наступление превосходных сил противника. Неоднократно Офицерский и Кубанский стрелковый полки, поддержанные подвижными пулеметными батареями на тачанках, то там, то здесь переходили в контратаки, но красные, подаваясь в иных местах назад, поддерживаемые резервами, продолжали наступать. Упорный бой шел на самой окраине села, на кладбище. Красные захватили кирпичный завод и угрожали перерезать дорогу на Егорлыцкую. Для восстановления положения была послана инженерная рота — последний резерв генерала Маркова, численностью в 80 человек, и была снята с соседнего участка полурота в 50 человек. Немедленной атакой красные были выбиты из кирпичного завода и бежали, оставив на месте два пулемета и много патронов. По всему фронту наступление красных стало выдыхаться. Только к вечеру красные окончательно были отброшены от села в свое исходное положение. Выставив охранение, части бригады расположились в домах на окраине. В минувшем бою части бригады понесли чувствительные потери — до 80 человек, из которых 7 убитых потерял Офицерский полк; Инженерная рота потеряла убитыми 8 офицеров и свыше 20 ранеными. Снова при бригаде образовался походный лазарет со 150 ранеными. Вечером, в конце боя, из Лежанки в Егорлыцкую перешел штаб армии.

22 апреля. Первый день святой Пасхи прошел спокойно в 1-й бригаде в Лежанке. В светлый праздник добровольцам пришлось хоронить своих соратников на том же кладбище, где раньше были похоронены первые четыре жертвы начала похода. Конница встретила светлый праздник в Егорлыцкой. Бригада генерала Богаевского спокойно встретила светлый день в Гуляй-Борисовке. Вечером этого дня колонна 1-й бригады на подводах тронулась по дороге на Егорлыцкую, переехала мост через реку Егорлык, ту реку, которую 21 февраля переходил вброд Офицерский полк, но вскоре свернула с дороги вправо по направлению к железнодорожному разъезду Прощальный. В сумерках хвост полка был внезапно обстрелян наскочившим на него грузовиком с пулеметом, но одного артиллерийского выстрела было достаточно, чтобы грузовик поспешно скрылся.

23 апреля на рассвете 1-я бригада подошла к разъезду Прощальный на железнодорожной линии Батайск—Торговая. Высланные подрывники к станции Целина подорвали там путь, а бригада в это время основательно разрушила его у разъезда. Выполнив это задание, она двинулась в Егорлыцкую, куда и прибыла еще засветло, проделав за сутки до 50 верст. 2-я бригада провела этот день спокойно в Гуляй-Борисовке. 1-й конный полк полковника Глазенапа, а в составе его и лейб-казаки, с боя занял Мечетинскую, а на следующий день Кагальницкую. В этот день донские части Южной группы под командой полковников С. Денисова и И. Полякова разбили красных и вступили в Новочеркасск.

24 апреля. Находясь в Егорлыцкой, штаб армии точно узнал о занятии немцами Ростова, Батайска и станицы Ольгинской и об огромном движении большевистских эшелонов по железнодорожным линиям Ростов—Тихорецкая—Царицын. Перевозилась масса военных материалов, в частности боевых припасов, в которых сильно нуждалась Добровольческая армия ввиду массового прилива кубанцев в ее ряды. И генерал Деникин решил произвести набег на узловую станцию Сосыку и ближайшие к ней станции Крыловскую и Ново-Леушковскую, чтобы захватить боевой материал. Выслав в ночь на 25 апреля подрывную команду с конвоем черкесов для взрыва полотна железной дороги между Сосыкой и Ейском и перерезания телеграфных и телефонных проводов, чтобы все находившееся на станции Сосыке не могло ускользнуть при наступлении добровольцев, генерал Деникин приказал утром 25-го выступить 1-й пехотной бригаде на подводах в направлении к станции Сосыке, 2-й пехотной бригаде — к станции Крыловской и конной бригаде — к станции Ново-Леушковской.

25 апреля утром 1-я пехотная и конная (лейб-казаки в этом набеге не приняли участия, так как 25 апреля прибыли в освобожденную казаками столицу Войска Донского, Новочеркасск. — И.К.) бригады выступили в юго-западном направлении и, совершив переход в 65 верст, расположились на ночлег в станице Незамаевской. 2-я бригада выступила из Гуляй-Борисовки и взяла с боя станицу Екатериновскую, в которой и расположилась на ночлег, выставив охранение.

26 апреля от станицы Незамаевской 1-я пехотная и конная бригады пошли по разным направлениям. Конница двинулась на станцию Ново-Леушковскую, а 1-я бригада, проехав на подводах около 30 верст, остановилась, не доезжая нескольких верст до станции Сосыка-Владикавказская. Разъезды от черкесского конного дивизиона, приданного бригаде, доносили, что станция занимается большими силами противника с бронепоездом. По диспозиции штаба армии атака пехотной бригады должна была начаться одновременно с другими двумя бригадами с рассветом 27 апреля. С наступлением ночи 1-я бригада стала разворачиваться в боевой порядок: Офицерский полк для атаки станции Сосыка-Владикавказская, Кубанский строевой полк левее его. С занятием этой станции бригада должна была, заходя левым плечом вперед, наступать на станцию Сосыка-Ейская. 2-я бригада генерала Богаевского переночевала в Екатериновской. Красные, оправившись, сами перешли в наступление со стороны Крыловской с целью взять обратно Екатериновскую. Целый день партизаны и корниловцы отбивали красных, которые к вечеру расположились полукругом на ближайших подступах к станице Екатериновской. Наступила темная ночь. Генерал Богаевский для овладения станцией Крыловской, находящейся в 15 верстах к западу, принял немедленно другой план: кружный ночной обход и атака станции в другом направлении. Оставив для обороны Екатериновской станицы 2-й батальон Партизанского полка под командой капитана Бузуна¹⁰³ и приказав оставленному заслону все время вести огонь в прежнем направлении и беспокоить противника, генерал Богаевский с остальными силами бригады в полной тишине выступил около полуночи, когда уже вся станция спала, и, обойдя правый фланг противника, продолжил движение в южном направлении и на рассвете вышел в двух верстах против юго-восточного угла станции Крыловской.

Одновременно с выступлением обходной колонны был выслан разъезд в пять всадников-подрывников под командой подьесаула Вершинина. В состав этого разъезда вошел и автор этих строк, подхорунжий Авилов и еще два донца. Мы получили задание выйти в тыл красных и с рассветом подорвать железную дорогу южнее станицы

Крыловской, чтобы стоящие на этой станции неприятельские эшелоны и составы не ускользнули из наших рук при наступлении бригады. Оторвавшись от обходной колонны, мы двинулись в непроглядную тьму уснувшей ночи, взяв направление южнее Крыловской; всю ночь шли мы по степи, почти без дорог. Разъезд наш скрытыми путями весьма осторожно приближался к Владикавказской железной дороге. Рассветало. Степная тишина. Впереди расстилалось ровное поле. В набежавшем легком утреннем тумане в версте впереди виднелась одиноко стоящая хата, неподалеку от нее — пара амбаров, а немного дальше — два стога соломы. За этой придорожной усадьбой шагах в 500—600 дальше виднелась массивная железнодорожная насыпь высотой сажень в пять с крутым скатом, аккуратно выложенным прямоугольными, тщательно отесанными камнями. Неподалеку виднелся бетонный виадук. Красота и величина этой насыпи, тянувшейся вдаль, произвели на меня большое впечатление. С гребня этой насыпи была прекрасно видна впереди лежащая местность и наш разъезд, но никто из нас не обнаружил противника на насыпи. Разъезд въехал во двор на короткий, пятиминутный, привал, всадники спешили и вошли в хату, а пишущий эти строки направился к стогам оправиться. В этот момент сзади ко мне неожиданно подходит в форменной австрийской шинели военнопленный работник в этой усадьбе и тихо говорит мне, что в стогу соломы спрятался красногвардеец с винтовкой. Сказав это, он удалился. Подойдя к стогам соломы, я громко сказал: «А ну-ка, выходи с винтовкой из соломы». Моментально из стога вылез молодой красноармеец в серой солдатской шинели и молча дал мне свою винтовку. «Идем со мной», — сказал я ему, и мы вдвоем молча пошли по направлению к хате. В этот момент подьесаул Вершинин с донцами вышел из хаты, и я ему в двух словах доложил о происшествии и передал ему захваченного и винтовку, а подьесаул Вершинин сию же минуту передал захваченного подхорунжему Авилову, что-то сказав ему. Авилов повел красноармейца за хату, где роковая пуля из нагана пресекла жизненный путь последнего. Разъезд выехал со двора и пошел рысью в направлении к насыпи. Не отъехали мы и сотни шагов, как внезапно со стороны красной заставы затакали редкие выстрелы и пули посвистывали над головами. Пришлось поспешно ретироваться и укрыться за хатами. К счастью, обошлось без потерь. Выполнить задание нам не удалось. В этот момент с Крыловской полным ходом уходил на наших глазах красный бронепоезд на юг, на Сосыку. Наш разъезд тронулся рысью к станции Крыловской. Генерал Богаевский с обходной колонной, сделав ночью почти без дорог около 15 верст, на рассвете 27 апреля вышел в двух верстах против юго-восточного угла станции Крыловской.

Наше появление для противника было полной неожиданностью. Головной конный взвод внезапно захватил заставу красных с пулеметом, причем несколько человек из ее состава застрелились. Станция мирно спала, так же как и семь эшелонов красных войск, которые в них находились в поездах. Еще до восхода солнца 2-я бригада развернулась для атаки, и батарея открыла огонь по поездам, пехота пошла в атаку. На станции началась суматоха, крики, беспорядочная стрельба, гудки паровозов, невообразимый шум, прерываемый частыми и меткими выстрелами нашей батареи. Снаряды пронизывали насквозь вагоны, из которых выскакивали и бежали в разные стороны красные. Вскоре, однако, три поезда один за другим полным ходом двинулись в направлении на станцию Сосыка-Владикавказская. Все они попали в руки 1-й бригады генерала Маркова; остальные четыре поезда двинулись на север, на станцию Кисляковскую. Услышав выстрелы у себя в глубоком тылу, красные, занимавшие позиции перед Екатериновской, начали поспешно отступать. Оставленный нами заслон капитана Бузуна перешел в наступление, и красные, взятые нами в два огня, рассеялись. В это время наш разъезд прибыл на станцию Крыловскую и присоединился к бригаде. Корниловцы захватили в станционных зданиях нескольких раненных накануне в бою у Екатериновской красноармейцев.

Вскоре с севера, со станицы Кисляковской, появился красный бронепоезд, который начал осыпать нас издалека своими снарядами. В этом направлении был двинут из резерва Партизанский полк, вступивший в упорный бой с пехотой красных, наступавшей вместе с этим бронепоездом. Между тем после короткого боя с противником, занимавшим станцию Крыловскую, корниловцы захватили ее, взяв большую добычу, оружие, патроны, снаряды и два орудия спряжками. Неприятель целый день вел упорное наступление со стороны станицы Кисляковской. Раненый генерал Казанович с величайшими усилиями удерживал наступавших, так как молодые кубанские казаки, влитые в полк, под вечер и ночью уже начали уходить по одиночке в свои станицы.

Также 1-я пехотная и конная бригады в этот день с рассветом перешли в наступление, атакуя противника на железнодорожных станциях Сосыка и Ново-Леушковская. Особенно упорное сопротивление красные оказали у станции Сосыки. Несколько бронепоездов поддерживали пехоту красных и сильно задерживали наступление добровольческих частей, которым пришлось брать не одну станцию, а весь узел из двух станций — Сосыка-Владикавказская и Сосыка-Ейская. Только к вечеру все четыре станции были взяты добровольцами. Благодаря удач-

ным взрывам, произведенным нашими подрывниками, много поездов не ускользнуло и добровольцам досталась большая военная добыча: оружие, патроны, снаряды и два орудия с запряжками. Подошедшие на присоединение к армии из станицы Незамаевской 500 казаков сразу же были вооружены захваченными на Сосыке винтовками и патронами и назначены на пополнение в 1-ю бригаду.

У Сосыки Офицерский полк понес тяжелые потери — около 100 человек, из которых на долю одной 1-й роты, попавшей под картечный и пулеметный огонь бронепоезда с дистанции в 200 шагов и подвергшейся атаке красной пехоты с флангов, пришлось 27 человек убитыми и 44 ранеными. Немалые потери понес и Кубанский стрелковый полк. Офицерский полк в этот день занял станицу Павловскую, радостно встреченный жителями, а к вечеру в Павловскую пришел и Кубанский стрелковый полк; ночью вся бригада двинулась дальше на север, в направлении Крыловской.

28 апреля. 1-я бригада пришла в станицу Ново-Михайловскую, в 6 верстах западнее Крыловской, занятой с боем 2-й бригадой, но еще ведшей жестокий бой с наступавшим со стороны Кисляковской противником. Через несколько часов на станцию Крыловскую выступила 1-я бригада, но на ней не задержалась, а проследовала на восток через Екатериновскую в станицу Ново-Пашковскую, где и расположилась на ночлег. Проведя на станции Крыловской очень тревожную минувшую ночь, 2-я бригада генерала Богаевского вслед за 1-й отошла обратно в Екатериновскую, где и расположилась на ночлег. Генерал Деникин предполагал расширить наступление дальше к северу, в направлении Кисляковской, но противник, получив сильное подкрепление, оказывал настолько упорное сопротивление, что этот план был отставлен во избежание напрасных потерь и армия двинулась обратно к южным донским станицам, увозя на 400 подводах захваченную военную добычу, в том числе два орудия в запряжках.

29 апреля армия по высохшей дороге спокойно перешла в Гуляй-Борисовку. В этот прекрасный весенний день в степи, при громком пении многочисленных жаворонков, добровольцы забыли о недавнем упорном бое.

30 апреля 1-я пехотная бригада генерала Маркова и конная бригада генерала Эрдели перешли в Егорлыцкую, а штаб армии и 2-я пехотная бригада генерала Богаевского — в Мечетинскую. Переход прошел спокойно. Части стали по широким квартирам. Раненые отправлены в госпитали Новочеркасска.

30 апреля 1918 года — дата окончания Первого Кубанского генерала Корнилова похода, который продолжался 80 дней, от 9 февраля

до 30 апреля. Пройдено по основному маршруту 1050 верст. Из 80 дней — 44-я армия вела бои и провела 12 тяжелых сражений. Вышла в составе около 400 бойцов, возвратилась в составе 5000, пополненная кубанскими казаками. Похоронила в Кубанской земле своего вождя и около четырехсот добровольцев. Вывезла более полутора тысяч раненых.

Противник был пассивен, и для Добровольческой армии наступил период полного отдыха. Донцы, прошедшие с армией Первый Кубанский поход, согласно приказу войскового атамана, оставили ряды Добровольческой армии и влились в Донскую армию. С их уходом один только Партизанский полк уменьшился в численности наполовину. Сильно ослаблялись кавалерийские части. Ушел генерал Богаевский на высокий пост в Донском правительстве. Ушла учащаяся молодежь, составлявшая 5-ю роту Офицерского полка.

*Хан Р.-Б. Хаджиев*¹⁰⁴

ГЕНЕРАЛ А.Г. КОРНИЛОВ В «ЛЕДЯНОМ ПОХОДЕ»¹⁰⁵

Как вы и чины штаба называли Верховного в походе и в бытность его в Быхове?

Слово «Верховный» закрепилось за генералом Л. Корниловым по моему настоянию, несмотря на то что многие штабные чины просили меня не называть генерала Корнилова Верховным после сдачи им верховной власти генералу Алексееву. В числе просивших были генерал Романовский, Виктор Иванович Долинский, Аркадий Павлович Корнилов (они были адъютантами Верховного). Я объяснил им всем, что Верховный на текинском языке означает Сердар и Уллу Бояр, командующий — Великий Бояр, поэтому мы впредь будем называть его Верховным. Для нас, текинцев, он был Верховным и остался. Выслушав мои доводы, Владимир Васильевич¹⁰⁶ и полковник Киселев сказали: «Ах, дорогой хан, если бы все были преданы Верховному, как вы, текинцы, тогда бы мы не были в таком положении, как сейчас!» Взяв меня за плечо, полковник Киселев добавил: «Ничего, ничего, называйте генерала Корнилова Верховным», и быстро направился к Верховному в кабинет.

Штабные чины в штабе после сдачи своего поста Алексееву называли генерала Корнилова «Ваше Превосходительство», а чины ниже генерала называли «Ваше Высокопревосходительство», конечно, кроме комитетчиков, называвших генерала Корнилова просто «господин

генерал». Единственный из всех генералов генерал Деникин называл Верховного по имени и отчеству.

В какой одежде генерал Корнилов вышел в поход?

9 февраля 1918 года Верховный впервые вышел в поход в военной форме. Он был в кителе с полными генеральскими погонами, то есть без звезды, брюки темно-синего цвета с широкими генеральскими лампасами, и в высоких сапогах без шпор. Сверху кителя он носил простую солдатскую шинель, переделанную в полушубок. На плечах — генеральские погоны. На голове он носил солдатскую папаху с белой повязкой, как простой доброволец. Никаких орденов и других украшений как гражданского, так и военного характера он не носил, за исключением обручального кольца и другого, с китайскими буквами. Это кольцо служило ему печатью, которую он ставил на важных письмах, с которыми посылал меня в штаб и в иностранные миссии. Кольца эти он носил на безымянном пальце правой руки. Свой шейный крест на георгиевской ленте, офицерский крест 3-й степени на георгиевской ленте и орден Почетного легиона, украшенный лавровыми листьями, на темно-зеленой ленте Верховный еще в Быхове снял и упаковал в маленький кожаный бумажник, в котором, кроме этих вещей, он носил при себе некоторые личные документы, записи, список имен людей, количество снарядов, оставшихся в зарядных ящиках в каждом батальоне, патронов у генерала Эльснера.

Среди этих вещей находилась «Молитва офицера», которая очень понравилась Верховному, когда впервые за столом в Могилеве прочел эту молитву полковник Галицин. Верховный попросил полковника Галицина напечатать ее ему на отдельном листе. Все эти вещи с окровавленным кольцом, которое снял я с пальца Верховного, я передал Наталии Лавровне в Новочеркасске. Также карты с кровавыми пятнами Верховного я вручил генералу Романовскому собственноручно.

В момент взрыва Верховный сидел за столом, одетый в полушубок, и на голове была папаха. Между ногами находилась его неизменная палка, преподнесенная ему в станице Ольгинской полковником Симановским. На рукоятке ее была надпись, вырезанная ножом: «Орлиное Гнездо. 1915 г.». На столе на карте лежала какая-то бумага, на которой Верховный писал резолюцию. Левая рука его лежала на бумаге. Он сидел ко мне в профиль, когда я показался в двери с чаем и куском белого хлеба, добытого для него от моего верного вестового Фоки. Эта было в момент взрыва.

Что он вам сказал, посылая достать русский флаг?

12 февраля 1918 года в станицу Ольгинскую прибыли, во главе с господином Краснушкиным¹⁰⁷ (он же Виктор Севский), другие газет-

ные репортеры, просившие Верховного уделить им несколько минут. Главным образом их интересовала быховская жизнь Верховного и его бегство из Быхова на Дон. Но Верховный, обращаясь ко мне, сказал: «Хан, расскажите им, пожалуйста, все, о чем они вас спросят. Вот вам, господа, хан, мой близкий человек, он был со мной в Быхове, сделал очень много для нас всех и бежал вместе со мной, перенося все тяжести сидения в Быхове и похода. Он знает мою жизнь в этот период и может рассказать о ней так же, как я сам, а меня вы извините, я занят. Атаман Попов и другие ждут меня». С этими словами Верховный вошел в столовую, к ожидавшим его лицам. Там были, кроме Попова, следующие лица: генералы Деникин, Алексеев, Романовский и Сидорин. Они должны были совещаться относительно совместной борьбы против большевиков.

Во время моего рассказа господам репортерам пришел полковник Симановский, питавший большую симпатию ко мне за мою верную и преданную службу Верховному и не раз просивший меня беречь этого великого полководца. Он под командой Верховного брал недоступный пункт на Австрийском фронте, так называемое «Орлиное Гнездо», и Верховный очень ценил этого храброго полковника.

Симановский просил меня при удобном случае указать Верховному, чтобы он имел свой значок, по которому на поле сражения войска легко могли бы видеть его и ординарцы могли бы легко найти его штаб. «Я дал эту идею генералу Романовскому, — сказал Симановский, — который меня резко оборвал, сказав: «Полковник, у нас есть более важные дела, чем какой-то значок, о котором вы говорите».

Около шести часов вечера Верховный показался в нашей комнате. Поговорив и пошутив с журналистами, он вышел на крыльцо. Я вышел за ним. Он обратился к генералу Попову, который в это время, после совещания, садился на лошадь, чтобы ехать к своим казакам. Полковник Сидорин уже сидел на лошади. «Значит, вы меня известите немедленно, как только поговорите со своими. Время не терпит! Вы сами знаете, в каком положении дела», — сказал Верховный. «Так точно, Ваше Превосходительство!» — ответил Попов и в сопровождении 20 казаков вместе с Сидориным уехал из станицы Ольгинской.

«Ну как, хан, небось жарковато стало вам с этими господами, а? А что их больше интересовало?» — задал мне вопрос Верховный, держа руки в карманах. Ответив на вопросы, я предложил ему идею полковника Симановского. «Значок! Гм! Зачем?» Пауза. Потом: «Пожалуй, лучше трехцветный флаг! Наш национальный флаг!» — проговорил, глядя вдаль. Не говоря мне ни слова, Верховный пошел в свою комнату, то есть в столовую, где он принимал людей и работал.

Входя в столовую, где был сервирован стол моим денщиком Фокой, и отломив кусок черного хлеба, при скудном свете керосиновой лампы, блестящими, черными как уголь глазами пронизывая меня насквозь, Верховный сказал: «Пожалуй, купите материал. Пусть сошьют нам трехцветный флаг. Это хорошая идея. Между прочим, где он, в какой части полковник Симановский?» На мой ответ о полковнике Симановском Верховный сказал: «Очень храбрый, но весьма горячий офицер. Позовите его ко мне при встрече, я хочу поблагодарить его за его прекрасную идею, спасибо и вам, что вы не забыли поведать мне это. Правда, хан, лучше поднимем наш трехцветный флаг, эмблему великого народа, и пойдем под этим флагом против тех, кто растоптал его». — «Ваше Высокопревосходительство, под этим флагом легче будет и умереть», — ответил я. «Да, да, хан, только поторопитесь, потому что послезавтра мы выйдем отсюда. Только жду подхода Маркова и ответа Попова», — сказал он. На мой вопрос, чем кончилось совещание, он ответил: «Разговорами!» — «А что, как генерал Попов?» — спросил я. «Болтал, обещал, но я не надеюсь на него. Когда-то вы сами сказали: в пустыне у путника только Аллах путеводитель. Да, пусть Он нам поможет... А что, чем вы нас хотите угостить, хан?»

Я принес рюмку и бутылку водки. Вошел Деникин. Верховный улыбнулся и сказал мне: «Есть ли у нас еще рюмочка?» Пока я наливал рюмочку, генерал Деникин произнес: «Где вы, Л.Г., добываете это неисчерпаемое количество влаги, так необходимой в такие тяжелые дни? Проклятье, никто не хочет продать Малинину (Малинин — его адъютант), и нигде не найти». Верховный, кивнув на меня подбородком, сказал: «Вот хан знает, где находится запас». — «Хан, пожалуйста, скажите Малинину, где вы добываете», — попросил меня Деникин. «Тогда, Ваше Высокопревосходительство, вы не удостоите вашим вниманием наш скромный обед», — сказал я Деникину. «Нет, хан, все же скажите Малинину или уж вы сами пойдите вместе с ним, где будет возможность это сделать», — сказал Деникин. Верховный, улыбаясь, сказал: «Хан, есть ли еще у вас для родной рюмки?» Я понял его и принес бутылку, на донышке которой ровным счетом Фока приготовил на две рюмки.

После ужина я пошел и купил материал для штандарта в 9 аршин. С хозяином лавки я отправился к Эльснеру, который рассчитался с лавочником. На другой день в десять часов утра, когда я возвращался, Верховный стоял на крыльце и держал в пике флаг, любуясь им. «Возьмите, хан, и передайте, пожалуйста, конвою!» — кратко произнес Верховный, вручив мне этот флаг.

Я вручил этот флаг начальнику конвоя, полковнику Григорьеву. Он передал его высокому, статному текинцу, который до смерти Верховного носил его. Когда Верховный посылал нас в атаку, то флаг оставался с ним, то есть с Верховным, а в остальных случаях флаг оставался со мной возле Верховного, под градом пуль. Большевики любили пальнуть в эту святую эмблему их матери России.

31 марта в 9 часов утра я и текинцы увезли тело Верховного в Елизаветинскую станицу, а флаг текинцу оставил Деникину. Дальше я не знаю о судьбе флага.

Что случилось с его буланным конем и как он его звал?

Свою кобылу Верховный называл Булан. Она была поймана на поле сражения Корниловским полком на Австрийском фронте. Она принадлежала убитому австрийскому офицеру. Ее привели как раз после того, как я возвратился из конвоя, вручив флаг Григорьеву. Я доложил Верховному об ожидавшем Верховного унтер-офицере Корниловского полка Дронове. «Меня хочет видеть солдат Корниловского полка?» — сказал удивленный Верховный и тотчас же вышел на крыльцо. Это было в станице Ольгинской.

«Ваше Высокопревосходительство, вам от полка», — отчеканил Дронов, подводя кобылу Верховному. Он, потрепав по шее кобылу, поблагодарив полк, сказал: «Ведите в конвой». Булана я сдал в обоз Корниловского полка в Елизаветинской станице после того, как мы положили Верховного в гроб.

В апреле месяце я в последний раз увидел Булана в Мечетинской станице. Она была грязная, очень худая. На ней сидел какой-то кубанский казак. Дальше я не знаю о ее судьбе.

Носил ли Верховный оружие? Какое? Стрелял ли сам в боях?

Верховный носил при себе семизарядный карманный маузер. Верховный ни в кого не стрелял. Всегда его револьвер с часами марки «Павел Буре», с записной книжкой, со свечой и коробкой спичек лежал на ночном столике или же на стуле.

Курил ли он? Пил? Что любил из еды и напитков?

Верховный не курил. Любил он в походе выпить только одну рюмку водки перед обедом. Когда я ему доставал бутылку водки, он был очень доволен и благодарил меня. Ел Верховный очень медленно. Он не был требователен, а ел все, что Бог послал, и всегда оставался доволен едой. Любил пить чай и пил его изрядно.

Называли ли его какой-нибудь кличкой чины штаба?

Чины штаба называли Верховного «Ваше Высокопревосходительство», а чины Корниловского полка называли «Батькой».

Вы были свидетелем взрыва снаряда? В каком часу это было 31 марта 1918 года?

31 марта, когда в хату ударил снаряд, из обломков вытащили Верховного при помощи текинского офицера Силяба Сердарова, полковника Корниловского полка Романова (он был военным атташе в Румынии в 1915 году, когда впервые Верховный познакомился с ним, и он дал приют Верховному) и одного поручика из команды связи. Больше никого не было. Казановича не было.

Когда мы вытащили Верховного на руках, то во время спуска с лестницы к нам подбежали полковник Григорьев¹⁰⁸, генерал Романовский и другие. Голова Верховного была в моих руках. Он, открывая глаза и закрывая их, начал хрипеть. Мы его положили на землю, близ берега реки Кубани. Все лицо было покрыто пылью и известью, из рукава левой руки сочилась кровь. Вся одежда была покрыта пылью и известью как у меня, так и у него. Раньше, чем доктор-марковец подошел, он на мгновение открыл глаза, обвел нас взглядом и тотчас же захрипел и закрыл глаза навсегда. Доктор только ответил Деникину, спросившему: «Доктор, есть ли надежда?» — мотанием головы: дескать, нет!

Были ли еще кто-нибудь ранен или контужен, кроме вас, при взрыве снаряда на ферме?

Этим же снарядом был убит казак, лежавший на операционном столе. Операционная комната была рядом с комнатой Верховного. Кроме меня, были контужены доктор и сестра. Казак, о котором идет речь, находился недалеко от фермы, то есть где помещался Верховный. Он сидел и чистил пулемет. Его ноги были раздроблены шрапнелью. Верховный и я возвращались после того, как Верховный попрощался с телом полковника Неженцева. Он приказал мне позвать доктора, чтобы отнести раненого в операционную комнату. Это было семь тридцать. Стоны казака нервировали Верховного, и он то и дело справлялся, не пришел ли доктор. Помощник казака был убит на месте.

Я просил Верховного переменить штаб, указывая на частые взрывы снарядов над фермой. «Хорошо, хан, как только будет время, переменяем», — сказал он и вышел в комнату, чтобы наложить резолюцию на донесение Эрдели. Верховный, генералы Деникин и Романовский хорошо знали, когда я говорил о моем предчувствии. Романовский, шутя, говорил, что я пророк. Верховный, шутя, отвечал: «Наш хан никогда не унывает. Правда, хан, иншаалла все будет хорошо! Я верю в его предчувствие...»

Сколько человек текинцев из полка остались в живых после похода из Быхова на Дон и сколько офицеров (60 человек привез Иков) вы отправили в Хиву? В походе, кроме вас, было 6 человек?

Число текинцев, оставшихся в живых и добравшихся в Ахал, — 100—150 человек. Это мне говорил сам командующий Закаспийским фронтом, генерал-майор Ураз Сердар, когда я прибыл в его распоряжение в Байрам-Али, где стоял его штаб. В походе в конвое было их 6 человек и три киргиза.

Перед походом был ли у генерала Корнилова разговор с Донским атаманом Поповым? Как Корнилов отнесся к решению Попова уйти в степи? Был ли раскол между Поповым и генералом Богаевским?

Верховный, да и все генералы старались склонить генерала Попова к совместной борьбе против большевиков, доказывая необходимость конницы в эти дни в Донской армии. Генерал Богаевский, как истинный патриот, решил идти за Корниловым. Он говорил, когда вопрос идет о судьбе России, то нужно забыть о Доне. На выходку Попова Верховный смотрел с сожалением, говоря мне, что жаль, что у русского человека очень мало развит организационный инстинкт. «У Попова чисто шкурный вопрос, хан», — закончил он перед выходом из Ольгинской станицы.

В походе высказывал ли какие-нибудь планы на будущее России?

Единственный его план и священная мечта была раздавить большевиков раньше, чем они организуются, и довести Россию до Учредительного собрания и самому служить русскому народу. А в походе он говорил: «Вперед, не тратя ни слов, ни времени».

Беспокоился ли о семье?

30 марта 1918 года, идя с Верховным на передовую линию под Екатеринодаром, мы попали под жестокий обстрел большевиков. Они открыли по нас артиллерийский, ружейный и пулеметный огонь. Он и я находились совершенно в открытом поле. Глянув на меня, он приказал лечь и не идти дальше с ним, чтобы не увеличивать цель. Я напомнил ему о данном мною слове Таисии Владимировне (супруге его) не оставлять никогда его одного и быть везде с ним. У меня была цель, напоминая ему о его семье, удержать его от дальнейшего движения вперед. Взглянув на меня сурово, сказал одно слово: «Идемте!» Я и он пошли вперед. Мне показалось, что он не хотел думать о семье в этот страшный миг.

Немного раньше, — это было в Елизаветинской станице, когда он был в весьма хорошем настроении духа, узнав, что Брюховская станица выслала ему на помощь 60 конных казаков, — я напомнил ему о семье. Он, глядя в лазурное небо, произнес: «Я очень рад, хан, что они в безопасности, в руках хорошего и верного человека». Речь шла о генерале Мистулове, который приютил семью Верховного. «Ваше Высокопревосходительство, а как вы думаете о Юрике? Он не боится

сейчас учиться среди настоящих разбойников-горцев? Он ведь нас, друзей-текинцев, боялся, принимая нас за баши-бузук» («баши-бузук» по-турецки — «испорченная или шальная голова»), — сказал я. Верховный улыбнулся и ответил: «Нет, хан, он их не будет бояться, он сам баши-бузук!»

Кто увез семью Верховного на Кавказ? Прапорщик Гагосов, посланный Верховным отыскать вас во время похода из Быхова на Дон, попался большевикам и, отсидев на Соловецком острове 20 лет, бежал и сейчас находится в Аргентине.

Семью Верховного увез истопник Владикавказской железной дороги, верный человек генерала Мистулова¹⁰⁹. Этот истопник был осетин.

Разговаривал ли Верховный с текинцами и с вами в походе по-текински?

При встрече с текинцами он говорил с ними по-туркменски. Иногда он меня спрашивал имена вещей и местностей в Средней Азии по-туркменски, но не беседовал по-туркменски.

Кто из офицеров был послан в Ростов в штаб немецкого генерала Арнима и что он сказал, когда узнал о смерти генерала Корнилова?

В начале мая ко мне приехал немецкий офицер в сопровождении унтер-офицера. Я тогда жил в Новочеркасске в доме казака купца Абрамова, в комнате, где раньше жил генерал Алексеев. Этот офицер был кавалерист. Он меня просил, чтобы я прибыл в Ростов в их штаб, помещавшийся в отеле «Палас». Хотят побеседовать со мной по весьма важным делам. «Мне дал отзывы о вас генерал Краснов, да мы читаем отзывы о вас в местных журналах и газетах. Если хотите сейчас ехать со мной, то милости просим. В автомобиле есть достаточно места. В случае если вы сегодня не сможете поехать, то мы вас ждем завтра в 10 часов утра в штабе», — закончил он, пожав мою руку, и тотчас же уехал.

При этом разговоре со мной немецкого офицера присутствовали поручик Марковского полка Продун¹¹⁰ и мичман того же полка Трегубов¹¹¹. При выходе из дома я просил немецкого офицера, чтобы он разрешил мне взять этих двух офицеров со мной в их штаб, мотивируя это тем, что я, с самого начала занимавший особое место при Верховном Главнокомандующем русской армии, не хотел бы, чтобы на меня пала какая-нибудь тень при посещении немецкого штаба. «Я вас понимаю, хан Хаджиев (так, кажется, ваша фамилия и титул?), — сказал он, вынув из бокового кармана френча маленькую записную книжку. — Пожалуйста, берите их с собой. С нашей стороны никакого препятствия вы не встретите в этом вашем желании!»

Я отправился к А.А. Суворину и господину Краснушкину, который был сотрудником журнала «Донская волна». Они мне посоветовали идти и очень обрадовались, узнав мое намерение взять с собой этих двух офицеров.

На другой день я в сопровождении двух офицеров в указанное время прибыл в германский штаб. Меня очень любезно принял сухощавый генерал в серой куртке, с генеральскими лампасами, и первый вопрос его был — знаю ли я немецкий язык? Я был не очень силен в этом языке и просил переводчика, так как не хотел с ним объясняться ни на английском, ни на немецком языках, ибо мои спутники их не понимали. Он приказал офицеру, стоявшему рядом с нами и оказавшемуся нашим знакомым по вчерашней беседе, позвать переводчика. Немедленно прибыл белообрый тип коммивояжера, молодой человек. Генерал просил его спросить следующее: «Вы были личным адъютантом генерала Корнилова?» Получив утвердительный ответ, он спросил: знаю ли я, что он был в плену и спасся, убежав на родину, где такой большой патриот принял смерть от рук своих же русских? «Он — великий патриот, он умер на поле брани от рук тех, которые не только грозят жизни России, но и всему миру», — ответил я.

Генерал, услышав это, отвернул слегка свое лицо от меня и сказал: «Корнилов был большой патриот, русские не оценили его, но придет день, когда ему поставят те же, убившие его, памятник». Спросив, при каких обстоятельствах произошла его смерть, и вызнав в точности, сказал мне: «Вас рекомендовал нам атаман Краснов, как человека, преданного генералу Корнилову, и мы хотим узнать подробно об его кончине». Поблагодарив меня за информацию, спросил еще, продолжаю ли я состоять в Донской армии и что я делаю теперь. Я объяснил ему, что жду получения некоторых моих бумаг, которые могли бы облегчить мне мою поездку отсюда в Туркестан.

Узнав, что я собираюсь ехать в Туркестан, генерал предложил мне свое содействие, обещав дать мне рекомендательное письмо на имя Нури-паши, командующего турецкой армией, который находился в Батуме. «Он вам окажет большую помощь в вашем передвижении, вплоть до Хивы», — закончил он, пожимая мою руку. При прощании я спросил генерала, не будет ли он ничего иметь против, если я помешу наше интервью в местных газетах. «О, конечно! Если вы передадите им все, о чем мы с вами беседовали, в точности, избавив нас от лишней работы писать опровержение». С этими словами я вышел из штаба.

На углу у «Палас-отеля» нас ждали А.А. Суворин и Краснушкин (Виктор Севский), который прослезился, услышав отзывы врага о Вер-

ховном. «А ведь этот проклятый немчура главным образом виновен в нашем несчастье, и в то же время отдает должное русскому патриоту Л.Г. Корнилову». Я просил их не писать об этом ни слова в газете. Все же на другой день это событие появилось в местных газетах. А.А. Суворин и Краснушкин просили меня «не бояться». «Мы вас поддержим во всех отношениях. Не бойтесь, мы с вами везде и всюду. Вы дороги и нам», — говорили они. И действительно, не было дня, чтобы газеты Дона и Кубани не вспоминали обо мне. На другой день атаман пригласил меня и, побеседовав со мной, выразился так: «Честь и слава вам, бессмертным текинцам» — и, обещав мне свою поддержку, пока я буду на его территории, отпустил меня.

Вспоминал ли генерал Корнилов старое?

Верховный вспоминал о своей жизни и рассказывал о своих путешествиях очень красиво и увлекательно, зачаровывая слушателей. Такие минуты были весьма коротки: во время обеда в Ставке, так что, к сожалению, все, что говорилось им, я не в состоянии изложить на бумаге, ибо получилась бы очень большая книга. Я слушал впервые в поезде, в первый день моей службы ему, в Ставке, в Быхове. Он вспоминал в Новочеркасске и в Ростове, в бытность его в Быхове. Подробно и красиво рассказывал о своем конфликте с генералом Ионовым в Туркестане и о своем путешествии в Афганистан, в одежде туркмена, ведя двух верблюдов. На мой вопрос: «Ваше Высокопревосходительство, как вы могли переплыть такую бурную реку, как Аму-Дарья? Ведь она около Кушки так узка и так сильна в своем течении?» — «На гупсярах, хан, на гупсярах. Как это делают туркмены и афганские контрабандисты». Гупсяр — это козлиная шкура, наполненная воздухом. Их употребляют афганцы, переходящие реку на русскую сторону для покупки оружия и патронов, а туркмены — на афганскую сторону, чтобы перевезти зеленый чай контрабандным путем. Вот таким образом Верховный в одну ночь перешел Аму, рискуя своей жизнью, дошел до крепости и, после того как сделал фотографические снимки и кроки, вернулся обратно в Кушку.

Говорил ли о книге, им написанной, — «Каушгария — Китайский Туркестан»?

Да, говорил. К сожалению, подробно не помню, так как все время он был занят и обеденное время очень коротко — только 35 минут. Его книга была переведена, кажется, на немецкий язык.

Был ли он выбран в члены Российского географического общества и иностранного?

Этого я не знаю.

На каких языках европейских и азиатских он говорил?

Он очень хорошо говорил по-туркменски, по-киргизски, немного по-персидски. С иностранной миссией он говорил по-французски или по-английски.

Говорил ли он о своем плене в 1915 году в Карнатах, известны ли имена 7 солдат, попавших с ним в плен?

Он очень обстоятельно рассказывал о своей подготовке к бегству и о самом бегстве до Румынии. О солдатах не помню. Больше всего врезалось почему-то в его память бегство из Быхова на Дон и в особенности приход детей с цветами во главе с маленьким кадетом. Он среди своей семьи за столом вспоминал об этих эпизодах, говоря: кадет был в возрасте Юрика. Заканчивая, с глубоким вздохом говорил: «Вот хан хорошо знает этот период. В каких переплетках мы с вами, хан, побывали!»

Какими орденами был награжден, русскими и иностранными? Рисовал ли? Пел ли? Какой был голос?

Он был награжден орденом Святого Георгия 1-й степени, нося его на шее; 3-й степени носил на груди, орденом Почетного легиона и, наконец, самым высоким орденом Англии S. Michel Бани с повязкой через плечо.

Он любил чертить карикатуры во время слушания доклада. Он не пел, а заставлял петь меня. Говорил Верховный всегда отрывисто, слова его были кратки, и очень ясно отчеканивал каждое слово.

Говорил ли когда-либо о своих предках, когда и откуда пришли в Сибирь?

Не слышал.

Кто из русских исторических героев больше всего ему импонировал?

Не слышал.

Известно что-либо о его деде? В каких войсках участвовал его отец?

Не могу сказать.

Кто из русских художников, писателей и поэтов ему нравился?

Он не думал о них, так как не позволяло время.

Когда женился и где?

Не знаю.

Были ли дети, кроме Юрика и Наталии Лавровны?

Не знаю. Кажется, нет.

Какая нога была сломана и что случилось с палкой? Опишите палку.

Верховный не был ранен в ногу, и она у него не была сломана. Он был ранен в левую руку во время войны в 1915 году. Это я знаю

хорошо, потому что он не мог удержать и остановить бешено мчавшегося жеребца во время боя 26 ноября 1918 года в Черниговских лесах, во время бегства из Быхова на Дон. Он просил меня, мчавшегося рядом с ним, удержать коня. Палка была преподнесена Верховному полковником Симановским в Ольгинской станице. Полковник Симановский был одним из храбрейших офицеров его дивизии. Эта неизменная его палка исчезла в день его смерти среди обломков и мусора. На изгибе палки была выгравирована надпись, сделанная ножом: «Орлиное Гнездо. 1915 г.». Эта палка была на вид грубая. Мне кажется, она была сделана наспех самим полковником Симановским.

Имел ли какое бы то ни было недвижимое имущество? Дом, дачу, землю?

Когда он принял своего брата казака¹¹² в Ставке, я слышал о том, что Верховного интересовали дом и хозяйство в Сибири. Но не знаю, кому именно это хозяйство принадлежало.

Помните ли вы содержание воззвания, которое было отпечатано в Быхове?

В Быхове никакого воззвания Верховный не выпускал и не было отпечатано, а было отпечатано в Могилеве 27—28 августа 1917 года в штабной типографии. Содержание воззвания известно всем корниловцам.

Была ли выпущена в Быхове или в Ростове афиша с его портретом до похода с призывом записываться в Добровольную армию?

В Ростове было выпущено воззвание с обращением ко всем русским людям, офицерам и молодежи, где просилось явиться в ряды Добровольной армии. Но портрет Верховного в этих воззваниях не помещался.

Генерал Лукомский не был лоялен. Он очень хитрый, самолюбивый, оставил Верховного в Ростове, не желая быть его начальником штаба трехтысячной Донской армии, и под предлогом командировки ушел из армии. Пошатавшись и прячась от большевиков и не доведя «поручение» до конца (никакого поручения он не имел), просто бежал от Добровольной армии и возвратился после смерти Верховного к Деникину, желая занять «подобающий ему» пост. Он не был героем, а был очень пришибленный временем человек. Все эти качества его я знал в Быхове, потому что он очень и очень нервничал, трусил и нервировал Верховного и других. Он так надоел Верховному, что в одну из моих поездок Верховный мне сказал: «Генерал Лукомский очень нервничает и не находит себе места, а это передается и другим. Вы знаете, какие дни мы переживаем здесь. Дорогой хан, пожалуйста, вы его успокойте и скажите ему и уверь-

те его в том, что текинцы ни в коем случае нас не оставят. Утешьте его, он верит вам...»

Прибыв к Деникину, он начал вести пропаганду против Деникина. Не доведя возложенную на него генералом Деникиным задачу, перешел в лагерь монархистов, начав игру с Врангелем. Вчера он был корниловцем, а теперь монархист. В Быхове почти ежедневно я вручал ему письма в штаб разным лицам и, получив ответ, вручал Лукомскому, который однажды при Верховном, Деникине, Романовском и Эрдели сказал: «Вы, дорогой хан, единственный светоч в эти черные дни узников. Глядя на вас, мы вооружаемся верой на будущее». Генерал Романовский, взяв меня за голову, сказал: «Правда, хан, иншалла, все будет хорошо?» А Верховный заметил: «А я жду мою лошадь, на которую хан собирается посадить меня» — «Дай Бог, дай Бог» — сказал генерал Лукомский и отошел от нас.

Верховный никогда не думал застрелиться при неудаче штурма Екатеринодара, а хотел отдать свою жизнь впереди своих сыновей добровольцев, а обозные генералы не хотели умирать. Они слишком дорого ценили свою жизнь. Верховный хорошо знал удельный вес этих генералов и поэтому никогда не мог принять их советов, а действовал прямо и откровенно, как генерал Корнилов, и никогда никакого влияния генералы не имели на Верховного, человека стальной воли. Если бы не помешала его смерть, то Верховный, безусловно, взял бы Екатеринодар, я был вполне в этом уверен, и моя вера была с Верховным и всей армией. Если Верховный оставил преемником Деникина, то это вполне понятно, так как не было больше человека по старшинству. Это не было его ошибкой. Генерал Марков был молод.

Верховный не был трусом, и трусов он презирал. К генералу Деникину он относился терпимо.

Когда я впервые появился в Новочеркасске после бегства из Быхова, то Верховный, приняв меня радостно, по-отцовски, сейчас же обратился к Владимиру Васильевичу Галицину: «Владимир Васильевич, пожалуйста, попросите у генерала Деникина ту газету, где помещена статья о хане! Пусть хан прочтет ее!» Галицин, вручая газету, просил меня после ознакомления возвратить ее генералу Деникину. Это лишний раз доказывает, что еще в России генерал Деникин собирал газетные вырезки и материалы для своих мемуаров, которые он выпустил в Париже.

Верховный не ошибся, оставив генерала Маркова с ранеными по ту сторону реки. Он ценил раненых и берег их. На мой вопрос, почему генерал Марков остался с ранеными, он ответил: «Я оставил генерала Маркова, чтобы раненые были спокойны и не волновались».

А об умерших он выразился так: «Они дороги мне, как при жизни. Везите их, будем хоронить их с честью».

Таким образом, он пожертвовал городом Екатеринодаром и своей жизнью, но раненых, умерших и живых добровольцев он не оставил на поругание врагу. Он не бежал позорно, оставив раненых и предав армию, как это сделали трусы-генералы. Да, эти господа слишком дорого ценили свою жизнь. Никто из оставшихся в живых, кроме генерала Маркова, не хотел умереть за Россию.

Такова была психология людей, окружавших Верховного.

*Н. Львов*¹¹³

СВЕТ ВО ТЬМЕ¹¹⁴

В Ольгинской станице к нам присоединился И.А. Родионов¹¹⁵, пришедший пешком из Новочеркаска. Мы сменили сани на подводку, Иван Александрович купил вороного коня, и мы тройкой, парой в дышле и киргизенок на пристяжке, вчетвером на телеге двинулись в путь.

Новосильцева Леонида Николаевича я знал давно, еще со времен земских съездов. Он был либеральным земским деятелем, принадлежал к партии народной свободы, был членом Государственной Думы, присяжным поверенным. Во время войны я встретился с ним во Львове, где он был командиром ополченской батареи. В революционные дни он выделился как председатель офицерского союза в Ставке, вел отчаянную борьбу с развратителями армии, был арестован и вместе с генералом Корниловым заключен в Быхове.

Но во всех разнообразных ролях — присяжного поверенного, кадета, члена Думы, общественного деятеля — он оставался тем же не городским, а деревенским коренным русаком. В поддевке, в больших сапогах, в возне по упряжке лошадей и смазыванию колес он чувствовал себя гораздо лучше, чем в Белой зале Таврического дворца или во фраке с адвокатским значком. Я помню его во Львове среди бородастых дядей-ополченцев, показывающих выхоленных лошадок своей батареи. Так и казалось, где-нибудь в нашей усадьбе барин — помещик — водит гостей по своему хозяйству. И здесь в походе он оказался как раз на своем месте. Все наносное с того слетело. Точно он родился ямщиком, и невозможно было себе представить того же Леонида Николаевича предъявляющим запрос ненавистному правительству с трибуны Государственной Думы.

Есаул Родионов был известен как писатель правого лагеря. «Наше преступление» вызвало в свое время бурю негодования в либеральных кругах. Судьба соединила нас, как бы нарочно столкнула политических противников на одной телеге в течение длинного ряда дней нашего похода. Родионов — человек трезвого, положительного склада ума — был чужд какой-либо идеализации народа. Он понимал все значение быта и ненавидел то, что разрушает быт, старый уклад народной жизни. На казачество Родионов возлагал большие надежды. Он был уверен, что казачество стряхнет с себя революционное наваждение, потому что в казачестве крепок бытовой уклад, тогда как в русской деревне быт разрушен. «Для народа нужен устав, — повторял он, — без устава русский человек пропал».

В противоположность Новосильцеву и Родионову, генерал Кисляков всем своим прошлым был связан с городом. Воспоминания его сводились к приятному образу жизни в Варшаве, о котором он и любил рассказывать на стоянках, отвлекаясь от окружающей далеко не комфортабельной обстановки. В походе он чувствовал себя как бы посторонним. Таковы были спутники, которых послала мне судьба в Кубанском походе.

При выезде из Ольгинской станицы на площади нам встретились длинные дроги. В них сидел бритый немец-колонист и рядом с ним возчик, правивший парой лошадей в веревочной сбруе. «Не узнаете?» — обратился к нам немец. Кто такой? Голос как будто знакомый. «Неужели это вы, Александр Сергеевич?» Да, это был генерал Лукомский, а возчик генерал Ронжин. На околице мы с ними расстались. Они направлялись прямым путем на Екатеринодар с поручением к генералу Эрдели.

Вечером, когда мы сидели в станице Хомутовской за ужином, нам и в голову не приходило, что только что встреченные нами утром генерал Лукомский и Ронжин захвачены большевистской заставой и едва избежали дикой расправы. Какая-то случайность спасла их, находчивость генерала Ронжина выручила от расстрела в революционном трибунале, и из сарая, куда их заперли, им удалось бежать.

Нам угрожала со всех сторон опасность. Помню — к нам заходил капитан Роженко и уговаривал ехать с ним на Торговую и оттуда пробраться в Москву. Через несколько дней мы узнали, что капитан Роженко со своими спутниками был схвачен и убит. Обезображенные тела их были выброшены в колодезь.

Редкий день проходил, чтобы мы не узнавали, что тот или другой из знакомых погиб. Смерть стала обыденным для нас явлением.

Из Хомутовской мы выехали рано утром. Обоз почему-то замешкался, и мы оказались совершенно одни в телеге среди степи. Мы переехали полотно железной дороги у будки и покрутили по ровной, накатанной дороге. Гладко, серо и уныло кругом. Не успели мы отъехать и с полверсты от разъезда, как Родионов, сидевший спиной к нам, сказал: «Вон лешие за нами следят». Я обернулся и увидел, как дрезина остановилась у разъезда, из нее вылезли какие-то люди, и на крыше у трубы показалась фигура человека. Очевидно, нас выслеживали.

Мы продолжали ехать на рысях. На всем пространстве голая степь. Не видно ни одного дерева, ни строений, ни одной повозки на дороге, никакого живого существа. Пустыня кругом. На сером фоне издали показались две движущиеся черные точки. Они двигались то быстро, то останавливались. Стали видны всадники. Вот они остановились, вот опять поскакали наперерез нам, точно охотники в поле за зверем. Мы приготовили винтовки. Телега остановилась. Очертания всадников стали совсем ясны. Вдруг они свернули в сторону и стали быстро удаляться от нас.

Поздно вечером, когда подошел наш обоз, мы узнали, что при выходе из станицы Хомутовской конный отряд большевиков сделал нападение на наш обоз как раз у переезда, близ железнодорожной будки. Опоздай мы на каких-нибудь полчаса, и мы были бы захвачены большевиками.

Мы шли походом от станицы к станице вдоль Маныча, делая переходы по 25—30 верст. В станицах казаки не относились к нам враждебно, но они, как тогда говорили, «держали нейтралитет». За все мы платили — за стол, за ночлег, за сено и овес для лошадей. Было строго запрещено что-либо брать даром. Хозяйки большей частью были радушны, охотно готовили для нас и угощали жирными щами и сдобными пышками. В станицах всего было в изобилии. Ни в чем мы не терпели лишения.

Комнаты в казачьих домах были всегда опрятно убраны. В переднем углу иконы в золоченых ризах, царские портреты по стенам, в большом шкафу фарфоровая посуда, вышитые подушки и одеяла на огромной постели — все свидетельствовало о старом укладе и о довольстве хозяев. В каждой станице собирався сход. Генерал Корнилов держал перед станичниками речь. Казаки слушали, но к нам не присоединялись.

Сколько раз на стоянках есаул Родионов старался растолковать хозяевам, за что мы боремся. Хозяин-казак как будто соглашается, подумает и вдруг скажет: «Нам ничего дурного не сделают. Они с буржуями воюют, а нас, казаков, не тронут». Александр Иванович рассердится,

опять примется вразумлять, а толку никакого — так и махнет рукой. Помню, в Мечетинской мы остановились на постоялом дворе.

Молодая еще женщина-вдова держала все хозяйство в своих руках. Хозяйство было большое: во дворе стояло несколько троек. Вела она хозяйство, видимо, умело и строго. Это заметно было и по опрятности в комнатах, и по чистоте посуды, которую нам подали, и по тому, как слушались ее конюхи и прислуга. В сумятице, происходившей кругом, она умела разобраться. Ей незачем было растолковывать, она сама все понимала.

С решетчатого балкончика, на котором мы сидели, был виден въезд с околицы станицы. Конный разъезд спускался по косогору. Лошади, забрызганные пятнами грязи в груди и в боках, шаг за шагом ступают, погружаясь ногами по колено в расплывшуюся глину. Повозки, телеги с обозной кладью еле выворачивают колеса из липкой грязи. Конвойные пешком, возчики пехоты, разбившись по одиночке, стараются пробраться по сухому месту, где протоптана тропинка.

На повороте у околицы показалась группа всадников. Впереди на плотном буланом коне генерал Корнилов. Он слезает с седла и пешком направляется по той стороне улицы, по тропе вдоль забора. У домов стояли женщины, дети, станичники. Возле ворот нашего въезжего двора высокий сухопарый казак. Фуражка набекрень. Зачесанный вихром клок волос из-под фуражки. Усы закручены. «Вот идет разбитая армия», — с усмешкою сказал он так, что слышно было с балкона. «А вы-то, победоносное воинство, с фронта от немца бежали», — тотчас нашлась ответить ему наша хозяйка. Казак обернулся, весь побагровел и, злобно взглянув на нее, скрылся.

«Ну и молодец хозяйка, — сказал Александр Иванович, — так ему, подлецу, и нужно». Меткий ответ нашей хозяйки, не в бровь, а в глаз, задел его самолюбие. Не было казака, который не сознавал бы своей вины, бросив фронт. Одни скрывали это сознание в наглой выходке, другие — в молчаливом уклонении. Никому не было охоты оставить жену, хозяйство и идти в поход.

«Чего я пойду месить грязь», — сказал как-то здоровенный парень, когда его звали идти с нами. «Наше дело сторона, — говорил мне на одной из стоянок бойкий малый лавочник. — Поглядим, чья возьмет». Вот это «чья возьмет» и было решающим в поведении большинства. По колено в грязи шли добровольцы от станицы к станице среди населения, державшего себя в стороне, в ожидании, чья возьмет.

Под вечер к нам на постоялый двор зашли два казачьих офицера. Они только что вырвались из Гуляй-Борисовки, где их окружили мужики с вилами и дрекольями. Едва им удалось отбиться и ускакать.

Один из них получил удар дубиной в спину. Когда на другое утро мы выезжали из ворот постоялого двора, казачьи офицеры вышли на балкончик провожать нас. Они и не подумали пойти с нами, а остались в станице.

* * *

Обоз растянулся табором в ложине на скате пологого бугра. Холодный, резкий норд-ост, мучивший нас ранним утром в пути, сменился мягким дыханием теплого воздуха. Был ясный весенний день, один из тех дней, когда живительная отрада разливается в ярких лучах солнца, когда все радуется криком: и разорванная полосами белая пелена снега, еще более белая среди черных прогалин, и голубая, безоблачная даль неба в солнечном сиянии и блеске, и искры на снегу, и весенний воздух, которым дышишь, и запах полынка и прелой травы, какой-то запах земли на широкой, уже оттаявшей луговине, где остановится обоз.

И, лежа у горящего костра, над которым в дыму висит котелок, готов забыться, и как-то не думается о том, что происходит там, за бугром, где с утра идет бой. В голубом небе вдруг вспыхнет белое облачко и все расширяющимся и расширяющимся кольцом исчезнет в синеве, а там другое, третье, а то сразу как будто из самой глубины неба внезапно появятся и забелеют разом три и медленно поплывут в вышине, и как-то трудно представить себе, что белые дымки в синеве неба — это разрывы снарядов. Выстрелов в ложине не слышно.

Отпряженные лошади стоят у телег, лениво выхватывает то та, то другая солому из воза, дремлет на рыдване возчик, у разведенного костра расположились раненые, слышен говор, где-то лай собачонки. И после усталости утреннего перехода не хочется отрывать от тихой дремоты. Но вот раздается команда. По обозу проезжает всадник. Всех, у кого есть оружие, вызывают в цепь.

С правой стороны, далеко за ложиной показались двигающиеся точки — и разобрать трудно, овцы ли это от стада, рассыпанного по степи, или что-либо другое. Наши люди, выбегая из обоза, стали быстро направляться по спуску оврага. Видно, как они, раскинувшись цепью, продвигаются к ручью. Глядя в бинокль, я как будто различил далеко на той стороне за ручьем медленно продвигающихся всадников. Они то останавливались, то опять приближались. А там сзади показалась еще какая-то конная группа. Но вот один за одним они повернулись и уже быстро стали удаляться и скрылись из виду на горизонте.

Решимости наступать у них, видимо, не хватило. Наши цепи стали возвращаться назад. Вернувшийся с холма, возвышавшегося перед нами, офицер рассказывал, что оттуда как на ладони видна вся картина боя. Мы тотчас пошли в гору. Рядом с нами в двуколке на маленькой лошадке ехал пожилой полковник. Он, стоя в тележке, правил. И странно было видеть этого сухощавого, с седоватой бородкой полковника в его офицерской шинели с помятыми погонями в роли возчика, погоняющего вожжами лошадку. Он подвозил пулеметные ленты в цепь. Мой спутник поздоровался с ним. Это был его знакомый.

«Вы вон на тот бугор идите, оттуда все видно», — указал полковник. Мы свернули вправо, а его лошадка в двуколке с медленно ворочающимися большими колесами продвигалась по дороге.

Как только мы поднялись на вершину, тотчас неслышный внизу орудийный грохот своею внезапностью поразил слух. Всего в нескольких стах шагах была полная тишина. А здесь непрерывный грохот, треск и среди ударов пушечных выстрелов резко выделяющийся машинный пулеметный стук.

Широкая отлогая равнина вся залита солнцем. На скатах и внизу вдоль лощины белые снежные полосы. Видна вьющаяся, в извилистых берегах речка, местами выбившаяся из льда темною лентою, местами покрытая снежным покровом, а на той стороне за речкой огромное селение, серая масса кустов и деревьев и среди них белые домики.

Ясно выступает здание ближней церкви, а там еще купол и колокольня и ряд ветряных мельниц на горизонте. И вся эта долина, залитая солнечным светом под голубым небом, оживлена шумом, грохотом, вспыхивающими клубами дыма, движением людей. Простым глазом видно в кустах по берегу речки какое-то движение, на мосту скопление какой-то кучки, темная полоса окопов ясно выделяется на белом покрове снега.

Влево от нас внизу на открытом месте два орудия. Ясно видны движущиеся около орудий люди. Заглушая общий гул, резко раздаётся удар то одного, то другого. И снова быстрые движения людей, и один за другим два резких оглушительных выстрела. Подальше видна на пригорке группа, кто-то стоит впереди, за пригорком конные. Нам сказали, что там генерал Корнилов. Двуколка, запряженная маленькой лошадкой, тихо спускалась по дороге и завернула возле телеграфного столба. То тут, то там подымается от земли черный столб пыли, лопаются белым облаком в воздухе снаряды.

«Двинулись». Офицерский полк. Вон генерал Марков, белая папаха, «молодцы». Раненый возле меня глядел в полевой бинокль. Я ста-

рался разглядеть. Из-за возвышенности быстро выдвигалась на широком пространстве темными точками линия наших цепей. Белые дымки учащенно замелькали в той стороне, и усиленно застучал резкий звук пулемета. «Дрогнули, бегут», — все так же глядя в бинокль, сказал раненый. Он передал его мне. Я увидел, как из окопов выскакивали и бежали по белому снегу, в кустах за речкою замелькали такие же бегущие, а на мосту видно было, как вся скопившаяся кучка вдруг рассеялась, и вслед за тем на мост с другой стороны вбежали наши офицеры.

Лежанка взята. Это была атака Офицерского полка, когда генерал Марков бросился впереди своего полка на мост прямо лобовым ударом под огнем пулеметов из неприятельских окопов, окаймлявших Лежанку. Когда мы вернулись к обозу, там царило то возбужденное, приподнятое настроение, которое всегда сопровождает успех на поле сражения. Всюду радостные голоса, оживление. Люди суетились, собирали котелки, пожитки, усаживались в повозки, запрягались лошади, и одна за одной стали двигаться повозки, выезжая из обоза.

Тронулись и мы в нашей телеге сначала в гору по большому тракту на вершину холма; обогнув его, стали спускаться по пологому скату. Когда мы проезжали возле дороги, мы увидели опрокинутую двуколку с разбитым колесом и труп убитой маленькой лошади. Сестра в белой косынке и несколько человек стояли возле, и тут же лежало на земле тело старого полковника с седенькой бородкой, в офицерском пальто, того самого полковника, который встретился нам по дороге в двуколке. Снаряды большевиков рвались большей частью высоко в воздухе, этот же снаряд разорвался над самой повозкой, и старый полковник был убит, убита его маленькая лошадь.

Наши офицеры — капитаны, ротмистры, полковники — несли тяжелую службу рядовых. По ночам стояли в заставах и, сделав переход в 30—40 верст, тут же принимались смазывать и прочищать винтовки, чинить свою обувь, исправлять пулеметы. А тот, кто уже не мог идти в строй, как этот старый полковник, в обозе исполняли должности возчиков, санитаров, прислуги.

Мы въехали уже под вечер в селение по деревянному большому мосту через речку. По ту сторону моста лежал распластанный навзничь огромный детина. Голова его казалась ненормально большой на грузном теле. Рана на лбу. Все обезображенное лицо представляло массу, не похожую на человеческое лицо. Это было огромное туловище с раскинутыми руками и ногами, но со странной, нечеловеческой головой. Тут же в том и в другом положении были видны трупы убитых: кто в кожаной куртке, кто в солдатской шинели, с босыми ногами,

обернутыми тряпками. В селении еще раздавались отдельные выстрелы то там, то здесь, когда мы подъезжали к ближайшим хатам.

Какой-то человек низенького роста, испуганный, стал отворять перед нами ворота и звал остановиться у него. Он что-то бормотал несвязное, в чем-то уверял нас. Вслед за ним вышла какая-то женщина в платке и тоже запинаящимся языком говорила какие-то непонятные слова. Мы заехали в ворота и вошли в дом. Комната была просторная, опрятно убранная, с занавесками на окнах. Три низкие железные постели стояли вдоль стен, два сундучка. На подоконнике лежал наган и были разбросаны патроны. Здесь у нашего хозяина жили артиллеристы-офицеры. Незадолго до нашего прихода они были захвачены и отведены на суд. Перепуганный хозяин суетился около нас, уверяя, что он тут ни при чем. Нам подали самовар, принесли молока, хлеба. Зажгли лампу. Я стал разглядывать наше помещение. На белой стене углем были начертаны рисунки.

Силуэты трех молодых людей и рядом с ними три револьвера. Видимо, это были изображения тех офицеров, которые жили в этой комнате перед нашим приходом. Потом еще несколько женских головок, бойко нарисованных углем. На столе около окна лежало несколько томиков книжек без переплета; среди них Пушкин, так и оставшийся раскрытым на одной из страниц; лежали в беспорядке бумаги и пачка писем. Одно из них, развернутое на столе, привлекло мое внимание. Я невольно взглянул на него. Написано четким женским почерком: «Дорогой мой и ненаглядный...»

И странно было. Мы ворвались в чужую жизнь, держим в руках вещи, которые нам не принадлежат, собираемся спать на постелях, которые только прошлой ночью были заняты какими-то нам неизвестными офицерами. Кто-то из них, видимо, умел хорошо рисовать, кто-то читал пушкинские стихи, у кого-то из них была возлюбленная, которая писала ему, называя «мой ненаглядный». И вся эта жизнь вдруг прервана нашим приходом. Старый полковник убит, здоровенный парень в луже грязи в обезображенном виде, в котором нельзя уже узнать человека, и эти три офицера, жившие здесь, в глухом ставропольском селении, каждый своими повседневными заботами, схвачены и уведены на суд.

Хозяин нашей квартиры суетливо доказывал нам, что офицеры старались удержать людей от боя, что их насильно угрозами заставили, а главное — он выгораживал самого себя, уверяя, что к нему то на квартиру их поставили по принуждению. Подумать было тяжело: молодые офицеры — артиллеристы 39-й пехотной дивизии, быть может, участвовавшие во взятии Эрзерума, теперь руководили

солдатами в бою против нас. Что могло их побудить примкнуть к большевикам?

По временам слышны были одиночные, сухие ружейные выстрелы. И.А. Родионов вернулся из штаба с известием, что двое оправданы, а третий, кажется, осужден. Он прибавил, что осужденных тут же расстреливали в садах. «И представьте себе, кто принимал участие в расстреле, — сказал он, — баронесса Боден».

Я хорошо помню ее. Молоденькая, красивая девушка с круглым лицом, с круглыми голубыми глазами в своем военном мундире прапорщика казалась нарядным и стройным мальчиком. Дочь русского генерала, воспитанная в военной среде, она не подделывалась под офицера, а усвоила себе все военные приемы естественно, как если бы она была мужчиной. В круглой меховой шапке, надетой немного набекрень, в высоких лакированных сапогах и в хорошо сшитой военной поддевке, она не могла не нравиться.

Ею невольно любовался всякий, как молодым красивым созданием. Много было в ней не деланной, а действительной военной удачи. Она отличалась еще в боях на улицах Москвы, направляя пулемет против большевиков, наступавших на площадь храма Спасителя. В походе мне часто приходилось видеть ее верхом в конном отряде. Она погибла геройской смертью в конной атаке в садах перед Екатеринодаром. Рядом с ней в той же конной атаке погиб молодой князь Туркестанов. Ему едва минуло 16 лет. Это был мальчик с бледным, женственным лицом и с черными, пылающими глазами. Нет ненавистей более жестоких, чем ненависти гражданской войны. Но горе тем, кто посеял эти семена ненависти в детской душе.

Я помню маленького кадета. Он ехал с нами в походе на белой лошадке, с карабином за спиной. У него был тонкий, детский голос. Он плакал, рассказывая, как убили его отца-генерала и старшего брата на его глазах.

Вечером, охваченный впечатлениями прошедшего дня и невольным радостным чувством от нашей победы, не думаешь как-то о своих; мысль, не ранены ли, не приходит в голову, но с какой-то тревогой идешь по липкой грязи станичной улицы рано поутру разыскивать расположение 3-й роты Офицерского полка.

Кто-то сказал мне, что в роте полковника Кутепова много раненых и есть, кажется, убитые. Расспрашиваешь у встречных офицеров, в каком конце расположился офицерский полк, идешь — и страшно идти, страшно узнать, что убитым окажется один из моих. В переулке валяются в канаве у плетня два трупа. Свиньи, когда я проходил, отбежали от канавы. Говорили, что свиньи едят челове-

ческие трупы. И неприятное ощущение усиливает тревожное настроение.

Завернув за угол по направлению к указанной мне белой хатке во дворе, я увидел на улице своих. Офицеры, кто напирая сзади, кто за оглобли, тянули из грязи артиллерийскую двуколку. По смеху и веселым голосам я сразу узнал, что у нас все благополучно. От сердца отлегло. Как весело и радостно было увидеть своих. У младшего оказалась легкая царапина на верхней губе от осколка снаряда. Какое счастье. На волосок, и молоденькое лицо его было бы навсегда обезображено. Теперь с повязкой под носом он забавно, по-детски смеялся.

Рота их перешла вброд речку. Пробивая лед прикладами, друг за другом они перешли через воду и вскарабкались на другой берег. Вода была по пояс, но чуть в сторону — и сразу становилась по горло. Капитан Займе¹¹⁶ (у него было больное сердце) чуть не захлебнулся, погрузившись в холодную воду; его подхватили, вытащили за руки на берег.

Появление их в селении было так неожиданно, что их приняли за своих. Какой-то начальник, верхом на коне, подскакал к ним и, махая саблей, кричал, чтоб все собирались к церкви: «За мной, товарищи!» Ружейный залп — и он свалился замертво с седла. Большевики бросились бежать. Площадь сразу опустела.

Продрогшие в ледяной воде, они тем только и спаслись, что выпили тут же вечером ведро водки. Все это рассказывалось веселыми, молодыми голосами, и сам капитан Займе («папаша», как его звали младшие) смеялся (он чуть не утонул), как над забавным случаем, над своим приключением. «Удовольствие, скажу, не из приятных, — говорил он, стоя в рубашке, с босыми ногами у горячей печки, — утунуть в речке под Лежанкой!»

Все это выносилось легко. После тяжелых дней Ростова, когда чувствовалось, как веревка все более и более сжимала горло, победа над большевиками вливала столько бодрости и уверенности в своих силах. Казалось, весь поход мы сделаем как военную прогулку.

Лежанка, огромное селение Ставропольской губернии, расположено на границе Войска Донского. Обширные владения, как говорили, до 100 тысяч десятин, принадлежали сельскому обществу. Лишь меньшая часть земли была под пашней. Необъятные пространства оставались под залежами, ковыльными и пырьевыми степями. На них паслись гурты скота. Урожай снимали до 200 пудов пшеницы. В редком дворе не стояли скирды немолоченого хлеба. Повсюду сытость и довольство.

Для тех, кто видит в русской революции социальную, вызванную крестьянским малоземельем, есть над чем задуматься. О каком земельном утеснении можно говорить, когда кругом на десятки верст колышется степная трава, как необозримый, безбрежный разлив. «Земля и воля» — куда же еще больше! Целый день иди по степи и, кроме вольной птицы в небе и моря ковыля, колеблемого ветром, ничего не увидишь. А между тем это богатейшее ставропольское селение было гнездом большевизма.

Так же как и в казачьих станицах фронтовики, так и в Лежанке большевиками оказались солдаты, ушедшие с Кавказского фронта и застрявшие в Ставропольской губернии. К ним тотчас примкнул весь сброд бездомных, воров и конокрадов, выпущенных из тюрем и вернувшихся в село.

На кого же были направлены революционные ненависти в Лежанке? Помещиков никто никогда и в глаза не видывал. Против богатых — но здесь каждый был богат. Прежде всего произошел бабий бунт. Бабы разгромили лавки и растащили мануфактурный товар. Высокая цена на ситец вызвала бабий бунт. Потом принудили мельников даром молоть зерно. Учинили разгром винных лавок. Убили волостного старшину. Образовался революционный комитет. Какой-то солдат встал во главе. В большом здании школы происходил суд, и приговоренных расстреливали тут же у забора.

Все население безропотно покорилося новой власти. Все это я узнал по расспросам у местных жителей, когда мы стояли в Лежанке. «Они говорят, за трудовой народ, — жаловался мне мельник, у которого отняли его ветрянку, — а я все своим горбом нажил, своими руками сам все смастерил. Какой же я буржуй?» И он показывал свои мозолистые, корявые руки: «Тоже сицилисты до чужого добра».

Когда все это видишь, понимаешь слова Пушкина: «Не приведи Бог увидеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный».

* * *

В Лежанке мы простояли несколько дней в ожидании подхода казаков с походным атаманом Поповым. Но Попов отказался идти с нами, и тогда было принято решение двигаться на Кубань.

Обыкновенно мы делали переход днем верст 30—40 и останавливались на ночлег, с тем чтобы с утра вновь подняться в путь до следующей остановки, но в Веселом, куда мы приехали под вечер, был дан приказ трогаться ночным переходом. Мы знали, что нам предстоит трудный переезд через полотно железной дороги из Ростова на Тихо-

режкую. На этом пути нас караулили броневые поезда: Настроение было тревожное, когда вечером мы выезжали из Веселого.

Днем пригревало солнце, ночью было нестерпимо холодно. Даже под одеялом мерзли ноги и трудно было согреть костеневшие пальцы. Курить было запрещено, запрещено громко разговаривать. Прижавшись четвером, мы молча ехали в нашей телеге. Луна не светила, и в полной темноте лишь звезды горели в морозном воздухе, своими блесками как бы усиливая окружающий холодный мрак. Повозки двигались одна за одной, стуча колесами по мерзлой земле.

«Стой!» — прокричал кто-то. Всадник вдруг выделился из темноты рядом с нами. Мы остановились, а передовые повозки продолжали ехать все дальше и дальше; слышен был стук колес удаляющегося от нас обоза. Мы сбились с дороги и проехали куда-то далеко в сторону. Всадник поскакал вперед остановить и вернуть обратно оторвавшийся от нас обоз.

Куда же ехать? До рассвета нам нужно было перейти железнодорожный путь. Сбившись, мы потеряли время и сами не знали, найдем ли дорогу. Повернули обратно. Вот в темноте показались огни какого-то хутора. Тот ли, откуда мы выехали, или опять заблудились? Было жутко чувствовать себя потерянным в ночном мраке. Холод охватывал и лицо, и ноги, и руки; холод ощущался в спине под меховой курткой. Я слез с повозки, нащупывая в темноте землю, и прошел в ближайшую избу. Она была битком набита народом. Кто стоял, кто скорчившись сидел, а кто и уснул, растянувшись на полу.

Тускло горела всякая лампа. Было душно от табачного дыма и от дыхания людей, набившихся в комнату. «Обоз уехал Бог знает куда. Жди теперь, когда он вернется, — сказал чей-то грубый голос. — Эдак они всех нас подведут». Кто-то ругал тех, кто должен был стоять на перекрестках и указывать путь.

В комнате было темно, клонило ко сну, глаза сами собой смыкались. Качнешься в сторону, подымеешь голову, и опять охватывает дремота. Встрепенешься вдруг от тревоги. Страшно пропасть, сидя здесь, в этой комнате, а выходить не хочется из тепла опять на холод.

Сон на ногах у стены в забытьи в душной комнате был мучителен. Сколько я простоял в хате? Был ли это час, два или минут двадцать—тридцать? Я очнулся от движенья и толкотни, поднявшейся в комнате. Из раскрытой двери дуло холодом. Все выходили в темноту на улицу. Я отыскал своих, уселись в повозки и тронулись. Всадник указывал нам путь.

Во время войны при боевых действиях, равно как и в походе, весь вопрос заключается в том, чтобы, сохранив всю напряженность воли,

преодолеть усталость физическую и моральную, такую, что человек готов свалиться с ног, глаза сами собой смыкаются, мысль застывает. Все равно, что бы ни случилось, лишь бы не делать усилий и уснуть хоть на мгновение.

Один боевой офицер рассказывал мне, как во время ночного перехода он, не спав несколько ночей подряд, идя во главе роты, вдруг заснул стоя, и вся рота сзади него остановилась. Он очнулся; те, кто шел впереди, скрылись, шагов не было слышно. Перед ним две дороги расходились. Его охватил ужас. Он бегом повел своих людей и, к счастью, попал на правильный путь.

То, что пережил этот офицер, пришлось и нам пережить в ночном переходе из хутора Веселого. Обоз наш, сбившийся с пути, проехал в сторону по направлению к станции Павловке. Он не доехал всего 2—3 версты. Огни уже были видны. Еще несколько минут, и весь обоз без охраны боевых частей прямо попал бы в руки большевиков.

Нас спас счастливый случай. Нет, спасло нас то, что среди наших людей была вот та напряженность воли, которая одна только и спасает из тысячи случаев. Кто-то, кто не свалился от усталости и не спал, остановил обоз и повернул его обратно, и то, что должно было послужить к нашей гибели, оказалось в нашу пользу. Шум колес от приближающегося обоза был услышан на станции. По телефону затребованы боевые поезда. Большевики готовились встретить нас в Павловке и открыли нам путь у разъезда в станице Ново-Леушковской.

Уже стало светать, когда мы подъехали к кособору. От кособора спускалась лощина. Внизу тянулось длинное болото, покрытое высокими зарослями камыша. По топи была устроена плотина из жердей, прикрытых камышовым настилом. Повозки скучились возле гати и медленно, одна за другой, переправлялись на ту сторону.

Было холодно. Солнце еще не грело. Земля была покрыта белым инеем. Кто-то притащил из ближайшего хутора старую солому и навоз. Зажгли костер. Густой белый дым поднимался кверху, и пламя то вспыхивало, то пропадало в дыму. Около костра жались люди, отогревая свои замерзшие руки.

Одна из телег провалилась на мосту. Приходилось ее вытаскивать. Опять задержка! А солнце поднималось все выше и выше. Наконец повозку вытащили, исправили гать, застав ее нарубленным камышом. Обоз тронулся, медленно спускаясь с бугра и колыхаясь по мягкому настилу гати, переезжал и вытягивался в гору на том берегу.

Наша повозка переехала через гать и затем покатила по гладкой убитой дороге. Лошади бежали рысью в гору. Мы спешили доехать

как можно скорей. Конные разъезды подгоняли наших возчиков. Переезд должен был совершиться в темноте, чтобы нас не могли заметить из ближайшей сторожки. А солнце уже ярко светит. Видна насыпь и телеграфные столбы. Обоз мчится и влетает с грохотом в улицу станицы.

Было воскресенье. У домов на завалинках сидели разодетые по-праздничному станичники. На базарной площади толпа, в ярких цветах разряженные женщины, казаки в черкесках с галунами, в папахах с красным верхом. Звон церковного колокола разносился над всей этой пестрой толпой между рядами лавок, на площади возле церковной ограды. И странно было видеть этот праздничный люд, здоровый, рослый, с любопытством оглядывавший нас, едущих прижавшись по трое и четверо на повозках по базарной площади. «По роже видно, что большевик», — сказал угрюмо Ал. Ив., указывая на рыжего малого, который, глядя на нас, ухмылялся, полужгивал семечки, отплевывая шелуху. И опять как-то остро почувствовалось: «Кому мы нужны?»

Всю ночь мы промучились, иззябли, бока болят от тряски по мерзлой земле. А здесь, в каких-нибудь ста верстах от Ростова, где теперь идет кровавая расправа над незащитными людьми, другие люди, тоже русские, все так же справляют праздник; рядятся женщины, веселятся молодые казаки, и нет им никакого дела до нас, захватят ли нас броневые поезда, зарубят ли и расстреляют большевики, погибнет ли генерал Корнилов. Мы шли освобождать Екатеринодар. Мы возлагали надежды, а встретили полную безучастность, как и на Дону.

Мы переехали мост через речку и поднялись далее в гору к железнодорожной будке у переезда. Возле будки стоял генерал Корнилов и офицеры штаба; генерал Марков в своей белой лохматой папахе, по которой издали можно было его узнать, как всегда подвижный, на ходу поздоровался с нами, быстро переходя дорогу.

На пригорке расположился вдоль дороги офицерский полк. Я увидел своих после тяжелого ночного перехода. Они говорили, что ничуть не устали. «Мы привыкли, все равно что на охоте», — сказал младший — это после 40 верст в ночную темь при стуже, от которой я насквозь продрог. Долина ровным скатом спускалась на далекое пространство. То тут, то там отдельные группы деревьев и внизу роца с ее серыми зимними сучьями. Направо речка быстро катила свои воды под мостом, а по ту сторону красивые здания мельницы и в садах белые хаты станицы. Круто поднимался другой берег. В нем была видна глубокая выемка, видны были телеграфные столбы и далеко белая будка.

Но вот возле будки показался черный дымок, и вслед из-за бугра на выемке выдвинулся черной точкой паровоз. Раздался резкий оружейный выстрел в утреннем морозном воздухе, и граната ударилась в черную землю пахоты в сажнях 200 от нас. Опять удар, и опять граната высоко подняла кверху столб черной пыли и дыма.

Офицерский полк поднялся с привала — и заколыхались штыки. Повозки тронулись все быстрее и быстрее по дороге. С нашей стороны, откуда не было видно, тоже прогремел оружейный выстрел, другой, третий, и оттуда, где остановился в выемке поезд, неслись ответные удары. Мы отъехали уже далеко, но картина артиллерийского боя была перед нашими глазами.

В бинокль можно было хорошо разглядеть паровоз, стоявший на бугре, и ряд вагонов на повороте у выемки. Можно было видеть и разрывы снарядов. Один упал перед самим паровозом. Показались клубы черного дыма; поезд откатился назад, скрылся за бугор, и только черный дым, стелющийся по ветру, указывал на его быстрый отход. Солнце поднялось над горизонтом. Скользящие утренние лучи освещали широкую серую долину с искрящейся в солнечном сиянии водной поверхностью голубой речки. Мы сделали тяжелый ночной переход, но, несмотря на усталость, приходилось спешить все вперед, чтобы как можно дальше отойти от железной дороги.

Мы въехали в Кубанскую область. Селения и хутора, встречавшиеся нам на пути, резко отличались своими белыми хатами и ярко-красными черепичными крышами от донских селений с их дощатыми серыми строениями. Мы проехали, не останавливаясь, одно селение, и только в следующем небольшом поселке мы сделали привал.

Отыскивая, где бы остановиться и поесть, я зашел в белую маленькую хату на задворках среди огорода. Открыв дверь, я увидел старушку и с ней маленькую девочку. Больше никого не было в комнате. Жили ли они вдвоем в маленькой хатке, или другие ушли из дома, я не мог узнать. Старушка была глухая, а девочка оказалась такой запуганной при виде чужих людей, вошедших к ним с ружьями, что ничего не могла ответить. Старушка оказалась очень ласковой, сейчас же принесла нам сдобных пышек и сладкие печенья.

Что думала она о нас? Добрые мы или злые люди, куда едем, зачем — она не знала, но, накормив нас, дав нам напиток чаю, когда мы отъезжали от нее, она вышла на крыльцо и так же молча начала крестить нас своею костлявою, старческою рукою, и было что-то глубоко трогательное в этом крестном знаменнии, которым провожала проезжих людей эта старушка, оглохшая и молчаливая.

К соседней хате подъехал казак на вороном коне, быстро соскочил с седла, вошел в избу и через короткий срок вышел оттуда уже с винтовкою за плечами. За ним вышла жена с маленькими детьми провожать его в отъезд. Это был первый кубанец-доброволец, которого я видел в нашей армии. Он простился с детьми, с женою, лихо вскочил в седло, потом еще раз протянул ей руку и поскакал на своем вороном коне.

Обоз наш тронулся дальше. Уже вторые сутки мы были в непрерывном пути, продрогли, на привале не успели отдохнуть, но нужно было спешить.

* * *

Обоз назывался почему-то у нас «главными силами», тогда как он являлся главною обузою для армии. Нужно было охранять его, ждать лишнее время на переездах у железных дорог и при переправах через реки заботиться о его прикрытии, когда войска уходили вперед. Обоз являлся серьезным тормозом для боевых операций.

Не раз в обозе распространялись слухи, что генерал Корнилов хочет бросить нас и идти с одними войсками. Но слухи эти, как и все обозные слухи, были неверны. Генерал Корнилов заботливо относился к раненым и ко всем тем безоружным людям, которые связали свою судьбу с армией. Ни разу он не оставлял тяжело раненных в станицах, ни разу не допускал, чтобы обоз подвергся нападению большевиков; больше того, неудача под Екатеринодаром объяснялась тем, что не была двинута в бой с первых же дней бригада генерала Маркова, оставленная на том берегу Кубани для прикрытия обоза с ранеными.

Мы шли все вперед, отступать нам было некуда. У нас не было тыла, куда мы могли бы отойти. Мы были прикованы как бы к одной цепи, оторваться от которой было нельзя. Мы не знали, что будет завтра. Кто мог поручиться за то, что нас не накроют бронепоезда при переходе через железную дорогу, что мы не наткнемся на такие силы большевиков, с которыми нельзя будет справиться. Кто мог быть уверен, что никогда не дрогнут и не сдадут какой-нибудь десяток, два юнкеров, измученных, усталых в предшествующих боях, и большевики не прорвут нашу цепь. А достаточно было ослабеть одному звену, и все рухнуло бы.

Мы принуждены были везти раненых в весеннюю распутицу по непролазной грязи, трясти в повозках в гололедицу по камням замерзшей глины, оставлять дрогнуть от холода кое-как прикрытыми, а на

стоянках в тесных и душных помещениях им не могли дать хотя бы временный покой.

Об каком-либо уходе не могло быть и речи, когда не хватало ни перевязочных средств, ни лекарств, а операции приходилось делать тут же на столе, в пыли и грязи комнаты. Не раз лазарет попадал под обстрел, а на следующий день, если не с утра после ночевки приходилось двигаться вперед на те же муки. Не говоря уже о физических страданиях, моральное состояние их было ужасно. Представьте себе, что должен переживать человек, который лежит с перебитой ногой и думает, что вот-вот ворвутся большевики, схватят, а он не в силах двинуться

Сознание своей беспомощности страшит всеми ужасами ночного кошмара. Каждый бережно хранил несколько пуль в револьвере, чтобы покончить с собой. Состояние это так мучительно, что люди умоляли, чтоб им дали отраву, и были случаи самоубийства... А каждый мог быть завтра ранен и оказаться в таком положении. И веселый корнет, который любил шутить и так же беззаботен в походе, как на прогулке, — завтра окажется с раздробленной ногой в лазаретной тачанке. Я помню — мне рассказывали, — на остановке после нашего отхода от Екатеринодара двое раненых нагнали обоз: один, слепой, нес другого, с разбитой ногой (этот указывал ему путь) Их забыли и бросили в Елизаветинской станице

Кроме раненых с обозом, ехали и шли пешком: охранная рота, служащие разведывательного отделения, люди, связанные тем или иным путем с Алексеевской организацией, везли казну на подводах, серебряную монету и кредитные билеты из Ростовского государственного банка, ехали и жены офицеров, и сестры милосердия, были и люди, неизвестно почему затесавшиеся в поход.

Кого-кого только нельзя было встретить в нашем кочующем таборе. Были и земские деятели, и члены Думы, и журналисты, и профессора, и учителя гимназий — осколки разбитой русской общественности, а рядом певчий из архиерейского хора, вольский мещанин, случайно попавший на Дон, чахлый портной из Новочеркасска, отставной генерал, чиновник судебного ведомства, остзейский барон с женою, предводитель дворянства и неизвестного общественного положения подозрительный субъект. Все были сброшены в один мешок. Все тянулись по одной дороге, сходились на стоянках, как-то добывали себе пищу, устраивались и вновь двигались в путь.

Вот генерал, служивший по гражданской службе. В Ростове я часто его видал в ресторанах в обществе дам: всегда с иголочки одетый, с надушенными бакенбардами, в щегольском генеральском мундире

и в лакированных сапогах. Здесь я не узнал его. Куда девалось все его великолепие? Бакенбарды сбриты, торчала какая-то щетина на щеках, в грязном белье и в какой-то вязаной куртке, он производил впечатление сморщенного жалкого старика. Он вздыхал и кричал, досадуя на свою судьбу, во всем обвинял генерала Корнилова и только и говорил о том, как бы вырваться из западни, как называл он наш поход. По его словам, можно было отлично устроиться, пробравшись в Кисловодск, где жизнь течет совершенно нормальным порядком. Когда он вспоминал о кисловодском курзале, у него появлялись даже слезы на глазах. И было жалко видеть его таким пришибленным судьбою после прежнего блестящего генеральского вида.

С Л.В. Половцевым¹¹⁷ когда-то мы были врагами по партиям в Государственной Думе. Теперь судьба свела нас на дороге в Кубанской степи. В Новочеркасске он исполнял обязанности главного интенданта, то есть ездил по лавкам закупать и заодно развозил на извозчиках валенки, теплые чулки и башлыки для отправки их на вокзал для наших добровольцев. В походе он состоял помощником генерала Эльснера, заведующего снабжением. На стоянке мне как-то пришлось его застать сидящим на полу среди хомутов, кожаных обрезков и вожжей с большой иглой, молотком и гвоздями, занятого, как настоящий шорник, починкой конской сбруи?

Кому когда-либо мог присниться такой странный сон: после Таврического дворца где-то в кубанской станице комната, превращенная в шорную мастерскую, и член Государственной Думы, вбивающий гвозди в конские хомуты. И что было сном, и что было действительностью? Белая зала Таврического дворца или шорная мастерская, заваленная конскою сбруей?

Встретился я на походе как-то случайно с моим знакомым. Молодой, преуспевающий по службе товарищу прокурора, он вел в уездном городе жизнь провинциального чиновника, умеренную и аккуратную, позволяя себе во внеслужебное время удовольствия в любительских спектаклях, в игре в винт по маленькой, а летом в пикниках на лодке. При нормальных условиях он продолжал бы свою служебную карьеру, поигрывал бы в клубе, ухаживал бы, быть может, женился и кончил прокурором суда в той обыденной обстановке, где от служебных обязанностей переходят к партии винта, к домашним ссорам с женой, к повседневным заботам о грошовой экономии в расходах. И вдруг все это опрокинуто вверх дном. Он выбит из колеи установившихся привычек и правил, выброшен на улицу. Как, отчего — и сам не может понять. Случайно занесло его в Ростов, случайно оказался он в походе, случайно встретил я его в

драповом пальто и в городских ботинках, идущим в непролазной грязи по станичной улице. Все случайно. Случайных людей было немало в нашем обозе.

Певчий, тоже как-то попавший к нам, с бледным, испытанным лицом, любил распевать арии из опереток. Он рассказывал, что его звали в Москву на сцену: какая-то проезжая знаменитость оценила его голос, но ему так и не удалось вырваться из провинции, и он, цирюльник по профессии, поступил в архиерейский хор. Побывал он и партизаном в отряде Чернецова, ходил в набеги против красных, а теперь сделался возчиком в обозе.

Остзейский барон хотя и штатский, но с военной выправкой, вытянутый, умеющий соблюдать чистоту и приличие даже в условиях нашей походной жизни. С ним его жена с ярко-рыжими волосами, и странно было видеть ее в элегантной шубке, сидящей на клади в повозке, рядом с серыми, поношенными шинелями.

Были в обозе и такие офицеры, которые уклонялись от боя, но, как только селение было взято, они первые бросались в него, чтобы захватить сахар, мануфактуру, спички. Я помню одного на вороном коне, в черной черкеске с красным башлыком, который особенно отличался лихостью своих набегов на занятые уже селения. Первый он прискакивал к лавкам и всегда успевал что-то захватить.

Были и такие, которые сделали своей профессией поимку лошадей и продажу их офицерам. Были и просто воры, кравшие все, что можно было украсть: браунинг с подоконника, сахар, чай, забытый кошелек. Обоз был тылом нашей армии. И в обозе проявлялось все то же стремление как-нибудь поживиться, получше устроиться, что-то захватить для себя.

Люди оставались людьми. Каждый заботился только о себе. Пережили стесняться, лишь бы получить что-либо для себя, — лучшую квартиру на стоянке, хотя бы ее пришлось отбить от раненых, большой кусок мяса в суп, побольше сахару или табаку, хотя бы пришлось тайком стащить чужое. Шли мелкие интриги, добивались назначений, и составлялись заговоры. И были такие, которые, наблюдая все эти отрицательные стороны, впадали в настроения уныния и пессимизма, видели все в черном цвете и уже не понимали того героического, что совершалось на их глазах, засоренных пылью.

Видали ли вы степь в позднюю осень? Хлеба уже скошены и увезены с полей. Нет ни зелени, ни желтизны жнивья. Все однообразно серо кругом, все пустынно. Ветер лишь гонит и крутит столбом пыль по степному пространству. Видали ли вы в осеннюю пору, как катится по степи то быстро, то замедляясь, то взлетая кверху, то опуска-

ясь, катится и остановится и вновь понесется вперед какой-то засохший куст степного растения. Его называют «перекати-поле». Кто вырвал его от родной почвы? Каков его цветущий вид? Грустно видеть его одинокое скитание. Оторванный от корня, несется он, куда ветер гонит, по жнивью, по степи, через бугор, по равнине, где застрянет, где вновь покатится вперед и вперед, все так же гонимый ветром. И куда занесет его? Завалит ли в овраг, на дне которого он сгниет, или перебросит на тот берег и понесет все дальше и дальше. И нет ему пристанища, и нет ему покоя. Крутит и крутит его вихрь, треплет его ветви, гонит из стороны в сторону. Не так ли гонимый бурей катился по кубанской степи и наш обоз с его ранеными, больными, выбитыми из жизни людьми.

* * *

Путь, который избрал Корнилов, был нелегкий путь. Нам предстояло перейти через полотно железнодорожной линии Кавказская—Екатеринодар, находившейся в руках большевиков; переправляться через большие реки Кубань и Лабу и ряд мелких, идти все время с боями, обороняясь и в арьергарде, и передовыми частями от нападавших со всех сторон большевиков, а за Кубанью, вступив в Майкопский район, столкнуться с партизанской войной с засадами, с нападением из камышей, из садов, из-за угла у околицы при выезде из селения.

И среди всех трудностей наша армия, которую можно назвать армией не по ее числу (в ней было всего три тысячи бойцов), но по ее внутренней силе, сумела пробить себе путь и выполнить свою задачу.

И точно так же, как и ранее, целый ряд счастливых случайностей выручал нас от неминуемой гибели. Там большевики не взорвали большой мост через Кубань, у станицы Лабинской, и мы свободно перешли через глубокую реку со всем нашим обозом. Взорви они мост, и путь нам был бы прегражден. В другом месте удачные попадания наших орудий подбили бронепоезд, и мы захватили станцию железной дороги почти без потерь в наших рядах. А там у большевиков не хватило смелости пойти на нас в наступление. Будь у них больше решимости, и какой-нибудь десяток-другой юнкеров был бы раздавлен численным превосходством.

Сколько раз они могли напасть на обоз с нашими ранеными и переколоть всех. Для охраны обоза у нас не хватало людей. И тем не менее они ни разу не отважились на решительное наступление... Чего-то у них не хватало, и, напротив, что-то было в наших людях,

что мешало противнику действовать решительно и покончить с нами одним ударом. В их руках были железнодорожные линии, по которым они всегда могли подвести войска и сосредоточить у станций подавляющие силы. У них были в изобилии орудия, снаряды и патроны. У нас было всего 8 орудий, а снаряды и патроны мы пополняли у большевиков.

Мы вступили в местность, населенную иногородними, враждебно к нам настроенными. И все-таки мы победили, и победили потому, что наши люди не знали, что такое страх перед большевиками, а, напротив, большевики боялись нас. Вот это нечто, что заключается в самом человеке, и приводит к тому, что десяток людей стоит целого батальона и один полк разбивает дивизию. Так бывает во всякой войне и сказалось особенно наглядно в Кубанском походе.

Нет выхода, а выход находился всегда случайно, никем не предусмотренный, как-то сам собой. И странное дело, уверенность в том, что мы выйдем из всякого положения, проникла не только в каждого рядового наших боевых частей, но и в тылу, в обозе была та же уверенность.

Мне приходилось видеть во время большой войны ужас панических настроений, охватывавших тыловые части. Люди — раненые, конвойные, возчики, животные — лошади, быки, — все охватывались одним чувством безотчетного страха. И все бежали, мчались в повозках, сталкивались, опрокидывались и давили друг друга.

Таких панических настроений я ни разу не видел в Кубанском походе. Обоз не раз попадал под обстрел, рвались и падали снаряды между повозками, а обоз спокойно выдерживал в течение многих часов от утра до вечера перекрестный огонь неприятельской артиллерии. А в обозе были раненые, женщины, старики, безоружные. И просто невероятным кажется, откуда могли явиться такие силы у людей, чтобы преодолеть и усталость, доходящую до изнеможения, и выдерживать нервную напряженность непрерывных боев и тревоги.

Майкопский отдел резко отличался от тех мест, по которым мы шли до сих пор. Кубанские станицы, по которым мы проходили, не были враждебно к нам настроены, так же как и донские. Правда, к нам мало присоединялось казаков; они держались в стороне, но ни в одной станице казаки открыто не переходили к большевикам и не сражались против нас.

Здесь же, за Кубанью, мы столкнулись с явно враждебным к нам отношением населения. Объясняется это тем, что Майкопский отдел выделяется в Кубанской области смешанным составом своего населения. Здесь идет ряд станиц линейных казаков, поселенных в 60-х го-

дах вдоль линии боевых действий с черкесами. Казаки были набраны отчасти из донцов, отчасти из солдат коренных русских губерний, почему и самые станицы носят названия — Рязанская, Тульская, Калужская. Казаки эти великороссы, в отличие от коренных кубанцев Черноморья, потомков запорожцев, переселенных при Императрице Екатерине II. Рядом с ними остались аулы, населенные черкесами.

По всей местности густо разбросаны хутора пришлого населения, иногородних. Поселения эти возникли в самые последние десятилетия или на арендованных казачьих землях, или на землях, пожалованных генералам за отличия при завоевании Кавказа. Положение иногородних далеко не было бедственным. Они богатели едва ли не больше казаков. Среди них выработался особый тип предприимчивого, смелого колонизатора. Трудом их рук целинные земли Северного Кавказа взбороздились тяжелым плугом, зажелтели полями пшеницы и кукурузы, а гурты овец тавричан (как называют овцеводов — выходцев из Таврии) заполнили пустынные степные пространства.

Между пришлыми и казаками была давняя неприязнь, так же как был антагонизм между линейными казаками и черноморцами. Революция вскрыла этот антагонизм и превратила его в ненависть, не в ненависть бедных против богатых, а в слепую ненависть между людьми, потерявшими сдерживающую их власть. Отсюда ненависть между казаками и неказаками, между русскими и черкесами, между линейцами и кубанцами, между горожанами и жителями деревни. «Homo homini lupus est».

Люди продавали и покупали, общались, дружились и ссорились, но жили в мире между собою. Революция нарушила все соседские отношения и посеяла семена непримиримых ненавистей, внесла войну в мирный уклад жизни. В дикой ярости люди набросились друг на друга, грабили, жгли, убивали. Где тут можно вскрыть классовую борьбу? Где здесь, в глухих горах, социальная революция? За что вырезали целые черкесские аулы, издевались над слабыми, истребляли мирных и тихих кочующих калмыков? При чем тут идеи пролетариата и мировой революции?

Майкоп был центром большевизма на Кубани. Отсюда по окрестным станицам и хуторам разъезжали агитаторы и мучили население. Во многих станицах образовались революционные комитеты, формировались вооруженные отряды из беглых солдат.

При нашем приближении жители из многих селений убегали, прятались в лесах и оврагах. В одной из станиц перед нашим приходом сбежал даже приходской священник со всею семьей. При входе в хату оставшиеся женщины и дети напуганные прятались в углы. Прилас-

каешь ребенка, дашь ему сласти и видишь, как он начинает сначала робко, а потом уже и совсем доверчиво глядеть вам в глаза. Женщины, видя, что мы за все платим, не делаем грубостей, переставали дичиться и рассказывали, что про нас им наговорили. «Мы думали, черти к нам идут, — говорила мне одна хозяйка. — А вы ничего, такие же люди».

Когда проездом через какой-нибудь хутор забежишь в хату и попросишь хлеба, всегда один и тот же ответ — «нема». Всюду встречаешь у хозяев угрюмые лица, взгляд с каким-то злобным выражением лица, и чувствуешь, что он таит что-то недоброе. По ночам остерегаешься уснуть, прислушиваешься к каждому шороху, наган наготове.

И тяжело было ощущать эту враждебность к себе в каждом прохожем, в женщине и в детях. Не раз при выезде из селения по обозу открывался огонь из садов и огородов. По дороге мы натыкались на скрытую засаду. Я помню, как рано утром мы выезжали из станицы. То тут, то там раздавались ружейные выстрелы.

По выезде на околицу по обозу открылась артиллерийская стрельба. Один снаряд упал где-то в стороне, потом показался совсем вблизи еще столб черной пыли, а там еще и еще (их называли у нас черными дьяволами). Лошади подхватили, и повозки понеслись по пашне. Совсем рядом с нами мчалась двуколка на высоких колесах, сильный вороной конь вез ее по мягкой пахоте во всю прыть. В повозке сидели трое, один правил. Трах! Оглушительный треск. Нас обдало пылью и грязью. Вороной конь упал со всего маха на землю, и трое людей, выброшенные из двуколки со сломанными оглоблями, навалились друг на друга в одну кучу.

Наши лошади продолжали скакать, опять столб черной пыли: снаряд упал рядом с нами, но не разорвался. Ряд повозок, все врассыпную, мчались по пашне, и среди них то и дело подымались высоким столбом черные дьяволы. Уже совсем недалеко от нас, видимо, из наших орудий раздаются один за другим выстрелы, и все затихает. Наше прикрытие отогнало неприятеля.

Изо дня в день повторялась одна и та же картина. Впереди нас, а иногда и в арбергарде начиналась стрельба ружейная и пулеметная и редкая орудийная. Наши передовые цепи большею частью Офицерского полка уходили далеко вперед. Нам приходилось стоять и ждать, когда селение будет очищено от противника, или переправа будет занята, или выбиты большевики из леса на нашем пути. Иногда подолгу приходится стоять в степи.

В обозе часто распространялись тревожные слухи: кто-то говорил, что не удалось выбить противника с другого берега, другой расска-

зывал, что на Богаевского насаждают большие силы и он не в силах их сдержать или что корниловцы нарвались на засаду и понесли большие потери. Прислушиваешься к звукам стрельбы и по их напряженности или затиханию стараешься угадать ход боя. Как будто пулеметы усиленно застучали: значит, они наступают; замолкнет стук — судишь по этому, что наши отбили наступление. К вечеру огонь затихал, приходил приказ обозу выступать; выезжали вперед квартирьеры, и повозки одна за одной трогались по направлению к занятому селению.

Так было каждый день, и мы свыклись с мыслью, что иначе и не может быть: наши всегда одолеют. Вечером, расположившись в станице, мы узнавали в штабе или от раненых о ходе дела. Возвращавшиеся из боя знакомые, офицеры рассказывали про те или другие случаи боевых действий.

Юнкер рассказывал, как они захватили переправу. Весь день противник, занимавший противоположный берег, пулеметным огнем мешал перейти реку. И лишь когда стемнело, пять человек юнкеров переправились вброд. Он рассказывал, как ползком пробравшись через кусты, они внезапно набросились на большевиков, перекололи людей, тут же повернули пулемет и, открыв по ним огонь, обратили в бегство большевиков, охранявших переправу у моста.

Иные приходили усталые, раздраженные. Кто-то досадовал на нераспорядительность своего командира, который напрасно повел их в лесок, где оказалась скрытая неприятельская засада. «Сколько я ни уговаривал его обстрелять сперва лесок из пулемета, он таки не слушался. Вот мы и потеряли одного убитым и четырех ранеными».

Кавалеристы, для которых служба была особенно тяжела, часто раздраженно говорили, что лошади у них искалечены, спины набиты от седел, остаются нерасседанными по нескольку суток. «Переколют все, тогда и останемся пешими».

«Ну и народ, — жаловался капитан. — Приходишь усталый, голодный, целый день ничего не ел. А никто куска хлеба не дает: «нема и нема». И зададим мы им за это «нема», придет время, — раздраженно говорил он, — а начальство за каждую курицу угрожает судом. Нельзя клока сена вырвать из стога, бабы вопят благим матом, с вилами лезут. От командира нагоняй». — «А я вот что вам скажу: из брошенных домов взяли теплые одеяла. Скажут — грабеж. А если бы не взяли, то всех раненых переморозили бы на переходе ночью. Вот и рассудите сами». — «Это самое и я всегда говорю, — подхватил Ив. Ал., — гуманность в нашем положении ни к чему. Как большевики поступают? Нужно брать — и берут, и попробуй кто-нибудь пикнуть».

А у нас нельзя, все незаконно. Золото увезти из Ростова нельзя, незаконно. Вот и оставляют большевикам. Отобрать подводы тоже незаконно. Вот люди и мучаются по грязи пешком. А посадить всех на подводы, и все бы иначе было. Нет, нельзя». И Иван Александрович разговорился на свою обычную тему.

Жаловались, а все-таки шли вперед, а после какой-либо удачи слышались совсем другие речи. И усталость, и голод, и побитые спины у лошадей, и тяжесть похода — все забывалось, как рукой сняло. И снова бодрость, и веселое расположение духа, и песни. Да, они с песнями входили в занятые с боя станицы.

* * *

За выступлением обоза из селения нужно было внимательно следить, так как вас не успевали уведомлять о времени выступления. С раннего утра, когда еще совсем темно, то и дело выбегаешь на крыльцо и прислушиваешься, не слышно ли лая собак, всегда сопровождавшего выход из селения нашего поезда. Опоздать было нельзя: это значило бы остаться одним в оставленном селении и быть захваченным большевиками.

Побежишь справляться в соседние хаты, где размещены раненые, не собираются ли они. Нет, там все спокойно, все спят, лошади стоят разнужданные, привязанные к телегам. Возвращаешься назад, приляжешь, а все не спится. Какой-то шум во дворе, выходишь на крыльцо. Ночная темь начинает расходиться, небо светлеет, в темноте двора наши соседи уже возятся около лошадей, запрягают.

Скорей, уже начали выезжать на околицу. Слышишь лай собак и стук колес. Нужно спешить, не опоздать выехать к ветряной мельнице, к назначенному сборному пункту. Будишь своих. Все вскакивают, старик хозяин суетится, помогая запрягать лошадей; полковник Новосильцев надевает тулуп, натягивает рукавицы, берет вожжи и усаживается на передке. Мы садимся каждый на свое место.

Наш серый высокий конь, хотя и с подбитыми ногами, но крепкий, в паре в дышло с вороным, низким и плотным, а на пристяжке киргизенок, который бил ногами всякий раз при выезде из ворот, тронули нашу повозку, и мы среди навозной жижи двора выезжаем на улицу. Кое-где в хатах горят огни, видны выезжающие подводы из ворот, за плетнями во дворах люди, запрягающие лошадей, раненых укладывают в телеги. Вот мы выезжаем на выгон возле большой ветряной мельницы. Темное огромное здание с деревянными крыльями ясно выделяется на светлом фоне утреннего неба.

Повозки выравниваются одна за одной. Тут же стоит в ряды построенный полк, в темноте можно различить едва отдельных людей в шинелях, лишь ружья выделяются штыками в свете зари. Вот виднеется проезжающая группа конных. Всадник с древком в руке, на котором развевается знамя, ясно выделяющееся в окружающей темноте. Ружья сразу заколыхались; отряд двинулся в путь.

Мы едем по пересеченной местности, утром по замерзшему грунту, который к полдню растаивает и образует липкую глинистую грязь. Мы слезаем с повозок и идем пешком, выбирая места по окраине дороги, где глина не так вязко вцепляется в сапоги. Стороною проезжает по более твердому грунту небольшая линейка, запряженная одной лошадейю. В ней Н.П. Щепкина везет раненого полковника Хованского. Она сама правит в черной кофте и в городской шляпе. На белом коне едет знакомый кавалерийский офицер. Его конь крупный, с загнутой массивной шеей, грызя удила, крепкими ногами наступает на землю, порываясь перейти на рысь, но, сдержанный всадником, он скидывает головой, трясет гривой, раздраженно рвется вперед.

Вот Б. Суворин в странном одеянии: в элегантных желтых крагах, в дорожной фуражке английского туриста и в какой-то бабьей кацавейке, из-под которой выступают полы его костюма. С короткой трубкой в зубах, с карабином на плече, он, видимо, нисколько не тяготился трудностями похода и не смущался видом своего костюма, склонный всегда весело шутить, подтрунивая сам над собой.

Вот Шеншин, предводитель дворянства, в смушковой шапке, в высоких охотничьих сапогах, в куртке с меховым воротником, с торчащим из кармана большим наганом. «*La cocarde du roi*», — говорит он весело, указывая на свою белую повязку на шапке. Бедный Шеншин, думал ли он о смерти в то время, как, шагая по грязной дороге, радовался своей белой повязке. Через несколько дней его не стало. Он умер от заражения крови в одном из горных аулов.

Вот тихою поступью идет сестра, молоденькая гимназистка из Таганрога. Раненые звали ее тетей Наденькой, и нельзя было иначе назвать эту скромную девушку с ее печальными, кроткими глазами. Я видел ее после с широким шрамом на лбу от сабельного удара. Где она теперь, эта тетя Наденька?

Вот две сестры Татьяна и Вера Энгельгардт — в кожаных куртках и в высоких мужских сапогах. Весь поход они сделали пешком. В Новочеркасске в зале гостиницы я видел их хотя и просто, но всегда изящно одетыми, за столом в обществе наших офицеров. Воспитанность сказывается и в умении себя держать, и в их обращении, и в их речи. Теперь в больших сапогах, в засученных юбках среди пестрой толпы, шедшей

с нами, они оказались также на своем месте. А были они институтками, воспитанницами Смольного.

Я мало их знал в то время. Только после я узнал, кто такая Вера Энгельгардт¹¹⁸. Все время она не расставалась с армией, мужественно выносила невзгоды в походе, в боях, в отступлении. Никогда я не видел ее упавшей духом. Она искала и шла спокойно на подвиг. Ни малейшей экзальтации, просто и естественно. Она как будто не умела радоваться, но никогда и тени уныния и упадочных настроений. Так должно, а должное она выполняла без колебаний. Она осталась при своем раненом брате на Кубани при десанте во время крымского периода нашей борьбы, была захвачена большевиками и погибла. Она была вся белая во всей своей простоте и в высоком своем духовном подъеме.

Когда я думаю о русских женщинах Белого движения, передо мною встает образ Веры Энгельгардт, этой простой деревенской девушки — героини, замученной большевиками. И сколько их, этих русских женщин, прошло мимо нас незамеченными. И только раненый, больной, умирающий знает, с какой душевной теплотой и участием относились они к тем, кто страдал.

Сколько раз мне приходилось видеть в степи генерала Алексеева. То он шел в сопровождении ротмистра Шапрона, своего адъютанта, то один, опираясь на палку. Я вглядывался в знакомое мне лицо, всегда такое спокойное, и здесь то же спокойствие в выражении его лица, в его голосе, когда он говорил, в его походке. Он шел стороною, вдали от других. Он не мог командовать армией, не мог нести на себе тяжелое бремя боевых распоряжений на поле сражения. Физические, уже слабеющие силы не позволяли ему ездить верхом. Он ехал в коляске в обозе. Как будто он был лишний в походе.

Корнилов относился к нему недружелюбно. Штабные офицеры постоянно подчеркивали, что Алексеев не должен вмешиваться в военные дела, и во время похода не раз заставляли его переживать тяжелые минуты, как будто он своим присутствием только мешал им и лучше сделал бы, если бы остался в Новочеркасске. А между тем попробуйте вычеркнуть генерала Алексеева из Кубанского похода, и исчезнет все значение его. Это уже будет не Кубанский поход. Одним своим присутствием среди нас этот больной старик, как бы уже отошедший от жизни, придавал всему тот глубокий нравственный смысл, в котором и заключается вся ценность того, что совершается людьми. Корнилов один во главе армии — это уже не то. Это отважный, отчаянный подвиг, но это не Кубанский поход.

Судьба послала нам в лице Алексеева самый возвышенный образ русского военного и русского человека. Не кипение крови, не често-

любие руководило им, а нравственный долг. Он все отдал. Последние дни своей жизни он шел вместе с нами и освещал наш путь. Он понимал, когда, уходя из Ростова, он сказал: «Нужно зажечь светоч, чтобы была хотя одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы». Никогда в самые тяжелые минуты, когда одинокий, как бы выброшенный из жизни он шел в кубанской степи, — он не терял веры.

Я помню. Обоз спускался медленно по покатости холма на мост через речку. Алексеев стоял на откосе и глядел на далекую равнину, расстилавшуюся на том берегу. О чем он думал? О том, чем была когда-то русская армия и чем она стала в виде этих нескольких сот повозок, спускавшихся к переправе? О том ли, что нас ждет впереди в туманной дали? Я подошел к нему. На душе было тяжело. Наше положение и неизвестность удручали. Он угадал то, о чем я думал, и ответил мне на мои мысли: «Господь не оставит нас Своею милостью». Для Алексеева в этом было все. В молитве находил он укрепление для своих слабеющих сил.

Те три тысячи, которые он вел, — это была армия составом меньше пехотного полка, но это была русская армия, невидимо хранимая Провидением для своего высшего предназначения.

* * *

Длинный поезд наших повозок далеко растянулся по дороге. Уныло было кругом. Серые, мертвые поля, обнаженные от снега, мертвые, темные кусты и деревья. Тусклое, серое небо. Вдали виднеются строения какого-то селения. Клубы темного дыма поднимались к облакам, низко ползущим над землею. Когда мы подъехали, мы увидели, что селение горит. Это были Саратовские хутора. Нам сказали, что оттуда все бежали, и из ближайшего болота по обозу открылась стрельба.

Мы остановились. Видно было, как горели дома, скирды сена, кучи соломы. Пламя огня злоеще прорывалось среди густого, то серого, то черного дыма, вспыхивало красными языками и исчезало в дыму. Вдоль дороги тянулись густые заросли высокого засохшего камыша. Из этих зарослей показался казак верхом; он гнал перед собою впереди какого-то мужика. Мужик останавливался, оборачивался и что-то говорил, разводя руками. Казак скинул винтовку со спины, прицелился, не слезая с седла; раздался выстрел, лошадь шарахнулась, мужик повалился на землю. И сразу нельзя было понять, что произошло. Как убил? Мужик лежал неподвижно. Казак отъехал. В камышах была скрыта засада, стреляли по нашему обозу. Казаки верхами объехали

болото, поймали прятавшихся там большевиков. Несколько человек было пристрелено.

Я слез с повозки и пошел к селению. На улице было пусто. Ветер гнал клубы дыма низко над землею, вспыхивала ярким огнем солома во дворах, искры сыпались из горящих строений. Испуганные овцы гурьбою металась из одного конца в другой. И среди треска и шума пожара слышно было где-то жалобное мычание забытого теленка.

Я свернул в переулок. Здесь в грязи лежал труп убитого человека. Он был в солдатской серой папахе, с босыми ногами, обернутыми тряпками. Две огромные свиньи уткнулись в труп. Было отвратительно. Я увидел их морды, обрызганные кровью. Я отвернулся и пошел в сторону по огородам. Никого не было видно. Было пустынно. Но вдруг, я почти подошел вплотную, я увидел старуху возле избушки, совсем вросшей в землю. Она сидела у открытой двери на пороге, двумя локтями опираясь на колени согнутых ног. Грозное выражение ее лица поразило меня. Волосы были непокрыты. Худая, с костлявыми босыми ногами, она сидела неподвижно, неподвижно глядели ее черные глаза. И было грустно чувствовать на себе ее остановившийся взор. Она молчала, сжав строгие губы. Я невольно отошел назад. «Зачем царя согнали?» — слышался вдруг какой-то странный голос, точно она говорила про себя, обращаясь к кому-то. «Зачем царя согнали?» — повторила она, подняв голову и прямо глядя на меня.

Было что-то зловещее в этом пожаре, в дыме и пламени горящего селения, в этом трупе убитого человека, которого раздирали свиньи, было что-то роковое в этой безумной — одной, брошенной среди пожара у двери своей избушки. Вскоре я заболел горячкой, и в бреду меня постоянно мучил образ этой старухи. Я даже не помню, выходил ли я действительно на пожар Саратовского хутора или кто-либо рассказывал про старуху и ее слова, но только вся картина пожара, этот труп, эти свиньи с окровавленной пастью и эта роковая встреча в бреду ли или на самом деле врезались в мою память до мельчайших подробностей. Она являлась передо мной то старой калмычкой с трубкою во рту, угрюмой, бормотавшей про себя, то молодой женщиной, но я всегда узнавал ее. Это была все та же старуха у дверей избушки среди пожара Саратовского хутора.

Ко всем трудностям похода присоединялась еще и болезнь. Днем я себя чувствовал бодро. Была слабость, была боль в боку, но я мог ходить; жара не было. К вечеру начинался озноб, потом бред, и я терял сознание. И вот тут в бреду мучительно звучали ее слова: «Зачем царя согнали?»

* * *

Мы долго стояли на высоком нагорном берегу. Внизу быстро катила мутные воды вздувшаяся от половодья речка. У моста скопились повозки и медленно, одна за одной, перебирались по дощатому мостовому настилу на ту сторону. Узенький мост на высоких жердях покачивался при проезде груженых подвод, и на него по очереди пропускали по одной подводе. То с одного, то с другого бока, перелетая через мост, падали снаряды, всплескивая столбом брызг мутную воду речки.

А нам все приходилось ждать. На той стороне открывалась широкая низина. Виднелись группы деревьев и зарослей ивняка у берега, почерневшие стога сена, раскиданные темными пятнами по серой поверхности луговой низины. А там подымались возвышенности, занятые, как мы знали, большевиками.

Наконец мы тронулись, спустились с косогора и вслед за перебравшейся повозкой въехали на скрипящий и двигающийся под нами мост. Снаряды все продолжали падать в воду, в болото на том берегу, куда-то в сторону, и ни один из них не попал на жиденький мостик, по которому медленно перебирался длинный поезд нашего обоза. У перил моста на той стороне стоял Корнилов. Он следил за переправой, и на его глазах никто не смел нарушить порядок.

Уже рысью помчались мы по луговине между кустов, болотных ям и торчащих вокруг густых, высоких камышей. Мы остановились у стога сена рядом с другими, уже стоявшими там подводами. Снаряды не падали в нашу сторону. Мы видели лишь их разрывы в небе белыми облачками.

День был солнечный. По прозрачно-голубому небу плыли белые густые облака. Я лежал в повозке, прикрытый одеялом, и глядел на двигающиеся облака, на белые комочки разрывов, на верхушку стога, на который взобрался какой-то человек, на подводы, стоявшие вблизи, между которыми выделялся поднятый кузов коляски, я смотрел с тем безучастием, с которым смотрят на все заболевающие.

Все время отчетливо слышные орудийные выстрелы не переставали греметь. Мы стояли уже час, другой на одном месте. Мне не спалось. Я разглядел каждую повозку, стоявшую поблизости, разнуданных лошадей, уныло жевавших сено, брошенное охапками на землю, раненых, сидевших и лежавших в подводах в том ряду, на противоположной от нас стороне.

По прогалине между рядами подвод прохаживался то тот, то другой знакомый. Пройдет Новосильцев в поддевке, суетливо пробежит

кто-то, спешно прошли юнкера с ружьями, за ними, догоняя, пробежали еще двое отставших. Я узнал среди них молоденького князя Туркестанова с его бледным, красивым лицом. Прошла полная пожилая сестра в черной косынке, с большой корзиной, наполненной кусками хлеба, и, подходя к подводам, стала раздавать раненым, каждому по ломтю. Пролетел со свистом снаряд и ударился в болото, брызги взлетели высоко кверху. За ним другой, третий. Усталый юнкер в шинели с винтовкой в руках подошел, прося присесть на повозку, и, тут же усевшись, сразу захрапел, сидя со спущенными ногами.

Напротив нас стоял широкий фургон с парой лошадей в городской упряжке. Поверх сундука сидела баронесса в своей котиковой шубке. Ее рыжеватые волосы выбились, плохо причесанные, из-под барашковой шапочки. Усталая, она согнулась на сундуке, прикладывая то и дело к глазам носовой платок; рука как-то беспомощно упала на колено. Барон, стоя у фургона, что-то говорил, видимо утешая жену. Снаряды уже совсем низко неслись над обозом, слышался скользкий в воздухе свист, раздавался резкий звук разрыва. Юнкер продолжал храпеть, согнувшись и опустив голову. Раздался резкий удар.

Я вздрогнул и приподнялся. В той стороне, где виднелся поднятый кузов коляски, между повозок какое-то движение. Пробежала сестра, еще кто-то. Сказали, что убит кучер генерала Алексеева. Снаряды уже с другой, противоположной стороны, из-за речки, стали пролетать над нами. Слышен протяжный, раздражающий свист. Обоз не трогался с места. Все так же понуро стояли лошади. Раненый, сидя в повозке со спущенными ногами напротив меня, закусывал крутым яйцом и ломтем хлеба. И, глядя, как он очищает яйцо, посыпает его солью и спокойно жует хлеб, и сам как-то спокойно ко всему относился. Баронесса сдержанно всхлипывала.

Между рядами повозок взад и вперед ходил Новосильцев. Я следил за его ходьбою. На ходу он то опускал, то подымал голову. И странная вещь: я, лежа в повозке, совершенно машинально стал делать то же движение головой. Резкий удар заставил меня приподняться. Спавший юнкер встрепенулся и растерянно глядел по сторонам. Сзади нас, в противоположном конце, билась ногами на земле лошадь. Двое людей под руки поднимали бородатого возчика. Слышны были стоны. Мимо нас провожатые пронесли раненого на скрещенных руках. Старый возчик цеплялся за их шеи и стонал. И опять все так же юнкер храпел, уткнувшись в повозку. Новосильцев продолжал ходить на прогалине между рядами обоза, и слышны были всхлипывания баронессы.

Спешно прошла мимо нас группа людей с винтовками. Это уже не были юнкера, а была вызванная из обоза тыловая команда. В самом разнообразном одеянии, кто в штатском, кто в военном, — все, кто был способен носить оружие. Последний резерв. А обоз все продолжал стоять на месте. День уже клонился к вечеру. Косые лучи солнца уже падали не прямо на нас, а с правой стороны. Тень от стога сена прикрывала стоявшие возле повозки.

И вдруг мы слышим крики «Ура!», доносившиеся издалека, все ближе и ближе среди нашего обоза. Сказали, что приехал посланный от генерала Эрдели. «Ура, ура!» — кричали люди, и все поле, где стоял обоз, огласилось громкими криками. Большевики слышали, и эти крики должны были смутить их. Орудийная стрельба как будто затихла, или это так показалось среди радостного возбуждения, охватившего нас. Передавали друг другу, что генерал Эрдели с десятью тысячами в одном переходе от нас, и снова крики «Ура!» подымались в обозе. Кричали раненые, кричали больные, сестры, кричали возчики. И тут пришло известие, что наши части отогнали большевиков и путь очищен.

Обоз тронулся. Мы проехали не более пятисот шагов, как увидели строения какого-то хутора. Офицеры стояли, прячась за стеной хаты, один — на крыше, у трубы. Треск пулемета безостановочно зачастил совсем вблизи от нас. Обоз простоял весь день в пятистах шагах от расположения наших цепей.

Повозки мчались во всю прыть, свернули влево, в лощину между двумя холмами. Снаряды учащенно посыпались, но все в стороне, вправо от дороги, а крики «Ура!», то замолкавшие, то вновь громкие, оглашали скачущий поезд обоза.

* * *

Печально и уныло в горах. Туман висит в воздухе, и мелкими каплями моросит дождь. Холодная сырость ощущается всем телом. Нельзя укрыться от нее. Она проникает за воротник, в рукава, под одеяло. Печальный вид окрестностей. Солнце не блещет на зелени луга, и весенняя трава кажется тусклой и темной, не радующей взора. Низкий, корявый дубняк с его оголенными сучьями, уродливый, как карлик-калека, стоит по сторонам, то в одиночку, то редким лесом. Когда-то здесь были дремучие леса, в трущобах скрывалась черкесская засада, и горе казачьему разъезду, неосторожно углубившемуся в чашу. Теперь все вырублено, и карлик-дубняк заменил дубы-великаны.

Унылы горские аулы Темные дощатые сакли, такая же темная дощатая мечеть с ее башней — минаретом. Дождем политые стены кажутся черными от сырости, чернеют стволы и сучья деревьев, кусты, плетни и дощатые заборы. Все тускло и серо кругом. Не видно стада на лугу. Одинокие бродят мелкие и чахлые коровы и такие же мелкие понурые лошади. И люди такие же невзрачные. Вместо крупного, дородного кубанского казака — черкес-горец, худой, остролицый, не в нарядной черкеске, а в каких-то лохмотьях, без кинжала у ремня.

Когда-то эти аулы долго и упорно боролись с русскими. Позднее всего было замирено маленькое воинственное племя черкесов. Лишь в шестидесятых годах, когда уже Дагестан был покорен и Шамиль доживал свои дни в Калуге, солдаты и казаки проникли в горские аулы. С тех пор черкес перестал быть страшен для окрестных станиц. Он жил в бедности, занимался скотоводством, покупая хлеб, и уходил в отхожие промыслы по хуторам и станицам. Его можно было встретить в отдаленных русских губерниях в качестве лудильщика самоваров и бродячего кузнеца. «Черке-ез называется», — говорил он своим гортанным говором, объясняя русским, кто он такой. И вот это-то нищее, мирное население подверглось всем ужасам революционных насилий. «Мир хижинам, война дворцам» — как это звучит правдиво.

Аул Несшукай был весь опустошен и разграблен большевиками. Вся молодежь, более двухсот человек, схвачена и расстреляна. Скот угнан. Старики, женщины, дети бежали в горы. Когда мы проходили через аул Несшукай, это было мертвое кладбище; бродили одни лишь голодные собаки. Ни души нигде. Пустые, заброшенные сакли. Те же зверства в аулах Панежукай и Шенджий. Везде, где мы останавливались, мы слышали о грабежах, о насилиях над женщинами, истязаниях и убийствах.

Офицер штаба показывал мне забытую записную книжку какой-то большевистской сестры, бывшей с красными в этих аулах. В каждой строчке сквозил ужас отчаяния от соприкосновения с реальностью революции. Видимо, в ней сохранились еще человеческие чувства. Дрожащею рукой записала она, как ей самой пришлось с револьвером в руках отбивать черкешенок, на которых набросились озверевшие солдаты. Записная книжка эта была брошена при уходе из аула и попала к нам в руки.

Аулы были сплошь разграблены. Куска хлеба нельзя было достать. Голодные раненные бродили, заходя в дома просить у знакомых, нельзя ли чего поесть. А у нас у самих ничего не было. Принесут какой-ни-

будь жидкий суп, и каждый так и глядит на маленький кусочек говядины, плавающий поверх. Тянули жребий, кому достанется. Сахар раскалывали на четыре части и делили между собой. В аулах мы испытали настоящий голод.

В Панежукае, где у нас была дневка, я уже совсем захворал. Я лежал в комнате с крошечными оконцами, на глиняном полу, подставив полушубок и укрывшись буркою. Мои спутники куда-то разошлись. Я не слышал их голосов за дверью. Наступали сумерки. Стало еще тусклее, чем днем. Чувство одиночества угнетало меня. Я старался заснуть и не мог. В голове стучало, и чувствовалась боль в висках.

Мысли мелькали бессвязно, искрами вспыхивали и исчезали. Закроешь глаза и видишь, как в кинематографе при быстро вертящейся ленте. И больно от этих мелькающих картин. А оторваться, остановиться, нельзя. Иногда что-то увидишь ясно. Мост, доски трясутся. Лошадь оступилась и бьет ногами. Жидкая решетка ее не удержит. Вот-вот мы опрокинемся в реку. И страшно сорваться и упасть. Видишь кузов коляски недалеко от стога сена. Снарядом убило кучера. И вдруг вспоминается баронесса с ее рыжими волосами. Как это глупо. К чему в Кубанском походе какая-то баронесса? В жизни всегда так... бессмыслица... «Животы спасаем» — припоминаются слова Кислякова... Все пропало.

И среди этой путаницы мелькающих мыслей и картин вдруг видишь дым, пожар; отчетливо видишь красные языки пламени. Труп убитого, того малого с обезображенной головой, не похожей на человеческую. Свинья грызет его, как она грызет всякую падаль. И ничего в этом нет ужасного. Это не труп большевика. Вот седенькая бородка... убитый полковник... он двигает руками, он еще жив. Свинья подняла морду. И морда эта вдруг растет и растет, становится огромной. Кровь капает. Видишь маленькие прищуренные глазки. Она насмешливо глядит своими глазками, точно смеется, оскалив зубы. И клубы дыма и дыма застилают все...

Но вот подошла она. Я еще не видел ее, но чувствовал, что это она. Она села в углу в той же позе, как я ее видел у избушки. Это была старая калмычка, вся сморщенная, с трубкою во рту, но это была не кто другая, как она. Губы ее, не выпуская трубки, бормотали какие-то бессвязные слова, но я понимал их смысл. Она была ко всему безучастна, угрюма и глухо бормотала, как бы про себя, все те же слова. Слова эти не были обращены ко мне, но я чувствовал боль от ее укуров, острую боль в висках. «З а ч е м ц а р я с о г н а л и?» Она поднялась. Лицо ее вытянулось, длинная костлявая рука протянулась

ко мне. Я чувствовал, как она прикасается к моему лбу, чувствовал боль от этого прикосновения.

И нельзя никуда уйти. Красный свет режет глаза тут совсем близко. Лицо старухи склоняется надо мной. Я вижу ее глаза, но глаза эти какие-то другие: не те страшные черные глаза с неподвижным взором. Нет, это глаза другие, и рука, прикасающаяся ко лбу, другая; я чувствую мягкое прикосновение пальцев. «Вы плохо себя чувствуете», — говорит знакомый женский голос, и от звука этого тихого голоса я прихожу в себя. Свет горящей свечи, стоящей рядом на полу, ослепляет меня. Я шурю, стараюсь приподняться. «Нет, нет, лежите», — говорит сестра Энгельгардт. Как радостно было мне ее увидеть.

* * *

С утра моросил холодный дождь. Туман то густой, облачной пеленой, то прозрачной дымкой обволакивал всю окрестность. Сквозь туман проглядывали темные очертания кривых, изогнутых стволов и сучьев дубняка, темнелся косогор, торчащие на нем кусты, тут и там стога сена. Солнце без лучей, плоское и круглое, краснелось низко над землею. На него можно было прямо глядеть глазами. Лишь ближайшие повозки были видны, лошади и люди, шедшие по сторонам дороги, а далее двигались темные пятна во мгlistом тумане. Было холодно и сыро.

Обоз медленно продвигался по дороге. Вязкая глина цепко хваталась за колеса, за копыта лошадей, за сапоги пешеходов. С трудом выдерживались ноги. Мы шли походом с боевыми частями. Но в трех—пяти верстах от аула они свернули направо, по направлению к Ново-Дмитриевской, а обоз потянулся к станции Калужской. Я видел, как они отходили по узкой лесной дороге, между густыми высокими зарослями.

Как будто я узнал моего младшего в серой солдатской шапке, с винтовкой в руке, среди других на повороте дороги; белая папаха генерала Маркова как будто мелькнула в сумраке тумана. Оба моих сына уходили от нас туда, в эту окутанную мглой лесную просеку. Лихорадка меня не трепала. Чувствовалось только недомогание и тяжесть после вчерашнего бреда. То, что я видел в бреду, не исчезло бесследно, и утром я думал все о том же.

Наша повозка, медленно ворочая колесами, сплошь облепленными глиной, двигалась за другими, также облепленными грязью. Пошел дождь, и, падая крупными каплями, охлаждал лицо и руки. Трудно было укрыться от дождя в тесноте нашей повозки. Вода скопьялась в

складках, покрывала и одежды и при движении холодной струей заливала в каждую щель. Ощущение стужи и сырости проникало во все тело.

Кисляков и Родионов предпочли идти пешком, чтобы согреться. Я продолжал лежать неподвижно на мокрой соломе, прячась, как мог, от холода и дождя. Глина размякла. Дорога не стала такой вязкой, и повозка покатила быстрее по лужам и грязи.

Местами мы переправлялись через мутные потоки, катившиеся широким разливом на нашем пути. Колеса опускались совсем низко, и вода касалась дна нашей телеги. Мы ехали все время в гору среди редкого дубняка и кустарника. То чувство одиночества и заброшенности, которое я испытал, лежа на полу в черкесской сакле, остро охватило меня. Тревожно было думать пропасть в этой глухой трущобе.

Дождь продолжал бить тяжелыми каплями. Стало темно, как в сумерках. В низких ползучих облаках показались просветы: туман начал рассеиваться. Вперемежку с дождем падал снег то белыми хлопьями, то мелким градом. Дул резкий ветер, и под одеялом в полушубке ощущалась то в том месте, то в другом его острая, холодная струя. Застучали резко градины по застывшему одеялу. Все покрылось ледяной корой. На усах, на бороде налип лед. Покрывавшее меня одеяло стало твердым, как доска, и хрустело при каждом движении, хрустели рукава полушубка. На шапке целая льдина; ее тяжесть ощущалась на голове. Холод в спине, в боку при всяком прикосновении к жесткой поверхности одеяла. Лежишь, точно скованный, в хрустящей жестяной одежде.

Медленно продвигался обоз по застывшей дороге. Наш серый ломовик с трудом вытягивал из ямы повозку. По сторонам виднелись отставшие телеги. Лошади выбивались из сил. Группы раненых пешком брели по мерзлой слякоти. Грузные фургоны застревали в промоинах. На дороге стали все чаще попадаться брошенные подводы без лошадей и брошенная кладь, сваленная в кучу.

Стало вечереть. Деревья и придорожные кусты, покрытые инеем, белеют в тусклых сумерках. Какие-то люди, согнувшись, пробираются стороною. Их видно на белеющем снегу. Среди них женщина. Вьюга раздувает ее косынку. Она сжала перед собою руки, идет наклонясь. Порыв ветра сдул косынку, и растрепанные волосы разнеслись по ветру. Она как-то беспомощно схватилась руками за голову. Я увидел тетю Наденьку. Мне стало невыразимо жаль ее, эту тихую и скромную девушку.

Снег крупными хлопьями повалил кругом. Я чувствовал боль от холода, боль от жалости к этой беспомощной, молоденькой девушке,

бредущей из аула в метель по глухой лесной дороге, боль от всего, что я видел. Больные, раненые, умирающие — захваченные дикой снежной пургой в глухом лесу. Стало совсем темно.

Каждый толчок по застывшему глиняному грунту отзывался резким ударом в спину. А лошади двинулись быстрее. Нужно было спешить доехать до станицы. Мучительно было трястись по мелкой колоти, когда мы рысью проезжали по выгону и затем по станичной улице вдоль заборов, по замерзлым комкам. Повалил снег и покрыл все белым саваном. Среди ночной темноты редкие огни мерцали в окнах.

Мы долго стояли на площади перед каким-то зданием с крылечком. Я остался один на подводе. Все ушли в поисках за квартирой. Отворялась дверь, и освещенная изнутри полоса открытой дверной створки ярко выступала на темном фоне здания. Входили и выходили люди. Ветер завывал и со свистом погнал и падающие хлопья снега, и снежную пыль и закрутил в вихре. Все помутилось и зарябило в глазах. Наконец я услышал, как, подходя к нашей подводе, Новосильцев ругался, что ни от кого нельзя добиться толку. Он уселся на передок, влезли двое других, и мы тронулись по густому, наваленному снегу в темноту, раза два или три где-то останавливались, пока не отыскали, наконец, хату, куда нас пустили на ночлег. Меня с трудом высадили и провели по ступенькам на крылечко и оттуда к комнате, тускло освещенную висячей лампой.

В комнате казаки собирали свои вещи, шашки, винтовки и выходили наружу. Это были кубанцы, отправлявшиеся на Ново-Дмитриевскую и очищавшие для нас помещение. После холода сразу почувствовалось тепло. Я скинул тяжелую, обледеную шапку с головы, снял промерзший полушубок и улегся. Было приятно лежать на мягкой постели в тепле, возле горячей печки. Новосильцев пошел хлопотать о лошадях, Кисляков в кухню, к хозяйке. К нам то и дело входили люди, искавшие так же, как и мы, куда бы приткнуться, и с досадой уходили. Но все-таки какие-то женщины-прапорщицы вымолили разрешение поместиться в углу нашей комнаты на полу.

Я дремал, но уснуть не мог. На дворе слышно было, как завывала вьюга. Прошло не более часа, как те же кубанцы, занимавшие нашу комнату, вернулись назад. Они вошли, покрытые снегом на бурках, на папахах, на бородах. «Зги не видно, где уж тут дорогу найти?» — говорили они и намеревались вновь водвориться в оставленном ими помещении. С трудом удалось генералу Кислякову их выпроводить.

Мы знали, что кубанцы должны были идти на поддержку наших боевых частей; знали, что в ту же пургу наши пошли в поход и те-

перь вели бой под Ново-Дмитриевской. Завывание вьюги, возвращение кубанцев, их отказ от выполнения боевого приказа заставляли с тревогой задуматься о своих. Я видел их утром на повороте двух дорог. Теперь в эту стужу, которая так измучила нас на переходе, они одни, оставленные кубанцами, ведут ночной бой в такую снежную пургу. С беспокойством прислушивался, как на дворе бушевала вьюга.

Вошел молодой казак. Он отряхнул от снега бурку и папаху. «А там вовсю жарят, — сказал он равнодушным тоном. — Со двора все слышно. Пулеметы так и трещат». Это был знакомый Родионова по Новочеркаску. Он был наряжен в цветной бешмет и в черкеску, туго перетянутую в талии серебряным поясом. Его щегольской вид, красивое лицо с усиками производили неприятное впечатление. Он тотчас начал перебирать с Александром Ивановичем новочеркасские воспоминания, и в этих рассказах он, видимо, так же хотел покрасоваться, как и в своем костюме.

Разговор перешел на убийство доктора Брыкина. Это было убийство, наделавшее большой шум в Новочеркаске. Доктор Брыкин вел и в казачьем кругу, и в печати, и на собраниях агитацию за большевиков. Его ненавидели, и однажды он вдруг пропал. Через неделю тело его нашли в колодезе. Убийцы так и не были разысканы. И вот теперь в станице Калужской один из участников убийства рассказывал нам, как они заманили доктора ночью к больному, свезли на извозчике на окраину города и убили, а труп сбросили в колодезь. Самый хвастливый тон рассказа был неприятен. Он говорил, заложив ногу на ногу и поигрывая концом своего серебряного ремешка. В комнате становилось душно. Я встал и вышел на крыльцо. На ступеньки, на пол крылечка нанесло груды рыхлого снега. Темь стояла непроглядная в небе так же, как и кругом у крыльца.

Ветер упал. Вьюга затихла. В ночной тишине отчетливо трещал так хорошо знакомый механический звук пулемета. Он все усиливался и усиливался. Что может быть с ними? Бой не затихает. Треск слышен как будто совсем близко, вот здесь, за темнотою сада. Я оперся на перила. Порыв ветра вдруг снова сорвался, и пулеметный треск как-то особенно резко давал о себе знать. Им нужна помощь, а казаки вернулись назад. Когда я вошел обратно в комнату, казак уже прощался и уходил. Все укладывались спать. Мне оставили тарелку супа и корку хлеба. Есть мне не хотелось. Лампа все не могла погаснуть. Вспыхивающий огонек среди темноты долго не давал мне покоя. Я закрывал глаза и сквозь опущенные веки видел красноватый мелькающий свет.

И опять я почувствовал то же одиночество в этой душевной комнате, наполненной людьми. Я не спал, лежал с закрытыми глазами и видел. Дорога в лесу. Корявый дубняк. В стороне люди идут в метель, согнувшись, и среди них женщина. Ноги ее босы. Волосы не прикрыты, растрепаны по ветру. У раскрытой груди она держит что-то, укрывая от стужи своими худыми руками. Ветер сбивает ее с ног, треплет ее платье, силится вырвать из ее рук. А она идет и идет, вся нагнувшись, прижимая к себе свою ношу. Женщина была молода, она не походила ничем на старуху. Но я знал, что это была она. Без стонов, без жалоб она шла. Но страшнее всяких уборов был ее вид.

В забытии чувствуется острая боль в голове. Какой-то однообразно повторяющийся звук тревожит меня. Ха, ха, ха, хохот. Трах! трах! Кто убит? Я подымаю голову. Темно. Слышен храп. Однообразные звуки не дают мне заснуть. Прижавшись к подушке, заткнув уши, я все-таки продолжаю слышать, и именно это храпение мучает меня. Я провел бессонную ночь. И только под утро, когда стало светать, измученный, забылся тяжелым сном. Когда я проснулся, яркие лучи солнца вливались в окошко. В комнате было светло, как бывает при первом снеге. Я поднялся. В окно виднелся белый, белый снег. «Ну и горазды вы, батенька, спать, — сказал Иван Александрович, — уже четвертый час».

Кисляков только что пришел из штаба с известием, что Ново-Дмитриевская нами взята. Он рассказывает подробности ночного боя. Горная речка разлилась в такой поток, что только на крупе лошадей удалось перебраться на ту сторону. Все орудия остались на этом берегу, их нельзя переправить. Красных накрыли врасплох, спящими в хатах. Генерал Корнилов, взяв винтовку, сам со своим конвоем выбивал большевиков из здания станичного правления. Я уже не слышал всего, что он говорил. Я был охвачен одним чувством — ужасная ночь прошла.

К нашему забору подъехал кто-то верхом. Я узнал Родзянко. Грузный, в черной поддевке и в смушковой шапке, он слез с вороного коня и привязал его к плетню. Кисляков и Новосильцев вышли встречать его на крыльцо. Через минуту его густой бас, столь знакомый по Думе, гудел в нашей комнате. «Да, господа, все, что происходит, можно приписать только чуду. Опоздай вы на день, и мы погибли бы все. Корнилов спас мне жизнь, — сказал он, опускаясь на кровать. — Только Корнилов может спасти Россию. Я всегда это говорил». — «Ночной штурм в снежную пургу — это по-суворовски», — сказал довольный Новосильцев. «Только Лавр Георгиевич мог решиться на

такое дело. Ну и спасибо ему. Даст Бог, скоро и в Екатеринодаре будем».

После тревоги и тяжелых ночных впечатлений, измучивших меня, я испытывал только одно — острая боль прошла, и ничего другого я не чувствовал, кроме облегчения от мучительной боли.

* * *

Мы простояли три дня в станице Калужской. После радостного возбуждения при первом получении известия о победах жизнь потекла своим обычным ходом, как всегда на стоянках.

Большевики нас не тревожили. Станица не была под обстрелом. С утра хлопотали, где бы достать чего-либо поесть (в Калужской было так же голодно, как и в аулах), радовались, когда удавалось раздобыть кусочек баранины, вылавливали насекомых из рубашек (аулы наградили нас чесоткою), ходили к знакомым, собирали сведения, ругали начальство — кто за беспорядки в лазарете, кто за какие-либо другие грешки или глупость, от скуки играли в преферанс по целым дням.

И эта обыденная повседневная жизнь в походе под обстрелом так же, как и в мирной обстановке, каждый день рядом со смертью, поражала меня, несмотря на всю ее привычность. Были и ухаживания. Немытые руки, грязное белье, небритые лица, зуд от насекомых — ничто не останавливало людей от их влечений: ни тягота похода, ни опасность. Люди играют в карты, пьют вино, забавляются, ухаживают. И вдруг разрыв снаряда среди комнаты — и трое раненых, один убит. Там на площади ехали верхом на прогулку, и осколком шрапнели тяжело ранило одну из наездниц. А жизнь продолжает течь все так же: сегодня, как вчера. Все так же играют в карты, кого-то осуждают, устраивают попойки, ухаживают... вдруг смерть.

Человек, несмотря ни на что, сохраняет все свои привычки, всю свою психологию, свое маленькое «я». Не хочет и не может понять. И поразительно странно было видеть на воротах какой-нибудь хаты в казачьей станице крупными буквами мелом написанную надпись: «Председатель Государственной Думы». Нет уже ни Таврического дворца, ни Белой залы, а за Кубанью в глухой станице все еще на своем посту председатель Государственной Думы.

Кубанская Рада, хотя от своей власти сохранила только извозчицьи коляски, вывезенные из Екатеринодара, все продолжала считать себя правительством, ревниво оберегая суверенные права Кубанской республики, ставила свои условия генералу Корнилову и в Ново-Дмитриевской станице под обстрелом рвавшихся снарядов подпи-

сывала договор с командующим Добровольческой армией, забыв, что всего несколько дней тому назад эта самая Рада была бы перерезана большевиками, не приди на выручку генерал Корнилов. Либеральный общественный деятель все так же держался своего мнения на самодержавный режим и на завоевания революции, а писатель-реакционер все так же его обличал.

Давно, казалось бы, нужно забыть о прошлом. Где уж тут спорить о конституции! А выходило наоборот. Чуть сойдутся где на стоянке, и начинаются дебаты на политические темы, как будто мы были не в сакле горного аула, а на собрании Вольно-экономического общества. И как это ни странно, но политические разногласия разделяли людей на два непримиримых лагеря даже во время Кубанского похода. Ничто не меняло людей. Каждый оставался тем, чем был.

Все значительно огрубели. Выработался свой язык: «драпануть», «угробить», «хуже», «извиняюсь», «ловчиться», «загнуть» и т. д. «Сволочь» стало самым обиходным выражением. Были и мелкие интриги, и зависть между людьми, и злословие, и пересуды. Была и рознь, и раздоры. Те, кто стоял за Корнилова, нападали на Алексева, и обратно. Составлялись заговоры, замышлялись покушения. Развилась какая-то страсть к выслеживанию и доносительству. У каждого был свой излюбленный человек. У кого полковник Кутепов, у кого Неженцев, Гершельман, капитан Капелька¹¹⁹ и пр. И приверженность к своему выражалась прежде всего в нападках на тех, кто не свой.

Казачи держались обособленно, но то же обособление было и в добровольческих частях между Корниловским и Офицерским полком, даже между ротами одного и того же полка. Третья рота, составленная из гвардейских офицеров, встречала ревнивое к себе отношение со стороны других частей, так же как и кавалерия. Их упрекали за привилегированное будто положение. Какой-то мелкий бес мучил людей. И среди всех этих житейских дрязг, среди обыденщины совершался самый возвышенный и тяжкий подвиг Кубанского похода. Рядом бок о бок и героизм, и человеческая слабость.

* * *

В Калужской я встретился с моим школьным товарищем К. Он случайно узнал, что я лежу больной, и зашел меня навестить. «Никак не думал, душа моя, встретить тебя в этих местах, — говорил он, входя в комнату. — Я — другое дело, я — бродячая собака, но какими судьбами тебя занесло в эту трущобу?» Я объяснил ему, что мои два сына в армии, и я не хотел расставаться с ними. Он покачал го-

ловой: «Все это, быть может, и красиво, но нежизненно. Где уже тут до красоты среди такой сплошной грязи.

Мне не хотелось бы тебя огорчать, — продолжал он, — но в успех вашего предприятия я не верю. Будь хоть семи пядей во лбу Корнилов. Против рожна переть нельзя. Посуди сам: офицерства 200—300 тысяч, а сколько в вашей армии? 2—3 тысячи самое большее. А где остальные? Тут уж ничего не поделаешь. — Он остановился. — Пропала Россия, погубили, а снявши голову, по волосам не плачут. — И он махнул рукой. — Я никого не хочу обвинять — ни вас, ни Государственную Думу, ни Временное правительство, ни Керенского. Так, видно, нам на роду написано. Ты спросишь, отчего же я воюю. Скажу тебе откровенно, друг. Столько видел я гадости в жизни, столько подлости насмотрелся, так узнал, что такое люди, что нет больше охоты жить. Застрелиться я не хочу. Ну вот и ищешь, чтобы какая-нибудь маленькая пуля с тобой покончила. Умереть так все же лучше, чем от какой-нибудь болезни с докторами, с лекарствами и с сознанием своей полной никому ненужности. Здесь все-таки для чего-то отдаешь жизнь». Он замолчал. Лицо его обрюзгло, под глазами мешки, небритые щеки покрыты щетиной. Мне грустно было его видеть.

Когда-то вместе с ним мальчишками мы ходили в гимназию, сидели рядом на одной скамье. Он был способный ученик, все ему давалось легко. Он был хорошо воспитан. Его мать заботилась о его воспитании. Состояние их было значительное. И я всегда думал, что К. сумеет проложить себе дорогу в жизни. Знал я его и студентом Московского университета, и после, когда он поступил в один из гвардейских кавалерийских полков в Петербурге. Но было в нем что-то, что портило всю его жизнь. Была ли это неуживчивость его характера, или такова его судьба. Но только ему всегда не везло. Нигде он не приходился как-то ко двору и всегда сам себе портил. Он стал много пить. В Японскую войну поступил в забайкальские казаки, но ничем на войне не выдвинулся. И здесь ему не везло. Из него не выработался хороший военный, хотя он и считал военное дело своим призванием.

Бросался он и к бурам в Африку, и к болгарам во время Турецкой войны. Нигде не было удачи. При объявлении войны 14-го года он оказался на немецком курорте, был задержан в Германии и только перед самой революцией был выпущен в обмен на германского офицера. Он оказался неудачником в жизни: холостой, пьющий, без привязанностей и без всякой цели. А он был умный, способный, подававший большие надежды в молодости. Я напомнил ему наши гимназические годы. «Да, да, что и говорить. Хорошее было вре-

мя, — задумался он. — Единственное в моей жизни». Мне было грустно глядеть на него. «Да, друг мой, тяжело подводить итоги. Вот мы уже с тобой старики, а думали ли мы когда-нибудь, что нам придется кончать жизнь вот так, как сейчас. — Он помолчал. — Давай лучше поговорим о чем-либо другом». И он начал рассказывать, как он попал с Кавказского фронта в Екатеринодар и вместе с казаками сражался против большевиков. «Вот, лезу на пулю, а ни разу ранен даже не был. И тут то же невезение», — сказал он с какой-то горькой усмешкой.

* * *

Знакомо ли вам чувство победы? О, какое это радостное чувство. Въезжаешь в селение, занятое с боя. На площади русское знамя, где вчера торчала красная тряпка. Усталости как не бывало, оживленные рассказы, веселые лица. Вот мальчик-кадет перелезает через плетень и, заведев нас, весело машет рукою. Раненые, собравшись на крыльечке, пригретые солнцем, шумливо разговаривают между собою. По их громкому говору, по их лицам видно, что и им хорошо. Они оживлены общим чувством бодрости.

Генерал Марков не идет, а, как всегда, бегом проходит через площадь и на ходу о чем-то толкует с капитаном, едва поспевающим за ним. Родичев шагает большими шагами сзади (племянник нашего думского оратора Ф.И. Родичева). Он узнал нас, остановился и с жестом, напоминающим своего дядю, рассказывает про прошедший ночной бой.

По площади проходит взвод. Генерал Корнилов вышел с крыльца белого дома. Два часовых вытянулись перед ним; блеснули на солнце клинки шашек. Генерал здоровается с проходящим взводом. И в ответ громкий торжествующий раскат голосов оглашает всю площадь. И в этом торжествующем возгласе вы чувствуете свое гордое право быть русскими.

Офицерские золотые погоны — как гордишься ими в эту минуту. Как дорог безусый прапорщик. Как любишь мальчика-кадета. Он перескочил через забор и с веселым лицом подбегает к вам. На древке, воткнутом в плетень, размахнутое во всю ширь трехцветное полотнище трепещет и колышется по ветру. И этот лоскут, на который раньше и внимания не обращал, теперь кажется таким дорогим, своим знаменем. Сколько раз я видел на походе это знамя в руках всадника за генералом Корниловым и всякий раз испытывал те же чувства волнения.

Знамя, русское знамя! За ним шли мы по унылому степному пространству, переправлялись через железнодорожные пути, переходили разлившиеся потоки и реки, подымались в горные аулы, прошли уже шестьсот верст, прокладывая штыками путь. И впереди ничего, кроме своего знамени.

Мы не знали страха перед большевиками. Мы видели их в бою, видели их испуганно бегущими, видели их пленными, утрюмо шагающими толпою за обозом. Но ужаса и срама быть под властью большевиков мы не знали. Только по рассказам я могу представить себе, во что превращается та же большевистская толпа, когда она чувствует, что ее боятся.

Русское знамя! Среди какой опасности, в скольких боях оно, это знамя, вело нас за собою. Оно охранило нас от срама и унижения. Оно подымало на ноги тех, кто готов был упасть. Оно влекло нас вперед и вперед. Да, какое радостное чувство увидеть русское знамя, развернутое во всю ширь по ветру на площади взятого с боя селения.

* * *

Я разыскал своих на околице Ново-Дмитриевской станицы. Я застал всех их в сборе. На столе стояла миска с дымящимися щами. Каждый деревянной ложкой черпал горячий суп и закусывал ломтем хлеба. И тут же за едой они рассказали, как они переправлялись на крупе лошадей через бурлящий поток. Через тот же поток мы переехали уже на третий день, когда воды спали, и то нам пришлось ехать по мосту, затопленному почти выше перил. Большевиков выбивали из хаты в хату. Это были матросы. Тех, кого захватывали в хатах, прикалывали штыками.

Я слушал рассказ и глядел на своих, слушал и не мог поверить, чтобы этот мальчик-прапорщик с задумчивыми синими глазами, как будто подернутыми печалью, мог вынести такое нервное напряжение ночного боя, во время снежного бурана. Не верилось, чтобы этот худенький вольноопределяющийся с круглым, нежным лицом мог со штыком наперевес врываться в хаты, и перед ним в испуге разбежались бы матросы, спасаясь кто как мог.

В снежную пургу, в обледенелых шинелях, в папахах, покрытых льдом, когда нельзя было вынуть патроны из сумки, зажатой в ледяной коре, они шли в ночной штурм Ново-Дмитриевской станицы, среди такой непогоды, что казаки-кубанцы не решились идти и повернули назад. Теперь они молчали, как будто не о них шел рассказ.

Младший удивленно раскрыл бы глаза, если бы ему сказали, что он совершил подвиг...

Тотчас после обеда двое, взяв винтовки, ушли в дозор. Другие занялись каждый своим делом. Кто разбирал и смазывал винтовку, кто чинил иглою дыры на своей шинели, кто выправлял сбившийся каблук сапога. Капитан Займе улегся на постели. У него был землистый цвет лица. Болезнь сердца давала себя чувствовать. Молоденький прапорщик с трудом снял сапог, развязал портянки, и его босая нога оказалась в крови. «Нет, ничего, — сказал он, — это пустяки». Один мой знакомый говорил, что он не мог без слез видеть наших офицеров в стоптанных сапогах и в поношенных шинелях, обрызганных грязью на походе. Да, но это не только слезы грусти, но и слезы гордости.

В Ново-Дмитриевской состоялось соединение нашего отряда с Кубанским. Боевой состав наш увеличился до 6 тысяч штыков и сабель. Главное, мы получили конницу, которой нам так недоставало. Кубанцы влились в наши ряды и были подчинены одному командованию. Подчинение это было достигнуто, однако, не без сопротивления со стороны Кубанской Рады.

В станицу Ново-Дмитриевскую на совещание с генералом Корниловым прибыли атаман Филимонов, председатель Рады Рябовол, глава правительства Быч и произведенный в генералы капитан Покровский. Шли долгие и томительные переговоры. Над домом, где происходило совещание, рвались снаряды; граната разбила ворота, задрожали стекла, грязью обрызгало окна и стены; по крыше то и дело стучали шрапнельные пули, и представители Кубани все продолжали спорить и доказывать необходимость сохранения своей особой кубанской вооруженной силы. Они так вошли в роль полновластных кубанских правителей, что ничто не могло их поколебать. Суверенные права Кубани, основы народной конституции!

Им и в голову не приходил весь комизм этих притязаний под обстрелом неприятельских снарядов в Ново-Дмитриевской станице на другой день после ночного штурма. Они продолжали упорствовать, пока генерал Корнилов не стукнул кулаком по столу и этим не прекратил дебаты. Соглашение было подписано. Но притязания маленьких людей с их маленьким самолюбием имели не только комическую сторону. Самолюбия эти оплачивались кровью.

Благодаря тому что кубанцы не исполнили боевого приказа и не вышли ночью в обход Ново-Дмитриевской станицы, большевики не были тогда же окружены и уничтожены. Два лишних боя пришлось выдержать в последующие дни. Убитые и раненые, а могло бы быть

(если бы не отвага добровольцев) и поражение. Но об этом не думали. Недобрые чувства подымались в душе, когда случалось видеть членов Рады, проезжающих в извозничьих колясках или верхом кавалькадой среди нашего обоза.

* * *

Моросил мелкий дождь, когда рано утром мы вышли из Ново-Дмитриевской станицы. Широкая, однообразная равнина. Мелкий кустарник. Тут и там группы больших деревьев. В отдалении двигалась конница. Это уже была длинная линия, протянувшаяся по горизонту.

Мы знали, что предстоит штурм Екатеринодара. И при виде этой многочисленной конницы, двигавшейся в отдалении, уверенность крепла в своих силах. Екатеринодар будет взят.

Обоз продвигался медленно, с частыми остановками. Шел бой перед станицей Георгие-Афипской. Оттуда на Екатеринодар тянулась каменная дамба и железнодорожный мост через Кубань. Как обычно, в обозе ходили слухи то тревожные, что наступление наше оборвалось, то напротив, что большевики обойдены и бой идет на улицах станицы. Остановка обоза отчего-то долго задержалась. Потом был дан приказ двигаться как можно скорее. Мы тронулись на рысях длинной цепью по луговине.

Впервые показалась высокая насыпь железной дороги. Видно было, как голова обоза подымалась вверх, перекидывалась и скрывалась за насыпью. Мы уже ехали во всю скач. Направо совсем близко от дороги за копною сена стояло орудие с высоко поднятым дулом. Вокруг орудия несколько человек — артиллеристов — держались наготове. Из-за деревьев вдали показался дымок. И тотчас из нашего орудия раздался резкий, металлический звук выстрела. И от этого выстрела, как от удара бича, лошади понеслись еще быстрее. Миновали лесок. На далеком протяжении стала видна каменная дамба и в конце надвигающийся на нас в клубах дыма бронированный поезд. Снаряд один, другой, третий разорвались в нескольких сажнях от нас. Под колесами застучали камни.

Мы выкатились на железнодорожную насыпь. Толчки раз, два на рельсах, и мы покатались вниз по ту сторону насыпи. Вдоль полотна дороги, укрывшись за насыпью, лежала цепь наших стрелков. Орудийные выстрелы, разрывы снарядов, треск ружейной стрельбы. Через мост. В глубине, в обрывистых берегах речка. Обозные повозки вкатываются в улицу станицы и скрываются за поворотом среди садов.

Отряд кавалерии, как мы узнали после, не выполнил данного ему поручения; полотно железной дороги осталось невзорванным, и бронированный поезд мог перерезать нам путь. Он был остановлен огнем нашей артиллерии.

Обоз счастливо успел проскочить, но мне З. сказал, что Офицерский полк понес потери. Я долго ходил по улицам станицы, разыскивая расположение нашей роты. Случайно я зашел в одну хату. В комнатке как будто никого не было, полный беспорядок, все перевернуто вверх дном. Сундуки с открытыми крышками, валялось на полу тряпье, разломанный пустой шкаф, разбросана побитая посуда. С постели кто-то поднялся. В темноте нельзя было разобрать. Приглядевшись, я узнал капитана Займе. Осунувшееся лицо. Глаза воспаленные. «Что с вами, капитан?» — «Да так, что-то нездоровится», — ответил он, стараясь показаться бодрым. «А это что?» — «Эх, разбойники, что понаделали». Я думал; что это работа большевиков. Оказалось, наши мародеры разгромили хозяйское добро. Капитан Займе, угрожая револьвером, разогнал их. Он был в сумрачном настроении.

Утром пришлось выдержать тяжелый бой. Колонна наша запоздала. И вместо того, чтобы подойти к станице в темноте, оказалась перед железнодорожной насыпью на рассвете. Большевики увидели и открыли огонь. Подошел бронированный поезд. По тону, которым говорил капитан, мне показалось, что он скрывает что-то от меня. Мне было страшно спросить. «Ваши целы, — сказал капитан. — Младший заболел что-то, лежит в околотке. А наши еще не пришли. Нужно послать им перекусить», — добавил он, все так же сумрачно вставая и подходя к окну, где лежала на подоконнике жареная курица и каравай хлеба. Оконные стекла задрожали в комнате. Где-то поблизости разорвался снаряд. Я вышел на улицу и пошел отыскивать перевязочный пункт. Обстрел станицы продолжался. То тут, то там раздавались разрывы. Жители прятались в домах.

На улице изредка встречались прохожие. Я прошел мимо убитой лошади, валявшейся с закинутой головой. Кто-то указал мне дом, где помещался околоток. Я направился туда. Трах! — раздалось за несколько домов от меня. Как будто сверкнула молния, и клубы дыма показали среди деревьев, в глубине двора. Люди выбежали из хаты. Пламя охватило стог сена.

Дом, где помещался перевязочный пункт, был совсем недалеко. Я вошел. Во дворе стояли и сидели раненые, в куче были сложены кровати, скамьи, столы, вынесенные из дома; у открытой двери ведро, забрызганное кровью, брошены окровавленные тряпки, марли.

В низкой передней на глиняном полу один возле другого прижались раненные. Лицо одного мне бросилось в глаза — мужественное, молодое. Усы выбриты. Резкие очертания сжатых губ и сосредоточенный взгляд. Рука положена на согнутое колено. Он, видимо, превозмогал нестерпимую боль. Стонov не было. Он молча ждал своей очереди. В следующей комнате, откуда была вынесена вся мебель, стояли посередине два сдвинутых стола. На столе лежало оголенное темно-бронзовое тело. Босые ноги выступали с грязными пальцами вверх, за конец стола. Доктор в белом фартуке, с засученными рукавами, нагнувшись, ощупывал пальцами вздутый живот. Две сестры в белых передниках поддерживали раненого.

«Проходите в следующую комнату, — сказала сестра. — Ваш больной там». Следующая комната была совсем тесная конурка. На полу лежали вповалку трое, на разостланных одеялах. Воздух был спертый. Нечем было дохнуть. Я увидел моего мальчика. Он лежал нераздетый, в шинели, свернувшись и подложив руку под голову. Он повернулся ко мне лицом. Щеки пылали, и взгляд был какой-то жалкий, робкий, увидав меня, он улыбнулся. Улыбка была также детская. Боже, как было тяжело видеть его в таком положении.

«Пить хочется», — сказал он. Я принес ему кружку воды. Он, приподнявшись, выпил. Оставляя его в лазарете я не хотел. Я уговорил его пойти со мною и решил взять его в своей подводе. Он приподнялся, взял свою винтовку, стоявшую в углу; ступая своими тяжелыми солдатскими сапогами, пошел за мной; мы вышли из дома. На улице клубился дым между деревьями на месте пожара. Весь день, до позднего вечера, станица находилась под обстрелом.

Я сходил и нанял подводу у казака Андрея. Он сам и повез нас на своей тройке лошадей. Всю дорогу он шел пешком, сберегая своих коняжек, даже ночью он не садился. Когда ехали рысью, он держался за подводу и бежал сзади. С нами увязался его сынишка лет двенадцати, скверный, вороватый мальчишка. То перочинный ножик, то ложка пропадет. На одной из стоянок он, наконец, пропал, стащив у меня браунинг. А отец был простоватый, но добросовестный старик. Когда я стал с ним расплачиваться, он отказывался принять деньги, говоря, что он нес службу, а за это платы не полагается.

Наступила тусклая, туманная ночь. Лунный свет едва мерцал во мгле. Мы въехали в болотистую местность, в плавни, раскинутые вдоль берегов Кубани. Заросли мелкого кустарника, местами высокий камыш, дорога среди кочек, рытвин и болотистых луж.

То колесо провалится в яму, то зацепится ось за куст, повозка скрипит и переворачивается на сторону, опять зацепились, лошадь

оступилась, сорвалась постромка. Нужно слезать, вытаскивать подводу, застрявшую в яме. Я шел по болоту, чувствовал холодную мокроту в ногах, сапог увязал в тине, и при вытягивании хлюпала в нем вода. Не дай Бог, сломается ось, а провалы то в яму, то толчок на кочке на каждом шагу. Крики откуда-то из камышей. Слышны стоны раненого на повозке сзади нас.

«Помогите, Бога ради, помогите», — слышен чей-то жалобный голос. К нам кто-то приближается из камышей. Всплески воды от тяжело ступающих ног. Показывается какой-то человек: он несет на руках женщину. «Разрешите, господа, к вам поместить раненую. У нас повозка сломалась», — говорит офицер. Он бережно укладывает женщину в нашу подводу. Это была молоденькая сестра. Она как-то беспомощно склонилась на солому и тихо стонала слабым, детским вздохом.

Всю ночь мы промучились, пробираясь среди плавней. И странное дело: меня не только не трясла лихорадка, но я чувствовал себя совершенно здоровым. Откуда силы взялись и вытаскивать застрявшее колесо подводы, и лошадь вытягивать, и отгибать сучья кустарника. Руки все в грязи, промокшие ноги застыли, а болезненной слабости как не бывало. Только под утро мы выехали на ровную местность. Я улегся на солому и заснул мертвецким сном до самого аула Панахес, где мы остановились на дневку.

* * *

Огромный табор на зеленом лугу. Был ясный весенний день. Солнечный свет разлит и в голубом небе, и по всей зелени широкого луга, и по голубоватой дали, где отчетливо вырисовываются очертания гор и снежные вершины. Во всем чарующая красота весны: и в яркости, и в блеске свежей окраски зеленого луга. Как стая белых птиц, несутся облака, а над землею, ниже, такие же белые, как облака на голубом небе, скользят чайки одна за одной. Дым и треск костров, говор, шум, оживление. Стреноженные лошади пасутся на лугу. Стадо из ближнего аула рассыпалось по долине. Пастухи-татарчата подошли кучкой и глядят; с ними лохматый пес. Ближняя корова жадно захватывает сочную траву. Овцы, нагнув головы, быстро передвигаются кучкой по лугу. И в эту минуту забываешь, что мы в походе, что на том берегу Кубани идет бой, забывается и та прошлая ночь, с ее мукой среди плавней.

Где мы? Отчего эти тысячи людей оказались здесь, на зеленом берегу Кубани, среди пастбища, где, как всегда, пасется стадо черкес-

ского аула, и белые чайки, не замечая нас, скользят в прозрачной синеве воздуха. Поход, переправы через реки, тяжелые бои, раненые, убитые — как все это не вяжется с мирной картиной тихого луга в весенний день. Я ходил на берег Кубани к переправе. С бугра был виден белый купол Екатеринодарского собора. Я долго стоял и смотрел. Казалось, блеск креста сверкал в солнечных лучах на куполе храма.

Корниловский полк, партизаны и кавалерия уже были на том берегу. Мы знали, что они уже разбили наступавших на Елизаветинскую большевиков и погнали их к Екатеринодару. Внизу река катила свои мутные воды, до того мутные, что казалось — не вода, а потоки грязи несутся между берегов.

Паром, наполненный повозками, людьми и лошадьми, медленно передвигался, очищался на той стороне от заполнявших его и уже пустой с двумя паромщиками возвращался назад, чтобы вновь принять груз запряженных повозок, ожидавших своей очереди. Десяток рыбацких лодок суетливо скользил по мутной воде от берега к берегу. На пароме помещалось человек 50, не более, а здесь на лугу раскинулся целый табор нашего обоза. И в голове не вмещалось, как можно переправить через реку тысячи людей и лошадей, сотни подвод, с ранеными и с артиллерийской кладью.

* * *

В Елизаветинской нам отвели помещение в белой хатке в глубине двора, среди фруктового сада. Занятая нами комната с гладко выкрашенным в желтую краску полом и выбеленными стенами была убрана с той особенной опрятностью, какую отличаются кубанские станицы. На окнах ситцевые занавески, растения в глиняных горшках, огромная, во всю стену, деревянная постель; на ней положены одно на одном одеяла и целая груда белых и расшитых узорами подушек, в углу иконы в золоченых ризах, перед ними зажженная лампада и восковые свечи, сложенные на столике, а по стенам — картины, изображающие Государя и Наследника в красной черкеске Государева конвоя. Вся эта обычная обстановка казачьего дома своим уютным видом свидетельствовала, что бури, разразившиеся над Россией, не коснулись этого тихого уголка казачьей станицы.

В России уже не было Царя. Государь и Наследник-Цесаревич, чьи изображения висели рядом с иконами, были в ссылке в Сибири, на Кубани шли ожесточенные бои, красные знамена на улицах Екатеринодара, а здесь, в казачьей хатке, затерянной в глубине фруктового

сада, все осталось по-старому. Старушка вдова, ее дочь и невестка, в доме которых мы остановились, были приветливыми хозяйками и заботливо за нами ухаживали. Сын и зять ушли с казаками Елизаветинской станицы сражаться под Екатеринодар, и старушка все время тревожилась за своих, то и дело выбегая к соседям узнавать по слухам, кто из казаков ранен или убит. Она была поглощена чувством тревоги за сына и только и думала о том, как бы поскорее увидеть его дома живым и здоровым. Показывая нам его портрет, стройного и красивого казака, она утирала слезы и жаловалась, зачем только его угнали опять воевать. Старушка обращалась к нам с ласковыми словами, называя «родненькие мои», и все допытывалась, из-за чего воюют и нельзя ли как помириться.

Я помещался в одной комнате с моим сыном, с поручиком Сокольниковым¹²⁰ и с чернецовским партизаном Гришей Петренко. Оба они были ранены. Сокольниковый в бою под Кореновской, а Петренко в ночной атаке станицы Ново-Дмитриевской. Сокольниковый, офицер военного времени из судебного ведомства, усталый от всего пережитого, в своем унылом настроении не раз высказывал мысли о бессмысленности нашей борьбы. «Русский народ дрянь, — говаривал он, — из-за него не стоит собой жертвовать». Эти слова приводили в ярость нашего партизана: весь красный, он кричал и, не умея спорить, убегал из комнаты. Впрочем, споры не приводили к обострению отношений между ними, и они жили в большой дружбе.

Я встал рано утром. В комнате было темно. На темных стенах лишь ясно выделялись окна: в них светилась бледная утренняя заря. Я вышел во двор. Небо уже начинало светлеть, но сумерки еще держались над землею. Иней покрывал двор, изгородь, крыши сараев, скирды соломы. На белом покрове выделялись темные очертания большого дерева, колодца под ним, неподвижно в дремоте стоявших лошадей у повозки и спавшего на куче соломы нашего возчика.

В утренней тишине явственно слышался крик каждого из петухов, переключавшихся между собою то в том, то в другом конце... Но когда я зашел за угол хаты, я тотчас же услышал похожий на раскаты грома гул со стороны Екатеринодара. Мой привычный слух различил в этом гуле и удары орудийных выстрелов, и среди ружейной перестрелки механический и своим механическим звуком раздражающий треск пулемета. И в тишине утра во дворе с белой хатой, среди погруженного в сон селения, странно было слышать эти тревожные звуки войны при первом появлении света.

Проснувшиеся гуси один за одним продвигались по двору. Поросянок возился, похрюкивая, в куче навоза. Женщина вышла с ведрами из

хаты так же, как каждое утро. И только протяжный, тревожный гул, врываясь извне, нарушал покой и тишину мирного, повседневного пробуждения тихого уголка казачьей станицы. Подошла старушка хозяйка; мальчонок плелся за нею, держась за подол юбки. Она остановилась. Грохот орудий гудел в воздухе. «Господи Иисусе Христе. — Она стала креститься. — Матерь Божья, помилуй нас». У нее был там сын.

По слухам я знал, что убит знакомый — князь Туркестанов и баронесса Боде. Говорили, что Корниловский полк понес большие потери. Убит полковник Неженцев. Екатеринодар еще не взят. У наших не хватает снарядов и патронов. Офицерский полк без выстрела пошел в атаку и взял артиллерийские казармы. Раскаты орудийных выстрелов все усиливались и усиливались. «Матерь Божья, помилуй и спаси!» — твердила старушка в каком-то оцепенении, глядя в ту сторону, откуда несся этот страшный, неумолкающий гул.

Солнце уже поднялось, и яркие лучи радостно полились сквозь чашу сучьев фруктовых деревьев на свежую зелень, на песчаный двор, на белые соседние хаты. В узенькой улице показалась между изгородями группа всадников; впереди на высоком донском коне полковник Тимановский, сухой, жилистый, в кожаной куртке и, как всегда, с трубкой во рту. Следом за ним офицеры — кто в бурке, кто в офицерском пальто, кто в полушубке, в папахах и в фуражках. Всадники шагом проехали мимо нашего двора по переулку и скрылись на повороте за деревьями. Раздались звуки песни. Тех, кто пел, не было еще видно, но их звонкие голоса пронеслись в свежем воздухе утра, вливая бодрящие настроения в душу. Ребятишки повыбежали из хат: кто карабкался на плетень, кто лез на перекладины. Окна растворялись. Казачки выглядывали на улицу. У ворот останавливались люди.

Но вот показались и они: не больше сотни, по четверо в ряд. Они шли бодрым шагом. Над головами колыхались штыки, то вспыхивая на солнце, то потухая. Песнь звучала молодым, жизнерадостным задором. «За Царя... за Родину» — отчеканивалось каждое слово. «За Веру» — гремело в воздухе. И чувствовалась в звонких голосах, в их бодром виде, в заглубелых темно-бронзовых лицах и сила молодости, и ее отвага. Не было для них ни усталости, ни тяжести двухмесячного похода, а впереди не страшил отчаянный приступ Екатеринодара.

«За Царя... за Родину, за Веру», — разносилось далеко по станице. Весеннее солнце светило на белые хаты, на чуть-чуть распускающиеся зеленым пухом ветви деревьев, на пробившуюся зелень у дороги, на оживленные лица ребятишек, вскарабкавшихся на плетень, и на сотню молодежи, бодро под звуки песни проходившую в узеньком переулке Елизаветинской станицы.

Прошла рота Офицерского полка, последняя оставшаяся на том берегу Кубани для прикрытия обоза с ранеными. Замолкли звуки песни и снова стал слышен протяжный гул, доносившийся со стороны Екатеринодара. Знакомый артиллерийский капитан в рубашке с расстегнутым воротом, опираясь на палку, зашел к нам в хату. Старушка принесла испеченные ею жирные пышки, нарезала белого хлеба и поставила кувшин молока на стол.

Капитан Рахманов в это утро был как-то особенно в бодром настроении духа; даже нашу хозяйку он сумел вывести из постоянной тяжелой думы о сыне. Сокольницкий был не в духе. Он все ворчал. Даже ласковость нашей хозяйки его раздражала. «Родненькие, родненькие, а придут большевики и тоже будут родненькие».

— Под Катеринкой бой шел, — стал он рассказывать. — Большевики подступили к самому селению. Шрапнели рвутся, пули свистят, а у бабы теленка снарядом убило, так такой вой подняла на всю станицу, хоть все бросай и беги, заткнув уши. Ее гонят, а она кричит, лезет, требует уплаты.

Да и не бабы одни, — продолжал он раздраженно, — а и мужики и те же казаки не лучше. Ни вразумить, ни растолковать, за что мы боремся, нет никакой возможности.

На пакость на какую угодно подбить можно. Погромить, поджечь, ограбить сейчас готовы, а поднять их, хотя бы на защиту самих себя, не то чтобы родины, этого никак нельзя. Вот и извольте за таких людей воевать.

Как вы думаете, капитан, — спросил он, — стоит за русский народ собой жертвовать или не стоит? Мы вот все с партизаном спорим.

— Да я за русский народ воевать и не намерен, — ответил капитан, — а я воюю потому, что если бы не воевал, то считал бы себя подлецом, — глядя на Сокольницкого, заявил он.

— Вот это так, — обрадовался Гриша тому, что капитан высказал то, чего он не умел высказать. — Вот это именно так и есть.

Нет для нас никого. Генерал Корнилов, и баста, и больше никого знать не хочу. Все остальные сволочь — и наплевать, пусть сволочью и остаются, и мне дела до них нет! — кричал партизан.

Славный мальчуган был этот Гриша Петренко, с его открытым выражением лица, с наивными карими глазами и с краской, заливавшей все лицо до ушей, когда он волновался. Я знал его еще в Новочеркасске. Из старшего класса реального училища он ушел в отряд Чернецова, участвовал во всех его удачных набегах, попал в плен вместе со своим школьным товарищем и сумел убежать, сбив с ног ударом кирпича по голове сто-

рожившего их красноармейца и захватив у него винтовку. Он ушел с нами в поход, отличался безрассудною храбростью и был ранен в ночном штыковом бою под Ново-Дмитриевской.

— Нет, нет, Александр Семенович, что вы там ни говорите, голубчик, — говорил Гриша Петренко, остыв от пыла своего гнева, — а мы ваших большевиков угробим, всю сволочь, какая ни на есть.

Среди разговора я увидел в окна, как во двор въехала подвода. Женщины выбежали из хаты. Привезли раненого зятя нашей хозяйки. Я вышел во двор.

— Ох, ох, — стонал раненый, когда его стали подымать с подвоя и переносить в соседнюю с нами хату.

— Сыне, сыне, а где сыночек мой? Где он, жив, жив, что ли? — сама не зная к кому, обращалась старушка.

Какой-то казак, стоя у ворот, шептался с нашим возчиком. Они замолкли при моем приближении.

На мой вопрос, о чем они говорят, возчик, старый Андрей, смущенно ответил: «Так брешет, генерала убили». Он не назвал Корнилова, но я понял, что речь шла о Корнилове, а не о каком-либо другом генерале. Пришли два офицера и, отведя меня в сад, передали, что они только что из штаба. Корнилов убит сегодня утром снарядом, разорвавшимся внутри его комнаты, на хуторе, в трех верстах от Екатеринодара. Тело его уже привезли в Елизаветинскую. В смущении они передавали слухи, что из Темрюка по Кубани плывут пароходы с красными войсками; с часа на час можно ожидать нападения.

Пришел доктор. По лицу его видно было, что он в полной растерянности. Он предлагал разбиться и отдельными группами переправиться через Кубань, а там, через перевал, на Туапсе. Он знал дорогу и брался быть проводником. Доктор говорил шепотом, чтобы его не могли услышать раненые, лежавшие под фруктовыми деревьями. Взглянув в их сторону, он смутился и замолк.

— Сыне мой, сыне! — беспомощно стонала старушка. Глядя на нее, и мальчик-внучонок громко заплакал, утираясь двумя ручонками.

Из хаты вышел капитан и, подойдя, заговорил с нами своим твердым, бодрым голосом.

— Эх, господа, — произнес он укоризненно, — чего вы тут панику разводите? Повоевали с Корниловым, сумеем и без него воевать.

Доктор и офицеры ушли. Весть о смерти Корнилова распространилась по всей станице. Во всем чувствовались тревожные настроения. У ворот собирались кучки и о чем-то шепотом переговаривались. Прохожие оглядывались в ту сторону, откуда доносился гул орудийных выстрелов. Запрягали лошадей и по улице потянулись одна за другой

подводы с ранеными. Наша старушка хозяйка с соседями стала собираться ехать, чтобы привезти сына к себе домой. В нашей комнате мы сидели молча, избегая разговаривать друг с другом.

Гриша оперся на стол. Лицо у него было строгое, недетское.

— Мы должны. Мы отомстим, — сжал он угрожающе кулак.

Опять молчание водворилось в комнате. В наступивших сумерках огонек в лампаде мерцал на золотых окладах икон, тускло освещая царские портреты, висевшие на стене. День клонился к вечеру. Звон церковного колокола зазвучал в открытое окно. Вечерний звон после тревожно проведенного дня.

Раздались звуки военных труб, торжественные звуки похоронного марша. Медный трубный гул сливался с колокольным звоном в тихом вечернем воздухе. Он возвещал в глухой казачьей станице о том героическом и роковом, что совершилось в это утро на берегу Кубани.

Я видел генерала Корнилова в гробу, в серой тужурке, с генеральскими золотыми погонами. Первые весенние цветы были рассыпаны на черном покрывале и внутри гроба. Огоньки восковых свечей тускло освещали лицо мертвенно спокойное. Я глядел на черты лица типично киргизского, всегда полного жизненной энергии и напряжения, и не узнавал его в мертвенном облике, неподвижно лежавшем в гробу. Точно это не был генерал Корнилов.

Отошла служба, офицеры вынесли гроб, а все казалось, что Корнилов не здесь, в этом гробу, а там, под Екатеринодаром, откуда доносился рев орудийных выстрелов все еще незатихавшего боя.

* * *

Армия оторвалась от Екатеринодара и ночным переходом из Елизаветинской станицы двинулась в путь. Под утро мы остановились в небольшой немецкой колонии в Гначбау. Белые дома под красной черепицей вытянуты в ряд по прямой улице; один дом, как другой, с теми же зелеными ставнями, в такой же ограде, с таким же двором, садом и огородом.

Обоз скупился, одна повозка возле другой. В тесноте боевых частей, конных, пеших, обозных подвод, лошадей, артиллерийских двуколок, снарядных ящиков трудно было пройти. После полудня начался обстрел. Говорили, что большевики подвезли двенадцать орудий. С нашей стороны выстрелов не раздавалось; снаряды падали в сады, в огороды, иногда среди обоза; к счастью, разрывались редко. Впереди нас среди конвоя разорвалась граната. Несколько человек было ранено и убито.

Я сидел в повозке возле больного мальчика. Возчик, старый Андрей, как-то уныло возился около лошадей; его сынишка забился между колес под рыдваном. Из соседнего дома доносился стон, из открытого окна. От него нельзя было уйти. Стон этот, далеко слышный, томил своею мучительной протяжностью.

Трах! Столб черной пыли взвился на соседнем дворе. Испуганные гуси, махая крыльями, с гоготаньем понеслись в сторону. Собака взвизгнула и, волоча отбитым задом, поползла по земле. Я помню: возле нашей подводы стоял какой-то парень с тупыми глазами, в старой солдатской шинели на голом теле. Ноги босые. Он захохотал, оборачивался, показывал пальцем и опять хохотал. Собака судорожно дергала ногами. Кто-то прикрикнул на него. Он прижался и замолк. Откуда он явился? Был ли это идиот из немецкой колонии или увязался с нами юродивый из Елизаветинской? Кто его знает. Кто-то приколот визжавшую собаку. И опять все внимание привлекается этими стонами из открытого окна.

А кто она, эта сестра? Знакомая ли, или я ее не знаю? И вдруг как будто кто-то шепнул: «За что царя согноли?» Но Боже мой, разве мы виноваты? В мыслях перебираешь прошлое, как будто ищешь оправдания. «За что же эта сестра мучается?» — приходит на ум. В чем ее вина? Пусть казнятся те, кто виноват, а не эти дети. И снова мучительные стоны как бы молят об ответе. Все их слышат так же, как и я, — и раненые в повозках, и мой больной мальчик, который лежит тут же. Этот стон, несшийся из открытого окна, стон раненой сестры, он звучал всеми муками наших раненых, больных, изувеченных людей, тою мукою, которая таилась в душе каждого из них. О том, что вас может ранить, убить, не думаешь. Подавленный, думаешь, как бы прекратить эти стоны, не слышать их.

Генерал Алексеев проходит. Он все такой же спокойный. Проходя, он участливо спросил о моем здоровье. Вольноопределяющийся поднялся с повозки и прикладывает руку к папахе. «Лежи, лежи, голубчик», — говорит ласково старик. Алексеев прошел в тот дом, откуда неслись стоны.

До самого вечера обоз простоял неподвижно, скученный в узкой улице колонии Гначбау. Стемнело сразу. Луна поднялась из-за деревьев. Разрывы вспыхивали в темноте. Обоз зашевелился. Какой-то хозяин-немец в соседнем дворе ругался, не давая своих лошадей запрягать в повозку.

Наша телега тронулась. Мы свернули и по огородам сквозь проломанный плетень выехали на выгон. Повозки мчались, и не одна за одной, а раскинулись по всему выгону. В темноте мы катились вниз по

откошу без дороги. Толчок — и мы увязли в каком-то болоте. Соскакиваешь, идешь по трясине. Лошади остановились. Хватаешь их за узды, стараешься вытянуть. Возчик Андрей хлещет их кнутом. Мы остановились одни ночью в болоте. Обоз гремит где-то далеко.

Трах! Разрыв снаряда. Нас обдало брызгами и грязью. Со всюю силою тянешь за узду. Лошадь под ударом кнута вскидывается. Опять грязью обрызгало все лицо. Снаряд шлепнулся в болото, но не разорвался. Лошади рванулись. Повозка выскочила из трясины, и мы нагнали обоз.

Вторая ночь в пути. Усталый, я всю дорогу дремал в забытьи. Испытываешь только одно чувство облегчения от пережитых волнений прошлого дня, когда мы стояли в улице немецкой колонии. Мы вырвались из опасности. Ничто не угрожает. Помню, как откроешь глаза, видишь над собою небо в мягком лунном сиянии, не слышишь резких звуков разрывов, не слышно мучительного стога. Тишина. Веет величавым спокойствием с высоты ночного неба. И думается, что все миновало. Ничто не тревожит. Помню — мы проезжали мимо какого-то водного разлива. Что это — река?

Волны с плеском накатывались к самой дороге. Блески лунного света на всей шири колеблющейся водной поверхности. Какое-то озеро. Колеса катились по плотному песчаному грунту. Толчков нет. Взглянешь: Андрея не видно на передке, бежит возле повозки. Хорошо было бы так катиться и катиться по дороге без тревоги, без дум в тихой дремоте ночи. Трах, трах, трах! — треск ружейных выстрелов. Отчетливый стук пулемета. Два орудийных удара, один за другим. Что такое? Приподнявшись, оглядываешься кругом. Сумерки ночи. Месяц спустился на самый край небосклона. Яркие одинокие звезды, опрокинутые с высоты неба. Два, три прозрачных, светлых облачка среди нависших лохматых, темных туч. Бледный лунный блеск. Нет света зари. Багряная полоса среди полутьмы ночи.

«Кавалерия вперед», — передается от повозки к повозке, докатывается до нас, и далее уже сзади слышится: «Кавалерия вперед». Что случилось? Пулеметный звук вдруг оборвался. «Кавалерия вперед», — слышится где-то очень далеко позади нас. А никто не выдвигается. Смотришь по сторонам. В темноте не видно всадников. Каким безнадежным призывом звучит: «Кавалерия вперед», снова докатывающееся до нас от передних подвод обоза.

Багряная полоса все ширится. Гаснет лунный свет. Вспыхнули, охваченные огнем, края темных туч. Светлеет небо, но темь обволакивает землю. Вдруг в темноте мы наталкиваемся на насыпь. Телеграфные столбы. Белая железнодорожная будка. Бесформенная громада

неподвижно лежит на путях, что-то чудовищное, неразличимое впотьмах. Изнутри этого безжизненно лежащего, чудовищного тела клубится дым, выскальзывают языки красного пламени. Рядом в белой папахе генерал Марков.

Мелькнула перед нами картина. Обоз мигом скатился с насыпи. На рысях проехали мы станицу Медведовскую, перебрались через плотину у широкого пруда, поднялись в гору и остановились. Обоз раскинулся табором. Солнце ярко светило. Затрещали и задымились костры. В оживлении, в говоре, в песне, подхваченной хором голосов, во всем чувствовалось приподнятое, бодрое настроение.

Нет, это не разбитая армия. Слышен веселый говор, смех, удалая, звонкая песнь. И точно ничего не было. Ни бессонных ночей в пути, ни отхода от Екатеринодара, ни немецкой колонии, ни этих мучительных стонов. Подходит тот, другой знакомый; передают один другому разные слухи о том, как все это случилось.

Произошло же это вот как. В сумерках, до рассвета, Марков с офицерами пробрался к железнодорожной будке и захватили ее. Вместо сторожа генерал Марков по телефону переговорил со станцией и заверил, что все благополучно. На станции стоял наготове бронепоезд и два эшелона с красными войсками, поджидавшими наш приход.

У железнодорожной будки за насыпью залегли офицеры, укрыты два орудия, дула наведены на рельсовый путь. Генерал Алексеев, Деникин, штабные все в тесноте возле будки. Показалась движущаяся темная масса. Медленно, с закрытыми огнями надвигался бронированный поезд, только свет от открытой топки скользит по полотну. Поезд в нескольких шагах от будки. Марков бросился к поезду: «Поезд, стой! Своих раздавишь, с... с...!» У кого-то из стрелков выхватив ручную гранату, Марков бросил ее в машину.

В мгновение из вагонов открылся огонь из ружей и пулеметов. Грянул орудийный выстрел, и паровоз с треском повалился передней частью на насыпь. Со всех сторон бросились к поезду, стреляли в стенки, взбирались на крыши, пробивали отверстия, бросали ручные гранаты, подожгли вагоны. Отдельные люди выскакивали из пламени, ползли по полотну; их тут же прикалывали штыками. Все было кончено. Счастливый случай. Опоздай на каких-нибудь полчаса наш отряд, и свет утренней зари не дал бы возможности врасплох захватить большевиков. Решимость Маркова — вот что не было случаем, — смелость и отвага наших людей.

Корнилов убит. Штурм Екатеринодара не удался. Мы отошли. Раненые брошены в колонии Гначбау. Настроения тревоги и подавлен-

ности. Тяжелый ночной переход. И напряженность воли, и решимость те же. В блеске смелого подвига вновь проявился несокрушимый дух добровольцев, тех пятидесяти на улице Ростова, того мальчика в больших солдатских сапогах, с тяжелой винтовкою в слабой детской руке, кадета, который смеялся, когда ему рассказывали сказку.

В памяти моей переход у станицы Медведовской навсегда останется в фантастической картине. Нагроможденные тучи, темные и мрачные, в разорванных лохмотьях. Красный свет зари и бледный лунный свет. Во мраке чудовище, неподвижное, придавленное к земле, сраженное рукою человека. Дракон, поверженный рыцарем.

Смерть Корнилова — тяжкий удар для нашей армии. Одно имя генерала Корнилова наводило панический страх на большевиков. Они ненавидели его, но еще больше ненависти испытывали чувство страха. Мне рассказывали те, кто в то время случайно был на Кубани, как один слух: «Корнилов идет» — приводил в смятение большевистскую толпу. Везде на станциях, в поездах только и говорю было, что о приходе Корнилова, и не раз подымалась паника даже в таких отдаленных местах, куда Корнилов и не мог дойти. Везде со страхом ждали его прихода. А в наших рядах его железная рука действовала как напряженный электрический ток. «С нами Корнилов», — и небольшой отряд в 3000 становился отрядом непобедимым.

Смерть, постигшая его под самым Екатеринодаром, была тяжелым ударом, но не была гибелью для нас. Дух Корнилова невидимо оставался с нами. Героическая смерть его скрепила наши ряды. Армия не распалась. Во главе встал генерал Деникин. Алексеев продолжал вести нас.

* * *

Мы въехали на широкий двор. Посреди колодезь, обложенный камнем. Белая хата под черепицей. Ряд надворных построек. Скирды сена и соломы. Все убрано, везде подметено. Гуси чинно расхаживают, точно по гладкому полу. Просторная комната, куда мы вошли, поражала белизной стен, яркостью окраски желтого пола. Мы, запыленные и загрязненные в дороге, вносили в эту опрятно убранную комнату пыль и грязь. Неловко было ступать по блестящему, точно воском натертому, полу. И хозяева были под стать своему жилищу. Крупный, дородный старик с типичным хохлацким лицом, без бороды, с вниз опущенными седыми усами, и его жена, маленькая опрятная старушка в черном платье, приветливо встретили нас.

Я разглядывал комнату. Золоченые ризы икон, одна под другой, занимали весь передний угол. По стенам портреты Наследника Цеса-

ревича Алексея Николаевича и Государя Императора, лубочные картины кавказской войны и какая-то темная гравюра на пожелтевшей бумаге. Я подошел и разглядел ее. Под дубом изображен запорожец. Пика прислонена к дереву, изогнутая сабля на коленях. Конь с лебединой шеей как будто скачет. Запорожец, сидя под дубом, играет на бандуре. Старик объяснил мне, что картина эта его деда, а дед на Кубань пришел из Запорожья. На стене висела изогнутая турецкая сабля, обделанная серебром. «А это чья сабля?» — «Сабля эта турки, — растолковал старый казак. — Дед на дочери турки женился. А турка был здесь за начальника, и место было его, и колодезь при нем был, и камнем выложен. Турка в нашу веру перешел». Старик принес большой жбан водки, которую он называл горилкой, налил нам по стаканчику, сам выпил с нами и обтер свои густые усы рукавом.

Я стал расспрашивать его про старые времена. Старик помнил еще своего деда. Помер дед ста пяти лет. От деда слышал он, как селились на Кубани казаки-запорожцы. «Екатерина позвала их», — объяснял старый казак. Говорил он с малороссийским выговором: «Диты мои! Идите ко мне на Кубань, и вся земля буде ваша вичная и потомственная. Потомственная, — наставительно повторил он. — И диды служили верно государыни, а после государям служили. И батько мой служил, и я, и сыны мои. И все казаки служили по совести и по присяге. А земля была наша потомственная, как заказала Екатерина».

Рассказал старый казак, как умирал его дед. «До самых последних дней ходил на ногах и только работу уже никакую не исполнял. Носил белую рубаху и шаровары белые, и сам был с белыми волосами. Поутру говорит он моей матери: «Куда Петро уехал?» А Петро, отец мой, уехал в лес дров нарубить. «Я сегодня умирать буду», — говорит дед, а мать ему не верит: ходит по комнате, а говорит, что умрет. Помолился Богу, лег в постель и велит всех позвать. Отец вернулся из леса, и всех, и меня позвали, а я еще тогда малым был, как мой внучонок. Дед крестит всех и прощается. На мою голову руку положил, а отца наставляет страх Божий иметь, начальникам повиноваться, старших уважать и не обижать младших. Мы на колени встали. Дед перекрестился и отошел».

Вот он быт, о котором так много говорил Родионов. «Для народа устав нужен; без устава русский человек пропал». Где теперь этот старый казак из Дядьковской? Цела ли его белая хата и колодезь, выложенный камнем? Висит ли на стене картина запорожца и турецкая сабля, обделанная в серебро? Рассказывает ли старый дед своим внукам про Екатерину, наставляет ли их? Или все сгнуло с лица земли, все пошло прахом? И внуки так и не будут знать, как жили и умирали их деды.

«Да здравствует международный пролетариат», «Да здравствует 3-й интернационал», «Да здравствует социализм», — красными букетами на плакатах в городском саду Екатеринодара, на том самом месте, куда на памяти еще живущих людей пришли казаки из Запорожья и на берегу Кубани заложили город «дар Екатерины». «Дети мои! Идите ко мне на Кубань, и вся земля будет ваша, вечная и потомственная», — говорил старый казак в Дядьковской. «Пролетариат, интернационал, социализм», — ревела толпа на Красной улице Екатеринодара, и двигалась шутовская процессия, надругаясь над прахом генерала Корнилова.

* * *

В Дядьковской вся пехота была посажена на подводы. Мы быстро стали продвигаться вперед, делая переходы по 60 и 70 верст днем и ночью. Путь наш лежал на станицу Журавскую, где еще в начале марта у нас был бой с большевиками.

Затем переход через железнодорожную линию у станции Выселки, ночевка в станице Бейсугской и далее снова переезд через железную дорогу, остановка в Хоперских хуторах, трехдневный отдых в Ильинской, и оттуда тем же быстрым движением до самой крайней кубанской станицы Успенской, на границе Ставропольской губернии.

Куда мы пойдём — в ставропольские ли степи, или опять на север, на Дон, или свернем на Терек, — никто не знал. Мы помещались в небольшой хатке. Со мной были оба моих сына. Старший присоединился к нам. Его ноги были все в ранах. Младший стал поправляться. С нами поселился поручик Негребецкий, легко раненный в ногу. Веселый малый был поручик. Все он делал весело и шутя. Весело воевал, весело балагурил на стоянках с молодыми казачками, пугал маленьких татарчат в аулах, смеялся, пел веселые песни на походе. Все ему было нипочем.

Утром я вышел из низенькой двери нашей хаты. Солнце так и обожгло. Глазам больно. Я проспал позднее обычного. Во дворе, у колодца, оголенный до пояса, полоскался в воде поручик Негребецкий. Лицо, шея медно-красные, резкой полосой отделялись от кожи голого тела спины и плеч, руки точно в темных перчатках. Молодая красивая казачка поливала его из ведра. Он, видимо, наслаждался ощущением холодной воды и, протирая лицо руками, балагурил с хозяйкой. Два моих сына, стоя у колодца, ожидали своей очереди. У них были также веселые, здоровые лица. И весело было глядеть на них.

«Не плачь, дитя, не плачь напрасно, — вдруг ни с того, ни с сего зашел поручик, становясь в театральную позу. — Твоя слеза... Доброе утро! — прокричал он, увидев меня. — Какое наслаждение. Не хотите ли сполоснуться? Нет ничего на свете выше холодной воды, а все остальное сущие пустяки. Не так ли, друг Горацио?» — понес он вздор по обыкновению. Подошел, прихрамывая и опираясь на палку, капитан Рахманов. «Господа, хорошие вести, — сказал он весело, — только что виделся с Барцевичем. Прорвался с Дону. Казаки поднимаются. Просят нас к себе на помощь. Говорят, завтра идем в поход».

Все оживились. Капитан подробно рассказал, что ему говорил полковник Барцевич, посланный на разведку и вернувшийся из Мечетинской станицы. «Ура! — закричал поручик Негребецкий и даже подскочил, забыв про свою рану на ноге, но тотчас нагнулся от боли. — Черт ее дери, проклятая... А все-таки, господа, уходить отсюда не хочется», — уже весело обратился он к молодой казачке, присевшей с ведром у колодца.

Я пошел разузнать о том, что передал нам капитан Рахманов. Неподалеку в переулке остановился генерал Алексеев. Я зашел к нему. На крыльце я встретил, помнится, ротмистра Шапрона. Он подтвердил мне все, что мы слышали от капитана Рахманова. Да, донские казаки подняли восстание. Большевики выгнаны из задонских станиц. Новочеркасск, по слухам, взят казаками. Более двух месяцев мы ничего не знали. Мы были отрезаны от всего мира. Какая радость получить первую и такую добрую весть.

В передней комнате я никого не застал. Генерал Алексеев еще не выходил из своей спальни. Я сел у стола. Дверь была открыта, и я видел, как в той комнате старый генерал стоял перед иконами, долго и усердно молился. Я видел, как он крестил себя большим крестным знаменем, подолгу держа сложенные пальцы у лба, потом он опустился на колени, положил земной поклон, и на коленях, подняв голову к иконам, продолжал молиться.

Я молча ждал. Старый генерал поднялся, перекрестился и вышел ко мне из своей спальни. Выражение лица, как всегда, спокойное. Под нависшими бровями, сквозь очки, глубокий вдумчивый взгляд его старческих глаз. Мы поздоровались. «Бог не без милости, — сказал Алексеев. — Одумались казаки. Заговорила в них совесть. Да как это говорится — Бог не попустит, — прибавил он. Он присел на стул. — А впереди много, много еще трудов, — сказал он, задумавшись. — Идем на Дон. Чутчку полегчало, а там видно будет».

Стали приходиться к генералу Алексееву полковник Кутепов, еще кто-то из офицеров. Я ушел от Алексеева со спокойствием на душе,

как будто он передавал другим то, что сам чувствовал. И теперь, когда я перечитываю письмо Алексеева, написанное четким мелким почерком: «Голова забита, и не могу молиться, как я умел молиться в былые, тяжелые дни моей жизни. Я всегда получал облегчение моему сознанию, моей душе», передо мною встает образ старого генерала, стоящего на коленях перед иконой в маленькой комнате глухой кубанской станицы.

* * *

Степь ярко зеленела. Это уже не серая, унылая, мертвая степь. На дороге вместо грязи густые облака пыли во всю длину нашего поезда. Кругом, насколько можно было окинуть взглядом, колышущееся волнами, точно безбрежный разлив, степное пространство. И ничего, кроме синего неба и степной травы. Необозримая гладь. Жаворонки взвиваются и трепещут в воздухе. Придорожные пташки совсем рядом с повозкой порхают. Испуганный заяц сорвется и понесется по лугу, и видно далеко, как он мелькает между кустами бурьяна. В небе кружатся ястребы. В вышине плавно парит орел. Иногда видишь его на бугорке неподвижным, случалось и совсем близко. Сидит и медленно поводит головой и вдруг сорвется во весь саженный размах своих крыльев и уже далеко, уже в вышине, плавно огибает круги.

Мы едем, а кругом все степь, как безбрежное море. Обоз катится бесконечною цепью повозок. Густые облака пыли до самого горизонта обозначают его путь. Обоз раскинулся на десять верст. Из Ростова мы вышли в составе 500 повозок, теперь их более 1500. Не так ли в давние времена передвигались степные кочевники: печенег, половцы, татары, и по той же задонской степи. Мы ехали в местах, где течет река Каял, воспетая в «Слове о полку Игореве». И была тогда та же необозримая степь, тысячу лет назад. Издали виден курган. Мы спускаемся в ложину, вброд переезжаем речку, поднимаемся, и уже близко перед нами встает темный, величиною с гору курган. Великан одинокий среди степной пустыни.

Обоз катится, огибая курган. В тени у подножия расположились всадники в бурках, кони стоят в поводу. На вершину взошел кто-то, и его едва видно снизу. Мрачен и величествен степной великан. Веками веет с высоты его вершины. Это не сторожевой курган. В его недрах таится глубокая седая старина. Он погружен в свою думу. И что значим мы, случайные путники, промелькнувшие мимо по дороге, как вихрем поднятая пыль, для него, простоявшего тысячу лет на этом месте. Облака пыли несутся по ветру и стелются

над степью до самого края. Мы уже далеко отъехали. Скрылся из виду курган.

Мы едем целый день. Привал на каком-нибудь хуторе, а дальше снова в путь. Солнце спускается к закату. Показывается бледный лик месяца с другой стороны. Над нами вечернее небо, окрашенное мягкими красками зари, а кругом засыпающая в дремоте степь, окутанная мглой. Месяц ярко светит в таинственности ночи, а поезд нашего обоза все катится и катится вперед.

* * *

Буксирный пароход тянул за собой на канате большую баржу. Баржа переполнена. На палубе разместились люди в шинелях, в военных фуражках, в казачьих папахах, кто в накинутой бурке, кто в одной рубахе, сидели, скучившись, стояли, толкались, пробираясь в толпе; раненые лежали в носилках.

Мы возвращались по разливу Дона в Новочеркасск. Туман, с утра затянувший окрестность, поднялся сизой дымкой над рекою и белыми клубами облаков в небе. И по мере того, как подымалась завеса тумана, все более и более раскрывалась голубая, как небо, поверхность беспредельного водного разлива. Берег чуть виднеется вдали узкой полоской. Одно светлое голубое озеро. Мы плыли по тем местам, где в феврале месяце мы пробирались на санях по снежной пустыне в Ольгинскую станицу. Как было тяжело тогда, как светло и радостно в этот солнечный майский день на водном просторе. Туман исчез. По всей водной глади сверкало солнце, а вдали на самом краю береговой полосы заблестел таким же солнцем золотой купол Новочеркасского собора.

Как сейчас, вижу перед собою сияющий в лучах купол храма. Манящий лучезарный свет. Каким волшебством казалось то, что видел своими глазами. Вместо снежной пустыни во мгле тумана голубое озеро и блеск, сверкающий блеск солнечных лучей и в небе, и на всем водном разливе. Вот она, наша родина, возвращенная к жизни и к свету.

Мы подходили к Старо-Черкасской станице. Все залито водой — и улицы, и переулки. Лодки подплывают к домам; на сваях каменные постройки; между ними бурлят потоки. Баржи рядом с домами. Зеленые вершины потопленных деревьев. Всюду движение, всюду жизнь. Пароход свернул влево и потянул за собой нашу баржу. Мы плыли по протоку. Берег, чуть выступающий из воды. Лес камышовых зарослей. Вершины деревьев как зеленые острова среди быстро текущих вод. А с другой стороны — все та же голубая, водная ширь.

Мы подходили к Аксаю. Зеленые холмы, то опускаясь, то поднимаясь, тянутся грядой вдоль берега. Белые хаты, ярко-красные крыши. Сады в белом цвету на яркой зелени. Аксай, где зимой генерал Корнилов перешел Дон, направляясь в Кубанский поход. Вот пристань, станционные постройки. А дальше виднеется Кизитеринка. В ноябрьскую ночь, в метель, там были бои. Да точно, те ли это места?

Вдали показались белые дымки, один, другой, вспыхнул третий. Длинной, движущейся лентой катился по спуску поезда. И было весело глядеть на белые дымки, стлавшиеся по небу. В походе всякий раз, как показывался дымок, с тревогой увидишь его. Это был сигнал, тотчас следовали разрывы снарядов. Теперь среди этих мирных берегов мчащийся поезд веселил глаз, точно детская игрушка. Мы подходили к берегу. Поезд скатился и остановился у станции.

Но что это такое? Какие-то солдаты в касках, в сизых мундирах офицеры, не наши, не русские. Один из них, стоя на площадке вагона, наводит на нас бинокль. Из окон выглядывают бескозырки с красным околышком. К берегу ведут лошадей за узды, и лошади не наши, крупные, с подстриженными хвостами и гривами. И так же необычны ведущие их солдаты в бескозырках. На барже все смолкло. Перед нами немецкий эшелон. Чей-то один голос произнес ругательства. Все молчали.

В Новочеркасске я тотчас стал разыскивать мою семью. Я зашел на квартиру, где я их оставил. Жена и моя дочь уехали. Значит, они спасены. Но где они, я не знал. Дочь моя вернулась из Москвы через месяц. С женой я не виделся около двух лет. Из знакомых в Новочеркасске оставалось не много. Уехали Трубецкие, Лермонтовы, Струве, Федоров. Осталась семья Гагариных, Лошкаревы, Новосильцевы.

Тяжелые рассказы пришлось слышать в Новочеркасске. Мученически погиб Митрофан Богаевский¹²¹. Голубов со своим отрядом захватил его в одной из станиц и привез в Новочеркасск. Казаки любили Богаевского. Голубов не решился его убить. Больше того, Богаевскому разрешили выступить перед собранием. Три часа его вдохновенное слово звучало среди переполненной залы. Он, который так горячо любил Дон, любил свои донские станицы, своих казаков, все свое родное, в эти три часа излил все, что было у него на душе, перед смущенными, растроганными, взволнованными слушателями. Люди плакали, клялись не выдавать его. Это была его предсмертная, лебединая песнь. Пришел карательный отряд из Ростова. Богаевский был выдан, увезен в Ростов и расстрелян на бойнях.

Волошинов¹²² вместе с другими был поставлен под расстрел. Случайно он не был убит: израненный, ночью подполз он к ближай-

шей хате и просил дать воды. Женщина, к которой он обратился, пошла к большевикам и выдала его. Он был заколот пришедшими красногвардейцами у ворот того дома, к которому дополз, истекая кровью.

В лазаретах сестры спасали раненых, скрывали их, заготавливали подложные паспорта, выносили на своих руках и прятали в частных домах. Не всех удалось спасти. По ночам молодые девушки ходили разыскивать тела убитых среди мусорных ям, выносили их, чтобы предать погребению.

Обыски, аресты, грубые выходы красноармейцев, врывавшихся и днем, и ночью в частные дома, и убийства. Убит граф Орлов-Денисов, убит генерал Усачев¹²³, убит Орлов¹²⁴. Когда-то я знал его маленьким мальчиком в коротких штанах, с голыми коленями. Розовый, пухлый, он был веселым мальчиком, любил игры, шалости. Я встречал его за границей. Мы ездили с ним на лодке по Женевскому озеру. Незадолго до ухода в Кубанский поход я видел его в гостинице в Новочеркасске за столом, в генеральском мундире.

Тот ли это Иван Орлов? Тусклый взгляд, унылый вид. Он был казак, полк его разошелся по домам. Сам он едва избег самосуда. И вот убит. Его истязали, на плечах выжгли погоны раскаленным железом.

«Слышать не могу грохота автомобилей, — говорила мне одна знакомая. — Как загудит, так и кажется, что вот остановится у дома и ворвутся к нам». Другой признавался, что его пробирает дрожь при одном виде грузовика: так и кажется, нарочно свернет, чтобы раздавить кто ни попадись, под смех и гиканье пьяного солдата.

Заходил к Марии Николаевне. Она спасала своего больного припадочного мужа и двух маленьких детей. Скольких усилий, какой нравственной муки стоил ей ее никому не известный подвиг. Скованная своей семьей, она не могла пойти с нами в поход. Но сердце ее горело патриотизмом. Это была сестра Кубанского похода.

Нашел я в Новочеркасске и многих спасенных наших раненых — Новикова, Потоцкого, Карлинского с раздробленной рукой. Он ни о чем и слышать не хотел, сейчас же в полк, хотя правая рука и висела на перевязи. Вся эта молодежь рвалась в бой. А ведь их оставили ранеными в лазаретах, и они испытали этот ужас.

Видел я в Новочеркасске и офицеров-дроздовцев, пришедших за полторы тысячи верст, с Румынского фронта. И в них тот же несломленный, крепкий дух. Все, кого мы ни встречали в Новочеркасске, несмотря на все, что пришлось пережить, нисколько не были подавлены, напротив — полны сил и уверенности. Не было и тени упадочных настроений. В Новочеркасске я не видел этих пришибленных

судьбою людей, каких мне так часто приходилось встречать впоследствии.

Да, это были хорошие дни. Мы уже не были одиноки. Подымалось Войско Донское. Собрался круг спасения Дона. Была весна пробуждения казачества.

А. Половцов

РЫЦАРИ ТЕРНОВОГО ВЕНЦА

9 февраля 1918 года Добровольческая армия, нанеся последний, но тяжелый удар наступающему противнику, вечером под прикрытием темноты незаметно покинула Ростов. Большевики, наблюдая решительные действия армии днем, совершенно не ожидали отхода добровольцев, и не только не преследовали их, но даже долго не решались войти в Ростов, опасаясь какой-нибудь хитрой засады. Так напугали их.

Снег крутился в воздухе, и ледяной ветер пронизывал насквозь плохо одетых добровольцев. Эти ужасные норд-осты сопровождали армию в течение всего этого ледяного похода и дали ему его название.

Измученные непрерывными боями, голодные, обледенелые добровольцы с радостью увидели приветливые огоньки Аксайской станицы, где предположен был ночлег. Вдруг остановка. Что такое? К генералу Корнилову, шедшему пешком во главе армии, подлетели посланные из станицы:

— Господин генерал, Аксайская станица постановила — не допускать к нам добровольцев, так что потрудитесь проходить мимо станицы.

Глаза Корнилова сверкнули.

— Если через час для армии не будет приготовлен ночлег и ужин, я смету станицу с лица земли. Поняли?

— Так точно, ваше превосходительство. Поняли. Не извольте беспокоиться.

— Первая батарея вперед, — пронеслось по рядам.

Казачи исчезли.

Подождали к станице. У дверей встретили приветливые хозяева. На столе кипел самовар, и богатые казаки не поскупились на угощение. Ночь прошла спокойно. На другой день, утром, добровольцы перешли по льду через Дон и благополучно прибыли в станицу Ольгинскую

около 30 верст к востоку от Ростова. Здесь они остановились на несколько дней.

Большевики грабили магазины Ростова, расправлялись, по старым счетам, с неугодными им жителями, ужасными пытками вымучивали у состоятельных лиц деньги и драгоценности, реквизировали направо и налево у богатых и бедняков все, что нужно им было и что ненужно. Начался сплошной пьяный разгул, прерываемый, для развлечения, расстрелами и пытками. О добровольцах временно как бы забыли, и, несмотря на настойчивые приказания немцев, солдаты не хотели покинуть богатый и теплый Ростов.

Конечно, Корнилов этим воспользовался. Выставив сторожевые охранения, армия спокойно реорганизовалась. Мелкие воинские части были соединены в более крупные, и образовались три отряда: 1) Офицерский полк, поглотивший в себе мелкие офицерские образования, под командой генерал-лейтенанта Маркова; 2) Партизанский отряд — под командой генерал-майора Богаевского и 3) Корниловский полк, под командой подполковника Неженцева; к этому полку присоединялись часто и оставшийся временно Юнкерский батальон, Чехословацкий инженерный батальон и др., под общим командованием обыкновенно генерал-майора Казановича. В конных частях насчитывали до 200 сабель, но больше половины были пешими. Всех добровольцев, строевых штабных, нестроевых чинов, врачей и сестер милосердия числилось до 4000 человек.

Подтянулись и отставшие добровольцы; прибыли из Новочеркасска раненые, кто только способен был к передвижению; подошли остатки чернецовских партизан, не пожелавших остаться с казаками; подвезли из Аксайской станицы патроны, снаряды и прочее военное снабжение, доставленное туда вперед по железной дороге. Из взятых за плату конных подвод составлен был большой обоз, на который и решено было погрузить прежде всего раненых, а затем и все свое небогатое военное имущество. Остальное, что не могло вместиться в обоз, сожгли.

Орудий у добровольцев было восемь — трехдюймовок, а снарядов к ним около 600. Патронов приходилось около 200 на винтовку. Броневые автомобили бросили еще по дороге в снегу. Медикаментов и перевязочных средств осталось так мало, что через неделю, если бы не захватили этих запасов у большевиков, перевязывать раненых было бы нечем. Всех денег было 6 миллионов рублей.

Между тем в Ростовской и Новочеркасской кассах Государственного банка хранилось около 200 миллионов казенных денег. Но ни Каледин, ни добровольческие вожди не считали себя в праве пользо-

ваться этими суммами; они распределили между Донским войском и добровольческой армией лишь 25 миллионов рублей акцизного сбора, поступившего с Донской же области. Все остальные деньги достались большевикам.

Несмотря на тяжелое положение, армия не унывала. Добровольцы отдохнули. Станица была полна оживлением; сыпались шутки, слышался смех, раздавались песни. Все бодро смотрели вперед, веря в своих испытанных вождей. Но вождям было не до смеха. Они сознавали всю тяжесть, почти безвыходность положения.

Одни. Одни во всем свете. Кругом, и спереди, и сзади, и справа, и слева, — только враги. Ни одного друга, ни одного союзника. Нет тыла, куда можно было бы отступить в случае катастрофы; нет баз, из которых можно было бы черпать снабжение и получать пополнение людьми. Надо уходить, уходить немедленно. Враг проснется от разгугла и уничтожит без следа последние кадры будущей армии, а с ней и Россию.

Но куда идти и для чего? Донская область была избрана для создания армии, конечно, по известным соображениям. Русская земля велика; везде, казалось бы, можно было найти место для сбора добровольцев. Однако собрались на Дону. Но если необходимо оставить область, то, значит, место было избрано неудачно; соображения, на которых был основан выбор, казались неосновательными?

* * *

Командующий армией созвал военный совет для разрешения вопроса о дальнейших действиях армии. На заседание совета прибыл из станицы Старочеркасской походный атаман Донского войска генерал Попов. Он отступил в станицу из Новочеркасска с 2000 казаков, оставшихся верными правительству. Генерала Попова сопровождал его штаб.

На совете выяснен был целый ряд вопросов, смущавших вождей армии и вызывавших их колебания, — относительно современного положения и дальнейшей деятельности Добровольческой армии.

Решено было вести обе армии, и добровольческую, и казачью, в южные безлюдные степи на границах Донской области, Астраханской и Ставропольской губерний. Там, вдали от железных дорог, легко было бы отбиться от большевиков, чувствовавших себя неуверенно без броневых поездов. Без дорог, без тяжелой артиллерии силы бы сравнялись. В маневренной войне большевики теряли все свои преимущества, а добровольцы выигрывали, имея искусных и опытных вождей.

Армии должны были следовать дорогами, параллельными друг другу, но разными, чтобы не обременять чрезмерно население и продовольствием своим, и средствами передвижения грузов. Все, казалось, предусмотрено. А если не удастся?

— Если не удастся, — сказал Корнилов, — мы покажем, как должна умереть русская армия.

* * *

Через день армия выступила из Ольгинской. Первый переход, около 25 верст, прошел без всяких приключений, и добровольцы остановились ночевать в станице Хомутовской. Рано утром, кто еще спал, кто умывался, вдруг: трах, трах.

— Что такое?

Та-та-та — ответили пулеметы, и свинцовые шмели зажужжали по станице.

Выскочили на улицу. По направлению от противника шел разъезд конного дивизиона.

— Что, щеголи, проспали? — посыпались насмешки добровольцев.

Несчастные «щеголи», в рваных полушубках, благоразумно промолчали. Нужно было видеть их истрепанных коней, чтобы понять, в чем дело. Беглым шагом вышли дежурные роты Офицерского полка и рассыпались в цепи перед станицей. Впереди мелькала белая папаха командира полка генерала Маркова. Снаряды сыпались на станицу как из мешка. Пулеметы подвигались все ближе и ближе. В обозе суета. Спешно запрягают коней; те пугаются выстрелов, бросаются, путаются в постромках. Начальство ругается. Вот выдвинулся санитарный обоз; на рысях прошел политический отдел.

Бум, бум, бум — заговорили, наконец, и добровольческие трехдюймовки.

На душе сразу стало легче. Пулеметы противника стыдливо умолкают, попали, значит, в самый раз. Вышел из станицы артиллерийский парк, и потянулось интендантство. Ружейная пальба удалялась. Противника, видимо, отгоняли; но артиллерийский огонь усилился. Обстреливали выход из станицы, где поневоле группировались повозки.

По счастью, у большевиков не было гранат, и они обстреливали станицу шрапнелями, поставленными на удар, и тем же способом, к удивлению, крыли и дорогу. Снаряды зарывались глубоко в подтаявшую землю, и площадь поражения была ничтожной. Тут оправдалось верное правило для движения обоза — идти по дороге в линию. Действительно, на самую дорогу не попал ни один снаряд; все ложились

справа и слева. Ранены были и то всего несколько человек, те, которые из боязни обстрела сворачивали с дороги. Бой смолкал, и обоз быстро двигался по направлению к станции Кагальницкой.

Но впереди — переход через железную дорогу — Донскую ветку. А что, если большевики окончательно проспались и выслали наперез броневые поезда? Кругом голая ровная степь: ни кустика, ни ложбинки. Ясный день. Переезд через железную дорогу один, никуда не сунешься. Перестреляют, как куропаток.

Послали вперед конницу — взорвать справа и слева от переезда железнодорожный путь, хоть не так близко подойдут броневики. Чу, выстрел, другой, третий. Впереди.

— Попались.

Промчался Корнилов с своим штабом и текинцами.

— И куда скачет. Непременно надо ему влезть в самую кашу.

Обоз остановился. Легко раненные и обозные из добровольцев приготавливали винтовки и укладывали поближе патроны. Томительное ожидание длилось полчаса. Перестрелка смолкла. Ложная тревога. Авангард, состоявший из молодежи — партизан, забавлялся расстреливанием телеграфных стаканчиков, чтобы прервать линию. За эту забаву получили несколько, но крепких слов.

Большевики еще не проспались и ограничились посылкой конного отряда с батареей для восстановления связи с противником. Этот отряд и атаковал Хомутовскую Других войск, наперез хода армии, послано не было, что и спасло добровольцев. Большевики потеряли удобный случай для нанесения жестокого удара армии, не имевшей иного пути, как через линию железной дороги у станции Злодейской. Два броневых поезда, слева и справа, могли бы если не закрыть совсем пути, то, во всяком случае, нанести тяжелое поражение армии с таким обозом. Случай был потерян. Но с тех пор армия за исключением крайней необходимости не переходила железную дорогу днем.

* * *

В этот день впервые держал свой боевой экзамен и обоз. И надо сказать, выдержал его недурно. Обоз, по сравнению с армией, был огромный, около 500 повозок, и тянулся, при подборе, версты на три, а в конце перехода верст на пять.

Армия, не имея никаких баз впереди, должна была везти с собой все. По дороге нельзя было ни на что рассчитывать, так как настроение населения было неопределенным. Брать же силой, и тем еще более возбуждать против себя казаков, было бы недальновид-

ным. На первых переходах возили с собой не только печеный хлеб, но даже зерновой фураж и прессованное сено.

Потом оказалось, что за деньги можно было получить эти продукты беспрепятственно, в особенности в более южных станицах. Но тогда свободных повозок все-таки не оказывалось, а приходилось число подвод все увеличивать и увеличивать, так как, с продвижением армии вперед, росло, к сожалению, и число раненых. Оставлять же раненых по станицам, как приходилось делать потом, считалось невозможным. Противник с невероятной жестокостью добивал всех, кто попадал в его руки.

Такой огромный обоз был, конечно, большой обузой для армии. Но он был бы мертвым ее камнем, если бы не представлял некоторых отличий от обыкновенного военного обоза. Все знают особый термин — «обозная паника». Такая обозная паника, в некоторых армиях, была даже причиной жестоких поражений, когда обезумевшие от страха обозы неслись на строевые части, сминали их, запружали и ломали на своем бешеном ходу мосты, гати и т. п. Сегодня все данные для паники, и не только для обозных, были налицо.

Противник под прикрытием ночи подошел к Хомутовской совершенно незаметно. Конное охранение прозевало. Лошади были заморены, и разъезды высылались неаккуратно, да и части жались к станице. Большевики подкрались почти к самому селению и сразу открыли сильный артиллерийский и пулеметный огонь. В станице еще спали. Полусонным людям все представляется в преувеличенном виде, и легко было бы ожидать прямо повального бегства обозных куда глаза глядят.

Ничего подобного не наблюдалось; наоборот, во всех обозах, кроме интендантского, замечалась лишь спешная запряжка и погрузка; но все свое имущество обозы вывезли, никаких крупных поломок не произвели и нигде дорогу не забивали. Только начальник интендантского транспорта, подполковник Х., не дождался загрузки своего обоза и уехал вперед, а без него некоторые грузы оставили, и пришлось потом досылать за ними подводы из Кагальницкой. В тот же день он был смещен с должности.

Порядок в обозе соблюдался потому, что за этим строго следили все власть имущие, начиная с генерала Алексева. Генерал по болезни не мог ехать верхом и следовал с обозом. Затем и сами обозные состояли по большей части из казаков, выдавших виды, и из гражданских чинов, служивших в армии. Там можно было видеть на кучерском месте и полковника с ранеными ногами, и профессора донского политехникума, и члена Государственной Думы. Вот подобным

составом возчиков только и объяснялось то, что обоз, выросший потом до 1500 повозок, не задушил армию.

На этом же переходе генерал Корнилов показал, что он может быть не только любимым, но и строгим вождем. У ворот железнодорожной казармы доброволец режет петуха. Корнилов проезжает мимо.

— Стой. Откуда взял? Купил?

— Никак нет, Ваше Высоко-ство.

— Что? Украл? Ограбил? Арестовать и под суд.

А доброволец был занятный. Красавец собой, безумно храбрый в боях, он известен был еще и по своему подвигу во время московского восстания. Пулемет, направленный от храма Христа Спасителя на Пречистенку и запиравший подход с этой стороны к Кремлю, бездействовал. Всех, кто пытался подойти к нему, сейчас же убивали. Офицер, сегодняшний грабитель, все-таки бросился к пулемету и хладнокровным, метким огнем отогнал нахлынувшую было толпу большевиков.

Офицер этот была дочь титулованного генерала — женщина-прапорщик, говорившая о себе всегда в мужском роде. Бросились к командующему и умоляли отменить приказ. Корнилов был непоколебим.

— За воинскую доблесть — честь ему и слава; а за грабеж — петля.

Вы не понимаете, что вы делаете, — добавил Корнилов. — Армия ничтожна по своим размерам. Но я скую ее огнем и железом, и не скоро раскусят такой орех. Если же офицеры начнут грабить, то это будет не армия, а банда разбойников.

Произвели расследование. Прапорщик откровенно рассказал, что в Хомутовской станице он уже поголодал; запоздал по службе, а когда приехал, армия уже все съела. Петуха он взял даром, но с удовольствием заплатил бы деньги, только в казармах не было ни души. Свидетели все подтвердили. Нашли: принимая во внимание смягчающие обстоятельства, грабителя следовало бы разжаловать в рядовые; но ввиду боевых заслуг можно наказание понизить до ареста. Командующий, выслушав доклад, покачал головой, но утвердил его.

Тем не менее и окрик командующего, и его разговор с ходатаями стали известны армии и произвели прекрасное впечатление. Любители легкой наживы поняли, что Корнилов шутить с ними не будет. Когда к армии стали приставать по дороге, под видом добровольцев, разные проходимцы, случались не только кражи, но и насилие.

С виновными Корнилов был беспощаден и, без всяких колебаний, утверждал смертные приговоры военно-полевого суда. Все добровольцы платили наличными деньгами за выпитое и съеденное и даже

прибавляли хозяйкам за хлопоты. Вообще в армии старались поддержать порядок, возможно строгий, насколько позволяли условия вечно походной жизни. Начальников, не сумевших справиться с порученным им делом, Корнилов немедленно увольнял, невзирая на прежние заслуги.

— Отчего погибла царская Россия? — говорил Лавр Георгиевич. — От безвластия и произвола. Всякий делал что хотел. Никто из высших не наказывался не только за проступки, но даже за преступления. Низших суд миловал. Законы не применялись. Внедрялась полная анархия. За последнее время Россия была не государством, а просто толпой людей, не признававших никакой власти. Если мы хотим создать новую Россию, то прежде всего мы должны завести у себя порядок и законность. Нашей страной смогут управлять только те, которые сумеют искоренить анархические страсти во всем народе, сверху донизу. Это бесконечно трудная задача, и для выполнения ее требуется безграничная воля, неумолимая настойчивость и непреклонная решительность.

* * *

По дороге от станицы Кагальницкой на Мечетинскую и Егорлыцкую ничего особенного не произошло. Но переходы эти были невероятно мучительны. Днем, на солнце, сильно таяло, и черноземная дорога превратилась в вязкое, невылазное болото. Улицы в селениях сделались совсем непроходимыми.

И лошади, и люди прямо выбивались из сил. Повозки были нагружены тяжело для сокращения обоза. Приходилось разгружать, временно оставляя одни повозки на топких местах, а коней припрягать к другим, да и самим впрягаться, чтобы только вывезти воз из котловины. Между тем черноземная грязь невероятно липкая. Ступишь ногой в сапоге; вытянешь — нога босая; тащи сапог, да еще обеими руками.

Переходы большие — 25—30 верст. Станицы огромные — 10—15 тысяч жителей, но расположены редко, и хуторов по дороге мало. Измучились кони — ночуй на дороге в мороз, голодный и под ледящим ветром.

Все это приходилось переносить, и переносили без ропота и жалоб люди интеллигентные, состоятельные, избалованные, не привыкшие обходиться без прислуги. Денщиков на походе не было. И генерал и рядовой делали все сами. Утром встал, пои и корми коня; вычисти его и скорее вымой, потому что и кони, и люди напоминали собой

крокодилов, вылезших из тины. Вычисти и самого себя, чтобы людей не пугать. Наскоро закусил, уже кричат: «По коням». Днем дела, походная служба; пожуешь чего-нибудь на ходу, покормишь коня у стога. Пришел на ночлег — обряды коня. Вычистил винтовку, ступай по начальству за приказаниями на другой день. Вернулся — опять к коню. Поел и только что разоспался, будят: твоя очередь коней караулить; прозевал — сведут коней; народ кругом без всякого начальства страшно избаловался.

И так изо дня в день. Поэтому приказ о дневке встречался с полным восторгом. Можно и доспать бессонные ночи, и починиться, смазать сапоги и сбрую, вообще привести себя хотя бы в некоторый порядок. О том, что происходит на белом свете, до добровольцев не доходило. Редко когда попадет в руки большевистская газета; тогда узнают о чем-нибудь, да и то в перевернутом виде.

Зато слухов было сколько и каких угодно. Эти слухи и служили иногда очень плохую службу. Дошел до армии слух, будто на Кубани казаки, приняв советскую власть, уже раскаиваются в этом и жаждут освобождения. Хорошие слухи всегда воспринимаются охотно и проверяются не так тщательно, как следовало бы. Штаб положился на пресловутую контрразведку и поручил ей проверить слух. Контрразведка проверила будто бы и докладывает: слух верный, на Кубани, как везде в России, ждут не дождутся каких-нибудь чужих избавителей.

Корнилов собрал совет. Долго спорили и обсуждали. Одна сторона требовала соблюдения соглашения с генералом Поповым и отрицала возможность столь быстрого перерождения казаков; другие настаивали на необходимости немедленно повернуть на Кубань, рассчитывая усилить армию недовольными казаками. Второе мнение одержало верх. Решили уведомить немедленно генерала Попова о новых намерениях и пригласить его присоединиться к добровольцам. Генерал Попов настаивал на первоначальном соглашении и отказался следовать с добровольцами по одному пути.

Пошли на Кубань одни, кратчайшей дорогой к кубанской столице — Екатеринодару. Туда еще ранее был послан генерал Эрдели для вербовки добровольцев; по достоверным сведениям, Екатеринодар занят еще войсками Кубанского казачьего правительства и успешно отбивается от большевиков. По дороге решили заглянуть также в Ставропольскую губернию, в село Лежанка, которое было очагом большевизма, влиявшим и на Донскую область. Там рассчитывали добыть снарядов, по старой памяти о первом добровольческом оружии, ухваченном из Лежанки в декабре.

* * *

22 февраля, на рассвете, армия выступила из Егорлыцкой в направлении на село Лежанка (Средне-Егорлыцкое тож). Погода разгулялась, и вместо ледящего норд-оста лицо обвеивает теплый южный ветерок. Дорога начинает быстро просыхать. Верна пословица: осенью — час мокнет и неделю сохнет, а весной — неделю мокнет и день сохнет. На пригорках показалась даже пыль.

Перед станицей, впереди всех, строится Офицерский полк. Его командир, генерал Марков, возбужден и весел. Запахло, значит, порохом. Пришел рысью генерал Корнилов со своим конвоем из текинцев, и трехцветное знамя блеснуло на солнце. Идут с сумками за плечами две сестры Энгельгардт. Удивительно неутомимые девушки. Весь поход совершили они пешком, в мужских сапогах, по колено в грязи и совсем не пользовались повозками, как другие сестры милосердия. С трудом пролезая уличную слякоть, выкатилась на дорогу батарея. Кони все в пене еле отдышались на дороге за селом. Авангард двинулся, а за ним потянулся и обоз.

Прошли верст пятнадцать. Большой привал. Отдохнули, закусили, подкормили коней — и снова в путь. Взошли на пригорок.

Бум-бах! — на голубом небе закрутилось кольцо от разорвавшейся шрапнели и поплыло все выше и выше. То Лежанка приветствовала непрошенных гостей. Впереди лежала открытая равнина; за ней сверкала река, и на другой стороне ее, на возвышенном берегу, расположилось большое и богатое село. Там ждали армию и были спокойны, владея великолепной позицией для защиты. Артиллерия противника гремела, а пулеметы заполняли паузы. То была старая знакомая 39-я пехотная дивизия со своей артиллерийской бригадой, пополненная местными большевиками.

Густые цепи солдат расположились впереди реки и непрерывным огнем осыпали подходивших добровольцев. Казалось, ничто живое не перейдет эту долину смерти, открытую и ровную, как скатерть. Сердце сжимается за своих. Как можно такие позиции брать прямо в лоб?

Но добровольцы не рассуждали. Корниловский полк уже спустился и повел наступление. Где же, однако, Офицерский полк? Что они молчат? Пригорок закрывает от глаз спуск, куда пошел со своими генерал Марков. Вот, наконец, мелькнула его папаха. Что же это? Парад на Марсовом поле? Стройными, ровными, как по ниточке, линиями выходят офицеры на равнину. Зачем же тут какие-то лошади и что они везут? Ничего не понять. Хватились за бинокли. Глазам не верится. Артиллерия? Идет в атаку? Вместе с пехотными цепями?

Вот заезжает орудие. С передков — бум, бум, бум — прямо в упор. На передки — и опять вперед и вперед.

Весь, казалось, огонь противника льется на эти цепи. Клубы дыма от шрапнелей свиваются в облако — так часто рвутся они, одна за другой. Вот падают один, другой, третий... Залегли, что ли? Не выдержали? Нет, эти уже не встанут. У офицеров перебежек нет. Молча, без выстрела, равняются цепи. Винтовки за плечами, с полным презрением к врагу, идут марковцы. Не гнутся они под пулями и смотрят прямо в глаза смерти. Дрожь пробегает по спине.

Все ближе и ближе. Наконец — винтовки на руку, бегом и... пошла работа. Что за каша у солдат? Бросая винтовки, скидывая на бегу шинели, а кто даже и сапоги, — бегут все сломя голову. Кто через мост; столкнулись, летят через перила; кто прямо в реку, не разбирая глубоко, не глубоко; вязнут, тонут... Но скорей, скорей, лишь бы не видеть этих ужасных глаз, полных гнева и презрения.

Воображение беглеца лихорадочно работает, совесть подсказывает:

— Что, узнал? Давно ли они были в твоих руках? Чуть не вчера рвал ты с них погоны и топтал в грязи; бил, мучил, плевал в лицо.

— А теперь? Теперь твоя очередь?

— Вот они, дьяволы.

— Заговоренные.

— Скорей, скорей, а не то смерть от одного ужаса. — И был ужас.

Этот ужас навек запечатлелся на лицах мертвецов; этот ужас не могли скрыть и мирные жители селения. Бледные, с трясущимися руками, они бросались на первый зов своих постояльцев. С перекошенными лицами, они чуть не душили своих плачущих детей, только бы не раздражить этих страшных пришельцев. Да, удар был нанесен жестокий. Не опоздай конница, посланная в обход, — ни один большевик не остался бы в живых.

Во второй приход добровольцев в Лежанку, через два месяца, жители рассказывали, что преследуемые тогда солдаты были в невероятной панике. Верстах в двенадцати от села они побросали все: оружие, обозы, артиллерию; перерезали построшки у запряженных лошадей и ускакали, кто успел. Если бы добровольцы дошли тогда до этого места, добыча была бы колоссальной. Но надо вспомнить, что еще до боя армия сделала в этот день переход около 25 верст; а кавалерия только в этом селе получила, наконец, свежих коней.

Слух об этом тяжелом поражении большевиков разнесся далеко кругом и предшествовал добровольцам на всем Ледяном походе. При этом рассказывалось нечто невероятное о стремительности офицерских атак, о беспощадной их жестокости.

Не раз потом, на Кубани, казачки, ознакомившись ближе с добровольцами и увидав, что это люди как люди, изумленно спрашивали их:

— Да вы ли это были в Лежанке? Или другие?

Те ничего сначала не понимали. Хозяйки объясняли, что добровольцы, по рассказам, представлялись им не в виде людей, а каких-то чуть не одноглазых чудовищ, пожирающих живых детей.

Все это было последствием действительно ужасного боя; но в этом бою, однако, не погибали не только ни женщины, ни дети, но не пострадал ни один мирный житель. Пленных солдат, правда, не было.

* * *

Бой под Лежанкой имел большое значение. Он показал армии ее силу, но обнаружил также и некоторые недостатки. Здесь столкнулись лицом к лицу, грудь в грудь два мира — большевистские солдаты и добровольцы-офицеры. 39-я дивизия была воинскою частью, не так давно вернувшейся с фронта. Правда, дивизия была перестроена на большевистский лад; главную роль играли комиссары и начальство из солдат; но были и офицеры, конечно, уже третьего сорта, из тех, кому все равно, где служить, за что сражаться, лишь бы получать жалованье.

Дивизия недавно имела даже успех под Ростовом, вытеснив из Батайска две-три сотни добровольцев. Это окрылило ее.

— Шапками закидаем это офицеры, — бахвалились солдаты, поджидая добровольцев на превосходной позиции.

Давно ли несметные силы турок и курдов в панике бежали от них и очищали область за областью перед неодолимым натиском дивизии. А тут каких-то две-три тысячи, да и кого? — буржуев? Без снарядов, без патронов? Пусть попробуют — выдерем зубы.

Да, перед ними была горсточка буржуев. Но кто были эти буржуи? Половина состояла из офицеров, из лучших офицеров армии, так оскорбленных в своем достоинстве этими же солдатами. То был первый призыв в Добровольческой армии. Явились все, кто страдал за попрание русской воинской чести и всем сердцем стремился смыть своей кровью с родины ее позорное пятно. С невероятными трудностями и опасностями пробрались они к генералу Алексееву; днем и ночью работали, чтобы создать армию, закончить войну с немцами, — и опять мешают! И кто? свои же; те же самые солдаты, которые в бессмысленной ярости расстреливали их с тыла, когда офицеры фронта, образовав ударные полки, стремительно бросались на немцев.

Нижними чинами в армии были инженеры, адвокаты, земские и городские деятели, журналисты и, главным образом, учащая молодежь — юнкера, студенты, гимназисты и кадеты всех кадетских корпусов, откуда и пошло название добровольцев — «кадеты». Эти «буржуи» были также первого призыва. Их влекло в армию тоже чувство любви к родине, но они пришли не с фронта, а из центра страны. Они были разорены, оторваны от своих семейств, и многие прошли через руки страшных большевистских «чрезвычайек». У одного разорили дотла и сожгли на глазах любимое родовое гнездо-имение; у другого замучили отца, брата, и всех ограбили до ниточки. Они видели, как православные церкви превращены были в кинематографы. Они знали из большевистских же газет, что их матери, жены и сестры — социализированы, то есть выданы на полное поругание китайцам и латышам — этим бессмысленным преторианцам «свободнейшей в мире республики». А кто сделал это? Разве не те или не братья тех, кто стоит сейчас перед ними?

И теперь, когда они готовы были забыть все, во имя долга перед родиной, кто же встал между ними и немцами? Кто защищал от них векового русского врага?

В безумном гневе сжимается в руках винтовка.

— Вперед, вперед — лишь бы добраться до этой солдатни.

Тут не до разведки, тут не до подготовки боя.

— Вперед, вперед, мы им покажем.

И показали.

Одним из крупных недостатков в организации армии, обнаруженным в этом бою, было отсутствие отличительных знаков на одежде для добровольцев. Штаб в свое время не подумал об этом весьма важном вопросе. По счастью, не было печальных случаев взаимного обстрела. Но много солдат ушло безнаказанно только потому, что офицеры-пулеметчики перестали обстреливать мост, не зная, где кончаются большевики и где начинаются преследующие их добровольцы. Командующий просто приказал немедленно надеть на околыши фуражек и на папахи кусок белой материи. Корнилов не любил комиссий и подкомиссий «с соответствующими окладами содержания».

* * *

Нагнав страху ставропольским большевикам в Лежанке, армия повернула на юго-запад и вошла в пределы Кубанской области. Все слухи об остром недовольстве казаков советским режимом и их готовность восстать оказались «преждевременными». Большевики дей-

ствовали весьма осмотрительно и, стараясь повсеместно распространить свои учреждения, тем не менее остерегались вводить у казаков коренные реформы. Нигде не оскорбляли они религиозного чувства кубанцев, очень щепетильных в этом отношении.

Казачья молодежь была увлечена советскими учениями, отбилась, как жаловались старики, от рук, бездельничала, не работала, а только шаталась с митинга на митинг да проклинала буржуев, о которых, однако, не имела никакого понятия. Пожилые казаки были уже обеспокоены слухами, что на Тамани иногородние, при содействии советов, отнимают лучшую землю у станичников и делят ее между собой. Но это беспокойство не переходило границ брюзжания, а рассказам добровольцев о неистовствах большевиков в центре государства они просто не верили. Борьба советов с казачьим правительством Кубани еще не окончилась, и большевики были осторожны.

Казаки, как и на Дону, думали: посмотрим — и оставались совершенно нейтральными. Они были приветливы к добровольцам, гостеприимны, многие отказывались даже от денег за продовольствие; но в армию они не вступали, за небольшими исключениями.

Что было делать? Возвращаться назад? Но в Екатеринодар уже дали знать о своем предстоящем походе. Тогда не было еще известно, что большевики посланных перехватили. Решили идти дальше, надеясь на иные настроения в других местах, где, опять по слухам, советы уже распоясались.

Кратчайшую дорогу на Екатеринодар запирала станция Тихорецкая, железнодорожный узел с большими мастерскими, — самое крупное гнездо большевизма в этой части области. Там собраны были большие силы с броневыми поездами. Корнилов решил обойти Тихорецкую, тем не менее делали вид, что армия идет туда. Расспрашивали везде про Тихорецкую, разузнавали открыто о дорогах, ведущих на станцию, но под шумок разведывали и о способах и путях обхода.

Направившись из станицы Незамаевской по Тихорецкой дороге, армия ночью повернула в другую сторону. Сделав огромный переход, Корнилов, неожиданно для противника, подошел к Владикавказской железной дороге у станицы Ново-Леушковской верстах в 20 на северо-запад от Тихорецкой и там беспрепятственно перешел железнодорожную линию. Обычные взрывы пути по обеим сторонам перехода через железную дорогу привлекли внимание железнодорожных большевиков, и те дали знать на Тихорецкую о появлении добровольцев, но было уже поздно. Подошедшие с обоих концов броневые поезда не могли ничего сделать. Пути были хорошо испорчены; подвинуться

ближе было нельзя, а с дальней дистанции снаряды не долетали, и орудия большевиков лишь салютовали армии.

Пройдя около 100 верст по Кубанской области, армия не встретила сопротивления и безостановочно двигалась к Екатеринодару вдоль железной дороги, по тракту, верстах в десяти на западе от линии. В каждой станице Корнилов созывал сходы, сам выступал на них с речами, но безуспешно. Огромные станицы, с несколькими тысячами жителей, давали 10—15, а самое большее 30 добровольцев. Жатва не созрела; большевики остерегались.

Пройдя беспрепятственно через станицы Старо-Леушковскую и Иркиевскую, армия под станицей Березанской имела короткий бой и заняла селение.

Здесь Корнилов отечески наказал жителей. Те выслали еще в предшествовавшую станицу Иркиевскую свою депутацию и приглашали армию к себе. Между тем, вырыв окопы, они встретили добровольцев огнем из винтовок и пулеметов. После боя, при входе армии в станицу, местное начальство поднесло Корнилову хлеб-соль, но командующий отвернулся и проехал мимо. Затем он вызвал стариков и приказал им объяснить свое вероломство. Те сослались на иногородних и на свою молодежь. Иногородние уже ушли. Корнилов велел собрать молодежь на площадь и приказал отцам выпороть своих сыновей нагайками, что они и исполнили с превеликим удовольствием.

2 марта подошли к станице Журавской и там узнали разные новости, весьма тревожные. Оказалось, что два дня тому назад в 10 верстах от станицы Журавской, при железнодорожной станции Выселки, происходил бой между екатеринодарскими войсками и большевиками. Большевики нанесли правительственной армии сильное поражение. Последствием боя было отступление казачьих войск к самому Екатеринодару; а по слухам Екатеринодар даже эвакуирован. Победители до сих пор находятся в поселке при станции и сегодня еще был от них разъезд на хуторах.

Командующий приказал Корниловскому полку немедленно выгнать большевиков из Выселок, что и было исполнено почти без потерь. На ночь в Выселках была оставлена кавалерия, которая, по какому-то недоразумению, вдруг покинула поселок и пришла на Журавские хутора. Этим воспользовался противник и, получив подкрепление, прочно засел в Выселках. Пришлось на другой день вновь брать поселок; но за ночь большевики вырыли окопы и встретили посланных на них партизан сильным и упорным огнем. Молодежь понесла большие потери. Пришлось послать на подмогу офицерские части, и генерал

Марков жестоко отомстил бывшим победителям. Бросив все свое добро, большевики разбежались.

На станции добровольцы раздобыли себе сахара, в котором очень нуждались. Корниловский же полк долго щеголял в дамском белье; целая партия этого добра была захвачена в вагоне и, за неимением мужского белья, добровольцы облеклись в кружева и прошивки. Здесь же был найден инженером Половцовым большой враг армии: хорошо снабженные материалами вагоны вспомогательного поезда для восстановления железнодорожных повреждений. В вагоны наложили горючего материала, облили керосином и торжественно сожгли. По железным дорогам в то время ездили только большевики, и блуждающим по степям добровольцам каждый вагон и паровоз были враждебны.

В поселке нашли нескольких казачьих офицеров; один из них только что приехал из Екатеринодара. Все подтвердили, что правительственная армия, под командой генерала Покровского, оставила столицу и двинулась куда-то, кажется, на юг, в предгорья Кавказа. Для проверки этих сведений в тот же день были посланы переодетые офицеры.

* * *

Известие об уходе армии генерала Покровского из Екатеринодара поставило Добровольческую армию в тяжелое положение. Быть почти у цели своего похода, в каких-нибудь 80 верстах от Екатеринодара, и увидеть всю бесплодность перенесенных жертв и лишений? Шли в надежде соединиться с большой, по слухам, армией и предпринять крупные операции по очищению Кубани от большевиков, и вместо этих широких планов пришлось думать вновь о своем спасении.

Впереди, верстах в 12, по дороге к Екатеринодару, расположена при железнодорожной линии большая станица Кореновская, одна из баз большевистской армии. Там, по собранным сведениям, стоял отряд около 15 тысяч пехоты, кавалерии и артиллерии.

Корнилов решил атаковать Кореновскую, как бы продолжая свой путь на юг. Он рассчитывал найти в станице необходимые армии военные припасы, которые значительно сократились за предшествовавшие бои. Военная добыча в этих боях была невелика.

4 марта, утром, армия покинула Журавские хутора, и через несколько верст авангард уже вошел в соприкосновение с противником. Начался бой по всей линии. В центре вели наступление корниловцы и встретили упорное сопротивление красных. Станица была укрепле-

на несколькими рядами окопов. Очевидно, большевики заранее подготовили позицию, чтобы задержать и остановить здесь победоносное до сих пор шествие армии Корнилова.

Артиллерия противника действовала превосходно. Удачно выбрав наблюдательные пункты, открывавшие широкий горизонт, артиллеристы замечали каждое передвижение добровольческих частей и немедленно крыли их метким огнем. Бой затянулся, и положение становилось серьезным. Отступив к самой станице, большевики встречали атаки добровольцев непрерывным огнем из винтовок и пулеметов, скрываясь сами в окопах. Корниловцы вели энергичное наступление, но, взяв один ряд окопов, встречали вновь сосредоточенного противника, превосходившего числом в несколько раз. Артиллерия добровольцев, не имея большого запаса снарядов, расходовала их весьма осторожно и не могла поддерживать пехотные цепи непрерывным огнем. Движение корниловцев вперед замедлилось.

— Усилить огонь, — отдан приказ артиллерии.

Взят еще ряд окопов.

— Снарядов больше нет, — докладывают Корнилову.

— Послать за ними в обоз, — был ответ.

На правом фланге противника выдвинулся вперед бронированный поезд.

— В артиллерийском парке осталось только 30 шрапнелей, — докладывают из обоза.

Противник перешел в контратаку. Густыми цепями поднялись из окопов красные и ринулись на редкие линии корниловцев. Те подались назад.

— Центр прорван, — докладывают Корнилову.

Необходимо послать на подмогу, а резервов больше нет. Мимо командующего проходит кучка легко раненных юнкеров человек 10—12, возвращающихся с перевязки в строй.

— А это разве не резерв? — спрашивает Корнилов. — Полковник Тимановский, примите командование.

Полковник Тимановский, раненный за японскую и германскую кампанию 17 раз, невозмутимо покуривая свою неизменную трубочку, исполняет приказ. Опираясь на палку, хладнокровно ведет он свою армию для заполнения прорыва; по дороге к ним присоединяется гусар Лопуховский с люисовским пулеметом. Лопуховский вскакивает на стожок сена и оттуда поливает в упор наседающие цепи. Большевики останавливаются.

— В тылу показалась густая пыль, — доносят из обоза. — Подходит отряд, очевидно с кавалерией.

— Построить вагенбург, — отдается приказ. — Выслать в тыловую цепь всех способных действовать оружием.

Оцепенелая змея обоза оживает. Звенья свиваются. Повозки становятся рядами, и беззащитный до сих пор обоз превращается в четырехугольное живое укрепление — вагенбург, — последняя опора на случай неудачи боя. Все чины армии, шедшие с обозом, около 100 человек без различия положения и возраста, берут винтовки и выходят из вагенбурга. К ним присоединяются и раненые, способные двигаться. Отойдя на несколько сот шагов назад, они рассыпаются в цепи и залегают. Два последних пулемета ставятся в центре. Вот и вся тыловая защита.

Между тем в центре боя наступление противника усиливается резервами. Корниловцы не выдерживают и подаются еще назад. Тяжело раненные стреляются. Не имеющий револьвера с мольбой смотрит на отступающих своих. Глухой выстрел. Исполнен страшный обет — не оставлять своих живыми. К противнику подходят новые резервы. Положение делается критическим. Участь боя решается. Снарядов и патронов больше нет, с тыла обойдены.

* * *

В то время как корниловцы вели бой в центре, на правом фланге упорно отстаивались партизаны, под командой генерала Богаевского. Левый фланг занимал Офицерский полк. Сделав большой обход, Марков подошел к станице с другой стороны. Быстро выбили офицеры противника из передовых окопов и погнали к станице вдоль железной дороги. Красные, отстреливаясь, отступали. На их защиту вылетает броневой поезд. Искусно маневрируя, он избегает обстрела артиллерии, и его многочисленные пулеметы сметают, как жетса, все кругом. Офицеры остановились.

«Штаб — за работу», — командует генерал Марков. Штаб Офицерского полка немногочислен: молоденький, но видавший виды капитан — адъютант; врач, он же казначей, — Родичев и заведующий оружием — инженер Жемчужников. Этот штаб писал не много донесений и отношений; все текущее делопроизводство полка и весь архив помещались за голенищем адъютанта; но в бою штаб не отходил от командира и был его последним резервом. Штаб работает чуть не под самым поездом. Один тащит обломок рельса, два несут шпалу, — и через две минуты путь загроможден, — на рельсах горка всякой дряни.

Поезд замедляет ход. Офицеры с пулеметами бросаются на него в атаку. Броневик раздумывает и сначала медленно, а потом все скорее

и скорее уходит и больше не показывается. Красные, видя неудачу броневика, отступают на рысях. Еще нажим, и все в панике бежит в станицу. Офицеры врываются за ними и штыками выбивают их из хат. «Товарищи» пытаются скрыться за рекой, запружают гать и целыми сотнями летят в воду, скошенные пулеметами. Станица занята.

Торжествующее «Ура» офицеров доносится до центра боя. Красные победители в недоумении останавливаются. Их задние ряды уже обстреливаются с тыла марковцами и бегут мимо станицы. Измученные корниловцы оживают.

— Наши обошли. Вперед.

Бой кончился. Обоз вытягивается снова в линию и исчезает в станице. Зловещая пыль в тылу относится в сторону вечерним ветерком, и из нее выходят три сотни брюховецких казаков, шедшие на соединение с добровольцами. Казаки, очевидно, выжидали результатов боя. Из станицы их гнала злоба на иногородних, здесь уже не стеснявшихся в социализации казачьего добра; но идти к добровольцам, когда они ведут такой сильный бой, было рискованно. А вдруг их разобьют? Куда же деться казакам? Но:

— Не зная броду, не суйся в воду, — решили станичники и послали своих на разведку.

Теперь с песнями, под несмолкаемое «Ура» добровольцев они гордо входили в Кореновскую.

Армия была в восторге. Блестящая победа над врагом, в пять раз сильнейшим, засевшим на укрепленной заранее позиции, воодушевила добровольцев. Огромная военная добыча была как нельзя более кстати, ввиду полного истощения боевых припасов. Красные оставили несколько орудий, вполне исправных, тысячу снарядов, до ста тысяч патронов, много винтовок и другого военного имущества. А тут еще в добавление пришел и первый казачий отряд; две сотни были конными. До сих пор вся конница добровольцев не превышала этого числа.

На большевиков Кореновский бой также произвел огромное впечатление. Они совершенно не ожидали такого исхода. Они рассчитывали встретить отряд, истомленный долгим походом, измученный предшествовавшими тремя боями. Эти бои следовали один за другим без передышки, и, по донесениям большевистских командиров, добровольцы понесли жестокие потери. Но, вместо «остатков разбитых банд», как писали в их листках, большевики встретили стройные части, дисциплинированные железной рукой и полные боевой инициативой. Не имея возможности сказать всю правду, их начальство прибегло ко лжи и впало в другую крайность. В большевистских газетах появилось описание боя в таком приблизительно виде:

«Наш передовой отряд под Кореновской потерпел неудачу, столкнувшись со всем авангардом корниловских банд, состоящих из 20 000 добровольцев».

Они не понимали, что, преувеличивая силы противника, тем самым они его рекламировали.

* * *

Остатки красных добежали до следующей станции Платнировской. Там, встретив подкрепление из Екатеринодара, они остановились и принялись за окопы. Через день, темной ночью, из Кореновской бесшумно выступили добровольцы. Запрещено было курить и громко разговаривать. Выслав заслон к Платнировской, армия свернула с екатеринодарского тракта, перешла железнодорожную линию и направилась на юго-восток, по дороге к станции Усть-Лабинской.

Корнилов избрал очень рискованный путь. Добровольцы вошли внутрь треугольника, образуемого железнодорожными линиями, соединяющими Екатеринодар, Кавказскую и Тихорецкую. Эти вершины треугольника были крупными базами противника. Там находились сильные гарнизоны и стояли броневые поезда. Малейшая задержка на ходу, и армия могла быть задержана, а это предрешало ее гибель.

На рассвете вошли в Раздольную, в 12 верстах от Кореновской и в таком же расстоянии от Платнировской. Задав корм коням, расположились закусить и отдохнуть после бессонной ночи. Но это были лишь сладкие мечты. Шрапнель — одна, другая, третья, — и загорелся арьергардный бой. Большевикам дали знать об уходе добровольцев, и те бросились в погоню.

Армия двинулась вперед, оставив партизан и кавалерию отгрызаться от наседавшего противника. Генерал Богаевский не подпускал красных к обозу, переходя неоднократно в контратаку. Но неприятельская артиллерия все время крыла транспорты шрапнелями. Прошли так верст пятнадцать. Стой.

И завязался авангардный бой с войсками, вышедшими навстречу добровольцам из станции Усть-Лабинской. Обоз свернулся и замер. Бой разгорается.

— Пришлите снарядов, — требуют партизаны с тыла.

— Давайте патронов! — кричат присланные из авангарда.

А шрапнели несутся и сзади, и спереди, и с боков. Прямо перед армией, пересекая тракт, лежит железнодорожная линия, связывающая Екатеринодар с Кавказской. Далеко белеют дымки паровозов, спешно подвозящих и справа и слева эшелоны пехоты и артиллерии

на помощь усть-лабинским большевикам. Налево — болото. Сзади платнировский отряд. Направо — пожалуйста в Екатеринодар.

Окруженная со всех сторон армия тем не менее не ограничивает своих действий пассивной обороной, а смело бросается на врага. Корниловцы и Офицерский полк, соперничая между собой в доблести, сминают усть-лабинцев и гонять их в станицу. Но красные подваливают по железной дороге с обеих сторон и сжимают фланги.

Добровольцы бьют направо и налево, эшелон за эшелон, и неудержимо наступают вперед. Офицерский полк захватывает батарею. Повернув орудия, офицеры встречают метким огнем один из броневых поездов, спешивший на помощь к расстроеным «товарищам». Не ожидая найти так близко артиллерию противника, поезд быстро уходит, а «товарищи», в полном ужасе, — за ним. Корниловцы врываются в станицу. Большевики бегут за Кубань. Добровольцы преследуют их по пятам и также переходят через мост.

Тем временем к самой станице скрытно подходит новый эшелон пехоты, выброшенный из поезда за несколько верст от места боя. В селении остались только Корнилов со штабом и небольшой конвой.

— Мы пережили несколько скверных минут, — говорили потом штабные.

По счастью, успели повернуть часть корниловцев, и штаб был спасен. Не останавливаясь ни на минуту, обоз пробегает через станицу, и к ночи армия уже за Кубанью, прикрытая рекою с тыла. Еще восемь верст перехода, и добровольцы расположились на ночлег в станице Некрасовской.

Лишь тут сказалось утомление армии от непрерывных переходов с ежедневными боями. Все повалились где стояли, и станица замерла. Не спится лишь вождям армии. Заботы гонят сон.

— Теперь ушли; счастливо вывернулись из проклятого треугольника. Дальше что? Куда идти? В горы? А кто кормить будет? Голод. Смуты. Все пропадет.

Легкий скрип двери.

— Кто там?

— Дежурный, Ваше Пр-ство. Потрудитесь выйти на минутку.

Генерал вскакивает с кровати и спешит за дежурным на крыльцо.

— Прислушайтесь, Ваше Пр-ство.

Мертвая тишина. Небо ясно, и лишь на западе темнеют какие-то облачные полосы. Но вот тучка вспыхнула, и через несколько минут как будто проворчал отдаленный раскат грома. Еще и еще раз.

— Да, несомненно, они там. Ночной бой. Разбудите командующего.

Но командующему самому не спится. Он слышит шепот и выходит на террасу.

— Что тут у вас?

— Покровский и Эрдели дерутся там.

Новая вспышка указывает место боя на юго-западе. Никто из разведчиков, тайно посланных отыскать хотя бы следы армии генерала Покровского, не вернулся. Местные жители давали показания друг другу противоположные; армия пропала, и только теперь это ночное безмолвие открыло важную тайну.

* * *

Простояв два дня в станице Некрасовской, армия отдохнула. Правда, этот отдых был относительным. С утра до вечера станица обстреливалась артиллерийским огнем из хуторов, лежащих за рекой Лабой. Но кони поели, люди отоспались, а ждать было некогда. Надо возможно скорее соединиться с екатеринодарской армией, пока она не отошла далеко или, что могло случиться, пока она не разбита и не рассеяна.

Пошли по хуторам и черкесским аулам. Утром били армию артиллерией на месте ночлега, а днем армия была красных на поле. Назавтра та же очередь. Замечательно одно: не было случая, чтобы армия не ночевала в том селении, которое было назначено приказом, отданным накануне вечером. Армия всегда была окружена со всех сторон отрядами большевиков. Но каждый день добровольцы сметали все, стоящее на их пути, много ли, мало ли было выслано им навстречу. Выдерживали подряд по два боя в день, но ночевали там, где было приказано.

Когда генералу Маркову, обыкновенно командовавшему авангардами, докладывали, что противник очень многочислен, он отвечал: «Не считай, а бей; это — рвань, а не солдаты». Не считали и били; рвались вперед и трепали во все стороны, как волки в стаде овец. Зазнались до того, что бой считался равным только тогда, когда большевики раз в пять превосходили числом; и все-таки их били, если не силой натиска, то искусным маневрированием.

Армия подвигалась быстро и часто, совершенно внезапно меняла направление. Имея мало карт, офицеры при первой возможности снимали коши предполагаемого пути с карт их счастливых владельцев; но через переход бросали эти коши — армия пошла совсем в другую сторону. Эти прыжки сбивали противника, и нигде не успевали большевики сконцентрировать такие силы, чтобы могли зада-

вить армию просто той громадной численностью, которая была в их распоряжении.

Перейдя реку Белую в селении Царский Дар, добровольцы встретили упорное сопротивление больших сил красных, расположившихся за рекой, на возвышенности. Свернули обоз в котловине и бросились в атаку.

Но всему есть границы. Казалось, тут положен был предел и воинской доблести. Великолепные позиции, занятые противником, и численное его превосходство сломали стремительность офицерских атак. Все было послано в цепи. Конвой командующего дрался уже чуть не с начала боя. Все легко раненные офицеры и чины обоза, кто был помоложе, снимались с повозок при переходе через мост, строились и уходили в поле. Последняя защита обоза, охранная рота из инвалидов, давно уже в цепи. Несчастный обоз кроют перекрестным огнем и с фронта, и с тыла. На генерала Богаевского, бывшего с партизанами в арьергарде, также насаждает упорный враг и давит превосходными силами.

К правому флангу противника подходит подкрепление с артиллерией. Шрапнели летят на обоз и с третьей стороны. Спешно работает артиллерийский парк, непрерывно отпуская патроны и снаряды нетерпеливым посланным из частей. Измученные врачи и сестры перевязывают под непрерывным огнем десятки раненых, бредущих, поддерживая друг друга, со всех сторон. Над самыми головами рвется шрапнель, и две сестры, санитар и пять раненых падают на землю, пораженные пулями. Пулеметы противника такают все громче и громче.

— Послать музыкантов, — передается приказание по обозу; и этот последний резерв армии уже использован.

Казалось — все потеряно. Но отчаянный натиск офицеров разрывает, наконец, на минуту сомкнувшееся железное кольцо, и обоз рысью устремляется в свободное пространство. Пули и шрапнели летят в него со всех сторон.

Вдруг радостное «Ура» несется в воздухе: прискакал джигит из армии генерал Покровского; екатеринодарцы дерутся верстах в пятидесяти от армии. Недоумевающий враг приостанавливается, и победа его бесплодна. Обоз уже в станице Рязанской и, не задерживаясь, переходит через мост, оставив реку за собой.

Армия в черкесских аулах. Движение ее замедляется. На каждом шагу дорогу прерывают реки и речки, стремящиеся с предгорий Кавказа. Зыблющиеся мостики, на высоте пяти-шести сажень, ненадежны. Повозки тянутся с интервалами. Кавалерия идет прямо вброд, и только кони фыркают от брызг ледяной воды.

Дорога пошла лесами; обоз медленно движется по узкому пути; колеса вязнут в непросохшей глине. Прошли, где с боями, где беспрепятственно, аулы Габукай, Несшукай, Понежукай, Вочепший и Гатлукай. Черкесы встречают приветливо. Вход в аулы указывается белыми ленточками в знак миролюбия их жителей.

Но это миролюбие не спасло их от большевистских зверств. Скот у них угнали, сакли поразорили, даже ульи пчел уничтожили, разрубая их топорами, чтобы поскорее достать мед. Собрав в один аул цвет черкесской молодежи под видом мобилизации, «товарищи» внезапно напали на них и всех перебили. Эти груды изуродованных трупов черкесы показали добровольцам, они не смели хоронить их без приказа. В бешенстве сжимаются кулаки и даются клятвы не щадить этих зверей.

Черкесы молча стоят кругом; но в каждом ауле к армии присоединяются мстители за свою кровь, поклявшиеся отплатить врагам. Постепенно из черкесов была образована особая конная часть, превратившаяся впоследствии в шестисотенный черкесский полк. Черкесы были храбры и смело бросались конной атакой на врага. Но артиллерийский огонь действовал на них угнетающе, и они вначале совершенно терялись под сильным орудийным обстрелом. Потом привыкли и, в свою очередь, пугали большевиков, бросаясь на них с каким-то особо пронзительным визгом. Пощады врагу они не знали и пленных никогда не приводили.

Большим недостатком черкесов была их беспечность. Ночью они все спали, включая и часовых. Их бранили, наказывали; ничего не помогало.

— Твоя боится, — говорили они, — не спи, а моя не боится, мы спать будем.

Спали, платились за это своими головами и все-таки спали.

* * *

В черкесских аулах пришлось немного поголодать. Здесь кончились роскошные кубанские равнины, и глинистые предгорья Кавказа не были так плодородны. К тому же и черкесы плохие земледельцы; хлеба было совсем мало даже для самих хозяев. Их главное занятие — скотоводство: большие стада буйволов и овец находят себе прекрасный корм в перелесках, на полянах и по речным долинам. Торговля скотом доставляла им все необходимое: и хлеб, и соль, и всякие продукты промышленности. Большой доход давал им также и лес, который они разрабатывали и свозили на Кубань, где лесной растительности нет. Землю из-под срубленного леса у черкесов брали в аренду армя-

не и греки из Трапезонда. Они выкорчевывали пни, разрабатывали землю сначала ручными кирками и сеяли на ней табак. На свежей земле, никогда не бывшей под обработкой, табак давал великолепные урожаи в течение нескольких лет и щедро отплачивал за тяжкие труды по обработке среди корней и камней.

За время войны и междуусобий все эти промыслы пали. Большевики разграбили скот, угнали лошадей, и черкесы остались безо всего, что необходимо было для их жизни. Голодали хозяева, голодали и постояльцы, хотя черкесы и делились с ними последним, соблюдая законы гостеприимства.

Добровольцы запаслись всякими мясными продуктами еще на покинутых большевиками хуторах, но все эти запасы пропали даром. Оказалось, что черкесы, как правоверные магометане, не могли готовить в своей посуде живности, зарезанной не по их законам и не их резниками.

Великолепный жирный гусь, потерявший свою голову при нечаянной встрече с казачьей шашкой, был, с магометанской точки зрения, — поганью. С великой грустью кидали добровольцы и безусловно поганых молочных поросят. Сохрани Бог было обидеть бедняков черкесов и осквернить их посуду и самый очаг нечистым. Корнилов никогда не простил бы этого. Пожевали кукурузных лепешек, подтянули пояса — и опять пошли вперед, навстречу неизвестной судьбе.

Аул Шенджий, 14 марта. Балконы и изгородки усеяны добровольцами. Все смотрят на дорогу по направлению к станице Калужской. Из предместья доносится громкое «Ура!». По дороге идет конная сотня. На папах наискосок зеленая лента с мусульманским полумесяцем. То черкесский отряд сопровождает командующего екатеринодарской армией генерала Покровского, прибывшего на свидание с генералом Корниловым. Рядом с генералом — милейший И.Г. Эрдели. Сзади офицерская сотня.

— Сотня, стой.

Генералы входят в помещение штаба. Общее радостное оживление. Среди прибывших много знакомых еще по Германской войне. Взаимные расспросы о близких:

— Где Иванов?

— Убит в Пашковской.

— А Тюмрюков?

— Командует сотней. — И т. д.

Оказалось, что екатеринодарская армия, окруженная большими силами противника в Екатеринодаре, вышла из него за Кубань, чтобы не быть отрезанной от гор Кавказа, куда могла укрыться в случае неудачи.

Перейдя реку, армия блуждала в окрестностях столицы, поджидая Корнилова, о приближении которого имелись сведения. Большевики бросились за екатеринодарцами в погоню, но маленькая армия отбивалась от них, хотя и с большим трудом. Тщетно вызывал генерал Покровский через радиостанцию: «Корнилов, Корнилов...» Полное молчание. У добровольцев беспроволочного телеграфа не было. Потеряв надежду на соединение с Корниловым, кубанская армия решила уйти в предгорья Кавказа, к селению Горячий Ключ. Там местные условия способствовали бы обороне от большевиков, так как подступы к селению преграждались горным хребтом.

Последние бои не были удачными, один из отрядов армии оказался отрезанным и почти весь погиб. Недовольство вождями вызвало брожение среди кубанцев, которое грозило очень печальными последствиями. Но это упавшее настроение сразу сменилось радостными надеждами, когда к ним прорвался, наконец, разъезд корниловцев. Теперь они стоят в станице Калужской.

— Смирно! — раздается команда.

На золотистом кровном скакуне подъезжает Корнилов. Поздоровавшись с конвоем, он в кратком горячем слове приветствует давно желанное соединение армий и зовет всех на новые подвиги во имя великой родины. Бурный восторг овладевает всеми, и радостное оживление царит в ауле. Теперь все вместе. Силы удвоились.

— В Екатеринодар, в Екатеринодар!

А соединенная даже армия не превышала пяти тысяч, считая все, что было в обозе, то есть раненых и больных, врачей, штабных и штатских, число которых значительно увеличилось с беженцами из Екатеринодара. Но радость объединения, имена известных всем генералов, непрерывные удачи добровольцев — все это так воодушевляло, что люди забыли о существовании науки арифметики.

* * *

На следующий день, 15 марта, добровольцы двинулись из аула на соединение с екатеринодарцами. Обоз армии должен был идти в станицу Калужскую, где расположился генерал Покровский, а строевые части направились к станице Ново-Дмитриевской. Эта станица была местной базой большевиков. Красных предполагалось атаковать совместно с генералом Покровским, который со своей армией должен был подойти с другой стороны по направлению к станице Григорьевской.

День был пасмурный; шел мелкий дождик; низкие облака неслись, гонимые вечным норд-остом. Становилось все холодней и холодней.

Тщетно укутывались добровольцы в свои лохмотья. Дождь промочил насквозь их убогую одежду, а в дырявых сапогах хлюпала ледяная вода. Прошли так половину пути. Норд-ост рассвирепел; его порывы слились в сплошную бурю. Дождь превратился в ледяные иглы, больно бившие по лицу.

Верхняя одежда смерзлась и связала движение рук и ног. Лошади также покрылись ледяной корой и еле передвигали ноги. Добровольцы замерзли на открытых отрогах Кавказа. Наконец вместо дождя стал падать снег гуще и гуще, и все затмевает степной буран.

Сгорбленная фигура приткнулась у подножия дерева, и снег заносит ее своей белой пеленой. Подходит санитар и расталкивает ее.

— Оставьте, не могу больше, я умираю, — шепчут побелевшие губы, и из глаз молодой сестры льются бессильные слезы.

— Нельзя, сестра, замерзнете. — И санитар силой поднимает ее и ведет дальше под руку.

Трах — рвется граната у самой дороги, и как бы встряхивает по-нурый отряд.

Роты подходят к речке, окаймлявшей станицу Ново-Дмитриевскую. Об армии Покровского сведений нет, и посланные разъезды не нашли никого, кроме неприятельских дозоров. Красные уже осведомлены о приближении добровольцев и встречают их огнем с гребня берега.

Что делать? Маленькая речка от дождя превратилась в бурный поток и снесла все мосты. Под непрерывным огнем неприятеля выбирается место, где течение не так быстро. А вдруг тут-то и глубоко?

Генерал Марков приказывает двум пленным большевикам идти в воду — исследовать брод. Те, еле ворочая языком от холода, отказываются. Револьвер к носу, и красные уже в речке; барахтаясь и спотыкаясь, переходят они, по грудь в воде, на другой берег.

— Посадить пехоту на крупы коней и марш, — командует Марков.

Добровольцы не могут сами сесть верхом — вся одежда превратилась в лед. Их подсаживают и поочередно перевозят через поток. Менее терпеливые бросаются сами в эту кашу из снега и воды, держа над головой винтовки и патроны.

— Пропал табачок, — горюет неисправимый курильщик.

Артиллерия добровольцев молчит. Орудия вмерзли в грязь при остановке, и их бросили. Неприятельский огонь неистовствует, и грохот орудий вырывается из завываний бури.

Добровольцы лезут на крутой, обледенелый откос берега. Скользят, падают; метель слепит глаза, руки коченеют от холодной как лед винтовки; вперед, вперед, на эти бьющие в упор пулеметы!

Вот кучка офицеров уже на гребне и ударила в штыки. Красные, не видя, сколько врага, бросают все и бегут через станицу. Добровольцы преследуют их, а другие очищают хаты. В середине станицы даже не знали, что армия уже вошла, и много красных захватили врасплох; они не думали, чтобы в такую погоду можно было вести серьезное наступление, а за шумом бури, засевши в теплые хаты, вероятно, не слышали и звуков боя в самой станице.

Генерал Корнилов со штабом вошел в селение вместе с передовыми отрядами и, по обыкновению, направился на площадь, к станичному управлению. Оттуда их встретили огнем из винтовок, и только после перестрелки командующий армией завоевал себе право на убежище от метели.

— Только наши баричи, — говорил генерал Марков, — могут драться в такой сатанинской обстановке.

Пока шел бой под Ново-Дмитриевской, обоз тянулся по дороге в Калужскую. Несчастные раненые и больные, как ни были они укрыты одеялами и халатами, реквизированными в последней станице Рязанской, испытывали страшный холод. Одежда, обледенев, коробилась, и дьявольский ветер пробирал насквозь.

Грязь была невылазная, и кони еле-еле плелись по размокшей, липкой глине с косогора на косогор. Только в сумерки подобралась к станице отсталые повозки, а все расстояние было 16 верст. Поздно вечером начальнику снабжений генералу Эльснеру доложили, что одна повозка с четырьмя ранеными не пришла и никто их не видел.

Немедленно послали верховых на розыски; те всю ночь искали повозку, прошли по дороге вплоть до Шенджия и лишь на обратном пути, на рассвете, заметили в стороне от дороги пропавших. Повозка стояла среди реки. Обледенелые раненые были без движения и без языка. Потом они рассказали, что, разыскивая дорогу получше, несчастные возницы забрели в яму в реке, и усталые кони не смогли их вытащить. Кругом вода, а их криков о помощи не слышно было за бурей. Так и провели всю ночь под снежным бураном.

Милость Божья покровительствовала добровольцам. Десятки коней пали после этого ледяного перехода; но из раненых и больных умер только один. Многие жестоко простудились, но, похворав, оправались. Правду говорят, что человек — одно из самых выносливых животных.

Корниловские обозные по приходе в станицу, к своему величайшему удивлению, встречали на предназначенных им квартирах строевые части екатеринодарской армии. Кто же пошел на подмогу добровольцам? Никто. Правда, конные части все-таки были посланы, но вернулись, объявив, что реки разлились и кони не пошли в

воду. В Корниловской армии подобное неисполнение приказа было немыслимым.

При реорганизации армии в станице Ново-Дмитриевской генерал Покровский, несмотря на свои колоссальные услуги Кубани, командования частью не получил. В станице Калужской в числе беженцев из Екатеринодара оказались бывший председатель Государственной Думы М.В. Родзянко и сын его Н.М.¹²⁵, бывший потом в армии начальником санитарной части.

* * *

В станице Ново-Дмитриевской армия приводила в порядок различные свои домашние дела.

С кубанцами было заключено соглашение, по которому их армия была подчинена Корнилову. Соединение армий требовало их реорганизации. Все оставшиеся еще мелкие воинские части были соединены в крупные единицы, и войска были сведены в три бригады: 1-я, под командой генерал-лейтенанта Маркова, состояла из Офицерского добровольческого и стрелкового Кубанского полка; 2-я, под командой генерал-майора Богаевского, — из Корниловского и Партизанского полков; и 3-я, под командой генерала от инфантерии Эрдели, — из всех конных частей — двух офицерских полков и одного черкесского.

Пришел в Ново-Дмитриевскую и соединенный обоз армии. Дорога была ужасная: выпавший снег растаял, все ручьи превратились в бурные потоки и уничтожили мосты. Помог переходу комендант армии полковник Корвин-Круковский — герой знаменитой в свое время «Козювки» на Карпатах, где он со своими стрелками день и ночь отбивал повторные атаки превосходных сил.

Полковник был не только храбрым воином и строгим командиром, но оказался и находчивым инженером. Из всякого, казалось бы, неподходящего материала: сломанной телеги, изгороди, соломы — он созидал, при содействии пленных большевиков, какие-то небывалые сооружения; называл их мостами и переводил через них обозы. Долго ли потом его постройки прославляли архитектора — неизвестно, но обозы соединились с армией.

Из Ново-Дмитриевской были посланы отряды, которые и заняли с боями ближайшие селения Смоленское и Григорьевское, куда пытались укрыться красные после боя 12 марта.

Долго простояла армия в этой станице. Но тут, в связи с полученными сведениями, решался целый ряд вопросов о дальнейших ее дей-

ствиях. Никто не сомневался, что Екатеринодар падет. Разведчики приносили самые благоприятные вести. Гарнизон в столице будто слабый, всего несколько тысяч; артиллерии немного; большевистское начальство перессорилось и т. п. Отсюда делались и соответствующие выводы.

Весь вопрос заключался только в том, как атаковать Екатеринодар. Город стоял по ту сторону Кубани, и для перехода через реку был только один мост. Такой путь не мог считаться надежным; стоило подорвать мост, и вопрос исчерпан. Следует, очевидно, искать иных способов.

Подумали, порасспросили и нашли; но решение совета держали в самой строгой тайне, и никто его не знал. Под большим секретом передавали, что армия пойдет на кубанскую столицу все-таки прямо, кратчайшим путем, то есть через Георгие-Афипскую и вдоль железной дороги через Эйнем. Этот секрет сделался секретом полишинеля, что и требовалось. Конечно, он немедленно был сообщен и противнику.

Шпионы в армии были, и, к сожалению, они проникали во все места, где могли получить нужные им сведения. Когда их ловили, то, конечно, немедленно уничтожали. Казнили также и большевистских комиссаров, если по произведенному расследованию оказывалось, что они злоупотребляли своей властью. Мелких преступников наказывали нагайкой, в особенности за кражу и за стрельбу в воздух на стоянках. Кража лошади или насилие над жителями каралось смертью.

В Ново-Дмитриевской в свободное сравнительно время военно-полевой суд разобрал целый ряд дел по старым еще счетам, и восемь человек были повешены на площади. Среди них были два добровольца, осужденные за насилие над женщинами. Это были персы из Корниловского полка, приставшие к армии по дороге.

Пользуясь досугом, добровольцы справляли свои дела. День и чуть не всю ночь работали кузнецы, перековывая лошадей и ремонтируя повозки. Все изнашивалось, истребалось по ужасным дорогам в весеннюю распутицу. Сапожники чинили остатки обуви, а сами добровольцы, смешно держа иглу вперед себя, зашивали свои лохмотья и чинили сбрую.

Все работали между ежедневными боями с большевистскими отрядами. Враг не спал и постоянно тревожил армию усиленными рекогносцировками. Шрапнели над станицей рвались с утра до вечера. Но к этому так привыкли, что никто не обращал внимания; только счет раненых увеличивался с каждым днем.

* * *

26 марта, утром, соединенные армии выступили из Ново-Дмитриевской, прямой дорогой, в Георгие-Афипскую, что и подтверждало как будто всем известный секрет. Вновь добровольцы увидели своего старого врага, железную дорогу, и броневые поезда послали им свои приветствия.

После упорного боя станица была занята, но броневой поезд подходил со стороны Екатеринодара на такую дистанцию, что мог обстреливать селение. Эта неприятность была последствием неточного исполнения приказа, данного полковником Х. Он хотя и испортил предшествовавшей ночью железную дорогу, но не подорвал все мосты, которые были ему указаны, и тем не оградил станицу от обстрела броневиком. В тот же день полковник Х. был отставлен от командования частью.

Заняв Георгие-Афипскую, Корнилов остался там ночевать; но в тот же вечер конница вышла из станицы с не известным никому приказанием. На следующий день армия, взорвав за собой мосты, вышла из станицы, но взяла направление не на северо-восток, где находился Екатеринодар, а на северо-запад, на аул Панахес. Только в пути узнали действительный секрет Корнилова, и то тогда, когда посланный от генерала Эрдели доложил, что приказание, ему отданное, уже исполнено.

Генерал Эрдели захватил внезапным набегом оба берега Кубани у станицы Елизаветинской, вместе с паромной переправой. Там армия и должна была перейти Кубань. Этот план не был совершенно предусмотрен большевиками, хотя станица Елизаветинская расположена от Екатеринодара, по прямой дороге, всего в 16 верстах и должна была бы находиться под наблюдением.

Дорога в Панахес, проселками, была опять отвратительной — сплошная топкая грязь; много повозок с ценным военным имуществом было брошено, чтобы протащить остальное. Но никто не предполагал, что ожидает армию за аулом.

Поздно вечером измученные кони, слегка подкормленные в Панахесе, вошли с повозками в плавни. Это было нечто неопишное. Плавни — просто глубокое болото, образовавшееся от разлива реки. Путь по плавням указывается темной полосой перемолотой колесами травы и грязи. Никакой настилки из хвороста или из бревен (знаменитые чертовы ребра), как делается на севере, не полагается. Повозки сейчас же увязли, а кони стали.

Началась самая мучительная работа. И кони, и люди, впрягшись в постромки, с невероятными усилиями протаскивали повозку на не-

сколько десятков сажений и, совершенно измученные, останавливались. Передохнув несколько минут, снова принимались за тот же адский труд.

Все это происходило в темную, безлунную ночь в насыщенной болотными миазмами атмосфере. Вот лопнула постромка. Конь рвется вперед, путается в вожжах и становится поперек дороги. Тащи его назад, вяжи постромку; а упряжь вся мокрая, в грязи, руки скользят; насилу завяжешь узел. Вот, наконец, выбрались на местечко посуше; валишься на землю без сил, без воли и без мысли. Но не ночевать же тут — и снова в грязь. Впереди что-то ворочается.

— Стой.

Смотришь — брошенный конь; отлежался и силится встать, но не может. Помогай и ему, иначе не проедешь. Конь поднялся и плетется сзади — какое-то грязное, взъерошенное чучело. Лошади захрапели и стали. Перед ними огромная лужа, прямо озерко. Объезда не видать. Иди в лужу, исследуй путь. Подберешь фалды шинели и прешь прямо, на авось. Ледяная вода льется за голенища. Что-то чернеет. Опрокинутая повозка; а с боку только дышло торчит, телегу уже засосало. Упаси Боже. Прошел, пощупал ногами, где дно потверже.

— Съезжай прямо на меня.

— Да где ты?

— Тут, прямо.

— Где прямо? Ничего не видать.

— Да езжай на голос, черт.

И смех и грех. Кони пеняют копытами воду и опять не идут. Тащись назад, весь в тине, как леший. До самой смерти не забудешь этой ужасной ночи. Но шли и шли измученные, ошалелые; кляли только штаб, что не поставил живых маяков на распутьях, и многие заблудились.

* * *

На берегу Кубани, против Елизаветинской, суета. 2-я и 3-я бригады уже переправились и второй день бьются под Екатеринодаром. Марковцы охраняют тыл переправы, отбивая бурные атаки матросов, подоспевших из Новороссийска.

Переправа шла медленно; пригнанный из соседнего имения второй паром оказался дырявым, и трос его не был в порядке. Но молодцы чехи из Инженерного батальона работали без усталости. Срастили второй канат, законопатили паром, и перевозка ускорила. Трос снова рвется; опять за работу.

Много помогли армии эти чехи еще ранее починкою непроходимых, казалось, гатей и разрушенных мостов. И сейчас же от топора и лопаты — за винтовку и смело в бой. Их начальники — горбатенький полковник Краль и подполковник Неметчик, всегда ровные и спокойные как в бою, так и за работой, были неумолимы. Не много чехов вернулось из похода; полегли костями за родную им — единую Россию.

Третий день идет переправа. Крутые сутки работают паромы. В полном порядке, не задерживаясь, но и не обгоняя друг друга следуют повозка за повозкой. Начальство торопит, а паромы маленькие; возы тяжелые, и тросы ненадежны; поневоле переправа затягивается.

— Екатеринодар взят, — несется по обозу, и бурный восторг царит на берегу. Все оживленны, веселы.

К парому подлетает посланный от кубанского правительства.

— Очистите дорогу, — обращается он к дежурному офицеру, — сейчас подъедет правительство и Рада.

— В очередь, — спокойно отвечает распорядившийся переправой.

— Помилуйте, это недопустимо. Войска войдут одни в столицу, без правительства?

— Шли бы раньше, без войск, — острят из толпы.

— Мы будем жаловаться командующему, — грозит посланец.

— Жалуйтесь

Но ни сегодня и ни завтра войска не вошли в Екатеринодар. Слух оказался ложным. Большевиков было в десять раз больше, чем предполагал штаб. Все снаряды и патроны уже выданы из обоза, но их нет и на фронте.

— Соберите все, что осталось у обозных, — приказывает Корнилов.

Осматривается каждая повозка, и еще ящик поскакал на позицию.

— Еще патронов.

Но их уже нет. Инженер Половцов собирает в станице толпу ребят, с ними идет сзади цепей и в оставленных красными окопах находит еще несколько тысяч патронов. Пули свистят кругом, но дети не боятся. Большевики, заметив маленькую армию, кроют ребят шрапнелями. Половцов, боясь за своих помощников, выводит их из огня. Спешно подходит к переправе 1-я бригада. Генерал Марков недоволен.

— Вот теперь зовут — к шапочному разбору. Эх, штаб, штаб; давно бы взял город, а тут — торчи в болоте.

Пошла в бой и 1-я бригада. Чудеса храбрости показали офицеры. Дом за домом, квартал за кварталом — заняли половину города

и вышли уже на главную улицу — Красную. У врага паника. Спешно грузятся красные на подводы и в поезда; лихорадочно эвакуируют свое награбленное имущество — все, что в данную минуту кажется наиболее ценным. Раненые, конечно, брошены. Завтра город очистят.

Но вдруг что-то мрачное и страшное ползет по рядам добровольцев. Люди бледнеют, руки опускаются, и винтовка валится на землю. Беззаветные храбрецы, закрыв лицо, рыдают как дети.

— Корнилов убит.

Эта ужасная весть несется в воздухе. Неприятель видит что-то недоброе и удваивает усилия. Отряд черноморцев вырывается с фланга, грозит отрезать армию от обоза.

Генерал Эрдели бросает всю конницу в атаку. Место топкое, поросшее кустами и деревьями. Черноморцы метким, прицельным огнем встречают кавалерию. Но месть, месть за убитого, — и полки несутся как бешеные. Рубят с плеча, топчут лошадьми, и отборное войско «товарищей» мечется в ужасе. Влезают в кусты, прячутся за деревьями, но везде достает их острая шашка, а пощады нет.

Триста всадников, однако, полегло на месте, и среди них красавец прапорщик, о котором упоминали раньше. Он пал в день смерти своего судьи. Защищая девственную грудь командира полка, баронесса Боде была сражена насмерть пулей в сердце.

Обходная колонна разбита, и грозная опасность для обоза, со всеми ранеными, миновала.

В ночь с 31 марта на 1 апреля намечен был общий штурм столицы. Но командующий был убит, и это страшное событие должно было повлиять на все дальнейшее. Л.Г. Корнилов был смертельно ранен и контужен большевистской гранатой, взорвавшейся в комнате, где он сидел один за столом, рассматривая карту окрестностей Екатеринодара. В момент взрыва в комнату входил адъютант Долинский со стаканом чая для генерала, но был выброшен газами взрыва. Прибежавшими штабными командующий был найден лежащим на полу в бессознательном состоянии. Через час, около 9 часов утра, 31 марта 1918 года, Л.Г. Корнилов, не приходя в сознание, скончался.

Его смерть произвела потрясающее действие на Добровольческую армию. Его боготворили добровольцы, беспредельно верили ему и беспрекословно исполняли его приказания. Он всегда был среди них, а во время боя иногда даже и впереди их. Добровольцы видели его всюду, на самых опасных местах, совершенно спокойным и ровным. Он ничего и никого не боялся, и армия совершала чудеса.

— Командующий приказал.

Это было альфой и омегой. Приказание невероятное. Препятствия неодолимые. Но все летело прахом.

— Командующий приказал.

Это был человек железной воли и неодолимой энергии. Жизнь его была несладка. Судьба то возвышала его, то низвергала в пропасть. Сегодня он вождь, а завтра пленник. Опять вождь, верховный вождь всей русской армии, и опять — в Быховской тюрьме. Бой был его стихией. Свистали пули, гремели пушки, рвались гранаты, а он улыбался. Его умоляли беречь себя, ему доказывали, что Добровольческая армия не нуждается в примере, — он пожимал плечами. Верные текинцы силой стаскивали его со стога, откуда он следил за боем, осыпаясь снарядами; он уходил без конвоя. Это был гений войны, он смеялся над смертью, и смерть щадила его. Но всему положен предел.

Во время штурма Екатеринодара Корнилов жил в маленьком домике, на ферме Кубанского Экономического Общества, верстах в пяти от казачьей столицы. Красные, очевидно, знали его местопребывание, и гранаты рвались кругом домика. Все окружающие умоляли его перенести ставку в другое место; он не отвечал. Так погиб наш народный герой, погиб накануне осуществления своей мечты — возрождения русской армии.

Но жизнь не ждет, армия ни на минуту не может остаться без головы, и приказом генерала Алексеева командующим добровольцами был назначен помощник Корнилова, генерал-лейтенант А.И. Деникин.

* * *

Новый командующий созвал военный совет. Армия пала духом. Истомленные пятнадцатидневными непрерывными боями, добровольцы были сражены вестью о смерти своего вождя. Екатеринодар взять еще можно, но потери уже понесены колоссальные. В некоторых частях осталось в строю не более 40 процентов; остальные убиты или тяжело ранены; легко раненные не считались — все они возвращались в строй. Новый штурм повлек бы за собой и новые потери. Что же осталось бы на защиту Екатеринодара, если бы и удалось его взять? Ничтожная горсточка измученных людей.

Между тем силы красных были велики. В несколько дней они собрали в Екатеринодар до 40 000 солдат, около 40 орудий и подвезли 4 броневых поезда. У добровольцев в строю осталось не более 1800 — 2000 человек. На восстание казаков надежды были сомни-

тельные. В Елизаветинской станице мобилизовали несколько сотен. Им роздали винтовки и поставили в строй. Казаки не выдержали упорного боя и вернулись домой. Ясно было, что ни на кого, кроме своих, надеяться было нельзя.

Совет решил отменить назначенный штурм и отвести армию от Екатеринодара. В ту же ночь, с 31 марта на 1 апреля, обоз двинулся из Елизаветинской на север, и, прикрывая его, отошла и армия. Отходили ускоренным маршем, для пехоты брали подводы в селениях; но это не было беспорядочным, паническим бегством. Отступали в полном порядке. Большевики не преследовали, опасаясь какого-нибудь скрытого маневра. Лишь броневые поезда посылали снаряды вдогонку.

К вечеру того же дня, при подходе к одному из хуторов, окружавших немецкую колонию Гначбау, добровольцы были встречены артиллерийским огнем. Армия перестроилась к бою, а обоз под прикрытием одной охранной роты из 50 инвалидов был послан другой дорогой в обход. Но местность была заполнена большевистскими отрядами, и через несколько верст и над обозом стали рваться шрапнели. Однако обоз шел прямо на артиллерию, и орудия смолкли. Очевидно, большевики не поняли, кто был перед ними, и отступили.

Поздно вечером собралась армия в колонии Гначбау, и, измученные шестидесятиверстным переходом, без сна и отдыха, добровольцы заснули мертвым сном.

На другой день, 2 апреля, оказалось, что армия была окружена превосходными силами неприятеля. Одиннадцать орудий гремели со всех сторон и засыпали снарядами колонию. Гначбау — селение из небольших; армия разместилась в страшной тесноте. Улицы и переулки были загромождены повозками, а в хатах места не хватало. Все было на улице, под непрерывным огнем.

Положение казалось критическим. Сил не хватало отбивать пехотные атаки, а снарядов и патронов в обозе совсем не осталось. Все было отдано частям еще во время екатеринодарских боев; даже у раненых, ехавших на повозках, были отобраны последние патроны и оставили только по одной обойме — четыре патрона на врага и один на себя.

Решено было прорываться; будь что будет. Может быть, кто-нибудь и уцелеет. Обозом, конечно, придется пожертвовать; можно ли было себе представить, чтобы 1500 повозок могли прорваться вместе с армией? Однако жертвовать всем своим небольшим, но весьма ценным военным имуществом, а в особенности транспортом раненых, было невыносимо тяжело. Надо было попытаться спасти что можно. Облегчили обоз, оставили в колонии все менее ценное, уничтожили орудия, кроме четырех, и в голову обоза поместили санитарный транспорт.

К вечеру огонь неприятеля усилился; шрапнели и гранаты рвались непосредственно одна за другой, а то и по две, по три сразу. Хотя большевики стреляли плохо, и шрапнели рвались высоко, но скученный на улицах обоз нес потери; приказано было вывезти его за колонию, в ложбину. Лишь только обоз двинулся, неприятель довел огонь до степени ураганного и начал крыть дорогу, ведущую на север; армия, однако, пошла другой дорогой на восток, что, по счастью, не было замечено красными.

Наступила темнота; обоз скучился в версте от колонии. Партизаны отстаивали подступы к Гначбау. Час томительного ожидания. Генерал Марков, шедший с Офицерским полком во главе обоза, внимательно прислушивается. Огонь прекратился. Темно, тихо, ни звука. Но вот далеко впереди как будто кто-то крикнул; громче и громче; послышалась учащенная стрельба, и отдаленное «Ура!» доносится до генерала Маркова.

— Рысью, марш, — командует генерал. «Ура!» — было условным знаком. Обложение прорвано там, где большевики не ожидали. Обоз стремительно несется по дороге. Пролетев так верст десять, дают вздохнуть лошадям — и опять рысью.

— Вырвались.

Полной грудью вздохнули добровольцы. Свободны. Да, сейчас свободны, но впереди переход через железную дорогу, и там ждут четыре броневых поезда. Между тем достаточно и одного, чтобы уничтожить эту безоружную горсточку. Вся армия на самом деле представляла из себя большой обоз с прикрытием по одному добровольцу на повозку.

* * *

Обоз крадется в ночной темноте. Ни слова, ни огонька от папирасы. Сто шагов в сторону, и ничего не видно, ничего не слышно, кроме какого-то шелеста; черноземная пыль заглушает все движение. Усталые кони не ржут. В стороне серебрится озеро. Во рту пересохло; хорошо бы напиться и коней напоить, да некогда: каждая потерянная минута может стоить жизни сотням людей. Тихо бежит по обозу: «Стой». Обоз замер. Впереди что-то чернеет. Железнодорожная будка.

Генерал Марков со штабом входит в будку. Сторожа сейчас же схватывают. Телефонный звонок. Марков подходит к телефону.

— Кто говорит? — спрашивает генерал.

— Станция Медведовская. Что, не видать кадетов?

— Нет, — отвечает Марков, — все тихо.

В полуверсте от будки находится станция Медведовская, где, по сведениям, добытым от сторожа, стоят два броневых поезда. Генерал приказывает полковнику Лаврентьеву с двумя офицерскими ротами прокрасться на станцию и захватить поезда. Роты неслышно уходят.

Добровольцы располагаются по обе стороны пути; одно орудие ставят у будки, а другое осторожно перевозят через железную дорогу. Стихает. В станице Медведовской, за дорогой, перекликаются петухи. Небо светлеет. Сова бесшумно летит над полем и вдруг испуганно шарохаается в сторону. Звезды одна за другой тихо угасают. На востоке показываются отблески зари. В кустах зачирикала какая-то ранняя птичка.

Все молча ждут. Но вот слева от станции на рельсах замелькали огни. Добровольцы затаились. Бесшумно, медленно, как бы нащупывая каждый шаг, подходит поезд. В классных вагонах, зачем-то прицепленных к броневикам, виден свет, слышны разговоры, смех. Вдруг все смолкло. Что-то заметили, и в ночную темноту врываются столпы огня и грохот пулеметов.

Генерал Марков выскакивает к паровозу и, грозя нагайкой, кричит: — Стой, такие-сякие, не стреляй, — свои.

Большевики ошалевают.

В тот же момент снаряд из добровольческого орудия попадает в колеса локомотива, и паровоз садится на месте. Добровольцы бросаются к поезду. Их осыпают непрерывным огнем. Ручные гранаты летят в вагоны. Один загорается. Красные выскакивают, но их встречают штыками.

На крыше броневика генерал Марков сует бомбу в отверстие для воздуха. В другой вагон попадает снаряд из орудия. Страшные взрывы. Все мешается. Беспорядочная стрельба в темноте. Безумные вопли горящих. Ужасные звуки рукопашного боя, когда люди превращаются в бешеных зверей, и нет пощады никому. Какая-то оргия огня и крови. Еще взрыв, и все кончено. Поезд взят, большевики уничтожены.

— Вторая батарея — карьером в авангард, — несется приказ генерала Маркова по обозу.

— Нельзя так передавать приказание, — возмущается один из штабных фазанов, засевший в коляске. — Не смейте передавать! — кричит он соседней повозке.

— Телефон еще не проведен, господин полковник, — слышится в темноте.

Два орудия, шедшие в центре обоза, скачут сломя голову и успевают вовремя. Рассветает. Справа показывается еще броневая поезд

и кроет гранатами переезд через железную дорогу. Удачный первый же снаряд добровольческого орудия заставляет его испуганно отодвигаться. Обоз вскачь несется через переезд. Неприятельские снаряды рвутся с недолетом в пятидесяти саженьях до перехода через линию, и осколки визжат над обозом.

Армия вытягивается по дороге к станции Дядьковской. Все радостны, возбуждены. Вместо неминуемой, казалось, гибели — огромная добыча — 800 снарядов и 100 000 патронов; уничтожены полтора броневых поезда. Один на переезде, а от другого, на станции, посланными двумя ротами захвачена была половина; другая половина с паровозом успела отцепиться и ушла.

— Ай да Марков, — хохочут добровольцы, — нагайкой броневик остановил.

Произошло действительно что-то невероятное. Все это скрутило ночное время и темнота, а с другой стороны — смелая решительность и самообладание добровольцев. Все хорошо, что хорошо кончается.

Пробегая через станицу, добровольцы захватывают еще добычу. Штабс-капитан Половцов разыскал большой склад белья, в котором так нуждались раненые. Поручик Трамдах нашел еще патроны в складе и при розысках открыл тайное местопребывание начальника красной карательной экспедиции, посланной только что со станции в станицу, и захватил его самого. В довершение всех благ тот же Трамдах нашел и порядочный склад виноградного спирта, увеселявшего карательный отряд.

Пошел купаться Веверлей,
Осталась дома Доротя, —

несется шуточная песенка из рядов молодежи.

Екатеринодарские ужасы уже пережиты, а осада Гначбау заменилась медведовской победой. Четыре броневых поезда не сумели заградить путь шириной в две сажени. И кому? Ничтожному, почти безоружному отряду измученных людей.

Четвертый поезд, как оказалось, встретился с добровольческой кавалерией, посланной для демонстрации перехода, на семь верст севернее настоящего места. Кавалерия переходила по железнодорожному мосту; коней переводили по боковым доскам. Поезд сразу открыл пулеметный огонь. Лошади взбесились, часть их вырвалась из рук и попала на середину моста, где кони и провалились ногами между шпалами. Кавалерия ускакала, а живая каша из коней на мосту помешала этому поезду вовремя подойти к месту боя.

* * *

Бой 3 апреля под Медведовской сослужил большую службу добровольцам. Хотя армия и вырвалась из двойного железного кольца, ее окружавшего, но положение добровольцев было еще очень затруднительным. Армия находилась в самом гнезде большевизма на Кубани, на границе Тамани и Черноморья. Силы красных были здесь велики, и все потери их восстанавливались пополнением из местных источников.

Затем, через Медведовскую, добровольцы вошли в пространство между Черноморской и Екатеринодарской линиями железных дорог. Опять им угрожала встреча с сконцентрированными силами, которые могли быстро перемещаться по железным дорогам в любой пункт. Направление армии было уже ясным; добровольцы шли на восток; стоило только подумать немного, и ловушку могли захлопнуть. Но очевидно, большевики растерялись.

Сначала счастье им как бы улыбнулось. Им, конечно, известно было настроение армии после смерти генерала Корнилова. Поспешный отход от Екатеринодара объяснял все. Армию считали деморализованной. Ее заперли со всех сторон в Гначбау и с минуты на минуту ожидали конца. Вдруг Феникс возродился; и осадные силы, и четыре бронированных поезда оказались несостоятельными. Большевики были поражены. Вместе с тем потери их под Екатеринодаром были очень велики; одних раненых красные газеты насчитывали до 15 000, а сколько было еще убитых. Очевидно, борьба стоила им не дешево, и войска не шли. Только этим и можно объяснить, что дальнейшее движение армии не встречало никаких почти препятствий.

В Дядьковской станице добровольцы получили приказ идти на станицу Березанскую, но на полдороге армия свернула на Журавские хутора и перешла железную дорогу у хутора Малеванного. Приказ идти на Березанскую был отдан, чтобы сбить с толку большевиков, что и удалось.

Снова армия попала в грозный треугольник — Екатеринодар, Тихорецкая и Кавказская. Опять приняли меры, чтобы спутать большевиков. Распустили слух, что идут на станицу Кавказскую, и шли в этом направлении, но в хуторе Владимирском повернули на северо-восток и перешли железную дорогу немного южнее станицы Архангельской, на Хоперские хутора.

Небольшие встречные силы противника сметались с пути армии без всякого труда. Добровольцы шли в Ставропольскую губернию, чтобы там, вдали от железных дорог, отдохнуть и собраться с силами в ожидании грядущих событий.

Но опять это была пустая надежда. Вместо отдыха армию ожидали новые задачи, предвиденные, однако, заранее. По дороге в станицу Ильинскую добровольцы услышали впервые добрую, долгожданную весть о восстании Дона против большевиков. Но так как до армии неоднократно доходили добрые слухи, которые затем не оправдывались, решено было эти вести проверить. Полковнику Барцевичу приказано было выбрать 20 офицеров на самых лучших конях и с этим конвоем прорваться через большевиков, слетать в Донскую область и привезти верные сведения. Барцевич ночью вышел из станицы Ильинской и исчез в темноте.

В станице Ильинской армии пришлось выдержать наступление значительных сил большевиков. Поколотив их в двух боях, добровольцы направились на станицу Успенскую, последнюю перед границей Ставропольской губернии. Шли опять черноземными степями. Погода стояла ясная. Солнце грело сильней и сильней. Показались озими. Пшеница всходила густо и ровно, но вместе с хлебом подымались в изобилии и сорные травы; земля обрабатывалась плохо, а потому пырей, осот и прочая дрянь засоряли землю невероятно.

Чем богаче природа, тем ленивее жители страны. Климат здесь благодатный — тепло и влага выпадает равномерно. Почва еще богаче, чем в Донской области. Казалось бы, рай земной. И действительно, народ здесь необыкновенно богат. Но война из-за земли идет такая же, как и в местах густонаселенных, с тощей почвой. Но там работают, трудятся день и ночь; под озими пашут по три раза; землю унавоживают; и то кормятся с грехом пополам.

Здесь же навоз идет частью для топлива, а главным образом для засыпки всяких ям; а то и прямо вывезут за станицу и сожгут. Под яровое еще некоторые хозяева пашут с осени, а большинство только весной. Случается же и так: пришла весна, хозяин зазевался; наступило время посева, а земля недопахана. Вышел земледелец в поле да прямо по прошлогодней стерне и разбросал семена; заборонил кое-как и ждет. Выпадет вовремя дождь — и снимет этот землероб по 150 пудов с непаханой десятины. Не выпадет — наплевать, хватит хлеба и с обработанной земли. Несмотря на такое небрежное отношение к земле, все богаты, потому что и климат, и чернозем работают за них. В урожайные годы, у хороших хозяев, сбор пшеницы доходит до 300 пудов с десятины.

Бедствуют здесь только полные лентяи и бездельники. У доброго хозяина, если и случится беда, падеж скотины, пожар и т. п., он всегда быстро поправится, работая на других; заработки в страдную пору

доходят до колоссальных сумм, и рабочих рук не хватает; в короткое время дельный работник скопит достаточно, чтобы переждать до новой жатвы, которая вознаградит его с лихвой за все невзгоды. А все-таки из-за земли ссорятся, хотя половина ее не пашется, ввиду недостатка рабочих рук. Дайте эту же землю в руки настоящих земледельцев, и одна Кубань завалит своим хлебом всю Европу. Это действительно рай для фермера — неистощимая почва и благодатный климат.

Вы едете по пыльной дороге; кругом ровная степь — ни дерева, ни кустика; на северного жителя это однообразие нагоняет тоску. Мы привыкли и к лесу, и к веселым зеленым холмам, и к быстрой речке, подъезжая к которой чувствуешь приятную прохладу; здесь же степь и зной. Но вот вы подошли к речной долине, и вам сразу бросается в глаза белое, яркое пятно. Это хутор, утопающий в цвету плодовых деревьев. Зелени не видать; все покрыто сплошным белым покровом, с розовыми проблесками на абрикосах и персиках. Какое изобилие! Не подсчитывайте, однако, заранее урожая. Все это опадет бесплодно, и разве сотая часть цветов превратится в яблоки, груши и вишни, но весьма плохого качества.

Земля под деревьями не вскопана; разве кое-где на один аршин вокруг ствола, то есть там, где именно дерево не питается. Ветви не обрезаны, гусеницы с листьев не собраны, почва не удобрена, и вообще никакого ухода за садом нет. Понятно, что фруктов мало, а по качеству плоды ниже всякой критики. Роскошная природа и лень, доходящая до крайних пределов. Урядник Остап Степанчук «старикует». Это значит, что Степанчук, которому на Пасху минуло 45 лет, объявил себя «стариком», он уже «дед». В полном расцвете сил и здоровья, разума и опыта, он выходит из строя рабочих. Он больше не пашет, не боронит, а ходит только около дома, покармливает коней, съездит на базар, на мельницу, да и то с сыном, чтобы тот мешки таскал. Главное же его занятие — это пить горилку с такими же «стариками» и ухаживать за снохами.

В самую разве страду, в сенокос и в жнитво, оседдает он своего гнедого и поведет на поле. Не думайте, что он там много работает. Пройдет ряда два с косой, выругает за безделье своих домашних, да и засядет с кумом в тень копны. Из пазухи вылезает заветная бутылочка, и пошли приятные беседы о том, как в Питере купчихи конвойцев обожают, держат себя чисто, денег не жалеют и винцом запивают.

— То-то было житье; а тут страдай, да в этакую жару.

* * *

В станице Успенской армия простояла несколько дней. Отдохнули немного, отмыли в бане дорожную пыль, надели вымытое белье и освободились хоть ненадолго от внутреннего врага — вшей, которые одолевали добровольцев. Никакие средства, вроде нафталина, серного цвета и пр., не помогали; не было единственного надежного лекарства — чистоты. Все белье и все верхнее платье были переполнены насекомыми; а в страшной тесноте, на стоянках если и извел своих, так соседи наградят.

Через день прорвался в Успенскую и молодец Барцевич. Он, в своей отчаянной поездке, не потерял никого из спутников и привел с собой еще целую сотню донских казаков. Донцы были живыми свидетелями происходящих в области событий и объяснили все в штабе.

На этот раз вести, дошедшие до добровольцев, оказались верными. Южные станицы области объединились между собой, перестреляли представителей советской власти и их главных приверженцев и поднялись против большевиков. Но, чувствуя недостаток своих сил, они прислали депутацию и просили добровольцев забыть старые казачьи грехи и прийти снова на Дон на помощь к восставшим. Генерал Деникин созвал совет для обсуждения этой желанной просьбы. На совете, конечно, решили немедленно идти на Дон.

Последний удар армия нанесла ставропольским большевикам под Новолокинскими хуторами, а затем 16 апреля вышла из станицы Успенской, взяв направление на север, как бы на селение Белоглинное. Ночью добровольцы свернули с этой дороги на северо-запад и подошли к железнодорожной линии, верст на 8 юго-западнее селения Белоглинного.

Разъезды донесли, что по линии идет какой-то поезд. Армия остановилась в котловине около линии и замерла. Медленно тащился товарный поезд из Тихорецкой на Торговую. С трудом брал он подъем.

— Увидит или не увидит?

Казалось, паровоз как бы нарочно замедлял ход и всматривался своими круглыми глазами в темноту. Должно быть, ничего не увидел и, спокойно пыхтя, взобрался на гору. Сейчас же после его прохода обоз бросился через железную дорогу. Уже рассветало. Через час со стороны Белоглинного показался броневой поезд и сразу открыл артиллерийский огонь по переходу. Но два взрыва, справа и слева от перехода, дали ему знать, что он опоздал.

Еще и еще поезда и густые цепи пехоты двинулись на обоз. Завязался бой, но обоз рысью мчался по дороге, и голова его уже втягивалась в село Горькобалковское. Несколько снарядов разорвалось в обозе, и между прочими был убит член Кубанской Рады и тяжело ранен один из представителей Кубанского правительства. Добровольцы выразили кубанским офицерам свое соболезнование по поводу такой потери.

— Черт бы их взял, — неожиданно услышали добровольцы, — и чего вы таскаете с собой эту дрянь, утопили бы их в первой реке. Они завели всю смуту на Кубани. Поверьте, раскаетесь и вы, что их спасали.

Добровольцы были в полном недоумении. Кто знал тогда, что слова эти были пророческими.

В селе Горькобалковском местные большевики спросонья задумали оказать сопротивление, но были уничтожены квартирьерами. Квартирьерам армии, несмотря на их мирные задачи, не раз приходилось исполнять свои обязанности с оружием в руках. За этот, хотя и короткий бой, перед выходом армии из селения, зажжено было большевистское предместье, и долго горело, встревожив всю округу. В станице Плосской армия вышла на свою старую дорогу.

19 апреля добровольцы вернулись в знаменитую Лежанку. Лежанка — большое и богатое село. Маленькая армия удобно расположилась в нем, и добровольцы опять мечтали о некотором отдыхе перед переходом на Дон. Но ждать было нельзя. Новости оказались плохие. Большевики заняли из восставших станиц — Ольгинскую, Хомутовскую, Кагальницкую, Мечетинскую и угрожали Егорлыцкой. В последней станице жители уже уложились на подводы и собирались выбираться в степи Сальского округа.

Генерал Деникин разделил свою армию на три части. Первый отряд направился в село Гуляй-Борисовка, самый центр большевизма на юге Донской области. Второй отряд двинулся на помощь Егорлыцкой. Наконец, третий отряд, из Офицерского полка и двух конных сотен, остался в Лежанке, для защиты штаба, обоза и санитарного транспорта.

Лишь только первые два отряда отошли от Лежанки, как немедленно обозначилось наступление на село неприятеля со значительными силами. Два дня Офицерский полк отбивал атаки большевиков. С утра до вечера обстреливали село снарядами. Становилось тесно. Большевики стягивали все новые и новые силы, пытаясь отрезать Лежанку от сообщения с Егорлыцкой. Наконец телефонная линия перестала действовать; очевидно, разъезды неприятеля перервали ее.

С наблюдательного пункта видно было движение неприятельских колонн по направлению к Егорлыцкой дороге. Между тем в резерве оставались лишь две роты Офицерского полка, то есть около 200 штыков. Быстрым шагом вышли офицеры из Лежанки, рассыпались в цепи и залегли недалеко от дороги. Густые неприятельские цепи подошли уже на полторы тысячи шагов к дороге и открыли беглый огонь. Пулеметы трещали не смолкая. Над залегшими добровольцами непрерывно рвалась шрапнель. Офицеры лежали как мертвые — ни одного выстрела в ответ.

Движение неприятеля замедлилось; цепи его залегли. Лишь какие-то всадники, как потом говорили, матросы, носились по цепям и стегали солдат плетьюми. Большевики поднялись и быстро двинулись вперед. Опять никакого ответа. Неприятель опять залег. Еще и еще раз то же самое; все то же молчание. Наконец, когда красные подошли к офицерам шагов на пятьсот, те встали и молча двинулись вперед.

Где же враг? Только пятки сверкали в воздухе. Все долой. Винтовки, шапки, шинели, пулеметы, сапоги — вот все, что осталось от нескольких красных батальонов. Пустили конницу вдогонку, и 500 трупов показывали дорогу отступления. В двух офицерских ротах ни одной потери. Так второй раз под Лежанкой полк показал, как дерутся офицеры.

Телефонную линию с Егорлыцкой восстановили, но обоз уже без всякого прикрытия выслали на Дон. В Великую субботу вечером 21 апреля вышли транспорты из Лежанки. Опять ужасный норд-ост не дает покоя. Страшный холод пронизывает насквозь. Ветер поднимает тучи морозной пыли и засыпает глаза. Негде остановиться, чтобы хоть на минуту укрыться от стужи. Курить запрещено; можно нарваться на разъезды красных, прямо беда. Но вот навстречу несутся отдаленные звуки колокола. Бьют к пасхальной утрени, и обоз втягивается в Егорлыцкую в самую пору. Успели обмыть с себя грязь, выколотить платье и попали еще к церковной службе.

— Христос воскресе, — возгласил батюшка.

— Воистину воскресе, — ответили радостно и казаки, и добровольцы.

Объятия были искренними. Все старое забыто. Угощали казаки на славу. Явилась и водочка, и винцо. Столы трещали под окороками, гусями, заливными поросятами, пасхами, куличами и прочей снедью. Забыли про большевиков и разговелись по-настоящему. Но глаза слипались; хозяйева разостлали тулупы и попоны на полу, накрыли чистыми простынями и оставили гостей в покое. В первый раз после трех месяцев удалось раздеться и лечь на чистое белье.

* * *

На другой день Пасхи в Егорлыцкую пришел и Офицерский полк. По дороге добровольцы разрушили, и весьма основательно, железнодорожную линию, соединявшую Егорлыцкую с селом Торговым, что и прекратило периодические нападения броневых поездов с юга.

Первый и второй отряды армии, высланные из Лежанки, успешно исполнили свои задачи. Гуляй-Борисовка была взята после ожесточенного боя, и местные большевики рассеялись. Второй же отряд, поддерживав казаков под Егорлыцкой, двинулся вместе с ними на Мечетинскую, затем были взяты обратно у красных Хомутовская и, наконец, Ольгинская. В то же время и генерал Попов со своими казаками вышел также из зимовников. Сломив сопротивление большевиков в Черкасском округе, казаки освободили и свою столицу — Новочеркасск.

К началу мая 1918 года от большевиков были очищены: Черкасский округ, северная часть Сальского и почти весь Ростовский округ. В последнем красные держались лишь по владикавказской железной дороге, от Батайска до Кушевской и западнее этой линии. Ростов занимали пришедшие через Украину немецкие войска. Немцы делали попытки, через посредников, войти в сношения с добровольцами, но командующий армией и генерал Алексеев решительно отказались от каких-либо разговоров об этом, хотя союзники совсем не исполнили своих обещаний. Так и простояли весну 1918 года обе армии недалеко друг от друга, не завязывая никаких сношений, пока добровольцы не ушли на Кубань в июне месяце.

25 апреля 1918 года штаб Добровольческой армии и транспорты перешли в станицу Мечетинскую. Тридцать пять боев выдержала армия за три месяца похода. Настало, наконец, время для отдыха. Можно было позаботиться о раненых.

Санитарная часть была одной из самых слабых сторон в Ледяном походе. Медикаментов было очень мало; ничтожное их количество, взятое из Ростова и Новочеркасска, было использовано в первые же дни похода. В города армия не заходила, а сельские аптеки сами нуждались в лекарствах. Иногда захватывали кое-что у большевиков. Перевязочного материала тоже не хватало. Перевязывали рваным бельем. От недостатка медикаментов и перевязочных средств раны гноились, и больные погибали от осложнений. Тяжелым был вопрос об одежде и обуви для раненых.

Стрелковые части также были в лохмотьях, без белья, без сапог. Однако удачные бои давали не только снаряды и патроны, но также обмундирование и обувь. И то и другое снимали с мертвых, да так,

окровавленное, и надевали на себя. Для раненых некому было доставать одежды; правда, в селениях реквизировали некоторые, самые необходимые вещи, но их было мало, и раненые были в ужасном положении.

Армия все время была в движении, и раненых перевозили изо дня в день. Нелегко было им и в начале похода, когда добровольцы совершали переходы по 20—30 верст в день. Но как тяжело отзывались на них последние дни, когда армия проходила по 50—60 верст и когда повозки шли на рысях! Как Бог сохранил их? Как половина их не погибла? Мучились раненые, мучениками же были и врачи, и сестры милосердия.

Личный персонал был ничтожным по численности и работал, выбиваясь из сил. Число раненых росло с каждым днем, и, наконец, половина добровольцев оказалась в лазаретах. Их надо было принять, осмотреть, перевязать иногда более 100 человек в день и в то же время заботиться и о прежних пациентах.

На медицинском персонале лежала не только медицинская часть, но и хозяйственная. По приезде на ночлег надо было снять раненых с повозок, приготовить солому для постели на полу, уложить и сейчас же бежать в отделение, чтобы получить съестные припасы, пока другие не расхватали. Вернувшись, сестры готовили пищу, пока врачи перевязывали. Кончалась вся работа к полночи, а утром, в 5—6 часов, надо опять поить пациентов чаем, спешно грузить на подводы и выступать.

Бедные сестры изорвали все свое белье на перевязки и носили только наспех вымытые солдатские рубахи. Их положение было вообще очень тяжелым. Весь день и всю ночь на глазах мужчин. Мужчины как-то легче привыкают к грязи, но бедные сестры страдали ужасно. Сколько их погибло в боях? Сколько было изувеченных на всю жизнь? Но они шли и шли вперед, под самые пулеметы, и бестрепетными руками облегчали страдания раненых. А что ожидало бы их в случае поражения армии? Даже подумать страшно.

Кто из добровольцев не помнит милую сестру Васю? Одетая с самого начала похода солдатом, грубоватая, но бесконечно добродушная, она вносила с собой всегда шум и оживление. Со смехом исполняла Вася самые тяжелые и грязные работы, веселой шуткой рассеивала мрачное настроение раненых. И это безобидное существо испытало впоследствии ужасные страдания. Прежде всего пришло известие, что ее муж и маленький сынок замучены большевиками. Ужасное горе сковало смеявшиеся когда-то уста Васи, и добрые глаза ее потухли, вспыхивая лишь временами мрачным, почти безумным огнем.

Через несколько дней отряд, при котором состояла она, был разбит, окружен, и Вася попала в плен к большевикам. За отказ испол-

нить позорные требования пять дней били они ее железными шом-полами и, окровавленную, истерзанную бросили в сырой и холодный подвал. Все выдержала железная натура Васи. Она могла бы избавиться от мучений; у нее был с собой, как и у других сестер, стрихнин. Но Вася не хотела умирать. Она чего-то как бы ждала — и дождалась. Заболел комиссар отряда, и ей приказали за ним ходить. Вася аккуратно исполняла свои обязанности. Однажды вечером навестить больного приехали два других соседних комиссара, и началось пьянство. Вася развела стрихнин, подмешала его к вину и исчезла. Наутро в квартире нашли три ужасных труп.

* * *

После переговоров с казаками южной армии решено было отправить санитарный обоз в Новочеркасск. Но и последний путь добровольцев не обошелся без боя, правда, только дипломатического, с центральными казачьими властями. Посланный вперед член Государственной Думы А.В. Половцов обратился за разрешением вопроса о размещении раненых к начальнику штаба походного атамана, полковнику Сидорину.

— Ни одного раненого мы в Новочеркасск не пустим. Везите их в Ростов, — заявил полковник Сидорин.

— Как — в Ростов? Да ведь в Ростове немцы.

— Ну так что же?

— Значит, вы хотите, чтобы мы дали полторы тысячи заложников немцам? Неужели вы не понимаете, — добавил Половцов, — что произойдет? Зачем же вы нас звали?

— Что делать, — ответил Сидорин.

Генерала Попова в городе не было. В атаманском дворце Половцов нашел Янова, председателя правительства Донской области.

— Хотя я и не имею прямых приказаний генерала Деникина по этому вопросу, — заявил ему Половцов, — но могу вам сказать на-верное, что, если вы не примете наших раненых, Добровольческая армия сейчас же уйдет с Дона.

Янов просил подождать до следующего дня, и назавтра Половцов уже телеграфировал об отданных правительством Дона распоряжени-ях по подготовке помещений для раненых.

Лазареты были оборудованы плохо, но все-таки они были раем для бедных вечных странников. Какое счастье — сбросить с себя эти гряз-ные, рваные лохмотья, полные ужасных паразитов, вымыться в ванне и превратиться из кочующего дикаря в цивилизованного человека!

ЗА РОДИНОЙ¹²⁷

13 февраля я очутился в Ольгинской. На другой день армия ушла на юг по «соляному шляху», по которому когда-то чумаки возили соль с побережья Каспийского моря в Россию. Утром 14-го мы ушли. Я был зачислен без особой должности в штаб генерала Алексеева.

Первые переходы были не так тяжелы. Я был на той войне, но застал ее уже на положении позиционной. Наше короткое Рижское наступление в декабре 1916 года и январе 1917 года носило, к сожалению, исключительно эпизодический характер, а после него, с революцией, мы просто жили в более или менее неудобной обстановке. Но каждый из нас знал, что где-то за тобой есть тыл, почта, есть связь со своим домом, с тем, что тебе дорого. Тут же я начинал новую невиданную кампанию.

Мы шли ошупью среди большевистского океана, как блуждающий остров, несущий с собой таинственную прекрасную веру в родину. Кругом нас, если не были враги, были равнодушные люди. Мы шли на Кубань без разведки, без уверенности найти друзей и везли за собой громадный обоз, который впоследствии растянулся на десять верст.

Армия, а за ней и часть небооруженного населения, больные и раненые, негодные к строю люди, женщины потянулись неожиданно 9 февраля поздно вечером из Ростова через Нахичевань к Аксайской станции.

Держаться в большом городе с большевистски настроенным рабочим населением, с казачеством, не способным к борьбе, нельзя было, и Корнилов решил двинуться на Кубань, где, как предполагали, генерал Эрдели должен был формировать войска. Екатеринодар еще держался, и думали, что мы успеем прийти вовремя на соединение с кубанцами.

10 февраля наша армия переправилась через Дон, перевезла свои 8 пушек и остановилась в Ольгинской станции, в нескольких верстах от Дона. Утром 14 февраля, после того как Корнилов и Алексеев не могли сговориться с казаками походного атамана Попова, который направился в Сальские степи, мы двинулись в путь прямо на юг.

Странную картину представлял наш поход. Впереди и сзади воинские части, а посередине бесконечные повозки вовсе не воинственного вида. Все это двигалось первое время вполне благополучно, если не

считать одной глупой паники, все-таки стоившей нам много ценного груза, который интенданты поспешили бросить

Самое тяжелое за весь этот переход, который окончился для нас возвращением на Дон 21 апреля, было чувство совершенной неизвестности. Да и вернувшись в донские станицы и узнав, что немцы в Ростове, мы опять не знали, куда мы пойдём, так как мы знали только то, что к немцам мы не пойдём! Просматривая на днях свои записные книжки от конца похода, я нахожу краткие указания и вспоминаю, что одни думали, что мы будем уходить на Волгу и в Сибирь, другие мечтали пробраться поодиночке на север России. Неизвестность угнетала нас от самого начала похода...

Я не был в строю. Шагая бесчисленные версты по бесконечной степи, отвратительной по своему серому весеннему однообразию, по грязи или, утром или ночью, по промерзшей неровной скользкой земле, делая переходы иногда больше чем в 50 верст, я, вооруженный журналист, думал много о том, зачем и куда мы идем. Единственный ответ был — за Родиной. Она, эта мечта, потерянная нами, за которой мы гонялись эти тяжкие три года, и завела нас теперь на чужбину. Тогда мы искали ее в донских и кубанских степях.

Обыкновенно мы делали не особенно большие переходы, от 20 до 30 верст в день. Шли первое время не торопясь, сберегая лошадей, которым тяжело давалась эта степная грязь ранней и холодной весны. Что это была за грязь! Я скоро стал разбираться в ней. Легче всего было идти по лужам; ужасна была скользкая, липкая грязь, по которой скользила нога, задерживая каблук; была еще грязь густая, засасывающая. Сколько лошадей потеряли мы на этих переходах от этой грязи? Сколько видел я прекрасных скорбных лошадиных глаз, ожидавших неминуемой мучительной гибели?

Как-то раз на Кубани мы вышли с сестрой Татьяной Энгельгардт. Я еще останавлиюсь на этих удивительных русских девушках-героинях, незаметных, скромных и удивительных в своем чистом великом порыве к Родине. Теперь я хочу рассказать незначительный эпизод, указывающий, в каких условиях приходилось нам передвигаться. Энгельгардт шла впереди, выбирая места посуше, но вот она оступилась, и ее сапог (она шла в высоких сапогах) завяз. Все усилия вытащить ногу с сапогом не приводили ни к чему. Пришлось ей постоять в чулке у забора, пока я вытаскивал ее сапог. Но и это было нелегко. Он трещал, и грязь все больше засасывала его. Мне пришлось разрыть руками грязь и только тогда поднести эту изящную обувь моей милой спутнице.

Вечером мы приходили в какую-нибудь станицу усталые, грязные, озлобленные от усталости и голодные. Почти всегда недоставало па-

пирос и табаку; часто не было сахара; ели в общем сытно, питаюсь борщом, который с тех пор мне надоел так, что я его видеть не могу, хлебом и салом.

Самое тяжелое были ночные переходы. Как-то раз генерал Корнилов узнал, что большевики готовят нам встречу на большой дороге. Нам предстояло впервые пересечь железную дорогу, где у большевиков были броневые поезда. К вечеру, вместо того чтобы следовать тем путем, который был намечен, мы неожиданно повернули в сторону. Куда мы шли, мы, конечно, не знали. За день мы уже прошли верст 20 и ожидали остановиться на отдых.

Это был мой первый ночной поход. Было очень холодно и темно. Ноги скользили по разрытой земле. Мы то шли, то останавливались. Холод и сырость пробирались через мое платье. Ноги отказывались передвигаться, глаза слипались; с каким-то отчаянием ожидал я утра, точно оно должно было принести что-нибудь новое, кроме новых верст по этой бесконечной степи.

Ночью мы остановились в хуторе Упорном на самое короткое время. Где-то светился огонек, и я пробрался в хату, переполненную солдатами и офицерами. Было там душно и накурено, но было тепло и можно было спать. Это уже был идеал. Через мгновение я спал как убитый, но через несколько минут или секунд (кто это знает?) кто-то крикнул, что надо идти. Одно мгновение было желание задержаться — обоз был длинный, но страх заснуть и проснуться одному заставил вновь идти и мерзнуть. У какой-то повозки знакомый офицер дал мне хороший глоток водки и откуда-то вытащил грязную, узкую куртку, которую я с трудом напялил на себя. Стало уже теплее. Но только на время, и вновь стал овладевать сон, и вновь темнота и усталость слипали глаза...

Когда взошло уже солнце, мы подходили к железной дороге, и все, кого ни обгонял я или встречал, все смеялись над моим видом. По странной случайности я вышел из Новочеркасска одетым совершенно неподходяще для этого похода. Я был в мягком автомобильном с наушниками кепи, в непромокаемом *bigberry*, в желтых крагах и сапогах. Как это ни странно, все это я вывез из Парижа еще до войны в 1914 году. А тут еще короткая куртка, не то кацавейка, узкая и смешная, поверх пальто. Получалось что-то юмористическое и схожее с громадной странной вооруженной женщиной. Во всяком случае, можно сказать, что *je n'aurais pas l'air martial*. Мог ли я думать, покупая эти вещи на парижских бульварах, что я буду прогуливать их по кубанским степям!

Утром мы блестяще обманули большевиков и, нигде не останавливаясь, прошли, почти у носа запоздавших бронепоездов, через же-

лезную дорогу и к вечеру выбрались из окружения, не потеряв ни одного раненого, ни одной повозки и подбив один из поездов, который в облаке дыма быстро скрылся.

Генерал Корнилов решил избегать боя до соединения с кубанской группой, которого мы добились, к сожалению, гораздо позднее. Все столкновения с большевиками до самого Екатеринодара, несмотря на их громадное численное превосходство и громоздкость нашего обоза, оканчивались для них плачевно. Впервые они попробовали нас задержать у границы Дона и Ставропольской губернии, но результат для них был ужасен. Наши потери были 1 убитый (случайным попаданием) и человек 20 раненых, все в офицерской роте Кутепова, которого невзлюбил начальник штаба генерал Романовский, впоследствии убитый в Константинополе, и не хотел передать более ответственной должности. Большевики, совершенно не умеющие пользоваться своей артиллерией, почти без офицеров, брошенные своими комиссарами и начальством, потеряли более 500 человек.

В этом селе — Лежанке — я впервые увидел весь ужас братоубийственной, беспощадной войны. В начале боя, когда впервые я увидел разрывы большевистской артиллерии, когда я представил себе, что там, на той стороне речки, в веселом, освещенном солнцем селе с поднимающимися к небу колокольнями православных храмов, засели какие-то озверелые люди, мечтающие о нашем истреблении, сделалось как-то жутко на душе.

За что, думалось мне? За то, что мы не идем за продажным большевиком Лениным, за евреем Бронштейном, за то, что мы хотим увидеть вновь свою Родину великой и счастливой? Эти трупы русских людей, разбросанные по улицам большого села, все это было кошмарно. Страшный призрак гражданской войны, с которой мне пришлось встретиться лицом к лицу, подействовал тягостно на меня. Потом мне пришлось видеть много, много крови, но так устроен человеческий механизм, что сильнее привычки нет ничего на свете, и даже ужасы гражданской войны не производили впечатления на привыкшие нервы.

Следующее серьезное на этот раз и ожесточенное сопротивление большевики оказали под Кореновской станицей. Здесь наша маленькая армия имела перед собой не сброд, как в Лежанке. Здесь впервые наши части понесли серьезные потери.

Самое тяжелое для командования были наши раненые. Их приходилось возить с собой по ужасным дорогам при самых тяжелых условиях, почти без организованной помощи. Оставлять раненых нельзя было: это значило обречь их на верную и мучительную гибель. Так

было с ранеными, оставленными при отходе из Новочеркаска и Ростова, где большевистская прислуга госпиталей, до сиделок включительно, с необычайными надругательствами перебила всех раненых. Та же участь постигла раненых и сестер милосердия, оставленных под Екатеринодаром.

Как страдали наши раненые и больные, какие мучения им пришлось переносить в этих тряских повозках, без ухода, без хороших перевязок, без серьезной медицинской помощи. Один раз ночью, на одном из самых трудных переходов по страшной грязи, почти без дороги, по разлившимся ручьям, я шел за обозом с ранеными. Впереди везли молодого юнкера. Он не был тяжело ранен, но у него уже началось заражение крови. Об операции думать было нечего. Всю ночь он кричал от боли. От его крика некуда было уйти, и кажется мне эта страшная ночь, кустарник, кругом вода, кочки, выбившиеся из сил лошади, и слышится этот страшный непрерывный крик. Утром он скончался.

В другой раз я обогнал раненого в повозке; сверху шинели, покрывавшей его, лежал револьвер, как он объяснил, для того, чтобы застрелить возницу, если он заметит, что он хочет его бросить, и самому застрелиться.

Как бы ни были тяжелы страдания во всякой войне, в войне против потерявших всякое представление о пощаде, в братоубийственной резне положение раненых было бесконечно более тяжелое. Тот медицинский персонал, который посвятил себя уходу за ними, те женщины, сестры милосердия, которые должны были бессильно следить за медленным мучительным умиранием этих несчастных молодых людей, не будучи в состоянии как-нибудь облегчить их участь, достойны преклонения. Русская женщина на этом походе показала себя на удивительной высоте, во всем разделяя ужасные условия этого длительного небывалого подвига.

Как я уже говорил выше, ни одного, даже частичного неуспеха наша армия не потерпела до самого Екатеринодара и на обратном пути на Дон, но все эти победы или успехи не давали ощутительных результатов. Разбив врага под одной станицей, армия, привязанная к своему обозу, без намека на базу, где она могла бы остановиться и хотя бы отдохнуть, не могла преследовать его и должна была, чаще всего без отдыха, двигаться все дальше вперед, где она неминуемо должна была встретить новые, во много раз сильнеешие массы неприятеля.

У большевиков были нескончаемые резервы, наша же армия могла увеличивать лишь свой обоз раненых и тем затруднять свое про-

движение. Нужно было иметь необычайную смелость и уверенность в духе своих бойцов, чтобы совершить тот, ни с чем не сравнимый поход среди большевистского океана, и будущий военный историк, когда начнут изучать этот русский Анабазис, не раз преклонится перед решимостью, талантом, находчивостью вождей и непреодолимым духом маленькой армии, бывшим сильнее всех разочарований, которые неумолимая судьба готовила нам на каждом шагу.

А разочарований было много. В таком страшном походе, впрочем как и во всякой войне, люди ждут что-то неожиданное и почти всегда спасительное. Отчаяние, паника — это уже элементы, предшествующие гибели. Напротив того, в самых тяжелых условиях оптимистические мечты необычайно распложаются, принимают иногда совершенно геометрические формы и достигают чуть ли не уверенности в какой-то полной и неминуемой победе, за которой мы всегда видели удивительный отдых, благоденствие, возвращение в Москву и Петроград победителями и спасителями Родины.

Не дай Бог пессимисту, хотя бы и разумному (впрочем, мало бывает таких в хорошей армии), попробовать разуверять оптимистов в их мечтах. Он делается ненавистным, а такому человеку в походной обстановке, особенно вроде нашей, где дух поддерживается только особым чувством единения, где условия жизни и так страшно тяжелы, жизнь будет нестерпимой. И чем выше возносились мы в мечтах, тем круче было и резче падение о землю.

Разочарования начались с известия о том, что кубанские войска очистили Екатеринодар и отошли в торы за Кубань. Мы это узнали в Кореновской, после блестящей победы (тут был убит полковник Краснянский), которая открывала нам дорогу на соединение с кубанцами, которых мы ожидали встретить через два или три перехода.

Вместо похода на обетованный Екатеринодар, мы круто повернули с большой дороги на восток, пересекли железную дорогу южнее станции Станичной и ночным и дневным переходом вышли к слиянию Кубани и Лабы, к Усть-Лабинской. За эти сутки мы прошли около 50 верст. Около Усть-Лабинской наши войска, предводительствуемые генералами Марковым и Богаевским (ныне Донским атаманом, братом убитого Митрофана Богаевского), под общим командованием генерала Корнилова, сравнительно легко разогнали большевиков на железной дороге Екатеринодар — Армавир, пересекли ее, перешли через Кубань и Лабу и вышли к Некрасовской станице.

Я останавливаюсь на этом, чтобы подчеркнуть, какие трудности приходилось преодолевать нашему командованию в этом походе. Несмотря на громадное превосходство сил неприятеля, на его бронепо-

езда, на его артиллерию, несмотря на бесконечный обоз, генерал Корнилов сумел вывести нас за Кубань. За это время (с 14 февраля по 6 марта) мы прошли около 350 верст по отвратительным дорогам и пересекли четыре раза железные дороги, которые всецело были в руках большевиков. Все это было сделано без потерь пленными, без потерь в артиллерии и в обозе, при самых незначительных тратах в снарядах и патронах. Более того, в боях под Лежанкой, Выселками и Кореновской (особенно в этой последней) и в Усть-Лабинской наша армия пополнила свои крошечные запасы, с которыми она могла выйти из Ростова.

За Кубанью и Лабой мы входили, как мы предполагали, в сферу деятельности Кубанской армии. Тут уже начиналась очень пересеченная местность, здесь начинались отроги Кавказских гор. Никогда не забуду я, как мы уходили из Некрасовской. Эта станица стоит на высоком холме, над которым возвышается прекрасный храм, видный из очень далека. Под нашими ногами десятками весенних рукавов пробегала разлившаяся речка; на много верст шла долина, а вдалеке, на горизонте, этим ясным солнечным утром были видны туманные синие горы Кавказского хребта. У крутого спуска, освещенный солнцем, стоял наш старый вождь генерал Алексеев и смотрел на переправу... Как хотелось запечатлеть эту удивительную яркую картину. Как жалел я, что со мной не было моего «Кодака».

Об «армии Эрдели» мы узнали, что она где-то в горах и сражается с большевиками. Приходилось искать ее ошупью. На короткое время казалось, что мы ушли от неприятеля, но на другой уже день мы в этом разуверились. Наш обоз попал под сильный артиллерийский обстрел, и только ловкость маневра да нерешительность красных артиллеристов спасли нас от потерь.

Еще через день нашим войскам пришлось выдержать довольно серьезный бой у переправы через реку Белую, у деревни Филипповской. Дело в том, что мы входили в местность, населенную вперемешку казаками, черкесами и иногородним пришлым крестьянским населением, которых казаки всегда держали в черном теле. Последние отличались особой революционностью и ненавистью к казакам, как к своим угнетателям. Кроме того, и те и другие не дружили с черкесами. Хутора и села, как, например, богатое Филипповское, были почти пустые. Население перебежало к большевикам, окружившим нас, которые рассказывали всяческие ужасы о насилиях, якобы творимых нашими войсками, и население нередко принимало самое деятельное участие в борьбе против армии. Казачье население было запугано большевиками и было крайне нерешительно и часто

враждебно, а несчастные черкесы, ненавидевшие большевиков, но терпевшие страшные насилия от них, в целом ряде аулов совершенно покинули свои сакли и ушли с женщинами, детьми и скотом в горы.

Я был в одном из таких брошенных аулов, в Габукае. Это был первый аул, в который входила армия. Уже одно название вводило нас во что-то новое. Вся эта местность населена черкесами, против которых строил еще укрепления на Кубани великий Суворов. Все названия здесь татарские: Гатлукай, Габукай, Тактамукай, Шенджий, Понежукай, Панахес, Энем; реки тоже звучат для нас странно: Кургу, Пхас, Псекупст, Диск, Афипся и др.

Казачество в этой местности отличается от более северных отделов. В отличие от так называемых черноморцев, основных кубанских казаков, происходящих от запорожцев, за Кубанью казаков называют линейцами. «Линия» когда-то была линией укреплений, которая должна была сдерживать натиск туземцев. Сюда переселяли неказаков, потом уже принятых в казачество, что видно и по названиям станиц: Калужская, Самарская, Пензенская и др.

* * *

Я вошел в Габукай из Рязанской станицы через прекрасную рошу. В начале аула, в грязи, застрял автомобиль, который каким-то чудом добрался до этого места. Мы занялись вытаскиванием его из этой трясины, пока въезжавший в аул генерал Корнилов не приказал бросить его, и остался этот бессильный обломок культуры в кубанской грязи.

Чистенький белый аул со скромной мечетью и наивным минаретом был абсолютно пуст. Я никогда ничего подобного не видел. Ни в одном доме не было даже привыкшей к дому собаки. Мы ходили из одной сакли в другую. Везде было довольно чисто и совершенно пусто. Аул совершенно вымер. После измены рязанских казаков большевики вырезали часть мужского населения, а остальное ушло. Было жутко ходить по этому когда-то живому кладбищу, пустому и молчаливому. На площади стояло какое-то странное, с обрубленными ветвями, дерево, выкрашенное охрой, на котором была прибита серебряная доска с турецкими письменами.

Психология каждого воюющего человека такова, что надо или же не надо — он ищет чего-нибудь поесть. Здесь из всех саклей выходили люди с пустыми руками. Мы скоро ушли из этого пророческого памятника большевизму — этой мерзости запустелой. Условия нашей жизни были нелегки, но здесь, в этой дикой, вообще малонаселен-

ной местности, а тогда брошенной населением, они становились еще более тяжелыми.

Мы точно не знали, куда мы идем. Случайно, по моей страсти к географическим картам, я имел нужные карты, но они мне ничего не говорили. Мы уходили на юг и медленно двигались параллельно течению Кубани на запад.

Как-то раз, поздно вечером, где-то в горах заблестели зарницы и изредка раздавался очень отдаленный гром. Я шел в долине с артиллерийским офицером. Он остановился и сказал: «А ведь знаете, это артиллерия». Мы стали прислушиваться и присматриваться.

Знаете ли вы, мои читатели, то удивительное щекотное чувство неизвестности, ночью, когда вы идете по совершенно не знакомой никому местности, когда вы ничем не гарантированы от нападения и жестокой смерти, когда вы ждете слияния с новой силой, которую фантазия заставляла расти до необычайных размеров.

Таинственная кубанская армия, которую мы хотели считать тысячами, была где-то около нас и дралась с врагом.

— А далеко ли от огня? — спросил я.

— Верст с двадцать, — отвечал офицер, — хотя в горах труднее разбираться.

Шагая вдоль обоза, я встретил адъютанта генерала Алексева, нашего милого ротмистра Шапрона. И ему поведал разговор с офицером.

— Пойдем к генералу, — сказал он, — и расскажем ему.

Среди телег, на простой линейке, управляемой австрийским военнопленным, богатым когда-то молодым человеком, интеллигентным и очень воспитанным, попавшим случайно в кучера к генералу Алексеву на поход, ехал наш старик, покрытый не то одеялом, не то попоной. Жестокая болезнь почек требовала спокойствия и комфорта, но ничто не могло заставить его изменить образ передвижения. Сзади его линейки ехала линейка нашей милой Н.П. Щетининой, которая являлась хранительницей нашего старого вождя.

Кругом были горы и молчание. На узкой линии дороги двигался и тархтел наш обоз. Какие-то люди проносились верхом иногда мимо нас. Стоянка еще была не близко. Шапрон подвел меня к линейке генерала.

— Ваше Превосходительство, Суворин слышал выстрелы и видел свет от разрывов, не может ли это быть армия Эрдели?

Из-под попоны выглянули очки генерала.

— Глупости, — сердито сказал он, — это генерал Марков наступает на правом фланге.

И вновь закрылось одеяло или попона, а я остался разносчиком ложных известий.

В другой раз, шагая по перелескам светлым мартовским днем, среди проклятого кубанского дубняка, ничего общего не имеющего с нашим дубом, я измотался в борьбе с ним. Вы не знаете, что это за существо — выродившийся дубняк. Он почти ползет по земле и хватает вас за ноги. Он крепок и силен, как его деда, старые дубы, но он стелется по земле и подл. Так бывают у великого крепкого человека несчастные потомки, жалкие, подлые, но которым судьба оставила от предков их крепость и силу, но не к движению ввысь, а в подлом ползании по земле. Вот эти, точно живые, крепкие сушня хватала вас, держала ваши утомленные ноги, валили с ног слабых и усталых и назывались дубом.

Был случай, когда я, измученный переходом, раздраженный этой борьбой с этим новым врагом, остановился и стал в исступлении колотить палкой по извилистой ветке, чуть не свалившей меня. Надо мной тогда смеялись, а я до сих пор чувствую эту злобу против этого немного гнусного врага.

Мимо меня, не торопясь, проезжал Корнилов со своей свитой. Он перевел своего прекрасного донского коня на шаг и весело, что редко бывало с ним, поздоровался со мной.

— Ну что, думали ли вы, редактор, — сказал он, — гулять пешком по Кубани? Посмотрите направо, с горы видна уже Пашковская (станция в десяти верстах от Екатеринодара). Скоро там будем!

Он был весел и доволен. Его монгольское лицо светилось победой, и его свита, эти кое-как одетые офицеры, этот солдат с трехцветным значком и неподвижным, как полагается знаменосцу, каменным лицом, казались мне небожителями, встреча с ними счастьем, его слова откровением.

Я обращаюсь к людям, делавшим войну. Помните ли вы то впечатление, когда мимо вас, шагающего с вашей убогой винтовкой, проезжает вождь и его свита, которым вы даете дорогу. Одно то, что он смотрит на вас сверху вниз, с высоты своего коня, и что вы молитвенно смотрите на него снизу вверх, — как это все просто выражает все, что нужно для войны, — вождя и солдата.

Я даже не был солдатом, но его взгляды, его несколько слов, как всегда нужные или ненужные улыбки свиты — везде одной и той же, — узнающей вас или презиращущей в зависимости от «хозяина войны», — все это вас делает готовым человеком на смерть не chair а сапон, а именно сознательно готовым к смерти человеком.

О великая госпожа Война, о великая, немилостивая, жестокая, что в тебе прекрасного, что так привлекает и простые, и возвышенные души; почему тот же генерал в другой обстановке для тебя ничто, а когда у тебя винтовка за плечом, а он на коне — он полубог.

Я не молодой поэт (кстати, я вообще не поэт), я не Ernest Psichiarі, этот очаровательный вдохновенный воин-крестоносец, я не военный профессионал, закрутивший в боях, но я, вспоминая сейчас в тихом Passy эти впечатления, чувствую, как бьется по-другому сердце, как холодеют руки и хочется поднять глаза и встретить взгляд вождя. О наш вождь на белом коне, как смеют скептики смеяться над тобой; дай нам, как милость, умереть за тебя, ты неизвестный и долгожданный.

* * *

Первый Кубанский поход, знак отличия которого мы носим с гордостью, часто называют Корниловским, или, как потом это было принято, Ледяным походом. В действительности этот переход был самым жестоким испытанием нашей армии и навсегда останется в памяти у всех, кто его пережил; этот переход в какие-нибудь 16 верст мог быть действительно назван Ледяным.

Мы вышли из аула Шенджий 15 (28) марта. В это время уже состоялось соединение Кубанской армии, не Эрдели, а полковника Покровского, произведенного кубанским парламентом, Радой, в генералы. Наши действующие части были направлены на станицу Ново-Дмитриевскую, а части штабов, обозов и раненые на станицу Калужскую. Утром, когда мы вышли, погода резко испортилась.

Пошел скверный мелкий дождь. Дороги, и так малопроездимые весной в этой местности, совершенно расползлись. То и дело видны были застрявшие повозки с несчастными, выбившимися из сил лошадьми. Я с охотой помогал этим истинным друзьям человечества, и мне стало тепло. А дождь все шел как из сита. Нас направили на Калужскую. Я шел с сестрами Верой и Татьяной Энгельгардт и прапорщиком А., нашим веселым хозяином собрания. У самого раздвоения дороги, в кустах, среди плавучей грязи, я заметил кучку людей. Мы с В. Энгельгардт подошли к ней. На кочках в кустарнике лежал человек, бившийся в эпилептическом припадке. Помочь ему ничем нельзя было; повозки были заняты, проехавший доктор, несмотря на наши требования, оставил его. Кое-как удалось взгромоздить его на какую-то повозку, и мы пошли дальше.

Шли мы по довольно высокому плато. Дождь все усиливался. Мы уже шагали не по лужам, а по сплошной воде, доходившей нам выше

циколотов, а иногда почти до колен. Кроме того, всю эту воду гнало по уклону, и я впервые видел целые поля с бегущей по ним водой. Справа с севера дул сильный ветер, гулявший рябью по этим холмам, покрытым водой. Но это продолжалось недолго.

Природа точно освирепела против нас. Пошел мелкий снег и град, точно мелкие оледенелые брызги. Лошади на дороге (мы шли без дороги) останавливались, фигуры неподвижных раненых покрывались корочкой льда. Во Франции называют это *giboules de mars*, но на Кубани, в горах, эти *giboules* были ужасными. Идти по воде, покрытой то и дело салом, которое не обращалось в лед только потому, что ветер гнал воду по этим холмам, было ужасно тяжело. Промокшие в холодной воде ноги костенели, все платье промерзло.

Я был в своем *birbetty*, который я сохранил до сих пор, в крагах и желтых сапогах, и на голове была у меня папаха. Чтобы удобнее было идти, я носил поверх пальто пояс и затыкал под него полы пальто. Через самое короткое время с правой стороны все заледенело. Папаха и волосы покрылись льдом, и ее нельзя было оторвать от головы. Заткнутые полы покрылись тонким прозрачным слоем льда и стали не мягкими, а твердыми, точно покрытые какой-то ледяной броней. Полы нельзя было отогнуть, так они заледенели. Нигде не было жилья. Нельзя было отогреться, надо было только идти вперед по этой воде среди этого ледяного кошмара, сыпавшегося на нас.

Как-то давно, в деревне, в Тульской губернии, я видел необычайную картину такого же феномена. Дело было в конце сентября. Было тепло, ночью шел дождь, а утром вдруг хватил мороз. Когда я вышел в сад этим морозным солнечным утром, я был поражен — каждая травка, каждый листок, ветка, ствол дерева были окружены ледяным колпачком. Можно было сорвать лист, и он ломался у вас в руках; в сжатом поле каждая соломинка торчала отдельно своим хрустальным колпачком, а солнце играло своими лучами по этому незабываемому кристальному сказочному царству. Везде слышались кристальные перезвоны. Это ударялись друг о друга кристаллы, облекавшие ветки. Я потряс дерево, и оно зазвенело чистым серебряным звоном. Чудо это продолжалось часа два, пока солнце, порадовавшись этой сказочной картине, не согрело ее и не растопило это ледяное очаровательное царство.

Тут было то же самое. Неожиданный мороз заковал наши мокрые одежды в лед. Было холодно до костей, и мокрые ноги в пропитанной коже сапог как будто уже не чувствовались. Но тут, как и часто на походе, бодрость мне придавал вид этих удивительных двух девушек-героинь — сестер Энгельгардт. Они почти никогда не занимали

мест на повозках и так же бодро шагали в своих легких заледенелых одеждах, как будто это могло быть привычным делом.

Вскоре перед нами преградой стал ручей. Вчера еще незаметный ручеек, сегодня он уже унес легкий мосток и несся с горы, разбужший и пенясь. Я вошел в него. В некоторых местах вода доходила почти до пояса. Мы с прапорщиком А. предложили перенести наших сестер, но получили строгий отказ. Пришлось подчиниться, и эти удивительные девушки, в этот мороз, в эту ледяную вьюгу, смело вошли в воду. Шириной ручей был метров 10. Бежал он с большой быстротой, так что трудно было устоять. Я пошел вперед, левой рукой палкой измеряя дно, а за правую держалась одна из Э., за ней тем же порядком шел А. с другой сестрой. Мокрые, холодные, мы перешли почти весело через этот ручей. Обе барышни были в воде по пояс, и сейчас же их юбки обледенели. Единственное средство, чтобы согреться, было идти скорее, и мы действительно шагали с такой быстротой, что не заметили, как дошли до Калужской. К этому времени пошел крупный снег и началась метель, но мы уже входили в станицу.

Каково было наше удивление, когда мы увидели при входе целый ряд прекрасных экипажей на резиновых шинах. Трудно было поверить своим глазам. Откуда эта роскошь? Оказалось, что это члены Рады приехали из Екатеринодара на реквизированных извозчиках. Каким показалось нам это диким!

Впрочем, нужно было скорее найти кров. Второпях, мимо плетней, по которым смешно гремел, как латы, мой стеклянный *bugbetty*, мы нашли нашего квартирьера и, мимо умиравшей лошади, вздрагивающей под снежным одеялом, пришли в хату.

Метель продолжалась, и к вечеру снега выпало фута на два. И в эту-то метель, в эту ужасную озверевшую погоду армия с боем прошла в Ново-Дмитриевскую. Перед нами была только природа; перед теми, которые пошли более северной дорогой, были и большевики. Сколько раненых, больных погибло в этом холоде, сколько было отморозивших себе руки, сколько лошадей потеряла армия за эти 16 верст. Генерал Алексеев, несмотря на свою болезнь, так же как и все другие, перенес это испытание и каким-то чудом не заболел.

Пехоту через ручей, который еще более разлился на Ново-Дмитриевской дороге, переправляла полузамерзшая кавалерия, а когда к вечеру войска попробовали согреться у костров, большевистская артиллерия открыла по ним огонь.

Этот-то незабываемый переход и дал возможность одному молодому журналисту (Борташевич, умер от тифа в Полтаве в 1919 году. — Б.С.) назвать впоследствии весь поход Ледяным.

Но для меня этот день остался памятным еще по другим воспоминаниям. В штабе генерала Алексеева был бывший вице-губернатор, уездный предводитель дворянства Владимир Николаевич Шеншин. Это был очень милый, очаровательный человек, помещик и типичный дворянин. Он вышел из Ростова в визитке, и мы всегда смеялись над его видом, так как поверх нее он носил короткую кожаную куртку, из-под которой болтались ее фалды. Мы с ним часто спорили, но вскоре подружились; он был почти одних лет со мной, и даже то, что разъединяло нас в спорах, сближало нас. Как-то раз мы сели обедать. Шеншин пересчитал всех и сказал, что нас тринадцать. Он был суеверным. Он женился на девушке, которую знал 13 лет с ее детства, и после обеда, где было 13 человек, она, на 13-й месяц совместной жизни, 13-го числа умерла. Он мне это рассказал, но я рассмеялся над этим суеверием.

На другой или третий день он почувствовал себя скверно. У него, вследствие грязи, выскочил нарыв на губе и начался жар. Это было 9 марта. Его положили в повозку. Оперировать его сразу не догадались или не смогли, началось воспаление, и из Шенджия его вывезла Н.П. Щетинина уже тяжело и безнадежно больным.

Привезли его к нам, в хату. В ней было две комнаты. В одной думали поместиться мы, десять мужчин, уставших и продрогших с похода, в другой, маленькой, должны были спать сестры Энгельгардт; с приездом Шеншина пришлось его положить в эту комнату, а сестрам предоставили кровать за занавеской. Мы же разместились на полу, вповалку. Шеншин стал тринадцатым. Сестры, несмотря на усталость, ухаживали за больным и спали по очереди. Мы же, обрадованные теплу, раздобыв водки, согревшись, завалились спать.

Ночью меня разбудил голос сестры Веры:

— Борис Алексеевич, Шеншину плохо, я не могу с ним справиться.

Я вышел к ней. На кровати лежал этот больной, еще так недавно красивый и сильный человек. Все лицо его было раздуто; губы занимали чуть ли не половину нижней части лица, глаза почти не видели за опухшими синими веками. Он метался на кровати и делал усилия встать. Он был в бреду. Руки его были точно восковые и слабые. Я обратил на них внимание сестры. Это были руки покойника. Кое-как мы успокоили его, переложили на другой бок, и он опять впал в забытие. Это было около 4 часов утра.

Я ушел спать тяжелым сном под мой *bigbetgu*, имея под головой мой милый чемодан. Но я сразу заснуть не мог. Кто-то стучал в забор. Я вышел к дверям и увидел в снежном тумане двух всадников,

спрашивающих дорогу. Кругом уже не было весны. Все было покрыто снегом. Метель кончилась, но снег, уже мокрый, шел безостановочно.

Я как мог указал им, но посоветовал вернуться к центру станицы, в ее управление, где они получат более верные указания. Они уехали, и только потом я узнал, что эти всадники спрашивали направление в станицу, занятую большевиками. Очевидно, это был большевистский разъезд, потерявшийся в метели.

Утром, часов в девять Татьяна Э. сменила Веру, которая легла спать на кровати в нашей комнате. Усталая от похода, вымокшая, всю ночь просидевшая с беспокойным больным, она заснула тупым сном. Мы уже поднялись, точно забыв о вчерашнем, поели, кто-то ходил за доктором. Я стоял у окна и смотрел, как гусь, смешно падая в снегу и переваливаясь, переходил через дорогу. Татьяна Э. меня вызвала:

— Шеншин умирает, должно быть. Он стал совсем спокоен с шести часов утра, и пульс у него все хуже.

Шеншин был очень верующим человеком. Накануне один из наших спутников лейтенант Задлер сидел с ним, и Шеншин просил его прочесть ему Евангелие. Это было точно приготовление к смерти. Доктор все не шел. Было уже около двенадцати часов, когда только он пришел. Мы о чем-то шумели, но Вера Э. крепко спала. В нашу комнату вошла Татьяна Э. и тихо сказала:

— Тише, господа, Владимир Николаевич кончается.

Мы притихли, и я вышел за ней. Был первый, тринадцатый час. В это время я услышал крик Веры Э. и вернулся к ним. Она сидела на кровати с испуганно-открытыми глазами и скоро говорила:

— Владимир Николаевич, не уходите, останьтесь, куда вы уходите, не уходите, умоляю вас, не надо уходить, останьтесь, успокойтесь.

Я бросился к ней, но она не видела меня и, вновь повалившись на подушку, заснула. В то время, когда мы, потрясенные этим явлением, молчали, вошла ее сестра.

— Шеншин умер, — сказала она. Мы перекрестились.

Свершилась тайна смерти. Как, почему эта спящая, разбитая девушка во сне призывала его «не уходить», почему в мгновение отлета его души какие-то нити связали ее сонный мозг с душой уходящей? Тайна смерти точно хотела открыть нам конец своего покрова, и все мы почувствовали дыхание этого призрака, посетившего сон удивительной девушки.

Ушел доктор; на другой день наши чехи сколотили из досок гроб. Мы положили большое, слабое тело с ужасным лицом и белыми руками и похоронили около церкви. Снег уже таял, и мы забросали

его гроб мокрой землей и снегом; сквозь щели гроба виднелась его черная визитка. Я отметил место на кладбище у себя в записной книжке. Креста мы не поставили, чтобы не дать возможности большевикам надругаться над его трупом. Могила его осталась ни для кого не заметной. Он вошел к нам тринадцатым и в начале тринадцатого часа умер. Я смотрю на свой блокнот. Что это? Это тринадцатая страница!

* * *

Я несколько отойду назад и позволю себе рассказать впечатления от одного боя, в котором мне пришлось участвовать. Мы пришли в это большое иногороднее село поздно. Части генералов Маркова и Богаевского успешно разогнали большевиков, и мы подошли к переправе через реку Белую. Село было почти пустое. В волостном управлении, куда я зашел из любопытства, я неожиданно увидел большую лубочную картину, изображающую жизнь и подвиги Суворова.

Нам отвели большую хорошую хату, владельцы которой бежали. Как я уже говорил, местность эта поставляла много большевиков в красную армию. В печке мы нашли что-то вкусное, почти готовое, брошенное второпях хозяевами, не ожидавшими быстрого наступления армии. Нашли даже и что выпить благодаря чехам из конвоя генерала Алексеева, великим мастерам для этих розысков.

Тут же я нашел сонник. Очень хороший сонник с алфавитным указателем лиц и предметов, которые хорошо или плохо видеть во сне. Я открыл его на слове «журналист», и вот что я прочел: «Видеть во сне журналиста — встреча с мазуриком или с человеком, который любит что плохо лежит». Какова была моя обида! В другом месте я нашел «Всадника без головы» Майн Рида. На обложке был изображен конь, у которого дым шел из ноздрей, на нем сидел всадник, одетый в мексиканский костюм, у которого к седлу была подвязана его веселая, улыбающаяся, краснощекая, усатая голова.

Утром мы вышли к переправе. Передовые части уже вели бой на той стороне реки. Речка Белая, горная, прозрачная, быстро бежала, не скрывая артиллерийских снарядов, которые побросали в нее удиравшие большевики, у которых их было слишком много.

Неприятельская артиллерия старательно обстреливала переправу, но без особого успеха. Мост был цел. Сзади нас наша артиллерия стреляла куда-то вправо. Бой разгорался. На той стороне моста генерал Корнилов лично останавливал все повозки и всех способных носить оружие ссаживал и выстраивал. Когда я подошел к этой группе лю-

дей, нас уже было человек около 200. Нас разбили на взводы человек по 25—30 и повели. Знаменитый керенский герой, так называемый «матрос» Баткин, незаметно смешался с толпой свиты генерала Корнилова и не пожелал рисковать своей драгоценной жизнью.

Командовал нами пожилой близорукий подполковник, весьма невоинственного вида. Он повел нас налево к камышам, где нам приказано было залечь и ждать приказаний. Я до сих пор не участвовал в этом походе в бою. Под Кореновской нас вывели в охранение, но, кроме разрывов, и не очень близких, мы ничего не видели. Под Березанской большевики слишком скоро уходили, чтобы видеть их. Под Усть-Лабинской нашу группу, бывшую в охранении, обстреляла артиллерия, но участия непосредственного мы не принимали.

Здесь дело казалось серьезнее. Впереди нас была долина и потом довольно высокие холмы. Пока мы сидели и курили, к нам подошли барышни Энгельгардт, которым я стал читать «Всадника без головы», что заставило их задремать под лучами солнца.

Вскоре, однако, нас рассыпали цепью, и мы медленно стали подходить к холмам, прикрывая с левой стороны обоз. Нашим отрядом командовал Георгиевский кавалер полковник Дейло. Как оказалось, нашей задачей было пройти по возможности левее, чтобы прикрыть обоз, входивший в узкое дефиле.

Перед нами проходила какая-то часть. Впереди с офицерами шел мой знакомый, капитан Капелька. Увидев нашу сборную команду из старых офицеров и вооруженных штатских, он весело закричал нам, что мы «обозный легион смерти». Больше я его не видел. В этом бою он был убит.

Мимо нас проехал генерал Романовский, начальник штаба генерала Корнилова, и приказал двигаться вперед на холм. Артиллерия большевиков заметила и нас, и обоз, и снаряды стали рваться ближе. Мы быстро пробежали к оврагу и стали взбираться на крутой склон. Местность отсюда была довольно ровная, но большевиков видно не было. Однако они еще недавно были здесь, так как кое-где лежали их трупы.

Как только мы взобрались на склон, нам было приказано продвигаться как можно скорее вдоль холмов по направлению обсаженной дороги и нескольких сараев и выбить оттуда большевиков. Я впервые участвовал в атаке. В той войне, будучи телефонистом, мне не пришлось с оружием в руках участвовать в боях.

Лишь только мы показали на гребне, по нас открыли ружейную и пулеметную стрельбу. У построек стали заметны перебегающие фигуры. Несколько человек из нас, и я в том числе, побежали к каменному сараю, мы залегали, стреляли и вновь бежали.

Как тяжело было мне бегать. Когда-то я был одним из первых бегунов Петербурга, но теперь я задыхался, ноги по вспаханной земле не шли, противника я не видел и стрелял из своего очаровательно-мексиканского карабина больше наугад.

Было очень жутко, и противен был свист пуль, особенно когда затрещал пулемет. Мы оторвались с одним офицером сильно влево к небольшому сарайчику, откуда по нас стреляли. Подойдя к нему, мы залегли и стали стрелять. Мне страшно стало думать, что там сидит какой-то русский человек, который старается меня убить, и в то же время поднималось какое-то чувство спорта, желание его покончить. Очевидно, он успел выбраться до нас, так как, когда мы вошли в сарай, никого в нем не было. Лежала бутылка от водки, к сожалению пустая, вещевой мешок и краюха хлеба, которые я забрал.

В это время снизу, с той стороны реки, по нашей цепи открыли артиллерийский огонь. Я, повторяю, был совершенным дилетантом в этом деле и не соображал ясно, какова моя задача. Задыхаясь на перебежках, я смотрел только на то, как бы мне не отстать от других, и незаметно с моим соседом мы все более уходили налево.

В это время над самой нашей головой разорвалась шрапнель и зашуршала по прошлогодней соломе. Мы упали на землю. Впечатление было такое, что нас должно было тронуть, но, подняв голову, я увидел совершенно целого поручика Гаусмана и в двух- или трехстах шагах убегающую фигуру здорового, плотного человека с винтовкой в руке.

Мы бросились за ним. Это был, очевидно, тот самый, который отсиживался в сарае. Он залег за бугорок и стал в нас стрелять. С каким удовольствием старался я попасть в этого соотечественника, как глубоко оскорбительными казались мне его пули, свиставшие около нас. Мы стали обходить его с боков, обстреливая неудачно его. Справа от нас, когда мы уже видели его рыжую голову, неожиданно появился офицер в бурке и закричал нам, чтобы мы его взяли живьем.

Рыжий большевик, очевидно, еще больше задохся, чем я, и не мог бежать. Он кому-то отчаянно махал рукой. Неприятельские снаряды ложились уже дальше, вправо, не причиняя вреда, и эта охота за человеком, должен сознаться, была необычайно увлекательна. Через мгновение мы обошли его, и он должен был сдаться. Правда, он было пробовал защищаться, но удар прикладом по спине поручика Г. заставил его бросить винтовку, и он послушно пошел в наш тыл. Это был обыкновенный здоровый мужик с темно-рыжей бородой, лет 45. Что могло заставить его воевать против нас? Какая злоба увлекала этого человека? Во имя каких идеалов старался он так неумело убить нас?

Позднее, на походе, я часто видел его в толпе пленных, уныло шедших за одной из повозок. Он мрачно и сосредоточенно шагал, смотря в землю, а я вспоминал со странным чувством, что вот идет человек, который хотел убить меня и которого я хотел убить. Рядом с ним обыкновенно шел высокий тонкий дьякон, как говорили, предавший на смерть своего священника. Какая страшная вещь — гражданская война. На допросе, как говорили, он показал, что шел «повидать своих детей». Это с винтовкой и с набитым патронташем.

Теперь уже мы слишком удалились от своей цепи. Видна была внизу у берега большевистская батарея в два орудия, которая изрядно посылала довольно невинные снаряды по нашему направлению. У дороги заметна была большевистская беготня, но ясно было, что они уже не удержатся. Тогда, еще лишенные офицеров, большевики не могли выдерживать наступления, и там, где их не было в несколько раз больше наших, они не выдерживали натиска.

Мы подошли к сараям, из которых ушли наши враги, и присоединились к нашей цепи. Приказано было дальше не продвигаться, так как справа от нас отряд большевиков обходил наш отряд.

В это время я увидел спокойно идущих во весь рост, не кланяющихся пулям (а как я почтительно приветствовал их!) наших барышень Энгельгардт. В своих черных платьях, на желтом фоне скошенного поля, они являлись прекрасной целью, чем не преминули воспользоваться большевики. Нужно было приказать им, и очень энергично, чтобы они легли, раньше, чем они согласились это сделать.

Большевики уходили. Вскоре мы увидели у нас направо наши части, взбравшиеся на дорогу и преследующие большевиков. Их артиллерия стала замолкать. Нас сменила другая часть, и мы стали отходить к гребню холма, откуда мы повели наступление.

У большого стога соломы, за которым мы посидели и покурили, мы нашли чьи-то подштанники, самовар, пустую бутылку водки и милого веселого щенка. Очевидно, здесь была нарушена какая-то идиллия. Щенка взяли с собой и пошли дальше, получая изредка противоречивые приказания, то двигаться вперед, то назад. Наш полуслепой командир сам мало что понимал. А я никак не мог понять, к чему была эта кадриль под огнем, хотя, правда, и затихающим.

Наконец мы добрались до кустарника, где, недалеко от трупа красноармейца, я нашел новый мешок, хлеб и прекрасный сот меда, которыми я с удовольствием поделился. Нас отвели к гребню, лицом к

реке, и оставили в выжидательном положении. Под нами, на нашей стороне речки, был рассыпан в цепь отряд генерала Боровского (кадеты, студенты и другие молодые люди), прикрывавшие наш отход от нажимавших большевиков. Мост через реку Белую горел.

Хотелось очень есть, но нельзя было уходить до заката солнца. Неожиданно, к вечеру, вдруг из ложины, по которой отходили на станцию Рязанскую наши части и обоз, которые мы прикрывали, раздалось «Ура!». Мы тоже немедленно подхватили это «Ура!», сами не зная его причины.

Оказалось, что в штаб генерала Корнилова прибыл доблестный полковник Б., пробравшийся через большевистские линии и нашедший кубанцев. Через два перехода мы должны были соединиться с долгожданной армией. Это известие, распространенное в войсках, и послужило поводом радостному «Ура!».

Это «Ура!» имело еще и другое следствие. Большевистская стрельба затихла. Они представили себе, что наши войска переходят в атаку, и убрались. Они вообще не любили себя беспокоить по ночам.

Затихла стрельба; внизу снялся отряд Боровского, и мы стали отходить. Через холм мы вышли на дорогу. «Главные» силы шли правее нас. Обоз, оказывается, попал под обстрел, и только счастье спасло генерала Алексева. В его повозке разрывом шрапнели был смертельно ранен австриец-кучер и ранена лошадь. Бедный молодой австрийский студент! Он попал в плен во время нашего галицийского наступления, как военнопленный служил в каком-то имении на Кубани, был забран в большевистские войска, попал к нам в плен и умер от большевистской же шрапнели, направленной невидимой немецкой рукой.

Как много приходилось в этом странном существовании думать о странной таинственной судьбе. Как эта война, этот бой, в котором я только что участвовал, не походили ни на войну, ни на обыкновенный бой. Все это была фантазия гражданской войны.

Мы шли на Екатеринодар, но фактически мы отступали, все время разбивая врага. Что это было, наступление или отступление? Крутом нас, и после победы, бушевало большевистское море, и наш остров, где свила себе гнездо наша Родина, все двигался дальше. У англичан есть хорошее выражение «a running fight».

Об этих фантазиях гражданской войны думалось мне часто во время похода. Да и я сам, в своем штатском виде, журналист, разве я не был такой фантазией. Так думал я, старательно и гордо шагая после победы, таща за собой пулемет, меняясь с другими.

* * *

В тот день, когда нам приказано было выступить из станицы Калужской в Ново-Дмитриевскую, заиграло солнце и весна, обманчивая на этом юге, заиграла светом и теплом. Сидение на одном месте, грустные воспоминания, связанные со станицей Калужской, яркое солнце — все это радостно заставляло идти вперед подалее. Куда? Да не все ли равно было нам! Нас вели куда-то, где мы видели спасение Родины, где окончатся наши мучения, где мы победим. И мы шли. На этом участке пути, который не грозил нам неминуемой опасностью, казалось, все было так просто — пройти около 15—16 верст.

Вышли мы бодрые и довольные. В походе как-то легче живется. На стоянках усталые люди начинают ссориться, обижаться и нет той дружбы. Кроме того, в Калужской началось наше «мучение вшами», которые долго не покидали нас. Итак, мы уходили с легким сердцем. Долго не могли мы выбраться из станицы. Весеннее солнце испортило окончательно еще недавние зимние дороги. Вдоль заборов и плетней.

Шли мы, останавливаясь и пропуская друг друга. Я обогнал молодую хорошенькую девушку в солдатской шинели и папахе, лихо наведенной на правый висок, с веселым кустом черных кудрей с левой стороны. Я не помню ее имени, но знаю, что эта женщина-солдат погибла на походе, как и многие другие, увлеченные им.

На околице станицы стоял пустой недостроенный дом, занятый цыганами. Бесконечное количество полуголых ребят бегало кругом, а на пороге сидела старая цыганка, похожая на ведьму, и курила длинную трубку. Ее удивлению не было конца, а когда я ей сказал, что был на ее родине (что такое родина у таких номадов) в Карасубазаре в Крыму, она уже смотрела на меня восторженными глазами и своим гортанным языком объясняла другим цыганам, попыхивая трубкой и жестикулируя ею, какой я удивительный человек, что я даже говорю по-цыгански и был в Карасубазаре.

Весеннее солнце да предыдущая метель наделали много хлопот. Нам пришлось идти лесистой низиной, и вновь обоз стал. Где-нибудь да падала лошадь или останавливалась повозка, и весь обоз стоял. Кругом нас весело бежали ручьи, и после того, как я перескочил через один из них, я имел удовольствие бежать за своей папашой, соскочившей с головы и шаловливо поплывшей по вешним водам.

Я себе создал нечто вроде спорта в помощи лошадям. Я очень умело захватывал спицы колес, и в то время, когда со страшными проклятиями и озверелыми лицами возницы гадали на лошадей,

мне часто удавалось сдвинуть с мертвой точки повозку и помочь моему бедному другу-лошади. Сколько радостей давали мне лошади; с какой гордостью я смотрел на весь мир, когда моя лошадь выигрывала на бегах, и как я чувствовал себя недосыгаемо великим, когда я впервые прошел на бегах первым выигрышный столб. Это была маленькая благодарность моим бывшим милым подневольным друзьям.

Итак, гуляя по воде среди них, я отстал от своих, а солнце быстро шло к западу. Я оторвался от первой части обоза, обогнала меня артиллерия, и я поспешил вперед. Я знал, что наш чешский саперный отряд провел даже какие-то дороги и поставил указатели. Я нашел такой указатель, который был поставлен без расчета на весну и на разлив ручьев. Я чуть не провалился в воду и стал пробираться один, так как никто, очевидно, не верил указателям к дороге. Я выбрался к ней, когда было совсем темно. Меня бодро объехала артиллерия и скрылась в темноте. Я шел совсем один.

Было на душе тоскливо. Долго ли, думалось мне, придется месить эту грязь, двигаться без известной цели, идти куда-то и зачем-то. Вспоминалась прежняя жизнь и весь вихрь, перекувыркнувший наше существование. Дорога шла довольно круто вниз, и я остановился перед большим прудом. Колеи от артиллерийских колес указывали, что она прошла бродом, думать не оставалось времени. Обоз тархател очень далеко сзади. Я загнул полы своего макинтоша, повыше подтянул винтовку и вошел в воду.

Странное это чувство — идти по воде. Пока вода доходит до колен, оно не так сильно, но, когда вы чувствуете, что дно уходит дальше и что нет как будто бы конца этому спуску, становится жутко. Но я шел. Кругом меня, на поверхности пруда, играли звезды, и прыгали они, оставляя длинный след от тех кругов, которые образовывали мои неуклюжие шаги. Пруд казался в темноте громадным. Я вдруг подумал о своем одиночестве. Я где-то на Кубани, один посередине пруда по пояс в воде, темной ночью иду куда-то между этими пляшущими звездами. Что это, не сон ли это? Но дно стало подниматься, и, скользя по подъему, боясь упасть, я выбрался на другой берег. Было холодно, и противно было мокрое платье и так называемое белье, но сильнее всего было чувство одиночества. Так хотелось поделиться с кем-нибудь своей тоской.

Колеи расходились в разные стороны, я не знал, куда идти, и только по далекому шуму угадывал путь артиллерии. Навстречу мне, из темноты, появились два всадника. Это были мужчина и женщина. Я окликнул их и спросил, сколько верст осталось до Ново-Дмитриевской. Они, смеясь, сказали мне совершенно невозможное ко-

личество верст (оставалось верст 7—8) и быстро скрылись рысью в темноте. Кто были эти странные люди, катающиеся верхом ночью в разгар гражданской войны?

Но было холодно, одиночество угнетало, и я торопился домой. Домой? Куда? В какой дом? Как все это было тоскливо и дико! Вдруг вправо от себя я увидел белое пятно. Я стал вглядываться и увидел собаку. Я люблю этих зверей и свистнул так, как привык свистеть своим верным псам. Пятно сорвалось с места и быстро бросилось ко мне. Через мгновение я уже был не один. Вокруг меня, в неопишемом восторге, прыгал прекрасный, белый с желтым овчар, скакал мне на грудь и лизал мне лицо от какого-то счастья.

Я не знаю причин радости этого таинственного пса. Откуда взялся он из этой темной ночи? Почему ждал он меня в минуту тоски, близкой к отчаянию? Я заговорил с ним то по-русски, то по-английски (я люблю с собаками говорить на этом чуждом языке, они как-то более прислушиваются к его звукам). Мой зверь как будто меня понимал, и мне было во сто раз легче идти дальше. Он носился по степи за чем-то невидимым, и вновь, по первому свисту, по первому окрику «come here», он возвращался, прыгал вокруг меня или шел послушно у моих ног. Как было не радоваться этой встрече? Как мил был мне этот неожиданный и очаровательный друг, как хорошо блестели его горящие, коричневые, круглые собачьи глаза, полные какой-то почти улыбки.

Я вскоре догнал артиллерию. Из темноты ко мне подъехал офицер и спросил меня, кто я. Оказывается, что мы были знакомы с его отцом по Петрограду, но фамилии его я не расслышал. Много позднее я встретил его и он мне напомнил нашу встречу и моего милого пса.

До станицы было уже недалеко. Оттуда доносился собачий лай — предвестник дома. Я уже не чувствовал усталости — мой ночной друг придал мне столько бодрости, что разлетелись тоскливые мысли об одиночестве и не так мерзли холодные ноги. Так, разговаривая с ним, лаская его, я дошел до станицы. Телеграфные столбы шли куда-то дальше, а дорога сворачивала налево, в «улицу».

Я решил взять своего таинственного друга и позвал его. Он отбежал в сторону, сел, поднял уши, махал хвостом, но не шел ко мне. Я сделал несколько шагов к нему, он, как показалось мне, улыбнулся и вновь отбежал и сел. Напрасно уговаривал я его и по-русски, и по-английски, он не двигался. Тогда я простился с ним и пошел в станицу, а он пропал в ночи, откуда он мне явился. Что это было? Откуда взялся этот милый пес, которого я никогда не забуду, почему на моем странном пути должен был он оказаться таким веселым и радостным? Разве это

не был друг бескорыстный и ласковый, таинственный и милый, посланный Провидением?

Я шел по пустой улице, думая о нем, пока не встретил знакомого офицера, указавшего мне дом генерала Алексеева. Здесь меня напоили такой роскошью, как кофеем, и указали, где стоит наш политический отдел. Было нелегко его найти. Я около часа блуждал по грязи, стучался в занятые другими частями хаты, пока не нашел свой дом. А вдоль улицы раздавались плачевные голоса казаков, разыскивающих свои части:

— Ба-акла-новцы!

А с другой стороны какой-то отчаянный тенор точно отвечал: «Чернецовцы — па-артизане!»

Ну вот я и дома; обо мне уже беспокоятся, мне дают чаю. Тускло горит маленькая лампа, около которой чужой офицер еще кого-то хочет втиснуть к нам. Я снимаю краги, сапоги, носки — приятно ходить босиком по глиняному полу, — кладу свои мокрые доспехи ближе к печке, ставлю в угол винтовку, подкладываю под голову свой чемоданчик, который уже пришел с обозом (сколько времени я шел эти 15 верст?), и покрываюсь своим старым, но теплым *bugberry*.

Чужой офицер не сразу уходит, кто-то гремит посудой, кто-то уже храпит. Думал ли я час или два тому назад о таком счастье — о теплом угле, о босых ногах и о благодетельном сне. Приятно потянуться на глиняном полу, удобнее поместить голову на чемодан, поправить плечом пальто и дремать. Мелькает в закрытых глазах белое пятно, оно делается все ближе — это мой ночной таинственный друг, его морда совсем рядом, я вижу его глаза, и он улыбается мне и лает, но где-то далеко, далеко...

* * *

Генерал Корнилов, соединившись с войсками генерала Покровского, значительно увеличил свои силы, и в частности свою кавалерию. Армию Покровского почти исключительно составляли кубанские казаки. Сам он не был казаком, на войне был летчиком и на Кубань приехал капитаном. Человек он был очень энергичный и быстро взял себе в руки всю военную организацию антибольшевистской Кубани. Атаман полковник Филимонов охотно воспользовался его услугами, и полковник, а вскоре и генерал Покровский надел черкеску, которую он не снимал до конца своей карьеры.

Сколько всего стало бойцов, сказать я затрудняюсь. Не думаю, чтобы их было более 3500 человек, может быть, 4000. Обоз, с дру-

гой стороны, увеличился, и хотя увеличилось и количество орудий, однако за отсутствием снарядов артиллерийская помощь была не столь значительна. Обращала на себя внимание Рада, ехавшая на прекрасных лошадях, все члены которой были прекрасно вооружены, но не принимали участия в боях, несмотря на то что добрая половина их были военные.

Соединение армий состоялось в станице Ново-Дмитриевской. Покровский признал власть генерала Корнилова, и после некоторого колебания решено было идти на Екатеринодар. План генерала Корнилова заключался в том, чтобы пересечь железную дорогу между Эйнемом и Афипской и малопроходимыми местами, где мы не могли бы встретить серьезного сопротивления, выйти на запад от Екатеринодара, переправясь через Кубань в неожиданном для большевиков месте.

Приготовления к этому походу и очистка дороги от большевиков, засевших в станицах и вдоль железной дороги, заняли некоторое время, и только 25 марта мы вышли к Георгие-Афипской станице, которую мы миновали под сильным обстрелом бронепоездов большевиков, которых не удалось привести к молчанию, а пришлось только отогнать.

Здесь, в станице, я видел маленькую героиню. Это была хорошенькая казачка лет 18. Она вышла замуж за молодого казака, который перешел к большевикам и занялся грабежом. Она бросила его и вернулась к своим родителям. Станица Георгиевская была занята большевиками, и торжествующий муж пришел предъявить свои права. Она наотрез отказалась пустить его к себе. Он стал угрожать расправой, но она забаррикадировалась в своей комнате и предупредила его, что живой не дастся ему. Казак-большевик взломал дверь, но тут же был убит из винтовки своей женой. Это была очень скромная маленькая женщина. Она с удовольствием принесла некоторым из наших спутников белье, в котором мы так нуждались, и ни за что не согласилась принять какие-нибудь деньги. Какова могла быть ее судьба?

Из Афипской мы пошли почти без всяких дорог, то и дело пересекая вброд разлившиеся ручьи. Для лошадей этот переход был убийственным. Раненые и больные безумно страдали; двигались мы медленно, но зато вне досягаемости большевиков.

Под утро мне пришлось управлять брошенной повозкой. Кто-то приказал мне или вывести ее, или бросить в полуболоте от разлива рек и оставить на произвол судьбы. Я вывез эту повозку. Впереди меня, на низкой телеге, везли раненого армянина-офицера. Он все время стонал от боли в ноге и боялся, чтобы я его не задел. Его черные, как чернослив, глаза были вовсе не так страшны, как его утробы.

— Я тебэ морду разобью, если тронэшь, — жалобным слабым голосом пугал он меня.

В ту войну, во время одного из неудавшихся наступлений на Рижском фронте в самом конце 1916 года, мы отходили густым лесом. Я шел сзади нашего начальника бригады. На тропинке мы обогнали носилки с раненым. Увидев генерала, офицер-армянин, раненный в живот, остановил носилки и на вопрос генерала Л., куда он ранен, он стал жалким, почти плачущим голосом объяснять генералу, что он ранен в живот и что только благодаря героизму горниста и еще одного солдата, которого он не знает, он был вынесен из-под проволочных заграждений. Его единственной заботой было, чтобы генерал разыскал того солдата и представил обоих к Георгиевскому кресту... Его благородная заботливость так мало соответствовала его жалобному голосу и немного смешному восточному акценту. Этот человек не думал о позе.

Рано утром мы переправились через широкий рукав разлившейся Кубани и вышли к аулу Панахес.

Теперь я уже пишу, имея перед собой записную книжку, купленную в станице Елизаветинской. В кратчайшей конспективной форме я набрасывал мелочи и события нашей жизни и мои впечатления. Из нее я вижу и помню, какое удовольствие это мне доставило, что я купил себе новую папаху, которую благополучно довез до Новочеркасска и там подарил моему другу А.Ф. Аладьину¹²⁸.

Какое удовольствие теперь доставляют мне мои старые записные книжки; как много говорят они мне, эти короткие, сжатые, часто сокращенные слова, записанные иногда чуть ли не на ходу моим верным пером. Это перо служило мне верой и правдой и почему-то погибло в 1919 году в Черном море. Во время веселого перехода в Константинополь мы разгулялись на корме нашего скучного cargo. Нас было семеро: английский летчик, еще один милый англичанин, два летчика-американца и нас трое русских. Мы устроили в этот день веселый captains dinner; кривой итальянец-steward пел неаполитанские песни, закатывая единственный глаз. Ночь была лунная и дивная. На корму парохода мы принесли бочонок вина и среди пляски диких и какой-то борьбы мой Waterman выскользнул из кармана и прыгнул в глубь Черного моря. Sit tibi aqua Iervis! Какой хороший сюжет для артистической рекламы. Но вот что значит старая записная книжка с ее воспоминаниями. Вместо фактов со страниц ее слетают такие неожиданные мелочи, как папаха и перо.

Здесь, через разлившуюся Кубань, с помощью одного паромы генерал Корнилов сумел переправить всю армию и весь обоз. Это был

необычайно дерзкий опыт, который удался, но забота о раненых не дала использовать этой неожиданности.

Как я писал, мы вышли на запад от Екатеринодара в то время, как нас ждали с юга или с востока. Удар всеми силами, без сомнения, покончил бы с большевистским гнездом, но генерал Корнилов не мог не опасаться удара сзади по обозу с ранеными и оставил Марковскую бригаду почти целиком на левом берегу Кубани для его прикрытия.

Бригада Богаевского, части Покровского и конница, бывшая под командованием Эрдели, Глазенапа, Улагая, обрушилась на большевиков и в первый же день без отдыха прогнала большевиков в самый Екатеринодар. Если бы с нами была блестящая бригада Маркова (1-й Офицерский, потом генерала Маркова полк и 1-й Кубанский), нет сомнения в том, что сопротивление было бы сломлено, и мы вошли бы в долгожданный Екатеринодар.

Но генерал Корнилов имел все основания думать, что нападение на наш тыл вполне возможно, и предоставить самим себе раненых и больных он не мог. В этом-то и заключалась вся трудность маневрирования. Если бы наши вожди имели дело с другим врагом, то несомненно можно было бы рискнуть, но оставлять их на жесточайшую расправу и избиение было невозможно. Впрочем, скоро опыт, к сожалению, показал нам справедливость этой меры.

Паром, переправлявший нас, подымал человек 40, тянули его, конечно, руками, и, несмотря на это, переправа прошла блестяще. В Елизаветинской, богатой станице, мы застали бодрое и веселое настроение. Забыты были все тягости похода. Было совсем жарко, и даже вши были не до такой степени отвратительны. Здесь была объявлена Кубанским атаманом и генералом Корниловым мобилизация, на которую очень бодро отозвалось население, к сожалению не оказавшееся устойчивым.

Настроение было таково, что в своей записной книжке от 28 марта я уже вижу слова: «Взятие Екат., благ. молебн. Последний день 47 дней». Действительно, раненые, которых привезли из самого Екатеринодара, сообщили, что он уже взят. Священник отслужил благодарственный молебен, мы выпили местного пива в погребеке у казака Кабанца, и вечером я уже мечтал о последнем дне, о сорок седьмом дне испытаний. Но перед нами стояли новые разочарования, и еще было 24 дня, которые вновь привели нас на Дон.

На другой день стрельба с утра доказала, что надежды наши были напрасны. Бой продолжался. Я утром пошел в штаб, находившийся в 11 верстах у фермы Сельскохозяйственного общества в пяти верстах от Екатеринодара. Дорога, сначала уходившая от реки, в конце привела меня к роще на самом берегу Кубани, на ее высоком берегу. Здесь же,

в только что начинавшейся зелени, находился маленький домик фермы, где находился Корнилов и где он был позже убит. Отсюда открывался прекрасный вид. Весь Екатеринодар был виден; направо, внизу, бежала извилистая мутная, как сами казаки ее называют, Кубань.

В роще еще лежали неприбранные трупы убитых большевиков. Одного из них я помню. Это был здоровый черноусый парень с простреленной головой; на нем была матросская фуфайка под курткой (голландка), и на руке был выжжен пороховым якорь. Почему этот матрос должен был погибнуть в этой прозрачной весенней роще? Какая ненависть увлекла его в эту борьбу? На дороге я видел еще два трупа. Один был «наш». Молодой солдат, которому чья-то заботливая рука прикрыла глаза... Он лежал у обочины дороги, руки ему скрестили, и лицо было загадочное и торжественное. Недалеко от дороги была убита в тот же день сестра милосердия. Я, помню, издали заметил ее белую повязку, и мне только позднее рассказали о ее случайной гибели от шального снаряда.

В нашем походе, так не походившем на все, что было раньше, были женщины и в строю, и многие из них погибли. Эти героические девушки не мирились с работой в тылу и рвались в бой. Кажется, это была мысль Керенского, этого изнеженного и истерического человека, принимать в военные училища женщин и производить их в офицеры. Кроме того, был целый женский батальон. Летом 1917 года, к большой потехе зевак, они обучались строю перед Инженерным замком, и в ночь большевистского выступления они вместе с юнкерами героически защищали Зимний дворец, где засел сам Керенский и его министры, среди которых все еще есть люди, стремящиеся играть главную роль, пока в эмиграции.

Но тот же Верховный Главнокомандующий, военный министр, глава правительства, подло их предал и удрал из Зимнего дворца, а несчастные девушки были отданы и разведены по казармам к торжествующей солдатчине, вволю насмеявшейся над ними и надругавшейся.

Среди этих женщин-воительниц на походе отличалась прапорщик баронесса Боде. Смелости ее не было границ. Это была маленькая хорошенькая барышня, институтка, удравшая на фронт и потом поступившая в Московское юнкерское училище и блестяще кончившая его временные курсы. Кроме смелости, она отличалась и жестокой решимостью, несвойственной женщинам. Как дико было слушать в рассказах этой молоденькой девушки (ей было лет 20) слово «убить». Она и не только говорила.

Она погибла под Екатеринодаром, во время лихой, но все же не приведшей к желаемому результату конной атаки, в так называемых

«Садах Екатеринодара». Под ней была убита лошадь, но она пешком бросилась за своими и была тяжело ранена или убита. Через полгода тело ее было найдено и с почестями похоронено в Екатеринодаре, уже во время второго победного Кубанского похода.

* * *

В той же роще находился и генерал Алексеев со своим штабом. Генерал Корнилов, по природе своей человек железной воли и решимости, не мог терпеть и намека на двоевластие, и генералу Алексееву на походе было отведено почетное место советника. В будущем ему предназначалась роль руководителя политического, так как Корнилов не считал себя в силах воевать и управлять. Между обоими штабами было известное недоброжелательство, так как Алексеев немедленно уступил власть Корнилову, видя его популярность вождя в войсках, а в штабе генерала Корнилова все как-то побаивались старика, как его называли, что слишком часто подчеркивал генерал Романовский, кстати никогда не пользовавшийся симпатиями в армии.

Эта недоброжелательность иногда остро чувствовалась и производила тяжелое впечатление. Но штабы всегда останутся штабами. Генерал Алексеев, не вмешиваясь в распоряжения Корнилова, не мог все-таки усидеть в Елизаветинской станице и ежедневно ездил в рощу при ферме, где я его застал.

Мы стояли на высоком берегу Кубани на опушке леса и следили за нашими частями, уже местами ведшими бой на самых окраинах города. Большевистская растерянная артиллерия не жалела снарядов, но стрельба была отвратительная. Снаряды или рвались высоко в воздухе, или били по воде, где испуганно шуршали после каждой шрапнели камыши.

30 марта, у той же фермы, выяснилось, что победа если и дастся нам, то со слишком большим трудом. Запасов снарядов у нас почти не оставалось, и артиллерийский офицер с отчаянием показывал мне на неполный ящик, все достояние его батареи. Стреляла наша артиллерия великолепно, о чем свидетельствуют потери большевиков. Наша пехота, утомленная непрерывными боями, делала чудеса, но не имела резервов, а к большевикам подходили все новые и новые части.

После неуспешного действия нашей конницы большевистскому командиру Сорокину, фельдшеру с безусловно военными дарованиями, удалось подвести большие подкрепления. Кроме того, вновь набранные наши кубанские части были совершенно неустойчивые. Если судить по потерям, нельзя не увидеть, что наша армия дралась удиви-

тельно, особенно принимая во внимание крайний недостаток в снарядах. Сами большевики признали, что во время осады Екатеринодара они потеряли до 14 000 человек. Наши атакующие части потеряли около 1200—1500 человек. Но упорство Сорокина спасло тогда красный Екатеринодар, да, может быть, и нашу армию. Генерал Деникин был против последних штурмов. Наша армия была слишком ослаблена потерями и могла, даже в случае победы, быть окруженной и уничтоженной в Екатеринодаре. Но об этом я судить не берусь.

К вечеру 30-го выяснилось, что победа отдалается от нас, однако к утру 31 марта был решен последний штурм.

30 марта во главе Корниловского ударного полка был убит его командир, доблестный полковник Неженцев. Последний был первым и обожаемым командиром полка, и смерть его произвела тяжелое впечатление. На его место Корнилов назначил полковника Кутепова, бывшего тогда помощником командира Офицерского полка. В тот же день ранен был кубанец полковник Улагай, очень популярный офицер среди казаков. О нем позвольте рассказать со слов Т. Энгельгардт.

Ее, как сестру милосердия, с доктором Кельбиным (ныне скончавшимся), личным врачом генерала Алексеева, вызвали к тяжело раненному в живот, которого должны были привезти. Они ждали повозки, но вместо этого к ним подъехал верхом офицер, сидевший по-дамски, закинув налево правую ногу. Почти без помощи он слез с коня. Это и был Улагай. Он не хотел ехать в повозке, уступив ее другим раненым, и объяснил свою посадку тем, что так удобнее зажать рану. Во время извлечения пули и перевязки без всяких хлороформов он не испустил ни одного стога и только просил папиросы.

Когда я вернулся в Елизаветинскую поздно вечером, мечты о скорой победе поблекли, маленькая армия исходила кровью, разбиваясь о все прибывавшие резервы, и будущее казалось опять необычайно тяжелым. Страшный удар ожидал нас на другой день, 31 марта, так памятный нам. В ночь на 31 марта (с 12-го на 13 апреля) был убит генерал Корнилов.

* * *

Это был страшный день. Утром меня вызвал маленький морячок Поздеев, бывший в штабе генерала Корнилова. Он был всем несимпатичен, и его появление у нас (причем он вызвал только меня) нас удивило. Со страхом и испуганными глазами он сообщил мне шепотом, что Корнилов убит, что пока нельзя никому об этом говорить. Этот человек и в этот ужасный день не мог изменить себе и по-сво-

ему счастлив был первым рассказать трагическую новость. Штурм был отложен, и генерал Алексеев назначил Главкомандующим армией генерала Деникина. Первое время старались скрыть от армии роковое известие. Говорили, что он тяжело ранен, но к вечеру все знали, что Корнилова больше нет.

Как я уже говорил, генерал Корнилов занимал маленький домик фермы, находившейся на высоком берегу Кубани. Отсюда шел спуск к городу, и домик стоял окнами в сторону Екатеринодара, то есть врага. Корнилову указывали на опасность, грозящую ему. Белый домик, совершенно открытый в этот период года, не мог не привлекать внимания красных артиллеристов. До сих пор судьба была милостива и плохая стрельба большевиков не давала результатов. Поэтому-то и удивительна эта страшная случайность.

В ночь с 30-го на 31 марта (с 12-го на 13 апреля нового стиля) генерал Корнилов не спал. Он, как говорят, очень волновался за судьбу назначенного к утру штурма Екатеринодара. Большевицкая артиллерия и ночью не прекращала огня, изредка, и больше наугад, посылая снаряды в нашу сторону. Ночью Корнилов занимался в своем домике. Состоял он из двух маленьких комнат. Комната, где стояла койка Корнилова, была очень маленькая, насколько помнится мне, не более 12 квадратных аршин. В ней, кроме койки, был стол и один стул.

Генерал Корнилов был не один, с ним были его два адъютанта — поручик Долинский и красивый текинec, корнет Резак-хан, щеголявший на походе, с чисто восточной ухваткой, своими черкесками и башлыками. Генерал, поговорив с ними, сел на кровать и собрался поспать немного. Как только он лег лицом к стенке, шальная граната ударила в низ стенки, пробила ее и разорвалась под самой кроватью.

Как это ни странно, оба офицера, бывшие тут же, даже не были ранены, если не считать мелких царапин от обсыпавшейся штукатурки. Когда, через мгновение, они пришли в себя, они увидели в пыли и дыму лежавшего замертво генерала Корнилова. Они быстро подняли его и с помощью текинцев, личной охраны генерала Корнилова, вынесли его из дома. Из боязни, что обстрел будет продолжаться, они отнесли его немного правее к берегу Кубани и здесь положили на землю и стали искать рану. Корнилов тихо вздохнул и умер.

На нем не было никакой серьезной раны. Как выяснилось позднее, взрывом его бросило о стенку комнаты и он убит был от контузии, а не от осколка снаряда. Так погиб на своем посту великий русский патриот, человек, всю жизнь свою посвятивший своей Родине, убитый шальным снарядом, направленным рукой русского.

* * *

Мы уходили из Елизаветинской станицы поздним вечером. Около хаты, занимаемой генералом Алексеевым, я встретил ротмистра Шапрона. Он был подавлен всем, что произошло. Мы сели с ним на зава-linkу и грустно курили. Генерал Деникин решил быстро увести армию из-под ударов большевиков, резервы которых все прибывали в Екатеринодар. Куда мы шли, точно не знали; знали только, что на север.

Кто-то оказался с нами рядом, и я спросил Шапрона по-французски, куда же мы идем. Он пожал плечами.

— В черную ночь? — спросил я. — Да, в черную ночь.

И так мы ушли, не зная куда, с чувством мучительного разочарования. Екатеринодар, казавшийся нам обетованным, принес нам только самые тяжелые разочарования. Здесь пал генерал Корнилов; здесь усталая армия разбилась о все новые силы большевиков.

Популярность Корнилова была огромная. Деникина мало знали, и это спешное отступление куда-то в неизвестность не могло не породить и страхов, и различных слухов вплоть до возможности распыления армии. Тяжелое впечатление произвело и известие об оставлении части раненых, которых безжалостно, зверски перебили большевики. Погибли и сестры милосердия, оставшиеся с ними.

Какое-то дьявольское счастье покровительствовало большевикам. Об этом мы говорили с Шапроном, и как часто, к сожалению, пришлось вспоминать этот разговор. Единственный снаряд, разорвавшийся на ферме, должен был убить именно генерала Корнилова, не тронув никого из его окружающих. Такой же снаряд, выпущенный наугад, окончил жизнь генерала Маркова в июле 1918 года. Генерал Алексеев умирает в момент торжества союзников. Если бы он был жив, нет сомнения, что его светлый разум, то уважение, которым он пользовался в союзных армиях, изменило бы отношение к нам союзников. А в то же время Ленин и Бронштейн живы и процветают. Дьявол, этот князь мира сего, торжествует и радуется.

Я не стану описывать этот ночной и дневной переход в 50 верст. Моя записная книжка часто говорить мне о «днях великого разочарования», о холоде, о какой-то пустой хате, где мы согревались с однофамильцем убитого генерала молодым полковником Корниловым, о негостеприимных станицах, видевших в нас беглецов и отступающую армию, и о приходе в знаменитую «колонку» Gnatchbau. Эта немецкая колония, образец чистоты и порядка, с пивным и колбасным заводом, являлась оазисом среди грязи станиц, и здесь-то нам пришлось испытать чувство казавшейся неминуемой гибели.

После тяжелого перехода я ночью добрался только до нее, усталый, разбитый и разочарованный. В небольшой комнате нас спало вповалку 22 человека. Моя книжка говорит, что нам было голодно и что мы набросились на пиво.

Утро 2 (15) апреля было нерадостное. Слухи о том, что армия перестанет существовать, все усиливались. Говорили об уходе в горы наших черкесов, к счастью неоправдавшемся, о необходимости распыления. Единственный якорь спасения армии, казалось, уже не мог быть верной надеждой. Все ее жертвы были излишни. В лучшем случае нам предстояло бегство и бездомное скитание в большевистском море. Помню только одно, что нас было несколько человек, которые решили уходить, только взяв с собой наших милых барышень Энгельгардт. Как видите, дело доходило уже до подробностей.

С утра большевистская артиллерия настигла нас и начала нас обстреливать. Весь обоз был собран на единственной улице деревни. Наша артиллерия почти молчала. Оставалось у нас всего четыре орудия, другие за неимением снарядов пришлось бросить. Большевики же выпускали очереди из шести орудий. Спасала нас только их плохая стрельба. Однако к вечеру ее наладили. В доме, который занимал генерал Алексеев, был убит один из его сопровождающих; у нас на дворе был тяжело ранен в живот один из возниц обоза и ранена лошадь.

Перед едой мы собрались в комнате рядом с кухней. Я стоял у окна. В это время шрапнель разорвалась перед домом в палисаднике, посыпались стекла, и тихо по подоконнику побежала шрапнельная пуля. Я ее взял с собой и долго хранил. Она так невинно вбежала к нам, точно несколько неуместная шутка. И вот в этот момент я услышал чей-то голос: «А пышки готовы?» Так силен голос голода в человеке, что даже самая близкая опасность не может его заставить забыть о нем.

Я вышел во двор. Мной овладело какое-то отупение. Думалось о том, что вот сейчас все погибнет, что все это было ни к чему, и действительно, как-то менее беспокоили снаряды. Не хотелось никого видеть, не быть в переполненной комнате, где все переглядываются от близкого разрыва. Я сел на пустую линейку. Против меня у стенки стоял маленький бритый немец-колонист. Он внимательно осмотрел меня и тихим голосом спросил:

— Ты привик?

— Привык, — мрачно отвечал я.

— Бедный.

И так много жалости было в его простых словах, так обидна была этому мирному человеку мысль, что люди могут привыкнуть к этому братоубийственному истреблению.

К вечеру большевики подвезли еще артиллерии, и, когда мы уходили, огонь их по деревне достиг большой силы. Одно время казалось, что обозу не выйти. Все, что можно было оставить, было брошено. Лошадей совсем не хватало, и они выбились из сил. Часть раненых тоже не могла быть вывезена — мы уходили как могли. Не дай Бог переживать такой уход с людьми, потерявшими голову, бессильными перед сильнейшим врагом, среди мчащихся обозов, криков, ругани в темную ночь.

И тут где-то раздалось наше «Ура!», и вдруг стрельба притихла. Вновь где-то наши доблестные части спугнули большевиков, не решавшихся принять удар, и с этого момента стрельба пошла более разбросанная. Стало темно, и снаряды их разрывались уже довольно далеко от нас. Я заметил кучку людей у края дороги. Я подошел ближе и увидел лежащего человека. Это был раненый, уползший из «колонки», боясь быть брошенным. Его уложили кое-как на переполненную подводу.

В «колонке» было оставлено все, что можно было оставить. У меня был кожаный чемодан, который служил облучком для кучера, хороший, крепкий, автомобильный чемодан. Его пришлось тоже бросить. Мое теплое пальто я еще отдал в Ольгинской, и у меня осталось всего полторы смены рваного белья, мои записки и бумаги Шеншина. Записки я переложил в карман, а бумаги уничтожил, кроме одной тетради. Все мои записки и статьи, по ним написанные, мне много времени спустя пришлось бросить в Ростове. Моя газета, следовавшая за армией, неминуемо теряла часть своего очень нужного материала.

Мы постепенно спускались. Справа от нас начались так называемые плавни. Было холодно и ужасно сыро. Здесь-то я и получил свою кубанскую малярию, которая иногда напоминает мне о себе и теперь, три года после нашего похода. Лягушки в плавнях поднимали такой крик, что гул стоял над степью и не слышно было громахание колес громадного обоза. Говорили, что благодаря их помощи большевики, как я уже писал, не любившие беспокоиться по ночам, не услышали шума обоза.

Мы шли наперерез железной дороге из Екатеринодара в Тимошевскую станицу, так называемой «морской ветке». Так сказал мне прапорщик Чапала. Прапорщик ли он был, был ли он Чапалой, никто не знал. Как он попал в политический отдел генерала Алексева, тоже никто не знал. Он был необычайно невежествен, и офицерского в нем не было ничего, кроме погон. Но нюх у него был замечательный, он мог узнать любую новость, найти то, чего никто не найдет. Он, например, на походе торговал табаком, хорошими папиросами, иногда

первого сорта, в то время когда мы рады были всякому хламу. Меня удивил тем, что в одной из станиц нашел фотографический портрет в красках моего отца, выпущенный одним журналом по случаю 50-летия деятельности Алексея Сергеевича Суворина. Как и где он достал его, никто и догадаться не мог. Я долго хранил его, пока он не истлел. Другой друг, в Крыму, нашел мне такой же, и теперь я вижу перед собой его массивную, немного согбенную фигуру за его столом, заваленным книгами и бумагами, его белые волосы и белую бороду и задумчивые, испытывающие глаза, смотрящие поверх очков. Он умер в 1912 году накануне войны Балканских государств против Турции, и перед братоубийственной сербо-болгарской. Скольких разочарований смерть помешала пережить его большому русскому сердцу.

Чапала все знал — мы действительно подходили к железной дороге. Перед рассветом обоз остановили; запрещено было курить и громко говорить. Впереди и слева и справа виднелись редкие огни. Тогда мы еще не думали, что судьба наша висела на волоске. Большевики, с двумя бронепоездами, были в двух-трех верстах от нас.

Мимо нас проезжали конные и тихо передавали, чтобы все вооруженные шли вперед. Должен признать, что среди обозчиков народу нашлось очень мало. У всех находилась более неотложная задача, а темнота и тишина, прикрывавшая нерешительных, способствовала их уклонению. Да трудно было рассчитывать на этих усталых людей, не связанных криком и ближайшей дисциплиной. Наша кучка скоро таяла. Никто не решался взять на себя начальство над этим сбродом, вышедшим ночью из темного обоза.

На дороге я обогнал Шапрона, который оставил больного генерала Алексеева и шел к железнодорожному пути. Он нас повел. В это время раздались один за другим два взрыва, и вспыхнувший на мгновение свет показал нам насыпь в сотне саженей и на ней поезд. За ними последовали орудийные очень близкие выстрелы и затрещала ружейная пальба. Когда мы прибежали к переезду, мы застали у него генерала Маркова. Как всегда, он был в папахе и в серой теплой куртке без оружия, с нагайкой. Как всегда, он крепко ругался.

Поезд стоял. Два вагона его горели, и в них слышались разрывы патронов. Изредка артиллерийский снаряд пробивал вагон и с особым свистом кувыркался и как-то особенно страшно шумел. Понять что-нибудь сразу нельзя было в этой полутьме. «Да что ты кланяешься, — крикнул мне Шапрон, — это наши с той стороны стреляют».

Тогда это меня ободрило, но скажите, в этой ночной неразберихе, когда артиллерия почти в упор простреливала вагоны и снаряды свистали над головой, чтобы разорваться совсем недалеко, чем «свой» был

лучше «чужого». На рельсах я встретил генерала Романовского, оставшегося начальником штаба у генерала Деникина. Как всегда, он был спокоен и, увидев меня, с саркастической улыбкой сказал: «А, и вы здесь».

Но я должен отойти несколько от своих впечатлений и рассказать, как умею, что произошло в эту памятную ночь. Генерал Марков был в авангарде. С ним он перешел без выстрела железную дорогу и захватил будку, находившуюся в расстоянии версты от станицы Медведовской. Там стоял под парами большевистский эшелон и вооруженный поезд. Спереди и сзади его были платформы с орудиями; локомотив и один вагон были забронированы; было еще два или три вагона, один классный с комиссарами и начальством. Другие два поезда были недалеко, охраняя переезды через железную дорогу.

Большевистский главковерх Сорокин понял, что нужно учесть наш уход из-под Екатеринодара. Он приказал прекратить преследование армии у Gnatchbau, где против наших действовало десять орудий. С главными силами он отправился на узловую станцию Тимошевку, предполагая, что армия и наш обоз пройдет там, а бронепоезда послал сторожить главные переезды. Сорокин человек был талантливый, хотя и простой фельдшер, и план его разбился только об удивительную доблесть нашего славного героя генерала Маркова. Все это я пишу по запискам в своей книжке, которые мне удалось набросать позднее, после моей болезни.

Когда Марков захватил переезд, к нему присоединился генерал Деникин со штабом, и тут, в железнодорожной будке, было принято решение. Генерал Марков от имени сторожа предупредил станцию, что нужно выслать поезд, так как издали подходят «кадеты» (так обычно называли армию красные). Поезд двинулся. Оба наших орудия, которые только и были в распоряжении Маркова, были поставлены у пути у будки.

Когда поезд тихо подходил к переезду, генерал Марков, подбежав к нему, бросил в машинное отделение бомбу, а оба орудия немедленно открыли стрельбу почти в упор гранатами. Поезд остановился совершенно подбитый. Офицеры офицерской роты вскочили в вагоны, вывели нескольких человек и перебили защитников, попробовавших оказать сопротивление, и прислугу у орудий. В это самое время я и подоспел к месту события.

Стало немного рассветать. Романовский приказал нам разгружать платформу от лотков со снарядами. Мы пополняли нашу артиллерию. Какая это была радость. Марков бесился и кричал: «Где же драповая кавалерия?» («Драп» — слово новое. Оно значит — бегство, вернее,

удирать. Многие, не бывшие в строю, завели себе лошадей, и их, как и благородных кубанских политических деятелей, бывших на хороших лошадях и никогда не участвовавших в боях, называли «драповой кавалерией». — Б.С.) Кричал он что-то очень нецензурное о какой-то части, не подошедшей вовремя, обругал нас за то, что мы разгружаем снаряды, когда нужно расцепить поезд. Действительно, два вагона горели, и нужно было их изолировать. Я с другими занялся этим. Между путями лежал мертвый большевик, и я помню, как колесами вагона мы перерезали ему руку, лежавшую на рельсах.

Мы перекатали поезд на другую сторону переезда и освободили дорогу. В это время справа от нас показался большевистский поезд, двигавшийся на помощь первому. Тут же, с большевистской платформы из большевистского орудия наши удивительные артиллеристы открыли по нем и по пути такой меткий огонь, что он, не настаивая, отошел вне сферы досягаемости. В это время я попался под руку Маркову, и он мне приказал найти гранатчиков; я приблизительно знал, где они, и побежал за ними.

Когда я вернулся, передав приказание, было уже светло. Догорал, треща, вагон с патронами и соседний. Два вагона были открыты, и там мы нашли хлеб, сахар и еще что-то. С каким удовольствием я отхватил здоровую краюху хорошего белого хлеба и сколько мог сахара. Но нас разогнали и стали карьером пропускать обоз. С гиканьем и криками неслись повозки и с имуществом и с ранеными. Это было зрелище совершенно невероятное.

Впереди нас, в полуверсте была станица Медведовская. Слева наши уже перестреливались с засевшими большевиками. С одним офицером я присоединился к ним, но стрельба большевиков была очень неуверенная и быстро прекращалась. Изредка откуда-то в нашу сторону летел снаряд и рвался безрезультатно. Большевики отходили в полном беспорядке, и даже в самой станице был захвачен штаб «карательной» экспедиции во главе с ее начальником Гриценко, который должен был на другой день «судить» станицу.

Весь этот неожиданный успех дала нам доблесть и находчивость генерала Маркова. Благодаря его смелости армия не только вышла из ловушки, но разбила вооруженный поезд, отогнала другой и подбила третий, который подходил от Тимошевки. Весь обоз, не потеряв ни одной повозки, был спасен, и наша маленькая, но доблестная артиллерия пополнилась снарядами.

Наряду с Марковым тогда покрыл себя славой полковник Миончинский. Этот доблестный доброволец с самого начала армии был в ней. Это он вывел свои орудия к поезду, остановил его и отогнал другой

поезд. Он пал в 1919 году, командуя артиллерией Марковской дивизии, оставив после себя незабываемую память. Нет офицера Добровольческой армии, который бы не знал Миончинского. Он приспособил своих офицеров и солдат к особенностям гражданской войны, когда во время атаки артиллерия не раз обгоняла наступающие цепи.

Но самая большая победа, весь успех заключался в том, что в отступающую, разбившуюся об Екатеринодар армию, потерявшую обожаемого вождя и терявшую веру, Марков своей доблестью влил новую уверенность в победе.

В Медведовке я совсем отстал от своих, ушедших вперед. Армия и обоз уходили к Дядьковской в сторону от железной дороги, к которой жались большевики. Идти пришлось еще 16 верст. В самой станции я увидел Чапалу, бегавшего из одной пустой хаты в другую и ниоткуда не выходявшего с пустыми руками. Этот тип людей всегда живет в армии и умрет с войной. К чести нашей армии надо сказать, что Добровольческая армия Первого похода никогда не оставляла за собой ненависти, кроме явно враждебных селений Ставропольской губернии. Везде мы платили, и хорошо платили.

В то же время надо признать, что более обеспеченное население, как, например, купцы, отказывали нам во всем и драли с нас страшные деньги. Я никогда за все время похода не видел, чтобы местная аристократия, лавочники, подарили хотя фунт табаку, и никогда не забуду старушку казачку, стоявшую у околицы станции Незамаевской с протянутой рукой. В ней была маленькая, вкусная, сладкая булочка. Я взял ее, а она поклонилась мне и сказала: «Прости, ради Бога».

Как велика бывает эта маленькая жертва, как согревает она сердце и как заставляет она верить в то свое, из чего силы берешь, в свое народное — русское. И вот вам другой пример. Мы уходили уже в начале мая 1918-го, после удачной экспедиции с Дона на Кубань, из одной станции. Я был при штабе генерала Алексеева, и Шапрон поручил мне вести хозяйство нашей маленькой группы. Мы прожили одну ночь у купцов, что-то съели рублей на 50. При отходе нас стала догонять большевистская артиллерия. Хозяин сидел в подвале со страху. Я сверху спросил его, сколько мы ему должны, а он, бледный и испуганный, запросил 200 рублей. Я ему бросил двадцатипятирублевую бумажку, и он со вздохом забрал ее. С ней ему легче было готовиться к смерти.

Я очень отвлекся от станции Медведовской. Погода была прекрасная, было уже совсем тепло; мы переходили плотину как всегда запруженной реки; я что-то купил в веселой лавке, где бойко торговали, где трудно было пробиться сквозь бодрых, окрыленных победой лю-

дей. По дороге я обогнал знакомого офицера, увешанного мешочками и с расшитым полотенцем, висящим на шее. Этого человека я знал. Это не был тип Чапалы. Он мне радостно протянул кусок пирога и бублики.

— Представьте себе, — сказал он, — встретил свою старую няньку-казачку, напоила чаем, угостила, дала все это и шею полотенцем повязала. Все просила, чтобы я у ней еще что-нибудь взял. Да и так не съест и не унести.

Взобравшись на гору, я почувствовал сильную усталость. Я несколько не удивился этому. После всех волнений, после ночного перехода верст в тридцать не трудно устать. Я зашел в хату, выпил молока и пошел дальше, но ноги совершенно отказывались служить. Подсесть на подводу было нельзя. Обоз ушел далеко вперед. Я пошел его догонять, наперерез, степью. Меня обогнал маленький Поздеев, тот самый, который передал мне весть о смерти Корнилова. Когда этот маленький человек, который любил говорить «мы с Корниловым» или «мы с Деникиным», всегда ехавший верхом, легко меня обошел и я не мог попасть ему в «Пейс», как говорят в спорте, я понял, что что-то со мной хуже усталости.

То и дело останавливаясь, спотыкаясь, какими-то чужими ногами плелся я по степи. Обоз казался мне недосягаемым. Тут меня встретила женщина-каптенармус, всегда бодрая, — Игнатьева. Это была совсем простая, некрасивая, но милая девушка-солдат. Она узнала о моем бродяжничестве, вышла ко мне навстречу, и, опираясь на нее, я кое-как, со свинцовыми ногами добрался до какой-то повозки, на которую и взобрался. Голова у меня шумела, слабость была страшная, какая-то тупая и безразличная.

Она мне показала повозку, в которой везли «начальника карательного отряда», бывшего солдата Гриценко. Это был небольшой человек, с маленькими, умными, но беспокойными глазами. Вез его казак, которому Гриценко угрожал смертной казнью. Таковы случайности гражданской войны.

Мы приехали в Дядьковскую еще до вечера. Как только я узнал, где нам отведена квартира нашим ловким квартирмейстером, донским казаком Н., я записали кое-что в свою записную книжку, что-то поел и, положив под голову свой почти пустой чемоданчик, лег на скамейку под образа. Дом был хороший и большой. Места было много. Можно было найти лучшее место, тем узкая скамейка, но бесконечная слабость охватила меня, ноги были тяжелые и болели, голова была какая-то дикая. Я очнулся, когда было совсем темно. Надо мной была лампада и образа. Я закрыл глаза, но сейчас же почувствовал, что кто-то что-то вы-

таскивает у меня из-под руки. Я полуоткрыл глаза. Смотря на свет на термометр, передо мной стояла Вера Энгельгардт. «У него около 40 градусов, надо его перенести на кровать». Я понял, что заболел, и вновь забылся.

* * *

Сколько раз я в те дни и ночи торопливо обгонял раненых и больных; сколько видел я за этот поход усталых и безразличных глаз, провожающих нас, здоровых, шагающих рядом с больными и безнадёжными, и никогда я не думал, что могу быть раненым или больным.

Не знаю, кто сказал: «Человек — оптимистическое животное»? Я им был на войне. Когда я думал о ране или смерти, я ее поэтизировал. Если рана была и смертельна, то я непременно присутствовал на своих похоронах и видел неутешное человечество, и все женщины, которые меня любили, убивались вокруг моего гроба, пока я, живой мечтательный покойник, был жив и здоров. Во время боев, конечно, было страшно, но страх был безотносительный, инстинктивный.

Я не был ранен, я просто заболел очень острой малярией. Весь поэтический «героизм» пропал, как и должен был пропасть. Во-первых, у меня была очень высокая температура, и я был без сознания. В бреду я что-то видел, говорил на иностранных языках и много проповедовал о религии. Это всегда случалось в редких случаях моих болезней. Но об этом я знаю со слов других людей.

Я очнулся в хорошей кровати. Около меня были сестры Энгельгардт. Было темно. Я тускло смотрел на них и ничего не понимал. Где героизм, о котором пишут в романах, казавшийся мне столь естественным и даже необходимым. Вместо него, вместо всякой красоты я видел простую, ненужную в печати, в изображении заботу, которую чувствуешь нервно, озлобленно и неблагодарно. Она даже кажется навязчивой и ненужной. Кто был болен тифом и малярией, это поймет. Утром я очнулся совсем и понял, что я болен.

Рядом со мной, как я просил, лежал револьвер, мое перо и красная смешная чернильница грибом, которая и теперь, на моем письменном столе, напоминает мне наш страшный милый поход. Слава Богу, в Дядьковской была назначена дневка, мы уходили только на другой день. В болезненном волнении я просил не оставлять меня, вывезти меня, и вновь, после порции виноградной водки, я забылся. Как потом оказалось, мой организм в это время давал бой на жизнь и смерть разрушительной болезни.

Господь Бог снабдил меня здоровьем. Мой дед был простым мужиком; в 1799 году он был взят в солдаты в Преображенский полк, был ранен под Бородином и в 1835 году произведен в капитаны, получив дворянство. Женился он на дочери священника села Коршева Воронежской губернии и умер, когда ему было за 70 лет, после того как его разнесли лошади. Мой отец умер 75 лет. Другой мой дед был сыном дьякона. Он бежал из Владимирской бурсы, поступил в Московский университет, стал военным доктором и медицинским генералом. Вот это-то мужичье и «поповское» — заслуженное дворянство, вместе с моей любовью к спорту в моей молодости — дало мне возможность и перенести все лишения похода, и выйти победителем из моей болезни.

Вечером мне стало совсем плохо. Это было время, когда я должен был умереть. За это самое время мои милые сестры успели купить мне лошадь, моего, как назвал я его в честь станицы Дядьковской, Дядьку. Я, как в полусне, помню, что они говорили мне, что я могу быть спокоен, что меня вывезут, и как сухой угловатый наш квартирьер сотник Неволин утверждал, что он меня вывезет на конских носилках в одну лошадь. Я благодарил всех, мне хотелось плакать, и я просил оставить револьвер, чтобы застрелиться, если меня оставят. Я это пережил, этот ужасный страх перед большевистским палачом, пережил его бессильным и больным.

Когда я, журналист, читаю бодрые строки своих confere'ов, я думаю, как много претерпевший журналист, изведавший вершины известности (доступна ли нам, не только мне, мои друзья, слава?), кувыркавшийся в самых невероятных условиях газетного дела, я думаю о том, не к чести будь нам сказано, как мы часто пишем по-другому, не так, как чувствуем.

Если мое писание дойдет до французского журналиста, он не должен возмутиться. Я знаю людей из печати, смертью запечатлевших свой подвиг, но мы, живые, выскочившие из тех, что мы так красиво называем, костлявых объятий смерти, разве мы не должны признаться в своей любви к фразе, к прелести побеждающего слова, к своей «формуле», к своей манере писать, к своей профессиональной богине, которая кажется нам прекрасной на газетных столбцах. Да, умереть мы можем; да, мы завтра после похорон умрем, я слишком журналист, чтобы это не понимать, но прелесть нашей профессиональной фразы, нашей строки сильнее всего. Это усталая мысль безработного журналиста, и вы, мои коллеги, ее простите, если не поймете.

Заботы милых сестер меня не оставили. Рано утром меня на распухших ногах вывели и положили в тачанку, где уже было четыре

больных, я был пятым. Меня укрыли и устроили как только можно было. Вы представляете себе путешествие впятером больными на телеге. Чьи-то ноги съезжали мне на голову, мои ноги мешали кому-то и казались мне громадными и длинными. Ехали мы рысью.

Генерал Деникин пришел к блестящему решению. Его увод армии из-под удара, из сети железных дорог удивителен и, конечно, небывало нов. Полководец с маленькой армией и большим обозом сажает всю армию в телеги и везет их рысью по степи, проходя мимо, под носом красных Наполеонов.

Но в то время эта рысь была для меня ужасна. Ноги, мешавшие мне, были офицера, тяжело больного почками. Другой был или в тифу, или в малярии, как и я. Степные дороги, воспетые Гоголем, были ужасны, и мы, то останавливаясь, то с грохотом стремясь дальше среди пыли, не могли оценить их прелести.

Дальше мои воспоминания путаются. Я помню, как мы были в Журавской, где мы побывали еще в начале похода. Это была первая петля восьмерки, которую мы описывали. Помню красные газеты, которые дали нам читать с известием о гибели нашей армии, помню милого полковника Икишева, потерявшего сына-юнкера в этой войне, который вел меня, слабого, жалкого, к тачанке... И вновь бег вперед.

Я почти все время был в забытьи, но, когда мы перескочили через рельсы и вновь заскакали дальше, я понял, что что-то случилось хорошее. Хорошее потому, что не было стрельбы и что мы проехали еще одну железную дорогу. Потом опять мелькали станции по Бейсугу (были еще какие-то Бейсужки). Но моя записная книжка за эти дни ничего мне не говорит, кроме воспоминаний о чудных лунных ночах. Я как-то проснулся ночью. Передо мной, в небе, стояла какая-то радостная луна. Она светила нам и предавала нас врагу. Кругом стоял грохот колес. Обоз остановился. Застонал один из больных от тряски.

Я уже поправлялся и чувствовал божественную слабость возвращения к жизни, но слабость была страшная, упорная. Кто-то сказал: — Сейчас через железную дорогу переходить будем.

И в нашем полубессознательном мозгу встала, как страшный паук со своими броневыми щупальцами, железная дорога — наш злейший враг. Где-то слева, далеко, раздался взрыв. Сейчас же нам рассказали, что взорвали поезд и что большевики бегут. И мы поверили. Чему только не верят люди, которым оставлена только вера в свое спасение. «Обоз, вперед!» И вновь мы трясемся. Мелькает пустая железнодорожная будка, и тихая ночь вновь освещает этот странный поток людей, ищущих Родину. Господи, кто не испытывал радостей и горестей похода, поймет ли он все его величие и трагизм!

В моей записной книжке я вижу простые слова: «Хозяйка, хозяин, табак, водка, заботы о лошадях и людях, слезы радости». Вот эти «слезы радости» — разве можем мы забыть их. Разве они и теперь не дают нам счастья? Я журналист, только что писавший о дорогой нам фразе, но, когда я вспоминаю и эту лунную ночь, и этот переезд, и хозяина, и хозяйку, это уже неподдельное чувство. Не верьте мне, нам, газетчикам, мало верят, но, встретив соучастника похода, мы вспомним какую-нибудь мелочь, и опять защекочат в горле «слезы радости», о которых я наспех писал в записной книжке.

Деникин вывел из окружения армию. По моей записной книжке это была последняя железная дорога. Это было не так, но мы так думали. 8 апреля я записывал: «Переезд (через ж. д.) крест. Слава Богу. Старик вывел». Я охотно и любовно дешифрирую эти иероглифы. Мы перекрестились и благодарили Бога. Старик — это Алексеев. Наш вождь, выведший нас, был Деникин, и не он, и не те, как и я, глубоко чтущие нашего «великого старика», не увидят в этом умаления заслуги генерала Деникина. Это он вывел нас с нашим страшным обозом, делая по 60—70 верст в сутки. Это его энергия спасла армию, и в этом его незабываемая заслуга. Он дал возможность завершить начатый Корниловым поход, и он вписал этим, если есть военно-историческая справедливость, необычайную, красивую страницу в русскую военную историю, такую забытую и заброшенную.

Мне тогда представлялась эта борьба как увлекательная партия в шахматы: с одной стороны большевики, выигравшие такую важную фигуру, как генерал Корнилов и темп, с другой стороны Деникин, с единственным шансом на выигрыш темпа. Этого и добивается он. Не будучи в состоянии выиграть силой, он выигрывает в темпе и не только в нем, но заставляет большевиков принять его игру, то привлекая к себе противника, то неожиданными быстрыми передвижениями, не давая ему сосредоточиться, опять гнаться за нами, вновь мечтать об окружении и охватывать только пустоту.

Только эта спокойная рассудительность спасла нас от неминуемого окружения и гибели со всем нашим громадным десятиверстным обозом. В этой шахматной партии встретился опытный маэстро, сумевший уже проигранную партию если не привести к выигрышу, то к ничьей. Но эта ничья дорого стоила большевизму. Как опытный, хотя и раненый фехтовальщик, Деникин, все время парируя нападение противника, беспрестанно и ловко наносил ему удары, в то время когда его выпады и атаки встречали всюду непроницаемую защиту или утомляли его бесцельным и изнурительным рассечением воздуха.

Так прошли мы в богатые станицы Ильинскую и Успенскую, где мы хорошо отдохнули, простояв там более недели. Моя болезнь, казалось, совсем оставила меня, и я переживал счастливое время возвращения сил и здоровья.

* * *

И вот, неожиданно, мы узнали, что донское казачество свалило во многих округах большевистскую власть и ждет нашу армию как избавительницу. Тот же лихой полковник Б., который первый добился связи с Кубанской армией генерала Покровского, вызвался проехать на Дон, чтобы выяснить обстановку. С несколькими казаками он, пробираясь ночью, перебрался через границу Кубани и Ставропольской губернии и явился в станицу Егорлыцкую. Его приезд был встречен восторженно.

Он сам мне рассказывал свое удивительное путешествие с Кубани на Дон и обратно. Какими-то путями донцы узнали о его ожидаемом приезде, и у первой станицы в конном строю его встретила полусотня, выстроенная в полном порядке. Все казаки были в погонах; по постановлению станичных сходов дисциплина была введена строжайшая. Офицеров не только пригласили занять должности, но фактически приказали им занять их.

В двух или трех боях донцы разбили посланных против них красных и отняли от них пушки и пулеметы. Во главе станицы Егорлыцкой стоял простой казак вахмистр Никифоров. Немедленно он созвал из округа представителей восставших казаков, и они передали Б. их просьбу к Добровольческой армии о помощи.

Наступала весна, и казачество просыпалось. Те части, которые ушли за атаманом Поповым, части южного отряда полковника Денисова, после целого ряда успешных боев подходили уже к Новочеркаску — столице Дона.

Б. должен был как можно скорее обрадовать этими новостями генерала Деникина, и он с несколькими охотниками из казаков, донцов и кубанцев двинулся обратно через большевистский строй. Все шло благополучно, пока ему не пришлось днем в открытой степи пересекать железную дорогу, охраняемую большевиками. Увидя большевистскую заставу и подходивший контролирующей бронепоезд, Б. приказал своим людям спешиться и смешаться с гуртом лошадей и скота, который случайно проходил по той же дороге. Погонщикам скота было приказано, довольно энергично, молчать и идти прямо степью к полотну железной дороги, и казаки и Б., ведя сре-

ди гурта в поводу своих лошадей в большой пыли, поднятой гуртом, достигли насыпи.

Здесь большевистская застава, вдвое или втрое более сильная, чем конвой Б., заметила что-то неладное, и несколько всадников отделилось от нее к гурту. Сопротивляться можно было, но важнее было предупредить генерала Деникина о восстании, и Б. приказывает своему маленькому отряду немедленно садиться на коней, и они, карьером, лавой, скачут от изумленных красных. Лошади были утомлены большим переходом, но тот гандикап, который был в распоряжении Б., он сумел использовать и, не потеряв ни одного человека, достиг наших расположений и явился с докладом к генералам Деникину и Алексеву.

— Это было совсем из Майн Рида, — рассказывал мне Б. про свою эскападу.

Наша армия обязана была ему связью и с Кубанской, и с восставшей Донской армиями.

Я написал: «Наступила весна, и пробудилось казачество». Я вспоминаю слова удивительного казака, прекрасного генерала и спокойного, рассудительного политика генерала Богаевского — атамана Войска Донского. Он говорил мне, что весной всегда казачество готово к восстаниям и к деятельности. Им становится жалко своих плодородных степей, своих богатств, скрытых в плодотворную землю, и они полны энергии. Каждая осень и зима убивает их энергию. Им кажется, что не за что бороться; холод и тяжелая служба угнетает их, и падает их воля.

Генерал Богаевский очень интересный человек и тонкий и умный дипломат, в хорошем смысле этого слова. Он настоящий казак и настоящий русский человек и генерал. Он чужд сепаратизма. Он всегда был сторонником союзников и нашей армии, в которой он пользовался всеобщей любовью. Он гвардейский офицер и не чужд был связей со двором, и в то же время ни один демократ не мог упрекнуть его в чем-нибудь обидном для него. Его тихая медлительная манера говорить, без аффектации, его упрямая казачья уверенность в своей правоте позволяли ему быть, даже когда немцы были на Дону, министром иностранных дел и первым другом Добровольческой армии, из коей он ушел только по настоянию генерала Алексева, который видел в нем искреннего и верного друга.

Сами немцы, не любя его, относились к нему с нескрываемым уважением. Они видели в этом тихом, уравновешенном человеке, друге атамана Краснова, тоже талантливого дипломата, но сторонника сближения с немцами, крепкую силу. Понимал это и Краснов,

и, к чести его будь сказано, как ни менялись события на Дону, он всегда сохранял, как и мы, знавшие Богаевского, свое глубокое уважение к этому прекрасному генералу и умному честному человеку.

* * *

Никто из не переживших гражданскую войну не может себе представить ее ужасов. В любой войне врагов все же разделяет пространство между фронтами, разные мундиры, военные обычаи, язык. Здесь ничего этого нет. Дерутся братья между собой, и с какой-нибудь горы никто не мог бы разобрать разницу между двумя фронтами; и самое ужасное — это то, что, вступая в эту борьбу, вы, кроме смерти или окончательной победы, ничего не можете видеть. Во всякой другой войне вас могли ранить, вы могли заболеть. Как бы ни были скверны условия войны, вы знали, что вас отправят в тыл, где вас будут лечить, и в самом крайнем случае вас подберет неприятель. Кроме того, у каждого есть надежда, что настанет мир, и люди вернутся по своим домам, и вчерашний враг станет далеким и никак не угрожающим.

Не то в ужасе войны с большевиками. Это не только классовая борьба. Это вовсе не рабочие, которые восстали против своих предпринимателей, или крестьяне против помещиков. Нет, тут злой, дьявольский разум кучки людей, которая не может быть велика, так как ничто ее не объединяет, кроме жажды власти и в некоторых, исключительных, случаях безумный фанатизм.

Эта кучка властолюбцев, корыстолюбцев, фанатиков вполне естественно встречает резкий отпор среди государственных элементов, которые группируют вокруг себя тех, кто признает их авторитет и их искреннее желание спасти Родину.

Большевицкая революция сразу выкинула лозунг уничтожения всех с ней несогласных. Путем тирании и угрозы смерти и обещанием быстрого проведения социалистических лозунгов в жизнь она на вербовала в массах и тот нерешительный элемент, который легко запугать угрозами, и тот, который поверил, что через братскую кровь можно достигнуть счастья — рая земного.

Борьба с этими людьми могла быть, к сожалению, только самая жестокая и самая безжалостная, но надо сказать, что наши начинали с того, чтобы идти на мягкие меры. Брали пленных, подбирали раненых и т. д. Но когда на эту минимальную гуманность ответом была самая безудержная и бессмысленная жестокость и зверство, естественно, рождалось чувство мести и недоверия к лживому и ко-

варному врагу. Случай с Чернецовым и Подтелковым ярко иллюстрирует это, и неудивительно, что чернецовцы, обожавшие своего доблестного молодого вождя, расплачивались за его кровь, отбросив всякое чувство сожаления.

У молодого человека зверски убивали брата, сестру, мать, и он приблизительно знал, кто убийцы (это ведь не великая анонимная война), естественно, что он, дорвавшись до своих врагов, был жесток и неумолим.

Вспомните, кроме того, что Добровольческая армия была очень слаба числом и сильна качеством бойцов и умением своих вождей, поэтому всегда потери в бою неприятеля во много раз превышали наши, а когда возможно было дойти до погони, и в десятки раз. Это озлобляло нашего красного врага, он мстил на беззащитных и слабых, отсюда новая месть, и красный кровавый клубок бесконечно размазывался по Югу России, запутывался в тот гордиев узел, который невозможно развязать, и только способ Александра Македонского, разрубившего его, может быть действенным.

Все суждения досужих людей о ненужной жестокости во время гражданской войны рассыпаются как пыль перед страшной действительностью. Большевики какой-нибудь деревни разгромят казачью станицу, пойдите и объясните казакам этой станицы, когда они доберутся до этой деревни, что жестокость их не нужна и вредна делу. Этого можно домогаться у себя в кабинете за письменным столом, а не в казачьей степи. Можно этим возмущаться, но положить конец этому ужасному самоуничтожению можно только лишь утопив в их собственной крови главных виновников и инициаторов небывалой смуты.

Первое время вид убитого, своего же русского, производил на меня гнетущее впечатление, но полное убеждение в том, что останься здесь раненым и больным — и тебя непременно зверски прикончат, замучив, унизив до самого последнего вздоха, постепенно примиряло с жестокостью войны. Вспомните гибель генералов Рузского и Радко-Дмитриева, которых постепенно дорубали пьяные негодяи; мы знаем судьбу наших раненых в Новочеркасске, Ростове, Елизаветинской и в «колонке». Все доказывало участникам этого похода, что их ждет только смерть или победа, и поэтому медленным и верным ядом в сердца их внедрялась жестокость и равнодушие к крови.

Особенно памятно мне село Гнилобалковское, Ставропольской губернии. Мы пришли туда после большого перехода. Гнилобалковское, как большинство ставропольских сел, было крайне большевистски настроено. Наш разъезд был впущен беспрепятственно, но, как только он добрался до площади, из домов по нем открыли стрельбу.

Ее прекратили, и когда я проходил по площади, то насчитал 20—25trupов. Это была тяжелая расплата.

В этой же деревне я был свидетелем ужасного зрелища. Я все-таки слишком рано понадеялся на свои силы, и переход верхом в 60 верст меня очень утомил. По плотине проходили какие-то части. Я с прапорщиком Алексеевым отстал от своих и подвигался шагом по степи. Речку я переехал вброд и стал медленно подыматься в гору на своем Дядьке. Из-за холма вышла немолодая женщина в наброшенном на плечи армяке, за ней два казака с винтовками и офицер. Она повернулась к ним лицом, потом накинута быстро на голову армяк и пошла от них. В это же время казаки вскинули винтовки. Грянул выстрел, и она упала лицом в землю. Все это произошло в какие-нибудь три-четыре секунды. Я был от всей этой ужасной сцены в двадцати шагах. Я поскакал к этой группе, и офицер холодно и резко заявил мне, что так надо было сделать. Это не было убийством, это был расстрел.

Потрясенный этим зрелищем, я пошел узнавать, в чем дело. Оказывается, что эта женщина рано утром, когда к ней вошло несколько офицеров и казаков, приняла их за большевиков, очень им обрадовалась, предложила есть и тут же с гордостью похвасталась своим подвигом. Накануне четыре наших разведчика зашли к ней (дом ее был на самой околице). Она их напоила, накормила и спать уложила. Потом, когда они заснули, сбегала, как она сказала, за «товарищами» и выдала их. «Вот, поглядите, они там в канаве так и валяются», — добавила она с гордостью.

Гражданская война ужасна, ужасны в ней казни и убийства своих же братьев и еще страшнее убийство женщины. Но как могла решить иначе военная справедливость, самая слепая из всех.

В этом случае, с которым мне пришлось столкнуться, я увидел весь ужас нашей борьбы. Оказывается, муж этой женщины был рьяный большевик и воевал против нашей армии и был убит в одном из боев. Из мести эта женщина уговаривает довериться ей четырех усталых добровольцев, выдает их на убийство и с гордостью хвастается этим. У нее было двое детей — свидетелей этой страшной драмы. Когда она поняла свою ошибку и увидела неминуемую гибель, она не пала духом и кричала: «Ну что же, мужа убили, меня убьете, убивайте и детей». Что станет с ее детьми в будущем, вчера свидетелями изменнического убийства четырех людей, доверившихся их матери, и на другой день казни ее?

Какая вообще ужасная судьба ожидает русское молодое поколение, воспитанное в этой борьбе среди холода и голода, привыкшего к убийству, грабежу и разврату. Что вынесет из этой борьбы молодежь, проведшая три года в братоубийственной резне, не выдавшая

в свои лучшие юные годы ничего, кроме тяжелых испытаний и жестокости. Какой характер нужно иметь, чтобы выйти из этого проклятого ада, охватившего Россию, сохранив в себе веру в Родину и свои человеческие чувства.

В той же самой Гнилобалковской мы зашли в хату закусить. Хозяйка была неприветлива и запутана. Хозяин, длинный несуразный мужик; все время кланялся и старался услужить. Он старался быть любезным и называл нас по ошибке... «товарищами»; на грозный окрик одного из офицеров он совсем растерялся и залепетал о том, что он не хочет обидеть «господина товарища». Когда он вышел, его маленький сын, лет четырех, гордо заявил: «А мой тятя большевик». В том озлоблении, которое охватило тогда наши войска, этого было бы достаточно, чтобы наш хозяин был бы убит; к счастью для него, среди нас не было ни одного кровожадного человека, и мы ушли от него, заплатив ему и посоветовав не учить детей восхвалять его доблести.

Рядом солдат-доброволец чех рассказывал, что он убил крестьянина-большевика. «Почему же он большевик?» — спрашивали его. «Уж я знаю, что большевик», — отвечал тот. Потом говорили, что он никого не убивал, а просто похвастался. В этом люди находили какое-то озверелое наслаждение. Я знал молодых людей, которые спокойно перечисляли, скольких человек они убили. Все это делалось с каким то убийственным молодечеством, как охотник, хвастающийся количеством убитых волков.

Поистине «*homo homini lupus*» стало в России, думалось мне, но объяснение этого ужасного душевного уродства сейчас же подсказывало вам, что чаще всего (я не говорю о садистах) это были люди, перенесшие и иногда и не раз не только угрозы смерти от красных, но сидевшие у них в тюрьмах, видевшие расстрелы своих близких, оскорбленные, разоренные большевистским, забывшим образ человеческий чудовищем. В них горело ярким пламенем чувство мести, и нелегко было им совладать с ним.

Я кончаю эту главу тем же, чем и начал. Самое ужасное в этой гражданской войне это то, что люди становятся ненасытными к крови; то, что эта кровь своя же, еще как-то более хмелит людей, и ничто не может удержать их от мести и кровавого разгула.

В войне, где добровольцев было мало и где против них стояли, опьяненные каким-то призраком власти, недавно бывшие дисциплинированными солдаты, восторгавшиеся всяким убийством, которых на это подбивали агенты Ленина и Бронштейна, якобы на радость пролетариата, другого выхода, как смерть за смерть, почти никто не видел. И это было необычайно тяжело, это давило страшным грузом на

совесть, но внутри трудно было удержаться от вывода, что другого выхода нет. В этом страшном пожаре смерть носилась по нашей несчастной Родине и начинала свою небывалую в мире жатву.

Я как-то прочел о том, что какое-то племя в Африке по религиозным убеждениям решило покончить с собой и достигло этого. Вот такое-то поветрие самоубийства, растления, самоуничтожения охватило тогда обезумевшую «революционную» Россию, и это самоуничтожение продолжается и до сих пор под холодным, спокойным, рассудительным наблюдением кучки чаще всего чуждых русскому племени людей.

Более трех лет смерть носится над Россией, точно ожесточаясь оттого, что она не может никак с ней покончить. Это уничтожение России уже потеряло характер мести. Холодными организаторами гибели России оно введено в систему, и, как это ни странно, этого не хотят понять на Западе.

Россию отдали крови и смерти и махнули на нее рукой. В то время как одни убивают методично, другие, их худшие пособники, рассчитывают с карандашом в руках, какую прибыль может принести все это море русской крови, страшная смертность, гибель детских поколений, развал русской культуры, и их не могут коснуться наши страдания. В лучшем случае они, эти лицемерные островитяне, полагающие, что море служит им преградой для революций, пожимают плечами и утверждают, что мы «преувеличиваем». Каждый золотой фунт, перебегающий по морским водам, это сотни жертв. Мы это видели, это знаем, и мы никогда этого не забудем. Какая-то справедливость должна быть, и, когда настанет ее час, страшен будет голос русской крови и в ней погибнут все те, кто спекулировал на ней.

А пока она льется, льется, изредка ручейком, часто реками, а иногда и разливается как море, за которым не видно России, а видны лишь жадные чуждые хищники и их отвратительные заморские друзья. Русская кровь, кто знает тебе цену? Кто оценит великие страдания нашей великой мученицы? Кто исцелит ее раны и когда же, наконец, мир проснется от своей спячки и поймет, какое ужасное преступление творит он своим безучастием и пособничеством в величайшем из исторических преступлений?

* * *

В этот год Пасха была поздняя, 21 апреля по старому стилю. Где встретим мы ее, мы не знали, но на что-то надеялись к этой Пасхе. Этот весенний русский праздник всегда дышит надеждой и тянет к новым мечтам.

Мы продвигались к Дону. Запомнился мне особенно хорошо один переход за это время. Как-то раз, поздно ночью, мы вышли к последней железной дороге на кубанской территории. За ней мы уже приближались, через незначительный кусочек Ставропольской губернии, к границе Дона, где нас ждало восставшее казачество.

Луна уже заходила, и мы были перед рассветом. Густой утренний туман окружал нас так, что ничего не было видно кругом. Я ехал в рядах конвоя генерала Алексеева. В тумане громыхал наш обоз. Впереди был генерал Деникин со своим штабом, генерал Алексеев был тут же. Приказано было стать, не курить, громко не говорить. Обоз затих, и только пели свои иступленные песни лягушки. По нашей команде пробежала шепотом весть: сейчас будем переходить железную дорогу. В двух- или трехстах шагах от нас стоит красный бронепоезд. Так доносили из тумана разведчики.

Действительно, вскоре мы услышали тяжелые вздохи паровоза. Они приходили к нам из этого молочного облака, окутавшего нас в утреннем молчании. Паровоз стоял на месте. Я не помню, сколько времени продолжалось это томительное ожидание. Что-то было неладное с паровозом. У него, вероятно, буксовали колеса, так как слышно было, что он собирается двигаться. Наш обострившийся слух, казалось, слышал шум колес, не могущих сдвинуть поезд. Где-то кричали петухи, и туман мог разойтись. Нервы были натянуты.

Наконец он собрался с силами и двинулся. Слышно хорошо было его движение, сначала медленное, слышно было громыхание цепей и буферов, и он пошел. Мы не двигались. Он удалялся от нас направо. Туман расходился. Мы начинали разбирать окрестности, скучные, предрассветные. Появился из облака наш обоз, и в это время раздался взрыв, потом другой.

Я не помню, было ли задачей взорвать поезд, но во всяком случае, мост, разделявший нас от него, был взорван, и немедленно двинулись мы вперед, продрогшие в тумане. Железная дорога проходила мимо нас в полуверсте. Хорошим ходом мы проскочили через нее со всем обозом. Бог хранил нас. Вдалеке слышна была перестрелка. Наши передовые части отгоняли поезд, который, поняв свою ошибку, вновь старался приблизиться и открыл по нас стрельбу. Но она уже была почти не опасна, и сбитые с толку красные артиллеристы палили зря по повозкам. Рассказывали, что будто убили кубанского министра, потом говорили, что не министра, члена Рады, потом — что не убили, а ранили, но, сколько помнится, никто из этих доблестных мужей не пострадал. После этого памятного перехода мы

добрались до станицы Плосской, или Ново-Корсунской, где мы завершили восьмерку нашего незабываемого перехода.

Вскоре мы добрались до Лежанки, где впервые встретили сопротивление большевиков в начале похода, сопротивление, столь дорого стоившее им. Мы остановились у священника. Была страстная неделя. Матушка пекла куличи. Красили яйца, и мы рассчитывали хорошо встретить Пасху в гостеприимном доме. Большевики казались нерешительными и как будто отказывались от преследования.

Мы жили спокойно. Ходили с милыми сестрами Энгельгардт в церковь. Искали водку и скучали по новому идеалу — Новочеркаску, который казался нам таким же прекрасным, как исчезнувший из наших мечтаний Екатеринодар. От первой донской станицы, Егорлыцкой, восставшей одной из первых, мы были в 25 верстах и не понимали, почему мы не идем туда, где казался отдых обеспеченным. А как мы мечтали об отдыхе. Так, в ничегонеделании, дожили мы до страстной субботы и вполне были уверены, что встретим Пасху здесь. Но вот с утра приблизившиеся большевики открыли стрельбу по Лежанке.

Снаряды ложились довольно аккуратно по селу, имея мишенью колокольню церкви, вокруг которой размещались штаб, генерал Деникин, генерал Алексеев и остальное начальство. Были раненые. На площади лежала убитая лошадь. Я сходил к полковнику Рясянскому, приехавшему из дальней командировки. Его впечатления о России были самые мрачные. Россия безвозвратно погибала. Я грустно возвращался домой. В десятке сажень неожиданно ударил снаряд, и улица опустела.

У нас было подавленное впечатление неизвестности. Мы пообещали, и многие расположились поспать. Нас было человек десять в комнате. Артиллерия большевиков действовала вяло. В это время нам приказано было быть готовыми через час, так как мы уходили из Лежанки. Посыпались догадки, предположения. И так, мы не увидим Пасхи! Я пошел к своей лошади, чтобы приготовиться к отъезду. Когда я проходил через двор, низко надо мной пролетел снаряд и ударил где-то за нами невдалеке. «Перелет», — подумал я, потом: «Недолет», а потом...

Я не успел дойти до конюшни, как страшный треск раздался сзади меня и как будто в самом доме, где мы жили. Я бросился в него. В одно мгновение мне показалось, что снаряд упал в наш дом, где спало человек десять, и я представлял себе уже кучу изуродованных тел. В узком коридоре я встретил перепуганную матушку, ее дочку, скользившую как-то вдоль стены, и жену офицера, жившую у них, всю

в крови. Все это кричало и охало. Я бросился в нашу комнату. Все были на ногах, и никто не ранен. Оказалось, что снаряд попал у самого окна нашей хозяйки, выбил раму и, к счастью, никого не тронул. Только осколки стекла порезали гостью матушки.

После всего этого всем было не до сна и нам приказано было торопиться. Мы уходили на Дон, в Егорлыцкую. Прощай куличи, пасхи и красные яйца!

Мы вышли вечером кружной дорогой вдоль какой-то речки. Сейчас передо мной карты, и с помощью записной книжки я силюсь припомнить этот переход. Ведь это было три года тому назад. Три года испытаний, и сколько пережил я за это время. Я не нашел подробной карты-десятиверстки, которая бы мне указала наш путь, но, развертывая их непослушные свитки, я вспоминаю другие места, другие надежды. Все это куски России, великой, единой, которые ушли от нас, и в этом беглом взгляде на холодную карту, испещренную именами, то дорогами, то связанными с тяжелыми воспоминаниями, тоска захватывает сердце. Мы же были там. Там, на русской земле, искали мы счастье и свое, и своей Родины. Эти краски географической карты залиты русской кровью, и про этих людей, безумно любящих и любивших свою Родину, болтают озлобленные эмигранты, ничего не делавшие для ее спасения, кроме надменного самолюбования и оцепенения ошибок тех, кто работал, кто умирал на этих забытых полях, — чьих могил мы никогда не найдем.

Неужто это все было напрасно, а нужны самодовольные рассуждения и пошлость человечества, чувствующего себя в безопасности?

Этот переход был очень легкий. Во-первых, мы шли на Дон, а во-вторых, мы торопились к заутрене. Наступала темнота, появилась ущербленная луна в облаках. Спичек не было, и мы курили по очереди, так чтобы можно было зажигать папиросу от последнего. Как берегли мы этот священный огонь.

И вот в темноте к нам вышли мельницы, предвестие жилья. Все заторопились, лошади прибавили хода. Замелькали хаты. Лихорадочно мы стали разыскивать квартирьеров, и всех потянуло к церкви. Она уже была ярко освещена. Светлая заутреня уже шла. Кое-как привязав к плетню указанного дома лошадь, распустив ей подпругу, я побежал в церковь. Она была полна народу. В ней было жарко от людей и свечей. Пот лил градом. Но какое наслаждение было услышать наше великое «Христос воскрес».

Я смотрел на серьезные, точно испуганные лица казаков, на своих друзей, и слезы радости, слезы воскресения так и бежали из глаз. «Христос воскрес», — говорит батюшка. «Воистину воскрес», — гулом

идет к нему ответ, и слышу я его сейчас и вижу эти одухотворенные простые лица, освещенные свечами, и чувствую ту радость, удивительную, великую, которая, как ураганом, увлекла меня к счастью.

Да, воскрес Христос, и мы воскреснем, воскресли уже, и пение великой песни, как будто заунывное и вместе с тем волшебное по своей силе, надежде и ясности спасения, сжимает так радостно сердце, что свечка дрожит в руке и слезы в глазах отражают бесчисленные огни свечей и страшная лихорадочная радость горит в сердце, в голове.

Генерал Алексеев христосуется со священником, за ним Деникин. Нет сил терпеть. Хочется плакать, не зная отчего, и я выхожу, мимо тех же бородатых, с иступленно-вдохновенным лицом казаков, из церкви.

Моя малярия оставила странный след. Я очень стал плохо видеть в темноте. Я не могу найти дороги и жалобно взываю к сестре Вере Энгельгардт. «Вера Вадимовна! Вера Вадимовна!» Она находит меня и ведет. Я, как слепой, иду за ней.

Мы возвращаемся. Сварливая, «интеллигентная» хозяйка раздражена нашим приездом и даже не хочет нас угостить. Наш квартирьер Неволин — донец и болеет за все казачество. Он груб и решителен, и мы кое-как разгавливаемся. Наши милые барышни устроены, а мы, усталые и счастливые, валимся спать на холодном балконе.

«Христос воскрес!».

Б. Суворин

ГАЗЕТА НА ТАЧАНКЕ¹²⁹

Оглядываясь на длинный и столь разнообразный, пройденный мной за сорок лет моей газетчины путь, я с гордостью и часто со сжиманием сердца отмечаю в своем одиночестве те взлеты и те спуски, по которым шла кривая моей газетной работы.

Мне кажется, что я могу говорить о гордости. Едва ли кто из моих братьев-газетчиков, а тем более редакторов, может отметить в своей автобиографии (если допустить мысль, что настоящий газетчик способен написать автобиографию) столько разнообразия в своем прохождении газетной службы.

В своей книге «За Родиной», посвященной незабываемому Первому Кубанскому походу — нашему во много раз славнейшему Анабазису, так и не нашедшему своего Ксенофонта, — одну из глав я назвал

«От чердака до подвала». Да, действительно, в моей работе я прошел через все этажи и через всякие условия, иногда кажущиеся невероятными. Работал я и в превосходных условиях, так сказать в «бель-этажах» Петербурга и Москвы, но взлетал до чердака (Новочеркасск) и низвергался до грязного темного подвала (Новороссийск).

Однажды в Шанхае мне пришлось писать свой «День за днем» в то время, как над моей головой китайцы-рабочие, присланные неумолимым кредитором, разбирали крышу, и я видел в открытые окна падавшие кирпичи и черепицы. Все это было, и взлеты, и низвержения, слышу и грохот падающих кирпичей и черепиц, но все это теперь подоткнуто для меня очаровательной дымкой сладких воспоминаний и какой-то нежностью.

Об одном из таких редких случаев моей газетной практики предложил мне рассказать редактор «Часового» В.В. Орехов¹³⁰, который дружески захотел отметить в своем журнале минувшую сороковую годовщину моей газетной работы.

Как-то на походе, когда мы под начальством генерала Деникина, после Екатеринодара и гибели генерала Корнилова, возвращались на Дон и вышли, после подвига генерала Маркова под станицей Медведовской, из готового сомкнуться большевистского кольца и продвигались на север более или менее свободно, меня вызвал к генералу М.В. Алексееву его адъютант, мой большой друг ротмистр А.Г. Шапрон дю Ларрэ.

Было это в одной из богатых станиц — Ильинской, Успенской или другой. Генерал сообщил мне, что в обозе Кубанской Рады, следовавшей за нами, нашлась типография! Много было неожиданностей на нашем походе, но такой я себе представить не мог и не сразу поверил этому известию.

— Да, — сказал Михаил Васильевич, — нашлась типография. Пойдите примите ее. На одной из следующих стоянок мы начнем печатать «Полевой листок Добровольческой армии», редактором которого назначаю вас.

Я поблагодарил за честь и по пыльной улице, во время дождей обращавшейся в невылазное болото, пошел искать таинственную типографию. Как это ни было маловероятно, но она действительно существовала, эта типография, при ней был даже штат — заведующий ею, наборщик и его помощник-тискальщик, он же и возница, так как типография имела в своем распоряжении тачанку и пару коней.

Инвентарь был оригинальный. Небольшой печатный станок вроде тех, которые можно видеть на памятниках пионеров книгопечатания — Гутенберга или дьяка Ивана Федорова в Москве у Театрального проезда. Конечно, при этом в значительно уменьшенном

виде. Был и шрифт. Было его немного, но был он весьма разнообразен и по размерам и по фасону. Некоторые буквы были только заглавного шрифта, другие очень мелких шрифтов, а некоторых букв было в обрез.

Вопрос о бумаге был разрешен по-военному. С преображенцем капитаном Зейме мы реквизировали ее в лавках станицы. Это была первая реквизиция в моей жизни, и дала она также оригинальные результаты. Бумага была столь же разнообразна, как и шрифт. Белой было очень немного, и мы ее берегли для номеров, предназначенных для начальства. Другая была коричневая и разных цветов радуги.

За материалом для газеты дело не стало, и действительно на следующей стоянке вышел № 1 «Полевого Листка Добровольческой армии». Газета была невелика — немногим больше страницы «Часового» — причем текста в ней было вдвое меньше из-за оригинальности шрифтов, что придавало строчке вид, похожий на частокор. Судите сами. Рядом с заглавным «П» помещалось крошечное «о», а «Ж» и «Ш» так и распирала строчку.

С первой моей статьей сразу вышло недоразумение. Наборщик был ею возмущен. «Так нельзя, господин Суворин. В вашей статье слишком много буквы «С». Я вам говорил, что у нас ее мало и надо быть с ней экономнее, а вы наставили ее почем зря». Но как-никак я был счастлив и с наслаждением дышал запахом типографской краски. Прелесть этого запаха для меня не могли бы заменить все ароматы Аравии, как говорит леди Макбет.

Но главное было достигнуто. «Полевой Листок» вышел, и я с гордостью увидал под ним подпись: «Редактор Бор. Суворин». Нашлась и буква «С» для этого!

Успех наш был большой. Вы подумайте только о том, что с самого начала похода, то есть с 9 февраля, мы не видели ничего похожего на газету, кроме изредка попадавших нам большевистских полуграмотных листков, сообщавших о том, что «кадетские банды» (это наша Добровольческая армия) раздавлены, рассеяны и вскоре окончательно будут уничтожены. И вдруг какая ни на есть своя газета, в которой даже есть статья, где говорится о вере в победу, в воскресение Родины и о наших победах.

Те самые люди, которые дали эти победы своими подвигами и своей кровью, читали эту крошечную статью как что-то совершенно новое для них, как откровение. Листок ходил из рук в руки, из-за него ссорились, его даже выкрадывали и прятали вместе с образками и самыми дорогими воспоминаниями. Я сам долго носил при себе этот полустлевленный коричневый листок.

Так вышли еще два номера моей газеты на тачанке, а в конце апреля, под самую светлую заутреню, в станице Егорлыцкой на Дону загоралась новая заря победы и вспыхнули такие надежды, что в их пожаре сторел бедный маленький «Полевой Листок», со своими строчками, похожими на частокол, с маленьким «о», пузатым «Ж» и бедной бесприданницей, буквой «С».

Больше семнадцати лет прошло с тех пор. Мои газеты выходили под разными и даже далекими заморскими небесами, но этот действительно полевой листок, появившийся и исчезнувший в кубанских степях, все так же мне дорог, и я не могу от всей души не поблагодарить редакцию «Часового», давшую мне возможность вспомнить этот давно забытый листок из истории моей взбаламученной жизни.

*С. Ряснянский*¹³¹

ВОСПОМИНАНИЯ О КУБАНСКОМ ПОХОДЕ¹³²

Это было недавно и вместе с тем так давно. Такая страшная грань лежит между тем временем и этим, что с трудом верится, что все это было.

Нужно ли в наши сумерки эмигрантской жизни, когда нет про света в России, а среди эмиграции идет раздробление сил, писать о той заре борьбы с большевиками, какой является Кубанский поход? Нужно ли нам, усталым, изверившимся, говорить о днях надежды и вспоминать людей, горевших жаждой подвига и веривших в близкое освобождение России?

Я отвечаю: да, нужно, ибо не будут спать тихо те, чьи могилы уже заросли травой и сровнялись с землей. Нужно, чтобы «родная страна» могла помянуть их в молитвах своих. Нужно и для нас, чтобы мы не закаменели совсем и помнили бы, что под крышкой с надписью «СССР» лежит Россия и эту крышку надо снять совместными силами русских людей.

Я вспоминаю Кубанский поход. В памяти встают лица, события. Как много героизма, как много страданий! Многих из моих спутников по походу уже нет в живых. Что же из воспоминаний перенести на бумагу? То ли, что особенно больно вспоминать, озаренное ли радостью победы, память ли храбрых почтить? Но как из славной поэмы о борьбе выбросить стих? Да позволено мне будет вспомнить в отрывках и радость, и горе, и дорогих мне лиц, юными погибших мучительной смертью.

Санитарный обоз

Неприглядна степь в начале марта. Холодное хмурое небо. Резкий ветер. Бурая, словно обдерганная трава. Светлыми пятнами выделяются наполненные водою овраги. Грязная, давно не езданная дорога распустилась и разбухла. Кое-где стоят высокие стоги, как громадные неуклюжие шапки, забытые здесь степными великанами-богатырями. И нигде ни души. Все живое словно вымерло или ушло и оставило на зиму степь сиротиной Унылая степь...

Далеко по дороге растянулся санитарный обоз Добровольческой армии. Где-то там в синеющей дали давно уже пропала голова обоза, а подводы все идут, идут, медленно, одна за другой, бесконечной вереницей. Маленькие изможденные лошаденки, выбиваясь из сил, тащат по грязи тяжелые арбы Изредка пройдет подвода, запряженная волами. Медленно ступают животные своими сильными, мохнатыми ногами. Эти вывезут из самой невылазной грязи, но как мучительно медленно они ступают. Унылое «Гей! гей! цобэ! цоб!» мало помогает.

На подводах раненые и больные добровольцы. Тяжело раненные по двое-трое лежат на подводах, легко раненные сидят по 6—8 человек. Немилосердно швыряет подводы из стороны в сторону по грязной, изрытой дороге. Каждое подпрыгивание колеса острой болью отзывается на раненом месте Ноют, болят раны. Но редко кто из раненых застонет. Они — корниловцы — останутся такими же твердыми до конца, какими вышли из Ростова. И горят, темнеют от боли страдающие, глубоко ввалившиеся глаза.

Обоз въезжает в станицу. Раненых разгружают, распределяют по избам и в школах. В избах лучше, уютнее, сердобольные казачки покормят, уложат на лавки, а даже и на постель. В школах просторнее, но спертый больничный воздух. На полу рядами, близко один к другому лежат раненые на соломе, ничем не прикрытой. А на плечах все та же неизменная, простреленная и в крови серая шинель. Медицинского персонала мало. За походы стало еще меньше. Кто убит, кто ранен, кто заболел. Медикаментов почти нет. На бинты рвется последнее белье, но перевязывать нет времени. Время уходит на размещение и на сбор для нового движения. Проходит несколько часов. Голодным раненым приносят горячий суп. Не всем сразу, по очереди: не хватает тарелок, котелков, ложек, а так хочется согреться после дороги. А раны все горят и ноют.

Пройдет день, иногда несколько часов, и раненых снова начинают грузить. Томительно медленно тянется время, пока погрузят всех. Но вот подводы выстраиваются одна за другой и, утопая в грязи по са-

мые оси, скрипя, снова увозят раненых из станицы в холодную серую даль унылой степи. Что-то их ждет впереди? Пробьется ли, очистит ли им путь горсточка оставшихся в армии бойцов или придется умереть? Назад тоже поворота нет. Арьергард армии отступает вслед за обозом, и станицу спешат занять большевики.

Девушки-прапорщики

Полутемная громада войскового собора в Екатеринодаре. Горсточка людей, пришедших помолиться за усопших. С амвона раздаются печальные слова: «Об упокоении душ рабов Божиих воинов Татьяны, Евгении, Анны, Александры...»

Какое непривычное и странное сочетание воина с женским именем. С болью и стыдом сжимается сердце при этих словах. Ведь это из-за нас, мужчин, пошли девушки на подвиг бранный. Помните, в окопах 17-го года революционные солдаты воткнули штык в землю и братались с врагом. Это им на смену пошли девушки и женщины.

Несколько месяцев перед этой панихидой восемнадцать юных девушек-офицеров¹³³ представлялись мне в Новочеркасске в начале формирования Добровольческой армии. А вот теперь — «Упокой, Господи, воина Татьяну, воина Анну!» Ярко и живо встали тогда в соборе образы погибших. Яркие они и теперь.

Одной из первых погибла Татьяна Бархаш под Эйнемом¹³⁴. Окончила жизнь самоубийством Евгений Тихомирова, не перенесла отказа в приеме ее в армию. На часах убита во Владикавказе Анна Алексеева. Баронесса де Бодэ пала в знаменитой конной атаке 31 марта. Самая младшая из девушек-прапорщиков (18 лет) Юлия Пылаева умучена большевиками под Кореновской во время 2-го Кубанского похода. Убита Вера Мерсье, одна из двух сестер, вторая была несколько раз ранена¹³⁵. Была также ранена в Кубанском походе Семенова.

Горя жертвенным огнем, пришли юные девушки-офицеры в Добровольческую армию. Еще до похода часть стала в строй, а часть исполняла опаснейшие поручения разведывательного отделения. Прапорщик Зинаида Готтгард¹³⁶ (трагически скончавшаяся позже) ездил с поручением генерала Алексеева на Кубань для установления связи с генералом Эрдели, потом ездил в Могилев, где в то время была ставка Крыленки. Ежеминутно рискуя погибнуть мучительной смертью, вися на подножке вагона в зимнюю стужу, среди разнузданных солдат и рабочих, она выполняла свои поручения.

Две погибли в подвале чека в Москве, посланные туда после возвращения из Кубанского похода. Из Крыма выехало всего три-четыре.

Помню, во время похода пришли при мне к генералу Романовскому две из девушек-прапорщиков. Они просили не отправлять их санитарями (или, правильнее, сестрами милосердия) в санитарный обоз.

«Мы офицеры, Ваше Превосходительство, и приехали в Добровольческую армию драться с большевиками, а не ходить за ранеными. В обозе есть несколько дам, едущих за своими мужьями, пусть они ухаживают за ранеными».

И таковы были все. Были они прекрасными, смелыми и хладнокровными пулеметчицами, переносили все тяготы рядового офицера в походе.

Уже в Белграде встретил я одну из них (Заборскую) в нужде и горе, которые она переносила так же скромно, как скромна была в походе, и так же стоически, как была в боях.

В 1927 году в «Возрождении» была статья А. Яблонского о девушках-офицерах. Он их назвал иронически «Офицерочки». Если бы он видел их в нашем походе, то он не только не назвал бы их так, но низко склонил бы голову во время панихиды и с уважением преклонился бы перед немногими уцелевшими, ибо это были доблестные офицеры.

Вечная память всем погибшим из них. А чудом уцелевшим — слава.

Опять на Дон

Солнце заходило, когда армия двинулась из станицы Успенской на село Горькая Балка. Предстояло пройти более 50 верст по открытой, ровной степи и ночью перейти через железную дорогу Тихорецкая—Торговая, по которой все время двигались бронированные поезда красных.

До самой железной дороги наш путь проходил по безлюдной равнине. По дороге ни одного хутора, ни одной хаты. Никто в станице будто бы не знал дороги прямо к железной дороге, минуя другие станицы. Генерал Романовский приказал мне найти верного проводника и вывести армию к указанному им месту. Я взял проводника, знавшего дорогу через станицу, находящуюся у железной дороги, которую мы должны были обойти с востока. Только приблизительно он мог

указать место, где с большой дороги нужно было свернуть прямо на Горькую Балку. Поставив возле проводника своего младшего брата с приказанием не спускать с проводника глаз, я с разъездом двинулся в путь. Примерно в версте сзади шел авангард армии под командой генерала Маркова.

Наступила ночь, темная, тихая, южная весенняя ночь. Дорогу с трудом можно было различить. Я поехал рядом с проводником, боясь, что он удерет. Мы проехали уже более половины дороги, как проводник заявил мне, что где-то тут нужно сворачивать мимо станицы, но где, он точно не знает. Нужно нового проводника, но где его взять темной ночью в степи, вдали от жилья. А идти вперед нужно. Авангард вот-вот догонит меня. Будет позором для меня, если я не выведу армию к Горькой Балке. Но как рискнуть идти дальше только по компасу, не зная даже точного места, где стоишь? Проводника нужно добыть во что бы то ни стало. Спрашиваю казака: «Не пасут ли где-нибудь здесь скот из станицы?» — «Должно, пасут», — был ответ. «Ну, поедем дальше, будем искать». Поехали опять по дороге, временами останавливались, прислушивались, не слышно ли чего-нибудь. Вдруг в стороне — лай собак. Скорей туда! Лай все ближе и ближе. «Эй, есть кто там?» — «Есть». — «Ты кто?» — «Станичник». — «Знаешь дорогу мимо станицы на Горькую Балку?» — «Знаю». — «Ну, слава Богу! Веди».

В один момент новый проводник был верхом на заводной лошади, и мы галопом бросились к дороге, где ожидал меня мой разъезд. «Кто едет?» — раздался в темноте голос генерала Маркова. «Это я, Ваше Превосходительство, с новым проводником». — «Молодчина! Где вы его достали?» — «В степи...» Я рассказал как.

Двинулись дальше. Железная дорога где-то недалеко. Поднялась луна, как раз теперь ненужная, и стало светлее. Авангард почти подошел к полотну железной дороги, как вдруг в тишине раздалось приближавшееся «пф... пф... пф...», вдали стал вырисовываться силуэт поезда. Все вдруг замерло. Броневики... Ближе... ближе... Остановился? Заметил?... — проносилось в мыслях. Один момент казалось, что поезд остановился. Но пыхтение, хотя и страшно медленно, стало слабее, силуэт поезда скрывался в предрассветной мгле. Ушел. Слава Богу. Все вновь двинулось вперед.

Вот и переезд. Армия быстро стала переходить через железную дорогу, последнюю по дороге к Дону. Высланные в стороны подрывники спешно закладывали подрывные патроны под рельсы. Стало светать. За полотном оставалось еще несколько повозок, как вдали показался опять броневик. Поздно. Снаряды ложились сзади обоза,

только подгоняя его. Вот и Горькая Балка. Небольшая перестрелка, и село занято нами. Несколько часов отдыха, и армия вновь в пути к границам Донской области. Путь впереди свободен, и на Дону нас ждут друзья — восставшие казаки.

С. Ряснянский

КОМАНДИРОВКА К ПОХОДНОМУ ДОНСКОМУ АТАМАНУ¹³⁷

22 февраля вечером, после взятия села Средне-Егорлыцкое (Лежанка), меня вызвал к себе генерал Корнилов.

— Мне доложили, что некоторые из донских партизанских отрядов хотят отделиться от генерала Попова. Поезжайте и приведите их в армию. Вы хорошо знаете как атамана, так и начальников отрядов, и поэтому я командирую вас, надеясь, что вы сумеете доказать им все значение усиления армии, идущей на помощь кубанцам... Вам даю разезд из офицеров 6-го Донского полка, — сказал мне командующий армией.

— Слушаюсь, Ваше Высокопревосходительство.

Разговор был кончен. С нелегким сердцем я ехал в эту командировку: задача была деликатная; кроме того, армия шла на Кубань, а походный атаман — в восточные зимовники, то есть в противоположную сторону, и расстояние, доходившее между ними в тот день до 100 верст, должно все увеличиваться. Где и как я найду Добровольческую армию?

Рано утром 23 февраля я выехал из Лежанки; со мною были мой младший брат корнет¹³⁸ и 12—15 офицеров 6-го Донского полка под командой войскового старшины. Офицеры были вооружены шашками и винтовками, сидели на хороших лошадях, так что разезд был вполне боеспособен и мог драться со значительно более сильным противником. Для меня это было очень важно, так как в степи бродило много небольших шаек красных. Как-то невольно вспомнил я пугачевщину и заволжские степи. Там и тогда маленькие заброшенные в степи крепости-деревни служили оплотом русской государственности в борьбе с самозванцем. Теперь и здесь этим оплотом, скорее, символом была маленькая Добровольческая армия, охраняющая светильник национального огня. И тогда, и теперь был бунт, беспощадный русский бунт низов против верхов.

Через станицу Егорлыцкую и западные зимовники я направился к казенному мосту через реку Маныч, где, по слухам, был генерал Попов со своим отрядом.

Уже стемнело, когда мы после короткого отдыха выехали из зимовника Букреева; до ночлега оставалось верст 15. Я взял проводника. Быстро наступила ночь, настолько темная, что в 10 шагах ничего не было видно. Ехали уже часа два-три, а зимовника все нет и нет. Проводник, вначале уверенно ехавший впереди, стал усиленно посматривать по сторонам, но трудно было что-либо увидеть — лишь слабо серела дорога... Вдруг мы заметили, что дорога раздваивается. Проводник наш остановился в нерешительности.

— Куда ехать? — спросил я его.

— Как будто бы прямо, а может быть, и влево

Как быть? Блуждать по степи не хотелось, но и стоять на месте было бессмысленно: лошадям нужен был корм, всадникам — отдых. Мы все невольно замолчали. И вдруг в этой жуткой тиши раздался недалекий лай. Я готов был расцеловать эту невидимую вестницу жилья. Мы прислушались: опять раздался лай, ясно доносившийся вдоль уходившей в темноту дороги. Мы быстро двинулись на лай. Прошло несколько минут, дорога стала спускаться под гору, внизу замелькало 2—3 огонька. Слава Богу, зимовник! Ну а вдруг тут большевики? Посланный дозор донес, что все благополучно.

Через полчаса наши лошади по уши погрузили морды в сено, а мы с жадностью глотали чай. Ночь, проведенная на конюшне под охраной часовых, прошла благополучно.

С рассветом двинулись снова в путь. Кругом мирная картина, пасутся стада скота и овец. Табуны лошадей медленно бродят по степи. Временами, заметив наше приближение, поднимаются чуткие дудачки. Большевиков как будто бы нет. Быстро уходят назад версты. Вот и зимовник Янова. Видны какие-то обозы. Мы въезжаем во двор.

— Что, походный атаман здесь?

— Здесь.

Ну, слава Богу, добрались.

Я еще в пути решил, что не буду заниматься какой-либо агитацией среди отрядов, а совершенно откровенно поговорю с генералом Поповым, его начальником штаба полковником Сидориным, начальниками отрядов и передам им желание и взгляды генерала Корнилова. Поэтому по прибытии к походному атаману я изложил ему свое поручение и просил разрешения поговорить с начальниками отрядов.

— Сомневаюсь, чтобы наши партизаны согласились ехать к генералу Корнилову; сейчас у нас боевое настроение, мы взяли Великокняжескую и подымаем калмыков, — сказал мне генерал.

На следующее утро мы двинулись к Великокняжеской, обгоняя обозы партизан. Вечером в станице были собраны все начальники

отрядов, и им, с разрешения генерала Попова, я передал предложение генерала Корнилова присоединиться к армии. Ввиду одержанного успеха и полученного генералом Поповым от калмыцких старшин предложения дать инструкторов для формирования полков из калмыков, не признающих большевиков, настроение у казачьих начальников было бодрое, снова появилась вера в победу. Генерал Попов считал, что уходить сейчас из Донских степей нет смысла, можно начать работу против большевиков отсюда. Идти к генералу Корнилову было далеко, рискованно, он был на «чужой» земле, а здесь «своя», донская.

В результате разговоров было решено, что отряд генерала Попова останется в Великокняжеской и отсюда начнет борьбу с красными, а в Добровольческую армию никто не пойдет. Итак, моя задача не была выполнена. Я сознал правильность решения с точки зрения донского командования, но мне было тяжело, что Добровольческая армия не получит подкрепления.

По окончании заседания я попросил дать мне конвой на обратный путь и решил наутро двинуться обратно. В этот же день мне сказали, что мой большой друг и союзник по Быхову полковник Роженко и его спутник генерал Складовский, пробиравшиеся в Москву по поручению генерала Алексеева, убиты недалеко от Великокняжеской и там же их тела брошены в колодезь.

26 февраля, около полудня, ко мне явился разъезд, с которым я должен был двинуться в обратный путь. Внешний вид его был довольно печальный, кроме начальника разъезда, подъесаула донской артиллерии Нефедова, хорошо вооруженного и сидящего на приличной лошади; остальные были юные партизаны в возрасте от 16 до 20 лет, кто с одной винтовкой, кто только с шашкой. Лошади не чищены, несколько из них с набитыми холками, одна даже хромая.

«На вид — неважны, каковы-то в бою?» — подумал я.

— Ну, Господи, благослови, — сказал я, трогаясь.

Нам предстояло пройти более 200 верст по району, кишашему большевиками. Где я найду Добровольческую армию — я мог только гадать.

Верстах в 15 от станицы Великокняжеской мне указали маленький зимовник, в котором были убиты генерал Складовский и полковник Роженко. Я свернул к нему и от живущей там бабы узнал, что два господина, по приметам подходящие к моим друзьям, были 3—4 дня тому назад привезены из Великокняжеской к стоящему у зимовника заброшенному колодезю, там раздеты и убиты из револьверов и брошены в колодез. Я подъехал к нему. Там я нашел следы крови, све-

жеобломанный сруб и прибитую бумажку, на которой безграмотно, каракулями было написано: «Смерть буржуйам. Так будет со всеми, кто не признает советской власти».

Трупов в колодеце видно не было, так как было много воды. Поручив двум партизанам при помощи служащих зимовника вытащить тела из колодца (приказание было исполнено, и погибшие оказались именно разыскиваемые мною лица), я двинулся дальше.

Переночевав на зимовнике одного из Корольковых, я с рассветом продолжал путь. Недалеко от станции Целина меня обстреляла банда красных, засевших на каком-то хуторе; я уклонился от боя и на рысках ушел от нее. Обойдя с севера Лежанку, я в темноте подошел на высоту кубанской станицы Новороговской и стал в курене на привал, выжидая, когда станица заснет, чтобы пройти ее незаметно. В курене, к нашему счастью, нашлась картошка и овес. Проголодавшаяся молодежь быстро сварила незатейливый ужин. Кони отдохнули.

Часов около 10 пошли дальше. С трудом нашли переправу через болотистую речку Кугай-Ею и, соблюдая тишину, подошли к станице. В одной из крайних хат, после долгих уговоров и раздражающей сцены с казачкой, не хотевшей отпускать своего мужа, я достал проводника, выведшего нас на прямую дорогу к станице Незамаевской. Всю ночь мы шли переменным аллюром. На рассвете в придорожном хуторе я узнал, что Добровольческая армия еще накануне ушла из Незамаевской не то к Тихорецкой, не то на Екатеринодар. Плохо дело! Как-то вынесут нас лошадиные ноги?

Чудесным утром я подходил к Незамаевской. С вершины пологого холма она была вся нам видна. Кто в ней, друзья или враги? Несколько в стороне от нее, ближе к нам, виднелся хутор с большим домом; у хутора видна была переправа через реку Ею. То, что нам нужно. Мы осторожно подошли к хутору. Нас встретили друзья. Хутор принадлежал семье убитого недавно войскового старшины Кубанского войска Попова. Мы были накормлены, и вся молодежь немедленно заснула.

Я заснуть не мог и остался охранять покой моих спутников. Деятельным помощником оказался сын войскового старшины Попова, мальчик 12—13 лет, впоследствии доброволец. Посланный в станицу на разведку казак, вестовой Попова, принес тревожные вести: станица шумела, ожидая приезда большевистских делегатов из станицы Веселой, принявшей уже советскую власть, и должен был решаться вопрос о признании большевиков и здесь.

Добровольческая армия после боя у станицы Ново-Леушковской перешла железную дорогу и двинулась через станицу Старо-Леушковскую на Екатеринодар.

Бедная хозяйка, видимо, тревожилась, имея в доме столь опасных гостей. Не желая подвергать ее и детей опасности, я вывел разъезд в поле, где и решил прождать до 4—5 часов и тогда продолжать путь с таким расчетом, чтобы перейти железную дорогу Тихорецкая—Сосыка ночью.

В поле за четвертной билет я стоворил казака, согласившегося вывести нас напрямиком к железной дороге севернее станицы Ново-Леушковской, в которой, по слухам, стояла большевистская конница. Часы томительно медленно текли. Подходя к большаку Незамаевская—Павловка, я заметил на нем, в одной-полутора верстах вправо от нас, большую группу всадников.

— Кто это? — спросил я казака.

— Должно, большевистские делегаты из Веселой.

«Нужно уходить», — подумал я.

— Рысью!

Важно было выиграть пространство. Вот и большак; мигом через него и опять полем. Большевики, заметив нас, понеслись карьером. Мои юноши стали нервничать. Кони у них заскакали. Нужно было наводить порядок.

— Шагом! — скомандовал я. — Не смей скакать! Когда надо будет, я сам скомандую. Есаул, станьте впереди, и чтобы никто не смел вас обгонять. Рысью!

Мы с братом пошли сзади разъезда. Большевики, ближе и ближе, свернули с дороги и понеслись по пахоте наперерез нам. Я продолжал уходить спокойной рысью. Вот передние уже в 200—300 шагах от нас, слышна ругань, но карьер по дороге, а особенно по пахоте, утомил большевистских коней, а спокойный наш отход, видимо, внушил уважение и поколебал уверенность в легкой с нами расправе. Они стали отставать, а потом и вовсе свернули на прежнюю дорогу и поехали в Незамаевскую. От сердца отлегло.

— Шагом! Огладить лошадей!

Опять наступила ночь, темная, звездная. Проводник вывел нас на дорогу верстах в двух от станицы Ново-Леушковской и дальше категорически отказался идти. Пришлось вспомнить старое и идти, ориентируясь по звездам. Наткнулись в темноте на курень, передохнули и опять пошли.

Железной дороги все нет и нет. Так ли веду разъезд? Впереди показались какие-то силуэты. Не то люди, не то деревья. Не угадал — телеграфные столбы у железной дороги. Осторожно, как бы боясь, что самый звук подков о рельсы выдаст нас, перешли через полотно железной дороги. Засерела дорога. Направление подходящее. Пошли по

ней, вышли к хуторам у станицы Ново-Леушковской. Там почти на рассвете казак вывел нас на Екатеринодарский тракт и обрадовал известием, что добровольцы — в соседней станице Ираклиевской.

Вот из-за бугра показался крест Ираклиевской церкви. 200-верстный переход, который мы сделали за 50 часов, кончался. Еще несколько минут, и будем среди своих. Спокойно спускаюсь в лощину, как вдруг вижу, что от моста внизу лощины карьером понеслись всадники к станице. Добровольческая застава приняла мой разезд за противника. Приказав разезду идти шагом, я поскакал вперед, боясь, что нас начнут обстреливать. Вынув платок и размахивая им, я приближался к остановившейся заставе, но мои мирные знаки не были поняты, и один из добровольцев начал осыпать меня пулями. Я принялся его бранить, это подействовало, и неистовый стрелок прекратил свою, к счастью, безрезультатную стрельбу. Глупо было бы погибнуть от своей пули.

У околицы станицы нам встретился шедший на рысях эскадрон. Он шел отражать противника, который в глазах неопытного докладчика вырос в два эскадрона! Я успокоил командира эскадрона, что противник был я.

Через час я докладывал генералу Корнилову о неудачном результате моей поездки.

— Ну, что делать, — ответил командующий.

— А мы уже потеряли всякую надежду вас видеть, — говорили мои друзья, — вы отсутствовали ведь шесть дней.

Крепко и спокойно спал я в эту ночь, находясь снова в рядах Добровольческой армии.

*А. Лукомский*¹³⁹

У БОЛЬШЕВИКОВ¹⁴⁰

В 6 часов утра 12(25) февраля я выехал на лошадях из Новочеркаска в станицу Ольгинскую, куда отходила Добровольческая армия из-под Ростова. Новочеркасск был занят большевиками 12(25) февраля около двух часов дня.

В Ольгинскую я приехал около десяти часов утра. По дороге едва переправился у Старочеркаска через Дон, так как начиналась оттепель, и около берегов лед оттаял.

Генерал Корнилов, приняв меня, сказал, что, так как я теперь уже не начальник штаба и моя миссия, с которой я ездил в Новочеркасск,

закончена, он просит меня, как и генерала Деникина, оставаться при армии в непосредственном его распоряжении.

Общая численность всей Добровольческой армии не превышала трех с половиной тысяч человек, из коих не менее тысячи человек являлись небоеспособными. Обоз при армии был большой: раненых было более двухсот человек, и необходимо было везти с собой все боевые запасы и винтовки, которые удалось вывезти из Ростова. Обоз увеличивался еще группой гражданских лиц, которые хотели оставаться при армии (в том числе бывший председатель Государственной Думы М.В. Родзянко и бывший член Государственной Думы Н.Н. Львов), и довольно многочисленной политической канцелярией, состоявшей при генерале Алексееве; при нем, кроме того, состоял небольшой личный конвой.

В общем являлось опасение, что если в ближайший период армия не увеличится, то она явится лишь прикрытием к своему обозу. Генерал Корнилов надеялся, что донцы и кубанцы станиц, через которые будет проходить армия, откликнутся на его призыв, и это даст возможность сформировать конные части, а селения с неказачьим населением дадут укомплектования для пехоты.

Между генералами Корниловым и Алексеевым было окончательно установлено, что в смысле управления армией и постановки ей боевых задач будет управлять и распоряжаться генерал Корнилов, а генерал Алексеев будет руководить политической частью, сношениями с внешним миром и в его руках будет казначейская часть. Конечно, это не было разрешением большого вопроса о взаимоотношениях между ними, но другого выхода не было, раз один другому подчиниться не мог.

После разговора с генералом Алексеевым я вынес впечатление, что он считает положение очень серьезным и начинает думать о том, как бы спасти офицеров и дать им возможность «распылиться».

— Наша задача прежде всего должна заключаться в том, чтобы выбраться из кольца, которое образуют большевики. А там далее будет видно. Или будем продолжать борьбу, или распустим офицеров (подразумевалось, конечно, вообще добровольцев. — А.А.), дав им денег и предложив самостоятельно через Кавказские горы пробираться кто куда пожелает или будет в состоянии, — так закончил разговор генерал Алексеев.

13(26) февраля, утром, генерал Романовский зашел в хату, которую я занимал, и сказал, что в 12 часов дня назначено совещание, и генерал Корнилов просит меня на нем присутствовать; ожидается генерал Попов, бывший походным атаманом Войска Донского. К назначенному

времени на совещание собрались: генералы Корнилов, Алексеев, Деникин, Романовский, я, Марков, Попов, приехавший вместе с полковником Сидориным, и несколько строевых офицеров, позванных генералом Корниловым.

Генерал Попов доложил, что он с небольшим отрядом, в общем около двух тысяч коней при двух конных батареях, и группой донских офицеров оставил Новочеркасск около часу дня 12(25) февраля; что большевики при выходе его из города уже в него входили; что войсковой атаман, генерал Назаров, остался в Новочеркасске вместе с большей частью войскового Круга и, как доложил прискакавший в его отряд из занятого большевиками Новочеркасска офицер, был арестован и в ночь на 13(26) февраля расстрелян.

Затем на предложение генерала Корнилова присоединить его отряд к Добровольческой армии генерал Попов просил первоначально выяснить дальнейшие намерения генерала Корнилова и направление движения Добровольческой армии, но что он со своей стороны должен определенно заявить, что Донской отряд не может покинуть территорию Дона и что он, генерал Попов, считает, что отряду лучше всего, прикрываясь с севера рекой Доном, который скоро станет труднопроходимым, переждать события в районе зимовников (поселки и хутора, к которым на зиму стонялись табуны лошадей и скота), где много хлеба, фуража, лошадей, скота и повозок для обоза. Из этого района он мог бы развить партизанские действия в любом направлении.

Генерал Корнилов сказал, что он по соглашению с генералом Алексеевым предполагает двинуться по направлению к Екатеринодару, где имеются добровольческие формирования, и движением на Екатеринодар есть надежда заставить Кубанское казачье войско подняться против большевиков и, усилив Добровольческую армию и находясь в богатом районе, продолжать борьбу, но что вследствие заявления генерала Попова он предлагает еще раз обсудить этот вопрос и просит желающих высказаться.

Генерал Алексеев на это сказал, что вряд ли встречается надобность вновь дебатировать этот вопрос, но что, впрочем, если генерал Корнилов находит нужным еще раз поставить на обсуждение, то он считает необходимым повторить то, что он уже говорил в Ростове, то есть что единственно правильным является направление на Екатеринодар, так как в этом направлении легче всего прорвать большевистское кольцо, окружающее Добровольческую армию; есть надежда на соединение с добровольческими отрядами, действующими в районе Екатеринодара; есть полное основание рассчитывать

поднять Кубанское войско против большевиков, и, наконец, мы займем богатый во всех отношениях район, который даст нам возможность пополниться, привести себя в порядок, отдохнуть и с новыми силами продолжать борьбу. В случае же если полного успеха мы не добьемся, то Добровольческая армия во всяком случае будет в силах дойти до Кавказских гор, и там, если обстановка потребует, можно будет ее распустить. Я попросил дать мне слово.

Я сказал, что, не возражая по существу против того, что сказано генералом Алексеевым, я должен обратить внимание только на то, что уже теперь при нашей армии, или, правильней сказать, при нашем небольшом отряде, более двухсот раненых и чрезмерно большой обоз с боевыми припасами и ружьями, который бросить нельзя. Обозные лошади, набранные главным образом в Ростове, уже теперь имеют жалкий вид и еле тянут свои повозки и сани; что при наступлении на Екатеринодар нам нужно будет два раза переходить железную дорогу: в первый раз в районе близ станции Кагальницкой, второй раз где-нибудь около станции Сосыки; что большевики, будучи отлично осведомлены о нашем движении, и там и там преградят нам путь и подведут к месту боя бронированные поезда; что трудно будет спасти раненых, которых будет, конечно, много. Начинаясь распутица, при условии что половина обоза на полозьях, затруднит движение; заменять выбивающихся из сил лошадей другими будет трудно. Наконец, что мы совершенно не осведомлены о том, что происходит на Кубани; возможно, что наш расчет на восстание кубанских казаков ошибочен и нас там встретят как врагов.

Я выразил сомнение вследствие причин, мною изложенных, в правильности решения идти теперь прямо на Екатеринодар. Я высказал, что лучше всего поступить, как предполагает сделать походный атаман Войска Донского, то есть пока перейти в район зимовников, и в этом районе, прикрываясь с севера рекой Доном и находясь в удалении от железной дороги, переформировать нашу армию, исправить и пополнить обоз, переменить конский состав и несколько отдохнуть. Я сказал, что большевики месяца два нам не будут страшны: они не посмеют оторваться от железной дороги. Если же рискнут на какую-нибудь против нас операцию, то будут разбиты. Месяца же через два с новыми силами мы, в зависимости от обстановки, которая к тому времени выяснится, примем то или иное решение.

Генерал Алексеев заявил, что решение идти прямо на Екатеринодар является единственно правильным. Генерал Романовский, соглашаясь с моими замечаниями, сказал, что, признавая правильным идти на Екатеринодар, он полагает, что надо учесть и мои указания и по-

пути к Екатеринодару постараться проделать в каком-либо районе все то, на что указываю я.

Генерал Корнилов сказал, что он не может не согласиться с правильностью моих замечаний, но не считает правильным идти в район тех зимовников у реки Дона, на которые указываю я, и объявил, что он решает идти пока с армией в район к западу от станицы Великокняжеской, который так же богат лошадьми, скотом и хлебом, как и район северных зимовников, и что там он приведет армию в порядок и затем, вероятно, пойдет на Екатеринодар. На этом совещание закончилось, и генерал Алексеев сейчас же ушел, а вслед за ним разошлись и другие.

Я прошел в комнату к генералу Романовскому, который мне сказал, что генерал Корнилов хочет кого-нибудь командировать в Екатеринодар, дабы подготовить приход Добровольческой армии и договориться с Кубанским правительством, чтобы в будущем не было никаких недоразумений, но что генерал Корнилов не знает, на ком остановиться, — командиром должно быть в курсе всего дела и достаточно авторитетное.

В тот же вечер, около восьми часов, я вновь пошел к генералу Романовскому, чтобы узнать, нет ли каких-либо интересных или важных донесений. Генерала Романовского в его кабинете я не застал, и вестовой мне сказал, что он у генерала Корнилова; я пошел в помещение командующего армией. Войдя в столовую, я невольно остановился за столом сидели те же лица, кои были и на дневном совещании. Не было только генерала Попова и полковника Сидорина, уехавших в свой отряд, и генерала Деникина, который, как я потом узнал, был приглашен на заседание, но заболел и прислал сказать, что прийти не может.

Увидев меня, генерал Корнилов поднялся, придвинул к столу стул и просил меня сесть. При этом он сказал: «Очень рад, Александр Сергеевич, что вы пришли. Генерал Алексеев попросил нас вновь собраться и обсудить вопрос относительно наших дальнейших планов» — и затем, обращаясь к генералу Алексею, прибавил: «Прошу вас, Михаил Васильевич, начать сначала. Я хочу, чтобы генерал Лукомский выслушал то, что было вами сказано до его прихода».

Генерал Алексеев начал так: «Сегодня днем генерал Лукомский сделал несколько замечаний относительно решения идти на Екатеринодар. Его замечания были приняты к сведению, и командующий армией изменил свое первоначальное решение идти прямо на Екатеринодар. Правильность нового решения, мне кажется, следует еще проверить, и я просил генерала Корнилова собрать нас снова». За-

тем генерал Алексеев вновь указал причины, по которым он считает необходимым идти на Екатеринодар. Нового он ничего не сказал и не сказал, в чем именно он не согласен со мной.

После этого генерал Корнилов предложил мне ответить генералу Алексееву. Я сказал, что я не могу прибавить ни одного слова к тому, что было мною сказано днем, и просил бы генерала Алексеева объяснить, в чем же он со мной не согласен. На этот вопрос я ответа не получил.

После непродолжительных прений генерал Корнилов сказал, что решения, принятого днем, он не меняет, но что ко времени подхода армии к станице Егорлыцкой (решено было идти первоначально туда, так как были сведения, что там в складах имеются артиллерийские припасы) выяснится, идти ли к станице Великокняжеской или повернуть на Екатеринодар. После этого члены совещания разошлись. Я прошел в комнату Романовского и спросил его, почему я не был приглашен на совещание, на котором должно было разбираться мое заявление, сделанное днем.

Романовский сказал, что произошло простое недоразумение, что он получил записку от генерала Корнилова с перечислением тех, кого надо пригласить, и что он, не проверив списка приглашенных на заседание лиц, приказал адъютанту сообщить всем о заседании; что, конечно, генерал Корнилов просто ошибся и что он просит считать его, Романовского, виновником случившегося. Это мелкое недоразумение все же мне показало, что после того, как я был в армии начальником штаба, оставаться при ней без всяких определенных занятий будет трудно, и я решил просить о командировании меня в Екатеринодар.

Я попросил генерала Романовского сейчас же пойти к генералу Корнилову и доложить, что я предлагаю свои услуги для переговоров с Кубанским правительством. Романовский пошел и, вернувшись минут через пять, сказал, что генерал Корнилов согласен и просит меня к себе. Генерал Корнилов долго со мной говорил, давая указания по интересовавшим его вопросам. Затем я прошел к генералу Алексееву и получил указания от него для разговоров с Кубанским правительством.

С разрешения генерала Корнилова я предложил генералу Ронжину, бывшему при армии начальником судной части, ехать со мной. Затем поручил коменданту штаба купить для меня подводу и пару лошадей. В качестве подводчика предложил ехать со мной вестовому генерала Эрдели (генерал Эрдели был еще раньше командирован в Екатеринодар), Андрею (фамилию, к сожалению, забыл), которого

знал давно и был в нем вполне уверен. Путешествие было очень рискованное, и я об этом предупредил моих спутников.

14(27) февраля утром вместе с Добровольческой армией мы переехали в станицу Хомутовскую. Здесь мы окончательно пересмотрели наши вещи, чтобы не оказалось в них чего-либо, указывающего на наше воинское звание; проверили документы, выданные на чужие имена; сговорились, какие давать показания на случай, если в пути нас будут задерживать и опрашивать, и выработали маршрут. Последнее было трудно, ибо, по имевшимся сведениям, пожар большевизма охватил весь район южной окраины Донской области и северную полосу Кубанской. Мы решили ехать проселочными дорогами, возможно дальше от железной дороги, которая уже полностью была заявлена большевиками.

Около двух часов дня 14(27) февраля я пошел попрощаться с генералом Корниловым, и около 6 часов вечера мы выехали по направлению станицы Кагальницкой.

* * *

В Кагальницкой переночевали и 15(28) рано утром тронулись дальше на селение Гуляй-Борисов. Выезжая из Кагальницкой, слышали артиллерийскую стрельбу в стороне станицы Хомутовской (как впоследствии узнали, конный отряд большевиков с двумя орудиями произвел нападение на наши части, бывшие в станице Хомутовской).

Дорога была тяжелая, начиналась оттепель, а лошади оказались слабыми и, пройдя 12—15 верст, стали приставать. Не доезжая примерно 10 верст до селения Гуляй-Борисов, мы решили заехать на придорожный хутор и покормить лошадей. Войдя в хату, мы увидели там много народу; оказалось, что накануне была свадьба и, по местному обычаю, гости собрались на пиршество на другой день после свадьбы.

Обыкновенно в подобных случаях каждый случайный гость принимается с радостью. Нас же хозяева встретили очень холодно, и это сразу нам показало, что здесь что-то неладно. Сели мы в угол хаты, достали свою провизию и стали закусывать. В это время один из бывших в хате, по виду богатый крестьянин, подсел к нам и сказал мне тихим голосом: «Я не знаю, кто вы, куда и зачем едете, но хочу вас предупредить, что большевиками отдано распоряжение задерживать всех едущих со стороны армии Корнилова и отвозить на станцию Степную, где, как говорят, всех расстреливают». Сказал и отошел.

Я переглянулся с Ронжиным, и мы решили, что дело плохо. Решили закусить, обдумать положение, дать лошадям отдохнуть, а затем

принять то или иное решение. Но через каких-нибудь десять минут хата оказалась окруженной вооруженными солдатами; трое из них вошли в хату и потребовали от нас документы и объяснение, куда и зачем едем. Разговор был короткий. Солдаты объявили нам, что мы арестованы, что они должны доставить нас в селение Гуляй-Борисов, а там разберут, как с нами поступить дальше. Сопrotивляться было бесполезно. Нам дали окончить нашу закуску, и мы под конвоем отправились в Гуляй-Борисов. Ехали на своей подводе.

По приезде в Гуляй-Борисов нас доставили в волостное правление, где уже собрался местный революционный комитет и масса народу. Сначала нас допросили, затем обыскали. И члены революционного комитета, и собравшаяся публика ругали нас самыми последними словами. На наше заявление, что я еду по торговым делам, а мой спутник едет лечиться, отвечали: «Ладно, вот доставят вас на Степную, так там разберут, а верней всего, вас, подлых буржуев, просто расстреляют».

Нас допрашивали и поодиночке, и всех вместе. В промежутках между допросами мы сидели в карцере. В этом же карцере сидел казак, который накануне вез пять пассажиров. Этих пассажиров, по словам казака, повезли на станцию Степную, а его оставили в карцере, сказав, что подвода и лошади от него отбираются, а что сделают с ним, еще подумают: «Или хорошенько отдерем и выпустим, или расстреляем». Бедный казак страшно волновался и все время молился.

Отобрав все наши вещи и деньги (оставили только по десять рублей «на папирось»), нас повезли в 11 часов вечера на другой подводе в село Глебовка (или, как они называли, Хлебовка). Нашу подводу, так же как и вещи, оставили у себя, сказав нам, что деньги, вещи и подвода будут доставлены на станцию Степную. У меня в Гуляй-Борисове было отобрано немного более 2000 рублей; не отыскали тысячурублевую бумажку,вшитую в куртку.

В глебовском волостном правлении было много народу. Нас вновь обыскали, и начался бесконечный допрос. Обращались, конечно, грубо. После допроса повели в карцер. Сидя в карцере, мы наслушались всякой брани и угроз.

Перед рассветом местный революционный трибунал решил вновь нас допросить. После того как допросили меня, я был опять посажен в карцер, а Ронжина и Андрея повели на допрос. Во время их допроса в другой комнате, в которую выходила дверь из моего карцера, стала собираться толпа, и я услышал, что собравшиеся обсуждали вопрос, как с нами поступить.

Слышались такие фразы: «Этих кадет все равно расстреляют на станции Степной. Теперь грязь и холодно; зачем мучить наших людей и гонять их на Степную сопровождать эту с....., когда с ними там сейчас же покончат», «Что же это за порядки: на станции Степной расправляются с буржуями, а нам здесь нельзя позабыться», «Стоит ли из-за нескольких негодяев гонять своих людей» и т. п.

После долгих споров было устроено голосование и решено (слышал только один протестующий голос): на станцию Степную буржуев не вести, а расстрелять тут же, в огороде. Сейчас же нашлось несколько нетерпеливых, которые требовали немедленного приведения приговора в исполнение. Но большинство запротестовало, и было решено подождать до рассвета и тогда с нами покончить; пока же было приказано вырыть в огороде яму. Не мог успокоиться какой-то пьяный в солдатской форме. Он подошел к карцеру и хотел открыть дверь, говоря, что он покончит с одним из буржуев теперь же.

На мое счастье, запор оказался прочным, а сторож, у которого был ключ от замка, отсутствовал. Не будучи в состоянии открыть дверь, пьяный солдат просунул винтовку в окошечко карцера, зарядил ее и требовал, чтобы я вышел на середину комнаты. Так как его уговоры меня не соблазнили, и он никак не мог меня увидеть, то, по-видимому, ему это надоело, и, хорошенько меня выругав и обещав, что первый выпустит в меня пулю при моем расстреле, ушел.

Через несколько минут после этого я услышал в соседней комнате крик, споры. Прислушавшись, я разобрал, что кто-то вновь прибывший ругательски ругает моих тюремщиков за решение нас расстрелять: «Что это вы, мерзавцы, выдумали? Разве не знаете, что сегодня в Ильинке расстреляли трех членов революционного комитета за неисполнение распоряжения Главкомандующего? Что же вы хотите, чтобы из-за этой с..... расстреляли всех нас? Раз нам приказано всех арестованных доставлять на станцию Степную, так мы должны это исполнить!»

После долгих криков и споров было решено нас отправить на станцию Степную. После этого вернулись в карцер бывшие на допросе Ронжин и Андрей. Я им поведал, что проглотил яд. Они взволновались, но, видя, что я чувствую себя благополучно, понемногу успокоились. Вскоре внимание наших тюремщиков было от нас отвлечено: привели двух новых арестованных. Оба они были в солдатской форме и не скрывали свою принадлежность к Добровольческой армии, говоря лишь, что они еще не воевали. По-видимому, они были пойманы во время разведки. Одного из них узнали как местного жителя — сына богатого хуторянина. Фамилия его была, если не ошибаюсь, Бе-

лис или Бейлис. Оба были юноши 17—18 лет. Весь гнев толпы был направлен против них.

Подъезжая к Степной, еще при луне, мы встретили группу всадников, человек в 30, как оказалось, приехавших из Гуляй-Борисова за оружием. Узнав, что везут арестованных, они потребовали, чтобы нас ссадили и дали им попробовать полученные ими винтовки. На крики «Слезай с повозки» мы не реагировали. Всадники стали снимать и заряжать винтовки, крича, что расстреляют нас и так. Только благодаря решительному отпору со стороны наших конвойных нас пропустили.

При въезде в селение, у станции, нам показали кирпичный завод и пояснили: «Вот здесь около ямы вас расстреляют часа через два». На станцию мы приехали еще до рассвета, но о нашем прибытии стало сейчас же известно, и зал 1-го класса, куда нас провели, быстро наполнился «товарищами». Чувствовалось, что только чудо может спасти нас. Кругом были звери, которые требовали крови и не хотели дожидаться суда над нами. Требовали, чтобы нас сейчас же передали им.

Пришедший начальник сводного отряда на станции Степной, он же председатель военно-революционного суда, едва уговорил толпу допустить сначала суд. «Не беспокойтесь, вряд ли оправдаем, и вы свое получите!» Собрался суд. Председатель — начальник сводного отряда на станции Степной. Члены: какой-то еврей, затем комиссар станции (как потом оказалось, сын содержателя местного трактира, бывший фельдфебель) и какой-то солдат.

Начали с нас. Допрашивали и вместе, и отдельно. После довольно продолжительного судбища признали, что документы наши в полном порядке, что мы к армии Корнилова не принадлежим и что мы едем по своим личным делам. Когда нас вывели из дамской комнаты, где происходил суд, и водворили обратно в зал 1-го класса, объявив толпе, что мы невиновны и оправданы, последовал взрыв возмущения и требование нас все же расстрелять.

Спасли нас начальник сводного отряда и какой-то латыш, назвавший себя командиром латышского эскадрона. Им стоило больших трудов нас отстоять; особенно помог латыш. Мое впечатление, что оба они были офицеры.

Но главное, что нас спасло, — это присутствие двух разведчиков Добровольческой армии. Ясно было, что их участь решена. Особенное негодование вызвал против себя юноша — сын местного хуторянина. Суд над ними был только для проформы. Через несколько минут их передали во власть толпы. Бедных юношей поволокли, избивая по дороге. Мы слышали несколько выстрелов, и немного погодя вернулись палачи, деля между собой одежду и обувь убитых!

Было уже светло. Утомленный от всего пережитого, я мрачно стоял у стены комнаты, в которой почти никого, кроме нас, не оставалось. Желая сесть и двинувшись от стены, я почувствовал, что что-то прилипло к моим ногам. Посмотрев, я увидел тряпку, всю пропитанную кровью. Один из бывших в комнате солдат, заметив мое брезгливое движение, поспешил дать нам объяснение. Оказалось, что накануне сюда было приведено пять человек, и все были приговорены к расстрелу. Когда их повели, то один из них отказался идти и был тут же в комнате убит ударами штыков и прикладов. «Вот это и вытирали его кровь», — закончил рассказчик. Затем он еще добавил, что когда стали рассматривать вещи убитого, то в теплой шапке нашли его фотографическую карточку в форме полковника, снятого, вероятно, с женой и детьми.

— Значит, убили не напрасно, — добавил солдат.

Вероятно, это был один из братьев Бородиных, которые, как потом я слышал, были убиты на станции Степной.

К вечеру 17 февраля привели новых арестованных: юношу 16 лет и зажиточного казака-хуторянина. Последнего — по постановлению суда (круга) соседней с ним станицы за то, что он богат и живет как буржуй. Круг решил — отправить на станцию Степную и требовать, чтобы его расстреляли, а его землю и инвентарь дали разрешение разделить между ними. Бедный казак волновался, плакал, обещал отдать соседям все, что у него имеется. Революционный суд на станции Степной после долгих споров вынес наконец ему оправдательный вердикт.

Не так счастлив был юноша. Во время суда (я присутствовал в той же комнате) на вопрос, кто он и как попался, юноша чистосердечно ответил, что он гимназист 6-го класса новочеркасской гимназии и вместе со своими сверстниками был зачислен в партизанский отряд Чернецова, но что на фронте не был, а состоял в команде, сформированной для охраны дворца донского атамана, что 10(23) февраля их команду решили отправить на фронт, предоставив каждому право или уйти домой, или идти с командой на пополнение отряда Чернецова, понесшего большие потери. Юноша решил отправиться домой в деревню, где его отец был священником. Вернувшись домой, он прежде всего пошел в местный революционный комитет, где все про себя и рассказал. Комитет решил его «как поповское отродье» хорошенько проучить и отправить на станцию Степную.

Искренний и бесхитростный рассказ юноши вызвал на суде бурю негодования: поповский сын, корниловец, партизан Чернецова и пр.! Приговор произнесен был председателем суда быстро: «Расстрелять эту собаку, как только взойдет луна!» Несчастный юноша тяжело

вздохнул и, понутив голову, стал около стены. Когда суд разошелся и в комнате остались только мы и двое из стражи, юноша попросил разрешения немного отдохнуть. Он лег на полу около стены, подложил мешок под голову и немедленно заснул.

Часа через два пришли два солдата. Один из них ткнул спящего ногой и сказал: «Вставай, пора идти, луна возшла». Тихо поднялся юноша, посмотрел на нас и сказал: «Смерти не боюсь, но грустно умирать таким молодым — ведь я совсем еще не жил и жизни не знаю. Благословите меня». Мы с ним простились, перекрестили его, и он вышел. Минут через пять раздалось несколько выстрелов...

*В. Иляхинский*¹⁴¹

СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ В ПОХОДЕ¹⁴²

В Добровольческой армии сестер милосердия называли ласково по именам, часто не знали ни отчества, ни фамилии сестры, но по имени сестру часто знал весь полк.

Сестра Шура. Гимназистка 6-го класса Ростовской женской гимназии, выросшая в хорошей патриотической семье, под влиянием разговоров дома и происходящего вокруг решила послужить Родине по мере своих скромных сил. Подговорила свою репетиторшу, слушательницу Высших женских курсов, и тайком отправилась на вокзал, где в это время готовился к отходу на фронт в Батайск эшелон юнкеров и кадет. «Возьмите нас с собой, мы будем перевязывать раненых и ухаживать за больными». — «А вы умеете?» — с некоторым сомнением задали вопрос юнкера, видя пред собой двух юных девушек, мало похожих на опытных сестер милосердия. «О, мы все умеем!» — «Пожалуйста, садитесь, но чтобы начальство не видело».

Уже в пути о новых сестрах было доложено начальству, которое еще с большим сомнением отнеслось к их медицинским познаниям, но все же их приняли.

Первое «боевое крещение» и первый опыт перевязки произошел вскоре, под Батайском. Нужно было сделать перевязку раненому в лицо. Шура подошла с приготовленным бинтом к юнкеру, но, увидев все лицо в крови, так испугалась, что начала рыдать навзрыд, и бедному раненому пришлось ее не только успокаивать, но и доказывать, что ранение нестрашное и ему «даже не больно». Но слишком часто и много стало видно крови, и юная Шура к ней «привыкла», и ее официально признали сестрой Юнкерского батальона. В бою не отстава-

ла от роты, перевязывала раненых там же на месте, переходя под огнем от одного раненого к другому. Это хождение под огнем, а не перебежки действовали на лежащих в цепи, которым казалось «стыдно лежать» в то время, как сестра Шура, да и другие такие же сестры — Оля, Вася, Таня — ходят и гибнут не перед пулями, а перед ранеными.

Но перевязать легко раненного, который к тому же не желает уходить из строя, не так тяжело, а вот перенести тяжело раненного из цепи на пулеметную двуколку или повозку было много труднее для слабых девичьих рук. А отнеся вдвоем или втроем с другими сестрами раненого на повозку, обратно к цепи шла не с пустыми руками. «Сестрица, отнесите в цепь патроны, а то мне одному не разорваться». Шура берет патроны и несет.

Шура настолько привыкла к перевязкам и осмелела, что во время одного сильного боя, когда осколок снаряда так сильно поранил руку офицера, что кисть держалась только на сухожилии, — перевязала руку. К счастью, заражения крови не произошло и этот раненый остался жив.

Особенно памятен для Шуры был бой под Екатеринодаром. Она была тогда в офицерской роте у полковника Кутепова. Бой был жаркий, несколько раз рота бросалась в штыки. Было много убитых и раненых. Шура бегала по полю и делала перевязки, не обращая внимания на крики генерала Маркова: «Ложитесь, подстрелят». Когда был израсходован весь перевязочный материал, то на перевязки пошли гимнастерка и юбка.

При перевязке раненых в этом бою с ней произошел такой случай: подходит Шура к тяжело раненному в живот, становится на колени и хочет перевязать, а он открыл глаза и начал рыться в карманах. С трудом вытащил револьвер и хотел стрелять в Шуру, но был настолько слаб, что револьвер выпал у него из рук. Тогда он крикнул: «Не тронь меня!» — и стал ругать ее отборной бранью. Оказалось, что это был большевик.

Господь ее хранил, стало темнеть, перестрелка затихла, стали слышнее стоны раненых. Шура осталась одна. Стало совсем темно, и тут ей стало жутко. Куда идти к своим? Побежала наугад и, слава Б-гу, наткнулась на Корниловскую батарею. Вид у Шуры был ужасный, вся в крови, в остатках платья, испуганная. Корниловцы приняли ее сначала за большевичку, но скоро распознали: «Да это сестра Шура Офицерского полка».

Денис Давыдов в одном из своих стихотворений писал: «Бой умолк, а вечером снова ковшик шевелится». Но это было в эпоху давно про-

шедших времен и относилось к воинам. Не то было в Кубанском походе. Бой умолк, а сестрам Шура и подобным ей нужно было найти приют измученным и голодным раненым, снять их с тряских повозок и уложить хотя бы на солому, дать поесть, умыться, помочь врачам сделать перевязки. Мечется Шура от одного дела к другому, чтобы ни один из раненых не остался брошенным, часы бегут, и едва-едва все сделано к полуночи. Нужно и самой устраиваться на ночлег для краткого отдыха. Условия для этого у сестер гораздо хуже, чем для добровольцев. Им все время приходится возвращаться в массу мужчин, что уже стесняет. Тяжело переносить грязь. Мужчины как-то легче к ней привыкают. Хочется помыться, переодеться, а так трудно выбрать и время и место для этого, несмотря на то что добровольцы всегда были предупредительны к своим сестрам и со своей стороны старались помочь им, бывшим для них в походе не только заботливыми сестрами, но и любящими матерями.

Ну, наконец, можно спать, на кровати лежат раненые, пол грязный. Находится место где-нибудь в уголке. Едва рассвет, как Шура вскакивает и бежит кипятить чай для своих поднадзорных, а потом с помощью возчиков укладывает раненых на повозки. Кому успела, перевязала пропитанную кровью повязку. Нет полотна для бинтов, но на окне висит прекрасная полотняная и еще совсем чистая занавеска. Момент, и из занавески вышло несколько полос прекрасных бинтов.

Много подружек Шуры в походе было ранено и убито, но Бог хранил Шуру, и до Медведовской она была цела. Но при взятии бронепоезда генералом Марковым Шура была ранена в грудь и в руку с переломом кисти. Пришлось и ей лечь на повозку и переносить все тяготы уже как раненой. Будучи здоровой, Шура не думала о том, что у добровольцев нет тыла, но, попав в обоз, она это почувствовала, так как в обозе и раненые, и медицинский персонал подвергались не меньшей опасности, чем строевые части, ибо не раз обоз простреливался насквозь артиллерией противника, да и под ружейным огнем не раз побывал. Что ожидает сестру из Добровольческой армии? Даже и подумать страшно! Однажды Шура избежала этой участи. В одной из станиц¹⁴³ были оставлены раненые и с ними три сестры милосердия и доктор. Шура тоже хотела с ними остаться, но ее ротный командир полковник Кутепов не разрешил, сказал, что она нужна в роте. Когда эта станица была вновь занята, то узнали, что все раненые и доктор были убиты большевиками, а трупы сестер были найдены изуродованными, им выкололи глаза, отрезали груди, и все тело их было покрыто синяками.

Шура была сестрой милосердия доброволицей, таких в походе было большинство: это были вчерашние гимназистки, институтки и едва окончившие школу молодые девушки. Кадровых, опытных сестер было очень немного. Эти молодые девушки заслужили всеобщую любовь и уважение добровольцев как своим самоотверженным уходом за ранеными, так и своею доблестью и пренебрежением к смерти.

Сестра Шура проделала всю страду Гражданской войны на юге России, окончив ее при 1-й особой роте штаба генерала Врангеля в Крыму, и в настоящее время она — Александра А. Барюш, урожденная Викторова, находится в Бельгии.

Сестра Дуся. Приехала в Добровольческую армию в Новочеркасск с Западного фронта, уже «опытной сестрой», хотя ей всего было 18 лет, и поступила в Партизанский полк, а позже перешла в Корниловский. По своей скромности о тяготах своего служения ближнему не говорит. Горюет, что тяжело было больным и раненым трястись в телегах, что в бинтах заводятся вши и трудно найти материал для перевязок. Боялась, как бы «ее» раненых не оставили где-нибудь в станице, и неотступно за ними следила. Трудно бывало и с ночлегами. В одной станице пришлось на большой кровати положить поперек ее восемь раненых. Места для нее в комнате этого дома не нашлось, но в кладовке были полки для провизии. Худенькая и маленькая Дуся, подложив шинель под голову, залезла на полку и мирно заснула.

Большое огорчение для нее были большие сапоги, они натирали ноги и были в грязь неимоверны тяжелы. Вывезенные из Новочеркасска изящные туфли на одном из переходов были потеряны — это было большим огорчением, но была и радость, вместо потерянных туфель однополчане подарили ей пудреницу. Кроме большевиков, ее врагами были также злые собаки в станицах, их она боялась больше, чем большевистских пуль. Во Втором Кубанском походе она была тяжело ранена с раздроблением кости, была при смерти, а потом долгие годы страдала от этой раны. В настоящее время она — Евдокия Васильевна Веллс, урожденная Шмидт, живет в Нью-Йорке и по-прежнему работает как сестра милосердия.

Подвижной лазарет Добровольческой армии и служба сестер в нем

Подвижной лазарет, он же санитарный обоз, с несколькими сотнями раненых, покрытых то одеялами, то попонами или просто шинелями, втиснутых с предельной плотностью на подводы, представлял

поистине трагическое зрелище. Этот обоз по мере надобности то вытягивался в тонкую линию верст на десять, то выстраивался в колонну по 4—6 повозок в ряд и несся галопом под артиллерийским обстрелом, без дорог, унося на деревенских возах людей с перебитыми костями и простреленными животами, жестоко страдавших от этой встряски, то при ночных переходах через железные дороги стремительно перескакивал через железнодорожные переезды во избежание обстрела бронепоездами.

Лазарет испытывал большой недостаток в медикаментах и перевязочных материалах, и если с первым еще можно было мириться, то недостаток второго создавал трагическое положение и являлся источником тяжелых душевных переживаний для персонала лазарета. Этот недостаток не мог быть пополнен ни из больницы, которые давно были лишены этого, ни из станичных аптек. Для перевязок сестры были вынуждены пользоваться одеялами и простынями, которые нужно было как-то добывать у местного населения и резать на бинты. Но и их было недостаточно. Много забот доставляло питание раненых. Условия подвижного лазарета весьма усложняли эту, казалось бы, простую процедуру и отнимали много времени для хождения по повозкам с пищей и кормления тяжело раненных, к тому же и время питания не поддавалось какому-либо урегулированию, определяясь условиями боевой обстановки, и происходило в разное время не только дня, но и ночи.

Забота о раненых лежала главным образом на сестрах милосердия. Привлечение знаменитым хирургом Пироговым женской сестринской заботы о раненых воинах стало началом векового уже ныне подвига русской женщины в военных госпиталях и на полях сражений.

Первая мировая война с ее многомиллионными армиями потребовала для обслуживания фронта огромное количество сестер из запаса военного ведомства, а также краснокрестовских сестер и добровольных сестер в общественных организациях. Работая в госпиталях, в санитарных поездах и даже в передовых перевязочных отрядах, сестры находились в довольно благоприятных условиях. Почти всегда они имели удобные жилища, хорошее питание и возможность содержать себя в чистоте и порядке. Почти всюду имелся полный штат, что исключало большую перегруженность в их повседневной работе. Санитарные учреждения фронта были полностью снабжены медикаментами и необходимым перевязочным материалом. Под огнем, даже артиллерийским, сестры почти никогда не находились во время своей работы.

Совершенно в других, неизмеримо худших условиях находились сестры в нашем подвижном лазарете. Местом их работы было от-

крытое поле и обозные повозки, не защищенные от стужи и частых во время похода холодных дождей, только обутые в высокие сапоги наши сестры могли ходить по вязкой и глубокой грязи Кубанских степей. Количество сестер было явно недостаточным. Жилищем сестер были повозки — днем и станичные хаты (но и то не всегда) ночью. Наряду с ранеными наши сестры терпели личную жуткую антисанитарию, и огромная вшивость, мучившая наших раненых, мучила и сестер, у которых не было ни места, ни времени с ними бороться. Сестрам приходилось ежедневно, за отсутствием санитаров-носильщиков, самим нагружать на подводы и выгружать с них раненых, что было непосильной для них работой. За отсутствием санитаров сестрам вместе с врачами нужно было выезжать в санитарных повозках (т. н. летучках) к цепям для вывоза раненых, находясь при этом под артиллерийским и ружейным огнем, в меньшей степени, но такая же опасность была и в обозе лазарета, когда армия, находясь в окружении врага, подвергалась со всех сторон обстрелу.

Приведем два примера из жизни нашего подвижного лазарета.

«Я лежал в повозке с сотником М., тяжело раненным в позвоночник. В бою под Ново-Дмитриевской, когда началась переправа через речку, наш возчик сбился с брода, повозка нырнула, и мы очутились под водой. Наше счастье, что перед переправой наша сестра милосердия Катя покрыла нас с головой большим рядом. Но все-таки, хотя воды мы не хлебнули, но промокли до нитки. Правда, это был только миг, лошади рванули и вынесли повозку на берег. Переправившийся обоз стал в поле, ожидая очищения станицы от красных. Было морозно, и покрывающее нас рядом замерзло, образовав твердую крышу, под которой стало теплее, но снизу шинель примерзла, и повернуться было невозможно. Мой сосед тихо стонал, а я впал в забытие. Очнулся, когда кто-то поднял меня и внес в дом. Это сделал наш возница, который, как только было разрешено обозу въезжать в станицу, быстро выскочил со своей повозкой вперед, остановился у первого большого дома, топором разрубил замерзшее над нами рядом и внес нас обоих в дом, спасши этим нас от смерти. Я даже не смог его поблагодарить, так как он сразу же уехал».

«Как-то во время привала я забрался в самую гущу стонущего и хрипящего обоза и услышал, что кто-то окликнул меня. Это был мой старый знакомый Сергей Ш-в, у которого была раздроблена кость выше колена. На телеге вместе с ним было еще двое. «Дай пить». К счастью, со мной была фляга с мутной водой. Раненый с жадностью поднес флягу к пересохшим губам. «Убери этого... воняет». Он ука-

зал глазами на лежащего рядом мертвеца. При помощи возчика мы осторожно стянули с подводы труп, положили его около дороги на сухую прошлогоднюю травку и вернулись к подводе. «Есть хочешь?» — «Нет... вши заедают... а этот тоже...» Сергей указал головой на другого, еще живого спутника. Это был мальчик лет пятнадцати. Он был без сознания и быстро шевелил губами. Глаза его были закрыты».

Командующий армией оценил исключительно тяжелую работу сестер подвижного лазарета, и наряду со строевыми частями персонал лазарета был награжден знаком «Тернового Венца» 1-й степени, на георгиевской ленте «За понесенные безмерные труды и лишения» в 1-м Кубанском походе.

Первопоходник

МЫ НЕ ЗАБУДЕМ ВАС¹⁴⁴

Как ни тяжела была по своим переживаниям Великая война, но Гражданская во много раз превосходила ее как по количеству потерь, так и по озлобленной жестокости, которую проявляли борющиеся. Общепринятых международных норм, смягчающих войну, не существовало.

Выкованная, как реакция на несправедливость и беспричинное зло, Гражданская война была движима духом непримиримости. Одна принадлежность к «белым», или, как называли большевики, «кадетам», была достаточна для смертного приговора или длительных мучений; не оставались в долгу и белые... Долгое время пленных не брали, а уходя с мест ночлегов, не могли оставлять раненых, так как они были бы замучены, и неделями возили их за собой в распутицу, на тряских подводах, взятых у населения... Тяжело вспоминать теперь все то накопление страданий и зла всякого рода, которое приходилось переживать тогда... да не о том речь...

Сегодня, в годовщину нашего первого похода, я чувствую сердечную потребность посвятить эти несколько строк тем, кто в эти дни, исполненные воинской доблести и сурового тяжелого долга, сменявшихся озлоблением и жгучею мстью, в дни безысходного страдания, под леденящим касанием смерти, нашли в себе чистые источники любви и Христова милосердия. Вам, наши незабвенные сестры, посвящаю я эти строки. Я не знаю, где вы теперь, не знаю ваших имен, но я хорошо помню вас и никогда не забуду! Как живые, проходите вы перед моим мысленным взором...

Вот пробегает цепь, и тут же, шагах в 50 за ней, пробегает сестра; на ней сумка с кое-каким подручным перевязочным материалом.

Кто она, эта молоденькая девушка, вчерашняя гимназистка? Она, видимо, волнуется, приподымается на колени и всматривается в лежащих впереди, затем опять ложится. Огонь усиливается, но мы еще не стреляем. Цепь двигается дальше, но один из казаков остается лежать. Сестра подбегает к нему. Вечером опять вижу ее: она проходит в нескольких шагах от нас и старается догнать уходящую цепь; на ногах у нее налипли тяжелые комья грязи. Мы все голодные, усталые и злые, а она все так же сияет любовью и радостью. Сегодня она перевязала очень многих, и чем больше труда выпало на ее долю, тем она счастливее...

Ночь... Медленно двигается колонна по топкой грязи; мы пересекаем плавни, чтобы выйти на станицу Елизаветинскую и там перейти на правый берег Кубани. Весь день бой, а вместо отдыха за ночь придется пройти верст 20—25. На сестерской подводе лежит раненый с перевязанной головой. Он тяжело стонет. С боков примостились сестры. Какая-то задержка впереди останавливает движение; стоим в грязи выше щиколотки, ждем. Вдруг в стороне раздастся несколько выстрелов, резкий крик, и затем издали доносятся стоны: должно быть, нарвался дозор на каких-либо большевиков. Никто не реагирует... Устали... не все ли равно, сами разберутся... Но сестры встревожились:

— Там кого-то ранили, вы слышали крик?

— Может быть, и ранили, но теперь все тихо, тревожиться не о чем, там есть охранение.

— Да дело не в том, как вы не понимаете; может быть, там кто-нибудь истекает кровью, надо помочь, отчего вы не идете туда?

— Это, сестрица, не наше дело; мы бы так разошлись все в разные стороны, охранение само справится.

— Я пойду, я не могу сидеть здесь, — говорит младшая; соскакивает в грязь и, хлюпая своими высокими сапогами, сразу утопает в темноте, в том направлении, откуда были слышны выстрелы и стоны.

Мы трогаемся дальше, обходя подводу. Наутро опять вижу ту же подводу уже с двумя ранеными. Сестра идет рядом; вся юбка ее пропитана жидкой грязью.

— А я пришла очень вовремя; вы знаете, у него — перебита нога, говорит она, показывая на раненого. — Мы с большим трудом дотащили его до подводы.

Она счастлива...

— Вы шли пешком, на вас нет сухой нитки!

— Ну что ж делать, я несколько раз переходила через эту жидкую грязь: скользко и вязко и здорово глубоко — мне было почти до пояса...

В двери раздается стук, и женский голос просит разрешения войти. Входит сестра, губы ее дрожат, она, видимо, еле удерживается от слез.

— Господа, нет ли у вас чего-нибудь для бинтов?

Голос ее срывается... Мы не сразу понимаем.

— Чего вам, сестрица? У нас нет никакого перевязочного материала.

— О нем я и не мечтаю, — говорит она. — Может быть, какое-нибудь белье или полотенце... уже четыре дня «они» без перевязки. — И губы ее дрожат. — Раны гниют, гангрена начинается, а я ничем не могу помочь...

К ней протягивается рука с полотенцем, другая с рубашкой. Она сквозь слезы улыбается:

— А как же вы, у вас есть еще рубашка?

— На мне есть, да я еще цел, слава Богу, где-нибудь достану — берите.

Через минуты две она вводит раненого; изба сразу наполняется невыносимым смрадом; мы начинаем усиленно курить или выходим на чистый воздух. Сестра, осторожно поддерживая больного, снимает накиннутую на одно плечо шинель и начинает разбинтовывать руку; она раздроблена выше локтя. Работает она необычайно нежно и ласково. Гангренозная рука покрыта мелкими белыми червями, вид ее отвратителен, но на лице у сестры не видно и тени брезгливости или отвращения, она вся сияет милосердием и счастьем Христовой любви...

Мы наступаем на Екатеринодар; вот миновали ферму, влево остались сады. Мы направлены на усиление наших передовых частей, идем под огнем большевистских батарей... потерь мало. Большинство разрывов высоки, иногда бывает «удачный». Но что это? Вправо от дороги рядышком лежат две сестры; они убиты, видимо, одним снарядом...

— Помните их? Они почти всегда вместе работали, кажется, они подруги по Ростовской гимназии, — раздается чей-то голос; многие снимают шапки и крестятся...

Да, мы не знаем всех ваших имен, но мы помним вас и никогда не забудем! Не забудем тех мгновений Христовой любви, ласки и бесконечного самопожертвования, которые вспыхивали и сияли ярким светом на общем фоне страданий, жестокости и злобы братоубийственной борьбы.

Земной вам поклон, наши милые, незабвенные сестры!

ПОХОД КОРНИЛОВА¹⁴⁶

Март 1918 года. Выселки. По станице внезапно распространилась новость: «Корнилов идет!» Небольшой отряд красных, стоявший в станице, быстро собрался и удалился, очистив путь сибирскому казачку. Левое крыло главных сил генерала Корнилова из станицы Березанской вступило в нашу станицу. К нам во двор въехало три кавалериста. Мы, дети и взрослые, со страхом и любопытством осматривали корниловцев. Попросив отца накормить лошадей, они вошли в дом. Поздоровались с матерью, попросили пообедать. Обед был быстро приготовлен. Поблагодарив за обед, они отодвинулись от стола, так на стульях и заснули, положив оружие на колени. Они отдыхали часа два, потом начали собираться. Помню, отец их спросил: «Неужели вы думаете победить большевиков, которых везде тьма-тьмушая?» Они ответили: «Отец, нам все равно погибать, но сдаваться красным мы не намерены. Решили, если уж умирать, то дешево свою жизнь не отдавать...» Быстро собравшись, они уехали в станицу Журавскую.

Через два-три часа целая туча большевистского войска из Ново-донецкой ввалилась в станицу, расквартировались по 3—4 человека в каждой хате. У нас поместилось пять человек. «Хозяйка! Вари-ка нам вареники, кажется, Масленица сейчас. Ну что, видели корниловцев? Вот проклятое офицерское отродье! Пятые сутки гонимся за ними по пятам и никак не можем настичуть. Но вероятно, уже завтра мы его (Корнилова) настигнем и прикончим. Что, далеко отсюда Журавская? Там, в Журавской, эта контрреволюционная гидра остановилась ночевать...» — «Нет, недалеко, всего семь верст», — ответила мать. Плотно наевшись вареников со сметаной, красноармейцы крепко, беспечно уснули.

Командир отряда на тайном совещании из местных жителей, сочувствующих красным, вызвал охотников для того, чтобы разведать, в какой хате в станице Журавской ночует Корнилов, незаметно ночью пробраться к ней и через окно бросить гранаты с той целью, чтобы убить его. И охотник нашелся из иногородних — украинцу Дмитрий Дорошенко. Родители его давно приехали в станицу и жили неплохо: они имели собственную паровую молотилку. Они были еще живы и здоровы, имели двух сыновей и дочь. Командир красного отряда пообещал Дмитрию Дорошенко большую награду за успешное выполнение поручения. Выслушав внимательно инструк-

цию, как надо действовать, взяв с собою револьвер и достаточное количество ручных гранат, вполне уверенный в успехе своего дела, Дмитрий в темную мартовскую ночь отправился на черное дело...

* * *

Выселки. В 5 часов утра на улице послышались беспорядочные выстрелы. Поднялась невообразимая суматоха. Красноармейцы, которые ночевали у нас, как спали в белье, так и выскочили на улицу. Одни схватили второпях только винтовки, а другие, наоборот, только патроны, забыв винтовки. Но, выскочив на улицу, они попадали под острые сабли корниловцев. Кто бросался бежать обратно во двор, того настигала меткая пуля. Но часть красноармейцев, из тех, которые ночевали в восточной части станицы, сгруппировались и, как стадо баранов, бросились бежать по Новодонецкой дороге. Здесь уже корниловцы показали, как они могут рубить. Сотни зарубленных трупов лежали на дороге и на улицах станицы. К 12 часам дня все было кончено.

После этого боя к нам во двор въехали два кавалериста. Лошади с трудом переступали ногами. Один офицер, который сошел с лошади, похлопав четвероногого друга по шее, сказал: «Ну, друг, спасибо тебе за сегодняшнюю службу. Ты устал, а я еще больше утомился, но и не напрасно: не меньше двадцати человек уничтожили, дешево своей жизни, видно, не отдадим...» Мы схватили у них из рук поводья и начали водить лошадей, чтобы они постепенно остыли и высохло на них «мыло». Через полчаса дали им корм. Остаток дня и эту ночь корниловцы ночевали у нас, отбив охоту у красных гнаться за ними. Теперь мы уже корниловцев не боялись, как накануне. Мы тоже радовались их успеху. На наших глазах они превратились в настоящих героев. Но после этого боя они были озлоблены, были не такие, как раньше, когда они от нас уехали, ничего не взяв. Теперь они вынуждены были мобилизовать лошадей с подводами, с той целью, чтобы везти раненых и трофеи, добытые у красных.

Рано утром на следующий день приблизительно тридцать подвод они взяли у жителей станицы. У нас тоже взяли подводу с лошадьми. Отцу сказали: «Если дашь нам кучера, то будут шансы, что подвода возвратится назад, а если нет, то обещать не можем». Отец посадил меня за кучера, наказав при первой возможности возвратиться домой, и я выехал со двора. Все назначенные подводы собрались во дворе станичного правления. При этом было приказано наложить как мож-

но больше соломы. Подводы были все обычные, с драбинами. Со мною вместе на своей подводе ехал мой школьный друг Алексей Бальшев, он был на год старше меня.

Часам к 8 утра все подводы были налицо. Мы начали выезжать со двора станичного правления. Какой-то полковник, стоя у ворот, считал подводы. Когда я проезжал мимо него, то он, увидав нашего жеребенка, погладил его по спине. Жеребенок, пригнув уши, быстро задними ногами ударил его по колену. Он, улыбаясь мне и своему спутнику, сказал: «Ишь, какой малыш, а уже дает отпор...»

Выехав со двора, мы повернули налево, на запад. Проехали Лаврову греблю, железнодорожный переезд, минуя мельницу А.И. Бурцева, выехали в степь по Журавской дороге. Ехали очень медленно, часто почему-то останавливались. От нас до Журавской всего 7 верст. Но все-таки, как бы медленно ни ехали, часам к 10 утра мы уже въезжали на церковную площадь станицы. Алексей на своей подводе ехал все время впереди меня.

Когда мы остановились на несколько минут возле станичного правления, там увидели страшное зрелище. На наскоро сколоченной виселице в виде буквы «П», вытянувши руки по швам, висел какой-то человек. Голова была наклонена на правый бок, и высунут был посивший язык.

— Алексей, Алексей! — кричу я другу. — Ты не знаешь, кто это висит?..

— Да ты что, ослеп, что ли? — отвечает он. — Да ведь это же наш Митька Дорошенко!

Пристально всмотревшись, я узнал: действительно, это был он. Значит, красный командир не лгал, обещая ему большую награду. Он действительно по своим заслугам получил большое и достойное вознаграждение.

Обоз начал двигаться дальше. Переехав греблю, ведущую через реку Журавку, поехали по направлению станицы Кореновской. Проехав 5—7 верст, в одной глубокой балке остановились, так как дальше ехать было невозможно — впереди нас шел бой. Слышалась пулеметная и винтовочная стрельба. Солдаты-санитары говорили, что сам Корнилов находится на каком-то кургане и руководит боем.

Недалеко от нас, с правой стороны, в той же балке стояла батарея из двух орудий и стреляла по красным. Для чего были наши подводы предназначены, мы с Алексеем не догадывались. Когда красных сбили и начали теснить к станице Кореновской, тогда к нам в подводы сели солдаты-санитары, и мы быстро выехали на ровное открытое поле и начали подбирать раненых. Здесь я увидел такую картину: из

Кореновской, вдоль полотна железной дороги, от нас верстах в 4—5, двигалась в нашу сторону красная колонна по четыре человека, а в нее стреляла вышеупомянутая батарея из двух пушек. Снаряды рвались в хвосте колонны, потом в голове ее, в центре и т. д., и через несколько минут колонна вынуждена была рассеяться.

Свистящим пулям я начал кланяться, а некоторые пули возле нас поднимали пыль, и я удивлялся спокойствию солдат — они как будто выехали не в бой, а на свое поле за снопами. Меня начало знобить — лихорадить. Конечно, они сразу заметили мое состояние и стали шутить: «Илья, напрасно ты кланяешься пуле, ведь она уже в Журавской. А тех пуль, что пыль поднимают, бояться нечего. А сколько времени вашему жеребенку?» — «Тринадцатый день», — отвечаю я. «А тебе сколько лет?» — «Тринадцать». — «Ну вот видишь, какая разница. Выходит, ты намного старше его, а посмотри на него: он спокойно сосет свою мать и никакого внимания не обращает на пули, а тебе тем более не надо бояться». После этого я начал успокаиваться, и моя дрожь прошла.

Мне на подводе нагрузили трех раненых. У одного была голова забинтована, другой был ранен в правую руку, а третий — в пах. Тот, который был ранен в пах, лежал почти без движения. Только когда подвода подпрыгивала по неровной дороге, он тихо стонал.

Красные отступили, оставив Кореновскую. Подводы с ранеными, медленно двигаясь, часов в 5 вечера 4 марта въехали на площадь станицы, где находилась большая кирпичная школа. Здесь квартирьеры вынуждены были просить у жителей одеяла, простыни и подушки для раненых. Настлав в школе соломы, сносили с подвод раненых и помещали на примитивных постелях. Здесь санитары делали перевязки. Бинтов не хватало, тогда употребляли старые простыни и белье.

Сгрузив раненых, подводы наши освободились. Положив под морды лошадям ячменной соломы, я и Алексей побежали на площадь посмотреть на Корнилова. Посреди площади, в кругу приближенных, в тот вечер я увидел Лавра Георгиевича в первый и последний раз. Он был в серой солдатской шинели без погон, на нем была серая высокая папаха. В такой обстановке я его видел минут 20—30. По той дороге, по которой мы въехали в станицу, приближалась к нам какая-то кавалерия, потом слышались крики «Ура!» и к нам подъехала сотня казаков. Три старика спешили и подошли к Корнилову. «Ваше Превосходительство, мы в ваше распоряжение привели сотню казаков из своей станицы», — отрапортовали они. Поблагодарив их за такую услугу, Корнилов поцеловал этих трех стариков.

Потом поздоровался с сотней. Я был удивлен: как так, генерал и вдруг целует простых стариков казаков! С этого момента он стал для меня дорогим и близким. Я думал: это наш генерал, простой, не гордый... Прием окончился, все стали расходиться, мы побежали к лошадям.

* * *

На следующий день, проснувшись рано утром, мы увидели на земле и постройках иней. Ночью были заморозки: жгли костры и грелись около них. Взошло солнце, день обещал быть ясным, как и предыдущий.

Началась погрузка раненых. Двое моих вчерашних раненых вышли сами и сели на подводу, а третьего, раненного в пах, не выносили. Я спросил: «Почему не выносят третьего?» Они отвечают: «Он дальше не поедет, останется здесь». — «Как так останется? — сказал я. — Когда красные придут, они же его прикончат!» Мне стало жаль его, я быстро соскочил с подводы и побежал в школу — я видел, где его вчера положили. Подбегаю к стене, прямо к нему. Он лежит бледный, впавшие глаза больше потемнели. Не веря собственным глазам, я наклонился ближе и понял, что он был мертвый. Я встал, выпрямился. Какой-то клубок подкатился к горлу. Слезы невольно закапали из глаз. У меня не хватило силы воли сдержать их, так же как вчера я не мог подавить дрожь, находясь под пулями. Какие нити связали меня с ним? Но мне его было жаль чистосердечно. Постояв над ним минуты две, я быстро повернулся и вышел из школы. Моим спутникам я ничего не сказал, но по лицу моему они видели, что со мною творится. Моя печаль передалась и им, они опустили головы. К нам посадили еще двух раненых, и мы поехали от школы.

Переехав железную дорогу, направились по направлению станицы Раздольной. А впереди, за несколько верст, гремели орудия, трещали пулеметы и слышались ружейные выстрелы. Там, на юге, наши доблестные герои пробивали себе и нам дорогу. Они расчищали путь от красной нечисти. Шел бой под Раздольной. Надо было взять эту станицу, чтобы можно было расположиться на ночлег самим и санитарному обозу. Отступить было некуда, были только два пути: победа или смерть. Кругом кипело красное разбушевавшееся море.

В станице Раздольной ночевали мои раненые на квартире, а не в школе. Сердобольная хозяйка-казачка очень хорошо отнеслась к нам, всех накормила, напоила и спать уложила. На следующий день точно так же: погрузка раненых на подводы, сбор в определенном месте.

Подводы вытягиваются одна за другой и, утопая в грязи, увозят раненых в холодную, голую степь. Арьергард армии идет вслед за обозом, а через 2—3 часа станицу занимают красные.

Бой за Усть-Лабинскую, Некрасовскую и т. д.

В Некрасовской ночевали у Овсянниковых. Хороший большой дом, во дворе два ореховых дерева, куча песку, — как сегодня, помню. Хозяева настолько хорошие, что нам уступили свои кровати и постели, а сами спали на полу на соломе. На следующий день утром, поблагодарив их за хороший прием, поехали обычным порядком дальше на Филипповскую, Рязанскую и т. д. Каждую впереди находившуюся станицу надо было взять только с бою, чтобы дать возможность раненым переночевать в теплом помещении.

В середине марта разлились горные холодные реки: их потоки приходилось переходить и переезжать вброд. Наш жеребенок бодро шагал по этой воде и грязи рядом с матерью. Но когда мы останавливались на сухом месте для отдыха, он со всех четырех ног падал на землю, отдыхал. Мои раненые жалели его и предлагали взять его на подводу, но я не соглашался, лошадям и так было тяжело везти подводу по колено в грязи.

Здесь, за Кубанью, армия Корнилова соединилась с Кубанской армией и уже вместе дрались под станицей Ново-Дмитриевской, Георгие-Афипской, Елизаветинской и под Екатеринодаром. Здесь происходили очень упорные бои с сильным, вооруженным до зубов противником. Кажется, около десяти дней шли непрерывные бои. В станице Елизаветинской наши подводы нагрузили уже ручными гранатами. Переехали разъезд Эйнем и въехали в Екатеринодар. Помню, на улице было много разбитых шкафов и валялись книги. Мы с Алексеем взяли себе по десятку книг — для чего, не знаю.

Проехав несколько кварталов, возле сенного базара въехали на постоялый двор. На большой вывеске у ворот было написано: «Постоялый двор И.Ф. Такчидис». В каком месте города мы находились, пусть определит тот, кто его хорошо знает. Там находились солдаты и кухня. «Ну вот, вы уже теперь на передовой», — сказали нам солдаты, стоявшие у кухни, получая пищу. Нам выдали алюминиевые котелки и подтолкнули к кухне. Сперва мы получили по куску темного житного хлеба, затем подошли к кухне, как настоящие солдаты. Повар спрашивает: «Что, вам полные котелки наливать или половину?» — «Полные!» — в один голос отвечаем мы. У нас был тогда волчий аппетит. Солдаты шутили: «Наливай им, Митрич, полную, пусть скорее растут, ты ведь сам знаешь, что у нас народу не хватает, а они ребята обстрелянные, кого-либо из нас заменят».

Стояли мы там 2—3 дня, не больше. Однажды начальник обоза спросил наши фамилии и сказал, что звонят из штаба: нас брать домой.

Утром получили известие, что вчера на ферме, в квартире, был убит снарядом генерал Корнилов. Мы и солдаты искренне были удручены и подавлены такой новостью. Погиб тот, который нас вел вперед. Надломился дух армии. Все были переутомлены. Надо было искать выход из создавшегося положения...

Отец мой, узнав в штабе армии адрес старшего сына в чине сотника, поехал проведать его. Он был легко ранен в руку, но продолжал поход дальше, на Медведовскую.

Солдаты у нас спрашивали: «Что вы, ребята, поедете домой или нет?» — «Нет, не поедем, нам здесь веселее, чем дома», — отвечали мы. Стали ждать приезда отца. Отец из Кубанской армии направился к командиру нашей части. У дверей позвонил. Адьютант пригласил в комнату. Входит. За столом сидит полковник. Взгляды встретились, с удивлением смотрят друг на друга. Полковник быстро встает, подходит к отцу, называет по фамилии и целует: «Так вот, дорогой мой сослуживец: когда и где судьба судила нам встретиться!» Сели и начали вспоминать, как когда-то вместе служили в далеком Китае и участвовали в боях во время боксерского восстания. Он командовал там сотней, а отец был переводчиком. Мой отец служил там пять лет, имел серебряную медаль «За поход в Китай». Затем отец объяснил причину своего прихода: «В вашей части с подводой находится мой сын и Алексей, сосед, я хочу забрать их домой». — «Очень кстати, — ответил полковник. — Вероятно, завтра и мы будем отсюда уходить». Отец, получив пропуск за его подписью, распрощался и ушел из комнаты. Через несколько минут он уже был у нас. Предъявил пропуск, и нас отпустили.

Перегрузили гранаты на другие подводы, а две гранаты я оставил и незаметно спрятал под солому, а два капсюля, связав шнурком, в уборной прикрепил к пуговичной петле кальсон. Я предполагал, что красные нас будут дорогой обыскивать, а потому и спрятал в надежное место. Попрошавшись с поваром и солдатами, в тот же день мы выехали домой. Проехали несколько верст. Нас уже встретили красные и обыскали, но, к счастью, ничего не нашли. Отец не знал, что я везу домой гранаты.

На второй день вечером мы уже были дома. Сестры, братья, мать и бабушка встречали нас. Они были рады нашему приезду, так как я отсутствовал 4 недели, а отец неделю меня разыскивал. Мать, увидев жеребенка, сказала: «Отец, а жеребенок какой стал большой! Да ты понюхай, он весь пороховым дымом пахнет». Не знаю, может быть,

она шутила. Но я стою и думаю: если он пахнет пороховым дымом, то я, вероятно, еще больше.

Когда родители вошли в дом, я быстро вскочил на подводу, отыскал гранаты, всунул в карманы и направился в сад. Со стороны сада подполз под амбар и в старом улье-дупляке спрятал гранаты. Осторожно отвязал от кальсон капсули, положил там же. Облегченно вздохнул и вошел в дом. Я знал, что если отец будет убирать солому с подводы и обнаружит гранаты, то мне не избежать кнута.

Через неделю я решил испытать одну гранату. Надев кольцо на ручку, вложил капсуль, завернул держатель и бросил... Щелкнул ударник, кольцо осталось в руке, через секунду раздался взрыв, и облако черного дыма поднялось над садом. Я стою над дымящейся воронкой, счастливый...

Через несколько минут явились «товарищи». «Кто гранату бросил?» — «Я». — «Где взял?» — «Нашел в саду». Начался обыск, нашли вторую гранату и капсуль. Я чуть не заплакал с горя. Отбрали с таким трудом привезенную гранату. Мне ничего не было, а отца забрали, повели в Ревком. Там допрашивали, через сутки отпустили домой. Я сбежал из дома к дедушке, где находился два дня. Потом явился домой. Отец меня не бил, сердце уже отошло. И знал, что все равно страсть к оружию у казака ничем не выбьешь. Наверное, и сам таким был.

На этом я кончаю свой простой, но правдивый очерк. Все указанные фамилии не вымышленные, а настоящие. Я склоняюсь перед могилой, где бы она ни находилась, тех, кто пал смертью храбрых на этом тернистом пути, пробивая своей грудью дорогу нам, не щадя своей жизни. Да будет им вечная память и вечный покой! Они не дешево отдали свою жизнь за Родину. Они достойно несли свой меч и венок. Тем, кто еще остался в живых, я посылаю свой казачий привет и преклоняюсь перед их мужеством...

Советская власть утаила от нас, подсоветских рабов, их героический 1-й Ледяной поход. Она тщательно его скрывает от народа и теперь. Прошло с того времени 54 года. И только здесь, за границей, я узнал, что я был невольным участником этого похода. Что я видел, слышал и переживал, я, как мог, простым языком описал.

Раздел 2

МАРКОВЦЫ В ПЕРВОМ ПОХОДЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ¹⁴⁷

Оставление Ростова

Ночь с 9-го на 10 февраля 1918 года Ростов погружен в темноту; в домах не видно света. Город мертв; на улицах редкие, куда-то пробегающие люди. Холодный ветер, несущий сухой снег и городскую пыль. Кое-где раздаются ружейные выстрелы, и они кажутся зловещими.

Только на углу Таганрогского проспекта и Садовой улицы оживление: там собрались небольшие колонны войск, всего, может быть, человек до 500. Для иного эта жизнь кажется страшной, роковой, безумной: собравшиеся люди, не желающие укрыться от погоды в больших, теплых, уютных домах, не желающие скрыться от ожидаемого врага за кирпичными стенами домов, кажутся обреченными. Но эти люди сделали вызов и страшной ночи, и зимней непогоде, и надвигающейся опасности. Они сделали его сознательно и с целью.

Легкий гул разносится над колонной войск. Слышны команды, распоряжения... Ею руководит воля Вождя; ею распоряжается в большой белой папахе генерал. Его голос наиболее громок, тверд, категоричен...

Вот стоит броневедомоцикл. «Когда колонна тронется — взорвать!» — приказал генерал. Вот стоит 1-й Офицерский батальон, и около него пыhtят несколько грузовых автомобилей, на которые грузятся пулеметы.

— Это еще что? Да вы с ума сошли? — в недоумении остановился у грузовиков генерал Марков. — Перегрузить на лошадей!

Генералу Маркову доложили о невозможности в настоящее время найти лошадей и повозки.

— Чушь! — коротко бросил он и, круто повернувшись, зашагал к столбу с пожарным сигналом. Под ударом рукоятки нагайки зазвенело разбитое стекло. Генерал Марков обернулся и крикнул полковнику Борисову, требуя от него отправления людей по домам для отыскивания повозок. Не прошло и 15 минут, как из темноты появилась пожарная команда. Лихой брендмайор смело пробирался сквозь толпы людей и автомобилей, пока не поравнялся с генералом Марковым.

— Стой! — приказал генерал. — Распрячь лошадей!

Напрасно протестовал брендмайор. Великолепные, холеные пожарные кони стали в строй пулеметной команды 1-го Офицерского батальона. Извозчичьи пролетки и частные экипажи, обратясь в пулеметные двуколки, заменили никчемные грузовики.

* * *

Было около 22 часов, колонна стала вытягиваться на Нахичевань. Молча, спокойно... Загремела батарея. От тронувшейся колонны стали отбегать по разным направлениям фигуры, те, которые пришли проводить своих родных, своих братьев и сестер.

В арьергарде шел 1-й Офицерский батальон. Раздался взрыв, резко нарушивший тишину. Это был взорван броневедомоцикл. Его офицеры едва успели вытащить из машины своего командира, не желавшего расстаться с машиной.

Колонна шла на станицу Аксайскую. По выходе из Нахичевани дорога стала тяжелой: местами снежные заносы преграждали путь. Приходилось помогать коням. Вслед колонне неслись редкие пули...

* * *

В Лазаретном городке большое оживление: все его улицы заполнены войсками, батареями, повозками, пролетками... Сидящие на подводах люди с багажом нервничают, кричат... Вот большой обоз со спокойно стоящими и лежащими людьми, укрытыми с головы до ног; это раненые, не пожелавшие расстаться с армией. Томительное ожидание под звуки ружейных выстрелов. Подошла колонна 3-го офицерского батальона. Все в сборе.

Из флигеля вышел генерал Корнилов. Стоявшие до этого спокойно перед флигелем зашевелились. Несколько человек вскочило на коней, и в руке одного из них в темноте развился национальный флаг.

— С Богом!

Было около 23 часов. Генерал Корнилов пошел пешком, а за ним генералы Деникин, Романовский, Эльснер и др. Тут же в коляске ехал генерал Алексеев: ему около 60 лет, и он нездоров. С ним вся казна Добровольной армии — около 2 миллионов рублей.

Стали вытягиваться части, обозы в указанной последовательности.

— На молитву шапки долой! — скомандовал генерал Боровский.

Студенческий батальон истово осенил себя крестом, тронулся в свою очередь. Строй батальона, едва он вышел за городок, скоро нарушился. Непривычная к походу молодежь под тяжестью несомого груза стала быстро уставать; флаги опустели. Но вот на переезде через железную дорогу кони не смогли перетянуть орудия, и у молодежи нашлись силы, чтобы помочь упряжкам. Наконец впереди показались огоньки станицы Аксайской; надежда отдохнуть, согреться.

После короткой остановки Студенческий батальон вошел в станицу и расположился в здании школы. С оживлением рассаживалась молодежь за столь знакомые им парты и немедленно принялась утолять голод, уничтожая выданное перед походом. Но — одолевал сон, и многие засыпали с недожеванной колбасой во рту.

* * *

Следуя за какими-то повозками, шел Офицерский батальон. У входа в станицу, после четырехчасового похода, повозки остановились; остановился и батальон. Люди значительно устали, продрогли, проголодались: ведь накануне целый день были в бою. Все с нетерпением ждали квартирьеров. Время шло... Томительное ожидание делает людей неразговорчивыми, озлобленными. Но вот, наконец, из темноты кто-то окликает батальон: квартирьер. Батальон обходит продолжавшие стоять повозки и втягивается в улицу станицы. Улица запружена обозами, орудиями. Строя уже нет: все идут вразброд. На станционной площади, менее забитой, части быстро приводятся в порядок. Если, не дай Бог, исполнение приказа не понравится кому-либо из ближайшего начальства, команда будет повторяться, пока выполнение не удовлетворит его.

— 3-й взвод, в полевую заставу! — отдается приказ командира роты.

Офицеры взвода отказываются верить своим ушам. Им кажется, что они уже не в состоянии выполнить приказание: опять куда-то идти в темную ночь, в окружающую, воющую метель. Командир взвода невозмутим: он поворачивает свой взвод, который снова, пробира-

ясь между подводами, идет в ту сторону, откуда пришел, и останавливается за станицей на каком-то бугорке, в сотне шагов от железной дороги, неподалеку от грунтовой дороги на Ростов.

По дороге, увязая в снежных сугробах, движутся еще отдельные повозки и небольшие группы. До самого утра пробирались хвосты отсталых. Кто-то в штатском отрекомендовался офицером, желающим присоединиться к Добровольной армии...

Погода стала меняться к лучшему: постепенно стих ветер, прекратился снег... Утро стало ясное и мягко-морозное.

Переправа через Дон

10 февраля. Техническая рота проработала на переправе всю ночь, подготавливая спуск к реке для проезда батарей и обозов, устраивая настил с берега на лед. Стучали кирки по обледенелой земле, рубили и сколачивали доски, бревна. Рассыпался на спуске песок... Лед на реке достаточно крепок, чтобы выдержать тяжесть орудий. Однако чины Юнкерской батареи предусматривают худшее и подготавливают доски.

Еще затемно Дон перешли — конный дивизион полковника Гершельмана и Партизанский отряд сотника Грекова, которые должны были — первый обеспечивать армию с востока, второй с запада, в сторону Батайска. За ними группа квартирьеров.

С утра стали переправляться части и обозы по указанной очереди. Техническая рота оставалась на переправе для поддержания порядка и оказания нужной помощи. Рано утром пришел генерал Марков. Он был в серой куртке с генеральскими погонами, в большой белой папаче, в бриджах с генеральскими лампасами и с плеткой в руке.

— Ну как, полковник? Все идет по-хорошему? — громко обратился он к командиру Технической роты. Генерал Марков надолго задержался у переправы. Иных грозно призывал к порядку и спокойствию, других подбадривал, отпускал шутки.

Переправу главных сил начал генерал Алексеев, который пешком, опираясь на палку и ею как бы ощупывая крепость льда, перешел Дон. Генерал Корнилов, выйдя из дома, прошел некоторое расстояние пешком, пока ему и генералу Романовскому не подвели коней.

— Кто вы и куда направляетесь? — спросил генерал Корнилов вышедшего из боковой улицы одного офицера.

— Поручик Б., командир взвода 1-й роты 1-го Офицерского батальона. Ищу свою роту, — последовал ответ.

Генерал Корнилов строго посмотрел на командира взвода, потерявшего свой взвод.

— Передайте командиру роты, что я отрешаю вас от командования взводом. Свою роту вы найдете... — И указал направление.

Поручик Б. действительно нашел там, где указал генерал Корнилов, свой батальон. Он доложил командиру роты, подполковнику Плохинскому¹⁴⁸, о случившемся, который посмеялся над неудачником: он знал, что поручик Б. отстал ночью, помогая артиллеристам вытаскивать из канавы застрявшее орудие. Этот маленький случай показал всем, что требование генералом Корниловым дисциплины и порядка остаются в силе в любой обстановке.

Генерал Корнилов со своим конвоем, верхом, переехал Дон и, остановившись на другом берегу, пропускал проходившие части, здороваясь с ними. Прошел Юнкерский батальон, не более чем в сто штыков, и Студенческий батальон, раза в три большей численности. Поразительно бодрый вид имела молодежь, подкрепившаяся завтраком — сладким чаем с белым хлебом и маслом, о чем позаботился генерал Боровский.

Подошла очередь и 1-й батарее. К переправе она была совершенно готова. С трудом мобилизованные в станице подводы были нагружены снарядами, перегруженными из эшелона и из зарядных ящиков. На подводы же было погружено все то, что можно было снять с орудий и ящиков. Подполковник Миончинский предусмотрел все для проведения благополучной переправы. Переправялась батарея по частям: лошади шли выпряженными, по одному катились на руках орудия и ящики, по одной переезжали не сильно нагруженные подводы. Лед потрескивал под тяжестью орудий. Последнее орудие катилось юнкерами по уже выступившей на лед воде и по команде «Бегом марш!». К великой радости юнкеров, от которых валил пар, переправа 5 орудий, зарядных ящиков, передков и всех подвод прошла благополучно.

Наконец дошла очередь и до 1-го Офицерского батальона, снявшего свои заставы, которые с высокого берега реки могли наблюдать движение армии к станице Ольгинской. «Картина была чудесная: по гладкой белой степи ползла из Аксяя черная, бесконечная лента людей, повозок. Шли и шли, и казалось, что никогда не кончится эта живая лента, освещенная солнцем. Вот видна станица Ольгинская, куда втягивалась голова ленты», — записано в воспоминаниях. Офицеры в эти минуты совершенно не думали о дальнейшем. Для них пока все очевидно: армия идет в Ольгинскую. Незвестность впереди, за станицей, скрываема холмами.

С рассветом на дорогу, по которой шла армия, вышла небольшая колонна пехоты. Это 2-й Офицерский батальон, проделавший свой ночной путь вдоль южного берега реки от станицы Заречной. Труден был марш для него: без дороги, по сугробам снега, кучам камней, бревен, через опрокинутые лодки. Батальон шел, видя на противоположном, возвышенном берегу, темные, без огней, силуэты Ростова и Нахичевани, для части чинов его — родных городов.

Последними перешли Дон у Аксая части партизан, прикрывавшие его. Несколько взрывов подорвали полотно железной дороги. В 11 часов ушла с переправы и Техническая рота.

Красные не преследовали армию; лишь два аэроплана пролетели над колонной на большой высоте и сбросили несколько бомб, разорвавшихся далеко в стороне.

* * *

От реки Дона до станицы Ольгинской было верст пять. Дорога шла по дамбе, была утоптана прошедшими частями, и люди шли бодро.

В строю одной из рот оказалась неожиданно какая-то девушка, женщина-прапорщик. Она шла, спотыкаясь в непривычных для нее сапогах, с большим вещевым мешком за спиной, недостаточно подтянутым и поэтому стеснявшим и затруднявшим движение; винтовку несла на ремне, охватывавшем одновременно и мешок, что было совсем тяжело и неудобно. Вся ее высокая, неестественно согнувшаяся фигура выражала явное изнеможение. Она напоминала затравленного и перепуганного звереныша. Один из офицеров предложил ей взять ее мешок. Она посмотрела с испуганным недоверием и надеждой и нерешительно отдала мешок. До Ольгинской оставалось еще полпути — мало для молодого офицера, но — как еще много для нее! Казалось, вот-вот она свалится. Пришлось облегчить ее и от винтовки.

Все это видел командир взвода, не допускавший ни малейшего нарушения порядка в строю.

— Да какой же ты солдат (он, произведенный в офицеры из рядовых, ко всем обращался на «ты»), если отдал свою винтовку, — сказал он женщине-прапорщику. В его голосе слышалось искреннее негодование.

Взвод рассмеялся над тоном своего командира, но девушка, видимо, приняла этот смех как издевательство над нею. С видом горького упрека, сверкнувшего в ее глазах, она вырвала у офицера свою винтовку и мешок...

В станице Ольгинской

После полудня 10 февраля вся армия сосредоточилась в станице, расположившись на широких квартирах. Богатая станица, находившаяся до сего времени в стороне от мест боев, радушно встретила непрошенных постояльцев. Люди досыта наелись и быстро улеглись спать. Сон был долгий, крепкий и спокойный. Неожиданного нападения врага быть не могло: станица была в степи и многие версты ровной, покрытой снегом местности отдаляли ее от мест, занятых красной гвардией: Аксая, Нахичевани, Ростова, Батайска. В непосредственном охранении стали партизанские отряды. Только на следующий день красные со стороны Нахичевани дали несколько орудийных выстрелов, но снаряды разорвались на большом недолете; да их небольшая конная часть атаковала отряд сотника Грекова, но была им отбита с потерей для отряда одного убитым и троих ранеными.

11 февраля. Все проснулись бодрыми и жизнерадостными. Светило солнце, не было холодного ветра. Значительно потеплело. Без дела никому не пришлось быть: приводили в порядок оружие, снаряжение. Всюду оживленные разговоры, и прежде всего о том — куда идем? Никто достоверно ничего не знает: передают слухи действительные, выдуманные, передают всякий вздор... Командир взвода весьма серьезен, не любит болтовни, особенно за делом. Тем паче — нужно его за-
 деть посильнее.

— Мне достоверно известно, что мы отсюда идем в Мервский оазис, — заявляет поручик З. Этот «слух» подтверждают с жаром другие.

Командир взвода (ведь и ему как-никак, а интересно) спрашивает:
 — Куда? Это где же?

Он офицер из рядовых, никогда не слышал ничего о Мервском оазисе. Все громко смеются. Он выпрямляется и с должным достоинством приказывает:

— Ну, вы, слышь, чистите винтовки, чтобы вас далеко не носило.

Новый хохот. Взвод чистит винтовки очень долго: не смейся над начальством.

Организация Добровольческой армии

В станицу Ольгинскую пришло около 25 отдельных частей: батальонов, рот, отрядов и лишь один полк — Корниловский ударный. Некоторые части насчитывали в своих рядах по несколько десятков

человек. Генерал Корнилов свел их в более крупные соединения. В результате армия составила из следующих частей: 1. Сводно-Офицерский полк. 2. Корниловский ударный полк. 3. Партизанский полк. 4. Особый Юнкерский батальон. 5. Чехословацкий инженерный батальон с Галицко-русским взводом. 6. Техническая рота. Эти пехотные части в общей сложности имели в своем составе около 3000 бойцов. 7. Два дивизиона конницы — до 200 сабель каждый. 8. Артиллерийский дивизион — 8 орудий. 9. Конвой генерала Корнилова, главным образом текинцы.

Затем был армейский обоз, груженный некоторыми видами продовольствия, запасом винтовок, патронов и снарядов. И наконец, санитарный обоз — походный госпиталь с несколькими сотнями раненых. Общая численность армии — едва 4000 человек. Совершенно бесполезным придатком и грузом для нее был обоз с беженцами.

Сводно-Офицерский полк

12 февраля, в 8 часов утра, на одной из площадей станицы выстраивались все части Добровольческой армии. Три офицерских батальона и Батайский отряд¹⁴⁹ стали рядом. До 11 часов происходило какое-то странное перемещение людей из одних колонн в другие, в результате чего одни колонны исчезали, но другие росли. Маленькая колонна 2-го Офицерского батальона выросла в несколько раз.

Около 11 часов на площади прекратилось всякое движение. Части подравнялись. Раздалась команда:

— Смирно! Господа офицеры!

Перед ними проезжала группа всадников. Впереди генерал Корнилов, за которым непосредственно ехал казак с трехцветным русским флагом. Генерала Корнилова не все видели раньше, но все сразу же узнали его. Он и национальный флаг! В этом было что-то величественное, знаменательное, захватывающее! Взоры всех и чувства были направлены туда. Те, кто ехали за ним, — люди в шинелях, кожухах, штатских пальто, — не привлекали внимания.

Генерал Корнилов здоровался с частями. Затем на середине площади он слез с коня, а за ним и все остальные. К группе сейчас же подошли старшие начальники, и минут через десять они уже возвращались к своим колоннам.

К трем офицерским батальонам и Батайскому отряду шли трое: один в белой папахе, черной куртке, с плетью в руке. Его узнали: генерал Марков. Двое других были неизвестны. Генерал Марков подо-

шел к строю энергичной, бодрой, молодой походкой и обратился к выстроившимся со следующей речью:

— Не много же вас здесь! По правде говоря, из трехсоттысячного офицерского корпуса я ожидал увидеть больше. Но не огорчайтесь! Я глубоко убежден, что даже с такими малыми силами мы совершим великие дела. Не спрашивайте меня, куда и зачем мы идем, — я все равно скажу, что идем мы к черту на рога, за синей птицей. Теперь скажу только, что приказом Верховного Главнокомандующего, имя которого хорошо известно всей России, я назначен командиром Офицерского полка, который сводится из ваших трех батальонов, роты моряков и Кавказского дивизиона. Командиры батальонов переходят на положение ротных командиров, ротные командиры на положение взводных. Но и тут вы, господа, не огорчайтесь: здесь и я с должности начальника штаба фронта фактически перешел на батальон!

Едва генерал Марков произнес это, как командир 1-го батальона, полковник Борисов, громко заявил:

— Я считаю для себя невозможным с должности командира полка возвращаться в роту.

Без единой минуты промедления генерал Марков резко оборвал его:

— Полковник! Вы мне не нужны! Назар Борисович (подполковник Плохинский), примите роту!

Затем, не останавливаясь на только что происшедшем инциденте, генерал Марков продолжал:

— Штаб мой будет состоять из меня, моего помощника, полковника Тимановского, и доктора Родичева, он же и казначей. А если кто пожелает устроиться в штаб, так пусть обратится ко мне, а я уж с ним побеседую... Вижу, что у многих нет погон. Чтобы завтра же надели. Сделайте хотя бы из юбок ваших хозяек.

На том речь кончилась, и все части разошлись по своим квартирам. Полк был сформирован 12 февраля 1918 года. С этого дня в месте расположения штаба полка стал развеиваться полковой флажок: черный с белым Андреевским крестом, цветов формы одежды, принятой для полка и установленной комиссией 1-го Офицерского батальона. К концу дня окончательная организация Сводно-Офицерского полка, как тогда он был назван, свелась к следующему:

1-я рота — из 1-го Офицерского батальона при 4 пулеметах. Численный состав свыше 200 человек. Командир подполковник Плохинский.

2-я рота — из 2-го Офицерского батальона, пополненная частично чинами расформированных Школы прапорщиков¹⁵⁰, Ростовской

офицерской роты¹⁵¹ и разных команд. 2 пулемета. Около 200 человек. Командир полковник Лаврентьев.

3-я рота — из 3-го Офицерского батальона. 3 пулемета. Около 200 человек. Командир полковник Кутепов.

4-я рота — из Батайского отряда. 4 пулемета. Около 110 человек. За болезнью полковника Ширяева, командир роты ротмистр Дударев.

Команда связи и подрывников — 28 человек. При штабе полка — 5 конных офицеров-ординарцев. При полку небольшой боевой и хозяйственный обоз и походный лазарет с сотней раненых и при нем несколько сестер милосердия, во главе с сестрой Пелагеей Осиповной, под наблюдением доктора Родичева. Были и санитары, они же и кофюхи, почти все — офицеры, наиболее пожилые. Всего в полку было около 800 человек.

* * *

Настроение офицеров только что родившегося полка было исключительно бодрое. Свое положение рядовых они приняли как нечто должное, как требование исключительного для Родины момента. Высказывалось даже сожаление, что такая строевая организация офицеров не была проведена раньше на фронте Великой войны в революцию. Единая цель, общность духа и чувство ответственности — доминировали. Они являлись основанием крепкой дисциплины, сплоченности, боеспособности. Первый в истории России Офицерский полк не мог не быть огромной боевой и, главное, моральной силой.

Мысли и разговоры офицеров переходили к личности командира их полка — генерала Маркова. Он произвел великолепное впечатление. Его речь вызвала восхищение. Так сказать, убежденно и твердо, мог бы только начальник, уверенный в своих силах. Высокие боевые награды, полученные им не за службу в штабах, а за действительные боевые подвиги во главе 13-го стрелкового полка, говорили всем о его достоинствах в командовании полком. В нем теперь не сомневались. Но не это все же было последней оценкой генерала Маркова, а проявленное им гражданское мужество, когда он встал на защиту армии против экспериментов революции, попал за это в заключение и незамедлительно прибыл на Дон для борьбы за Россию.

За короткий ростовский период некоторым офицерам приходилось слышать о генерале Маркове как о начальнике беспощадном, жестоким, резким, грубом: недаром он всегда с плеткой в руке! Но теперь судили о нем иначе: он энергичен, распорядителен — качества положительные и одабриваемые всеми. 1-я рота вся поголовно восхища-

лась, как генерал Марков коротко и решительно «освободил» ее от полковника Борисова.

Генералу Маркову было чуждо чувство тщеславия, и он не признавал его и у других. Свой Офицерский полк он свел фактически в батальон, став сам командиром батальона. И эта мера признана и одобрена всеми: никаких промежуточных инстанций между штабом полка и ротами. Все в строю, все в передовой линии, все в бою... Психологическое давление! Даже штаб полка всего в три человека да нескольких конных ординарцев, что говорило о присутствии штаба непосредственно в передовой линии, о непосредственном руководстве им боем. Это, в свою очередь, говорило о гарантии быстроты решений и их выполнении, без потери минуты времени. Свою зависимость от командира полка отныне чувствовал каждый офицер.

Все знали, что командный состав в ротах был назначен с согласия генерала Маркова и с учетом его требований, поэтому не поднимался вопрос о кажущейся ненормальности, когда заместителем командира 1-й роты был назначен штабс-капитан из фельдфебелей Згривец¹⁵²; командиром одного из взводов 4-й роты прапорщик, в то время как иными взводами командовали бывшие командиры полков, а некоторые из них и вообще не занимали никакой должности и были просто рядовыми бойцами.

* * *

В разговорах о генерале Маркове все не сразу вспомнили о двух лицах, которых он представил полку. На них тогда не обратили внимания, многие даже не запомнили их внешность.

Полковник Тимановский? Помощник и заместитель генерала Маркова — большого роста, могучего телосложения, опиравшийся на длинную, толстую палку, в офицерской папахе, в романовском полушубке, с большой бородой, покрывающей все его лицо и широко ниспадавшей на грудь. В очках... Казалось, ему лет 40. Стар для генерала Маркова! Никто тогда еще не знал, что ему 29 лет, что он моложе генерала на 10 лет и что он отрастил бороду, пробираясь на Дон (позднее он с ней расстался).

Но... были офицеры, которые знали полковника Тимановского, и они поведали о нем всем. Он один из самых заслуженных и отмеченный всеми высшими боевыми наградами офицер русской армии, сослуживец генерала Маркова по 13-му стрелковому полку, командир Георгиевского батальона при Ставке Верховного Главнокомандующего, несколько раз раненный... Выбор генерала Маркова стал ясен и понятен.

А о докторе Родичеве говорили вскользь и только как о невзрачном, маленьком человеке, известном, видимо, только генералу Маркову. Вскоре узнали, что эта «троица» была большими друзьями. Генерал Марков одного называл «Степанычем» (полковника Тимановского), а доктора — «Гаврилычем». Доктор оказался человеком кипучей энергии и огромной трудоспособности. Он сформировал полковой походный лазарет и поставил в нем дело так, чтобы раненые терпели бы возможно меньше лишений. В лазарете работал он сам и работали все. Отдыхали тогда, когда все возможное и должное было дано раненым. Но на докторе Родичеве лежала еще и казначейская часть: выдача денежных авансов для уплаты за получаемые от населения продукты и оказываемые им услуги. Деньги и отчетность, а также и вся канцелярия полка помещались у доктора за голенищами сапог и в сумке через плечо.

Особый Юнкерский батальон

В станице Ольгинской Юнкерский и Студенческий батальоны и часть юнкеров Школы прапорщиков были сведены в Особый Юнкерский батальон трехротного состава, под командой генерала Боровского. В батальоне около 400 человек. 1-я рота была юнкерской (юнкера и кадеты); 2-я и 3-я — из учащейся молодежи. Командир бывшего Юнкерского батальона, штабс-капитан Парфенов, при сведении его батальона в роту не пожелал остаться в батальоне. Его не удерживали.

12-го же февраля, после того как в присутствии генерала Корнилова была проведена реорганизация армии и формирование Особого Юнкерского батальона, в последнем произошло знаменательное событие: ему генерал Корнилов произвел особый смотр, во время которого он произвел всех юнкеров в чин прапорщика, а кадетам старших классов дал новое звание — «походных юнкеров». Батальон прокричал «Ура!» за Россию, за генерала Корнилова. Тут же всем произведенным в офицеры были выданы погоны, приготовленные еще в Ростове. Произведенные в «походные юнкера» на своих кадетских погонах по нижнему ранту нашли ленточки национальных цветов.

Молодые сердца героической юной молодежи искренне радовались большому событию в их жизни, забыв тяжелую обстановку, полную неясность их ближайшего будущего, но дав еще раз себе завет честного и жертвенного служения Родине.

Приказ генерала Корнилова о производстве юнкеров в офицеры касался вообще всех юнкеров, находящихся в армии.

Переформирование артиллерии

Артиллерийский дивизион пришел в Ольгинскую в составе трех батарей: 1-й юнкерской с 5 орудиями, 2-й офицерской без орудий и 3-й офицерской с 2 орудиями. Пришло еще одно орудие, бывшее при партизанском отряде. Вся артиллерия составила 4 самостоятельные батареи двухорудийного состава каждая. Таким образом Юнкерская батарея лишилась своих трех орудий, ею добытых, составлявших ее гордость.

Но ей удалось сохранить свой людской состав и остаться в количестве около 100 человек. Командир батареи, подполковник Миончинский, переорганизовал ее следующим порядком: орудийный взвод, команда связи, команда конных разведчиков, пулеметный взвод в 2 пулемета и пеший взвод, свыше 50 человек. При таком составе и численности батарея представляла серьезную боевую часть, могущую самостоятельно выполнять некоторые боевые задания.

Свое переформирование батарея провела с высоким подъемом духа. Юнкера были произведены в офицеры, а их батарея стала 1-й офицерской.

* * *

Генерал Корнилов задержал свою армию вблизи Ростова не только для того, чтобы ее переформировать и дать ей отдых, но, главное, чтобы не оторваться далеко от Новочеркасска, где еще находились донские части. 12 февраля красные заняли Новочеркасск, из которого ушел в степи отряд донцов в 2000 человек под командой походного атамана, генерала Попова, сосредоточившийся в станице Старо-Черкасской, недалеко от Ольгинской.

Дон переживал новую драму в своей истории. В Новочеркасске остались войсковое Правительство, Донской Круг и атаман, генерал Назаров. Но для большевиков они уже не имели никакого значения, не имели никаких прав на существование. Большевики торжествовали победу над каледицами, над свободным Доном. Атаман Назаров был расстрелян, члены правительства и Круга — посажены в тюрьмы.

Теперь казалась бесспорной общность судьбы Добровольческой армии и Донского отряда и общность их дальнейшей цели, и как следствие — их полное объединение. Но потребовалось время для переговоров, в конце концов все же не приведших к положительным результатам. Генерал Попов решил не оставлять территорию Дона, а генерал Корнилов не находил оснований оставаться на Дону,

так как не видел никаких надежд на скорое оздоровление донцов. Более отрадны сведения поступали с Кубани.

Для Добровольческой армии положительное решение вопроса утрачало бы и некоторую тревогу, вызываемую тем, что почти треть ее состава составляли донцы. Не решат ли они уйти в донской отряд? Но этого не произошло: они остались с генералом Корниловым. Из них — партизан мелких отрядов — был сформирован Партизанский полк, командиром которого был один из лучших донцов — генерал Богаевский. Сформированные два конных дивизиона состояли также главным образом из донцов.

* * *

12 февраля, вечером, генерал Корнилов отдал приказ о приготовлении к выступлению наутро следующего дня. Оживленно и бодро готовились добровольцы к походу. Каждый брал с собой столько патронов, сколько мог нести. Говорили о необходимости их экономить, наступать по возможности без стрельбы, пополнять патроны за счет противника.

Хуже было с артиллерийскими снарядами: их вывезли из Ростова лишь около 700 штук на 8 орудий. Пополняться ими можно только захватывая их в боях. Коротко говоря, огнеприпасы могут быть добыты лишь одной дорогой ценой — ценой крови!

В поход

13 февраля. Ночь прошла спокойно. Перед рассветом — подъем. «В поход!» — «Куда?» — «А ты спроси генерала Маркова!» Но все знали куда — туда, куда поведет генерал Корнилов.

Уж рассветало, когда роты Офицерского полка выстроились на южной окраине станицы Ольгинской. Генерала Маркова нет. Спокойно отдает распоряжения и полковник Тимановский.

Армия тронулась. Вперед пошел Офицерский полк. За ним 1-я батарея, затем Техническая рота. Авангард! В голову его проскакал верхом на коренастом коне генерал Марков, здороваясь с частями. Все пытливо всматриваются в лицо генерала в белой высокой папахе. Он ведет колонну.

— К черту на рога! За синей птицей! — вспоминаются всем его слова, невольно заставляющие улыбаться.

Колонна авангарда поднялась на возвышенность. Сзади видны станицы Ольгинская, Аксайская. Левее — в дымке — Нахичевань, Рос-

тов. Видна ясно и вся колонна Добровольской армии, вытягивающаяся из Ольгинской. Юнкерский батальон прошел мимо стоявшего у своей коляски генерала Алексеева, поздоровавшегося с ним.

Тяжело идти, особенно голове колонны — 1-й роте полка. Черноземная дорога глубоко пропитана влагой от почти стаявшего снега: едва ступишь ногой, как она углубляется в густую массу. Чтобы ее вытащить, нужны усилия, но вытянутая нога покрыта прилипшим черноземом. По щиколотку уходят ноги в гушу и с хлипким всасывающим звуком вытаскиваются из земли.

В строю роты особенно туго отделенному — поручику Якушеву¹⁵³ и корнету Пржевальскому¹⁵⁴. Их длиннополые кавалерийские шинели, их «малиннозвонкие» шпоры, которые так выгодно отличали их от общей массы пехотинцев, теперь, в условиях пехотного похода, являются тяжелой обузой. На первом же привале вопрос решается просто и рационально: обе шинели обрезаны на четверть выше колен, более, чем положено по уставу, шпоры сняты и брошены. Взводный, капитан Згривец, смотрит косо и неодобрительно. Рота хохочет.

Дальше — не лучше. Многие озабочены: разваливаются сапоги, и ноги натерты до острой боли. Пришлось некоторых отправить в обоз. Другие обматывают ноги чем было. Последующим ротам идти легче: от сотен ног густая масса под ними превратилась в грязь.

За полком идет батарея. Коням также тяжело. От них валит пар. Но верные животные делают свое дело с усердием. В иных местах им на помощь приходят людские силы «батарейцев».

В Юнкерском батальоне особая забота: завязают окончательно в грязи девушки, пожелавшие идти с ним в поход в качестве сестер милосердия. Их маленькие ножки вылезают из больших для них сапог, которые остаются в грязи. Приходят на помощь юнкера: одни переносят сестер на более твердую почву, другие их сапоги. Генерал Боровский отправляет сестер в обоз. Они смущены, пытаются протестовать...

К концу дня армия втянулась в станицу Хомутовскую, проделав 20-верстный переход. Квартиреры немедленно развели свои части по квартирам. На взвод — 1—2 дома. Не без радушия встретили пришельцев казаки и казачки, но равнодушны оказались они к идее их: «Большевики нас не тронут».

14 февраля. С рассветом армия готовилась к дальнейшему походу, как неожиданно со стороны Батайска на станицу налетела кавалерия красных. Ее отбили заставы от Офицерского полка и Юнкерского батальона и 1-я батарея. Офицерский полк понес первые за поход потери: одного зарубленным и другого тяжело раненным в

щеку сабельным ударом. Окончательно отбросил красных конный дивизион полковника Глазенапа. Этот эпизод несколько задержал выступление армии. В прежнем порядке, по такой же тяжелой дороге и проделав те же 20 верст, она пришла в станицу Кагальницкую.

Памятно вступление в станицу: на окраине ее, окруженный своим штабом, под трехцветным флагом стоял генерал Корнилов и пропускать мимо себя свою армию. Его присутствие как рукой сняло все походные неприятности. Люди подтянулись, шли стройно и весело.

«Для меня навсегда осталось загадкой: на чем базировался каждый из нас в своей бесконечной вере в генерала Корнилова и каким образом чувствовал он эту нашу веру в него? Тот, которому не пришлось видеть в своей жизни природного Вождя, никогда не поймет наше чувство, нашу веру», — записал один из участников похода.

15—16 февраля. Два дня, неожиданно для всех, армия простояла в станице Кагальницкой. 17-го — перешла в станицу Мечетинскую. 18-го — в станицу Егорлыцкую, последнюю станицу Донского войска, находящуюся у станции Атаман на линии железной дороги Батаяск—Торговая. На станции в охранении стояла Техническая рота, в которую тут была влита часть партизанского отряда сотника Грекова, подвергшегося расформированию. В Егорлыцкой армия простояла снова два дня, не тревожимая противником. Попытка преследовать ее стоила красным дорого: они попали в засаду, устроенную кавалерийским дивизионом полковника Гершельмана, с 10 февраля поддерживавшего связь с Донским отрядом. Все переговоры генерала Корнилова с генералом Поповым не привели к соединению отрядов. Противобольшевистские силы оказались раздробленными.

За минувшие дни потеплело, и дороги подсыхали, что весьма радовало добровольцев.

Бой у села Лежанка

21 февраля. Утром Добровольческая армия выступила из станицы Егорлыцкой на село Лежанка, Ставропольской губернии, находящееся в 22 верстах. В авангарде по-прежнему Офицерский полк с батареей полковника Миончинского и Техническая рота. Генерал Марков, обгоняя свои части, со всеми поздоровался и ускакал вперед со своими ординарцами. Снега нет совершенно, но густая, липкая, черноземная масса делает поход тяжелым. Сделали привал, затем второй. Было известно, что Лежанка занята красными, и в частности там стоят

части 39-й пехотной дивизии. Следовательно — бой неизбежен. Откуда-то по колонне Офицерского полка передается приказание:

— Ротные командиры к командиру полка!

Все следят, куда идут командиры. Слегка в стороне от дороги все видят генерала Маркова и полковника Тимановского. К ним идут: полковник Плохинский, полковник Лаврентьев, полковник Кутепов, ротмистр Дударев, полковник Кандырин¹⁵⁵; подъезжают верхом полковник Миончинский и полковник Гершельман. О чем они там говорят? Но — «это дело хозяйское». Сопровождение кончилось, и все его участники направляются к своим частям и отдают распоряжения.

И наконец... от авангардной 4-й роты отделяются взводы и идут влево от дороги; за ними вся рота. От 1-й роты один взвод идет по дороге вперед, другой — вправо на топографический гребень, вдоль которого идет дорога. Влево рысью уходит конница, скоро исчезнувшая за цепью курганов.

Когда походные заставы отошли примерно на версту, полк в колонне двинулся вперед. Генерал Марков значительно впереди. Все тихо. Что впереди? Где противник? Не видно. Лишь за перегибом впереди лежащей местности видна верхушка колокольни села Лежанка.

Вдруг над колонной высоко в небе появляется маленькое белое облачко от разрыва шрапнели. Другое, третье... Наконец их уже не счесть. И все «журавли». Полк начинает разворачиваться в боевой порядок; левее его Техническая рота. А шрапнели все продолжают «давать журавлей»: со стороны Лежанки стреляет батарея, и стреляет прескверно.

Роты быстро достигли гребня, откуда местность начинает понижаться к реке Средний Егорлык, на противоположном берегу которой расположено село. Едва заметив появление цепей, красные открыли ружейный и пулеметный огонь. Расстояние слишком велико (около 2 верст), и стрельба их недействительна. Не снимая с ремней винтовок и не прибавляя шага, роты идут на сближение. По дороге идет полковник Тимановский с трубкой в зубах, опираясь на палку.

Расстояние все уменьшается, и пули все чаще и чаще пролетают мимо ушей. Впереди уже ясно видна вся обстановка: полоса камышей; за ними огороды и на них окопы красных; за огородами село. Невольно усиливается шаг, перешедший затем в бег, чтобы скорее достичь камышей и укрыться от взоров противника. Но — взводу поручика Кромма¹⁵⁶ приказано остановиться и ротным пулеметам открыть огонь. По этому взводу сосредоточивается главная сила огня противника, наносящего ему потери.

В это время над огородами по ту сторону реки с поразительной точностью разрываются несколько шрапнелей батареи полковника

Миончинского, заставив красных ослабить свой огонь. Головные взводы без потерь достигают камышей. Ливень огня сбивает верхушки камышей над головами остановившихся там офицеров.

У моста генерал Марков, полковник Тимановский. Они нацеливают 2-ю роту на молниеносную атаку моста; левее 4-я, правее 3-я и 1-я роты должны поддержать атаку 2-й роты, всеми возможными мерами стараясь форсировать реку.

Но в это время 3-й взвод 1-й роты, штабс-капитана Згривца, достигнув и скрывшись в камышах, не остановился, а продолжал продвижение вперед. Раздвигая руками камыши, утопая в воде, офицеры взвода, пройдя 2—3-саженный пояс камышей, оказались на чистой воде. До камышей противоположного берега было всего лишь шагов 20; воды всего лишь по пояс. Но положение взвода создавалось трагичным: неглубокий Егорлык имел илистое дно; выше колен уходили в ил ноги. Движение сильно замедлилось. Красные, увидев идущую по воде цепь, открыли по ней огонь. Одна мысль была у всех: скорей добраться до камышей противоположного берега. Шли с трудом; некоторые пытались плыть... Но вот, наконец, и другой берег; снова скрыты от взоров противника, и есть опора — камыши. Вперед!

Выйдя из камышей, взвод атаковал красных, находящихся в десяти шагах. Красные не оказали никакого сопротивления: их охватила паника и они бросились бежать. Офицеры штыковыми ударами, выстрелами в упор устилали путь их бегства в село их трупами. Перед взводом и левее него толпы красных бежали на дорогу от моста в село. Здесь к ним подскакали двое верховых... в погонах. Один из них, оказавшийся прапорщиком Варнавинского полка, кричал:

— Товарищи! Собирайтесь на соборную гору! Кадеты штурмуют мост.

Залп — и оба падают убитыми. (Впоследствии, возвращаясь снова на Дон, офицеры видели на кладбище села среди свежих могил одну с надписью: «Барон, прапорщик Борис Николаевич Лисовский. Убит бандой Каледина 21 февр. 1918 г.».)

Выбежав на дорогу, взвод разделяется: два отделения преследуют красных, бегущих в село, другие два поворачивают налево, навстречу бегущим от реки... Красные не ожидали встретить у себя в тылу офицеров...

В этот момент генерал Марков атаковал мост. В момент офицеры были на другом берегу. Левее 4-я рота частью перешла вброд реку и опрокинула красных. Правее 3-я рота, частью вброд, частью на оказавшихся на реке лодках, также переправилась на другой берег. Генерал Марков бежал с головным взводом по дороге к селу за бегущими

красными. И вдруг он остановился в недоумении, увидев перед собой офицеров 1-й роты.

— А вы откуда взялись? — спросил он. Он не ожидал такого маневра 3-го взвода 1-й роты.

Здесь генерал Марков отдал приказание: 1-й роте продолжать преследование противника по ведущей от моста улице села; 3-й роте обходить село справа; 2-й и 4-й слева. Увидев, что офицеры собирают пленных, он закричал:

— Пленными не заниматься. Ни минуты задержки. Вперед!

А в это время отделения 3-го взвода продолжали преследование на улице села. Чем дальше в лихом и быстром преследовании бежали вперед, тем гуще перед ними были красные. Последние бежали, как куры перед автомобилем. Офицеры стреляли на бегу в упор, кололи...

Вот они на соборной горе... Церковь посреди площади и... 4-орудийная батарея с суетящейся возле орудий прислугой; орудия стреляют. Впереди поручик Успенский, за ним другие. Они атакуют батарею. Прислуга бежит; остаются несколько человек, среди них трое в офицерских погонах... Они «сдались».

3-я рота обходит село справа. У ветряных мельниц стреляет красная батарея. Но она успевает сняться, оставив лишь зарядный ящик.

Перед 2-й ротой, обходящей слева, красные исчезли в селе. Еще левее скачет в обход села конный отряд полковника Гершельмана и конные разведчики 1-й батареи, посланные туда генералом Марковым. Село взято.

* * *

Генерал Корнилов для атаки села развернул значительные силы армии. Правее Офицерского полка наступали: Чехословацкий и Юнкерский батальоны и Корниловский ударный полк. Когда разворачивался в боевой порядок Юнкерский батальон, генерал Корнилов подъехал к нему и сказал:

— Возьмите Лежанку.

С неопишуемым восторгом шла выполнять приказ Вождя молодежь. Батальон под огнем противника занял одну из переправ через реку.

* * *

На опустевшей от красных площади остановились головные отделения 3-го взвода 1-й роты: дальше продолжать преследование не было сил. Подходит вся 1-я рота.

Генерал Марков подскакал к 4-й роте. Увидев пленных, он закричал:

— На кой черт вы их взяли?

Скачет ко 2-й роте. Все благополучно, и спешит на церковную площадь. Сзади раздаётся беглая стрельба.

— Узнать, в чем дело, — приказывает он ординарцу.

Ординарец вернулся с донесением: «Стрельба по вашему приказанию, Ваше Превосходительство!»

На площади к генералу Маркову подвели пленных артиллеристов; среди них командир батареи. Офицеры видят, что генерал Марков вне себя от гнева, и слышат возбужденный его голос:

— Ты не капитан! Расстрелять!

Но подъехал генерал Корнилов:

— Сергей Леонидович! Офицер не может быть расстрелян без суда. Предать суду! (На следующий день над пленными офицерами был суд. Так как их преступление было очевидно, их не оправдали, но... простили и влили в части армии.)

Подошла Техническая рота. Генерал Марков остался весьма недоволен ее наступлением: перебежками со стрельбой и еще тем, что она с длительной задержкой выполнила его приказ: бегом за полком через мост. Роту принял полковник Бонин¹⁵⁷.

* * *

Потери Офицерского полка выразились в количестве 4 убитых (все взвода поручика Кромма) и нескольких раненых. Незначительные потери, огромный успех первого боя и восторг офицеров своим командиром влили во всех уверенность в дальнейших успехах полка и армии. Патронов в бою было израсходовано мало, а добыто огромное количество. Приходилось весьма сожалеть, что были захвачены орудия горного образца, снаряды которых оказались для армии ненужными.

22 февраля. Армия отдыхала в селе Лежанка, наполовину оставленном жителями. Бежали потому, что поверили рассказам красных о жестокостях, чинимых «кадетами». В течение дня немалая часть бежавших вернулась в свои дома, которые нашла совершенно нетронутыми и неразграбленными. Смущение было огромное, когда добровольцы не требовали, а просили и за все расплачивались. Не возвращались в село лишь люди призывного возраста, боясь, что их мобилизуют, и те, которые связали себя службой у красных.

* * *

В этот день, в присутствии генералов Алексеева, Корнилова, Деникина, Маркова и др. в сельской церкви было отпевание четырех убитых офицеров.

Мы проводили их с воинскими почестями до их могилы на сельском кладбище. Отслужена была последняя лития, а потом генерал Алексеев сказал со слезами на глазах о наших первых жертвах похода, о нашей обреченности в дальнейшем. Генерал Корнилов внимательно осмотрел закрытые могилы и сказал нам: «Запомните, господа, где мы их похоронили: может быть, близкие будут искать эти одинокие могилы».

23 февраля. Утром Добровольческая армия выступила из села Лежанка и скоро вошла в пределы Кубанской области. Конный отряд полковника Глазенапа несколько раньше выступил в юго-восточном направлении на село Белая Глина, дабы отвлечь внимание красных от истинного направления движения армии. Офицерский полк с 1-й батареей на этот раз шел в арьергарде. Погода была чудесная, дорога совершенно сухая; идти было легко. Колонны частей шли в образцовом порядке.

Вдоль колонны Офицерского полка проскакал генерал Марков. Роты быстро «взяли ногу». Проезжая 4-ю роту, он вдруг громко спросил:

— Четвертая рота, что это за строй?

Не успел ротмистр Дударев ответить, как вся рота сказала:

— Справа по три, Ваше Превосходительство!

Этот кавалерийский строй унаследован был всей ротой от главной составной ее части, Ударного дивизиона Кавказской кавалерийской дивизии. В ответ раздалась реплика генерала Маркова:

— Я вам покажу! Пехота, а справа по три...

И так как генерал Марков ускакал дальше, так ничего и не «показав», то рота весь дальнейший поход и проходила в кавалерийском строю «справа по три».

Совершив без утомления 12-верстный переход, армия остановилась в первой кубанской станице Плосской, разместившись там по квартирам. Сразу же всех поразила резкая противоположность тому, что было в селе Лежанка: станица не была оставлена жителями и казаки встретили их приветливо и радушно: страха перед пришедшей армией они не испытывали. Всего 12 верст разделяло два различных характера, две психологии: казачью и крестьянскую. И это несмотря на то, что крестьяне Ставрополя жили не беднее казаков.

Но задумываться над этим офицерам не хотелось: они были заняты приведением себя в порядок в ожидании скорого и, видимо, обиль-

ного, вкусного обеда. Они видели, как расторопные казачки готовили еду. Особенно пострадали куры; их приходилось ловить офицерам «по всем правилам военного искусства» и не всегда удачно; особенно беспомощны были офицеры в «убийстве» кур: казачки и казаки это проделывали с поразительной ловкостью и без всякого «оружия». Курьезы и смех! Казачки решительно отказывались брать деньги за угощение.

В Технической роте особенное оживление: прапорщика Шмидта¹⁵⁸, одетого в черкеску, казаки принимали за Великого Князя Николая Николаевича. Впрочем, сходство действительно поразительное. Ему, как и тем, кто с ним, оказывалось особо почтительное внимание и хлебосольство. Казаков не разуверяли ни теперь, ни потом.

Был впоследствии даже такой случай: один офицер, подойдя к прапорщику Шмидту, сказал ему на ухо:

— Ваше Императорское Высочество, я вас узнал!

На это ему Шмидт так же тихо ответил:

— Ну и молчи!

Когда спросили Петра Эдуардовича, зачем он дал такой странный ответ, он объяснил, что, если бы он постарался разуверить офицера, что он не Великий Князь, ему офицер все равно не поверил бы, а приказ «Великого Князя» молчать действительно заставил бы его не распространять этот вздорный слух.

Несмотря на благожелательное отношение казаков станицы к добровольцам и несмотря на то, что они бесспорно разделяли цели и задачи Добровольческой армии (генерал Корнилов почти в каждой станице разговаривал с казаками), тем не менее они не внимали призыву вступить в борьбу против большевиков. Не ожидали этого добровольцы.

24 февраля армия выступила дальше в западном направлении, имея в арьергарде Офицерский полк. Сделав в хуторе Ново-Ивановском 2-часовой привал, перешла на ночлег в станицу Незамаевскую. Здесь она нашла иное отношение казаков и к большевикам и к себе: предчувствуя или понимая, что могут дать им большевики, казаки взялись за оружие и дали армии пополнение — пешую и конную сотни.

25 февраля. С утра армия снова в походе. Шедшему в арьергарде Чехословацкому батальону пришлось отбить атаку и нанести большие потери кавалерийскому отряду красных. За это дело генерал Корнилов выдал батальону награду в 5000 рублей.

Пройдя всего лишь 15 верст, армия остановилась в станице Веселой и расположилась по квартирам, что весьма удивило всех. Стали строить догадки о причинах этого. То обстоятельство, что армия находилась уже недалеко от Владикавказской железной дороги, заставляло предполагать о возможном переходе ею этой дороги, и даже с весьма вероятным

боем, и что все это может произойти ночью. И действительно, около 21 часа армия выступила дальше, имея в авангарде Офицерский полк, Техническую роту, Юнкерский батальон и 1-ю батарею, под общим начальством генерала Маркова. Направление движения было взято по-прежнему на запад, на станцию Сосыка, но, пройдя верст десять, у хутора Упорный авангард круто повернул на юг.

В темноте Офицерский полк по небольшой проселочной дороге, спускаясь вниз, прошел по гати, перешел мост через реку Тихонькую... Но орудия застряли на гати. Полковник Миончинский мобилизовал все силы батареи: кустарник, камыш, солома... все валится на гать. Ей на помощь подошла Техническая рота: вяжутся фашины, крепится мост... Стучат топоры. Среди глухого шума работающих людей слышен отчетливый резкий голос генерала Маркова. Наконец орудия благополучно перешли мост, но снова застряли на второй половине гати. Подбежала Офицерская рота. Скоро орудия оказались на твердом грунте, и авангард тронулся дальше.

— С ним не пропадем и везде пройдем, — говорили про генерала Маркова.

Где-то вправо раздались 2—3 взрыва.

26 февраля. Перед рассветом авангард вошел в станицу Ново-Леушковскую и, не задержавшись в ней, продолжал путь, но уже в западном направлении. Еще 5—6 верст, и он вышел на железную дорогу, пропускающую мимо себя армию. Генерал Марков распорядился на переезде. Здесь же бы и генерал Корнилов.

Однако переход армии железной дороги не прошел спокойно: с севера, со стороны станции Сосыка, подошел бронепоезд красных и начал обстрел переезда. Оказалось, железнодорожный путь был подорван слишком близко, но его скоро отогнала 1-я батарея, выехав на версту вперед. Когда прошли последние части, тронулся за ними и Офицерский полк с батареей.

Наступила ночь.

* * *

При выходе армии из станицы Веселой ее нагнала группа в 6 конных и 13 пеших на подводах, которую вел полковник Биркин¹⁵⁹, офицер Новочеркасского кадетского корпуса. В группе было 4 офицера и 6 кадет корпуса, остальные казаки. Группа сначала присоединилась к отряду генерала Попова, но после того, как казаки отряда выразили недовольство назначением полковника Биркина помощником командира одной из частей, полковник Биркин, а с ним и вся его группа

решили ехать на присоединение к армии генерала Корнилова. К селу Лежанка группа подъехала, когда из него уже ушла Добровольческая армия и в нем были красные. Ночами и разными окольными путями, сильно измотанной, догнала она, наконец, армию.

В Ново-Леушковской группа представилась генералу Корнилову и получила назначения: конные — в конную часть, а пешие в Офицерский полк. Генерал Марков направил полковника Биркина, войскового старшину Аренда¹⁶⁰ и Суровецкого¹⁶¹, есаула Суровецкого¹⁶² и кадет: Дьяконова, Аренда, Мишустова¹⁶³, Невольского, Ульянова и Ажинова¹⁶⁴ в 4-ю роту, где они составили отделение во взводе прапорщика Павленко.

* * *

Уже было далеко за полночь, а Офицерский полк с батареей все еще в походе. Дорога была хорошая, но дул холодный ветер. Усталость давала себя чувствовать. Вспоминалась солдатская песенка:

Хорошо служить в пехоте;
Впрочем, очень чижало.

Короткие остановки мало облегчали. Одолевал сон. Вдруг длительная остановка: впереди задержка при переходе болотистой балки. Многие заснули. Даже резкий оклик генерала Маркова не сразу всех разбудил. Кое-кто задержался, приводя в порядок свою изорванную обувь; ему брошено короткое приказание:

— В первом же бою добыть цельные сапоги!

Отстающих нет; колонна идет в порядке. Беда, если «приспичило пойти до ветра» по большому делу: генерал Марков тут ничего не скажет, но догонять своих нелегко. Генерал Марков не может ехать спокойно: он должен быть всюду. И обоз он не оставляет без внимания. Он знает всех едущих на подводах.

— Что с вами? — обращается он к одному штаб-офицеру.

— Болен, Ваше Превосходительство!

— Позвать доктора и сказать ему, чтобы он доложил мне о состоянии здоровья этого офицера!

После доклада доктора генерал Марков приказал передать «больному», что «армии такие больные не нужны».

Наконец вот и станица Старо-Леушковская, но арьергард должен ждать, пока вся армия втянется в нее. Досадно утомленным 30-верстным переходом в течение суток быть в степи на холоде и голодными. Но — «як треба, то треба».

27 февраля. Только под утро Офицерский полк и батарея втянулись в станицу и остановились в указанном им районе. Конечно, некоторым взводам пришлось сразу же идти в заставы и оставить надежды на отдых и еду.

Полковник Биркин со своим отделением был послан в заставу у мельницы и неожиданно нашел там заставу корниловцев в 10 человек. Корниловцы были в возбужденном состоянии. Оказалось, ночью на них натолкнулась колонна красных, шедшая в станицу, и они бесшумно разделались с нею: около сотни убитых лежало на дороге и стояло 5—6 захваченных подвод с оружием. Но быть сменными они не решились, так как не получили никакого уведомления об этом, и полковник Биркин с отделением вернулся в станицу. Отдохнуть ему опять не пришлось: армия уже выступала.

Пройдя еще 20 верст, армия пришла в станицу Ираклиевскую, и только здесь было объявлено о ночевке и даже добавлено — спокойной. Необходимость отдыха была огромна: ведь армией за полутора суток пройдено до 50 верст.

28 февраля. Объявлено о возможной дневке в станице, и действительно, армия простояла не только весь день, но и еще одну ночь. Добровольцы основательно отдохнули.

Конечно, среди офицеров велись разговоры на темы, выдвигаемые походом. Прежде всего о безболезненном переходе Владикавказской железной дороги. Объяснение у всех одно: армию ведет генерал Корнилов. Затем — куда направляется армия? Тут — разногласия. Одни убеждены, как убеждены были и до перехода железной дороги: она идет на станцию Тихорецкую и изменила лишь направление удара на нее; другие утверждают, что теперь она идет на Екатеринодар и что для этого совершенно не нужно предварительно разбить Тихорецкую группу красных. В одном офицерском взводе по этому вопросу шел весьма горячий спор, и мир восстановил командир взвода, штабс-капитан Згривец, своим обычным приемом: «Слышь! Почистите винтовки, а пойдем туда, куда прикажет генерал Корнилов».

1 марта. Утром армия двинулась по дороге на станицу Березанскую, имея в авангарде Корниловский угурный полк с батареей. Офицерский полк на этот раз шел почему-то в голове главных сил, что всем казалось новым за поход.

Впереди начался бой, и, судя по стрельбе, серьезный. Колонна остановилась. В это время бывший в голове колонны генерал Корнилов, обратившись к генералу Маркову, сказал:

— Помогите корниловцам! Если мы не собьем противника до вечера, мы будем окружены.

Тревога генерала Корнилова была понятна: он не думал, что красные будут оказывать упорное сопротивление армии в таком отдалении от железной дороги; не допускал мысли, что кубанские казаки будут на стороне красных, как случилось теперь. Оказалось, что противник не только обороняет станицу большими силами, но и сидит в окопах.

Генерал Марков выехал вперед. За ним Офицерский полк с батареей. Вскоре полк свернул с дороги и перестроился в боевой порядок. Выйдя на линию корниловцев, оба полка перешли в наступление. На фланге — конный дивизион.

Красные встретили полки жесточайшим ружейным и пулеметным огнем. Но цепи, не останавливаясь, спокойно, с винтовками на ремне, шли вперед; лишь изредка кто-нибудь на ходу давал выстрел-другой по важной цели. Красные не выдержали такого уверенного наступления и, сначала одиночками, а затем и всей своей массой, поднялись и бросились бежать, бросая пулеметы и винтовки.

Пройдя окопы красных на пологом гребне, добровольцы в 3—4 сотнях шагов увидели станицу, куда ныряли красные, укрываясь в постройках, в садах, в огородах и в камышах пересекающей станицу речки. Конный дивизион обошел станицу и преследовал красных уже за ней. В станице вылавливали укрывшихся; иные платились жизнью, а на станичной площади старики казаки поучали свою молодежь за помощь красным.

Офицерский полк не задержался в станице и вслед за конным дивизионом перешел в занятую им станицу Журавскую, проделав за день до 30 верст.

Потери полка в бою были ничтожны.

2 марта. Вся армия перешла в станицу Журавскую, выделив Корниловский полк и конный дивизион полковника Гершельмана для занятия станции Высеки, на железной дороге Тихорецкая—Екатеринодар. Станция была взята. Оставшийся на ней конный дивизион не подорвал железнодорожный путь в сторону Тихорецкой, стоял беспечно и неожиданной атакой красных с бронепоездом был с потерями выбит.

Посланный для восстановления положения Партизанский полк встретил упорное сопротивление и не мог взять станции ночной атакой. Положение армии, имеющей теперь на фланге сильную группу красных, базирующуюся на Тихорецкой, было тяжелое. Разбить в первую голову красных в Выселках стало первой и неотложной задачей.

3 марта. До рассвета на помощь партизанам выступил отряд генерала Маркова: Офицерский полк, Техническая рота и 1-я батарея; ему был придан и батальон корниловцев.

Под прикрытием утреннего тумана отряд подошел к станции версты на 2—3 и стал разворачиваться. Впереди была слышна стрельба. Не доходя гребня, офицерские роты встретили отходящих партизан, пропустили их и ускорили движение на гребень. Едва поднявшись на него, они нос к носу столкнулись с наступающими густыми цепями красных. С дистанции в 50 шагов офицеры ринулись в штыки. Местами произошел короткий рукопашный бой; красные были опрокинуты. Расстояние быстро увеличивалось: офицерские цепи, продолжая наступление, преследовали красных огнем, но, встреченные огнем многих пулеметов из построек поселка, залегли. Тем временем красные с помощью резервов снова перешли в наступление.

Генерал Марков был в цепи полка. В этот момент к нему подскакал красавец казак, высокого роста, с красным башлыком 17-го Баклановского полка.

— Очень рад видеть вас, есаул Власов! — громко заговорил генерал Марков. — Как нельзя вовремя подошли: на наш левый фланг наступают матросы... Как бы до штыков не дошло! Атакуйте их, только поскорее!

— Слушаюсь, Ваше Превосходительство! — ответил есаул Власов, изящно отдав честь, скачком сел в седло и, круто повернув коня, карьером понесся к своей сотне, стоявшей в укрытом от пуль месте. Через несколько минут лава казаков в 40 шашек с гиком бросилась в атаку. Затрещала пальба и... стихла.

— Вперед, бегом! — И с криком «Ура!» цепь Офицерского полка кинулась в атаку. Теперь снова цепи оказались шагах в ста от красных. Атака есаула Власова сделала свое дело: его сотня изрубила ведущую часть красных — матросов и соседних с ними. Батарея затушила пулеметный огонь из мельницы; она заставила красный бронепоезд укрыться за зданиями поселка, а затем поспешно уйти в сторону станции Тихорецкой. Красные бежали через поселок на восток, но там они попали под огонь обошедшей станцию с севера офицерской роты. Генерал Корнилов в решающий момент атаки станции был с цепями.

Станция была взята, и противник разбит, но части Добровольческой армии понесли большие потери. Это был первый серьезный и жестокий бой. На стороне красных, кроме матросов (их было до 150 человек, погибли почти все), участвовали казаки и части 39-й пехотной дивизии, чем и объяснялось их упорство. Генерал Марков был вне себя. К нему не обращались с вопросами о случайных пленных, а священнику, просившему о помиловании «заблудившихся», он ответил:

— Ступайте, батюшка! Здесь вам нечего делать.

В конной атаке погиб и есаул Власов. В момент схватки с матросами под ним был убит конь. Есаул упал, но, вскочив, он снес голову стрелявшему матросу и тут же погиб под пулями другого.

— Есаул! Есаул! — закричали его казаки. Изрубив матросов, они уже не могли преследовать красных: они столпились у тела своего командира и рыдали. Ночью тела есаула Власова и других убитых были преданы земле на кладбище поселка Выселки.

* * *

Уже в полных сумерках Офицерский полк, Техническая рота и 1-я батарея расположились на ночлег в поселке станции Выселки и в близлежащей станице Суворовской. Генерал Марков приказал отдохнуть «как следует» и, кроме того, всем нашить на головные уборы белые повязки, чтобы в бою легче было отличить своего от красного. Тем частям отряда, которые остановились в станице Суворовской, приказано было не платить за питание, как репрессия за участие казаков этой станицы на стороне красных.

Партизанский полк и батальон корниловцев со взятием станции ушли на присоединение к главным силам армии в станицу Журавскую.

Стало всем известно об екатеринодарских добровольческих частях. Несколько дней назад здесь эти части потерпели поражение и отошли к Екатеринодару. Но факт существования добровольческого отряда в Екатеринодаре теперь был бесспорен, и путь в Екатеринодар не представлялся трудным: красные будут сжаты с двух сторон и не помешают соединению армии с Кубанским отрядом.

Бои у станицы Кореновской

4 марта. Перед рассветом отряд генерала Маркова, сосредоточившись на станции Выселки, выступил вдоль железной дороги в направлении на Екатеринодар. В арьергарде остался конный дивизион и подрывная команда Офицерского полка.

Стояла хорошая погода со светлым утром. В лучах восходящего солнца над степью жаворонки пели свои песни, роты Офицерского полка — свои:

Так за Корнилова, за Русь, за Веру
Мы грянем громкое «Ура».

Генерал Марков задержался на станции, но затем крупной рысью нагнал свой отряд. Поздоровавшись с Технической ротой, шедшей в хвосте, он перешел на шаг и сразу же завел разговор со всеми, задав несколько относящихся к моменту вопросов, и сделал вывод:

— Вы у меня и инженеры, и пехота, закаленные в боях. Вы хороший кадр для новых формирований. Будем надеяться, что в конце концов мы разобьем красных.

И вдруг строгий вопрос командиру роты:

— Я не вижу полковника Уральского войска?

Командир роты ответил, что полковник устал и находится в обозе.

— Мы все устали! — возразил генерал Марков. — На следующий раз передайте полковнику, чтобы он поборол свою усталость и был бы в строю вместе с другими. Обоз нашей маленькой армии — это раненые и больные. У нас не хватит сил, чтобы защищать здоровый элемент, если таковой будет находиться в обозе. — И поскакал дальше.

«Сколько бодрости, уверенности и надежд вливал он в наши души! Мы были как орлята около своего орла», — записал участник этого похода.

Впереди роты ехало несколько санитарных подвод. На одной из них ехала сестра милосердия Технической роты Елена и пожилой офицер. Последний, увидев приближающегося генерала Маркова, слез. И что же? Генерал Марков первым приветствовал офицера и даже сказал ему: «Садитесь на подводу!»

Офицеры роты были поражены: два, один за другим следовавших, совершенно одинаковых случая — и разное отношение к ним? Объяснилось это весьма просто: генерал Марков не только все замечает, но он и все знает. Он знал, что штабс-капитан был в бою под Выселками ранен двумя пулями. Этот офицер отказался отправиться в армейский лазарет: «Раны пустячные. Заживут на ходу при роте».

Отряд, в голове которого уже был генерал Марков, спустился в широкую низину речки Малеванной. Дорога шла по гати среди густых зарослей камыша. Генерал Марков следил за состоянием гати: выдержит ли она тяжесть орудий? Задержки не произошло. Дорога пошла на подъем.

Разъезд Козырьки. Здесь отряду был дан отдых, но генерал Марков со своими ординарцами и конными разведчиками батареи был далеко впереди. Колонна отряда двинулась. Кругом тишина. В природе полный покой и радость ранней весны, но у добровольцев нервы напряжены ожиданием скорого боя. Несколько взрывов сзади, где была подорвана гать и полотно железной дороги, отразились в них

ощущением покоя за отряд. Но вот, не очень далеко вправо, раздались артиллерийские выстрелы, и все, как по сигналу — «к бою готовься», подтянулись. Стройнее стали их ряды. В отряде знали, что там, вправо, ведут наступление на станицу Кореновскую главные силы армии.

Вскоре к продолжавшей идти колонне подъехал генерал Марков и приказал своему отряду на ходу разворачиваться в боевой порядок: 1-я и 2-я роты в передовую линию, упираясь правым флангом в железную дорогу; 3-й роте — уступом слева; Технической роте — во 2-ю линию по обе стороны железной дороги и 4-й роте — в резерв, вправо от железной дороги.

Еще немного продвинувшись вперед, передовые цепи полка увидели далеко впереди построики и дымки паровозов на станции Станичная, правее — станицу, ближайшая часть которой была прикрыта гребнем, а значительно ближе их, по гребню, полосу свежевырытых окопов и двигающихся вдоль их людей. Противник уже подготовился к встрече. Кроме того, было видно, что окопы противника тянутся далеко влево, далеко левее направления, которое мог взять левый фланг 2-й роты.

Перед фронтом полка было еще спокойно, но вправо уже, судя по силе огня, шел серьезный бой. Но вот первая неприятельская граната разрывается на небольшом недолете. Затем — шрапнель — «журавлиный разрыв» за передовыми цепями. Генерал Марков влезает на крышу железнодорожной будки, но скатывается с нее кубарем, так как следующая шрапнель накрывает будку. Бой на участке Офицерского полка начался.

До окопов противника меньше версты. Офицерская цепь идет вперед, но красная пехота молчит. Орудия красных стреляют лихорадочно. Одна шрапнель нормальным разрывом накрывает взвод. Взвод поднимается и идет дальше, оставив на месте 4 офицеров. К счастью, следующие шрапнели рвутся над головами цепей. Стреляет красный бронепоезд из железнодорожной выемки.

К одному из холмиков вылетает 1-я батарея, снимается с передков, но вынуждена немедленно сняться, так как бронепоезд бьет по ней весьма точно. Она занимает другую позицию, несколько правее, на которой она не может быть обстреливаема бронепоездом, когда тот в выемке, но может бить по нему, когда он пытается выдвинуться из нее. Бронепоезд стал безопасен для цепей, продолжавших идти вперед.

До противника оставалось до 1200 шагов, когда он из окопов открыл пулеметный и ружейный огонь. Цепи усилили шаг. Еще не-

сколько сот шагов, и они рванулись бы в атаку, но передана команда: «Стой!»

Генерал Марков остановил наступление, так как красные в это время решили нанести удар по открытому флангу 2-й роты. Он поскакал туда, нагнал отставших от роты пулеметчиков, тянувших пулемет, и, указав им влево на бутор, находящийся шагах в 800, сказал: — Вот высота! Кто первый ее займет, одержит успех!

Трое пулеметчиков быстро потянули туда свой пулемет; четвертый нес ящики с лентами. Когда они подошли к высоте, то уже окончательно выдохлись, а цепь красных, человек в сто, всего лишь шагах в 150. Откуда взялись силы у пулеметчиков? Они втянули пулемет на высоту. Момент, другой... По ним защелкали пули, но пулемет бешено залился своей очередью... Он не выпустил и полной ленты, как замок. Цепь красных бежала назад, оставив перед высотой убитых и раненых матросов; бежала от пулемета, на котором лежал без сознания сильно раненный в руку начальник его, поручик Смола-Смоленко¹⁶⁵, а рядом — убитый другой и раненный в ногу третий пулеметчики. К высоте подошла 3-я рота; еще левее — конный дивизион.

Время — около полудня. На участке полка перестрелка; правее — сильный бой. Представление у офицеров такое, что он не может не перебраться и на их участок, и... перед фронтом всего Офицерского полка красные ринулись в атаку густыми цепями. Офицеры встали и встретили их выдержанным огнем. На 250 шагов до них смогли добежать лишь обрывки красных цепей, чтобы немедленно бежать назад еще более поспешно. Офицеры устремились было их преследовать, но их остановили; они не знали, что в это время произошло за их правым флангом, по другую сторону железной дороги.

Там Корниловский полк, развивая наступление, довел его до атаки красных окопов, выбил противника из них, но, встреченный контратакой, стал быстро отходить. Красные преследовали и уже вышли за правый фланг 1-й роты. Полковник Тимановский приказал командиру 1-й роты, подполковнику Плохинскому, ударить во фланг наступающему противнику и остановить его продвижение, а Технической роте перейти в контратаку.

Удар взвода 1-й роты с отделением другого взвода был настолько быстр и решителен и настолько сокрушающ своим штыковым ударом, что красные мгновенно повернули назад. Пятьдесят офицеров преследовали, проскочили их окопы и только там, попав под фланговый огонь бронепоезда слева и под ружейный — справа, остановились, но на короткие минуты: красные атаковали и выну-

дили их к отходу. Противник ограничился лишь занятием своих окопов.

Этот эпизод боя произошел столь молниеносно, что Техническая рота не успела даже двинуться со своего места, а полковник Тимановский — едва остановить отходившие левофланговые роты корниловцев. Критический момент прошел: добровольцы удержались, но наступление армии было остановлено на всем фронте.

* * *

1-я рота теперь седлает железную дорогу. Вправо корниловцы. За ротой, шагах в 800, седлает железную дорогу Техническая рота. Ее обстреливает из выемки бронепоезд. За правым флангом роты — бугор. На нем наблюдательный пункт 1-й батареи, одно орудие которой нацелено на окопы красных, другое должно следить за красным бронепоездом. Перед бугром — цепь пешего взвода батареи.

— Генерал Корнилов! — мгновенно передалось по цепи взвода. За бугром остановилась прискакавшая конная группа с развевающимся трехцветным флагом. Генерал Корнилов взошел на бугор.

— Где генерал Марков? Позвать генерала Маркова! — сказал он и стал осматривать расположение противника. Красные начали усиленный обстрел бугра ружейным огнем. Генерала Корнилова просят сойти вниз, но он не слышит просьб. Артиллеристы в цепи и у орудий замерли.

Через какое-то недолгое время прискакал генерал Марков. Взоры всех обратились на двух кумиров армии.

— Как у вас на левом фланге? — спросил генерал Корнилов.

— Я послал туда подкрепление, — ответил генерал Марков.

— Сколько?

— Семь человек и пулеметы, а когда понадобится, сам отправлюсь туда с конными. Кроме того, у меня еще в резерве Техническая рота (4-я рота Офицерского полка в это время числилась в армейском резерве, но генералу Маркову были приданы пулеметы Корниловского полка, которые и пошли на левый фланг).

Шум стрельбы заглушал разговор вождей, но вот что удалось схватить близлежащим офицерам.

— Кажется, придется нам здесь заночевать, Сергей Леонидович! — сказал генерал Корнилов.

— Ночевать не будем! — ответил ему генерал Марков и как-то объяснил свое утверждение.

Еще несколько фраз, и генерал Корнилов, сев на коня, уехал на правый фланг армии.

Генерал Марков вызвал к себе полковника Тимановского и командиров Технической роты и 1-й батареи и отдал им распоряжения касательно предстоящей атаки. Техническая рота будет атаковать красных вправо от железной дороги. Офицеры-ординарцы поскакали с распоряжениями в роты полка, а сам он быстрым шагом пошел влево, вдоль лежащей цепи Технической роты. И — совпадение: в этот момент бронепоезд открыл беглый огонь по роте. Генерал Марков скачками бежал по открытому месту к железной дороге, залез под бетонный переезд и встретился там с несколькими офицерами. Последние не успели даже смутиться появлением генерала Маркова, как услышали его ворчание:

— Черт возьми! Красная сволочь, видимо, заметила мою папаху и не жалея бросает снаряды. Как бы не попало по цепи. Нужно переждать здесь несколько минут. — И сейчас же стал спокойно говорить о нашей предстоящей атаке и... о бое на улицах. Затем он вдруг перешел на тему о политике, сказав, что наша политика — защита блага Родины и что мы, как солдаты, должны вести нашу политику быстро, решительно и целесообразно.

Прошло, может быть, минут пять, как генерал Марков, заявив молчавшим офицерам: «Ну, скоро мы пошлем красным снаряда три и — в атаку!» — оставил убежище и побежал к передовым цепям Офицерского полка. Только теперь пришли в себя офицеры под мостом. Ожидали разноса, а вместо этого живая, бодрая речь и предупреждение о скорой атаке. Офицеры решили, раз генерал Марков говорил о бое на улицах, следовательно, их рота атакует станицу.

Перебежками, с болтающейся на ремешке через плечо плеткой, генерал Марков добрался до передовой цепи, держа в руке свою белую папаху. Не обращая внимания на стрельбу со стороны противника, он обычным бодрым голосом спросил радостно встретивших его офицеров:

— Жарко?

— Жара, Ваше Превосходительство! Патронов нет! — сразу ответило несколько человек.

— Вот нашли чем утешить! В обозе их также нет. По сколько? — так же весело спросил он.

— Десять... пятнадцать... двадцать... — вразнобой ответили ему.

— Ну, это еще неплохо. Вот если останутся одни штыки, то будет хуже.

* * *

Идет подготовка к новой атаке. Подрывники взрывают полотно железной дороги в начале выемки, чем лишают бронепоезд возможности вырваться вперед и угрожать обстрелом цепей во фланг. Но он опасен будет во время самой атаки, так как может обстреливать во фланг местность непосредственно перед окопами своей пехоты, а поэтому необходимо заставить его уйти из выемки и поставить под обстрел добровольческих орудий. Эта задача дана отделению поручила Якушева.

Пользуясь тем, что возвышенность, в выемке которой стоит бронепоезд, имеет неровную поверхность и покрыта кустарником, офицеры смогли подползти к бронепоезду и бросить в него несколько ручных гранат. Бронепоезд попятился назад и оказался на виду у артиллерийских наблюдателей. Гранаты 1-й батареи заставили его маневрировать, временами отходить по железнодорожному мосту на другой берег реки. К великой досаде всех, одна граната попала в мост, когда бронепоезд был на той стороне, но все же теперь, из-за повреждения моста, он уже не может оказать большой поддержки своей пехоте на ее позиции.

Подготовка к атаке шла благоприятно. Техническая рота выдвигалась в передовую линию правее железной дороги. На остальных участках полка спокойно, хотя и шла непрерывная перестрелка: офицеры лежали группами и вели разговоры, даже не относящиеся к делу. Полковник Морозов, без должности, но всегда находящийся в передовой цепи, обсуждает с офицерами назначение попадающих в степи плетеных сарайчиков.

Атака

Время приближалось к 15 часам. Генералом Марковым отданы все распоряжения, и последнее из них: сигнал к атаке подает он сам, и находится он будет в передовой цепи 1-й и 2-й рот. Наконец на правом фланге всей армии началась сильная артиллерийская и ружейная стрельба. Генерал Марков вскочил и, бросив свой взгляд вправо и влево по цепи, скомандовал:

— А ну-ка! В атаку! — И сам бросился вперед. Все видели его в белой папахе и без колебаний также рванулись вперед.

И вдруг в этот же момент поднялись и густые цепи красных и также ринулись в атаку. Было мгновение — офицеры остановились

было, но порыв генерала Маркова снова увлек их. Цепи противников быстро и молчаливо сближались. Нарушило тишину отделение поручика Якушева, находившееся в выдвинутом положении, открыв огонь почти во фланг красным, и этого оказалось достаточно, чтобы те мгновенно повернули назад. Красные бежали, не задержавшись даже в своих окопах, за которыми местность круто обрывалась к реке Бейсужек. Красные катились вниз, спасались в камышах, толпами спешили перейти речку по бродам и толпами бежали по открытой местности то на станцию Станичная, то левее в лесок. Цели были отличные.

Успех атаки на всем фронте Офицерского полка полный. Его цепи начали преследование противника. Первым на тот берег реки по железнодорожному мосту перешел пулемет 1-й роты; за ним отделение поручика Якушева и другой пулемет. Бронепоезд красных гремел орудиями и пулеметами. Два офицера-пулеметчика, сраженные разрывами снарядов, упали в реку. Перешедшие — на железнодорожной насыпи. Перед ними бронепоезд, по которому бьет 1-я батарея; он то отходит, то вырывается вперед. Вдруг он доходит до самого моста. Пулеметчики и отделение, оставив пулеметы, скатываются с насыпи и прижимаются к земле. Выручает батарея: она стреляет по бронепоезду и... по своим, не нанося никому потерь. Но бронепоезд быстро дает задний ход.

С берега реки генерал Марков видит бегство красных перед фронтом всего полка, но и слышит сильную стрельбу вправо на участке наступления Технической роты, которая, видимо, встретила сильное сопротивление перед станицей. Он видит, что получается большой разрыв между нею и 1-й ротой, пересеченный железнодорожной насыпью, на которой все еще господствует бронепоезд, и отдает приказание левофланговой, 3-й роте, бегом перейти на правый фланг 1-й роты, а сам, вскочив на коня, поскакал к Технической роте. Но эта рота все же сбила красных и вырвалась в южную окраину станицы, вместе с подошедшей 4-й ротой, руководил которыми полковник Тимановский.

Перейдя речку, 1-я и 2-я роты встретили сопротивление красных перед леском и станцией. Лесок был взят, но перед станцией произошла задержка: красным помогал их бронепоезд. И только с подходом 3-й роты и после того, как по бронепоезду и станции открыла огонь и 2-я батарея, бронепоезд ушел и 3-я рота ворвалась на нее. После отбития ею сильной контратаки красных последние отошли. Полку приказано остановить наступление. Стрельба смолкла.

Наступили сумерки. Последний взрыв боя уже впереди станции, но у частей, взявших станицу.

* * *

Отлично вел наступление на станицу Юнкерский батальон. Он шел в авангарде главных сил. Под дальним огнем красных развернулся в цепь. С группой конных, с развевающимся Национальным флагом, вдоль цепи проехал генерал Корнилов. Он сказал юнкерам:

— Я очень доволен, что в этом бою участвует Юнкерский батальон на ответственном участке.

Громкое «Ура!» неслось по цепи. Расстояние уменьшалось. Противник усиливал огонь. Но ничто не остановило бы юнкеров. Их остановило передаваемое по цепи приказание: «Цепь стой!» Последовали добавочные приказания: примениться к местности и открыть редкий огонь. Так батальон простоял, как казалось, «целую вечность», не зная причин остановки.

Наконец: «Цепь вперед!» и «В атаку, ура!». Сбив красных с их позиций, батальон встретил сопротивление в самой станице, но быстро преодолел его с поддержкой подкакавшей чуть ли не в его ряды 4-й батареи полковника Третьякова. Уже в сумерках он вышел на юго-западную окраину станицы и далее к железной дороге, где и произошло у него и корниловцев последнее столкновение с бронепоездом и пехотой красных.

* * *

Ночь. Офицерский полк с 1-й батареей на станции. В охранении 4-я рота. Вся остальная армия — в станице. Настроение у всех крайне возбужденное длительным и тяжелым боем; усталость и сон валили с ног. Чины полка и батареи быстро разобрали два больших котла с готовым борщом, оставленные красными на железнодорожных платформах, и уснули крепким сном.

Но не было отдыха медицинскому персоналу. Ему нужно было собирать на поле раненых и убитых, свозить их в станицу, оказывать помощь одним, похоронить других. Нужно было озаботиться о нахождении новых подвод для массы раненых.

Потери в частях армии были весьма большие. Офицерский полк потерял до 130 человек при 30 убитых, Техническая рота — 20 человек при 7 убитых, Юнкерский батальон — до 50 человек при 8 убитых, 1-я батарея потеряла одного убитым и нескольких ранеными. Большие потери были и в других частях. За два боя у Выселок и Кореновской походный лазарет армии увеличился почти на 200 подвод.

При уменьшившейся численности армии увеличение обоза крайне тяжело и стеснительно. Это понимали все.

На участке у железной дороги, где вначале наступали корниловцы, а затем марковцы, как стали называть подчиненных генералу Маркову чинов Офицерского полка, лежал тяжело раненный в обе ноги капитан Корниловского полка, чудом не добитый красными. Он окликнул пробежавшего марковца.

— Есть у вас револьвер? — спросил он.

— Зачем? Красные отступают. Мы на той стороне. Я сейчас пришло за вами сестру.

— Я не хочу отягчать своим полутрупом и без того тяжелое положение армии. Дайте револьвер! — просто ответил капитан.

После некоторого колебания марковец дал ему револьвер и пошел дальше. Сзади раздался выстрел...

5 марта. Сон всех был долгим и крепким. Его не прерывала даже временами возникавшая оживленная перестрелка в охранении. Просыпались в бодром настроении. Стали выясняться некоторые подробности минувшего боя. Оказалось, что силы красных, защищавших станицы, исчислялись не менее чем в 10 000 человек, то есть раза в четыре превышали боевую силу Добровольческой армии. Кроме того, качественно вся эта масса была на большой высоте, хорошо руководима, упорна и даже активна. Бронепоезд дрался отлично. Среди красных было много матросов. Упорство противника стоило ему огромных потерь. Он побежден, но не разбит, как был разбит под Лежанкой или Выселками. Он отошел, сохранив порядок, и отошел он на каких-нибудь четыре-пять верст.

Захваченные у противника трофеи были значительны и ценны: необходимые для армии медикаменты, а главное, артиллерийские снаряды — до 600 штук. Они оказались в вагонах, оторванных от эшелона попаданием снаряда. Ночью эти снаряды были разобраны батареями. Взято много пулеметов. Патронов приобретено столько, что составлен их запас.

В Офицерском полку теперь определенно говорили о продолжении наступления на Екатеринодар. В успехе была полная уверенность. Ее не поколебала даже услышанная, вызвавшая некоторое беспокойство, новость: Кубанский отряд оставил город Екатеринодар и ушел на юг за Кубань. Уверенность подкреплялась усилением армии пешей и конной сотнями кубанцев станицы Брюховецкой и надеждой еще пополниться казаками станицы Кореновской.

Но предположения и стремления марковцев не осуществились. Генерал Корнилов, основываясь на докладах о состоянии частей их

командиров, в том числе и генерала Маркова, решил иначе: цель — не Екатеринодар, а соединение с Кубанским отрядом, а посему и армии идти за Кубань, куда ушел Кубанский отряд. Кроме того, считалось, что за рекой Кубанью армия выйдет из окружения большими силами красных, сбережет свои силы и даже отдохнет. О решении генерала Корнилова догадались, лишь когда армия выступила в южном направлении.

Вечером вся армия стягивалась из станицы; в авангарде Корниловский полк, Чехословацкий и Юнкерский батальоны, двинулись на юг. Офицерский полк, его 1-я, 2-я и 3-я роты и Техническая рота с 1-й батареей, шли в голове «главных сил», как в шутку стали называть огромную колонну на колесах — походный лазарет и обоз.

К 21 часу 4-я рота Офицерского полка снялась из охранения перед станицей и пошла вместе с Партизанским полком в арьергарде. Армия шла на станицу Усть-Лабинскую.

Бой у станицы Усть-Лабинской

6 марта. Армия шла спокойно всю ночь, и только утром завязался бой у арьергарда с преследующим ее противником. Утро принесло неприятность: погода изменилась к худшему, подул холодный ветер, небо покрылось тучами, стал накрапывать мелкий дождь.

К полудню армия, пройдя свыше 30 верст, приблизилась к станице Усть-Лабинской, оказавшейся также занятой большими силами красных и уже подготовившимися встретить ее. Перед станцией железной дороги и перед станицей красные сидели в окопах. Авангард должен был сбить противника, захватить переправу через реку Кубань и обеспечить переход армии за реку Кубань, как в сторону станции Кавказская, так и города Екатеринодара. Последняя часть задачи была дана Юнкерскому батальону. Около 14 часов началось наступление авангарда. Офицерский полк и за ним «главные силы» остановились. Генерала Маркова нет с полком. Полковник Тимановский покуривает свою трубку и спокойно посматривает вперед, но из-за серой погоды не видит, как там «идут дела».

Но вот подскакал генерал Марков.

— Первая рота — за мной! — сказал он и, свернув с дороги, повел ее куда-то вправо.

Пройдя некоторое расстояние, рота остановилась. Бой шел близко, так как пули то и дело посвистывали над колонной роты. Скоро

огонь противника усилился. Наконец исчезнувший было генерал Марков повел в колонне же роту дальше, навстречу летящим пулям, и подвел ее к высокой скирде, на которой сидел генерал Корнилов, наблюдавший за боем впереди.

— Сергей Леонидович, пошлите офицерскую роту туда, — громко сказал генерал Корнилов, указав направление.

Тут же рота развернулась и цепями пошла вперед. Ей стало видно железнодорожное полотно, насыпь, бегущие от полотна навстречу какие-то жидкие цепи, а на полотне все густеющая цепь, стреляющая по бегущим. Когда отступавшие, а это был Юнкерский батальон, поравнялись с офицерской ротой, они повернули назад и с нею пошли вперед. Красные же в это время, не задерживаясь на насыпи, продолжали наступление. Противники шли на сближение без стрельбы. Уже только 200 шагов разделяло их.

Вдруг красные, как бы сообразив, что перед ними свежая часть, повернули назад. Офицерско-юнкерская цепь стремительно мчалась за ними, и на железнодорожную насыпь взбирались уже и те и другие одновременно. С насыпи глазам наступавших представился сплошной муравейник большевиков, бежавших к станице. Короткое преследование огнем и дальнейшее быстрое движение вперед.

До станицы шагов 600—800. Видны свежевырытые окопы. Но бегущая масса красных, сделав попытку остановиться в них, только дала время приблизиться к ним своему врагу, чтобы сейчас же продолжать бегство по улицам станицы. Красные бежали толпами. В них вливались новые беглецы. Цели были близкие и массовые...

В этот момент Юнкерский батальон был остановлен для прикрытия станицы с запада, а офицерская рота не задерживаясь продолжала наступление по улицам вдоль северной окраины станицы в восточном направлении. Наконец красные исчезли перед ней, свернув в боковые улицы, скрывшись в садах и постройках. Роте было приказано выйти на восточную окраину станицы.

При выходе в поле рота натолкнулась на большое количество неприятельских трупов. Чьей жертвой были они — рота не знала. Она не знала, что здесь, сбив красных, прошли к переправе корниловцы и чехословаки. Не знал и генерал Марков, подсказавший в этот момент к роте.

— Когда вы успели набить столько? — весело спросил он.

Роте пришлось ответить, что это дело не ее рук и что их жертвы на западной окраине станицы. Приказав роте остановиться здесь, генерал Марков куда-то ускакал. Рота простояла на месте довольно долго.

Сейчас же после того момента, когда генерал Марков, по приказанию генерала Корнилова, направил 1-ю роту и Юнкерский батальон в контратаку, он получил новое приказание от генерала Корнилова: Офицерским полком обеспечить занятую станицу с востока, откуда ожидалось наступление свежих сил противника. Генерал Марков посылает ординарцев в 1-ю и в находящуюся в арьергарде 4-ю роты с приказаниями, не задерживаясь, быть у железной дороги на линии восточной окраины станицы, а сам поскакал к продолжавшим стоять в голове «главных сил» 2-й и 3-й ротам и 1-й батарее. Он повел их влево и, не доходя до железной дороги, остановил их, приказав быть готовыми к встрече противника, а сам помчался к 1-й роте, о чем было сказано выше. Через довольно долгое время подошла 4-я рота, которая остановилась у железнодорожной будки. Ей пришлось идти почти бегом по полю, обходя стоявшие в 3—4 ряда повозки «главных сил». Рота составила полковой резерв в нескольких сотнях шагов за выдвинутой вперед 1-й ротой, ставшей южнее железной дороги, и 2-й и 3-й ротами, стоявшими севернее ее.

Что произошло дальше, приводится по воспоминаниям полковника Биркина. «К железнодорожной будке подъехал генерал Марков и слез с коня. Тут уже было несколько офицеров. Он, видимо, много гонял на коне, так как снимал свою папаху, вытирал платком лицо и распахивал свою куртку. Его живая фигура ни на минуту не оставалась в покое; в руке играла плетка. Судя по тому, что генерал Марков, а за ним и все остальные часто смотрели в сторону станицы Кавказской, можно было думать, что враг ожидается с минуты на минуту.

— Вот и они! — сказал вдруг генерал Марков.

Не далее как верстах в двух остановился поезд, из которого стали выскакивать красные и разворачиваться против станицы, а из-за поезда выкатили на руках четыре орудия и установили их на позицию. Красные цепи развернулись по обе стороны железной дороги и немедленно пошли вперед.

Генерал Марков отдал распоряжения. До орудий красных было до смешного близко; их можно было обстрелять ружейным огнем, если бы не присутствие генерала Маркова. Генерал Марков с артиллеристом уселись за деревом. Артиллерист растопырил перед своими глазами пятерню пальцев левой руки, смотря через них на большевистскую батарею, и начал отдавать приказания.

Но большевики открыли огонь раньше: перелет, недолет... и в этот момент команда: «Первое, огонь!» Столб дыма взвился прямо перед большевистским орудием. «Второе!» — быстро закомандовал артил-

лерист. Столб дыма поднялся уже между орудиями. «Огонь!» — новая команда. Тут и генерал Марков, и мы, все бывшие около, вскочили в изумлении и радости: граната ударила прямо в орудие, и простым глазом было видно, как номеров веером разбросало вокруг него и они остались недвижимы.

Произошло что-то очень странное: от поезда к орудиям побежали люди, схватили орудия и на руках поволокли их к поезду. Наши гранаты и шрапнель подгоняли их, но... перед самым локомотивом взвился столб дыма, и тотчас же поезд двинулся назад», — так записал об этом красивом моменте полковник Биркин.

Но артиллерийский обстрел станицы продолжался. Стрелял бронепоезд, стоявший за головным эшелоном красных. А между тем пехота противника густыми цепями, в образцовом порядке, приближалась. Ее левый фланг упирался в реку Кубань. Правый — охватывал Офицерский полк слева. Полк молчал. Но вот: «В атаку!» — крикнул генерал Марков. Атака была бешеной. 1-я рота сразу же оказалась под охватом справа, где не встреченный контратакой противник продолжал быстро подходить вдоль реки к станице, угрожая переправе через реку.

— 4-й роте атаковать! Скорей! С Богом! — приказывает генерал Марков, направляя ее в пол-оборота направо

«Мы уже выдохлись и не могли бежать. Сердце колотилось как бешеное. Вышли из станицы к полю и остановились. На поле, шагах в ста, лежало много убитых. Кто их перебил, мы уже не могли видеть, догадались только, что корниловцы, так как конный, мелькнувший перед глазами, был одет в форму этого полка».

Атака красных была отбита полком, и они бежали в полном беспорядке. На левом фланге их рубил конный дивизион. Темнело. Офицерскому полку приказано прекратить преследование, отойти к станице и обеспечить переправу армии на южный берег реки Кубани.

* * *

Тем временем в станицу двигались «главные силы», предшествоваемые Технической ротой. Колонна шла к переправе через реку Кубань, занятую корниловцами. От станицы к каменному мосту вела почти двухверстная дамба, на которую втягивался обоз. Перед самым мостом остановка. По обозу разнесся слух, что мост взорван, известие, приведшее одних в панику, других — к решению дорого отдать свои жизни, третьих, наиболее беспомощных, — не отдаваться в руки красных живыми.

Б.И. Казанович

Д.А. Марченко

А.И. Деникин

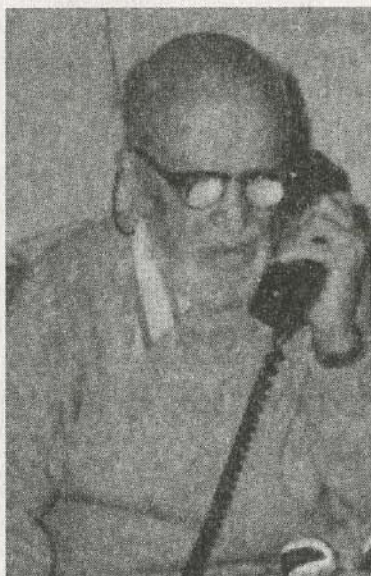
А.П. Богаевский

А.С. Лукомский

М.Н. Левитов

Р.Б. Гуль

В.А. Ларионов

Б.А. Суворин

Хан Р.-Б. Хаджиев

Н.И. Басов

А.А. Жемчужный

Генерал от инфантерии М.В. Алексеев

Генерал от инфантерии
Л.Г. Корнилов

Генерал-лейтенант С.Л. Марков

Генерал-майор (генерал-лейтенант) И.П. Романовский

Полковник (генерал от инфантерии) А.П. Кутепов

Генерал-лейтенант А.И. Деникин

Генерал-майор (генерал от кавалерии) П.Х. Попов

Полковник М.О. Неженцев

Генерал от инфантерии
Л.Г. Корнилов

Полковник (генерал от инфантерии) А.П. Кутев

Подполковник (полковник)
Д.Т. Миончинский

Подполковник (генерал-майор)
Л.М. Ерогин

Генерал-майор (генерал-лейтенант) А.П. Филимонов

Генерал-майор (генерал-лейтенант) В.Л. Покровский

Генерал от кавалерии
И.Г. Эрдели

Полковник (генерал-лейтенант)
С.Г. Улагай

Генерал-майор Н.М. Успенский

Генерал-майор
Султан Келеч Гирей

Генерал-майор А.Н. Черепов

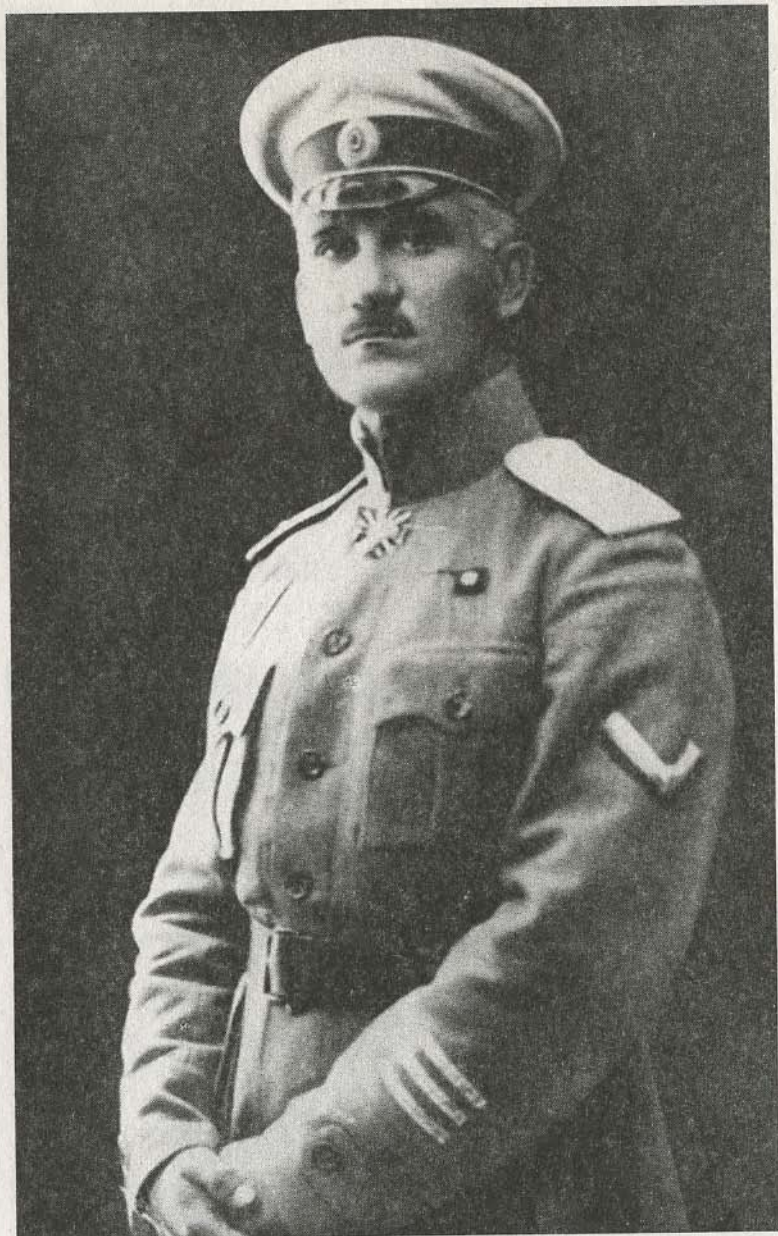
Полковник (генерал-майор)
Н.С. Тимановский

Генерал-майор (генерал-лейтенант) А.А. Боровский

Полковник (генерал-лейтенант)
П.В. Глазнаев

Полковник (генерал-лейтенант) П.К. Писарев

Генерал А.А. Боровский со штабом Офицерского полка

Полковник А.П. Кутепов с офицерами штаба Корниловского ударного полка

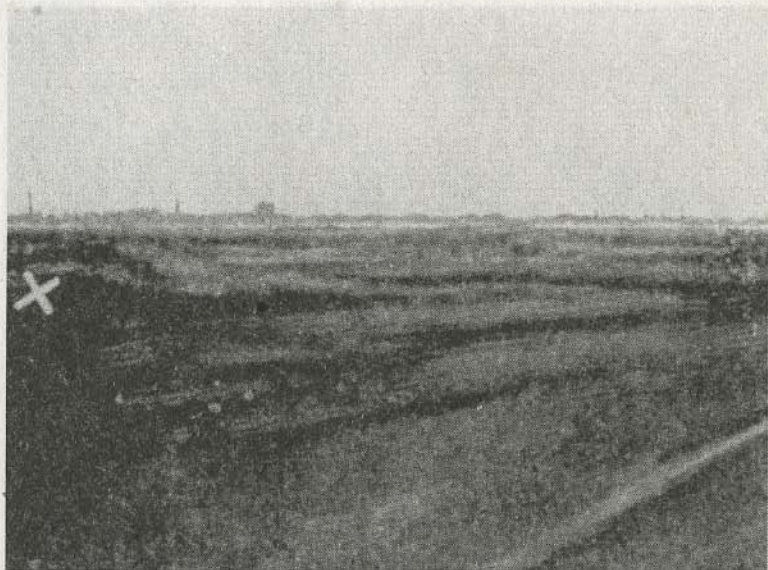
Подполковник (генерал-лейтенант) В.Г. Науменко и есаул В.Н. Зеленский

Штабс-капитан (полковник) П.Г. Бузун с женой В.И. Бузун

Полковник П.К. Писарев со штабом Партизанского полка

Место гибели генерала Л.Г. Корнилова

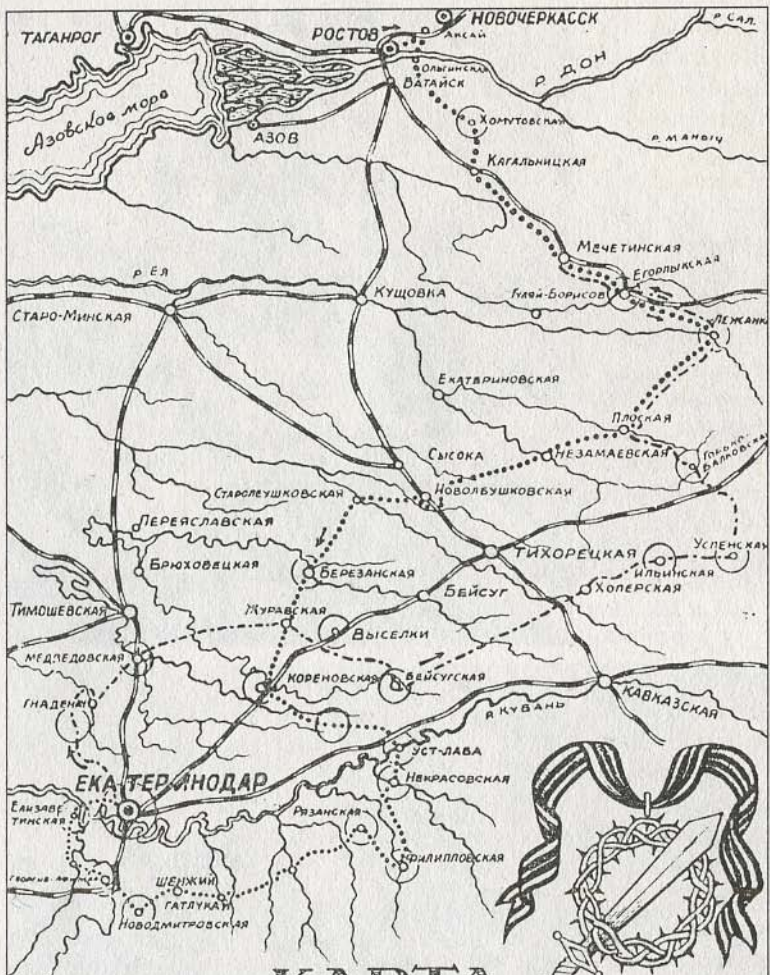
Панихида по генералу Л.Г. Корнилову в Екатеринодаре, 1918 г.

Братя поручики
С.П. и В.П. Мяч
с родителями

Похороны полковника М.О. Неженцева в Екатеринодаре, 1918 г.

КАРТА 1-го КУБАНСКОГО ПОХОДА

..... ДВИЖЕНИЕ АРМИИ ДО ЕКАТЕРИНОДАРА
- - - - - " " " " " ПОСЛЕ СМЕРТИ ГЕН. КОРНИЛОВА
○ БОИ

Масштаб 0 10 20 30 км

Карта 1-го Кубанского похода

Но к счастью, только в одном месте, сбоку, зияла в мосту дыра от взрыва, через которую видна была вода быстро текущей Кубани; мост был высокий, и проезжать вплотную к дыре было жутко и людям и лошадям. Техническая рота быстро накрыла дыру подручным материалом и стала пропускать осторожно «главные силы». Естественно, что переправа длилась долго и уже в наступившей ночи. На всякий случай для переправы пехоты были приготовлены лодки и другие плавучие средства.

В течение 1-й половины ночи, под прикрытием Офицерского полка, шла переправа армии. Прошел арьергард генерала Богаевского, кавалерия, Юнкерский батальон. В станице — жуткая тишина, изредка нарушаемая ружейными выстрелами. Большая ее часть, главным образом западная, не находится уже под наблюдением дозоров Офицерского полка, а там как раз скрылась масса красных после дневного боя.

В одном дозоре войсковой старшина и два кадета.

— Господин войсковой старшина! Если нас окружают красные, то убейте нас, — сказали кадеты своему офицеру.

— Хорошо! Но если я буду ранен, то сделайте то же и вы со мной!

Наконец и Офицерский полк пошел к мосту, прикрываемый заставой. Над ним чаще свистели пули. В темноте, на том берегу у моста, — движение.

— Девочки! Тащите сюда пулемет! — слышен женский голос.

Проходящая рота засмеялась, но коротким смехом, будто поняв особенность и серьезность услышанного приказа. У моста становилась на позицию, чтобы прикрыть отход армии, маленькая женская боевая часть, силою всего в 15—20 человек с пулеметом. Ее состав — ударницы женских батальонов; иные в чине прапорщика, иные с Георгиевскими крестами. Восемь месяцев назад, в разгар революции, для России ставился вопрос: победа или позор поражения? Тогда героическая женская молодежь своим примером хотела поднять патриотическое чувство разлагающейся армии и добиться победы. Но в боях у Сморгони в июле месяце женский батальон своим достойным примером не увлек солдатской массы. А в конце октября месяца женский ударный батальон с ротой юнкеров защищал Временное правительство в Зимнем дворце, хотя и плохую, и вредную, но Русскую, Национальную власть, против большевиков. Теперь часть этих героинь-воинов боролась за Россию в рядах Добровольческой армии. «Слава им! Вечная память!» — сказали офицеры, увидев у дороги лежащую, сраженную пулей женщину-доброволицу. Суровый русский солдат, штабс-капитан Згривец, сняв фуражку и перекрестившись, сказал: «Не бабье это дело!»

За рекой Кубанью

7 марта. Время — за полночь. Колонна армии вытянулась по дороге на ближайшую станицу Некрасовскую, до которой оставалось около 10 верст. В Офицерском полку добровольцы теперь чувствовали себя спокойно: армия вышла из-под ударов Тихорецкой, Екатеринодарской и Кавказской групп красных, отделена от них рекой, и она в районе удаленном от железных дорог. Надежда на отдых — а пока скорей в станицу Некрасовскую. Пройденные свыше 30 верст сказываются. Да и весьма сыро.

Полк продвигается вперед растянувшейся колонной, но идет он не по дороге, а стороной, т. к. на дороге стоят части и обоз. Почему задержка? Может быть, потому, что Офицерский полк теперь необходим в авангарде? Идти становится труднее: дорога идет на подъем. Наконец остановка. Роты подтянулись.

Вдруг впереди раздались едва слышно глухие выстрелы. Причина остановки колонны стала ясна! От полка отделяется шедшая в голове 4-я рота и уходит вперед. Там она развернулась в боевой порядок и стала медленно подвигаться дальше. Остальные роты продолжают стоять на месте, рядом с головой обоза.

— Генерал Алексеев! — сказал кто-то.

На дороге, у своей коляски, стоял генерал Алексеев. К нему подошли офицеры.

— Некрасовская занята красными. Армия оказалась в окружении, и придется пробиваться, — сказал он.

Но только с минуту удалось побыть офицерам со своим старым Вождем. Роты двинулись вперед и, пройдя короткое расстояние, свернули с дороги влево и, рассыпавшись в цепи, пошли на подъем по кустарникам и зарослям, потом куда-то спускались, а затем карабкались по крутому обрыву вверх. Темной ночью, не отдавая себе отчета в своем маневре. Впрочем, задачу ротам знали их командиры: приказано обойти станицу с востока и сбить оборонявшего ее противника.

Преодолев еще ров с кустарником, роты вышли на ровное место и неожиданно столкнулись вплотную с красными. Раздался беспорядочный огонь. Красные исчезли в темноте, но в цепях рот, вернее — в бесформенных их обрывках, продолжавших наступательное движение, то там, то здесь раздавались выстрелы. Так шли до рассвета. Утром роты оказались в окопах красных, недалеко и левее станицы, видимо только что брошенных ими. В это время вправо началась сильная стрельба...

Рассвет застал 4-ю роту верстах в 2—3 не доходя до станицы Некрасовской, и одновременно она оказалась под ружейным и пулемет-

ным огнем противника, занимавшего удобную позицию. Вскоре рота была остановлена.

«— Посмотри влево, — сказал офицер своему соседу. На копне соломы сидел генерал Корнилов и наблюдал за противником. — Что же мы лежим? — с недоумением спросил офицер.

Недоумение среди 4-й роты было всеобщим. Но вот я услышал сзади музыку. Было как будто недалеко, но не видно еще за скатом. Наконец на скате появилась цепь корниловцев с их эмблемами на рукавах около плеч.

Я много уже слышал про них, но теперь впервые и воочию увидел этот знаменитый полк и как раз в бою. Не отрываясь смотрел на него, даже не слыша свиста пуль. А полк разворачивался к атаке, не изменяя шага и отбивая ногу, как на параде. Ни криков, ни беготни, ни одной заминки... Полк поравнялся с нашей цепью и прошел через нее, не ускоряя и не замедляя шага. Мне кажется, что я смотрел на полк разинув рот, до того удивительно, картинно захватывающе и даже страшно было это зрелище.

Цепи их были в 6—8 шагов интервала, и удивительней всего, что они на ходу строились одна уступом за другой. Большевики встретили полк ураганным огнем, а корниловцы и не дрогнули: как шли, так и идут, даже шаг не прибавили, и казалось, что они чрезвычайно быстро приближаются к окопам большевиков.

Вдруг пальба большевиков сразу прекратилась. Густыми цепями они поднялись и побежали изо всех сил к станице. В ту же минуту грянуло корниловское «Ура!». Генерал Корнилов, стоя во весь рост на копне, смотрел в бинокль вслед своему полку.

— Встать! — послышалось, наконец, у нас. — Вперед! Ну и корниловцы! — заговорили в рядах нашей роты.

Показали себя как нельзя лучше. Для нашего полка пример замечательный: мы залегли, а они...» (Из рукописи полковника Биркина.)

Некрасовская взята. Увы! Офицерский полк не получил здесь полного отдыха. Его роты стояли на позициях за станицей к востоку и югу от нее; недалеко были видны красные. Они в течение дня пытались приблизиться к станице, но легко отбрасывались. В общем, этот день был спокойным, но унылым, скучным и голодным. Только вечером роты были отведены на окраину станицы. На ночь от полка были выставлены заставы.

В течение дня в Офицерском полку слышали не только ружейную и пулеметную, но и артиллерийскую стрельбу на противоположной, западной стороне станицы. «Похоже на полное окружение нас», — говорили офицеры. И действительно, красные были на западном бе-

регу реки Лабы, протекавшей вдоль станицы, и у них имелись даже орудия.

1-я батарея не раз заставляла замолкать батарею красных, обстреливавшую станицу. Юнкерский батальон, стоявший в охране вдоль реки, вел перестрелку с красной пехотой. Его молодежь все еще сохраняла не только силы, но и боевой пыл, и, только когда был убит юный прапорщик Архангельский, вскрикнувший в этот момент: «Моя мама...» — все осунулись, замолчали... Молодежь снова ожила несколько спустя, когда ей была объявлена ответственная задача, данная их батальону.

Утром следующего дня армия должна выступить в западном направлении, то есть перейти реку Лабу и сбить противника за ней. Мост через реку основательно испорчен красными, а поэтому форсировать ее остается лишь переходом вброд. Начать эту операцию выпало на Юнкерский батальон.

8 марта. Полночь. Юнкерский батальон построен, и ему объяснена задача: перейти вброд реку, залечь под обрывистым берегом, а перед рассветом атаковать противника и занять ближайшие хутора. Начать выполнение задачи дано двум взводам: взводу недавно произведенных в офицеры юнкеров штабс-ротмистра Концепа¹⁶⁶ и взводу полевых юнкеров поручика Гурчина¹⁶⁷. Перед рассветом они атакуют, а одновременно переходит реку весь батальон и также немедленно вступает в бой.

Сыро и холодно. Тишина. Во 2-м часу ночи взводы вошли в воду. Ширина реки 20—25 шагов; дно каменистое и неровное; глубина местами по грудь; течение быстрое. Переход реки прошел без единого выстрела со стороны противника. Брезжит рассвет. В нескольких десятках шагов от берега, за бревнами, появились фигуры красных. Переправившиеся взводы атаковали и моментально сбили противника. Он бежал к хуторам, из которых выходили его цепи. Но они имели перед собой уже весь Юнкерский батальон. Пулемет Кольта, перенесенный на спине через реку прапорщиком Зильберманом, открыл огонь. Батальон ворвался в два хутора, отбил атаку в свой фланг из третьего. Ему на помощь подошел конный дивизион. Красные отходили. Юнкерский батальон блестяще выполнил ответственную и трудную задачу.

Вскоре к нему подошел Офицерский полк, еще ночью снявший свои заставы и переправившийся через реку на лодках и сколоченных плотах. Полк и Юнкерский батальон наступали по дороге на хутора Филипповские.

Офицерскому полку пришлось действовать поротно, выбивая красных из разбросанных хуторов, по группам носивших названия: Мару-

хинских, Ново-Севастопольских, Султановских. На одном хуторе 4-я рота захватила два орудия и грузовик со снарядами. Генерал Марков приказал испортить орудия и грузовик. Последний потому, что красные вылили горючее. Но ротмистр Дударев не выполнил приказа генерала Маркова. По настоянию морского лейтенанта, надеявшегося найти хотя бы керосин, если не в этих хуторах, то в следующих, грузовик тащили волю, а за рулем сидел лейтенант. Керосина достать не удалось.

Отряд генерала Маркова заночевал на Киселевских хуторах, верстах в 15 от станицы Некрасовской. Красные находились в непосредственной близости.

Тем временем на поврежденном мосту кипела работа по его реставрированию. Однако все усилия сделать его пригодным для переправы артиллерии и обоза не привели к положительному результату. Пришлось использовать слабый паром. Переправа затянулась на целый день.

* * *

Этот переход армии оставил о себе весьма жуткое и гнетущее впечатление. Район, в который вошла она, был населен переселившимися сюда из центральных губерний России крестьянами, арендовавшими землю у казаков. Приобретать ее в собственность они не имели права, что было причиной скрытой их вражды с казаками. Эта вражда вышла наружу с приходом к власти большевиков, и тем более сильно, так как большевики разжигали ее. Она вылилась в это время в жестокое сведение счетов. И это несмотря на то, что крестьяне хотя и не имели собственной земли, но жили весьма богато.

Приход Добровольческой армии в этот район произвел разное впечатление на казаков и крестьян. Последние, обманутые пропагандой большевиков, видели в ней тех же казаков, защищающих исключительно казачьи интересы и несущих возмездие за их насилия, отчего сразу же стали на сторону красных и вступили в их ряды. В хуторах остались лишь старики, женщины и дети, да и то далеко не все.

Грустно и тяжело было добровольцам сознавать великую ложь, воспринятую крестьянами в отношении Добровольческой армии. Но еще более тяжело и с немалой долей озлобления они переживали чувство в отношении казаков. Месть последних к крестьянам была дикой, и они проявили ее жестоко: когда армия в этот день с боем продвигалась вперед, запылали крестьянские хутора. Это было жуткое зрелище...

О чем думали казаки? Как они рассуждали? Они были против крестьян. Но были ли они против красных, против большевиков? Станица

Некрасовская что-то не дала пополнения армии. Или они думали, что большевики их не тронут, как крестьяне думали, что большевики их вечные друзья и их защитники? Добровольческая армия проходила район совершенно ей непонятный. Она должна была карать сурово одних и встречать вооруженное сопротивление других, не встретив никакого сочувствия к несомым ею — Правде и Добру.

9 марта. Едва стало светать, армия выступила дальше по дороге на хутора Филипповские. Она вклинилась в расположение противника, будучи в то же время преследуема его частями из станицы Некрасовской. Она находилась в положении тесного окружения, имея свой фронт всего лишь версты две, а глубину своей колонны версты четыре. «Главные силы» ее были не только под обстрелом артиллерии красных, но и под ружейным.

Красные старались всячески использовать тяжелое положение армии и действовали активно. Но идущие на охране флангов части (отряд генерала Маркова прикрывал левую сторону колонны) неизменно сбивали красных с каждого тактического рубежа. С подходом армии к хуторам Филипповским, занимаемым большими и свежими частями красных, было необходимо сосредоточить для атаки возможно большие силы, для чего Офицерский полк получил приказание выйти в голову колонны, где были Корниловский и Партизанский полки.

Положение «главных сил» армии — ее походного лазарета и обоза, оставшихся без достаточного пехотного прикрытия, — создавалось очень опасным, но с ними был оставлен генерал Марков. Он быстро сократил глубину колонны; он сформировал из раненых группы, которых высылал в обеспечение колонны. Нажим противника усилился. 1-я батарея, оставшаяся с генералом Марковым, вела огонь на все стороны. Был момент, когда Юнкерский батальон оказался в тяжелом положении, но его выручил пеший взвод батареи. Генерал Марков благодарил взвод и батарею.

Тем временем три пехотных полка и конный дивизион на их левом фланге перешли в атаку на хутора Филипповские. Партизанский полк — вправо от дороги, Офицерский — влево, Корниловский и конный дивизион еще левее, в обход хуторов с востока. Офицерский полк имел две роты в передней линии, одну роту за ними во второй. 4-я рота была в резерве армии.

Перейдя складку местности, Офицерский полк увидел перед собой в 1000 шагах за ложбиной на следующем гребне свежеврытые окопы противника, из которых сразу же встретил его поток ружейного и пулеметного огня. Роты не остановились и шли вперед, спускаясь в ложбину; затем начали подыматься. Осталось менее чем 500 шагов.

Отчетливо видны уже лица красных; все сильнее охватывает беспокойство: если вся их масса поднимется и перейдет в контратаку, она легко сомнет наступающих. Но вот, когда до окопов врага осталось 200 шагов, далеко влево и несколько впереди раздалось «Ура!» и красные мгновенно оставили окопы и бросились бежать в большой Княжеский лес, в нескольких стах шагах за окопами, и укрылись в нем. Роты полка на несколько минут задержались в окопах. В них были ведра с водой, банки с медом, хлеб; было чем утолить жажду и голод.

Ожесточенный бой продолжался вправо, на участке партизан. Туда была направлена 4-я рота. Она добежала до маленького хутора, лежащего вдоль дороги, по обе стороны которой тянулся лес. Обстреляла и заставила скрыться в лесу красных, пересекла дорогу и вышла на другую сторону хуторка. Здесь она остановилась, пораженная огромным количеством неприятельских трупов, но частей добровольцев видно не было. Роте было приказано быть готовой к отбитию атаки.

«В цепи роты стоял во весь рост офицер и смотрел в бинокль.

— Да где красные? — громко спросил я (запись полковника Биркина).

— Под вашим носом! — ответил смотревший в бинокль. — До них и сотни шагов нет. Вон они накапливаются за валиком и сейчас пойдут в атаку.

Я посмотрел на говорившего. В глазах мелькнуло что-то знакомое, и, приподнявшись, чтобы разглядеть, с кем говорю, очутился нос к носу с самим генералом Корниловым. Пули густо засвистели. Я прилег и сам, не отдавая себе отчета, что делаю, схватил полу шинели генерала и сильно потянул к себе. Генерал воспротивился и смотрел в бинокль не отрываясь. Вдруг повернулся ко мне лицом и ногой отбросил мою руку от полы шинели.

— Небось не убьют! Еще пора не пришла, — громко сказал он, улыбаясь. — Смотри! — тотчас же крикнул генерал Корнилов.

Перед нами выросла стена большевиков, но в то же мгновение грянул залп нашей цепи и затрещали пулеметы. Вместо того чтобы ринуться в атаку, большевики упали навзничь, как нам показалось, и скрылись. Высланная разведка никого перед нами не нашла. Вскоре появилась связь от генерала Богаевского с известием, что большевики бегут и он двинулся преследовать их.

— А просил подкрепления! — с укором сказал Корнилов. — И всегда так, — добавил он, — пошлешь ему пяток людей, и он переходит в атаку. Молодчина!

Мы собрались не строем вокруг Корнилова. В это время высокий, стройный офицер вдруг схватился рукой за перевязь с патронами, как

раз против сердца, и повалился навзничь. Шальная пуля пробилла ему сердце. Не знаю почему, но эта смерть своей ненужной случайностью произвела больше неприятного впечатления, чем вид убитых на поле. Даже генерал Корнилов как-то печально махнул рукой, сказав коротко:

— Ну и судьба!»

* * *

Хутора Филипповские, растянувшиеся вдоль восточного берега реки Белой на многие версты, были заняты корниловцами. Конные части продвинулись дальше к югу и заняли примыкавшее к ним село Царский Дар.

Офицерский полк, пропустив «главные силы» армии и части их прикрывающие, пошел за ними и расположился в северной части хуторов. С ним Юнкерский батальон. Они должны были обеспечить армию с севера.

За минувший бой Офицерский полк потерял около 50 человек. Из них на 2-ю роту, бывшую в атаке во 2-й линии, пала половина всех потерь: 6 убито и около 20 ранено.

* * *

Наступила уже ночь, когда, наконец, Офицерский полк, выставив охранение, мог начать отдых. Им пройдено было около 15 верст, но моральное напряжение, недосыпание в течение ряда суток, усталость, вызванная главным образом движением по размокшему чернозему, давали себя чувствовать. Жители почти все оставили хутора. Самим бойцам пришлось озаботиться о своем питании. Было всего вдоволь, но выбиралось только то, что могло быть быстро приготовлено. Ели торопясь, однако некоторые засыпали, не донеся вареного яйца до рта. Роты обошел генерал Марков и предупредил:

— Как видите, мы сидим в яме. Красные не оставят нас в покое и обязательно атакуют. Поэтому задерживаться здесь не будем. А пока будьте в полной готовности!

Бой под хуторами Филипповскими

10 марта. Ночь прошла очень беспокойно. Была тревога, оказавшаяся ложной. Перед рассветом снова тревога, но на этот раз Офицерский полк и Юнкерский батальон должны были выступить на

окраину хутора: красные наступали с севера и востока. Роты обскакал генерал Марков и коротко приказал:

— Отбросить!

Спускавшиеся с возвышенностей красные были не только остановлены, но и отброшены за них.

В это время армия выступала из хуторов на запад, по дороге на станцию Рязанскую. Перед рассветом корниловцы сбили красных с позиций по западному берегу реки Белой, захватили мост и преследовали их. На возвышенности, верстах в двух от переправы, красные пытались задержаться, но были сбиты и с нее. Однако силы противника, увеличившиеся подходом новых частей, остановили дальнейшее продвижение корниловцев, угрожая им охватом с правого фланга. На поддержку пошел Партизанский полк. Но и эта помощь не изменила положение. Пересеченная местность давала противнику возможность упорно обороняться; она же способствовала ему, занимающему более широкий фронт, активно угрожать флангам выдвинутых полков. Положение крайне тяжелое и опасное: в случае неустойки, хотя бы на небольшом участке, красные выходили на гребень и перед ними в непосредственной близости оказывались «главные силы» армии. Более того — вся армия оказывалась в низине, окруженной со всех сторон противником.

Положение было таково: от хуторов Филипповских к реке Белой шла дамба и дорога до двух верст длиной. За мостом, на западном берегу реки, дорога сворачивала к северу и тянулась между рекой и возвышенностью, на которой вели бой Корниловский и Партизанский полки, версты две-три и только затем сворачивала к западу. Все это ее протяжение было на виду с восточного берега реки. На дороге стояли «главные силы» в ожидании поворота боя в пользу армии. Но сил двух полков, чтобы сбить противника, недостаточно, и из хуторов Филипповских срочно вызывается Офицерский полк. На хуторах остается Юнкерский батальон с конным дивизионом. Техническая рота уже на переправе: ее задача, с проходом последней части, сжечь мост и не дать противнику переправиться через реку. К северу от роты, вдоль реки — Чехословацкий батальон.

Красные давят со всех сторон. Генерал Корнилов на возвышенности за Корниловским полком. Около него все батареи, которым он указывает цели. Партизаны едва сдерживают красных. Им на помощь вызывается рота чехословаков, которую заменят снова мобилизованные раненые. Вводится в бой и конвой генерала Корнилова. Юнкерский батальон и конный дивизион не в силах задержать наступление красных, оставляют хутора Филипповские. Артиллерия красных с во-

сточного берега реки обстреливает «главные силы». Один снаряд разрывается вблизи генерала Алексева. Положение трагическое. Противник вводит новые силы и охватывает левый фланг корниловцев.

Офицерский полк перешел мост и остановился. Но сейчас же подскакал генерал Марков и направил 2-ю и 3-ю роты обеспечить левый фланг корниловцев. 4-ю роту он отправил в голову «главных сил», дав ей задачу прочищать им дорогу. Вся армия в бою, кроме последнего резерва 1-й роты Офицерского полка. Но через весьма короткое время и она вошла в дело.

Совершенно неожиданно красные подошли к переправе с юга, вдоль западного берега реки. С дистанции верста с небольшим по переправе посыпались их пули.

— Отбросить! — приказал генерал Марков командиру 1-й роты Плохинскому.

Рота ринулась вперед и отбросила красных. Она могла бы привести их в полное расстройство, но подскакал генерал Марков и повернул ее почти в обратном направлении: там, за складками местности, слышалась сильная стрельба. Рота не шла, а бежала. Она наскочила на фланги красных, большими силами обходящих левый фланг 3-й роты полка. Под перекрестным огнем рот, под ударами их штыков красные бежали в полном беспорядке, оставив на поле боя до 300 убитых и раненых. Но в момент успешного преследования снова появился генерал Марков и снова 1-ю роту направил в обратном направлении, к реке. Рота бьет во фланг и тыл тем частям противника, которые она отбросила в первое свое выступление и которые, приведясь в порядок, снова перешли в наступление вдоль реки к переправе. На этот раз эти части красных, неся большие потери, в полном беспорядке бежали. Генерал Марков опять здесь и дает роте новое задание... У всех, несмотря на «кашу» и полную потерю ориентировки, отличное настроение, тем более что в роте почти нет потерь. Со вступлением в бой Офицерского полка красные по всему фронту стали отходить.

Отход Юнкерского батальона из хуторов Филипповских был весьма поспешным: за ним следовал противник. 1-я батарея, по приказанию генерала Корнилова, своим огнем сдерживала противника, но и то порыв последнего был настолько стремителен, что Техническая рота вынуждена была зажечь мост раньше, нежели все части Юнкерского батальона смогли перейти его. Им пришлось переправляться через реку вброд. Наступление красных остановилось на линии реки.

Весь тяжелый бой окончился во 2-й половине дня, и лишь 4-я рота, оказавшаяся на правом фланге всей армии (правее ее был кон-

ный дивизион), до вечера вела перестрелку с отходившим к станице Рязанской противником. Не доходя нескольких верст до станицы, рота свернула с дороги влево и вскоре остановилась. Шедшие за ней «главные силы» продолжали движение в станицу, куда следом за ними пошли и все части армии, кроме Офицерского полка, Юнкерского батальона и 1-й батареи, собравшихся у 4-й роты.

Привал около часа. Несмотря на усталость, настроение у всех отличное. Говорили, будто бы от Кубанского отряда к генералу Корнилову приехал разъезд для связи: следовательно, нужно ожидать скорого с ним соединения. Некоторые подтверждали этот факт доносившейся до их слуха далекой артиллерийской стрельбы. Однако эту радость постепенно одолевало желание отдыха. Мечтали о станице Рязанской.

Но... на уставшей лошади подъехал генерал Марков, поднял лежавший свой отряд и повел его по полевой дорожке куда-то к западу. Рязанская осталась вправо. Отряду приказано прикрывать с юга движение армии. Темная ночь. Медленно, рывками двигался отряд по сильно изрезанной местности. Перешел реку Пшиш.

11 марта. В 2 часа ночи отряд остановился в небольшом ауле Бабукай. Генерал Марков сказал: «Дается 4 часа на отдых. Всем хорошо выспаться».

Несмотря на то что все добровольцы первый раз в своей жизни попали в черкесский аул, никто не обратил на него внимания, не было никаких разговоров об отсутствии жителей, о разоренных домах. Все сразу же уснуло крепким сном, не подумав даже о еде. Сказывались не переходы и бои минувшего дня, а все пять суток, начиная с оставления станицы Кореновской. За реку Кубань, где предполагалась более спокойная обстановка, выпали, оказывается, наиболее тяжкие испытания.

Четыре часа проскочили незаметно. Подъем еще до рассвета; подъем тяжелый и немедленное выступление. 1-я батарея проспала. Ее разбудил сам генерал Марков. Ей пришлось догонять отряд. С рассветом идти стало легче и бодрее: не было дождя и пахло весной. Но досаждали частые остановки при крутых спусках и подъемах. Лошади изматывались.

Аул Гатлукай. Привал на полчаса. И только здесь добровольцы могли, но очень поверхностно, познакомиться с аулом, понять определенно, что он подвергся разгрому. Жителей не было и здесь. Во дворах мычала голодная скотина. Что произошло в аулах? Предполагали, что здесь хозяйничали большевики...

Колонна шла дальше. С трудом преодолела крутые скаты к реке Марта и... неожиданная радостная надежда: от частей высылаются

вперед квартиреры — признак длительного отдыха. Вскоре показались два высоких минарета. Перед вечером отряд вошел в большой аул Понежукай и расположился по квартирам. Аул оказался не брошенным жителями. Добровольцы, быстро поев, что «Бог послал» и что «Аллах дал» через своих правоверных, завалились спать. В охранении Юнкерский батальон; еще дальше — кавалерийские заставы и разъезды.

12 марта. Все спали как убитые. Проснулись, когда уже наступил день, и были приятно поражены, что их не только не тревожили ночью и под утро, но и этим утром каким-либо распоряжением. Кругом полная тишина. Никакой стрельбы. Решение: привести себя и оружие в возможный порядок и набраться сил. И еще — познакомиться лучше с местным населением — черкесами.

Аулы! Кавказский, горский народ — черкесы! Мусульманский мир! Зеленое знамя Пророка с полумесяцем! Азия, переселившаяся давно в Европу, но — Россия, наша родная страна, наш, свой, родной народ! Что знали о нем добровольцы? Весьма мало, только то, что писалось в учебниках или в литературе. Немногие видели черкесов в составе Кавказской «Дикой» дивизии, составлявших в ней полк и героически дравшихся с общим врагом России под своим зеленым знаменем, пожалованным полку Императором. Теперь добровольцы были среди этого народа, на земле, им заселенной. Интерес огромный и всеобщий.

Полковник Биркин записал: «Я ожидал найти здешние аулы похожими на аулы у подножия священной горы Ала-Геза, сиречь Божьего Глаза, возвышавшейся как раз против не менее священной горы Арарата... Вот и тут аулы, а на аулы не похоже: самые обыкновенные дома, а не жилища под землей, и даже не костры посредине, а стоят настоящие русские печи, с лежанкой, с предпечником и подом, в котором за заслонкой можно и хлеб печь, и барана целиком зажарить».

Но, как и всюду на свете, есть люди богатые и бедные — есть богатые и бедные черкесы. Штабс-капитан Иегулов записал: «Типичные азиатские постройки, кривые улицы с бесчисленными переулками и закоулками, бесконечные плетни вместо заборов...» Внутренняя убогость убранства саклей — вернее, отсутствие всякого убранства, костры под колпаками-дымоходами вместо печей, отсутствие мебели и кроватей производили большое впечатление...»

Однако и у богатых, и у бедных были в изобилии скот и птица, была земля, огороды, сады... И жили черкесы сытно, продавая значительные излишки продуктов своего труда. Они — народ, в течение

многих десятилетий живущий в мире и труде. Россия была их мать. Тесно и дружно сожительствовали в этих местах казаки, крестьяне, черкесы...

Но пришли к власти большевики, и жизнь этого мирного народа была нарушена, как нарушена была жизнь для всех в России. Аулы, которые прошли добровольцы, разграблены, жители разбежались. Аул Понежукай, аул большой, хотя и не пострадал, но в нем все охвачено страхом. Кто виновен? Черкесы говорят: «казаки», «большевики» — они не делали между ними различия, как не делали различия между казаками и иногородними. Выяснилось, что виновны тут не только большевики, не только иногородние, но и казаки ближайшей станицы Рязанской. Чего не хватало казакам, жившим гораздо богаче черкесов? Добровольцев это не только удивляло, но и озлобляло против казаков. Однако наказать, и жестоко наказать, хотя бы одного виновного они уже не могли. «Им покажут большевики, которые теперь в их станице», — говорили добровольцы.

Испытав жестокие насилия и понеся многие человеческие жертвы от террора красных, черкесы искали защиту себе и нашли ее со стороны кубанцев — Кубанского отряда, пришедшего в их район из Екатеринодара. Черкесы вступали в этот отряд и сформировали там целый конный полк. Но к пришедшей Добровольческой армии, поверив пропаганде красных, отнеслись как к «казакам», все грабящим, всех уничтожающим. Это поразило добровольцев. Им было досадно и обидно.

Прошло весьма короткое время, буквально минуты, чтобы черкесы увидели и поняли, что к ним пришли не враги, а их друзья. Они убедились в этом по человеческому отношению к ним, по уважению к их обычаям, нравам, к их собственности. Убедились, потому что добровольцы не грозили, не требовали, а просили и за все немедленно платили. Выразилось это в их традиционной радушии и гостеприимстве, и не только в том, что оставившие свой аул черкесы в первую же ночь стали возвращаться к себе домой, но и в том, что, поняв, кто их враг и кто друг, приносили добровольцам сведения о красных, более того — они просили о зачислении их в ряды армии. На них произвел восхитительное впечатление генерал Марков. Они просились к нему, и с этого времени у него появился конвой из черкесов. Было чему радоваться добровольцам, но и тревожно было у них на душе за судьбу этого народа, так как они знали о своем временном пребывании среди него.

Среди добровольцев бодрое настроение. В ауле — мир. С высоких минаретов слышатся голоса, призывающие правоверных к молитве.

Женщины с закрытыми чадрой лицами хлопочут по хозяйству, стараются отблагодарить своих постояльцев. Радость — появился табак в пачках листьев. Закурить — наслаждение! Сколько разговоров по этому поводу! Курили сигареты, «козьи ножки», на манер курения махорки. Нашлись среди курильщиков и «аристократы»: они складывали листья и крутили их в сигары. И только во второй половине дня было нарушено благодушное настроение приказом о выступлении с началом ночи. По сведениям, полученным от черкесов, красные выступили из станицы Рязанской по стопам армии.

Отряд генерала Маркова в арьергарде. Красные подошли к аулу еще засветло. Юнкерский батальон отбил их атаку. В назначенный час, когда уже стемнело, батальон стал сниматься с позиции, и как раз в это время красные атаквали снова. Едва не погибло одно орудие 1-й батареи, сорвавшееся с мостика и вырванное контратакой батальона. Снова моросил дождь. Пропустив Юнкерский батальон, Офицерский полк пошел в арьергарде. Тяжелая дорога со спусками и подъемами.

13 марта. Шли медленно всю ночь. Наступивший день мало облегчил поход. Около полудня отряд остановился на трехчасовой привал в ауле Вочепший. Дальнейший путь. В прикрытии Техническая рота, которая ведет перестрелку с наступающим противником. Както внезапно на нее налетел грузовик красных, вооруженный пулеметами. Рота отбилась, но понесла потери. В их числе 5 без вести пропавших офицеров. Поздней ночью, проделав за сутки до 30 верст, отряд совершенно обессиленным пришел в аул Шенджий, где уже сосредоточились все остальные силы армии.

14 марта. Тяжелое пробуждение. Части отряда генерала Маркова отдыхали полностью под прикрытием охранения от других частей. Никаких распоряжений, и, судя по тому, что походный лазарет сгрузил с подвод всех раненых и разместил их по квартирам, можно было думать о возможности еще по крайней мере одной ночевки. Этим воспользовались артиллеристы и занялись своими лошадьми и орудиями. На время их отвлекло от дела услышанное какое-то визгливое и монотонное пение. Оказалось, шел Черкесский полк Кубанского отряда.

Полк выстроился у дома генерала Корнилова. Генерал Корнилов поздоровался с ним и что-то сказал ему. Рядом с генералом Корниловым стоял молодой командующий Кубанским отрядом, генерал Покровский. И так — соединение двух противобольшевистских отрядов — свершившийся факт. Кубанский отряд стоял в 18 верстах к югу, в станице Калужской. Добровольцы узнали о силе этого от-

ряда: он почти удваивал боевую силу Добровольческой армии. Было чему радоваться!

Вечером этого числа части армии получили приказ: выступление с рассветом следующего дня, и добавлено новое: каждому сдать свои лишние вещи в обоз. Из этого делался вывод: будет и большой переход, и «жаркое» дело. Но... погода? Она не вызывала никаких надежд на улучшение.

Ледяной поход

15 марта. Рассвет. Низкие, серые, быстро несущиеся облака; пронизывающий ветер... Мелкий, холодный дождь. Тяжелый подъем бойцов. Верхом на лошади по расположению своих частей проскакал генерал Марков и «помог» подъему. Вся армия в движении; запрягаются лошади, грузятся на подводы раненые, которых накрывают чем возможно, чтобы хоть как-нибудь предохранить от дождя, ветра и холода.

В первый раз армия должна была разделиться: вся боевая ее часть пойдет в одном направлении, известном только начальству, а «главные силы» — походный лазарет и обоз — в другом — в станицу Калужскую, где Кубанский отряд; прикрывать эти «силы» назначены части кавалерии за исключением одного дивизиона, который имел специальное задание: произвести демонстрацию в направлении станции Эйнем.

* * *

Роты Офицерского полка выходят из теплых домов, строятся. Не все идет гладко. Полковник Плохинский явно в прескверном настроении; шагает перед одним из выстроившихся взводов своей роты.

— Господин полковник! Ваше приказание исполнил! — докладывает ему подъехавший верхом офицер связи прапорщик Кедрин¹⁶⁸, «Хромышкин», как его называли в роте. Проходит несколько минут...

— Прапорщик Кедрин! Вы сказали: приказание исполнено! — вдруг громко, растягивая слова, обращается к «Хромышкину» полковник Плохинский.

— Так точно, господин полковник!

Проходит еще с минуту. Опять голос командира роты:

— Прапорщик Кедрин! Вы сказали, приказание исполнено! Где же оно... исполнено?

Прапорщик Кедрин немедленно исчезает в серой пелене дождя.

Подходят взводы. Следует нагоняй, и рота по узкой, крутой дорожке спускается от аула и выходит на большую дорогу. Рота идет в авангарде полка; полк — в авангарде армии. Куда они идут — никто не знает; впрочем, «к чертовой матери... за синей птицей!». Все ясно.

Тяжело хлюпая по густой грязи, идут офицерские роты, а с ними 1-я батарея. Дорога ровная, и вода под ногами не имеет стока. Около 9 часов выглянуло было солнце, но на короткое время, и небо снова покрылось тучами, снова пошел дождь; ветер усиливался. Колонна прошла лес и остановилась на короткий отдых у каких-то строений с крышами, но без стен. Есть спасение от дождя, но нет от ветра. Людям становилось холоднее, чем в движении и под дождем. Дальше...

От головной 1-й роты отделяется влево боковая застава — 3-й взвод. Сотня шагов, и взвод уже не видит свой полк и полк не видит заставу. Наткнувшись на канаву, застава идет вдоль нее, обросшей по краям старыми, низкорослыми, кривыми ивами.

Неожиданно на заставе появляется генерал Марков.

— Сыровато! — говорит он, хотя сам и люди взвода промокли уже насквозь, не говоря про сапоги, полные воды, и меняет направление движения заставы.

Надо переходить канаву шириной в 3—4 шага, наполненную до краев водой. К счастью, на краю канавы обнаруживается громадная коряга. Соединенными усилиями нескольких человек ее бросают на середину канавы: теперь можно перепрыгнуть канаву двумя большими скачками, не задерживаясь на ней. Прыгает первый... коряга переворачивается, и скакун растягивается в воде. Он ничего не потерял, так как до прыжка уже был совершенно мокр. Он остается выше чем по колено в воде, придает коряге устойчивое положение и придерживает ее. Скачут следующие. Несколько офицеров перескочили удачно, но корнет Пржевальский растягивается в воде. Оставшись в ней, он также придерживает корягу. Дальше все шло благополучно: все были на той стороне, и застава продолжала свой путь.

Вскоре боковая застава вышла на большую дорогу. На ней стоял полк, а в голове его генерал Корнилов, подполковник Неженцев, подполковник Миончинский и два проводника. Остановка длилась, казалось, очень долго. Становилось холодно без движения и к тому же все стали замечать, что дождь превращался в мелкую ледяную крупу, больно бьющую и колющую лицо; стали замечать, что мокрые шинели стали затвердевать, леденеть. Температура резко падала. Еще немного времени, и мороз с ледяным ветром и все еще сыплющейся крупой окончательно превратит людей в обледеневшие фигуры, звенящие при движениях.

К счастью, колонна двинулась вперед: на ходу согреваешься. Люди грели руки своим теплым дыханием, а тело всевозможными движениями туловища. Шли навстречу ветру. Температура падала все ниже и ниже, и шла уже не крупа, а мелкий сухой снег. Часов в 14 вся местность покрылась белым саваном, а затем сильный ветер закрутил снежную пургу. Насыщенность ее снегом была такова, что с трудом уже можно было наблюдать спину впереди идущего соратника. Дороги не видно. Колонна полка идет в белую кружащую мглу.

Орудийные кони едва тянут орудия. Верховые уносов от холода не в состоянии сидеть в седлах, спешиваются, но тогда останавливаются кони. С трудом, с помощью других, верховые влезают на седла. Падают от изнеможения лошади, их заменяют. Но при каждой остановке колеса орудий и зарядных ящиков вмерзают в землю; орудия сдвигают совместными усилиями лошадей и людей. У орудий уже не колеса, а какие-то сплошные ледяные диски. Неимоверно тяжело идти людям... Медленно тащится колонна.

Остановка. Генерал Марков подбегает ко 2-й роте:

— Не занесло еще вас? Ничего, бывает и хуже!

Предлагает курить, вынимая пачку папирос, которую моментально разбирают.

— Пустяки! Держитесь! Не впервые ведь! Все вы молодые, здоровые, сильные. Придет время, когда Родина оценит вашу службу.

Разговор перешел на черкесов покинутого аула, но... подъехал ординарец. Генерал Марков вскочил на подведенного коня и поскакал вперед. Дальнейший путь...

Вдруг где-то очень близко впереди раздалось несколько заглушенных ветром выстрелов. Колонна остановилась. Еще, еще! Через несколько минут, показавшихся вечностью, к колонне спереди подъехало несколько всадников с генералом Марковым и с ними несколько пших: привели пленных. Это снята была красная застава, стоявшая в хуторе у дороги; часть из заставы погибла, а оставшиеся в живых стояли перед колонной полка, подведенные к генералу Корнилову. Затем верховые черкесы и текинцы и пленные с генералом Марковым ушли обратно, скрывшись в пурге. Жилье близко! Скорей туда, какие бы препятствия ни стояли на пути! — была одна мысль и одно желание у всех.

Через короткое время колонна полка двинулась. Погода снова начала меняться: стихал ветер и падал уже снег густыми хлопьями; как будто стало теплее. Но кругом по-прежнему не видно ни зги. Вот какие-то строения, но колонна прошла мимо.

Бой за станицу Ново-Дмитриевскую

Было, может быть, часов семнадцать. Вдруг колонна остановилась на спуске в овраг: она уперлась в реку (река Черная). Но то, что преграждало путь армии, не было похоже на реку: это было нечто серое, месиво из воды и снега, быстро текущее. Впереди слышен голос генерала Маркова: он кричит пленным, по пояс погруженным в текущую массу, торопя их найти мост, по которому они накануне шли в заставу. Рядом с головой колонны Офицерского полка стоит генерал Корнилов со штабом. Не колышется на древке Национальный флаг; он весь побелел от снега и мороза, сжался от стихии природы. Генерал Корнилов молча смотрит на неожиданное препятствие для армии, для Дела в походе за Россией.

Наконец мост найден. Он посреди разлившейся реки, ставшей шириной шагов в пятьдесят. Конный текинец по приказанию генерала Маркова благополучно переезжает через мост на другую сторону реки, и его не видно за пеленой снега. Генерал Марков быстро подходит к голове колонны своего полка и возбужденно говорит:

— Не подыхать же нам здесь в такую погоду! — и отдает приказание головной 1-й роте на крупах лошадей переезжать на ту сторону реки.

Один за другим офицеры с общей помощью взбираются на крупу, и лихие текинцы и черкесы, преодолевая упрямство своих коней, понуждают их войти в воду. Глубина доходит до брюха коней, на мосту — до колена, далее — снова до брюха. Несколько офицеров падают с коней; на мосту падает конь со своими всадниками. Для переправы пехоты мобилизованы все верховые. На том берегу офицеры скатываются с коней; спешившиеся помогают спуститься следующим. Переправа началась.

Когда головной (3-й) взвод весь был уже на том берегу, подъехал генерал Марков. Он отдает приказ командиру взвода:

— На станицу! Не стрелять — только колоть! Вперед! Быстро!

Взвод карабкается на крутой берег и не имеющей никакого подобия строя, вытянувшейся толпой идет к еще невидимой станице. Переходит низину, наполненную водой. До станицы, оказывается, было не менее двух верст. За головным взводом, получив то же приказание, идут остальные взводы 1-й роты.

Генерал Марков, оставив у переправы полковника Тимановского, вскочил на коня и поскакал к станице, обгоняя взводы и торопя их. Он догнал головной взвод, когда тот уже вошел в станицу, втянувшись

в улицу гуськом по обе ее стороны. Вправо и влево в домах сквозь ставни виден был свет.

Случайная встреча: из одного дома вышел красногвардеец и, не подозревая ничего, спросил проходившего офицера:

— Вы из Екатеринодара?

— С оттелева!

— Стало — пополнение?

— Пополнение! — коротко ответил ему совершенно обессиленный и промокший офицер. Но видимо, сообразив неладное, красный бросился на офицера, хотя и был без винтовки. Офицер, имея винтовку на ремне, не смог сразу снять ее: у него руки, пальцы одеревенели. Но... в этот момент сзади оказался генерал Марков верхом на лошади, который из своего мелкокалиберного револьвера прикончил нападавшего.

— Вперед! Вперед! — прокричал генерал Марков — и сам поскакал назад, повторяя подходившим частям одно: — Вперед!

Второй роте он приказывает: «По станице влево!» Третьей: «По станице — вправо!»

А между тем в станице, едва генерал Марков произвел свой выстрел, первый выстрел в этой атаке, и ускакал назад, из домов стали выбегать люди. Один кричал:

— Товарищи! Не разводите панику!

— А ты кто? — задает ему вопрос офицер.

— Я председатель военно-революционного комитета... — И он немедленно падает мертвым.

— Что вы наделали с нашим председателем? — кричит другой.

— А ты кто?

— Я — секретарь! — И труп секретаря упал на труп председателя.

Спереди и сзади от идущих офицеров выбегавшие из домов красногвардейцы не отдавали себе отчета в положении и падали под штыками добровольцев без единого выстрела с той и другой стороны.

Где-то влево раздались глухие орудийные выстрелы. У красных определенно поднята тревога. Они с оружием выбегают из домов, но где противник, они не знают. Выскочившие из одного дома наталкиваются на поручика Топоркова. Они поняли движение его и поворачивают обратно в дом. Поручик Топорков следует за ними и падает убитым выстрелом из винтовки. Подбежавшие офицеры ворвались в дом...

Бегущие по улице красные встречают штык прапорщика Зиновьева, по прозвищу Зиночка. Неудачный удар: враг ухватился за штык и дергает Зиночку из стороны в сторону. Мимо борющихся пробегают

другие красные, не оказывая своему помощи. Зиночка в отчаянии кричит:

— Да помогите же! — Офицеры выручили.

Три офицерские роты распространяются по станице веером. Прогресс — сильно замедлившееся. 3-я рота, распространяясь по улицам вправо, проходит район, где у красных не поднята тревога. У одного дома стоят в нерешительности три офицера.

— В чем дело? — спросил проходивший командир роты, полковник Кутепов.

Ему доложили, что в доме много красных. Полковник Кутепов немедленно входит в дом. За ним офицеры. Красные, человек 12—15, спокойно сидели за столом и пили чай из самовара. Полковник Кутепов, заслонив собой стоявшие у стены винтовки, громко спросил:

— Какого полка?

— Мы варнавинские, — был ответ, но тут же вдруг все разными движениями и выражениями лиц выявили неописуемый ужас: они увидели на полковнике Кутепове блестящие погоны...

— А мы — Офицерского!

— Кадеты! — воскликнул один.

— Выходи по одному! Выходи в чем есть! — властно сказал полковник Кутепов.

Без всякой заминки выходили ошеломленные красные. Когда вышел последний, полковник Кутепов, улыбаясь, сошел со своего места у винтовок, стряхнул со своей бороды снег, подошел к столу, налил себе кипятку и, выпив его, вышел.

По станице раздавались редкие выстрелы. Действовали главным образом штыки. Офицеры углубляются в станицу. Впереди видны силуэты. Их десятки. Вдруг группу офицеров человек в десять встречает ружейный огонь: первое организованное сопротивление противника. Падает убитым поручик Белокобыльский, двое ранено. Офицеры остановились и в свою очередь открыли огонь. Красные упорствуют. Но вот офицеры подтянули пулемет. Огонь! Очередь смела врага. Вперед! С ранеными задерживаются несколько офицеров: нельзя их оставить, так как по улице бегут люди — свои ли, красные ли? Подбегают трое. Доктор Ревякин! Ему сдают раненых, и освободившиеся офицеры идут вперед. На одной из улиц влево. На идущих офицеров налетает красная 4-орудийная батарея. Ей кричат:

— Стой!

В ответ последовали выстрелы. Результат: батарея остановлена, но весь ее человеческий состав уничтожен. Офицеры шли дальше...

* * *

Генерал Марков, после того момента, когда он на короткое время появился у головного взвода в станице, скакал обратно к переправе. В это время батарея красных, стоявшая значительно левее направления, по которому шли в станицу части Офицерского полка, открыла огонь. Ее снаряды рвались в районе переправы. Встретив 4-ю роту, генерал Марков направляет ее в пол-оборота влево, в направлении на стреляющую батарею, и посылает приказание 1-й батарее немедленно переправиться через реку, встать на позицию и открыть огонь по стреляющей батарее красных, а сам спешит к переправе. Там он встречает генерала Корнилова и докладывает о положении в станице, но через 2—3 минуты он уже мчится обратно.

В это время переправа частей была в полном разгаре, и не столько на крупах лошадей, сколько пешим образом. По пояс в воде шла и молоденькая сестра милосердия, лошадь которой остановилась, едва войдя в воду, и она не могла ее двинуть с места. Над своей головой сестра держала самое ценное для нее: сумку с перевязочными материалами.

4-я рота до батареи красных не дошла. Она уперлась в глубокий ров и остановилась, открыв ружейный огонь. Открыла огонь и пехота красных. Прошло какое-то время, когда за ротой встало на позицию одно орудие 1-й батареи. Другое орудие настолько вмерзло в землю, что все усилия лошадей и людей не смогли его сдвинуть с места. Вставшее же на позицию орудие открыло огонь. Первый выстрел, и... оно остановилось в положении полного отката, и никакими усилиями его нельзя было подать вперед: замерзло масло в компрессоре. Произведенный выстрел был единственным за весь бой. Но видимо, и он сделал свое дело, так как батарея красных прекратила свою стрельбу.

* * *

Генерал Марков снова в станице. Он в расположении 2-й роты. Слышится его короткое «Вперед!». Но сам он с ординарцами обгоняет группы людей роты. Вот он на станичной площади. Там мечутся красные... Он подскакивает к большому дому, из которого выбегают красные.

— Стой! — кричит он им.

На площади поднялась стрельба. Ее открыли подбежавшие чины 2-й роты. Красные в панике. Бегут обратно в дом.

— Выходи! — кричит генерал Марков, но те не выходят. — Пулеметы сюда!

Угроза подействовала...

Генерал Марков — сплошной порыв без малейшего перерыва. Он заражает своих, но своих с ним мало, а красных много. Он видит, что там, на дальнем краю площади, на улицах красные все же пытаются привести себя в порядок. Нужно возможно скорей собрать своих. И... он куда-то скачет.

* * *

4-я рота лежала перед оврагом. Все окончательно окоченели от холода. Противник молчит, а может быть, бежал. Ротмистр Дударев решает послать разведку в станицу. Идет полковник Биркин с несколькими людьми. Полковник Биркин хотя и рядовой роты, но бросающийся всем в глаза своими серебряными погонами на плечах. Он и ротмистр Дударев полны друг к другу глубокого уважения и доверия. Задача, которая дана полковнику, конечно, не ответственная, но... кто знает, что в станице и какие могут быть неожиданности?

«Деревня (полковник Биркин еще не знал названия селения, которое атакуется) оказалась не так далеко, как казалось, и я скоро дошел до угловой избы. Заперта. Увидел мерцание света сквозь ставни в доме через улицу. Подошел к двери, слышу голоса. Раскрыл осторожно дверь и сразу же узнал генерала Деникина. Он, в своей польской шубе и папахе, сидел за столом; вокруг стола сидели и другие, у одного блестели генеральские погоны. Сзади, снимая шинели, копошились кадеты 4-й роты и еще кто-то.

Я еще и слова промолвить не собрался, как вдруг дверь с треском распахнулась и на пороге появился генерал Марков с нагайкой в руке.

— Вы что тут делаете? — сразу набросился он на меня.

— Ротмистр Дударев послал меня узнать обстановку. Он с ротой лежит на берегу оврага, в лоб орудия. Я только что пришел, — поспешил я доложить генералу Маркову, зная его вспыльчивый и несдержанный характер.

— Обстановка такая, что немедленно собирайте всех, кого найдете по хатам, и чтобы через четверть часа были на площади. У меня нет ни одного человека в резерве. Живо! Собирайте моим именем и бегом ко мне: большевики опомнились и собираются атаковать. Живо! Скорей! — И, оглушительно щелкнув нагайкой по голенищу и не взглянув даже на генералов, выскочил на крыльцо.

— Всем выходить строиться! — закричал я и поспешил за генералом Марковым.

— Кто? — кричал он кому-то, столкнувшемуся с ним у крыльца.

— Пулеметчики Офицерского полка, — ответил испуганный поручик Полянский, начальник пулемета 4-й роты.

— Все к нему! — указал он Полянскому на меня. — И все бегом на площадь! — Вскочив на коня, генерал Марков поскакал по улице.

Маркова так боялись, что сразу все высыпали из теплой хаты и, ничего не спрашивая, побежали за мной на площадь. Улицы до площади были пусты, в домах не видно было света, и только у самой площади ярко светились окна одного дома. У дома стояло 2 человека.

— Кто идет? — окликнули меня, но, увидев мои погоны и белую повязку на папахе, замолчали.

— Тут генерал Марков? — спросил я.

— А на что вам генерал Марков? — подозрительно спросил офицер.

— Явиться к нему с ротой. — И я пошел к двери, но офицер последовал за мной. Я отрапортовал.

— Сколько?

— Около полуроты с пулеметом.

— Отлично! Займите крайний дом напротив.

— Слушаюсь!

В указанном мне большом доме никого не было, кроме тяжело раненного большевика. Тут, видимо, делали перевязки: весь пол и стол были завалены окровавленными бинтами, на столе стояли бутылки с какими-то лекарствами. Значит, все-таки какой-то бой был, но не здесь, а на другом конце этого большого села. Да и сейчас там слышна стрельба». (Из рукописи «Корниловский поход» полковника Биркина.)

* * *

Пробыв некоторое время на переправе, генерал Корнилов с группой верховых поехал в станицу. Группа ехала по пустынной улице. Лошади фыркали и шарахались в стороны от лежащих трупов, покрываемых падающим снегом. Впереди заметили двух человек.

— Какого полка? — спросили его.

— Офицерского.

— Где генерал Марков?

— Не знаем, — был ответ.

Группа остановилась у одного дома и вошла в него, но несколько верховых промчались в разных направлениях, все с тем же вопросом:

— Где генерал Марков?

Прошло некоторое время, когда вернулся один из них, и сейчас же все вышли из дома и поехали к станичному правлению. Здесь генерал Корнилов нашел генерала Маркова и здесь, как всегда, обосновал свой штаб.

* * *

Время — около полуночи. Порыв офицеров слабел. Есть предел как силам физическим, так и моральным. Пройдена и занята лишь незначительная часть станицы, но противник уже не оказывает никакого сопротивления. Невольная остановка перемешавшихся групп бойцов разных взводов и даже рот. Необычайно страдало тело от холода, от мокрой одежды и обуви... Тянуло к теплу, которое вот тут, рядом. Группы стали заходить в дома и были уже не в силах оставить их.

16 марта. Чуть начало светать, как разбросанные по северным кварталам станицы группы Офицерского полка, уже несколько отдохнувшие и согретьшиеся, были готовы ко всем неожиданностям. Первой их заботой было соединиться со своими ротами, тем более что снова стали раздаваться ружейные выстрелы и по станице забегали красные.

Полковник Кутепов встал после 3—4-часового отдыха и умывался, когда в дом вошел бравый солдат.

— Товарищи!.. Где 3-я рота? — был его вопрос.

Бывший с полковником Кутеповым офицер, сразу поняв, кто вошел, ответил:

— Здесь 3-я рота. Садись! — и взял винтовку у вошедшего.

— А тебе какую 3-ю роту нужно? Здесь — Офицерский полк.

Красного вывели из дома... Полковник Кутепов быстро оделся, принял свой нормальный вид, которым всюду и всегда поражал своих офицеров: аккуратно подтянутый, в вычищенных, чуть ли не блестящих сапогах, и вышел из дома.

Вскоре все роты полка были собраны своими командирами и разведены по указанным им районам квартирования. К полудню стрельба в станице прекратилась. Сообщили, что она окончательно очищена от красных. Офицерский полк сделал свое дело и теперь мог спокойно отдыхать.

Поразительные картины наблюдались в домах: печи натоплены докрасна. Жарко. Люди раздеты почти догола. Обмундированием, бельем облеплены печи. Стоят, лежат сапоги... Воздух насыщен густым испарением от сохнувших вещей. А бойцы? Они громко говорят о состоянии своей обуви, обмундирования, белья. Многие внимательно рассматривают свои набитые до крови ноги и как только возможно забинтовывают их. Принимаются за бритье и стрижку. А потом — разговоры о пережитом за минувшие ночь и день, и прежде всего о впервые в жизни испытанном явлении природы — норд-осте.

О походе и бое говорилось отрывисто, и все связывалось с двумя именами: генерала Корнилова и генерала Маркова, благодаря которым невозможное стало возможным. Генерал Марков представлялся как всесокрушающий «меч генерала Корнилова».

На переправе

Вслед за Офицерским полком, перебравшимся через густой поток полуснега-полуводы речки Черной, стали немедленно переправляться Корниловский и Партизанский полки. Но с переездом батарей и боевого обоза произошла заминка. Благодаря длительной остановке не только колеса орудий и подвод вмерзли в землю, но и лошади, окончательно промерзшие, уже не были в силах сдвинуть свой груз с места. Некоторые подводы остановились на мосту, попав колесами в разрушенный его настил. Было приказано чинить мост, набрасывать на подъездах к мосту всякий материал, чтобы легче было преодолеть образовавшуюся глубокую грязь.

За это дело, помимо Технической роты, взялись Юнкерский батальон и все, кто мог. Шла безнадежная, как казалось, но необходимая работа, требующая сверхсильного напряжения. Вскоре появились признаки возможности добиться цели. Погода стала спокойной. Стала спадать вода в реке.

А до этого, чтобы не замерзнуть окончательно, люди развели костры, огонь которых не мог быть невидим противнику ночью, даже сквозь пелену снега. Батарея красных открыла огонь по переправе, и один снаряд угодил прямо в костер, убив четверых и ранив 22 человека, столпившиеся вокруг него. К счастью, стрелявшие орудия скоро прекратили свой огонь.

Два-три дома, находившиеся у переправы, и все постройки при них были набиты ищущими тепла людьми. В один из домов вошел генерал Алексеев. Толпа потеснилась. Генералу вскоре доложили: Офицерский полк вошел в станицу.

Чтобы спасти лошадей, было приказано выпрячь их и отвести в станицу, а орудия и подводы оставить до утра, до того времени, когда будет приведен в порядок мост. Всю ночь шла напряженная работа. К утру вода в реке спала настолько, что открыла весь мост, что облегчило его починку. В станицу ушел Юнкерский батальон и расположился в домах на ближайшей окраине. Трудно представить, что перенесли за ночь юные добровольцы, в каком виде размещались они в теплых домах. Но сознание величия и важности дела, на которое

они пошли, побороло все. В тепле, согрешшись горячим кипятком, они ожили, и бодрыми голосами наполнились дома. Даже сон не скоро охватил их.

Из окон дома, занимаемого генералом Боровским, командиром Юнкерского батальона, была видна дорога от переправы в станицу. По ней тянулись группы людей, отдельные подводы. Из станицы на переправу артиллеристы вели волов, чтобы на них привезти свои орудия.

Генерал Боровский, наблюдавший эту картину, вдруг громко сказал бывшим с ним:

— Кажется, едет генерал Алексеев?!

И действительно все узнали знакомую коляску Вождя, которую едва тянула лошадь с помощью нескольких человек.

— Ну-ка! Скажите детям — пусть помогут генералу Алексееву, — сказал генерал Боровский.

Буквально в момент, натянув на себя все сырое, дети выбежали навстречу коляске, и десяток человек, сменяемый вновь прибывшими, впряглись в нее. Генерала Алексеева встретил генерал Боровский и ввел его в свой дом, куда следом набилась и молодежь. Дрожащий от холода, совершенно обессиленный, 60-летний вождь, улыбаясь, благодарил юнкеров.

— Идите отдохните! — говорил он.

Какая светлая радость охватила всех от этой неожиданной для них, ими оказанной помощи своему Вождю. Не долго пробыл генерал Алексеев у генерала Боровского: едва выпил он стакан горячего чая, как ему доложили, что квартира для него готова.

Эпилог боя

Утром генерал Марков собрал командиров рот своего полка, 1-й батареи и других начальников. Потери? Состояние частей? Офицерский полк потерял лишь 2 офицеров убитыми и до 10 ранеными, 2—3 человека — 1-я батарея. Ни он и никто не ожидал таких малых потерь. Сколько больных? Казалось, больные должны были бы быть, но и их почти не оказалось. Генерал Марков весел. Он в восторге от своих марковцев.

По имеющимся у него сведениям, красные имели в станице отряд в 3000 штыков со многими орудиями. Они решили оборонять станицу и вырыли с трех ее сторон окопы. Взять ее, имевшую, кроме того, в тактическом отношении отличное расположение, при иных услови-

ях, как в минувшем бою, было бы невозможно. Противник понес огромные потери убитыми — до 1000 человек. Захвачено 8 орудий, снаряды, госпиталь... Генерал Марков заявил, что победа имела бы несравненно больший результат, если бы кавалерия Кубанского отряда выполнила бы данное ей задание, а не повернула бы назад, испугавшись непогоды. Отдав распоряжения и поблагодарив начальников, генерал Марков отпустил их, а сам направился с докладом к генералу Корнилову.

Генерал Корнилов благодарил генерала Маркова за бой. Говорил о минувшем походе.

«Это был чисто суворовский переход!» — так оценил генерал Корнилов. «Никак нет! — возразил генерал Марков. — Это был корниловский переход».

В Офицерском полку переход и бой у станицы Ново-Дмитриевской называли «Марковскими», так как приписывали весь успех генералу Маркову.

На улице станицы генерал Марков встретил юную сестру милосердия Юнкерского батальона — Шуру. Видя обращенные на себя ее восторженные глаза, он остановился и поговорил с ней о походе, о том, как перенесла его она.

— Это был настоящий Ледяной поход! — заявила сестра.

— Да, да! Вы правы! — согласился генерал Марков.

Это название «Ледяной» точно определило его и, данное сестрой и утвержденное генералом Марковым, осталось не только для одного дня 15 марта, но и для всего Первого Кубанского похода.

* * *

Как всегда, во время остановок армии генерал Марков обязательно приходил к генералу Алексееву. Тут от него не требовался официальный доклад, но генерал Марков считал своим долгом, — влекомый чувством глубокого уважения к Вождю, положившему начало Добровольческой армии, и знающий, какую громадную моральную ответственность нес Вождь за нее, хотя и не руководил ею, — быть у него.

Генерал Алексеев сильно нездоров. Но вошел генерал Марков, и лицо старого вождя сразу же просияло. Появилась улыбка. О чем говорили они? Генерал Алексеев, которому, казалось, есть о чем спросить, ограничивался немногими вопросами касательно боя, состояния и настроения в частях. Его больше интересовало состояние самого генерала Маркова: он беспокоился о его здоровье, зная его не заменимое никем значение в армии. Вождь не задерживал его у себя.

— Сергей Леонидович! Идите к себе. Нам нужно отдохнуть. Идите с Богом! — провожал его, как отец своего любимого сына.

Но генералу Маркову нужно было зайти еще к генералу Деникину, генералу Богаевскому и еще кой к кому.

17 марта. Офицерский полк «завоевал» себе право на полный отдых, и он был дан ему. Есть у его чинов лишь мелкие заботы: стирка, починка, чистка... В обязательство каждому введена лишь чистка оружия, не исключая даже проверку начальством.

Но если 19—20-летние офицеры избегали по возможности чем-либо обременять свой отдых, то 17—18-летние кадеты, юнкера не могли усидеть дома. Они интересовались всем: и местом минувшего боя, и тем, что теперь происходит в занятой станице.

Получив разрешение, они рассыпались по станице и приносили много новостей. Видели стоявшие еще на позиции те два орудия красных, против которых была направлена 4-я рота; видели окопы на окраине станицы, залитые водой. Были на площади, где стоял штаб армии и где-то в углу ее несколько виселиц. Говорили, что захвачено было немало комиссаров. Они принесли сообщение о приходе из станицы Калужской «главных сил» армии — походного лазарета и обоза — и о приезде представителей от Кубанского отряда. Затем — менее интересное: с южной окраины станицы доносится стрельба.

* * *

В этот день у генерала Корнилова было совещание с Кубанским атаманом, полковником Филимоновым, командующим отрядом, генералом Покровским и членами Кубанского правительства.

Ни у кого из добровольцев не было сомнения в полном слиянии двух противобольшевистских армий. Однако оказалось, что оно не произошло гладко: члены правительства Кубанского края настаивали на сохранении самостоятельной Кубанской армии. Это совещание шло в то время, когда на южной окраине станицы разгорался бой с наступавшими красными и когда в районе штаба рвались неприятельские снаряды. Пришедший с наблюдательного пункта — колокольни — поручик Гернберг доложил генералу Корнилову о подходе красных к станице, указав направление их движения и их силы.

— Сергей Леонидович! — сказал генерал Корнилов генералу Маркову. — Распорядитесь!

Генерал Марков моментально выбежал из дома.

Это повлияло на представителей Кубанского края, и вскоре же был подписан протокол совещания:

«Ввиду прибытия Добр. армии в Куб. Область и осуществления ею тех же задач, которые поставлены Куб. Правит. отряду, для объединения всех сил и средств, признается необходимым переход Куб. Правит. отряда в полное подчинение генералу Корнилову, которому предоставляется право реорганизовать отряд, как это будет признано необходимым».

* * *

Наступающие красные частично ворвались в станицу, но на улицах они были смяты и в полном беспорядке, уже под покровом ночи, бежали в свое исходное положение. Офицерскому полку была подана команда: «В ружье!» — и одна из рот уже выступила, но принять участие в бою ей не пришлось. Участвовала в нем лишь 1-я батарея. Эта тревога показала, насколько трагичен был вопрос с обувью после «Ледяного похода»: высушенная, она настолько сохла, что стоило больших усилий ее надеть; иным пришлось ее даже разрезать.

18 марта. Красные снова наступали с трех сторон, от станиц Григорьевской, Смоленской и Георгие-Афипской, и снова были отбиты. В этом бою принимал участие Юнкерский батальон. Офицерский полк был в готовности выступить, но его участие не потребовалось.

19—20 марта красные уже больше не тревожили. Офицерский полк, Юнкерский батальон и Техническая рота стояли в резерве и несли лишь внутренние наряды и незначительное охранение.

Погода улучшалась с каждым днем: заморозки по ночам и теплая, весенняя погода днем. Было очевидно — зима окончилась, и это радовало. Все имели полную возможность навестить своих друзей в других частях и своих раненых, находящихся в полевом госпитале. От последних узнали об отчаянной трагедии, пережитой за время похода, и особенно в день 15 марта, день «Ледяного похода», из аула Шенджий в станицу Калужскую, и затем 17 марта, когда их везли из Калужской в Ново-Дмитриевскую. Пришлось трястись по непролазной грязи, испытывать боли после каждой минутной остановки от рывков уставших лошадей. Многие раненые умерли от заражения крови. В походе не могло быть хирургического вмешательства, не хватало медицинских средств, даже просто бинтов для перевязок. Полная жертвенность сестер милосердия, давно разорвавших на бинты запас своего белья и все, что доставалось ими у казачек, быстро иссякало. О сестрах милосердия все говорили с необычным

восторгом и с глубокой благодарностью. Немало раненых в походе покончили с жизнью самоубийством. На всем пути походного лазарета оставались безымянные могилы.

В Ново-Дмитриевской раненые в первый раз были размещены по домам в сравнительно хороших условиях и нетревожимые пробыли в них 5 суток. Но и тут смерть не оставляла их. С радостью встречали пришедших их навестить. Задавали вопросы. У них начинали блестеть глаза, когда они слушали рассказы о генерале Маркове, о своих. Умирал кадет 5-го класса, Тихонов Алеша. К нему подошел офицер, его воспитатель в корпусе, и, положив руку на голову страдальца, говорил ему слова утешения, сам едва сдерживаясь от рыданий. Юноша-кадет, взяв руку своего офицера и держа в своей, уже холодеющей руке, слабым голосом сказал:

— Я знаю, что скоро умру! Но смерть за Веру, за Россию можно с радостью принять...

* * *

Томительно и нудно проходили дни полного отдыха и спокойствия. Добровольцы привыкли к сильным ощущениям и переживаниям. Обо всем уже переговорили, даже на тему «Куда теперь пойдём?». Ответ был один и желательный для всех: на Екатеринодар!

Соображения были разные. Считалось, что теперь, когда силы армии увеличились вдвое, взять Екатеринодар возможно, а с его взятием поднимется против большевиков вся Кубань. Было и чувство естественной тяги к большому городу. Мечтанию об Екатеринодаре способствовало, кроме того, одно существенное обстоятельство: добровольцам было выдано жалованье — по 250 рублей каждому.

Однако когда-то «будет Екатеринодар», а пока, и это было очень удобно, так как жалованье выдано монетами в 15—20 копеек, можно развлечься игрой в «железку». За столом стояло оживление. Лежали кучки монет...

Вдруг открывается дверь и входит генерал Марков. Все смущенно вскакивают. Ни слова не говоря, окинув всех игроков глазами, генерал Марков подходит к столу, сгребает в одну кучу лежащие на нем серебряные монеты и... приказывает одному из офицеров отнести эту «военную добычу» генералу Алексееву, пояснив:

— Так как вы не нашли для денег лучшего применения.

Нравоучений не было никаких, и, не сказав больше ни слова, генерал Марков вышел. То же повторилось и еще в нескольких домах. Но там, где генерал Марков не заставал игру, он задерживался на

несколько минут в беседе с добровольцами, заражая их бодростью и уверенностью в будущих делах армии.

— Конечно, будет нелегко, — говорил он, — но ведь мы показали, что для нас нет препятствий. Мы пойдем туда, куда нас поведет генерал Корнилов.

«Налет» генерала Маркова снова дал темы для разговоров, и главным образом о нем самом. У всех один восторг им, даже у любителей карточной игры. Правда, у последних не могло отвязаться чувство досады, что им не удалось поговорить с их Генералом.

На Екатеринодар

С приходом Кубанского отряда в станицу Ново-Дмитриевскую Добровольческая армия была сведена в следующий состав:

1-я пехотная бригада — генерал Марков; начальник штаба полковник Тимановский.

Офицерский полк.

Кубанский строевой полк — из Кубанского отряда.

1-я Инженерная рота, переименованная из Технической.

1-я отдельная батарея, 4 орудия, из сведенных 1-й и 4-й батарей.

2-я пехотная бригада — генерал Богаевский.

Корниловский ударный полк.

Партизанский полк.

Пластунский батальон — из Кубанского отряда.

2-я Инженерная рота из Кубанского отряда.

2-я отдельная батарея — 4 орудия.

Конная бригада — генерал Эрдели.

Конный полк, сведенный из конных дивизионов Добровольческой армии.

Кубанский конный дивизион — из Кубанского отряда.

Черкесский конный полк — из Кубанского отряда.

Конная батарея — 2 орудия из Кубанского отряда.

Отдельной частью при армии был Чехословацкий батальон.

Общая боевая численность армии достигала до 6000 бойцов. Значительно вырос и обоз армии; в одном походном лазарете было до 700 раненых.

В Офицерский полк был влит двумя ротами, 5-й и 6-й, имевший к этому времени едва 200 штыков Юнкерский батальон. Полк стал 2-батальонного состава, и численность его снова дошла до 800 штыков при 12 пулеметах. Полк принял генерал Боровский; его помощ-

ником стал полковник Кутепов. Командиры батальонов: полковник Дорошевич¹⁶⁹ и полковник Назимов¹⁷⁰. Адъютант Юнкерского батальона, поручик Дончиков¹⁷¹, стал первым за поход адъютантом полка. Образовался штаб полка с десятков чинов. Генерал Марков недовольно ворчал: «Нужно хорошо воевать, а не разводить хорошо канцелярщину».

Штаб своей бригады генерал Марков составил по своему образу: кроме него и полковника Тимановского, в штабе было еще 3 офицера связи и при нем команда конных черкесов. Командиром 1-й батареи генерал Марков назначил подполковника Миончинского.

* * *

Вся обстановка говорила за то, что в ближайшие дни предстоят жаркие бои, будет ли наступать армия на Екатеринодар или не будет.

23 марта. Утром в Офицерском полку узнали о выступлении 2-й бригады, а к вечеру — и о том, что ею заняты станицы Григорьевская и Смоленская, обе в южном направлении, то есть обратном Екатеринодарскому. Вечером же полк получил приказание быть готовым к выступлению во второй половине ночи, но куда он тронется, сказано не было.

Бой у станицы Георгие-Афипской

24 марта. 1-я бригада была поднята ночью и в 3 часа уже шла на сборный пункт, на западной окраине станицы. Офицерскому полку пришлось довольно долго стоять в ожидании чего-то. В это время генерал Марков был у Кубанского строевого полка, который видел в полном составе в первый раз. Полк имел до 1000 штыков на половину офицерского состава и 4 пулемета. Генерал Марков представился полку и объяснил задачу, данную бригаде: взять станицу Георгие-Афипскую с помощью 2-й бригады, атакующей левее, и в конце добавил:

— Да не бойтесь пули. Если суждено, то она найдет вас везде, а не судьба, так и в жарком бою уцелеете. Я никогда не берегся пули, и вот, видите, цел!

Достаточно было нескольких минут, чтобы кубанцы прониклись полным доверием к генералу и чтобы он мог смело говорить — «мои кубанцы». Подъехав затем к Офицерскому полку, уже знавшему задачу, генерал Марков приказал ему выступить в голове колонны бригады. За полком пошла батарея; затем Кубанский полк, боевой обоз

и Инженерная рота. Дорога была тяжелая: густая грязь, вода в низинах, слабые мостики... Колонна стала растягиваться.

Быстро светало. До станции оставалось еще до 2 верст, но уже виднелись станционные постройки, стоящие на путях вагоны, и можно было различить красный бронепоезд. Молчание. Колонна бригады стала разворачиваться: Офицерский полк взял направление правее станции, оставив 5-ю и 6-ю роты в резерве; левее его, фронтом на станцию, Кубанский строевой. Местность равнинная, покрытая мелким кустарником, но не дающим укрытия. Поражало продолжавшееся молчание противника и его бронепоезда, а затем и другого, появившегося из-за зданий.

В это время к левой из ротных колонн полка подъехал генерал Корнилов во главе своего штаба, с распущенным трехцветным флагом и группой текинцев, и обратился с какими-то указаниями к генералу Маркову. Прошло несколько минут. Полк был от противника в версте с небольшим. Вдруг сильнейший пулеметный огонь с бронепоездов обрушился на полк. Полк немедленно рассыпался в цепь и укрылся за небольшим валом — дамбой, тянувшейся немного впереди. Первые потери. Ранен в ногу начальник штаба армии, генерал Романовский; несколько текинцев упало с лошадей. Генерал Корнилов и штаб спешили и легли за валом. Неподалеку от цепи стала батарея, но огня не открывала. Правофланговой 4-й роте было приказано выдвинуться вперед с целью перерезать железную дорогу на Екатеринодар и охватить противника с его левого фланга. Рота под выдержанным и метким огнем стала продвигаться вперед по кустарнику, но обнаружила перед собой сплошной фронт противника. К этому она увидела подходивший со стороны Екатеринодара поезд небольшого состава, набитый солдатами. Рота остановилась. Красные прекратили стрельбу.

Но вот — приказание: «Вперед!» Всего лишь верста отделяла противников, но ясно видимые цепи полка были снова встречены молчанием со стороны красных. Их бронепоезда застыли на двух крайних точках. Окопов красных и какого-либо движения у них обнаружено не бы. Плохая примета! Значит, противник уверен в себе и готовит жаркую встречу.

Не долго продолжалось это тягостное безмолвие: над цепью пронесли первые снаряды батареи полковника Миончинского; она открыла огонь по бригадам, и настолько точно, что они стали ползать по полотну железной дороги. Этими несколькими выстрелами, собственно, и начался бой, так как в ответ разразились огнем позиции красной пехоты, артиллерии и бронепоездов. Огонь, открытый крас-

ными, по силе своей превышал силу любого предыдущего боя. Ружейный, пулеметный и одновременно орудейный своими низкими и точными разрывами шрапнелей буквально придавливал к земле идущие цепи. Цепи залегли. Красные шрапнели заменили гранаты. Около 600 шагов всего лишь было до врага, цепи которого были замечены несколько впереди железнодорожной насыпи. Офицеры открыли ружейный огонь. Но как он был слаб по сравнению с огнем противника! По цепи приказание: «Перебежки по одному! Вперед!» Уже расстояние сократилось почти наполовину, но красные не проявляли никакой нервности, и огонь их все усиливался. К счастью, артиллерийские снаряды их рвались несколько позади цепи. Зловещие стальные крепости красных маневрировали по линии и стреляли всей мощностью своих орудий и пулеметов, не обращая внимания на рвущиеся вокруг них снаряды. Двигаться вперед, прямо на бронепоезда, офицерская цепь не смогла: она остановилась, не зная и не видя, что перед самыми позициями красных протекала речка Шелш, через которую был переброшен лишь один мостик: препятствие, которое, видимо, и давало такую силу сопротивления красным. Уже Офицерским полком понесены большие потери. Раненые отползали назад, ища укрытия от огня за дамбой, откуда они начали наступление.

Было ровно 16 часов. Положение — отчаянное. Казалось, перейди красные в наступление своей подавляющей массой и при поддержке огня своих бронепоездов, не удержаться цепям и не помогли бы им 5-я и 6-я роты, высланные на правый фланг полка, чтобы все же охватить фланг противника. Генерал Корнилов продолжал оставаться на дамбе и наблюдать за боем. Он — в сильно возбужденно-недовольном состоянии. Наконец он раздраженно сказал генералу Маркову:

— Сергей Леонидович! Я просил вас о ночном налете, а вы закатали мне дневной бой!

Это был упрек, более того — выговор. Генерал Корнилов больше не остался здесь, а уехал на левый фланг, туда, где наступала 2-я бригада.

В создавшемся положении на участке всей 1-й бригады генерал Марков видел лишь одну возможность успеха атаки — это в подавлении огня красных бронепоездов. Он приказывает полковнику Миончинскому отогнать красный бронепоезд, стоящий у станции, при этом напоминает: бить по поезду, а не по зданиям, где в одном из них находится склад снарядов. Первый же снаряд батареи лег на насыпи под вагоном бронепоезда; второй попадает в здание, и... следует сильный взрыв. Видя, что снаряд полковника Миончинского попал в склад, генерал Марков громко воскликнул:

— Эх! Куда же ты стрелял?! Я же предупреждал...

Этот невольный взрыв столь нужных для армии снарядов, однако, имел то немедленное следствие, что красные, сидевшие до сего времени крепко и уверенно на своих позициях, вдруг вскочили и бросились бежать через железнодорожную насыпь. Бронепоезд немедленно дал ход в сторону Екатеринодара, вслед за ранее ушедшим и не вернувшимся назад, потому что там к железной дороге подходили 5-я и 6-я роты. Мгновенно, с криком «Ура!», рванулись вперед цепи 1-й бригады. Цепь Офицерского полка, поднявшись на железнодорожное полотно правее станции, увидела далеко убежавшего противника. Далеко влево неслось «Ура!» 2-й бригады, которая обходила станицу Георгие-Афипскую с запада. Последний взрыв пулевого и ружейного огня был верстах в 2 от станции в сторону Екатеринодара: отходящий второй бронепоезд красных, оказавшийся вооруженным лишь многочисленными пулеметами, обслуживаемыми матросами, попал под огонь 5-й роты с дистанции 200—300 шагов. Вдруг паровоз окутался густым облаком пара, и — поезд вскоре остановился. Грянуло юнкерское «Ура!», быстрая атака, захват поезда и уничтожение задержавшихся на нем матросов...

Бой кончился. Наступала ночь. В станицу Георгие-Афипскую одновременно вступали 1-я и 2-я бригады и сейчас же обозы. Вся станица оказалась занятой пришедшей армией. Во многие дома свозили раненых, перевязывали их. Здесь полнота власти была у сестер милосердия; они задерживали в своем распоряжении проходивших здоровых, поручая им то принести воды, вскипятить чайник, рвать простыни, рубахи на бинты... Не хватало йода.

В этом бою потери в Офицерском полку были большие: до полтора человека. Станцию и станицу оборонял отряд красных силою до 5000 человек. Среди захваченных трофеев особенную ценность имели около 700 снарядов, которые находились в соседнем со взорванным зданием.

* * *

Наступила ночь. После 2-часовой передышки генерал Марков, взяв батальон кубанцев и роту Офицерского полка, повел их вдоль железной дороги на Екатеринодар. Где-то офицерская рота отделилась от кубанцев и пошла самостоятельно влево. Ей была дана задача дойти до реки Кубани и там остановиться.

25 марта. С утра конная и 2-я бригады выступили в северо-западном направлении, а за ними вытянулись и «главные силы». На ночь 2-я бригада остановилась в ауле Панахес, а конная продолжала движе-

ние к Елизаветинской паромной переправе через реку Кубань в 10 верстах западнее Екатеринодара. Ночью переправа была ею захвачена.

1-я бригада осталась в аррьергарде армии в станице Георгие-Афипской, имея заслоны в сторону Екатеринодара и Новороссийска. Днем части Кубанского строевого полка вели бой у станции Эйнем, однако не переходя в наступление. Красные усиливали свой отряд подвозом резервов из Екатеринодара.

26 марта. Утром бригада оставила станицу Георгие-Афипскую и к вечеру пришла в аул Панахес. Только теперь все узнали, что у станицы Елизаветинской захвачена переправа через реку Кубань, захвачена сама станица и идет переброска на тот берег конной и 2-й бригад. Для всех стало ясно, что армия атакует Екатеринодар, и все были поражены, как легко и просто генералу Корнилову удалось форсировать реку Кубань.

Ничего этого не знали в офицерской роте, стоявшей на берегу реки в нескольких верстах от железнодорожного моста. Нетерпеливо ожидалось разворачивание событий к атаке города. Но вот уже ночь, а рота продолжает стоять в бездействии и в одиночестве. Офицеры невольно нервничают; спокоен, кажется, один лишь ее командир.

Вдруг все узнают, что приехал генерал Марков. Однако рота никуда не идет, и никаких изменений ее расположения не следует. Значит, все благополучно. Успокоились. Неожиданно с постов сообщили, что впереди слышен шум движения колонны. Все приготовились к бою. Однако генерал Марков сейчас же выскочил вперед навстречу шуму. Оказалось, подошел батальон кубанцев. Генерал Марков взбежился:

— Почему вы здесь? Я же приказал вам оставаться на месте!

Ответ не замедлил: ночь, одни в степи, никакой связи; мы думали, что «нас бросили».

— Что? — заорал генерал Марков. — Вы видели, что я бросил кого-нибудь? А не хотите — ну вас к черту! Получайте расчет! — И, широко расставив ноги, он запустил руку в боковой карман своей неизменной куртки и вытащил оттуда бумажник. Кубанцы загосили. Генерал Марков спрятал свой бумажник и приказал возвращаться на свое место и сам исчез с ними в темноте. Жест генерала был замечательный, всех развеселивший.

* * *

Переправа через реку Кубань при наличии двух паромов и 1—2 десятков лодок, при полном напряжении сил и использовании времени, для армии неизбежно должна была затянуться на трое суток. Ведь пе-

реперавить нужно было около 600 подвод, орудий и зарядных ящиков; до 4000 лошадей и свыше 9000 человек. Срок большой и достаточный для противника, чтобы сосредоточить свои войска и ударить ими по переправившейся части Добровольческой армии или ожидающей переправу. Генерал Корнилов рисковал. Но красные, не зная подлинных намерений своего противника, продолжали держать лучшие свои части у моста, сосредоточивая остальные на западной окраине Екатеринодара.

Между тем в дни переправы, как никогда, Добровольческая армия была в чрезвычайно опасном положении: ее силы были разъединены рекой. На второй день на северном берегу реки были 2-я и конная бригады; на южном еще оставалась 1-я. Армия вынуждена не предпринимать серьезных активных действий и тем более атаковать Екатеринодар.

Бои у города Екатеринодара

27 марта. В станице Елизаветинской собирается 2-я бригада. Конные части веером вокруг нее ведут наблюдение за противником. Чехословацкий батальон выдвигается для обеспечения станицы с запада. Переправляется Пластунский батальон. Во 2-й половине дня, когда красные выиграли еще 6—8 часов, они перешли в наступление на станицу, но были отброшены и отошли к белой ферме Кубанского Экономического общества, на половине пути до Екатеринодара.

В 1-й бригаде спокойно. Она полукольцом, проходящим через аул Панахес, прикрывала переправу. Огромным табором на берегу реки стоял обоз. На паром одновременно могло быть доставлено 4 подводы. Раненые ждали своей очереди. Но в обозе с беженцами нервничали, стремились попасть на паром вне очереди.

У переправы генерал Марков. Его резкий, громкий голос непрерывно обрушивался то на одних, то на других, нарушающих порядок. Несколько «нетерпеливых» подвод отведены в сторону за кусты: будут переправляться последними.

28 марта. 2-я бригада перешла в наступление. Красные, видя свое численное превосходство над нападающими, упорно отбивались. Ферма переходила из рук в руки. Наконец враг стал отходить к городу. На помощь бригаде подошел батальон Кубанского строевого полка. Было взято предместье города, кожевенный и кирпичный заводы, но перед казармами наступление, уже в сумерках, остановилось под сильным огнем противника, занимавшего отличную позицию. Левый фланг

бригады оказался загнутым назад, так как встретил сильное сопротивление из садов и с линии Черноморской железной дороги, на которой курсировали бронепоезда противника. Бригада понесла большие потери; был ранен в плечо, но остался в строю командир Партизанского полка генерал Казанович; ранены: командир Пластунского батальона полковник Улагай, затем и заместивший его полковник Писарев.

* * *

В 1-й бригаде по-прежнему спокойно, но волнение у «марковских» добровольцев огромное: с утра они слышат все удаляющийся к городу шум боя. Они переживают большую досаду, что им не придется принять участие во взятии города. Не вытерпев, излили свою досаду генералу Маркову:

— Ваше Превосходительство! Что же это? Всюду посылали в первую очередь, а как Екатеринодар брать — сиди в арьергарде!

Генерал Марков утешал:

— Без нас города, пожалуй, не возьмут.

Однако и сам переживал то же, что и все, и, как он сказал, послал в штаб армии записку о досаде, что его бригаде придется попасть в город к «шапочному разбору».

1-я батарея пригласила генерала Маркова к себе «на мамалыгу». (В этом районе аулов хлеба не было.) Гость пришел с краюхой хлеба, полученной им из Елизаветинской, которым и поделился. Разговор шел все о том же — о пассивном участии бригады. Генерал Марков утешал, но сам, прислушиваясь к звукам боя, не мог сдерживать спокойствия и пускал коротко: «Черт знает что...»

Во второй половине дня на тот берег был переправлен взвод 1-й батареи. С наступлением ночи переправлялись последние повозки обоза и, наконец, последним — Офицерский полк.

29 марта. Едва рассвело, весь Офицерский полк был на правом берегу Кубани и немедленно двинулся в сторону города Екатеринодара. За ним Инженерная рота и батарея. В станицу зайти не пришлось. Полк вышел на большую дорогу, затем свернул с нее вправо и проходил ряд небольших ферм, окруженных садами. День был светлый; идти было легко. Генерал Марков уехал вперед, в штаб генерала Корнилова. Там он выразил свое негодование генералу Романовскому:

— Черт знает что! Раздергали мой Кубанский полк, а меня вместо инвалидной команды к обозу пришили. Пустили бы сразу со всей бригадой, я бы уже давно был бы в Екатеринодаре!

Впереди шел бой. О силе шедшего боя офицеры судили по глухому шуму, напоминавшему шум сильного ветра. У одной из ферм полк встретил генерал Корнилов со своим штабом; тут же был и генерал Марков.

У белой фермы — остановка; приказание подкрепиться «чем Бог послал», осмотреть свое оружие; если нужно — заменить, выбрав лучшее среди массы брошенного красными, и — обязательно взять штычки. Через час колонна двинулась дальше, оставив на берегу Кубани взвод Инженерной роты, на случай появления неприятельских вооруженных лодок.

От фермы полк и Инженерная рота тронулись вдоль реки к видневшимся впереди кирпичному и кожевенному заводам. По дороге колонна попала под артиллерийский огонь. Приняв рассредоточенный порядок, она продолжала движение без остановок. У кирпичного завода обстрел усилился, и к артиллерийскому присоединился обстрел с реки Кубани, с речной флотилии, вооруженной скорострельными пушками Гочкиса. Однако потерь в колонне почти не было.

Пройдя завод, полк четырьмя ротами пошел на смену выдохшимся в бою батальонам Кубанского строевого полка и Пластунскому, занимавшим участок от реки Кубани до большой дороги из станции Елизаветинской в город Екатеринодар, протяжением свыше 2 верст. Смена происходила под сильным артиллерийским и ружейным огнем на восточной окраине предместья, горевшего в нескольких местах. Позиция противника проходила всего лишь шагах в 600 за голым полем, с протекавшим ручьем, по краю огородов, а левее — по валику, окружавшему казармы, и была отличной во всех отношениях.

В резерве полка были поставлены — за правым флангом — 6-я рота, за левым — 4-я. Инженерная рота стала у самой реки. Кроме того, в резерве находился и смененный батальон Кубанского строевого полка. Влево, уступом сзади, стояли части 2-й бригады. Таким образом, участок генерала Маркова занимал выдвинутое положение и был под обстрелом слева.

Атака

1-й и 2-й бригадам приказано в 17 часов атаковать противника и занять город. Конной бригаде обойти город с севера и востока. До атаки было еще около двух часов, воспользовавшись которыми генерал Марков обошел все роты, стоявшие на передовом фасе. Задача:

занять казармы, для атаки которых направлялись 1-я и 2-я роты, и на левом их фланге 5-я.

— Главное — возможно быстрее к валу, — говорит он. 5-й роте он сказал: — Сейчас будем брать артиллерийские казармы. Вы атакуете их в лоб, без задержек, без перебежек. Берегите патроны. Вашу атаку поддержат кубанцы.

Атаке будет предшествовать артиллерийская подготовка взвода 1-й батареи. Условлено о... 7 выстрелах Роты нацелились. Генерал Марков возле 5-й роты. Он смотрит на часы, смотрит влево, в сторону 2-й бригады. Наконец артиллерийский взвод открыл «беглый» огонь.

— Ну, видно, без нас дело не обойдется, — сказал генерал Марков бывшим с ним и, подбежав к 5-й роте, громко прокричал: — С Богом! Вперед!

— Вперед! Ура! — скомандовал полковник Зотов.

За 5-й ротой поднялись другие..

Красные в первый момент даже прекратили ту редкую стрельбу, которую вели, но, когда роты пробежали половину расстояния, опомнились и открыли убийственный огонь. В этом огне захлебнулась атака 5-й роты. Она залегла. Но из поселка бежала вперед цепь кубанцев, а впереди нее генерал Марков, размахивая своей папахой. Подбежав к цепи 5-й роты, он закричал ей:

— Вперед! Еще немного — и казармы наши! Ура!

Минута, другая, и рота на валу, с которого красные толпами бежали к казармам, вливаясь в улицы между зданиями. По ним открыли огонь. У одного из оставленных красными пулеметов оказался неснятым замок, и прапорщик Гольдшмидт стал поливать бегущих пулеметным огнем. Но на третьей очереди — задержка. Рота, а с ней и другие завязали схватку с врагом среди зданий, в которых он пытался задержаться. Ручными гранатами, взятыми на валу, прекращали это сопротивление.

5-я рота вышла на окраину казарм, обращенную к городу, до которого оставалось шагов 400. Она увидела два стреляющих орудия красных. Капитан Чупихин, командир взвода роты, с группой, бросился к ним, но, попав под огонь с флангов, отошел. Казармы были взяты, однако противник, находящийся вправо от них, в огородах, с их живыми изгородями, продолжал оказывать упорное сопротивление. Дальнейшее продвижение Офицерского полка было приостановлено еще и в силу того, что наступление слева 2-й бригады задержалось. Посланные туда один за другим два офицера 5-й роты были убиты. Третьему, прапорщику Гольдшмидту, посчастливилось добраться до командира 2-й бригады, генерала Казановича.

«Между тем прибыл ординарец генерала Маркова и доложил, что им только что взяты артиллерийские казармы и что генерал просит нас продолжать наступление в связи с его бригадой, которая готовится проникнуть в город. Неженцев послал приказание своей цепи наступать. Цепь поднялась, но сейчас же снова залегла, будучи не в силах подняться из оврага, по дну которого протекал ручей. Тогда Неженцев сам пошел поднимать цепи и скрылся в овраге». (Из записок генерала Казановича.) Сам же генерал Казанович, взяв свой резервный батальон, перешел в наступление левее большой дороги и вышел почти на линию Офицерского полка. Наступала ночь.

Далее в своих записках генерал Казанович пишет: «Ко мне подошел полковник Кутепов, командовавший левым участком генерала Маркова, состоявшим из перемешавшихся во время атаки людей Офицерского и Кубанского строевого полков. Я спросил, где генерал Марков, и получил ответ, что он пошел к своему правому флангу, на участок генерала Боровского. Сказав полковнику Кутепову, что я сейчас атакую окраину города и проникну в глубь его по ближайшей улице, я просил атаковать вслед за мной и правее меня; эту просьбу я просил передать генералу Боровскому и их общему начальнику — генералу Маркову. Полковник Кутепов обещал атаковать, как только я ворвусь в город».

Но атака Офицерского полка не состоялась, так как, судя по запискам генерала Казановича, «ему (полковнику Кутепову) не удалось двинуть вперед смешанных людей разных полков, бывших на его участке», а генерал Марков — «ничего не знал о моем предприятии и услышал о нем впервые, когда по его телефону передавалось мое донесение в штаб армии».

Записки участников боя для этого момента говорят иное: левофланговые роты полка были готовы к продолжению наступления и недоумевали, не получая приказаний и тем более потому, что стрельба со стороны города совершенно прекратилась. А между тем как раз в это время генерал Казанович проник в город до Сенной площади, не встретив никакого сопротивления, и отступил назад, так как не мог установить связь с Офицерским полком, продолжавшим стоять на месте. Генералу Казановичу на обратном пути пришлось пробиваться через линию красных, занявших западную окраину города со стороны Черноморского вокзала, куда левофланговым частям 2-й бригады продвинуться не удалось.

Казалось, успешное предприятие группы с генералом Казановичем могло бы иметь большие положительные результаты в атаке города, если бы его поддержал Офицерский полк. Но генерал Марков ничего

о нем не знал. Он решил возобновить атаку утром. Сильная стрельба, поднявшаяся, когда из города пробивался отряд генерала Казановича, застал его уже отдавшим все нужные распоряжения и отдыхавшим.

— Черт возьми! Отдохнуть не дадут, — проворчал он, выбегая из дома с плеткой, в папахе, без пояса.

Но стрельба скоро стихла. Атака артиллерийских казарм Офицерскому полку стоила огромных потерь — до 200 человек, но настроение в нем оставалось высоким и уверенным в успехе следующей атаки.

30 марта. Генерал Марков, узнав о налете генерала Казановича в город, предложил ему повторить атаку общими силами на рассвете. Но генерал Казанович отклонил это предложение: в его бригаде, в обоих полках осталось едва по 300 штыков. Убиты были командир Корниловского полка, полковник Неженцев, и его заместитель. Полковник Кутепов получил приказание принять Корниловский полк.

К утру вся западная окраина города уже была занята красными. Они массой засели в огородах. В казармах части Офицерского полка находились в выдвинутом вперед положении и всего лишь шагах в 400 от окраины города. Влево, через дорогу, уступом назад, стояли части Партизанского полка. В полдень их сменила 4-я рота Офицерского полка. Смена происходила под обстрелом. Позиция 4-й роты оказалась имеющей вид прямого угла с фасадами на город, то есть на восток, и на Черноморский вокзал — на север. Оба ее фаса обстреливались фланговым огнем. Спасали роту глубокие окопчики, вырытые партизанами.

Вся площадь казарм обстреливалась ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем. Мало скрывал от обстрела валик у казарм, отделявший их от города. Красные вели огонь из окон городских зданий. Шагах в 2000 от казарм, среди огородов, стоял взвод красной артиллерии, безнаказанно обстреливающий казармы. Добровольцы экономии снаряды и патроны. Ответная стрельба велась любителями: прапорщик Дитман вытащил матрац и, лежа на нем, редко и прицельно стрелял. Пули противника рвали матрац, но стрелок не уходил, пока ему не приказал командир роты.

Полк нес потери. Один снаряд попал в пулеметный окоп и вывел из строя всю его прислугу. Измаилу, кавказцу, осколком снаряда перебило руку. Сестра милосердия Шурочка, как все ее называли, немедленно произвела операцию: перочинным ножиком она перерезала сухожилия, на которых еще держалась рука, и перевязала раненого. Все поражались ее самообладанию и хладнокровию. Все поражались и огромному самообладанию Измаила. «Хорош была рука, и нет больше рука. Но есть еще одна», — говорил он, утешая себя примером

поручика Федорова Павла¹⁷², без правой руки управлявшегося с карабином при помощи другой руки и зубов.

У красных замечались приготовления к атаке, но всякий раз они погашались пулеметным и ружейным огнем. Но одна атака все же состоялась, и они сбили 5-ю роту. Генерал Марков подбежал к роте и контратакой восстановил положение.

Возникла новая неприятность: красные выдвинули свои части вдоль южного берега реки Кубани так, что теперь могли обстреливать позиции полка не только во фланг, но и в тыл, и, главное, единственная дорога в тыл, более или менее скрытая от наблюдения со стороны Екатеринодара, стала находиться под обстрелом.

* * *

После полудня генерал Марков был вызван в штаб армии на совещание, на котором обстановка, сложившаяся для армии, представилась следующей: силы противника во много раз превышают силы Добровольческой армии и непрерывно продолжают увеличиваться. У противника не менее чем в два раза больше орудий и 2 бронепоезда. У него неистощимый запас патронов и снарядов. Потери, понесенные армией, восполнить нечем. Мобилизация казаков, давшая несколько сот человек, свелась к нулю: казаки стали оставлять ряды армии. Замечено и явление: утечка добровольцев. В боевом составе армии осталось: в 1-й бригаде около 1200 человек, во 2-й — около 600. Конная бригада хотя и сохранилась, но она не может оказать существенной помощи: ее обход Екатеринодара никакой видимой помощи армии не дал. Число же раненых в походном лазарете перевалило 1500 человек. Помимо всего — здоровый, находящийся в строю состав армии утомлен физически и морально. И как бы в подтверждение усталости, генерал Марков невольно заснул, но, разбуженный, извинился перед генералом Корниловым:

— Виноват, Ваше Высокопревосходительство! Двое суток не ложился.

Генерал Корнилов высказал свое мнение и решение:

— Положение действительно тяжелое, и я не вижу выхода, как взятие Екатеринодара. Поэтому я решил завтра на рассвете атаковать по всему фронту. Как ваше мнение, господа?

Все генералы, кроме Алексеева, ответили отрицательно, но и тот предложил отложить штурм на 1 апреля.

— Итак, будем штурмовать на рассвете 1 апреля, — твердо сказал генерал Корнилов и отпустил генералов.

Вечером этого дня в разговоре с генералом Казановичем он сказал: — Конечно, мы можем при этом погибнуть, но лучше, по-моему, погибнуть с честью. Отступление теперь тоже равносильно гибели: без снарядов и патронов это будет медленная агония.

Генерал Марков вернулся на свой участок внешне в бодром настроении, но полковнику Тимановскому и немногим другим он сказал:

— Наденьте чистое белье, у кого есть. Будем штурмовать Екатеринодар. Если не возьмем, а если и возьмем, то погибнем. — Но вслед за этим приказал передать в части приказание о подготовке и об обязательном нашивании на головные уборы белых лент.

Для чинов Офицерского полка штурм Екатеринодара представлялся единственным решением.

Атака противника

Наступила ночь, которая скрыла цепи и почти прекратила стрельбу с обеих сторон. На территории казарм бойцы могут чувствовать себя в меньшей опасности, чем днем: могут встречаться, разговаривать. Усилилось движение из казарм в предместье за продуктами питания. Но вместе с тем и обострилось внимание в сторону противника. Два фаса казарм особенно опасны: в сторону города и в сторону огородов. Третий фас — северный — менее опасен: там огромная голая площадь, находящаяся под обстрелом 4-й роты.

Но вот на правом фланге полка, в охранении, раздалось несколько тревожных выстрелов. Сообщили — красные наступают, и, еще несколько минут, стрельба распространилась влево, к казармам и перед ними, принимая все усиливающийся характер. Противник атаковал казармы и со стороны огородов ворвался в них. Им было захвачено несколько крайних зданий. 1-я, 2-я и 5-я роты отскочили к следующим зданиям и задержали дальнейшее продвижение противника. Бешеная стрельба. Обе стороны засели в зданиях, между которыми «зоны смерти».

Генерал Марков сменяет на правом фланге полка 3-ю роту, перед которой красные не вышли из огородов, резервной 6-й ротой и переводит ее влево к казармам. Прodelывается это чуть ли не бегом. Готовится контратака. Наконец... Контратакующих встречает адский огонь, разрывы ручных гранат. Среди темной ночи — огонь выстрелов. Офицеры залегают. Стреляют по окнам зданий, но на вспышки их выстрелов летят гранаты и пули. Они прижаты к земле. Уже не подняться им. Отползают раненые. Их много. Многие лежат непо-

движно. Продолжение атаки уже невозможно. Кое-как по цепи передается: отползать.

Красные не продолжили свою атаку и ограничились занятием части казарм. В Офицерском полку огромные потери, особенно во 2-й роте.

31 марта. Рассветало. Ожидаемого возобновления атаки красных не было. Картина ночного боя ужасна: в «зоне смерти» лежат убитые и десятки раненых. Подобрать их невозможно. Красные стреляют из окон зданий. К их ружейным выстрелам присоединились орудийные. Снаряды рвутся на территории добровольцев; несутся в тыл. Слышны их разрывы в предместье. Там горят постройки и новые жертвы среди вынесенных и ушедших туда раненых. Летят снаряды и в более глубокий тыл. Но молчит артиллерия добровольцев. И в гуле стрельбы лишь со стороны противника чувствуют добровольцы «музыку» судьбоносную, роковую. Но воля их еще не сломлена, несмотря на ничтожную их численность. «Будь в армии хотя бы 10 000 человек, давно бы взяли город», — говорили они. Не в первый раз в их разговорах упоминалась цифра 10 000!

* * *

Около 8 часов генерал Марков был вызван к телефону. Разговор у него был коротким, и, отойдя от телефона, он крикнул: «Коня!» Мгновенно вскочив на него, он поскакал в штаб генерала Корнилова, сказав лишь несколько слов полковнику Тимановскому. На лице у него можно было прочесть лишь какую-то срочную и серьезную озабоченность. Полковник Тимановский сохранял свое обычное спокойствие, но никому не сказал ни слова из того, что передал ему генерал Марков.

Смерть генерала Корнилова

Восьмой час утра. Генерал Корнилов, несмотря на обстрел фермы артиллерийскими снарядами, несмотря на уговоры уйти с фермы, не хотел ее оставить. Снаряды рвались вокруг. Вот глухой разрыв. Ферма в дыму, в пыли... Генерал Корнилов убит. Короткий разговор у начальника штаба, генерала Романовского, с генералом Деникиным, который во все дни боев у Екатеринодара находился при штабе.

— Вы принимаете командование армией?

— Да! — без колебания ответил генерал Деникин.

Немедленно генералу Алексееву в станицу Елизаветинскую было послано донесение:

«Доношу, что в 7 час. 20 м. в помещении штаба снарядом был смертельно ранен генерал Корнилов, скончавшийся через 10 минут. Я вступил во временное командование войсками Добр. армии. 31 марта 7 час. 40 мин. № 75/т. Генер.-Лейтен. *Деникин*».

* * *

Генерал Марков недолго задержался в штабе и скакал обратно к Екатеринодару. У дороги на берегу Кубани стоял взвод Инженерной роты, который видел обстрел фермы. Командир взвода, увидев генерала Маркова, пошел к нему навстречу, держа руку под козырек. Генерал Марков попридержал коня.

— Ваше Превосходительство! Генерал Корнилов убит?

— Убит! Но об этом никому ни слова, — ответил генерал Марков и пришпорил коня.

Прибыв в свой штаб, генерал Марков сообщил о смерти Вождя генералу Боровскому, полковнику Тимановскому и другим, кому находил нужным, но не для передачи этого известия в части. Туда посылались нужные распоряжения, которые до чинов доходили в форме: «Генерал Марков приказал...» Это действовало успокаивающе.

Но томительно протекали часы. Мучили тревожные предчувствия. Однако, перекидываясь своими мыслями, офицеры говорили лишь о предстоящей новой атаке города. Ничего иного они не могли допустить. Да и повторное приказание — нацепить на головные уборы белые ленты — подтверждало их мысль. Ее не нарушала даже возможность атаки противника, встретить которую они готовы. Наступала ночь.

А между тем старшими начальниками получен приказ из штаба армии: осада города снимается, армия отходит, но предварительно, с наступлением полной темноты, Офицерский полк должен провести демонстрацию атаки. Наступила ночь. Стрельба красных постепенно стихала. И вот в полной темноте и тишине вдруг в центре Офицерского полка, в расположении казарм, раздались пулеметные очереди и ружейная стрельба и понеслось громкое «Ура!». Красные по всему фронту открыли в ответ бешеную стрельбу, которая заглушала огонь полка. Уже последний прекратил и стрельбу, и «Ура!», но красные не скоро успокоились. А в это время части полка постепенно снимались с передовых участков и уходили в тыл к заводам.

У кожевенного завода под прикрытием арьергарда построился весь полк. По предместью продолжали рваться снаряды, разрушавшие и поджигавшие дома. Полк тронулся по дороге к ферме — штабу ар-

мии. Было около 20 часов. Не доходя до фермы, полк занял фронт лицом на Екатеринодар, седлая обе дороги — большую и идущую вдоль берега реки Кубани.

В таком положении полк стоял долго. В цепях негромкие разговоры. Тема: смерть генерала Корнилова. О ней многие узнали только теперь. Новость неожиданная, заслонившая все остальное. Ведь с личностью генерала Корнилова связывались все надежды на освобождение родины. Вспомнили тут и событие, имеющее всего лишь годичную давность, — отречение Императора, и тогда говорили: теперь все погибло! И действительно: Россия погибла. И вот теперь новый удар.

— Куда мы теперь пойдём?

— Куда?! — громко произнес кто-то. — Да куда глаза глядят! Но тотчас же поправился: — Начальство знает куда!

В темноте вдоль цепи проходят начальники. Неожиданно для разговаривающих на эту тему около них генерал Марков.

— Да, генерал Корнилов убит! Мы почти окружены. Дальнейшее все будет зависеть от нас. Этой ночью мы должны оторваться от противника. Отход без привалов. В полном порядке, — четко и твердо сказал генерал Марков и пошел дальше.

Какое-то новое направление сознанию и мыслям дал офицерам генерал Марков сказанными им фразами. Значит — не все погибло, если будем в полном порядке. Воля генерала Маркова стала снова ясно ощущаться всеми, и все увидели выход из положения в подчинении этой воле.

Сразу же возник новый вопрос: кто же теперь поведет армию. И называли два имени: генерал Деникин и генерал Марков. За полтора месяца похода Офицерский полк не видел генерала Деникина.

— Он был в обозе. Его не знают, и как можно ему довериться? Генерал Марков! Вот единственный генерал, завоевавший к себе полное доверие, абсолютную преданность, любовь, исключительный авторитет. Только он должен стать во главе армии! Он ковал славу Офицерскому полку, он вел к победам; его знает и ему доверяет вся армия!

— Но ведь генерал Корнилов еще в Ольгинской оставил своим заместителем генерала Деникина? — были возражения, хотя и не твердые.

На это нашли контрвозражения:

— Марков был правой рукой Корнилова, его шпагой, мечом, Марков водил части в бой; ему негласно подчинялись все.

Вопрос о заместителе генерала Корнилова казался офицерам неразрешенным, хотя все останавливались на генерале Маркове. Время шло

и тянулось томительно и тревожно долго. Но время от времени внимание всех привлекали отдаваемые распоряжения. Наконец — тихая команда: «Строиться!» К одной из колонн полка подъехал генерал Марков и, как бы отвечая на волнующий всех вопрос, сказал:

— Армию принял генерал Деникин. Беспокоиться за ее судьбу не приходится. Этому человеку я верю больше, чем самому себе.

И этого было достаточно, чтобы все успокоились новым назначением.

Отход от Екатеринодара

1 апреля. Ровно в полночь армия пошла быстрым маршем куда-то в ночной темноте. Куда? — никто не знал. Впереди шел Офицерский полк, в арьергарде — Корниловский. Другая колонна армии, вся на подводах, выступила из станицы Елизаветинской с Чехословацким батальоном. 1500 одних раненых тряслось на подводах. Не всех можно было взять в поход: 64 человека тяжело раненных оставлено в станице «на милость победителя»... «Милость» по обычаю большевиков была жестока: за исключением нескольких, все были убиты.

До рассвета армия прошла до 25 верст, но без остановок шла дальше, не задерживаясь даже в хуторах, где люди могли хотя бы утолить жажду. Порядок нарушился; части перемешались. Змейками, а не колоннами шла она. Многие отставали, особенно среди молодежи. Слышавшийся вправо бой, где конная бригада, жертвуя собой, сдерживала красных, стремившихся от Екатеринодара пересечь путь армии, не производил никакого впечатления на крайне утомленных добровольцев.

На одной из подвод везли два гроба с убитыми — генералом Корниловым и полковником Неженцевым.

Бой у станицы Андреевской

Но вот впереди послышалась довольно сильная стрельба. Конные разезды, шедшие впереди Офицерского полка, донесли генералу Маркову, что большие силы красных наступают со стороны станицы Андреевской, слева, на пересечение дороги, по которой шел полк, а за ним и вся армия.

В рукописи полковника Биркина так коротко описан происшедший бой: «Хорошо, что с нами был генерал Марков. Этот удивитель-

ный генерал не только ничего не боялся, но своей повадкой в бою влиял так на своих, что у них пропадал страх. Не долго думая и не считая врагов, он развернул роты и сам впереди бросился на цепи большевиков. Те до такой степени не ожидали нашей атаки, что бросились бежать не в станицу, а в сторону и налетели на черкесов, шедших сзади нас. Черкесы врубались в банды большевиков, потерявших сразу строй. Бежали они как лани, как заяц от орла; и некоторые растерялись до того, что кинулись назад к нам, и, конечно, никто из них уже не вернулся к своим...»

Я с удивлением смотрел и на героя Маркова, и на добровольцев. При выходе из занятой станицы и после расправы с остатками перепугавшихся большевиков Марков так повеселел, что, улыбаясь, шел впереди, а мы за ним. Шли сдвоенными рядами, больше по привычке, чем по команде. Я шел между совершенно незнакомыми мне лицами, не то юнкерами, не то только что произведенными в офицеры Молодежь громко смеялась, шутила. И вдруг Марков обернулся и, улыбаясь во весь рот, закричал: «Песню!»

Свою атаку генерал Марков произвел далеко не полным составом Офицерского полка, так как 4-я рота (собственно, в это время это была не рота, как таковая, а ее ядро, с которым шли чины других рот. Полковник Биркин, например, оказался в голове колонны полка), шедшая приблизительно в середине полка, даже не разворачивалась в боевой порядок и не вела наступление.

— Если бы впереди было плохо или тяжело, то генерал Марков безусловно подскакал бы к роте и дал бы ей задачу, — так говорили офицеры.

Прошло, видимо, очень немного часов с начала боя, так как, когда полк вернулся на дорогу, с которой начал атаку, он уже оказался в арьергарде армии. Здесь к нему присоединился маленький отряд: взвод Офицерского полка, пеший взвод 1-й батареи и ее два орудия, которые имели назначение прикрывать отход армии справа.

Только к вечеру Офицерский полк пришел в хутора, расположенные вдоль реки Паньери, где генерал Марков дал ему короткий отдых. Усталость и голод охватили всех. Хутора были оставлены жителями, и, чтобы найти пищу, нужно было преодолеть усталость. У немногих нашлись силы. Иным посчастливилось: они нашли в трубах копченые колбасы и окорока, которые готовили жители к недалекому празднику Святой Пасхи.

Во второй половине дня, пройдя до 35 верст, армия стала втягиваться и располагаться на отдых в немецкие колонии на восточном берегу реки Паньери, наибольшая из которых называлась Гнаденау или

Гначбау. Офицерский полк пришел в Гначбау уже наступившей ночью и расположился частью в колонии, а частью на юго-восточной ее окраине, у дороги на станицу Нововеличковскую и далее на Екатеринодар. Направление для армии наиболее опасное. 1-я инженерная рота остановилась не доходя до Гначбау, в колонке Ернахбау.

В колонии Гначбау

2 апреля. Ночь прошла спокойно. Тяжело было пробуждение чинов полка: ныли ноги, плечи, руки, все туловище... Ночь была холодная; уснув — не чувствовали, как сжимал и парализовал тело холод, но, проснувшись, это ощутили в полной степени. Первое желание согреться; первая мысль о чае. Разложили костры. Пили кто чай, кто просто кипяток. Захотелось есть. Сумки давно у всех были пусты. Командиры взводов командировали людей в колонию за покупкой пищи. Увы! Поиски были тщетны: в колонии, с вечера набитой людьми, немцы-колонисты давно уже все распродали ранее вошедшим в нее, и возвращались офицеры в свои взводы с ничтожными покупками. Покупали даже муку и зерно. И голодные люди жевали зерно и ели лепешки из муки, испеченные на жестянках или лопатах.

Одновременно с физическим пробуждением пробуждалось и сознание. Этому «помогали» раздававшиеся вокруг колонии ружейные выстрелы. Инстинктивно взоры направлялись в их сторону: там, верстах в 2—3, виднелись конные разъезды, охранявшие колонию и армию в ней. И в сознании у всех ясно вырисовывалась картина положения. Смерть Вождя! Армия окружена беспощадным врагом! Еще вчера, во время отхода от Екатеринодара, это не было так очевидно, как сегодня. Все об этом думали, но не говорили. Когда-то потом некоторые сознались, что у них настроение в этот день было более чем подавленное. Внешне это ни в чем не выражалось, даже в дисциплине. Начальники были на своих местах и сохраняли авторитет среди подчиненных. Но душевная депрессия находила свое отражение в таких, казалось, бессмысленных поступках: кто-то ищет острый нож...

— Ты что? Зарезаться хочешь? — спрашивают его, смеясь.

Уверил, что нет. Оказывается, нож ему понадобился для того, чтобы срезать погоны и другие знаки Добровольческой армии. Его никто не остановил от этого поступка, даже командир взвода. Вот группа офицеров достала из своих сумок какие-то документы и обсуждает какой-то вопрос. Оказывается, это красные документы, где-то, когда-то в походе приобретенные и которые теперь могут пригодиться. Над

такими малодушными добродушно посмеивались другие, говоря им, что ни шинель без погон, ни красные документы не спасут. Положение все равно — безвыходное.

Тут, у Гначбау, как никогда раньше, офицеры уже не вели разговоров и споров на темы стратегические и тактические. Никаких предложений, соображений и пр. никто высказать не мог, так как их у них не было, не могло быть. Внешне в это время все будто бы покорились жестокой к ним судьбе. Но это было лишь внешне, но внутренне моральное настроение офицеров было иное: все сознательно или бессознательно ощущали или жили в данный момент чувством не одиночества, а принадлежности к воинской части, к полку, к армии, а следовательно, и представлением о какой-то общей силе, которая что-то сможет предпринять, сделать и с более положительным результатом, чем каждый из них в отдельности; все сознавали или не сознавали, но переживали в себе представление, что покорность судьбе, доведенная до предела, готовит явный конец, но стоит только не покориться ей, то есть действовать сообща, до конца может быть еще и далеко, а может его и вообще не быть. Такое моральное состояние среди чинов Офицерского полка поддерживало его боеспособность. Полк сохранял дисциплину и порядок.

Но что касается положения вообще в армии, говорили о тревожных вещах. Будто бы существует заговор в кавалерийских частях против генерала Деникина и генерала Романовского, которых хотят арестовать и выдать красным и тем, видимо, спасти свои жизни. Это подтверждалось тем, что 4-я рота Офицерского полка стала у штаба армии и выставила часовых. Подтверждение об открыто пораженческих настроениях офицеров нашли и в случайных разговорах с незнакомыми чинами.

Узнали, что в колонии есть клуб, где немки продают пиво и бутерброды. Несколько офицеров с разрешения побежали туда. Там уже не оказалось ни пива, ни бутербродов, а давали лишь голый чай. Разговаривали с присутствующими о положении армии и в армии. Два молодых офицера утверждали, что сохраненный в частях порядок — это внешняя сторона; внутренняя же — совершенно иная. Можно ли требовать, говорили они, от таких, как они, «четырёхмесячников», то есть пробывших в военных училищах 4 месяца, соблюдения офицерского долга и чести, когда эти понятия и чувства ими не осознаны до конца. А таких, как они, в армии много. Поэтому нельзя осуждать за оставление ее рядов.

Другие два офицера настаивали на безвыходном положении армии и о необходимости спастись любым способом и приводили даже в

пример кавалеристов, якобы бегущих из армии. Им возразил один из офицеров:

— Ну, вы как хотите, а я буду биться. У нас в Виленском училище девиз: «Виленец — один в поле и тот воин».

Громко, с возмущением обрушились на павших духом офицеры-корниловцы, поддержанные марковцами, обвиняя тех в готовящемся с их стороны предательстве.

— Вы еще назовете предателями те тысячи офицеров, которые не пошли в Добровольческую армию? — возразили пораженцы.

— Да! Те, которые имели возможность пойти и не пошли, — предатели!

В 4-ю роту бежал генерал Марков. Все вскочили.

— Садитесь! Ложитесь! Я хочу минутку отдохнуть у вас. — И заговорил, как всегда, бодрым и живым языком, отвечая на вопросы, которые, естественно, были у всех на уме.

По его словам — дела не так уж скверны; выход из положения есть, и мы безусловно выберемся; придется, конечно, сразиться. На Офицерский полк он надеется. Затем стал шутить. Кто-то умудрился задать вопрос о дезертирстве из армии.

— Черт с ними! — на это коротко ответил генерал Марков и ушел в штаб.

Настроение в роте сильно поднялось.

Генерал Боровский только на короткие промежутки времени оставял свой полк. Он ходил из роты в роту, беседовал с их чинами; говорил, что армия сохранена, крепка и безусловно выйдет из тяжелого положения. Офицеры, конечно, хотели бы знать многие подробности, но не решались задавать вопросы своему командиру: они еще не знали его. Он был для них лицом лишь официальным.

Появление в 3-й роте ее бывшего командира, полковника Кутепова, произвело в ее среде несравненно большее впечатление, чем генерала Боровского. Полковник Кутепов — не начальник, а поэтому с ним можно поговорить откровенней. Он, как всегда, был образцово одет, с блестящими погонами и пуговицами на шинели и бодр неизменно.

— Пришел навестить своих, — сказал он.

Ему стали задавать вопросы. Относительно положения армии он уверил всех, что оно не так уж безнадежно, как это может казаться, что выход из него будет найден. Обусловил он свои заявления одним условием: соблюдением дисциплины и, как было до сего времени, выполнением жертвенно всех распоряжений и приказов. Задали ему и вопрос о состоянии командуемого им Корниловского ударного полка. Ответил: полк понес большие потери и теперь в нем осталось едва 90—100 че-

ловец от прежнего его кадра, на который можно вполне положиться. Полковник Кутепов обрадовался, что в его бывшей роте было налицо до 100 человек. Задержался он в роте всего лишь на несколько минут. Пожелав полного благополучия и успехов, уже уходя, сказал:

— А как бы я хотел быть теперь с вами!

Потрясенные отчаянными боями у Екатеринодара и сознанием тяжелого положения армии, добровольцы почти безразлично отнеслись к понесенным ими потерям; может быть, потому, что все их мысли и чувства теперь были направлены на «выход из положения». Но в частях все же производился подсчет наличного состава.

Итоги были печальные. Офицерский полк в боях под Екатеринодаром и во время отхода от него потерял 50 процентов своего состава, то есть около 350 человек, из которых около 80 человек было убито и до 50 человек пропало без вести. Эти последние потери главным образом относились к 6-й роте, состоявшей из зеленой учащейся молодежи. В полку оставалось не больше 400 человек. Состав рот такой: в 1-й и 3-й приблизительно по 100 человек, во 2-й — только 40 человек, в 4-й — 50 и в 5-й и 6-й ротах по 40. 2-я рота, понесшая огромные потери, потеряла убитыми своего командира, полковника Лаврентьева, и его заместителя — полковника Зудилина. Были потери убитыми и ранеными в 1-й батарее и 1-й Инженерной роте. Последняя насчитывала в своем составе 80 человек. Вся армия, начав бои под Екатеринодаром в количестве до 6000 человек, в колонии Гначбау имела менее 3000.

Для всех добровольцев было ясно, что неудача их — следствие огромного превосходства врага в силах, и это не только в течение одного-двух дней боя, но и всех 5 дней. Армия не могла ввести в бой сразу все свои силы, задержанная переправой через реку Кубань. Каждый день она билась с врагом, уменьшалась в количестве, в то время как враг усиливался. Требовалось огромное моральное и физическое напряжение. Могло ли быть оно крепким и неизменным, без малейшего отдыха в течение 5 дней?

Каковы были силы противника, стало известно позднее: от 40 до 50 000 человек. Известна стала и цифра его потерь — до 10 000 одними ранеными.

* * *

Уменьшившаяся в численности армия требовала некоторой перестройки организации. В Офицерском полку 5-я и 6-я роты были сведены в одну — 5-ю. Роты рассчитаны на 2—3 взвода. Действующих пулеметов оставлено по 2—4 на роту.

Чрезвычайно огорчены были артиллеристы: из 10 орудий должно остаться 5, и только потому, что запас артиллерийских снарядов выражался в количестве 40. Четырехорудийные батареи становились двухорудийными, и при конной бригаде вместо 2 орудий оставлено одно. При батареях оставалось строго ограниченное число людей. Все конные прикомандировывались к командам конной связи, а пешие сводились в особую роту, названную Артиллерийской, численность которой была в 40—50 человек.

Распоряжения штаба армии коснулись и походного лазарета, и обоза с беженцами: нужно было сократить число подвод. Генерал Марков пронесся по обозам как ураган, но приводящий все в норму. Последовало уплотнение на подводах как раненых, так и беженцев. Весь ненужный и обременительный груз сброшен. Никакие мольбы беженцев не помогали.

Были лишние подводы и в воинских частях. Исключены и они. На каждые 100 человек оставлено только по две для перевозки запаса продуктов, запасных пулеметов, оружия и необходимых вещей. В результате всей чистки количество подвод армии уменьшилось более чем на двести.

Бой у колонии Гначбау

С утра — спокойно. Медленно тянутся часы. Но беспокойно на сердце у добровольцев: уверены, что каждый час, каждая минута приближает развязку. Они видят, как верховые с разных сторон мчатся к штабу армии, быстро соскакивают с коней и входят в дом; так же быстро выходят и уезжают. Они не отвечают на задаваемые им вопросы.

Около 10 часов к югу от колонии раздалась стрельба. Там красные от станицы Андреевской подошли к хуторам по реке Паныри, но конница атаковала их, частью изрубилa, а главную массу заставила отойти. Вскоре началась стрельба в сторону станицы Нововеличковской: красные наступали. Конные заставы вынуждены были отходить. Вперед выдвинулись роты Офицерского полка и заняли позицию. Красная пехота остановилась, открыла стрельбу. Роты молчали: у бойцов было всего лишь по 3—5 обойм патронов.

Около полудня открыли огонь два красных орудия, направив его на колонию. Снаряды рвались в разных ее частях. В обозе возникла паника. Но в штабе — спокойно; спокойно стоит около него часовой 4-й роты.

— Начало конца, — решили одни.

Другие ограничились обычным словом:

— Началось...

К 14 часам со стороны красных стреляло уже 4 орудия, а затем и больше. Теперь они обстреливали и лежащую цепь Офицерского полка. Видно было, как к противнику подходили резервы и удлиняли его фронт. Готовилась атака. Внимание офицеров теперь было направлено исключительно на противника. Они приготовились так, как и раньше: подпустить противника возможно ближе и перейти в контратаку.

Так и произошло: красные бежали, обстреливаемые редкими выстрелами. Офицерская цепь продвинулась вперед на короткое расстояние и залегла. Остановились и красные. И слышны были у них крики, шум. Темнело. Выдвинутые вперед посты от 5-й роты слышали, что у красных митингуют. Один голос кричал:

— Они от нас все равно не уйдут. Наступать ночью не нужно!

Спешно похоронили офицеры своих двух убитых и отправили в лазарет около десяти раненых.

К этому времени на левый фланг цепи Офицерского полка вышла его 4-я рота.

* * *

Успешный бой лишь против части кольца сил противника, окружавшего колонию, не мог облегчить положение армии. Главная и основная задача — выйти из окружения — оставалась в полной силе. Как ее разрешит генерал Деникин — никто не знал. Стали строить предположения: одни в «сторону наименьшего сопротивления», которую выяснит кавалерия, другие — в любую иную, даже с неизбежным жестоким боем. И все переживали в себе борьбу духа и воли с покорностью судьбе; сознания своего долга с чувством самосохранения; борьбу голоса дисциплины с разрывом всяких связующих армию основ. Испытания напряженные...

Сняв осаду Екатеринодара, хотя это и казалось даже генералу Корнилову началом «медленной агонии армии», генерал Деникин, не теряя мужества и спокойствия, принял решение для вывода армии и дальнейшего ее пути. Его решение: дабы ей не быть прижатой между рекой Кубанью, морями и плавнями, вести ее в восточном направлении, хотя оно и особенно наблюдается и охраняется противником. Известно, что по линии железной дороги Екатеринодар — Тимашевская курсируют бронепоезда; что на всех важных переездах через нее стоят окопавшимися части красных, а другие находятся в эшелонах, для немедленной их переброски в нужный пункт. Генерал Деникин выбрал это направ-

ление, несмотря на то что для перехода армии через железную дорогу потребуется до 4 часов времени, срока вполне достаточного, чтобы противнику подвести к этому пункту войска. Расчет генерала Деникина единственный — на сохранившуюся боеспособность армии, на «безумство храбрых» добровольцев. Армия пробьется — такова его уверенность, а пробившись, сможет уйти на восток в обширные степи Ставропольской губернии и, если потребуется, в Кавказские горы.

Путь перехода железной дороги был выбран по небольшой дороге на станицу Медведовскую, проходящей всего лишь в 2 верстах к югу от станции Медведовской, занятой частью окопавшейся пехотой противника, частью — находящейся в эшелоне и бронепоездом.

Порядок следования армии: в авангарде — бригада генерала Маркова; затем — походный лазарет, обоз, Чехословацкий батальон и в арьергарде — 2-я бригада. Конная бригада получает задачу демонстрации к северу от станицы Медведовской, где и переходит железную дорогу. Что бой неизбежен — это бесспорно, что он должен быть успешно завершен — это жизненная необходимость. Не поэтому ли в авангард назначен генерал Марков с Офицерским полком, как это неоднократно было в походе и последний раз — при отходе от Екатеринодара?

Задачу, данную бригаде, генерал Марков объявил начальникам ее частей перед вечером, но только не для оповещения подчиненных: армия выступает с наступлением ночи; 1-я бригада в голове. Бригаде придется выдержать серьезный бой и довести его до быстрой победы.

— Необходимо поднять дух и веру в частях личным примером, твердыми распоряжениями и не допускающими никаких колебаний действиями. Необходимо проявление полной энергии и исключительной инициативы, — говорил он.

К этому он добавил строжайшее запрещение курить и подымать малейший шум; и — заключительное: «Приготовиться к выступлению, а пока все части на своих местах. О том, куда мы пойдем, объявляю я сам».

Добровольческая армия оставляла колонию. Испорченные орудия, брошенное имущество оставалось большевикам. На кладбище — свежие могилы убитых в дневном бою добровольцев и... застрелившихся. Где-то оставалась могила с гробами генерала Корнилова и подполковника Неженцева, о чем никто не знал.

Еще засветло началось вытягивание обозов по дороге на север с тем, чтобы в темноте круто свернуть на восток. Красные заметили обоз и усилили артиллерийский огонь по колонии и обозу. Прошел маленький дождь.

Уже ночь. Проходит часа два, когда приказано ротам Офицерского полка снять охранение. Затем роты построились и тронулись. Ноги скользили по чернозему. Роты подошли к дороге, на которой стоял обоз, и стали выходить в его голову. Там был генерал Марков. Он пропускал части своей бригады, говоря:

— Идем на станицу Медведовскую.

Офицерский полк вышел на дорогу и стал в голове бригады. Начальники объявили задачу. Генерал Марков с группой верховых и конвоем почти в 100 шашек проскакал вперед. От штаба отделился конный разъезд и исчез в темноте, двинувшись рысью вперед. Колонна бригады тронулась в следующем порядке: впереди генерал Марков и с ним генерал Боровский, командир Кубанского строевого полка — полковник Туненберг, полковник Тимановский, полковник Банин — командир 1-й Инженерной роты, полковник Миончинский — командир 1-й батареи и др.; за ними офицеры связи, конвой и конная команда подрывников; далее — 1-я батарея, Офицерский полк, Кубанский строевой полк, «Артиллерийская» рота. За бригадой — генерал Деникин со штабом, генерал Алексеев, арьергард — 2-я бригада.

До станицы Медведовской около 20 верст. До железной дороги — 18. Идти было легко. Вначале нервы у бойцов были сильно приподняты, но постепенно их напряжение спадало, и бойцы в молчаливом движении уходили, как бы в покой. Бессонные ночи, недоедание, усталость сказывались. Они шли машинально: спали на ходу, даже храпели во сне, и только взаимные столкновения пробуждали их. Некоторые, засыпая, падали, но мгновенно вскакивали, шли бессознательно. Но в минуты проснувшегося сознания они вспоминали: их ведет генерал Марков!

Генерал Марков ехал, тихо беседуя с бывшими с ним офицерами. Он не мог предугадать, как развернется неизбежное столкновение с врагом, хотя и предусматривал все, что было возможно для его прозорливого ума. Обо всех деталях он уже переговорил с подчиненными начальниками и говорит о новых. Бесспорно и ясно, что значительная доля успеха зависит от него, от всех начальников и, в сущности, от всей бригады.

Бой у станицы Медведовской

3 апреля. Пятый час утра. До железной дороги оставалось с версту, когда к генералу Маркову подъехал верховой из дозора и доложил: «В железнодорожной будке виден свет, но на железной дороге никого и ничего не замечено». Генерал Марков останавливает колон-

ну и, приказав ей ждать распоряжений, сам с несколькими верховыми едет вперед. В колонне, шедшей до сего момента спокойным, равномерным шагом, сонные бойцы столкнулись и проснулись. Стоят. Тишина. И в этой тишине, как темная, тихая и зловещая молния, проносятся слова: «железная дорога». Напряжены нервы всех.

Не доезжая нескольких десятков шагов до будки, генерал Марков соскакивает с лошади и в сопровождении трех человек идет быстро к ней и входит в нее. В будке два человека. Один — у телефона. Генерал устранил последнего от телефона.

— Я — генерал Марков! Кто на станции? — спрашивает он.

Ответ — бронепоезд и два эшелона с красногвардейцами. В ответе ничего нового.

— Колонне — вперед и остановиться, не доходя шагов 200 до железной дороги! — приказывает генерал Марков. Офицер карьером мчится к колонне и передает приказание. Колонна быстро идет к переезду.

Телефонный звонок. Генерал Марков берет трубку. Со станции спрашивают:

— Спокойно ли на посту? Нет ли кадет?

— Совершенно спокойно, — был ответ.

Однако со станции передали, что «для верности» к переезду подойдет бронепоезд.

— Пришлите, товарищи. Оно будет вернее, — согласился генерал Марков.

Немедленно посыпались короткие, твердые распоряжения подъехавшим к будке начальникам.

— Сейчас подойдет красный бронепоезд. Его мы не должны упустить, — заявил генерал Марков.

Полковнику Миончинскому приказано одно орудие перевести через полотно железной дороги и поставить на позицию для стрельбы по бронепоезду в упор, вбок ему, другое — у переезда — для стрельбы вдоль железной дороги. Полковнику Банину — сорвать телефонный и телеграфный провода в сторону Екатеринодара. Выслать конных подрывников для подрыва железнодорожного полотна в ту же сторону и как только возможно дальше, причем добавлено:

— Это задание нужно выполнить: в нем наше спасение.

Третье приказание для Инженерной роты — завалить у будки шпалами железнодорожную линию. Генералу Боровскому — выслать сильный заслон в сторону станции Медведовской для обеспечения дороги, по которой идет армия; часть сил расположить вдоль железной дороги; часть перевести через дорогу и выставить их также

заслоном в сторону станции. Конвою и «Артиллерийской роте» занять станицу Медведовскую. Кубанскому строевому полку оставаться в готовности. Приказания выполнялись быстро. Через 5 минут орудие штабс-капитана Шперлинга¹⁷³ уже стояло на позиции в 15 шагах от полотна и было нацелено. Рядом с ним два батарейных пулемета.

Генерал Марков на полотне железной дороги ходит нервными шагами. Лежащие в цепях бойцы видят его характерную, в высокой папаше фигуру. Он зорко всматривается в сторону, откуда должен подойти бронепоезд. Он, конечно, думает: все ли нужные распоряжения сделал я? Он посылает конного офицера в обоз армии с приказанием: команде выздоравливающих немедленно идти в станицу. Он вдруг подходит к цепи 4-й роты и, заметив по блестящим погонам полковника Биркина, приказывает ему со взводом немедленно идти вдоль полотна с правой его стороны к станции и «атаковать» ее, но, если будет встречен бронепоезд, ничем не выдавать свое присутствие. Полковник Биркин, смущенный таким приказанием, тем не менее быстро двинулся вперед со своими 10 человеками. Из станицы прискакал всадник с донесением — красных там нет, и скачет назад с приказанием — конвою наступать на станцию.

Тишина. Тьма. Прошло с полчаса времени. В лежащих цепях Офицерского полка многие уснули. Полковник Биркин со своим взводом был уже на полпути до станции, когда заметил тихо идущий бронепоезд. Не выдержали нервы, и часть его взвода побежала вправо, к небольшому леску, находящемуся шагах в ста, оказавшемся кладбищем. Полковник Биркин с оставшимися с ним прижался к земле в железнодорожной канаве. Слегка шипя, бронепоезд прошел мимо лежащих, рассыпая под себя искры из топки. Потеряв половину своего взвода, полковник Биркин уже не решился исполнить приказание генерала Маркова — атаковать станцию.

— Бронепоезд! — пронеслось по цепи ближайшей к железной дороге роты, и... в мгновение люди вскочили и побежали от дороги. Начальники едва удержали их шагах в полутораста.

— Кто там? — раздался громкий голос с бронепоезда.

В ответ — полное молчание. С поезда застрочил короткой очередью пулемет, а сам он, не останавливаясь, медленно продолжал приближаться к железнодорожной будке.

Генерал Марков давно уже увидел противника и... приготовился. В руке у него ручная граната. Он снял свою белую папаху и пошел навстречу бронепоезду. Он встречает его на том месте, на которое нацелено орудие штабс-капитана Шперлинга.

— Кто на пути? — спрашивают с бронепоезда.

— Не видите, что свои! — отвечает генерал Марков и, подойдя вплотную к паровозу, бросает ручную гранату в машинистов. Граната взрывается.

— Орудие — огонь! — кричит генерал Марков, отбегая от паровоза.

Первый снаряд попадает в колеса паровоза, второй в самый паровоз. Бронепоезд останавливается, но открывает огонь из двух орудий и пулеметов во все стороны. Затрещали пулеметы артиллеристов, винтовки близлежащих цепей. От попаданий снарядами в вагоны последние загорелись. Разнеслось «Ура!» 4-й и Инженерной рот. Они атаковали врага. Гарнизон бронепоезда защищался героически и погиб полностью. Составляли его матросы. Впрочем, одному из них повезло: он выскочил из горевшего вагона в тлеющей на нем одежде и натолкнулся на генерала Маркова. Генерал приказал оказать ему помощь.

Генералом Марковым уже отдано приказание: Офицерскому полку атаковать станцию, Кубанскому — быть готовым поддержать его. Стоявшей на дороге колонне армии послано приказание быстро переезжать полотно железной дороги.

Вдруг генерал Марков увидел полковника Биркина.

— А вы что тут делаете? — закричал он. — Я приказал вам атаковать станцию!

— Вам помочь хотел, Ваше Превосходительство! — поспешно ответил полковник Биркин.

— Не надо мне никакой помощи! Впрочем, оттащите скорей заднюю платформу с орудием и вагон со снарядами. Скорее, пока не загорелись!

Соседний вагон пылал. Полковник Биркин со своими людьми и артиллеристами отцепили и откатали вагон и платформу, на которую моментально вскочил полковник Миончинский с артиллеристами, повернул орудие в сторону станции и открыл огонь. Уже светало, и виден был вышедший со станции поезд. Шрапнели рвались как раз над ним, и тот быстро дал задний ход и скрылся. Подвезти свои войска красным не удалось.

— В атаку на станцию! Живо! — крикнул генерал Марков полковнику Биркину.

— Шмидт! Что вы делаете? — кричит генерал Марков. — Там снаряды!

Прапорщик Шмидт явно перестарался и чуть было не зажег вагон со снарядами, подложив под него охапку соломы.

* * *

Офицерский полк быстро развернулся фронтом на станцию и перешел в наступление. Уже было светло. Первой атаковала станцию, вправо от железной дороги, 5-я рота, но, попав под меткий пулеметный огонь и понеся потери, отошла к кладбищу. Остановилась идущая влево от нее 4-я рота. Но левый фланг полка, его 1-я, 2-я и 3-я роты, преодолев огонь противника, сидящего в окопах, отчаянным порывом смяли его. Преследование по поселку. Действовали штыки. Красные бежали к своим эшелонам. Тот их эшелон, который пытался выехать к переезду, еще не успел разгрузиться, когда цепи Офицерского полка ворвались на станцию. Красные поспешно стали снова вскакивать в вагоны. Эшелон ушел, обстреливаемый с близкой дистанции. Но в другой эшелон успели вскочить немногие из бежавших красных, так как он сразу дал быстрый ход. Он уходил под огнем в упор. Не успевшие вскочить спасались бегством через железную дорогу, но и там они попадали под удар 4-й и 5-й рот. До 2000 красной пехоты с бронепоездом понесли полное и кровавое для них поражение.

На станции красные оставили состав, груженный продуктами питания, бельем, медикаментами и пр., и великий соблазн овладел победителями: чины Офицерского полка, обносившиеся, изголодавшиеся, стали разбирать все им нужное. Часть их рассеялась по домам поселка в поисках пищи. 1-я рота, имевшая до боя около 100 человек, потерявшая при атаке около 15 человек, вышла на северную окраину поселка всего лишь в количестве 20 человек. В Офицерском полку в это время совершенно не было порядка.

Такое положение застал приехавший на станцию генерал Деникин. Не стесняясь в выражениях, он обрушился на офицеров...

На переезде

Когда Офицерский полк шел в наступление на станицу Медведовскую, «главные силы» армии — «колонна на колесах» — стали быстро переезжать через переезд. Кругом падали излетные пули красных, снова ранив проезжавших раненых и тех, кто был у переезда. Но это продолжалось короткое время.

Под пулями к генералу Маркову подъехали генерал Деникин и генерал Алексеев. Они благодарили его. Но генералу Маркову было не до них. У него масса забот, хотя и одержана победа, пробита брешь в кольце красных, но возможная опасность существует с юга. Как

далеко подрывники взорвали полотно железной дороги? Может отсюда подъехать другой бронепоезд противника и войска? Генерал Марков подгоняет обозы. С подвода несется: «Ура генералу Маркову!»

Он озабочен скорейшей разгрузкой с бронепоезда всего нужного для армии: до 360 артиллерийских снарядов, до 100 000 ружейных патронов, большого количества пулеметных лент, продуктов питания. Артиллеристы, обрадованные захватом двух орудий, решили ими пополнить свою батарею до 4-орудийного состава и уже принялись было скатывать орудия с платформ, но генерал Марков сказал твердо: «Орудия испортить!»

Свозят раненых и убитых. В Офицерском полку — 15 человек убито, до 60 ранено. На кладбище быстро роют могилу и хоронят убитых. Артиллеристы хоронят своих 4 убитых тут же у переезда. Но времени оказалось вполне достаточно, чтобы без помехи со стороны противника мог спокойно пройти обоз и за ним 2-я бригада.

Вернувшись со станции, генерал Деникин снова подъехал к генералу Маркову. Теперь уже генерал Марков спокоен. Задача, данная ему и его бригаде, выполнена блестяще, и он мог переговорить с командующим и рассказать ему в общих чертах, как прошло все дело и какие потери понесла бригада. Сказал и о себе: «Один свой же мерзавец так хлопнул из винтовки у меня над ухом, что я чуть не огрел его нагайкой. Отделался я шумом в ухе».

К генералу Деникину прибыл разъезд с донесением от начальника Кавалерийской бригады, генерала Эрдели. Бригада при переходе железной дороги к северу от станицы Медведовской в темноте нарвалась на красных, понесла потери и вынуждена была бросить орудие. Генерал Деникин приказал бригаде двигаться в станицу Дядьковскую, куда направляется армия, и выслать Черкесский конный полк в распоряжение генерала Маркова, остающегося со своей бригадой в арьергарде.

Через некоторое время генерал Деникин уехал в станицу, а за ним вскоре и генерал Марков, отдав последнее распоряжение: Черкесскому полку выслать разъезды и оставаться у переезда до получения приказа; Кубанскому и Офицерскому полкам, Инженерной роте и батарее перейти в станицу.

Переход в станицу Дядьковскую

К полудню все части армии, которые пропустила мимо себя 1-я бригада, втянулись в станицу Медведовскую и после короткого отдыха тронулись на станицу Дядьковскую. 2-я бригада пошла в авангарде. Так как

красные всюду отстали, за колонной был послан и Кубанский строевой полк. В станице задержаны лишь Офицерский полк, 1-я батарея и 1-я Инженерная рота.

Через час с небольшим им приказали выстроиться на окраине станицы, у дороги на Дядьковскую. С печальным удивлением и тревогой марковцы видели оставшуюся силу своего полка. В нем не было и 300 человек. Его 2-я рота имела всего лишь 9 человек. Оказалось, что отсутствовало 2—3 десятка человек, которых не считали погибшими, которых видели здравствующими после боя. Подумали: вероятно, заснули в домах станицы и проспали подъем своих рот. Послали их разыскивать.

Но уже раздалась команда. Из станицы подъезжала верхом группа всадников с развевающимся Национальным флагом, и в этой группе сразу же бросилась в глаза высокая белая папаха генерала Маркова. Но во главе ее ехал генерал Деникин. Взоры обратились на него. За весь поход все выстроившиеся видели его в первый раз, если не считать столкнувшихся с ним на станции Медведовской. Он был в расстегнутом штатском пальто, но в военной форме под ним, с двумя орденами Святого Георгия — на шее и на груди.

Генерал Деникин, поздоровавшись с частями, горячо благодарил их за одержанную ими блестящую победу, давшую армии выйти из почти безвыходного положения. Вызвав к себе Миончинского, он выразил ему особую благодарность за проявленное мужество в схватке с бронепоездом, а затем, повернувшись к генералу Маркову, громко благодарил его. Взоры всех теперь направились на генерала Маркова. Генерал Марков, весьма смущенный столь торжественной, высказанной ему перед строем благодарностью, немедленно ответил генералу Деникину:

— Ваше Превосходительство! Это не я, а они. Сегодня день артиллеристов, — и указал на батарею.

В строю на всех лицах засияли улыбки от столь неожиданной оценки, показавшей необычайную скромность генерала Маркова, отказывающегося от своего подвига и приписывающего его другим.

После этой короткой встречи с командующим части тронулись в станицу Дядьковскую. Генерал Деникин со штабом поскакал вперед, а генерал Марков обратно в Медведовскую, куда стягивался Черкесский полк. Бодро шла колонна. Погода хорошая, дорога легкая. Сон, усталость исчезли. Разговоры о бое, о генерале Маркове, о генерале Деникине.

Не находилось слов для оценки восторга перед генералом Марковым как начальником, командиром, имеющим сверхобычное влияние

на подчиненных своим возбуждающим словом, заражающим примером на каждом шагу, в каждую минуту Все безотказно чувствовали, как воля, энергия, смелость, дерзание и пр., включая только что выявленную им скромность оценки своих действий, не только влияли, но и чувствовались, становились желанным содержанием и их натур. Стать марковцем не только по признаку подчиненности, а и по духу становилось невольным и вольным идеалом. Все усиливающаяся и углубляющаяся общность между генералом Марковым и теми, к которым он обращался со словами: «Друзья мои!» — его подчиненным, связывала всех в одну неразрывную семью. Для марковцев их генерал стал, как никогда, «свой», «их», и стали говорить о нем — «наш Марков», отбросив официальное «генерал».

О минувшем бое говорили как о части исключительного сражения, начало которого было положено еще в колонии Гначбау. Сама подготовка к бою была началом сражения. И в нем первое место уделялось генералу Деникину. Сражение имело задачу вывести армию из окружения, и это было сделано. Говорили тогда — генерал Деникин разработал план, по которому генерал Марков разбил врага, и армия была генералом Деникиным выведена. Это звучало почти так же, как и фраза, говорившаяся раньше: «Генерал Корнилов задумал, а генерал Марков выполнил». «С генералом Деникиным не пропадем», — решили марковцы.

* * *

Дисциплина в армии — это ее душа. Потеря «души» ведет к развалу армии и к проигрышу войны. Революция 1917 года показала это наглядно. Однако она вскрыла огромный недостаток в понимании и внедрении дисциплины. Устав говорил, «в чем состоит дисциплина», но не объяснял ее сущность, не говорил, что в основе ее лежит идея, требующая подчинения воле «единого вождя». В результате обращалось внимание на внешние, показательные стороны, а не на Душу, Дух, Идею.

Рядом с «душой» есть и «сердце». Потеря «сердца», второго по значению качества дисциплины, то есть потеря уверенности, твердости, настойчивости, ведет к нарушению порядка, внимания и в конечном случае — к отступлению, поражению в бою. «Потерю сердца» легче восстановить, чем «потерю души».

Два случая антидисциплинарных проступков произошли в Офицерском полку: один во время боя на станции Медведовской, другой — после боя. На станции полк привел в порядок генерал Деникин, од-

нако не только не приведший к взысканиям, но и быстро забытый. Другой случай — при выступлении полка из станицы Медведовской.

В объявленный полку 2-часовой отдых часть офицеров позволила себе удалиться от полка и зайти в дома, с намерением найти в них сытную еду. Хорошо наевшись, они поддались требованию сна, поручив радушным хозяевам разбудить их, когда полк будет выстраиваться. Но их разбудили поздно: полк уже выступил. Не зная, что в станице еще оставался Черкесский полк, офицеры очень обеспокоились возможностью захвата их красными. Почти бегом они направились по дороге за полком, который виден был далеко впереди. Оказалось — по дороге, нагоня полк, шла не одна группа в 2—3 человека, а несколько.

Все группы шли, оглядываясь назад, думая о могущем быть преследовании красных. И вот из станицы выехала рысью группа конных. До последнего звена отставшей цепочки было недалеко. Звено приготовилось «к бою». И будь эта конная группа — противник, она не произвела бы на отставших такого сильного впечатления, как теперь, когда они увидели белую папаху на голове едущего впереди

— Генерал Марков! — вырвалось сразу же у всех.

Трудно высказать тот комплекс переживаний, который охватил трех офицеров последней, отставшей группы. Радость, что конные — не противник, в этот комплекс уже не входила. Тут было иное: счастье видеть генерала Маркова, надежда услышать от него две-три фразы, короткие, бодрые, злободневные и как-то ответить на них. Тут было желание выразить ему свою любовь и преданность.... Но победило иное: сознание своей вины нарушением порядка. Они знали, как строг генерал Марков и как всегда справедлива его строгость. Офицеры приготовились выслушать его выговор.

Топот коней близок. Офицеры остановились и стали «смирно».

— Здравствуйте, друзья мои! — весело и бодро прокричал им генерал Марков.

— Здравия желаем, Ваше Превосходительство! — громко и восторженно ответили офицеры.

Ни слова больше. Генерал Марков скакал дальше, а у офицеров вырвалось немедленно искреннее «Ура!» — своему начальнику, продолжавшееся столько времени, на сколько хватило сил. А там, впереди, уже катилось такое же «Ура!» других групп. И так докатилось оно до самого полка, подхватившего «Ура!», едва генерал Марков нагнал его. Проступок не менее чем 20 отставших чинов полка остался без всяких последствий для них. Но как неловко чувствовали они себя: будто обманули генерала Маркова, показали себя недостойными его доверия. И это было для них наказанием гораздо большим, нежели

выговор, если бы он был. Генерал Марков, помимо всех своих положительных качеств, всегда выявлял себя еще и как глубокий психолог. Он, нарушая уставное «не оставлять проступков и упущений без взыскания», не придерживаясь «устава, яко слепой стены», — только укреплял дисциплину.

Генерал Деникин отчитал полк в совершенно иной обстановке, и это было воспринято как напоминание: побеждающий всегда особенно близок к поражению в момент самой победы. Поздно вечером, пройдя 15 верст, марковцы пришли в станицу Дядьковскую, расположились по отведенным им квартирам и быстро уснули крепким сном.

4 апреля. Пробуждение всех было бодрое: давно не спали так спокойно и с «комфортом». Казаки охотно и обильно кормили своих постояльцев, но поглядывали на них мрачно: не то с недоверием, не то с какой-то тревогой. Среди добровольцев передавали, что вчера жители станицы встретили армию с колокольным звоном и с иконами, думая увидеть генерала Корнилова, но, узнав, что он убит, как-то поспешно разошлись по домам.

Едва проснувшись, все вели разговоры о минувших переживаниях и о новом положении армии: она вышла из тесного кольца противника, но все же оставалась в окружении. Куда бы она ни пошла, ей придется снова переходить железную дорогу. Но где и на какое время она могла бы хотя основательно отдохнуть? О пополнении рядов теперь трудно было говорить.

На короткие минуты во многие дома, где помещались марковцы, заходил генерал Марков, всегда приносящий с собой бодрость и уверенность в лучшем. Едва он ушел — разговоры о нем, сводившиеся к одному: не дай Бог, если что случится с ним! Посещение рот генералом Марковым начиналось и завершалось громким «Ура!».

Тяжело и тревожно отзывалась на чинах полка его малочисленность, всего около 300 человек, и то с приданной Артиллерийской ротой.

— Это мой последний резерв, — сказал генерал Марков. Эта рота стала 2-й ротой полка, в которой оставалось лишь 9 человек, а теперь стало 50—60. Ее принял полковник Коротаев.

* * *

Во второй половине дня в частях передавали сначала как слух, потом как факт о решении командования армии оставить в станице наиболее тяжело раненных, количество которых доходило до 200 че-

ловек. Это решение вызвало у всех сначала тревогу, не только за судьбу раненых, но, в дальнейшем, и за судьбу каждого, кто может оказаться раненым. За короткое время это второй случай оставления. Тревога переходила в возмущение, хотя никто в армии еще не знал о судьбе оставленных раненых в Елизаветинской.

«Корнилов этого не сделал бы», — утверждали все и возлагали ответственность на генерала Деникина. Вероятно, генерал Деникин не решился бы оставить раненых, если бы знал, что произошло в Елизаветинской, но, оставляя их теперь, он принял все меры, чтобы раненых не постигла жестокая участь: были оставлены все захваченные видные красные деятели, давшие слово защищать раненых; это же слово дали атаман станицы и многие другие. Атаману передавалась значительная сумма денег за уход за ранеными. С ними оставались доктор и сестры милосердия. Была надежда, но весьма слабая. Генерал Деникин решился на такой шаг потому, что его план дальнейшего похода армии рассчитан был на быстроту движения и возможную его длительность, что связывалось для раненых с непосильными мучениями.

В частях армии решили «спасать» своих. И вот к лазарету стали подъезжать пулеметные и обозные подводы, на которые замаскированно грузились раненые, и эти подводы должны были ехать не с лазаретом, а со своей частью. Очень немало, таким образом, «спас» Офицерский полк. Еще из Елизаветинской он также увез своих раненых. В станице было оставлено не 200 человек, а 119. Впоследствии оказалось, что только двое из них были убиты, 16 умерли.

* * *

С наступлением ночи не тревожимая противником армия, посаженная на подводы, выступила из станицы.

5—9 апреля. Армия переменным аллюром куда-то ехала. Куда? — не знали даже командиры полков. На перекрестках дорог дальнейшее направление указывали конные маяки. В пути были лишь большие и малые привалы. К счастью, погода стояла хорошая.

Дважды армия благополучно пересекла железные дороги: Тихорецкая—Екатеринодар и Тихорецкая—Кавказская. При переходе последней был подбит ехавший поезд, оказавшийся товарным, с которого сгрузили лошадей, перевязочные материалы и другие нужные вещи. Генерал Марков, бывший на переезде с Кубанским строевым полком, протелефонировал в обе стороны: «Добровольческая армия благополучно перешла железную дорогу».

Вечером, 9-го, армия приехала в станицу Ильинскую, проделав за четверо суток около 150 верст. Все нуждались в отдыхе; раненые в особенности. Мечты сбылись — объявлена ночевка, а это означает многое: можно умыться, вообще освежиться; избавиться от покрова пыли, проникшей сквозь одеяние до тела; можно снять обмундирование, снаряжение, обувь... а раненым — оставить неудобные лежа на подводах, столь мучительные для них. Но отдых оказался более длительным.

10 и 11 апреля армия оставалась на месте, несмотря на то что 10-го красные вели наступление со стороны станицы Дмитриевской, отбитое 2-й бригадой, после чего конная бригада добила красных, заняв станицу Дмитриевскую.

Наступила совершенно весенняя, теплая, солнечная погода. К этому благополучию присоединялись и радостные слухи о восстании против большевиков на Дону и в Ставропольской губернии и влитие в Офицерский полк пополнения — 200 кубанских казаков, из числа призванных в армию Кубанским атаманом.

12 апреля армия перешла в соседнюю станицу Успенскую. Этот переход всем показался прогулкой. Вечером было объявлено, что 14-го генерал Деникин произведет смотр армии по бригадам.

— А я свою бригаду предварительно осмотрю завтра, — заявил генерал Марков.

Объявленным смотрам обрадовались все, так как в них видели не столько смотр начальством своих частей, сколько смотр подчиненными своих начальников.

Генерал Марков и Офицерский полк

13 апреля. Полк выстроен поротно развернутым строем. В нем теперь до 600 штыков. За ним — полковой обоз до последней подводы. Быстрым и легким шагом подходит генерал Марков. Здоровается: «Здравствуйте, мои друзья!» Полк громко и восторженно отвечает и кричит долго раскатистое «Ура!», пока генерал Марков не делает энергичного жеста рукой.

— Ого! Полк еще большой. Воевать можно! — так начал генерал Марков свою речь. — Ныне армия вышла из под ударов, отдохнула, пополнилась и готова к новым боям. У нас имеются сведения о восстании казаков на Дону. Возможно, скоро мы передвинемся к ним поближе, перейдем на Дон, но не будем терять влияния и связи с

Кубанью и упускать из виду общероссийскую задачу. Куда мы перейдем, вас это не касается.

В дальнейшей своей речи он обратил внимание на недостатки, выявившиеся в походе, которые требуется решительно искоренить, и, наконец, коснулся особенно большого вопроса:

— Я слышал, что в минувший тяжелый период жизни армии некоторые из вас, не веря в успех, покинули ряды и попытались спрятаться в селах. Нам хорошо известно, какая судьба их постигла. Если и теперь кто-либо еще желает уйти к мирной жизни, пусть скажет заранее. Удерживать не стану: вольному — воля, спасенному — рай и к... черту!

В заключение генерал Марков напомнил, что завтра мы представляемся командующему армией, и сделал для этого случая ряд указаний и распоряжений. Пройдя вдоль фронта полка, взглядываясь в глаза каждому, перед иными останавливаясь и коротко переговорив с ними, он отпустил полк по квартирам.

Затем генерал Марков обошел и внимательно осмотрел боевой и хозяйственный обозы полка, напомнив, что каждая лишняя подвода стесняет армию и служит нередко убежищем и удобным местом для уклоняющихся от боевой службы. Ни одной лишней сверх установленного им штата подводы.

Все было необычно в этом смотре. Полк не только представился и осмотрен, но полк ушел со смотра с огромным подъемом духа, зная теперь о положении, о задачах, о том, что требуется от него и каждого его чина и что должно быть решительно искоренено. Смотр скорее был моральным напутствием, уроком к предстоящим делам. В этот день генералом Деникиным был отдан следующий приказ:

«В то время когда рядовые бойцы, истекая кровью, защищают каждый шаг армии, есть и такие, которые малодушно скрываются в обозе, предавая этим находящихся впереди.

Замечено также, что при обозе ездят люди, не занимающие никаких должностей в армии и только отягчающие ее передвижение.

Поэтому приказываю:

1) Всем лицам, ведущим самостоятельное существование при армии, таковое прекратить, вступив в строевую часть армии.

2) Назначаю комиссию под председательством генерала Маркова для проверки всех находящихся в обозе и

3) Всех уклоняющихся, а равно не желающих вступить в армию вопреки моему приказу вывести за околицу и плетью отогнать в сторону противника».

Смотр командующего армией

14 апреля. На площади станицы Успенской выстроилась 1-я пехотная бригада в полной походно-боевой готовности, со всеми ее обозами. Генерал Марков быстро обходит части. Его движения и распоряжения выдавали какое-то в нем волнение. Оно понятно: он не только должен представить командующему свою бригаду, но он хочет, чтобы она глубоко почувствовала в нем своего вождя, достойного восприемника власти от генерала Корнилова, вождя, которому он сам «верит больше, чем самому себе».

Раздались команды. Генерал Деникин со штабом, под сенью развевающегося Национального флага, объехал фронт бригады, здороваясь с каждой ее частью. Искренне и громко отвечали ему. Окончив объезд, генерал Деникин перед фронтом громким голосом обратился к войскам:

— Земной поклон вам, русские чудо-богатыри! Вы совершили один из величайших походов русской армии. Родина не забудет вас!

Далее он сказал, что та борьба, которую начала Добровольческая армия, борьба за освобождение Родины, получает свое развитие и расширяется. Армия показала пример. На Дону вспыхнуло большое восстание, а она скоро выступит на помощь донским казакам. Могучим «Ура!» ответила бригада на слова генерала Деникина.

После этого она прошла перед командующим церемониальным маршем, который всем решительно: восторженным выражением на лицах, твердым и бодрым шагом, дружными и громкими ответами — показал веру в успех борьбы и верность своему командующему. Настроение у всех исключительно высокое. Даже кубанские казаки, только что влитые в части, которым до этого обстановка казалась мрачной и мало утешительной, так как на стороне красных «была сила, нас сколько?» — и те повеселели.

— Теперь небось пробьемся, — стали говорить они.

Общий подъем духа увеличился, когда кое-кто у штаба армии лично видел и разговаривал с приехавшими для связи с Доном казаками.

15 апреля. Назначено выступление. Пехота на повозках. «На Дон», — решили все. Но чтобы попасть туда, необходимо пересечь железную дорогу из Тихорецкой на Царицын. Сомнений не было — бой неизбежен.

После полудня 1-я бригада тронулась в авангарде в северном направлении. Наступила ночь, а авангард без остановок продолжал ехать по каким-то незначительным дорогам и без дорог. Наконец спешился, пошел на начинавшийся впереди пожар и остановился, немного

не доходя до него. Горел большой хутор во всю свою длину, может быть с версту. По равномерности огня было ясно — хутор подожжен красными. Вскоре полки бригады разошлись: Офицерский полк пошел вправо, вдоль горевшего хутора, обошел его и углубился во тьму ночи. Впереди раздались выстрелы. Полк остановился и перед рассветом, 16 апреля, перешел в наступление. Легко сбив слабые силы красных, он перешел железную дорогу и оказался перед новой позицией их, занимаемой уже большими силами, и притом расположенной так, что для атаки ему нужно всем своим фронтом повернуть градусов на 45 вправо. И вот в то время, когда полк заходил своим левым флангом под сильным обстрелом, 4-я его рота, шедшая за правым флангом, едва перейдя железную дорогу, подверглась нападению справа и в тыл бронепоезда красных: два орудия и его пулеметы строчили по ней с дистанции 300—400 шагов. К этому обстрелу присоединился еще и обстрел красной батареи с фронта.

Роте и всему полку казалось, что они попали в окружение. Но бронепоезд стрелял не долго: огонь орудия 1-й батареи заставил его быстро и далеко отойти на восток. А тем временем полк уже шел в атаку.

Красные были сбиты с позиции, и полк ворвался в село Горькая Балка. Пленных не брали, так как на окраине села были зверски убиты казаки, бывшие в разъезде от армии и захваченные красными. Большой отряд красных, бывший здесь, разбитый наголову, бежал в полном беспорядке. Армия быстро перешла железную дорогу между станциями Белоглинская и Ея. Это был 4-й переход ею железной дороги после Екатеринодара.

Не задерживаясь в селе, армия пошла в станицу Плоскую, имея теперь в арьергарде Офицерский полк, куда и пришла вечером. До 70 верст прошла армия за время немногим больше суток, проведя весьма серьезный бой. Все — и люди и кони — были измотаны до крайности. Особенно тяжело пришлось конным частям, ведущим не только бой, но и разведку на все стороны. Все уснули быстро мертвым сном. Станица Плоская оказалась не только первой станицей Кубани, в которую вошла в начале похода Добровольческая армия, она оказалась и последней, из которой вышла армия в конце похода.

17 апреля, после полудня, армия тронулась по старому для нее пути, в село Лежанка Ставропольской губернии, ей памятное по бою 21 февраля. На этот раз село встретило ее без всякого сопротивления и с населением, уже не бросившим свои дома. Более того — выдававшим укрывавшихся большевиков и даже давшего, хотя и ничтожное, пополнение добровольцами.

Очень просилась в армию быть сестрой милосердия молодая девушка. Генерал Марков принял ее, но с условием: «У меня ухаживать за больными, а не за здоровыми».

18 апреля. Офицерский полк занимал восточную часть села, выставив незначительное охранение. Далеко впереди находилась завеса кавалерийских разъездов. Неожиданного наступления красных не могло быть, что давало всем возможность полного отдыха. Генерал Марков обошел свои части, был весел и бодр. На вопрос о дальнейших действиях ответил незнанием. «Отдыхайте, пока есть полная возможность!» На вопрос: «Простоим ли мы здесь Святую Пасху?» — заявил, что, может быть, и простоим, и ничего не возразил против желания приступить к приготовлениям достойной встречи великого праздника.

Настроение у всех было великолепным. выбрались из окружения, соединились с восставшими донцами, армия пополнилась кубанцами, и даже генералом Покровским сформирован конный отряд в составе нескольких сотен. Все говорило о перемене настроения среди крестьян Ставропольской губернии в пользу армии. Не охладил настроение и слышимые далекие артиллерийские выстрелы и вечером отданный приказ — выставить усиленное охранение с пулеметами.

Бои у села Лежанка

19 апреля. Перед рассветом часть полка была посажена на подводы и выехала в северо-восточном направлении. Было приказано выбить красных из села Лопанка, находящегося в 15 верстах. Произошел встречный бой, и стремительным ударом противник был опрокинут и село занято. Ночью части вернулись в Лежанку.

20 апреля. 2-я и Конная бригады срочно ушли на помощь донцам, которые вынуждены были оставить станицы Егорлыцкую и Мечетинскую. В Лежанке остались 1-я бригада и Конный отряд генерала Покровского, а с ними весь походный лазарет армии с 1500 ранеными и обоз.

Вскоре обнаружилось наступление красных на село с востока и юга. Их была подавляющая масса. Генерал Марков отдал приказ — не допустить противника ворваться в село и разбить его. Вся бригада заняла позиции редкой цепью. Выдано по 30 патронов на человека. Кроме того, генерал Марков приказал в полках часть пулеметов держать на подводах, составить из них подвижные пулеметные батареи, готовые вынестись вперед, по возможности на фланги цепей против-

ника, поражать их фланговым огнем, чем облегчить пехоте переход в контрнаступление. Это был первый случай в армии — организация таких батарей.

Противник приближался. Ему оставалась верста до села, когда он на ходу открыл огонь. Несколько его орудий обстреливали цепи 1-й бригады. Его пулеметы, выскочив вперед своих цепей, заливались огнем. Ему отвечали редким ружейным и орудийным огнем.

Но вот противнику оставалось пройти последние каких-нибудь 1000 шагов, как сильный огонь обороняющихся заставил его залечь. Еще момент, и вперед вылетели пулеметные батареи, открыв огонь с дистанции в 500—600 шагов, посыпая его огнем во фланги. У противника замешательство, а громкое «Ура» перешедшей в атаку бригады обращает его в бегство по всему фронту. Только частью своих сил бригада преследовала красных несколько верст.

С прекращением преследования противник остановился и стал приводить себя в порядок. Его батареи стреляли по выдвинувшимся частям полка. 4-я рота остановилась в 2—3 верстах от села на линии больших стогов соломы и сараев с сельскохозяйственными машинами. Шрапнели рвались над ней, нанося ей потери. Несколько серьезно раненных были внесены в сараи, где пули были не столь опасны. К несчастью, один снаряд попал в сарай и зажег находившееся в нем сено. Огонь распространился так быстро, что из сарая не успели вынести всех раненых. Трое из них погибли в пламени.

Наступила ночь. Выдвинувшимся вперед частям приказано отойти к селу и выставить сильное охранение. Потери в Офицерском полку были серьезны: до 50 человек. Был ранен в голову и командир полка, генерал Боровский. По приказанию генерала Маркова полк принял полковник Дорошевич.

21 апреля. Страстная суббота. Пришло радостное сообщение: 2-я пехотная и конная бригады разбили красных у села Гуляй-Борисовка и заставили их поспешно отойти от станицы Егорлыцкой и очистить станицу Мечетинскую. Итак, Добровольческая армия соединилась с восставшими донцами южных станиц, которые вошли в подчинение генералу Деникину. Теперь территория армии уже не ограничивалась территорией одной станицы или села. У армии теперь есть тыл, и в первой половине дня в тыл, в станицу Егорлыцкую, уехал весь походный лазарет. Вместе с лазаретом был отослан и обоз всей 1-й бригады. Обоз оставлял село под обстрелом артиллерии противника.

Обстрел начался с утра и постепенно усиливался. Одновременно было видно разворачивание красной пехоты на значительно большем фронте, нежели в предыдущие дни, и с охватом села с северо-востока

и юго-запада. Затем вся эта масса перешла в наступление. Захваченные пленные в стычках передовых частей заявили, что на митинге минувшей ночью было решено во что бы то ни стало взять Лежанку, чтобы в ней встретить праздники.

Бой был жестоким. Неоднократно выскакивали вперед пулеметы на тачанках и 1-я батарея, расстреливая красных чуть ли не в упор. Неоднократно Офицерский и Кубанский полки то там, то здесь переходили в контратаки, но красные, подаваясь в иных местах назад, поддерживаемые резервами, продолжали наступать. Упорный бой шел на самой окраине села, на кладбище. Красные захватили кирпичный завод и угрожали перерезать дорогу на станицу Егорлыцкую. Для восстановления положения была послана Инженерная рота — последний резерв генерала Маркова. 80 человек, поддержавших часть Офицерского полка, не смогли сломить сопротивление противника в 500 человек и залегли. Пришлось снять с соседнего участка полуроту в 50 человек. Немедленной атакой красные были выбиты из кирпичного завода и бежали, оставив на месте 2 пулемета и много патронов.

По всему фронту наступление красных стало выдыхаться. Генерал Марков приказал Инженерной роте «пройтись в село Лежанка с пасхальным визитом», но общая обстановка перед селом заставила его отменить приказание. Только к вечеру красные окончательно были отброшены от села.

На этот раз красные не задерживались на виду у села, а отошли в те села, из которых они пришли. Выставив охранение, части бригады расположились в домах на окраине. Мечта многих побывать в церкви у Светлой Заутрени не осуществилась. Не было приготовлено ничего и для пасхального стола, так как еще утром хозяйственные чины вместе с обозом уехали в станицу Егорлыцкую. Разговорелись только тем, чем угостили жители.

В минувшем бою части бригады понесли чувствительные потери — до 80 человек, из которых 7 убитых, потерял Офицерский полк; Инженерная рота одними убитыми потеряла 8 офицеров и свыше 20 ранеными. Снова при бригаде образовался походный лазарет с не менее чем 150 ранеными. Опять ранен был и командующий Офицерским полком, полковник Дорошевич. Генерал Марков назначил командовать полком полковника Хованского.

Вечером, в конце боя, из Лежанки в станицу Егорлыцкую уехал штаб армии.

22 апреля. 1-й день Святой Пасхи. Перед рассветом части бригады приготовились к возможному наступлению красных, но последние не появлялись: решили праздновать. Так русские люди, вчера ведшие

бой, сегодня отдыхали и отмечали день Святой Пасхи в 15—20 верстах удаления друг от друга.

Грустный праздник был у жителей: они боялись ухода добровольцев и прихода красных. Грустный он был и для добровольцев: в Светлое Христово Воскресение им пришлось хоронить своих соратников. Похоронили их на том же кладбище, на котором раньше были похоронены первые четыре жертвы начала похода.

Генерал Марков обошел свои части и поздравил их с праздником. Ему кричали «Ура!». Посетил он и раненых, которые забыли на время свои боли, увидев своего любимого начальника. Пошутил он над 4 ранеными 4-й роты:

— Что это вы подставляете свои ноги и руки? (Двое были ранены в ноги и двое в руки.) А я так вообще не подставляю себя под пули.

Вызвал генерал Марков улыбку даже у тяжелораненых. Один офицер был ранен в живот навывлет, и у него началась кровавая рвота. Подошел генерал:

— Ну что? Ранен?

Раненый улыбнулся, кивнул головой.

— По глазам вижу, что выздоровеете!

Эта улыбка смертельно раненного, этот случай запомнились. Раненый действительно выздоровел.

Трудно было подыскать название генералу Маркову, которое оценивало бы его целиком. Он и «ангел-утешитель», как в описанном случае, он и «ангел-хранитель», как называли его в обозе армии, грозой которого он был, он и «бог войны», и «шпага генерала Корнилова».

Вечером этого дня бригада выстроилась на северной площади села и ей было объявлено, что она оставляет село. Колонна на подводах тронулась по дороге на станицу Егорлыцкую, перешла мост через реку Егорлык, ту реку, которую в свое время переходил вброд Офицерский полк, но вскоре свернула с дороги вправо. В сумерках хвост полка был внезапно обстрелян наскочившим на него грузовиком с пулеметом. Но одного артиллерийского выстрела было достаточно, чтобы грузовик поспешно скрылся.

23 апреля. 2-й день Святой Пасхи. На рассвете бригада подошла к разъезду Прощальный на железной дороге Торговая—Батайск. Высланные подрывники к станции Целина подорвали там путь, а бригада в это время основательно разрушила его у разъезда. Выполнив эту задачу, она двинулась в станицу Егорлыцкую, куда и прибыла еще засветло, проделав за сутки до 50 верст.

Встреча и прием станичниками ставших у них по домам добровольцев были искренне радостные, с широким гостеприимством. Теперь

их отношение к добровольцам совершенно не было равнодушным, как два месяца назад. Они признались в своем заблуждении. И это произошло ровно через два месяца, как тогда им и говорил генерал Корнилов. Старик казак с гордостью заявлял, что его два сына, служившие раньше в Императорской Гвардии, теперь «бьют большевиков». Все это радовало добровольцев, усиливало пасхальное настроение.

24 апреля. 3-й день Святой Пасхи. За ночь все чины бригады спокойно выспались и проснулись в бодром и радостном состоянии. Не теряя времени, разбрелись по станице, чтобы встретиться и похристосоваться со своими знакомыми и друзьями. Все спешили в походный лазарет навестить и поздравить раненых соратников. «Христос воскрес! Воистину воскрес!» — раздавалось по станице.

Во второй половине дня разнесся слух о выступлении. Досадно! Но бодрое настроение оставалось. На вечерней переключке и молитве было объявлено: рано утром бригада выступит на подводах. Никаких вещей с собой не брать, но патронами запастись. И так — снова в поход, но как будто на короткое время. Куда и с какой целью? Ответ на эти вопросы генерал Марков дал бы короткий и определенный: «Это вас не касается!»

О предстоящей задаче похода узнали лишь 7 офицеров Инженерной роты, во главе с подполковником Александровым¹⁷⁴, которых генерал вызвал к себе и сказал:

— Инженеры! На вас возлагается серьезная задача, от которой зависит успех нашего набега на треугольник станций: Крыловская—Сосыка—Ейская и Сосыка—Владикавказская. Вам надлежит пробраться в тыл к красным и около разъезда Хуторской, на железной дороге на Ейск, подорвать основательно полотно железной дороги и перерезать телефонные и телеграфные провода. Нужно, чтобы все, что есть на этих трех станциях, попало нам в руки. В ночь на 27 апреля вы должны выполнить этот приказ, а с утра я примусь за красных. Вам в помощь дается три проводника и сотня черкесов. Подробные приказания даны подполковнику Александрову.

Ночью отряд тронулся в путь.

25 апреля. В 6 часов утра 1-я пехотная и Конная бригады выступили в юго-западном направлении. Целый день тряски на подводах и прибытие в станицу Незамаевскую. Переход около 65 верст. Ночевка.

Казачи просили генерала Маркова оставить отряд для защиты их станицы, на что тот предложил им самим организовать защиту, а еще лучше — влиться в части бригады. Те колебались.

26 апреля. Утром генерал Марков объехал части и объявил задание, данное армии:

— Идем запасаться боевой провизией. 2-я бригада будет наступать на станцию Крыловская. 1-я в центре, на станции Сосыка-Владикавказская и Сосыка-Ейская; Конная — левее, на станции Леушковская. Цель — захват всего, что имеется у красных на этих 4 станциях. Боевая провизия необходима ввиду массового прилива в ряды армии кубанских казаков.

От станицы Незамаевской 1-я и Конная бригады пошли по разным направлениям. Проехав около 30 верст, 1-я бригада остановилась, не доезжая нескольких верст до станции Сосыка-Владикавказская. Разъезды от Черкесского конного дивизиона, приданного бригаде, доносили, что станция занята большими силами противника с бронепоездом. По диспозиции штаба армии атака трех бригад должна начаться одновременно с рассветом следующего дня.

С наступлением ночи 1-я бригада стала разворачиваться в боевой порядок: Офицерский полк для атаки станции Сосыка-Владикавказская, Кубанский — левее его; с занятием этой станицы бригада должна, заходя левым плечом вперед, наступать на станцию Сосыка-Ейская.

* * *

Отряд подполковника Александрова в течение 25-го и 26 апреля скрытыми путями, весьма осторожно приближался к Владикавказской железной дороге, севернее станции Сосыки. В ночь на 27-е он перешел дорогу и приблизился к месту своего назначения. Оставив шагах в 300 от железной дороги черкесов и проводников, офицеры подползли к полотну и принялись за работу. Через короткое время — команда: «Отползай». У полотна остались двое. Следующая команда: «Поджигай». Раздались сильные взрывы. И в этот момент, всего лишь в нескольких шагах от места взрыва, офицеры увидели силуэт остановившегося бронепоезда. Еще момент, и по ним понеслась с него пулеметная очередь: видимо, красные заметили отбегавших. На рассвете отряд взял направление на гул начавшегося боя и благополучно присоединился к бригаде.

27 апреля. Незадолго перед рассветом 1-й роте было приказано произвести демонстрацию наступления. Рота сбила заставу красных, но, подойдя к железной дороге на 200 шагов, была встречена картечным и пулеметным огнем бронепоезда. Она залегла и в этот момент подверглась атаке красной пехоты с флангов. В жестокой схватке сопротивление роты было сломлено, и она стала отходить. Преследовавшие ее красные были остановлены огнем батарейных и ротных пулеметов. На всем фронте разгоралась стрельба.

Едва стало светать, Офицерский полк перешел в наступление. Перед железной дорогой, не в силах преодолеть сильнейший огонь противника, он залег, но через несколько минут, когда 1-я батарея отогнала бронепоезд, а слева, у кубанцев, уже неслось «Ура!», он сбил красных, занял станцию и, не задерживаясь на ней, повел наступление вдоль железной дороги в северном направлении. Красные отходили, не оказывая уже сопротивления, и вскоре совершенно рассеялись.

Генерал Марков с Черкесским дивизионом, не обращая внимания на разбегавшихся красных, прискакал на станцию Сосыка-Ейская. На обеих станциях было захвачено несколько эшелонов с «боевой провизией», которую немедленно стали перегружать на те подводы, на которых ехала бригада, в то время как Офицерский полк продолжал двигаться на север. Бронепоезд красных успел проскочить станицу Крыловскую до занятия ее 2-й бригадой.

Был момент тревоги: к станции Сосыке с востока подходила большая колонна пехоты и кавалерии. Выяснилось, что это были казаки станицы Незамаевской, шедшие на присоединение к бригаде. Их было свыше 500 человек. Генерал Деникин, приехавший на станцию, их всех назначил на пополнение в 1-ю бригаду, и им тут же было выдано оружие.

Тем временем Офицерский полк занял станицу Павловскую, радостно встреченный жителями. Генерал Марков просил их немедленно разойтись по домам, так как станица не будет удерживаться, что вызвало у жителей восклицания: «Что теперь будет с нами?» Захваченных здесь пленных в числе нескольких десятков человек генерал Марков приказал отпустить.

К вечеру в станицу Павловскую пришел и Кубанский полк, а ночью вся бригада двинулась дальше на север.

28 апреля она пришла в станицу Ново-Михайловскую, в 6—7 верстах западнее станции Крыловской, занятой с жестоким боем 2-й бригадой, еще ведшей бой севернее ее. Через несколько часов на станцию выступила вся 1-я бригада, но на ней не задержалась, а проследовала на восток, через станицу Екатериновскую в станицу Ново-Пашковскую, где и расположилась на ночлег. За нею отошла и 2-я бригада.

29 апреля. Бригада перешла в село Гуляй-Борисовка и 30 апреля — вернулась в Егорлыцкую. Уставшими вернулись части с «налета на Сосыку», но бодрыми. Одержан был большой успех и добыты трофеи, нужная для армии «боевая провизия». 2-я бригада захватила даже два орудия. В первый раз Добровольческая армия вела наступление на фронте в 30 верст.

Потери в Офицерском полку были большие: около 100 человек, из которых на долю одной 1-й роты пришлось 27 человек убитыми и 44 ранеными, свыше половины ее состава. Был ранен и командующий полком, полковник Хованский, третий командир за время с 20 апреля. С 27 апреля в командование полком вступил полковник Тимановский. Генерал Марков расстался со своим неразлучным помощником, оставаясь, однако, его ближайшим начальником.

30 апреля — дата окончания Корниловского, Ледяного, 1-го Кубанского похода Добровольческой армии.

* * *

Приблизительный подсчет потерь в частях будущих марковцев за 6 месяцев, то есть за два периода: на Дону до Кубанского похода и во время похода — дает такие результаты.

На Дону: потери в Сводно-Офицерской роте, 4-й основной, в 1-м, 2-м, 3-м Офицерских батальонах — около 300 человек, в Ударном дивизионе — 40, в Морской роте — 35, в Юнкерском батальоне — 80. Итого в частях, составивших позже Офицерский полк, — до 500. В Технической роте — около 12, в 1-й батарее кровавых потерь — 21. Всего для будущих марковцев — до 600.

В Кубанском походе: в Офицерском полку и Юнкерском батальоне — около 1100 человек, в 1-й батарее — 35, в Технической роте — 40. Всего — около 1175. Из коих около 300 человек одними убитыми и до 80 человек без вести пропавшими.

За поход в Офицерский полк были влиты пополнения в количестве до 600 часов. Он начал поход в числе 800 человек. Во время похода был некоторое время численностью в 300 человек и закончил его после «налета на Сосыку», имея в рядах свыше 500 человек, в значительной части уже не офицерского состава, а казачьего.

Офицерскому полку в походе, по общему признанию, пришлось сыграть главную роль и быть исключительной опорой армии. Полк офицеров, и это показано на деле, можно было уничтожить измором, огнем, огромной численностью, но отнюдь не разбить его. Для красных один вид наступающих офицеров, одно: «идут офицеры», уже лишал их моральной стойкости. Но мало объяснить высокую боеспособность полка его офицерским составом: влияние, руководство и пример генерала Маркова поднимали ее, всесторонне развивали и утверждали в рядах офицеров и вообще добровольцев в боевых традициях.

НА БОЕВЫХ ПОСТАХ¹⁷⁶

Начало Кубанского похода

К утру 10 февраля вошли в станицу Аксайскую и разместились в школе. В классах, за партами, моментально уснули. Спали три-четыре часа и потом двинулись по льду через Дон в Ольгинскую. Разместились в этой станице хорошо и свободно. Целый день и следующую ночь крепко спали. Наутро сытно позавтракали, привели в порядок оружие и обмундирование. 12-го произошла реорганизация армии. Три офицерских батальона, юнкерский и мелкие отряды были выстроены на площади и сведены в один Офицерский полк. Батальоны стали ротами, и нашу, Первую, принял Плохинский. Командиром полка стал генерал С.А. Марков. И все почувствовали что-то новое, и малодушию или унынию не оставалось уже места.

13 февраля начался наш поход на Кубань. До 21-го прошли станицы Хомутовскую, Кагальницкую, Мечетинскую и Егорлыцкую без крупных столкновений. А 21-го перешли в Ставропольскую губернию, чтобы через село Лежанка попасть в Кубанскую область. Село оказалось занято остатками большевизированной 39-й дивизии с Кавказского фронта, занявшими позицию за речкой по окраине села. Значит, будем драться!

Полк принял боевой порядок и форсировал под частым огнем речку по грудь глубиной. Красные были сбиты стремительной атакой и бежали из села. Рота потеряла двоих (прапорщика Бута и кадета Бутковского) убитыми, а среди раненых оказался и штабс-капитан Бутенко¹⁷⁷.

На похоронах первых жертв похода присутствовали Алексеев и Корнилов. Я командовал почетным взводом. В бою были взяты в плен несколько офицеров-артиллеристов, стрелявших по нас. Был суд, на котором я присутствовал как начальник караула. Смертный приговор был Корниловым отменен, и подсудимые были поставлены в строй рядами.

23 февраля армия вошла в станицу Плоскую, 24-го в Незамаевскую, где я был начальником заставы сторожевого охранения. 25-го отдыхали в станице Веселой, а потом ночью перешли железную дорогу у станицы Ново-Леушковской и остановились только в Ирклиевской, сделав утомительный переход в 50—60 верст. Отдохнувши сутки, 1 марта пошли на Березанку, где нас встретили значительные силы красных, сре-

ди которых были и казаки. Разгорелся жаркий бой. Наш и Корниловский полки выгнали противника из окопов и станицы. Были и пленные. Генерал Марков приказал мне занять курганы за станицей, куда потом конный дивизион согнал около 200—300 пленных.

Полк в тот же день занял Журавскую, где мы провели 2 марта, но все время слышалась стрельба в направлении на Выселки, куда наступал Партизанский полк. Утром мы были двинуты ему на помощь, атаковали большевиков и на ночлег остановились в Выселках.

Продвигаясь вперед, попали под орудийный огонь красных. Мы наступали цепью влево от железной дороги, а корниловцы вправо от нас. Их 7-я рота, в которой было много персов-добровольцев, оседлала насыпь. Цепи вошли уже в сферу ближнего ружейного огня со стороны занятого красными бугра. Ускоряем шаг и кидаемся в атаку. Большевики покидают свои окопы и отбегают назад. Мы уже почти на линии их окопов, как вдруг появляется бронепоезд и начинает обстрел в упор против нас и Корниловской роты. Ободренные красные поворачивают и переходят в контратаку. Рота корниловцев отходит и обнажает наш правый фланг. Бронепоезд бьет вдоль цепи нашей роты, и она тоже отходит. Во время нашей атаки я был ранен в правую руку. Исхожу кровью и чувствую страшную слабость. Кричу: «Не бросайте!» — но каждый занят самим собою. Изнемогая, я упал без сознания на копну соломы. Придя в себя, я пытался левой рукой через скатку шинели вытащить револьвер и застрелиться, но достать его не смог. Часа два спустя наши повели наступление снова. Я видел, как из-за бугра стреляла наша батарея, а цепи двинулись вперед. Невдалеке пробежал вперед офицер с «цинкой» патронов. Я окликнул его и просил меня перевязать. Достав из кармана у меня перевязочный пакет, он забинтовал мне рану с набившейся вокруг нее грязью. И обещал прислать ко мне сестру Плохинскую, жену Назара Борисовича. Она явилась уже к вечеру. На носилках меня отнесли в железнодорожную будку, где собралось много раненых.

Бой закончился. Станица взята нами. За ранеными прислали подводы и перевезли в школу, уложив на солому. Рука у меня страшно болела. Были перебиты кости в кисти. Ко мне пришли Плохинский и Коломацкий¹⁷⁸. Кто-то принес кусок поросенка, но мне было не до еды. Раненых в этот день было так много, что ни сестры, ни доктор не успели осмотреть рану, сделать чистую перевязку, а лишь подбинтовали прежнюю, так как сочилась кровь. Только на пятый день, уже в Некрасовской, доктор развязал рану, промыл ее и сказал, что все кости перебиты и на нормальное заживление рассчитывать нельзя.

9 марта рано утром выступили из Некрасовской и целый день шел бой за Филипповские хутора. Взяли их, но некуда было разместить лазарет, и все раненые ночевали на повозках. Утром 10 марта переход через реку Белую и снова весь день бой. Положение было отчаянное. Сзади насаждает преследующий нас противник и обстреливает нас, не жалея патронов. Впереди дорогу преграждают свежие, за ночь подошедшие силы. И оттуда свистят пули тоже по обозу с ранеными. А тут кричат, чтобы раненые отдали все сохранившиеся патроны, ибо запас их иссякает. Идут слухи, что батальон корниловцев отходит, а наш полк пошел в контратаку. Невдалеке вижу экипаж генерала Алексеева... Вид у старика озабоченный. Приготовляю на всякий случай револьвер...

Но после полудня наступил перелом в нашу пользу. Красные отброшены влево, и дорога свободна. Санитарный обоз двинулся на станицу Рязанскую рысью. У меня начались такие боли, что я умолял подводчика высадить меня из повозки и оставить возле дороги. Но кое-как довели меня до станицы. Здесь пришла радостная весть — установлена, наконец, связь с кубанцами.

Дальше пошли черкесские аулы. В одном из них на привале пришел фельдшер сделать мне перевязку. Развязал руку, она посинела и отвратительно пахнет. Все признаки гангрены. Был вызван врач, сказавший, что операцию надо произвести немедленно и руку ампутировать. Стали меня готовить, поставили клизму, а в этот момент приходит связной и передает приказание выступить. Доктор говорит, что в следующем ауле будет привал на два часа и он там сделает ампутацию. После дождей дорога ужасная. Грязь невылазная. В повозку были запряжены слабосильная лошадка и мул. Мы отстали от обоза и застряли, но тут, на счастье, оказалось, что в арьергарде наш Офицерский полк. Мою повозку вытащили из грязи, и когда мы нагнали лазарет, то в маленькой сакле уже успели одному поручику отрезать ногу. Без церемоний меня уложили на стол, маску на физиономию, и готово. Сонного кладут на повозку. В пути просыпаюсь, чувствую себя как-то легко. Рядом сидит приставленная ко мне сестра — англичанка. Опять наши «кони» отстали. Повозка последняя в колонне.

Нагоняет нас комендант штаба армии полковник Корвин-Круковский. Заинтересовался моим положением, уступил нам своих вороных лошадей в хорошей повозке, а сам пересел на верхового коня. Это было для нас спасением. В следующем ауле заночевали. Меня и оперированного со мною поручика положили в крошечной комнате при школе на соломе. Охватила страшная слабость; бывшая при нас сестра согрела чай и дала какие-то коржики. Заснул. Утром узнал, что ночью поручик скончался. Галопирующая гангрена.

Сестра сказала мне, что вчера доктор ее предупредил, чтобы она больше внимания оказывала бы поручику, а капитана (меня) «пенсика спета», не выживет... А капитан и до сих пор жив!

Бои за Екатеринодар

Утром начался Ледяной поход. Армия в проливной дождь со снегом двинулась на станицу Ново-Дмитриевскую, а раненых повезли в Калужскую. В такую непогоду я был укрыт только шинелью, и сестра проявила действительно свое милосердие — сняла шинель и кожаную меховую куртку и покрыла меня. А я не могу согреться. Возможно, у меня была температура, но она ее не мерила, да и термометра, наверно, не было.

В таких условиях приехали в Калужскую, занятую частями генерала Покровского. С квартирами трудно. Наконец сестра нашла дом, где в комнате на кровати спал какой-то ротмистр в шинели мирного времени, и попросила его уступить кровать капитану с ампутированной вчера рукой.

В это время армия, особенно наш полк, совершала достойный Суворова Корниловский — а еще вернее, Марковский — переход в снежную бурю, по ледяной воде, чтобы овладеть Ново-Дмитриевской. Столько героизма, как в эту ночь, никогда еще не было проявлено. А утром обоз с ранеными был переброшен во взятую станицу.

Мое состояние было удручающим. Я так ослабел, что не мог встать на ноги. На повозку и потом с нее меня несли. Нас хорошо разместили, мою рану перевязали. Наладилось также питание. Но не надолго...

24 марта после тяжелого боя была взята станица и станция Георгие-Афипская, и нас, раненых, перевезли туда. 28-го переправились паромом в Елизаветинскую; лазаретный обоз стал на дворы школы, но раненых с повозок не снимали. Слышен гул сильной канонады. Армия уже начала атаку Екатеринодара, но взять его не могла: были слишком слабы ее силы по сравнению с несколько раз превосходящими красными.

Корнилова не стало — Деникин

31 марта убит Корнилов. Все почувствовали несказанное горе от этой потери. Тело привезли в церковь, и я накрепк все силы, пошел туда с сестрой проститься с дорогим Вождем и помолиться...

Настроение в армии ужасное. Убита вера в наше дело. Расползаются всевозможные слухи. Что нам готовит уже не день грядущий, а час?.. Но вот стало известно, что командование принял генерал Деникин. Всем нам известный, внушивший сразу доверие. Новая стратегия. Отход от Екатеринодара. Раненых, около 1500, повезли снова на подводах. Куда — никто не знает. Остановились в немецкой колонии Гначбау. Вправо сильная стрельба. В том направлении, говорят, наш полк. Он пришел к ночи. Люди заснули как убитые. Утром стали подсчитывать потери. Всех не вспомнишь, но особенно было жаль штабс-капитана Некрашевича¹⁷⁹, принимавшего нас в роту в Новочеркасске, — одного из достойнейших офицеров. А кругом все усиливающаяся, все приближающаяся стрельба красных. Несколько снарядов попало во двор, где стояла наша повозка. Обоз вытягивается вдоль улицы в несколько рядов. В него попадают снаряды, убивая лошадей и добивая раненых. Ползут зловещие слухи. Я вытащил из-под головы револьвер и, держа его в левой руке, ждал момента покончить с собой. Но сестра заметила и резким движением вырвала его у меня и унесла. Так больше я своего револьвера не видел...

В сумерках вдалеке раздалось «Ура!». Это наша конница! Нервы наши требуют какого-то движения. Только бы не стояли на месте. Все равно — куда! И вот колонна двинулась. Строжайше запрещено курить, шуметь. Наша сестра получила в полное подчинение двадцать подвод. И следит за всем. Стало известно, что идем мы на Медведовскую, где надо перейти железнодорожное полотно. Станция занята красными, и у них бронепоезд.

В авангарде наш Офицерский полк. Все надежды на него. В пять часов утра генерал Марков ловким личным маневром захватил бронепоезд. Переезд был свободен, и под пулеметным огнем повозки рысью пролетали через него. Возница нашей повозки был ранен в ногу. Несколько человек у нас были ранены вторично. Были и убитые.

В станице нас положили на солому в школе. Врач разрешил мне вставать и ходить. А наблюдавшая за мною сестра ушла в лазарет. Тут появился слух, что всех тяжелораненых оставят в станице. Я страшно боялся этого и напруг все силы, чтобы добраться до своей роты, и просил Плохинского взять меня на попечение роты. На таком положении при роте оказались Бутенко, раненный тоже Коломацкий и еще несколько наших офицеров. Заботу о нас взяла сестра Плохинская. На следующий день, в Дядьковской, вся армия была посажена на подводы и переменным аллюром днем и ночью двигалась на восток, пока не дошла до станицы Успенской. Несколько дней отдыха под прикрытием сильного сторожевого охранения во все стороны. Тут

я видел на площади перед Деникиным большой разъезд донцов, прибывших к нему просить помощи в начавшемся восстании. А два месяца назад, проходя через их станицы, мы уговаривали казаков присоединиться к нам. «Нет, — говорят, — мы с «товарищами» договоримся!..» Ну и «договорились»!

Значит, идем на Дон. 17 апреля снова в памятной нам Лежанке. Снова бои в ее окрестностях. 20-го в Великую Пятницу был на выносе Плащаницы. В храме был и генерал Деникин.

Ночью в Великую Субботу раненых перевезли в Егорлыцкую. Когда въезжали в станицу, как раз зазвонили к Светлой Заутрене. Сейчас казаки приняли нас иначе, чем в феврале. Прекрасно угостили за пасхальным столом, и отношение было братское и даже заискивающее.

Через несколько дней раненых направили в Манычскую, где погрузили на пароход, так как Дон сильно разлился, и отвезли в Новочеркасск. Я вместе с Бутенко и Коломацким попал в лазарет Епархиального училища. Нас отправили сразу в баню, выдали чистое белье, уложили в чистые постели. С утра доктор, сестры, стерилизованные перевязки. Но питание скудное. Моя сестра подкармливала меня манной кашей.

В это время армия для пополнения оружием, снарядами и патронами произвела набег на железнодорожный узел — треугольник: станции Крыловская, Сосыка-Ейская, Сосыка-Владикавказская. Набег был удачный в смысле добычи, но обошелся дорого. Наша первая рота потеряла 27 человек убитыми и 44 ранеными.

30 апреля эта операция была закончена, и ею завершился Первый Кубанский поход.

*Ю. Рейнгардт*¹⁸⁰

МОЙ ВЗВОД¹⁸¹

Образ вдаль отошедших времен
Жизнь во мне не смогла затуманить.
Длинный ряд драгоценных имен
Бережет благодарная память
Каждой строчкой в былое маня,
За страницей проходят страницы,
С них спокойно глядят на меня
Незабвенных соратников лица

На еще ясном экране моей памяти ярко проходят картины Белой борьбы и знакомые лица оживленной толпы фигурантов, из которых

ни один не играл ответственной роли, но участием своим создавал широкий фон сменявшихся, как в калейдоскопе, событий.

Со своих заранее распределенных мест не могла охватить эта толпа всего происходящего на огромной сцене, одновременно вмещающей и степи, и горы, и леса, и реки, и большие губернские города, и маленькие хутора, и деревеньки.

Составляя собою маленькую частицу этой толпы, я и не собираюсь описывать ни общих картин, ни широких сцен, только маленький кусочек которых был доступен моему наблюдению из отведенного мне узкого уголка; я только хочу воскресить в памяти образы тех лиц, с которыми судьба соединила меня и навсегда запечатлела в моем сердце.

Я хочу описать не героев, а только простых людей с их хорошими и плохими сторонами, а иногда только несколько черточек их характера или обстановки их жизни и смерти.

Все они для меня дороги, и все они, и мертвые и живые, для меня живы.

Вечная любовь им. Вечная им память.

«Тонняга»¹⁸²

Высокого роста; во взводе, построенном по ранжиру, стоит на четвертом месте, между мною и поручиком Ершовым¹⁸³. Его оголенная спереди голова имеет по бокам жидкую растительность неопределенного цвета, отдающего в рыжину. Маленькие черты лица его кажутся еще мельче благодаря бакам «а-ля Пушкин» и тоже рыжеватым. Длинные тонкие пальцы выдают далеко не пролетарское происхождение. На лице, освещенном небольшими зеленовато-серыми глазами, застыло выражение презрительного высокомерия. Корнет 3-го Заамурского полка, рядовой 3-го взвода 1-й Офицерской роты — Пржевальский.

Одежда его состоит из зеленовато-серого (горохового) френча, синих бриджей и высоких кавалерийских сапог со шпорами, а во время выходов или нарядов долгополая шинель с высоким разрезом сзади довершает его одеяние.

Когда через прапорщика Пелевина¹⁸⁴, исполняющего должность ротного писаря, становится известным о зачислении в роту вновь прибывшего офицера, корнет Пржевальский задает один и тот же вопрос: «А что, он тон-няга?» — очевидно видя во внешнем виде соратника главенствующее качество. Но, увы, редко кто из новеньких сохранил хотя бы подобие офицерского вида, прорвавшись сквозь

кордон большевистского контроля, что сильно огорчает корнета Пржевальского. Первое впечатление, произведенное на меня, было не в его пользу. Мне он показался и пустым, и негодным для решительного действия, требуемого условиями обстановки того времени.

Это время не заставило себя ждать. От нашего взвода потребовалось 12 человек для не ведомой никому очень опасной и ответственной экспедиции. Корнет Пржевальский обратился к взводному командиру капитану Згривцу с просьбой о назначении его в набираемую группу.

— А чем ты лучше других? Пойдут те, кого я назначу, — ответил капитан Згривец, ярый противник «охотников» и «выскочек».

Пржевальский взбесился и за обращение на «ты», и за отказ, и за урок, данный ему Згривцем, но сдержался, ответив лишь удвоенной порцией высокомерия на своем уже и без того высокомерном лице, и не возразил ни слова; мне же сказал: «Произведенный из солдат никогда не станет офицером» — и затаил в себе неприязнь к капитану Згривцу, которую тогда разделял и я.

Через полчаса стал известен всем весь состав группы: корнет Пржевальский значился в ней вместе со мной. Когда, переодетые «товарищами», мы предстали перед генералом Деникиным, то он, только взглянув на Пржевальского, идти ему запретил, ибо один его вид явно изобличал «наряженного» и грозил провалить все дело. Неудовольствию «тонняги» не было границ...

Гуково. Только что кончился рукопашный бой¹⁸⁵. Трупы покрывают и дебаркадер станции, и железнодорожные пути. Ко мне подходит корнет Пржевальский и предлагает следовать за ним в маленький садик.

— Прапорщик, у вас есть индивидуальный пакет?

— Так точно.

— перевяжите мне рану.

— Разве вы ранены?

Вместо ответа, он снимает шинель и свой гороховый френч и стягивает с себя нижнюю рубашку. Маленькое пулевое отверстие в груди; выходное — слегка ниже, под лопаткой.

— Господин корнет, почему вы не обратитесь к Пелагее Иосифовне (сестра милосердия, жена полковника Плохинского)?

— А капитан Згривец к кому-либо обращался? — отвечая вопросом на вопрос, произнес Пржевальский.

Капитан Згривец, раненный в кистевой сустав левой руки, провел всю рукопашную схватку одной правой рукой, что выяснилось только после окончания боя, и узнавший об этом Пржевальский явно под-

ражал ему, внутренне сознавая его превосходство над собою, но еще не в состоянии примириться с этим моральным аффектом. Мое личное отношение к капитану Згривцу, также изменившееся в его пользу еще ранее, теперь, после поведения Пржевальского, крепилось еще больше, и сквозь него я впервые взглянул иными глазами на никчемного и несимпатичного мне «тоннягу».

Первый переход в станицу Хомутовскую. Головной, по мокрому, тяжелому чернозему, идет наша рота. Глубоко уходят ноги в тягучую липнущую грязь, и сапоги вытаскивают на себе черные комья земли, пристающие к полам шинелей и сильно отягощающие и без того трудный шаг. Время от времени мы счищаем их с сапог и с шинелей отомкнутыми специально для этого штыками.

В своей долгополой, с высоким разрезом кавалерийской шинели «тонняга» идет, облепленный доходящей почти до пояса грязью. Шпоры на его сапогах сильно способствуют перенесению донского чернозема на шинель, напоминающую теперь большой грязевой колокол с толстыми краями. На первом же привале «тонняга» освобождается от него самым рациональным и единственно возможным образом: полы его шинели отрезаны выше колена, и вся она представляет собою кругом скюртучок с болтающимися позади маленькими фалдочками. Выражение лица сохраняет свое высокомерие. Невозможно удержаться от смеха...

Густые, широкие камыши реки Средний Егорлык укрывают роту от взоров красных. В трех-четыре шагах впереди начинается открытая гладь воды шириной в 40—50 шагов, за нею снова легкий пояс камышей и за ним, вырытые в огородах села Лежанка, окопы красных. Передо мной направо, налево, впереди, сзади густой лес камыша. Плотной стеной обступил он затаившуюся в нем роту, и только то легкий треск стеблей, то неожиданный шелест его длинных листьев говорит мне о близости моих соратников. И вдруг рядом со мною высовывается, в ореоле густых листьев, обрамленное баками лицо «тонняги».

— Вперед! — бросает он мне и, пробираясь сквозь камыш, идет к открытой воде.

Когда, следуя за ним, я оказался в реке, то увидел странную и необъяснимую картину: передние уже прошли середину реки и движутся по пояс, а то и по грудь в воде к противоположному берегу, но движение их необъяснимо медленно, особенно ввиду близости противника. Через два шага все стало для меня ясно: илистое дно реки засасывало ноги то по икры, то по колено, и вытаскивать их было очень тяжело. Наше счастье, что красные за высокими камышами не видели нашего приближения, иначе это было бы концом роты.

По окончании боя в отведенной для взвода хате, вынимая из сапог набившийся туда ил, обращаясь ко мне, «тонняга» будто задумчиво произнес:

— Будь там пошире хоть на десять шагов, я бы там и остался.

Еще вчера я не поверил бы своим ушам, если бы он сказал такую фразу, а сегодня он произнес ее спокойно, без комедиантского растягивания слов. И показалось мне, что и в выражении лица его что-то изменилось, будто смыла грязная илистая река все то наносное, что делало его смешным и несимпатичным. В следующих переходах и боях рядом со мною шел уже не тот корнет Пржевальский, который неделей назад вышел из Ростова...

15 марта. Мелкий холодный дождь насквозь промочил шинели; температура все падает и постепенно обращает его в маленькие ледяные иголочки, больно бившие по лицу, и покрывает одежду ледяной корочкой. Холодно. Рота, сперва шедшая по дороге, внезапно сворачивает влево и идет в завуалированную дождем пустоту степи. Через час неширокая, в шесть шагов, канава, наполненная бегущей водой, преграждает дальнейшее продвижение. Обе стороны ее обсажены столетними полусгнившими раkitами. Наш берег пологий — противоположный представляет собою невысокий вал, что делает его выше нашего и исключает всякую возможность прыжка. Появившийся внезапно генерал Марков приказывает или найти старую корягу от упавшей раkitы, или выломать одну из стоящих. Старая коряга была вскоре найдена и общими усилиями брошена посреди канавы. Теперь предстоит переправа в два прыжка: с берега на корягу и с нее на другой берег.

Бой 4 марта под Кореновской вырвал из рядов взвода подпоручика Яковенко и прапорщика Нестеренко, и теперь в голове взвода стоял я, а за мной корнет Пржевальский, так что честь открытия переправы предоставлялась мне, что я и проделал чрезвычайно эффективно. Под тяжестью моего тела возведенный нами шедевр строительного искусства перевернулся, и я оказался в холодной и грязной воде, доходящей почти до пояса. Корнет Пржевальский не прыгнул, а просто вошел в воду и стал против меня по другую сторону предательской коряги. Со своих мест мы подавали руки переправлявшимся, а коленями удерживали корягу в устойчивом положении...

Не выдержали 1-й Кубанский поход щегольские сапоги Пржевальского. Ежедневно мокрая и наспех высушиваемая кожа их сгнила, и в образовавшиеся дыры настойчиво стремились выскочить пальцы его ног.

Тряпки или веревки, предназначавшиеся для удержания подметок и закрытия дыр, плохо исполняли свою обязанность, и ему приходилось часто возобновлять эти перевязки. В атаке на железнодорожную насыпь

станции Георгие-Афипской за бегущим впереди меня Пржевальским, цепляясь за низенькие кустики, тянулась длинная и грязная тряпка..

Екатеринодар. Взятые артиллерийские казармы. С окружавшего их невысокого вала бросилась 1-я рота на ближайшие дома города. 150—200 шагов. Не пробежала и трети расстояния, смятая пулеметным огнем. Упал бежавший впереди Пржевальский. Упал и не поднялся. Остался лежать, где застигла его пуля. Вскоре разрывом снаряда его труп был отброшен в сторону и лежал теперь полузасыпанным землей непонятно маленьким комочком..

Изорванный труп корнета Пржевальского остался в руках красных, но память о нем ушла с нами и не покинула нас во всю жизнь, и не покинет до последнего вздоха.

Меврский оазис¹⁸⁶

Дорогие соратники, разрешите мне быть очень гордым, тем более что гордость моя покоится на прочном фундаменте «Очерков Русской Смуты» генерала Деникина.

Из чувства справедливости я уступаю половину моей гордости подполковнику Г.Н. Залеткину¹⁸⁷, в те поры поручику, ибо без его участия история эта никогда бы не вышла из казачьей хаты станицы Ольгинской, где 12 февраля 1918 года располагалось 1-е отделение 3-го взвода 1-й Офицерской роты.

Говоря о нелепых слухах о предполагавшемся движении армии, генерал Деникин пишет: «Говорили даже, что мы идем в Меврский оазис!»

Скромный автор этих строк одновременно является и автором этого слуха.

Приступая к описанию истории Меврского оазиса, я должен начать с описания личности взводного командира капитана Згривца.

Ему лет под сорок; в офицерский чин произведен из подпрапорщиков за боевые заслуги; образование — начальное и вряд ли законченное; среднего роста; сильное, мускулистое тело; голова напоминает яйцо, откуда бы на нее ни смотреть; на гладко выбритом лице небольшие, коротко подстриженные усы; гимнастерка сидит на нем аккуратно, но как-то по-солдатски, без офицерского щегольства; в отличие от остальных офицеров роты он не имеет ни имени, ни отчества, а всегда только — «господин капитан»; в разговоры, происходящие между офицерами, никогда не вмешивается, но постоянно тут же и внимательно прислушивается ко всему, что говорят, — любопытен до

крайности. Если разговор ему почему-либо не нравится, то он обрывает его: «Ну, вы. Вы, слышь, чтоб не того!»

Эта многозначительная фраза означает одновременно и предупреждение, и запрещение начатого разговора. Взвод любит его, но никогда не упускает случая посмеяться над ним, но не прямо — это слишком опасно, — а для этого выработана особая система, заключающаяся в том, что для этой цели собирается кучка офицеров и начинает нести невероятный вздор, как только появляется Згривец и начинает прислушиваться, силясь понять, о чем говорят. Не проходит и минуты, как все раздражаются неудержимым хохотом. Згривец выпрямляется с видом оскорбленного достоинства и сейчас же приказывает чистить винтовки: «Заместо чтоб языки чесать!»

Меня он не любил по двум причинам: за мою немецкую фамилию и за то, что во всех случаях коллективного издевательства я являлся непременным его участником. Выражал же он свою несимпатию ко мне всегда одними и теми же фразами:

— Что там ни говори, а Лингварт все-таки немец!

И:

— Тебе только и дела, что ржать!

Ко мне, как и к другим прапорщикам, он обращался исключительно на «ты».

В этот день отделение моего взвода, собранное в одну хату, изнывало от безделья. Капитан Згривец помещался с нами, и на него-то и обратилось мое опасное внимание в поисках каких бы то ни было развлечений.

Поручики Успенский¹⁸⁸, Паль¹⁸⁹, Недошивин¹⁹⁰, доброволец Платов¹⁹¹ и др., сидя на скамьях вокруг стола, спорили о направлении движения армии. Я же был занят изысканием такого места, которое возбудило бы внимание и любопытство капитана Згривца.

— Эврика! Меврский оазис!

Подготовка к выполнению задуманного плана была проведена с молниеносной быстротой: беглый взгляд в сторону поручика Успенского, легкое прикосновение ноги к сапогу поручика Паля, скошенные глаза по правилу: «в угол — на нос — на предмет» — для Недошивина и хлопанье среднего и указательного пальца по большому для остальных объяснили каждому задачу.

— Да что там спорить, — небрежно произнес поручик Успенский, — идем за Синей Птицей, как сказал генерал Марков.

— Да, но нет ли тут намека, — бросился я прямо к цели. — Синие птицы водятся только в Меврском оазисе! Я уже слышал, что мы идем туда!

— Верно! — вскрикнул Недошивин. — Так вот что это значит! Згривец насторожился.

— Кажется, что так, да только воды там нет, — возразил кто-то.

— Как воды нет? А секретные водоемы, которые еще Чингисхан понастроил на сотни тысяч коней и людей!

— Верно! Значит, идем в Меврский оазис!

— В Меврский оазис! — подтвердили все хором. — В Меврский оазис!

Згривец весь обратился в напряженное внимание, но не вмешивался, а только прислушивался, может быть, боясь попасться на удочку. Все предприятие грозило провалиться.

В этот момент в хату вошел поручик Залеткин, бывший в связи в штабе полка и теперь сменившийся.

— Жора, правда ли, что мы идем в Меврский оазис? Ты ничего не слышал?

Быстро охватив обстановку, Залеткин подтвердил:

— Завтра выступаем в Меврский оазис!

Появление Залеткина прямо из штаба полка придало необыкновенный вес его словам, и Згривец не выдерживает:

— А где ж этот самый мерский оазис?

— В Туркестане.

Нижняя губа капитана Згривца сама собой вытягивается в дудочку, рот раскрывается, и глаза округляются. Единственная фраза, произнесенная им, состоит из одного слова, выражающего всю бурю чувств и переживаний, которые овладели им при столь потрясающем известии:

— В о т!

Дикий, безумный, неудержимый смех охватил нас всех. Стонет, ухватившись за живот, поручик Недошивин; катается по постели в судорогах громкого смеха поручик Успенский; поручик Паль, сидевший на лавке, прислонился спиной к стене и, задрав кверху ноги, заливается истерическим смехом; присев на корточки и держась руками за пол, издает какие-то нечленораздельные, похожие на икание звуки добровольца Платов.

Згривец выпрямился:

— Ну, сейчас чтоб чистить винтовки! Чтоб вас далеко не носило бы! — Надел шинель, взял фуражку и вышел из хаты.

Вернувшись через час с каким-то надменно-торжествующим видом, проверил винтовки и сообщил, что отделение назначено на ночь в полевую заставу.

Холодно ночью полуодетым людям в открытой, занесенной снегом степи.

— Вот те и Меврский оазис!

Вдруг к заставе подъезжают трое всадников. Узнаем генерала Маркова, доктора Родичева и капитана Образцова. Начальник заставы штабс-капитан Крыжановский¹⁹² подходит с рапортом. Узнав, что это отделение 3-го взвода, генерал Марков весело справился:

— А, это, стало быть, вы? Ну, что вы там начудили?

Рассказали историю Меврского оазиса. Генерал Марков хохочет. Хохочем и мы. Неожиданно на заставу приходит капитан Згривец, слышит смех, узнает генерала Маркова. Генерал Марков увидел Згривца:

— Веселые у вас люди, капитан.

— А чего им, Ваше-ство, только и делают, что ржут. Вот теперь пусть померзнут, чтобы их в Туркештане не попало!

Теперь смеются и генерал Марков, и доктор Родичев, и Митя Образцов¹⁹³. А мы... мы ржем. Згривец насупился. Желая поддержать и утешить его, генерал Марков, указывая на кисть его раненой руки, спрашивает:

— Ну как, капитан, — работает?

— Работает, Ваше-ство! — оживился Згривец.

Но он врет: кисть его руки остается неподвижной и три месяца спустя будет лежать она, такая же неподвижная, на его тоже уже неподвижной груди, закрывая собою маленькое отверстие от пули, пронизавшей его сердце.

Вот и вся история Меврского оазиса. Все остальное есть только мое предположение о путях, по которым она дошла до штаба армии и попала в «Очерки Русской Смуты». Вероятно, генерал Марков рассказал ее в штабе, а генерал Деникин сохранил в памяти, как самый нелепый курьез, слышанный им в его жизни.

Верблюд¹⁹⁴

Мое знакомство с верблюдом относится к воспоминаниям моего детства, когда наша первая встреча закончилась глубокой взаимной антипатией. Эта изуродованная со дня своего рождения скотина оплевала меня с высоты своего могучего роста с поразительной меткостью, вероятно побужденная к столь грубому поступку какими-либо агрессивными действиями с моей стороны. Расстались мы тогда с твердым намерением никогда более не встречаться; я — уводимый за руку отцом и получив предварительно подзатыльник, а верблюд — отогнанный сторожем в глубину клетки.

Но... «прошли года, мы вновь сошлись с тобою»...

Эта вторая встреча состоялась в селе Лежанка, Ставропольской губернии, где, вынужденный сложившимися обстоятельствами, я оказался в необходимости восстановить наше знакомство. Если же быть совсем откровенным, то обстоятельства вовсе не сложились, а были заботливо сложены моим феноменальным легкомыслием.

Ночь накануне выступления я провел в карауле и возвратился во взвод с законным желанием хорошенько выспаться. Однако забитая людьми хата плохо соответствовала моим намерениям, и поэтому я отправился во двор, где и расположился в каком-то сарайчике, в полном покое и одиночестве, утаив от всех свое местопребывание. Не помню, видел ли я во сне «ласки весны» или ничего не видел, но пробуждение свое я запомнил. Тишина. Зловещая тишина. Вошел в хату — никого. За столом сидят две фигуры — и тоже зловещие.

— Где наши?

Ответ на мой вопрос мне кажется тоже зловещим:

— А ты что — отстал?

Их молниеносно брошенный друг на друга взгляд не предвещает ничего доброго. Чувствую, что кто-то очень большой и с очень холодными руками взял в них мое сердце и начинает его тихонько сжимать, а по спине заползали мурашки. Не знаю, насколько выражение равнодушия, приданное мною моему лицу, было естественным, но интонация голоса не изменила.

— Нет, не отстал, а я тут маяком: сейчас пойдет наша кавалерия, так дорогу ей показать. А наши-то давно ушли?

Видимо, мой ответ произвел на них известное впечатление, так как оба мужика потупили головы, снова переглянулись и не замедлили ответом:

— Да, должно, часа три-четыре.

Ободренный первым успехом и желая придать ему еще больший вес, я произвел новую вылазку:

— Вот что, коли зайдет полковник, так скажите-ка ему, что я у церкви на горе дожидаться буду, а то как бы казаков не пропустить; они небось уже там. — И с этими словами я вышел из хаты.

Передо мною пустая улица. Ни души. Удары сердца отдаются в виски и мешают дыханию. Дабы не возбуждать подозрения, иду медленно, крепко охватив рукой шейку винтовки, и мысленно считаю количество имеющихся у меня патронов. В этой тяжелой борьбе головы с ногами, где ноги имеют тенденцию перейти вскачь, но где победа остается все-таки за головой, я достигаю, наконец, соборной горы.

Впереди еще шагов на 500 продолжается улица, а дальше пустая степь насколько глаз видит. Следы недавно прошедшей крупной колонны войск не оставляют сомнения в направлении движения армии. Но трем главным вопросам я не нахожу разрешения: как пройти остающиеся до околицы 500 шагов и не подвергнуться нападению из домов? Как не попасться в руки могущим появиться с минуты на минуту красным? Как догнать ушедшую армию? В патронташе имеется 60 патронов, достаточных, чтобы выдержать хороший бой, но не хватает последней верной гарантии — револьвера.

Вообще жизнь рисовалась мне в исключительно черных красках, а воображение яркими тонами избранных им красок заставляло предвидеть существующие в действительности и воображаемые опасности. Так появление из-за плетня какой-то самого мирного вида бабы привело меня в состояние полной боевой готовности, и хотя я ясно видел одну только бабу, но зато был глубоко убежден, что эта баба есть олицетворение военной хитрости и вышла из дома с единственной целью определения моей позиции. Впрочем, баба скоро исчезла, и никаких последствий ее появления не последовало; может быть, и выходила-то только «до ветру».

С четверть часа простоял я возле церкви в полной нерешительности, в то же время прекрасно понимая, что каждая потерянная мною минута ухудшает мое и без того скверное положение. Из этого состояния нерешительности я внезапно был выведен появлением небольшой группы людей, хотя и бывших сравнительно далеко от меня, но, как мне казалось, имевших на мой счет явно враждебные намерения, что и заставило меня произвести новую диверсию. Взорвавшись на выбеленную кирпичную стену, окружавшую церковь и служившую цоколем для вделанной в нее решетки, я стал широкими взмахами рук подавать сигналы несуществующим частям. Для постороннего наблюдателя, как мне казалось, эти сигналы не оставляли сомнения в моей полной связи с подходящими и уже недалекими войсками. Не могу сказать, произвела ли моя демонстративная жестикуляция впечатление на устрашаемых мною врагов, если они имелись в действительности (в чем я не уверен по сей день), но фортуна если она и не заинтересовала, то, во всяком случае, привела в недоумение и заставила ее повернуться ко мне своим лучезарным ликом вместо предоставленного мне до сих пор права любоваться ее тыловой частью.

Лучезарным ликом фортуны я называю отвратительную морду огромного рыжего верблюда, стоявшего привязанным к решетке церковной ограды, как раз за углом.

Утопающий хватается за соломинку! Что же касается этой «соломинки», то, по-моему, она могла бы вытащить 50 утопающих. Сделав ее центром моих вожделий, я соскочил со стены и, уже не теряя ни минуты, бросился к ней.

Привязанный за шею веревкой к решетке, верблюд отнесся к моему появлению с полным равнодушием, разве только махнул сзади обрывком какого-то растрепанного шнура, долженствовавшего, по всей вероятности, имитировать хвост. Но все мои попытки водружиться на нем разбивались о его полное непонимание, чего от него хотят: стоило мне влезть на стену и постараться подтянуть его к себе, как он подходил и становился ко мне мордой, создавая ему непреодолимое препятствие для его седлания. Соскочив обратно на землю, я мог добиться от него стояния боком у стены, но, как только я снова взбирался на стену, я снова неизменно оказывался перед его мордой и в недоступной дали от его спины.

Когда, в полном отчаянии, истощив все свои силы и не добившись успеха, я уже решил плюнуть на него и идти пешком — и будь что будет, то тут-то я оказался на нем безо всякого труда. Когда, в последний раз соскочив со стены и имея в руках винтовочный шомпол, до сих пор служивший мне палкой для приведения верблюда в необходимое положение, я случайно ударил им по какой-то части его несуразного тела, то он тотчас же лег. Теперь, оказавшись на нем, я приложил все усилия, чтобы его поднять и заставить идти, тыкая шомполом куда придется. Действительно, верблюд встал и не торопясь двинулся вниз по улице в нужном мне направлении. Мое естественное желание ускорить его аллюр оставалось чисто платоническим по трем неустраняемым причинам: во-первых, управление верблюдом состояло всего из одной веревки, охватывавшей петлей его шею, чрезвычайно короткий конец которой я мог держать только в сильно вытянутой левой руке, не имея возможности продвинуться вперед из-за высокого горба, украшенного пучком рыжей мочалки; во-вторых, моя правая рука была занята держанием винтовки — в целях обороны в случае возможного нападения; в-третьих, сама моя неустойчивая посадка возбуждала во мне сомнение в моей способности усидеть в случае перехода на рысь. Кроме того, у меня была полная неуверенность в том, что верблюды вообще бегают.

Так, медленно и с видом полного спокойствия, никем не тревожимые, покинули мы Лежанку, выехали в открытую степь и продолжали нашу неторопливую прогулку до тех пор, пока не скрылись из глаз очертания высокого купола церкви.

С первым, с момента моего пробуждения в Лежанке, вырвавшимся из груди свободным вздохом вздохнули одновременно и мои моз-

ги и тотчас же указали мне на всю нелепость держания одной рукой конца веревки: мой симпатичный верблюд шел, не требуя ни управления, ни принуждения, видимо считая своей обязанностью шагать, а моей — спокойно сидеть на нем и не вмешиваться в его дела. Дислокация моего тела, если так можно выразиться, после освобождения левой руки значительно улучшилась, а опущенная мною веревка болталась теперь под шеей верблюда, не достигая земли. Кроме того, повешенная теперь за спину винтовка настолько укрепила мою посадку, что я уже был склонен считать себя прирожденным всадником, если не на коне, то, во всяком случае, на верблюде.

Однако неторопливая походка моего верблюда мало того что нагоняла сон, но мало-помалу возвращала ушедшее было беспокойство, так как оставалась опасность преследования, в случае если «товарищи», конечно уже предупрежденные местными жителями о нашем уходе, вошли в Лежанку. Правда и то, что я отъехал довольно далеко, определяя расстояние по уже дважды замеченным мною местам малых привалов, легко определяемых каждым пехотинцем, но... неописуемых. Впереди только степь, ровная и безлюдная степь и никакой, хотя бы отдаленной, видимости армии.

Случайно обернувшись, увидел я, что очень далеко позади маячили маленькие фигурки нескольких всадников. «Товарищи»! С этого момента я уже не смотрел вперед, а, повернувшись насколько было возможно, старался определить: скачут ли они ко мне или стоят на месте? Увы, уже через несколько минут не оставалось сомнения в том, что они приближаются. Их было всего трое, и они шли за мной широкой рысью, все сокращая и сокращая разделяющую нас дистанцию. Уйти от них уже не было никакой возможности, а моя проклятая рыжая скотина равнодушно шла вперед и, несмотря на все мои ухищрения, уговоры и просьбы, не желала повернуться лицом к противнику, предоставляя мне принять бой в положении полуоборота.

Единственная возможность успешности обороны сводилась для меня к необходимости с первого же выстрела убить или ранить одного из нападающих, чему в сильной степени мешала моя неудобная позиция, настойчиво требовавшая от меня подпустить их как можно ближе. Они находились от меня шагах в 600 и, не уменьшая рыси, идут на сближение, как будто не обращая на меня внимания. Моя винтовка лежит поперек верблюжьей спины и еще не поднята к плечу. Когда расстояние между нами уменьшилось до сотни шагов и я уже приготовился схватить ее, приложиться и выстрелить в одного из ехавших рядом всадников, тогда я рассмотрел вдруг украшавшие их шинели погоны. Свои!! Да, это были трое казаков, остававшиеся в Лежанке следить за заняти-

ем ее красными. От них я узнал, что красный разъезд вошел в село. На мой вопрос — сколько их? — мне ответили:

— Коней двадцать.

— Да не коней, а «товарищей»!

— На каждом по одном! — И с хохотом они зарысили дальше...

Получив эти малоутешительные сведения и не имея ни малейшего представления, как далеко ушла армия, я тотчас же приступил к изучению управления верблюдом, мучительно соображая, даны ли ему ноги только для того, чтобы ходить, или они могут и бегать. Оплевавший меня в детстве верблюд ходил по своей клетке, а те, что я видел на пакетах с чаем Высоцкого, тоже как будто шли, а не бежали. Свои тяжелые на этот счет сомнения я постарался разрешить при помощи моего шомпола и, вспомнив, что слон управляется постукиванием молотком по голове, постучал им по верблюжьему черепу. Результат — ноль. Прибег я также и к практикующемуся на Украине приему для придания живости волам — и тоже не добился успеха.

Исследуя постепенно все части верблюжьего естества, я уколол его шомполом под правую ногу и в ту же минуту неожиданно открыл две скрываемые им до сих пор от меня верблюжьих способности: во-первых, оказалось, что верблюд умеет прекрасно бегать, а во-вторых — является обладателем очень сильного и очень неприятного голоса, могущего быть вызванным в любую минуту по желанию кондуктора. Когда, получив укол шомполом, верблюд неожиданно прыгнул вперед и перешел в размашистую рысь, то я, не подготовленный к проявлению им такой прыти, чуть-чуть не оказался на земле и невольно вцепился в клок рыжей мочалки на его горбе. И тотчас же не то рев, не то трубный глас огласил степные пространства. Нечто похожее я слышал в моем обильном воспоминаниями детстве, когда я влил стакан воды в раструб духового инструмента в то время, когда на нем упражнялся мой сводный брат.

Мой верблюд бежал теперь очень быстро, а дернутый за мочалку — ревел. Удовлетворенный, я не предъявлял к нему больших требований, опасаясь открыть в нем, сверх обнаруженных талантов, способность рассердиться.

Около трех верст проехали мы рысью, после чего верблюд снова перешел на шаг, но спустя немного по первому моему требованию опять побежал. Сигнальная мочалка действовала без отказа. Вскоро я догнал армию и, обгоняя тянущуюся по дороге колонну, с торжеством подал сигнал о своем прибытии.

Своим бессильным для данного случая пером я не берусь описать весь эффект, произведенный трубным гласом моего верблюда,

и скромно ограничусь главными его деталями: лошади бросились по сторонам, а находившиеся в колонне люди, точно сговорившись, обратили на меня свое пристальное и опасное внимание, и каждый имел что сказать, и все что-нибудь неприятное.

Быстро переключив верблюда на рысь и не имея желания обращаться на долго еще продолжавшиеся крики негодования, в которых не были оставлены в покое ни мои родители, ни все предки до седьмого колена, я поскакал в голову колонны, где должна была находиться моя рота.

Мое триумфальное появление на верблюде не вызвало восторга ни со стороны взводного, ни со стороны ротного командира, обрушившегося на меня со всей силой своего вспыльчивого характера и приказавшего передать верблюда в артиллерию, куда я и отвел его за еще продолжавшую болтаться на его шее веревку. Целоваться на прощанье я с ним не рискнул: черт его знает, что у него на уме!

Вы думаете, господа, что этим и кончилась история с верблюдом? Нет, вы ошиблись. Кончилась она новым внеочередным караулом, возвратясь из которого я уже спать не ложился.

Я и свинья¹⁹⁵

Если, базируясь на наименовании этой своеобразной повести, кто-нибудь предположит, что героями ее являются двое уже упомянутых в заглавии лиц, то он ошибется только в том, что назвал их героями, ибо в свинье нет ничего героического — свинья есть просто свинья; что же касается до другого персонажа, то в поведении его тоже не было ничего героического, а одна только легкомысленная игра духа.

Вкратце остановлюсь на описании места, обстановки и всей декорации, окружавшей и украшавшей излагаемое мною происшествие. Так сказать, создам рамку для будущей картины и, кстати, поставлю на ней и дату... Да ведают потомки православных... 17 марта 1918 года, станица Ново-Дмитриевская.

Стаял два дня тому назад покрывавший ее снег и превратил в непролазную грязь кубанский чернозем на ее немощеных улицах; только вдоль домов вытоптаны узкие тропинки. Со стороны улицы почти до колена поднимается отвесная стена грязи, местами сваливающейся на тропинку. Идешь как по траншее. А идти необходимо, и потому необходимо, что в сердце теплится надежда на доктора Ревякина в смысле приведения к нормальным размерам моей распухшей до непозволительных размеров физиономии: два дня тому назад, при взятии станицы,

она слегка пострадала от встречи с красной пулей. Рассказывали мне потом, что, падая, я сделал ни на чем не основанное заявление: «Я убит!» Сам я этого не помню, ну а если и вправду сказал, то должен сознаться, что только похвастался. Зубы-то мне, конечно, выбило, но зато я сам, остальной, в данном случае выздоровел.

Итак, иду я в полковой околоток; а расположился он в том же квартале, рядом со штабом роты, за углом. Что уж там со мной делали, не помню. Может быть, только то и сделали, что утешили и назад в роту отпустили. Вышел я и только собрался по узкой траншее домой возвращаться, ан вижу... дорога моя неодолимым препятствием перерезана: лежит передо мною большая свинья и тушей своею путь отступления мне отрезала. Хоть в грязь лезь! И лежит она ко мне задом, с видом величайшего равнодушия. Попытался я было ногой ее толкнуть, но она и не шевельнулась. Посильнее толкнул. Она только задними ногами шевельнула и продолжает лежать. Начал я пинками ее бомбардировать. Поднялась она, сперва легкой рысцой вперед побежала, а потом снова легла. Подошел я к ней и опять повторил свою бомбардировку. И она свой маневр повторила, то есть опять лежит. И вот тут-то зародилась во мне некая коварная мысль. Сам я тогда есть ничего не мог и одним молоком изредка удовлетворялся, но что такое вкусный кусок свинины — ясно себе представлял. Так вот, захотелось мне свой взвод угостить. Грех небольшой, а идея хорошая! Да и до помещения взвода недалеко оставалось: до угла шагов пятьдесят да за ним столько же.

Поднял я свинью обычным способом, а за нею и сам в легкую рысь перешел, чтобы не дать ей остановиться. Вдруг слышу над собой монотонный и грозный голос полковника Плохинского:

— Прапорщик Рейнгардт, куда вы свинью гоните?

Поднял я голову и вижу прямо перед собой в открытом окне ротного командира, гневно наблюдающего картину нашего единоборства.

— Господин полковник, свинья сама бежит! — И в произнесенной мною ответной фразе, и в ее интонации сияет, в чистоте звезды утренней, святость и чистота ^{*}моих намерений.

Но видимо, недавние мои агрессивные действия не укрылись от пронизательного взора полковника Плохинского, а подозрительная натура его заставляет подозревать коварство моих замыслов. А свинья? Это вполне заслуживающее свое прозвище животное опять спокойно улеглось на дороге и, кажется, не собирается двигаться дальше. В тяжелом раздумье, опершись на винтовку, в трех шагах от ротного командира, не смея более беспокоить ее величество свинью, дабы не навлечь на себя громы и молнии, стою над нею в ожидании, и мне

даже начинает казаться, что, пользуясь его солидной протекцией, она умышленно показывает мне свои жирные окорока и ехидно думает: «На-кось, выкуси!»

Если посмотреть со стороны, то невольно встает перед глазами то, что именуется в театре «немая сцена»: лежит свинья, стоит позади нее офицер, и полувысунулась из окна фигура полковника Плохинского. Свинья ничего не выражает, офицер — полную растерянность, полковник — гневливое любопытство. Долго длится эта немая сцена. Не стоять же до вечера над проклятой свиньей! Нужна диверсия!

Стал я ее слева обходить, а правой ногой пинка ей дал, чтобы она с тропинки в грязь не бросилась, а прямо вперед побежала. По моим расчетам, полковник Плохинский видеть моего маневра не мог, а покорность моя сама собой в глаза бросалась: идет, дескать, человек деликатный и свинью пытается сторонкой обойти! Что ж тут подозрительного? А позади снова монотонный голос:

— Прапорщик Рейнгардт, оставьте свинью в покое!

Обернулся я и вижу, что полковник Плохинский на полкорпуса из окошка высунулся и, конечно, диверсию мою разглядел, так что я и отвечать ничего не стал: все равно не поверит.

Опять повторилась немая сцена, но только с той разницей, что полковничья фигура еще дальше из окошка вывесилась — как не вывалится? — а мы со свиньей в старой позе застыли: она на тропке лежит, а я над ней верным часовым стою, покой ее охраняю. Дослужился!

Думала ли свинья, что снова ей задом своим пострадать придется, или ничего не думала, но только поднялась она и вперед пошла. Пройшла с десятков шагов и остановилась, очевидно раздумывая, следует ли ей продолжать движение. Я же на месте остался, дабы не укреплять переходящих в уверенность подозрений полковника Плохинского. Стою я и не оборачиваюсь, но уверен, будто глазами вижу, что еще и дальше высунулся он из окна и не упускает из виду ни сажени поля боя и расположения на нем противников.

Свинья же подумала, подумала и дальше пошла, и всего-то в каких-нибудь десяти шагах от угла находится. А как раз у угла грязь обвалилась и свободный выход из узкой траншеи возможен, да и другая опасность имеется: а ну как вместо того, чтобы направо свернуть, она налево отправится? Там другая траншея на другую сторону улицы вела.

Обернулся я и сразу убедился, что все мои предположения насчет полковника Плохинского полностью оправдались. Видно, что до самозабвения заинтересовался человек! Двинулся и я вперед, но нарочно как можно медленнее и свинью в зад гипнотизирую: направо! напра-

во! То ли гипноз на нее подействовал, то ли самой ей так захотелось, но только она направо за угол свернула, хотя и по моему желанию, но, однако, без моего содействия — я за ней шагах в двадцати в то время находился, так что полковник Плохинский теперь собственными глазами мог убедиться в моем полном бескорыстии. Для большей убедительности я еще тише пошел: я, мол, сам по себе, а свинья сама по себе, и друг другом мы не интересуемся! А мозги мои хоть и в распухшей голове, а дело свое делают: соображают. И сообразили они, что раз свинья за угол свернула, то деваться ей больше некуда, и что как только я за углом буду, то тут и мне на рысь перейти можно, и ей скорости прибавить.

Так, не торопясь, дошел я до угла и вижу, что на мозги жаловаться не приходится: свинья действительно в пяти шагах впереди на тропинке лежит. Ну, тут-то я ее тотчас же на рысях атаковал и в бегство обратил. Так мы с нею в галоп до двора нашей хаты и прискакали. Объяснять своим, в чем дело, не приходилось: они и сами тотчас же догадались — тоже не лыком шиты! Поручик Ершов — Вуколыч — сразу на себя все остальные хлопоты принял, да и другие ему помогли. Двор хаты был отгорожен плетнем, за которым огород находился, а огород, в свою очередь, с другой стороны, от степи, другим еще плетнем отгорожен был: вот за этот-то второй плетень ее и поташили для ликвидации.

Я же в хате остался, подозревая, что полковник Плохинский того гляди во взвод заглянет, дабы убедиться в добром здравии интересующей его особы. Так оно и вышло! Визит полковника Плохинского не заставил себя ждать. Во дворе никаких следов пребывания свиньи обнаружено не было, а в хате — в мученическом выражении моего лица прочел полковник Плохинский такое страдание, что, вероятно, устыдился за свое чудовищное предположение. Я как раз против зеркала сидел и, на самого себя глядя, тоже удивлялся: как же это меня до сих пор живым на небо не взяли? Ангелочек, да и только!

По уходе полковника капитан Згривец мне по секрету сообщил, что тот очень интересовался, не видел ли он во дворе свиньи, на что он ответил ему, что не приходилось встречаться, и добавил:

— Ох, слышь, расстреляют!

Ну, это-то я и сам знал!

Два дня подряд весь взвод свининой угощался — и Згривец тоже. Однако история на этом не закончилась. В тот же день приходила казачка с заявлением, что «кабанка загнали». Заплатили ей по-царски, но, по-моему, не слишком дорого: могло бы много дороже обойтись. Особенно мне.

Переход¹⁹⁶

Наступающее сырое и хмурое утро наложило свою тяжелую и неприветливую печать на мерно шагающего перед строем взвода полковника Плохинского, и оба они не считают нужным скрывать свое отвратительное настроение, и у обоих имеются на то серьезные основания.

Скопление на небе хотя и невидимых за темнотой, но угадываемых, низко ползущих туч грозит окончательно испортить настроение утра и побудить его излить на голову ни в чем не повинного взвода все свое неудовольствие в виде мелкого и холодного дождя — по хорошо известному правилу: кому-кому, а куцему попадет!

Имеются свои серьезные основания и у полковника Плохинского: вот уже с десятков минут ждет он на сборном пункте опоздавшие туда 2-й и 1-й взводы и также угрожает обрушиться на голову того же несчастного «куцего».

Это напряженное состояние так и кончается, как было приведено. Первым не выдерживает утро: с неба начинают падать, все учащаясь и учащаясь, капли мелкого дождя, вполне достаточные для того, чтобы переполнить чашу терпения полковника Плохинского. Теперь наступает очередь «куцего», который, в образе прапорщика Кедрина, покорно принимает удары судьбы.

— Прапорщик Кедрин, вы сказали — приказание исполнено! Где же оно (следует скромное слово) исполнено? Что ж ни один (следует скромное слово) не собирается?

Здесь следует заметить, что употребление скромных слов полковником Плохинским обозначает степень его раздражения, а также и то, что и в этой области он обладает большими и ценными знаниями.

Бедный Хромышкин (прозвище прапорщика Кедрина, конного ординарца и тяжелого инвалида) суетливо поворачивает своего Росинанта и исчезает в серой вуали идущего дождя, откуда вскорости появляется снова, с беспокойством в лице и в сердце и с обычной фразой:

— Господин полковник, приказание исполнено!

Проходит новый десяток бесконечно долгих минут, а обещанное явление все еще не состоялось. Слово в слово повторяется монолог полковника Плохинского, и жест в жест — торопливый отъезд Хромышкина, который, однако, на этот раз появляется в сопровождении двух опоздавших взводов.

Могуч и богат русский язык, но тот, кто не слышал в это утро высказанных полковником Плохинским необъятных знаний только

в одной нелитературной части его, не может иметь о нем ни малейшего представления. Я и до сих пор удивляюсь стойкости капитанов Полякова¹⁹⁷ и Папкова¹⁹⁸, принявших на свои головы этот водопад словесности и не лишившихся сознания, и объясняю это только тем, что...

...были люди в наше время!
Не то что нынешнее племя,
Богатыри!..

После наскоро произведенного расчета и построения в походную колонну двинулась в степь 1-я рота. Хорошо быть в 3-м взводе, подальше от полковника Плохинского, хотя уже и облегчившегося, но все же представляющего из себя известную опасность, которую очень верно определил один еврей, декламировавший стихотворение Надсона: «Ну, пусть себе жаровня сковырнулась, а уголья еще жгут!»

Правда, в редакции автора эта фраза звучала: «Пусть жертвенник разбит — огонь еще пылает», но дело не в редакции, а в том, что сама мысль была передана точно, а если таки вышла себе маленькая перепутаница, то нельзя же придираться ко всякой мелочи.

Итак — опять степь! Бесконечная широкая степь. Опять исполняют ноги свою нудную обязанность: шагать. Впрочем, не одни только ноги: исполняет ее и дождь, холодной струйкой проникающий за воротники шинелей, исполняют ее и носы идущих людей, ощущающие наступление в них оттепели, и ладони, пытающиеся уничтожить ее внешние признаки, и спины и плечи, которые в своем стремлении ввысь перерастают уши. Одним словом — весело! И долго-долго будет продолжаться это веселье, пока не подкрадется к идущей по дороге колонне сперва совсем маленькая, а потом все возрастающая и возрастающая отвратительная и ехидная тварь: усталость.

Ее поразительные способности, вскоре же после ее появления, позволят ей внести полный беспорядок в раз принятые и добросовестно исполняемые обязанности: ноги перестанут шагать и начнут волочиться, руки, занятые до сих пор уничтожением внешних признаков начавшейся в носках оттепели, будут крепко держать вдруг неизвестно откуда появившиеся нервы, стараясь не дать им лопнуть, оставленные без присмотра носы, лишенные возможности скрывать долее происходящий в них (химический или черт его знает какой) процесс, дадут ему возможность полного развития, а спины и плечи, отказавшись от желания перерости уши, ударятся в другую крайность, а именно — будут стремиться опуститься до высоты бедер. И еще многое что произойдет,

что даст возможность капитану Згривцу любовно сравнить свой взвод с мокрым курьем на нашесте!

Однако для предупреждения появления усталости давно уже выработана целая серия тактических приемов, и огонь по еще невидимому противнику открывается издалека:

— Да э-э-эх, да ы-ы-ых!

Этот устрашающий и нелепый возглас приводит в беспокойство взводного, который бросает тревожный взгляд на едущего впереди ротного, но, убедившись в том, что полковник Плохинский не собирается оскорбиться по адресу возопившего, успокаивается и сам. Через пять минут тот же могучий возглас оглашает степь:

— Да э-э-эх, да ы-ы-ых!

— Лингварду опять вожжа под хвост попала, — говорит Згривец, более для проформы, да и на случай, если взберепенится полковник Плохинский.

Тем не менее это начало открытия военных действий в целях устрашения усталости увенчивается несомненным успехом, и после седьмого или восьмого «да э-э-эх, да ы-ы-ых» перестает тяжело сопеть прапорщик Штемберг, улыбается капитан Згривец, хохочет смешливый доброволец Платов и, пользуясь наступившим антрактом, готовится для приготовления второго действия веселый поручик Недошивин. Предвидя это действие и зная его наизусть, и все остальные собираются принять в нем участие в скромных ролях хористов.

Главную роль во втором акте играет прапорщик Вася Тихомиров¹⁹⁹, вокруг которого сосредоточивается многоголосый хор под управлением Недошивина, начинающий исполнять всем известную арию из всем известной оперы:

— У Васьки четыре ноги!

Но тут хор прерывается тоненьким голоском дисканта, не могущего допустить упущения хотя маленькой, но важной подробности:

— Пятый — хвост!

Хор начинает сначала и опять забывает упомянуть о хвосте, что тотчас же ставится ему на вид дискантом. В этой упорной борьбе между хором, видимо не желающим останавливаться на мелочах, и дискантом, считающим эту мелочь чрезвычайно важной, и состоит все второе действие, причем продолжительность его прямо пропорциональна числу остающихся верст, о точном количестве которых никто не имеет ни малейшего представления.

Героem третьего акта является прапорщик Игнатов²⁰⁰, по прозвищу Архиерей, рассказывающий о своем обучении искусству чтения их сельским дьячком, по забытой теперь и, слава Богу, исчезнувшей

системе, когда буквы именовались аз, буки, веди и т. д. и когда надо было сперва назвать имя буквы, затем другой, затем слога по именам букв, затем самый слог, и производить эту операцию до окончания фразы. Галиматъя получалась удивительная. Но то, в чем состояла ее прелесть, было тоже не менее удивительно: Архиерей умел составлять такие фразы, которые не могли быть прочитанными — по старой системе — не только в присутствии барышень, но и более опытного дамского элемента, хотя в нормальном чтении имели самый безобидный характер.

Но кончился и третий акт, а все еще не кончилась степь, и вообще неизвестно, собирается ли она кончатся; во всяком случае, притворяется бесконечной.

Хм... Что бы еще выдумать? Рассказать разве какую-нибудь солдатскую сказку?

Много рождалось их во время переходов, и пользовались они тоже большим и заслуженным успехом, несмотря на то что сюжет их бывал очень небогат своим содержанием, а главную роль играли простонародные выражения, в большинстве забытые и мало кому известные, и воскрешение которых встречалось общим одобрением. Но прибегнуть к этому последнему средству не удалось, так как внезапно появившийся генерал Марков принял организацию дальнейшего развлечения на себя.

— Назар Борисович (полковник Плохинский), ведите роту для охраны железнодорожного переезда!

Это известие обещает, во-первых, возможность часа два просидеть на земле, хотя бы и мокрой, а во-вторых — бесплатно присутствовать на интересном спектакле единоборства орудия капитана Шперлинга или подполковника Миончинского с красным бронепоездом, где победа не оставляет ни малейшего сомнения, а царица полей принимает в нем участие не в качестве страдательного элемента, а в образе восторженного зрителя, награждая аплодисментами окончание каждого раунда, если и не всегда кончающегося нокаутом противника, то неизменно выигрываемого по очкам.

Получив приказание генерала Маркова, рота ускоренным шагом вскоре достигает переезда, не имеющего ни шлагбаума, ни будки сторожа. Линия железной дороги идет по очень невысокой насыпи, уходя в обе стороны в ровную степь насколько видит глаз. Сзади на рысях подходят два орудия и становятся у переезда. Одно из них обращает свое жерло и внимание направо, другое — налево. Рота располагается соответствующим образом, разделяясь на два амфитеатра, в пятидесяти шагах позади каждого орудия. Спектакль обещает разыграться на двух сценах.

В своем законном нетерпении и уже готовые кричать «Время!» и топтать о землю ногами, двумя далекими и глухими взрывами, означающими подрыв полотна и заменяющими в данном случае удары гонга, зрители оповещаются о поднятии занавеса и начале представления.

Перед сотнями жадно впившихся глаз медленно открывается наполненная артистами обширная и глубокая сцена. В своей роли первого любовника генерал Марков занимает центр авансцены на самом переезде и, похлопывая нагайкой по голенищу своего сапога, смотрит на проходящие мимо него пехотные части. В глазах идущих людей ясно видна завистливая горечь пасынков судьбы перед благодетельствованной первой ротой, которая хотя и ощущает некоторую влажность от намокшей земли в противоположной голове части своего тела, но относится к ней стоически и ни за что не согласится уступить свое место.

На втором плане, за дефилирующими по авансцене частями, у молчаливо стоящего орудия суетятся артиллеристы. Один из них, обладающий, по всей вероятности, самым живым и беспокойным характером, влез на телеграфный столб и, не находя иного выхода для своей бурной энергии, рубит провода. В результате этой полезной деятельности они теряют свое горизонтальное положение и свисают к земле длинными и никому не нужными веревками. Однако, не удовлетворенный этим очевидным успехом, артиллерийский наблюдатель самоотверженно усаживается на фарфоровые чашечки столба, мужественно переносящие тяжесть его тела, и, приложив к глазам бинокль и слегка покачиваясь по сторонам, смотрит в невидимую для зрителей даль степи, одновременно создавая в представлении капитана Згривца весьма красочный, но трудно представляемый себе образ «кобеля на гвозде». У находящегося за моей спиной второго орудия тоже наблюдается многообещающее шевеление и еще один «кобель на гвозде».

На третьем плане сцены — степь, на четвертом — полоска горизонта.

Между тем кончился дождик или только отдыхает, и ушли вперед пехотные части. Исчез с переезда и генерал Марков, поскакавший куда-то обратно. Теперь стали появляться идущие рысью подводы и, подскакивая на рельсах, уносятся вперед по мокрой дороге. А на самом горизонте обозначилось маленькое белое облачко — красный бронепоезд. Вскоре он сообщает о своем прибытии высоко взметнувшимся фонтаном земли от гранаты, разорвавшейся в безопасной дали от переезда.

Все чаще и чаще взлетают струи черной земли, не принося никакого вреда. «Товарищи» бомбардируют третий план сцены — степь. Молчит орудие подполковника Миончинского, и с высоты телеграфного столба «кобель на гвозде» не считает нужным форсировать события.

Неожиданный разрыв снаряда с подошедшего с другой стороны бронепоезда, в расстоянии 200—300 шагов от роты, заставляет сидевших спиной к орудию капитана Шперлинга произвести необходимое перестроение и повернуться к ней лицом.

Предстоящая дуэль обещает быть захватывающим зрелищем и не заставляет себя долго ждать. Раз и два вздрагивает от произведенных выстрелов орудие, посылая красному бронепоезду сообщение о том, что он имеет дело с капитаном Шперлингом. Приняв во внимание полученную телеграмму, тот как будто начинает отползать, ибо его снаряды рвутся уже значительно дальше. Не удовлетворившись этим ничтожным результатом, не способным привести в восторг зрителей, наше орудие вздрагивает в третий раз, и сидящий на столбе «кобель на гвозде» приходит в необыкновенную агитацию и, размахивая рукой, что-то кричит, что тот же Згривец переводит короткой и ясной суворовской фразой: «Прямо по суслам!»

Надо думать, что так оно и есть, ибо исчезает вившийся над горизонтом дымок и прекращают рваться снаряды. Весь амфитеатр раздражается бурными аплодисментами, а польщенный Шперлинг снимает фуражку и, приложив руку к сердцу, раскланивается во все стороны.

— Bravo! Бис! — режут благодарные зрители.

Теперь с этой стороны уже не предвидится ничего интересного, а потому весь зрительный зал обращается в другую сторону, откуда все еще летят снаряды, все приближаясь к дороге, по которой несутся к переезду, на дистанции в 50 шагов, подводы с ранеными. Стоя на самых рельсах, генерал Марков придает большей рыси тем из них, что, по его мнению, не проявляют ее достаточно энергично.

С напряженным вниманием следит рота за начавшимся оживлением около орудия подполковника Миончинского.

Неожиданно, в самый патетический момент, новый и не предвиденный программой элемент сосредоточивает на себе общее любопытство. Этим элементом является едущая мелкой рысцой подвода с пятью или шестью пассажирами. Проезжая по дороге между орудием и жаждающими хлеба и зрелищу зрителями, на переезде она натывается на генерала Маркова.

— Что за люди? — гремит генерал.

— Мы члены Рады, — слышится ответ едущих.

— Что вы — я вижу, а чему вы рады — я не понимаю! — с силой одуская свою нагайку на спины лошадей, рывкает генерал Марков.

Лошади, не ожидавшие удара, дернули и понеслись через переезд, едва не поскидав на землю радующихся своему естеству пассажиров, провожаемых гомерическим хохотом и еще долго скачущих по степи, очевидно опасаясь преследования.

Этот небольшой дивертисмент прерывается проснувшимся орудием подполковника Миончинского, пославшим в сторону красного бронепоезда свой первый увесистый гостинец. Со своей удобной для наблюдения, но не для сидения позиции на телеграфном столбе «кобель на гвозде» подает какие-то знаки, после чего следует второй выстрел нашего орудия. Очень скоро экзальтированные жесты на столбе не допускают сомнения в том, что и второму бронепоезду «по сулам попало!».

Новый гром аплодисментов и новые крики «Браво!».

Сойдя с переезда, генерал Марков идет, смеясь, к подполковнику Миончинскому:

— Не хотят сегодня воевать «товарищи»! — И, обращаясь к сидящему у дороги полковнику Плохинскому: — Назар Борисович, пошлите вперед квартирьеров!

Это радостное известие срывает лживую маску с лица степи, порождая сомнение в ее бесконечности. По два человека от каждого взвода поднимаются с земли и идут вперед. Вскоре поднимается и вся рота, и снимается со своей позиции артиллерия. Сзади подходят какие-то части — вероятно, арьергард.

В своем надоедливом постоянстве опять потянулась степь. Прошли 3—4 версты — и никакого признака станицы. Опять огласил степь скорбный голос: «Да э-э-эх, да ы-ы-ых», и опять пропели: «У Васьки четыре ноги», и опять рассмешил прапорщик Игнатов прочтением фразы «Попы пели с дяконами»: «Покой око — по, покой еры — пы, покой око покой еры — попы» и т. д.

Но вот, наконец, перед глазами появилась низенькая черточка плетней, защищающих станицу от наседающей на нее степи.

Под радостную песню, повествующую о пострадавшей балде некоего лорда Виорделя и о часах, в которые пахнут розы, и о тех, когда пахнут матросы, под заливчатский припев: «Эх, Матрешка, эх, Матрешка, хороша ты, наша жизнь!» — вступила рота на улицу станицы. И жизнь рисовалась в сплошных розовых тонах, обещая каждому отдых, сон, высушенную одежду, горячую пищу и все, что только можно было представить себе для полного благополучия и благодушного сибаритства!

Однако этим греховным мечтам не суждено было осуществиться; третий взвод был назначен в полевую заставу. Мерсите вам ужасно!

Эта последняя фраза по-русски произносится:

— Покорно вас благодарим!

Бронепоезд²⁰¹

Ласково смотрит весеннее солнце в светлое лицо зачарованной им степи. Ожила она, красавица, — дождалась своего суженого! Для него скинула она свое серое зимнее покрывало; для него оделась в праздничные наряды свои, зелеными лентами свежей зелени раскрашенные; для него готовит платье подвенечное из белой ткани расцветающих вишен. Глядеть на нее — и то радостно!

А тут еще и другая радость, будто сестричка ее родная, к сердцу ластится: встал, наконец, Тихий Дон, и Кубань за ним поднимается. Стряхнули они с себя смрадные чары красной нечисти. Вслед за Воскресением Христовым воскресли!

И все кругом так радостно: и весело бегущие лошадки, и белые тряпочки на папахах восставших казаков, и приветливые лица казачек. Машут они белыми платочками, выносят глиняные чашки с варениками, смеются, улыбаются, подмигивают. Приветствуют 1-ю роту. Даже подводчики — и те веселы! Видно, и вправду наступило что-то новое. Никому и в голову не приходит спросить, куда и зачем едут на подводах добровольческие части. Конечно — в бой! Но разве может быть теперь что-либо серьезное? Так, военная прогулка, визит товарищам. Завтра же, верно, и обратно!

Осталась позади станица, а впереди светлая, радостная степь. На одной из подвод веселый поручик Недошивин раздобылся большой миской с варениками, а поручик Успенский ухитрился получить целый жбан холодной вкусной сметаны и, кстати, потрепать по щеке покрасневшую красавицу казачку. Весело! Вареники со сладким творогом обмакиваются в сметану и исчезают во рту. Пиршество! С соседних подвод появляются гости и разделяют дорожную трапезу. Необыкновенное скопление людей у одной подводы возбуждает любопытство взводного командира капитана Згривца, видимо усмотревшего в этом нарушение порядка и считающего своей обязанностью его восстановить. Его встречают с особым радушием.

— Ну и будя, — говорит он, видимо довольный, вытирая усы, и, разогнав по своим подводам «гостей», бежит к своей.

И смеется кругом степь, и, радуясь на свою красавицу, смеется ей волнице

В сером, все темнеющем плаще навстречу бегущим подводам медленно идет вечер. Пришел. И уже не серый: снял он свой плащ. Стоит за ним, вся в черном, тихая ночь и обдает своим теплым дыханием. Словно растет она, до самого неба доходит, зажигает на нем звезды и выше идет; только подол своего платья по земле волочит.

Остановились подводы. Попрыгали на землю люди, построились и двинулись в непроглядную темень уснувшей степи. Черным покровом своим окутала их ночь, распустила черные косы свои и закрыла ими звезды. Руку вперед протяни — так и пальцев своих не увидишь.

— Рота, стой!

Долго стоит рота.

— Командира 3-го взвода к командиру роты!

И снова долгое, тягостное ожидание. И время стало: не то полночь, не то три, а может быть — и больше.

— Поручик Успенский! — раздается голос капитана Згривца. — Шесть человек под вашей командой для охранения фланга! Поручик Недошивин, прапорщик Штемберг, прапорщик Тихомиров, прапорщик Евдокимов, прапорщик Рубашкин, прапорщик Васильев — за мной!

Потонули в темной степи призрачные тени отделившихся от роты людей. Спит степь: ни звука, ни шороха. И снится ей: то припадая к земле, то согнувшись, медленно двигаются вперед, рассыпавшись редкой цепочкой, беззвучные людские тени. Вот залегли они и долго лежат неподвижно, слушая тишину ночи; вот опять встали, двинулись вперед и снова залегли.

— Не бойтесь, родненькие, пусто кругом, никого нет, — шепчет им сонная степь.

— Господин поручик, перед нами железнодорожная насыпь, — докладывает шедший впереди поручик Недошивин, — сажени три-четыре высотой.

— Поднимайтесь на насыпь, — приказывает поручик Успенский, — и, если обнаружите противника, пришлите сказать. Возьмите с собой одного человека.

— Прапорщик Рубашкин, со мной!

В густой траве высокой насыпи осторожно ползут вверх два призрака. Достигли балласта, рассмотрели в темноте полоску ближайшей рельсы. Залегли, прислушались: ни звука. Вылезли на полотно и сели на рельсу.

Что тут рассмотришь, когда и собственного носа не видно?

— Никого кругом нет, — уверенно шепчет Недошивин. — Не ждут нас «товарищи», спят. Да и охота им воевать, когда еще и черти на кулачки не бились. Зови Успенского.

И вдруг отдельный, сравнительно недалекий выстрел; за ним другой, третий и короткая беспорядочная стрельба. И опять все стихло. Ох, не спят «товарищи»!

— Это, вероятно, наши красную заставу сняли, — говорит Успенский пришедшему за ним Рубашкину и, подняв лежащих возле него людей, идет с ними на насыпь. Недалеко, должно быть, и до рассвета: стало сереть темное до того небо; и на два шага не было ничего видно, а теперь и на десяток кое-что разобрать можно. Светает.

— Бронепоезд! — шепчет поручик Успенский и, встав на одно колено, всматривается в темноту — туда, откуда, все нарастая и нарастая, слышится глухой шум и мерные удары колес по стыкам рельс — Ложись! Не двигаться! Не выдавать свое присутствие! — валясь между рельс рядом с Недошивиным и Рубашкиным, приказывает поручик Успенский. Четверо других соскользнули с рельс и лежат неподвижно у края насыпи.

Внезапно, вынырнув из расступившейся темноты, черной тяжелой массой накатывается железное чудовище. Медленно вертятся перед глазами круглые диски колес и ползут над головой черные днища вагонов, вот и колеса паровоза. Что, если опущена заслонка его топки? Тогда нет спасения, в клочья разорвет она тела трех распластавшихся на пути офицеров! С землей слились они, сильнее к шпалам себя придавили и только тогда заметили, что прошел паровоз, когда снова завертелись перед глазами колеса вагонов, но только медленнее и медленнее, будто собираясь остановиться. Стали. Прямо над головой черное грязное днище вагона с полуопущенным люком.

— Успенский, Успенский, есть у тебя ручная граната?

— Не Успенский, а господин поручик! Лежать! — И в шепоте ответа слышит Рубашкин властную и грозную нотку.

И вдруг загрохотал бронепоезд, ливнем свинца в степь брызнул. От тяжелых ударов его мощных орудий сотрясаются вагоны и дрожат под ними рельсы. Долго гремит его непрерывная пулеметная стрельба и грохочут орудийные выстрелы. Почему молчат наши?

Но вот, прерывая грозный монолог бронепоезда, ворвалась и новая нота. Это уже не выстрел, это — близкий разрыв! Второй, третий, четвертый. Все чаще, все ближе. А вот и что-то другое: к треску разрыва присоединяется еще новый звук, не то скрежет, не то звон.

— В него! — торжествующе шепчет Недошивин и тычет пальцем в днище вагона.

Вздрыгнул бронепоезд; стукнулись друг о друга бункера, и все скорее и скорее завертелись назад колеса. И никто не заметил, как прокатил над головами паровоз. С грохотом пронесся и последний вагон. Кругом разливается свет пасмурного утра. Смолкли пулеметы; изредка огрызаются еще его орудия. С минуту лежат на полотне неподвижно люди, только поручик Успенский чуть-чуть приподнял голову и смотрит вслед ушедшему бронепоезду.

— Встать! — И, полусогнувшись, идет к противоположному краю насыпи, но, не пройдя и трех шагов, падает и, махая рукой, зовет к себе свою маленькую группу.

Там, по ту сторону, не далее сотни шагов, густые цепи красных идут к насыпи. Первая цепь уже подошла к ней и начинает взбираться по крутому откосу.

— Огонь!

Лихорадочно затрещали семь винтовок, почти в упор, едва целясь. Бросились назад «товарищи», на сотню шагов отскочили, залегли и открыли беспорядочный и безопасный огонь по неожиданному и невидимому противнику.

— Назад! Скорее! — приказывает поручик Успенский

Кубарем скатываются с насыпи семь человек и бегут по уже довольно высокой траве прочь от грозящего появиться противника. Более чем на четыреста шагов отбежали и залегли в неглубокой канаве: дух перевести. Только теперь оделся гребень насыпи черной щетиной красной цепи. Но она не идет вперед, видимо стараясь открыть неизвестно куда исчезнувшего врага. Спрятала его степь в складку одежды своей и не выдает красному глазу.

Но уже передохнули семеро и поползли дальше по дну канавы. Изредка поднимется одна голова, посмотрит на насыпь и опять спрячется. И дальше ползут они: туда, где должна быть их рота; долго ползут. Показалось ли им или и вправду что-то шевельнулось? Человек! Свой, чужой? В четырнадцать глаз впились в скрытую травой фигуру. Капитан Стасюк! Наша рота!

Да, это первая рота. Невидимая, лежит она в канаве и держит под наблюдением железнодорожную насыпь. Ни выстрела, ни звука ждет, когда начнут спускаться занявшие ее товарищи.

Сразу отлегло от сердца: опять вместе, кончился кошмар и не пугает готовящаяся атака. Не впервой встретит рота красные цепи, не впервой огорошит их неожиданным огнем, и бросится на растерявшихся «товарищей», и погонит их, и на плечах их ворвется в станицу.

— Прапорщик Евдокимов, ступайте к взводному командиру и доложите о скоплении противника в обход левого фланга роты! —

уже не шепотом отдается приказание, и в знакомом голосе поручика Успенского слышится привычная речь и вливает спокойную уверенность.

Куда спряталось вчерашнее солнце? На сером фоне неба темной полосой тянется насыпь; вправо, ровная, как стрела, дотянулась она до моста через неширокую речку и спряталась за ним; влево, все понижаясь, резко свернула она, направо и исчезла в железнодорожных посадках, откуда перед рассветом так неожиданно вынырнул бронепоезд, верно, там и стоял, и, может быть, всего в двадцати шагах.

Но не время смотреть по сторонам, не время вспоминать то, что вместе с черным покровом своим свернула и унесла с собой ночь. Смотри туда, где на гребне насыпи изредка появится человеческая фигура, постоит, постоит и исчезнет; прямо перед собою смотри!

От свежего, сочного весеннего стебелька отпрыг прaporщик Рубашкин небольшое — не длиннее спички — коленце; поставил его на большой палец, сверху указательным придавил и, вытянув вперед руку, смерил появившуюся на насыпи фигуру. Вовремя смерил! 600—700 шагов.

Зубцами частого гребня встопорщилась насыпь: поднялись красные цепи и стали спускаться на ровную скатерть степи, и тотчас же начали рождаться над ними белые облачка шrapнельных разрывов. Махровыми снежно-белыми фантастическими цветами расцветают они на скате насыпи, и гремят позади роты сеюшие их орудия.

Молчит рота; затаила дыхание и ждет

Крoваво-красными цветами в ореоле желтовато-бурых широких кустов распустились в красных цепях разрывы бризантных гранат. Все медленнее движутся вперед «товарищи», все чаще залегают, все неувереннее их шаг. Не далее чем через минуту губительным огнем встретит их пока еще молчаливая пехота, бросится на первую мягкую цепь, опрокинет ее и погонит назад, на другие цепи, и увлечут они и других в своем неудержимом бегстве. И воцарится тогда властительница толпы — Паника. Сметет она обезумевшими толпами бегущих, всех, кто вздумает сопротивляться ей, обезоружит рабов своих и предаст их смерти. Так было всегда — так и теперь будет!

— Прямо по цепи! Дистанция 300 шагов!.. Огонь!

Словно крупный град забарабанил по железной крыше; частыми, отчетливыми трещотками ворвались и покатались по всему фронту роты резкие голоса пулеметов, еще загрохотали орудия. Адский джаз-банд, джаз-банд боя.

Не выдержала красная цепь, не выдержала и назад бросилась, и бросилась за ней 1-я рота. Разворачивается бой, как выученная наизусть сказка: все так и должно быть в ней, и конец ее заранее известен.

Вот уже и нет красных цепей: перемешались они и густыми неуправляемыми толпами бегут назад к насыпи и, сбиваясь в кучи, несут тяжелые и ненужные потери. Ни к сопротивлению, ни к самохранению не способно теперь это обезумевшее стадо.

Ясная задача стоит перед ротой: вскочить на насыпь на плечах бегущего противника, не дать ему опомниться и закончить разгром его с удобной и неприступной позиции.

В своем быстром движении вперед оставила она далеко позади себя своего командира, не догнать уже пожилому полковнику Плохинскому несущуюся вперед молодежь! Отстал он — шагов на триста отстал, а до насыпи и двухсот не осталось. Последнее усилие, последнее испытание крепости сердца, а там можно уже и передохнуть, и ему дать отдых: устало оно от долгого бега, ударами молотка в груди стучит; нужен ему отдых!

И вдруг оборвалась заученная наизусть сказка, на полуслове оборвалась, заглушенная оглушительным треском красных пулеметов. Густой щетиной резервов обросла насыпь и свинцовым дождем облила цепь первой роты. Будто стальные бичи полосуя истерзанную грудь степи. Залегла рота. Ни вперед — ни назад. С высокой насыпи как на ладони виден каждый стрелок цепи. Видны они все, прошедшие через Лежанку, Березанскую, Выселки, Кореновскую, Усть-Лабу, Ново-Дмитровку, Георгие-Афипскую, Екатеринодар, Гначбау, Медведовскую. Выбирай любого! Вон лежат они в десяти шагах друг от друга, и не видят друг друга, и не знают, убит или не убит еще сосед.

— На дистанцию пятьдесят шагов! Отходи по одному! — передают приказание капитана Згривца.

Широка степь, да невелик на ней человек; коли не давать в него целиться, так и не попадешь. Редкий, но прицельный огонь по насыпи, по всему, что только шевельнется на ней, поможет ему отбежать на пятьдесят шагов и оттуда поддержать отход товарища...

Поднялся первый, отскочил на пятьдесят шагов и залег. Следующий. И он отбежал. Третий поднялся, всего несколько шагов пробежал; упал и не поднялся. Кысмет.

Долгим, бесконечно долгим кажется быстрый отход взвода. Но вот и последний — капитан Згривец. И тотчас же новый приказ:

— Отходить по одному!

И снова не все достигают нового рубежа. Кысмет!

Но вот, наконец, и исходная канава: первое укрытие, первый вздох облегчения.

— Капитан Згривец, примите роту!

На сером, землистого цвета лице полковника Плохинского лежит печать полного отчаяния. Уже во второй раз видит его таким прапорщик Рубашкин, во второй раз передает он командование ротой капитану Згривцу. Или очки потерял и ничего не видит, или... сердце. Не таков полковник Плохинский: ни тяжелая боевая обстановка, ни безвыходность положения не смутили бы мужества полковника Плохинского, не смутила бы его и верная гибель! Может быть, потери? Ему одному известны они, и только один он может оценить их значение, как и тогда под Екатеринодаром.

— Рота, слушать мою команду! — Во весь рост поднялся капитан Згривец и с хриплым вздохом упал навзничь. Убит наповал.

— Выньте документы, — указывая на отдувшийся карман его гимнастерки, приказал полковник Плохинский, — и дайте сюда!

Склонился над телом своего командира прапорщик Рубашкин, снял с его груди лежавшую на ней неподвижную руку и вынул из кармана гимнастерки небольшую книжку. На черном коленкором переплете выгиснен восьмиконечный крест. Отвернул переплет. Поминальник. Заглянул на первую страницу. Старательным, но неровным почерком исписана она длинным столбцом имен. Только первое имя успел прочесть: раба Божия Владимира. Дальше не выдержали нервы: на мертвой груди только теперь вполне понятого им человека судорожно зарыдал Рубашкин.

— Прапорщик Рубашкин, возьмите себя в руки! Ступайте в цепь — красные наступают!

Но не слышит Рубашкин. Только тогда и опомнился, когда почувствовал, что кто-то тянет его за собою. Узнал поручика Недошивина.

— Згривец убит!

— Да!

И в коротком ответе, и в закушенной зубами губе, и в выкатившейся из глаз и сбежавшей по щеке крупной слезе — словно разделось и облегчилось непосильное одному горе.

— Згривец убит!

А в это время впереди снова спустились с насыпи красные полчища и идут на поредевшие ряды роты. Вон и слева появились густые цепи и заходят во фланг. И ни одного человека в резерве, только гремят без перерыва наши орудия.

То здесь, то там рвут они широкие бреши в бесконечных и бесчисленных цепях противника, но не могут остановить их. Да и орудия красных не остаются в долгу: много белых цветов шрапнели посадили они над линией роты, много фонтанов черной земли подняли их гранаты, много кроваво-красных цветов расцвело вокруг роты.

Частый огонь ведет она по наступающим и знает, что не удержит их, разве нанесет большие потери. Одна надежда на пулеметы.

В чем дело? Почему остановились «товарищи» и назад отходить стали? Видно, что-то неладное творится у них. И орудия их как будто смолкают, и бегут назад к насыпи грозившие охватом красные цепи.

— Рота, вперед!

Поднялась рота и вперед двинулась, но какая маленькая! Совсем не такая, как та, что атаковала и погнала «товарищей» к насыпи. Или не все приказание слышали? Или не видят они, что не отступают, а бегут красные, все более теряя порядок и бросая оружие?

Бежит в цепи роты и прапорщик Рубашкин; бежит и не понимает, почему бегут красные. И не понимает он, почему не слышно треска от разорвавшегося перед ним снаряда, и почему, в высоком размахе, закачалась перед ним степь, почему пропало небо и почему опускается он в глубокую черную яму...

* * *

Новочеркасск. В госпитале Общества Донских врачей, в большой светлой палате с рядами белых, покрытых чистым бельем кроватей, в больничных халатах — кто на костылях, кто с забинтованной головой, кто с перекинутыми через шею полотенцами, поддерживающими широкие лотки с покоящимися на них загипсованными руками — вспоминают офицеры первой роты все перипетии боя у Сосыки и погибших в нем товарищей.

— Но каким образом мы только в последний момент услышали бронепоезд, когда в царившей тогда тишине его за версту услышать было бы можно?

— Он и не подходил, а попросту там и стоял, и если бы не началась эта бессмысленная ночная стрельба, то, вероятно, мы оттуда и ног бы не унесли. Тем только и спаслись, что он еще в темноте двинулся и нас не заметил. А все Недошивин — пройди мы тогда на три шага в сторону, так на него бы и наткнулись.

— Ну, — возражает Недошивин, — если бы мы об него мордами не ударились, то и тогда бы не заметили: уж очень темно было.

— Успенский, а почему ты мне гранату тогда не дал, да еще и одернул? Я же знал, что у тебя есть.

— А потому и одернул, что больно горяч ты, Рубашкин, а в нашем положении только одна воля могла быть, что я тебе и напомнил. А гранату не дал я тебе потому, чтобы семи лишних трупов не было, и безо всякой пользы.

ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ О 1-М КУБАНСКОМ ПОХОДЕ²⁰³

Новочеркасск. Декабрь 1917 года

Звонкие дисканты кадет, этих самых убежденных и ревностных спасителей России, уже в поезде и на перроне.

Проверка документов. Вежливо, серьезно. Винтовка в полтора раза больше этого самого спасителя.

Надутые щеки, вздернутые плечи, сдвинутые брови, как и каблук, как и сами и весь их строй; часто «самокрутка», чтобы выглядеть старше, воинственнее, серьезнее, чтобы люди поверили им, их делу. Сапоги солдатские, большие, шаг — детский — мягкий и малый. И радостно, и стыдно. Больно тоже. Разве не страшно, что детям вместо колыбельной песни поют панихиды; вместо теплой кровати снег Лихой, Зверева (одни названия чего стоят); вместо материнских рук объятия небытия.

— Умирать, конечно, рано и не хочется, — говорят они, — а надо.

И они идут, и делают это просто, как будто идут в субботний отпуск.

Медведовская. 2 апреля 1918 года

На одной повозке сестра милосердия спорит со своим в три места раненым подопечным:

— Слушай, мальчик, а ты ведь вовсе не белобрысый, а седой, как старик... тебе бы уже генералом быть.

— Нет, нет, сестрица! Я не седой, это, наверно, от муки, когда я в колонии (Гначбау) под амбаром сидел и туда разом ударили две гранаты... а генералом я тоже буду, если не умру кадетом...

— Нет, милый, это все-таки не от муки будет, а от мўки...

Ново-Дмитриевская. 16 марта 1918 года

Опять потери. Сестры милосердия рвут свою последнюю рубашку, чтобы перевязать новые раны, собирают «Христа ради» тряпки у населения. Ледяной поход кончился. Теплеет.

В больших сапогах, куда могут уместиться обе ноги, со стертymi ногами, изможденные, усталые, грязные, они унимают боли, перевязывают, отмачивают от ран портянки и газеты, утешают, кормят, бодрят. Они — сестры милосердия. Они теперь так мало похожи

на женщин, но так сильно напоминают человека. В них, мне кажется, нельзя влюбиться, но любить их можно вечно.

Их сила начинается тогда, когда у мужчин иссякает мужество. Как, должно быть, трудно быть такой женщиной и идти таким путем! Как, должно быть, надо в себе много иметь, чтобы быть сестрой милосердия в 1-м Кубанском походе! Их дело — двойное, подвиг тоже — вдвойне, а жертвенность бесконечна, тогда как сами они, хрупкие тонкие женщины, мало знакомые с трудом...

Когда все идут, они тоже идут, на ходу перевязывая и кормя свою «побитую армаду»... Когда все спят, они караулят сон, топят печи и варят чай, чтобы напоить температурных. Когда они сами спят — неизвестно, но что они не спят — это известно.

Опять русская женщина впереди самых больших народных болей и страды. Она вся живет в этой большой человеческой натуре и светлеет в ней челом Богородицы. И она не считает, как мужчина, все это сверхделом, а обычным женским, само собой понимающимся и разумеющимся делом.

Тогда, когда кожа и руки мужчин задрожали, чтобы спасти честь народную и достоинство гражданское, смыть стыд и позор перед историей и потомками, русские женщины, и главным образом порывные девушки, надели тяжелые юфтовые сапоги, вещевого мешок и взяли в руки винтовку, чтобы делать брошенное мужское дело. И не только порывом и жертвенностью, но и умением тоже.

В русской Голгофе, в ее большом хождении по мукам, самой красивой жертвой были эти прекрасные женщины, добровольно понесшие свой тяжелый крест. Если мальчики была самая ранняя и нежная жертва к подножию Родины, то женщины — самая необыкновенная, душевная жертва.

Зимний дворец. Казармы Павловского полка. А потом Дон и Кубань. Я видел этих женщин в боях за Филипповские хутора в первый весенний день 1918 года. Честь и слава!

Шли не хуже бывалых офицеров, а выдержки, бесстрашия и боевого безумства было еще больше. В штыки шли не морщась, стоя под огнем, не кланялись и не моргали. Как стали во весь свой рост за Россию, так и продолжали стоять за нее в бою и перед Престолом Всевышнего.

Рядовые и прапорщики. Эти 18 прапорщиков, выпущенных из военного училища незадолго до большевистского переворота, в Добровольческой армии были почти все, сложили, как и хотели, свои головы тоже почти все. Вечная слава и вечная память им, незабвенным русским героиням!

ПАСХА В ЛЕЖАНКЕ²⁰⁴

19 апреля 1918 года, пройдя железную дорогу, разогнав в Горькой Балке большевиков, мы пришли в Лежанку, замкнув после двух месяцев свой путь борьбы за «русский светоч».

Большевики из Лежанки поспешно ушли, забрав с собою несколько сот мобилизованных жителей этого села. Мы здесь еще в недоброй памяти: у жителей много страха, еще не забыт февраль, когда мы с боем брали это большое село и когда человеческая жизнь валилась, как листья в осеннюю пору. Бабы, однако, через пару часов освоили положение и смело начали всякие военные и партикулярные разговоры.

Заняв Лежанку без боя, мы вели себя сугубо мирно, и это очень расположило к нам женское население села.

— Вот, не тронули их, и они никого не трогают, — резюмируют они положение. Они соглашаются, что при большевиках нет жизни, никакого нет закона и порядка; забирают скот, имущество, мужиков; заставляют всех рыть окопы, нагоняют страху и всякого туману... — Но и с вами страшно, — заключают они.

Мы искренне смеемся, и от этого им становится легче. Они даже хлопают нас по плечу и тоже смеются. И страха уже нет. На другой день наша хозяйка откровенничает больше:

— Они все же — свои... да как посмотрю на вас — тоже не чужие... — И улыбается. Потом, переходя на шепот, докладывает: — Бают, что вы и царя везете с собою...

— Нет, царя у нас нет, — отвечаем мы, — а вот князей много, но они тоже, как солдаты, со штыками ходят, и нет у них ничего, кроме вшивой рубашки...

Ну да что там говорить, все равно хозяйка не поверит. Я показываю на Хованского. Хозяйка не то сердобольно, не то недоверчиво качает головой и умолкает.

Когда же на другой день Хованский умывается, хозяйка ему сует чистый ручник.

— Чего же ты князю? — замечаем мы. — Ты что — за старый «прижим», что ли?!

Хозяйка, смущенная, машет рукой и уходит на двор.

Генерал Богаевский со своей бригадой ушел на Дон; оказывается, на Дону действительно восстание казаков. Теперь в арьергарде мы — первая бригада. Большевики, верные себе, чтобы не дать отдыха ни

своим частям, ни нам, беспокоят нас своими непрекращающимися наступлениями.

Мы лежим в окопах на окраине села и отгоняем большевиков — «беспокойщиков». Накопившись, большевики повели наступление. Мы подпустили их совсем близко, но они не выдержали этого нашего злобещего молчания, залегли и начали пятиться назад.

В это время на их левом фланге появился Черкесский конный полк, и большевистские части побежали. Пехота обрушилась на противника фланговым огнем, и получилась всегдашняя картина большевистского уничтожения. Чтобы окончательно отбить у них охоту к беспокойству, наш взвод сел на повозки и погнался за бегущим противником.

Километров за пять нас встретили довольно организованным огнем. Мы спешили и, не останавливаясь, бросились в атаку на «ура». Красные опять побежали, отстреливаясь и прячась за углы построек и плетни. В одной улочке мелькнула группа тельняшек, одна из них повернулась и из большого маузера дала несколько выстрелов. Кто-то из-за плетня выстрелил под самым ухом. Мы бежали доброй рысью, забыв свои полужакрытые раны. Большевики оглядываются и временами стреляют, но страх и сознание того, что «кадеты» (так они называли добровольцев) преследуют упорно, парализуют точность огня. В результате и маузер, и другие револьверы и пистолеты поступают на наше вооружение. Опять появляются черкесы и преследуют противника на Медвежье.

Хутор Медвежье должен заплатить нам контрибуцию, но, так как жителей нет, разверстку производим мы сами. Берем не впрок, а для пасхального стола. У всех сразу появляются хозяйственные знания и даже таланты.

— Это тебе не на «ура» идти, — заявляет один такой хозяйственник, — здесь надо мозгой ворочать и надо знать, которая мука — крупчатка, а которая — мягкого помола... Для куличей употребляют мягкую.

— И которая курица, и которая утка, — добавляет другой. — Для пасхи очень годится павлин.

Словом, птица всевозможных заглавий и роста, поросята разных величин, сметана, сливки, масло, яйца и еще что-то, и еще — елечка помещаются в возы и быстро и осторожно упаковываются.

— Не хватает только миндаля, изюма и ванили, — замечает длинный варшавянин-кексгольмец.

— Ты вот поминдальничай, так живо попадешь в лапы к «товарищу» Троцкому, — парирует финляндец Меллер²⁰⁵.

Наша хозяйка и две другие хозяйки нашего постоя пекут и жарят, как для настоящего Светлого Праздника, ожидаемого после семинедельного поста... Находится и краска, и мы не протестуем, когда получают «красные яички».

Наша хозяйка — та, что любит поговорить о напрасности «братоубийства», — из железного резерва выволакивает что-то питьевое.

— Какая же это будет солдату Пасха без вина? — заключает она.

Наш гвардейский взвод 3-й роты Офицерского полка — восемнадцать человек — занимает участок у околицы хутора, шагов сто в одну и столько же в другую сторону от Медвежинского тракта. Дома крайние: когда надо, выбегаем мы из домов и занимаем свою позицию. Теперь мы на хозяйственных работах, но дежурные следят за степью, а хозяйки — за куличами, дабы вовремя вынуть их из печи.

В субботу, незадолго до крестного хода вокруг храма, начал собираться для наступления пресловутый Медвежинский уезд.

Стемнело. Я лежал на земле около окопчиков и, поднявши воротник шинели, дремал. В пяти шагах от меня лежал мой брат и все время наблюдал и прислушивался к движению в большевистском лагере.

— Не спи! Не спи! Они всего в двадцати шагах и — слышишь? — ползут к нам.

Я на мгновение всматривался в темноту и опять дремал

— Идут! Бегут! — нервно крикнул брат и выстрелил в темноту. Загремели выстрелы по всей околице, затарахтел ротный пулемет.

Я нервно сжал винтовку и ждал.

«Что за атака без «Ура»? — думал я — Это не всерьез...»

Но мимо промелькнула темная фигура, — хотел стрелять, но опоздал, — и скрылась в нашем тылу. Тогда, ставши на колени, я начал вглядываться в темноту.

«Господи Боже! Теперь молиться бы, а ты тут шныряешь штыком», — подумал я.

В это время передо мной выросла тень, и, если бы я машинально не выбросил штык вперед, она бы меня задавила. Тень вскрикнула и скатилась куда-то в сторону. Я ждал других — но две-три промелькнули вне поля моего действия, и скоро все успокоилось.

Подошел брат, стали искать заколотого, но его нигде не было. Утром после боя все выяснилось: перед нашим участком лежало пять или шесть человек убитых или тяжело раненных, но не видно было ни одной винтовки. Оказывается, мобилизованные жители села Лежанка оружие побросали еще раньше и шли налегке, чтобы попасть домой еще до крестного хода.

Разговлялись утром. Черкесы-магометане несли весь этот день дозорную службу.

Хозяйки считали нас уже почти что своими. Пасха такая же у них, как и у нас. Носят на шее крест, а главное — не шарят по комодам... Они заговорщически нам улыбались и, подмигивая своим мужикам, говорили:

— Вернулся-таки с посева...

Что он сеял — не было известно, а также не было важно в этот Светлый День.

Своему мужику мы отдали его питье.

— Так, Ваше Высокоблагородие... — опешил он, — тогда уж выпьемте вместе!

Выпили вместе, а хозяйка вытерла губы и похристосовалась с каждым, перед каждым вытирая передником губы; христосуясь же с князем Хованским, вытерла губы дважды.

Так встретили и отпраздновали мы первый день Пасхи в 1918 году. А на второй день мы выступили походом на Дон.

В. Эльманович²⁰⁶

МОРСКАЯ РОТА ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ²⁰⁷

Из интересных эпизодов, связанных с памятью генерала Корнилова, я помню его манеру обходить передовые цепи и слова: «Ложитесь, ложитесь, не открывайте себя до нужного момента». Его пуля не брала.

Также помню генерала Маркова, когда он выехал на белом коне навстречу красному бронепоезду при переезде железной дороги у станции Медведовской и громко скомандовал:

— Стой, сволочь!

Одновременно с этим две трехдюймовые пушки справа и слева от железной дороги почти в упор выстрелили гранатами в цилиндры и колеса паровоза. Эти две пушки, возможно, были последние, так как почти все пушки были уничтожены ввиду отсутствия снарядов и, главным образом, лошадей.

Мы начали переходить железную дорогу около 3 часов ночи, когда этот бронепоезд вышел пересечь нам дорогу. Паровоз, получивший две гранаты, остановился и, выпуская клубы пара, зашипел, как умирающее чудовище.

Все это случилось 7 апреля 1918 года.

Генерал Марков отъехал в сторону, и бронепоезд начал беспорядочную стрельбу. Наши подползли под вагоны и зажгли паклю с кerosином, найденную в будке. Поезд сожгли и команду перебили.

Это был тот самый бронепоезд, который обстреливал нас в колонке, где у нас были большие потери, главным образом в обозе раненых, расположенном на площади. Наша артиллерия молчала, так как почти все пушки были приведены в полную негодность и не было снарядов.

Во время ликвидации этого бронепоезда я был ранен. Когда уже рассвело и наш арьергард переходил железную дорогу, меня подобрала молоденькая сестра милосердия (ростовская гимназистка). Она привела нескольких добровольцев и, сняв с их помощью мои доспехи и шинель, ножницами распорол тесную гимнастерку, наложила тампоны туда, где была прострелена грудь и спина, и перевязала. Все это она сделала поразительно быстро. Важно было то, что она остановила кровотечение.

Меня положили на повозку и по прибытии в станицу Дядьковскую поместили в числе 12 человек тяжело раненных в небольшой станичной школе. К вечеру нам начали давать усиленную дозу морфия, в результате чего к утру 9 апреля 9 человек уже больше не проснулись. Армия ушла часа в 4 утра, а мы остались.

На рассвете я немного пришел в себя. По-видимому, меня растормошила учительница, и я увидел картину. Первые лучи восходящего солнца осветили большую комнату, где на полу разместили нас. Молоденькая казачка-учительница стоит посреди комнаты и плачет. Капитан Марченко, я и прапорщик Чириков смотрим на нее и ничего не понимаем. Сквозь слезы она рассказала, что произошло, и, указав на 9 человек других, сказала, что они не проснутся. Как тяжело раненных, нас было решено оставить, предварительно усыпив, чтобы нас не замучили красные. Нас троих она может спасти, так как у нее на примете есть старый надежный казак с повозкой.

Она ушла и быстро вернулась и сказала, что он согласен нас отвезти и догнать армию. Действительно, через несколько минут приехал старик со старой лошадейю и повозкой. Чириков отказался ехать, так как разбитая берцовая кость ноги причиняла страшную боль при малейшем движении. Учительница вытащила нас и вместе со стариком положила на повозку, и мы поехали.

Красные начинали занимать станицу с противоположной стороны. Их конные разведчики были видны по обеим сторонам дороги, и, если бы они не поленились посмотреть, что вез наш казак, нам всем была бы крышка.

Когда мы отъезжали, было трогательно наблюдать эту молоденькую казачку, желавшую нам счастливого пути... Что стало с ней, безвестной героиней?.. Мы просили ее немедленно покинуть станицу...

Через 5—6 часов мы догнали армию в станице Успенской. Щедро наградили старика, тем более что его старая лошадь была загнана и сам он не хотел возвращаться в станицу Дядьковскую. Там же, в Успенской, мы узнали о восстании казаков на Дону.

В конце мая все тяжело раненные были погружены на колесные, мелко сидящие пароходы в станице Маньчской, и по прибытии в Новочеркасск нас поместили в госпиталь и сделали необходимые операции. У Марченко ампутировали правую руку, так как начиналась гангрена, а у меня началось осложнение в правом легком, так как верхняя его часть была пробита пулей. По выходе из госпиталя и после двухмесячной поправки я поступил в тяжелую артиллерию.

Летом 1918 года я прогуливался по Садовой улице и увидел идущего мне навстречу прапорщика Чирикова с ампутированной правой ногой. Он, конечно, не узнал меня, так как я был в новой морской форме, а сам он был в состоянии нервного расстройства после пережитого. Оказалось, что красные его пощадили, так как генерал Деникин оставил раненых на попечение нескольких комиссаров, которых он пощадил с тем условием, что они не дадут раненых на растерзание.

Раздел 3

КОРНИЛОВЦЫ В ПЕРВОМ КУБАНСКОМ ПОХОДЕ²⁰⁸

Добровольческая армия, выйдя в Задонские степи, сделала переход в тридцать верст на восток от Ростова и остановилась в станице Ольгинской. Здесь были подсчитаны силы армии. Оказалось: около трех тысяч штыков и до двухсот сабель при ста конях, несколько десятков пулеметов и восемь трехдюймовок. Боевые запасы были очень скудные: шестьсот снарядов и по двести патронов на винтовку.

Для удобства командования вся пехота была сведена в три полка — Ударный Корниловский, Офицерский и Партизанский. В Корниловский полк были влиты сводная часть Георгиевского полка полковника Кириенко²⁰⁹ и офицерский батальон полковника Симановского. После этого Корниловский полк развернулся в три батальона и насчитывал тысячу сто штыков. Его командный состав стал такой:

Командир полка — подполковник Неженцев. Помощник командира полка — капитан Скоблин²¹⁰. Адьютант — поручик князь Ухтомский²¹¹. Начальник связи — капитан Морозов²¹². Начальник хозяйственной части — капитан Гавриленко²¹³.

Командир 1-го батальона — полковник Булюбаш²¹⁴. Командир 1-й роты — капитан Миляшкевич²¹⁵. Командир 2-й роты — штабс-капитан князь Чичуа²¹⁶. Командир 3-й роты — капитан Минервин²¹⁷. Командир 4-й роты — капитан Пиотровский²¹⁸. Командир 2-го батальона — полковник Мухин²¹⁹. Командир 5-й роты — штабс-капитан Томашевский²²⁰. Командир 6-й роты — штабс-капитан Петров²²¹. Командир 7-й роты — поручик Салбиев²²². Командир 3-го батальона — полковник Индейкин²²³. Командир 9-й роты — капитан Лызлов²²⁴. Командир 10-й роты — штабс-капитан Мымыкин²²⁵. Командир пулеметной роты — есаул Милев²²⁶.

Из восемнадцати человек этого командного состава ныне здравствуют лишь пять человек, двенадцать погибло в боях с большевиками, а есаул Милеев, потрясенный Новороссийской эвакуацией, застрелился.

14 февраля в яркое солнечное утро реорганизованная армия вышла из станицы Ольгинской. Темная лента людей, повозок извивалась по искрящейся белой степи. В авангарде шел Офицерский полк, за ним растянулся обоз с военным имуществом и ранеными, вывезенными из Ростова, в арьергарде — корниловцы. Переночевали в станице Хомутовской. Ранним утром вдруг послышалось за станицей «таканье» пулемета, а на улице с треском разорвались одна за другой две шрапнели. С непривычки в обозе поднялась суматоха.

— В ружье! — скомандовал Неженцев.

Корниловцы быстро выбежали за околицу и рассыпались в цепь. Большевики для того, чтобы войти в соприкосновение с добровольцами, выслали из Ростова небольшой конный отряд с одним орудием. Несколько ружейных залпов корниловцев, и большевики скрылись.

Снова потянулись добровольцы по степным дорогам. С ночевками в станицах шли, никем не тревожимые, пять дней. Все та же бескрайняя степь, но уже с черными проталинами от весеннего солнца. С засохших стеблей репейника стайками слетали разноцветные щеглы, по дороге шныряли серые птички, а на проталинах уже степенно расхаживали грачи, блестя синим отливом на крыльях. Иногда показывались табуны степных кобылиц. Они подымали тонкие шеи, вглядывались несколько мгновений в вереницу людей, а потом на легком галопе скрывались в снежном облачке.

Под лучами солнца чернозем растопился. Липкая грязь то всасывала в себя сапоги так, что они оставались в ней, и приходилось, уже стоя босиком, их вытаскивать обеими руками, то эта клейкая жижа вливалась за голенища, и тогда сапоги хлюпали, как насос. Лошади в обозе выбивались из сил.

Из Донской области Корнилов повел добровольцев на село Лежанка Ставропольской губернии. Присланная из этого села депутация обещала Корнилову свободно пропустить его армию. Выйдя на пригорок перед Лежанкой, добровольцы увидели широкую равнину, за нею сверкала река, а на возвышенном берегу раскинулось большое село. Ярко блестели кресты на церквях и колокольнях.

Неожиданно прогремел пушечный выстрел, и комок ваты поплыл по голубому небу. За первым выстрелом второй, третий, и артиллерия неожиданных врагов загрела непрерывно. В промежутках врвался треск пулеметов. 39-я дивизия, пришедшая с Кавказского фронта и осевшая в богатой Лежанке, была совершенно распропа-

гандирована большевиками и по их настоянию решила разгромить Добровольческую армию. Свою позицию большевистские командиры считали неприступной.

Быстро развернулись добровольческие полки. Офицерский полк под командой генерала Маркова пошел по открытой равнине прямо в лоб противнику, Корниловский полк, по приказанию Корнилова, должен был обойти Лежанку справа, взяв направление на плотину. Цепь корниловцев растянулась по зеленеющей пахоте. Как только красные заметили обходное движение, их стрельба беспорядочно заметалась. В это время рота Офицерского полка под командой полковника Кутепова бросилась вброд через реку. Корниловцы подбежали к плотине, и бой кончился. Защитники Лежанки побежали. К пяти часам все село было очищено от красных. Разбежалось все население, угнав с собою крупный скот. С опущенными головами и повисшими руками стояли пленные, их расстреляли — у «кочующей армии» тыла не было.

Захватив в Лежанке несколько орудий и пополнив свои боевые припасы, Добровольческая армия повернула на юго-запад и двинулась в Кубанские степи. Своим походом по Кубани генерал Корнилов рассчитывал поднять против большевиков Кубанское казачье войско, а в самом Екатеринодаре соединиться с формируемыми там генералом Эрдели добровольческими частями и вместе с ними предпринять крупные операции по очищению Кубани от большевиков.

Ровные с беспредельною далью Донские степи сменились слегка волнистыми Кубанскими степями с перелесками в лощинах. Гостеприимно и радушно встречали кубанцы добровольцев. Алексеев и Корнилов держали речи на станичных сходах. Старые казаки сочувственно кивали головами, но записывались в Добровольческую армию в небольшом количестве. Один степенный казак долго сетовал на то, что Корнилов не производит набора по мобилизации:

— Кто своей охотой пойдет с вами, у того большевики начисто разорят все хозяйство. А коли мобилизуете, родственники говорить будут: Корнилов забрал казаков силой, ну, смотришь, их хозяйство и не тронут...

Благополучно прошли добровольцы станицы Плосскую, Незамаевскую. Скоро надо было пересекать железнодорожное полотно Ростов—Тихорецкая. Большевики оперировали главным образом по железной дороге, перебрасывая по ней свою пехоту и для ее поддержки бронепоезда. Преследовать добровольцев вне железных дорог красные опасались. Чтобы обмануть большевиков, Корнилов сделал вид, что направляет свою армию на Тихорецкую, а на самом деле место перехода через железную дорогу выбрал другое.

Выступив 23 февраля в шесть часов утра и передохнув днем в хуторе Веселом, корниловцы в десять часов вечера того же дня снова двинулись в поход уже в авангарде всей армии. В полной тишине шли всю ночь. Руки немели от винтовок, ноги пухли, глаза слипались, но шли и шли безостановочно. По молчаливой степи лишь разносилось непонятное и жуткое шуршание... В предутреннем сумраке подошли к станице Ново-Леушковской. Неожиданных пришельцев казаки встретили хлебом и солью. Не задерживаясь в станице, корниловцы вышли на железную дорогу, перерезали ее с двух сторон, взорвав полотно, и пропустили через себя всю армию. Примчался красный бронепоезд, выпустил в хвост уходящей армии несколько снарядов, но быстро был отогнан артиллерией добровольцев. К часу дня переход через железную дорогу был закончен. Корниловцы свернулись в колонну и направились в станицу Старо-Леушковскую. Снова подкатил бронепоезд. По бокам дороги стали рваться гранаты, земля вскидывалась черными столбами. Только в семь часов вечера корниловцы втянулись в назначенную им для отдыха станицу. Переход с шестичасовым перерывом продолжался 37 часов.

После такого перехода только один день отдыха дал Корнилов добровольцам и снова повел их в путь. Прошли станицу Ирклиевскую, впереди лежала станица Березанская. По полученным сведениям, она была занята большевиками. Предстоял бой. Корниловцы должны были опять своим обходным движением помочь Офицерскому полку разбить большевиков. На рекогносцировку позиции был послан командир 2-й роты штабс-капитан князь Чичуа. Только что корниловцы высыпали густой цепью на гребень, и правее его открылась в котловине вся Березанская, как ко второй роте подошел офицер и крикнул:

— Вторая рота... Ваш командир убит...

Все сняли фуражки и перекрестились. Несколько человек отделились от роты и пошли за телом убитого. Князя положили поперек седла и повели коня под уздцы. Не верилось, что это качающееся обвислое тело тот самый князь Чичуа, красивый мингрелец, который еще так недавно то лихо джигитовал на этом же коне, то весь радостный, улыбающийся танцевал по кругу лезгинку...

В захваченной Березанской перед станичным управлением «старички», по приказу Корнилова, с превеликим удовольствием отодрали нагайками своих молодых казаков, помогавших в этом бою большевикам.

На другой день, 2 марта, ночевка для всей армии была назначена в Журавских хуторах, а Неженцеву было приказано выбить боль-

шевиков из соседней станции Выселки, после чего перейти на хутор Малеванный.

При подходе колонны Корниловского полка к выселкам красные открыли артиллерийский огонь. Немедленно 3-му батальону было приказано наступать вдоль дороги Березанская—Выселки, а ротам 1-го батальона двигаться уступом за его правым флангом. Стремительной атакой 3-го батальона станция была взята. Кроме пленных, захватили пулеметы и снаряды. В одном вагоне отыскали партию дамского белья. Свое белье корниловцы совершенно износили, и они с хохотом и шутками облеклись в кружева и прошивки.

Передав взятую станцию конному дивизиону Гершельмана, корниловцы пошли ночевать в хутор Малеванный. Не отошли они и четырех верст, как со стороны Выселок опять послышалась стрельба. На следующее утро партизанам вместе с 5-й и 6-й ротами корниловцев под командой полковника Мухина снова пришлось брать Выселки.

В станице Журавской Корнилов получил сведения, что как раз в этих местах Кубанская правительственная армия под начальством Покровского потерпела сильный урон в бою с большевистской армией, покинула Екатеринодар и двинулась куда-то в предгорья Кавказа. План Корнилова неожиданно рушился, и в тот самый момент, когда добровольцы были от Екатеринодара всего в восьмидесяти верстах. Снаряды у добровольцев иссякли, непрерывные переходы измотали людей и лошадей. Положение создавалось крайне тяжелое, но не таков был Корнилов, чтобы падать духом. Он знал своих корниловцев, верил добровольцам, и по его приказу 4 марта вся армия снова двинулась вперед на станицу Кореновскую. В ней была сосредоточена Таманская красная армия Сорокина в четырнадцать тысяч штыков и сабель с большим количеством орудий. Свои боевые запасы Корнилов рассчитывал пополнить здесь.

Древнеклассическим духом веяло от всего этого похода. Известен ответ римского полководца, когда его солдаты стали жаловаться на то, что их мечи короче вражеских. Полководец ответил:

— Подойдите на шаг ближе, и вы сравняетесь оружием.

Чтобы сравняться оружием с большевиками, добровольцы подходили к ним вплотную и брали с боя их винтовки и снаряды. Так было и в этом бою под Кореновской.

Главная тяжесть боя пала на корниловцев. Левее их был направлен Офицерский полк, а правее — Юнкерский батальон, еще правее — за Юнкерским батальоном — партизаны. Большевики встретили корниловцев сосредоточенным огнем хорошо пристрелянной артиллерии, бороться с которой своей артиллерией добровольцы за

недостатком снарядов не могли. От меткого огня корниловцы несли большие потери, то и дело ударники вскидывали руками и падали навзничь. Около них склонялись сестры. И все-таки корниловцы подошли к окопам. Большевики перешли в контратаку. Окопы переходили из рук в руки. Казалось, что бой кончится вничью, но вдруг за левым флангом большевиков, уже в самой станице, послышались громкие крики «Ура!». Юнкера и партизаны обошли противника и ворвались в станицу. Корниловцы воспрянули духом и снова бросились в атаку. По всему фронту большевики стали отступать, только у самой станции продолжался упорный бой между Офицерским полком и красными, которых прикрывал бронепоезд. Корниловцы быстро пробежали станицу и уже были недалеко от станции. В это время навстречу им показались какие-то войска. Приняв их за свой Офицерский полк, корниловцы подошли к ним почти в упор и только тогда разглядели, что перед ними резервные части Таманской армии. Неженцев сразу скомандовал — в атаку; корниловцы бросились. Красные стали сдаваться, как из-за угла деревни вылетел конвой Корнилова и, не разобрав в чем дело, врубился в них. Красные стали подбирать винтовки и защищаться. Своей стрельбой они отбросили конвой и сразу воодушевились своим успехом: перестали сдаваться и начали отходить, отстреливаясь, пока не скрылись из виду. Корниловцы уже беспрепятственно вышли в тыл станции и тем самым решили участь боя и на этом участке. В их руках осталось два вагона со снарядами и патронами. Запасы добровольцев увеличились втрое.

Бой кончился. Корниловцы уже мечтали об отдыхе, но им было приказано продвинуться от станции на две версты и там вместе с Юнкерским батальоном занять позиции. Противник готовился к контратаке, и, действительно, в семь часов вечера показались густые цепи красных, а за ними дымился бронепоезд. Обозленные корниловцы выскочили навстречу врагу, красные предпочли не вступать в единоборство и побежали назад к своей станции Платнировской.

Только в девять часов вечера Корниловский полк расположился на ночлег в завоеванной им станице Кореновской. За этот бой корниловцы потеряли 150 человек убитыми и ранеными. Теперь уже 4-я рота оплакивала своего командира капитана Пиотровского.

Бой под Кореновской воодушевил Добровольческую армию — враг, в пять раз сильнее, на заранее укрепленных позициях и с подавляющей артиллерией, был разбит. Вера в Корнилова, уверенность в своих силах у добровольцев возросли. Разбитые большевики сосредоточились на станции Платнировской. Сюда из Екатеринодара им гна-

ли непрерывные подкрепления, но Корнилов спутал расчеты красно-го командования. Он рискнул на очень смелый маневр. Вместо того чтобы наступать на юго-запад, на станцию Платнировскую, как предполагали большевики, Корнилов повел добровольцев на юго-восток. Он со своей армией вошел внутрь треугольника, образуемого железнодорожными линиями, соединяющими Екатеринодар, Кавказскую и Тихорецкую, и уже к вечеру того же дня пересек сторону треугольника Екатеринодар—Кавказская, переправился за Кубань и очутился на востоке от Екатеринодара. Корнилов в этих местах рассчитывал найти бесследно исчезнувшую Кубанскую армию.

Если бы большевики разгадали план Корнилова, они могли бы сжать добровольцев со всех сторон и не выпустить их из треугольника.

Этот поход начался ночью. Опять по степи заколыхались безмолвные тени, лишь скрип телег и шуршание ног выдавали добровольцев. К рассвету уже прошли половину пути, как внезапно степную тишину разорвал раскатистый ружейный треск. Большевики со станции Платнировской догнали добровольцев и начали на них насаждать. Партизанский отряд с кавалерией повел арьергардный бой, а в это время Корниловский полк уже подошел к железнодорожному полотну у станицы Усть-Лабинской и завязал авангардный бой с местными красными отрядами. Корниловцы быстро их смяли, захватили станицу и мост через Кубань. Обоз уже стал переправляться через реку, как подошли из Кавказской два бронепоезда с эшелонами красной пехоты. Снова разгорелся бой — большевики наседали спереди и сзади. Только к ночи корниловцам и Офицерскому полку удалось отбросить противника. Вся армия благополучно перешла через реку и вышла из рокового треугольника. В полночь все добровольцы как убитые свалились по хатам в станице Некрасовской. Только 2-му батальону пришлось остаться в сторожевом охранении около моста, который не успели взорвать.

Два дня простояли добровольцы в Некрасовской. Душа оттаивала. Так хорошо было после выстрелов, треска, крика, стонов окунуться в тишину и смотреть на далекие синие громады Кавказского хребта. Только печальный звон и скорбные звуки траурного марша возвращали к жестокой действительности.

Некрасовская расположена на реке Лабе, притоке Кубани. Уходя из Некрасовской, большевики сожгли все переправы и, прикрываясь рекой, стали обстреливать станицу. Долетал орудийный гул и из Усть-Лабинской, куда красные подтягивали крупные силы. Опять добровольцы оказались в полукольце врагов.

8 марта Юнкерский батальон форсировал Лабу и отогнал большевиков. Инженерная рота быстро навела мост, и добровольцы к вечеру двинулись прямо на юг. Шли по Майкопскому отделу, густо населенному иногородними. По дороге все время попадались мелкие хутора, брошенные жителями. Вскоре все эти хутора один за другим стали загораться. Их поджигали шедшие в авангарде казаки-партизаны, мстя иногородним за их совместные выступления с большевиками.

Хутора вспыхивали мгновенно, занимались сараи, скотные дворы, стога. Над клубами дыма и огня трепыхали розовыми крыльями голубиные стаи, надрывно мычали коровы, металась испуганная овца, по полям от дороги колыхались черные тени людей, верховых, повозок. Эти тени то укорачивались, то разрастались до гигантских размеров.

На другой день с утра Корниловский полк в авангарде продолжал двигаться на юг. У Филипповских хуторов, центра большевизма и военной организации всего района, завязался упорный бой. Искусно маневрируя и несколько раз меняя направление полка, Неженцев разбил большевиков и занял Филипповскую станицу. Вместе с большевиками из нее бежали все жители. Отсюда Корнилов круто повернул свою армию на запад. Надо было переходить реку Белую и сбить за рекой засевших на буграх большевиков. Повел наступление 2-й батальон Корниловского полка под сильнейшим пулеметным и артиллерийским огнем. На помощь 2-му батальону пришлось бросить весь Корниловский полк. Когда красные были сбиты с бугров и вся армия подтянулась сюда, она оказалась окруженной подоспевшими красными отрядами. Неприятельские снаряды и пули полетели со всех четырех направлений. Надо было пробиваться — во что бы то ни стало, но к красным подходили все новые и новые силы. Бой затягивался. Красные стали теснить добровольцев. Корнилов бросил в цепи свои последние резервы — охранную роту из инвалидов и музыкантскую команду. Большевики продолжали яростно наступать. Казалось, наступил предел человеческим силам и воинской доблести. Положение создавалось отчаянное. Раненые в обозе уже приготовили револьверы. И вот тут произошел у сражавшихся тот психологический перелом, который сразу решает участь боя: откуда-то из горных аулов появился небольшой разъезд, высланный генералом Покровским на рекогносцировку. Как только добровольцы узнали, что это разъезд от Кубанской армии, сразу по всем цепям покатались крики: «Соединились с Покровским! Ура Кубанской армии!» Эта весть настолько воодушевила добровольцев и настолько победоносно звучало их «Ура», что красные опешили, смугились и

вдруг стали отступать по всем линиям. Отступление превратилось в панику. Дороги перед добровольцами были свободны.

За этот бой корниловцы потеряли до двухсот человек. Из командного состава были убиты командир 2-го батальона полковник Мухин и командир 6-й роты штабс-капитан Петров. Обоз с ранеными увеличился втрое.

Добровольцы двинулись в предгорья Кавказа. Быстрыми маршами проходили через черкесские аулы. Аулы были пусты. Большевики вырезали почти всех черкесов, оставшиеся в живых убежали в горы. В мертвых аулах не было никакого продовольствия, никакой живности. Армия голодала. В большом ауле Шенджий, наименее пострадавшем от большевиков, добровольцы стали на двухдневный отдых. Мулла призывал к мщению. Черкесы на своих поджарых конях с зеленым знаменем пророка присоединялись к добровольцам. В этом же ауле состоялась встреча Корнилова с Покровским. Было намечено предварительное соглашение о совместных действиях. Обе армии должны были соединиться в станице Ново-Дмитриевской.

Утром 15 марта добровольцы, отправив свои обозы в станицу Калужскую, место стоянки Кубанской армии, сами пошли на станицу Ново-Дмитриевскую. Лил, не переставая, дождь. Все дороги быстро развезло. К вечеру подул холодный ветер, и в лицо стала бить колючая крупа. Потом повалил снег и разыгралась вьюга. Намело сугробы, под ними вода выше колен. Промокшая насквозь одежда замерзла так, что полы шинелей отламывались, как стеклянные. Винтовки, пулеметы покрылись ледяной коркой. Боевой обоз еле двигался, лошади круто водили боками, скользили, падали. В темноте подошли к Ново-Дмитриевской, дорогу преграждала разбушевавшаяся горная речка. Разведка донесла, что станицу занимают крупные силы большевиков. В такую ночь оставить закоченевшую армию под открытым небом было немыслимо, и Корнилов приказал взять станицу. Стали искать брод. Пока его нащупывали, по всему берегу развели костры. Большевики всполошились и стали бить из орудий по кострам и переправам. Одна граната разметала весь костер и перебила человек двадцать, но таков был холод, и люди так промерзли, что, несмотря на обстрел, никто не отходил от костров.

Офицерский полк стал переправляться через речку верхом и на крупах. Неженцев скомандовал: «Братцы, вперед!» — и бросился в воду. За ним корниловцы. Вода была по грудь, течение сбивало с ног. Обледенелые чудища вскарабкались на откос и ударили в штыки. Большевики, никак не ожидавшие штурма в такую пургу, бежали. Огромную их часть переловили по хатам.

— В хатах, — рассказывал один ударник, — мы припадали к плите как к груди родной матери, а зубы наши так и тритерили (лязгали).

От генерала Покровского было получено донесение, что его войска выступили из Калужской, но из-за непогоды вернулись обратно.

После этого «ледяного похода» добровольцы два дня сушились и отогревались. Откапывали замерзших в снегу, перевозили брошенные у переправы повозки. Подтянулся и весь обоз из Калужской. Красные пытались наступать на Ново-Дмитриевскую, но были быстро отогнаны.

За эти дни состоялось окончательное соглашение между Корниловым и Покровским. Кубанская армия вошла в полное подчинение добровольческому командованию. Все войска были сведены в две бригады. Корниловский полк вместе с Партизанским вошел в состав 2-й бригады под командой генерала Богаевского. В самый Корниловский полк были влиты юнкера Константиновского училища, составившие 3-ю роту. Затем опять началась страдная пора. Сначала корниловцам было приказано очистить от большевиков станицу Ново-Григорьевскую, находившуюся в тылу Ново-Дмитриевской.

С наступлением темноты корниловцы подошли вплотную к Ново-Григорьевской. Несмотря на сильнейший пулеметный и ружейный огонь, корниловцы по колено в грязи неуклонно продвигались вперед и в конце концов заняли станицу. Полк опять понес большие потери: был убит командир 6-й роты штабс-капитан Томашевский, и особенно сильно пострадала юнкерская рота.

23 марта началась подготовка операции по овладению обетованным городом Екатеринодаром. Корниловский полк перешел в станицу Смоленскую, только что взятую с боем Партизанским полком, а оттуда двинулся на станцию Георгие-Афипскую. Правее корниловцев шел Офицерский полк, левее — Конно-Партизанский полк полковника Глазенапа. Корниловцы были встречены артиллерийским огнем. Развернувшись в боевой порядок, они стали теснить перед собой противника. В это время совершенно неожиданно во фланг полка ударила пехота противника, ликвидировать которую был пущен Партизанский полк. Корниловцы продолжали продвигаться вперед и подошли к самой станции, но здесь их встретил крупный отряд и бронепоезд. Полковник Индейкин быстро выдвинул пулеметы во фланг противнику и открыл такой сильный огонь, что красные дрогнули. Перед своим отступлением они взорвали поезд со снарядами. Корниловцы ворвались на станцию и первым делом бросились спасать столь драгоценные снаряды и патроны. К вечеру за-

дача, поставленная Корниловым своим войскам, была выполнена. Станция и станица Георгие-Афипская были взяты.

— В этом бою, — говорил командир Партизанского полка генерал Казанович, — всем успехом мы были обязаны Митрофану Осиповичу Неженцеву и его полку.

Заняв Георгие-Афипскую, Добровольческая армия очутилась на юго-западе от Екатеринодара на линии железной дороги Новороссийск—Екатеринодар. Но и отсюда брать Екатеринодар не входило в расчеты Корнилова. Он пустил свою армию на северо-запад к хутору Панахес. Корниловцы, выйдя из Георгие-Афипской, отбросили атаковавших их во фланг красных и быстро совершили свой марш-маневр. Впереди корниловцев, еще далее на север, была пущена конница Эрдели, которая внезапным набегом захватила станицу Елизаветинскую с ее паромной переправой через Кубань. Из этой станицы, откуда большевики меньше всего ожидали наступление добровольцев, Корнилов и решил штурмовать Екатеринодар. Закипела переправа всей армии и обоза через Кубань. Паром подымал не более ста человек. Жители Елизаветинской встретили добровольцев колокольным звоном и сразу стали записываться в армию. Вслед за корниловцами был переправлен Партизанский полк.

27 марта на рассвете большевики открыли орудийный огонь по станице и стали сосредоточивать свою пехоту между Елизаветинской и Екатеринодаром. Корнилов приказал 2-й бригаде атаковать красных. Корниловцы и партизаны быстрым ударом обрушились на не успевшего развернуться противника и обратили его в бегство. В Екатеринодаре поднялась паника, и из него потянулись многочисленные обозы, но Богаевский приказал корниловцам вернуться в исходное положение, а партизанам закрепиться на высоте около кирпичного завода на полпути от Елизаветинской до Екатеринодара.

На другой день была произведена реорганизация Корниловского полка. Вследствие огромных потерь, понесенных полком за все предшествовавшие бои, полк был свернут в один батальон, а второй батальон образовали только что записавшиеся добровольцы-кубанцы. Командиром 1-го батальона был назначен полковник Индейкин, командиром 2-го батальона есаул Кисель²²⁷. В тот же день корниловцы получили приказание спешно двигаться на левый фланг Партизанского полка, так как его стал сильно теснить противник. С развернутым знаменем и с оркестром впереди Корниловский полк выступил из станицы и прошел мимо Корнилова, наблюдавшего за боем в одном хуторе. Корнилов поздоровался. Полк радостно ответил. Это была последняя встреча полка со своим шефом.

Как на параде, корниловцы развернулись в боевой порядок и ударили во фланг наступающим красным. Бешено затрещали пулеметы. Красные бросились бежать. Корниловцы, преследуя их, были уже в одной версте от Екатеринодара, но получили категорическое приказание — в город не врываться, а ждать утра, пока не будет подтянута 1-я бригада, охранявшая до того переправу через Кубань. Партизаны задержались на южной окраине Екатеринодара на кожевенном заводе, а корниловцы окопались в небольшом овраге верстах в двух от западной окраины города. Позади корниловской цепи на кургане расположился Неженцев со своим штабом.

Наступила ночь. Завтра решительный день. От напряженного ожидания трудно было заснуть. Конец бесприютному скитанию, непрерывным походам и боям. В успехе штурма никто не сомневался. Еще не было случая, чтобы армия Корнилова не выполнила его приказа.

29 марта конница Эрдели получила задачу обойти Екатеринодар с севера и северо-востока, Офицерский полк должен был атаковать с юга артиллерийские казармы, расположенные рядом с кожевенным заводом, а корниловцы с партизанами взять Черноморский вокзал, на западной стороне города.

В пять часов дня Неженцев получил известие, что Марков взял артиллерийские казармы; настала очередь и корниловцев. Они пошли в атаку. Их встретила стальная стена. Красные за ночь, не видя преследования, ободрились и подвезли сюда все свои резервы. Корниловцы залегли. В ушах свистело от пуль. Корниловцы снова пытались подняться и падали как подкошенные. Тогда Неженцев в своей черной черкеске, на которой поблескивал белый крестик, сбежал с кургана, выскочил на верх оврага и крикнул: «Корниловцы, вперед!» Сразу поднялась вся цепь, но уже тут упал Неженцев, сраженный пулей в голову. Он встал, сделал несколько шагов и повалился опять, убитый наповал второю пулей в самое сердце.

Душа первого корниловца отлетела.

Только в полной темноте удалось вывезти тело Неженцева. Осиротелые корниловцы остались в окопах. В глубокой скорби они провели всю ночь. Казалось, погибла вся корниловская семья. Нет Неженцева, ранены командиры 1-го и 2-го батальонов — полковник Индейкин и есаул Кисель, почти все старые корниловцы перебиты. От всего полка осталось 67 штыков.

На другой день командиром Корниловского полка был назначен полковник Кутепов, последний командир л.-гв. Преображенского полка, а на пополнение корниловцам был влит батальон кубанцев в

350 штыков из станицы Ново-Мышастовской под начальством полковника Шкуратова²²⁸.

30 марта по всему фронту шла сильная артиллерийская стрельба, но только со стороны красных. Артиллерия добровольцев молчала, берегая свои последние снаряды для окончательного штурма Екатеринодара, назначенного Корниловым на 1 апреля. Весь день шла переброска в цепи добровольцев последних имеющихся резервов у Корнилова. Сам Корнилов все время оставался на образцовой ферме Екатеринодарского сельскохозяйственного общества, всего в трех верстах от города, и оттуда он руководил боем. Эта ферма все время обстреливалась артиллерией противника. Несколько раз чины штаба указывали Корнилову на опасность, но он меньше всего считался с нею.

31 марта в восьмом часу утра генерал Корнилов разорвавшейся гранатой был убит в своей комнате на ферме. Погиб великий русский патриот.

Ужасная весть, как ни хотели ее сначала скрыть, сразу облетела всю армию. Добровольцы пали духом. Корниловцы этим вторым ударом были окончательно придавлены. У всех была одна и та же мысль: «Конец всему».

В командование Добровольческой армией вступил генерал Деникин. В тот же день он решил снять осаду Екатеринодара и вывести потрясенную армию из-под удара Екатеринодарской группы большевистских войск. Генерал Эрдели получил приказание прикрывать отход армии, навлекая на себя атаками силы противника и жертвуя своей конницей.

В ночь на 1 апреля из Елизаветинской в полной тишине потянулись остатки Добровольческой армии, взяв направление на север. Вся армия состояла из сплошных повозок, на которых лежали раненные. Редкою цепью по бокам дороги шли, понуриив головы, добровольцы. В тупом безразличии шли без остановки всю ночь, механически прошли еще целый день. Где-то шла ружейная стрельба, по буграм мелькали конные... Поздно вечером вся армия сосредоточилась в маленькой — всего из десяти домов — немецкой колонии Гначбау. Тяжелый, болезненный сон овладел всеми.

Прах Корнилова и Неженцева решили временно предать земле в этой колонии. Чтобы избежать надругательства над дорогими могилами, два гроба закопали за деревней на одном пустыре только в присутствии нескольких старых корниловцев. Могилы сровняли с землей, ни креста, ни холмика. Кроки местности роздали трем участникам погребения. Похоронным салютом были орудийные выстрелы красных, начавших обстреливать Гначбау.

Когда большевики заняли колонию, то, должно быть, по свежесвзрыхленной земле они отыскивали следы могил. Вытащили из гроба тело Корнилова и привезли его в Екатеринодар. Там толпа стала издеваться над трупом. Раздела его донага, колола штыками, топтала ногами и хотела повесить на дерево, но оборвалась веревка. Обезображенные останки вывезли за город и сожгли.

В Таганрог к командующему немецкими войсками генералу фон Арниму весной 1918 года явилась делегация от красного Ростова.

— Где теперь Добровольческая армия? — спросил фон Арним.

— Ее не существует. Она разбита и разбежалась по Кубанской области...

— А где же теперь генерал Корнилов? — задает генерал второй вопрос.

— Военнослужащий Корнилов убит под Екатеринодаром, — с торжеством ответили делегаты.

— Как, Корнилов убит?! — подскочил фон Арним. Помолчал немного и с презрением процедил: — Не умеете вы, русские, ценить своих талантливых полководцев.

Тяжелый день пережили добровольцы в колонии Гначбау. Ее единственная короткая улица была сплошь заставлена повозками с больными и ранеными. Отовсюду неслись стоны и мольбы о помощи... К полудню обнаружилось приближение красных отрядов. Деникин для большей подвижности обоза приказал уничтожить все лишнее имущество. За отсутствием снарядов пришлось испортить и утопить в реке даже пушки. У добровольцев осталось всего четыре орудия.

К вечеру красные стали окружать Гначбау. Конница отходила, пехота нервничала. Каждый понимал, что в случае тяжелого ранения его не успеют вывезти. Раненые в обозе с ужасом наблюдали за ходом боя. Когда орудия красных стали бить по самой колонне, в обозе поднялась паника. Кто-то крикнул: «Красная кавалерия!» — и весь обоз помчался. В повозках раздались револьверные выстрелы. Добровольцам еле удалось сдержать противника, пока обоз не вытянулся из колонны и не исчез во тьме.

Впереди у станции Медведовской армия должна была пересечь железную дорогу, по которой красные пустили бронепоезда. В ночной темноте без одного папиросного огонька обоз подтянулся к переезду в полуверсте от станции. От сторожа узнали, что на станции два бронепоезда под парами. Добровольцы залегли по обе стороны полотна и поставили орудие около будки. Одна и та же

мысль сверлила у всех — удастся ли проскочить через железную дорогу?

Со стороны станции послышался равномерный стук колес. Уже показались огни паровоза. К будке подкатывал на тихом ходу бронепоезд. У всех екнуло сердце. В эту минуту к паровозу решительно подошел генерал Марков, крикнул: «Стой! Разве не видишь — свои!» — и бросил в машину ручную гранату. Выстрелы из орудия, взрывы, крики «Ура!» — все смешалось в один гул, и через несколько мгновений поезд запылал. Одни ловили ошалевших большевиков, другие бросились выгружать из горящих вагонов снаряды и патроны. Пока кипела эта работа, одна повозка за другой вскачь пронесились через переезд. Второй бронепоезд был отогнан только что захваченными снарядами. Добровольцы вырвались из клещей противника и вздохнули свободно. Было захвачено около 400 снарядов и до 100 000 патронов — армия вооружилась и снова почувствовала свою силу. «Слава Маркову!» — было у всех на устах.

В станице Дядьковской добровольцы стали приводить себя в порядок. Много раненых корниловцев вернулось в строй. В полку стало пять рот. Между новым командиром полка Кутеповым и корниловцами первое время стояла отчужденность: в полку еще не зарубцевалась свежая рана после смерти Неженцева, и казалось, что никогда никто не сможет его заменить. Было у корниловцев и опасение, что Кутепов, как гвардеец, не подойдет им по своему духу — гвардейцы всегда косо поглядывали на корниловцев. Эту отчужденность полка Кутепов сразу почувствовал и решил даже уйти из Корниловского полка, но старый корниловец Скоблин разубедил Кутепова. И действительно, последующая боевая жизнь кровно связала Кутепова с Корниловским полком.

Кутепов расположил к себе корниловцев своей выдержкой и спокойствием. В бою он шел с цепями. Его коренастая фигура в фуражке, откинутой на затылок, всегда виднелась в наиболее опасных местах. «Не кланяться! Не кланяться!» — отрывисто басил Кутепов, когда при атаке рой пуль неслись навстречу. В походе и на отдыхе заботы Кутепова были прежде всего о своих солдатах. Пока не будет размещен на отдых весь полк до последней роты, пока не будут все накормлены, Кутепов не успокоится. Дисциплину во всех частях, которыми командовал, Кутепов вводил строжайшую. Особо требователен был к офицерам, ибо, по его словам, офицер не только «слуга Отечества», но и «защитник правды и чести». Добивался дисциплины Кутепов не столько взысканиями, сколько своим личным примером. При Кутепове каждый невольно подтягивался.

Быстро завоевали и корниловцы у своего нового командира уважение к себе. Несмотря на все пережитые потрясения, боевой дух Корниловского полка не угас — он проявился в первом же серьезном бою после отступления от Екатеринодара. Этот бой разыгрался уже на самой границе Ставропольской губернии, куда Деникин привел добровольцев, делая ежедневно огромные переходы. Вдали от железных дорог Деникин рассчитывал дать продолжительный отдых своей армии. Добровольцы остановились в станице Успенской. Прожили в ней спокойно два дня, как ставропольские большевики стали накапливаться около ближайшего хутора Новолокинского, где была расположена кавалерия Эрдели. На помощь ей были направлены три роты, общей численностью 160 человек, под командой капитана Скоблина.

К полуночи корниловцы подошли к позициям генерала Эрдели. Сделали привал в поле. Эрдели стал объяснять Скоблину обстановку.

— Ваше высокопревосходительство, — сказал Скоблин, — все равно ни зги не видно, просто укажите рукой точное направление противника.

Генерал указал. Раздалась тихая команда:

— Интервал три шага... от середины в цепь!.. Цепь вперед!

Через некоторое время корниловцы попали в мелкое озеро. Вода доходила до колен. Озеро казалось нескончаемым. Наконец выбрались на сухое место. Засерел рассвет, клубами закрутился туман. Корниловцы бесшумно поползли к окопам. Нарвались на сторожевое охранение. Кто-то вскрикнул. Раздался отдельный выстрел, и сразу его подхватили ружейные залпы. Злобно и торопливо застучали пулеметы.

— В штывки, ура! — крикнул Скоблин. Корниловцы подхватили «Ура!» так неистово, что заглушили стрельбу. Казалось, что несметная сила обрушилась на красных.

Офицерская рота первая прыгнула в окопы и открыла по обе стороны продольный огонь. Паника захлестнула большевиков... Чтобы ее усилить, офицеры во все горло стали выкрикивать команды: «Белая кавалерия вправо! Броневики белых влево!..» Обезумевшие толпы в несколько тысяч человек уже ничего не соображали. Все поле покрылось брошенными ружьями, кожухами, свитками. Из карманов рассыпались красные яйца, пасхальные бабки, папиросы. Кое-где валялись скинутые сапоги...

Разогнав красных, корниловцы к вечеру дотянулись «домой». Половина отряда выбыла из строя; был ранен полковник Зазулевский²²⁹, но, как всегда бывает после боя, острое напряжение спало, только что

пережитая опасность казалась в далеком прошлом, весь мир представлялся радостным. Кто-то затянул веселую песенку:

Пошел купаться Веверлей. .
Осталась дома Доротея, —

сразу подхватил отряд.

В станице Успенской вернувшихся корниловцев ждала радостная весть. Посланный Деникиным небольшой конный отряд для проверки слухов о восстании на Дону вернулся обратно. С отрядом явилась в качестве делегации сотня донских казаков, которые просили добровольцев забыть старые казачьи грехи и прийти им на помощь. Со всех сторон корниловцы только и слышали: «На Дон! Идем на Дон!»

На помощь восставшим донцам кавалерия двинулась 19 апреля, а на следующий день, в Страстную субботу, выступили в поход корниловцы.

Пасхальную ночь Корниловский полк встретил в Гуляй-Борисовке, только что взятой им с боя, а раненые корниловцы остались в селе Лежанка, где два месяца тому назад разразился первый бой в Кубанском походе. Раненые попросили сестер поставить подводы около церкви. В только что распечатанном храме шла служба. Через открытые двери виднелись освещенные затылки и спины. Еле доносилось церковное чтение... Оно смолкло. Около дверей поспешно раздвинулись люди. Показались наклоненные хоругви. Крестный ход обошел церковь, широкой лентой мерцали яркие огоньки. На паперти раздался возглас: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его...» В распахнувшиеся двери вошел священник с высоко поднятым крестом и горящим трехсвечником. Уже из самой церкви вырывалось ликующее: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправь...»

— Слушай, что я тебе скажу, — вдруг зашептал своему распластанному соседу полулежащий раненый, — если мы с тобою не выживем, не страшно... Мы тоже попирали смерть... Ведь большевики — это сама смерть, страшнее смерти... Смерть поражает тело, а они убивают не только тело России, но и душу ее...

Заутреня кончилась. В церкви и около нее раздавалось громкое целование. Из ограды вышли женщины и окружили раненых. Трижды, крест-накрест, они христосовались с ними, потом степенно кланялись в пояс и доставали красное или желтое яичко. У корниловцев выступали слезы на глазах.

Радостный перезвон колоколов изредка заглушали разрывы большевистских гранат. Через несколько дней раненые были перевезены в освобожденный Новочеркасск. Первый тернистый путь добровольцев, прокладываемый мечом, был окончен.

КОРНИЛОВСКИЙ УДАРНЫЙ ПОЛК В 1-М КУБАНСКОМ ПОХОДЕ²³¹

В станице Ольгинской был окончательно решен вопрос о дальнейшем движении Добровольческой армии.

14 февраля 1918 года, в яркое солнечное утро Добровольческая армия выступила из Ольгинской. В авангарде — Офицерский полк, Корниловский Ударный — в главных силах, Партизанский — в арьергарде. Корниловский офицерский партизанский полковника Симановского батальон теперь составляет 1-й батальон Корниловского Ударного полка, он горд этим и старается в новом положении держать себя достойно. Надо полагать, что мы произвели хорошее впечатление на полковника Неженцева, так как батальон не слышал от него никаких наставлений или поучений. Вновь назначенный командиром батальона полковник Булюбаш, в прошлом начальник Павловского военного училища и, как говорят, бывший грозою юнкеров, держал себя у нас достойно и строго официально. С этого дня для батальона открылась его славная страница служения Родине в составе Корниловского Ударного полка. Весь состав его состоял из офицеров-добровольцев, пробравшихся на Дон через красные рогатки чудом, был он чисто офицерским и имел в своих рядах евреев-прапорщиков производства Керенского. Все они держали себя отлично и все пали смертью храбрых в первом же походе. Сестрами милосердия были: в 1-й роте сестра Шура, во 2-й роте — курсистка Ростовского медицинского института Варвара Сергеевна Васильева (была три раза ранена; вышла в 1920 году замуж за полковника Левитова, живет в Париже). В той же роте была и сестра Таня Кунделекова, убитая в 1919 году под городом Купянском. В 3-й роте — сестра Дина Романовна Дюбуа, швейцарка, скончалась в Париже в 1962 году. Фамилия сестры милосердия 4-й роты осталась неизвестной. Во 2-м батальоне сестрой была Полина Федоровна, по мужу Бешенова, в 1969 году жила в Париже, бывшая сестра Георгиевского полка. В пулеметной роте — Анна Константиновна Чубарина.

Отношение к генералу Корнилову: в Офицерском батальоне было принято, когда на походе приближался генерал Корнилов, мы шли в ногу и поротно по мере его приближения подавалась команда «Смирно!» с равнением в его сторону. До нашего перевода в ряды Корниловского Ударного полка и теперь, будучи в его рядах, все мы были проникнуты к своему шефу чувством глубокой преданности и востор-

га, доходившими до самозабвения и понятными только в отношении вождей «Божией милостью», каковым и был для нас генерал Корнилов.

Мы знали и генерала Алексеева, его службу Царю и Родине, относились и к нему с отдаaniem должного его рангу, но чувства энтузиазма он в нас не вызывал. Быть может, этому содействовало воздействие на нас звериных условий гражданской войны, где все чувства притупляются. Подобного рода чувство истинного восторга я испытал при встрече Государя Императора Николая Александровича в Вильно, в 1914 году, во время боев в Восточной Пруссии, и потом к генералу Корнилову. Свежесть этого чувства сохраняется у меня и до сего дня

15 февраля 1918 года. Ночевка в станице Хомутовской. Перед выступлением армии красные, желая войти с нами в соприкосновение, сделали налет на наше охранение силой до двух эскадронов с пулеметами и одним орудием. Части по тревоге стали выстраиваться, и каждая от себя выслала заслон — от корниловцев была послана 3-я офицерская рота, — и противник быстро скрылся. В нашей кавалерии был один убитый и один раненный шашечными ударами. Со стороны красных действовали эскадроны 4-й кавалерийской дивизии старой армии. Эта тревога была экзаменом для обоза, который хотел куда-то удирать, но быстро был приведен в порядок. Непролазная грязь выматывала силы, но настроение было бодрым.

Двадцать тяжелых верст пройдены. На окраине станицы Кагальницкой генерал Корнилов пропускает свою армию, все подтянулись и с восторгом приветствуют своего вождя. Остаток дня 15 февраля и 16-е провели в станице Кагальницкой, а 17 февраля перешли в станицу Мечетинскую.

Эти дни армия шла по трудной дороге, но спокойно. За эти дни были получены сведения о районе зимовников, выяснившие бедность района средствами и жилыми помещениями, разбросанными на значительном расстоянии, что для нас было опасно в отношении связи. Это заставило генерала Корнилова окончательно решиться на движение на Кубань, о чем им было объявлено в станице Мечетинской. Донские партизаны, имевшие возможность двинуться на присоединение к отряду генерала Попова, решили идти дальше с Добровольческой армией. Станица Мечетинская встретила нас приветливо, они еще не знали, что значат слова «месть большевиков».

18 февраля. Переход в станицу Егорлыцкую, последнюю станицу Донского войска, находящуюся у станции Атаман, на линии железной дороги Батайск—Торговая.

21 февраля. Из Егорлыцкой Добровольческая армия идет в село Лежанка, Ставропольской губернии. Холода сменились хорошей по-

годой, дороги подсохли, и все приободрились. Шли бодро не только под влиянием погоды, но и потому, что был возможен бой с частями 39-й пехотной дивизии, только что бросившей турецкий фронт и расположившейся в Ставропольской губернии, терроризируя население. В авангарде — Офицерский полк, в главных силах армии — Корниловский Ударный полк и Юнкерский батальон, обозы и Партизанский полк — в арьергарде. Верстах в трех от селения дорогу армии пересекал невысокий гребень, перед самым селением протекала река с дорожным мостом через нее и в версте вправо с плотиной против кирпичных печей; по берегам реки росли кусты и камыш, а само село стояло на бугре за рекой.

Появление Офицерского полка на гребне вызвало артиллерийский огонь противника по колонне; сначала редко, но потом все чаще рвались шрапнели-журавли смехотворно высоко в небе. По приказу генерала Корнилова Офицерский полк пошел прямо на мост и правее его Корниловский Ударный с Юнкерским батальоном на гать с кирпичными печами правее дороги Партизанский полк шел левее Офицерского, составляя резерв армии. 1-й офицерский батальон Корниловского Ударного полка развернулся центром на гать, шли спокойно по совершенно ровному полю озимой зелени. Красные стреляли редко, пулеметного огня не было. С приближением к гати и кирпичным печам с их громадными складами закрадывалось предположение, что «товарищи» подпустят нас к самой реке и перестреляют, как куропадок. Цепи заметно прибавляют шаг, купаться никому не хочется, а потому все берут направление к гати, ближайшие цепи сгущаются. 8-я офицерская рота уже бежит на переправу, наши пулеметы открывают огонь по окопам противника и помогают нам без задержки перескочить на ту сторону реки и занять кирпичные печи. Противник, не оказывая сопротивления, убегал к церкви. Корниловцы заняли западную часть села и вышли на южную. Пленных не брали, но патронов и винтовок собрали много. Жителей почти не было, только около изб безучастно бродили военнопленные австрийцы. Бой закончился быстро, стремительной лобовой атакой Офицерского полка с обходным движением корниловцев и юнкеров. Противник был просто раздавлен, оставив Офицерскому полку батарею с офицерами в погонах. Генерал Корнилов от начала наступления и до взятия гати находился со своим полком.

Здесь я считаю своим долгом дать объяснение выражению: «Здесь впервые в бою под Лежанкой были взяты пленные».

К великому сожалению, на самом деле так это и было в самом начале Гражданской войны. Истоки этого озверения имеют свое на-

чало с пресловутой «февральской бескровной революции», прославившей себя зверствами матросов Балтийского флота, а потом и Черноморского, перешедших потом и на весь фронт Великой войны. С момента прихода к власти Ленина эта каинова мясорубка приняла грандиозные размеры, особенно со стороны опять-таки матросов, наемных палачей латышских и эстонских дивизий, знаменитого по своей жестокости организатора ленинской Чeka — польского дворянина Держинского и персональных виртуозов по жестокости — китайцев, снимавших перчатки с кистей рук после опускания их в кипяток, венгров, под водительством известного палача Белы Куна, Саенко — украинского чекиста и других, имя же им легион. Имел удовольствие тогда и я попасть в лапы этих изуверов в уже описанный мною переезд на Дон. От их же рук погибла не одна сотня пробиравшихся туда корниловцев и добровольцев. Конечно, эти зверства вызвали отпор с нашей стороны, русских патриотов, но без изысканных художеств первоклассных палачей «бескровной февральской» и непревзойденного палача и агента Германии Ленина. Когда мне говорят о «бескровной нашей революции», я всегда отвечаю — пусть эти господа спросят, сколько я видел пролитой крови во славу ее, хотя бы при подавлении первого восстания большевиков в Петрограде. С приходом на Русскую землю царства интернационала Ленина, которого в наши дни ученые мужи собираются провозгласить «величайшим гуманистом нашего века», эта карающая мера приняла широкий размах, где по желанию Ленина истреблялись люди не по персональной их верности России, но по принадлежности к сословию, которое было намечено к уничтожению. Помимо лично виденных мною зверств в Кронштадте, Петрограде и на станции Звереве, где я по милости судьбы был спасен, мне пришлось видеть эту дьявольскую жестокость, когда я находился в рядах партизанского офицерского отряда полковника Симановского, под станцией Хопры и в селе Батайске, около Ростова, где нашим раненым, захваченным большевиками, отрезали уши, языки и т. п. и в таком виде оставили их нам. Мы тогда просились в карательный набег, но нас не пустили, по-видимому, уже начался наш отход из Ростова.

Латыши с первых дней революции были главной опорой Ленина. Это они ликвидировали очаги нашего сопротивления на всех фронтах и, начиная с первых дней своих подвигов, прославили себя жестокостью и грабежами. Их появление наши разведчики определяли по разграбленным церквям и разрытым могилам. Такова по жестокости была и дивизия Сиверса, которая тогда действовала под станцией Хопры в направлении на Ростов. Озверели и мы в те про-

клятые времена гражданской войны и потому действительно в половине 1-го Кубанского похода, от Ростова до Екатеринодара, в плен не брали. Это на деле выражалось в том только, что мы проходили, не пристреливая, мимо тех, кто просто лежал, быть может симулируя, но в бегущих от нас велась стрельба. За этот же отрезок времени наши раненые, попадавшие к большевикам, все бывали перебиты, а труп генерала Корнилова после издевательств сожгли и выстрелили из пушки. В дальнейшем в Добровольческой армии расстреливали большевиков из карательных отрядов, партизан и прославивших себя жестокостями в отношении наших пленных. Такими были тогда нравы гражданской войны.

23 февраля — начало похода на Кубань. Стояла чудная теплая погода, дорога подсохла, колонны шли бодро и образцово. 12 верст прошли незаметно, и армия расположилась в станице Плосской. Никто из жителей станицы не бежал от нас, казаки встретили нас приветливо и радушно: страха перед пришедшей армией они не испытывали, кормили нас хорошо, и многие отказывались от платы за стол. Село Лежанка и станица Плоская на расстоянии только 12 верст друг от друга, но уже две разные психологии: крестьянская и казачья. Генералы Корнилов и Алексеев собирали сходы и призывали казаков помочь нам. Старики нам сочувствовали, но записывалось мало. Один степенный казак все жаловался на то, что генерал Корнилов не объявляет мобилизации: «Кто своей охотой пойдет с вами, у того большевики начисто разорят все хозяйство. А коли мобилизуете, родственники говорить будут — Корнилов забрал казаков силой, ну, смотришь, их хозяйство и не тронут».

24 февраля армия вошла в станицу Незамаевскую. Удачный бой под Лежанкой сильно поднял дух и укрепил веру в успех. Погода стояла хорошая, кормили тоже хорошо, к походам привыкли, а потому теперь не задерживались и ежедневно шли к намеченной цели — в Екатеринодар. Здесь старики проявили к нам особое уважение и дали пешую и конную сотни.

25 февраля, на походе, арьергарду — чехословацкому батальону — пришлось отбить атаку красной кавалерии, нанеся ей большие потери. За это дело генерал Корнилов выдал батальону 8 тысяч рублей. Мы были недалеко от Владикавказской железной дороги, а потому, пройдя только 18 верст, армия остановилась в станице Веселой. Неожиданно было объявлено выступление в 22 часа с указанием цели — перехода железной дороги и с приказанием соблюдать все меры предосторожности. Чтобы обмануть бдительность противника, мы двигались сначала на запад, на станицу Платовскую, а потом, после корот-

кой остановки в хуторе Упорном, круто свернули на юг. Ночью нас никто не тревожил. В авангарде шли Офицерский полк, Техническая рота, Юнкерский батальон и батарея. При переходе речки Тихонькой армия потеряла на починку гати два драгоценных часа. Железную дорогу стали переходить в ясное, солнечное утро, у станицы Ново-Леушковской. Армия переходила через переезд, красные это заметили, и их бронепоезд с дальнего расстояния (были подорваны рельсы) часто, но безрезультатно посылал свои снаряды. Хуже было на станции, которую заняли корниловцы, прикрывая наш переход. Огонь бронепоезда не давал нам покоя, и только усилиями нашей батареи он был отогнан. Это был наш первый переход через железную дорогу. Отойдя 10 верст от железной дороги, армия остановилась в станице Ново-Леушковской. За этот переход полк сделал более 60 верст, все устали и были рады отдыху. Ночью на нашу заставу Корниловского Ударного полка вышла колонна красных, без всякого охранения, с повозками, груженными оружием. Корниловцы их подпустили и расстреляли. Красные оставили на месте около ста трупов и повозки с винтовками и патронами.

27 февраля Корниловский Ударный полк в составе армии перешел в станицу Иркиевскую.

28 февраля армия отдыхала. Всех интересовала Кубанская армия, соединение с которой было целью нашего похода. Основным же пока вопросом являлось выяснение отношения к нам кубанцев: дадут ли они пополнение Добровольческой армии или нет? Пока что мы видели только около трехсот добровольцев и хороший стол, а прошли ряд богатых больших станиц.

1 марта 1918 года Корниловский Ударный полк в арьергарде Добровольческой армии выступил в 17 часов, направление на станицу Березанскую. При подходе к станице выяснилось, что река пересекает ее и что перед нами шесть линий окопов противника. Головной в походном охранении шла 2-я рота. Не успели цепи роты показаться на гребне перед окопами противника, как находившийся впереди командир роты, штабс-капитан князь Чичуа, был убит. В цепи при известии об этом снимали фуражки и крестились. Князь Чичуа был одним из первых добровольцев, явившихся к полковнику Неженцеву в Первый Ударный отряд при 8-й армии. Несколько человек отделились от роты и пошли за телом князя.

Генерал Корнилов дает задачу полку: ударом в левый фланг противника сбить его, а из главных сил Офицерский полк разворачивается и идет прямо по дороге. Безостановочное движение корниловцев с явным охватом левого фланга и выход Офицерского полка на гребень

перед окопами настолько потрясли красных, что они стали бежать из своих окопов, не задерживаясь в резервных. Потери в полку: один убит и несколько раненых, но противник хорошо поплатился. Будь здесь у нас кавалерия, вся эта громадная толпа красных была бы уничтожена. На стороне красных были и местные молодые казаки, которые были захвачены нами и которым за их позор станице старики устроили настоящую порку.

2 марта из станицы Березанской Добровольческая армия переходит в хутор Журавский, а Корниловскому Ударному полку приказано со 2-й и 3-й батареями выступить в 8 часов, перейти через станцию Выселки, выбить оттуда противника и, оставив там конный дивизион полковника Гершельмана, ночевать в хуторе Малеванном. При подходе полка к станции Выселки красные открыли артиллерийский огонь, но блестящей атакой 3-го батальона полковника Индейкина станция была взята. Наши потери — 10 человек, а трофеи — 30 пленных, два зарядных ящика и 4 пулемета. Полку был дан привал на три часа, после чего он выступил на хутор Малеванный, передав оборону станции конному дивизиону полковника Гершельмана. На место назначения полк прибыл в 19 часов, за это время красные выбили конный дивизион, и потому корниловцы выставили заставы на станцию Кореновскую и станцию Выселки. Получилось опасное положение, и генерал Корнилов решил отбросить нависшего над левым флангом армии противника. Для этой цели были назначены Партизанский и Офицерский полки с приданными последнему 5-й и 6-й ротами Корниловского Ударного полка под командой полковника Мухина.

3 марта атака Партизанского полка генерала Богаевского не удалась, и только повторной атакой с подошедшими Офицерским полком и двумя ротами корниловцев красные были разбиты. Отряд матросов в 190 человек был полностью уничтожен, красные понесли жестокое поражение, но и мы не были рады своей победе: из одного Партизанского полка выбыло более 80 человек — большинство из них убитыми, 33 из коих там же похоронили в братской могиле. Среди выдающихся партизан-донцов были убиты полковник Краснянский и есаул Власов. Чернецовцы тоже понесли здесь большие потери. На место полковника Краснянского был назначен полковник Писарев (командир 1-го корпуса в 1920 году). Во время этого боя генерал Корнилов был в цепях и подвергся обстрелу из пулеметов. Ожесточение в этом бою объясняется тем, что, помимо бывшей здесь большой группы матросов, участие в нем принимали части 39-й пехотной дивизии и, что хуже всего, кубанские казаки.

5-я и 6-я роты под командой полковника Мухина после взятия станции Выселки вернулись к полку на хутор Малеванный. Здесь к полковнику Неженцеву приезжала делегация казаков станицы Кореновской с просьбой перейти полку в их станицу, чтобы не дать занять ее большевикам, приближающимся со стороны города Екатеринодара. Исполнить просьбу не было возможности из-за общей обстановки, так как станция Выселки в этот момент была занята большевиками. Отношение кубанцев к нам тоже было довольно странным: в массе они радовались нашему приходу, кормили хорошо, часто отказывались от платы, но... позволяли своим симпатизирующим большевикам сражаться против нас в рядах красных, сами же давали ничтожное количество добровольцев нам и... очень охотно просили поскорей разбить большевиков и спасти их от грабежа и мести. Получалось так, что они хотели, чтобы кто-то за них все сделал, а они бы снова зажили привольно и счастливо, в мире и довольстве. Нам это было просто дико! Мы преклонялись перед теми кубанцами, которые, подобно немногим патриотам Дона, шли с нами в неизвестность.

Потери 5-й и 6-й рот при втором наступлении на станцию Выселки — 7 человек раненых.

4 марта. Бой у станицы Кореновской. О занятии станицы Кореновской армией Сорокина добровольцы знали, но наша малочисленная конница, к тому же на плохих конях, не решалась выдвигаться далеко вперед, и поэтому расположение противника не было выяснено. Корниловский Ударный полк получил для наступления участок: дорога на хутор Журавский — станция Кореновская включительно и до железнодорожного моста исключительно. Правее полка и в авангарде движения был Юнкерский батальон генерала Боровского, левее Корниловского Ударного полка и уступом назад — Офицерский полк, для которого железная дорога была включительно.

Партизанский полк генерала Богаевского — в резерве, с чехословаками и батареей полковника Третьякова. Станица и станция с участка нашего полка не были видны, их скрывал от нас пологий бугор, между которым и станцией протекала неизвестной нам глубины река с мостом по нашей дороге и с железнодорожным солидным мостом на нашем левом фланге. За Корниловским Ударным полком находился генерал Корнилов со штабом. Движение Офицерского полка было видно с нашего левого фланга: сначала полк шел по железной дороге и потом разворачивался влево, имея штаб полка в будке. Юнкерский батальон генерала Боровского, шедший в авангарде, прямо с хода развернулся и быстро пошел вперед. Артиллерия противника откры-

ла по батальону сосредоточенный огонь. Правый фланг Корниловского Ударного полка, седлая дорогу, немного отставал от юнкеров, но середина его и левый фланг, а особенно 3-я офицерская рота, невольно приняли положение уступами назад, и поэтому к окопам противника первыми стали подходить правофланговые части, не ожидая выравнивания общего фронта. Естественно, что поэтому Юнкерский батальон и правый фланг Корниловского Ударного полка попали под сосредоточенный ружейный и пулеметный огонь, который стал буквально косить наши цепи. Это заставило наше командование остановить юнкеров под огнем, чтобы они не стали жертвой изолированного уничтожения. С подходом правого фланга Корниловского Ударного полка на линию юнкеров они снова бросились в атаку, но силы правого фланга Корниловского Ударного полка были уже расстроены огнем противника, красные это видели и еще не виданными нами массами бросились в контратаку, и наши стали отступать.

Первоначальное отступление под давлением небывалой массы огня и живой силы противника докатилось и до левого фланга Корниловского полка — до его левофланговой 3-й роты, где я имел честь служить офицером на положении рядового в отделении доблестного штабс-капитана Доманицкого (убитого потом во 2-м Кубанском походе при взятии станицы Невинномысской) под начальством командира роты лихого штабс-капитана Пуха, Романа Филипповича²³², прозванного «отцом Корниловского порыва». Это отделение штабс-капитана Доманицкого стало отходить не только под впечатлением общего отступления вправо, но под действием сильного пулеметного и артиллерийского огня с фронта и с левого фланга, чуть ли не в тыл, с бронепоезда, появившегося на нашей стороне моста и подошедшего по кустам со стороны Офицерского полка. Отделение отходило спокойно, и, когда отступающие цепи полка вышли на линию 3-й роты, — штабс-капитан остановил отделение в каких-нибудь шагах от бронепоезда. Тогда все наше внимание сосредоточилось на нем, так как он своими пушками сильно взвинчивал наши нервы. Между ним и нами, уступом назад на четверть версты, разливалось продолговатое болото, по другую сторону которого мы увидели цепь одних только голов. Мы тогда подумали, что это пластуны-кубанцы так спрятались от бронепоезда, который был отделен от них только полосой кустов. Только в эмиграции из книги-истории марковцев мы узнали, что это были не кубанцы, а тоже одно отделение 1-й роты Офицерского полка. В версте позади, в будке, был их штаб полка, и почти там же — наша 4-я рота в резерве. По-видимому, бронепоезду мешали кусты, росшие вдоль полотна железной дороги, и на нем

не представляли себе, что творится вокруг, почему бронепоезд только и стрелял во фланг нашему полку. От этого огня пострадала наша 4-я рота, где был убит командир роты капитан Пиотровский. Отделение Офицерского полка получило задачу подорвать путь, а мы просто попали в безвыходное положение, так как были на виду у бронепоезда. У нас оказалось несколько ручных гранат, и мы решили жиденькой цепочкой атаковать, вернее, напугать стальное чудовище. В версте от себя мы видели около стога сена генерала Корнилова с конвоем, но начисто отрицаем версию Офицерского полка, что здесь кто-то останавливал корниловцев. Верно было только то, что за левым флангом нашего полка был перевязочный пункт, к которому тянулся многочисленный поток раненых. Раздумывать времени не было, и мы с отчаяния бросились прямо на черта. Тогда я впервые за всю мою службу в действующей армии Великой войны и в Добровольческой побывал под картечным огнем артиллерии бронепоезда. Нам повезло: местность, по которой мы бежали, шла уклоном вниз к полотну, а бронепоезд стоял перед мостом и на высокой насыпи, и поэтому его снаряды рвались позади и над нами. В это время наша шрапнель, — стреляли чем было, — замечательно накрыла его, и он, пыхтя и почему-то не стреляя уже даже из пулеметов, стал уходить за мост. Наше полное впечатление, что это мы напугали бронепоезд, но отделение Офицерского полка утверждает это в свою пользу. Они действовали в кустах, мы же шли открыто, отрезая поезду путь к обходу. Железнодорожный мост был важным объектом нашего общего внимания, а потому, не обращая внимания, в чей участок он был включен, все мы нацелились на него. Бронепоезд быстро отскочил назад на километр (версту), остановился и стал бить по мосту гранатами, но, несмотря на это, часть нашего отделения и пулемет перескочили мост. В это время вправо наши уже переходили реку, красные отступали, и пулемету открылось широкое поле деятельности бить противника во фланг. Бронепоезд это учел и усилил свой огонь по мосту с продвижением на нас. Один пулеметчик был тяжело ранен, и около него произошло замешательство, а мы что было сил отскочили через мост, чтобы укрыться от огня, но мне все же осколком снаряда оторвало всю подошву на ботинке, и нога сначала совсем онемела.

Вторичный переход нами моста, как я это видел, состоялся после добровольного отхода бронепоезда за станцию, так как станица за это время была уже занята и наши части были недалеко от полотна железной дороги и грозили отрезать бронепоезду путь отступления. Офицерский полк в это время отбивал атаку на своем участке и вел

наступление на небольшую рошу перед ним. В сильно потрепанном виде наше отделение снова перешло мост, оставшийся там пулемет был по отступавшим красным. Происшедшее около него замешательство было вызвано тяжелым ранением одного офицера на нем, который при виде надвигавшегося на нас бронепоезда просил пристрелить его, но его сослуживцы не осмеливались это сделать. Тогда женщина-прапорщик, как после передавали — невеста раненого, благословила его и дала ему наган, из которого он и застрелился сам. Уже в эмиграции, в 1964 году в Париже, я прочел статью о действиях группы Офицерского полка, и автор статьи, капитан Рейнгардт²³³, который тоже переходил мост в то же время, теперь задает вопрос участникам боя: «Каким образом мы видели там корниловца, по приказанию которого он дал ему револьвер, из которого он застрелился, и как он мог оказаться там?» Я этой сцены тогда не видел, равно как и не видел перехода группы капитана Рейнгардта через мост, но на вопрос его ответил подробным описанием, с указанием на то, что через мост тогда прошли следом за бронепоездом корниловцы, которые были с пулеметом, приданным Офицерскому полку. Помимо этого, приехавший ко мне из Америки в 1969 году наш пулеметчик капитан Ткаченко²³⁴ уточнил описанное мной. Оказывается, он не только хорошо знает трагически застрелившегося после перехода моста нашего пулеметчика, но и собирал трупы своих в этом месте после боя. Оба застрелившихся были смертельно ранены, они это сознавали, и застрелившийся на глазах чинов Офицерского полка прямо сказал: «Я не хочу обременять наш санитарный обоз». Мне кажется, что, помимо этого, все же и переход в наступление на нас бронепоезда сильно подействовал на мораль доблестных корниловцев.

Теперь перехожу к описанию действий Корниловского Ударного полка в его целом. Отступление корниловцев сильно подействовало на полковника Неженцева. Однако они не были в этом виноваты. Казалось, что горячие юнкера думали, что это будет «бой под Лежанкой», и шли, не дожидаясь общей атаки, а потому были не только остановлены, но и понесли большие и ненужные потери. Вторая общая атака показала, что значит совокупность действий. Не нужно было торопиться еще и потому, что Офицерский полк далеко не вышел на нашу линию. Обходное движение Партизанского полка в большой степени облегчило наступление. Наш полк ворвался в восточную часть селения и при выходе имел еще раз серьезную стычку с подошедшим по железной дороге резервом красных. Поначалу обе стороны как будто не разобрались в том, кто против них, сближение было только на пользу нам, и красные стали было сдаваться, но наши горе-кавалеристы, по

причине своей малочисленности, тоже пересолили здесь своим порывом: стали рубить в количестве каких-нибудь двадцати коней и получили нормальный отпор со стороны такой большой колонны красных, которая частично и от нашего огня ушла. Начало общего наступления было в 14 часов, в 16 часов корниловцы были уже при выходе из станицы на станционный луг, и здесь именно и произошла их стычка с резервом красных. А к 18 часам офицерский батальон Корниловского Ударного полка стоял в полутора верстах за станицей, около железной дороги, где через час отбил новую атаку красных вместе с их бронепоездом. Здесь на переезде на ночь от офицерского батальона были оставлены заставы.

На поверке многих недосчитались: был убит командир 4-й роты капитан Пиотровский, потери полка доходили до 150 человек убитыми и ранеными. Не радовали нас и снаряды, захваченные на станции. В своих воспоминаниях о 1-м Кубанском походе генерал Богаевский неточно указывает число наших потерь: 30 убитыми и около 100 ранеными. Помимо корниловцев, много потеряли и юнкера. Я, как очевидец боя в интервале между корниловцами и Офицерским полком, не могу согласиться с мнением генерала Богаевского, что участь боя решил Офицерский полк захватом моста и станции. Не буду возвращаться к деталям боя в этом месте, но уверен в том, что мои глаза видели: участь моста и станции была решена действиями Корниловского Ударного полка и Офицерского, которые разбили красных на своих участках, а середина между ними, вместе с железнодорожным мостом и станцией, сама провалилась, как печеное яблоко, хотя и с героическими и драматическими жертвами двух групп по 10—12 человек каждая в центре, при атаке моста. На станцию наша маленькая группа вышла без единого выстрела, когда Офицерский полк только выбивал красных из леса, что гораздо левее по фронту.

В итоге боя красные поздно вечером окончательно отступили к станции Платнировка. В Кореновке мы впервые точно узнали о падении Екатеринодара и о том, что Кубанская армия отошла на аулы. Для Добровольческой армии это было большим ударом: исчезла ясная и определенная цель, к которой мы так упорно стремились, пропала надежда на отдых и сильную поддержку верных кубанских казаков. И перед нами после 300-верстного перехода снова, как в первый день, встал вопрос: куда же идти? За предложение идти прямо на Екатеринодар, разбить противника и этим резко изменить настроение Кубани в нашу пользу стояли генерал Деникин и генерал Романовский. За предложение перейти Кубань и в горах, горных станицах

и черкесских аулах дать отдых измученной армии были генерал Корнилов и все старшие генералы.

Станица Кореновская, как и большинство кубанских станиц, была обширная, с чистыми домиками, старой церковью, и даже памятником участникам русско-турецкой войны, и имела вид уездного города. Однако немощные улицы представляли собой в это время года настоящее болото. Значительную часть населения станицы составляли иногородние, и этим отчасти объясняется такое упорство обороны Кореновской.

5 марта Добровольческая армия отдыхала, пополняла свои артиллерийские припасы, увеличила число пулеметов. Направление дальнейшего движения армии держалось в секрете. Здесь, как и всюду, генерал Корнилов убеждал казаков, пока не поздно, помочь нам и этим спасти свои дома и казачьи вольности, дарованные им еще Императорами Российскими. Добровольцы были, но они не могли возместить число наших потерь.

С наступлением темноты армия стала вытягиваться из станицы и переходить через железную дорогу в направлении на Усть-Лабу. В заставе на линии железной дороги на Платнировку была оставлена 3-я офицерская рота Корниловского Ударного полка.

6 марта, еще до рассвета, почти вся армия перешла через полотно железной дороги. 3-я офицерская рота снялась с охранения в назначенное ей приказом время, когда разъезды красных маячили повсюду. Роте пришлось рассыпаться и догонять Партизанский полк, шедший в арьергарде, довольно быстрым шагом. Надо полагать, что противник узнал о нашем движении на юг, появились его пехотные цепи, и арьергарду пришлось остановиться, чтобы пропустить нашу 3-ю роту на присоединение к своему полку, прикрыв ее от противника. С середины пути к Усть-Лабинской Корниловский Ударный полк шел в авангарде. Ему была дана задача взять станицу, захватить с налета переправу с мостом через Кубань и оборонять ее до перехода всей армии. Станица Усть-Лабинская прославлена бесчисленными боевыми подвигами русских войск и горцев в полувековой героической борьбе за Кавказ. Река Лаба и ее впадение в реку Кубань в станице Усть-Лабинской послужили для нас местом нового тяжелого испытания, которое Добровольческая армия выдержала с честью, выйдя после горячего боя на четыре фронта почти невредимой из смертельной опасности. Наше положение было отчаянным: впереди — огромная станица, за которой длинная, до трех верст, дамба с железным мостом через глубокую, с крутыми берегами, реку Кубань. Сзади энергично напирал Сорокин (командующий красной армией) со значи-

тельными силами. По железной дороге Екатеринодар—Кавказская большевики очень легко могли подвести с обеих сторон свои подкрепления, артиллерию и бронепоезда. Мы же не знали ни сил противника, ни того, цел ли мост. Если бы он был взорван — наше положение становилось критическим. Но выбора не было. Во что бы то ни стало мы должны были пробиться через станицу и перейти через реку Кубань.

Станица Усть-Лабинская была обнесена окопами с большим гарнизоном. Расстояние до нее корниловцы прошли довольно быстро и уже к 13 часам начали бой за станицу. Удачное распределение полковником Неженцевым ударных сил полка нарушило оборону красных, и они побежали, преследуемые жестоким пулеметным огнем. По улицам и огородам валялось много трупов. Самым же эффективным в этом бою было молниеносное занятие нами тюрьмы и освобождение из нее группы офицеров с полковником Молодкиным²³⁵ во главе. Освобожденные тут же пополнили наши ряды. Основное ядро полка свой главный удар направило на драгоценный для армии мост, который и был захвачен невредимым. Две роты офицерского батальона продолжали с восточной стороны станицы обстреливать красных, убежавших главным образом к кирпичным заводам на берегу Кубани.

В это время я был в связи у командира офицерского батальона полковника Булюбаша от 3-й роты и был послан с приказанием к оставшимся ротам спускаться к реке, к мосту, с целью парирования удара красных из подошедших эшелонов. Однако те, кому я передал приказание, не могли сразу его исполнить, так как по дороге в станицу и от кирпичных заводов противник перешел в наступление с явной целью отбросить нас от захваченного моста. Под нашим сильным огнем красные все же дошли до окопов в 300 шагах от окраины станицы, вырытых для ее обороны, и там залегли. Окопы плохо скрывали противника, и здесь произошло просто избиение красных, зарвавшихся, а может быть, и расхрабрившихся, слыша обстрел нашей армии с востока, севера и запада. Я с одним офицером попал через сад в какой-то двор на самой окраине, стены в сарае были из плетня, мы проделали в них бойницы и увидели прямо против себя, в 200 шагах, окопы, полные красными. Цель была — лучше и придумать нельзя. Первые же наши выстрелы вызвали среди них переполох, раненые поползли назад, ответные выстрелы с их стороны, мы это хорошо видели, производились в стороны от нас, — нас они не видели. Выпустив патронов по 50, вычистив ими всех из окопов, мы выскочили на улицу, но ни противника, ни наших — никого не было, только влево, у Офицерского полка, шел бой с подошедшим с Кавказской

эшелонем красных. Обескураженные этим, мы побежали в направлении к мосту, согласно ранее полученному приказанию.

Пусть читатель не удивляется тому, что при нашей бедности в патронах мы выпустили их по пятидесяти. Многие первопоходники говорят, что они ходили в атаки без выстрела и т. д., но все это — от лукавого, — не всех это устраивало, или просто были любители бить противника огнем, нежели штыком. К таковым принадлежал и я, потому что с мая 1915 года моя левая рука от ранения в плечо не поднималась, штыком я работать не мог, а стрелял отлично. Но для этого мы, любители, лучше без хлеба оставались, но пополняли свой запас патронов. Физически я был силен, а потому всегда носил цинку патронов и полный патронташ. И этот тяжелый груз не раз спасал меня.

В 24 часа Корниловский Ударный полк, пропустив через мост армию, сам перешел по мосту, оставив для его охраны 2-й батальон. Заночевал полк в недалеко находящихся горевших Саратовских хуторах. Все жители хутора ушли с большевиками, а подожгли его, надо полагать, казаки, сводя с хуторянами свои счета. Наша 3-я рота заночевала прямо во дворе одного сгоревшего дома, укрывшись от ветра хорошим деревянным забором. Перед рассветом я сменил дневального во дворе, где спала рота. Вдруг перед воротами остановился генерал Корнилов и спрашивает: «Какая рота?» — и, узнав, что это — 3-я офицерская рота Корниловского Ударного полка, продолжает: «Позвать ко мне капитана Пуха» — командира роты, фамилию которого он знал. Капитан Пух подбегает и получает приказание: «В садах за вами уже накопились красные. Выбить их!» Рота уже вся была на ногах. Моментально были выбиты доски в заборе для прохода в сады, и мы двинулись туда еще в темноте. Все сады потонули в молочном тумане с реки, и противники друг друга не видели. Но только мы вошли в сады, как увидели перед собой массу красноармейцев, заполнивших собой все. Кто-то из наших крикнул по инерции: «Какого полка?» — и свалка (другого слова не придумаешь) началась. Красные безусловно смяли бы нас, если бы видели нашу малочисленность, но то, что нас скрывал туман, и то, что инициатива атаки принадлежала нам, и спасло нас. Одиночки встретили нас стойко, один из таких выстрелил в меня в упор, но прострелил мне только шинель, и тут же его уложил мой сосед, который, в свою очередь, упал через несколько шагов с разбитой головой. Крики и стрельба создали впечатление ада, красные не выдержали, и все побежали под обрыв, к топким лугам. Тут начался рассвет, и мы с высоты обрыва расстреливали противника, как

куропатов. За некоторыми из нас насчитывали более чем по двадцать трупов, среди которых были, может быть, и живые, это нас не интересовало. После зверств латышей и матросов под Ростовом и Батайском мы в плен не брали, но и не пристреливали, нам нужно было, чтобы враг наш пал на поле боя. Первым спасшим меня был поручик Сахаров, который во 2-м Кубанском походе был зарублен кавалерией около станицы Невинномысской на реке Кубани. Он был пулеметчиком и прикрывал наш отход, кавалерия их окружила, а пулемет отказался работать. Винтовок у них в тачанке почему-то не оказалось, и их зарубили. Вторым моим спасителем был павший с разбитой головой, он выскочил впереди меня и уложил стрелявшего. Труп его не был подобран, и фамилия его забыта. Так, переходя от одной атаки к другой, мы встретили утро. Потери полка за бой у хутора Саратовского — 17 человек, потери же 2-го батальона неизвестны. Раненую нашу сестру Дюбуа перевязала сестра 2-й роты Васильева-Левитова.

7 марта. Убитыми и ранеными за бой у станицы Усть-Лабинской полк потерял 35 человек. Наступившее утро не принесло нам радости: мы узнали, что из-за недостатка динамита мост через Кубань после прохода армии взорвали плохо, а потому противник накопил против него много артиллерии и все время нажимает на наш 2-й батальон, бывший в охране его. В 1967 году из Венесуэлы капитан Данилин²³⁶, одним из первых поступивший в ряды родоначальника нашего Корниловского Ударного полка — 1-го Корниловского Ударного отряда при 8-й армии, сообщил мне, что в эту ночь красные сделали удачный набег через мост на наш 2-й батальон (наши проспали), взяли в плен раненого командира 6-й роты Н.Н. Ровенского, поступившего в отряд вместе с ним, и повесили его в Усть-Лабинской. Несмотря на это, наши атаку красных отбили и не дали им возможности перейти через мост. Вообще для Корниловского Ударного полка бой 6 марта был по своим результатам одним из самых блестящих. Обстановка для армии сложилась в этот день самая рискованная: противник от нас не оторвался и все время нажимал на наш арьергард — Партизанский полк и юнкера кое-как выбили красных к западу от станицы; корниловцы из авангарда лихо берут станицу Усть-Лабинскую, спасают из тюрьмы офицеров, выполняют главную их задачу по захвату моста через Кубань, отбивают первые атаки на станицу — вдоль берега с востока на мост, удерживают его до перехода всей армии и оставляют свой 2-й батальон для охраны его. Офицерский же полк в этом бою только отбивает атаку красных из эшелона с востока. Трудно даже и представить себе картину, если бы

корниловцы не смогли бы своевременно захватить и удержать за собой мост. Мог бы быть полный разгром Добровольческой армии! Но авторитет нашего вождя и шефа полка генерала Корнилова, блестящее командование своим полком полковника Неженцева и мужество их ударного полка основную часть этого боя выполнили с полным успехом.

Не успела 3-я офицерская рота Корниловского Ударного полка до конца использовать свой успех разгрома противника, как ей пришлось снова наступать в составе своего офицерского батальона на станицу Некрасовскую, в десяти верстах от Усть-Лабинской. Оказывается, что Офицерский полк в нее еще не вошел, и потому Корниловский Ударный полк (без 2-го батальона) был послан в наступление на Некрасовскую. Полковник Неженцев для бодрости духа своих ударников развернул полк перед шефом под звуки духового оркестра.

Конечно, были и у нас неудачи, где грубая сила противника имела большой перевес, но мы никогда не забывали прощальные слова из приказа генерала Корнилова и действительно несли на алтарь спасения своего Отечества «все наши мысли, чувства и силы».

Остаток дня корниловцы могли поочередно отдохнуть. В Некрасовской мы похоронили своих убитых. С участка 2-го нашего батальона от Усть-Лабинской доносилась артиллерийская стрельба. С запада и с востока тоже стреляли — армия была в окружении.

8 марта. Мост у станицы Некрасовской на Лабе был сильно испорчен, а потому Юнкерский батальон генерала Боровского переправился через реку по телегам, и вместе с Офицерским полком они отбросили красных. К полку присоединился и 2-й батальон. Теперь армия из Некрасовской шла на Филипповские хутора. Часть из них горела, их поджигали казаки из мести за расстрелы, или же это делали сами крестьяне, обманутые пропагандой большевиков. Жителей на хуторах вообще не было, они уходили с красными. Жуткая и неприятная картина похода среди горящих небольших хуторов. Велика была сила обмана большевистской пропаганды среди крестьян, всегда с завистью смотревших на старое население края — казаков, за их благополучие, хотя и сами они в большинстве тоже неплохо жили. Желание всех уравнивать силой и вызвало то, что мы тогда видели. За Лабой начинается Майкопский отдел. Пройдя десять верст, полк остановился в Киселевских хуторах, в нескольких избах.

9 марта, в 7 часов, полк был собран по тревоге, наступление противника сдерживалось огнем сторожевого охранения. Отбив наступление, полк в 9 часов выступил, согласно приказу составляя левую колонну армии, в направлении на хутор Царский Дар. Заняв хутор в

14 часов, полк приостановил наступление вследствие задержки движения Офицерского полка. В 19 часов полк выступил в селение Филипповское. Жители села все бежали с большевиками, бросив все свое имущество на произвол судьбы. Наша 3-я офицерская рота остановилась около волостного правления, где в полном порядке были сложены ящики с цинками ружейных патронов и... ящики с водкой. Конечно, мы тут же пополнили наши боеприпасы и не забыли про водку. К удивлению всех, наш лихой командир роты штабс-капитан Пух выстроил роту и заявил, что ночь обещает быть тревожной, а посему — все бутылки с водкой из карманов вон и тут же разбить о приклады. Как ни неприятно было это для некоторых, но приказ есть приказ, а потому зазвенело стекло, и все успокоились. Потери полка за день — 11 человек.

10 марта. В 4 часа Корниловскому Ударному полку было приказано перейти через реку Белую и сбить противника с бугров, что находились в двух верстах от реки. В голове шел 2-й батальон полковника Мухина. Как только батальон стал переходить мост, противник открыл сосредоточенный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь. По-видимому, красные заранее пристрелялись к мосту, так как огонь покрывал его хорошо. Батальон тут же понес большие потери: был убит выдающийся офицер — командир батальона полковник Мухин, так же как и доблестный командир 6-й роты капитан Петров и десятки чинов батальона. За 2-м батальоном колонной вбегает на мост и потом уже рассыпается офицерский батальон, командир которого полковник Булюбаш, стоя в конце моста, требовал лобовой атаки. 3-я рота оказалась правогофланговой, половина ее попала правее дороги на станицу Рязанскую, где местность была покрыта кустарником. Из ближайших окопов, расположенных в долине, до крутого обрыва, корниловцы выбили красных, но дальше продвинуться не могли не только потому, что нужно было лезть на крутой, обрывистый берег под убийственным огнем, вырвавшим из наших рядов сразу же больше сотни жертв, но и потому, что справа Партизанский полк не продвигался, слева Офицерский полк отбивал атаки, а юнкера в арьергарде отходили к только что пройденному нами мосту перед превосходящими силами противника. Лазарет и обозы переправлялись на нашу сторону. Снаряды красных и даже пулеметы простреливали нас со всех сторон. Полк залег, и только половина 3-й роты все продвигалась по кустам вперед, на правую сторону дороги. Положение армии все ухудшалось, красные видели это и напирали, арьергарду пришлось спешно отступать, саперы, видя это, подожгли мост, и потому часть юнке-

ров была принуждена переходить реку прямо вброд. На флангах бой усиливался, но продвижения не было видно. К 14 часам полурота 3-й роты, продвигавшаяся все время вправо от дороги на станицу Рязанскую, по рельефу местности и по стрельбе увидела, что она зашла за левый фланг красных, сидящих на бугре против нашего полка. Хорошо помню, как мы по два-три человека выползали из кустов, переползали через дорогу и, оказавшись в тылу у противника, открыли огонь с близкой дистанции по спокойно стрелявшим красным. Ближайшие к нам красноармейцы стали испуганно смотреть в нашу сторону, но меткие наши выстрелы точно подхлестывали их, они смешались и пустились бежать вдоль своих окопов, увеличивая этим для нас цель. Мы двигались жиденькой цепочкой к их окопам, а они все больше очищали их. Вот здесь-то и произошло историческое знаменитое «Ура!», и что было его причиной, так и осталось точно не выясненным до сего времени. Предполагали: 1) по мнению командира Партизанского полка генерала Богаевского, продвигавшегося правее корниловцев, будто бы генерал Корнилов определил переломный момент боя и отдал приказание для общего наступления; 2) все время наблюдавшая за нашим обходом наша 3-я рота увидела наш успех и перешла в атаку с криком «Ура!», которое подхватили соседи, а потом уже и вся армия; 3) будто бы в это время генерал Корнилов получил сообщение о соединении с Кубанской армией генерала Покровского, что вызвало восторг и подъем духа. Будто бы это сообщение привез разъезд кубанцев, чему трудно поверить: как мог он тогда пробраться к нам через сплошное кольцо окружавших нас красных?

Нам, гнавшим противника вдоль его окопов по бугру, картина общего энтузиазма была не только видна с высоты, но она поразила нас переменной боя: почти чуть не разбитые добровольцы стали победителями, от которых в страхе бежали части, разбившие наш арьергард.

Не дожидаясь, пока наш полк поднимется на бугры, мы выбрались снова на дорогу и пошли в станицу Рязанскую, представляя из себя походную заставу. Когда мы вошли в станицу, она казалась мертвой, в избы мы не заходили, вышли на противоположную окраину и там дождались подхода нашего полка. Нерадостные вести узнали мы о потерях полка: убитыми и ранеными корниловцы потеряли почти 200 человек. Через станицу Рязанскую около 18 часов полк направился в аул Хибунай, где мы и разместились по разбитым домам. Потом корниловцы узнали от партизан, что все же в Рязанской оставалась часть жителей, которые как-то неестественно, уж очень любезно ухаживали за ними. Оказалось, что они, как мы сами убедились, прохо-

дя по аулам, вместе с большевиками принимали участие в избиении и разграблении мирных черкесов. Кто не успел бежать в горы, были перебиты, изнасилованы и даже замучены: наши нашли в одной печке старика с обгоревшими ногами, кучу человеческих внутренностей и т. п.

Вечером узнали и подробности о «соединении» с кубанцами: это просто была только связь с каким-то их разъездом, остатки же их армии были в 80 верстах от нас, вели непосильные бои и просили помощи.

11 марта в 9 часов полк в авангарде выступил на аул Понежукай, куда прибыл к 15 часам.

12 марта в 18 часов полк в авангарде выступил в аул Гатлукай, куда прибыл в 24 часа. Вопрос с довольствием обстоит очень плохо. Черкесы охотно присоединяются к армии.

13 марта в 9 часов полк выступил в аул Вочепший, куда прибыл в 13 часов. Аул был сохранен более других. Здесь была окончательно установлена связь с генералом Покровским. Недалеко виден город Екатеринодар.

14 марта. Дневка в ауле Шенджий. Погода портится, идет дождь и снег. Суровая походная и боевая жизнь убивает все живое в человеке, не радуют и новые, чарующие виды Кавказа.

15 марта. День, который 1-му Кубанскому генерала Корнилова походу дал название и Ледяного. Здесь природа в союзе с противником восстала против Добровольческой армии, и трудно было решить, что было тяжелей. С утра лазарет и обозы были направлены в станицу Калужскую — место стоянки Кубанской армии. Погода стояла ясная, дул холодный ветер. В авангарде Партизанский полк, за ним — Офицерский и потом наш, Корниловский Ударный, выступивший в 9 часов. Назначение перехода — станица Ново-Дмитриевская, в 15 верстах. С началом движения холод усилился, дождь шел вперемешку со снегом, дороги развезло, и все простые стоки воды стали наполняться водой, а маленькие ручьи превратились в речки. Холод все усиливался, и к 15 часам промокшая одежда стала превращаться в лед и ломаться, как стекло. В 17 часов полк подошел к реке Черной. Мост через нее был залит водой со снегом, а станица за ним занята красными. Офицерский полк стал переправляться на крупах лошадей, а полковник Неженцев повел корниловцев правее, на гать, тоже залитую водой. Задержка в движении создала невыносимые условия для обледенелой, едва идущей армии, добровольцы не выдержали, и на глазах противника зажглись костры. Начался обстрел артиллерией, снаряды ложились довольно точно, и некоторые попадали прямо в

костры, но это не смущало добровольцев. Лошадей у корниловцев не оказалось, и полковник Неженцев приказал нам погреться в воде. Воля и молодость все победят — бросились мы, сцепившись друг за друга, и, придерживаясь предполагаемой середины гати, стали бороться со стихией. На наше счастье, красная артиллерия была по нашим тылам, а пехота их почти бездействовала. Наступление полк повел на западную часть станицы, с выходом по дороге на станицу Григорьевскую, на южную ее окраину. По-видимому, красным не было охоты выходить в такую погоду из теплых хат, и они встретили нас только около изб, но особого сопротивления не оказали. Нечеловеческим усилием Офицерский полк, переправившись, с успехом очищал станицу. За свою халатность противник поплатился, понеся большие потери. В 23 часа наш полк занял юго-западную часть станицы, выставив заставы на Григорьевскую. Повозки и даже часть лошадей оставили до утра перед мостом. Части генерала Покровского, выступившие из станицы Калужской, вернулись из-за такой погоды обратно. В полку было 45 человек убито или ранено. По данным Офицерского полка, ими в этом бою было взято 8 орудий и до 1000 убитыми.

Первое совместное действие в этом бою Добровольческой армии с Кубанской было неудачным — первый блин вышел комом: согласно приказу генерала Корнилова, в этом бою конница генерала Покровского должна была наступать тоже на станицу Ново-Дмитриевскую со стороны станицы Калужской, но она в такую погоду, как гласит донесение, вернулась, а быть может, и просто не выступала. Это было печальным фактом для первого раза: при наличии конницы в этом бою все три тысячи красных были бы уничтожены, а неисполнение приказа говорило о качестве Кубанской армии.

16 марта. Дневка в Ново-Дмитриевской. Переправа обоза через реку и приведение полка в порядок.

17 марта. В 18 часов противник перешел в наступление со стороны станицы Григорьевской, но легко был отбит. Небольшие хутора, окружающие Ново-Дмитриевскую, остались в руках красных.

18 марта. С утра противник перешел в наступление, но был отбит. К 20 часам он снова наступал, и бой разыгрался у самой станицы, но огнем частей армии противник к 23 часам был окончательно отброшен. Потери полка — 9 человек.

19 марта. На фронте спокойно. Состоялось соглашение Добровольческой армии с Кубанской. Все части составляют одну армию под начальством генерала Корнилова. Армия разбита на три бригады: 1-я бригада генерала Маркова: Офицерский полк, командир — генерал Боровский, стрелковый Кубанский полк, командир — полковник

Тунеберг, 1-я инженерная рота, 1-я и 4-я батареи. 2-я пехотная бригада генерала Богаевского: Корниловский Ударный полк, командир — полковник Неженцев, Партизанский полк, командир — генерал Казанович. Пластунский батальон, 2-я инженерная рота, 2-я, 3-я и 5-я батареи. 3-я бригада — кавалерия генерала Эрдели: 1-й конный полк, Кубанский полк, Черкесский полк и конная батарея.

В Корниловский Ударный полк были влиты юнкера Константиновского военного училища²³⁷, которое наш полк под своей охраной погрузил в Киеве перед своим походом на Дон, — они теперь пополнили 3-ю офицерскую роту. Численный состав полка за поход сильно уменьшился, особенно большие потери были под Кореновкой, 150 человек, и под Филипповкой, 200 человек, при переходе через реку Белую. Все же юнкера и пополнение из Кубанской армии довели состав полка до тысячи штыков.

20-е и 21 марта. Приведение частей в порядок. За это время наш лазарет и все обозы прибыли из станицы Калужской в Ново-Дмитриевскую, и здесь мы узнали о всех ужасах, пережитых ранеными во время Ледяного похода. Медицинский персонал самоотверженно работал, но медикаменты все вышли, не стало уже и запаса простого персонального белья сестер милосердия. Не легче было и строевым врачам, сестрам и фельдшерам. Они не только подвергались общим опасностям, но и работали, перевязывая нас, во время нашего отдыха. Меня тогда поражало, как спокойно, с сознанием приносимой жертвы на алтарь Отечества умирали корниловцы. Так, капитан Басов, умирая от ранения в станице Ново-Дмитриевской, сказал сестре милосердия: «Совершается великое таинство — умирает человек, а там... смеются». Записано со слов сестры милосердия В.С. Васильевой-Левитовой. Таков был суровый закон войны: сраженный мужественно умирает, а оставшийся в живых, не падая духом, продолжает сражаться.

22 марта в 22 часа полк в авангарде бригады генерала Богаевского выступил на станицу Григорьевскую. До станицы было верст 10—12, дорога была ужасная: грязь по колено, с кусками льда, лужи превратились в сплошные болота. Люди и лошади измучились, вытаскивая пушки, поминутно завязавшие в грязи: жалкая дырявая обувь свободно пропускала холодную воду. Темно, холодно, у всех отвратительное настроение, а тут еще слухи от местных жителей, что Григорьевская сильно занята красными, и нам придется преодолеть упорное сопротивление. Перед самой станицей 1-й офицерский батальон Корниловского Ударного полка нарвался на окопы красных, мы стали рассыпаться, имея перед собой, как нам в темноте пока-

залось, какую-то стену. Перед рассветом оказалось, что это была просто полоса нескошенной травы. Красные обстреливали нас с дистанции не более 200 шагов, но мы лежали спокойно за нашим воображаемым прикрытием. В расположение 3-й роты пришел полковник Неженцев, прилег около нас и стал при свете электрического фонаря выяснять наше расположение по карте. Выстрелы участились, но мы продолжали верить в наше прикрытия. В это время на линии нашей цепи кто-то был ранен и громко кричал о помощи. Как после выяснилось, это был ранен командир 2-й роты полковник Минервин, Михаил Михайлович. Под сильным ружейным огнем с очень близкой дистанции два молодых офицера, поручик Ващенко и поручик Дрейман, вскочили из-за нашего укрытия, подхватили своего командира, но тут же, одной пулей, оба были смертельно ранены в мочевые пузыри. Скончались они, по свидетельству сестры милосердия их роты В.С. Васильевой-Левитовой, в страшных мучениях. Полковник Минервин остался жив (он скончался во Франции перед отъездом в Америку от разрыва сердца). Осветив обстановку, полковник Неженцев наметил направление для нашей атаки и, едва появились первые признаки рассвета, корниловцы бросились в атаку. Красные встретили их ураганным огнем, пули их долетали в тыл и ранили многих в резерве: на перевязочном пункте около генерала Богаевского один раненый офицер был ранен вторично, а третьей пулей был убит. Адьютант его был ранен. Окопы красных оказались очень близко. Корниловцы ворвались в них молниеносно, по-видимому, это ошеломило красных, они побежали и этим избавили нас от лишних потерь. Был убит доблестный командир 5-й роты капитан Томашевский. Всего в этой атаке было убито и ранено более 60 человек. Больше всех пострадала 3-я рота, куда были влиты юнкера.

23 марта в 4 часа вся станица была очищена от красных, полк стал в резерве бригады и получил большой привал. После отдыха 2-я бригада генерала Богаевского двинулась на станицу Смоленскую, имея Партизанский полк в авангарде, а Корниловский в резерве. До станицы было всего три версты. Приехал генерал Корнилов и горячо благодарил свой полк за блестящую победу. Между тем Партизанский полк генерала Казановича наткнулся на упорное сопротивление красных. Они занимали окраину станицы на другом, возвышенном берегу и встретили партизан жестоким ружейным и пулеметным огнем. Только с большими усилиями и потерями удалось к вечеру взять станицу. Ночью было получено приказание о выступлении на рассвете для одновременной атаки станицы Георгие-Афипской с 1-й брига-

дой генерала Маркова. По имевшимся сведениям, там были сосредоточены большие силы красных и находились их склады со снарядами и патронами. Бой 1-й и 2-й бригад за станцию и станицу Георгие-Афипскую имел для нас большое значение и оценивается бывшими его участниками, как это естественно бывает, в свою пользу.

Освещая роль Корниловского Ударного полка в бою под станицей Георгие-Афипской с разных точек зрения и служебного положения, приходится согласиться, что роль свою обхода во фланг и тыл противника он выполнил блестяще. Более вероятно, что взрыв снарядов последовал от поджога красными при подходе корниловцев к станции, и это было видно из того, что огонь все же удалось потушить и спасти снаряды. Взорвалось же только несколько из них, оказавшихся лежащими в горячей соломе, открыто.

Без угрозы красным с тыла, особенно оборонявшим мост, Офицерский полк мог и не перейти реку Шелш. Я, как участник этих боев, свидетельствую, что в словах благодарности генерала Корнилова своему полку за взятие станицы и станции Георгие-Афипской чувствовался неподдельный его восторг от нашей работы. Личность полковника Неженцева, младшего в чине среди заслуженных командиров полков в генеральских чинах, все время остается в тени, но в то же время его любит генерал Корнилов и ценят другие. Помимо того, что он — инициатор создания ударных частей в дни развала русской армии, он является и талантливым организатором основной силы ударников, которую он видел в пулеметах и артиллерии. Начиная с 1-го Ударного отряда и до конца борьбы корниловцев за честь России на родной земле они всегда имели много пулеметов, умели владеть ими и в этом видели свою основную силу. Несмотря на то что Корниловский Ударный полк в Ольгинской обогатился Партизанским офицерским батальоном имени генерала Корнилова в составе четырех рот, среди которого было много заслуженных боевых строевиков, к полковнику Неженцеву со стороны всех чинов его было восторженное отношение. Заканчивая обзор боя за станицу Георгие-Афипскую, я до сего времени с чувством восторга вспоминаю, как генерал Корнилов благодарил нас: «Спасибо вам, мои ударники, за ВЕЧНОЕ дело!»

Громкое «Ура!» и слезы восторга были ответом нашему вождю и шефу полка. Каждый из нас знал, что генерал Корнилов заслуженно получал свои высшие посты в Русской Императорской армии, что в революционное время он первым открыто призывал своим манифестом всех русских патриотов к борьбе за спасение национальной России и первым не только наметил место для сбора Добровольческой

армии, но и сам прибыл туда вместе со своим полком. Вот та сознательная сила, которая влекла добровольцев к генералу Корнилову.

Потери полка за этот бой были около 50 человек убитыми и ранеными.

Наступление на город Екатеринодар

С занятием Георгие-Афипской Добровольческая армия вышла юго-западнее Екатеринодара на линию железной дороги Новороссийск—Екатеринодар. 2-я бригада генерала Богаевского должна была перейти в аул Панахес, ожидание обоза отняло много времени, и корниловцы выступили только после обеда. Сначала шли вдоль железной дороги, но потом пришлось свернуть в сторону, так как дальнейшему движению мешал своим огнем бронепоезд, с которым завязалась перестрелка. Дальше двинулись уже ночью, без дорог. Какой это был ужасный путь. Широко разливаясь по плавням, река Кубань затопила свой левый берег на много верст, и нам пришлось почти все время идти по воде, сбиваясь с дороги, попадая в ямы и канавы. Кругом, в нескольких местах, горели брошенные хутора, подожженные черкесами, шедшими впереди нас, и это еще больше увеличивало ужас этой мрачной ночи. Мы прошли чуть больше десяти верст, отдохнули немного в ауле Панахес и рано утром 26 марта повернули на станицу Елизаветинскую. Стало ясно, что атака Екатеринодара будет оттуда. Впереди корниловцев шла конная бригада генерала Эрдели, которая неожиданным налетом захватила там переправу. В 9 часов из аула Попасли две роты Корниловского Ударного полка под командой капитана Миляшкевича были отправлены к переправе с целью охраны ее для нас. В 14 часов полк тронулся и в 18 часов стал переправляться через реку Кубань на пароме, вмещавшем четыре повозки и до 30 человек. Другой, поменьше, и несколько лодок поступили в распоряжение других.

Казаки, хотя и встретили нас колокольным звоном, особенно рады нам не были: с нашим приходом они должны были нарушить весь уклад своей жизни. Быть может, большевики и не ожидали нас с этого направления, но с 20 часов началась уже перестрелка с нашим сторожевым охранением. Станица и переправа обстреливались артиллерийским огнем. Полк ожидал наступления на восточной окраине станицы, но с наступлением ночи расположился в самой станице. Вся ночь прошла в перестрелке. Работа на переправе кипела, без остановки переправлялся боевой обоз.

1-я бригада генерала Маркова осталась сзади для прикрытия главным образом походного лазарета и обоза.

27 марта в 5 часов противник перешел в наступление. Весь полк на позиции сдерживает его, ожидая подхода Партизанского полка. С подходом партизан полк переходит в наступление, бригада обращает противника в паническое бегство вплоть до окраины города. По соображениям общего порядка атака на центр города была отложена, и бригада отошла в станицу, выставив сторожевое охранение от Партизанского полка. Станица была забита нашими обозами и казаками, прибывшими из соседних станиц. Наш полк пришел в станицу в 20 часов и разместился по квартирам. Здесь полк получил пополнение — 300 казаков под командой есаула Киселя.

28 марта с утра в полку произведена реорганизация — он был сведен в два батальона. На 1-й батальон назначен полковник Индейкин (полковник Булюбаш был ранен за Филипповскими хуторами), на 2-й — есаул Кисель. В 14 часов получено приказание спешно двигаться на левый фланг Партизанского полка, который сильно теснит противник. Корниловцы вышли на окраину станицы с оркестром и с развернутым знаменем. Генерал Корнилов сам направил полк для наступления, и здесь большинство из нас в последний раз видели нашего вождя и шефа полка. Под звуки оркестра полк развернулся в боевой порядок, стремительно перешел в контратаку и стал теснить противника. Красные дрогнули и на всем фронте обратились в бегство. Тысячные толпы бежали от наших частей. Сопротивление оказывала лишь артиллерия противника, которой было очень много. К 20 часам полк достиг основных укреплений перед самым городом, но опять было получено приказание в город не врываться. Здесь полк понес большие потери. Части остались на занятых позициях. Ночь прошла в оживленной перестрелке. В числе раненых оказались командиры батальонов, полковник Индейкин и есаул Кисель.

Здесь я освещу немного подробней обстановку на участке 1-й офицерской роты, куда я попал с остатками 3-й офицерской роты. Когда наше наступление остановилось перед укреплениями красных на окраине города, участок роты имел направление на Черноморский вокзал и был левофланговым. Около вокзала расположились несколько бронепоездов противника, и они косили нас во фланг. Красные из своих окопов, с расстояния 900 шагов, тоже поливали нас ружейным и пулеметным огнем, мы же лежали в случайных окопчиках, предназначенных, по-видимому, для сторожевого охранения, а потому мало укрывавших нас от огня. Всем стало ясно, что если мы не выйдем

красных, то нам придет нормальный и скорый конец. Приказ не врываться в город еще не был нами получен, и временно командующий ротой отдает приказание атаковать. Лихо все вскочили, не отставали от нас и казаки пополнения, и понеслись. Правда, чудеса бывают, но не всегда: бронепоезда от Черноморского вокзала не только мешали нас с землей, но и воодушевляли этим красноармейцев, видевших и без этого нашу малочисленность. Все же мы, как камешки на решетке веялки, катились вперед, оставляя позади себя павших, но, не достигнув цели на каких-нибудь 150 шагов, пали и мы. Вижу, как красные пачками выскакивают из окопов и бегут добивать наших. Я ранен в левую ногу осколком, осколком или пулей Гра, рана — ладонью не прикрыть, и вся нога парализована. Первая мысль — стреляться... Левая рука у меня с мая 1915 года не действует от ранения в плечо, а потому я все делаю правой: снимаю штык, тянусь к спуску, пуля сбивает только мою папаху. Лежащий рядом со мной казак ругает меня и обращает мое внимание на огонь наших пулеметов, который загнал всех красных в окопы, и раненые стали, отстреливаясь, отползать в наше исходное положение. Командир нашей роты тяжело ранен в живот, но легко раненные и его дотянули до окопчика. Если не ошибаюсь, это был поручик Фабер, которого все же оставили в школе станицы Елизаветинской как тяжело раненного. По одной версии, его спасла местная учительница, а я слышал, будто бы спасла его организация Савинкова.

Стали наступать сумерки, артиллерийский огонь затих, и нас подобрали. Перевязочный пункт в Елизаветинской еще усилил наше представление о потерях за этот день. От когда-то славного, чисто офицерского батальона 4-ротного состава к Екатеринодару оставалась одна только рота, и то с влитым пополнением из казаков, а сегодня и она пала на поле брани, сохранив лишь малый кадр для новых добровольцев. Кое-чем перевязали нам раны и троих на повозке отправили в дом какого-то казака. Болела рана, щемило сердце, а сознание твердило: не выдержим...

29 марта. Корниловский Ударный полк истекал кровью, напрягая последние силы. Какие большие потери понесли в этот день корниловцы, видно из рассказа сестры милосердия В.С. Васильевой-Левитовой. В наступившей темноте доктор Крошечкин и она с сестрой Таней, отправив очередной обоз с ранеными, пошли на хорошо им знакомые позиции полка. Раненые оказались настолько разбросанными в сторону красных, что они, подойдя к группе каких-то солдат, сразу узнали в них красноармейцев, которые тоже взяли их под дозрение и со штыками наперевес окружили их. Доктор стал уверять

их, что они из их санитарного отряда, а сам, подмигнув сестрам, выхватил из кармана револьвер, и, отстреливаясь, они бросились бежать. Ночь спасла их, но доктору Крошечкину красные все же раздробили пулей предплечье. По возвращении из похода он скончался от этой раны в Новочеркасске. Две же сестры, не найдя никого на позициях, пошли на молочную ферму, где был штаб армии, и им удалось сообщить о положении полка генералу Корнилову, которого они видели тоже в последний раз.

30 марта. Командиром Корниловского Ударного полка был назначен л.-гв. Преображенского полка полковник Кутепов, Александр Павлович, последний командир лейб-гвардии Преображенского полка, принявший наш полк в 65 штыков. Генерал Корнилов приказал влить в полк 350 казаков Ново-Мышастовской станицы под командой полковника Шкуратова.

Штурм Екатеринодара был предрешен генералом Корниловым, который считал, что другого выхода не было. Все старшие начальники заявили, что рассчитывать на успех невозможно. Один только генерал Алексеев был согласен с генералом Корниловым и лишь просил отложить штурм на сутки, чтобы дать добровольцам хотя бы и сомнительный отдых. Генерал Корнилов согласился на это, и штурм был назначен на 1 апреля.

* * *

Одним из первых распоряжений нового командующего армией был приказ об отступлении от города Екатеринодара.

Нелегко было ему начать свое командование таким приказом. Но обстановка требовала этого. Было решено отходить на север, другого направления не оставалось: все другие пути преграждались рекой Кубанью или силами большевиков. 2-й бригаде опять пришлось занять свое обычное место в арьергарде. Начали отход вечером, небольшими частями, чтобы не обнаружить своих намерений. Оставшиеся на месте части усилили свой огонь, и большевики отвечали тем же, опасаясь, видимо, нашего наступления. Во время этой перестрелки мы тоже понесли немалые потери, и между другими был убит доблестный офицер лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка есаул Рыковский. С наступлением темноты 1-я бригада генерала Маркова тронулась в авангарде, а 3-я конная бригада генерала Эрдели должна была прикрывать армию на походе, жертвуя собой.

Корниловский Ударный полк в составе своей 2-й бригады генерала Богаевского, будучи в арьергарде армии, снялся с позиции под го-

рядом поздно ночью. Офицерский полк за бои под Екатеринодаром свои потери исчисляет в 50 процентов, но у корниловцев их трудно и подсчитать. В Ново-Дмитриевской полк получил пополнение и к началу боев за Екатеринодар имел в своих рядах тысячу штыков. В Елизаветинской с есаулом Киселем поступило пополнение в 300 казаков. После боев за Черноморский вокзал и смерти полковника Неженцева полковник Кутепов принял полк в 67 штыков. По приказанию генерала Корнилова в него вливают 350 казаков Ново-Мышастовской станицы под командой полковника Шкуратова, а в колонию Гначбау полк прибывает в составе СТА штыков. Итак, Корниловский Ударный полк за Екатеринодарскую операцию имел в своем составе: 1000 плюс 300 плюс 350 — итого 1650 штыков. В момент же отступления полковник Кутепов имел 67 штыков. Исходя из этого расчета, потери полка считаются 1583 человека.

В Екатеринодарскую операцию входят следующие бои: за станицу Григорьевскую, Смоленскую, Георгие-Афипскую и Екатеринодар.

Эта цифра потерь Корниловского Ударного полка говорит о том, что полк генерала Корнилова от начала до конца, согласно словам его прощального приказа, нес на алтарь своего Отечества все свои мысли, чувства и силы. Результат этой жертвенности теперь заключался в многоверстном обозе, где тела генерала Корнилова и полковника Неженцева лежали на одной повозке, а на остальных было до 1500 раненых... Не всех их можно было взять — и 64 тяжело раненных были оставлены в станице Елизаветинской, где большевики почти всех их перебили.

* * *

Мои личные переживания за 31 марта. Весть о смерти генерала Корнилова и вступление в командование армией генерала Деникина рисовала в напряженном мышлении раненых мрачную картину будущего. Поздно вечером входит к нам хозяин дома, где мы лежали, казак станицы Елизаветинской, и говорит: «Армия отступает, я не могу отвезти вас, но даю вам пару коней, а править будет моя 14-летняя дочка». Уложил он на хорошо приготовленную телегу нашего тяжело раненного, помог нам обоим взобраться со своими костылями, вывел за станицу и попрощался с нами. Что побудило казака на такую большую жертву для нас — трудно сказать. Думали мы тогда, что это боевое товарищество спасло нас. Казачка знала свое дело, и мы в ту же ночь были в составе лазарета. Начиная с

утра, по дороге, и днем, в колонии Гначбау, мы слышали вспышки стрельбы и испытали близкие разрывы снарядов. Хуже всего было видеть приведение в негодность бросаемого оружия, но особого паникерства мы не заметили.

* * *

1 апреля 1918 года Добровольческая армия заняла небольшую колонию Гначбау, всего в 12 дворов. Противник это заметил, и его артиллерия стала ее обстреливать. Снаряды падали по всей колонии, наводя панику. Один попал в дом, где остановился генерал Алексеев, и убил писаря. Настроение у всех было подавленное. Многие из молодых казаков последнего пополнения ушли потихоньку от нас и вернулись в свои станицы. Ушли несколько человек с генералом Гилленшмидтом²³⁸ и бесследно пропали. Некоторые открыто говорили о безвыходности нашего положения и о необходимости спастись любыми средствами. Однако им стали открыто возражать. Так, один воспитанник Виленского военного училища громко заявил: «Вы — как хотите, а я буду биться. Девиз нашего училища говорит: «Один в поле и тот воин!» Громко и уже с возмущением обрушились корниловцы-офицеры на павших духом, обвиняя их в предательстве. Были и такие, которые пытались оправдать не пошедших с нами офицеров из Ростова, но их стали прямо называть предателями, и в дальнейшем разговоры об этом прекратились. Красные стали было наступать, но их отбили. Согласно распоряжению, все лишнее уничтожалось, обозы сокращались. Перед вечером противник снова повел наступление с юга, и мы, раненные, с замиранием сердца следили, как корниловцы, пополненные музыкантами, в количестве не более ста штыков, стали жиденькой цепочкой подниматься на бугор, навстречу врагу. Цепь скрылась в наступившей темноте, послышалось жидкое «Ура!», замелькала чья-то конница... Наступили долгие минуты напряженного ожидания: кто же кого отбросил?

В это время обоз с ранеными быстро стали вытягивать и мы тронулись, похоронив в неизвестной могиле генерала Корнилова и полковника Неженцева. Могилу сровняли, не оставив никаких признаков, только сняв кроки с местности. Однако, как потом стало известно, большевики на другой день после нашего ухода с помощью местных жителей нашли могилу, вырыли тела и, бросив обратно тело полковника Неженцева, труп генерала Корнилова отвезли в Екатеринодар, где долго издевались над ним и потом сожгли. По полученным после данным, тело генерала Корнилова возили по Екатеринодару, забрасы-

вая его всякой дрянью, повесили перед домом штаба армии и через день сожгли, а прах его выстрелили из пушки. С приходом же добровольцев на берегу Кубани, около молочной фермы, где генерал Корнилов скончался, был поставлен крест на его символической могиле.

Мало кто знал о намерениях генерала Деникина, но пока что армия взяла направление на станицу Медведовскую.

* * *

После небольшого отдыха в станице армия двинулась в станицу Дядьковскую, еще 17 верст. В авангарде 2-я бригада.

4 апреля. Победа генерала Маркова всех окрылила, и вера в генерала Деникина зародилась. Ночь в станице Дядьковской прошла спокойно. Полковник Кутепов и старшие офицеры полка были заняты набором в свой полк всех, кто мог держать винтовку. Успех был полный: фактически сводная рота развернулась в пять рот (очень малого состава) по 50 человек, но среди них большинство были кубанцы. Это особенно радовало корниловцев потому, что наши жертвы уже давали плоды — светоч генерала Алексеева разгорается, и казачество, не смотря на наши неудачи, пополняет наши ряды.

В станице Дядьковской добровольцы оставили вторую партию тяжело раненных, с медицинским персоналом, с деньгами на их содержание и предупреждением большевикам, что если они будут расстреливать наших, тогда и мы расстреляем их видных большевиков, находящихся у нас в плену. Тяжело было генералу Деникину решиться на такую меру, но другого выхода не было. Причина этой меры — безнадежность для самих тяжело раненных в предстоящих армии тяжелых переходах, всегда под обстрелом и без средств лечения. К оставлению было предназначено 200 человек, но фактически оставили только 119, остальных увезли их сослуживцы. Из них, как после узнали, двое были все же убиты при невыясненных обстоятельствах и 16 умерли сами. Первая партия была оставлена в станице Елизаветинской по той же причине, соединенной с отсутствием транспорта и медицинского персонала, могущего погрузить их. В живых из этой партии остался только один, временно командовавший 1-й ротой поручик Фабер, тяжело раненный 28 марта под Черноморским вокзалом, оставленный в живых по приказанию командарма Сорокина и впоследствии освобожденный из тюрьмы организацией Савинкова.

5 апреля. В 9 часов армия выступила, оставив в станице тяжело раненных. Корниловский Ударный полк — в авангарде. В 16 часов

полк прибыл в хутор Журавский, где был дан шестичасовой привал. В 22 часа приказано было выступить. Вся армия — на подводах, генерал Деникин решил громадными маршами, не жалея лошадей, оторваться от противника и выйти из-под удара. К 24 часам полк подошел к линии железной дороги Тихорецкая—Екатеринодар и занял участок фронтом на станции Кореновская, а Офицерский полк — на станцию Выселки; через переезд стали быстро пролетать обозы.

6 апреля. К 4 часам вся армия перешла железную дорогу, полк снялся и пошел в арьберггарде. В 5 часов подошел бронепоезд красных, но части уже отошли от железной дороги, и его снаряды не наносили вреда. К 9 часам полк подошел к станции Бейсугской, где и стал на большой привал. В 11 часов Добровольческая армия продолжала движение вперед и к 16 часам прибыла в хутор Владимирский. В 22 часа армия выступила.

7 апреля. В 2 часа перерезали железную дорогу Тихорецкая—Кавказская и к 5 часам армия достигла хутора Хоперского. В 11 часов противник повел наступление, которое было отбито. В 18 часов армия продолжала движение и к 24 часам прибыла в станцию Ильинскую, где и стали по квартирам.

8 апреля. Приведение полка в порядок. Панихида по генералу Корнилову. Бросается в глаза хорошее отношение казаков.

9 апреля. Дневка в станции Ильинской. Полк в сторожевом охранении.

10 апреля. В 18 часов противник повел наступление со стороны станции Дмитриевской, обстреливая станцию артиллерийским огнем. Ликвидировать наступление приказано бригаде генерала Богаевского (2-й), который для наступления дал корниловцам участок правее дороги Ильинская—Дмитриевская, а Партизанскому полку левее. К 22 часам полк отгеснил противника к станции Дмитриевской. Взято было два пулемета. Красные оставили Дмитриевскую и отошли на станцию Расшеватскую. В 24 часа корниловцы вернулись обратно в станцию, став по-прежнему по квартирам.

11 апреля. Отдых в станции Ильинской. Противник не тревожит. Возвращаются в строй раненые корниловцы, записываются добровольцами казаки-кубанцы. С притоком в армию новых сил поднимается и настроение. Первоначальное чисто служебное отношение к новому командиру полка полковнику Кутепову сменяется чувством уважения за его жертвенную службу России. Полковник Кутепов, Александр Павлович, расположил к себе корниловцев своей выдержкой и спокойствием. Он часто шел с цепями. Его коренастая фигура в фуражке, сдвинутой на затылок, всегда виднелась в наиболее опасных местах.

В походе и на отдыхе заботы полковника Кутепова были прежде всего о своих солдатах. Пока не будет размещен на отдых весь полк до последней роты, пока не будут все накормлены, он не успокаивался. Конечно, не всегда это было, роль командира полка сводилась главным образом к боевой подготовке полка, к его подготовленности своевременно исполнить приказ начальника, но обстановка того времени во многом зависела от физического и морального состояния бойцов, на что командир полка и обращал сугубое внимание. Помимо того, что всегда кажется, что старого начальника, а особенно создателя полка и такого, каким был полковник Неженцев, — заменить нельзя и момент вступления полковника Кутепова в исполнение обязанностей командира Корниловского Ударного полка происходил в исключительно тяжелых условиях: он принял полк в составе 67 человек, смерть генерала Корнилова и полковника Неженцева и отступление от Екатеринодара — все это вызвало падение духа, в лучшем случае сохранив в душе бойцов желание драться до конца. Все это могло исправить только реальное ощущение притока свежих сил на смену павшим и удачное руководство армией. Генерал Деникин своими непревзойденными тактическими приемами вывел армию из окружения, спас ее, а формулировка генералом Алексеевым цели похода — «зажечь светоч» — осуществилась с оздоровлением казачества. Оставалось у корниловцев, как и у всех частей Добровольческой армии, одно непоправимое и невозвратимое — это невозможность свежим, почти сырым пополнением заменить павших первых добровольцев.

И полковник Кутепов, перейдя к нам из Офицерского полка, на самом деле состоявшего только из офицеров, теперь, помимо ужасных потерь у нас, принял нормальный солдатский полк. Если и был в Корниловском Ударном полку офицерский батальон в четыре роты (почти 500 штыков), то в боях за Екатеринодар он окончил свое существование и теперь была только одна офицерская рота имени генерала Корнилова, малого состава. Оставалось в славном Корниловском Ударном полку только: шефство генерала Корнилова и традиции полковника Неженцева. Все это, вместе взятое, и самого полковника Кутепова тянуло в свой родной Офицерский полк. Но долг службы в интересах спасения России привел командира Корниловского Ударного полка и его подчиненных к выполнению своего воинского долга в любых условиях, что при возрождении армии породило в сердцах обеих сторон не только чувство глубокого уважения, но и дружбы до конца столь славной жизни генерала Кутепова, впоследствии командующего 1-й армией, в 1931 году похищенного большевиками в Париже.

12 апреля. В 9 часов Корниловский Ударный полк в составе 2-й бригады выступил на станицу Успенскую, куда и прибыл в 18 часов.

13 апреля. Дневка в станице Успенской. Хорошее отношение казаков. В 14 часов приказано отправить один батальон в хутор Ново-локинский, в распоряжение генерала Эрдели. Отправлено две роты 1-го батальона и одна 2-го, всего 160 штыков, под командой капитана Скоблина. Отряд прибыл в хутор к 20 часам. Генерал Эрдели приказал отряду приготовиться к наступлению.

14 апреля. Наступление отложено, и корниловцам приказано вернуться в станицу Успенскую, куда отряд прибыл в 9 часов. В 18 часов отряду приказано снова выступить на хутор Ново-локинский. К 23 часам отряд был на месте. Генерал Эрдели приказал в 2 часа атаковать противника и сбить его с бугров, что у Допятовского хутора. Правее будет действовать конная бригада генерала Эрдели и резерв — пластунский батальон Улагая.

15 апреля. Решено в 3 часа атаковать противника. Пользуясь темнотой, корниловцы подошли к противнику почти на 50 шагов и, несмотря на ураганный ружейный и пулеметный огонь, ворвались в окопы и опрокинули в десять раз превосходивших их численностью красных. Наши потери из 160 человек — 60 человек убитых и раненых. Были ранены полковник Зазулевский, есаул Милеев, штабс-капитан Голубятников²³⁹ и другие. На занятой позиции оставались до 20 часов, а затем, согласно приказу, перешли в станицу Успенскую, где и стали по квартирам.

16 апреля. Отдых отряду. В 14 часов противник повел наступление со стороны Расшеватской. Полк выступил на позицию. До 20 часов корниловцы с Партизанским полком сдерживали наступление красных, и, когда части армии выступили из станицы Успенской, полк в арьергарде двинулся на подводах. Направление неизвестно.

17 апреля. Движение продолжалось целую ночь. На рассвете переход через железную дорогу Новороссийск—Мирская. Неудачные обстрелы бронепоезда. Перейдя железную дорогу, части стали привалом в хуторе Ново-Баклановском, через четыре часа выступили и к вечеру пришли в станицу Плоскую, имея в арьергарде Офицерский полк. За время немногим больше суток армия сделала больше 70 верст, проведя Офицерским полком серьезный бой. Люди и кони были измотаны до крайности, в особенности кавалерия. Станица Плоская оказалась не только первой станицей Кубани, в которую вошла в начале похода Добровольческая армия, она оказалась и последней, из которой армия вышла в конце похода. Произошло завершение полной восьмерки. До нашего санитарного обоза дошли

радостные слухи: будто бы к генералу Деникину прибыла сотня казаков с Дона с просьбой двигаться на Дон и помочь восставшим в борьбе с большевиками.

18 апреля. В 15 часов части Добровольческой армии выступили, имея в авангарде Офицерский полк, и перешли в селение Лежанка (Ставропольской губернии), куда пришли к 23 часам. Лежанка — это место первого большого боя Добровольческой армии в самом начале 1-го Кубанского генерала Корнилова похода с когда-то славной на Кавказском фронте 39-й пехотной дивизией, теперь решившей проливать русскую кровь во славу 3-го Интернационала мирового коммунизма с его диктатурой пролетариата, при поддержке нашего тогда врага, Германии, через своего агента Ленина и компании. Жители Лежанки хорошо запомнили разгром нами 39-й дивизии и за это время, надо полагать, научились делать различие между нами и большевиками; теперь они не знали, чем загладить свою вину перед нами, и потому кормили нас на славу.

19 апреля. Дневка в Лежанке. Радостно было видеть среди раненых старых однополчан-корниловцев в обстановке, сулящей нам успех. Отдыхать полку пришлось не долго, 2-я бригада получила приказ о выступлении с задачей разбить красных, наступающих на Мечетинскую. Общая обстановка была такова: около Новочеркаска восстание казаков успешно расширялось, а южные станицы были скованы войсками красных и местными большевиками. Добровольческая армия, таким образом, должна была играть роль ядра, около которого могли бы объединиться казаки. Но вместе с тем нужно было по-прежнему вести энергичную борьбу с большевиками, не давая им возможности мешать общей организации.

Приказ генералу Богаевскому направлял 2-ю бригаду в тыл, с юго-запада, большевикам, наступавшим на Мечетинскую с запада.

20 апреля. Рано утром корниловцы выступили в составе бригады в направлении на хутор Иловайский, при подходе к которому (около 12 часов) они были встречены противником. Полк развернулся и коротким ударом отбросил красных. В хуторе Иловайском полку был дан привал. Когда противник увидел продвижение нашей бригады во фланг и тыл ему, он спешно отступил на Гуляй-Борисовку. При этом было захвачено несколько пленных, от которых мы узнали, что большевики наступали тремя колоннами, причем когда их командующий узнал, что в Лежанке находится генерал Деникин, то отдал приказ об отступлении, а сам на автомобиле бежал. Вся масса красных, тысячи четыре, рассеялась, и мы не могли их догнать. 2-я бригада остановилась на отдых в маленьком хуторе.

В 20 часов бригада выступила, имея в авангарде Партизанский полк, в направлении на Гуляй-Борисовку.

21 апреля. В 5 часов бригада подходила к Гуляй-Борисовке. Партизанский полк шел прямо, а слободу командир бригады атаковал Корниловским Ударным полком. Большевики, по-видимому, не ожидали нашего наступления. Суматоха поднялась по всей слободе. Из крайних хат началась беспорядочная стрельба. Цепи корниловцев во главе с полковником Кутеповым ворвались в нее, и через несколько минут все было кончено. Мы взяли в плен больше сотни большевиков, много оружия и всякого рода запасов. Наши потери были ничтожны. Генерал Деникин был, видимо, очень доволен действиями 2-й бригады и разрешил ей остаться в Гуляй-Борисовке и встретить здесь Пасху.

Освещение этого дня по моим воспоминаниям: 1500 раненых армейского лазарета, среди которых я был, и все обозы оставались в Лежанке под прикрытием 1-й бригады генерала Маркова. Красные, очевидно, заметили уход 2-й бригады и большими силами повели наступление на село с северо-востока и юго-востока. Лазарет и все обозы решено было после успеха 2-й бригады у Гуляй-Борисовки перебросить в станицу Егорлыцкую. Переброска шла как-то с перерывами, где-то то и дело прорывались красные. Бой, начавшийся с утра, к обеду приблизился к самому селу, были заняты даже кирпичные заводы, и отделение лазарета, где я находился, оказалось отрезанным. Раненые все были на повозках, с винтовками в руках и с тревогой в душе ждали исхода боя. Тревога была и не только за себя — ведь в Лежанке были генерал Алексеев и генерал Деникин. Была Великая суббота, и потому перед Пасхой в 14 часов в церкви шла служба. Наша повозка с лихим кучером, 14-летней дочерью казака станицы Елизаветинской, была около церкви, и я на костылях пробрался на службу. Там я увидел молящихся генерала Алексева и генерала Деникина, и, кроме нас троих, в церкви не было больше ни души. Спокойно и ровно шла служба, как будто ничего особенного вокруг нас не происходило. Минут через десять после моего прихода в церковь быстро вошел офицер, направляется к генералу Деникину и что-то ему докладывает. В ответ генерал Деникин четко произносит: «Начинайте». Я понял, что это значит, вышел из церкви и взобрался на свою повозку, положив около себя винтовку и запас патронов. 1-я бригада перешла в наступление, сбила противника, и наше отделение лазарета стало выезжать по дороге на станицу Егорлыцкую. 1-я бригада за эти два дня потеряла ранеными командира Офицерского полка генерала Боровского и заместившего его полковника Дорошевича и убитыми и ранеными более 150 человек. Командиром

Офицерского полка был назначен полковник Хованский. Наше отделение лазарета продвигалось быстро, и, по-видимому, это и было причиной несчастья с нашей повозкой: на обочине дороги оказалась довольно глубокая яма, наполненная водой, в нее-то и попала наша повозка, и мы все очутились в воде. Двое из нас как-то боролись с болью и холодом, а вот бедняга тяжело раненный просто потерял сознание. Он был одним из тех, кого должны были оставить в Дядьковской. Пока нас уложили, время было уже за полночь.

22 апреля, день Святой Пасхи. Еще не доезжая до церкви, мы увидели море огня от свечей в ней и в округности, пели «Христос воскрес!» Нашу повозку остановили около церкви. Казаки и казачки быстро разгрузили нас двоих, а третьего подняли мертвым, умер он в первый день Великого Праздника, когда поется победный гимн: «Смертию смерть поправ!» Разместили нас хорошо, похристосовались и накормили. Настроение было смешанное, радостное от встречи Праздника Святой Пасхи и избавления от непосредственной угрозы смерти, и в то же время и грустное от смерти доблестного однополчанина.

По записям тех дней, Корниловский Ударный полк встретил день Святой Пасхи в Гуляй-Борисовке в исключительной обстановке радости, бодрости и веры в скорое избавление от проклятого большевизма. Такая вера и лихая удаля могут быть только в строевой части полка, где павшего в бою однополчанина провожают к могиле под траурный марш, а после того, как дали салют в его честь, обратно идут под бравадно-боевой. Армия, как и время, не стоит на месте, она совершенствуется и несет свою жизнь на алтарь спасения Отечества, заменяя павших здоровыми.

Здесь я считаю своим долгом помянуть добрым словом нашего кучера, лихую кубанскую казачку станицы Елизаветинской, которая точно выполнила наказ своего отца и довезла нас до конца. Хочется верить, что она в добром здравии и со своими двумя конями с обратным движением Добровольческой армии благополучно добралась до своего дома.

23 апреля. Дневка в Андреевке. Сообщено об освобождении Новочеркаска.

24 апреля. Подготовка к выступлению.

25 апреля. В 4 часа полк на подводах выступил на Ново-Пашковскую, которая была занята противником. Шедшие в авангарде партизаны выбили его, и бригада на подводах проследовала дальше, на станицу Екатериновскую, куда и подошла к 17 часам. После короткого упорного боя противник был отброшен с большими поте-

рями. Части полка преследовали его до станицы Крыловской, откуда вернулись в Екатериновскую и расположились на ночлег.

26 апреля. Дневка в Екатериновке. Прибыло пополнение незамаевских казаков, сто человек с есаулом Калабушкиным. Наступление противника на Екатериновскую отбивалось Корниловским Ударным и Партизанским полками. Стало известно о целях похода назавтра: наша 2-я бригада будет наступать на станцию Крыловская, 1-я бригада генерала Маркова, в центре, на станцию Сосыку, 3-я конная бригада генерала Эрдели — на станцию Леушковскую. Общая цель: добыть снабжение и вооружение для прибывающего в армию пополнения.

27 апреля. В 6 часов полк в составе своей бригады обходным движением стал наступать на станцию Крыловская, часть же красных шла в это время от станицы Крыловской на станцию Екатериновскую. Командир бригады генерал Богаевский при нашем выходе из Екатериновки ночью оставил на этом направлении один батальон для обороны нашего правого фланга и тыла. Обстановка к рассвету была следующей: Корниловский Ударный полк атакует станцию, Партизанский полк — станцию, часть противника на станции в это время спала в эшелонах, а другая его часть, как сказано выше, завязала перестрелку с нашим батальоном, оставленным перед станцией Екатериновской. Наша артиллерия частью своих орудий открыла огонь по наступающим красным почти с тыла, и они в панике побежали на станцию Кисляковскую. Корниловцы в это время атаковали станцию. Наше появление здесь было для большевиков полной неожиданностью. Вся станция мирно спала, так же как и семь эшелонов красных войск, которые находились в поездах. Еще до восхода солнца бригада развернулась для атаки, и с первыми лучами солнца наша батарея открыла огонь по эшелонам. Трудно себе представить ту невероятную суматоху, которая началась на станции: крики, беспорядочная стрельба, свистки паровозов — все это слилось в невообразимый шум, прерываемый частыми и меткими выстрелами нашей батареи. Снаряды пронизывали насквозь вагоны, из которых в дикой панике, часто в одном белье, с неистовым гвалтом выскакивали большевики и бежали в поле по всем направлениям. Вскоре, однако, три поезда, один за другим, двинулись в направлении на станцию Сосыку. Все они попали в руки бригады генерала Маркова. Остальные четыре поезда двинулись на север, откуда вскоре появился бронепоезд, который начал осыпать нас издали своими снарядами. В этом направлении был двинут Партизанский полк генерала Казановича, бывший в резерве. Значительной частью полка были молодые кубанские казаки, которым пришлось вступить в упорный бой с пехотой красных, наступавшей вместе с бронепоездом. Между тем после корот-

кого боя с большевиками, еще занимавшими станцию Крыловскую, корниловцы захватили ее, взяв богатую добычу, оружие, патроны и два орудия. Когда на станцию приехал генерал Богаевский, там было большое и радостное оживление: подсчитывали добычу, весело делились впечатлениями боя и спешили выпить чаю, которым буфетчик, только что угощавший им большевиков, так же усердно угощал и нас. Однако опомнившиеся большевики решили отобрать станцию и целый день вели упорное наступление со стороны станицы. Раненый генерал Казанович с величайшими усилиями удерживал наступавших, хотя это и было очень трудно, так как молодые казаки под вечер и ночью уже начали уходить поодиночке в свои станицы. Была занята и станица Ново-Михайловская. Проведя на станции очень тревожную ночь, 2-я бригада на другой день отошла обратно к станице Екатериновской, испортив на станции все, что было возможно. Сам генерал Деникин, находившийся в это время со своим штабом в станице Крыловской, едва не погиб от красного снаряда, попавшего в дом, где он жил, и убившего одного из его вестовых. В итоге действий всех трех своих бригад Добровольческая армия хорошо пополнилась боеприпасами.

28 апреля. Наступление противника на станицу Ново-Михайловскую было отбито частями полка. В 18 часов полк в составе бригады выступил на подводах в станицу Мечетинскую. В арьергарде шел Партизанский полк.

29 апреля. В 4 часа достигли хутора Кугосийского, где полк стал на большой привал. В 11 часов выступили в станицу Мечетинскую, куда прибыли в 17 часов и стали по квартирам.

30 апреля. Стоянка в станице Мечетинской. Приведение полка в порядок. Потери полка за этот рейд — около 100 человек убитыми и ранеными.

Через несколько дней в станице Мечетинской состоялся военный совет, на котором был принят план дальнейших действий.

Уже стало определено известно, что в районе Новочеркаска казаки поднялись и стали постепенно очищать от большевиков ближайшие станицы. Антибольшевистское движение все больше и больше охватывало Донскую область, но генерал Деникин не хотел сразу возвращаться к донской столице. Слишком много было еще дел на юге, и потому было решено пока остаться на юге Донской области, что давало возможность надеяться на скорый подъем и на Кубани. Наступило временное затишье. Добровольческая армия приводила себя в порядок и отдыхала после своего тысячеверстного похода, залечивая свои раны. Первый Кубанский генерала Корнилова Ледяной поход был закончен.

Каковы же были жертвы Корниловского Ударного полка за 1-й Кубанский поход?

Численный состав полка перед выходом в поход: с фронта Великой войны полк перебрался в Новочеркасск главным образом одиночным порядком в количестве 500 человек со своими 32 пулеметами и хозяйственной частью, прибывшей отдельным эшелоном. С переходом полка в ростовские казармы у него появляется офицерская рота в 128 человек, с которой капитан Скоблин впервые появляется от полка, с четырьмя пулеметами, у станции Хопры. Через несколько дней его сменяет солдатская рота капитана Зарембы в составе 120 штыков. В станице Ольгинской с полком соединяется партизанский чисто офицерский батальон имени генерала Корнилова 4-ротного состава, в 500 штыков, под командой полковника Симановского.

Итак, с выступлением в 1-й Кубанский генерала Корнилова поход Корниловский Ударный полк имел: своих 1120 человек плюс в станице Ольгинской в его ряды передана Георгиевская рота полковника Кириенко в составе 100 человек. Всего — 1220 человек. Из привезенных своих 32 пулеметов ему пришлось передать в другие части, поэтому в начале похода у него в пулеметной роте было около 14 действующих пулеметов и какой-то резерв, который не раз передавался марковцам. Немало полк передал из своего обоза в другие части обмундирования, винтовок и боеприпасов.

Потери полка за поход убитыми и ранеными:

10 человек 21 февраля 1918 года — село Лежанка,
 6 человек 1 марта — станица Березанская,
 10 человек 2 марта — станция Выселки,
 7 человек 3 марта — второй бой там же,
 150 человек 4 марта — станица Кореновская,
 35 человек 6 марта — станица Усть-Лабинская,
 17 человек 7 марта — атака 3-й роты,
 11 человек 9 марта — Царский Дар,
 200 человек 10 марта — переход через реку Белую,
 25 человек 15 марта — станица Ново-Дмитриевская,
 9 человек 18 марта — там же,
 1583 человека — операция за Екатеринодар,
 60 человек 15 апреля — хутор Допятовский,
 6 человек 21 апреля — село Гуляй-Борисовка,
 50 человек 27 апреля — рейд на станцию Крыловскую,
 50 человек — бои до 30 апреля.
 В с е г о — 2229 человек.

И это без указания потерь 2-го батальона полка по охране моста у станицы Усть-Лабинской, где красные ночью атакой отбросили его, и он с большим трудом смог восстановить положение. Пополнение в походе полк получил: офицеры, освобожденные из тюрьмы в станице Усть-Лабинской, юнкера Константиновского военного училища, 650 казаков в станице Елизаветинской из Кубанской армии и добровольцы. Таким образом, мы видим, что Корниловский Ударный полк только за 1-й поход убитыми и ранеными потерял двойное число своего первоначального состава. Такая жертва полка в борьбе за честь и достоинство национальной России против диктатуры интернационала агента Германии Ленина полностью является доказательством его верности заветам своего вождя и шефа полка генерала Лавра Георгиевича Корнилова, павшего смертью храбрых в этом же походе вместе с доблестным нашим командиром полка Генерального штаба полковником Неженцевым, Митрофаном Осиповичем. Вечная слава и вечный покой павшим в 1-м Кубанском генерала Корнилова походе за честь национальной России.

*Н. Басов*²⁴⁰

ВОСПОМИНАНИЯ О 1-М КУБАНСКОМ ПОХОДЕ²⁴¹

Кореновская

Март месяц 1918 года. Выдался на редкость хороший день. Прямо весна, хотя до настоящей весны еще далеко. После ночного отдыха в хуторе Журавском чувствуешь себя бодрей, отдохнул после похода, а главное — выпался. Не надо было вставать, когда на дворе еще темно, и куда-то мчаться. Рота строится с шутками, отпускаются остроты, лица у всех веселые.

— Николай! Ты не забыл свой большой кинжал? А то Виктор беспокоится, что на привалах ему нечем будет резать хлеб и сало, — острит по моему адресу балагур Назаркин.

Дело в том, что по занятии нами села Лежанка я из склада, оставленного красными, взял пулеметный тесак. Надо сознаться, что при моем маленьком росте пулеметный тесак на ремне у живота придавал карикатурный вид моей воинственной фигуре. Этот тесак был причиной многочисленных добродушных шуток и острот по моему адресу. Под Кореновской я с ним расстался, остались только ножны от него.

Утром мы вышли из Журавской по направлению к станице Кореновской.

Мы уже знали, что красные сосредоточили там большие силы и руководит ими тот же Сорокин, которого мы разбили двумя днями раньше под Выселками. Не помню, как долго мы шли, думаю — верст 6 или 7 уже прошли. Местность холмистая, станицы еще не видно, да фактически я не имел никакого представления, как она далеко. На одном из скатов холма, не доходя до гребня, мы остановились. Была отдана команда рассыпаться в цепь. Было сказано, что мы находимся в резерве, что наша цепь вторая, а где-то впереди нас находится первая цепь. Я расположился рядом со своим взводным офицером прапорщиком Капрановым, так как во взводе я исполнял функции связиста. Гоняли меня куда надо и не надо, только и было слышно: «Николай! Где Николай? Куда он исчез?» Поэтому я старался в бою ударить от своего взводного офицера, ибо в цепи чувствовал себя свободней. Правда, доставалось мне за это, и не раз.

Только что мы залегли, как командир 3-го взвода поручик Евдотьев²⁴² и командир 2-го взвода поручик Мясч²⁴³ подошли к прапорщику Капранову и образовали небольшую, но довольно-таки веселую компанию. Думаю, привлекал их не так прапорщик Капранов, как его невеста, красивая барышня, бывшая гимназистка одной из ростовских гимназий. Не помню ее имени. Впоследствии оба погибли в бою под Усть-Лабинской — во втором бою. Я называю вторым тот бой, когда мы хотели вторично занять переправу через реку Лабу и для этой операции вышла сперва наша 6-я рота, а потом и весь 2-й батальон из станицы Некрасовской.

Во время разговора веселых молодых наших взводных офицеров невеста прапорщика Капранова предложила им закусить, сказав, что для этого у нее есть жареная курица, которой ее наделила хозяйка, у которой она стояла на квартире. Не дожидаясь согласия, она развязала свой вещевой мешок и вынула аппетитно зажаренную курицу. Поручик Мясч, принимая кусок курицы, заметил, что лучше было бы перед боем не набивать себе желудок на случай ранения в живот и что легче переносить рану с пустым желудком, чем с полным. Но его словам никто не придал никакого значения, и даже сам он с большим аппетитом уничтожил свой кусок курицы.

Я же решил, что, поскольку мы во второй цепи, мне, как связисту, делать здесь нечего, и пошел подыскивать себе удобное место в цепи и погреться на солнышке. Выбрал себе место, лег на спину и незаметно для самого себя заснул. Как долго спал, не знаю, но разбудил меня окрик:

— Николай! Вставай! Цепь поднялась!

Открыв глаза, сперва я ничего не мог понять — в чем дело? Сплошной свист пуль. Только поднялся, как моему соседу справа — Николаевскому — пуля угодила в живот. Бедняга упал, скорчившись от боли. На моем поясе болтаются только ножны от тесака, а сам тесак исчез: по-видимому, кто-то его вынул во время моего сна, ради ли шутки или для того, чтобы окопаться, не знаю.

— Цепь вперед! — пошло по цепи.

На ходу снял ножны от тесака с ремня и выбросил. Под градом пуль невидимого еще противника цепь двинулась вперед. Вот тебе, думаю, и вторая цепь! А где же первая? Ведь не могла же она так отступить, чтобы мы ее не заметили. Не доходя гребня, влево от нас увидел, как наша батарея снимается, и довольно поспешно. Сосед слева от меня сказал, что батарея попала в вилку и меняет позицию.

«Что за вилка? — думаю я. — Что за чушь сосед мне мелет?» Решил, что он просто смеется надо мной. Впоследствии мне объяснили, что значит вилка на языке артиллеристов, и только тогда для меня стал понятен поспешный уход нашей батареи.

Противника не видно из-за гребня, но чувствуется, судя по звуку выстрелов, что он недалеко. Я был в полной уверенности, что впереди нас наша первая цепь. Выйдя на гребень, мы, что называется, уперлись в густую цепь красных. Здесь совершенно стало непонятным для меня, где же первая цепь, по ком же стреляли красные?

— Вперед! В атаку! Ура! — пробежало по цепи, и с мощным криком «Ура» мы ринулись на красных. Такого натиска красные не ожидали и стали быстро отступать, но яростно отстреливались. Мы же попали под ожесточенный, сосредоточенный и меткий огонь их батарей.

Черные столбы дыма с землей вздымались вверх, унося с собой или калеча кого-либо в цепи. Низко стлались белые облачка шрапнелей. Несмотря даже на это, мой сосед справа передает:

— Передай по цепи — поручик Мяч поймал пулю.

Что за дикая шутка, думаю, в данный момент, но передаю дальше. Позже оказалось, что, выйдя на гребень, поручик Мяч нашел чайник — небольшой эмалированный — и нацепил его на пояс перед животом. Откуда взялся этот чайник, неизвестно, но я предполагаю, что его бросил один из красноармейцев при спешном отступлении. Не пробежал поручик Мяч и десяти шагов, как пуля угодила в чайник. Пробила первую стенку, оскользнулась о другую стенку и закружилась внутри чайника. Поручик Мяч остановился, открыл крышку,

взял пулю, положил в карман, а чайник снял с пояса и бросил. Отсюда-то и пошла шутка по цепи, что поручик Мяч ловит пули.

Чем ближе мы подходили к станице, тем все интенсивней становился артиллерийский обстрел. Все небо покрылось белыми облачками. Казалось, что противник все батареи пустил в действие исключительно по нашей цепи. Шрапнельные снаряды рвались на небольшой высоте почти над головой. Я видел, как стакан одной из таких разорвавшихся шрапнелей, вертясь и шурша, ударился о землю и рикошетом опять поднялся в воздух, повторив такую зигзагообразную комбинацию три или четыре раза, при каждом разе делая полет над землей все ниже и ниже.

— Господин поручик! Нагнитесь! — закричали в цепи. — Стакан от шрапнели!

В последнюю минуту поручик Мяч нагнул голову, и над ней просвистел стакан. Эти два случая с поручиком Мячом дали повод добродушной шутке в роте. «Кому-кому, а поручику Мячу нечего бояться, его ни пули, ни снаряды не берут. Пули на лету хватает, а снаряды головой отбивает», — шутили в роте.

Не доходя до станицы, мы залегли, и я был доволен этим, ибо чувствовал себя усталым. Началась перестрелка. Красные, видно подкрепленные резервами, поднялись и пошли в наступление. Это двигалась сплошная черная масса. Мы прекратили огонь. У меня закралось сомнение, удастся ли нам остановить эту лавину.

— Без команды не стрелять! — пошло по цепи.

Противник идет медленно, видимо, уверен в своих силах, цепь ровная, не слишком густая. Все ближе и ближе приближается к нам, уже отчетливо видно каждую фигурку. Даже слышен крик, но что кричат — разобрать нельзя, наверно ругались. Нервы напряжены до предела. Застрочит наш пулемет очередями вправо, ему отзывается левее меня другой. Заработали наши пулеметы. Я впился глазами в цепь противника. По-видимому, огонь наших пулеметов меток, видно, как падают фигурки. Они почему-то стали сходиться и образовывать отдельные группы. Ход их замедлился, но все же идут вперед.

— Встать! Огонь залпами — повзводно!

Раздаются дружные залпы. В этот момент наша спасительница, наша батарея, открыла огонь по неприятельской цепи. Белые облака показались над их цепью. Своим метким огнем она, что называется, рвала их цепь. Красные не выдержали, сперва замялись, а потом остановились. Мы же перешли в контратаку и дошли до окраины станицы, а потом залегли.

Вдруг из одной из улиц вышли старик и старуха. Старик держал в руке ведро, а старуха целую связку деревянных ложек. Они, пригибаясь, двинулись по цепи, предлагая горячий борщ:

— Родимые, борщок! — И старуха совала ложки.

Красные, залегшие за рекой, увидев маячащие фигуры, участили стрельбу. Не знаю, чем бы это кончилось, но появился командир роты капитан Петров и приказал старику и старухе немедленно убраться из цепи. Я же со своим другом Н. Петровым решил попытать счастья в одной из хат на окраине станицы — достать что-нибудь поесть. Выбрали мы с ним третью хату, более богатую на вид, чем другие. Войдя в нее, мы никого в ней не нашли. Мы открыли двери во вторую комнату. Эта комната представляла собою спальню. На кровати лежал солдат. Правая рука его покоилась на груди, а весь правый бок гимнастерки залит кровью. Не успели мы прийти в себя от этой картины, как он спрашивает:

— Товарищи! А где наши?

Было ясно, что перед нами был раненый красноармеец. Первым пришел в себя мой друг:

— А ну, вставай! Выходи!

Он, видимо, понял свою оплошность и злобно посмотрел на нас.

— «Товарищи! Товарищи!» Выходи, сволочь!

Он медленно встал, по лицу было видно, что ему это дается с трудом, и так же медленно ползая к выходу, держа согнутую руку на груди. Когда мы вышли вместе с ним, мы не знали, что с ним делать.

— Знаешь что, отведем его в роту, а там пускай с ним делают что хотят, — сказал я своему другу.

Привели мы его к прапорщику Капанову, рассказали ему, где и как мы его нашли. При опросе он оказался солдатом одного из полков 39-й пехотной дивизии с Турецкого фронта, был ранен в плечо в этом бою. Интересно отметить, что до самой станицы я не видел ни убитых, ни раненых красных, оставленных своими при отступлении. Они подбирали своих убитых и раненых, брошенных на поле боя.

Прапорщик Капанов хотел сам произвести экзекуцию над ним — зарубить. Я сперва сомневался, что он может зарубить человека своей пехотной шашкой. Но он взялся за эфес и, не подоспей командир роты, наверное, исполнил бы свое намерение. Под Усть-Лабинской в первом бою мне пришлось быть свидетелем, как он хотел зарубить одного красного солдата, оставшегося в окопе и не отступившего со своими. Солдат этот был уже в годах, зарубить его ему не удалось, и он пристрелил его из револьвера. Впечатление от этой экзекуции у меня осталось самое кошмарное.

Командир роты отдал приказ снарядить двух конвоиров и отправить раненного в плечо пленного в штаб полка. Откуда-то здесь появились два солдата из 7-й роты (персы). Им отдали пленного для сопровождения в штаб полка. Пленного они до штаба не довели, а расстреляли чуть ли не за первой хатой. Свой поступок они объяснили тем, что он собирался бежать. Сомневаюсь, чтобы это соответствовало действительности. И лично искренне пожалел его. Возможно, его участь в штабе полка была бы та же самая. Ведь пленных мы не брали.

Думать и рассуждать было некогда. Была подана команда:

— Цепь, встать! Вперед!

Забылось все — и пленный, и мои рассуждения. Внимание мое привлек впереди меня паршивый деревянный мост через какую-то маленькую речушку. На другой стороне этой речушки залегли красные. С этих позиций мы их выбили легко. Подошли к мосту. Мост оказался старенький и довольно низко сидит над водой. На мосту лежат два убитых и один тяжело раненный красноармеец. Прохожу мимо раненого и вижу револьвер системы «Бульдог», такой же старый, как и сам его хозяин. По одежде видно, что он не солдат, скорее похож на крестьянина. Невольно думаю: «Что заставило тебя идти против нас?» За мной идет Иван Д-к, старый солдат, отбыл всю войну на германском фронте и один из первых вступил в Ударный батальон. Он остановился возле раненого, пихнул его ногой, снял винтовку с плеча и пристрелил его.

Перешли мост и почти под прямым углом повернули вправо. Ни стрельбы, ни воя пуль, ни разрывов снарядов; впечатление, что бой уже закончен. Иду по железнодорожному пути и вижу: станция Станичная. Странно, почему это так? Станица Кореновская, а железнодорожная станция Станичная. Ведь обычно станция носит название населенного пункта; а здесь, видно, исключение.

Кругом грязь, какие-то бумаги, тряпки, ящик и цинки из-под патронов, пустые гильзы. Стоят составы вагонов, а что в них — неизвестно. Прохожу около классного вагона, на его передней площадке лежит убитый, а возле него возятся два наших солдата, но не нашей роты. Любопытство берет верх. Поднимаюсь на вторую ступеньку. Убитый, видно, из начальников, в хорошем обмундировании и в отличных хромовых сапогах. Один сапог уже с ноги снят и валяется здесь же, а над другим возятся двое и стараются его снять. Один из них стоит ногой на коленной чашечке убитого, а другой старается снять сапог. Операция, видимо, нелегкая, у снимающего лицо все мокрое от пота. На меня никакого внимания они не обратили, как

будто бы меня и нет. Я хотел дождаться результата всей этой процедуры, но, боясь отстать от цепи, прыгнул с площадки и быстрым шагом стал догонять свою часть.

Выйдя из станции, мы вышли в открытое поле. Местность медленно поднималась вверх, идти уже было труднее, вдобавок и поле вспаханное. Вдали почти на переломе местности видны окопы. Идем медленно, чувствуется усталость и голод. День клонится уже к концу. Красные близко подпустили нас к своим окопам и встретили ураганным ружейным и пулеметным огнем. Цепь без всякой команды залегла. Чтобы заставить себя встать, надо было проявить большое усилие воли над самим собой. Не успели залечь, как уже слышно по цепи:

— Кто отдал команду «стой»? Встать! Встать, вперед! Вперед! — идет из уст в уста.

Стали подниматься, ускорили шаг. Вправо послышалось глухое «Ура!», которое быстро приближается к нам. Уже гремит «Ура!» по всей цепи. Даже крик не смог заглушить трескотню выстрелов и жужжание пуль. На бруствере окопа стали появляться одинокие фигуры, а потом появилась вся их масса. У меня создалось впечатление, что они ждут нас. В действительности получилось обратное. Они обратились в паническое бегство.

Я так устал от бега, что решил остановиться и с колена начал стрелять по убегающему противнику. Но видно, что моя стрельба была безрезультатна. Пуля первого выстрела зарылась в землю недалеко от меня. Выпустил еще четыре патрона и уже старался целиться как следует. После встал и поплелся в окоп. Но каково же было мое удивление, когда я увидел, что окопы были вырыты для встречи противника с противоположной стороны, а не с той, откуда наступали мы. Окопы были глубиной в подроста, но благодаря тому, что брустверы окопов были насыпаны в ту сторону, где теперь были красные, они полностью укрывали стрелка. На дне окопа были рассыпаны патроны, много пустых гильз и валялся кавалерийский русский карабин, а недалеко от карабина — ящик от патронов, наполненный сливочным маслом. Я был весьма рад находке карабина. Давнишняя моя мечта иметь карабин исполнилась, но оказалось, что карабин-то мексиканский. Не нравился он мне: во-первых — ограниченное количество патронов; во-вторых — на его затворе была крышка, вроде затворной накладки, и в ее пазах легко накапливалась грязь и пыль, и благодаря этому при стрельбе приходилось применять силу для открытия и закрытия затвора.

Долго блаженствовать в окопе с моим трофеем не пришлось, так как бронепоезд красных вошел нам во фланг и открыл огонь из всех пуле-

метов вдоль окопов. Думаю, что буду прав, если скажу, что мы стали не отступать из окопов, а просто получилось беспорядочное бегство — кто кого обгонит. Полному бегству препятствовало вспаханное поле. Вижу, с каким трудом пулеметчики тянули «максим» по вспаханному полю.

— Эй, стой! Куда бежать?! — раздалась команда ротного командира и наших взводных офицеров 6-й роты. — Назад в окопы!

И мы тем же быстрым темпом благополучно вернулись с «максимом» в окопы.

Не успели отдышаться, как слева передают:

— Передай: ваш левый фланг обходит противник.

На левом фланге была 7-я рота. День кончился, были уже полусумерки, и мне почему-то казалось, что бой закончен. Но было получено приказание: 3-му и 4-му взводам нашей роты передвинуться на левый фланг.

«Какой там дьявол нас обходит?» — иду и бурчу себе под нос от злости, что не дали нам отдохнуть. Не суждено нам было добраться до левого фланга. Красные перешли в наступление. Подпустили мы их на близкое расстояние и встретили таким сосредоточенным и метким огнем, что их наступление захлебнулось. Мы же перешли в контратаку, и здесь я убедился в силе нашего огня. По всему полю лежали раненые и убитые, разбросанные шинели, полусшубки, папахи, винтовки, — в общем все то, что препятствовало бегству. Преследовали мы их до полной темноты. Затем получили приказание стягиваться к полотну железной дороги. Не было ни шуток, ни разговоров, каждый шел понуря голову, со своими тяжелыми думами. Поздно вечером мы вошли в Кореновскую.

Почти на самой ее окраине наша 6-я рота, пулеметчики и 7-я рота расположились в клубе «Общества приказчиков». Название мне почему-то показалось странным. Не мог я потом выяснить, действительно ли это был клуб приказчиков или кто-либо подшутил, назвав его так. Во всяком случае, это было хорошо обставленное помещение с большим залом и сценой и разными другими комнатами. В бильярдной комнате один из бильярдов был занят любителями бильярдной игры, и на нем катали шары. Второй бильярд был занят пулеметчиками, которые, привинтив к нему свои машинки для набивки лент, набивали их патронами. Наша 6-я рота заняла большую залу, а я с другом забрался в комнату наподобие гостиной. Правда, все места, где можно было лечь, уже оказались заняты. Пришлось из стульев смастерить себе постель, и, забравшись на свое незавидное ложе, положив под головы папахи, заснули мы сном праведников.

Бой кончен. Кореновская у нас в руках.

Усть-Лабинская

После ночного перехода из станицы Кореновской подошли к станице Усть-Лабинской. Не помню точно, но кажется мне, что наш полк находился в главных силах. Вышли из колонны обоза и не останавливаясь двинулись вперед.

На подступах к станице бой уже завязался. Мы вышли в открытую местность и, малым полуоборотом вправо, рассыпались в цепь. Ночной переход дает себя чувствовать, идем медленно. Станица осталась слева от нас, и там, видно, дело серьезное, судя по артиллерийскому и ружейному огню.

Не доходя до станицы, мы были встречены ружейным огнем, беспорядочным и редким. Сразу чувствовалось, что залегший противник не был серьезный. Продвигаясь вперед без всякого выстрела, мы подошли к брошенным ими окопам. Это были просто-напросто вырытые ямы разной глубины для одного человека каждая.

Вошли мы в станицу, на улицах никого, станица словно вымерла. Кругом тишина, даже жуть берет, только редкий сухой треск ружейного выстрела нарушает это жуткое безмолвие. Цепь наша как-то расстроилась, мы — пять человек со взводным — попали в одну из улиц и двинулись по ней. Идем наугад, куда — и сами не знаем, ибо никто из нас не имел ни малейшего представления об этой станице. Судя по постройкам и улицам, видно, что станица большая. Идем, что называется, ощупью, медленно, часто останавливаемся и осматриваемся кругом. Напряжение — нервное.

Спускаемся вниз по улице. Вдруг навстречу нам идут два человека, откуда они вынырнули — Бог их знает. Увидав нас, нисколько, видно, этим не смущились, идут тем же шагом. Поравнявшись с нами, снимают папахи и низко-низко кланяются. Это были два старика кубанца, местные жители. Чувствуем себя как-то неловко. Обыкновенно у нас в станице мы, молодежь, первые кланялись и давали дорогу старикам, но никак не старики нам. Взводный их останавливает и начинает расспрашивать о положении в станице. Они охотно отвечают и объясняют ему, где красные, где мост, где тюрьма. Красных в станице нет, часть их подалась на станцию, а часть ушла за реку; говорили о какой-то тюрьме, от которой мы находимся не так далеко, что она тоже брошена — постов нет. Объяснили, как легче и быстрее попасть на мост.

Поблагодарив стариков, мы пошли веселей и более уверенно. Шли мы довольно долго и вдруг заметили на улице маячащие фигуры с винтовками. Остановились и попрятались — кто во двор, кто в подворотню — и стали наблюдать.

— Да это наши! — кричит взводный.

Действительно, это оказались офицеры из офицерской роты. Пошли к ним, и взводный стал их расспрашивать о ситуации. Видно, они знали о ней столько же, сколько и мы. Он объяснил им, как легче и скорее добраться до моста, и мы влились в их цепь.

Прошли мы с ними немного, наш взводный, видно, раздумал и отдал распоряжение нам остановиться и дожидаться роты. Недалеко от нас, где мы остановились, почти на углу улицы была какая-то лавка. Из нее вышел какой-то человек и стал что-то раздавать проходящим офицерам. Я немедленно направил свои стопы к лавке. Хозяин ее уже был внутри, и там было трое офицеров. Каждому из них он дал по четвертушке табаку, бумаги и спички, но предлагаемых денег не брал.

— Лучше услужить своим, чем красным, — говорил он. — Все равно завтра они вернутся и все разграбят.

Дошла очередь и до меня. Я попросил его тоже дать мне табаку, бумаги и спичек. Он весело взглянул на меня, улыбнулся и дал просимое. Я поблагодарил его и направился к двери.

— Эй, малый! Стой! — Я обернулся. — На, возьми еще одну, с кем-нибудь поделишься, — сказал он, протягивая мне еще четвертушку табаку.

— За эту уж разрешите заплатить! — И я полез в карман за деньгами.

— Деньги не беру! Кури на здоровье!

Лавка стала наполняться людьми. Поблагодарив его еще раз, я довольный вышел на улицу. Конечно, я ни с кем не поделился, но щедро угощал табаком.

День подходил к концу, соединились мы с ротой, стали делиться своими впечатлениями, кто куда забрел и что видел. На ночлег мы расположились недалеко от моста, было отдано приказание не раздеваться и быть готовыми в любую минуту к выступлению.

Спал я препаршиво, вернее, вовсе не спал. Во-первых, лежали мы вповалку на полу на разбросанной соломе, было тесно, одолевали вши, но больше всего блохи. Они совершенно не давали сомкнуть глаз. Откуда их была такая уйма, не могу себе представить. Я даже был рад, когда нас подняли и мы стали выходить на улицу и строиться.

Было темно, свежий прохладный воздух бодрил, вши присмирели, блохи разбежались, но не все, некоторые еще давали о себе знать.

— Шагом марш! — раздается негромкая команда. — Передай! Не курить!

Колонна медленно зашагала во тьме.

— Митрофан! Ты не знаешь, куда мы идем? — спрашиваю Назаркина.

— В какую-то Некрасовскую.

— Далеко она?

— Ну, это, дорогой, пока японскому командованию неизвестно, — острит он.

Перешли мост и вышли в степь. Прошли уже изрядно, остановились на привале, разрешили курить. Здесь только спохватились, что недостает двух офицеров — поручика Равинского и прапорщика Крановского. Оказалось, что в Усть-Лабинской они остановились отдельно в одной из хат недалеко от того места, где расположилась рота, испросивши разрешение командира 2-го батальона полковника Мухина. Не помню, чтобы было что-нибудь предпринято для их освобождения. Как-то быстро примирились с совершившимся фактом. Правда, высказывали предположение, что они все равно оттуда вырвутся, потому что не все наши части еще вышли из станицы. Предположение, конечно, не оправдалось. Поручик Равинский и прапорщик Крановский остались в Усть-Лабинской, об их дальнейшей участи я ничего не слышал. Удалось ли им вовремя скрыться и уйти или они попали в лапы красных? (Впоследствии, во 2-м походе, удалось навести о них в станице точную справку. Зайдя в хату неказака, они остались отдохнуть и заснули, а наутро хозяин хаты выдал их красным, которые их расстреляли. — Н.Б.)

Ночью мы пришли в Некрасовскую. Встретили нас квартиреры:

— Четвертый! Сюда!

Идти до нашего расположения пришлось недолго. Наконец-то мы в хате. Нас, видно, уже ждали: на полу была постлана солома, покрытая брезентом, четыре большие пуховые подушки и для каждого кожух на бараньем меху. От предлагаемой еды мы отказались — не в силу того, что были сыты, а просто считали неудобным беспокоить хозяев ночью, — завалились спать.

На другой день я пошел побродить по станице. Вышел на площадь, смотрю — церковь открыта. Я направился в нее. Войдя, я увидел стоящий посреди церкви гроб и группу офицеров около него. Гроб фактически не был и похож на гроб — просто наскоро сбитый ящик. Покойника не видно — ящик заколочен. Я попал как раз к отпеванию. Из алтаря вышел священник и начал панихиду: «Благословен еси Господи». Хор составила эта же группа офицеров, стоящая у гроба. У некоторых из них, видно, бритва давно не прикасалась к лицу, взор глаз грустный и вид утомленный. Вот и «Со святыми упокой» тихо и печально несется в полупустой церкви.

Последняя «Вечная память»... Опустился на колени, а в голову лезет евангельское изречение: «Больше сия любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя...»

Кончилась панихида, офицеры подняли гроб на плечи и двинулись к выходу. На улице присоединились еще офицеры, у некоторых из них за плечами были винтовки. Под печальное песнопение и под звуки рвущихся высоко в небе шрапнелей процессия двинулась на кладбище...

Пройдя немного, я повернул к себе домой. Шел я и вспоминал другие похороны, у себя в родном городе, когда хоронили павших партизан, убитых на северных подступах к столице Дона. Обыкновенно эта печальная процессия состояла из трех или четырех катафалков, за ними шли родные и оплакивали рано ушедшего из жизни сына. За процессией шел духовой оркестр и взвод казаков, который при опускании гроба в могилу давал три залпа в воздух — последнее прощай. Здесь же ни катафалка, ни оркестра, а просто из грубых досок наскоро сколоченный ящик. Ни родных, ни близких — некому было оплакивать дорогого и любимого человека. По всей вероятности, никогда и не узнают даже, где и как погиб и где похоронен. Никто и никогда не придет на осиротевшую могилку навестить ее и излить в слезах свое горе...

Эти похороны при необыкновенной обстановке произвели на меня большое впечатление. Даже теперь, по истечении более сорока лет, передо мною, как на экране, воскресает вся картина с ее малейшими подробностями. Высоко в небе белые облачка от разрывов, внизу, за гробом, группа офицеров в сбитых сапогах, поношенных шинелях, с понуренными, грустными и печальными лицами. Идут похороны — которые трудно даже определить, по какому разряду.

Прожили мы мирно и беззаботно и без всяких волнений всего только один день. Вечером пришел приказ быть готовыми к выступлению. Я рано завалился спать, в надежде выспаться до выступления. Подняли нас, наверное, часов в десять, а может, и позже, не помню.

Выхожу сонный, идти нет никакого желания, но надо. Что за ерунда! Почему только наша рота и никого вокруг? Сразу бросается в глаза и берет недоумение. А где же остальные роты?! Ларчик, оказывается, открывался просто. Наша рота получила боевое задание — занять переправу в Усть-Лабинской, то есть мост, и взорвать его, дабы не дать красным возможности преследовать нас. Идем мы не одни, а с нами идет также подрывная команда. Признаться, я лично не видел этой подрывной команды ни по дороге туда, ни обратно.

По выходе из станицы взяли сразу быстрый темп. Иду и про себя ругаюсь: и куда, спрашивается, спешить? Как будто нормальным ша-

гом не дойдем, тем более что до Усть-Лабинской недалеко — всего верст семь-восемь. Иду, клюю носом, спать хочется. Стал отставать.

— Николай! Ты чего отстаешь? — говорит Назаркин.

— А ты куда спешишь? Что, Усть-Лабинской не видал? Все равно ничего не увидишь, темно, — огрызаюсь я.

— Да я лично ничего, для меня совершенно безразлично, да вот Виктор хнычет, идти боится. Говорит, связи с красными нет, а связь, вместо того чтобы идти впереди роты, где-то болтается за ротой.

Во взводе раздается смех.

Наконец, видно у цели, рота остановилась. Показались какие-то конные и о чем-то разговаривают с офицерами. Отделилась маленькая группа людей и скрылась в темноте в сопровождении конных. Нам разрешили сесть, но не шуметь и не курить. Я сел и задремал. Вдруг в ночной тишине гулко раздалась выстрелы. Я вздрогнул.

— Встать! Встать! — раздается тихо команда.

Поднялся, послышалось еще несколько выстрелов — и мертвая тишина. Стоим, чего-то ждем. Простояли мы в ожидании чего-то довольно долго. Наконец рота двинулась. Смотрю — поворачиваем назад. Берет недоумение — почему назад? По дороге мы узнали, что конные — это была кавалерийская застава из отряда полковника Корнилова. Они сообщили, что пропуск у красных — «замок» и что с этим пропуском можно смело идти на мост. На другой стороне моста находится застава красных. Наша небольшая группа смельчаков захватила мост и расправилась с их заставой. Но подрывная команда, слышав выстрелы, удрала. Поэтому мы так долго и стояли — в надежде, что она вернется. Она не вернулась, а нам без нее делать было нечего, поэтому мы идем в Некрасовскую. В оправдание тому, что идем назад, мы успокаивали себя мыслью, что мы возложенное на нас задание выполнили, да вот подрывная команда подкачала.

Вошли в Некрасовскую на рассвете. Я мечтал, что вернусь в старую хату и завалюсь спать. Но мечты только остались мечтами. Остановились мы на окраине станицы и стали чего-то ждать. Стали поговаривать, что мы своего задания не выполнили, что ждем других рот и теперь пойдем целым батальоном. Действительно, показалась колонна, прошла мимо нас, мы пристроились к ней и двинулись по знакомой уже дороге в Усть-Лабинскую.

— А все, братцы, Николай виноват. Не держал связи с красными, поэтому так и получилось. Кабы шел впереди роты, а не болтался сзади, то вместо того, чтобы идти назад, сидели бы мы сейчас в хатах и яичницу бы ели, — острит тот же Назаркин.

— Иди, иди, леший, подожди, они покажут тебе сегодня такую связь и яичницу, что ты долго будешь помнить.

Станица Некрасовская расположена на возвышенности, и дорога на Усть-Лабинскую медленно понижается почти до самой станицы. Еще далеко, до реки, противник заметил наше движение. Высоко в небе показались облачка от разрывов. Раздается команда:

— В цепь! Передай! Николай к поручику Евдотьеву для связи!

Поручик Евдотьев — молодой офицер, весельчак, вечно подтянутый, в прекрасно подогнанном обмундировании, с претензией на шик. Каким я его увидел впервые в Таганрогских казармах в городе Ростове, таким он остался и в походе. Храбрый, хладнокровный в бою и беспощадный к врагу. Припоминается мне случай под Лежанкой, когда мы входили в нее, обхватывая ее справа. Перейдя какую-то маленькую речушку, мы подошли к ветряной мельнице, на которой у них стоял пулемет. Подойдя к мельнице, я увидел кучу людей, лежавших в разных позах один на другом. Создавалось впечатление, что это убитые, которые находились на мельнице и при своем бегстве оттуда далеко не убежали. Мы остановились, обхватив эту кучу полукольцом. Поручик Евдотьев наугад ударил одного из лежавших прикладом. Какое же было удивление, когда этот мертвец вскочил на ноги и закричал:

— Товарищ, товарищ!

— А! Товарищ! — Раздался выстрел, и он мертвым упал на землю.

Он был еще совершенно молодой парень. Это был не единичный случай. Оказалось, что вместе с убитыми были просто-напросто притворившиеся убитыми.

Поручик Евдотьев обладал неплохим голосом и был вечным запевалой в роте. За плечом у него была не винтовка, как у всех офицеров в роте, а мексиканский карабин. Попав в пределы Кубанской области, он сразу преобразился. На нем был уже бешмет и черкеска с вшитыми наглухо погонами поручика. Талия его была перетянута кавказским пояском с хорошим набором ручной работы, у него был не менее хороший кинжал, кавказская шашка и хорошо сидящая на голове низкая каракулевая папаха. Если кто его не знал, никогда не сказал бы, что этот лихой казачий сотник в действительности — пехотинец. Под Филипповскими хуторами он был тяжело ранен в голову и, не приходя в себя, скоро скончался.

Вот к нему я и шел для связи.

Третий взвод, полуоборотом вправо от дороги, большим веером с большими интервалами рассыпается в цепь. Чем ближе мы приближаемся к реке, тем интенсивнее становится артиллерийский об-

стрел. Стали посвистывать гранаты, при разрыве поднимая черный столб земли. Рвутся далеко за нашей цепью, не причиняя нам никакого вреда. Вот мы подошли к какому-то леску, довольно редкому, с тонкими стволами деревьев. Вправо какие-то хатки, за ними видны какие-то большие сараи. Мы попали уже в сферу ружейного огня, с характерным посвистыванием пуль. Вошли в лесок; свиста пуль почти не слышно, но все время раздается какое-то щелканье над головой, как будто что-то лопается. Мне объяснили, что это разрывные пули щелкают в воздухе, ударяясь о ветки. Прошли лесок, на опушке большие сушильни для кирпича. Оказывается, мы вышли в расположение кирпичного завода. Пройдя сушилки, вышли на открытую небольшую поляну, которая заканчивалась полуобрывистым берегом к реке.

Наш берег был выше берега противника. На другой стороне, вдоль берега, были насыпаны холмики — противник окопался. На нашем берегу были сложены большие штабеля готового кирпича. Они не были одинаковой величины; тот, к которому мы вышли, был метров двадцать в длину, метров пять в ширину и около двух метров высоты. Эти штабеля были расположены вдоль берега с неодинаковыми интервалами между ними. Так, от нашего штабеля, за которым мы скрылись, влево метрах в 40 или 50 начинался другой, меньше нашего, следующий же за ним находился всего в полутора или двух метрах, образуя как бы амбразуру. В эту амбразуру пулеметчики успели уже поставить свой пулемет. Расположились мы за этой кирпичной стеной, изредка вставая и наблюдая, что делается на другом берегу. Сидим, мирно болтаем, и, если бы не стрельба красных, казалось бы, что мы не в цепи, а на привале. Только наш поручик был непоседа. Когда ему надоедало сидеть, он вставал, засучивал рукав черкески, брал карабин, выходил на открытое место и, держа его высоко над головой, грозя им, кричал:

— Сволочь! Перестать стрелять!

Конечно, его команды никто не слушал, а получалось как раз наоборот: они усиливали свой огонь. Постояв немного, он медленно возвращался за прикрытие.

Дело подходило к полудню, и я решил пойти что-нибудь найти закусить в хатах, которые были позади нас. Обошел я три хаты и в них ничего не нашел. Правда, в одной из хат в большой кошелке сидела гусыня на яйцах. Думал я ее спугнуть с яиц и посмотреть: может быть, яйца еще пригодны к употреблению. Но оказалось, что не так легко, как я думал, согнать ее. Она, то сидя, то приподнимаясь, шипя и вытягивая шею, старалась клювом схватить меня за руку.

Ну, думаю, не воевать же с ней, — оставил ее в покое. С пустыми руками я поплелся обратно в цепь. Правда, в вещевом мешке у меня были хлеб и сало, но это вечное однообразное меню слишком уж приелось.

Когда я подходил к цепи, красные, заметив меня, участили стрельбу. Было видно, что они уже хорошо пристрелялись, ибо пули взрывали землю то впереди, то по бокам от меня. Я ускорил шаг, чтобы скорее скрыться за кирпичной стеной.

После полудня стрельба стала более интенсивной, как артиллерийская, так и ружейная. Снаряды стали ложиться ближе, видно нащупывая нас; выйти из-за стены было уже рискованно, берег был хорошо пристрелян ими. Мы же сидели молча и берегли патроны. На нашего поручика это мало действовало, он периодически вылезал из-за укрытия и кричал им:

— Сволочь! Перестать стрелять!

Вдруг видим, что со стороны моста, между деревьями, кто-то бежит, и, видно, к нам. Мы стали наблюдать за ним. Далеко, не добегая нас, он упал. Ну, думаю, залег, уж слишком был силен огонь красных. Что-то долго лежит, начинает закрадываться сомнение о том, что он залег.

— Николай! Побегу узнай, в чем дело! Может быть, нес какое-нибудь распоряжение нам, да ранен, — отдает приказание поручик.

В голове молниеносно создается маршрут, как лучше и более безопасно добраться к нему. Выскакиваю из-за укрытия и, подпрыгивая, как будто бы беру какие-то препятствия на своем пути, что есть духу несусь к пулеметчикам. Запахавшись, останавливаюсь у пулемета.

Не успел и отдышаться, как пуля ранила первого номера в живот. Не задерживаясь долго, двинулся в дальнейший путь. Вот уже бегу леском, устал, чувствую, что силы оставляют меня, берет сомнение, добегу ли. Но какое-то другое, подсознательное чувство подсказывает, что надо добраться во что бы то ни стало и там залечь. Окончательно выбился из сил — добежал и как подкошенный свалился около него. Это оказался Коренев Александр, нашего взвода. Его я знал мало, слышал только, что он гимназист восьмого класса одной из московских гимназий. Он был убит наповал, пуля попала ему в сердце. Входное отверстие почти и не видно, только кровь на шинели там, где вошла пуля, но выходное представляло из себя жуткую картину. Я обшарил его карманы, ничего не нашел и, набравшись сил, двинулся обратно, несясь во весь дух вприпрыжку. Вот опять пулеметчики; раненый, с бледным как полотно лицом, тихо

стонет, то шевелит губами, то откроет рот, как будто хочет набрать воздуха, и издаст тихий, протяжный стон. Бедняга, думаю, выживет ли?! Отдохнул и побежал к себе. Добрался благополучно и доложил поручику обо всем. Возможно, что устно нес какое-нибудь распоряжение, — на этом и успокоились.

Снаряды стали ложиться совсем близко от нас. Один из снарядов угодил в уборную, стоявшую впереди нас, метрах в двадцати или тридцати, на скате к реке. После взрыва осталась только воронка, а уборной как будто там никогда и не было. Кобзырев, который сидел со мною рядом в прикрытии, и говорит:

— Давай полезем в воронку и там заляжем. Ведь снаряд никогда не попадает в одно и то же место.

Я согласился с его доводами, и мы поползли. Добрались до воронки благополучно, но, признаться, лежать в ней — я не сказал бы, чтобы было удобно. Правда, голова и туловище были укрыты, зато ноги торчали наружу. Легли мы с ним на спину, и каждый предался своим размышлениям. Но долго размышлять не пришлось. Одна из пуль попала Кобзыреву в носок ступни. Он стал неистово ругаться, вспоминая всех, кого надо и не надо. Смотрю на его рану — носок ботинка разворочен, пальцев как будто и не бывало, а в подметку врезался расплющенный свинец.

— Ползти сможешь? Полезем обратно!

Взял я его винтовку, и мы поползли в укрытие. За стеной я его перевязал рукавом его же рубахи, но, видно, санитар из меня был плохой. Он все время ругал меня, что я делаю не так и причиняю ему боль.

— Николай! Отведи раненого в тыл! — отдает распоряжение поручик.

Думаю — а где же этот тыл? Близо он или далеко? И кому сдать раненого?

— Пошли, Кобзырев!

Он приспособил свою винтовку вместо костыля, повернув ее дулом вниз, а левой рукой обнял меня за плечи. Идти было очень тяжело. Он часто останавливался и всей своей тяжестью налегал на мои плечи. Как я его ни просил, чтобы он больше опирался на винтовку, а не на меня, но из моей просьбы ничего не получалось. Наконец вышли на дорогу; я окончательно выбился из сил.

— Стой! Ложись! Отдохнем и подумаем, что делать дальше.

Но он почему-то вообразил, что я должен вести его до Некрасовской. Ну, думаю, дудки, это ты меня окончательно в гроб вгонишь! Рана, видно, давала себя чувствовать, он стонал и жаловался на боль.

Мне и жаль его было, и одновременно я знал, что до станицы с ним не дойду.

Выручила нас подвода, показавшаяся на дороге, которая быстро приближалась к нам. Я стал посреди дороги, взяв в руки карабин, полный решимости: если не остановится добровольно, то силой заставлю остановиться. Подвода стала. В ней, помимо возницы, была сестра.

— Сестрица! Здесь раненый!

Она быстро соскочила с подводы и подошла к Кобзыреву. Я бесконечно был рад такой удаче.

— Ну, пока, Кобзырев! Поправляйся!

Я скорым шагом пошел обратно. День уже клонился к вечеру, и наступали сумерки, когда я вернулся. Доложил о раненом поручику и примостился за стеной. Вскоре был получен приказ незаметно для противника оторваться от него и идти в Некрасовскую. Вышли на дорогу и со всеми предосторожностями медленно двинулись в станицу. Не слышно ни разговоров, ни шуток, идем молча...

Вошли в станицу, кругом мертвая тишина, изредка нарушаемая лаем собак. По выходе, на ее окраине сделали привал, здесь-то мне и рассказали, как погиб наш командир взвода прапорщик Капранов со своей невестой. Я упомянул раз о нем в своих воспоминаниях «Кореновская», теперь постараюсь остановиться на нем немного подробнее. Прапорщик Капранов, еще совсем молодой офицер, видно, был из одного из последних выпусков школы прапорщиков. Думаю, ему, наверное, не пришлось и побывать на фронте. Сужу потому, что обмундирование на нем было почти все новое, начиная с пояса и погонного ремня и заканчивая светло-серой каракулевой офицерской папачкой. Выше среднего роста, шатен и очень интересный, смело можно сказать — красавчик. Откуда он родом из России, не знаю. Взвод он принял в городе Ростове. В его взводе были старые ударники с германского фронта, типичные русские солдаты, за плечами которых было три года войны. Относились они к нему по-отцовски и ласково его называли «наш молодой». Любили его и мы, молодежь, за веселость и за то, что он был такой, как мы. В поход он вышел со своей невестой, бывшей гимназисткой 8-го класса одной из ростовских гимназий. Она была блондинка, среднего роста и очень красивая. Они как бы дополняли друг друга. Она была в солдатском обмундировании, которое, несмотря на то что было сшито по ее размеру, совершенно не шло к ее хрупкой и нежной фигурке.

Они были неразлучны, всегда вместе. В цепи она шла рядом с ним, но только цепь останавливалась, она ложилась за ним, в раздвинутые

им наподобие циркуля ноги. Под Усть-Лабинской он находился недалеко от моста. Что побудило его под вечер поднять взвод и идти атакой на мост — никто не знает. Со слов очевидцев — это было безумие. Не только нельзя было думать о какой-либо атаке, но вообще нельзя было подняться — всякий поднявшийся был бы убит или, в лучшем случае, ранен.

Взвод понес большие потери за этот день, но к их стыду надо добавить, что когда поднялся прапорщик Капранов, то за ним поднялась только лишь его невеста. Пробежал он шагов двадцать и был сражен пулей в сердце. Невеста же его не добежала до него шагов пять, была тяжело ранена в лоб и, не приходя в себя, скоро скончалась. При отступлении, в темноте, с них срезали погонны и положили их рядом. Мы искренне оплакивали эти две молодые, жизнерадостные и еще не успевшие пожить жизни, оставленные на поругание и издевательство красным. Сиротливо и грустно стало на душе от услышанной печальной вести. Долгое время еще мысль не могла примириться с действительностью. Остаток нашего 4-го взвода был влит во 2-й взвод, которым командовал поручик Мяч.

Отдохнув и набравшись сил, мы в темноте двинулись дальше. Станица осталась позади, спускаемся вниз, темно, ничего не видно. Вдруг под ногами хлюпает какая-то вода, правда, вода неглубокая. Откуда она там взялась — Бог ее знает. Идем наугад. На горизонте в темноте отчетливо видно большое дерево, что-то горит, и, видно, большой пожар.

Темно, — на горизонте зарево, — под ногами хлюпает вода, — колонна движется вперед.

Ново-Дмитриевская

Наконец — вырвались из этого кошмарного ада. Идем быстро на соединение с Кубанской армией. Позади нас уже сплошное зарево огня, Филипповские хутора, какая-то паршивая болотистая речушка с перекинутым через нее деревянным и тоже довольно-таки паршивым мостиком, станица Рязанская, — и вот мы вышли в расположение аулов.

Под Филипповскими хуторами понесли мы большие потери. Мне кажется, что весь первый удар, и довольно-таки тяжелый, принял наш второй батальон. Потеряли мы батальонного командира полковника Мухина, командира роты капитана Петрова, командира 3-го взвода поручика Евдотьева и многих других.

Встает в памяти бесстрашный полковник Мухин, который был недалеко от нашего взвода, с его хладнокровной командой, похожей больше на команду на учении, при учебной стрельбе, но не в цепи.

— По наступающему противнику, прицел постоянный... — оборачивается к нам и спокойным голосом добавляет: — Не волноваться, целиться как следует и внимательно слушать команду.

Пока идет все это объяснение, густые цепи противника быстро приближаются к нам. Стоишь, а в глазах рябит от этой сплошной черной тучи, движущейся на нас.

Команда «Пли!». Раздается дружный залп. Идут частые, дружные залпы за залпом, останавливающие эту лавину. Противник отступил и залег на бугре за рекой.

Целый день идет бой, кольцо сжимается и становится все меньше. Окончательно потерял ориентировку. Где же теперь главное направление? Отовсюду летят пули, простреливаемся со всех четырех сторон. Патроны у меня на исходе, а имел их 120 штук. Винты, сдерживающие ствольную накладку, разошлись, и она скользит по стволу. Вынул тряпку, которая служила мне носовым платком, обвязал ствольную накладку, чтобы не потерять ее. Но от этой затеи пришлось быстро отказаться, ибо при стрельбе видишь только прицельную рамку, а мушки из-за намотанной тряпки, которая образовала горб между прицельной рамкой и мушкой, не видно.

Под вечер справа послышалось отдаленное глухое «Ура», которое, как быстрая волна, катилось к нам. Когда докатилось, подхватили и мы и бегом двинулись вперед.

— Ура! Ура! Передай! Соединились с конницей генерала Эрдели.

Кольцо прорвано — обоз, по несколько подвод в ряд, двинулся крупной рысью в прорыв.

— Передай! Обозу остановиться! Впереди никого наших нет!

Но это нисколько не подействовало — обоз тем же темпом обгоняет рядом бегущую цепь. Снаряды рвутся то в самом обозе, то около него, создавая панику и замешательство.

Стемнело. Как по волшебной палочке — все затихло. Стали поговаривать, что соединились то с конницей генерала Эрдели, то с армией генерала Покровского, то с Кубанской армией. Так я и не мог понять, в конце концов, с кем же фактически мы соединились. Да и не видно этих соединившихся с нами, ибо опять мы одни...

После Филипповских хуторов у нас произошла перемена начальства. Роту принял полковник Томашевский, впоследствии погибший под Ново-Григорьевской, батальон принял полковник Индейкин, о чем я узнал только в Ново-Дмитриевской, а с нами остался наш по-

ручик Мяч. На нем я хочу немного остановиться, как на моем последнем взводном офицере.

Поручик Мяч — молодой, представительный, стройный офицер, высокого роста, пропорционально сложен, блондин и большой щеголь. В отличном, хорошо пригнанном обмундировании: бриджи синего цвета, офицерский китель, на левой стороне которого, на груди, знак военного училища, какого — не знаю. Вечно чисто выбритый, и создавалось впечатление, что будто он собирается идти в офицерское собрание, а никак не месить 20 или 30-верстную грязь. За плечом — русский карабин кавалерийского образца, на поясе в кобуре револьвер системы «Наган». Я сказал бы, что это был один из самых серьезных молодых офицеров в нашей роте. Не знаю, был ли он кадровый офицер или военного времени, но, судя по всему его поведению, он скорее подходил к кадровому офицерству. В бою — выдержанный, хладнокровный, никогда не забывал о том, чтобы добиваться цели ценою минимальных жертв. Каждый солдат ему был дорог. Безрассудно взвод не поднимет, где надо залечь — заляжет, где надо выждать — выждет, но где нужен стремительный и быстрый удар, там уж не отставай!

Он умел поддерживать ту непосредственную и живую связь с солдатом, которая дается только людям, долгое время общавшимся с ним. Беспощадно цукал тех, кто начинал стрельбу без команды. Вечного своего «Береги патроны!» и сам он строго придерживался, говоря: «На эту сволочь и патрона жалко, ее надо только штыком». Благодаря тому, что в нашей роте преобладало большинство учащейся молодежи, он не был так строг к нам, а мы в нем видели как бы старшего своего товарища.

После станицы Рязанской мы вошли в расположение аулов, которые, признаться, я и забыл как называются. Помнится только то, что в некоторых из них почти не было мужского населения. Одних побили красные, другие скрылись в горах. Много нам рассказывали о бесчинствах, совершенных красными. Оставшиеся же нас гостеприимно и радушно встречали.

Погода явно не благоприятствовала нам. Дожди, которые шли почти каждый день, размыли дороги, затопили поля и вывели реки из их берегов. Так мы добрались до аула Шенджий, о котором я как-то мало и помню. Не то он был мал сам по себе, так что не мог вместить всю нашу армию, либо мне уж на роду было написано невезение. Попал я в саблю, где не было места ни лечь, ни сесть. Стояли мы так тесно один около другого, что если хотел повернуться в другую сторону, то это удавалось не без усилия. В памяти ос-

тался столб, стоящий посреди сакли, на вбитом в него гвозде висел кавказский пояс. Вот, прислонившись к этому столбу, я и провел всю ночь. У дверей во вторую комнату стоял хозяин-черкес, охранявший вход в женскую половину. Мысленно беспощадно ругал я и его, и их обычаи. Что за глупость, думал я, что делается с его женской половиной, если мы даже и увидим их? Я готов был поклясться ему, что зажмурю глаза и не взгляну на его женщин в продолжении всей ночи, только предоставь мне немного места, чтобы я мог лечь или сесть.

Утром, утомленный от бессонной ночи, я двинулся на Ново-Дмитриевскую. С утра шел мелкий противный дождь, небо посерело от тяжелых низких туч. Дорога превратилась в сплошное болото, местами в вязкую, местами в жидкую грязь. Ноги сразу промокли, и в них хлопала холодная вода. Прошли не так много, как повалил снег, крупными белыми хлопьями быстро покрывая местность. Начал усиливаться мороз, а через каких-нибудь полчаса вся местность была уже покрыта белой пеленой. Колонна расплзлась, каждый искал дорогу, по которой легче было бы идти. Но это были напрасные усилия, ибо везде было одинаково.

Я шел уже без всякой дороги, ноги утопали, как будто в слоеном пироге, нижним слоем которого была вода, за нею — грязь, а верхний слой — снег. Подошли, видно, к маленькому когда-то ручейку, который теперь вышел из своих берегов и превратился в маленькую речушку. Я не пожелал его переходить там, где переходили все: мне показалось, что там глубоко, то есть вода доходила выше колен. Я стал искать брода помельче. В одном месте я как будто нашел его и двинулся на другой берег ручья. Но оказалось, что глубина его такая же, как и в том месте, где я не хотел переходить. Выбираясь на другой берег, я поскользнулся и скрылся под водой.

Когда я, наконец, выбрался на берег, я был совершенно мокрый. Одно спасение, думаю, это набраться сил и по возможности прибавить шаг. На мне быстро все обледенело, и я превратился в ледяную сосульку. Рук нельзя было согнуть, шинель замерзла колоколом, и мои пятки при ходьбе билась о ее край. Проезжая мимо меня, пулеметчики предлагали мне сесть к ним в тачанку, но я отказался, зная, что если сяду, то замрзну. Я выбивался из сил, еле тянул ноги и ничего не мог предпринять для облегчения своего трагического положения. О, счастье! Впереди показались какие-то жилые строения. Это оказалась экономия, и рядом с нею было разбросано несколько хат.

Я вошел в громадный двор, который представлял из себя квадрат, окаймленный большими строениями. В конце двора, в правом углу

находилась маленькая низкая хатенка — я и направился в нее. Для чего она служила в экономии, я не знаю и до сегодняшнего дня. Она состояла из маленьких сеней и единственной большой комнаты, в правом углу которой находилась громадная плита, в левом углу громадный стол и вокруг него лавки. Войдя, я увидел двух босых добровольцев, сидящих на лавке; их обувь сушилась на близко придвинутой к плите скамейке. Я примостился на ней и с большим трудом стал раздеваться.

Я снял с себя все и остался, как говорят, в чем мать родила. Развесив свои пожитки так, чтобы они как можно скорее сохли, сам я взобрался на скамейку около плиты и стал клевать носом. Это было не слишком приятное удовольствие: несмотря на то что было жарко, все же чувствовалось, что ты совершенно голый. Через некоторое время вошли еще два человека и тоже принялись сушиться. Я не сказал бы, что мы были слишком долго в хате, как вдруг открывается дверь, входит доброволец:

— Что вы сидите?! Армия давно уже ушла — никого нет!

Эта новость ошеломила нас. Мы стали быстро одеваться. Некоторые мои вещи высохли, но большинство из них были еще полусырые, но было не до этого, надо было спешить. Одевшись, вышли во двор — ни души, кругом тихо и пусто. Вышли из экономии, зашли в крайнюю хату, расспросили дорогу на Ново-Дмитриевскую и двинулись в путь. За экономией мы вошли в лес и сразу попали в сплошное море воды, которая доходила почти до колен. Дороги не видно, только догадываешься, что это дорога, по большой просеке. Бродили мы в этом лесу с час, но ожидаемой опушки леса, как нам объяснили, не обнаружили. Решили вернуться обратно и взять с собой проводника. Добравшись опять до экономии, вошли в первую же хату около леса. Войдя в нее, были крайне удивлены, увидев двух добровольцев, мирно пьющих чай. Когда же мы рассказали, что в экономии только одни мы, они поспешно стали собираться. Один из этих добровольцев был кавалерист, который предложил нам остаться в хате, согреться чаем, пока он быстро объедет все хаты и узнает, нет ли еще отставших. Я с радостью согласился на его предложение. Мы мирно уселись за чаепитие. Но прошло немного времени, и он вернулся в сопровождении еще пяти человек. Теперь нас собралась внушительная группа в 12 человек, с одним конным. Нам нечего было бояться — в случае чего мы могли бы принять бой.

Расспросив еще раз дорогу на Ново-Дмитриевскую, наша группа двинулась в поход. Вошли опять в тот же лес и, утопая по колено в воде, двинулись вперед. Наш кавалерист исполнял теперь функции

разведчика: он выезжал вперед нас, возвращался обратно и объяснял нам наш дальнейший путь. Наконец вышли из лесу на большую поляну, а за нею опять лес. Перешли поляну, вошли в лес — и опять вода. Здесь нам стали попадаться подводы, тачанки, зарядные ящики, сложенные в фигуры ящики с патронами, и все это занесено снегом. Вышли из лесу, прямо перед нами показалась какая-то экономия, влево какая-то довольно бурная речушка. Не доходя экономии, сворачиваем влево, переходим речушку по маленькому узкому мостику. Но опять наше несчастье — мостик оказался посреди разлившейся речки, пришлось вброд добраться до него, но слава Богу, что было неглубоко. Перейдя, поднимаемся немного в гору, и перед нами расстилается степь. Идти трудно, ветер крутит снег, слепит глаза — устал я порядочно.

По степи мы растянулись гуськом, я иду последним. Дело к вечеру, смеркается, я потерял из виду шедшего передо мной, только сплошная пелена снега. Я стал всматриваться в следы, оставленные ими, и идти по ним. Стемнело окончательно, усилился ветер, следы замело снегом, началась метель. Теперь иду наугад, отдался воле Божией. Шел так приблизительно с час, выбился из сил, остановился. Стою и думаю: что же делать дальше?! Сперва была мысль — снять карабин и дать несколько выстрелов в воздух: возможно, что ушедшие вперед услышат и окажут помощь. А вдруг где-нибудь поблизости красные — тогда что? От этой мысли я отказался. Тогда я присел на землю, сложил ладони рупором и стал кричать: «А... а... а...» — во все стороны. Повторил это несколько раз — никакого впечатления. Только ветер свистит да снег крутит...

Двинулся дальше. Идти становилось все тяжелее, ветер своими порывами почти совершенно не дает идти. Проблуждал еще, верно, с час, остановился отдохнуть. Кругом темнота да ветер свищет. Вдруг порыв ветра донес до меня бляение овец. Я напряг весь свой слух, чтобы определить, с какой стороны это бляение. Но оно долго не повторялось, и я решил, что это мне просто показалось. Собрался продолжать свой неотрадный путь, как опять ветер донес бляение — с левой стороны. Я направился в ту сторону, часто останавливаясь, прислушиваясь, приседая к земле и всматриваясь в даль, но, кроме снега, ничего не видно. Опять послышалось бляение, но уже с противоположного направления. Я стал в тупик. Мне уже казалось, что это просто-напросто мое воображение, что не существует никакого бляения, а просто нервы напряжены до предела. Вдруг опять бляение — и из того направления, куда я шел. Нет, думаю, это не воображение, а факт: где-то близко овцы. Но где?! Я двинулся впе-

ред и скоро вплотную уперся в стену хлева. Меня охватила такая радость, что я стал чуть ли не танцевать. Ну, думаю, спасен! Ощупью стал продвигаться вдоль стены хлева, ища в него вход. Иду, а сам думаю: стоню всех овец в один угол, сам засяду среди них и дождусь утра. Найдя вход, остановился. Постой, думаю, раз есть хлев с овцами, ведь должно быть где-то поблизости и жилое помещение. Решил оторваться от хлева, но далеко от него не уходить. Пройдя шагов 10—15, я свалился вниз на что-то мягкое. При падении кабри́н, висевший за спиной, больно ушиб мне голову. Придя в себя, стал ощупывать, на чем я сижу, — оказалась солома. Неплохо, думаю, зарююсь в нее и переночую. Поднявшись, стал очищать снег вокруг моего будущего ночлега, как вдруг моя нога поскользнулась, я поехал вниз и сел на снег. Что за чудо?! Передо мною шагах в сорока стоит маленькая хатенка, в окне светится огонек, дверь открыта, и на пороге стоит старая женщина.

Одновременно я обрадовался и испугался. А что, если здесь красные?! Я медленно направился к хатенке:

— Бабушка! Нельзя ли у вас переночевать?

Она стала всматриваться в темноту.

— О!.. Родимый, иди! Здесь много уже солдат!

— Каких солдат, бабушка?

— А что, я знаю, родной? Вот недавно только пришли!

— А офицеры у них есть?

— Здесь нету, а вот там, в экономии, — там много!

Она показала рукой в темноту, где я ничего не увидел. Слава Богу! Наши! Я смело двинулся в хату. Каково же было мое удивление, когда в ней оказались все те отставшие, с которыми я шел. Они искренне обрадовались моему появлению.

— А мы думали — погибнешь!

Оказывается, конный несколько раз возвращался для того, чтобы найти меня, но из-за метели блуждал сам и не мог ориентироваться, чтобы выйти на старую дорогу.

Только на другой день, когда прекратилась метель и я шел уже в Ново-Дмитриевскую, мне стало понятно, почему я так долго блуждал. Возьми я с самого начала влево, а не вправо, как я взял, я быстро достиг бы этой экономии.

Хорошо выспавшись и как следует высушившись, на другой день наша маленькая группа в сопровождении четырех конных двинулась в Ново-Дмитриевскую. Погода была хорошая, светило солнце, идти было не так тяжело по уже проложенной дороге. Через речку у станицы нас перевезли конные, и, поднявшись на бугор, мы вошли в

станицу. К обеду я попал в хату нашего взвода, явился к поручику и рассказал ему о своих мытарствах.

Хата, в которой мы стояли, была брошена своими хозяевами, которые ушли с красными. На основании этого мы стали полными хозяевами оставленного имущества. Кур, уток и свинью мы съели сами, а коров забрали у нас в полковую кухню. Попал я как раз к обеду, довольно вкусному и сытному. Покушав, завалился спать, догонять все невыспанное время.

Проснулся вечером. В хате вместо лампы горел сальничек, то есть кусок пропитанной маслом тряпки, свешивающийся с блюдечка. По-моему, он больше давал копоти, чем света, но на это никто не обращал внимания. Поручик Мяч сидел за столом, улыбался и слушал фантазию Черкасова. На печке лежал сам фантазер, здоровенный семинарист Черкасов. На нем, думаю, не мешает остановиться, ибо это был забавный и оригинальный ударник.

Он был из Новочеркасской духовной семинарии, а поскольку у нас всех семинаристов дразнили «свечкодуями», то и за ним утвердилось это прозвище, и к его фамилии иногда добавляли — «свечкодуу» Черкасов. Он на это нисколько не обижался, а только добродушно улыбался. Голосом он обладал довольно-таки низким, как, по-моему, и полагается семинаристу. Мне не раз приходилось останавливаться с ним на ночлег в одной и той же хате. Входя в хату, он останавливался на ее пороге и глубоко носом вбирал в себя воздух.

— М-м-м... Неладно!

— Что — неладно? — спрашивал я его, озадаченный.

— Потяни воздух!

Я старательно тянул носом воздух, подражая ему.

— Ничего не чувствую!

— А ты потяни еще раз!

Приходилось тянуть еще раз. По-моему — ничего!

— Как ничего?! Мертвечиной пахнет! — и шел в другую хату, оставляя хозяйку в удивленном и неловком положении.

В другой хате повторялась та же самая процедура, и только в третьей, а иногда в четвертой хате, после тщательного экзамена ее запаха, он останавливался. Первое, что он делал, — спрашивал у хозяйки ножницы и обрезал полы шинели, на которой была свежая грязь. Как он ни старался, чтобы было обрезано ровно, у него ничего не получалось. Обрезанный низ получался не только зигзагообразным, но и кривым. Он нисколько этим не смущался, говоря, что в следующий раз подровняет. В Ново-Дмитриевской это была уже

не шинель, а куртка, из-под которой на добрую ладонь висели грязные карманы.

— Черкасов! Ты бы и карманы обрезал, а то как-то некрасиво получается, — говорили ему.

— Не в красоте, а в удобстве дело. Карман — это тот же вещевой мешок, в нем и махорочка с бумажкой, а иногда и кусок сала с хлебом — как его обрежешь? — возражал он.

Вот этот-то Черкасов, лежа на печи, фантазировал о том, как мы будем входить в город Екатеринодар.

— Конечно, красные из города уйдут до нашего прихода. Спрашивается, какой же им смысл затевать бесполезный и бесславный бой? Ведь они окончательно убедились в том, что остановить нас они не могут, везде мы им бьем морду.

Открывается дверь, входит ударник.

— Шестая здесь?

— Да!

— От шестой связь к батальонному, к полковнику Индейкину!

— Это с каких пор у нас в полку развелись индейки?! — острою я.

За неуместную остроу поручик цукнул меня и сказал, чтобы я собирался.

— Так и знал, — бурчу я, недовольный. — Неужели на мне свет клином сошелся? Как что — Николай!

— Николай! Не разговаривай, а скорее собирайся, — приказывает поручик.

Явился я к полковнику Индейкину, и, когда сказал, что это связь от 6-й роты, он внимательно на меня посмотрел, но ничего не сказал. Я сразу почувствовал, что острота, пущенная мною в хате при ударнике, ему уже известна.

Я расположился в кухне, где до моего прихода уже были двое. Один из них — перс из 7-й роты, а другой тот самый, что был у нас в хате. Поведение перса мне показалось немного странным и подозрительным: он часто выходил и где-то пропадал. Когда все улеглись спать, он под большим секретом сообщил мне, что на чердаке сарая, стоящего во дворе, хозяином спрятан чай, сахар и другие вещи. Но его интересует только чай и сахар, и не согласился ли бы я войти с ним в компанию. На моей обязанности было бы стоять на страже и предупредить его на случай опасности. Я дал свое согласие, но в тот момент, когда он спускался с лестницы после своей экспедиции, на крыльцо вышла хозяйка и видела всю эту сцену. Она ничего не сказала, но на другой день полковник нас просто выгнал и приказал, чтобы роты немедленно прислали других людей для связи.

В ту же ночь мы вышли на мост в заставу. Ночью красные повели наступление на станицу. Отчетливо видны движущиеся фигурки на снегу. Идут они медленно — приблизились к нам.

— Идем бить кадетов! — кричат они.

Поручик отвечает, что здесь не кадеты, а корниловцы.

— Белопогонники... — И добавляют крепкое словцо.

Подпустили совсем близко.

— Встать! Слушать мою команду! — отдает приказание поручик Мяч громким голосом, так, чтобы слышал противник. — Батальон!.. Пли!

Дружный залп нарушает ночную тишину.

— Брешете!.. — Опять крепкое словцо. — Вас там пять человек, а не батальон.

У моста заработал пулемет, и их цепь покатила назад, оставляя убитых и раненых на снегу.

Мы же завели песню:

Да громче, музыка, играй победу...
Да за Корнилова, за Родину, за Веру
Мы грянем громкое — «Ура!».

Да на совет собачьих комиссаров
Мы грянем громкое — Ап! Чхи!
Тю! — Га!

Простояли мы в Ново-Дмитриевской целую неделю. Вот где мы действительно отдохнули, подчинились и хорошо подкормились! На седьмой день вечером мы опять зашагали по колено в грязи и в воде, держа путь на Ново-Григорьевскую, под звуки артиллерийской канонады противника.

Екатеринодар — Дядьковская — Новочеркасск

Пришел и конец нашему блаженству в Ново-Дмитриевской. Хорошо отдохнули, подкормились и набрались сил. Выступили из Ново-Дмитриевской мы вечером. На дворе темно, сыро и неприветливо. Грязь невылазная, и с трудом вытягиваешь ноги. Тяжело двигаться, грязь засасывает ноги. Иногда приходится наклоняться, рукой держать ушки сапога и тогда только вытягивать ногу. Перед самым мостом я все-таки не избежал своей горькой доли. Правый сапог остался в грязи, а наружу, к моему горькому огорчению, показалась босая нога. Портянка осталась в сапоге. Я стал рукой нащупывать в грязи свой

сапог, балансируя на одной ноге. Едущие за мною толкнули меня, я потерял равновесие и голой ногой погрузился в холодную густую грязь. Нашупав сапог и вытянув его из грязи, я вышел из колонны. Руки, нога, да и весь я был замазан грязью. Вытерев руки и ногу о полы шинели, я обмотал туго портянку и с трудом натянул сапог. В подавленном настроении полпелся догонять роту.

Перейдя мост, идти стало легче, густая засасывающая грязь сменилась жидкой, но сразу промокли ноги, и в них чмокала грязь. Идешь наугад — темнота, ничего не видно. Ноги то попадают в ямки, то скользят на кочках...

Красные, видно, знали о нашем выходе из станицы, обстреливали нас редким орудийным огнем, не причинявшим нам абсолютно никакого вреда. Где-то рвались шрапнельные снаряды, и эхо вторило им в ночной тишине. Куда они стреляли — не знаю, да глубоко убежден, что едва ли отдавал себе в этом отчет и сам стрелявший. Благо что снарядов много. Прекратился обстрел, только слышно, как булькают ноги в жидкой холодной грязи.

Шли мы очень долго, сделали только один привал, и то короткий. На привале не пришлось и отдохнуть, ибо ни лечь, ни сесть было нельзя. Так и пришлось простоять на одном месте, переступая с ноги на ногу. Вошли в лес, идти стало тяжелей, ноги все время цеплялись то за коряги, то за ветки. Чувствую усталость — хочется спать. Устал, видно, не только я, колонна тоже движется медленно; то остановимся, видно, что впереди не все в порядке, то опять движемся вперед. Тихо передали, чтобы соблюдать полную тишину. Ну, думаю, значит, у цели, где-то близко противник. Мои предположения не обманули меня. Вдруг ночную тишину нарушил глухой выстрел, и эхо покатилося по лесу. Сон и усталость как будто бы сняло рукой. Негромкая команда:

— В цепь! Держать связь с соседями и не отставать!

Повернул полуоборотом вправо, стал пробираться между кустами и деревьями и всматриваться в темноту, чтобы не потерять из виду соседей.

Медленно двигаемся вперед. Лес ожил. Запели пули свою злоеющую заунывную песенку, летят ветки, сбитые ими. Влево застрекотал пулемет, ему отозвался другой, правее меня. Стрельба слилась в один сплошной шум. Прибавили шагу, и я вплотную уперся в плетень, доходивший мне по грудь. Зачем он оказался в лесу, каково было его назначение — не знаю и по сегодняшний день. Впереди видны вспышки винтовочных выстрелов, а правее меня тонкая струйка огня — строчит пулемет. Примостил карабин на плетень и

начал стрельбу по вспыхивающим огонькам. Некоторые из пуль стали попадать в плетень. Я присел на корточки, но, когда одна из пуль просвистела над самым ухом, я решил лечь. Ох! как не хотелось ложиться в эту жидкую ледяную грязь, но я все-таки лег. Меня сразу охватил озноб. Удовольствие было далеко не из приятных. Но слава Богу, лежать почти и не пришлось.

— Передай... Вперед!

Я поднялся и не перелез через плетень, а в буквальном смысле перевалялся через него и упал в грязь. Поднявшись, я был весь в грязи; поспешно вытерев руки об шинель и убедившись, что вижу своих соседей, быстро двинулся вперед.

Противник открыл ураганный огонь. Влево, видно, пошли в штывки. Кричат «Ура!». Мы идем молча, но быстро. Лес стал редеть, стало как будто бы светлей, вышли на опушку леса и недалеко от нее наткнулись на брошенные окопы товарищей. Не задерживаясь, тем же скорым шагом, когда уже почти рассвело, мы достигли окраины станицы Григорьевской. Бой почти затих, только в некоторых местах то раздастся трескотня выстрелов и быстро заглохнет, то посылаются одиночные выстрелы. «Товарищи» покинули станицу. В этом ночном бою мы понесли большие потери, потеряли мы здесь и нового своего командира роты капитана Томашевского.

В станице мы сделали дневку. В одном из домов расположился штаб полка, у крыльца этого дома стояло захваченное знамя красных. Признаться, затрудняюсь и сейчас, как назвать это красное полотнище, прикрепленное к деревку, и на нем боевой лозунг «товарищей»: «Смерть корниловским бандам и филимонам». В этом «красочном» лозунге для меня не совсем было понятно слово «филимонам». Что за звери, думаю, эти филимоны и почему их прилепили к нам, корниловцам? На мой удивленный вопрос о филимонах мне объяснили, что это — фамилия войскового Кубанского атамана, полковника Филимонова. После этого стал понятен и весь лозунг. Другое красное полотнище лежало на крыльце при входе в дом и служило вместо половой тряпки, о которую вытирали ноги.

В станице немного отдохнули и рано утром на следующий день опять двинулись месить кубанский чернозем. Сейчас как следует и не помню, но, кажется, в этот же день мы ввязались в бой у подступов к станице Георгие-Афипской. Завязался у нас бой уже к вечеру, сужу по тому, что мы долго двигались днем походным порядком до того, как начали бой. Бой был жестокий и упорный, но мы сбили «товарищей», и они стали отступать к станции. Кругом степь — равнина, далеко видно вокруг. Вдали — станция, на ней дымки, не то броне-

поезда, не то маневровый паровоз. Наступаем быстро. Останавливаюсь, с моим карабином несчастье, выбрасыватель не берет гильзы. Стал рассматривать и возиться с ним, но, убедившись, что ничего не сделаю, решил, что исправлю, когда приду на станцию. Пока с ним игрался, отстал порядочно от цепи. Вскинув его за плечо, двинулся догонять цепь. На станции показались высокие столбы черного дыма, красные что-то взрывали. Не прошел и шагов тридцать, как увидел — наискось ко мне приближается какой-то человек. Я замедлил ход, кто бы это мог быть — думаю. Не доходя до меня, можно было сразу определить, это был офицер, уже в летах и прихрамывал на одну ногу. Поравнявшись со мною, я увидел на нем погоны полковника, одна нога была короче другой, и на ней ботинок с высоким задником. «Что, доброволец, устали?» Я объяснил мое несчастье и причину, почему отстал. «О! Да мы с вами друзья по несчастью! А я не могу открыть затвор, что-то заело. Ну, идемте вместе».

Впереди опять завязался бой. Мы не спеша двинулись вперед. По дороге он меня расспрашивал, кто и откуда я. Пришлось в кратких чертах дать свою биографию. Бой, видно, шел уже к концу. Идем медленно и разговариваем. Вдали виден железный мост, а вправо потянулся низкорослый кустарник. Вдруг, как из земли, вырос в шагах шестидесяти, а может и больше, здоровенный матрос, в расстегнутом бушлате с бескозыркой набекрень. «Товарищи! Какого отряда?» От неожиданности я опешил. Мой же полковник совершенно спокойно кричит ему: «Корниловцы!» — и снимает винтовку с плеча. «А я большевик. Бейте меня...» — крепкое словцо. Пока я приходил в себя от этой неожиданной встречи, полковник вскинул винтовку к плечу. Матрос же бросился быстро убежать в направлении железного моста. Мы долго следили за ним, пока он не скрылся. Первым нарушил молчание полковник: «Вот это сюрприз! Хорошо, что у него не было оружия, а если бы было, что бы мы с вами делали, доброволец?! Он бы нас перестрелял, как кур. Вот этот случай лишний раз доказывает, что, помимо винтовки, надо иметь еще при себе всегда револьвер». Я же подумал про себя и пришел к другому заключению — надо не отставать от цепи, чего впоследствии и придерживался.

Это неожиданное, столь загадочное происшествие не только озадачило нас, но и задало нам неразрешимую загадку. Какими судьбами за нашей цепью появился матрос? Полковник объяснил это очень просто: что, по всей вероятности, он притворился убитым, и цепь его миновала. Это предположение имело некоторые основания, ибо я сам видел лежащих убитых. Но все это только предположения, а действительности мы не знали. По дороге полковник рассказал мне и исто-

рию о своей короткой ноге. На Западном фронте, в одной из атак на немецкие окопы, он был ранен в ногу, недалеко от этих окопов. Атака захлебнулась, и наши отступили, оставив раненых на поле сражения. Когда же наступила ночная тьма, появились немецкие санитары. Подойдя к нему и осветив его электрическим фонариком и убедившись, что это русский, один из них почти в упор выстрелил в него. Только благодаря темноте он не убил его, но попал во вторую, нераненую ногу и раздробил кость. Думая, что они покончили с ним, — ушли. Только на другой день, рано утром, после успешной нашей атаки, он очутился в нашем лазарете. Он считал это просто чудом, что не умер. Об этом эпизоде он не мог говорить спокойно. Ненависть к немцам сквозила в каждом его слове (фамилии этого полковника не знаю, но был бы бесконечно рад, если он еще жив, списаться с ним и вспомнить этот эпизод под Георгие-Афипской. — Н.Б.).

Так мы добрались до станции, которая представляла из себя сплошной хаос. Кругом грязь, мусор, разбросанные патроны, гильзы, ящики и в довершение всего между колеями походная кухня с полугорьчим борщом. Некоторые вагоны горят, но они откатаны от других составов. Роту я отыскал быстро, она была здесь же на станции. После Георгие-Афипской перепуталось у меня все. Идем день и ночь, и бесконечные плавни в памяти только и осталось, непрерывный тяжелый поход, да кругом вода, вода и вода. На второй или на третий день изнурительного тяжелого похода в воде и грязи, без отдыха и сна, наконец, мы добрались к переправе, расположенной недалеко от станции Елизаветинской. Около переправы был небольшой аул, названия его не помню. Ну, думаю, слава Богу, отдохнем. Но отдохнуть, к моему большому прискорбию, не пришлось.

Первым был переправлен на другую сторону наш Корниловский Ударный полк. Переправляться мне лично пришлось на небольшой лодке. Собравшись на другом берегу, двинулись в станицу Елизаветинскую. Мои мечты на отдых не оправдались и здесь. В станице мы не задержались, а только прошли ее и, выйдя из нее, стали в сторожевое охранение. О самой станице почти ничего не могу сказать, кроме того, что шли по ней долго — значит, большая, хаты хорошие, и станица богатая. В эту же ночь, в заставе, я почувствовал себя плохо. Правда, я чувствовал и немного раньше, что мне не по себе, что-то творится со мною, но приписывал это большой усталости и недосыпанию. В заставе почувствовал, что дело мое паршивое. Для смены поста я подняться уже не мог, а с наступлением утра мой друг отвел меня в лазарет. Добрались мы с большим трудом, у меня была большая слабость и кружилась голова. Дежурная сестра попробовала мою голову, пульс,

посмотрела язык, глаза и заявила, что я должен остаться в лазарете. О, как я не хотел этого! Я стал доказывать сестре, что я не настолько уж плох, чтобы меня оставлять в лазарете. А вот если бы она была так добра и дала бы мне какие-нибудь порошки для облегчения моего состояния, за это бы я был ей премного благодарен. А надо заметить, что в чудодействие порошков я глубоко верил. Убедить сестру не удалось, она категорически заявила, что я больной, и, видно, болен серьезно, и что мой друг может быть свободным. Взяла меня под руку, повела в одну из комнат и уложила на соломе, постеленной на полу. Не знаю и до сегодняшнего дня, что за болезнь была у меня. Когда я лег, я действительно убедился сам, что дело мое швах. Да, я болен, но — чем?! Этот вопрос я неоднократно задавал сам себе, но ответа на него не находил. Я совершенно раскис, есть мне не только не хотелось, но я чувствовал даже какое-то отвращение, но зато меня мучила нестерпимая жажда. Я все время просил пить, пить и только пить. Ночью как будто стало легче, не было жажды, но я ужасно мерз, а к утру совершенно забылся. Проснулся утомленным и разбитым. Я хотел подняться, правда, мне удалось это, но стоило больших усилий. Я шел как пьяный, думая, что вот-вот упаду. Комната стала наполняться ранеными партизанами, слышались стенания, стоны, но большое впечатление на меня произвел тяжело контуженный молодой офицер, который лежал третьим от меня. Он то конвульсивно бился, то поднимался, становился на колени, раздевался до пояса, оставаясь совершенно голым, и шептал молитвы. Молился он пять, а иногда минут десять, после чего опять одевался и ложился, чтобы через минут тридцать или сорок возобновить то же самое — раздевание, молитва, одевание. Представления о времени, по-моему, у него не существовало, ибо он проделывал это с той же методичностью и ночью. Я искренно его сожалел, о дальнейшей судьбе этого глубоко несчастного человека я не знаю. Я никогда не предполагал, что контузия может так отозваться на нервной системе человека. В моей памяти, с полувековой давностью, с необычайной силой и яркостью встает суровая и жуткая эта картина. Потерял и я счет дням, силы меня постепенно оставляли, я ничего не ел и был бесконечно рад, что ко мне никто не пристаёт, — меня как будто бы забыли. Но в одно прекрасное утро сестра насильно заставила съесть чашку горячего бульона и маленький кусочек курицы. Иногда я с большим трудом поднимался, но перед моими глазами все кружилось, и рад был, когда опять валился на солому. В последний день пребывания в станице, после обеда, сестры были чем-то обеспокоены, о чем-то шептались, искоса поглядывая на нас. И вдруг пришла зловещая новость — Кор-

нилов убит. Только и было слышно — Корнилова с нами нет. Что дальше?! Позже сестра сообщила приказ генерала Алексеева о том, что в командование вступил генерал Деникин. Признаюсь откровенно, в то время это имя ничего не говорило ни моему уму, ни сердцу; хотя и знал, что такой генерал у нас в армии есть. Синонимом глубокой веры, нашей непобедимости было имя генерала Корнилова, и вот этот стержень был вынут из души армии. Известие о гибели генерала Корнилова на меня произвело большое впечатление, но не вырвало веры. Я думал, что мы переживем и это большое постигшее нас горе, не было у меня и никакого сомнения в том, что победить нас нельзя, на то мы — корниловцы. Вечером сестра объявила нам, что кто может двигаться без посторонней помощи — должен собираться для погрузки на подводы. Я поднялся, с трудом добрался до двери, но вспомнил, что карабин и патроны остались под соломой, пришлось вернуться и забрать их. При выходе во двор, после больничного спертого воздуха, меня обдало прохладой свежей ночи, у меня закружилась голова, и я прислонился к стене. Подоспевшая сестра отвела меня к подводе. В ней уже кто-то лежал. Помогла мне взобраться в нее, и я улегся рядом с лежавшим, причем его ноги были перед моим носом, положила рядом карабин и патроны, после чего мы медленно двинулись в ночную темноту. После выезда за станицу, подводу начало немилосердно швырять из стороны в сторону. Мой сосед по несчастью стонал и ругал меня, что мои ноги толкают его в рану и чтобы я их убрал. На его неудовольствие и ругань я совершенно не реагировал, а только думал, что ты так же мешаешь мне, как и я тебе. Самочувствие у меня было плохое, ехали мы томительно долго. О! Господи! Когда же будет конец этой тряски?! Впоследствии я познакомился со своим соседом. Он оказался казачьим офицером, Партизанского полка, был ранен в грудь под городом Екатеринодаром. В Великую войну он, оказывается, был вместе в одном полку с моим отцом на Западном фронте и прекрасно его знает. После нашего знакомства мы стали с ним большие друзья и проделали вместе путь до станицы Дядьковской. По прибытии в Немецкую колонию разыскали меня мои друзья, первым пришел мой друг Николай. Его рука покоилась на перевязи, а кисть руки вся забинтована, он был ранен под городом. Рассказывал мне о боях, как он был ранен, кто убит и кто ранен. От него я узнал, что наш доблестный командир полка полковник Неженцев убит, взводный командир поручик Мяч ранен, фельдфебель убит. В общем, от роты остались рожки да ножки. Пришли Иван и Митрофан, Иван, как всегда, что-нибудь да притянет, не изменил себе и на этот раз, принес почти пол-окорока, но из него я

оставил себе маленький кусочек, а остальное вернул ему. Рассказывал и он о боях под городом, но они на него не произвели такого большого впечатления. Он всегда сравнивал с боями на западном фронте и заканчивал «вот це были бои». Митрофан же, наоборот, был печален и в подавленном настроении, бои под городом отразились на нем. Большие кровавые потери полка наложили отпечаток на его переживания. Пожелав мне скорого выздоровления — ушли. В колонии стояли мы целый день, красные непрерывно нас обстреливали беспорядочным артиллерийским огнем. Снаряды ложились везде, редкий из них достигал цели. Под вечер картина резко изменилась, огонь их усилился, снаряды ложились уже более метко. Было отдано распоряжение обозу вытягиваться в походную колонну. Дошла очередь и до нас, когда почти стемнело. Не успели мы и выбраться из колонии, как справа послышалась ружейная стрельба, а за ней крики «Ура!», после чего наступила тишина. Здоровье мое не улучшалось, а, наоборот, шло к худшему. Перед рассветом впереди начался бой, но короткий, а на заре мы переехали железнодорожный переезд. Слева от него стояла черная махина подбитого паровоза. На станцию Медведовскую въехали рано утром и, не останавливаясь в ней, двинулись дальше. Силы меня совершенно оставили, и я был в полузабытьи. Смутно представляю, что где-то остановились, куда-то вели и уложили. После обеда сестра с карандашом и листком бумаги в руке обходила раненых и спрашивала, кто хочет остаться в станице. Дошла очередь и до меня, и я изъявил свое согласие остаться. Я чувствовал, что дальнейшей тряски не выдержу. Кажется, на другой день у моего изголовья появился наш начальник хозяйственной части, сейчас не помню его чин, если не изменяет память, был, кажется, штабс-капитаном. Спросив, добровольно ли я остаюсь, и, получив утвердительный ответ, он на листе бумаги написал расписку о получении мною жалованья в размере трехсот рублей за два месяца. Подписав это подтверждение, он сказал, что эти деньги будут оставлены сестре, которая остается с нами. Сперва я был рад, что наконец я могу лежать спокойно и меня не будут тревожить. В этот день, впервые за время моей болезни, я с большим аппетитом поел и крепко уснул. Как долго спал, не знаю, но отлично помню, что когда проснулся, то узнал, что армия ушла и мы оставлены. Теперь только понял трагичное мое положение, и меня обдало холодным потом. Я решил, что если оставлен, то ни в коем случае не оставаться здесь, а собрать все свои силы, выбраться отсюда и найти убежище в первой же казачьей хате. Вспомнил о своем карабине, но его не было со мной, он был оставлен в подводе. Не долго думая, я начал осуществлять свой план. «Господи!.. Помогите!..» — мо-

лился я. Ползком по полу и волоча свою шинель я добрался до двери, поднялся на колени, дотянулся до ручки от дверей и открыл ее. Я выполз в коридор и почти сейчас же увидел лестницу, идущую вниз. Значит, думаю, это второй этаж. Добраться мне удалось только до лестницы. Появилась сестра и, удивленная, спросила: «Добровольец! Что вы здесь делаете?» — «Да я хочу подышать свежим воздухом, сестрица». — «Вам нельзя двигаться», — и водрузила меня на старое место. Хотя и кончилась моя попытка неудачей, но я твердо решил, что сбегу. Я долго лежал, следил за сестрой, и, когда она опять вышла из комнаты, я тем же путем двинулся к двери. На этот раз мне повезло. Я выполз на крыльцо, напротив вижу хаты, но силы покинули меня, я распластался вниз головой, холодный камень леденил грудь, как долго лежал, не знаю. Далеко слышались редкие хлопанья выстрелов, потом отчетливо услышал конский топот и громы хание подводы. Ну, думаю, все. Я глубже втянул в себя голову, внутри как будто бы что-то оборвалось. Господи! Да будет воля Твоя!.. «Стой! Наш лежит!» Не успел прийти в себя и отдать отчет во всем происходящем, как чьи-то сильные руки перевернули меня. «О! Николай! Ты что здесь делаешь?» — «Юра!» — и вместо ответа у меня полились слезы. Очнулся я только ночью, когда меня перекладывали на другую подводу. Я часто терял сознание, не помнил, что было вчера, вообще время для меня не существовало. Только когда мы покинули Ильинку, я почувствовал, что произошел какой-то перелом в моем здоровье. У меня появился волчий аппетит, я стал более живо реагировать на окружающее.

В станице Успенской пришел навестить меня и мой спаситель и рассказал мне следующее: они были в заставе, далеко выброшенные вперед за станицу с пулеметом на подводе. Когда прошли все сроки их смены и не имея связи, они забеспокоились, но все еще ждали, вот-вот придет смена. Но когда на горизонте стали маячить красные разбегды, они медленно стали отходить к станице. В первой же хате узнали, что армия ушла, а о них, видно, забыли. Они решили быстро проскочить станицу и догнать армию. Проезжая мимо школы, они увидели лежащую фигуру вниз головой, половина шинели свешивалась на первую ступеньку, и был отчетливо виден погон Корниловского полка. Вот этот погон и заставил их остановиться. Но он никак не предполагал, что это буду я. Ночью они блуждали, но все-таки вышли на правильную дорогу, догнали армию, а меня передали в лазарет. Здесь я ему рассказал, какими судьбами я очутился на крыльце. Мой спаситель был сыном хорошо знакомой нам семьи. В станице Успенской я лежал в школе, на расстеленной на полу соломе.

Мое здоровье, видно, пошло на поправку. Я съедал все, что приносили сердобольные казачки в лазарет, а приносили они много, что называется, нас закармливали. Они тянули в лазарет все, что только было возможно. Около каждого раненого в изголовье была целая кладовая. Но особенно, видно, большое впечатление на них производила моя не совсем воинственная персона. Они останавливались около меня и начинали причитать вслух: «О Господи! Царица моя Небесная! Да какой же молодой...» и т. п. Иногда их собиралось около меня три или четыре — причитали, делились вслух своими соболезнованиями, а некоторые из них кончиком платка вытирали набежавшую слезу. Старые казачки, останавливаясь около раненых, вслух выражали свое сожаление и роняли слезы, совершенно иначе вела себя молодежь, то есть девчата. Они приходили по две или три вместе, как-то неуклюже, боком, подбирались к изголовью, оставляли принесенное и украдкой поглядывали на раненых. Стали поговаривать, что с Дона пришел казачий разъезд и просит о помощи восставшим казакам. У восставших нет ни винтовок, ни патронов, приходится сражаться холодным оружием да самодельными пиками. Я был очень рад этим слухам и совсем был обрадован, когда узнал, что мы идем на Дон. Вот опять Лежанка напомнила о первом ее взятии, но это казалось уже, что было так давно. Главное, что мы на пороге границы Донской области.

Лежал я не в лазарете, а в одной из крестьянских хат. Хозяйка попалась хорошая женщина и хорошо ухаживала за мной. Мужа ее не было дома, где он был — не знаю, и я воздержался спросить ее. Где он? И есть ли вообще.

Вот и Лежанка за нами, в Страстную ночь, вернее, зарей мы подъехали к переезду железной дороги у станицы Егорлыцкой. По обе стороны стоят казаки, радушно приветствуют нас с праздником Воскресения Христова — христосуются. Стоит бравый сотник на самом переезде, останавливает подводы и просит, у кого есть винтовки и патроны, пожертвовать им. Нам они больше не нужны, мы идем в тыл, а у них в этом большая нужда. Приподнимаются раненые, извлекают из-под соломы кто винтовку, кто патроны, но видно — не с охотой расстаются с этим. Казаки веселы, сыплются шутки, остроты, и вслед несется пожелание поправиться и хорошо отдохнуть. В Егорлыцкой меня поместили в зажиточную казачью хату, хозяйка — старая казачка приняла живое и деятельное участие в восстановлении моего здоровья. Она три раза в день поила меня собственной медициной, которая была противна до отвращения. Состояла она из чашки горячего молока с примесью, по-моему, всего, что у ней было в

хате. Это была порядочная дрянь. Она не только издавала страшный запах, но и до тошноты была противна. По ее совету, я зажимал нос и залпом выпивал эту гадость. Не знаю, не то действительно ее домо-рошенная медицина, не то пришло само время к выздоровлению, но я чувствовал, что с каждым часом я крепну. Когда пришло время и мы стали покидать Егорлыцкую, она советовала мне остаться у нее до моей полной поправки, а после этого ехать домой. Я сердечно поблагодарил ее за трогательное внимание ко мне, а остаться не мог, ибо перетерпел гораздо хуже и больше, а до цели осталось не так далеко.

Как-то незамеченно прошла Мечетка, и вот мы в Задонских степях, кругом равнина да разбросанные по необъятной степи курганы. Наш путь — станица Манычская. Под вечер показалась вдали белая полоса, и из головы обоза как волна катится: «Ура! Дон!»

Радости нет предела, даже и не веришь своему счастью, а ведь всего 25 верст — Новочеркасск. Вот мы и в Манычской. Разместили нас по хатам и сообщили, что рано утром будет погрузка на пароход для отправки нас в Новочеркасск. Спалось паршиво, мысли роились в голове и не давали прийти сну, а мысль одна — как дома?.. Живы ли?..

Наконец и погрузка на пароход, кажется, что она идет до бесконечности медленно. Парходик паршивенький, маленький, принять всех не может, но я все-таки на него попал. В трюм не спустился, а остался на палубе. Грузились мы долго, а потом почему-то кружились около станицы и только далеко за полдень, наконец, пустились в путь.

В полночь причалили в станице Аксайской и узнали поразившую нас всех новость. В Аксае — немцы. Какими судьбами они попали в Аксайскую, сколько их было и зачем они здесь, конечно, на этот вопрос никто не мог ответить. Говорили, что наш пароход посетили немецкие офицеры, узнать, чем они могут нам помочь. Наше начальство вежливо отстранило какую-либо помощь с их стороны, заявив, что добровольцы ни в чем не нуждаются, у них все есть.

Утром на другой день мы причалили около Васильевской Мельницы, возле железнодорожной станции. По выгрузке посадили нас на извозчиков и отправили в Епархиальное училище, где расположен был лазарет. О! Чудо! Кругом чистота, белизна постелей, сестер — хоть отбавляй. Кругом забота, ухаживание, внимание. Я немедленно попросил одну из сестер сообщить моим родителям, что я в городе. Прошло несколько томительных часов, как после обеда в дверях палаты показалась мама.

По выздоровлении я опять попал в полк в станицу Мечетинскую, но на этот раз для того, чтобы получить бумаги и попрощаться с род-

ным полком. Я никого не нашел из старых корниловцев своей роты. Все были для меня новые лица, по преимуществу кубанцы. Когда же я попал к заведующему хозяйственной частью для окончательного расчета, то при виде меня он остолбенел. «Да вы же остались в Дядьковской?! Какими судьбами вы здесь?» Я рассказал ему мою одиссею. «Как я рад за вас! Вы долго не давали мне покоя, часто вспоминал вас. Слава Богу! Жив-здоров». После чего он стал рыться в бумагах, извлек из них небольшой листок и показал мне. «Узнаете?» Это была моя расписка, подписанная мною в Дядьковской, о получении мною жалованья за два месяца. «Будем считать, что вы лично ничего не получили». Перечеркнул ее крест-накрест, сделал на ней какую-то пометку и положил обратно в свои бумаги. Получив все, что мне причиталось, и сердечно попрощавшись, двинулся в обратный путь. На сердце было грустно и печально, я покидал свой родной полк. Прощай, черно-красный погон!

Прошли десятилетия, казалось бы, что отошли в область преданий минувшие радости и горечи побед и поражений.

Улеглись страсти — потеряно все.

Но сколько грязи, безответственной злостной лжи льется и поныне на тех, кто первые когда-то, из вони, грязи, из кровавого кошмарного угара подняли Русский национальный флаг. Что можно ответить на все это? Нам, корниловцам-первопоходникам.

Пусть вокруг одно глумленье,
Клевета и гнет,
Нас, корниловцев, презренья
Черни не убьет.

Р. Гуль²⁴⁴

ЛЕДЯНОЙ ПОХОД²⁴⁵

В Ольгинской расположилась вся армия. День солнечный, теплый — тает снег, на улицах — черные проталины, в колеях дорог — вода. По станице снуют конные, пешие; кучками ходят казаки, с любопытством смотря на кадетов (так называли нас на Дону и Кубани. — Р.Г.)...

Через день выступаем в степи на станицу Хомутовскую. Шумит, строится на талых улицах пехота, скачут конные, раздаются команды, крики приветствия... Армия тронулась. В авангарде — генерал Марков, в арьергарде — корниловцы.

День весенний. Небо голубое. Большое блистающее солнце. Прошли станицу — раскинулась белая, тающая степь без конца, и в этом просторе изогнулась черной змейкой маленькая армия, растянулись пешие, конные, обозы...

«Корнилов едет! Корнилов едет!» — несется по рядам сзади. «Полк, смирно! Равнение направо!» Все смолкло, выровнялись ряды, повернулись головы...

Быстро, крупной рысью едет Корнилов на светло-буланом английском коне. Маленькая фигура генерала уверенно и красиво сидит в седле, кругом него толпой скачут текинцы в громадных черных, белых папах... Генерал поравнялся с нами. Слегка откинувшись, сдерживая коня, кричит резким, не идущим к его фигуре басом: «Здравствуйте, молодцы, корниловцы!» — «Здраем желаем, ваше высок-диге», — на ходу, нестройно, но громко и восторженно отвечают корниловцы. Генерал рысью пролетел, за ним перекатываются нестройные приветствия. Появление Корнилова, его вид, его обращение вызывают во всех чувство приподнятости, готовности к жертве. Корнилова любят, к нему благовоют.

К вечеру пришли в Хомутовскую. По улицам мечутся квартиреры. Не хватает хат. Люди разных частей переругиваются из-за помещений. Переночевали.. Ранним утром торопятся, пьют чай, звенят, разбирая винтовки. Та-та-та — протрещало где-то. «Что это? пулемет?» — «Какой пулемет — на дворе что-то треснуло». На минуту все поверили. Но вот ясно затрещал пулемет, а за ним с визгом разорвались на улице две гранаты. «В ружье!» — командует полковник. «Большевики нагоняют», — думает каждый.

Быстро идем на край станицы. Мимо нас скачет обоз, вон коляска с парой вороных коней — в ней генералы Эльснер и Деникин. А навстречу идет Корнилов с адъютантами. «По обыкновению, наши разъезды прозевали, ничего серьезного, будьте спокойны, господа», — говорит генерал. Мы рассыпались в цепь за станицей. Редкие выстрелы винтовок, редко бьет артиллерия. Большевики ушли. Все смолкло.

Опять идем по бескрайней белой степи... Один день похож на другой. И не отличить их, если б не весеннее солнце, начавшее заменять белизну ее — черными проталинами и ржавой зеленью... Прошли Кагальницкую, Мечетинскую, движемся в главных силах. Корнилов идет вместе с нами. То там, то сям запевают песни. Кругом дымится, потягивается от солнца уже черно-пегая степь. Приостановилась колонна. Около нее стоит Корнилов, в зеленом полушубке, в солдатской папаше, в солдатских сапогах, — задумался, смотрит вдаль, окруженный молодежью...

За войсками скрипит обоз. На телеге — группа штатских: братья Суворины с какой-то дамой. Подвода текинцев с Федором Баткиным (Баткина ненавидят гвардейцы, но он взят Корниловым и выступает вместе с ним перед казаками. — Р.Г.). Трясется на подводе сотрудник «Русского слова» — Лембич. В маленькой коляске — генерал Алексеев с сыном... Едут кругом подвод прапорщики-женщины Везут немногих раненых, взятых из Ростова, рядом идут сестры...

Из станицы Егорлыцкой мы должны идти в Ставропольскую губернию. Всех интересует: как встретят неказики? Ходят разные слухи: встретят с боем, встретят с хлебом-солью. Стало известно: к Корнилову приезжала депутация из села Лежанка. Корнилов сказал ей: пропустите меня — будьте покойны, ничего плохого не сделаю, не пропустите — огнем встретите, за каждого убитого жестоко накажу. Депутация изъявила свою лояльность. Казалось, что все обстоит благополучно.

Мы выступили... Те же войска, тот же обоз, потянулись по той же степи. В авангарде генерал Марков. В главных силах — мы. День чудный! На небе ни облачка, солнце яркое, большое. По степи летает теплый, тихий ветер. Здесь степь слегка волнистая. Вот дойти до того гребня — и будет видна Лежанка... Приближаемся к гребню. Все идут, весело разговаривая.

Вдруг, среди говора людей, прокуковала шрапнель и высоко, впереди нас, разорвалась белым облачком. Все смолкли, остановились... Ясно доносилась частая стрельба, заливчато хлопал пулемет... Авангард — встречен огнем. За первой шрапнелью летит вторая, третья, но рвутся высоко и далеко от дороги. Мимо войск рысью пролетел Корнилов с текинцами. Генерал Алексеев проехал вперед.

Мы стоим недалеко от гребня, в ожидании приказаний. Ясно: сейчас бой. Чувствуется приподнятость. Все толпятся, оживленно говорят, на лицах улыбки, отпускаются шутки... Приказ: Корниловский полк пойдет на Лежанку вправо от дороги. Партизанский — влево, в лоб ударит авангард генерала Маркова.

Мы идем цепью по черной пашне. Чуть-чуть зеленеют всходы. Солнце блестит на штыках. Все веселы, радостны — как будто не в бой... Расходились и сходились цепи, и сияло солнце на пути.

Было на смерть в солнечные степи
Весело идти .. —

бьется и беспрестанно повторяется у меня в голове. Вдали стучат винтовки, трещат пулеметы, рвутся снаряды. Недалеко от меня идет красивый князь Чичуа, в шинели нараспашку, следит за цепью, командует: «Не забегайте вы там! Ровнее, господа».

Цепь ровно наступает по зеленеющей пашне... вправо и влево фигуры людей уменьшаются, вдали доходя до черненьких точек. Пиу... пиу... — долетают к нам редкие пули. Мы недалеко от края села... Но вот выстрелы из Лежанки смолкли... Далеко влево пронеслось «Ура!»... «Бегут! бегут!» — пролетело по цепи, и у всех забила радостно-охотничья страсть: бегут! бегут!

Мы уже подошли к навозной плотине, вот оставленные, свежесрытые окопы, валяются винтовки, патронташи, брошенное пулеметное гнездо... Перешли плотину. Остановились на краю села, на зеленой лужайке, около мельницы. Куда-то поскакал подполковник Неженцев. Из-за хат ведут человек 50—60 пестро одетых людей, многие в защитном, без шапок, без поясов, головы и руки у всех опущены. Пленные.

Из Ставропольской губернии мы свернули на Кубань. Кубанские степи не похожи на Донские, нет донского простора, шири, дали. Кубанская степь волнистая, холмистая, с перелесками. Идем степями. Весна близится. Дорога сухая, зеленеет трава, солнце теплое...

Пришли в станицу Плосскую, маленькую, небогатую. Хозяин убогой хаты, где мы остановились, — столяр, иногородний. Вид у него забитый, лицо недоброе, неоткрытое. Интересуется боем в Лежанке. «Здесь слышать было, как палили... а чевой-то палили-то?» — «Не пропустили они нас, стрелять стали...» По тону видно, что хозяин добровольцам не сочувствует.

Идем из Плосской тихими, мягкими, зелеными степями. В станице Ивановской станичный атаман со стариками встречают Корнилова хлебом-солью, подносят национальный флаг. День праздничный, оживление... Казаки, казачки высыпали на улицы, ходят, шелуша семечки. Казаки — в серых, малиновых, коричневых черкесках. Казачки в красивых разноцветных платках. Нас встречают радушно. Из хат несут молоко, сметану, хлеб, тыквенные семечки.

На площади кучками толпятся войска: пешие, конные. Бравурно разносятся военные песни. В кружках танцуют наурскую лезгинку. Казаки, казачки, угощая кто чем, с любопытством разговаривают с нами. «Ну вот, я говорил вам, что на Кубани будет совсем другое отношение, видите», — говорит кто-то.

На Кубани повеяло традицией старой Руси. Во всех станицах встречают радушно, присоединяются вооруженные казаки.

В станице Веселой остановились отдохнуть. В нашей хате — старый казак с седой бородой, в малиновой черкеске, с кинжалом, газырями. Рядом с ним его жена — пожилая, говорливая казачка. И муж и жена

давыпили. «Россию восстановим! Порядок устроим! Так, братцы, так или нет?» — кричит оглушительным басом казак, ударяя себя кулаком в грудь.

Из Веселой надо переходить железную дорогу Ростов—Тихорецкая. Железнодорожная линия занята большевиками. Мы должны прорываться — и, чтоб поспеть на раннем рассвете перейти, выступаем в 8 часов вечера. Приказано: не курить, не говорить, двигаться в абсолютной тишине. Момент серьезен. В темноте ночи тянутся темные ряды фигур, сталкиваются, цепляясь винтовками, звеня штывками. Хочется спать. Холодно. Идем...

Черная темнота начинает сереть. С края горизонта чуть лезет белосиний рассвет. Уже можно разобрать лица. Теперь — недалеко от железной дороги. Остановились. Холод сковывает тело. Люди опускаются на землю. «Господа, кто хочет греться по способу Петра Великого!» — зовет капитан. Встают, плотная куча людей качается, толкается, все лезут в середину.

Впереди ухнули взрывы — это наша конница рвет мосты. Встать! Шагом марш. Идем... Уже вдали виднеются здания, железная дорога и станица — значит, авангард прошел благополучно. Подходим к станице Ново-Леушковской, наша рота заняла станцию. Здесь мы охраняем переправу обоза.

Но через полчаса летит с подъехавшего бронированного поезда и рвется на перроне большевистская граната. Снаряды рвутся кругом станции, бьют по обозу. Видно, как черненькие фигурки повозок поскакали рысью. Но обоз уже переехал, и мы уходим от Леушковской по гладкой дороге меж зелеными всходами. Прорвались.

Разместились в Старо-Леушковской. Принесли в хату соломы. Пристают к хозяйке с ужином. «Да, ей-богу, ничего нема», — отговаривается недовольная хозяйка. Но достали и ужин, нашли и граммофон, захрипевший «Дунайские волнь». «Сестры, вальс! Generale! Вальс!» Два офицера закружились по комнате с Таней и Варей.

Стало совсем весенне. Степь изумрудна — на бархате черного фона. Солнце сияет. Ветер ласковый, трепетный. Мы прошли Ирклиевскую — идем на Березанскую. По пути по рядам пошел разговор: «Станица занята большевиками — придется выбивать».

Долетели выстрелы. Авангард столкнулся — будет бой. Остановились. Приказано: обойти станицу — ударить с фланга. Корниловский полк уходит с дороги влево, идет зеленой пашней. Легли за складкой. Трещат винтовки в стороне авангарда.

Встали, двинулись густой цепью. В котловине видна Березанская. Только вышли на гребень, по нас засвистали пули, часто, ожесточен-

но. Упало несколько раненых, но цепь движется вперед, оставив на месте неподвижно лежащих людей и склонившихся над ними сестер.

Опять залегли. Над головами посвистывают пули. К цепи подходит штабс-капитан Садовень²⁴⁶. «Вторая рота, снимите шапки... князь убит». Не все расслышали. «Что? что?» — «Князь убит», — пролетело по цепи. Все сняли шапки, перекрестились. «Господа, кому-нибудь надо сходить к телу князя. Нельзя же бросить», — говорит Садовень. Я встал, пошел вперед по указанному направлению.

На зеленом поле, под голубым небом лежал красивый князь, немного бледный. Левая рука откинута, лицо повернуто вполборота. Над ним склонилась сестра Дина Дюбуа. «Убит», — говорит она тихо. «Куда?» — «Не могу найти — нигде нет крови». Я смотрю на бледного князя и вспоминаю его радостным, танцующим лезгинку. А кругом, отовсюду трещит стрельба. Наши цепи везде движутся вперед. В станице раздаются беспорядочные выстрелы. Большевики бежали. Далеко по полю лавой летит кавалерия...

Я уложил на телегу князя, взял с собой хозяйку и поехал. При въезде в станицу лежали зарубленные люди, все в длинных красных полосах. У одного голова рассечена надвое. Хозяйка смотрит на них вытаращенными, непонимающими глазами, что-то шепчет и торопливо дергает вожжами. По улицам едут конные, идут пешие, скрипят обозные телеги. По дворам с клокотанием летают куры, визжат поросята, спасаясь от рук победителей.

Нашел свой район — въехал на широкий зеленый двор, обсаженный тополями. Навстречу вышли Таня, Варя, офицеры. Осторожно сняли князя, положили на солому под деревом. Заплакали Таня, Варя и офицеры один за другим. Ушли в хату, поставили часового.

Вечером ушли в заставу. Ночь холодная, ветер сильный и злой, небо темное, ни зги не видно... Расставили в степи караулы. Ветер пронизывает насквозь. Нашли маленький окопчик. Две смены залезали туда, а часовой и подчасок ходят взад и вперед в темноте большой дороги. Ветер гудит по проволоке и на штыках...

Наутро мы уходим на станцию Выселки. Укладываем на подводу тело князя, а в дверях хаты, жалко согнувшись, плачет старая хозяйка. «Что ты, бабушка?» — «Как что, — наш-то, может, тоже так где лежит», — всхлипывает старуха...

Вся армия идет на Журавскую. Мы — на Выселки. Они заняты большевиками, и Корниловскому полку приказано: выбить. Идем быстрым маршем. Все знают, что будет бой. Разговаривают мало, больше думают. Спустились в котловину, поднялись к гребню и осторожно остановились. Командир полка собрал батальонных и рот-

ных, отдает приказания. Громыхая, проехали на позицию орудия. Развели по батальонам, а командир полка с штабом остался у холмика.

Мы вышли в открытое поле. Видна станция Выселки, дома, трубы. Идем колонной. Высоко перед нами звонко рвется белое облачко шрапнели. «Заметили, началось», — думает каждый. «В цепь!» — раздается команда. Ухнули наши орудия. С хрипом, шуршанием уходят снаряды. Вдали поднялась воронкой земля. Звук. Разрывы удачны. «Смотрите, господа, там цепи, вон движутся!»

Идем широко разомкнувшись — полк весь в цепи. Визжат шрапнели, воют гранаты. Мы близимся... Вот с мягким пением долетают пули. Чаше, чаше... Залегли, открыли огонь... «Варя! Таня! Идите сюда! Где вы легли? Ну, зачем вы пошли — говорили же вам!» — слышу я сзади себя. Во второй цепи лежат Варя и Таня в солдатских шинелях, с медицинскими сумками...

«Цепь вперед!» Поднялись. Наша артиллерия гудит, бьет по виднеющимся цепям противника. «Смотрите! смотрите! отступают!» — несется по цепи. Видно, как маленькие фигурки бегут к станции. Их артиллерия смолкла. Наша усиленно заревела.

«По отступающему — двенадцать!» Все затрепало. Заварилась стрельба. Чаше, чаше... Слов команды не слышно... С правого фланга, из лошины вылетела лавой кавалерия, карьером понеслась за отступающими, блестят на солнце машущие шашки...

Мы идем быстро. Мы недалеко от станции. Впереди, перебежав полотно, бегут уже без винтовок маленькие фигурки. Пулеметчик прилег к пулемету, как застыл. Пулемет захлопал, рвется вперед. Маленькие фигурки падают, бегут, ползут, остаются на месте...

К вечеру мы выходим за Выселки. Отошли версты четыре. «Господа, большевики уже заняли Выселки. Смотрите, у завода как будто орудия». И не успел офицер сказать это, как блеснул огонек, ухнула пушка и возле нас рвется граната, другая, третья... Обозные телеги метнулись, понеслись. Усталая за день пехота нервничает, бежит к насыпи железной дороги — скрыться. Отступаем под взрывы, треск, вой гранат.

В восьми верстах, в хуторе Малеванном, расположились ночевать. От нашей роты караул и секрет в степь. Усталые, ругая всех, идем. Темная ночь сровняла секрет с землей. Лежим. Тихо. В усталой голове бегут мысли о доме, воспоминания о каких-то радостях... Но вот топот по дороге. Силуэты конных. По ночи ясно долетает разговор: «Стой! Кто идет?» — «Свой». — «Пропуск?» — «Штык». — «Проезжайте».

Тихое, ясное утро. Мы вышли из Малеванного. Усталые от боев и переходов, все хотят только одного: отдыха. Идем степями. Скоро Кореновская. Где-то протрещали одинокие выстрелы. К командиру полка подъехали какие-то конные, что-то докладывают. И сразу облетело всех: Кореновская занята большевиками. Вместо отдыха — опять бой.

Мы уже цепью идем по степи. Рвутся снаряды их, уходят наши. Они пристрелялись — шрапнель рвется на уровне человеческого тела и немного впереди цепей. Лопнет белое облачко, и как придавит цепь — все падают. Сзади стон, кто-то ранен. Сестра повела его под руку. Еще кто-то упал. Чаще с злым визгом рвутся шрапнели, чаще падают идущие люди. Уже свистят пули, захлопали пулеметы. Мы залегли, наскоро окапываясь руками, а над нами низко, на аршин от земли, с треском, визгом лопаются шрапнели, и маленькое, густое, белое облачко расходится в большое, легкое и подымается вверх.

Вот захлопал вдали пулемет. Вот снопом долетают пули, визжат, ложатся впереди, ближе, ближе поднимается от них пыль, как будто кто-кто страшный с воем дотягивается длинными щупальцами. Цепь прижимается, вжимается в землю, «в голову, в голову, сейчас, сейчас...». Пулемет не дотянулся, перестал. Его сменил треск двух шрапнелей, и вслед за ним из второй цепи донеслось жалобное «Ой... ой... ой...».

Все осторожно поворачивают головы. Раненого видно сразу: он уже не вжимается в землю и лежит не так, как все... «Кто-то ранен там, где лежит брат. Неужели он?» «Кравченко! — кричу я шепотом моему соседу. — Узнай, ради Бога, кто ранен и куда» Кравченко не оборачивается. Мне кажется, что он умышленно не слышит. «Кравченко!» — кричу я громче. Он мотает головой, спрашивает следующего. «В живот», — отвечает мне Кравченко.

«Кто, спроси кто!» Доносятся жалобные стоны. Я оборачиваюсь. Да, конечно, брат лежал именно там. Я уверен. В живот — стало быть, смертельно. Чувствую, как кровь отливает от головы. Путаясь, летят мысли, громоздятся одна на другую картины... «Вот я дома... вернулся один... брата нет... Встречает мать...» Та-та-та-та — строчит пулемет, около меня тыкаются пули. Оглушительно рвется шрапнель, застилая облаком...

«Лойко ранен!» — кричит Кравченко. Лойко — слава Богу, — стало легко... И тут же проносится: какая сволочь человек, рад, что Лойко, а не брат, а Лойко ведь сейчас умирает, а у него тоже и мать и семья...

«Тринадцать! часто!» — кричит взводный Григорьев. Я не понимаю. В чем дело? Он часто щелкает затвором, стреляет, стреляет...

«Что же вы не стреляете! Наступают же!» — кричит Григорьев, и лицо у него возбужденное, глаза большие.

Я смотрю вперед: далеко, колыхаясь, на нас движутся густые цепи, идут и стреляют...

Как же я не заметил, пронесится у меня... надо стрелять... затвор опять не почистил... Кругом трещат винтовки. «Отходить!» — кричит кто-то по цепи... Что такое? Почему? Все встают, отступают, некоторые побежали... Отступление! Проиграли!

Но куда же отступать! Некуда ведь! Я иду, оборачиваюсь, стреляю в черненькие фигурки, иду быстро, меня обгоняют... Смешались!.. Как неприятно... «Кучей не идите!» — кричит кто-то... Сзади роем визжат, несутся пули, падают кругом, шлепая по земле... Неужели ни одна не попадет в меня?.. Как странно, ведь я такой большой, а их так много... Смотрю вправо, влево — все отступают... «Куда же вы, господа!» — раздаются крики... «Стойте! Стойте!..» Раненого Лойко бросили, он полз, но перестал... вот уже скоро наша артиллерия...

...Сзади черненькие фигурки что-то кричат... интересно, какие у них лица... Ведь тоже — наши, русские... наверно, звери... «Стойте же, господа!» «Стойте... вашу мать!» — кричат чаще... Кое-где останавливаются отдельные люди, около них другие, третьи... Цепь неуверенно замедляет шаг... Все равно — ведь отступать некуда, лучше вперед, будь что будет...

«Вперед, братья! Вперед!» — раздаются голоса. Двинулись вперед одиночки, группами... Крики ширятся: «Вперед! Вперед!..» Вся цепь пошла. Даже далеко убежавшие медленно возвращаются.

Что-то мгновенно переломилось. Так же свистят пули, так же густо наступают черненькие фигурки, но мы уже идем на них, прямо на них... ура!.. ура! И вправо и влево, вся цепь идет вперед, выстрелы чаще... крики сильней... «Ура!.. Бей их... мать! Вперед!»

Пошли, все пошли — быстро. Лица другие — весело-зверские, радостные, раскрасневшиеся, глаза блестят. Сходимся... В штыки... Все равно... вперед!.. ура!.. ура!.. Почему же они не близятся? остановились?

Черненькие фигурки уже не кричат... стали... толпятся... дрогнули. «Отступают! отступают!» — громово катится по цепи, и все бросились бегом... стреляют... бегут... штыки наперевес... лица радостные... ура!.. ура!.. ура!..

Вперед некуда — уткнулись в реку. Черт возьми! Зачем мы пошли на мост! Надо назад! Тррах! Взрыв! Удар! Все кругом трещит. С поезда бьют на картечь! Опять упали раненые. Господа! Назад! Идти некуда! Бежим назад. Взрывы! Треск! С поезда бьют часто, оглушитель-

но... На полотне наш пулемет, за ним прапорщик-женщина Мерсье, прижалась, стреляет по поезду и звонко кричит: «Куда же вы?! Зачем назад!..»

Страшный удар. Убило бегущих пулеметчиков. Стонут лежащие ранены: «Возьмите, возьмите, ради Бога, господа, куда же вы?» Одни быстро проходят мимо, как будто не замечая. Другие уговаривают: «Ну куда же мы возьмем? Мы идем на новые позиции». — «Христиане, что ль, вы?» — надтреснуто кричит большой раненый корниловец. «И правда? Возьмем, господа?» Берем вчетвером на железнодорожный щит, тяжело нести, он стонет, нога у него раздроблена... «Ой, братцы, осторожно, ой, ой» Отнесли к будке, сдали сестре.

«Господа, надо найти кого-нибудь из начальников». — «Здесь, на будке, генерал Марков, сходите». Иду. На крыльцо выходит генерал Марков, в желтой куртке по колено, в большой текинской папахе, с нагайкой. «В чем дело?» Докладываю. «Зачем же вы зарывались, на мост лезть совсем не было надобности... Передайте, что положение прочное. Станица уже за нами. Бой идет по железной дороге. У вас есть старший, пусть ведет вас к вашим цепям. Догоняйте их».

Мы перерезаем поле, идем по улице станицы. Вышли из боя — на душе стало мирно, хорошо. Возбужденность, подъем мгновенно исчезли. На смену им пришла мягкая, ленивая усталость, желание отдыха. Не хочется идти опять в бой, в шум, в крики, в выстрелы...

Уже вечерет. За станицей молчаливо, понуро стоят наши батареи. «Куда корниловцы пошли?» — «Вот так». Нашли свою роту. Она лежит в цепи, примыкая флангом к полотну железной дороги. Легли и мы. Тяжелая, равнодушная усталость вяжет тело. Не хочется ни стрелять, ни наступать, ни окапываться. Хочется отдохнуть.

А пули свистят. Видны большевистские цепи и далеко на полотне их бронированный поезд. Вяло трещат винтовки. Но вдруг по цепи пролетела суeta. Поезд наступает. С белым, вздрагивающим и расплывающимся над трубой дымком поезд увеличивается, увеличивается... Цепь нервничает. Люди встают. Отступают. Уже отошли за будку. А поезд придвигается все ближе, ближе...

Приказ: в атаку на поезд. Усталость сковывает тело. Как не хочется идти в атаку. И что мы сделаем? А поезд близится, с него стреляет пулемет. «В атаку! Ура!» Цепь неуверенно двинулась. Несколько человек быстро идут вперед, остальные вяло двигаются с винтовками наперевес. «Вперед! вперед!» Пошли быстрее. Выравниваются, кричат. Пошли...

Вот мы уже недалеко от поезда. С него вихрем несутся пули... Ура!.. ура!.. ура!.. Что это?! Кто меня ударил по ноге? Какая боль!

Я покачнулся, схватился за ногу... Кровь... Ранен... Недалеко, согнувшись, бежит брат, кричит «Ура!». Надо сказать ему. «Серезжа! Серезжа!» Не слышит...

Я опираюсь на винтовку, тихо иду назад к будке. Сзади летят, жужжат пули. «Сейчас еще раз ранит, может быть, убьет», — пронесется в голове. Нога ноет, как будто туго перетянута... На будке одна сестра. Около нее сидят, лежат, стоят раненые. «Сестрица, перевяжите, пожалуйста». — «Сейчас, сейчас, подождите, не всем сразу, — спокойно отвечает она. — Вот видите, на позиции я одна, а все сестры где? Им только на подводах с офицерами кататься».

Сестра перевязывает и ласково улыбается: «Ну, счастличик вы, еще бы полсантиметра — и кость». Нога приятно стягивается бинтом... Меня под руки ведут в станицу. Уже легли сумерки. По обсаженной тополями дороге несут раненых. Вдали стучат винтовки, пулеметы, ухает артиллерия...

В Кореновской против нас сражалось до 14 тысяч большевиков, под командой известного Сорокина. Выбитые из нее, они сосредоточились в станице Планировской, следующей по железной дороге, и ждали нашего наступления. Неожиданно для них мы свернули на Усть-Лабу. С раннего утра на площади стоят запряженные подводы. Около них суетятся сестры. Выносят раненых, укладывают, укрывают тряпками, одеялами, купленными в станице.

Уже прошли строевые части. Со скрипом тронулись одна за другой подводы. Стонут тяжелораненые. По степи, за станицей, лентой изогнулся обоз. Тихо. Спокойно. Но вот сзади донесся далекий треск ружей, неприятно разорвав тишину степи. Смолкнет и опять затрещит. Раненые волнуются. «Что такое в арьергарде? Что такое?» — спрашивают бледные взволнованные лица, приподымаясь с телег.

Обоз тихо движется. Уже середина дня, а бой в арьергарде не прекращается. Напротив, стрельба стала как будто ближе, чаще, настойчивее. И впереди громыхнуло орудие, вспыхнули дальние разрывы, затрещали ружья и пулеметы. Авангард столкнулся с большевиками под Лабинской. Обоз стал. Раненые поднимаются с подвод. «Сестра, узнайте, почему обоз стал? Сестра!» — «Разве вы не слышите, под Лабинской бой идет, вот и стал».

Впереди и сзади трещат выстрелы, ухают орудия. Обоз волнуется. «Слышите, слышите, приближается, слышите!» — говорит молодому юнкеру с раздробленной рукой капитан с перебитыми ногами. Юнкер прислушивается: «Да, по-моему, близится». Капитан нервно, беспомощно откинулся на подушку.

Впереди и сзади гудит, раскатываясь, артиллерия. Винтовки и пулеметы слились в перекатывающийся треск. Зловещий гул близится к обозу с ранеными. Подводы тронулись. «Что такое? Почему едут?» — стонут раненые. Приказано по три повозки стать — сокращают протяженность обоза. Стало быть, цепи отступают. И тоска сжимает сердце, тянет его глубоко, глубоко в жуткую пропасть...

Из арьегарда идет небольшая часть вооруженных людей. Лица озабоченные, строгие. «Ну что?», «Как?» — спрашивают с телег раненые. «Ничего — наседают, отбиваем», — отвечают спокойно идущие. Они отделились от обоза и пошли влево, цепью по пашне. Глаза всех зорко следят за ними. Вот они почти скрылись. Донеслось несколько одиночных выстрелов. Стало быть, и там большевики. Обходят. Охватывают кольцом. Бой с трех сторон. Впереди самый сильный. Там не слышно перерывов — трескотня и гул сплошные.

Обоз стоит на месте несколько часов, и в эти часы тысячи ушей напряженно прислушиваются к гулу, вою, треску — впереди, с боков, сзади; сотни бледных лиц приподымаются с подвод и большими, напряженными, тоскливыми глазами тревожно смотрят в уходящую даль.

Вот впереди особенно ожесточенно затрещали выстрелы, и треск стал постепенно, гулко удаляться, как будто волны уносили его. «Слышите, слышите — удаляется! Удаляется!» — несется по подводам. «Обоз вперед! Обоз вперед!» — послышались крики. Тронули подводы, замахали кнутами возчики. «Да скорей ты, скорей!» — кричат раненые. Но верховые не пускают, машут нагайками, выравнивают обоз в одну линию. Рысью едет обоз по мягкой дороге. Впереди уносится вдаль гул выстрелов, они уже сплошные, с перерывами. Ясно: большевики отступили, наши занимают станицу.

* * *

По зеленым, крутым холмам над реками Лабой и Кубанью раскинулась Усть-Лабинская белыми хатами. На обрывистых холмах повисли, вьются виноградники, мешаясь с белым цветом вишен, яблонь, груш. Въехали в станицу. Остановились на улицах. Сестры бегут по хатам, покупают молоко, сметану своим раненым. Но здесь мы не останавливаемся — едем дальше на Некрасовскую. Поздний вечер. Подвода за подводой, скрипя, движутся в темноте. Раненые заснули тяжелым, нервным сном. Изредка тряхнет на выбоине телегу, раздадутся стоны... и опять тихо...

Брат рассказывает нам о бое под Лабинской: «Нас под самой станицей огнем встретили. Мы в атаку пошли, отбросили их. Потом к ним

с Тихорецкой эшелон подъехал — они опять на нас. Тут вот бой здоровый был. Все-таки погнали их и в станицу ворвались. На улицах стали драться. Они частью к заводу отступали, частью за станицу. Нам было приказано за станицу не идти, а Неженцев зарвался, повел, ну, которые на завод отступили и очутились у нас в тылу. Тут еще начали говорить, что обоз с ранеными отрезан. Мы бросились на завод — выбили. Они бежать в станицу, а там их Марковский полк штыками встретил, перекололи. Здесь такая путаница была, чуть-чуть друг друга не перестреляли... из тюрьмы мы много казаков освободили. Часть большевиков расстреляли перед уходом, часть не успели». — «Молодец все-таки Корнилов! — перебивает другой раненый. — Еще станицу не заняли, а он уже влетел на станцию с текинцами. Его казаки там на ура подняли, качали». — «А в Кореновской-то он что сделал! — говорит капитан Р. — Собственно, и бой-то мы благодаря ему выиграли. Ведь когда наше дело было совсем дрянь, отступать начали, он цепи остановил, в атаку двинул, а сам с текинцами и двумя орудиями обскакал станицу и такой им огонь с тыла открыл, такую панику на «товарищей» навел, что они опрометью бежать кинулись...»

День мы отдыхаем в Некрасовской. По станице бьет большевистская артиллерия, по улицам во всех направлениях свищут пули — это обстреливают станицу выбитые из Некрасовской и Лабинской большевики, засевшие под ней в перелесках и болотах.

Несколько раз долетел похоронный марш. Хоронит убитых и умерших. Похоронный марш звучит в каждой станице, и на каждом кладбище вырастают белые кресты со свежими надписями.

* * *

Еще с вечера пошли строевые части по выработанному маршруту. Но каждый шаг надо брать с боя. Под Некрасовскую подошли сильные части большевиков, поднялись крестьяне окрестных хуторов.

Первый бой недалеко от Некрасовской, за переправу через реку Лабу. Мосты разрушены. На противоположном берегу в кустах засели большевики, не подпускают добровольцев к реке, открывая частый, губительный огонь. А пробиться, уйти от Некрасовской — необходимо. Необходимо потому, что и сзади, со стороны Усть-Лабинской, давят большевики, подъезжая эшелонами из Екатеринодара.

Образуется кольцо и становится все уже. Вечереет. Юнкерский батальон пытается форсировать реку вброд. Засевшие в кустах большевики отбивают. Уже ночь, темная-темная. Дорог каждый час, каждая минута. Добровольцы пускаются на хитрость. Несколько смель-

чаков тихо крадутся к темной, змеящейся реке. Булькнула вода, вошли и тихо-тихо переходят. Берег. Условные выстрелы. Ура! Ура! Побежали по берегу. «Ура» гремит с другой стороны. Залпы! Залпы! Бегут к реке. Большевики опешили, стреляют, смешались, побежали... Вброд бросился батальон. Река за добровольцами. Армия двинулась вперед.

По наскоро наведенному мосту переезжают подводы Лабу и, переехав, несутся рысью по мягкой дороге, догоняя голову обоза. Уже весь обоз изогнулся по равнине. Тихо едем мимо большого пчельника. С подвод прыгивают возчики, сестры, бегут за медом и вперегонку возвращаются на свои подводы. Зеленую степь накрыло голубое небо. В голубом просторе высоко-высоко черными точками парят ястребы — плавно и бескрыло. Нет выстрелов — не чувствуется войны.

Но вот впереди затрещало, бьет артиллерия. Под Киселевскими хуторами бой, долгий, упорный. В обоз прибывают раненые — рассказывают: «Здесь крестьянские хутора — так все встали, даже бабы стреляют; и чем объяснить? Ведь пропустили они нас — никого бы не тронули, нет, поднялись все».

Заняли хутора. Нигде ни души. Валяются убитые. По улицам бродят, мыча, коровы, свиньи, летают еще непойманные куры. Переночевали на подводах и утром выезжаем на Филипповские. Над селом подымается черными клубами дым, его лижет огонь красными языками. И скоро все село пылает, разнося по степи сизые тучи...

А впереди опять треск ружей, гул орудий. Опять мы в кольце. Идут мучительные часы ожиданий. Из арьергарда требуют подкреплений. Туда скачет текинский конвой Корнилова — это все, что может дать Главнокомандующий. Ушла в бой музыкантская команда. Взяли всех способных стрелять из обоза... Только к вечеру, вырвавшись из кольца, заняли Филипповские. Здесь та же картина: ни одного жителя, все как вымерло...

Ранним утром из Филипповских выезжают последние подводы, и опять все село застилается сизыми тучами. Сожгли. Недалеко от него спустились в лошину. Обозу приказано остановиться. Опять — бой кругом. Сегодня в обоз ведут, несут особенно много раненых. Раненым на подводы раздают винтовки. Близится ружейный треск. Наши цепи отступают.

Среди раненых — паника. «Женя! Женя! — зовет хорунжий М., он ранен в шею, ноги, и руки у него парализованы. — Застрели меня, если наши не выдержат, Женя, я прошу тебя, я знаю наше положение, а я ничем ведь пошевелить не могу». Стрельба удаляется — наши цепи двинулись вперед...

Из боя пришел Садовень. «Ну Корнилов! Что делает! Кругом пули свищут тучами, а он стоит на стогу сена, отдает приказания, и никаких. Его адъютант, начальник штаба, текинцы просят сойти — он и не слушает. Наши цепи отступить стали, он от себя всех текинцев послал остановить. Остановили — вперед двинули... И Алексеева видал, тоже совсем недалеко от цепей стоит. Его кучера сегодня убило...»

Раненые слушают, перебивая нервными вопросами: «Ну, как теперь? Наши не отступают?» — «Нет, теперь ничего, двинулись вперед, а было положение отчаянное. Уж больно их много, тучи прямо...»

* * *

Мы проехали мертвый аул. В другом черкес рассказывал, что из 300 с лишним жителей малого аула более 200 были убиты большевиками, а оставшиеся в живых разбежались.

Шенджий больше других напоминает казачьи станицы. Дома просторные, лучше. Улицы прямые. Здесь разместился обоз раненых. Мы нашли просторную саклю: кое-какая городская обстановка, в углу граммофон. Хозяева принимают нас радушно. Пожилая черкешенка, плача, что-то рассказывает Тане и зовет ее посмотреть. «Что такое, Таня?» — «Просит сына перевязать, большевики штыками искололи».

Таня торопливо роется в медицинской сумке, что-то взяла и отправилась в соседнюю комнату. Я пошел за ней. Молодой черкес при виде ее завозился, приподнялся с кровати. Мать заговорила с ним по черкесски. Он встал, поднял рубаху для перевязки. Тело бледно-желтое. Во многих местах черно-синие запекшиеся раны. Раны загноились. Таня осторожно промывает их, что-то шепча, качает головой и накладывает перевязки. Четырнадцать ран — и ни одной особенно большой. Кололи, видимо, не убивая, а для удовольствия. «За что же они вас так?» — невольно спрашиваю я. «Бюржюй, говорят», — ответил черкес. Его мать быстро ломано начала рассказывать, как большевики убивали и грабили в ауле...

На площади около мечети гремит музыка, гудят войска. Корнилов говорит, обращаясь к черкесам. Черкесы стоят конной толпой с развевающимся зеленым знаменем с белым полумесяцем и звездой. Внимательно слушают они небольшого человека с восточным лицом. А когда Корнилов кончил, раздались нестройные крики, подхваченные тушем оркестра.

После парада на вышке минарета показался муэдзин, худой, черный. Долго слышались горловые выкрики его и ответный гул черкесской толпы. Муэдзин призывал к борьбе, к оружию, к мести за убитых отцов и братьев.

Вечером к нам зашел полковник С. «Корнилов вам привет прислал». Я улыбнулся. «Нет, серьезно. Я у него был сейчас. Спрашивал: как ваш отряд? Весь, говорю, перебит, переранен. А адъютант ваш? Ранен, говорю. Передайте ему привет, скажите, буду в лазарете — разыщу».

Утром мы выехали из аула.

* * *

С ночи погода изменилась. Пошел липкий, мокрый снег с сильным, колючим ветром. Стало холодно. Вышли строевые части. Растянулся по дороге обоз... Ехать долго. Только к вечеру можем прибыть на ночевку в станицу Калужскую. Туда отправляют раненых. Строевые же части должны с боем брать большую, богатую станицу Ново-Дмитриевскую.

Лепит мокрый снег. Дует злой холодный ветер. Пехота идет вся белая, сжавшаяся. На подводах — раненых, кое-как прикрытых разноцветными тряпками, одеялами, занесло снегом, он тает, течет вода... все мокрое... холодно. Дорога испортилась. Подводы вязнут, застревают. Худые, слабосильные лошади черкесов не в силах вытянуть. К вечеру морозит. Падающий снег замерзает корой на одеялах, перевязки промокли. Раненые лежат в ледяной воде...

Упали первые тени, темнеет, а Калужской не видно. Холод сковывает тело. Теплая хата кажется блаженством... Погода еще злее. Снег валит сизыми хлопьями... Обоз растянулся... В темноте нервные крики: «Да подождите же! Помогите подводу вытащить!» Но все спешат. Никто не слышит. Никто не помогает. Каждый погоняет своего возчика... скорее... до хаты... согреться.

Совсем темно. Мелькают огоньки. Калужская. Подводы въехали в станицу, размещаются сами как попало. Нет ни начальников, ни квартиреров. Только сестры, грязные, усталые, ходят по колено в снегу по улицам, помогая раненым устроиться на ночлег.

Утром заговорили: подводы не все! Поехали искать... Поздно. Восемнадцать раненых замерзли... Завязли подводы, упали слабые лошади. Никто не помог, все торопились. А строевые части свернули на Ново-Дмитриевскую. Мокрые до нитки, замерзшие, продрогшие — идут в бой.

Темная ночь. Добровольцы обхватили станицу кольцом, наступаю-
ют. Летит снег, дует ветер, хлюпают промокшие ноги.

Марковский полк уткнулся в реку. Замялись. Но медлить нельзя —
проиграется дело. А на реке ледяная кора... «Полк вперед!» И генерал
Марков первым шагает вброд. Идут в бой через ледяную реку, высоко
в темноте держат винтовки... (Этот эпизод, как и некоторые другие,
дали повод генералу Маркову в публичной лекции в Новочеркасске на-
звать поход Корнилова «ледяным», после чего на Дону и Кубани это
название утвердилось за походом. — Р.Г.)

Перешли. Ударили. Во главе с Корниловым ворвалась армия в ста-
ницу. Сонные большевики, захваченные врасплох, — взяты в плен. На
другой день на площади строят семь громадных виселиц. На них по-
весили семь захваченных комиссаров.

К вечеру по Ново-Дмитриевской бьет сильная артиллерия. На ста-
ницу идут густые, решительные цепи большевиков. Темная ночь. Бой
отчаянный. Мигают ленты огней, трещат винтовки, гулко хлопают
пулеметы, зловеще ухает в темноте артиллерия.

Противники сходятся на сто шагов. Слышны команды обеих сто-
рон. Даже перекрикиваются: «Ну, буржуи, сейчас вас оседаем!» —
«Подождите, краснодранцы!..»

Большевики ведут отчаянные атаки: Ново-Дмитриевскую им надо
взять. Добровольцы не сходят с места: Ново-Дмитриевскую им нельзя
отдать. Уже рассветает — большевики отбиты. Рассказывают, что крас-
ноармейцы закололи своих начальников, уговоривших их идти на Ново-
Дмитриевскую.

Вечер в Ново-Дмитриевской. В дымной маленькой хате лежат ра-
неные. Разговоры одни и те же: кто убит? кто куда ранен? Вспо-
минаются бои, эпизоды. Кто-то достал засаленную книжку Дюма
«Chevalier de maison rouge», читает вслух. Тускло горит свеча, все,
слушая, задумались...

Входит Варя. Сапоги, платье — грязные, вид усталый, лицо за-
плаканное. «Варя, что с вами? Варя?» Она падает на стол, громко
рыдая. «Эраст убит! Эраст убит!» — «Быть не может! Где?» —
«В слободе Григорьевской». Варя плачет. Тихо, незаметно вытирают
слезы раненые.

Эраст Ващенко. Мы вместе учились, вместе приехали на Дон. Он
единственный сын. Одинокая мать — жила только его любовью.
Вспомнилась последняя встреча с ним в ауле. Эраст был усталый, из-
мученный: «Как это все тяжело, как хочется отдохнуть, — говорил
он, — мне кажется иногда, что я не выдержу больше...» Теперь он
зарыт, как тысячи других...

* * *

Части Добровольческой армии по нескольким направлениям движутся к Екатеринодару. На пути с боем берутся станицы и станции. Прошли Георгие-Афипскую, какой-то аул. Переправились через Кубань, взяли Елизаветинскую и кольцом обложили столицу кубанских казаков.

Обоз подъехал к Кубани. Не переправляется — расположился табором по широкому зеленому лугу. Дымятся костры. Пасутся лошади. Меж телег ходят сестры: перевязывают, кормят раненых. На земле лежит группа штатских. К ней подъезжает на большом вороном коне М.В. Родзянко. «Что это за трупы?.. А! Родзянко и прочие контрреволюционеры...» — смеется он густым сильным басом...

Издаലെка доносится гул боя. Начался штурм Екатеринодара.

Весь день проходит в ожидании. Вести из боя какие-то странные. Приедет верховой, сообщит: Екатеринодар взят. По обозу несется «Ура!». Едет второй: не взят, наши отбиты с большими потерями. Томительно тянется день, другой... От Екатеринодара катится непрерывный гул: штурмуют. К вечеру второго дня, по наведенному парому, обоз медленно переправляется через Кубань. Три подводы становятся на паром. Переплыли. И тихо едут по узкой дамбе до дороги в Елизаветинскую, отстоящую в восьми верстах от Екатеринодара...

Обоз раненых разместился по станице. Мы устроились в церковной сторожке, в ограде церкви. Большая комната застлана соломой. Подряд лежат раненые...

Утро. Третий день штурма. День голубой, теплый. Артиллерия гудит без всякого перерыва. Ружья и пулеметы слились в беспрестанный, перекатывающийся треск. Раненые сидят на паперти церкви. Прислушиваются к гулу боя, стараясь определить: близится иль нет? Ничего не поймешь. Как будто все на одном месте...

Красная каменная церковь вся истреляна снарядами. Старенький сторож-казак показывает в окне церкви небольшой, написанный на стекле образ Христа. Окно выбито снарядом. Кругом иконы — осколки гранаты и стекла, образ стоит нетронутым, прислонившись к железной решетке. Вечереет. Гул не стихает. Еще ожесточеннее, страшнее ревет артиллерия. Как будто клокочет вулкан... «Я Львов, Перемышль брал, — но такого боя не слышал, — говорит раненый полковник. — Они из Новороссийска 35 тяжелых орудий подвезли и палят. Слышите... Залпами...» Артиллерия ухала тяжелыми, страшными залпами, как будто что-то громадное обрывалось и падало.

Старенький священник прошел в церковь. Великопостная все-нощная. Полумрак. Пахнет свежим весенним воздухом и ладаном. Мерцают желтые огоньки тонких свечей. Священник читает тихим голосом. Поют. Молятся раненые. Плачут склонившиеся женщины-казачки. А со стороны Екатеринодара ревет артиллерия... Ухнет страшный залп. Содрогнется маленькая церковка и все люди в ней.

Темнеет. Раненые в сторожке укладываются спать. Из боя пришли Варя и Таня. Варя упала на солому. Обе плачут. «Рота разбита, Саша убит, Ежов убит, Мошков умирает. Ходили в атаку наши, но их отбили, всю роту перебили. Из-за каждого шага бьются, то наши займут их окопы, то они — наши. Вчера, во время боя, мы своих раненых все под стога сена складывали, а к вечеру нас отбили, раненые остались между линиями, ближе к ним. Ночью видим — стога пылают. Стоны, крики слышны. Сожгли наших раненых».

Тяжелая ночь — почти без сна. Прибывают, прибывают раненые. Места нет нигде. Сторожка завалена. Кладут снаружи. Одолевает дремота. Но нет сил уснуть. Раненная в грудь сестра задыхается, кричит: «Воздуха! воздуха! не могу! не могу!» Ее понесли из комнаты... Стоны, стоны и опять крики сестры...

Голубое утро. Опять все лежат, сидят в ограде. Бой ревет по-прежнему. Четвертый день штурмуют город. Большевики сопротивляются, как нигде. Укрепились, окопались, засыпают снарядами. Наша артиллерия молчит. Почти нет снарядов. Подымаются цепи за цепями. Идут атаки за атаками. Пехоту сменяет кавалерия. Отчаянно дерутся за каждый шаг.

Опять вечером тихая великопостная служба. Опять тихо читает Евангелие старенький священник, а церковь вздрагивает от залпов артиллерии... Все молятся, может быть, как никогда.

31 марта. Пятый день непрерывного гула, треска, взрывов. Потери добровольцев стали громадны. Снарядов нет. Обоз раненых удвоился. Под Екатеринодаром легли тысячи. Мобилизованные казаки сражаются плохо, нехотя. А сопротивление большевиков превосходит всякие ожидания. Сделанные ими укрепления — сильны. Их артиллерия засыпает тяжелыми снарядами. Они бьются за каждый шаг, отвечая на атаки контратаками...

Добровольцы охватили город кольцом, оставив большевикам лишь узкий проход. Но теперь, на пятый день боя, кольцо добровольцев охватывается наступающими с разных сторон войсками большевиков, спешащими на выручку Екатеринодара.

Бой с фронта. Бой с тыла. Каждый час несет громадные потери. Подкреплений ждать неоткуда. Положение добровольцев грозит катастрофой.

Яркое солнце. Веселое утро. Но сегодня все особенно тревожны. Что-то носится неприятное, страшное. Как будто каждый что-то скрывает... Знакомый текинец понес из церкви аналой... Подходит бледный, взволнованный капитан Ростомов. «Ты ничего не знаешь?» — «Нет. Что?» — «Корнилов убит, — глухо говорит он, — но, ради Бога, никому не говори, просят скрывать...»

Куда-то оборвалось, покатилося сердце, отлила кровь от головы. Нельзя поверить!.. Около церкви, возле маленькой хаты — текинский караул. Входят и выходят немногие фигуры. В хате в простом гробу лежит бледный труп А.Г. Корнилова. Кругом немного людей... «Лавр Георгиевич! Лавр Георгиевич!» — грузно упав на колено, рыдает Родзянко. Плачут немногие раненые, часовые-текинцы. Вдали грохочут, гремят раскаты артиллерии, стучат пулеметы...

На улице — адъютант Корнилова подпоручик Долинский. «Виктор Иванович! Скажите... когда же это?.. как?..» Он рассказывает: «Вы знаете — штаб был в хате на открытом поле. Уж несколько дней они вели пристрелку, и довольно удачно... Мы говорили генералу. Он не обращал никакого внимания... «Хорошо, после». Последний день кругом все изрыли снарядами... поняли, что здесь штаб, подъезжают ведь конные, с донесениями, толпятся люди. Ну, вот один из таких снарядов и ударил прямо в хату, в комнату, где был генерал. Его отбросило об печь. Переломило ногу, руку. Мы с Хаджиевым вынесли на воздух. Но ничего уж сделать нельзя было. Умер, ни слова не сказал, только стонал...» — «Кто же заменит?» — «Деникин принял командование. Вечером отступаем от Екатеринодара».

Страшная новость облетела обоз. У всех вырвала из души последнюю надежду. Опустились руки. После таких потерь. Почти в кольце. Без Корнилова. Смерть командующего стараются скрыть от строевых частей. Боятся разложения, паники, разгрома...

Все улицы запружены подводами. Скрипят телеги. Фыркают лошади. Запрещено курить и говорить. Ехать приказано рысью. Выехали за станицу. Обоз быстро, торопливо движется в темноте.

«Триста раненых бросили большевикам на расправу. Нет, при Корнилове этого никогда бы не было, — говорит раненый капитан, — ведь это на верное истязание». — «Заложников взяли, говорят. И с ними доктор и сестры остались», — отвечает Таня... Едем в темноте...

* * *

Всю ночь едет рысью обоз. Надо быстрее и дальше отступить от Екатеринодара, может быть погоня. Светает. Проезжаем какую-то станицу. Мимо, обгоняя обоз, на легкой тележке едет генерал Алексеев, вид усталый, склонился на мешок, спит.

Только к вечеру останавливаемся мы на опушке леса. Здесь идет переправа через реку. И недалеко за ней въезжаем в немецкую колонию. Белые, крытые черепицей домики, чистые улицы, пивоваренный завод, Bierhalle, люди хорошо одеты...

Вошли в дом, битком набились в маленькую комнату. Усталые, голодные, нервноизмученные. Впереди — никакой надежды: строевые части уменьшились до смешного, Корниловский полк сведен в одну роту; с другими полками почти то же; снарядов нет, патронов нет; казаки разбегаются по домам, не желая уходить от своих хат. Настроение тревожное, тяжелое... «Господа! выстрелы! слышите!» — говорит кто-то. И все вышли из хаты. Донеслись выстрелы. Прожужжала и лопнула над улицей шрапнель.

Нагнали нас. Наступают. Всех могущих собирают в бой. Люди — как тени. Не спали, не ели, в беспрестанном нервном напряжении. Лениво, устало идут в бой, и каждый знает: тяжело ранят — не возьмут, бросят.

Трещит стрельба, рвутся снаряды. Колонка малая. Все скупились на главной улице. Все лишнее приказано уничтожить, обоз сократить до минимума. К реке везут орудия, ломают их, топят. В пыли на дороге валяются изломанные, смятые духовые инструменты. Разбивают повозки. Выбрасывают вещи... А стрельба охватывает колонку кольцом.

Вдруг артиллерия смолкла. Из далекой темноты донеслись дикие, неясные крики. «Ура! Слышите — ура! Атака! Атака!» — взволнованно заговорили на подводах, завозились, поднимаются. «Не волнуйтесь, господа, это наши черкесы атаковали артиллерию», — вполголоса говорит проезжающий верховой.

Обоз тронулся. Дует ветерок, то теплый, то холодноватый.

* * *

Ночь темная. Тихо поскрипывая, черной лентой движется в темноте обоз. Рядом проезжают верховые — вполголоса, взволнованно говорят: «Господа, приказано — ни одного слова и не курить ни под каким видом — будем пробиваться через железную дорогу».

В эту ночь под Медведовской решится судьба. Вырвемся из кольца железных дорог — будет хоть маленькая надежда куда-нибудь уйти. Не вырвемся — конец. Обоз едет, молчит, притаился. Только поскрипывают телеги да изредка фыркают усталые лошади...

Далеко на востоке темноту неба начали разрезать серо-синие полосы. Идет рассвет. Вдруг тишину разорвал испуганный выстрел, и все остановилось. Смолкло... другой... третий... Стрельба. Треск ширится. Гроыхнула артиллерия, где-то закричали «Ура!», с остервенением сорвались и захлопали пулеметы...

Все приподнялись с подвод, глаза впились в близкую темноту, разрезаемую огненными цепочками и вспышками, холодная нервная дрожь бежит по телу, стучат зубы... Прорвемся или нет? «Артиллерия вперед! Передайте живей!» — кричат спереди. «Артиллерия вперед!» — несется по обозу, и орудия карьером несутся по пашне...

Бой гремит. Взрывы — что-то вспыхнуло, загорелось, затрещало. Это взорвались вагоны с патронами — горят сильным пламенем, трещат, заглушая стрельбу. «Господа! ради Бога, скорей! Снаряды из вагонов вытаскивать! Кто может! бегите! Ведь это наше спасение! Господа, ради Бога!» — кричит по обозу полковник Кун²⁴⁷. Раненые зашевелились, кто может, спускаются с телег, хромают, ковыляют, бегут вперед — вытаскивать снаряды.

Уже светает. Ясно видны горящие пламенной лентой вагоны. Кругом них суетятся люди, отцепляют, вытаскивают снаряды. И тут же трещат винтовки, клопочут пулеметы... Вдали ухнули сильные взрывы — кавалерия взорвала пути. «Обоз вперед! рысью!» Обоз загадел, зашумел, двинулся... Прорываемся.

Вот уже мы рысью подлетели к железной дороге. Здесь лежат наши цепи, отстреливаются направо и налево. Стучат пулеметы. Наши орудия бьют захваченными снарядами. А обоз летит в открытые маленькие воротца, вырываясь из страшного кольца...

Свищут пули, падают раненые люди и лошади. На путях толпятся, кричат, бегут. По обеим сторонам лежат убитые. Вон лошадь и возле нее, раскинувши руки и ноги, офицер во френче и галифе. Но на мертвых не обращают внимания. Еле-еле успевают подхватить раненых. Под взрывы снарядов, свист дождя пуль, с криком, гиком перелетает железную дорогу обоз и карьером мчится к станции.

Вехали в Дядьковскую. Оказывается, сегодня праздник. Народ нарядный. На окраину высыпали ребятишки. Мальчики в разноцветных бешметах, девочки в ярких платках. Смотрят на нас удивленными большими глазами, потом что-то кричат нам и бегут вприпрыжку за подводами...

В Успенской встречаем мы вербное воскресенье. В большой церкви — служба. Все — с вербами и свечами. Храм полон, больше раненых. Впереди, к алтарю — Деникин с белым Георгием на шее, Марков, Романовский, Филимонов, Родзянко. В разговорах на паперти узнаем, что приехала с Дону делегация, зовут туда, что донские казаки восстали против большевиков и уже очистили часть области. Все радостны. Неожиданный просвет! Едем на Дон, а там теперь сами казаки поднялись! Какая сила!

* * *

В Новочеркасске как будто ничего не менялось. Опять на чистеньких улицах мелькают разноцветные формы военных, красивые костюмы женщин, несутся автомобили, идут казачьи части. Только раненые корниловцы явились диссонансом. Хромые, безрукие, обвязанные, с бледными лицами, идут они по шумящим, блестящим улицам...

Для раненых отвели лазареты в городе, и мы легли в Епархиальное училище. Большое здание, почти на краю города, все в зелени. Вдали виднеется бесконечная степь. Все комнаты-палаты полны ранеными, больными. В палатах, коридорах суетятся изящные сестры и волонтеры.

Чаще, чаще у дверей Епархиального училища появляются женщины с взволнованными лицами. Они останавливают встречных раненых, спрашивая дрожащим голосом: «Скажите, пожалуйста, не знаете ли вы... Он маленький такой, брюнет... не здесь ли он?..» Лица у них исстрадавшиеся, в глазах слезы, губы дергаются. Это матери разыскивают своих детей.

Одни из них находят, другие узнают о смерти, третьи ничего не могут узнать. И все они плачут, не в силах сдержать ни своей радости, ни горя, ни страшной неизвестности... Подошла красивая девушка: «Господа, не знали вы корнета Штейна?» — «Нет, простите, одну минуту, я сейчас спрошу. Господин ротмистр! Подите сюда, пожалуйста!»

Подходит ротмистр. Она спрашивает, а он неловко мнетяся. «Я невеста корнета Штейна, вы не бойтесь, я знаю, что он убит, но я хочу все, все о нем узнать... если можете, расскажите, пожалуйста...»

Ротмистр рассказывает красивой девушке, как жених ее с другими офицерами поехал в разъезд, как их захватили в хате крестьяне и изрубили топорами, как потом, взяв слободу, кавалеристы мстили за изуродованные трупы. А девушка слушает, строгим, красивым лицом глядя на ротмистра. Он кончил. «Спасибо», — говорит она, протягивая руку.

БРАТЬЯ-СЛАВЯНЕ²⁴⁹

К полковому празднику, когда «бойцы вспоминают минувшие дни», на страницах родного журнала я хочу почтить память наших братьев-славян корниловцев, считавших, что помочь России уничтожить заразу интернационализма есть долг каждого славянина.

И таких в Доброармии было немало. Приведу для примера одного из них, того, кого я близко знал, поручика Сумайсторчича, Матвея Михайловича, служившего раньше в австрийской армии и прекрасно изучившего пулеметное дело.

Мато, как его звали старые корниловцы, почти с основания полка был в пулеметной роте и занимал там командную должность. Наше Отечество не знало шовинизма, и, не говоря уже о славянах, но и всякий другой, какой бы национальности он ни был, если он больше других соответствовал условиям и отвечал требованиям службы, мог рассчитывать занять подобающее положение в стране, независимо от полноты знания русского языка. В особенности в военное время, а тем более в исключительной обстановке, в которой протекал 1-й Кубанский поход.

Знавшим Мато напомню, а для других, чтобы они имели о нем представление, — нарисую его портрет. Вся наружность его говорила о нем как об отчетливом и подтянутом офицере. Среднего роста, коренасто-мускулистый и подвижной, постоянно чисто выбритый, с приглаженными усами, аккуратно одетый в куртку из шинельного сукна и в бережно сохраненной фуражке с черно-красным околышем, он резко выделялся из толпы и был всюду очень заметен. Прекрасно знал личный состав роты, уступая только, пожалуй, нашему незабвенному и всеми уважаемому командиру роты — есаулу Николаю Васильевичу Милееву.

В бою ли или вне его Мато пребывал постоянно и неизменно в сдержанно-веселом настроении, и если замечал у кого-нибудь из своих пулеметчиков некоторый упадок духа — замкнутую молчаливость, — то всегда шуткою старался вывести его из этого состояния...

— Ты, Слонттик, когда други раз будешь купить гусь, — сказал он однажды поручику Слониму²⁵⁰, едва прожеывая недожаренного и твердого, как резина, гуся, есть которого пришел по особому приглашению его пулеметчиков, — так посмотри ему немножко у зуби...

Говорил он вообще с большим акцентом, но это вызывало только веселость у «публики» в семейном кругу и придавало, казалось, боль-

шую официальность его авторитетным указаниям по службе или боевым приказам. Держался он с большим достоинством, так что никому и в голову не приходило обращать внимание на его нерусский выговор.

— Пидпоручик Левашев²⁵¹, потрудитесь намазывать двуколка, польк идиот у ночь, да не пева колеса песни. Я даль Зиков банка тавот.

Так распоряжался он на стоянке и так отдавал приказания перед боем:

— Слонттик-са први, други и пети пуляет, код подпульковник Зазулевски, поручик Катаев-са трети пулемет код пудпольковник Головки. Господин капетен Чубарев, потрудитесь со сви пулемети Кольта наступать по дорога, — и так далее.

Отдавал он боевые распоряжения деланно-резким голосом и всегда очень продуманно и соответственно обстановке.

Кто-то ему неправильно истолковал слово «потрудитесь», и оно ему, видимо, понравилось, и он его употреблял очень часто и не всегда кстати... Так, например, с этим словом «потрудитесь» он обратился однажды к генералу Кутепову — не то с докладом, не то с просьбой, — но чуткий начальник сразу понял, в чем тут дело... Во всяком случае, это слово он убежденно считал весьма вежливым в обращении. Все эти подробности я описываю нарочно, так как знаю, как они дороги тем, кто по службе был близко связан с незабвенным и дорогим Мато.

Если в бою в каком-либо месте по всем признакам становилось жарко, то туда, помогая тащить пулемет, спешил Сумайсторчич. Своими широченными прыжками, с болтающейся и хлопающей по бедру огромной полевой сумкой со всей своей канцелярией, он всегда был заметен в тех местах боя, которые по тяжелым обстоятельствам более, чем другие, привлекали к себе внимание всех. На походе он шел пешком и при остановке на ночлег, после обхода всех хат, занятых его пулеметчиками, он приходил к себе спать последним.

Будучи сам очень здоровым человеком, он не знал и не признавал болезней и относительно заболевших обыкновенно заявлял:

— У меня есть больни и не больни. Если больни, то потрудитесь у лазарет.

Но однажды, помогая протаскивать через ручей пулемет, он упал в воду, вымок до костей и простудился. С высокой температурой он оставался верен себе и, несмотря на уговоры командира роты — сестра на двуколку, — продолжал идти пешком, но уже в последующем за-

тем бою он не проявлял присущей ему подвижности. В этом бою, пренебрегая применением к местности, он ходил открыто, и по околышу его фуражки, обнажив картонную подкладку, пуля провела борозду, не задев головы.

А однажды с ним был такой случай. В ночном переходе армия шла по необозримым дождевым лужам — не по дорогам, а просто по соображениям, где лучше пройти, соблюдая лишь направление марша. Широко по полю расползлись люди, лошади, двуколки... У застрывших в грязи повозок, не соблюдая тишины, повсюду раздавались смешанные голоса... Вдруг в одном месте, с отборнейшей бранью, раздался грубый, резкий голос, заставивший всех замолчать: «Я тебе покажу, туды-растуды, тебе, австрийская морда, как бить русских солдат»... и т. д. Но не успел еще кричавший замолчать, как у этого места послышалось хлюпанье лошадиных копыт и на фоне неба вырисовалась верхом на лошади фигура генерала Корнилова и рядом с ним полковника Неженцева. Сзади них ехали текинцы, и один из них полой своей бурки прикрывал горевший фонарь...

— Кто здесь так ругается? — спросил генерал Корнилов, осаживая лошадь.

— Господин пульковник, — тише чем вполголоса начал докладывать подошедший к полковнику Неженцеву Сумайсторчич, но так, что и генерал Корнилов мог слышать его доклад, — я со официрима сам вытаскивал двуколька и хотел вибросать тяжели вещи, а там накривши со бурка лежит З...

Но ему не дали закончить доклад. Подозвавши к себе командира полка, генерал Корнилов без единого слова тронул свою лошадь, а за ней и вся кавалькада двинулась дальше...

По окончании Кубанских походов поручик Сумайсторчич, как идеалист, отказался от своего права уехать на родину — в Югославию, — продолжал служить в полку и был убит в походе на Москву, под Курском.

Наши братья-славяне, по собственной инициативе, руководимые только величием славянской души, пополняли ряды Добровольчества; и большинство из них, как наш корниловец Сумайсторчич, — «души свои положили за други своя»... Вечная память им, а уцелевшим — слава!

Не в пример прочим странам, многим обязанным России, не признавший советской власти король Югославии пытался было помочь вооруженной силой «брачам руссам», но отказавшие нам в помощи «наши союзники» не позволили ему это сделать.

Помочь славянским странам — Болгарии, Сербии, Черногории — русские цари считали своим долгом и в этом отношении ни с чем и ни с кем не считались, но слабая Югославия, к великому сожалению, в своих решениях внешней политики всегда зависела от «великих» держав.

*К. Васильев*²⁵²

БОЙ У ХУТОРА НОВОЛОКИНСКОГО²⁵³

1-го батальона Корниловского Ударного полка, в составе всего около 100 человек, против 4000-го отряда красных

Во-первых, этот бой знаменателен тем, что по превосходству во много раз сил красных, их упорству и кровопролитию не уступал бою корниловцев под Екатеринодаром, где из многосотенного состава полка осталось в строю всего 67 человек. В этом бою мы потеряли убитыми 60 человек и несколько человек раненых. В строю осталось всего около 30 человек.

Во-вторых, он знаменателен еще тем, что стал, так сказать, символом доблести и оценкой нашей маленькой армии, доказав, что тяжелое моральное состояние и падение боевого духа армии уже исчезло.

Наша маленькая армия вновь стала боевой и грозной для красных. Тогда многие первопоходники армии даже не знали об этом бое, а о подробностях его и говорить не приходится. Знают только участники этого боя. Будучи сам участником Новолокинского боя, я имею цель описать его подробно и беспристрастно.

После неудачного боя под Екатеринодаром, понеся огромные потери людьми, морально потрясенная гибелью генерала Корнилова и полковника Неженцева, павшая духом, наша малочисленная теперь армия отступила, преследуемая ордами красных. Пламя надежды, горевшее в наших сердцах, на что-то лучшее в будущем потухло, оставив еще лишь маленькую искру надежды на спасение жизни. Наша армия, обремененная огромным обозом с ранеными и амуницией, окруженная со всех сторон красными с бронепоездами, казалось, не имела никаких надежд уйти от врага.

И вдруг, чудесным и геройским подвигом генерала Маркова и полковника Миончинского, у станции Медведовской, армия разбивает бронепоезд красных, прорывается с огромным обозом из окружения на привольные степи Кубани, захватив при этом у красных еще многочисленные запасы патронов, снарядов и перевязочного материала,

так необходимых для нашей армии. Тлеющая искра надежды в наших сердцах вспыхнула уже маленьким пламенем, и в дальнейшем это пламя превратилось в большой костер.

После прорыва целью нашей армии был захват станицы Успенской. По дороге к станице Успенской армия имела два боя с красными, которые были нами разгромлены. Станица Успенская была занята нашей армией без всякого сопротивления со стороны красных. Выставив вокруг станицы сторожевое охранение против внезапного нападения красных, мы расположились здесь на отдых. Отдыхали 13, 14 и 15 апреля. За это время мы помылись, почистились и освободились от насекомых, надели чистое белье.

Здесь же произошло переформирование армии в более крепкую и единую. Все мелкие отряды, оставшиеся после боев, влились в полки, как Корниловский и Офицерский полк. В наш Корниловский полк прибыли легко раненные еще до екатеринодарского боя корниловцы. Корниловский полк превратился в батальон, в составе 4 рот, по 24 бойца в роте. Всего 96—98 человек. Командиром полка стал полковник Кутепов. Командующим батальоном был капитан Пух. Я был взводным командиром 2-й роты.

15 апреля днем, неожиданно для нас, наш батальон был вызван в штаб полка. Командир батальона приказал нам взять с собой винтовки и патронташи, построиться поротно и привести батальон к штабу полка. Здесь нас уже ожидал командир полка полковник Кутепов с адъютантом, поручиком князем Ухтомским.

Тепло поздравившись с нами, он сказал:

— Корниловцы, на вас возложена серьезная боевая задача. Сейчас адъютант раздаст всем вам удостоверения личности. Положите их в боковые карманы гимнастерок. После их раздачи я объясню вам задачу.

Мы были очень удивлены. Никогда до этого нам перед боем не раздавали удостоверений — значит, дело будет серьезное.

После раздачи удостоверений полковник Кутепов стал объяснять нам боевую задачу.

— Недалеко от станицы Успенской, приблизительно верстах в 15, в хуторе Новолокинском, собралось 4000 красных с местным штабом. Вам предстоит их разгромить. Пулеметов у них нет.

Это оказалось правдой в бою. Вооружены они были французскими винтовками Гра. Должен пояснить, что из себя представляют винтовки Гра. Они тяжелые, очень длинные, со штыком, и представляют собой смертоносное оружие. Их пули свинцовые, толщиной с мизинец и на конце слегка округленные. Даже легкое ранение этой

пулей бывает смертельным. Они делают огромную дыру и, разрывая кровеносные сосуды, вызывают обильное кровоизлияние, которое очень трудно остановить, не имея достаточного количества бинтов. Кроме того, свинец вызывает заражение крови. Вот почему у нас оказалось так много убитых. Эти винтовки прислали нам французы, когда в Первую войну в русской армии не хватало уже наших винтовок.

После объяснения полковником Кутеповым боевой задачи корниловцы стали спрашивать:

— Господин полковник, а не маловато ли нас для этого? Ведь на одного корниловца приходится 40 красных, или 40 пуль.

— Успокойтесь, — говорит полковник Кутепов, — вам поможет генерал Эрдели своей конницей в 1500 всадников.

После этого мы вздохнули свободнее.

— Вы должны сегодня ночью выезжать на повозках к указанному месту. Командир батальона знает куда, с таким расчетом, чтобы быть на указанном месте за два часа до рассвета и там ожидать конницу. А теперь отправляйтесь и приготовьтесь к бою. Захватите побольше патронов и бинтов из чистых тряпок.

Мы так и сделали. А ночью на повозках выехали к указанному месту. Около двух верст от указанного места мы оставили наши повозки на дороге, под охраной двух бойцов, а сами пошли пешком по полю. Тьма кромешная. Ничего не видно. Ведет нас командир батальона, раздаётся его команда: «Держитесь поближе друг к другу, чтобы не разорваться нам».

Наконец нам преградило дорогу не то болото, не то полувысохшая речонка: не глубокая — по щиколотку, а в некоторых местах не выше голенища, как мы потом узнали. Здесь командир батальона остановил нас и приказал лечь на сухом месте и ожидать конницу генерала Эрдели и рассвета. Не курить и громко не разговаривать.

Начинает слегка рассветать, а конницы все нет. Среди корниловцев поднялся возбужденный ропот, и на голову генерала Эрдели посыпались нелестные эпитеты.

Вдруг раздаётся голос командира — прекратить эти нелепые разговоры:

— Не забывайте, что вы корниловцы. Если конницы нет, то мы и без нее атакуем красных — будь их 5000 или 10 000. Для нас приказ есть приказ. А теперь — быстро построиться поротно и рассыпаться в цепь. Держите интервал между собой не менее 25—30 шагов. Первая и вторая роты влево, а третья и четвертая роты — вправо. Рассыпавшись в цепь, немедленно перейти речонку и залечь на сухом месте.

Ширина речонки была приблизительно 50—60 шагов. Рассвет наступил так неожиданно быстро, что красные заметили нас как раз на середине речки. Я помогал пулеметчику нести пулемет. Красные открыли по нас ураганный ружейный огонь. Не желая ложиться в воду, мы быстро перебежали на сухое место и залегли.

Во время перебежки, еще не начиная боя, мы уже понесли потери. Командир 1-й роты и командир взвода 2-й роты сразу были убиты, и несколько человек было уже ранено. Сколько людей потеряли 3-я и 4-я роты, я не знаю. В общем, в батальоне уже осталось приблизительно около 90 человек.

Оказывается, что красные еще 15 апреля днем были предупреждены коммунистами станицы Успенской, что конница и 100 человек корниловцев атакуют их на рассвете. Поэтому они успели подготовиться и устроить ловушку для конницы и были все время начеку, так что быстро заметили нас. На их ружейный огонь мы не отвечали, так как красных было еще плохо видно, да и с патронами нужно было обращаться очень бережно — запасов их было маловато.

Стало уже совсем светло, и мы, наконец, увидели красных — только их головы и плечи. Мы полагали, что они лежат в окопах, и еще не знали их позиции. Раздалась команда по цепи: «Корниловцы, вперед!»

С этим криком мы поднялись и пошли в атаку. До красных было приблизительно 800 шагов расстояния. Каково же было наше изумление, когда красные ответили немедленно контратакой и перед нами вырос живой густой забор. Интервал у них был около одного шага против нашей жиденькой цепочки.

Мы и красные пошли на сближение со стрельбой — мы стреляли очень быстро на ходу по такой хорошей мишени, стараясь выбить как можно больше красных из строя. Порядочно выбыло из строя и нас — корниловцев. Положение наше стало очень серьезным, когда мы сблизись с красными на расстояние приблизительно 350 шагов. Принимать штыковой бой — один корниловец против 20—25 красных — это было бы самоубийством. Положение спасли наши два пулеметчика — очень опытные и выдержанные. Допустив красных к нам на такое расстояние, они внезапно выставили пулеметы на линию нашей цепи и открыли по красным огонь. Красные думали, что у нас нет пулеметов, и, попав под пулеметный огонь, были страшно ошарашены этим и бросились бежать назад в исходное положение. Мы стали их догонять, чтобы не дать им это сделать. Внезапно они исчезли из виду, как будто провалились сквозь землю. Заинтересованные, мы, добежав до места, где раньше лежали красные, увидели, что

это край канавы или котловины. Ширина этой канавы, вероятно, не меньше трех верст, а стены ее под углом 45—50° к поверхности земли спускались вниз на глубину, приблизительно 2000 шагов с обеих сторон и заканчивались широкой, ровной и длинной площадкой, и на этой площадке, к нашему удивлению, стояло два каре, каждое в составе не менее 500 человек. Значит, мы дрались с 3000 красных, а не с 4000. А 1000 их стояла внизу, ожидая атаки конницы. Вот это и была ловушка для конницы.

На другой стороне канавы маячил эскадрон красной кавалерии в составе не менее 150 всадников и выслеживал, откуда появится наша конница. Полковник Кутепов не сказал нам, что у красных есть еще и кавалерия. Очевидно, он и сам не знал этого, а также не знала и разведка.

По моей теории, план красных был таков: выставить по краю канавы 3000 красных против корниловцев, чтобы завлечь нашу конницу для атаки этих тысяч. В темноте конница, не видя канавы, при атаке красных на карьере свалилась бы вниз, покалечила бы коней и всадников и бесформенной массой упала бы к ногам второго каре и была бы им уничтожена. А потом они расправились бы с нами.

К счастью, конница утром не пришла. Немного позже моя теория оправдалась на практике, но катастрофы не произошло, так как конница при свете это учла при следующей атаке красных.

Быстро рассмотрев все расположение противника, мы увидели, наконец, исчезнувших от нас красных. Они просто сползли вниз по откосу стены на 600—800 шагов и залегли, открыв против нас сильный ружейный огонь. Мы же, выпустив по ним примерно по обойме, замолчали, сберегая патроны.

Я обратил внимание на то, что наши пули, рикошетируя, долетали до двух каре, но никто из солдат даже не пошевелился. Стало быть, это были солдаты с фронта, которые, наверное, не раз отбивали на фронте кавалерийские и пехотные атаки. Все они были одеты в солдатскую форму. Большинство трехтысячного отряда были тоже солдаты, с прибавлением к ним рабочих. Судя по их стойкости, они уже не раз дрались против нашей армии. Может быть, это были солдаты 39-й пехотной дивизии с Кавказского фронта, разбитые нами в бою под Лежанкой. После нашей атаки их осталось уже, наверное, около 2000, а нас — всего около 50 человек. Отношение одного корниловца к сорока красным — не в нашу пользу.

Наконец, комиссарам двух батальонов не понравилось, что цепь не идет в атаку. От этих батальонов отделилось человек десять командного состава с наганами в руках и направилось к цепи. Угрозами и

руганью они, наконец, подняли цепь и погнали ее в атаку. Мы встретили их ружейным огнем и двумя очередями из двух пулеметов. Пробежав шагов двести вперед, они снова залегли и стали нас обстреливать, но мы не отвечали. Через некоторое время они опять пошли в атаку. Мы встретили их ружейным и пулеметным огнем. Пробежав еще 200—300 шагов, они залегли и открыли ружейный огонь. Видя, что мы не в силах их удержать и отстоять нашу позицию одним ружейным огнем, а о штыковом бое и говорить не приходится — один против 25—30 человек красных, — командир батальона приказал нам отступить приблизительно на 800 шагов.

Мы отошли от края канавы, а красные заняли свое исходное положение и залегли, как в окопах, на продолжительное время. Подъем духа у них усилился — ведь они прогнали, то есть заставили отступить корниловцев. Стрельба с их стороны не ослабевала, но мы больше молчали, сберегая патроны — у нас их было не так много. Вот в этот неподходящий момент, при таких условиях, появилась наша конница и на карьере лихо атаковала красных под частым огнем противника. Издали конница не видела, что они лежат на краю канавы, хотя уже светило солнце. Только в 40—50 шагах от красных конница увидела и крутые стены канавы, и внизу два каре красных и сразу поняла, что ей грозит большая катастрофа. В 15—20 шагах от красных всадники на карьере резко остановились, все, как один, повернули вправо и молнией проскочили вдоль позиции красных и исчезли где-то на горизонте.

Чтобы не позволить красным стрелять в спину уходящей конницы, мы немедленно, как только конница удалилась, оставляя пространство для обстрела, открыли огонь по красным. Этим мы отвлекли их от конницы. Я не видел ни одного падающего всадника или лошади. Значит, конница счастливо отделалась и, может быть, не понесла потерь. Здесь моя теория оправдалась на практике. Вообразите, что произошло бы в темноте начинающегося рассвета.

Мы были очень недовольны конницей — приди она на час раньше, когда в атаке мы гнали 3000 красных, бывших в панике, тогда они не добежали бы 250 шагов до своей канавы, и конница на карьере добила бы и изрубилла бы еще до канавы.

Одним словом, нам не повезло с нашей конницей. Пользы от нее было мало. Теперь мы потеряли всю надежду на нее. Так до конца боя она больше и не появлялась. Тактического успеха она не достигла, но зато произвела на красных большое моральное впечатление. Так два каре красных до конца нашего боя и оставались на площадке в канаве, ожидая повторной конной атаки. Красный эскадрон конни-

цы тоже помчался следить, что она будет делать и куда уйдет. Из 3000 массы красных осталось уже, вероятно, около 2000, а нас — уже около 50 человек.

Эта масса после своих успехов обнаглела и немедленно нас атаковала, но с большой осторожностью, все время поглядывая по сторонам. В канаве они были в безопасности от конницы, а в открытом поле, если бы опять налетела наша конница, они были бы изрублены.

На это надеялись и мы. Их атаку мы отбили. Они, отойдя 200—300 шагов от канавы, опять залегли и открыли ружейный огонь, но мы не отвечали. Патронов у нас уже осталось по несколько обойм на человека. После отбития атаки красных мы отошли на 400 шагов и залегли, не отвечая на огонь красных.

Когда были у нас раненые, то мы относили их к повозкам и возвращались в бой. С убитых прежде всего забирали все патроны и распределяли их среди тех, кто уже не имел патронов, а затем забирали их документы. Уносить убитых у нас не было возможности, ввиду малого числа бойцов и наступления красных.

Через некоторое время красные снова атаковали нас, и эта атака с трудом была отбита за недостатком патронов и пулеметных лент. Так мы уже отошли на 800 шагов. Красные отошли уже шагов на 500—600 от своей канавы.

Где же наша конница? Логично рассуждая, она должна была бы быть не очень далеко от нашей цепи и, укрывшись от красных, наблюдать бой. Вот сейчас был благоприятный момент изрубить красных в поле, когда они уже далеко отошли от канавы.

Наконец у каждого из нас осталось почти по одной обойме, а пулеметных лент уже не было. По цепи мы доложили об этом командиру батальона и сказали ему, что у нас нет больше шансов отбить следующую атаку красных. Что прикажете делать? Получили приказ — 1-й и 2-й ротам отойти на дорогу к повозкам, а 3-й и 4-й ротам, в случае атаки красных, обстрелять неприятеля и немедленно отходить к повозкам.

Остатки нашего батальона в 30—32 человека беспрепятственно отошли под обстрелом красных. Они почему-то нас не преследовали. Вероятно, боялись внезапной атаки нашей конницы. Солнце уже было близко к закату. Итак, с рассвета и до заката солнца мы дрались с красными без всякой помощи со стороны нашей конницы. Сев в повозки, мы покатали в станицу Успенскую. Хотя мы и не одержали победы, но зато мы выбили из строя красных около 2000 человек и с честью отступили.

Я предполагал тогда, что в штабе и не надеялись на победу. Нужно было только задержать во что бы то ни стало красных как можно дольше и деморализовать их, чтобы они не помешали армии вывести огромный обоз с ранеными и амуницией из станицы Успенской и уйти на Дон без препятствий. С этой стороны задача была нами успешно выполнена.

Прибыв в станицу Успенскую, мы узнали о большом восстании казаков на Дону и о их просьбе помочь им нашей армией. Мы возликовали, забыв и бой, и голод, и усталость.

Вот та «синяя птица», на поиски которой мы выступили в первый Кубанский поход и с огромными трудами для нас нашли ее здесь, в станице Успенской.

Перевернулась еще страница истории нашей армии, и началась новая страница, куда будут потом вписаны и большие победы, и поражения, и радости, и горе, и трагедия нашей армии.

*А. Трёмбовельский*²⁵⁴

ПОСВЯЩАЕТСЯ ВАРЕ САЛТЫКОВОЙ, СЕСТРЕ МИЛОСЕРДИЯ КОРНИЛОВСКОГО УДАРНОГО ПОЛКА²⁵⁵

В этом очерке мне хочется вспомнить скромную русскую девушку — сестру милосердия Варю Салтыкову²⁵⁶. К сожалению, нигде и ни в чьих воспоминаниях не встречается ее имя, имя девушки, спасшей многие жизни первопоходников и отдавшей свою молодую жизнь на помощь ближним. Постараюсь описать мои встречи с ней в хронологическом порядке.

Много лет прошло с тех пор, и многое испарилось из памяти. Моя первая встреча с Варей Салтыковой была на маленькой узловой станции Бессергеновке. С этой станции одна ветка шла на Таганрог, а другая, то есть главная магистраль, шла на север к станции Матвеев Курган.

В то время (декабрь 1917 года) я служил на бронев автомобиле, который после усмирения распропагандированного запасного полка в Таганроге был направлен в район Матвеева Кургана в группу полковника Кутепова.

Когда эшелон, на котором находился наш бронев автомобиль, прибыл на станцию Бессергеновка, то на станционной платформе я увидел довольно оживленную группу военных, среди которой мелькала белая косынка. Подойдя ближе к этой группе, я впервые встретил-

с Корниловским полком и с интересом разглядывал их чернокрасный погон и голубую нарукавную эмблему. Познакомившись с ними, я узнал, что они недавно прибыли с фронта и теперь направляются в группу полковника Кутепова. Из разговора с сестрой выяснилось, что мы земляки, и мы вспомнили многих общих московских знакомых.

Следующая моя встреча с Варей была в станице Ольгинской (11 февраля 1918 года), где я был назначен в пулеметную роту Корниловского Ударного полка. Оказывается, что и Варя также была назначена в ту же роту. Среднего роста, подвижная, с сумкой Красного Креста, Варя была общей любимицей роты.

4 марта 1918 года был бой под станицей Кореновской. Корниловский полк понес тяжелые потери. В этом бою я был ранен в правую ногу с повреждением кости. Я потерял сознание. Когда пришел в себя, то увидел, что наши отступили и что красные вот-вот скоро будут здесь. Зная, каким мучениям предадут красные раненых добровольцев, я решил застрелиться, но, так как у меня револьвера не было, надо было подползти к моему карабину, упавшему в момент моего ранения недалеко от меня. И вот, собрав все силы, я пытался подобраться к нему. В этот момент я услышал крик: «Саша! Саша! Где ты? Жив ли ты?» Я узнал Варин голос и откликнулся. Она подбежала ко мне, схватила меня за руки и потащила. От невыносимой боли я опять потерял сознание. К вечеру я очнулся в полевом лазарете. Варя откуда-то принесла охапку свежей соломы и подложила мне под раненую ногу.

Конечно, она не могла быть все время со мной, надо было оказывать помощь и другим раненым. Но вот поздно вечером, подавая мне кружку холодной воды, она сказала: «А я что-то принесла тебе!» — и подает мне знак Александровского военного училища, который она сняла с убитого корниловца. Она знала, что я также окончил Александровское военное училище. Как видно, пуля попала прямо в верхнюю часть знака, где находится вензель Государя Николая II, отбила кусок эмали и пробила сердце моего однокашника. Смерть была мгновенной. Царство ему Небесное. Не помню его имени, но имя его Господь знает. Теперь в воспоминание прошлых лет об этом первопоходнике и о Варе этот училищный знак находится на почетном месте в моем доме, рядом с терновым венцом.

Чтобы не создалось ложного впечатления, что у нас с Варей было какое-то взаимное влечение друг к другу и что поэтому она, не обращая внимания на пулеметный огонь большевиков, бросилась искать меня, должен сказать, что не только меня одного спасла она от не-

минуемой смерти, но и многих, многих добровольцев. Бог хранил ее, и ни одна большевистская пуля даже не поцарапала ее. Со всеми она была на «ты», каждому старалась чем-то помочь, и все искренно любили ее — «нашу Варю».

Позднее, когда был убит генерал Корнилов и в обозе на повозках уже не хватало места для раненых, а перевязочных материалов катастрофически просто не стало, Варя отдала свою одежду на бинты для перевязки раненых, а на себя надела штаны и гимнастерку с убитого красноармейца

К началу 2-го похода я выписался из лазарета, но из-за ранения в ногу уже не мог служить в пехоте. Поэтому меня назначили на наш первый броневладелец «Партизан». Фактически это был 3-тонный грузовик, обшитый трехдюймовыми досками, крыши же совсем не было.

Уйдя из полка, я уже не имел возможности видеть Варю. Но его величество случай все же помог встретиться с ней. А было это так. После очередного ремонта автомобиля мы были направлены из Екатеринодара в район Великокняжеской, где в это время наш Корниловский полк теснил красных в направлении Царицына.

Часа на два наш эшелон остановился на станции Тихорецкой. Чтобы размять затекшие ноги, мы решили немного погулять. Когда мы шли по одной из улиц станицы, меня окликнул какой-то знакомый голос. Смотрю — стоит молодой солдатик. Когда подошли ближе, в этом солдатике я узнал Варю. Конечно, я познакомил ее с моими спутниками, и она пригласила нас к себе на чай. Жила она в одной из скромных хат станицы, а работала в армейском госпитале, отделение которого находилось в Тихорецкой. На мой вопрос, почему она работает здесь, а не в Корниловском полку, она просто ответила, что повздорила с начальством. Я, конечно, не расспрашивал ее о подробностях. Жила она очень бедно, знакомых никого нет, и все ее интересы кончались ранеными. На мой вопрос, почему она не наденет женское платье, она ответила, что купить она не может, так как денег нет, а начальство еще не удосужилось позаботиться о ней.

Я был рад встретиться с ней, хотел бы ей чем-нибудь помочь. Но чем? Разве только добрым словом. Но вот уже пора было нам ехать, мы попрощались и ушли на вокзал. На следующий день мы уже вели бой в районе Великокняжеской на участке Корниловского полка. Здесь у меня в промежутках боя было несколько встреч со старыми корниловцами. Имена их я позабыл, единственно помню только капитана Гана²⁵⁷. В походе он был в пулеметной роте, а теперь командовал од-

ной из рот нашего полка. Я, конечно, рассказал им о встрече с Варей и об ее очень печальном положении.

К концу дня, преследуя отходивших большевиков, я заметил у обочины дороги чей-то брошенный чемодан. Мы остановили машину, и я, выскочив, схватил чемодан и быстро водворил его на броневик. Когда стемнело, бой прекратился, и мы вернулись на свою базу. Тут кто-то из нас вспомнил о чемодане. Открыв его, мы обнаружили, что он был набит одеждой сестры милосердия. Мы сразу решили, что этот чемодан надо переправить Варе. Но как? Но случай пришел на помощь. Один из команды связи Корниловского полка предложил нам дать взаймы свой мотоциклет.

Привязав чемодан к мотоциклету сзади сиденья, я помчался в Тихорецкую. В полном мраке нашел отделение госпиталя. Там мне в провожатые дали санитаря, который очень скоро привел меня к дому, где жила Варя. На мой стук, узнав мой голос, выскочила Варя и испуганно спросила: «Что случилось?» Я ей ответил: «Зажги свет, а я сейчас принесу тебе гостинец от броневиков с фронта». Когда она открыла чемодан, она просто обомлела, и слезы радости полились из ее глаз. «Боже мой! Боже мой! И это все мне?» Она прикладывала тонкое женское белье к лицу и всхлипывала, как маленькая девочка. Но время бежало, и мне надо было ехать назад. Ведь с первыми лучами солнца начнется бой. На прощанье Варя меня перекрестила и поцеловала, сказав, что этот поцелуй относится ко всем броневикам.

Прошло несколько месяцев. Всю команду броневика перевели на только что прибывшие танки. Пройдя курс танкового дела, мы были брошены в бой под Царицын. Через некоторое время началась переброска войск в каменноугольный район, и наш отряд танков, погрузившись на железнодорожные платформы, двинулся по новому назначению.

Когда наш эшелон остановился на станции Тихорецкой, мы всей командой пошли навестить Варю. Но в госпитале нам сообщили грустную весть: несколько месяцев тому назад Варя по собственному желанию перевелась во Владикавказ в тифозный госпиталь. Там она заразилась и умерла. Ушла от нас чистая душа скромной русской девушки. Никто не провожал ее, никто не сказал ей «прости», и ничья дружеская рука не облегчила ее последнее страдание.

Спи спокойно, милая Варя, и знай, что в далекой Калифорнии нашлись твои старые друзья-соратники и мысленно стоят у твоей безвестной могилки. Вечная тебе память. Пусть моя скромная статья послужит Терновым Венком на далекую твою могилку.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ПЕРВОГО ПОХОДА²⁵⁸

В четверг Страстной недели текущего 1971 года, возвратившись домой после чтения 12 Евангелий, невольно мысленно перенесся я ко дням Страстной недели 1918 года. И вспомнился мне день Страстной субботы 1918 года, когда обоз раненых Добровольческой армии, под благовест церковных колоколов, вошел в станицу Егорлыцкую Все-великого Войска Донского. Это было ровно 53 года тому назад

Чтобы вам, читающим эти строки, все стало ясно, необходимо будет перенестись мысленно в те дни, о которых будет речь впереди.

В те сумбурные дни автор этих строк был юным прапорщиком русской армии. После нашей неудачной попытки сопротивления красным бандам в Москве этот юный прапорщик, приобретя сфабрикованные документы с печатями местного (московского) Совдепа, благополучно прибыл в 20-х числах ноября 1917 года в Новочеркасск Донской области.

Прочитав слово «благополучно», у читающего этот очерк создается впечатление якобы легкой поездки на поезде на юг России «Благополучно» — слово очень относительное, ибо все железнодорожные станции кишели разнузданными и вооруженными бандами пьяных дезертиров армии. Разбивая окна вагонов, они влезали через них внутрь и выбрасывали на платформу станции заподозренных в чем-нибудь пассажиров. А на платформе, с пьяными криками и гнусной бранью, этих заподозренных «кадетов» и «буржуев» сейчас же пристреливали. На больших же остановках, например в Воронеже, были явочным порядком образованы местные Совдепы, для которых кличка «кадет» была достаточной, чтобы, снова надругавшись над своей жертвой, этого несчастного «кадета» тут же пристрелить.

Но автор этих строк, как было выше сказано, имел хорошо сфабрикованные документы с печатями московского Совдепа, с указанием секретного задания.

Итак, прибыв в начале 20-х чисел ноября 1917 года в Новочеркасск на известную всем первопоходникам «Барочную № 2», к своей радости, я неожиданно встретился со своим большим другом В.И. В Александровском военном училище мы были в одном и том же взводе. По своему производству мы оба попали в один и тот же полк московского гарнизона. В то время кузина моего друга была классной дамой в Новочеркасском Мариинском институте, и, конечно, вскоре после нашей встречи я был ей представлен, и, часто-часто посещая ее уютную квар-

тирку, я познакомился с рядом очаровательных институточек. Весной они заканчивали институт. Все это я пишу, чтобы впоследствии пояснить некоторые события в моей жизни.

Чтобы продолжить мое повествование, позвольте мне вернуться к тому незабываемому дню, когда санитарный обоз Добровольческой армии под благовест церковных колоколов входил в гостеприимную станицу Егорлыцкую. Всех, кто мог двигаться, потянуло в церковь, мне же с перебитой ногой нельзя было и думать об этом. К тому же я ослабел настолько, что без посторонней помощи даже не мог повернуться на другой бок.

Под звуки доносившегося ко мне хорового пения «Христос Воскресе» с радостным чувством «Воскресения Христова» я впал в забытие, из которого меня пробудил голос нашей чудной, самопожертвованной сестры милосердия Вари Салтыковой: «Христос Воскресе, мой Белый воин! Вот я принесла тебе красное яичко!» Я настолько ослабел, что даже не мог приподняться на телеге, чтобы похристосоваться с Варей, но она сама нагнулась и поцеловала меня три раза. Затем, очистив от скорлупы яичко, она разрежала его пополам и, протянув одну половинку мне, сказала: «А теперь давай разговеемся».

Все это: торжественное пение пасхальной заутрени, христосование с Варей — настолько отняло мои силы, что я опять впал в забытие. Все последующие дни проходили в каком-то тумане и не запечатлелись в памяти.

25 апреля 1918 года части отряда полковника Дроздовского совместным ударом с казаками атамана Попова освободили от красных Новочеркасск. Население города, засыпая своих спасителей цветами, приветствовало их радостным пением «Христос Воскресе».

30 апреля штаб Добровольческой армии решил переправить всех раненых в госпиталя освобожденного Новочеркасска. Размещенные по телегам раненые по уже просохшим дорогам были отправлены сперва в станицу Маныцкую. При выезде из Егорлыцкой станицы санитарный обоз был остановлен генералом Марковым, который лично осматривал раненых, а имеющиеся у них винтовки отбирал. Может появиться вопрос: зачем раненым винтовки? Вопрос вполне уместный для людей, незнакомых с обстановкой ведения боя первых белых добровольцев. Не раз приходилось раненым, лежа на своих повозках, вести огонь по наступающим ордам красных — ведь шли мы без базы и тыла.

К вечеру того же дня санитарный обоз прибыл в станицу Маныцкую, жители которой гостеприимно разместили раненых по своим домам. Кроме ласки и радушия станичников, мне невольно запомнил-

ся уклад жизни казаков-староверов. Курить в хате запрещалось, а на куривших смотрели они не совсем одобрительно. Также мне до сих пор вспоминается маньчский каймак. Такого вкусного каймака мне в жизни моей не пришлось пробовать. Не помню, сколько дней мы находились в этой станице. Но вот было нам сказано, что завтра нас переправят пароходами в Новочеркасск.

Станица Маньчская стоит на реке Маньч, впадающей в реку Дон. Новочеркасск же стоит у рек Акса́я и Тузлова. Упоминаю я эти реки для того, чтобы указать, что в том 1918 году разлив рек принял необычные размеры. От станицы Маньчской вплоть до Новочеркаска было огромное пространство воды, затопившей все прибрежные луга и поля. И по этому безбрежному водному пространству пароходы (или баржи) подвезли нас прямо к Новочеркасску.

В эти дни я от слабости был в полусознании. Более легких раненых или тех, кому нужна была срочная операция, сразу же разместили по больницам Новочеркаска. Меня же по слабости решили пока не тревожить и положили в приемный покой новочеркасского вокзала.

На другой день пробуждаюсь я в светлой большой комнате на чистой кровати с белоснежными простынями, а не на телеге со смятой соломой, покрытой грязным рядом. Окна в комнате были открыты и озарялись утренним солнцем. В одно из окон цветущая сирень протянула одну из своих ветвей. И вот, постепенно приходя в сознание, я начинаю осматриваться: все новое, никогда здесь не был, и все какое-то необычное. Начинаю думать: наверное, я умер, и Бог за мои страдания взял меня к Себе в рай. Вот открывается дверь, и входит кто-то в белой одежде. Думаю — наверное, ангел. Но этот ангел, подойдя к моей постели, потрогал сперва мою голову, а потом спросил, что я хочу: какао или кофе? Потом спрашивает: «Почему вы на меня так удивленно смотрите и ничего не говорите?» В ту минуту я догадался, что это сестра милосердия и что я, наверное, в госпитале. Тогда я спросил ее, где я и почему я здесь. Тут она, приветливо улыбнувшись, рассказала мне, что она добровольная сестра милосердия, что я нахожусь в приемном покое, что вчера меня выкупали в ванне и переменили бинты на гноящейся ране и что, возможно, сегодня к вечеру меня перевезут в госпиталь донских врачей на операцию. На мой вопрос, как я попал сюда, она рассказала мне, как на баржах нас, раненых добровольцев, привезли в Новочеркасск. Затем она принесла какао с какой-то булочкой. Есть от слабости я сам не мог, и она очень ласково меня накормила. От какао я сильно устал, и лицо мое покрыла легкая испарина. Вскоре я забылся сном. Как меня перевозили в госпиталь, я не знаю.

Очнулся я от какого-то покачивания то вверх, то вниз. Открываю глаза и как бы в тумане начинаю видеть неясные фигуры. Потом осознаю, что я лежу на простыне и эти белые фигуры, держа простыню за углы, то поднимают ее, то опускают. Приходя все более и более в себя, я вдруг в этих белых фигурах узнал тех милых девушек-институток Донского института. Им кто-то сказал, что меня, тяжело раненного, привезли в госпиталь, и они сразу же установили дежурства у моей постели.

Потом они мне рассказали, что я настолько ослабел, что доктора не решались делать мне операцию. Сперва надо было меня подкормить и по возможности вернуть силы. Мыться я сам не мог, поэтому они меня таким оригинальным способом купали. Когда после операции доктор прописал мне вино, то на столике у моей кровати всегда стояло несколько бутылок чудного цымлянского вина. Я охотно делился этим вином с ранеными моей палаты. Наконец, доктора прописали мне прогулки на свежем воздухе, и эти милые девицы каждый день выносили меня на носилках в сад.

Не знаю, чей это был сад — то ли госпиталя, то ли чей-нибудь частный. С каждым днем я становился все крепче и крепче и уже без посторонней помощи передвигался по палате госпиталя. К середине мая я настолько окреп, что доктора решили меня перевести в лазарет госпожи Чертковой для выздоравливающих. Этот лазарет находился недалеко от Новочеркасского собора. Помню, как я, прихрамывая, с палочкой участвовал в траурном шествии при погребении безвременно погибшего героя Добровольческой армии генерала Маркова. К концу июня моя рана перестала кровоточить и я начал подумывать о возвращении в свою часть.

Этим закончился мой Первый поход. По Новочеркасску поползли слухи, что наша армия пополнилась и готовится к своему Второму походу. Чувствуя себя уже в силе, я выписался из лазарета и к началу Второго похода явился в штаб моего родного Корниловского полка.

Б. Турчанинов²⁵⁹

СКОРБНЫЕ ТЕНИ²⁶⁰

Зима 1918 года

«...26 февраля, после перехода железнодорожной линии у станции Ново-Леушковская, мы вынуждены были двигаться ускоренным маршем, ускоряя шаг, порой почти бегом, чтобы выйти из сферы артил-

лерийского огня большевистских бронепоездов. В таком напряжении прошли шестьдесят верст. К вечеру заняли станицу Старо-Леушковскую, сразу нам, сестрам, надо было перевязывать растертые ноги добровольцев. К счастью, раненых в роте не было.

Наш командир второй роты князь Чичуа — грузин, храбрый офицер и милый, внимательный человек, устраивал нас, сестер, по возможности в лучшей хате, всегда на очень короткий отдых, и следил, чтобы у нас была какая-нибудь еда и сравнительные удобства.

В этот вечер в казачьей хате оказался граммофон, и вот вместо того, чтобы лечь скорее отдыхать, поставили пластинки с вальсами.

Все было забыто, наши офицеры галантно пригласили меня и Таню²⁶¹ (убита под Корочей), как единственных дам, и все мы, босяе из-за растертых ног, закружились в вальсе. Ведь нам тогда было по 17—18 лет, а нашим кавалерам по 20—25.

На следующий день после выхода из станицы первой пулей, залетевшей издалека, еще до начала боя бедный князь был убит. Долго мы не могли понять, отчего он упал, не было видно крови, не было раны. Только позже увидели маленькую ранку под рукой. Он вел своего коня за уздечку и держал руку вверх. Пуля попала в сердце...»

(Отрывок из письма сестры милосердия Корниловского Ударного полка В.С. Левитовой²⁶². 8.7.70.)

Пути Господни неисповедимы. Какой фатальный случай! А подумать, вспомнить, да разве в те времена Содомы и Гоморры на Святой Руси не было тысяч, десятков тысяч случаев, не менее фатальных, но все забывается, и уже почти некому вспомнить, рассказать о том, что должно стать незабываемым.

Убаюкивающий стук колес и покачивание вагона убегающего вдаль поезда располагало к задумчивой дреме, виды гор, покрытых лесом, правда не похожих на те, как там, все же воскрешали видения давным-давно ушедших лет. Видны и здесь парящие орлы, но не те, не такие, как те там, тогда... Меняются виды, проносятся маленькие станции, бегут телеграфные провода, то опускаясь, то возвышаясь, все монотоннее стучат колеса...

И вот... вся в белоснежном, спутница нашей жизни Греза своей волшебной палочкой приподняла тончайшую завесу, всю сотканную из предутреннего тумана, и все, что было, как на цветном экране, явилось вновь перед уставшими, закрытыми глазами: голоса, звуки старенького пианино, нежный запах роз, смех и слезы — вдруг стало явью в тяжелом сне.

* * *

25 февраля 1918 года в 10 часов вечера части Добровольческой армии выступили из станицы Незамаевской. Предстояло перейти железнодорожную линию в районе Ново-Леушковской, между станциями Сосыка и Тихорецкая. По колоннам передано: не курить, не разговаривать, соблюдать абсолютную тишину. Марш будет ускоренный. Есть угроза со стороны красных бронепоездов.

Корниловский полк имеет задачу занять станцию Ново-Леушковскую и обеспечить переход армии через железнодорожную линию. Командир второй роты Корниловского Ударного полка штабс-капитан князь Георгий Чичуа шел сбоку головного взвода своей роты, ведя за уздечку своего верхового коня. На протяжении всего похода от самого Ростова князь делил все тяготы похода со своей ротой и редко садился на коня.

Две сестры милосердия его роты — Варя Васильева и Таня Куделькова²⁶³ — были также предметом его забот. Варю он приказал, несмотря на ее протесты, сесть на патронную двуколку, а Тане приказал быть на санитарной повозке с вожжами в руках, а санитару приказал идти сбоку. Он был уверен, что девушки на быстром марше за ротой не поспеют. Кроме того, глядя на трудности походной жизни, ему было жаль их, тем более что Варя до некоторой степени своими манерами, душевной простотой и наивностью напоминала ему его невесту — там, в далекой Грузии.

Несмотря на быстрое движение, железнодорожную линию все же перешли уже при полном свете восходящего зимнего солнца. С обеих сторон пути были подорваны, и красные бронепоезда посылали свои снаряды с довольно большой дистанции, не причиняя вреда. После полудня 26 февраля части Добровольческой армии втянулись в станицу Старо-Леушковскую, в десяти верстах от железной дороги. Была объявлена дневка. Сестры сразу принялись за перевязку раненых в прежних боях и особенно за перевязки растертых ног.

Князь Чичуа с двумя офицерами своей роты и двумя связными расположились в хате рядом с санитарным пунктом. Хозяин хаты, еще нестарый казак, оказался очень гостеприимным, женщины быстро соорудили ужин, а в соседней большой комнате он завел большой граммофон. Репертуар оказался довольно приличным, из русской и итальянской музыки, несколько арий из опер в исполнении Шаляпина, Карузо, романсы Вяльцевой, Вертинского. Офицеры были приятно удивлены, услышав такие мелодии в далекой Кубанской степи. Оказалось, хозяин был любитель музыки, сам играл на скрипке и пел в церковном хоре.

Командир роты сам пошел на санитарный пункт и пригласил сестер на музыку. Окончив перевязки, Варя и Таня пришли в тот момент, когда из граммофонной трубы неслись звуки вальса «На сопках Маньчжурии». Забыты были усталость, мелкие заботы! Кавалеры — офицеры и добровольцы, пришедшие послушать музыку, — наперебой стали приглашать единственных двух дам, и, как были, босые из-за растертых и уставших ног кавалеры и дамы так и закружились в вихре вальсов «Дунайские волны», «Лесная сказка», «Мечта»... Ведь самому старшему кавалеру, командиру роты штабс-капитану князю Георгию Чичуа было всего двадцать четыре года, а самому младшему кадету — неполных семнадцать. «Дамам» — одной неполных восемнадцать, а другой чуточку поменьше, так куда уж тут устоять от возможности покружиться в волнах таких знакомых и памятных по гимназическим и кадетским, совсем еще недавним балам мелодий.

Но время делу, потехе час... Несмотря на просьбы молодежи «еще немножечко», последовал командирский приказ — всем спать, завтра поход, отдохнуть всем необходимо. Это был последний «бал» князя, последний его вальс. Он предчувствовал, а все, кто были в этот вечер у него как званые гости, не ведали, что завтра будут стоять, пораженные страшной неожиданностью, над распростертым телом единственного в этот день убитого в Корниловском Ударном полку князя Георгия Чичуа, удивленно раскрытыми глазами уставившегося в серое зимнее кубанское небо.

Затихли последние звуки невозвратного времени, разошлись гости. Князь сел у небольшого столика, достал из полевой сумки тетрадь и стал писать. Его охватила страшная тоска жуткого одиночества в этом чужом доме в Кубанской степи, тоска по родному краю, по своему дому, по людям, кого любил и знал с самого раннего детства. Ему захотелось опять увидеть ласковые, на него глядящие бездонные карие глаза Марии²⁶⁴, очерченные пушистыми черными бровями, ее вишневые губы, что так часто пели ему о журчащем ручейке и о плачущей над ним горлинке. Ему захотелось услышать ее голос, видеть ее нежную улыбку. И он стал писать ей письмо. *Последнее*²⁶⁵.

«Милая горлянка Грузии печальной, помнишь ли ты обо мне? Чувствуешь ли мою тоску, что летит к тебе в эту ночь через горы и реки из далекой степи Кубанской?»

Скоро полночь, наконец я один и могу весь отдаться мыслям и побыть с тобой. Сегодня закончился большой и утомительный переход. Завтра предстоит такой же. «Что день грядущий мне (нам) го-

товит...» — знает один Господь. А мы, мы ничего не знаем, знаем только, что движемся несколько южнее, а значит — ближе к тебе...

Ты Богом данная мне моя невеста. Люблю тебя, как Ангел Бога, как поется в наших песнях, любил с детства, люблю и поныне еще больше и навсегда, с этой любовью, с твоим образом и умереть не страшно. А умереть... придется.

Сегодня, в этот час ночной, я чувствую особую тоску и близость чего-то неизбежного. Через окно казачьей хаты, в которой я сейчас сижу, видны холодные звезды, и, если ты, как всегда, смотришь и любишься ими, пусть наши взоры встретятся там, мне станет легче, тебе же напомнят обо мне, о моей вечной и нежной любви.

Может быть, это письмо будет не последнее, но... если ему суждено быть последним, то я... обязан написать о... последнем желании Ираклия. Вот ты и перепугалась. Прости, Мэри, что делаю тебе больно. Я знаю, как ты любила брата. В последний наш приезд в ваше Кодорское имение, ставшее для меня родным, надо признаться, Ираклий давно видал нашу взаимную любовь — твою и больше всего мою любовь к тебе. Он помог нам, «застенчивым деткам», как он нас называл, объясниться и стать женихом и невестой.

Как быстро пролетели тогда три недели, но как много в них было беззаботности, радости и счастья. Я ехал к вам радостный, уезжал счастливый. Для Ираклия это был его последний отъезд из дома, для меня... не знаю.

В июне 1917 года я вступил в Корниловский Ударный полк, так было надо. Несколько позже к нам в полк приехал с несколькими офицерами Ираклий. Вместе проделали крестный путь до Ростова, и 27 января, в бою с большевистскими бандами недалеко от станции Хопры Ираклий был смертельно ранен в грудь и левую часть головы. Был легко ранен и я. Обоих быстро доставили уходящим поездом в Ростов, а там в Николаевскую больницу. Доктора пытались спасти его, но... не теряя сознания, несмотря на сильные боли, он все время, держа мою руку в своей (сестра поддерживала его забинтованную голову), говорил мне о нашем последнем пребывании в наших родовых гнездах. Последние слова его были: «...Любите друг друга, ты, Георгий, и Мария... ей, моей сестренке, осторожно напиши о моей смерти, отцу пусть пока не говорит. Если сможешь, Георгий, похорони меня, запомни где... Прощай, кунак...»

В два часа дня 29 января Ираклий умолк навсегда. Его голову все еще держала девушка, сестра милосердия, из глаз которой скатывались чистые слезы на раненую грудь одного из последних офицеров Императорской армии России. Я первый сложил на его груди уже

безжизненные руки, закрыл его карие глаза, и несколько моих слез запечатлелись на его груди в знак нашей бессмертной дружбы. Похоронен Ираклий на Нахичеванском кладбище, о месте его могилы знает хоронивший его священник отец Иоанн К.

Страшные времена настали, страшные дела творятся, страшно за тебя, моя горная звездочка, радость дум моих о тебе, далекая и такая близкая. Но вот сигнал сбора, надо собираться, до радостного скорого свидания или .. прощай, моя ласковая джан. Господь с тобою! Что бы ни случилось — Кисмет При жизни и после смерти всегда твой, любящий *Георгий*. 27.2.1918 г. Станица Старо-Леушковская».

В. Иванов²⁶⁶

**ГДЕ ВЫ, ПЕРЕЖИВШИЕ?
(29 МАРТА — 3 АВГУСТА 1918 ГОДА)**²⁶⁷

Посвящается мученической смерти офицеров и солдат, брошенных в станице Елизаветинской 1(14) апреля 1918 года

Второй день шел горячий бой под Екатеринодаром. Под кожевеными заводами красные упорно нас атаковали 8—12 цепями. В перерывах их артиллерия забрасывала нас гранатами. Я, тогда молодой прапорщик 19 лет, сидел напротив полковника Неженцева, командира Корниловского Ударного полка, и его помощника капитана Скоблина в яме, которая была штабом полка и пулеметным гнездом; вправо и влево лежали наши цепи.

Около 4 часов после обеда около меня разорвалась граната. Вся правая часть тела была обожжена; правый глаз перестал видеть; рот полный земли и невыносимая боль в ступне. Другим глазом я увидел, что полступни оторвано, и нижняя часть длинной кавалерийской шинели капитана Скоблина залита моей кровью.

Я начал страшно кричать, и полковник Неженцев, оторвавшись от бинокля, грубо мне приказал «не мешать ему»... Я пополз в другую яму, находившуюся сзади. Там мне стянули ногу проволокой над коленом, дабы остановить кровотечение, и свернули сигарку, которая тряслась в моих руках.

Через 15 минут полк перешел в контратаку. Из ямы выскочил высокий полковник Неженцев с «стейером» в руке. Опять разрыв большевистских гранат, тучи пыли закрыли все, а через несколько

минут принесли мертвое тело полковника Неженцева с застывшим и побелевшим лицом.

Я пролежал в яме до 12 часов ночи, меня трясла лихорадка; потом меня перенесли на подводу и привезли на ферму, ставшую местом смерти генерала Корнилова. Мне перевязали ногу и положили на дворе, где я пролежал до утра. Позже меня и других раненых повезли в Елизаветинскую станицу. Это было 30 марта (12 апреля) — третий день боя.

Но дорогой я заснул и очнулся в какой-то пустой хате. Я весь горел, нога ужасно болела. Я пополз через двери на улицу и начал кричать. Прибежали какие-то казачки, и одна из них побежала куда-то. Пришел доктор с санитарями, и меня привезли к какому-то сараю, который служит как операционный зал. На меня наложили маску с хлороформом, и я исчез в бесконечности.

Пришел я в себя ночью на соломе в большой комнате, где лежало нас человек 15. Я, капитан Вендт и доброволец Муравьев лежали около печки в последнем ряду. Вещи мои были утеряны. Я лежал в гимнастерке с погонами, без штанов, в разорванных кальсонах, около головы лежал мой единственный ботинок.

Капитан Вендт лежал с тяжело раздробленной бедренной костью, а доброволец Муравьев с простреленной ногой и пробором, сделанным пулей на голове. Пришла сестра и дала мне порошок. Я впал в полудремотное состояние. Начинало светать, наступало 1 (14) апреля.

Вдруг вбежала сестра, что-то сказала, и все начали возбужденно разговаривать... «Что, что такое?» — спрашиваю я. Доброволец Муравьев, 16 лет юноша, ученик Ростовской гимназии, начал плакать, как маленький ребенок. Сквозь слезы я только услышал: «Генерал Корнилов убит... нас бросили...»

Три сестры срезывали всем погоны и забирали другие знаки отличия. Мой мозг напряженно работал. Потом была жуткая и длительная тишина. Вот, наконец, «они» здесь — входят красные кавалеристы, авангард армии Сорокина. Идут по рядам раненых. Страшные ругательства. Впереди командир в офицерских штанах и гимнастерке: «Сволочи, я тоже бывший офицер, но я иду с народом».

Начинается отбирание ценной одежды и вещей. Мой ботинок не дает им покоя — все спрашивают, где другой. «Эх, жалко — нет пары», — говорит хозяйственно один бородач. Сняли с пальца бриллиантовое кольцо, а с шеи сорвали нательный крест.

Проходят без перерыва части, после обеда входит сам Сорокин, с набором исключительно красивого оружия на черкеске. Черная борода и зеленоватые глаза. Он бывший сотник Кубанского казачьего войска.

Опять вечер и ночь, меня изматывает горячка и жажда. На другое утро вдруг все исчезают куда-то, и мы лежим сами. Томительная тишина — в висках стучит... Вдруг открываются двери и вбегают ловкие матросы карательного отряда с карабинами в руках и начинают стрелять в лежащих людей...

Штукатурка покрылась кровью, и комната наполнилась пылью. Мне стало страшно холодно. Кого-то рубили шашкой — нечеловеческий крик. Вот приближаются к нам... Влетает молодой матрос, что-то кричит — стрельба прекращается... «Сколько осталось?» Только мы трое. «Перенести».

Нас несут по коридору и приносят в совершенно пустую комнату, приносят и из других комнат. Молодой матрос пересчитывает! 32. «Этих четырех с краю застрелить!» Выбегает матрос и 4 раза стреляет. Эти 4 трупа выбрасываются через окно... Мы 28 останемся одни из 252. Тишина и молчание...

Кладут нас на подводы по 2 человека и везут в Екатеринодар той же дорогой, которой мы наступали. По обеим сторонам масса трупов.

Ввозят в город, который уже знает о предстоящем прибытии первых белых пленных, город, переживший 5 дней боев и наполненный большевиками. Толпа бежит за нами, улюлюкает и ругается. Подводы временами останавливаются, и нас обступает толпа. К капитану Вендту подходит матрос и нажимает ладонью на рану, спрашивая: «Болит?» Ко мне наклоняется какая-то старуха, долго собирает запас слюны и плюет мне в лицо...

Вдруг крики и возбуждение — ведут коня, к хвосту которого привязан труп генерала Корнилова. Все кажется бесконечным, и эти страдания. В толпе не вижу ни одного сочувствующего лица — одна ненависть и злорадство. Никогда, никогда из чувства ненависти, и только ненависти, не родилось ничего положительного! Казалось — весь мир наполнен одним злом!

К вечеру нас подвезли к атаманскому дворцу; какой-то великан на двух костылях с раненой ногой приблизился ко мне. «Откуда?» — деловито спросил он. «Из Москвы», — говорю.

Один костыль подымается, и я теряю сознание. Прихожу в себя в темноте; голова болит нестерпимо, страшно лихорадит, рубашки нет — лежу только в кальсонах. Подводы составлены вместе, кругом часовые.

Утром нас разместили в духовной семинарии, а через месяц перевезли в Мариинский институт, где я перенес две тяжелые операции. Каждый день допросы каких-то бесконечных комиссий. Раз пришла какая-то знаменитая партизанша — на золотом поясе парабеллум. Часто навещал начальник Чека Выгриянов. Жизнь наша все время

висела на волоске. Охранял нас в Чека есаул Донского войска Бороздин, попавший в разбеге в плен на поле боя под Екатеринодаром, бежавший и поступивший в Чека.

В Екатеринодаре работала наша тайная организация, которая нам помогала. Сестры шли к нам работать и помогали нам. Между ними была М.А. Колубакина-Полевская, ныне проживающая в Лос-Анджелесе. Был образован тайный дамский комитет. 15 (28) июля я и ряд других были освобождены по подложному ордеру. Меня привезли в квартиру М.П. Т., очень известной дамы в Екатеринодаре, где я провел последние две с половиной недели плена. Ухаживал за мной доктор Кайзеров, ныне живущий в Сан-Франциско.

3 августа 1918 года, мы, дожившие 19 человек (9 умерло), были освобождены. Часть нас, которые были в тюрьме на Дубинке, были перевезены в лазарет, и толпа забросала их цветами. 4 августа 1918 года капитан Малинин²⁶⁸ вводил меня на костылях в кабинет генерала Деникина, которому я подробно все доложил.

Прошло 35 лет, и за это время — целую эпоху — многое изменилось, и люди изменились, пролились океаны крови. Но были правы мы, первые начавшие вооруженную борьбу с большевиками. Весь мир только сейчас приходит к этой мысли.

Те, которые нас расстреливали, сами были ликвидированы в 30-х годах. Мы знали точно, что мы умираем за Россию. О чем думали они, когда чекисты им связывали руки; за что они умирали?

Осталось нас, первопоходников, мало. После 1-го похода мы пережили много счастья и несчастья, но 1-й поход останется нашей гордостью, ибо в тот момент на всем протяжении России только мы держали и несли трехцветный флаг.

Пусть эти искренние мысли, исходящие из глубины русского сердца, дойдут к нашему молодому поколению, которое стоит безгранично близко к событиям, которые решат судьбу нашего несчастного Отечества. Пусть любовь к России будет им путеводителем в сегодняшней темноте, пусть они будут так тверды, как мы, в борьбе, пусть всепожирающая любовь неизменно находится около них и сопровождает их, ибо из ненависти рождается только ненависть! И вместе с тем эти строки посвящаются тем зарубленным и расстрелянным офицерам и солдатам, геройство которых было завершено мученическим венцом.

Достоевский написал о русском народе: «Он или воскреснет в любви, или умрет в ненависти, мстя себе и другим за то, что послужил тому, во что не верил...» Мы должны верить, что русский народ вернется на дорогу любви, ибо в крови и страданиях рождается любовь, и только в ней обретается смысл нашего существования.

Раздел 4

*А. Богаевский*²⁶⁹

ПЕРВЫЙ КУБАНСКИЙ ПОХОД²⁷⁰

Выступление из Ростова

Потеряв всякую надежду отстоять Ростов от большевиков, генерал Корнилов решил уйти из него с остатками Добровольческой армии. Узнав об этом в день его выхода, я приказал своему штабу приготовиться к выступлению вместе с добровольцами.

Под вечер февраля, уничтожив все канцелярские дела и погрузив кое-какие вещи на 2 штабных автомобиля, мы двинулись по Садовой улице к Нахичевани. Третий автомобиль оказался за час до выступления испорченным его шофером, скрывшимся в городе.

Был тихий зимний вечер. Накануне выпал снег. Пустынны и мрачны были ростовские неосвещенные улицы. Вдали, на Темернике и в районе вокзала, слышны были редкие ружейные выстрелы.

Наскоро попрощавшись по пути с семьей, приютившейся на окраине Ростова, почти без надежды когда-нибудь увидеть ее, я снова сел в автомобиль и догнал колонну добровольцев у выхода из города по пути на станицу Аксайскую.

Здесь случилась первая неудача: мой автомобиль, попав в глубокий снег (дорога за городом еще не была накатана), остановился и, несмотря на отчаянные усилия шофера, дальше не пошел. Пришлось его бросить, испортив двигатель. Нагрузившись небольшим багажом и карабинами, мы пошли пешком. Я догнал Корнилова, шедшего во главе колонны, и пошел с ним рядом.

Невесело было на душе... Еще не улеглись тяжелые впечатления прощания с бедной, незащитной семьей, которую я не мог взять с собой; полная неизвестность, что ждет нас впереди, кровавые неуда-

чи недавних дней, тяжкие потери, гибель атамана Каледина, неясное для нас настроение донцов — все это тяжелым камнем лежало на сердце... Мрачно молчали мои спутники, погруженные в свои печальные думы.

Не доходя 2—3 верст до Аксайской станицы, колонна остановилась: от высланного вперед квартирьера получено было донесение, что аксайцы, по-видимому опасаясь мести большевиков, не желают давать нам ночлега в своей станице. По приказанию генерала Корнилова туда поехали генералы Деникин и Романовский, которые после двухчасовых утомительных разговоров со станичным атаманом и сбором добились согласия казаков на ночлег, но с тем условием, чтобы добровольцы утром ушли дальше, не ведя боя у станицы, в случае наступления большевиков.

Кое-как, вповалку, на холодном полу, провели мы тревожную первую ночь похода, ожидая возможности наступления красных, и рано утром двинулись дальше на станицу Ольгинскую.

Переправа через Дон прошла благополучно, хотя лед уже трещал. Перетащили и нашу артиллерию, две пушки поставили на всякий случай на позицию на другом берегу, пока не перешел весь отряд. К вечеру 10 февраля вся Добровольческая армия стянулась в станицу Ольгинскую, где и расположилась довольно широко на ночлег, оставив в тылу небольшие сторожевые части. Там уже находился со своим отрядом генерал Марков, прибывший туда левым берегом Дона из Батайска. Большевики нас не преследовали.

В станице Ольгинской мы простояли 4 дня. За это время армия была реорганизована и приведена в полный порядок. Мелкие части сведены в более крупные; начальники подтянулись; присоединились отставшие партизаны, ушедшие из Новочеркаска, приведены в известность все средства и запасы. Как они были жалки...

Все эти части имели разную численность, а часто и организацию. В общем в каждом полку было не более 500—700 штыков, а во всей «армии» едва 4000 человек, то есть обычная численность пехотного полка боевого состава (но к этому числу нужно прибавить еще до 1000 человек небоевого элемента — раненых, женщин, стариков, подводчиков. Все это было в обозе. — А. Б.). Еще большее разнообразие было по возрасту: в строю стояли седые боевые полковники рядом с кадетами 5-го класса; состав — почти исключительно — интеллигенция; очень мало простых рядовых солдат и казаков. Но зато в списках армии числились два боевых верховных главнокомандующих, командующий фронтом и много других генералов, еще недавно занимавших высокие посты в русской армии.

Никаких канцелярий, конечно, не было: вся переписка велась в записной книжке адъютанта или на клочках бумаги. Ружейных патронов было очень мало; снарядов едва 600—700 на всю армию. Насколько возможно, приведен был в порядок и обоз. Куплены по дорогой цене лошади для конницы. Одежда была крайне разнообразна; у огромного большинства сильно потрепана.

С переходом через Дон настроение духа добровольцев стало бодрее, но все же перед нами стоял роковой вопрос: что же делать дальше? Куда идти? Сам я лично думал тогда, что доберемся как-нибудь до Кавказа, и если нас не поддержат кубанцы и горцы, то придется рассеяться и ждать лучших дней в кавказских дебрях или за границей.

Дон еще не проснулся. Роковой выстрел Каледина еще не разбудил его. Только немногие смелые люди пошли с нами или в Степной поход с генералом Поповым. Масса простого казачества, да и многие офицеры, — пока еще «держали нейтралитет. .».

Ольгинские казаки не очень были рады нашему присутствию, но сдерживались. Была даже попытка, хотя довольно комического характера, усилить наши войска. Дело было так.

На второй день является к генералу Корнилову депутация от станицы, в составе 5 стариков, и торжественно заявляет ему, что казаки решили увеличить его силы своими добровольцами. Каждый старик держал длинную патриотическую речь; цифры пополнения в них достигали нескольких сот человек. Затем говорили все сразу и начали спорить между собой о величине помощи. Особенно энергично ратовал старый вахмистр-артиллерист. Корнилов сумрачно слушал ораторов. Изредка добродушная улыбка скользила по его губам. Наконец он прекратил споры и назначил меня председателем комиссии из этих стариков, для точного определения числа казаков, которых может дать нам станица.

После долгих споров членов комиссии я установил эти цифры: 100 пеших и 50 конных. Для такой крупной станицы, как Ольгинская, это было ничтожное количество, но, хорошо зная по ростовскому опыту цену таких обещаний, — я сам уменьшил до минимума величину этой помощи, мало веря в осуществление даже указанной величины. Так и вышло. По окончании разговоров я приказал к 2 часам дня, через день, собраться на площади перед своей квартирой новому ольгинскому воинству.

В назначенный день, около полудня, я увидел толпу человек в 20 подростков 14—15 лет, которые гадели на площади на указанном месте. Послал узнать, в чем дело. Ответили, что ждут «какого-сь генерала Бугаевского». Вышел к ним. Они быстро выстроились в

1 шеренги; на левом фланге стояли 2 мальчика, держа в поводу неседланных мохнатых лошадок. Никого из взрослых казаков с ними не было.

Поздоровался с казачатами. Ответили нескладно, но дружно. Хорошо одетые в папахи, полубашмаки и валенки, с розовыми щеками, они производили приятное впечатление своим здоровьем и свежестью юности.

— Зачем пришли сюда, молодцы? — спросил я их

— Да вот дядька сказал, что вы смотр нам делать будете, — загалдели все сразу мои воины.

— А сказали вам дядьки, что вы со мной и «кадетами» в поход пойдете, с большевиками драться будете?

— Нет, на это мы не согласны, — также все сразу завопили они, и от ужаса вытянулись их веселые рожицы

— Ну а вас, конных, кто сюда прислал?

Испуганные, торопясь и перебивая друг друга, казачата заявили, что они вели лошадей на водопой; их встретил дядька и приказал им идти на площадь, а зачем — они сами не знают.

С грустью посмотрел я на это воинство — казачью подмогу Добровольческой армии, и распустил их по домам. Как веселая стайка воробьев, разлетелись казачата по станице, довольные, что страшный смотр кончился...

Никто из дедов, членов комиссии, ни к Корнилову, ни ко мне больше не появлялся.

* * *

В Ольгинской решен был вопрос о дальнейшем нашем движении — в задонские степи, на зимовники. Корнилов принял это решение без ведома генерала Алексева. Последний, узнав об этом, настоял на том, чтобы был собран военный совет старших начальников для детального обсуждения этого вопроса.

Мнения на совете разделились. Большинство стояло за движение на Кубань, где предполагалось найти еще не тронутые большевизмом казачьи станицы, сочувственное настроение населения и достаточное количество запасов продовольствия. Екатеринодар был еще в руках кубанской власти, у которой, по слухам, было много добровольцев; соединение с ними должно было значительно усилить Добровольческую армию.

Меньшинство, в том числе Корнилов и я, верили в то, что Дон скоро поднимется, испытав на себе всю прелесть советской власти, а

потому не стоит идти так далеко, не зная еще точно, как нас встретят на Кубани. Опасения за то, что на богатых зимовниках мы не разместимся и будем голодать, казались нам неосновательным, и надежда на соединение с походным атаманом, генералом Поповым, который двигался туда с донцами, еще более укрепляла нас в мысли о целесообразности движения на зимовники. Однако победило первое мнение; решено было идти на Кубань.

Вечером 13 февраля в Ольгинскую прибыл походный атаман генерал П.Х. Попов с своим начальником штаба полковником В.И. Сидориным. Тому и другому судьбой суждено было сыграть крупную роль в дальнейшем ходе борьбы Донского казачества. Но еще не настало время подвести итоги их деятельности.

Немало нареканий, может быть, и не вполне справедливых, вызвала она: дело беспристрастной истории разобраться в этом и вынести свой приговор. Но в этот первоначальный период историческая заслуга походного атамана и его начальника штаба несомненна: генерал Попов, хотя и не имел никакого боевого опыта, будучи во время Великой войны начальником Новочеркасского военного училища, — не отказался стать во главе тех донских офицеров и казаков, которые смело решились на открытую борьбу с большевиками; в лице полковника Сидорина, Георгиевского кавалера, он нашел энергичного и храброго начальника штаба. В эти страшные дни растерянности и упадка духа «степняки» спасли честь Донского казачества, как добровольцы — честь русской армии, доказав, что не все донцы «решили нейтралитет держать». Отряд генерала Попова не был велик (около 1500 бойцов, 5 орудий, 40 пулеметов); боевые действия его были незначительны, но в его лице сохранилось ядро, около которого впоследствии выросла Донская армия.

Если бы во главе верных долгу донцов стал бы сам донской атаман генерал Назаров, популярный среди казаков и имевший большой боевой опыт, — то, вероятно, результаты действий «степняков» были бы более значительны; но, к глубокому сожалению, хотя все было готово к его выступлению из Новочеркасска, — атаман остался с войсковым Кругом, чтобы разделить с ним его унижение изменником Голубовым и принять смерть. Царство ему небесное.

Рыцарский, но бесполезный для Дона подвиг... Мужественно умер молодой атаман, сам скомандовав назначенным для его расстрела красноармейцам: «Сволочь, пли...»

Но не лучше ли было бы, как это сделал в свое время старый сербский король Петр, уйти с верными казаками в степь и затем вернуться, когда наступит благоприятное время, и продолжать борьбу...

Приезд генерала Попова и его убеждения склонили генерала Корнилова двинуть добровольцев на зимовники. Наш конный авангард, стоявший в станице Кагальницкой, по его приказанию уже готов был двинуться на восток. Однако ввиду все же затруднительности размещения по квартирам обоих отрядов и снабжения их продовольствием было решено не соединяться, а идти параллельными дорогами, поддерживая между собой надежную связь.

Жестокими словами описывает генерал Деникин тогдашнее настроение Донского казачества. К глубокому сожалению, слова добровольческого вождя — справедливы. Иначе возможно ли было бы такое чудовищное явление, как то равнодушие, даже враждебность, какую видели тогда к себе добровольцы и «степняки», не только со стороны донского крестьянства, но и казаков. Среди огромного населения области, свыше 4 000 000 человек — подняли оружие только две ничтожные кучки, едва 5000 человек. Остальные «держали нейтралитет». Самоубийство дошедшего до полного отчаяния Каледина, гибель генерала Назарова, моего брата Митрофана Петровича и многих других, потоки крови и тысячи могил — результаты этого проклятого «нейтралитета», эгоистического — «меня не тронут», «моя хата с краю»...

Так было в начале Ледяного похода. Когда, спустя 2 с половиной месяца, мы вернулись на Дон — настроение было уже иное: большевики хорошо показали казакам, что представляет собой советская власть! Нейтралитету пришел конец.

Уход из станицы Ольгинской. Первый переход. Ночлег в станице Хомутовской

Утром 14 февраля мы выступили из Ольгинской. Со своими хозяевами я расстался без особого сожаления. Сварливая хозяйка представила счет за наше пребывание, а хозяин, старый урядник, часто приставал ко мне с просьбой посоветовать, идти ли ему с нами или нет, оседлал коня, выехал за станицу, но — раздумал и вернулся.

Грустную картину представлял наш поход... Впереди авангард — 1-й Офицерский полк под командой генерала Маркова; за ним главные силы с обозом — под начальством генерал Боровского; сзади — аррьергард — Партизанский полк, под моей командой. Во время всего 2 1/2-месячного похода, на протяжении около 1000 верст, этот порядок почти не нарушался. Иногда только мы, три генерала, чередовались, вместе с своими частями, своими местами в походном порядке.

По широкой грязной улице привольно раскинувшейся станицы уныло шла колонна добровольцев. Бедно и разнообразно одетые, разного возраста, с котомкой за спиной и винтовкой на плече, — они не имели вида настоящей подтянутой воинской части. Это впечатление переселяющегося цыганского табора еще более увеличивалось многочисленным и разнообразным обозом, с которым ехали раненые и еще какие-то люди.

При нашем проходе вся станица высыпала на улицу. Больно было видеть уходящую куда-то в неведомую даль нищую Добровольческую армию, и тут же рядом стоящих у своих домов почтенных, хорошо одетых казаков, окруженных часто 3—4 сыновьями, здоровыми молодцами, недавно вернувшимися с фронта. Все они смеялись, говорили что-то между собой, указывая на нас...

Проходя мимо одной такой особенно многочисленной семейной группы, я не выдержал и громко сказал:

— Ну, что ж, станичники, не хотите нам помогать — готовьте пироги и хлеб-соль большевикам и немцам. Скоро будут к вам дорогие гости!

— На всех хватит, — ответил мне, при общем смехе семьи, отец ее, пожилой бородатый казак.

Нечаянно я оказался пророком: проезжая после Ледяного похода в начале мая из Мечетинской станицы в Новочеркасск на Круг Спасения Дона, я был остановлен у станицы Ольгинской заставой германского пехотного пока; на окраине станицы немцы рыли окопы и ставили пулеметы...

Кончились последние дома станицы, раскинулась безграничная, ровная, белая степь, с черными пятнами оттаявшей земли. Широкой прямой полосой потянулся старинный «шлях», по которому, порой утопая в жидкой грязи, совершила свой крестный путь Добровольческая армия. Свинцовое небо с черными тучами низко нависло над грустной, молчаливой землей...

К вечеру подошли к станице Хомутовской. Широко разместились на ночлег, как будто наш поход совершался в совершенно мирной обстановке. Обоз остановился на северной окраине станицы: уставшие лошади едва тащили повозки по липкой глубокой грязи, и никому не хотелось гнать их дальше по станице, где грязь была особенно тяжела... Сторожевое охранение стояло почти рядом, в крайних домах окраины.

Не было еще втянутости в походно-боевую жизнь, да и противник не трогал еще нас.

Ночь прошла спокойно. Пробуждение, однако, было весьма неприятно — под грохот разрывов неприятельских снарядов и ружейную

трескотню. Обоз наш первый попал под обстрел и в панике поднял суматоху по всей станице. Повозки с ранеными носились по станице. Возницы вопили от ужаса.

Однако скоро все пришло в порядок. Корнилов со штабом и начальники частей быстро успокоили людей; была выслана цепь против показавшейся на горизонте красной конной части, с одной пушкой, стрелявшей по станице, и, после нескольких выстрелов нашей батареи и движения во фланг большевикам конной сотни, красные скрылись. В это время обоз уже вытянулся по дороге из станицы; большевики послали несколько снарядов. Проходя с арьергардом по этой дороге, я потом увидел в одном месте лужу крови и воронку от снаряда.

Вся эта суматоха, однако, сослужила нам хорошую службу: нештучная угроза повторения такой тревоги уже не вызывала никакого беспорядка. Впоследствии стало известно, что потревожившая нас конная часть — были несколько эскадронов 1-й бригады 4-й кавалерийской дивизии. В начале 1914 года я командовал 4-м гусарским Мариупольским полком этой дивизии на Ломжинском фронте и хорошо знал ее. После революции все офицеры ушли из нее, в командование ею вступил один из уланских вахмистров, а его начальником штаба стал подполковник драгунского полка. К своему удовольствию, я узнал, что бывшие мои подчиненные — мариупольские гусары — в действиях против нас участия не принимали.

К вечеру 15 февраля подошли к станице Кагальницкой и, спокойно переночевав в ней, на другой день к ночи прибыли в станицу Мечетинскую, где была сделана дневка. В общем, шли медленно, постепенно стягиваясь в походную жизнь.

За это время были получены более подробные сведения о районе зимовников, выяснившие бедность района средствами и жилыми помещениями, разбросанными на значительных расстояниях, что для нас было опасно в отношении связи. Это заставило Корнилова окончательно решиться на движение на Кубань, о чем им и было объявлено войскам в станице Мечетинской. Донские партизаны, имевшие возможность двинуться на присоединение к генералу Попову, решили идти дальше с Добровольческой армией.

Походному атаману было послано предложение присоединиться к нам и идти дальше вместе. Генерал Попов не согласился на это, мотивируя свой отказ желанием донцов не уходить с Дона и дожидаться на зимовниках его пробуждения. Этот отказ произвел на добровольцев тяжелое впечатление: отходил в сторону естественный союзник, положение становилось затруднительным, главным образом ввиду недостат-

ка у нас конницы. Были мнения, что этому соединению помешало и честолюбие генерала Попова, который знал, что генерал Корнилов потребует, рано или поздно, подчинения себе «Степного отряда» во имя единства командования — азбуки военного дела. Как бы то ни было, оба отряда разошлись в разные стороны и впоследствии действовали совершенно самостоятельно, без всякой связи друг с другом.

За шесть дней нашего перехода от станицы Ольгинской до Егорлыцкой — 88 верст, я особенно хорошо помню станицу Мечетинскую: в ней, в доме священника, мне пришлось провести 17-е и 18 февраля по пути на Кубань, и из нее же я через 2 $\frac{1}{2}$ месяца уехал в Новочеркасск, простившись с Добровольческой армией.

Как и в других южных станицах, мечетинские казаки встретили нас приветливо и внешне доброжелательно. Большевики пока еще ничем не проявили себя здесь; казаки просто еще не знали их и за свой прием нас у себя не ожидали мести с их стороны. Впоследствии страх их жестокой расправы заставлял местных жителей быть гораздо сдержаннее в выражении своих симпатий к нам. И мы не могли винить несчастных: боясь за свое существование, мы вынуждены были уходить все дальше и дальше и ничем не могли обеспечить безопасность тех, кто доброжелательно относился к нам.

Помимо гостеприимства станицы, у меня осталось воспоминание о невероятной грязи в ней в распутицу и о философском отношении к ней жителей.

Посреди станицы протекала болотистая речка Мечетка; через нее был низкий «казенный» мост с деревянным настилом, давно прогнившим и покрытым на $\frac{1}{2}$ аршина слоем жидкой грязи. На моих глазах в ней едва не захлебнулась обозная кляча, попавшая ногой в дыру настила. На берегу была сложена груда бревен для его починки. Но никто из станичников пальцем не шевельнул сделать это: «А нам ни к чему: мост казенный», — говорили они, утопая в грязи речки, объезжая мост.

Около церкви была какая-то яма с незасыхавшей грязью (по-видимому, там бил ключ). Прихожане из хуторов иногда попадали в нее и вымазывались в грязи, измучившись, вытаскивая повозки, — нередко возвращались домой, не побывав в церкви. Батюшка ездил в церковь через улицу иной раз на волах. Впрочем, мало ли на Руси дебрей с такой классической грязью...

По пути от Ольгинской раз нам пришлось остановиться на привал в хуторе, приютившемся в степной балке. В бедной хате, где я остановился, суетился вдовец старик крестьянин, принося нам молоко и хлеб.

Один из моих офицеров спросил его: «А что, дед, ты за кого — за нас, кадет, или за большевиков?» Старик хитро улыбнулся и сказал: «Чего ж вы меня спрашиваете... Кто из вас победит, за того и будем». Дед, по-видимому, верно определил отношение к нам русского народа.

Все шли пешком. Старшие начальники, в том числе и Корнилов, редко садились верхом: как-то неловко было пользоваться таким удобством передвижения, когда рядом, простыми рядовыми, с винтовкой на плече, шли израненные старые генералы и полковники...

Обычная группа впереди колонны главных сил: генерал Корнилов в полушубке с белым воротником и высокой папахе, с палкой в руке, с сумрачным спокойным лицом; рядом с ним генерал Романовский. Тут же генерал Деникин, среди штабных офицеров, в штатском пальто и черной шапке, с карабином через плечо. Плохо одетый, потеряв теплое пальто в Батайске, в дырявых сапогах, он сильно простудился и вынужден был скоро слечь в повозку. Генерал Алексеев ехал в экипаже. Несмотря на свое болезненное состояние, он принимал деятельное участие в жизни Добровольческой армии: высший руководитель нашей крошечной армии, министр иностранных дел, главный казначей наших жалких средств, он пользовался общим глубоким уважением, и мы, старшие, с грустью видели, что в штабе Корнилова к нему относятся не так, как он того заслуживал... Но, как всегда скромный, он ни на что не жаловался и везде уступал Корнилову первое место.

Часто к этой молчаливой группе присоединялся и я, если мой полк шел в колонне главных сил. Но разговор обычно не клеился: каждый был занят своими невеселыми думами...

Переночевали в станице Егорлыцкой и простились с Донской областью. Дальше — Ставропольская губерния. По слухам — здесь будет нам тяжело: местные жители-крестьяне уже охвачены большевизмом, и хотя он еще не принял определенного характера, но уже есть его преддверие — местные советы, тупая, бессмысленная ненависть к нам — «кадетам», которую раздувают части 39-й пехотной дивизии, недавно ушедшие с Кавказского фронта и расположившиеся в Ставропольской губернии, терроризируя население.

Первый более или менее серьезный бой с большевиками мы выдержали в пределах Ставропольской губернии, в Лежанке, 21 февраля. Был тихий зимний день. Слегка подморозило. Ветра не было. Снег уже сошел, и широкие черные поля терпеливо ждали теплого дыхания недалекой весны. После грязи и усталости последних дней идти было легко, да и в поход мы уже достаточно втянулись.

Впереди, в авангарде, шел Офицерский полк с генералом Марковым. За ним — главные силы — юнкера и корниловцы, в арьергарде за обозом — я, со своим партизанским полком. В 3—4 верстах перед Лежанкой нужно было переходить через широкий плоский бутор. Как только авангард показался на нем, высоко над ним разорвалась шрапнель со стороны Лежанки, и бело-розовое облако тихо поплыло по бледно-синему небу. За первой шрапнелью вторая, третья — также высоко и безвредно.

Знакомое, несколько забытое, чувство жуткой бодрости, подтянутости и жгучего любопытства охватило всех нас. Будет бой. . Вот за этим спокойным голым бутром, может быть, ждет смерть. Рука крепко сжала винтовку, каждый мысленно пересчитал и запас своих патронов. Взоры всех невольно обращаются на начальника.

Этот момент — первый выстрел противника — я считаю, по своему боевому опыту, одним из важнейших в течение боя. В эти несколько секунд подчиненные делают решительную оценку своему начальнику, которого еще не видели в бою — и горе им и ему, если он не выдержит этого мгновенного экзамена: растеряется, засуетится, начнет волноваться, дрогнет его голос. Немедленно пропадет вера в него, явится недоверие и к своим силам, чувство подлой трусости холодной змеей заползает в душу каждого, и задолго еще до конца боя успех его поколеблен. Как справедливы исторические слова: «Побежденные войска разбиты уже до поля сражения.»

Конечно, в числе причин неудачи боя всегда есть и многие другие, но потеря веры в вождя и в свои силы, упадок духа войск — являются главными. Мне всегда казалось, что ни трусов, ни храбрых людей нет на свете: есть только умеющие держать себя в руках и теряющие голову в опасности. Чувство самосохранения настолько могущественно, что от него нет возможности отделаться, и я убежден, что самый отчаянный по виду храбрец испытывал не раз припадки такой трусости, что только силой воли заставлял себя не обратиться в зайца.

Все эти мысли, как теперь помню, пришли мне в голову, когда я заметил, как испытующе смотрят на меня мои партизаны после первой шрапнели... На душе у меня было жутко, как, вероятно, и у них, и так хотелось быть как можно дальше от этих бело-розовых пушистых комочков на светлом небе!

Но, взяв себя в руки, спокойно пошутил относительно слабой меткости большевиков, проехал вдоль колонны, смотря всем в лицо, — и экзамен выдержал: доверие было завоевано, и за весь Ледяной поход оно оставалось, к моей радости, неизменным.

Впереди начался бой. Я получил приказание подтянуть свой полк вперед и, обогнав обоз, который суетливо начал сворачиваться в вагенбург, выдвинулся на бугор. С этой возвышенности как на ладони было видно все поле сражения.

Верстах в 2 впереди, по долине речки Средний Егорлык, широко раскинулась слобода Лежанка; за ней возвышенность, на которой кое-где группы леса и кусты. Прямо на слободу наступал длинной стрелковой цепью Офицерский полк. Вправо, скрываясь по балкам, двинулись в обход левого фланга противника корниловцы и юнкера. К ним поехал и Корнилов со своей свитой. Я получил приказание атаковать левый фланг противника.

Марков уже ввязался в упорный бой. Большевики, занимая окопы по обе стороны речки, осыпали его жестоким ружейным и пулеметным огнем; пришлось залечь и ждать результатов обхода корниловцев.

Батарея красных, стоявшая у церкви, перенесла свой огонь на мой полк. Одним из первых снарядов был убит один из моих офицеров и казак. Это были первые и единственные наши жертвы за этот бой.

Развернув полк, я начал наступление влево, по вспаханному осенью полю. Не ложась, мои партизаны спокойно шли под неудачным артиллерийским огнем противника. Молодцы юнкера батареи подполковника Миончинского лихо работали под ружейным огнем противника на главной дороге. Под их меткими выстрелами все реже и реже стала стрелять красная батарея. Вот — изображая собой броневик, со страшным шумом помчался к марковцам наш автомобиль (шел на керосине, т. к. бензин вышел). Наступая уступом против красных, под их редким огнем, примерно в версте за Офицерским полком я с удивлением и восторгом неожиданно увидел, как марковцы, которым, видимо, надоело открыто лежать на другой стороне речки под беспаркетным, но все же горячим огнем врага, вдруг вскочили и бросились кто через мост, а кто в воду в атаку на окопы красных. Последние совсем не ожидали этого и, даже не сопротивляясь, бежали. Я отчетливо видел, как беглецы быстро движущимися черными точками усеяли всю возвышенность за слободой, из которой бешено скакали повозки с «товарищами» и батарея. Марковцы и корниловцы настойчиво преследовали бегущих. Конница Глазенапа охватила часть их обоза. Партизанам уже делать было нечего. Противник исчез. Я приказал свернуть полк и повел его в Лежанку.

Слобода точно вымерла. Жители разбежались или попрятались. По улицам валялось немало трупов большевиков.

Красные бежали в полном беспорядке, бросив запасы и частью и оружие. Мы спокойно расположились на ночлег. Появились и жите-

ли, всячески стараясь оказать внимание «победителям». Но по их невеселым смущенным лицам видно было, что они с ужасом думают о новом приходе большевиков, после нашего ухода. Жалко было их, но что мы, кочующая армия, могли сделать? Ночью еще долго слышались кое-где одиночные выстрелы: добровольцы «очищали» слободу от застрявших в ней большевиков.

Этот первый в походе правильный бой, окончившийся полной нашей победой, имел для Добровольческой армии огромное нравственное значение. Явилась твердая вера в Корнилова и других начальников, уверенность в своих силах и в том, что лучший способ разбить большевиков — решительное наступление, не останавливаясь перед естественными преградами, сильнейшим огнем и превосходными силами противника. Была сделана взаимная боевая оценка врагов — и в нашу пользу. На большевиков, видимо, неотразимое впечатление произвело спокойное, без всякой суеты, стройное, как на учении, развертывание армии, смелый переход ее в наступление и атаку и меткий огонь. Добровольцы увидели перед собой многочисленного, хорошо вооруженного противника, занимавшего сильную позицию, но скоро убедились в отсутствии у него стойкости войск и толкового управления боем. Красные с места же перешли к обороне, надеясь на непроходимость речки и силу своего огня, и, когда это не остановило доблестного Маркова, у них сразу пал дух, и началась паника, окончившаяся полным бегством.

План боя был очень прост, да и трудно было предпринять сложный маневр в наших несложных силах: он вполне соответствовал обстановке и заключался в решительном ударе с фронта, с обходом фланга.

Верховному Главнокомандующему, еще так недавно управлявшему 10-миллионной армией, пришлось под Лежанкой решать одну из боевых задач, какие мне приходилось давать в окрестностях Красного Села юнкерам Николаевского кавалерийского училища, где я 10 лет был преподавателем тактики. И он решил ее на 12 баллов (на «отлично»).

Бой под Лежанкой был для Добровольческой армии первым боевым экзаменом. И она блестяще его выдержала. Почти все остальные многочисленные бои похода имели такой же характер и план. Но уже в этом бою ярко сказался недостаток у нас конницы: ни хорошей разведки, ни энергичного преследования не было. И в других боях мы постоянно это чувствовали.

В дальнейшем изложении мне придется описывать главным образом бои. Наш поход представлял собой практический курс по тактике во всем его разнообразии: походные движения, расположение на

ночлег, наступательные, фланговые, отступательные (для арьергарда), конные атаки, переправы через реки и пр. Противник был кругом и вместе с тем был неуловим. Нам все время приходилось наступать, пробиваясь через красное кольцо, и одновременно отступать, обороняясь с тылу. База у нас была всегда «при себе».

Впервые за поход в этом бою были взяты в плен и преданы военно-полевому суду несколько офицеров-артиллеристов 39-й артиллерийской бригады. Суд отнесся к ним снисходительно и помиловал их, поверив тому, что они насильно были взяты красными, державшими их семьи заложниками.

В Лежанке Корнилов приказал, для отличия от большевиков, нашить полоску белой материи на папахи и фуражки.

На Кубани

С утра 23 февраля мы уже двигались по Кубанскому краю. Встречали нас в станицах хорошо. Кубанцы охотно присоединялись к нам после речей генерала Алексеева и Корнилова. Станичные сборы высказывали свое враждебное отношение к большевикам, среди которых были почти исключительно иногородние. Край богатый, большие запасы хлеба, много скота и лошадей. Большевизма, во всей его прелесть, кубанцы еще не испытали.

Без боев прошли 23 февраля станицу Плосскую, 24-го вошли в станицу Незамаевскую. В стремлении к Екатеринодару, нашей обетованной земле, мы не задерживались в станицах, как в Донской области. Все уже втянулись в походную жизнь, приспособились ко всем ее неудобствам, кормились хорошо, а удачный бой под Лежанкой сильно поднял бодрость духа и веру в Корнилова. Грязь подсыхала, дни становились теплее. Надежда на хороший конец нашего похода становилась тверже.

Из станицы Незамаевской мы выступили в 10 часов вечера. Это было новостью: до сих пор шли все только днем. Предстояло по пути к столице Кубани перейти Владикавказскую железную дорогу между 2 важными узлами: станциями Тихорецкой и Сосыки. Обе станции были заняты крупными отрядами большевиков. Между ними часто курсировали броневые поезда. Поэтому нужно было перейти железную дорогу ночью, и как можно быстрее. Все были перед выступлением предупреждены о цели движения; запрещены разговоры, песни, куренье; приняты все возможные меры предосторожности.

Чтобы обмануть бдительность противника, мы двигались сначала на запад, на станицу Павловскую, а потом, после короткой остановки, в хуторе Упорном круто свернули на юг. Наш обоз в темноте случайно оторвался от общей колонны, подошел почти на 3 версты к станице Павловской, занятой большевиками, и только счастливая случайность спасла его. Эта невольная демонстрация сбила с толку большевиков. Ночью нас никто не трогал.

По пути в одном месте нам пришлось проходить ручей с топкими берегами. Около 2 часов драгоценного времени нам пришлось потратить, чтобы сделать настил для провоза пушек и обоза. Все работали с необычайным усердием: каждый знал, что, если мы до рассвета не перейдем этого губительного места, утром будет бой в очень невыгодных для нас условиях. Здесь я впервые увидел на работе саперную роту чехословаков.

Здоровые, сильные люди усердно работали, изредка перекидываясь словами на своем странном, таком близком по созвучию и вместе с тем чужом языке. Им помогал командир роты, энергичный высокий офицер. Здесь же был их «руководитель» штатский инженер Кроль, горбатый симпатичный человек. В конце нашего похода, уже на Дону, он был убит кем-то, по-видимому с целью грабежа.

Холодная, сырая ночь После тяжелого похода днем клонит ко сну, но сознание опасности невольно подбадривает всех. Настил кончили. Перекатили несколько повозок по мягкой соломенной плетине среди камыша — прошли благополучно. Наконец потащили пушки. Со страшными усилиями, погружаясь в липкую холодную грязь, молча, без обычного в таких случаях для русского человека крика и гиканья — потянули и их, наших любимиц, могучая поддержка которых в бою всегда давала нам столько уверенности и бодрости...

Быстро, не останавливаясь, шли всю ночь до восхода солнца и сделали около 60 верст. В ясное солнечное утро начали переходить железную дорогу у станицы Ново-Леушковской.

Смертельно уставшие, но бодрые духом, добровольцы весело переходили через полотно железной дороги, смеясь над бессильной яростью красного бронепоезда, который издали, не имея возможности, благодаря взрыву пути, подойти ближе, — посылал нам частые, но безвредные снаряды. Хуже было на станции, которую раньше заняли корниловцы, прикрывая наш переход. Огонь бронепоезда не давал им покоя. Но несколько метких выстрелов нашей батареи — и он быстро исчез из глаз в выемке за поворотом пути. Это был наш первый переход через железную дорогу.

Втянулись в станицу Старо-Леушковскую в 10 верстах от железной дороги и, несмотря на близость врага, сделали дневку. Нужно было подтянуться всем частям, отдохнуть, привести все в порядок. Как был крепок сон наш в этот день и ночь!

Дошли 27 февраля до широко раскинувшейся по степи станицы Ирклиевской. Заночевали, и здесь от местных жителей услышали темные слухи, что Кубанский атаман и правительство с верными ему казаками уже покинули Екатеринодар, который и занят большевиками. Хотя этим слухам мы и не придали большой веры, но все же они несколько нас встревожили...

Куда же идти тогда, если это правда? О походном атамане генерале Попове уже давно не было сведений. Сзади — темная туча над притихшим Доном; впереди — полная неизвестность. Как утлый корабль, плыли мы по бурному морю... Но жребий был брошен. Остановка — гибель. Идем к кубанской столице...

В ясный солнечный день 1 марта, после полудня, подошли мы к станице Березанской. Неожиданно из окопов на широком холме, верстах в 2 впереди станицы, наш авангард был встречен с большого расстояния градом пуль. Пришлось остановиться, выслать цепи, подтянуться. Вперед пошли корниловцы и марковцы, наша артиллерия открыла огонь. Я с Партизанским полком был оставлен в резерве. Но большевики боя не приняли. После первых же наших снарядов они бросили окопы и скрылись за холмом, где протекала небольшая степная речка. За ней на подъеме к станице довольно бестолково было построено еще 6 рядов окопов в затылок один за другим. При своем паническом отступлении красные даже не остановились ни у них, ни в станице. На их плечах в нее ворвался генерал Марков.

У Березанской нас впервые встретили с оружием в руках кубанские казаки. Сбитая большевиками с толку, на станичном сборе казачья молодежь, вопреки настроениям старых казаков, решила вместе с иногородними защищать станицу от «кадет». Сил у них было достаточно, но не было ни толкового руководителя, ни боевого опыта, ни достаточной стойкости. Для нас эта стычка обошлась без потерь убитыми, но известие, что против нас выступают уже казаки — кубанцы, тяжело отразилось на сознании добровольцев...

Вечером снова был станичный сбор, и на нем старики выпороли за большевизм нескольких молодых казаков и баб.

Переночевав в станице Березанской и захватив Офицерским полком почти без боя железнодорожную станцию Выселки, обороняющуюся крупным отрядом большевиков, мы 2 марта заняли большой

хутор Журавский. В этот день чернецовцы имели небольшой бой у хутора Бейсужек (К разъезду Бенедилок.)

На Кубани слово «хутор» часто не соответствует представлению о чем-то маленьком, о незначительном поселке: иногда это огромное селение, растянутое по речке на десяток верст (мы как-то ночевали в таком хуторе, который тянулся на 15 верст).

Корниловцы выдвинулись дальше к хутору Малеванному, а Выселки (тоже значительное селение) приказано было занять конному отряду полковника Гершельмана, но последний почему-то ушел отсюда без боя, не оставив там наблюдения, и большевики снова заняли это селение (об этом донес Корнилову полковник Краснянский, лично на повозке отправившийся на разведку в Выселки и едва не попавший в плен к красным — А. Б.), которое теперь приобрело для нас весьма серьезное значение, как угроза нашему флангу. Корнилов решил снова овладеть им. Вечером 2 марта я получил его приказание: на рассвете 3 марта взять Выселки.

За весь 2 ¹/₂-месячный Ледяной поход, среди полсотни боев, которые нам пришлось вынести, бой за Выселки, рано утром 3 марта, оставил в моей памяти самые тяжкие воспоминания... Селение мы взяли, но ценой каких отчаянных усилий и жертв!

От хутора Журавского до станицы Выселки было около 7 верст — 3 часа ходу. Солнце всходило около 6 часов утра. Селение нужно было захватить до рассвета, во избежание лишних потерь. В общем, приняв в соображение эти и другие данные, я отдал распоряжение о сборе моего полка к трем часам ночи. Я хотел дать отдохнуть моим партизанам перед боем, для многих, может быть, последним. Ночь была темная, холодная.

Сам я не мог заснуть ни на одну минуту. В два часа приказал всех будить и строиться. Но не тут-то было! Разбросанные по многим хатам и сараям, крайне уставшие, мои воины, только что разбуженные, немедленно же засыпали опять мертвым сном, а многих и найти было невозможно среди темной ночи. Никаких сигналов, громких команд подавать было нельзя. Все приходилось делать шепотом и вполголоса.

Я уже начал приходить в отчаяние. Ведь данная мне важная задача могла быть не исполнена, и всей Добровольческой армии грозила бы тогда большая опасность. Наконец, после больших усилий, с помощью старых офицеров мне удалось собрать почти весь полк, кроме отряда есаула Лазарева, который еще не прибыл. Дождаться его уже было невозможно, и я приказал полку выступать. Было уже около 4 часов утра, и ночная тьма начала редеть. Двинулись.

Тихое, холодное, морозное утро. Невыспавшиеся, голодные, полусонные, партизаны сумрачно шагали по дороге. Орудия батареи шумом колес обнаруживали наше движение. Стало уже светло, когда мы подошли к цели. На горизонте начали вырисовываться постройки станции и Выселок.

Развернулись цепи: справа — чернецовцы, слева — краснянцы — и без выстрела двинулись вперед. Батарея стала на позицию и едва успела выпустить первую гранату по селению, как там, в утренней тишине, удивительно отчетливо и звонко раздался звук кавалерийской трубы. Играли тревогу и сбор, и вслед за этим мои цепи были встречены жестоким ружейным огнем из крайних построений и окопов и пулеметным — во фланг — из обширного здания паровой мельницы.

В это время над горизонтом показалось солнце; его еще холодные, но уже яркие лучи били нам прямо в глаза, крайне затрудняя прицелку. Большевики расстреливали партизан на выбор... Один за другим падают убитые и раненые. Смертельно ранен сбоку в грудь полковник Краснянский, в то время когда он вышел из ложины к цепи. В командование его отрядом вступил войсковой старшина Ермолов²⁷¹, прекрасный храбрый офицер, который и довел бой до конца. После боя я назначил начальником краснянцев полковника Писарева, как старшего в чине. Убит есаул Власов. Легло много чернецовцев, которые вначале даже ворвались в селение, но потом вынуждены были отойти. Не выдержали поредевшие цепи, подались назад и залегли. Началась перестрелка в крайне невыгодных для нас условиях: на открытом поле, солнце в глаза; противник хорошо укрыт, а у нас, за отсутствием лопат, нет никаких укрытий. А в это же время против левого фланга краснянцев появился красный пулемет с прикрытием, который жестоким огнем начал осыпать всю нашу цепь. Часть партизан повернулась к нему и завязала с ним перестрелку.

В резерве у меня остался еще отряд есаула Лазарева, уже подошедший в это время к полю сражения. В случае контратаки противника этих сил не хватит для ее отражения.

Оглядываюсь назад с своего кургана; но помощь была уже близка: сзади по обе стороны дороги быстрым шагом, не ложась, двигались цепи генерала Маркова; за ними вдали видна конная группа с трехцветным флагом над ней — то был Корнилов со штабом. На горизонте, со стороны хутора Малеванного, быстро идет густая цепь, заходя во фланг и тыл красным: очевидно — корниловцы. Большевики растерялись и стали разбрасывать свой огонь. Посылаю приказание есаулу Лазареву усилить краснянцев слева и атаковать противника во фланг, а боевой части перейти в атаку одновременно с марковцами.

Стройно, как на учении, повел свой отряд Роман Лазарев. Через несколько минут его цепь уже ворвалась в селение. Сильный ружейный огонь, неистовая ругань и зычный голос Лазарева несутся оттуда. Одновременно с криком «Ура!» бросились в атаку все другие наши части. Большевики не выдержали и, не ожидая общей атаки, быстро отступили. Наши преследовали их несколько верст.

Я присоединился в подъехавшей ко мне группе Корнилова, и мы вместе въехали в селение вдоль железной дороги. Кое-где валялись трупы красных, стонали раненые. В одном месте мы попали под сноп пуль, по-видимому пулемета, и вынуждены были переждать этот дождь за железнодорожной будкой. При этом легко был ранен в ногу мой начальник штаба ротмистр Чайковский. Выселки взяли. Победа снова наша. Но как дорого обошлась она нам!

После небольшого отдыха, оставив заслон в Выселках, мы вернулись на хутор Журавский, чтобы привести себя в порядок и похоронить убитых.

Раненые были собраны в хуторской школе. Я зашел туда навесить тяжело раненного полковника Краснянского и своих партизан. Бедный Тихон Петрович умирал... Он с трудом дышал и мог сказать мне лишь несколько слов. Утром 4 марта он умер... Царство небесное прекрасному человеку и отличному офицеру! В первые дни борьбы с большевиками он играл выдающуюся роль среди казаков Донецкого округа, чудом избежал расстрела и, собрав отряд, вошел в Ростов в составе Добровольческой армии. Его смерть была большим горем для донцов. Заботливый начальник, решительный и храбрый в бою, он пользовался искренней любовью и уважением всех, кто его знал. Его станичник и друг есаул И.П. Карташев²⁷² добыл рессорный экипаж, надеясь довести раненого до спокойного места, но привез в станицу Кореновскую только его труп.

Вместе с другими добровольцами, убитыми в бою 4 марта у этой станицы (36 человек), Т.П. был торжественно похоронен на местном кладбище в отдельной могиле и даже в гробу. Место погребения, без креста, было сровнено с землею, как это мы делали везде во время похода.

Перед заходом солнца хоронили мы наших павших героев. Мой полк в этом несчастном бою понес огромные потери: больше 80 человек выбыло из строя, среди них убитых было почти половина. Для меня это была пиррова победа...

На высоком, обрытом канавой с валом кладбище вырыли большую братскую могилу. Отслужили панихиду. Одетых в жалкое рубище покойников клали по 7 в ряд, засыпали землей, потом снова

7 трупов поперек первых, и так четыре ряда. Сделали так нарочно со слабой надеждой когда-нибудь дать возможность родным перенести дорогих им покойников в лучшее место упокоения... Всего похоронили 33 убитых. Гробов некогда было делать. Ни холма могильного, ни креста не оставили: напротив, чисто заровняли место погребения. Ведь наши враги беспощадны одинаково и к живым, и к мертвым!

Особенно жалко было мне нескольких мальчиков — кадет Донского корпуса, погибших в этом бою... Какими молодцами шли они в бой! Для них не было опасности, точно эти дети не понимали ее. И не было сил оставить их в тылу, в обозе. Они все равно убежали оттуда в строй и бестрепетно шли в бой.

Станица Кореновская

Отдохнув в Журавском хуторе, утром 4 марта Добровольческая армия подошла к станице Кореновской. От нее до Екатеринодара было 70 верст.

Наша малочисленная конница на плохих лошадях не решалась выдвигаться далеко вперед, и поэтому наш авангард (в этот день в нем был Юнкерский батальон генерала Боровского) верстах в двух от станицы неожиданно попал под сильный ружейный и пулеметный огонь красных. Простым глазом с возвышенности видны были окопы, занятые сильными цепями большевиков.

Накануне они стянули к Кореновской до 10 000 человек с 2 бронепоездами и многочисленной артиллерией. Во главе красных войск стоял бывший фельдшер кубанский казак Сорокин.

Начался бой, и нешуточный. Нас было в 4 раза меньше большевиков, а станицу нужно было взять во что бы то ни стало: иначе мы не могли бы идти дальше к Екатеринодару. В этом бою со стороны противника было проявлено некоторое управление боем, стойкость и даже известный порыв.

Юнкера на глазах Корнилова рассыпались в цепь, по своей малочисленности весьма жидкую для своего фронта, и спокойно, не ложась, начали наступление. Левее генерала Боровского наступали корниловцы и Офицерский полк. Задачей последнего было взятие железнодорожного моста через реку Бейсужек и затем железнодорожной станции Станичной. Одновременно с ружейным огнем большевики открыли и артиллерийский. Но мы вынуждены были на десяток их снарядов отвечать лишь одним своим...

В этот день я с партизанами и чехословацкой ротой был в аррьергарде за обозом; когда начался бой, мне было приказано составить общий резерв. Подтянув свои части к обозу, я спокойно наблюдал за ходом боя, думая, что, судя по началу, мне, как под Лежанкой, едва ли придется принять в нем участие.

Однако, к своему удивлению, я неожиданно увидел, что юнкера и корниловцы начинают отходить... Это было в первый раз за этот поход... За ними беспорядочной толпой шли большевики с криками и стрельбой. Артиллерийский огонь стал ураганным. Наступал критический момент боя. Корнилов, находившийся в это время в сфере ружейного огня в районе своего полка, прислал мне приказание наступать и атаковать Кореновскую с запада. Видимо, положение содалось весьма тяжелое: в бой было брошено все. Даже наш огромный обоз с сотнями раненых с моим уходом был оставлен без прикрытия, и когда, встревоженный появлением в тылу какой-то массы (к счастью, она оказалась 3 сотнями казаков, высланных нам на помощь Брюховецкой станицей. — А.Б.) генерал Эльснер просил его у Корнилова — последний приказал ему защищаться собственными силами.

Мой полк вместе с чехословаками и батареей полковника Третьякова начал наступление. Партизаны спокойно, точно на учении, рассыпались в цепь. Батарея шла вместе с цепями и несколько раз с замечательной быстротой становилась на позицию и открывала огонь.

После одного из таких удивительно красивых выездов я не выдержал и, прискакав на батарею, горячо благодарил ее. Дружно и весело ответили мне артиллеристы, а большевики одновременно прислали нам несколько снарядов и тучу пуль. К счастью, никого не убило.

Вскоре мне пришлось спешиться в лощине впереди цепи, т. к. идти с ней верхом было уже невозможно. Здесь я вместе с своим штабом попал под сильный перекрестный огонь. Отлежались, пока не подошли цепи, и пошли вперед. Общая атака вышла удачной. Кореновская была взята. Исход боя решил Офицерский полк, захвативший мост и железнодорожную станцию. Но большевики не спешили уходить из станицы и упорно защищались из домов. Пришлось пройти всю станцию на их плечах, выбивая засевших в домах. Много было убитых с обеих сторон...

При выходе из Кореновской мы наткнулись на довольно значительную группу большевиков, которые, увидя нас, стали спешно втыкать винтовки штыками в землю и поднимать руки вверх. Однако, когда мой штаб и конвой (около 20 всадников) поскакали к ним, то красные моментально выхватили винтовки и встретили моих

партизан жестоким огнем в упор, к счастью без потерь. Пришлось ретироваться.

Красные быстро отошли к ближайшему лесу, недалеко от линии железной дороги. Вскоре оттуда появился бронепоезд, сопровождаемый цепями большевиков. В это время станция Станичная была уже захвачена Офицерским полком, который разбирался в захваченной на станции добыче. Появление красного бронепоезда грозило марковцам тяжелыми потерями и последствиями.

Бросились заваливать путь камнями и бревнами, но это, конечно, не остановило бы поезда. К счастью, броневик, не доходя версты до станции, почему-то остановился и, послав нам несколько снарядов, пошел назад вместе с цепями.

На станции добровольцы захватили весьма ценную добычу — до 500 артиллерийских снарядов, крайне нам нужных, много винтовок, патронов и значительное количество разных запасов. Потери наши также были значительны: 35 убитых и до 100 раненых.

Обширная, как большинство кубанских станиц, Кореновская, с чистыми домиками, старую церковь и даже памятником казакам — участникам русско-турецкой войны, — имела вид уездного города. Однако немощеные улицы в это время года представляли собой настоящее болото.

Значительную часть населения станицы составляли иногородние, и этим отчасти объясняется упорство обороны Кореновской. Многолетняя вражда между казаками и «иногородними», не имеющая такого острого характера на Дону, где неказачье население живет по большей части отдельными слободами, а в станицах в небольшом числе, — особенно сильна была на Кубани; здесь иногородние в большинстве случаев являлись батраками и арендаторами у богатых казаков и, завидуя им, не любили их так же, как крестьяне помещиков в остальной России. Иногородние и составляли значительную часть большевиков.

В Кореновской мы получили окончательное подтверждение слуха, что отряд кубанских добровольцев под командой полковника Покровского с кубанским атаманом полковником Филимоновым, Радой и правительством в ночь на 1 марта оставили Екатеринодар, и последний уже занят большевиками. Теперь мы поняли, что обозначали виденные нами в последние ночи вспышки на горизонте, точно зарницы, и отдаленный гром днем: то уходили с боем кубанцы за Кубань.

Для Добровольческой армии это был большой удар: исчезла ясная и определенная цель, к которой мы так упорно стремились, пропала надежда на отдых и сильную поддержку верных Кубани казаков, и

перед нами, после 300 верст похода, снова, как в первый день, стал роковой вопрос: куда же идти?

А между тем отдых был до крайности необходим; уже сказывалось среди войск крайнее утомление, физическое и моральное; обоз с ранеными увеличился до огромных размеров: необходимо было дать несчастным людям передышку, привести все в порядок.

В тяжкие дни особенно угнетала нас полная неопределенность обстановки, неизвестность того, что делалось за пределами страшного кольца красных, которыми мы постоянно были окружены. Питались только слухами, случайно найденной на убитом большевике газетой, зная при этом, что большая часть написанного там — наглая ложь. Местные жители и сами пленные ничего не знали, а из наших разведчиков почти никто не возвращался: их захватывали большевики и убивали...

Однако нужно было идти дальше. Но куда? Возвращаться назад было невысказано. Идти на Екатеринодар, разбить противника и этим резко изменить настроение Кубани в свою пользу? Или перейти Кубань и в горах, в горных станицах и черкесских аулах, по всем вероятностям еще не тронутых большевизмом, дать отдых измученной Добровольческой армии...

За первое, смелое, но рискованное решение стояли генералы Деникин и Романовский. Корнилов остановился на втором, которое разделяли и мы все, старшие начальники, надеявшиеся найти отдых для своих переутомленных бойцов за Кубанью.

5 марта, с наступлением сумерек, в полной тишине мы выступили из Кореновской на Усть-Лабинскую.

Станица Усть-Лабинская

Прославленная бесчисленными боевыми подвигами русских войск и горцев в полувековой героической борьбе за Кавказ, река Лаба у ее впадения в реку Кубань, в станице Усть-Лабинской, послужила для нас местом нового тяжелого испытания, которое Добровольческая армия снова выдержала, с честью выйдя после горячего боя на четыре фронта почти невредимой из смертельной опасности.

Кореновскую мы оставили в обычном походном порядке. Я с партизанами шел в арьергарде, прикрывая наш растянувшийся на несколько верст обоз с 500 ранеными и больных.

Колонна очень долго вытягивалась из станицы, и мой полк, имевший едва 400 штыков, вышел из нее только перед рассветом. Вслед

за мной ее заняли большевики и очень скоро начали нас преследовать. Едва рассвело, как моим партизанам уже пришлось отбиваться от наседавших красных. Однако после решительного отпора большевики стали осторожнее и не слишком напирала, но зато не давали нам покоя своей артиллерией. Перелетавшие снаряды падали и около обоза, но, к счастью, без вреда для него.

Останавливаясь, быстро рассыпаясь в цепь и отстреливаясь и снова собираясь в колонну, мой арьергард дошел до хуторов верстах в 4 от станицы Усть-Лабинской. Здесь нам пришлось остановиться и принять бой по всем правилам. Двигаться вперед уже было невозможно, т. к. окраина станицы и железнодорожная насыпь были заняты крупными силами красных. С ними уже вступил в бой авангард Маркова. Наше положение было отчаянное. Впереди — огромная станица, за которой длинная, до 3 верст, дамба с железным мостом через глубокую, с крутыми берегами, реку Кубань. Сзади на меня энергично напирал Сорокин со значительными силами. По железной дороге Екатеринодар—Кавказская большевики очень легко могли подвести с обеих сторон свои подкрепления, артиллерию и бронепоезда.

Мы не знали ни сил противника, ни того, цел ли мост. Если бы он был взорван — наше положение стало бы критическим. Но выбора не было. Во что бы то ни стало — мы должны были пробиться через станицу и перейти за реку Кубань.

Обоз попал между двух огней. Генерал Эльснер стянул его на открытом поле в более короткую колонну и ждал конца боя. Жуткое это было ожидание для несчастных раненых и всего гарнизона обоза. Все знали, какая ужасная участь грозила им в случае победы большевиков.

Мое положение становилось все труднее. Каждую минуту я получал донесения из боевой части, что уже нет сил сдерживать красных... Резерв мой таял, и вскоре я остался только со своим штабом. Стоять приходилось на совершенно открытом поле, где не было никаких укрытий, и лавировать между фонтанами из земли от падающих гранат. Прискакал ко мне из боевой части какой-то молодой офицер на взмыленной лошади, сильно взволнованный, и доложил, что большевики обходят наши цепи, которые вынуждены отступить.

«Доложите об этом генералу Корнилову, но скажите, что я еще буду держаться до последней возможности», — приказал я ему.

Офицер ускакал и, как сказал мне потом генерал Корнилов, доложил ему, что положение арьергарда отчаянное и что я прошу подкреплений. Спустя полчаса ко мне подлетает карьером одетая в черкеску баронесса Боде, служившая ординарцем в нашей коннице, отчаянно

храбрая молодая женщина, впоследствии убитая во время атаки генерала Эрдели под Екатеринодаром, и докладывает, что генерал Корнилов посылает мне свой последний резерв: 2 эскадрона конницы. Вдали рысью шла за ней конная колонна.

Зная, что впереди она будет нужнее, я отправил ее обратно, надеясь удержаться своими силами. Слава Богу, удалось. Между тем бой в станице едва не кончился катастрофой. Корниловцы, выбив большевиков из нее, увлеклись преследованием их вдоль реки Кубани, не оставив заслона против станицы Кавказской. И вот, когда все слабые силы добровольцев были разбросаны на значительном пространстве в разных концах станицы, неожиданно появился с востока сильный эшелон красных, разгрузился в поле и начал наступление на станицу, осыпая ее снарядами. За неимением под рукой других войск генерал Корнилов приказал батарее полковника Миончинского задержать наступление большевиков. И действительно, последний, великолепный стрелок, блестяще это выполнил и в течение $\frac{3}{4}$ часа, пока собирались другие войска, удержал противника, заставив замолчать красную батарею.

Вскоре подоспел Офицерский полк с генералом Марковым, взял в оборот большевиков, и последние, несмотря на громадное превосходство в силах, в полной панике погрузились в поезд и исчезли с горизонта.

Станица Некрасовская

Поздно вечером 7 марта добрались мы до станицы Некрасовской, находившейся в 10 верстах от станицы Усть-Лабинской. Огромный переход в этот день (46 верст), упорный, крайне напряженный бой в условиях возможности полного окружения противником — все это вызвало у нас смертельную нравственную и физическую усталость. Люди засыпали где попало, в первой попавшейся хате. Жители, почти исключительно казаки, встречали нас хорошо, но сдержанно, зная, что на другой день мы уйдем и за слишком большое радушие к нам большевики их не поблагодарят.

В эту ночь отдохнуть мне почти не удалось: молодой офицер, посланный квартирмейстером в станицу, нашел мне и штабу помещение, встретил меня у входа в станицу и повел на ночлег. Но в темноте заблудился, и мы почти весь остаток ночи плутали по огромной станице, не находя своего дома, и только на рассвете, наконец, нашли его. Заночевать в первом ближайшем доме было невозможно, т. к. терялась связь с отрядом, а тревога могла быть ежеминутно.

С рассветом началась обычная музыка: большевики, занимавшие станицу, перешли с нашим приходом за реку Лабу в многочисленные хутора там — и утром начали обстрел станицы. Больше всего снарядов падало на площадь у церкви, где обычно помещался Корнилов со своим штабом. Слава Богу, хоть с тылу не трогали нас. После короткого отдыха на совещании у генерала Корнилова было решено ночью с 7 марта на 8-е перейти через реку Лабу и двигаться к югу. Генерал Боровский с юнкерами должен был форсировать реку у западной окраины станицы, я — у восточной.

Подготовку переправы (разведку, сбор лодок, постройку плотов и т. д.) я поручил есаулу Роману Лазареву. Рассказал все подробности обстановки и назначил началом переправы полночь, одновременно с генералом Боровским.

«Слушаюсь, ваше превосходительство, — отвечал мне Лазарев, — будьте покойны. Все сделаю как следует. У меня во дворе уже есть готовая большая лодка и доски для постройки плота. Это дело мне знакомое...»

Успокоенный уверенным тоном есаула Лазарева, помня его доблестное поведение в бою у села Выселки 3 марта, я отдал все распоряжения по отряду, и, крайне утомленный предыдущей бессонной ночью, лег отдохнуть перед новой такой же.

Около полуночи я вышел на условленное место у реки, откуда должен был руководить переправой и боем, и с удивлением и тревогой никого не нашел там. Полная тишина царила над рекой. Вся станица спала крепким сном...

Прождав $\frac{1}{4}$ часа, я посылаю офицера к есаулу Лазареву узнать, почему переправа не начинается. Офицер скоро вернулся и доложил, что Лазарев совершенно пьян и спит, так же как и вся его сотня. Никаких признаков переправы нет.

Браня себя за доверие, я немедленно отправился к нему и очень невежливо разбудил его. Мое бешенство и отчаяние были безграничны. Бессвязные оправдания Лазарева, у которого хмель быстро вылетел из головы, бестолковая суета и шум заставили меня взять дело в свои руки. До рассвета оставалось около $2\frac{1}{2}$ —3 часов, и я надеялся еще успеть что-либо сделать. Через час кое-как соорудили плот на бочках, опустили его на воду, но едва он достиг середины реки, как развалился, перевернулся и пошел ко дну. Шесть казаков, бывших на нем, едва спаслись вплавь.

Пока шла эта неудачная возня с плотами, — лодок не оказалось, — стало уже светать; со стороны генерала Боровского слышались выстрелы — там уже полным ходом шла переправа. С другого берега реки

Лабы, из хутора, большевики также начали стрелять по нас. Время было упущено, переправа не удалась.

Пришлось с тяжелым чувством сообщить об этом генералу Романовскому и просить разрешения генерала Корнилова моему полку во избежание лишних потерь переправиться вслед за Боровским. Все это нарушало план наступления, но делать было нечего.

Юнкера уже переправились и вели перестрелку с красными. Перепрыгивая с одной телеги на другую, поставленные рядом поперек реки, мои партизаны быстро перешли на другую сторону, и, перетащив нашу батарею, энергично повели наступление на хутора, занятые большевиками.

Провинившийся ночью есаул Лазарев, стараясь загладить свою вину, действовал очень решительно, смело атакуя многочисленного противника, и к полудню задача, поставленная мне, была удачно исполнена.

Корнилов, очень довольный исходом боя, прислал мне любезную записку с благодарностью моему отряду. Ночная неудача была заглажена. Очень жалею, что ни этой ценной для меня записки, ни вообще каких-либо документов за поход сохранить не удалось. Мы все жили и боролись в такой обстановке, что каждый день, в случае поражения, были бы вынуждены рассеяться, и тогда каждый список, приказ, записка могли послужить кому-нибудь смертным приговором в случае плена. А уничтожить их тогда уже, может быть, не было бы возможности. У многих, впрочем, были паспорта на чужое имя, но мы хорошо знали, что в минуту опасности едва ли они спасли бы нам жизнь.

Наша горячая надежда — отдохнуть за Кубанью и привести себя в порядок, — не оправдалась. Наоборот, мы попали в сплошное осинное гнездо большевизма. Каждый хутор, отдельный дом, роща — встречали нас градом пуль. Занимаемые селения оказывались почти пустыми, но в них не было нам ни минуты покоя. Везде свистели пули, смертельная опасность была на каждом шагу. Кольцо, сжимавшее измученную армию, охватывало ее все плотнее, и нужны были отчаянные усилия, чтобы прорывать его и двигаться дальше.

Ночь с 8-го на 9 марта части Добровольческой армии провели в разных хуторах к югу от Некрасовской станицы. В первый раз за поход темный горизонт осветился заревом пожаров: хутора загорались во время боя от разрывов снарядов, иногда поджигались самими жителями, бросавшими их, чтобы ничего не досталось кадетам, или добровольцами, мстившими большевикам. Во всем своем кровавом ужасе открылось страшное лицо гражданской войны, жестокой и беспощадной...

Мне с партизанами и юнкерами генерала Боровского пришлось занимать и оборонять один из этих крупных (не помню его названия) хуторов, расположенный на ровном, открытом поле. Жители бросили его, уведя лошадей и скот. От пуль нигде не было покоя. Одна из них пробила окно и впиалась в крышку стола, за которым сидел за обедом я с офицерами штаба, едва не задев одного из них. Приехавший ко мне с приказанием от генерала Корнилова полковник Патронов был тяжело ранен в голову, потеряв глаз. К вечеру, отбросив большевиков, мы продвинулись к югу и заняли большое село Филипповское, также брошенное жителями, где и расположились на ночлег. После всего пережитого, бессонных ночей и тяжелой усталости двухдневного, почти непрерывного боя — величайшим блаженством было заснуть на мягкой постели в зажиточной хате. К счастью, большевики нас не тревожили, хотя очень легко могли всех нас вырезать, так как все мы спали мертвым сном. Ночью со стороны Екатеринодара слышался отдаленный гул, точно артиллерийская стрельба, а на темном небе слабо мерцали зарницы...

На другой день утром, во время чая, зашел ко мне по какому-то служебному вопросу командир одной из юнкерских рот капитан Капелька. Настоящая его фамилия была, кажется, князь Ухтомский. Ведь у многих из нас были псевдонимы. Смелый, отважный офицер, Капелька был любим всеми за свою храбрость, открытый, прямой характер и доброе сердце. Покончив со служебными вопросами, я предложил ему разделить со мною скромный завтрак. И вот за стаканом чая у нас зашла речь о предчувствиях. Каждый из присутствовавших рассказывал об известных ему случаях предвидения, Капелька, обычно веселый и живой рассказчик, сумрачно сидел и молчал. И вдруг неожиданно для всех сказал: «Я верю в предчувствия и знаю, что сегодня буду убит...»

Все внимательно на него посмотрели, и каждому, вероятно, показалось, что около него уже стоит, ожидая очередной жертвы, наша обычная гостья смерть... Я пытался шуткой рассеять его мрачное настроение, но безуспешно. Послышался выстрел за селом. Бой начался. Мы простились, и действительно — навсегда ..

Сегодня мой полк в главных силах. Идем за обозом, который поспешно перебирается по мосту через речку Белую с отлогими песчаными берегами в широкой долине. Едва часть обоза перешла на другую сторону, как с гребня правого берега долины по нем началась неистовая стрельба большевиков с расстояния не более 800 шагов. Корниловцы с чехословаками перешли против них в наступление и несколько оттеснили их, но удержаться не могли, ввиду огромного

перевеса в силах на стороне красных, и стали медленно отходить... Залегли, начав окапываться

В тылу тоже было тяжело: юнкера Боровского с трудом сдерживали наседавших сзади большевиков. Обоз, сбившись в кучу и прижавшись к крутому скату правого берега долины, переживал тяжкие часы, как под станицей Березанской. Только здесь было еще хуже, так как снаряды красных все время падали среди него и разбили несколько повозок. Был опрокинут экипаж генерала Алексеева и смертельно ранен его кучер. Несчастные раненые доходили до полного отчаяния, и многие из них уже спрашивали друг друга, не пора ли застрелиться. Положение впереди становилось все хуже.

В это время моему полку было приказано усилить левый фланг корниловцев. В резерве ничего не осталось. «Психологическое» подкрепление подчинено было мне. Толку от него было мало. Я послал его на свой левый фланг, но там оно попало под фланговый пулеметный огонь красных и быстро отошло назад. По моему приказанию «мобилизованные» остановились, залегли и своим огнем оказали нам все же кое-какую поддержку.

Когда в бой было введено решительно все, что мы имели, боевое счастье улыбнулось нам: большевики, видимо, потеряли веру в свой боевой успех и ограничивались уже только одной стрельбой, не переходя в наступление.

Стоя на высоком стогу соломы за своими цепями, я хорошо видел все поле сражения: оно было непривычно широко для наших сил... У красных была видна почти сплошная линия цепей; у нас — коротенькие цепочки, такие маленькие и жалкие, с большими промежутками между ними. И все же большевики не решались атаковать нас.

Подъехал к моему стогу Корнилов со своей свитой, влез ко мне, взял бинокль и стал мирно беседовать со мной, как будто мы были вдвоем в уютном кабинете. А уютности было здесь не очень много. Пули все время долетали до меня и раньше, и уже тяжело ранили офицера, приехавшего ко мне с докладом. С приездом Корнилова и его свиты, представлявшей заметную цель, огонь большевиков еще больше усилился. Стог рыхлой соломы на открытом поле был для нас весьма сомнительным прикрытием...

Так, с переменным успехом, бой тянулся почти целый день. Но вот настал психологический момент перелома боя: наша стойкость сломала упорство красных; у них не хватило смелости перейти в решительное наступление; у нас — она нашлась. Корнилов верно схватил минуту для приказа перейти в атаку, — и она вышла блестящей... В полном беспорядке большевики бросились бежать. Мы двинулись за ними.

И вот в это время по нашим бесконечно уставшим рядам, среди измученных раненых в обозе молнией пронеслась долгожданная радостная весть: «Покровский с кубанцами идут к нам на соединение».

Только тот, кто слышал тогда наше «Ура!», может понять ту безумную радость, какая охватила всех нас при этом известии... Сколько бодрости и светлых надежд влила эта весть в сердца утомленных бойцов...

И когда долетела она до арьергарда, где Боровский со своими юношами как лев отбивал атаки красных, капитан Капелька в безумном восторге вскочил на бруствер окопа с криком: «Ура, кубанцы с нами...» — и пал мертвый с пулей в лоб... Роковое предчувствие оправдалось.

Пришли в станицу Рязанскую. Странное название в предгорьях Кавказа объясняется тем, что здесь были поселены во время завоевания Кавказа крестьяне из центральных губерний России, зачисленные в состав казачества Кубани, но сохранившие названия своих губерний. Были здесь еще станицы Калужская, Пензенская, Смоленская и др.

В Рязанской встретили нас с почетом, в котором чувствовался страх и неискренность. Впоследствии выяснилось, что рязанские казаки вместе с большевиками приняли участие в жестоком избиении несчастных черкесов в соседних аулах, с которыми у них давно были враждебные отношения. Убито было, без всякого повода с их стороны, несколько сот человек. И вот, зная за собой это преступление, рязанцы боялись наказания за него. Но об этой ужасной жестокости мы узнали только в несчастных аулах, уже пройдя Рязанскую станицу...

После станицы Рязанской мы вошли в район черкесских аулов с непривычными для русского уха названиями: Несшукай, Габукай, Понежукай, Гатлукай и др. После домовитости казачьих хозяйств, уюта и даже некоторого комфорта домов в донских и кубанских станицах черкесские домики поражали убожеством, вернее — почти полным отсутствием обстановки и уютности. Кое-где только мы находили матрацы. Жителей осталось мало. Напуганные большевиками, они со своим жалким скарбом и скотом ушли прямо в горы. Большевики зверски расправились с мирными черкесами. Помимо беспощадного расстрела и насилий над женщинами, они жестоко мучили их. В одном доме мы нашли умиравшего старика с обгоревшими ногами, которого они засунули в горевшую печь; в других видели груды человеческих внутренностей.

Прибывший от Покровского разъезда, вызвавший такую радость добровольцев, сообщил, что он ведет все время бои верстах в 50 к западу от нас и что его положение — тяжелое, ввиду превосходства

противника в силах. Корнилов решил скорее идти ему на помощь, и поэтому мы сделали в два дня около 80 верст по ужасным, размытым дождями дорогам. Для несчастных раненых это было тяжким мучением; для многих из них при отсутствии перевязочного материала, хорошего ночлега и покоя этот крестный путь окончился смертью...

Наконец, 13 марта в ауле Шенджий мы встретились с генералом Покровским. Генерал Покровский, убитый болгарскими жандармами в городе Кюстендиле в 1922 году, является одной из наиболее красочных фигур нашего бурного времени. Смелый летчик, Георгиевский кавалер, капитан Покровский после Великой войны попал на Кубань и в начале января 1918 года стал во главе собранного им отряда добровольцев, с которым и разбил большевиков в бою под Эйнемом, близ Екатеринодара, за что Кубанским правительством и был произведен сразу в полковники.

Еще молодой человек, не казак, он мало кому был известен на Кубани, но после этого боя его популярность сильно возросла, и Кубанское правительство, минуя своих генералов, вручило ему командование всеми «кубанскими вооруженными силами», хотя впоследствии и каялось в этом, ввиду диктаторских наклонностей молодого полковника. Отдельные отряды кубанцев, еще боровшиеся с большевиками, под их напором постепенно стянулись к Екатеринодару, и из них-то и был впоследствии образован отряд генерала Покровского. Численность его была невелика: едва 3—3,5 тысячи, и, как и Добровольческая армия, эти силы состояли главным образом из офицеров-добровольцев, учащих и небольшого числа простых казаков.

Под давлением большевиков Кубанское правительство вместе с атаманом, Радой и войсками 28 февраля покинуло Екатеринодар, хотя за три дня до этого туда каким-то чудом пробравшийся офицер, посланный штабом генерала Корнилова, настойчиво просил кубанцев не торопиться с уходом, так как Корнилов уже близко. Но его не послушали.

После своего ухода из Екатеринодара кубанцы почти 2 недели, не имея определенной цели, двигались по разным направлениям в районе между своей столицей, станицами Пашковской, Калужской, Пензенской и аулом Вочепший, выдержали три серьезных боя с большевиками и, услышав о движении к Екатеринодару Добровольческой армии, испытали такую же живую радость, как и добровольцы, узнав о близости кубанцев.

Во время свидания в ауле Шенджий Корнилов потребовал от Покровского (в это время он Радой был уже произведен в генералы)

полного подчинения себе, но последний, ссылаясь на решение кубанской власти, на это не согласился, настаивая на сохранении отдельного Кубанского отряда и только оперативного подчинения его Корнилову. Вопрос не был решен окончательно, однако все же пришли к соглашению — совместно взять станицу Ново-Дмитриевскую и там уже соединиться и договориться. Обозы обоих отрядов под небольшим прикрытием должны были сосредоточиться в станице Калужской, накануне взятой с боя кубанцами.

Переход из аула Шенджий в станицу Ново-Дмитриевскую. Ледяной поход

Переход 15 марта из аула Шенджий к станице Ново-Дмитриевской и бой за нее оставил в памяти всех участников 1-го Кубанского похода неизгладимое впечатление. В этот день мы вели упорную борьбу за свое существование с враждебными нам силами и человека, и природы, и трудно было сказать, что тяжелее. Ценой отчаянных усилий мы снова оказались победителями.

В этот день погода с необыкновенной быстротой совершенно менялась четыре раза: ясное солнечное утро ранней весны; проливной дождь; снег, ветер и мороз, перешедший в снежную ледяную вьюгу. Последняя впоследствии и дала нашему «Анабазису» название Ледяной поход, закрепившееся больше, чем все другие названия: 1-й Кубанский, Корниловский, Добровольческий.

Из аула Шенджий мы выступили в тихое утро. Ночью шел дождь. Рассеялись тучи на небе и на душе; выглянуло солнце и еще более оживило мысль о том, что скоро мы соединимся с кубанцами, нас будет много и борьба вместе легче будет, а там, может быть, скоро и конец похода.

Прошли несколько верст по липкой грязи, и небо уже затянулось тучами. Снова пошел дождь, холодный, мелкий, который скоро перешел в снег. Крупные пушистые хлопья его быстро скрыли грязное черное поле под белым чистым покровом.

В этот день я шел в авангарде. Подходя к речке у станицы Ново-Дмитриевской, мои дозоры и походная застава вспугнули — по-видимому, сторожевую — заставу красных в красивой небольшой усадьбе на берегу речки, с огромными вековыми деревьями. Появление моих партизан было настолько неожиданно, что большевики едва успели ударить на другую сторону реки, бросив на костре большой котел только что приготовленного вкусного супа.

Голодные партизаны с удовольствием принялись за неожиданный обед, но мое прибытие заставило их с сожалением бросить котел и идти дальше. Когда я проехал к реке и супом занялись другие, с ее другой стороны прилетел неожиданно снаряд и с необыкновенной меткостью попал в костер с котлом, причем один человек был убит и несколько ранено. Большевики отомстили за свой потерянный обед.

Снега навалило чуть не на аршин. Маленькая речка, в обычное время — судя по мосту — воробью по колено, вздулась в грязный поток, вода снесла настил моста и широко разлилась по берегам. В довершение всяких бед — мороз становился все крепче и крепче, и несчастным добровольцам, до этого промокшим до нитки, в мокрых дырявых сапогах приходилось круто... Скоро одежда превратилась в ледяную кору; полы шинелей ломались, как тонкое дерево.

Столпились на берегу быстрого потока. Красные озлобленно расстреливали нас артиллерией... Положение отчаянное. Перейти реку нужно во что бы то ни стало, — иначе ночь в открытом поле под ледяной вьюгой, или отступление в уже далекие мертвые аулы, или бой там...

Генерал Марков перебрался на другой берег с небольшой частью своего полка, еще когда цел был мост. Решено было производить дальнейшую переправу на крупах лошадей. Последних было мало, да и каждая из них, после 5—6 рейсов в ледяной воде выше брюха с 2 всадниками на спине, решительно отказывалась от работы. На моих глазах одна из них после бесплодных понуканий и ударов плетью просто легла в воду со своей ношей, и оба всадника, придавленные ею, едва не утонули у самого берега на глазах нескольких полузамерзших добровольцев, которые равнодушно смотрели на гибель своих товарищей... До такой степени безразличия дошли эти несчастные люди... Только мой резкий окрик вывел их из состояния какого-то оцепенения и заставил войти в воду и вытащить уже захлебывавшихся невольных купальщиков.

Моя попытка устроить с добровольцами новый мост из бревен и плетней усадьбы не удалась: было глубоко и течение сносило все. Все же кое-как под артиллерийским огнем противника переправа продолжалась. Перетащили даже пушку, но она уже на берегу перевернулась и застряла в невылазной грязи. Я, оставленный Корниловым наблюдать за переправой, разрывался на части, чтобы ускорить ее, но это было выше человеческих сил...

Между тем Марков, подтянув свой полк, уже ворвался в станицу и вступил в рукопашный бой с большевиками, которые, надеясь на погоду, совсем не ожидали нашего прихода и отчаянно защищались в

каждом доме. Однако их все же выбили. Всю ночь подтягивались отставшие части, располагаясь где попало на ночлег.

Стоило огромного труда вытащить из грязи застрявшие орудия и повозки. Озлобленные большевики, лишенные ночлега, всю ночь обстреливали станицу, не давая нам покоя. Утром они даже атаковали ее, но были отбиты с большими потерями.

Уже поздно ночью по страшной грязи я со своим штабом добрался до отведенного квартирьером дома и заснул мертвым сном под непрекращавшуюся ружейную трескотню...

В Ново-Дмитриевской

В станице Ново-Дмитриевской мы пробыли целую неделю с 16-го по 23 марта. Едва успели кое-как разместиться и немного отдохнуть, как утром 18-го большевики атаковали ее с двух сторон. Мне с полком пришлось защищать ее с севера.

Несколько атак противника было отбито почти исключительно артиллерийским огнем батареи полковника Миончинского. Сидя вместе с ним на красной железной крыше одного из домов северной окраины станицы, где был его наблюдательный пункт, я с удовольствием следил за его удивительным управлением огнем своих двух пушек, стоявших где-то сзади на улице. Современный артиллерийский начальник мне всегда казался дирижером какого-то гигантского оркестра, однотонные могучие инструменты которого отвечают громом выстрелов и свистом снарядов на каждую команду по телефону — его дирижерскую палочку. Миончинский — высокий, стройный, еще молодой полковник — был именно таким дирижером, замечательным «стрелком» в артиллерийском смысле этого слова. Царство ему небесное. Он погиб в одном из боев под Ставрополем в декабре 1918 года.

Атака красных с запада была отбита корниловцами и краснянцами.

В первый же день пребывания в Ново-Дмитриевской станице генерал Корнилов подписал договор с кубанской высшей властью относительно подчинения ему кубанских вооруженных сил. Под грохот разрывов снарядов красных батарей, осыпавших станицу, в доме командующего армией шел горячий спор по этому вопросу. Представителям кубанской власти — войсковому атаману, членам Рады и правительства — трудно было отказаться от своей недавней самостоятельности и всецело подчиниться Корнилову, зная к тому же его крутой нрав. Кубанская власть хотела сохранить автономию внутрен-

ней жизни и управления своего отряда, подчинив его командующему Добровольческой армией лишь в оперативном отношении. Последний во имя азбуки военного дела — единства командования — настаивал на своем. Все же договорились.

В этом союзе не было взаимного доверия и искренности. Только суровая необходимость заставила обе стороны сойтись, и в то время, когда Корнилов с прямолинейностью солдата мало считался с представителями кубанской власти, держа их во время дальнейшего похода в черном теле, последние с трудом переносили такое отношение, видя в нем унижение не только своего достоинства, но и Кубани.

Через 2 недели Корнилова не стало. Но неискренние отношения между главным командованием Добровольческой армии и кубанской властью, постепенно ухудшаясь и приведя к ноябрьской драме 1919 года, закончились полным разрывом между ними перед новороссийской трагедией.

С постепенным прибытием в станицу Ново-Дмитриевскую кубанских частей, Добровольческая армия, увеличившись почти до 6000, была переформирована.

Приняв бригаду, я сдал Партизанский полк генералу Казановичу — храброму офицеру с решительным, твердым характером. Сжившись за месяц почти непрерывных боев со своими партизанами, я хорошо знал их и умел ладить с ними. У генерала Казановича с места же вышел конфликт с есаулом Лазаревым, который позволил себе какую-то нетактичность по отношению к новому командиру, за что последний хотел предать его суду. Цени боевые заслуги Лазарева, я не согласился на это, но вынужден был отчислить его от командования сотней, приказав ему состоять в моем конвое.

В своих «Воспоминаниях» я еще не один раз буду говорить о Лазареве. Среднего роста, полный, коренастый, со светлыми, слегка навывкате глазами, с кинжалом на поясе и башлыком по-кавказски за спиной, Георгиевский кавалер, живой и энергичный, он невольно внушал симпатию своей смелой удалью в бою и весельем. Под командой и надзором начальника, которого Р. Лазарев уважал или боялся, он вел себя сравнительно прилично, и его дебоши не выходили за пределы допустимого. Атаман Краснов в одном из своих приказов по поводу одного из них — обмолвился словом: «Беспутный, но милый моему сердцу Роман». Но когда он становился почему-либо самостоятельным, то его выходки граничили уже часто с преступлением. Но о них речь впереди. Очень характерный отзыв дал о нем кто-то из тыловых начальников на Кубани в феврале 1920 года, жалуюсь мне телеграммой на какую-то его проделку: «В бою незаменим, в тылу

невыносим...» Кончил Роман трагически — по суду был расстрелян в Крыму.

Я жил со штабом в хате какого-то иногороднего, по-видимому большевика, бежавшего с семьей при нашем приходе в станицу. Мне предоставлено было почетное место — на широкой кровати в углу. Мои офицеры устроились вповалку на полу, один даже под моей кроватью. Вскоре пришлось перебраться на пол и мне, так как многочисленное и разнообразное «население» хозяйской кровати, атаками более жестокими, чем большевиков, заставило меня позорно бежать с поля битвы.

Отдыхали, высыпались за весь поход, приводили в порядок потрепанные вещи. Молодежь придумывала разное меню обедов из муки, картошки, молока и прочей деревенской снеди, которой в общем было достаточно, и от души хохотала, вспоминая какие-нибудь смешные эпизоды из только что пережитых боев. Зубоскалили и надо мной, хотя и сочувствовали, когда, проснувшись в одно прекрасное утро, я оказался без сапог; с вечера поставил сушить их на печь, а утром кто-то растопил ее, не посмотрев, и они сторели... Пришлось «реквизировать» старые драные хозяйские сапоги, заплатив 100 рублей появившейся через день старухе хозяйке.

В нашу боевую жизнь мы уже втянулись. Привыкли и к беспорывному грохоту снарядов, разрывавшихся в разных местах взятых с боя станиц, и главным образом — на церковной площади, где обычно в доме священника останавливался Корнилов. Не смущали уже нас и грязь, и вши, и даже качавшиеся иногда на площади трупы повешенных, по приговору суда, большевиков... По-прежнему почти ежедневно хоронили своих павших соратников, и каждый из еще живых спокойно думал: «Сегодня ты, а завтра я...»

В человеческой душе есть предел нравственной упругости, после которого все переживания и волнения уже теряют свою остроту. И только вечером, после тяжелого дня и тысячи пережитых в нем опасностей, погружаясь в крепкий сон, с тоской вспоминаешь об оставленных далеко родных, о минувшем, уже, может быть, невозвратимом счастье — уюта семьи, мирной, любимой работы...

Погода всю неделю стояла отвратительная: дождь, невылазная грязь, холодный ветер, порою снег. Так не хотелось вылезать на воздух из теплой хаты... А кругом во всех станицах были большевики, и из этого проклятого кольца, отрезавшего нас от всего мира, мы не в силах были выйти, несмотря на отчаянные усилия.

Но Екатеринодар по-прежнему оставался нашей заветной целью. Туда стремились все наши думы и надежды. И Корнилов решил его взять.

Но предварительно нужно было обеспечить свой тыл, уничтожить большевиков южнее Екатеринодара, чтобы они не помешали нашей переправе через Кубань, а кстати, захватить у них побольше снарядов и патронов, которых у нас уже оставалось не много. А бой за кубанскую столицу, несомненно, предстоял серьезный.

Через реку Кубань решено переправиться у станицы Елизаветинской, где была паромная переправа. Во исполнение этой задачи 22 марта я получил приказ: взять своей бригадой станицы Григорьевскую и Смоленскую.

Взятие станиц Григорьевской, Смоленской и Георгие-Афипской

Поздно вечером 22 марта я выступил с бригадой к станице Григорьевской, имея впереди Корниловский полк. До станицы было более 10—12 верст, но дорога была ужасная: грязь по колено, с кусками льда, порой огромные лужи — целые болота.

Люди и лошади измучились, вытаскивая пушки, поминутно завязавшие в липкой грязи; жалкая дырявая обувь свободно пропускала ледяную воду. Темно, холодно, у всех отвратительное настроение духа, а тут еще слухи от местных жителей, что Григорьевская сильно занята красными и нам придется выдержать упорное сопротивление.

Перед рассветом корниловцы вступили в бой. С опушки станицы большевики встретили их ожесточенным ружейным огнем, а в особенности пулеметами. Только ночь спасла нас от громадных потерь, так как мы наступали по совершенно ровному полю без всяких укрытий, а рыть окопы в сплошном болоте, в какое обратилась почва, было невысказимо, да и шанцевого инструмента почти не было. Пули красных долетали в тыл и ранили людей и в резерве. На перевязочном пункте около моего штаба один раненый офицер был ранен вторично, а третьей пулей убит. Одна пуля попала в моего адъютанта Ж., лежавшего на бурке рядом со мной, но только контузила его.

Большевики дрались с необыкновенным упорством, но, сбитые с окраины станицы, где у них были окопы, быстро отошли к станице Смоленской. Доблестным корниловцам их победа досталась недешево: до 60 человек убитыми и ранеными вышло из строя.

Ввиду крайней усталости войск — тяжелым ночным переходом по ледяному болоту, бессонной ночью и кровопролитным боем — я не хотел с переутомленными войсками рисковать успехом атаки станицы Смоленской, расположенной на возвышенности за речкой, и дал

им отдых до полудня. Послав Корнилову донесение о взятии станицы и отдав все распоряжения на случай контратаки большевиков, я зашел отдохнуть в дом священника, где уже расположился мой штаб.

Бедный молодой батюшка от пережитых ужасов хозяйничанья красных в станице, только что кончившегося боя производил впечатление полупомешанного. Он без умолку говорил, суетился, все время спрашивал, не придут ли большевики опять, и умолял нас не уходить из станицы. Между прочим он рассказал, что красные заставили его непрерывно служить молебен о том, чтобы они победили «кадет», а когда он попытался уклониться от этого, они пригрозили ему расстрелом. Впоследствии я слышал, что несчастный священник все же был убит ими через несколько дней после нашего ухода.

Немного отдохнув, мы снова перешли в наступление — на станицу Смоленскую. До нее было недалеко — всего около 3 верст. Дорога шла болотистым лесом. Выглянуло солнце; настал хороший весенний день. После удачно исполненной задачи — победы у Григорьевской — у всех светлее стало на душе. Послав в боевую часть партизан с генералом Казановичем, я оставил корниловцев в резерве. Скоро приехал Корнилов и горячо благодарил свой полк за блестящую победу.

Между тем генерал Казанович наткнулся на упорное сопротивление. Красные, заняв возвышенную окраину станицы на другом берегу, укрепились и встретили моих партизан жестоким ружейным и пулеметным огнем. Доблестный командир полка сам был в цепях, ободряя наступавших. Только с большими усилиями и потерями, наконец, к вечеру удалось взять станицу и выбить оттуда красных.

Переночевали в зажиточном доме у веселой старухи казачки, еще помнившей рассказы своего отца о том, как «Шамиля» брали, и удивительно спокойно относившейся к Гражданской войне, как к уличной драке.

Ночью я получил приказание выступить с рассветом и одновременно с генералом Марковым атаковать станицу Георгие-Афипскую, где, по сведениям, были сосредоточены значительные силы красных и находились их склады со снарядами и патронами.

Выступили с рассветом и, пройдя версты три, неожиданно попали под жестокий огонь с левого фланга. Оказалось, что колонна красных шла от станицы Северной к Смоленской и, увидя нас, перешла в наступление, приперев нас к реке, вдоль которой шла дорога. Пришлось пережить очень неприятный час под расстрелом: деваться было некуда. Однако меткий огонь моей батареи и переход в атаку партизан спустя некоторое время заставили красных быстро ретироваться. Мы

продолжали путь; попали еще раз под меткий артиллерийский огонь противника. Мои передовые части в отдельной усадьбе захватили десяток матросов, по-видимому сторожевую заставу, и немедленно их расстреляли. Из большевиков, кажется, никто не возбуждал такой ненависти в наших войсках, как матросы — «краса» и «гордость» русской революции. Их зверские подвиги слишком хорошо были известны всем, и потому этим негодьям пощады не было. Матросы хорошо знали, что их ждет, если они попадут в плен, и поэтому всегда дрались с необыкновенным упорством, и нужно отдать им справедливость — умирали мужественно, редко прося пощады. По большей части это были здоровые, сильные молодцы, наиболее тронутые революцией.

Направив свою бригаду для атаки западного конца станицы в обход и в тыл большевикам, я остался при артиллерии, так как отсюда легче было держать связь с бригадой генерала Маркова. Она неожиданно остановилась перед восточной окраиной станицы, ввиду того что река Шелш, протекавшая вдоль этой стороны, с крутыми берегами, с одним мостом, вброд была непроходима, а противник встретил Маркова очень сильным огнем, который усилил еще появившийся бронепоезд. Только железнодорожная насыпь, за которой Марков быстро развернул бригаду, спасла ее от огромных потерь, а может быть, и от полного истребления на открытом поле.

Смелой атакой моя бригада взяла станицу Георгие-Афипскую, после энергичного обстрела ее и, в особенности, железнодорожной станции нашей артиллерией; от одного из снарядов, попавших туда, загорелся вагон с пушечными снарядами, который добровольцы едва успели потушить. Все же несколько снарядов, лежавших на земле, взорвались, и этим взрывом почти на клочки был разорван подвернувшийся кубанец с лошадьёю.

Как только 2-я бригада захватила западную половину станицы и станцию, — с востока ворвалась в нее и бригада Маркова, пользуясь тем, что растерявшиеся большевики стали метаться по станице и бросили оборону восточного моста, через который и вошла 1-я бригада.

Снова победа была на нашей стороне. Помимо полного разгрома крупных сил красных (1000 человек), мы захватили хорошую добычу, в числе которой находилось то, что для нас было дороже всего: до 700 артиллерийских снарядов.

Собрав после боя на площади у железнодорожной станции свою бригаду для встречи Корнилова, приехавшего благодарить ее, я с грустью видел, как уже мало осталось в строю старых добровольцев, вышедших из Ольгинской... Прошло немного больше месяца, а сколь-

ко храбрых выбыло из нее — одни навеки, другие, раненные, надолго. Их заменила новая молодежь — кубанские казаки, присоединившиеся к нам в попутных станицах. Переночевав в доме зажиточного иногороднего, который оказался одним из видных большевиков и в тот же вечер был арестован контрразведкой штаба Корнилова, я двинулся с бригадой в авангарде Добровольческой армии к переправе у станицы Елизаветинской, к которой еще раньше был послан генерал Эрдели с конницей.

Ввиду того что много времени ушло на то, чтобы подтянуть наш громадный обоз из станицы Ново-Дмитриевской, где он в тревоге оставался до конца боя за Георгие-Афипскую станицу, мы выступили из нее только после полудня. Сначала шли вдоль полотна железной дороги, но потом пришлось свернуть в сторону, так как дальнейшему движению мешал своим огнем подошедший красный бронепоезд, с которым завязалась перестрелка. Двинулись дальше уже ночью, напрямик, без дорог. Какой это был ужасный путь! Широко разливаясь по плавням, река Кубань затопила на много верст свой левый берег, и нам пришлось почти все время идти по воде, сбиваясь с дороги, попадая в ямы и канавы. Кругом в нескольких местах горели брошенные хутора, подоженные черкесами, шедшими впереди нас, и это еще больше увеличивало ужас этой мрачной ночи, точно целиком взятой из Дантова «Ада».. .

Переправа через реку Кубань. Бои под Екатеринодаром

Моя бригада шла в авангарде. Отдохнув немного в ауле Панахес, мы прошли дальше 10 верст и 26-го утром начали переправу на пароме, который мог поднять не более 50 человек или 4 запряженных повозок. С помощью еще другого парома, поменьше, и нескольких рыбацких лодок 3-я бригада к вечеру перебралась на другой берег и заняла без боя станицу Елизаветинскую. Жители обширной, богатой станицы встретили нас спокойно — скорее с любопытством, чем с радостью. Ночь прошла спокойно.

За 2-й бригадой тянулся наш огромный обоз, увеличивавшийся с каждой остановкой в станице. Корнилов всеми силами боролся с этим, нередко пропускал обоз мимо себя, беспощадно выбрасывая лишние повозки и выгоняя в строй всех, кто был способен носить оружие. Назначали для проверки повозок особые комиссии. Но все эти меры давали слабые результаты. Обоз на походе растягивался на несколько верст, и вести его в полном порядке было крайне трудно.

Марков с 1-й бригадой оставался сзади, прикрывая обоз от возможного нападения с тыла. С военной точки зрения переправа у станицы Елизаветинской являлась редким образцом наступательно-отступательной переправы. Будь противник более активным, он мог бы легко прижать нас к реке Кубани с обеих сторон, и вся переправа могла бы окончиться катастрофой... Но к счастью, большевики нас не трогали, и только на другой день, 27 марта, их авангард, стоявший впереди Екатеринодара, повел наступление на станицу Елизаветинскую, обстреливая ее и переправу усиленным артиллерийским огнем. Мне было приказано отбросить его.

Красные сильно наседали на сторожевое охранение корниловцев. Уже Неженцев ввел в бой весь свой полк. После полудня я приказал двинуть ему на помощь Партизанский полк. Генерал Казанович смело повел его в наступление и после упорного боя у кирпичного завода, на полпути от Екатеринодара, сбил и отбросил противника до предместья кубанской столицы — фермы, в 3 верстах от города.

Задача моя — прикрытие переправы у станицы Елизаветинской — была исполнена: решительным ударом мне удалось далеко отбросить красных. Видимо, подавленный этой неудачей, противник не подавал более признаков желания перейти в новое наступление, и я, подождав до вечера, приказал бригаде вернуться на ночлег в станицу, оставив на высоте кирпичного завода сторожевое охранение. Обоз наш спокойно продолжал переправу.

Удачный бой 27 марта и паническое отступление красных к Екатеринодару толкали меня на дальнейшее движение вперед и атаку врага своей бригадой, но, не получив на это приказания Корнилова и не желая ставить Добровольческую армию, в случае неудачи, в отчаянное положение, так как Марков был еще на другой стороне и не в состоянии был бы помочь мне, я с сожалением вынужден был отказаться от этой мысли. Останавливало меня еще и то соображение, что если б я даже и взял Екатеринодар, то удержать его до подхода Маркова я был бы не в состоянии, так как большевики очень легко могли подвести по железной дороге значительные силы, окружить меня в обширном городе, где было немало и местных большевиков, и попросту уничтожить. Последующие события оправдали это мое соображение.

Во время этого боя, когда был уже захвачен кирпичный завод, мне пришлось наблюдать одну сцену, которая навсегда осталась у меня в памяти. Осматривая со своего наблюдательного пункта у кирпичного завода поле сражения, я заметил впереди, на боевом участке Партизанского полка — курган, на котором трещал пулемет среди кучки

людей. Видно было, что этот пункт привлек особое внимание красных: около него беспрерывно рвались их гранаты, но, к счастью, ни одна на него не попадала. Я пошел туда.

На вершине невысокого кургана с отличным обстрелом стоял почти открыто наш пулемет. Около него лежал молодой офицер (прапорщик Зайцев, прекрасный офицер, скоро убитый) и как виртуоз разыгрывал страшную симфонию на своем смертоносном инструменте. Выпуская одну ленту за другой, он, видимо, прямо наслаждался своей меткой стрельбой... И действительно, она была великолепна. Вот выезжает у фермы красная батарея на позицию. Ленту — по ней. Падают несколько солдат, ранены 2 лошади, и «товарищи» сломя голову удирают к пушкам за рошу. Навстречу им показались какие-то повозки, не то обоз, не то зарядные ящики. Снова лента — и, переворачиваясь на поворотах, исчезает и этот обоз... То же случилось и с группой всадников, по-видимому начальством, выехавшим на возвышенность у фермы. Пол-ленты — и «главковерхи» разлетелись стремительно в разные стороны.

Тут же на холме находились и оба командира полков с своими адъютантами — и среди них молоденькая сестра милосердия в черной косынке — Вавочка, которая, сидя спиной к противнику, старательно набивала пулеметную ленту патронами и весело болтала с окружающими.

— Это что такое, Вавочка, зачем вы здесь? — строго спросил я ее, меньше всего ожидая встретить молодую девушку в таком опасном месте.

— Ваше превосходительство, позвольте мне остаться: здесь так весело, — отвечала она, умоляюще сложив маленькие ручки, и, улыбаясь, ждала ответа.

Я позволил до своего ухода. Вавочка, падчерица донского полковника К.М. Грекова — любимица всей Добровольческой армии. Веселая, всегда жизнерадостная, цветущая чистой нетронутой юностью, она не состояла ни при одном лазарете, а появлялась всюду, где нужна была помощь раненым, которым отдавала все свои молодые силы и часто все из своей одежды, что можно было разорвать на бинты. Жила она, как птица небесная, при какой части придется, везде была желанной гостьей. И, несмотря на свою молодость и окружающую обстановку, Вавочка сумела так себя поставить, что в ее присутствии никто не позволял себе брани, нескромной шутки или пошлого ухаживания. Ее нравственная чистота, веселость и сердечная доброта вызывали общие симпатии, как к милому шаловливому ребенку.

Часто заглядывала она и в мой штаб, всегда с веселой шуткой или какой-нибудь безобидной выходкой, иногда жила по нескольку дней. Нередко являлась в мужской одежде, так как юбку и косынку успевала уже порвать на бинты. Тогда офицеры дарили ей юбку, купленную тут же у хозяйки; и для нее это был очень приятный подарок.

Однако наш пулеметчик, видимо, уже очень обозлил «товарищей». Гранаты стали падать у кургана все чаще и чаще. Одна из них взрыла огромный черный фонтан земли перед самым пулеметом, засыпав ее комьями всех нас. Вавочка встряхнулась, как утка, и продолжала весело болтать, набивая ленту.

Пора было уходить. Красный пушкарь, видимо, уже пристрелялся, и следующая очередь будет в точку... Забрав Вавочку и лишних офицеров, я ушел с холма. И вовремя. Вскоре град снарядов снова осыпал курган, и один из них упал на то место, где мы только что лежали. Пулеметчик остался невредим, но должен был переменить позицию. Вавочке я запретил появляться в боевой линии. Но она меня не послушалась. Через день ее принесли мертвой с боевого участка партизан.

Ее нашли вместе с убитой подругой в поле за цепями, с несколькими шрапнельными пулями в груди и маленькой куколкой, зажатой в застывших руках — шутивым подарком одного из офицеров. Я видел ее лежащей на телеге у штаба Корнилова, перед отправлением в станицу Елизаветинскую, где ее похоронили вместе с подругой у церкви. Скорбно были сжаты красивые губки, умевшие так весело смеяться в минуты смертельной опасности. Суров был облик милого лица. К Богу отлетела чистая душа, никому в своей коротенькой жизни не сделавшая зла...

В Добровольческой армии было около 2 десятков женщин и девушек. Некоторые из них несли службу в строю как рядовые, остальные — как сестры милосердия. И те и другие оставили у нас прекрасную по себе память. Многие из них погибли во время похода, живые разбрелись по свету. В своем рассказе мне еще придется говорить о некоторых из них.

Решение Корнилова атаковать Екатеринодар.

Бои 29-го, 30 марта. Смерть полковника Неженцева

Сравнительная легкость, с какой моей бригаде удалось разбить и отбросить большевиков, наступавших 27 марта от Екатеринодара, дала Корнилову уверенность в том, что нужно использовать момент, когда красные еще не успели опомниться и подвезти подкреплений. Дохо-

дили также до нас слухи о том, что они в панике уже эвакуируют Екатеринодар. Ночью я получил приказ: вместе с конницей генерала Эрдели атаковать и взять кубанскую столицу. Утром 28 марта я перешел в наступление. Генерал Казанович с Партизанским полком получил приказание атаковать город с западной стороны, полковник Неженцев с корниловцами — Черноморский вокзал. Генерал Эрдели должен был обойти город со стороны предместья — Сады — и атаковать его с севера.

Окрестности Екатеринодара представляют собой открытые, слегка всхолмленные поля, с массой разбросанных по ним маленьких хуторков, в эту пору года необитаемых. С началом полевых работ многие хозяева участков переезжают на них как на дачу, и живут там все лето.

Сельскохозяйственная ферма и ближайшие к ней хутора были прочно заняты красными... Генерал Казанович повел на них решительную атаку и к полудню выбил их, заняв ферму и продвинувшись вперед к окраине Екатеринодара.

После полудня я со штабом въехал на ферму. Она представляла собой узкий и длинный участок земли вдоль обрывистого берега реки Кубани, покрытый в западной и северной части небольшой хвойной рощей, а на остальном пространстве редкими старыми деревьями и кустами. Ближе к восточному краю стоял одноэтажный дом заведующего фермой и рядом — небольшой сарай.

Едва мы успели слезть с коней и подойти к дому, как в группе наших лошадей, стоявших под деревьями, что-то щелкнуло, точно пуля в дерево. Я оглянулся назад и с ужасом увидел, как мой прекрасный вороной конь, удивительно милое, ласковое животное, вдруг покрылся густыми клочьями пены и, низко опустив голову, стал дрожать как осиновый лист. Не успели его осмотреть, расседлать, как он упал и стал биться в предсмертных судорогах. Пуля попала ему в пах. Револьверный выстрел кончил мучения моего бедного боевого друга...

Вскоре приехал Корнилов со своим штабом и разместился в доме, в котором было 6 небольших комнат, разделенных широким коридором; одну из них — угловую, ближе к фронту, — занял Корнилов, в другой, рядом, устроена перевязочная, в третьей помещался телефон. Остальные комнаты были заняты чинами штаба. Я со своими офицерами поместился около рощи биваком.

С утра 29 марта большевики стали осыпать ферму градом снарядов. Штабные команды, конвой, какие-то обозные повозки — все это разбрелось по всей ферме, и не проходило 2—3 часов, чтобы кого-нибудь, человека или лошадь, не убило или ранило. Три дня продолжался этот ад с раннего утра до поздней ночи. Мой бивак несколько

раз переменял свое место. Генерал Романовский несколько раз говорил Корнилову о неудобствах жизни и управления Добровольческой армией при таких условиях, но командующий армией его не послушал, не желая уходить далеко от войск, а помещения ближе не было.

Больше всего снарядов падало около самого дома. Год спустя после смерти Корнилова и нашего «сидения» тут я как-то поехал на ферму помолиться за душу героя на месте его смерти. По пути я нарочно остановился там, где были тогда красные батареи, и был поражен безумием нашего расположения в то время на ферме Дом, со своими белыми стенами, да и вся ферма была превосходной мишенью на отличной дистанции, и нужно только удивляться счастью или плохой стрельбе красных, что дом не был разбит артиллерийским огнем в первый же день. Но для Корнилова опасности не существовало. Таков же был и Романовский.

Во время боя 28 марта за ферму было убито и ранено много добровольцев. Среди раненых были генерал Казанович, полковник Улагай, есаул Лазарев и др. Генерал Казанович, «несравненный таран для лобовых ударов», как его называл генерал Деникин, был ранен в плечо, но, несмотря на сильную боль, не ушел из строя и продолжал командовать полком. Удивительный храбрец, не знавший чувства страха, бестрепетно не один раз водивший полк в атаку, он не был счастлив в боях: его победы давались ему ценою тяжких потерь... Полковник Улагай — такой же храбрец, как и скромный офицер, — командовал кубанцами.

Партизанский полк понес незаменимую потерю — был убит капитан Курочкин, очень симпатичный и скромный человек, необыкновенной храбрости. Это был тип капитана Тушина из «Войны и мира». Подчиненные его любили и глубоко сожалели о его смерти.

В ночь на 29 марта обстановка уже изменилась: полковник Писарев дошел до ручья перед артиллерийскими казармами и вместе с другими частями несколько раз атаковал их, но безуспешно. В результате — большие потери (сам он был ранен).

Везде противник оказывал упорное сопротивление. Добровольческие части, пополненные мобилизованными, по приказу Корнилова, молодыми необученными кубанскими казаками, часто впервые попадавшими в бой, — уже не в силах были долго выносить страшное его напряжение. Старых добровольцев осталось мало, и они уже не могли передать молодым своего прежнего высокого порыва.

Залегли, вырыли кое-как, часто голыми руками, окопчики. Началась легкая, упорная перестрелка, где все преимущества были на стороне красных. Дух наш угасал...

У генерал Эрдели было удачнее. Понеся большие потери, он занял Сады и направился к станице Пашковской, отличавшейся с самого начала враждебным отношением к большевикам.

С утра 29 марта шла непрерывная перестрелка. Большевики прочно заняли окраины Екатеринодара, вырыли окопы и засели в них. По сведениям, полученным нами впоследствии, красных было в это время до 28 000 человек с 2—3 бронепоездами и 20—25 орудиями с огромным запасом патронов ружейных и артиллерийских. И против таких сил со свободным тылом и возможностью неограниченных пополнений — у нас было не более 3,5—4 тысяч бойцов и едва 1000 снарядов. Но все же сами большевики признавались потом, что четыре дня боя под Екатеринодаром стоили им больше 10 000 человек убитыми и ранеными.

После полудня 29 марта подтянулись и все части бригады Маркова. Обоз с небольшим прикрытием был оставлен в станице Елизаветинской.

Корнилов решил повторить в 5 часов дня атаку на Екатеринодар всем фронтом. Она удалась только на правом фланге. Марков, после упорного боя, овладел артиллерийскими казармами и начал закрепляться там, а на левом фланге мы понесли тяжкие потери и отошли на свои позиции. Во время атаки доблестно погиб командир Корниловского полка полковник М.О. Неженцев.

Худощавый, небольшого роста, с пенсне на близоруких глазах, это был человек железной энергии и мужества, не знавший страха. Корнилов очень любил его. В роковой день Неженцев все время находился на холме почти на линии своих цепей под страшным огнем красных. Резерва у него уже не было. Узнав о взятии Марковым артиллерийских казарм, он отдал полку приказ атаковать. Цепи поднялись и снова залегли, будучи не в силах преодолеть ураганного огня противника. Тогда Неженцев сам бросился к ним, поднял их и повел в атаку, но, раненный в голову, — упал; поднялся, сделал несколько шагов и был убит второй пулей. Цепи снова залегли. Тело командира с трудом перетащили на холм, откуда он сошел перед смертью.

В это время к нему подходил с правого фланга генерал Казанович со вторым батальоном своего полка. Это был последний наш резерв... Раненный, с перебитым накануне плечом, генерал Казанович перешел в решительную атаку, сбил цепь противника, на плечах ее ворвался в город и на некоторое время потерял всякую связь с другими частями фронта.

В этот вечер я осматривал позицию своей бригады. Выехал из фермы засветло, но доехать до полков не мог. Большевики открыли бешеный пулеметный огонь, пришлось спешиться и выждать темно-

ты. Ощупью, ориентируясь по стонам раненых, добрался я до холмика с громким названием «штаб Корниловского полка» почти на линии окопов. Крошечный «форт» с отважным гарнизоном, среди которого только трое было живых, остальные бойцы лежали мертвые. Один из живых, временно командующий полком, измученный почти до потери сознания, спокойно отрапортовал мне о смерти командира полковника Неженцева. Он лежал тут же, такой же стройный и тонкий; на груди черкески тускло сверкал Георгиевский крест.

От позиции большевиков было несколько десятков шагов. Они заметили наше движение, и пули роем засвистали над нами, впиваясь в тела убитых. Лежа рядом с павшим командиром, я слушал свист пуль и тихий доклад его заместителя о боевом дне...

К ночи с 29-го на 30 марта наше положение было такое: генерал Марков занимал артиллерийские казармы и укреплялся там под сильным огнем противника; моя бригада — фактически Корниловский полк, сильно потрясенный, — оставалась на прежних позициях, подавленная большими потерями и смертью командира полка; Партизанский полк, разбросанный в разных местах, был не в лучшем состоянии, о втором батальоне, вместе с командиром полка ворвавшимся в Екатеринодар, не было никаких известий; конница генерал Эрдели отходила к Садам. К большевикам, видимо, подошли подкрепления. Их огонь не ослабевал.

Утром привезли на ферму тело Неженцева. Корнилов вышел к нему, долго в тяжелой задумчивости смотрел на него, перекрестил и поцеловал, как погибшего родного сына... Эта смерть сильно поразила его. Нередко в этот день среди разговора он говорил собеседнику: «Неженцев убит... Какая потеря...»

На другой день он сам отошел в лучший мир.

Действия генерал Казановича в ночь с 29-го на 30 марта представляют собой замечательный эпизод, редко случавшийся даже в богатой приключениями Гражданской войне. Сбив цепь красных и преследуя ее, он сообщил о своем успехе Кутепову, мимо участка которого проходил, и просил его атаковать одновременно с ним, уведомив об этом Маркова.

Смерть Корнилова

Вечером 30 марта в домике фермы состоялся военный совет — последний в жизни Корнилова. Собрались в его комнате, кроме него самого, еще генерал Алексеев, Деникин, Романовский, Марков, Кубанский

атаман полковник Филимонов и я. Места на кровати и скамье всем не хватало; часть сидела на соломе на полу. Комната едва освещалась 2—3 восковыми свечами: другого освещения у нас уже не было. Окно в сторону красных было закрыто циновкой, чтобы скрыть свет у нас.

Настроение духа у всех было подавленное: из докладов Романовского и командиров бригад выяснилось, что потери в частях были значительные (например, в Партизанском полку осталось всего 300 штыков); пополнять их было нечем и нечем. Снарядов и патронов оставалось мало. Все части сильно потрепаны, перемешаны и крайне утомлены, часть кубанских казаков, пополнявших полки, расходится по своим станциям; заметна утечка добровольцев с фронта в тыл, чего раньше не было...

А между тем у большевиков, несмотря на большие потери, силы увеличивались приходом новых подкреплений. Боевых припасов было огромное количество.

Во время грустной беседы Марков, сидя в углу на соломе, заснул: сказались две бессонные ночи и крайнее моральное и физическое напряжение боевых частей... Все мы также едва пересиливали себя, чтобы не последовать его примеру.

Вдруг грохот разрыва снаряда и сильный удар в наружную стену заставил всех встрепнуться: оказалось, что вблизи от дома разорвалась граната, большой ее осколок плашмя ударился в стену нашей комнаты, но, к счастью, не пробил ее...

Штурм Екатеринодара был предрешен Корниловым: он считал, что другого выхода не было. Мы были собраны, по-видимому, не затем, чтобы узнать наше мнение по этому вопросу, хотя Корнилов и спросил его, а для того, чтобы внушить нам мысль о неизбежности этого штурма. Все мы, однако, заявили, что рассчитывать на успех невозможно, а в случае неудачи — все будет обречено на гибель. И только генерал Алексеев, не протестуя против атаки города, предложил отложить ее на сутки, чтобы дать людям хотя бы сомнительный отдых. Корнилов согласился на это, и штурм назначен был на утро 1 апреля.

Около 7 часов утра я зашел к Корнилову, чтобы доложить ему о результатах своего объезда позиции бригады накануне вечером, а также последние утренние сведения. Лавр Георгиевич сидел на скамье, лицом к закрытому циновкой окну, выходившему на сторону противника. Перед ним стоял простой деревянный стол, на котором лежала развернутая карта окрестностей Екатеринодара и стоял стакан чая. Корнилов был задумчив и сумрачен. Видно было, что он плохо спал эту ночь, да это и понятно. Смерть Неженцева и тяжелые известия с фронта, видимо, не давали ему покоя.

Он предложил мне сесть рядом с собой и рассказать то, что я видел. Невесел был мой доклад. Упорство противника, видимо получившего значительное подкрепление, огромные потери у нас, смерть командира Корниловского полка, недостаток патронов, истощение резервов... Мой рассказ продолжался около получаса. Корнилов молча выслушал меня, задал несколько вопросов и, отпустив меня, мрачно углубился в изучение кварт. Его последние слова, сказанные как бы про себя, были: «А все-таки атаковать Екатеринодар необходимо: другого выхода нет...»

В коридоре я встретился с кем-то из офицеров, и мы стали разговаривать. Но не прошло и пяти минут после моего ухода от командующего, как раздался страшный грохот и удар точно молнии, от которого задрожал весь дом. Дверь из комнаты Корнилова открылась с страшным треском, и оттуда вылетел столб белой известковой пыли: снаряд попал в эту комнату.

Вслед за адъютантом Корнилова я бросился в нее и увидел ужасную картину: Корнилов лежал на полу с закрытыми глазами, весь покрытый белой пылью. Его голову поддерживал его адъютант корнет Бек-Хаджиев; по левому виску текла струйка крови; правая нога была вся в крови; шаровары были разорваны. Корнилов тихо стонал.

В комнате все было перевернуто вверх дном. В наружной стене немного выше пола, как раз против того места, где сидел командующий армией, видно было отверстие, пробитое снарядом, который, видимо, разорвался, ударившись в стенку за спиной Корнилова. В комнате стояла столбом пыль, смешавшаяся с дымом разорвавшегося снаряда.

Прибежавший врач немедленно распорядился принести носилки, на которые мы и положили едва дышавшего Корнилова и вынесли его на двор. Было чудное солнечное утро. Стрельба красных стала положительно ураганной. Снаряды все время разрывались около самого дома, и офицеры, которые несли носилки, не зная, куда деться от снарядов, быстро понесли его в небольшой сарайчик, крыша которого часто служила Корнилову наблюдательным пунктом.

Я несколько задержался в доме, услышав, что в телефонной комнате, среди всеобщей суматохи, кто-то истерическим голосом кричал в телефонную трубку: «Все пропало. Корнилов убит!» Эту новость сообщал Маркову совершенно потерявший голову один из штабных офицеров. Вырвав у него трубку, я очень невежливо обругал его и буквально вытолкал вон из комнаты. Но к сожалению, тяжкое известие уже было передано на фронт. Выскочив на двор, я увидел, что носилки с Корниловым пытались протиснуть в узкую дверь сарайчика, который не только не представлял никакой защиты от снарядов, а, наоборот, — деревянный, с соломенной крышей, — послужил бы

костром для всех, кто в него вошел, в случае попадания снаряда, что было вполне возможно. Я вспомнил, что в нескольких десятках шагов от дома, на крутом берегу Кубани, есть небольшая терраса, достаточно укрытая от выстрелов, и указал ее офицерам, которые несли носилки. Меня вновь кто-то задержал, и когда я через несколько минут пришел на террасу, то увидел такую картину: на носилках по-прежнему с закрытыми глазами, чуть дыша, лежал Корнилов. Лицо его было уже обмыто. Около него стояли генерал Романовский, доктор, сестра милосердия и еще несколько человек. Когда я подошел, доктор, стоявший у изголовья носилок, приподнял веки Корнилова и тихо сказал: «Кончается...» Еще один вздох — и Корнилова не стало.

Кто-то сложил ему руки на груди крестом. Совершенно случайно я опустил руку в карман пальто и нашел там маленький крестик, машинально сделанный мною из восковой свечи во время последнего военного совета. Я вложил этот крестик в уже похолодевшие руки своего вождя.

Так закончил свою жизнь один из величайших русских патриотов, не побоявшийся открыто восстать против бездарного Временного правительства и затем большевиков. История отведет ему почетное место в рядах тех, кто боролся с проклятой советской властью, погубившей Россию. Добровольческая армия потеряла в нем горячо любимого вождя, которому она безгранично верила; Россия — верного, доблестного сына, положившего свою душу за ее спасение.

Вступление генерала Деникина в командование Добровольческой армией. Наш уход из-под Екатеринодара. Колония Гначбау

Генерал Деникин, как старший после Корнилова, немедленно вступил во временное командование Добровольческой армией и донес о смерти командующего генералу Алексееву, находившемуся в это время в станице Елизаветинской. Тот немедленно прибыл на ферму и своим приказом утвердил генерала Деникина командующим армией.

Тело Корнилова положили в повозку вместе с телом полковника Неженцева. Генерал Алексеев подошел к нему, перекрестился, поцеловал холодный лоб покойника и долго в глубокой задумчивости стоял над его телом. Удивительны были взаимоотношения этих двух людей. Оба — глубокие патриоты, горячо любившие Россию, беззаветно служившие одному и тому же великому делу, — не подходили друг к другу по личным свойствам своих характеров. Много грустных

сцен приходилось видеть их окружавшим при их служебных встречах. И почти всегда не М. В. Алексеев был причиной их... Последнее время, несмотря на условия похода, они даже редко виделись, предпочитая, в случае необходимости, сноситься письменно. Я не буду касаться подробного разбора причин всех недоразумений между ними. В настоящее время оба они отошли в лучший мир, сделав все, что было в силах, на земле.

На фронте, как и во всех частях армии, очень скоро разнеслась печальная весть о смерти Корнилова. Не удалось скрыть ее и от большевиков. На наши войска она произвела крайне тяжелое впечатление. Все почувствовали, что со смертью Корнилова нам уже не взять Екатеринодара. Многие подумывали даже о том, что вообще пришел конец борьбе и пора уже спасаться самим.

Генерал Деникин, как и все старшие начальники, не сочувствовал идее штурма Екатеринодара. Он ясно видел, по опыту предыдущих трех дней боев под этим городом, что взять его нашими ничтожными силами было невозможно. А если бы даже и случилась такая удача, то удержать его в своих руках мы были бы не в состоянии. Все причины, почему этот штурм являлся, по мнению старших начальников, безнадежным, не изменились со времени последнего военного совета. Напротив, положение даже ухудшилось, ввиду значительных потерь у нас и истощения снарядов, а главное — крайней усталости войск физической, а в особенности моральной. Вопреки общему мнению нашему, Корнилов все-таки решил атаковать Екатеринодар и только по совету генерала Алексеева отложил атаку на один день. Судьба не дала ему провести в жизнь свой приказ. Судя по его настроению в последние дни, он не пережил бы неудачи. Генерал Деникин в своих записках упоминает, что Корнилов, решаясь на этот штурм, делал ясные намеки на то, что в случае неудачи он покончит с собою, и я не сомневаюсь, что он сделал бы это...

Судьба судила иначе: один русский снаряд, единственный попавший в дом, переполненный людьми, убил только одного Корнилова.

Одним из первых распоряжений нового командующего армией был приказ об отступлении от Екатеринодара. Нелегко было ему начать свое командование таким приказом. Но обстановка требовала этого.

Решено отходить на север. Другого направления не оставалось: все другие пути преграждались рекою Кубанью или силами большевиков. Моей бригаде пришлось опять занять свое обычное место в арьергарде. Начали отходить вечером, небольшими частями, чтобы не обнаружить наших намерений. Остававшиеся на месте части усилили свой огонь. Большевики отвечали тем же, видимо опасаясь нашего наступ-

ения. Во время этой перестрелки мы понесли также немалые потери. Между другими убит доблестный офицер лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка есаул Рыковский.

К вечеру бригада Маркова уже вытянулась по направлению на север. Моя бригада должна была прикрывать отход, а затем двигаться в виде арьергарда за обозом, который должен был одновременно с нами выступить из станицы Елизаветинской.

Ввиду того что оставаться вблизи дома, где был убит Корнилов, было уже невозможно, т. к. большевики сосредоточили на нем весь свой огонь, я вынужден был устроить свой походный штаб на противоположной окраине роши, покрывавшей западную часть фермы.

Сидя на валу, я пропускал мимо себя отступавшие части Маркова. Вскоре ко мне подсел и сам бригадный командир. Тяжело было у нас на душе: смерть Корнилова, неудача со штурмом Екатеринодара, новая неопределенность нашего положения... Обмениваясь мыслями по этому поводу, мы приходили к грустному заключению, что, вероятно, скоро придется думать о конце борьбы и, может быть, о распылении. Однако вид проходивших мимо нас войск, их как будто бы даже довольное настроение — тем, что наконец удалось бросить окопы и хоть немного отдохнуть от ужаса ежеминутного ожидания смерти, — заставили нас взять себя в руки и отбросить мысль о печальном конце. Все-таки войска еще были у нас, закаленные в боях, вынесшие столько ужасов в течение месяца почти непрерывного боя. Борьба еще не кончена. Надежда — не потеряна ..

К счастью для человека, в самые тяжкие минуты жизни его внимание может быть отвлечено каким-нибудь пустяком житейской мелочи, которая отвлечет его внимание и хотя на время освободит от мрачных дум. Так было и с нами. Марков вдруг сравнил свой куцый полушубок с моей длинной шинелью и стал жаловаться — как ему холодно. Потом у нас зашла речь о том, кто из добровольцев стащил значительную часть хлебов, лежащих недалеко от нас кучкой, предназначенной для одной из частей и во время прохождения 1-й бригады значительно уменьшившейся. Марков начал распекать зазевавшегося раздатчика, и все наши грустные мысли приняли уже другой характер — в буквальном смысле слова заботы о хлебе насущном для наших полков.

Вскоре Марков простился со мной и уехал. Я дождался, когда снялись последние мои части, и уже в полной темноте пошел с ними в арьергарде. Большевики продолжали неистовую стрельбу по нашей уже пустой позиции.

В течение ночи наш огромный обоз вытянулся в колонну, растянувшись на несколько верст. Я должен был остановиться и пропус-

тить его мимо себя. Это прохождение продолжалось не один час. Утром большевики перешли в наступление, но, по-видимому опасаясь ввязываться в серьезный бой, ограничились только артиллерийским обстрелом позиций моей бригады. Их конница, показавшаяся на моем фланге, после нескольких удачных выстрелов моей батареи скрылась, и мы могли уже беспрепятственно продолжать свой печальный путь. В обозе, на повозке, прикрытой буркой, ехал и наш недавний вождь, уже бездыханный, — Корнилов...

К ночи на 1 апреля Добровольческая армия подошла к немецкой колонии Гначбау. По пути, при переправе через какую-то небольшую речонку, мы сбросили в омут лишние орудия, к которым не хватало снарядов. На широкой улице колонии в несколько рядов расположился обоз. В просторных домах колонистов устроились на ночлег добровольцы и значительное число раненых. Ночь прошла сравнительно спокойно, но с утра нас со всех сторон большевики стали осыпать артиллерийским огнем. Это был ужасный день. Снаряды падали по всей колонии, наводя панику на жителей, подводчиков и несчастных раненых. Были убитые и раненые. Один снаряд попал в дом, в котором поселился генерал Алексеев, и убил писаря.

Настроение духа среди добровольцев было крайне подавленное. Снятие осады Екатеринодара, быстрое отступление от него, смерть Корнилова, более решительное преследование противника, не дававшего покоя нам, — все это сильно способствовало падению духа среди добровольцев, в особенности среди новых пополнений — молодых кубанских казаков. Многие из них потихоньку ушли из наших рядов и вернулись в свои станицы. Многими добровольцами овладело полное отчаяние. Начались разговоры о том, что все кончено и пора уже расплытаться. Некоторые предполагали мелкими партиями пробираться в горы, или, присоединившись к отряду горцев, пробиться через кольцо большевиков. Нам, старшим начальникам, стоило немалого труда успокоить своих подчиненных. Все-таки некоторые ушли (например, генерал Гилленшмидт) и бесследно пропали.

В ночь на 2 апреля мы выступили из колонии в направлении на станицу Старо-Величковскую. Большевики не решились нас атаковать по дороге и провожали только артиллерийским огнем. В колонии пришлось оставить нескольких умирающих раненых и уже умерших. Похоронить последних не было возможности.

Тела Корнилова и Неженцева похоронили тайно за околицей колонии, на вспаханном поле. Могилы зарывали, не оставив никаких признаков, сняли кроки места погребения, для того чтобы впоследствии можно было бы найти покойных. К глубокому сожалению,

скрыть этого не удалось. Как потом стало известно, большевики на другой день после нашего ухода, с помощью местных жителей, нашли могилы, вырыли тела и, бросивши обратно и засыпав тело Неженцева, труп Корнилова отвезли в Екатеринодар, долго издевались над ним и затем сожгли.

Тело Неженцева, уже после взятия Екатеринодара, было вырыто, перевезено в Новочеркасск и торжественно похоронено нами на Новочеркасском кладбище.

Переход через железную дорогу у станицы Медведовской. Подвиг генерала Маркова. Станица Дядьковская. Раненые. Снова на Дон. Окончание 1-го Кубанского похода

Колония Гначбау, оставившая у нас тяжелое воспоминание, осталась далеко позади. Артиллерийский огонь красных постепенно затих. Наша колонна длинной лентой обоза вытянулась по широкой степи. Моя бригада — в арьергарде. Марков — впереди.

Предстояло снова переходить через железную дорогу. Для нас она была злейшим врагом: везде шныряли красные бронепоезда, на станциях стояли готовые эшелоны, и мы, с нашим ничтожным запасом снарядов, бессильны были вступить с ними в серьезный бой. А ведь на переход всего 10-верстного обоза с ранеными нужно было не менее 2—3 часов.

Около 4 часов утра, пройдя 24 версты, наш авангард подошел в темноте к железной дороге у станицы Медведовской. Сторож у переезда был арестован нашим разъездом, и генерал Марков, приехавший с ним, заставил его, крайне перепуганного, успокоить по телефону эшелон большевиков на станции, слышавших подозрительный шум нашего движения и спрашивавших о нем сторожа. В это время части генерала Маркова уже развернулись и приготовились к атаке станции. Все шло хорошо, но вдруг с последней раздались выстрелы; наш разъезд спугнул красных часовых. От станции отделился бронепоезд и тихо, с закрытыми огнями, двинулся к переезду, где уже находился штаб Добровольческой армии, вместе с генералами Алексеевым и Деникиным, и куда подошла голова обоза. Бронепоезд был уже в нескольких шагах от переезда. Вдруг генерал Марков закричал машинисту, чтобы он остановился, т. к. в противном случае «своих подавит», и, когда ошалевший большевик действительно остановил поезд, — он схватил ручную гранату и бросил ее в паровоз. Немедленно с поезда начался адский огонь во все стороны, ружейный и пулеметный. Офи-

церский полк во главе с генералом Марковым вступил в горячий бой с гарнизоном бронепоезда, который упорно защищался. Полковник Миончинский почти в упор всадил гранату в паровоз из своего оружия и разбил его переднюю часть; часть вагонов удалось поджечь.

Когда раздались первые выстрелы, я поспешил со своим полком на помощь Маркову, с трудом обгоняя по вспаханному полю растянувшийся обоз, среди которого было очень тревожное настроение. По пути получил приказание от генерала Деникина спешить.

Навстречу мне скакали в темноте из головы колонны неожиданно попавшие в бой какие-то обозные сановники и отчаянно вопили, чтобы я шел скорее. Своим криком и передачей каких-то нелепых приказаний от имени генерала Деникина, которых он и не думал отдавать (например: «конницу в атаку на бронепоезд»), эти господа вносили панику среди населения обоза. Чтобы прекратить это безобразие, я приказал своему конвою арестовать их и вести за собой. Это скоро охладило рвение буревестников. Присоединившийся ко мне М. В. Родзянко успокаивал их.

Когда я подошел к переезду, здесь уже все было кончено. Тушили горевшие вагоны, вытаскивали из бронепоезда снаряды и патроны, переносили раненых. Неутомимый Марков, герой этого блестящего дела, весело рассказывал генералу Деникину и штабу подробности боя. Севернее генерал Боровский со своими юнкерами атаковал станцию и взял ее. Моя батарея понадобилась, чтобы несколькими выстрелами отогнать появившийся с юга новый бронепоезд. Обоз быстро переходил через железную дорогу и рысью въезжал в станицу, попадая по пути в сплошную полосу пулеметного огня со станции.

Стало уже светать, когда, утомленные бессонной тревожной ночью, но счастливые успехом, мы расположились на короткий привал в станице Медведовской. Потери наши были незначительны, а трофеи — до 100 000 ружейных патронов и 400 артиллерийских снарядов — снова дали нам бодрость и веру в победу.

Еще 17 верст в пути — и мы в станице Дядьковской, где была назначена дневка.

В этой станице нам пришлось во второй раз оставить наших тяжелораненых, которые все равно не вынесли бы дальнейшего похода. В первый раз пришлось это сделать в станице Елизаветинской при уходе из Екатеринодара.

Тяжело было генералу Деникину решиться на такую страшную меру, но другого выхода у нас не было. Был созван совет из старших начальников и некоторых других лиц, имевших отношение к этому вопросу. Были горячие споры. С тяжелым сердцем строевые начальники насто-

яли на оставлении раненых на попечении станичного сбора, который обещал сохранить их. Всего осталось 119 человек. Приняты были все меры, чтобы обеспечить им жизнь и питание. Оставлены были с ними врач, сестры милосердия, достаточно денег и несколько заложников-большевиков, среди которых был видный деятель Лиманский, честно исполнивший впоследствии свое обещание защищать раненых.

При решении этого тяжелого вопроса приходилось думать о спасении еще здоровых бойцов. Мы все время были окружены красными; для более быстрого передвижения и маневрирования генерал Деникин приказал своей пехоте сесть на повозки; это значительно увеличило нашу подвижность и сберегало силы, но положение тяжелораненых, не выносивших быстрой езды, становилось отчаянным. Несколько человек умерло в дороге, не вынеся тряски и отсутствия отдыха и ухода.

Нужно было или двигаться только шагом, рискуя всей армией, или решиться на тяжкую в моральном отношении меру. Но все же, вероятно, на нее не решились бы, если бы не было получено в это время известие, что раненые, оставленные в станице Елизаветинской, также со всеми мерами для сохранения их жизни, не были тронуты большевиками. Это известие решило вопрос. Впоследствии оно оказалось неверным: большинство было зверски убито. Но в Дядьковской мы еще не знали об этом ужасе. К счастью, эта мера оказалась удачной: впоследствии стало известно, что большевики убили только 2 человек, 16 — умерли от ран, а 101 человек был спасен.

Но все-таки это решение произвело тяжелое впечатление на добровольцев, и полки употребили все усилия, чтобы все же увезти своих раненых из числа 200 человек, которых врачи признали, что они не перенесут перевозки. Таких было увезено около 80 человек. Многие из них умерли по дороге.

В эти дни мы еще раз живо пережили весь ужас гражданской войны с ее зверской беспощадностью и бессердечием. В обычной регулярной войне, среди цивилизованных народов, раненых охраняют международные законы и обычаи, Женевская конвенция; враги не воюют с безоружными. А здесь — могли ли мы верить большевикам?!

Наши силы значительно пополнились мобилизованными кубанскими казаками. Явилась возможность развить боевые действия в более широком масштабе. Генерал Деникин решил использовать благоприятную обстановку и захватить в свои руки участок Владикавказской железной дороги Сосыка—Крыловская, чтобы парализовать опасное для нас постоянное передвижение красных войск. Был отдан приказ о наступлении на этот участок, причем генерал Эрдели с конницей

должен был захватить станцию Сосыку, а моя бригада — станцию Крыловскую.

От станции Екатерининской, где в это время мы находились, до станции Крыловской было около 15 верст. Дав отдохнуть войскам, я в тот же день поздно вечером начал наступление на Крыловскую. Ночь была темная: дневная разведка дала сведения о том, что никаких препятствий по пути нет, станция занята несколькими эшелонами, которые слабо охраняются. Однако наше наступление неожиданно кончилось неудачей: в трех-четыре верстах от станции мы наткнулись на крупную красную часть, которая встретила нас сильнейшим пулеметным и ружейным огнем. Принимать бой, не зная сил противника, с войсками, значительная часть которых еще ни разу не была в бою, при крайней трудности управления ночным боем, — все это заставило меня прекратить наступление и отойти назад, на станцию Екатерининскую, оставив на пройденном направлении один батальон, в виде заслона.

Для овладения станицей я принял немедленно другой план: кружной ночной обход и атака станции в другом направлении. Этот план удался вполне.

Приказав оставленному батальону заслона все время вести огонь в прежнем направлении и беспокоить противника, я с остальными силами бригады в полной тишине выступил около полуночи, когда уже вся станция спала, в южном направлении и, сделавши почти без дорог около 15 верст, на рассвете вышел в двух верстах против юго-восточного угла станции. В этом направлении моей конницей была внезапно захвачена застава большевиков с пулеметом, причем несколько человек из ее состава застрелились.

Наше появление для большевиков было полной неожиданностью. Вся станция мирно спала, так же как и 7 эшелонов красных войск, которые находились в поездах. Еще до восхода солнца бригада развернулась для атаки, и с первым лучом солнца моя батарея открыла огонь по большевистским поездам. Моя пехота пошла в атаку.

Трудно себе представить ту невероятную суматоху, которая началась на станции: крики, беспорядочная стрельба, свистки паровозов — все это слилось в невообразимый шум, прерываемый частыми и меткими выстрелами моей батареи. Снаряды пронизывали насквозь вагоны, из которых в дикой панике, часто в одном белье, с неистовым гвалтом выскакивали большевики и бежали в поле по всем направлениям. Вскоре, однако, три поезда один за другим полным ходом двинулись в направлении на станцию Сосыку. Все они попали в руки генерала Маркова. Остальные четыре поезда двинулись на север, откуда вскоре

показался бронепоезд, который начал осыпать нас издали своими снарядами. В этом направлении я двинул генерала Казановича с Партизанским полком, который был у меня в резерве: молодым кубанским казакам, составлявшим в это время значительную часть его состава, пришлось сразу попасть в упорный бой с пехотой красных, наступавшей вместе с бронепоездом.

Между тем, после короткого боя с большевиками, еще занимавшими станцию Крыловскую, корниловцы захватили ее, взяв богатую добычу, оружие, патроны и 2 орудия.

Когда я со штабом приехал на вокзал, там было большое и радостное оживление: подсчитывали добычу, весело делились впечатлениями боя и спешили выпить чаю, которым буфетчик, только что угощавший им большевиков, так же усердно угощал и нас.

Однако опомнившиеся большевики, по-видимому, решили отобрать у нас станцию и целый день вели упорное наступление со стороны станции. Раненый генерал Казанович с величайшими усилиями удерживал наступавших, хотя это было и очень трудно, т. к. молодые казаки под вечер и ночью уже начали уходить поодиночке в свои станицы.

Проведя на станции очень тревожную ночь, на другой день я с бригадой отошел обратно к станции Екатерининской, испортив на станции все, что было возможно. Сам генерал Деникин, находившийся в это время с своим штабом в станице Крыловской, едва не погиб от красного снаряда, который попал в дом, где он жил, и убил одного из его вестовых.

В станице Успенской у нас была большая радость: возвратился из Донской области Генерального штаба полковник Борщевич, посланный генералом Деникиным с разездом из станицы Ильинской на разведку на Дон, и привел с собой депутацию от донцов из южных станиц — 17 человек.

Отважный полковник Борщевич с опасностью для жизни пробрался туда и привез на Дон известие, что Добровольческая армия жива и продолжает бороться с большевиками. Эта весть радостно всколыхнула южных донцов, которые уже опомнились от красного угара и возненавидели большевиков. Немедленно было решено установить связь с генералом Деникиным, и полтора десятка смелых казаков вместе с полковником Борщевичем пробрались мимо красных отрядов и прибыли в станицу Успенскую.

Все начальствующие лица собрались в станичной школе, и там старший из донцов (все это были простые казаки) в своей горячей речи заявил, что весь Дон уже поднимается и ждет к себе на подмогу Добровольческую армию.

Приезд этой делегации окончательно решил вопрос о дальнейшем направлении нашего движения. Всякие колебания были кончены. На Дон — было единогласное решение, отозвавшееся глубокой радостью в наших сердцах. Забыты были все пережитые страдания и невзгоды, у всех была одна мысль — скорее на север, где уже, по словам делегатов, «всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон»...

Двинулись снова на Лежанку, куда прибыли на Страстной неделе; тут нам дали дневку, но отдыхать долго не пришлось. Здесь получены были, пока что неясные, сведения о том, что в станицах ближайших к Новочеркасску уже начались восстания казаков. Но в южных станицах и особенно в крестьянских слободах было еще много большевиков — и местных, и более или менее организованных отрядов красной гвардии. Они мешали казакам сорганизоваться и оказать деятельную помощь добровольцам. Добровольческая армия должна была играть роль ядра, около которого могли объединиться казаки. Но вместе с тем нужно было по-прежнему вести энергичную борьбу с красными, не давая им возможности мешать общей организации.

19 апреля я получил приказание от генерала Деникина двинуться в северо-западном направлении и, выйдя в тыл большевикам, которые с запада наступали на станицу Мечетинскую, разбить их.

Рано утром я выступил с бригадой в указанном направлении. Пройдя по разным мелким хуторам около 15 верст, я получил донесение, что после первых стычек моих головных частей с большевиками последние прекратили наступление на Мечетинскую и стали поспешно отступать на слободу Гуляй-Борисовку. При этом было захвачено несколько пленных, от которых мы узнали, что большевики наступали на станицу Мечетинскую тремя колоннами, причем, когда командующий всем отрядом (фамилии его не помню) узнал, что у Лежанки находится Деникин, а на фланге появилась моя бригада, приказал немедленно уходить назад, отдав панический приказ с приложением даже чертежа, на котором весьма примитивно изображались посередине пушки, а кругом в виде квадрата пехота. В общем смысл приказа был такой: «Спасайся, кто может». Сам главковерх вскочил в автомобиль, предусмотрительно уложив туда все деньги отряда, и скрылся в неизвестном направлении. За ним последовали начальники других колонн. Вся масса большевиков, около 3—4 тысяч, рассеялась, и мы догнать их не могли. Наступала уже ночь, когда я прекратил преследование. Мечетинская станица была свободна.

Остановившись на ночлег в одном из больших хуторов, я получил известие, что довольно значительная группа красных сосредоточилась

в слободе Гуляй-Борисовке, которая у местных жителей считалась гнездом большевизма. Считаясь с положением этой слободы на фланге нашего дальнейшего движения, я решил взять ее ночной атакой, посплав об этом донесение командующему армией.

После хорошего отдыха на хуторе моя бригада выступила около десяти часов вечера и, пройдя несколько часов в полной тишине, перед рассветом атаковала слободу Корниловским полком, который шел во главе колонны. По-видимому, большевики совершенно не ожидали нашего появления. Из крайних хат началась беспорядочная стрельба. Суматоха поднялась по всей слободе. Цепи корниловцев во главе с полковником Кутеповым бегом ворвались в нее, и через несколько минут все было кончено. Мы взяли в плен свыше сотни большевиков, много оружия и запасов всякого рода. Все большевики, которые только могли скрыться, бежали из слободы. Наши потери были ничтожны — пять-шесть раненых.

После станицы Крыловской я еще раз убедился, какое огромное значение имеют в гражданской войне ночные атаки: внезапность налета, полная растерянность противника, ничтожные потери у нас и большие трофеи — результат такой операции. Но конечно, они были возможны главным образом благодаря отличной сплоченности и втянутости в боевые действия добровольцев и малой организованности и плохому несению сторожевой службы со стороны большевиков.

Генерал Деникин был, видимо, очень доволен нашими действиями и разрешил моей бригаде остаться в Гуляй-Борисовке и встретить здесь Пасху. Светлый день мы встретили в исключительной обстановке. Сколько было радости, бодрости и веры в скорое избавление от проклятого большевизма.

В первый день Пасхи я зашел к старшему священнику, у которого хотел расспросить относительно деятельности местных большевиков, попавших к нам в плен. Красивый, еще не старый батюшка лежал на постели больной — в последнем периоде чахотки. Я помню, как он горячо защищал своих бывших прихожан, стараясь найти в деятельности каждого из них хотя бы малейший повод к снисхождению. По моему приказанию военно-полевой суд принял во внимание все свидетельства умиравшего батюшки. Но к сожалению, суровая действительность заставила суд отнестись к некоторым из них более строго, чем он этого хотел, исполняя свой христианский долг. Через два дня священник умер.

Через несколько дней я был вызван в станицу Мечетинскую на военный совет, на котором был принят план наших дальнейших действий. Уже стало определенно известно, что в районе Новочеркаска казаки

поднялись и постепенно начали очищать от большевиков ближайшие станицы. Антибольшевистское движение все больше и больше охватывало Донскую область. Но Деникин не хотел сразу возвращаться к донской столице. Слишком много еще было дел на юге. И поэтому решено было пока остаться на юге Донской области, что давало возможность надеяться на скорый подъем и на Кубани

Вскоре моя бригада была переведена также в Мечетинскую станицу, где и расположилась на отдых. Наступило временное затишье. Добровольческая армия приводила себя в порядок и отдыхала после своего тысячеверстного похода, залечивая свои раны.

«Ледяной поход» был окончен.

*Б. Казанович*²⁷³

ПАРТИЗАНСКИЙ ПОЛК В 1-М КУБАНСКОМ ПОХОДЕ²⁷⁴

9 февраля 1918 года из Ростова в составе армии генерала Корнилова выступило три донских партизанских отряда, носившие названия по фамилиям их начальников: отряды Краснянского, Лазарева и Чернецова. Последнего не было уже в живых, но отряд сохранил имя своего доблестного начальника.

В станице Ольгинской отряды были сведены в Партизанский полк под командой генерала Богаевского. Отряды стали именоваться сотнями, сохранив свои названия: 1-я сотня Краснянского, 2-я — Лазарева и 3-я — Чернецова.

Молодой полк показал себя с лучшей стороны в первых же боях Добровольческой армии. После боя у Кореновской полк выдвинулся по направлению к станице Платнировской. Из рядов Корниловского полка я наблюдал спокойное, решительное наступление партизан. В их строю было уже столько черкесок, что полк производил впечатление кубанской части: по вступлении в пределы Кубанской области полк стал быстро пополняться кубанскими казаками — преимущественно пластунами.

При движении за Кубань партизаны оказались в арьергарде и выдержали тяжелые арьергардные бои у Усть-Лабы и у хуторов Филипповских, прикрывая армию от наседавших с тыла большевиков в то время, как остальные части форсировали переправы. Перед станцией Калужской я видел, как генерал Богаевский, стоя открыто, верхом, под огнем большевиков, переправлял своих партизан на крупах лошадей через вздувшуюся горную речку.

После соединения с Кубанским отрядом в станице Калужской к Партизанскому полку был придан один из батальонов Кубанского стрелкового полка, составивший 2-й батальон, в то время как основное ядро партизан образовало 1-й батальон. Здесь же генерал Богаевский был назначен командиром 2-й бригады в составе Корниловского и Партизанского полков, а меня генерал Корнилов назначил командиром Партизанского полка.

Из станицы Калужской полк в составе 2-й бригады был двинут на станицу Григорьевскую, а по взятии ее — самостоятельно на станицу Смоленскую. Бой у Смоленской вышел тяжелым. Наш берег реки, прикрывавшей станицу, зарос густым лесом, простиравшимся почти до станицы Григорьевской, откуда мы пришли, так что об артиллерийской подготовке не могло быть и речи. Напротив, от станицы, стоящей на высоком берегу, пологий скат спускался к реке, давая большевикам отличный обстрел, чем они и воспользовались, развев сильный огонь. Долго все попытки переправиться оканчивались неудачей, и полк нес большие потери. Между прочим, был убит командир 2-го батальона, фамилии которого я не помню, так как знал его только несколько дней. Здесь особенно отличился капитан Бузун, который нашел переправу у мельницы и перебежал со своей сотней на другой берег реки, после чего станица была взята. Казаков в станице не оказалось, а иногородние встретили нас настолько недружелюбно, что пришлось пригрозить им репрессиями, чтобы получить ночлег и продовольствие.

Из Смоленской полк был направлен в Георгие-Афипскую. В упорном бою под этой станицей 1-я бригада и корниловцы залегли под убийственным огнем большевиков и не могли двинуться дальше. Партизаны тоже было залегли в болотистой лощине к юго-востоку от станции железной дороги, но моего окрика: «Ну что вы, утки, что ли, что полощетесь в болоте? Вылезай вперед на сухое!» — было достаточно, чтобы двинуть их вперед. Атака партизан решила участь боя. После этого боя генерал Корнилов сказал мне, что доволен действиями полка. Действия партизан при штурме Екатеринодара подробно мной описаны в сборнике, посвященном десятилетию 1-го похода, а потому я здесь повторяться не буду.

Полк взял ферму, на которой впоследствии был убит генерал Корнилов, предместья Екатеринодара — «Кирпичные заводы» и «Кожевенные заводы» — и был единственной частью, ворвавшейся в Екатеринодар и дошедшей до Сенной площади. Начав штурм в составе 800 штыков, полк к концу штурма имел 300. В числе многих достойных офицеров и партизан был убит доблестный капитан Куроч-

кин — командир 1-го батальона, убит и заместитель командира 2-го батальона, убитого под Смоленской, и в командование 2-м батальоном вступил капитан Бузун; ранены мой помощник полковник Писарев, командир 2-й сотни есаул Лазарев, ранен и я.

При движении от немецкой колонии Гнадау (которую почему-то называли Гначбау) полк составлял арьергард. Партизаны перешли в короткое наступление и взяли пулемет, после чего большевики перестали наступать.

Под станицей Медведовской, в то время как генерал Марков совершил свой известный подвиг с бронепоездом, партизаны были направлены на станицу и взяли ее после короткого боя.

При полку был очень хороший перевязочный отряд, включенный в состав полка вместе с отрядом Чернецова, при котором он был сформирован. Этот отряд давал возможность возить своих раненых при полку. Я слышал, как генерал Корнилов говорил генералу Богаевскому: «В вашем отряде раненые выздоравливают. Не то что в общем лазарете». В станице Дядьковской, когда я обходил своих раненых, они с тревогой спрашивали меня: правда ли, что решено оставить тяжело раненных? Я успокоил их, назвал эти слухи провокацией и дал слово, что ни один партизан оставлен не будет. Едва я вернулся к себе на квартиру, как меня позвали на совещание к генералу Алексееву, и я, к своему ужасу, услышал, что обсуждается вопрос об оставлении раненых. Я рассказал о своем разговоре с партизанами; это вызвало некоторое смущение, но тем не менее большинство высказалось за оставление тяжело раненных. К счастью, у нас подвод оказалось достаточно, и я мог сдержать слово, данное своим раненым.

До возвращения в Донскую область я не припоминаю сколько-нибудь значительных боевых действий полка. Из станицы Егорлыцкой 2-я бригада была направлена на большевистское гнездо — село Гуляй-Борисовку. Партизаны шли в авангарде. Подходя к селу, я с удивлением увидел, что вырытые впереди него окопы никем не заняты. Оказалось, что большевики ожидали подхода каких-то своих частей и, увидев издали нашу колонну, приняли ее за своих и спокойно оставались по своим квартирам. Не теряя времени, мы атаковали село. Большевики были захвачены совершенно врасплох. Началась ловля и истребление их по дворам, в чем тотчас приняли участие и корниловцы. Пленных сгоняли на площадь на краю села. Вскоре у меня их набралось более 300.

Здесь я впервые от начала 1-го похода получил приказание генерала Богаевского: по случаю Страстной субботы пленных не расстреливать.

В Гуляй-Борисовке мы отстояли Пасхальную заутреню и провели несколько дней праздников. Здесь же полк впервые надел погоны — синие с белым, в отличие от корниловцев, имевших черно-красный погон. Шитьем этих погон было занято чуть ли не все женское население села.

Из Гуляй-Борисовки 2-я бригада была послана в набег за снарядами и патронами на железнодорожную станцию Крыловскую (в это же время 1-я бригада производила набег на Сосыку) Во время этого набега, когда мы готовились атаковать станицу Екатерининскую, ко мне со стороны большевиков подъехал казак и доложил, что их человек 70 желают перейти на нашу сторону.

Мы с ним условились, что они сделают вид, будто идут на нас в атаку, а мы стрелять не будем. Конечно, был известный риск, но казак внушал мне доверие. Все было выполнено по условию: показалась как бы идущая в атаку сотня, которая, вместо атаки, пристроилась к моему левому флангу. Это произвело отличное впечатление у нас и удручающее впечатление на большевиков, которые вслед за тем легко отдали нам станицу. Однако, оправившись и получив подкрепление, они сами на другой день перешли в наступление с целью взять ее обратно. Целый день партизаны и корниловцы отбивали атаки большевиков, которые к вечеру расположились полукругом на ближайших подступах к станице.

Генерал Богаевский решил, оставив для обороны станицы 2-й батальон Партизанского полка под командой капитана Бузуна, с корниловцами и 1-м батальоном партизан выйти ночью из-за фланга большевиков и атаковать у них в тылу станцию Крыловскую. План удался блестяще: с соблюдением полной тишины бригада выполнила свой рискованный маневр. На Крыловской была захвачена богатая добыча патронов и снарядов. Вторая сотня Партизанского полка взяла и два орудия. Услышав выстрелы у себя в тылу, большевики, стоявшие перед Екатерининской, начали отступать; капитан Бузун перешел в наступление, и большевики, взятые нами в два огня, рассеялись.

На другой день пришлось выдержать тяжелый бой у станции Михайловской, совместно с подошедшей на соединение с нами 1-й бригадой, против большевиков, получивших новые подкрепления и снова перешедших в наступление.

После этих боев Добровольческая армия расположилась на продолжительный отдых в станице Мечетинской. Здесь я принял 2-ю бригаду от ставшего во главе Донского правительства генерала Богаевского, а Партизанский полк сдал полковнику Писареву. Вскоре затем я уехал

в командировку в Москву, а вернувшись оттуда, командовал 1-й дивизией и 1-м корпусом. Партизан мне больше не пришлось видеть вплоть до Кубанского десанта 1920 года, во время которого полк, носивший уже название Алексеевского, под командой полковника Бузуна входил в состав сводной дивизии, но это уже не имеет отношения к 1-му походу.

Б. Казанович

ДВИЖЕНИЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ В МАРТЕ МЕСЯЦЕ И ШТУРМ ЕКАТЕРИНОДАРА²⁷⁵

1 марта 1918 года армия заняла станицу Березанскую. Накануне к командованию армией прибыла депутация с приглашением посетить станицу. Но когда авангард армии подходил к Березанской, предательски был встречен сильным огнем. Цепи корниловцев и Офицерского полка быстро опрокинули большевиков и обратили их в бегство. И 1-го же марта ночью из Екатеринодара выступил Кубанский отряд с Кубанским войсковым атаманом и войсковым штабом, в направлении на аул Шенджий.

2 марта. Армия перешла в станицу Журавскую, откуда был выделен небольшой отряд для занятия железнодорожной станции Выселки. Батальоном корниловцев станция была взята. Оставив на станции конный дивизион полковника Гершельмана, корниловцы перешли на ночлег в хутор Малеванный, но красные, воспользовавшись тем, что конники наши не взорвали полотна, подвезли бронепоезд и большой отряд пехоты, потеснили конницу и заняли Выселки.

3 марта. Добровольческие части на рассвете повели наступление на Выселки и снова заняли станцию и поселок.

4 марта. Наступление на Кореновскую. Здесь красные сосредоточили до 10—12 тысяч войск. Тяжело было Добровольческой армии, столь малочисленной и мало снабженной, но доблесть добровольцев, от солдата до генерала, была сильнее большевистской стали. Потери, однако, добровольцы понесли большие, особенно корниловцы: из их рядов в этом бою убыло и осталось на поле сражения убитыми более 100 человек и ранеными 400. Станица и железнодорожная станция Станичная были в наших руках.

5 марта. В Кореновской армии был предоставлен отдых, а вечером армия вступила в Усть-Лабинскую станицу.

6 марта. В этот день армия сделала переход почти в 50 верст до вечера и наступление с боем на станицу Усть-Лабинскую, которая была взята корниловцами, шедшими в авангарде.

7 марта. Переход в Некрасовскую и дневной отдых.

8 марта. Утром армия переправлялась через реку Лабу, ведя весь день непрерывные бои, и заночевала в районе хутора Киселевского.

9 марта. Переход на хутор Филипповский.

10 марта. Выступив из хутора Филипповского, армия заняла с боем станицу Рязанскую и двинулась в аул Несшукай.

11, 12 и 15 марта. Переход армии в черкесские аулы: Несшукай, Понежукай, Гатлукай, Вочепший, Шенджий.

14 марта. Соединение с Кубанской армией в ауле Шенджий.

15 марта. Армия выступила в Ледяной поход в станицу Ново-Дмитриевскую и, перейдя вброд речку Черную, штурмом к вечеру взяла станицу.

16 — 23 марта. Восемь дней был предоставлен отдых армии в Ново-Дмитриевской.

23 марта. Наступление на станицы Григорьевскую и Смоленскую.

24 марта. Наступление на Георгие-Афипскую.

25 марта. Переход в аул Панахес.

26 марта. Подход армии к переправе у Елизаветинской и начало переправы через Кубань

27 марта. Наступление на Екатеринодар.

С утра 27 марта большевики перешли в наступление со стороны Екатеринодара и начали теснить наше сторожевое охранение, стараясь охватить его левый фланг. Поддерживая свое сторожевое охранение, Корниловский полк сдерживал натиск красных, расходуя свои резервы. Большевики продолжали наступать. Партизанский полк в это время уже был подтянут к восточной окраине станицы в ожидании приказа. В 3 часа дня начальник 2-й бригады генерал-майор Богавский приказал командиру Партизанского пехотного полка отбросить противника.

Партизаны густыми цепями в три линии, под прикрытием пулеметного и редкого артиллерийского огня, без выстрела двинулись в атаку по обе стороны большой дороги из Елизаветинской в Екатеринодар. Главный удар командир Партизанского полка направил на кирпичный завод, расположенный на высоком берегу Кубани и господствующий над окружающей местностью. Большевики не выдержали стремительной атаки партизан и в беспорядке бежали к ферме Екатеринодарского сельскохозяйственного общества. С бугров, впереди взятого завода, куда к генералу Казановичу подъехали генерал Бо-

гаевский и командир Корниловского полка полковник Неженцев, было видно, как орудия большевиков и линейки с пулеметами сворачивались и поспешно отходили по направлению к Екатеринодару.

Существует мнение, что нам в тот же день следовало атаковать наличными силами Екатеринодар, но при этом упускают из виду, что все это происходило во второй половине дня, что до Екатеринодара было еще далеко и что в сборе был один только Партизанский полк (800 штыков), а Корниловский занимал очень растянутое расположение и на сбор его потребовалось бы немало времени.

Во всяком случае, легкость, с которой партизаны отбросили большевиков, произвела большое впечатление на зрителей, и, по-видимому, доклад кого-нибудь из них повлиял на решение Корнилова атаковать, не ожидая переправы генерала Маркова — решение, имевшее роковое влияние на исход всей операции. Уезжая в станицу Елизаветинскую, генерал Богаевский сказал мне, что атака Екатеринодара предполагается по окончании переправы всей армии, и предоставил моему усмотрению: оставить ли весь полк на ночь на взятых позициях или отвести его на ночлег в станицу, оставив на линии кирпичного завода сторожевое охранение. Я предпочел последнее, зная, что переправа не может закончиться раньше вечера следующего дня, и не желая лишать людей удобного ночлега и ожидавшего их ужина. Отведя полк с наступлением темноты в Елизаветинскую, я получил приказ по армии, в котором подтвердилось сказанное мне генералом Богаевским, то есть 28 марта 2-я бригада должна была оставаться на занимаемых местах, а остальные части — продолжать переправу. Корниловский полк, оставшийся после моего выдвижения вперед на второй линии, был также собран и отведен в станицу.

28 марта. В 2 часа ночи я совершенно неожиданно получил новый приказ, согласно которому бригада генерала Богаевского должна была атаковать Екатеринодар 28 марта, не ожидая переправы остальных частей.

Во исполнение этого приказа генерал Богаевский предписал: Партизанскому полку атаковать западную часть города, а Корниловскому, наступая левее его, Черноморский вокзал; пластунский батальон полковника Улагая составил резерв бригады. По прочтении приказа первым моим побуждением было идти к генералу Богаевскому и просить его добиться отмены этого распоряжения: я был уверен, что сил бригады недостаточно для овладения городом и преждевременная атака поведет к тому, что наши без того небольшие силы будут введены в дело по частям и вместо планомерной атаки получатся разрозненные действия отдельных частей.

Поспешная атака не давала нам и выгод внезапности: мы уже достаточно обнаружили наши намерения. В поспешном отступлении большевиков я не видел ничего особенного: мне ни разу не приходилось видеть, чтобы не только большевики, а и всякий другой противник выдерживал в открытом поле штыковую атаку, предпринятую с действительной решимостью довести ее до конца, а тем более — атаку добровольцев Корниловского похода. Зато густые массы отступающего противника позволяли судить о его подавляющем численном превосходстве, и нельзя было быть уверенным, что в наступлении на Елизаветинскую принимает участие весь гарнизон Екатеринодара.

Однако, подумав, я понял, что в 2 часа ночи мне едва ли удастся добиться отмены приказа, выйдет только потеря времени, а его и без того осталось не много до рассвета. Я сделал свои распоряжения для предстоящего наступления. Свой 2-й батальон я направил правее большой дороги на ферму, одну из сотен 1-го батальона развернул левее (севернее) дороги, две остальные сотни этого батальона оставил в своем резерве за центром боевого порядка.

Когда я начал уже наступление, ко мне подъехал генерал Богаевский и сказал, что по непонятному недоразумению Корниловский полк не получил своевременно приказа и запоздал наступлением, поэтому он советует мне приостановить наступление до выхода корниловцев на одну линию со мной. Я ответил, что остановка поведет к напрасным потерям и ослабит порыв, а потому я возьму ферму и хутора, расположенные левее дороги, и на этой линии выжду подхода корниловцев. После ожесточенного боя была взята ферма, хутора заняты легко.

Около полудня большевики, подведя резервы из Екатеринодара, под прикрытием сильного артиллерийского огня перешли в наступление всей линией, стараясь охватить мой левый фланг. Корниловский полк все еще не подошел. Введя в дело свой резерв, мне удалось удержаться на хуторах севернее дороги, несмотря на то что один из наших пулеметов был подбит снарядом. При этом ранен двумя пулями рядом со мной командир 2-й сотни подъесаул Лазарев.

На ферме дело обстояло хуже: после упорного боя мой второй батальон был вынужден оставить ферму, после того как был смертельно ранен его командир. Генерал Богаевский двинул на поддержку моего правого фланга пластунов полковника Улагая. Ферма была снова взята, но при этом ранен и выбыл из строя доблестный полковник Улагай.

Осмотрев расположение наших частей на ферме, я объединил командование 2-м батальоном Партизанского полка и батальоном Улагая

в руках моего помощника полковника Писарева (оба батальонных командира выбыли из строя) и приказал ему продолжать наступление на предместья Екатеринодара «Кирпичные заводы» и «Кожевенные заводы». Доложив отданные мною распоряжения подъехавшему ко мне генералу Богаевскому, я поехал к своему 1-му батальону, наступавшему севернее Елизаветинской дороги. В это время к ферме подошел успевший переправиться батальон Кубанского полка, что окончательно успокоило меня за участок полковника Писарева.

На большой дороге я встретил командира Корниловского полка полковника Неженцева. Не знаю, по собственной ли инициативе или по приказанию генерала Богаевского, но Корниловский полк развернулся не левее Партизанского, как было предусмотрено приказом, а в затылок моему 1-му батальону, примыкая правым флангом к Елизаветинской дороге. Таким образом, при дальнейшем наступлении правофланговые роты корниловцев перемешались с моими сотнями. Смешавшись, мы вместе с Неженцевым пошли по направлению на Екатеринодар, уславливаясь о дальнейших совместных действиях. Желая иметь более широкий кругозор, мы направились к кургану, расположенному близ разветвления дорог на станицы Мышастовскую и Елизаветинскую.

Здесь я получил донесение полковника Писарева, что при поддержке батальона Кубанского стрелкового полка занял «Кирпичные и Кожевенные заводы» и остановился в виду артиллерийских казарм, где прочно засели большевики.

Я хотел снять свой 1-й батальон с участка Корниловского полка и вести его на поддержку полковника Писарева, но Неженцев просил меня не ослаблять его растянутого расположения.

Стоя на вершине кургана и рассматривая в трубу расположение большевиков по окраине Екатеринодара, я почувствовал сильный удар в левое плечо.

— Нет ли у кого-нибудь перевязочного пакета?

Пакет нашелся, но им перевязали раненого одновременно со мною корниловца. Я повторил свою просьбу.

— Да для кого вам нужен пакет? Мы уже перевязали раненого, — спросил меня Неженцев.

— Для себя.

Тогда дали еще пакет, и бывший при мне полковой адъютант ротмистр Яновский сделал мне перевязку. Попав спереди в плечо, пуля пробила лопаточную кость и вышла из спины. Вследствие сильной боли и большой потери крови я не был уверен, что буду на другой день в состоянии командовать полком, а потому просил Неженцева принять

пока под свое начальство мой 1-й батальон, а в течение ночи сменить его и направить на присоединение к остальной части полка в «Кожевенные заводы», где предвиделся упорный бой за обладание артиллерийскими казармами. Сам я направился туда же с намерением, если окончательно ослабею, передать командование полком полковнику Писареву. Между тем окончательно стемнело, и было очевидно, что войска заночуют в занимаемом расположении.

Писарева я нашел в одном из домов предместья, ближайших к артиллерийским казармам. Он доложил мне о положении дел: наши части дошли до ручья, протекающего между предместьем и казармами, но дальше продвинуться под сильным огнем не могли; большевики были хорошо укрыты за земляным валом, окружавшим казармы. Наша попытка взять казармы под покровом темноты тоже успеха не имела; было ясно, что казарм без артиллерийской подготовки не взять. Дом, в котором мы остановились, принадлежал офицеру нашей армии, о судьбе которого семья ничего не знала. К сожалению, и из нас никто не мог дать о нем сведений. Уже в августе, по взятии Екатеринодара я узнал, что он благополучно прибыл к семье. Приняли нас очень радушно, угощали всем, что было в доме лучшего. Я послал и Неженцеву, готовившемуся ночевать у кургана, хлеба, яиц и молока.

29 марта. Утром 29 марта наш случайный снаряд, удачно попавший в насыпь, окружавшую казармы, заставил большевиков колебаться; это вызвало с нашей стороны новую попытку атаковать казармы. Дружно поднялись партизаны и стрелки, но большевики быстро оправались и встретили нас губительным огнем. Выбежавший вперед полковник Писарев упал как подкошенный. В первую минуту я думал, что он убит, но, подбежав к нему, убедился, что он ранен в ногу. Это заставило меня оставить мысль о сдаче полка, тем более что после спокойно проведенной ночи и новой перевязки, сделанной мне фельдшером Кубанского стрелкового полка, боль в плече стала гораздо слабее.

После этой атаки я донес генералу Богаевскому, что казарм без специальной артиллерийской подготовки взять нельзя, а между тем взять их необходимо, так как большевики, сдерживая нас с фронта, из тех же казарм обстреливают участок Неженцева фланговым огнем и не дают ему продвинуться вперед. Для точного указания целей я просил прислать ко мне артиллерийского наблюдателя.

Когда прибыл офицер-артиллерист, я показал задерживающий нас валик и приказал ему выбрать наблюдательный пункт. Задержка предвиделась из-за телефонного провода, а потому я назначил атаку на 15 часов, когда, по нашим расчетам, у артиллеристов все должно

быть готово. Между тем стали подходить остальные части 1-й бригады (батальон Кубанского стрелкового полка, как сказано, принимал уже участие во взятии предместья).

Около 1 часа дня прибыл и сам генерал Марков со своим штабом. От него я узнал, что на его бригаду возложено взятие артиллерийских казарм и дальнейшее наступление до Сенной площади. В то же время бригада генерала Богаевского должна была, наступая левее (севернее), дойти до городского кладбища. На указанной линии обе бригады должны были приостановиться и ждать дальнейших приказаний. Начало атаки было назначено на 5 часов дня. Ввиду этих изменений в первоначальном плане я передал генералу Маркову командование участком, рассказал ему обстановку и условился с ним, что по смене моего 2-го батальона Офицерским полком перейду с ним на участок 2-й бригады

Артиллерийский огонь большевиков по предместью все усиливался, во многих местах возникли пожары. При таких условиях передвижения частей 1-й бригады не могли быть быстрыми: приходилось пробираться по дворам через проломы в заборах. Смена моего батальона затянулась на продолжительное время. Когда она, наконец, закончилась, оказалось, что от батальона осталось около 150 бойцов. Проведя их насколько возможно укрыто по предместью, я вывел их на Елизаветинскую дорогу и расположил в складке местности за правым флангом Корниловского полка, занимавшего свое прежнее расположение, вперемежку с сотнями моего 1-го батальона.

Сам я с четырьмя офицерами и одним добровольцем пошел на курган, где накануне оставил Неженцева. Из моих спутников два офицера были ранены по дороге на курган, а третий — подбесаул Дьяков — на самом кургане. По дороге к кургану я увидел цепь двух сотен казаков станицы Елизаветинской, только что присоединившихся к армии и назначенных на укомплектование Корниловского полка. Неженцев потребовал их для усиления своей первой линии, но, попав под сильный огонь, они залегли и не двигались дальше.

Подняв их криком: «Вперед, елизаветинцы!» — я довел их до кургана; подбодренные здесь Неженцевым, они пошли дальше и влились в цепь корниловцев, лежавшую впереди кургана по берегу ручья, пересекающего Мышастовскую дорогу и огибающего с запада Артиллерийские казармы, отделяя их от предместья. Это тот же ручей, на берегу которого, как сказано выше, остановилось наступление полковника Писарева.

Сообщив Неженцеву, что я привел свой 2-й батальон, которым поддержу его в случае надобности, я сказал ему:

— Отчего вы не переменили место? Что вам за охота сидеть сутки на этом проклятом кургане? Сколько вы здесь уже потеряли людей! Здесь быть убитым — только вопрос времени.

Неженцев ответил, что отсюда лучший кругозор и что за ночь они окопались. Однако легкие окопы давали очень слабое прикрытие, большевики пристрелялись совершенно точно по кургану, на его вершине и по сторонам ежеминутно рвались гранаты, выводя из строя людей; во время нашего разговора с Неженцевым один из ординарцев-корниловцев был буквально разорван на куски, так что долго не могли определить, кто именно погиб, — пришлось проверять уцелевших. Ружейный и пулеметный огонь по кургану тоже не прекращался, а при малейшем движении на нем доходил до крайнего напряжения. Несмотря на подобную обстановку, храбрый Неженцев со своим штабом сидел на кургане уже целые сутки, и умереть ему было суждено через несколько минут не здесь.

Между тем прибыл ординарец генерала Маркова и доложил, что им только что взяты Артиллерийские казармы (руководящий артиллерийской подготовкой полковник Третьяков рассказывал мне впоследствии, что атака была подготовлена 7 снарядами: так стреляла наша артиллерия и до такой степени приходилось экономить снаряды) и что генерал просит нас продолжать наступление в связи с его бригадой, которая готовится проникнуть в город. Неженцев послал приказание своей цепи наступать. Цепь поднялась, но сейчас же снова залегла, будучи не в силах подняться из оврага, по дну которого протекал упомянутый ручей. Тогда Неженцев сам пошел поднимать цепь и скрылся в овраге.

Не видя впереди никакого движения, я решил, что настало время двинуть мой 2-й батальон, составлявший последний резерв на этом участке. Послав соответствующее приказание с последним оставшимся при мне ординарцем, я, как только батальон поравнялся с курганом, стал во главе его и быстро повел к оврагу. Противник встретил нас бешеным пулеметным огнем, но, по счастливой случайности, прицел был высок: заходящее солнце светило в глаза большевикам, все пули летели через наши головы, что очень ободрило людей. На дне оврага я увидел старых знакомых елизаветинцев.

— Здесь лежит тело убитого командира Корниловского полка, и мы не знаем, что нам делать.

Так я узнал о смерти боевого товарища, с которым мы сражались бок о бок в стольких боях...

— Идите со мной в Екатеринодар!

После некоторого колебания ко мне присоединилось около 100 елизаветинцев. Еще короткая вспышка огня при подъеме из оврага — и

противник, бросив свои выдвинутые вперед окопы, бежал к самой окраине города.

Между тем начало смеркаться, а я не знал, как далеко продвинулись части генерала Маркова. Опасаясь попасть под огонь своих, я приказал всем офицерам, при дальнейшем движении, возможно чаще повторять слово «партизань», крича: «Вперед, партизаны!», «Равняйся, партизань» и т. д.

Действительно, скоро правее нас от казарм Екатеринодарского полка послышался крик: «Что за партизаны?» — «Партизанский полк! Здесь генерал». Ко мне подошел полковник Кутепов, командовавший левым участком генерала Маркова, состоявшим из перемешавшихся во время атаки людей Офицерского и Кубанского стрелкового полков. Я спросил, где генерал Марков, и получил ответ, что он пошел к своему правому флангу на участок генерала Боровского.

Сказав полковнику Кутепову, что я сейчас атакую окраину города и проникну в глубь его по ближайшей улице, я просил атаковать вслед за мной и правее меня; эту просьбу я просил передать генерал Боровскому и их общему начальнику генералу Маркову. Полковник Кутепов обещал атаковать, как только я ворвусь в город.

Построив в первой линии свой 2-й батальон и 2-ю сотню 1-го батальона, взятую мною с участка Корниловского полка, а в затылок им елизаветинцев (обе линии в сомкнутом развернутом строю), я нацелил их по указаниям офицеров — уроженцев Екатеринодара и повел в атаку. После беспорядочной ружейной трескотни большевики, залегшие на самой окраине города, разбежались, и мы вступили в какую-то улицу (как потом оказалось, в Ярмарочную). Осматривая боковые улицы, мы продвигались в глубь города, не встречая более сопротивления; попадались одиночные большевики, принимавшие нас в темноте за своих; их ловили и тут же приканчивали. При дальнейшем движении стали встречаться разъезды, по первому из них кто-то выстрелил, и он благополучно ускакал; затем я запретил стрелять, и следующие разъезды мы подманивали к себе, называя известные нам большевистские части. Всего мы переловили таким образом 16 всадников; добыл и я себе отличного коня под офицерским седлом вместо клячи, на которой я до тех пор ездил. При осмотре казарм, расположенных на Ярмарочной улице, оказалось, что в них содержится 900 пленных австрийцев. Узнав, что их окарауливает команда, поставленная еще Кубанским правительством до взятия города большевиками, я приказал унтер-офицеру продолжать караулить пленных и поддерживать среди них полный порядок, а одному из наших офицеров приказал расписаться в книге. На другой день Корнилов сделал мне упрек, что я не вывел пленных немедленно из Ека-

теринодара: среди пленных могли оказаться чехословаки, пригодные для пополнения нашего батальона, но я тогда не знал, что Екатеринодар не будет взят...

Между тем стрельба на участке 1-й бригады стихла; оружие, стрелявшее с самой окраины города по этому участку, также прекратило огонь. Я был уверен, что мои соседи справа также продвигаются по одной из ближайших улиц, а потому приказал от времени до времени кричать: «Ура генералу Корнилову!» — с целью обозначить своим место моего нахождения.

Продвигаясь таким образом, мы достигли Сенной площади. Оставил половину своего отряда с одним пулеметом на углу Ярмарочной улицы, а другую половину с другим пулеметом (при мне был один пулемет Максима и один — Кольта) расположил на юго-западном углу площади. В таком положении я решил ожидать подхода частей 1-й бригады с тем, чтобы по передаче им Сенной площади идти, согласно приказу, на городское кладбище, куда и притянуть свой 1-й батальон и Корниловский полк.

Все было тихо. На площади стали появляться повозки, направлявшиеся на позиции противника. Преимущественно это были санитарные повозки с фельдшерами и сестрами милосердия, но попалась и одна повозка с хлебом, которой мы очень обрадовались, несколько повозок с ружейными патронами и, что особенно ценно, на одной были артиллерийские патроны. Между тем ночь проходила. Встревоженный долгим отсутствием каких-либо сведений о наших частях, я послал, по пройденному нами пути, разъезд на отбитых у большевиков конях под командой своего ординарца сотника Хоперского (китайца по происхождению, вывезенного донцами мальчиком из Маньчжурии), приказав ему явиться генералу Маркову или полковнику Кутепову и доложить, что я занял Сенную площадь и просил ускорить движение.

Вернувшийся через некоторое время сотник Хоперский доложил, что наших частей нигде не видно, что охрана города в том месте, где мы в него ворвались, занята большевиками, которые, по-видимому, не подозревают о присутствии у них в тылу противника. Принимая сотника Хоперского за своего, они расспрашивали его, что за крики и стрельба была в городе. Получив ответ, что там все тихо, один из собеседников сказал: «Кто это панику пускает? Здесь говорили, что кадеты ворвались в город».

Потеряв надежду на подход подкреплений, я решил, что дожидаться рассвета среди многолюдного города, в центре расположения противника, имея при себе 250 человек, значит обречь на гибель и их и

себя без всякой пользы для общего дела. Надо попытаться выбраться назад к своим, воспользовавшись тем, что охрана города занята, очевидно, каким-то вновь прибывшим отрядом большевиков, не знающих о нашем присутствии.

Построив в первой линии партизан с пулеметами, за ними елизаветинцев и, наконец, захваченных у большевиков лошадей и повозки, я двинулся назад по Ярмарочной улице, приказав на расспросы большевиков отвечать, что мы идем занимать окопы впереди города. На вопрос: «Какой части?» — отвечать: «Кавказского отряда». От захваченных большевиков я знал, что подобный отряд незадолго перед тем высаживался на Владикавказском вокзале. Подходя к месту нашей последней атаки, мы сначала наткнулись на резервы большевиков, занимавшие поперечные улицы по обе стороны от Ярмарочной, а потом и на первую линию. Наши ответы сначала не возбуждали подозрения, затем раздались удивленные возгласы. «Куда же вы идете? Там впереди уже кадеты!» — «Их-то нам и надо!»

Я рассчитывал, как только подойду вплотную к большевикам, броситься в штыки и пробить себе дорогу, но большевики, мирно беседуя с моими людьми, так с ними перемешались, что нечего было и думать об этом. Принимая во внимание подавляющее численное превосходство противника, надо было возможно скорее выбираться на простор.

Все шло благополучно, пока через ряды большевиков не потянулся наш обоз; тогда они спохватились и открыли нам в тыл огонь, отрезав часть захваченных нами повозок, но большая часть из них успела проскочить, и в том числе наиболее ценная, с артиллерийскими патронами, шедшая в голове обоза (Повозка эта, попав под огонь, ускакала куда-то в сторону и застряла в канаве недалеко от Артиллерийских казарм. Ее долго не могли отыскать; между тем слух о захвате 52 снарядов дошел даже до Корнилова, и, пока она, наконец, нашлась, на меня со всех сторон сыпались вопросы: где 52 снаряда? Так велик был недостаток патронов в нашей артиллерии, в то время как большевики выпускали их в нас без счета.)

При выходе из города мы чуть было не попали в критическое положение: в ответ на огонь большевиков раздались наши выстрелы со стороны казарм Екатеринодарского полка; правда, недоразумение скоро выяснилось.

Первым я увидел полковника Кутепова; он сказал мне, что очень беспокоился о моей участи, слышал наши удалявшиеся крики «Ура!», но ему не удавалось двинуть вперед смешанных людей разных полков, бывших на его участке.

Скоро подошел и генерал Марков, который сказал мне, что ничего не знал о моем предприятии и услышал о нем впервые, когда по его телефону передавали мое донесение в штаб армии. Он предложил мне сейчас же общими силами повторить атаку. На это я ответил, что время упущено, теперь уже светло, большевики предупреждены, подвели резервы, и атака на том же самом месте едва ли имеет шансы на успех.

Как потом выяснилось, в Корниловском полку накануне был ранен полковник Индейкин, естественный заместитель Неженцева, был убит и храбрый капитан Курочкин, командир моего 1-го батальона. Отдельные роты и сотни, после смерти Неженцева, остались без общего руководства, и некому было их двинуть в атаку, так как генерал Богаевский не мог один везде поспеть. Этим объясняется, что моя атака осталась без поддержки и со стороны частей 2-й бригады.

30 марта. С генералом Марковым я отправился в тот же дом, где провел прошлую ночь и где теперь расположился его штаб. Отсюда я по телефону доложил генералу Романовскому, а потом и лично Корнилову, подробности своей атаки. Здесь же я получил приказание отвести свой полк к ферме, в резерв командующего армией.

К вечеру 30 марта я собрал свои сотни в указанное место. Из 800 штыков, переправившихся через Кубань, в строю осталось едва 300. Оба батальонных командира были убиты; мой помощник полковник Писарев выбыл из строя: серьезная рана в ногу не позволяла ему ни ходить, ни ездить верхом; сотенные командиры сменялись несколько раз за три дня боя; сам я был счастливее: у меня не действовала только левая рука. Приблизительно такие же потери понес и Корниловский полк, лишившийся притом своего доблестного командира. В лучшем положении была бригада генерала Маркова, принимавшая меньше участия в бою, но и в ней потери были значительные.

Подходя к ферме, я встретил генерала Корнилова, возвращавшегося с обхода артиллерийских наблюдательных пунктов и батарей, где он, по своему обыкновению, подставлял себя вражеским пулям. Он поздоровался с партизанами и поблагодарил их, расспрашивал меня о подробностях боя и полученной мною ране и, в заключение, пригласил разделить его скромный ужин, состоявший из холодной вареной курицы и яиц. Третьим за ужином был генерал Романовский; когда я рассказывал о радушном приеме, оказанном нам жителями предместья, он воскликнул: «Э, да у вас там было гораздо лучше, чем у нас!» Глядя на убогую обстановку командующего армией, я не мог не согласиться с этим. Даже в смысле безопасности штаб не имел

особых преимуществ перед первой линией, так как был под действительным артиллерийским огнем.

После ужина мы остались вдвоем; Корнилов вспоминал наше первое знакомство в Кашгаре, когда мы оба были молодыми офицерами и нам, конечно, не снилось, где нас снова сведет судьба. Несколько раз он вспоминал и жалел Неженцева, который, несмотря на разницу лет и положения, был его близким другом. Я почувствовал глубокую жалость к герою — я понял, до чего он одинок на свете... В заключение Корнилов сказал:

— Я думаю завтра повторить атаку всеми силами. Ваш полк будет у меня в резерве, и я двину его в решительную минуту. Что вы на это скажете?

Я ответил, что, по-моему, тоже следует атаковать, и я уверен, что атака удастся, раз он лично будет руководить ею.

— Конечно, мы все можем при этом погибнуть, — продолжал Корнилов, — но, по-моему, лучше погибнуть с честью. Отступление теперь тоже равносильно гибели: без снарядов и патронов это будет медленная агония. Оставайтесь у меня ночевать, — неожиданно закончил он. — Вам сюда принесут сена.

Оглядев его крохотную комнатку, я не захотел стеснять командующего армией и ответил, что доктор Трейман²⁷⁶, осматривавший мою рану, обещал меня устроить в другой комнате, где приготовлены койки для раненых.

31 марта. Рано утром Корнилов выходил ненадолго из своей комнаты; встретив меня, он спросил, как я провел ночь. На мой вопрос: не будет ли каких-либо приказаний по полку? — он ответил:

— Пока никаких — отдыхайте!

Персонал перевязочного пункта пригласил меня выпить с ними чаю в комнате рядом с корниловской. Когда мы уже допивали свой чай, раздался взрыв, и с потолка и со стен посыпалась штукатурка. По первому впечатлению я подумал, что снаряд разорвался под окном, и спросил отшатнувшуюся от окна сестру милосердия, не ранена ли она. Но дыма не было, и я понял, что снаряд попал в комнату Корнилова. Бросившись туда, я вбежал в нее одновременно с адъютантом командующего армией; это заставляет меня думать, что в момент взрыва Корнилов был в комнате один. Может быть, впрочем, адъютанты успели выбежать в момент взрыва и теперь возвращались обратно.

В комнате ничего не было видно от дыма и пыли. Мы принялись расчищать ее от обломков мебели, и нашим глазам представился Корнилов, весь покрытый обломками штукатурки и пылью. Недалеко от виска была небольшая ранка, на вид неглубокая, на шароварах боль-

шое кровавое пятно. Его вынесли в коридор, а оттуда на носилках понесли на берег Кубани. Корнилов порывисто дышал. Генерал Романовский выбежал из комнаты, отделенной от корниловской коридором, где он помещался с остальными офицерами штаба.

— Неужели убит? — спросил он меня.

— Без чувств, но дышит.

Больше у нас не было слов для выражения переполнивших нас чувств горя и надежды...

У крыльца ко мне подошел генерал Богаевский и приказал вести полк за наш крайний левый фланг, к Садам, где большевики теснили нашу конницу.

— Пока в бой не ввязывайтесь, вы наш последний резерв, но, в случае обхода с этой стороны, будьте готовы отразить его.

Уже прибыв на новое место, я узнал, что Корнилов скончался, не приходя в себя. Скоро мы получили и приказ генерала Алексева, посвященный памяти великого русского патриота. В заключение в приказе говорилось о вступлении генерала Деникина в командование армией.

Для грустных размышлений о погибшем вожде не было времени: показалась наша отходящая конница, затем на опушке Садов появилась спешенная конница противника. Приходилось выбирать места для пулеметов и расположить своих 300 стрелков так, чтобы приготовить врагу достойный прием. Впрочем, дальше опушки Садов большевики не пошли, и я простоял весь день в бездействии, не отвечая на безрезультатный огонь противника: патроны надо было беречь для более важного случая. Не берусь судить, был ли то обход или маневр для парирования обхода нашей конницы; как бы то ни было, большевики удовлетвоались вытеснением нашей конницы из Садов. Я склонен думать, что виденные накануне густые колонны с обозом, двигавшиеся в этом направлении, были беженцы и наименее стойкие защитники Екатеринодара, отходившие на север вдоль Черноморской железной дороги.

Перед вечером я получил приказ об отступлении, которое должно было начаться с наступлением темноты. Начался новый период жизни Добровольческой армии...

Существует мнение, что, останься жив Корнилов, он погубил бы армию новой атакой. Даже если бы Екатеринодар был взят, говорят сторонники этого мнения, мы в нем были бы окружены, и он стал бы могилой Добровольческой армии.

Конечно, трудно гадать о том, что было бы, но думаю, что высказывающие такое мнение не учитывают значения победы. Не надо забывать, что Добровольческая армия, не знавшая до тех пор неудач,

со взятием Екатеринодара окончательно упрочила бы за собой славу непобедимой. Кубанцы поднялись бы и быстро пополнили бы ряды армии. В случае удачи мы выиграли бы несколько месяцев, а это по нынешним временам целая вечность... (Я этим не хочу сказать, что и после смерти Корнилова следовало атаковать. Смерть его произвела на войска удручающее впечатление, и новое командование не могло с первых шагов ставить на карту самое существование армии.)

Повторяю, трудно гадать о том, что было бы, а еще труднее нам, простым смертным, понять и судить героя. Мир его праху.

*Доброволец Иванов*²⁷⁷

ПО СЛЕДАМ ПАМЯТИ²⁷⁸

На Дону

...Изумлению моему и тревоге не было предела, когда я увидел шедшего навстречу мне брата, на пять лет моложе меня. С виноватой улыбкой он подошел ко мне и подал пару двухшовных, еще крепких сапог.

— Твои совсем плохие.

Был этот мой брат очень тихим, спокойным и даже застенчивым. С самого младенчества его будто преследовал злой рок. Еще совсем маленьким он заснул на песке посередине улицы. Песок перед нашим домом был классический, и не раз здесь двумя парами волов вытаскивали застрявший автомобиль богачей Хохлачевых. На беду, ехала арба, груженная хлебом. За снопами возница не заметил, что впереди лежит что-то маленькое песочного же цвета, и переехал ребенку ноги. Глубокий, рыхлый песок спас от переломов, но икры были раздавлены, и последствия остались.

Беда не приходит одна! Пятилетним малышом потащился он за отцом на бахчу, в полуверсте от дома. Для сокращения дороги отец прошел канавой, отделявшей гумно от огорода, и, когда он уже выбрал арбузы, к нему, хромяя и с плачем, подошел братишка. На вопрос отца ответил, что его укусила «жаба». Отец пошел назад и в канаве нашел гадюку. Братишка был при смерти, распухший и прозрачный, и выжил каким-то чудом. В то лето я был в городе, готовясь к вступительным экзаменам. Болел он и золотухой: как последствие — частичная глухота. Хорошо помню, что в детстве мы все пили рыбий жир, а с ним одним вот и приключилось.

И вот этот неудачник, еще мальчик, полуглухой, очутился здесь — в походе в неизвестность! Я растерялся, не находя выхода из положения. В Ольгинской видел его раза два. Это было наше последнее свидание.

Начался поход. Как-то мало интересовал и тревожил вопрос: куда мы идем? Вверившись нашим вождям и начальникам, мы оставили за собой единственное право: беспрекословно подчиняться. Шли бодро, часто развлекая себя песнями. Помнится тревога и некоторая нервность при оставлении станицы Хомутовской. Мы еще находились в станице, вытягиваясь на юг, а с противоположной стороны летели снаряды, и вдали была видна группа конницы. Вскоре стрельба прекратилась.

Промелькнули все донские станицы... У большого села Лежанка произошел уже настоящий бой. Мы были в арьергарде и начала боя не видели — судили о нем лишь по усиливавшейся стрельбе. Прошло довольно много времени, пока нас вызвали вперед. Быстро подтянулись и под орудийным огнем рассыпались в цепь влево от дороги. Впереди, с кольтом на плече, — капитан Ветчак, а левее его — пожилой господин в черном пальто и папахе, с карабином за плечами. Потом мы узнали, что это был наш бесстрашный командир, генерал Казанович. Пулемет наш выдвинулся далеко вперед и стрелял недолго. Здесь мы задержались. Выиграли бой лобовой атакой части генерала Маркова и, охватом справа, корниловцы. 39-я пехотная дивизия, подкрепленная местными жителями, оказала упорное сопротивление, но, сбита с позиций по реке, в беспорядке бежала.

Странный случай произошел в то время, когда мы задержались на остановке. Далеко влево был большой курган. На нем кто-то показался и быстро исчез. Пока мы судили да рядили, кто бы это мог быть, гимназист 8-го класса Миша Дорофеев — парнишка шустрый — уже отправился в разведку. Взял направление правее кургана, а поравнявшись с ним, стал медленно огигать его, пока не скрылся из виду. Расстояние было большое, и так как мы уже снимались для движения на взятое село, то и не узнали, что случилось. Только в мае, в Новочеркасске, получили сведения, что Дорофеев попал в засаду; репрессий избежал и потом служил в какой-то части Донской армии. Не знаю, насколько это правильно.

Кубанские станицы, от Старо- и Ново-Леушковской до самой Березанской оставили в памяти лишь большие, утомительные переходы, особенно один из них, когда ноги двигались лишь по инерции, а глаза смыкались.

Под Березанской был бой, сначала грозивший стать затяжным, но потом быстро затихший. Дальше произошли события, которые и по сей день и не потеряли для меня остроты впечатления.

В ночь на 2 марта нас посадили на подводы, чего еще ни разу не случалось, и повезли из станицы Березанской вдоль реки. Дорога подмерзшая, кочковатая, тряская, но все равно засыпаешь. Ехали довольно медленно и долго и только под утро остановились у какой-то постройки. Часть наших сразу ушла вперед. Светало. Начинаем различать мельницу, гать... Со стороны ушедших послышались выстрелы. Пospешили и мы туда же. Влево от нас, немного ниже, — камыши. Пулеметная очередь... Вторая. И все затихло. Впереди очень крутая, высокая насыпь; влево чуть вырисовываются контуры железнодорожного моста; вправо насыпь постепенно снижается и исчезает вдали в прикрытую посадками выемку.

Боком взбираемся на крутизну насыпи. За полотном небольшое помещение разъезда. Внутри — пусто; на столе остатки неоконченного завтрака. И нам удалось полакомиться кусочком хлеба и медом. Наши налаживают взрыв моста.

Рассвело. Кто-то заметил над посадками дымок. Через короткое время дым становится яснее. Дали знать на мост. Вскоре из посадок показался паровоз и остановился. Силимся определить: простой ли поезд или бронированный? Паровоз медленно продвинулся еще вперед и опять стал. Видны и вагоны, но никто не высовывается ни из них, ни из паровоза. Подрывники минировали мост, и мы, перейдя полотно, начинаем отходить. Поезд продвинулся еще вперед и стал нас обстреливать. Скатываясь вниз, нельзя стрелять, да и внизу не лучше: пули летят, а противника не видно. Стали все же отстреливаться. Огонь прижимает нас к камышам. Лед кажется крепким, и мы, скрытые камышами, идем по нему к мельнице. Красный пулемет осыпает камыши. Впереди кто-то упал. Спешим на помощь и... всей группой проваливаемся в воду. Слава Богу — не глубоко, чуть выше колен. Залитый кровью раненый — тоже в воде. На одной щеке большая рваная рана: пуля раздробила челюсть. Это — наш санитар, Борис Яхнин²⁷⁹, студент-медик Ростовского университета. Вытащили его из воды. Впоследствии, будучи уже всеми уважаемым врачом в Праге, он, как еврей, со всей семьей был удушен в газовой камере.

Сильный взрыв на мосту заставил паровоз попятиться назад, к посадкам. Мы выбрались из воды и поплелись к подводам. Едва успели вылить из обуви воду и выжать портянки, как на горизонте, со стороны Тихорецкой, показалась кавалерия. Погрузились на подводы и медленно стали подниматься в гору, в направлении станицы Журавской, куда должна была подойти вся армия. Со стороны противника — очень длинный пологий спуск, и почти такой же подъем — с нашей стороны. Противоположная сторона — как на ладони.

Конница быстро приближается, заливая собою скат, и начинает нас обстреливать. Группа всадников пытается подойти к переправе у мельницы. Пулеметная очередь — и все покатались назад. Но конница уже заполнила своей расплзшейся массой весь противоположный скат. В отдалении на открытой позиции появились их орудия и начали нас обстреливать. Мы рассыпались в цепь по обе стороны дороги и кое-как отстреливаемся. Снаряды красных ложатся близко, но поражений нет. Жутко смотреть на противоположную сторону: что стоит этой массе конницы раздавить нас — каких-нибудь 60 человек, в большинстве — полуопытных юнцов, тем более что слева, где-то рядом — красный бронепоезд с десантной пехотой?

Вдруг — разрыв в самом конце подвода. Полетели вверх разбитые в щепы части подводы. Тяжело ранен отстреливавшийся с нее наш блестящий пулеметчик, капитан Ветчак. Большой урон!

Небольшая задержка — и двинулись дальше. Перевалили через гребень и стали терять из виду противника. Сели на подводы и двинулись дальше уже рысцой. Сразу почувствовалось, что наполовину промокли: по телу озноб, зябко. Ехать пришлось все же далеко, пока, наконец, не ввалились в теплые хаты. Наскоро поели, развесили мокрую одежду и завалились спать.

Кто-то тщетно силится нас разбудить: поднимаем голову и снова валяемся на солому. Все же начинаешь соображать: приготовиться к выступлению! Взять с собою только оружие! Оделись. Винтовки и патронташи — и в строй. Совсем темно. Свежо. Едва перевалило за полночь. Опять на подводы. Едем недолго. Ссаживаемся. Немного идем и — в цепь! Иногда ложимся. Кое-где еще снег. Одолевать сон. Темно. Кто-то ходит по цепи и будит. (Уже в Париже есаул Моисей Попов²⁸⁰, ныне покойный, не раз вспоминал при встречах: «А помнишь, как я будил вас под Выселками, чтобы не замерзли? Отойдешь — опять спят!»)

Время от времени возвращаются дозорные, что-то рассказывают. Все перемешалось со сном. Неожиданно слух улавливает собственную фамилию. Быстро вскакиваю и подхожу. Казак Самсонов взволнованно рассказывает: сотник Греков, в небольшом отряде которого был мой брат, отправляясь на подводе в разведку, взял с собою брата и еще одного партизана; где-то на кого-то напоролась, и первым выстрелом брат был смертельно ранен: пуля пробила область живота. Потеряв сознание, по дороге в госпиталь он умер. Сон отскочил, мысли спутались. До госпиталя 7—8 верст...

Близится рассвет — скоро бой. Наши цепи двигаются вперед. Еле видны очертания большого села — Выселки. Внизу под горой желез-

нодорожная насыпь, а за нею, вправо, большое здание. На дальней окраине села начинаем различать группы спящих людей. Ясно слышны сигналы. Как раз время атаковать, предварительно пустив туда пяток снарядов. Однако мы стоим на месте. Уже светло — видимость полная. Состояние нервно-напряженное: чувствуется близость хорошо скрытого противника.

Но вот мы ринулись вниз, по довольно крутому скату. Дождем посыпались пули, застрочили пулеметы. Огонь больше справа. Он настолько силен, что невольно толкает вперед: ни залечь, ни остановиться нельзя: нет укрытия. Так мы, левая группа, и докатились до маленького домика с двором, единственного перед железной дорогой. Большинство бросились в калитку, а я, соблюдая направление, побежал влево, за забор, но, едва поравнялся с углом, отскочил назад, как пружина. В ушах окрик и выстрел чуть что не в упор: за забором группа красных. Вскрываю в калитку. Один из нас удачно бросил ручную гранату через сарайчик.

Нас пятеро. Дворик маленький. И запертый домик, и сарайчик, и забор — все новое: доски вплотную. Через калитку видим, что все наши куда-то исчезли. Отошли ли они назад или залегли где-то у самого полотна? Никого не видно. Огонь, стихший было на время, снова усилился. Стреляют по нашей «крепости», и, кажется, с трех сторон. Еще находим возможность как-то отстреливаться, но противника почти не видно. Не можем обнаружить и своих.

Упал и корчится гимназист 8-го класса Виктор Попов. Близкая пуля, пройдя доски, распорол живот — внутренности наружу. Просит дострелить. Вскоре теряет сознание. Жутко. Не заметили, как был убит Миша Процевич, тоже гимназист 8-го класса, единственный сын бедной старушки. Стоял он в углу, как будто прикрытый выступом домика, и только чуть присел — пуля в сердце. Ранен в ногу Хованский, к счастью не тяжело. Своих все еще не можем обнаружить.

Оставаться дольше нельзя — всех перебьют! Уходить назад? Мы станем единственной мишенью на довольно длинном подъеме и вряд ли уцелеем. Перекрестились и, поддерживая раненого, побежали в гору. Посыпались пули. Хованский разделил нас. Разбежались в стороны и прибавили ходу. Пулемет строчит как будто за спиной. То впереди, то вокруг пули взрывают землю, и кажется, что они и под ногами. Бежишь, как босой по горячим углям, и оглянуться некогда — скорей, скорей! Двое справа от меня тоже бегут. Живы! Близок уже и спасительный гребень. Ввалились в первую лошину. Ушли!

Немного влево в ложине небольшая группа. Направляюсь туда. Главнокомандующий со штабом. Не без волнения, сбивчиво рапортую

о случившемся и прошу разрешения проехать с ранеными в госпиталь, чтобы проститься с братом до погребения.

...Госпиталь. Убитые — на полу. Их много. Почти все покрыты. Сестра находит брата. Исчезла с лица полудетская улыбка: оно спокойно и серьезно. Вытянулся: 16-летний кажется взрослым. Простился — и опять в Выселки.

Бой кончен, и лишь изредка доносятся отдельные выстрелы. В нашем дворике следы крови на земле да изрешеченное дерево построек и забора. Свои повествуют о грустном финале: Попова докололи красные. С верхнего этажа высокого здания — вальцовой мельницы — стянули двух австро-венгров пулеметчиков, главных виновников больших потерь. 11 убитых и около 40 раненых было у нас. А сколько в других частях?

Эти два дня, слившиеся в одно целое, остались в памяти навсегда. Уже впоследствии я узнал, что причиной неудачи нашей первой атаки было опоздание других частей и даже отсутствие одной из них. И сейчас мне представляется достоверным, что, когда я подошел к генералу Корнилову с рапортом, вид у него был грустный, а взор, куда-то устремленный, носил следы влаги. Так мне показалось тогда.

После Выселок отряд наш имел жалкий вид. Потеряв половину состава — друзей и приятелей, оставшимся нелегко было сбросить гнет впечатлений вчерашнего дня. Но уже через два-три дня настроение снова поднялось. Легко раненные стали возвращаться в строй.

При наступлении на станицу Кореновскую мы находились в арьергарде. Впереди шел ожесточенный бой. Вдруг тревога и у нас: вдалеке в тылу показалась значительная группа кавалерии, принятая, конечно, за красных. Но странно было, что, приближаясь, конница не проявляла никакой агрессивности — шла спокойно, в сомкнутом строю. Вскоре, к общей радости, выяснилось, что нас догоняют кубанцы из двух смежных станиц. Настроение наше сразу повысилось. Перед Кореновской большевики оказали очень сильное сопротивление, и бой был затяжным.

Противник был разбит, но потери опять были большие. Ночь в Кореновской была снова короткой. В полночь, сонные, построились и двинулись в путь. Шли с самыми строгими предосторожностями: в абсолютном молчании и при полном затемнении. Только на привалах, и то упершись лицом в землю, можно было покурить. Узнав, что Кубанская армия оставила Екатеринодар, мы свернули влево и, меняя направление, хотели скрыть от противника, хоть на короткое время, наш новый путь. Обстановка этой ночи была такова, что люди засы-

пали на ходу и отходили от колонны в сторону. То и дело кто-то кого-то ловил за рукав и тянул в строй, чтобы тот не отошел далеко, не отстал бы и не погиб. Движение с преодолением препятствий, которые ставили нам природа и противник, слилось в один, цельный период от Кореновской — до Ново-Дмитровской. Шли, месили грязь, переправлялись через реки и все время — то отбивались от наседавшего противника, то обрушивались на него, то вели бой на все четыре стороны.

Странно, что память не удержала ни одной ночевки. Двигались как автоматы: ввалишься в хату, упал, заснул, а потом полусонный шагаешь дальше. Ушел из памяти и вопрос питания. Где-то что-то ели. Помнится, поначалу выдавали консервы. Где-то за Кубанью вытряхнул из сумки завалившиеся там крохи и с аппетитом съел с куском грязного старого сала, которым обычно смазывал винтовку. Вспомнился и большой чудный хлеб в станице Елизаветинской, куда мы попали в числе первых. Запомнились случайные мелочи, но почти ушла из памяти переправа через Кубань. Даже не помню, была ли на нашем пути Лаба. А вот переправу через Белую запомнил хорошо.

Когда мы подходили к довольно высокому и крутому берегу реки, на другой стороне шел бой. Переправа шла не так уж быстро, и нам пришлось ждать очереди. Было раннее утро. Перед нами развернулась необычайная по своей исключительности картина: где-то в глубокой дали ясно вырисовывалась огромная снеговая гора правильной конусообразной формы. Ее окружали другие — меньшие и уже без снега, казавшиеся карликами перед гордым белым красавцем. Это было так неожиданно и так красиво, что не хотелось расставаться с призраком! Однако пора было спускаться к переправе. Уже потом мы узнали, что до горы было чуть ли не двести верст и она бывает видна отсюда в очень редкие дни. Переправились на подводах.

Запомнился и выпавший на долю армии бой, вскоре после переправы, когда она пережила один из критических моментов своего существования. Хотя наше внимание и было сосредоточено на нашем маленьком участке, но сведения, доходившие с разных сторон, были одно тревожнее другого, так как передавали, что то чехословаки, то корниловцы, то еще кто-то — вынуждены отойти. В бой было введено буквально все, что могло держать оружие. Неприятель отовсюду. Обоз с ранеными еле прикрыт деревьями от взоров противника, но не от его снарядов и пуль, долетавших со всех сторон. Генерал Корнилов в чьем-то обществе долго был виден на высокой скирде соломы. Только к вечеру удалось корниловцам сбить главного противника и обратить его в бегство.

Непритупившаяся боль, вызванная смертью брата, ужасная смерть Попова и других все еще владели памятью и заволакивали собою все, и лишь сон брал свое и валил с ног. Оживила нас радостная весть: пришел разъезд от Кубанской армии. Генерал Корнилов пошел на соединение с кубанцами.

Пошли аулы; бедные, неудобные. Бои притихли. Шла армия и, накануне фактического соединения, — поплыла... Помнится «плаванье» и в других местах, когда мы шли по размолотому тысячами ног и сотнями подвод чернозему и помогали вытаскивать увязшую подводу или орудие. Не раз приходилось выручать руками свои собственные ноги, чтобы не лишиться сапог, но здесь было совсем другое.

Было раннее утро. Мы шли впереди, и земля не была размолота. Дождь, сначала несильный, скоро начал надоедливо хлестать и не оставил на теле ни одной сухой нитки. Одежда стала невероятно тяжелой. Останавливались на привалах, но сесть было не на что... вода! Так мы и плыли, подгоняемые пронизывающим ветром. Дождь прекратился. Появилась надежда, что вода частью сама стечет с одежды, а частью ее подсушит теплота собственного тела. Стало свежеть. Вскоре, совсем лениво, начал перепадать снежок и тотчас же таять и на земле, и на одежде. Еще похолодало, и снег уже повалил по-настоящему, покрывая землю сплошным белым саваном. Не таял он уже и на шинелях. Мы очутились в мокром одеянии, покрытом панцирем замерзшей шинели. Она коробилась, а ноги замерзли.

Было сравнительно светло, когда мы подошли к месту, где надо было переправляться — то ли через реку, то ли через бушевавший ручей. Незадолго до того мы пропустили вперед части генерала Маркова. Нам объявили, что переправляться мы будем после переправы других частей. Хотелось хоть немного тепла, чтобы отогреть совсем замерзшие ноги. Сунулись в хату, кажется единственную. Забита до отказа. Костры разводять запретили, так как в один костер угодил снаряд, наделавший много беды. Набрели поблизости на скотный загон с сараем, покрытым крышей. Думали зарыть ноги в глубокий навоз и хоть чуточку их отогреть. Однако и навоз уже замерз. Осталась последняя возможность — пританцовывать да притоптывать. Немного полегчало — ноги отошли и перестали коченеть.

За нашим занятием мы настолько отвлеклись от хода переправы, что уже не обращали на нее внимания. Даже удалявшаяся все дальше стрельба перестала интересовать. Переправа шла верхом на лошадях, а мы все ждали своей очереди. Переправились мы уже поздно и в полной темноте. Не могу даже вспомнить, переправлялись ли мы верхом на лошадях или на подводах. Вода спадала.

Оказалось, что большая часть наших переправилась раньше, и нас ждал квартирьер. Хата теплая. Нам рассказали о занятии станицы, когда красных вытаскивали чуть ли не из кроватей. Под колыбельную песню редких выстрелов где-то на окраине завалились мы спать. На следующее утро поднялись, забыв и думать о вчерашнем дне с его дождем, снегом и морозом. Не помню, чтобы кто-нибудь получил хотя бы насморк. Была беда и прошла.

Закончился маневр подхода к Екатеринодару. Мы соединились с Кубанской армией. Впереди — Екатеринодар; позади — сотни убитых и раненых.

На Кубани

В Ново-Дмитриевской задержались мы на целую неделю. Были и бои. Красные в первые дни стремились во что бы то ни стало выбить нас из станицы. Особенно настойчивой была их атака на мост, где волна за волной они напирала, кажется, на корниловцев, но в конце концов, понеся огромные потери, отошли. Говорили тогда, что все атакующие были пьяны. В одном из боев участвовали и мы, но больше отдыхали и приводили в порядок свою потрепанную одежду и обувь. Редкий орудийный огонь, тянувшийся целыми днями, мало беспокоил нас: снаряды рвались больше в центре станицы, но часто приходилось видеть, как они захлестывались на топком пустьре и не разрывались.

В результате произведенного реформирования все партизанские отряды были сведены в отдельный полк, куда были влиты и несколько кубанских сотен. Полк получил название — Пеший Партизанский полк. Командование полком было поручено генералу Казановичу. Первым батальоном, первой сотней которого мы стали, командовал капитан Курочкин.

Вообще же для нас отдых в станице Ново-Дмитриевской прошел довольно бесцветно и не оставил никаких ярких воспоминаний.

Уже по весенней распутице, снова меся грязь, вышли мы брать станицу Григорьевскую. Впереди нас шли корниловцы, которым и пришлось вынести всю тяжесть жестокого боя. На следующий же день мы получили задание взять станицу Смоленскую. По слякоти пролежавшей в большом лесу дороги шли мы недолго. Вскоре сквозь щель просеки, далеко впереди, показались крыши строений. Прошли лес. За опушкой его начиналась ровная широкая песчаная полоса, а за ней — река, вздувшаяся, вышедшая из обычных берегов. На противоположном, более

крутом берегу, вплотную к реке, — станица Смоленская. Людей не видно. Небольшой группой мы вышли из леса в поисках брода или какой-нибудь переправы. И 20 шагов не успели сделать к реке, как вся окраина станицы загремела ружейным огнем. Градом посыпались пули. Отскочили назад, но двое остались лежать: один двигался, другой, по-видимому, убит. Противника нигде не видно, но стоило чуть высунуться из-за дерева, как пули чуть ли не обжигали нос. За одну попытку выйти из-за укрытия поплатились многие. Стоявший рядом прапорщик Рязанцев то ли вздумал перескочить за другое дерево, то ли неудачно повернулся — и тотчас же упал мертвым. Благодарная память и по сей день сохранила мне образ одетого в черную бурку, скромного и храброго офицера. Мир праху его!

О переправе через реку не могло быть и речи: обстреливаемый, открытый подход, а за ним глубокая вода быстрой реки. Простояли мы здесь больше часа, пока не получили приказание двигаться вверх по течению, к уже занятому нашими мосту. В этом деле опять потеряли трех убитыми и немного больше ранеными. Таяла наша сотня. Все, что произошло потом, осталось в памяти как короткие, быстро сменявшиеся картины, а может быть — только обрывки их. Куда-то спешили по грязи и лужам; с какого-то пригорка наблюдали бой за станицу Георгие-Афипскую — как раз в тот момент, когда наш снаряд попал в один из вагонов состава со снарядами. Потом и мы заняли какой-то участок в этом бою. А потом опять шли куда-то ночью, месяа дорожную грязь, пока не очутились перед Кубанью.

В числе первых нас переправили на пароме на другую сторону, и мы пошли в станицу Елизаветинскую. В ней мы задержались недолго. Вкусно поели и едва успели отдохнуть, как получили приказание строиться. Вышли мы за станицу в направлении Екатеринодара и, когда показались вдали идущие нам навстречу цепи красных, развернулись и мы и пошли на сближение. Отстреливаясь, противник стал отходить. Без особого сопротивления продвинулись мы далеко вперед, не понеся больших потерь. Стало темнеть, когда нас отвели обратно в Елизаветинскую на ночевку. Наутро опять отправились на старые позиции, где встретили уже более упорное сопротивление усилившегося за ночь противника. Шаг за шагом мы все же продвигались вперед. Уже занята ферма. С немалыми потерями тесним красных все дальше — к Екатеринодару, пока ураганный огонь противника не заставил нас залечь. Здесь мы и провели ночь. Как выяснилось, полк понес большие потери, а главное — был убит наш доблестный командир батальона, достойный заместитель полковника Чернецова, капитан Курочкин. Скромный и храбрый, он вел и

учил нас своим примером. Имя его сохранит память всех, кто знал его, и никогда не потускнеет.

Переправа через Кубань закончилась только на третий день, и к нам подошли части генерала Маркова. Противник все усиливался, мы же выдыхались и таяли и были не в состоянии прорваться сквозь огонь, который всякий раз встречал нас и наносил большие потери. Наступавшая ночь тоже не сулила успеха: огонь противника не ослабевал. Выбить красных с закрытых позиций могла только артиллерия, но она не имела снарядов и почти молчала. В темноте не заметили, как оказались перемешанными с какой-то другой, подошедшей с тыла частью. Когда слегка приутих огонь, мне не удалось найти свою часть, и ни у кого нельзя было узнать, куда она делась. Остаться в чужой части не хотелось, и через некоторое время я отправился на ферму, в надежде узнать, где моя сотня. Но и на ферме никто не мог дать сведений о местонахождении генерала Казановича. Набрел я там на небольшую группу кубанцев; один из них взволнованно рассказывал, как он в канаве сцепился с красным вручную — кто кого задушит. Там же, помню, два господина в штатском пытались раздуть дымивший самовар. Помог им собственным сапогом, быстро превратив дым в огонь. Крупного тучного Родзянко я узнал по виденным раньше фотографиям, а второго, менее плотного, сразу вспомнил, когда через несколько дней впервые увидел своего Главнокомандующего генерала А.И. Деникина.

Мои тщетные попытки получить хоть какие-либо сведения о местонахождении моего батальона успехом не увенчались, и тогда я обратился к кому-то из начальников с просьбой направить меня в какую-нибудь часть. Направили меня к марковцам, почти по берегу Кубани. Нашелся и еще один, потерявший свою часть. Добраться на передовые позиции было нелегко: по улице посвистывали пули, и мы пробирались дворами, где все носило следы жестокого боя. В домах хаос. Деревянные постройки пропускали пули, и почти нельзя было встретить неразбитого стекла или зеркала. Чем дальше мы продвигались, тем опаснее было перебежать улицей в тех местах, где нельзя было пройти дворами. Осторожно двигались от укрытия к укрытию, пока не добрались, наконец, до расположения, кажется, 2-й роты. Заявили о нашем прикомандировании. Рота занимала группами отдельные дома, куда то и дело шлепались новые пули, довершая картину разрушения. Рота не вела больших атак, не пытались производить их и красные, встречавшие при вылазках дружный отпор. Здесь дошли до нас первые слухи о смерти генерала Корнилова. Эта весть настолько потрясла всех сознанием своей непоправимости и гранди-

озностью утраты, что все словно оцепенели. Высказывалось робкое предположение, что, может быть, убит полковник Корнилов²⁸¹, бывший ротмистром в отряде Чернецова и вышедший в поход начальником небольшого конного отряда. Но вскоре подтвердилось, что убит Главнокомандующий.

* * *

Наступил день. Настроение у большинства подавленное, растерянное. Все мы боимся заглянуть в ближайшее будущее. Нового Главнокомандующего мало кто знал. Вокруг его имени не было ореола генерала Корнилова.

Нелегкая задача выпала на долю генерал Деникина: увести остатки армии в такое место, где они могли бы отдохнуть, привести себя в порядок и по возможности пополниться. Морально надломленная, окруженная со всех сторон неприятелем, почти без боеприпасов — маленькая армия отступала туда, где она родилась и откуда пришла: на север. Надо отдать должное начальникам, сумевшим не только предотвратить появление затаенных микробов паники, но и вдохнуть веру в то, что мы не разбиты, не бежали и должны продолжать начатое два месяца тому назад дело; что мы — сила, которая заставит еще считаться с нею красных палачей России.

Отход от Екатеринодара, безусловно, был самым критическим моментом в жизни армии за все время похода, а первый переход — до колонии Гначбау — самым утомительным. Длинный переход для не выходявших из боя в течение пятидневных боев частей. Одна мысль сверлила мозг: как бы не уснуть где-либо на привале и не отстать. Но жива была слепая вера в спянную боями мощь армии.

Не помню, где я вновь присоединился к своей части. Сотню трудно было узнать: состав совсем маленький. Старых чернецовцев — не более трех десятков. От них узнал о дерзком рейде генерала Казановича с партизанами внутрь Екатеринодара. Атакой опрокинули красных, ворвались в город, бродили по нему в течение нескольких часов и вернулись сквозь красные цепи, да еще и привезли с собою подводу со снарядами. Стало так досадно, что не пришлось участвовать в столь необыкновенном походе отряда.

Из-под Екатеринодара мы ушли легко, но очутились в сети железных дорог, которыми всецело владели большевики. Наш огромный обоз, с нашими ранеными, не позволял перейти железнодорожное полотно в любом месте, а требовал наличия переезда. Остановились в немецкой колонии Гначбау — благоустроенном поселке, расположен-

ном вдоль единственной широкой улицы, тянущейся с востока на запад. Обоз расположился посередине улицы, мы — по домам. Раненых с подвод не снимали. С южной стороны виднелся далекий лес — а может быть, сады, откуда нас все время настойчиво обстреливали орудия. Отвечать нам было нечем, и противник нагел, поставив свои батареи на почти открытые позиции. Снаряды ложились и во дворах, и в обозе. Наши артиллеристы приводили в негодность ставшие ненужными за отсутствием снарядов орудия. Пошли слухи, что кто-то собирается покинуть армию, спастись в одиночку и т. д. Неужели конец? Нет!

К вечеру получили приказание. с наступлением темноты явиться в соседний двор в распоряжение начальника особой части, остающейся в Гначбау как прикрытие тыла уходящей армии. Своевременно явился куда следует. Собралось 30—35 человек — в большинстве кубанцы. Нам объявили, что мы остаемся на месте до тех пор, пока нас не снимут специальным распоряжением из уходящей армии. Расположили нас цепью на южной окраине, вдоль насыпи из соломы, прямо против занятых красными позиций. Где-то по сторонам были наши конные дозоры. Красные изредка постреливали — мы отвечали. Видимость все уменьшалась. Шум отходящей армии стих. Прекратилась и стрельба со стороны красных. Хотелось взором прорезать темноту — взглянуть, что творится у противника. Мы собирались по два, по три и делились мыслями и предположениями: куда ушла армия, где она теперь и что с нею? Судя по времени, она могла быть уже за 13—15 верст от нас. То, что мы видели и слышали днем, никак не располагало к оптимизму. Хотелось, уйти от самого себя, лишь бы не оставаться наедине со своими мыслями. Раз или два к нам во двор заглядывал всадник из дозора, принятый сперва за связь из армии.

Много прошло времени. Наша тревога все нарастала, а полная тишина ее усиливала. Внешне мы были спокойны: никто не высказывал панической мысли, никто не проронил ни слова о нашей обреченности, в которой никто не сомневался. Около 2 часов ночи пришло, наконец, приказание: сняться! Радостная весть: переезд через железную дорогу в наших руках! Был бой.

Быстро погрузились на подводы и так же быстро поехали. Сон, о котором совершенно забыли, сразу заявил о своих правах, а до этого даже дрема куда-то исчезла. Несмотря на тряску, только временами открываешь глаза. Но рань свежего ясного весеннего утра разогнала сон, а великолепие окружающей нас природы окончательно прогнало его.

Вправо от нас земля дымилась понизу непроницаемым туманом, поднимавшимся вверх и постепенно таявшим в лучах взошедшего солнца, и в уже освобожденное от него золотисто-розовое небо взвивались с земли тысячи и тысячи птиц. А солнце взбиралось все выше, рассеивая стлавшуюся над землей густую белесоватую пелену, откуда выносились стаи диких гусей и уток, звонким гомоном оглашавших воздух. Огромный стан крупной перелетной птицы. Словно другой мир. Сказка волшебного утра!

Было уже совсем светло, когда мы переезжали железную дорогу, и солнце в лицо встретило нас при въезде в станицу Дядьковскую. Здесь мы узнали о находчивости, дерзании и безумном героизме генерала Маркова и его сподвижников, воскресивших армию к новой жизни. Впереди неизвестность, но рассеялись сомнения, вернулась вера в командование и в самого себя. Вновь ощутил себя частицей крепкого, грозного целого. Не было уже генерала Корнилова, но он незримо шел впереди нас, вернее — в нас! Генерал А.И. Деникин сразу укрепил свой авторитет Главнокомандующего.

Не многое удержалось в памяти до самого конца похода. В станице, кажется, Успенской выходили мы раз в поле и рассыпались по соседству с другими частями. Дело ограничилось одним обстрелом; сколько-нибудь значительного боя не произошло. Закончился Первый Кубанский генерала Корнилова поход. Армия вышла из окружения. Перед ней встала новая тяжелая задача.

*М. Голубов*²⁸²

СИЛЬНЫЕ ДУХОМ²⁸³

Бой под Лежанкой показал, что мы крепки не только оружием, но и духом. Когда мы, не стреляя, шли на красных, они настолько были удивлены, что вместо того, чтобы стрелять в нас, бросая винтовки, толпой устремлялись назад, что давало нам возможность расстреливать их, как куропаток.

Помню, как я, отбившись от своего взвода, устремился на трех бородатых мужиков, бежавших из окопов. Несмотря на то что моя винтовка была на ремне, а у них винтовки были в руках и они могли бы меня очень легко обстрелять, они, оглядываясь в мою сторону, позорно бежали. Я остановился.

«Стрелять или нет? — подумал я. — Да кто знает, не были ли это насильно мобилизованные крестьяне?»

— Стреляй, Голубов! — кричал, догоняя меня, Герасимов²⁸⁴. — Чего смотришь?

— Да в кого стрелять? — рассмеявшись, ответил я. — Посмотри, как они улепетывают. Пули жалко, она еще пригодится.

Но он меня не слушал. Приложившись, он выпустил по ним по патрону. Один из бежавших схватился за бок и свалился с воем на землю. Другой же избежал своей смерти. Подойдя к раненому, мы спросили его, откуда он.

— Да чего спрашивать? Добивайте, и все! На то вы и офицеры, чтобы трудящийся народ уничтожать. Не разбили вас здесь, разобьют впереди. Нарветесь завтра на сорокинцев, они вам покажут...

Он не договорил... Пуля из нагана подьесаула прекратила дальнейшую брань по нашему адресу.

— Видишь: вот кого ты пожалел. Нет, брат, в гражданской войне пощады нет и быть не может. Попадем мы с тобой к таким в руки, так они с тебя, перед тем как уничтожить, снимут кожу. Знаю я их. Не впервые с такими гадами встречаться.

Появились у нас и первые раненые, правда, не серьезные, но все же об них надо было думать. Оставлять их в селе мы не могли, и часть нашего обоза с этого дня превратилась в походный лазарет. На одной из повозок я встретил хорошую знакомую по Новочеркаску — прапорщика Ниночку Бирюкову²⁸⁵. Пуля пробила ей ногу, но она не унывала.

— Не ранение, а пустячок. Хорошо, что кость не задета. Вот полежу денек-другой, и снова в строй!

Случайно же проходившая сестра Варя глазами показала, что нужно отойти.

— Нина, доктор приказал тебе не разговаривать. Идите, господа. Здесь вам не место. Боюсь, как бы не было гангрены у нее, — шепнула она нам. — В такое время загрязнить рану... Но что делать, мы не в операционной.

Предположение Веры не оправдалось. Через месяц с лишним я встретил Нину на ферме около Екатеринодара, впереди роты, быстро двигавшейся на город. Это был 1-й Офицерский полк генерала Маркова.

После Лежанки армия двинулась в направлении станицы Кореновской, где нас ждали уже подошедшие части дивизии Сорокина. Это уже были более активные бойцы, но, главное, их было чуть не в десять раз больше нас. Кроме того, и вооружены они были больше, чем мы.

Около станицы мы приняли неравный бой, ибо драться нам приходилось один на десять. Мы были окружены со всех сторон сорокинцами.

Положение становилось катастрофическим. Пришлось втянуть в бой все наши части. Дрались мы отчаянно, но все же нас было слишком мало, чтобы сломить наступающую на нас массу. На нашем фланге, которым командовал генерал А.П. Богаевский, было немало потерь, и силы наши таяли чуть ли не по минутам. Наш храбрейший генерал Казанович уже неоднократно просил генерала Богаевского о поддержке, на что тот только указывал на небо.

— Бывало и хуже, ваше превосходительство, в германскую, но умели как-то выходить из положения, на то у нас теперь весь мозг командования. Им виднее, когда нужна поддержка, — ответил он на четыре просьбы о присылке пополнения.

Но в это время наш фланг дрогнул... Мы готовы были отступить. Но куда, думал каждый из нас, когда со всех сторон лезут на нас сотни.

Видя это, генерал Богаевский решил обратиться к генералу Корнилову, который не замедлил прислать нам «поддержку» в количестве 10 пехотинцев и нескольких конных, но это, конечно, была только капля в бушующем море. Но и эта горсть была помощью, ибо она была сильна духом.

Красные теснили наши фланги со всех сторон, и положение становилось все опаснее, что, видимо, и учел сам генерал Богаевский, решивший обратиться снова к Верховному. На это последний с неудовольствием ответил, что сегодня он не узнает генерала Богаевского — ведь ему уже послана поддержка, и больше посылать нечего...

К вечеру сорокинцы, видя, что нас не сломить, начали медленно отходить. Наши воспользовались суматохой красных и на одном из флангов перешли в атаку, окончательно сломив врага. В это время корниловцы уже входили в станицу. Наши потери, по сравнению с красными, были 1 на 30, если не больше, но среди них было много раненых, требовавших серьезного ухода и покоя, что, к сожалению, армия предоставить им не могла. Оставление же не только раненых, но и убитых в боях там, откуда мы уходили, было Верховным очень строго запрещено, и часто за подводами с ранеными следовали подводы с убитыми. Вот за это Корнилов и был нашим кумиром — ему были дороги не только здоровые или раненые бойцы, но и убитые.

В Кореновской были похоронены павшие в бою под Лежанкой. И это, кажется, в первый раз в походе. На френче одного из убитых корниловцев я увидел университетский значек. Подойдя ближе и всматриваясь в лицо покойника, я узнал своего хорошего знакомого, с которым не раз встречался во времена «корниловского мятежа» в 1917 году — верного соратника (князя Урусова). Это был действительно рыцарь без страха. Боготворя имя генерала Корнилова и защищая его

в своих речах на солдатских митингах от нападков разнузданных, распропагандированных масс, этот витязь показал себя и на деле, отдав за идею генерала Корнилова свою светлую душу.

Настроение в станице было удручающее. Ходили слухи, что Кубанское правительство и сформированные отряды оставили Екатеринодар и ушли в неизвестном направлении. Многие этому не верили до тех пор, пока это известие не было подтверждено штабом Верховного.

Выйдя на другой день из Кореновской, мы свернули на станицу Усть-Лабинскую. Красные шли по нашим следам, медленно окружая нас со всех сторон, чтобы отрезать нам путь к Кубани. Шли ожесточенные бои с потерями: для нас и для красных — в несколько раз больше наших.

Наконец, преодолев тяжести боев, 6 марта мы взяли станицу и начали переправляться через Кубань. По переправе мы натолкнулись, как видно, на главные силы противника. Здесь для армии стал вопрос: быть или не быть?

В одном из боев положение наше стало настолько критическим, что в бой были брошены все наши резервы, вплоть до легко раненных. С подвод обоза сняли их обслуживающих, и как последний резерв, который, может быть, и решил исход боя — был сошедший со своего экипажа сам генерал М.В. Алексеев, пришедший в линию огня.

Я лежал, пристроившись за бугорком, недалеко от того места, где находился наш Верховный, и видел, как он, не волнуясь, отдавал приказания подбегавшим к нему ординарцам. Работал великий ум большого стратега. Правда, для него, водившего миллионную армию, поле действий было невелико, но, перейдя от большого к малому, он решил участь боя: красные были разбиты наголову. Правда, мы потеряли немало, но все же победили мы.

Где-то горели хутора. После кровавого боя собирались полки и подсчитывали потери. Но на душе у каждого одно — что же дальше?

Так ежедневно, имея перед собой противника и ведя с ним бои, мы шли все дальше вперед до тех пор, пока не вошли в предгорья за Кубанью.

В одном из боев я был ранен в руку и сильно контужен в ту же руку. Ранение было не так опасно, как контузия. Рука моя превратилась в плоть. Полковник Корвин-Круковский пристроил меня у себя до полного моего выздоровления, сказав, что о моем возвращении теперь в полк и думать нечего, так как с одной рукой не воюют. Пришлось подчиниться.

Погода до сего времени была нам благоприятная, но теперь вдруг изменилась. Говорят, что март изменяет, как неверная подруга.

Когда мы подходили к Калужской, шел снег и ударил мороз, правда вскоре прекратившийся. Но небо было покрыто черными тучами — значит, хорошей погоды было ждать нельзя.

В станице мы узнали, что наши передовые разъезды встретились с отрядом полковника Покровского. Это подняло настроение. Еще до этого мы по ночам, выходя из хат, слышали откуда-то доносящуюся глухую стрельбу орудий и видели вспышки, но кто мог думать, что это была Кубанская армия. Вскоре по занятии аула Шенджий состоялось свидание генерала Корнилова с полковником Покровским.

Простояв два дня в Калужской, мы следом за армией двинулись в станицу Ново-Дмитриевскую, которая надолго останется в моей памяти. Бывает так, что во время какой-либо войны один из боев особенно расценивается позже историей, хотя бы, например, Верден, который французская армия вписала в страницы своей славы. Вот такое же почетное место должна занять и эта станица в истории похода. Именно там произошел бой с противником и со стихией, в результате которого славная Добровольческая армия победила и одного и другую. Поэтому наш поход по праву и получил название Ледяного. Не так был страшен враг, как стихия. Пошедший сначала снег, а затем ударивший мороз превратили и людей, и лошадей, и всю окружающую природу в ледяные сосульки. Разлившиеся речки покрылись тонким льдом. Переходить их не было никакой возможности, так как ноги проваливались в холодную воду. Наступавшие из Калужской кубанские части вернулись обратно, не выдержав холода. Положение становилось критическим. Но исход боя решил Офицерский полк, который, несмотря на бешеную стрельбу красных, перейдя вброд реку по грудь, бросился в штыки. Красные не ожидали такого напора; кроме того, предполагая, что окунающиеся в воду офицеры все убиты, они, к своему ужасу, увидели этих ледяных витязей идущими на них. Нервы красных не выдержали, и они побежали, бросая все на своем пути. 16 марта станица была взята.

М. Голубов

ФИНЛЯНДЦЫ²⁸⁶

В полночь с 2-го на 3 марта (на хуторе Журавском) я был разбужен прибежавшим в нашу избу прапорщиком В.И., служившим в отряде полковника Краснянского в Партизанском полку.

— Ты чего? — спросил я его.

— Уходим.

— Ну и что ж, — отвечаю, — это не новость. За этим и пришел людей беспокоить?

— Да не за этим пришел. Прощаться с вами. Кто знает, может быть, больше и не увидимся. Говорят, на Выселки идем. Нашему полку приказано их взять.

— Как на Выселки? Да ведь они в наших руках вчера были!

— Были, да сплыли. Полковник Гершельман оставил их без боя и ушел. Вчера сам Тихон Петрович (Краснянский) на подводе в разведку ездил и чуть в лапы к красным не попал. Ну, я пошел. Прощай, Мишка. Передай привет полковнику.

— Прапорщик И.! — перебивает прибежавший юнкер Д. — Василий Иванович, скорее, скорее, наш взвод уже строится.

Оба быстро исчезают... Встаю и я. Сон нарушен. Натягиваю на себя мокрую шинель — выхожу на улицу. Тихое, холодное, предрассветное морозное утро. Вижу, как полусонные партизаны так родного еще недавно полка сумрачно шагают по дороге по направлению Выселок. Глядя на этих юношей — чудо-героев, невольно вспоминаю чьи-то правдивые слова: «Орлята взялись за винтовки, а где во времена те были орлы?»

Перекрестив уходящих, возвращаюсь в избу. Старые часы на стене показывают 2 часа 40 минут утра. Больше ложиться не пришлось. Пришел поручик Г.А. П., старший адъютант комендантского управления штаба, и приказал мне немедленно явиться перед «светлые очи» нашего Микадо, как мы прозвали коменданта, полковника А.В. Корвин-Круковского, которого мы, его подчиненные, боялись как огня за его грозный вид и крутой характер. Являюсь.

— Ты чего, еще спишь?

— Никак нет.

— Ну вот и отлично. А может быть, о поэзии думы думал?

— И не думал.

— Так какого же ты черта до сих пор не являешься? Может быть, я должен о вас беспокоиться? Где завтрак? И кто «хозяин собрания» — я или ты?

— Да когда же я должен был к вам явиться? Сейчас только три часа. А насчет завтрака — напрасно меня обижаете. Вашей хозяйке он еще вчера заказан был. Да вот и она...

В комнату вошла хозяйка с подносом, уставленным чашками с молоком и кусками хлеба, покрытыми тощими ломтями сала. Одно яйцо — для «Его Скородия», как сказала она под хохот самого полковника.

— Вот видите, господин полковник... — начал было я, но он меня перебивает:

— Ну... ну... довольно. Соловья баснями не кормят. Поэзию свою после разводить будешь. Собирай-ка, хозяйюшка, на стол. А ты, — обращается он ко мне, — заседлаешь своего Баяна, поедешь в штаб и получишь приказание, куда явиться для связи. Понятно?

Быстро проглотив кусок хлеба и выпив молоко, бегу исполнять приказание. А в то время к нам уже бежит связной из штаба.

— Господин поручик, доложите коменданту, что управление будет следовать в общем обозе. По занятии Выселок выслать квартирьеров к штабу армии.

Он бегом спешит обратно. Стало уже светать... Где-то слышна отдаленная стрельба... Возвращаюсь в избу. Докладываю приказание штаба.

— Господин полковник! Слышна стрельба.

— Хм-м! Стрельба, говоришь? А ты как думал, гулять пошли твои партизаны? Эх, Мишка, Мишка, толку из тебя никакого не будет. Писал бы лучше свои прозы да стихи где-нибудь на Капри или на Венере, чем воевать. «Стреляют»!. — передразнивает он меня. — Эх, ты... Поэт, так сказать... Г.Ал., — обращается он к поручику Покр., — прикажите подводчику быть готовым. В любую минуту можем выступить. Прапорщик П., вы явитесь в распоряжение полковника Г., начальника обоза. Ты, Мишка, впрочем, пока что останешься при мне. Поедешь потом квартирьером. Отведешь квартиру для генерала Деникина и для нас... Голова у меня что-то разболелась. Я прилягу на время. Если тебе, Мишка, не терпится, можешь поехать поблизости боя и узнать, какое положение на фронте. Да смотри на глаза генералу Корнилову не попадайся, как прошлый раз.

Этого я и ждал. Баяна своего я оставил на попечение подводчика, а сам что было духу пустился по направлению слышавшейся стрельбы. Долго ли я бежал — не помню. Стрельба шла с двух сторон...

Невдалеке от меня стоял курган. На нем группа военных. Наверное, начальство. Я не ошибся. Генерал Богаевский со штабом. Сзади кургана видны цепи одного из наших славных полков,двигающиеся под сильным пулеметным огнем красных вперед — в направлении Выселок. А еще вдали была видна конная группа с трехцветным флагом. То был наш кумир — Верховный генерал Л.Г. Корнилов со штабом.

Бой как будто шел с переменным успехом. Цепи сходились и расходились. Трудно было узнать, на чьей стороне был успех. Видно лишь было, судя по поминутно подскакивающим к генералу Богаевскому

связным от цепей, что нам трудно. Противник берет перевес своим количеством людей и большим запасом патронов ружейных и пулеметных. Видно было, как густые цепи красных наступали на залегших партизан... Как солнце било в глаза, затрудняя партизанам брать прицел. Красные же расстреливали их на выбор. И все это происходит на открытом поле. Слышно, как красный пулемет осыпает пулями наших героев.

«Неужели гибель? — думаю. — Господи! Помоги!» — молюсь я.

И вот, в самый критический момент случилось чудо. Подоспел наш неустрашимый Роман Лазарев со своим отрядом. Не выдерживаю и я. Присоединяюсь к отряду. Меня замечают.

— Ми-и-ишш-ка! — кричат со всех сторон. — Откуда? Снова к нам? А рука?.. Господин есаул! Мишка...

За стрельбой ничего не слышно. Попадаю на левый фланг отряда. Успех как будто уже на нашей стороне. Красные бегут. Слышен уже зычный голос есаула Романа Лазарева:

— Пошли, пошли, орлы! Круши! Не давай пощады...

Мы уже у Выселок. Вслед за нами и другие части бросились в атаку. Боль от раненой руки заставляет меня остановиться. Сзади меня бежавший юнкер Н., крикнув: «Ах!», хватаясь за ногу, валится на землю. Спешу к нему.

— Ранен? — спрашиваю.

— Да, как видите, нога перебита.

Судя по ране, видно, ранен разрывной пулей. Разрываю на нем рубашку, кое-как перевязываю рану. Он стонет. Поблизости ничего нет.

— Знаете что... — предлагаю я, — можете — ползком? Мы уже почти у хутора. Что? Попробуйте встать... Ну, тогда приспособим вашу винтовку как костыль...левой рукой обнимите меня и... ну... одним словом: «С боя два партизана... с жаркого боя брели... и вместе, душой радуясь боя исходу, — до Выселок быстро дошли»... Вы, по случаю, не из певцов? — шучу, чтобы его подбодрить.

Измучился я с ним изрядно. Идти было тяжело. Юнкер страдал от боли. Да и мне было не слаще. Наконец, подошли к селу. Впереди нас — большие кустарники в рост человека. Стрельба была еще слышна, но очень редкая. Недалеко от кустов мы нашли дорогу. Присели. Я полез в карман за табаком, и вдруг... Вижу — из кустов, с винтовкой в руках, вылезает громадная фигура и движется, озираясь по сторонам, на нас.

Не теряюсь. Вынимаю револьвер. Кричу: «Стой!» Он, услышав мой окрик, хотел бежать обратно в кусты, но раздумывает и оста-

навливается на месте. Оставляю юнкера и иду к нему. Не доходя, приказываю:

— Бросай винтовку!

Фигура кладет винтовку на землю и стоит понутив голову.

— Ты что — мобилизованный или красногвардеец? — спрашиваю его.

— Что, не видите, что ль, что не по своей воле пошел. Вчера, услышав о том, что вы идете на Выселки, мобилизовали и стара, и млада. Не пойдешь — пристрелят. Что ж, вышли! А стрелять не стреляли. Посмотрите — все патроны целы в обойме. А если не верите, спросите вот Петра... — указывая по направлению кустов, говорит он. — Петро! Вылезай! Не бойся! Их благородия здесь.

На его зов вылезает из кустов другая «фигура».

— Точно, точно, ваше благородие, Иван вам говорил, — кладя на землю винтовку, говорит Петр. — Каюк, значит Наголову ваши красных разбили. Туда им и дорога. Жаль вот только — наших невинных полегло много.

— Ну, если так, — перебиваю его, — берите вон того раненого юнкера и осторожно ведите в селение.

Где-то недалеко послышался скрип телеги.

— А ну, Петро, беги узнай, что за подвода, может быть, наша. Скажи тогда, чтоб сюда двигала. Раненый, мол. Да смотри не убеги, не то найду — потом в ответе будешь!

— Да что вы, ваше благородие, что мы — душегубы, что ль, вроде этих самых антихристов красных? Мы старые финляндцы²⁸⁷, ваше благородие, да железные стрелки²⁸⁸ вдобавок!

— Финляндцы? — чуть не крикнул я. — Ну, тогда, Петро, бегом! Верю. А ты, Иван?

— А то ж, ваше благородие, я тоже финляндец!

— Ну, тогда будем говорить иначе с тобой. Вот как только явится Петро, устроим раненого на подводу — и к тебе в гости. Примешь?

— А чего и нет, ваше благородие? Места хватит не только для вас, но и для других. Да вот только семейство у меня большое. Шестеро ребят да жена с тещей. Вам же, как спасителю моей вот жизни, особый прием будет. Другой бы на вашем месте пулю пустил в меня, а вы вот совсем другой человек. Век о вас молиться буду.

— Ну тогда, Иван, я к тебе другого гостя приведу. Постарше меня и познатнее. Более рад будешь. А кого — после узнаешь.

Вернулся Петр в сопровождении какого-то прапорщика и подвочика. Мы быстро, в пять пар рук, перенесли раненого юнкера на подводу и вернулись на старое место.

— Ну вот что, ребята. С Иваном мы уже сговорились — теперь с тобой, Петро. Место у тебя найдется?

— А почему нет? Места хватит, — отвечает за него Иван. — Самый богатый у нас был.

— Тогда мы к тебе, Петро, самого генерала Деникина со штабом поселим.

— Генерала Деникина? — закричал Петр. — Да ведь это мой начальник дивизии был! Я до Стохода в Финляндском служил. Легко ранен был. Затем в Железную попал — так в ней до конца войны и прослужил. А генерала-то самого не раз видел.

— Ну, тогда беги. Приготовляй квартиру. Затем быстро на площадь. Кричи: где комендантское управление? — там найдешь и меня. Подпоручика, мол, Г. хочу видеть. Понятно? Тогда с Богом. Ну, Иван, теперь для тебя новость. Постояльцы-то, о которых я тебе буду говорить сейчас, — это мы, то есть комендантское управление, во главе с самим японским полковником. Имей в виду, что он у нас человек серьезный. Шутить не любит. Так что... сам понимаешь. Съесть не съест, но и не помилует. На то он и японец. Любит, чтобы приняли как следует. И то, и это, и се... И главное — спать бы где получше было. Понятно? Да пойми одно. Иностранец. Почет и уважение любит. Домой вернется — рассказывать будет, как его Петро принимал. Гляди чего — японский император тебе медаль за усердие пришлет.

— Да уж будьте покойны. В грязь лицом не ударим, ваше благородие. Вы вот про японца говорили. А у нас в Финляндском полку тоже командир на японца похож был. Его так и звали, как по-японски: Корви-Круки... ну, одним словом — японец, а на деле самый настоящий русак. А уж герой был! Георгия имел.

— А теперь бы ты его узнал? — спрашиваю Ивана.

— Да как не узнать? Два года в полку с ним прослужил. И генерал Деникина видел не раз на фронте. Вот и теперь соседями с ним будем. Петро ведь мой сосед.

— Тем лучше, — говорю я. — Ну, с Богом, Иван. Катай, брат, домой. Гляди чего — хозяйка беспокоится за твою жизнь. Приготовляй помещение, и тоже, как Петро, на площадь. Я вас обоих буду там дожидаться.

— Счастливо оставаться, ваше благородие. По этой вот дороге и идите. Она на площадь ведет.

— Да вот еще что, — кричу ему вдогонку. — Налепите на двери ваших домов, что занято штабом командующего. На одном — генерал Деникин, на другом — комендантское управление.

Я остался один. В мыслях моих вертелось — как я буду выкручиваться перед комендантом за свое отсутствие. С ним шутки были плохи.

Мысли мои прервала задорная песня: «Марш вперед, Россия ждет, Романа партизаны...» Я вскочил с земли и бегом направился по направлению песни. Это были наши лазаревцы, мои боевые друзья.

— Мишка! Откуда? Куда ты смылся с поля битвы? Господин есаул! Подпоручик М.Г.! — кричат партизаны, держа меня в объятиях.

Подходит и сам войсковой старшина Ер. Расспрашивает:

— Ты как здесь очутился? Откуда у тебя винтовки? Куда ты смылся, когда мы в атаку пошли? — задают мне вопросы со всех сторон.

Рассказываю. Получаю одобрение со стороны начальства и друзей. От них же узнал, что победа нам стоила дорого. Убит доблестный есаул Власов — кумир молодежи. Тяжело ранен полковник Т.П. Краснянский. Убито около 33 партизан — большинство кадет. Немало и раненых. Ведь чернецовцы и краснянцы два раза врываются в самые Выселки, но под напором красных вынуждены были отступить.

— Ну а вы куда теперь? — спрашиваю.

— Кто знает? Говорят, вернемся обратно на хутор Журавский.

Распрощавшись с друзьями, я пошел разыскивать свое управление. От одного раненого корниловца узнал, что все обозы на площади. Без труда нашел нашу подводу. Около нее стоял мой привязанный Баян. Увидев меня, он радостно заржал.

— Баян, мой верный Баян! Ты, как человек, чувствуешь радость встречи любимого... Вижу и чувствую твою радость... — шепчу я, прижавшись губами к его ушам. Из глаз льются невольные слезы.

И вдруг на мое плечо ложится чья-то рука. Оборачиваюсь. Поручик Покр., наш старший адъютант.

— Это еще что за изливание в любви? Где ты пропадал? Ну и влетит тебе, брат, от полковника! За время боя штаб требовал от нас ординарцев. А откуда мы их возьмем? Все в разгоне, кроме одного «дезертира» Мишки, хозяина собрания... благодаря которому мы чуть с голоду недохнем. Хоть бы полковника пожалел! Не понимаю, за что он тебя любит и вместо того, чтобы уши драть, по головке гладит. «Мишка у нас герой, Мишка у нас организатор!» Тьфу! Тьфу! Ничтожество наш Мишка. Поэт. Одним словом — писатель, бумаги мара-тель.

— Я вон там две трофейные винтовки принес, — перебиваю его. — Раненого юнкера с поля боя вывел. Квартиры для нас заказал. Кроме того, и сюрприз для Алексея Владимировича. Вот вам и ничтожество,

господин поручик! Так-то вот. Надеюсь, после благодарить меня будете. Вот вы меня ничтожеством величаете. А не будь этого ничтожества, сидели бы вы все сегодня голодными.

— Ну, ну, хорошо, хорошо. Понес свое — я да я... Ну, сказал, сказал. Не заставлял же я тебя верить тому, что говорил. Я, брат, не ты, то есть вы — поэты да писатели. Вы больше фантазии в ваших писаниях разводите, чем действительности. Иной раз даже слезу подпустите для вескости. Ничего, мол, сбрехнем — читатель, особенно сентиментальный, поверит. Этим вот трюком вы даете, как будто бы право вам верить, ну а...

— Что за разговоры? С кем это ты, Георгий Александрович? — не дав ему досказать, перебивает подъехавший полковник К.-К.²⁸⁹ — наш Микадо.

— Да вот с нашим сегодня прославившимся героем, подпоручиком М.А. Г.

— Что?! Расстрелять! Повесить! Никаких объяснений! Это еще что за безобразие! Штаб людей требует, а он разгуливает!

— Господин полковник! Да вы мне сами...

— Что я сам? Да я тебя... Где квартиры? Что, хочешь меня осрамить перед генералом Деникиным? Вон! Вон с глаз моих. .

Выручил меня громкий голос бегущего в нашу сторону человека:

— Где здесь, господа хорошие, комендант будет?

— Сюда, сюда! — кричу я. — Иван! Ты?

— Я! Я, ваше благородие! Так что разрешите доложить: все в порядке. Квартира для их высокоблагородия и для вас готова. Для его превосходительства генерала Деникина также. Милости просим.

— Это еще кто? — кричит полковник К.-К. — Кто ты?

— Да вот их благородие вам объяснят, как это самое случилось. Разрешите спросить — вы комендант самый будете? — с испутом спрашивает Иван.

— Я. А что?

— Да вот что ..

Я начинаю вкратце рассказывать обо всем. Выслушав меня, полковник спрашивает Ивана:

— Это было так?

— Так точно, ваше высокоблагородие. Но одно недосказал его благородие. Он нам с Петром говорил, что вы из японцев будете, а вот по-нашему говорите лучше, чем мы, русские. Вот у нас в полку тоже командир был по виду — японец. Ни дать ни взять. А на деле — самый настоящий русский. А герой был — пером не спишешь. Георгия имел.

— А какого ты полка? — перебивает полковник. — Полков-то у нас много в армии было...

— Да, оно это точно, ваше высокоблагородие. Но лучше нашего Финляндского не было.

— Ну хорошо. А ты бы узнал теперь своего командира — японца-то этого, а?

— Эх, ваше высокоблагородие! Да его и узнавать не надо. Он сам вот перед нами — живой и невредимый. Даже имя и отчество не забыл: Ляксе́й, а по батюшке Владимич. А вот фамилия-то, прости Господи, не по языку моему. Не то Коровин, не то Круковин.

— Точно! — подтверждает полковник. — Здорово, молодец!

— Здравия желаю, ваше высокоблагородие!

Полковник слезает с коня, подходит к Ивану, троекратно целует его и обращается ко мне:

— Расстрел отменяю. Но наказание нет. С этого дня — от меня ни на шаг! — добавляет он, чуть не крича. — А с генералом Деникиным как? — спрашивает он.

— Не беспокойтесь, ваше высокоблагородие, и с ним все в порядке. У своего старого солдата стоять их превосходительство будут. Петр-то, их хозяин, из Железной дивизии его превосходительства будет.

Не прошло и нескольких минут, как и Петр нашел нас. Мы с ним, оставив наших — полковника и управление, — пошли разыскивать генерала А.И. Деникина. Нашли мы его быстро. Еще издали я увидел конную группу. Среди нее, на рослом коне, с Георгием на шее, в штатском пальто, генерал Деникин. Подбегаю. Докладываю.

— Стоять будете вот у него, — показываю на Петра.

— Ты что, из местных жителей? — спрашивает генерал.

— Так точно, ваше превосходительство. Милости прошу пожаловать. Большую честь окажете старому солдату вашей геройской Железной дивизии.

— Как? Так ты из моей дивизии?

— Так точно, ваше превосходительство. Сам-то я Финляндского полка, но после ранения, когда на Стоходе бои шли, к вам в дивизию попал. В ней и до конца войны прослужил.

— Так, так. Ну, это мне приятно. Коли так, поедем к своему сослуживцу. Далек дом-то твой?

— Рукой подать, ваше превосходительство.

По дороге до самого дома Петра генерал вел разговор — больше о своей славной дивизии, выставляя себя самым скромным участником. А ведь на деле он и сам знал, что ошибается. Имя этого «скромного» славного героя будет записано золотыми буквами на скрижа-

лях истории Великой и Гражданской войн. У дома Петра мы распрощались.

— Вон там у колодца — дом Ивана, ваше благородие. Прощайте пока. Найду свободную минуту — найду нашего командира повидать.

Всех своих сослуживцев, во главе с полковником К.-К., я застал уже за столом, уставленным разными яствами и напитками собственного производства, на которые больше всех налегал наш милейший адъютант поручик Пок. Встретили меня возгласами:

— Добро пожаловать, наш герой и незаменимый администратор. Мишка, иди, я тебя расцелую. Слово «ничтожество» беру назад.

Меня усадили рядом с хозяйкой дома, симпатичной, лет сорока, но еще сохранившей свою красоту женщиной. Она с места начала меня потчевать то тем, то другим, так что я вскоре осовел от еды и выпитой «малиновки». Благодарности ее мне за спасение мужа не было конца.

Пир наш затянулся до поздней ночи. В комнате уже оказалось восемь финляндцев. Все они знали полковника К.-К., их командира. Радости встречи с ним не было конца. Зашел «на минутку» и Петр. А засиделся до конца. На радости бегал домой за «последней», как он говорил, «косушечкой», конца которой не было. Но конец все-таки наступил.

— Ну, — встав, сказал полковник, — дорогие хозяева и родные финляндцы! Спасибо за прием и ласку. Утешили вы меня, старого вояку и вашего командира. Видите, как все случается в жизни... Гора с горой... — как говорится у нас, — а человек с человеком... Но, кто знает, может быть, эта счастливая встреча будет последней. Не все солдаты похожи на вас. Есть и другие, которые забыли и присягу, и честь, и совесть. И сегодня, как видите, ведут с нами войну. А за что? Неужели за то, что мы, ваши бывшие начальники, водившие вас к победам и к славе русского оружия, делившие с вами все тягости и лишения, вдруг оказались вашими врагами? Нет, братцы, это не так. Революцию навязали не мы, рядовые офицеры, а кто-то свыше. Мы же вот должны за это платить своей жизнью. Офицерство никогда не было врагом солдата. Наоборот, оно было их другом. Примером может служить то, что случилось несколько часов тому назад с Иваном и Петром и о чем вы слышали сегодня из их уст. А ведь вам твердили, наверно, красные вожди, что «белые» — звери. Правда, есть и у нас, так сказать, «герои», не разбирающие, виноват ты или нет, — пулю в лоб, и конец. Но это исключение... Что вам еще на прощанье сказать? Будьте хранимы Богом. Не поддавайтесь злостной лжи и

пропаганде красной коммуны. Счастья русскому народу она не принесет. Наоборот, закабалит его еще сильнее, чем было во времена крепостного права. Так-то вот. Еще раз спасибо за хлеб-соль. Пора и на покой. И вам, господа, спать пора. Вон наш Костя (прапорщик Пот.) носом клюет. Наездился сегодня. Мишка, наш герой, почти спит. Лишь один поручик Покр. от бутылки никак оторваться не может. Спокойной ночи. Капитан Дуб., вы пойдете со мной.

В сопровождении Ивана, Петра и капитана Дуб. полковник, сердечно распрощавшись с финляндцами и нами, вышел из комнаты. С уходом полковника стало веселей. К нашей компании присоединились «случайно, на огонек, разыскивая свои части» — два кадета и два молодых прапорщика. «Финляндцы» принесли еще две бутылки водки. От нее вскоре не осталось и следа. Долго мы еще сидели. Почти до первых петухов.

Не хотелось верить, что шла война не на жизнь, а на смерть. Жестокая битва за честь и славу распятой России. Не верилось и в то, что, может быть, через несколько часов, а может быть, и минут — снова в бой или поход в неизвестность. Утешало нас лишь то, что с нами великий вождь — Верховный генерал А.Г. Корнилов, легендарные генерал Деникин, генерал Марков, генерал Богаевский. Им мы глубоко верили. И вера в них — в их идею — осталась у нас, тогда еще юношей, до конца Гражданской войны. Идея их жива в наших сердцах и поныне.

*С. Сыроватка*²⁹⁰

ИЗ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО²⁹¹

В калейдоскопе моих полузабытых воспоминаний о годах Гражданской войны — в особенности о 1-м и 2-м походах — я нахожу целый ряд эпизодов, которые волнуют меня до сих пор. Об одном из них я и хочу рассказать.

Потерпев поражение под Екатеринодаром (в последних днях марта 1918 года) и лишившись своего вождя генерала Корнилова, павшего смертью храбрых, остатки Добрармии, уходя снова на Дон, вошли в немецкую колонию Гначбау. Численный состав армии был уменьшен почти наполовину, обоз же значительно пополнился за счет раненых в последних боях.

Часть раненых и больных были укрыты от огня противника по домам и хозяйственным постройкам, остальные были под открытым небом на своих повозках, расположившись по дворам и на улице (до-

роге), кажется, единственной, пересекающей колонку; воинские же части, находясь в резерве, уставшие до крайности от физической и душевной напряженности, устраивались для отдыха на голой земле, где только представлялась для этого возможность. Красные части преследовали нашу отступающую армию по пятам и, окружая колонку, обстреливали ее артиллерийским огнем.

Были поздние сумерки, надвигалась теплая южная ночь, и я, лежа на спине, смотрел на небесный свод, где мигали приветливо появляющиеся и как будто бы исчезающие, обнадеживающие и манящие к себе звездочки, но отяжелевшие веки влекли меня в объятия Морфея. И в это время раздался чей-то властный, повелительный возглас:

— Партизаны, ко мне!

Схватываюсь и бегу в темноту, в сторону, откуда слышна была команда. Со всех сторон, кто бегом, а кто и едва влача отяжелевшие ноги, как призраки, спешили уставшие бойцы на сборное место. Кто-то объяснил предстоящее дело, коротко и ясно. Заклучалось же оно в том, что наша группа (50—60 человек) будет выведена на окраину колонки, рассыпана в цепь и, не наступая и не открывая огня, должна кричать погромче «Ура!». Многие из нас имели всего лишь по 5—10 патронов.

Не успели мы занять указанный нам участок, как с левого фланга уже послышалось отдельное, затем сливающееся и усиливающееся по мере продвижения по цепи мощное «Ура!». Мы выкрикивали это, во многих случаях спасительное для нас слово до хрипоты, куда-то в темноту, не видя противника, пока не была подана команда отойти в колонку.

Позже мы узнали, что тогда, в ту ночь, решалась опять (в который раз?!) судьба нашей армии на других участках, и наша демонстрация в какой-то мере способствовала общему успеху.

Тогда случай, о котором я говорю, казался мне очередной необходимостью в боевой обстановке, когда надо было еще раз напрячь свои последние силы, но в то же время, несмотря на угрожающее для нас положение, было другое, казалось, не менее важное, непреодолимое желание, а именно — покоя, сна, которых так часто недоставало каждому из нас. Теперь события полувековой давности в большинстве случаев выпали из памяти, и сохранились лишь отдельные фрагменты, оставившие неизгладимое впечатление на всю жизнь.

Говорят, что время сглаживает остроту впечатлений. Есть в этом большая доля правды, но в данном случае (как и в некоторых других) я не могу этого сказать. Думаю, что многие первопоходники согласятся со мной. Если на помощь истекающей кровью армии (в

3—3,5 тысячи человек) требуются голосовые связки 50—60 человек, подкрепленные 5—10 патронами на бойца, которых недостаточно даже для «жидкой» перестрелки, то, по-видимому, наша демонстрация имела совершенно другое значение и смысл, чем многие другие в прошлых войнах и походах. Я знаю, что судьба нашей армии во время 1-го похода не раз была в критическом положении, но, сильная духом и верой в своего вождя, она зализывала свои раны и снова наносила удары своему жестокому и ненавистному врагу.

Но в немецкой колонке мы очутились в исключительно тяжелом, казалось, безвыходном и безнадежном положении, будучи заперты в маленьком населенном пункте, без артиллерии и при весьма ограниченном количестве патронов и, что не менее важно, без любимого вождя. И именно здесь, у последней черты, казалось, будет спета наша лебединая песня. Поэтому у нас, первопоходников, пока мы живы, никакая дистанция во времени не сгладит такие эпизоды, пережитые нами. Слишком много крови было пролито нами и слишком много страданий выпало на нашу долю в те памятные для нас времена.

Mortuos plango — «оплакиваю мертвых». *Vivos voco* — «призываю живых!» (помнить о павших соратниках и о многострадальной нашей Родине).

Раздел 5

К. Николаев²⁹²

ПЕРВЫЙ КУБАНСКИЙ ПОХОД²⁹³

...Корнилов. Велико было обаяние этого имени. За ним шли на смерть люди часто совершенно противоположных политических взглядов и убеждений. Быть может, сила его имени таилась в том, что Корнилов не был ни монархистом, ни республиканцем. Он был сыном своей родины, ее фанатично любившим. Стальная воля и энергия. Стержень армии. «Все ваши мысли, чувства и силы отдайте родине — многогрядальной России, — говорил он. — Истинный сын народа русского всегда погибает на своем посту и несет в жертву родине лучшее, что он имеет, — свою жизнь».

Политики в армии не было. «Будь ты левый, будь ты правый, но, если ты за спасение России, — ты с нами», — говорили в армии.

В Корнилове зрели: монархист — смерть свободы революционной; республиканец в тех же красно-черных корниловцах видел землю и волю. Офицер видел в вожде бывшего Верховного Главнокомандующего, солдат — фронтового командира; текинец — полубога, прапорщик из сельских учителей — борца за благо народа, интеллигент — государственного человека. Вот почему и сверкнул Корниловский поход блеском удивительных подвигов, потому и гремел Преображенский марш на площадях Курска и Орла.

14-го, только что произведенный Кубанской Радой в генерал-майоры, Покровский выехал в аул Шенджий на свидание с генералом Корниловым. 15 марта Корнилов двинулся на станицу Ново-Дмитриевскую. Кубанцы должны были наступать на ту же станицу из Калужской. Этот поход, собственно, и явился наиболее тяжким в смысле борьбы с природой. Он-то и заслужил название Ледяного.

С утра хлынул дождь, скоро перешедший в снег. Ударил мороз, и все покрылось ледяной корой. Ноги выше щиколотки проваливались

в холодную воду, смешанную с липкой кубанской грязью. Подсумки, затворы, замки пулеметов — все это замерзло, покрылось льдом и перестало действовать.

Около полудня Покровский неожиданно повернул назад, и к вечеру кубанцы вернулись в Калужскую, что очень разгневало генерала Корнилова. В то же время Офицерский полк подошел к реке у станицы Ново-Дмитриевской. Люди без выстрела погрузились в ледяную воду. Генерал Марков сказал свое, ставшее впоследствии очень популярным слово: «Сыровато!» Слыша команду красных, офицеры при залпах ныряли в воду между льдинами, но, добравшись до берега, бросились в штyki. Станица была взята, и 17 марта в ней, под артиллерийским обстрелом отошедших красных, состоялось совещание и соглашение командования Добровольческой армии с Кубанским правительством. Части получили короткий отдых, прерываемый лишь экспедициями для боев в окрестные станицы Георгиевскую и Смоленскую. Вскоре Кубанский отряд перешел в Ново-Дмитриевскую, где и был включен в 1-ю бригаду генерала Маркова. Части Кубанского отряда и Добровольческой армии были переформированы и слиты вместе в две бригады.

Вскоре армия двинулась на станицу Георгие-Афипскую. 1-я бригада шла непосредственно на железнодорожную станцию Афипскую, а 2-я бригада генерала Богаевского шла левее, чтобы атаковать ту же станицу с фланга. На рассвете отряд был встречён у станицы огнем нескольких бронепоездов красных, но несколькими выстрелами батареи полковника Миончинского — любимца Корнилова — бронепоезда были подбиты или обращены в бегство.

Афипская была взята ценой значительных потерь. Отсюда генерал Корнилов выслал отряд, неожиданно захвативший переправу через реку Кубань у аула Панахес, где при помощи парома армия стала переходить в станицу Елизаветинскую, где добровольцев встретили приветливо, выставив даже сотню казаков-добровольцев.

Настала полная весна с разливом горных рек и даже жаркими днями. Начался бой под Екатеринодаром, длившийся с 27-го по 31 марта. Наши части наткнулись на упорное сопротивление. Позже было документально установлено, что против 5000 добровольцев большевики стянули к городу до 50 000 бойцов.

30 марта генерал Казанович с партизанским полком ворвался на Сенную площадь города, но, будучи окружен сильнейшим врагом, ночью отошел, оставив на память о себе расписку в книге дежурного по караулам гарнизона города на местной красной гауптвахте.

Добровольческая армия в это время уже истекала кровью в неравном бою. Был убит командир Корниловского полка полковник Нежен-

цев, ранены генерал Казанович, полковники Писарев и Улагай. Части потеряли до 50 процентов.

На другой день, 31 марта, генерал Корнилов снова решил штурмовать город, но был убит случайной гранатой, попавшей в ферму Кубанского экономического общества, где стоял штаб генерала. Эта смерть произвела на всех ужасное действие. Многие считали, что со смертью вождя армия погибла. Но в командование армией вступил генерал А.И. Деникин. Решено было уйти в горы, и лишь позже, получив известия о восстаниях на Дону, генерал Деникин решил повернуть на Дон.

В колонии Гначбау ночью похоронили тело павшего вождя в саду одного из колонистов. Но тайну его погребения сохранить не удалось, и вскоре красные откопали дорожную могилу. Найдя тело полковника Неженцева, положенное над телом генерала Корнилова, они продолжали штыками нащупывать дно могилы и нашли тело Корнилова... После издевательств на улицах Екатеринодара тело Лавра Георгиевича было сожжено, и прах развеян по ветру...

В ночь на 3 апреля армия переходила железную дорогу у станицы Медведовской. Вообще у нас тогда говорили, что разница тактики нашей и большевистской состояла в том, что мы ходили поперек железных дорог, а большевики — вдоль; всякий переход железнодорожного полотна для нас был сопряжен с риском наткнуться на бронепоезда врага, что при нашей слабости было очень опасно.

Генерал Марков, войдя в сторожку железнодорожного сторожа, вызвал по телефону с соседней станций какого-то из большевистских главковерхов и попросил его прислать бронепоезд, так как «кадеты подходят к переезду». Выстрелом из орудия в колеса паровоза бронепоезд был остановлен. Генерал Марков бросил гранату в паровоз, а добровольцы открыли огонь по вагонам. Бронепоезд был взят. Добровольцы захватили вагон артиллерийских снарядов и патронов, столь нам нужных...

Армия уходила на Дон. Мы двигались на подводах по 70—80 верст в сутки, удивляя большевиков неожиданностью своего появления. Однако в это время армия фактически от потерь почти растаяла. Она представляла собой бесконечный обоз раненых, охраняемый маленькими группами еще здоровых бойцов, также едущих на подводах.

Весна стояла в полном разгаре. Кубанская степь благоухала ковром цветов. Сады станиц стояли словно в снегу, а по ночам лягушачий хор мешал спать. Промелькнули хутора Журавские, станицы Бейсугская, Ильинская, Успенская, где армия имела 4-дневный отдых. Бои повторялись ежедневно, ибо мы двигались все время в полном окружении врага.

16 апреля вновь вступили в Ставропольскую губернию: Армию встретили огнем. Особенно упорной оказалась та же Лежанка, которую снова пришлось брать с большими потерями для врага.

В ночь на 23 апреля, в Страстную субботу, подходили к станице Егорлыкской. Была тихая пасхальная ночь, и только далекие зарева пожаров напоминали о людской вражде, не прекращавшейся даже в эту святую ночь. Ровно в полночь обоз вошел в станицу. Навстречу измученным добровольцам открылись двери храма, и в сиянии свечей оттуда неся гимн воскресения. Казаюсь, что мы славим воскресение всей России, освобождающейся от большевистской смерти...

Армия пришла на Дон, который начал сбрасывать с себя красную нечисть. Новочеркасск и Ростов были освобождены донскими казаками, вернувшимися из Степного похода, и отрядом полковника Дроздовского, пришедшего из Румынии. Добровольческая армия взяла с боем станции Сосыку, Крыловскую и др. Закончился Первый поход боем у разъезда Процального. Армия стала на занятом ею плацдарме в Мечетинской, а обоз с ранеными ушел в Новочеркасск.

Каковы же итоги содеянного? 81 день похода, из них 45 дней в боях. 1050 верст пути. Выступили в количестве 3000, вернулись, пополненные кубанцами, в количестве 5000, оставив в степях могилы 400 убитых и вывезя 1500 раненых. С нами шли два Верховных Главнокомандующих, главнокомандующий фронтом, начальники высоких штабов, командиры корпусов, председатель и члены Государственной Думы, видные общественные деятели и журналисты.

Были проявлены подвиги беззаветной храбрости и самопожертвования. Мы не станем описывать отдельные случаи героизма, ибо их было очень много, и не в них значение похода. Были подвиги выше содеянных в походе, были лишения тяжелее наших, но никогда не было проявлено столько любви к родине и самопожертвования во имя ее, сколько проявили ушедшие в степь за родиной.

И надо признать, что первых добровольцев по их тернистому пути двигала путеводная звезда, озарявшая конечную цель — Родину, та звезда, имя которой любовь к родине, честь и самопожертвование.

Ведомые великим русским патриотом генералом Корниловым, первые добровольцы шли в постоянном окружении врага. В авангарде шел доблестный генерал Марков — шпага Корнилова, — человек, в котором редкостно сочетались качества талантливого офицера Генерального штаба — профессора Военной академии — с храбростью блестящего строевого командира. Будучи в 39 лет генерал-лейтенантом, он совершил поход в расцвете своих физических и умственных сил.

В арьергарде шел храбрый, спокойный и твердый генерал Богаевский. Тело армии составляли люди, считавшие себя обреченными, а свои жизни оконченными, ибо мало кто надеялся выйти живым из этого похода. Эти люди пылали жадной смуть поругание и бесчестье своей родины. Могла ли такая армия не победить? Поход — неотъемлемое и драгоценное достояние национальной России, и, какие бы новые испытания ни послала нам судьба, мы должны помнить, что в самые тяжкие дни русского лихолетья Господь помог русскому народу в лице первых добровольцев защитить свою честь. Будем же бодро смотреть вперед, твердо веря в конечную победу правды над злом и в воскресение великой национальной России.

*В. Черешнев*²⁹⁴

ПОСЛЕДНИЙ ПАВЛОН²⁹⁵

В середине марта 1918 года, после соединения в Закубанье Добровольческой армии генерала Корнилова с отрядом Кубанского правительства, объединенные силы отдыхали в станице Ново-Дмитриевской, готовясь к основной операции — переправе через Кубань и штурму Екатеринодара.

Отдых, впрочем, был не особенно спокойным и безмятежным. Станица со всех сторон была окружена красными, которые вели повторные атаки со стороны Григорьевской слободы. Да и с других сторон неприятель сильными разъездами шупал «кадетов», стараясь найти у них слабое место. Атаки большевиков отражались контра-таками добровольческой пехоты, а кольцевое охранение станицы несли конные части — дозорами, разъездами и заставами.

Накануне выступления армии в дальнейший поход 3-й взвод 2-й Кубанской офицерской сотни — в котором я «подвизался» рядовым всадником — был всю ночь в заставе по дороге на станицу Георгие-Афипскую. Еще до рассвета мимо нас начали проходить наши части, задачей которых было перерезать железную дорогу и выбить противника из Георгие-Афипской. Нашей заставе было приказано прикрывать проходящую пехоту, а по прохождении последней части — свернуться и идти на присоединение к своей сотне. Сотня же входила в состав конной группы, направленной вправо от наступающей пехоты, с задачей прикрыть ее от неприятеля, занимавшего аул Тохтамукай, и от бронепоездов, появлявшихся со стороны Екатеринодара.

Было уже светло, когда мимо нашей заставы прошли последние лазаретные линейки и свернувшееся пехотное охранение. На фронте нашего наступления уже закипел огневой бой; слышались выстрелы и справа, куда пошла наша конница.

Я со своим «подчаском», моим одностаничником урядником Кузьмой Телегановым, был в дозоре в кустах, на левом фланге нашей заставы. От командира взвода подьесаула Чигрина пришло приказание: оставить пост и присоединиться к взводу, который на рысях уже ушел догонять конный отряд. Посыльный сообщил, что из станицы уже ушли все наши части и что нам надо поторапливаться, чтобы не попасть в лапы большевиков, которые вот-вот войдут в станицу с противоположной стороны.

Пока мы добежали до своих лошадей, привязанных к какому-то плетню, пока отвязали их и сели в седла — посыльного и след простыл. Через канавы и межи, вдоль околицы станицы, поскакали и мы с Телегановым. Пересекли мы ту дорогу, по которой прошла в бой наша пехота, и вскоре вышли к другому выходу из станицы, откуда начиналась дорога на полустанок Энем: по ней, мы воображали, и ушел наш взвод. По ней вдогонку отправились и мы с Телегановым.

Утро было ясное; ночной туман рассеялся, и скакать по убитой грунтовой дороге было одно удовольствие. Вокруг все дышало спокойствием. Стрекотание пулеметов и буханье пушек под Георгие-Афипской слышалось далеко влево и нас не касалось, а ружейная стрельба впереди и влево была редкой и как будто удалялась. За два дня стоянки в Ново-Дмитриевской наши кони отдохнули, и сами мы поправились после голодовки по черкесским аулам. Только в сон клонило после бессонной ночи в сторожке Сбавили аллюр и пошли шагом.

Местность была неровная. Дорога шла по низине, то поднимаясь на бугорок, то опускаясь в очередную балку. А в полуверсте справа тянулся гребень, за которым, как мы знали, был аул Тохтамукай. Мы также знали, что аул был в руках большевиков, но он был на порядочном расстоянии, а вот о том, что сейчас же за гребнем были какие-то «мужицкие» хутора и что в них тоже накопились большевики, мы не имели представления.

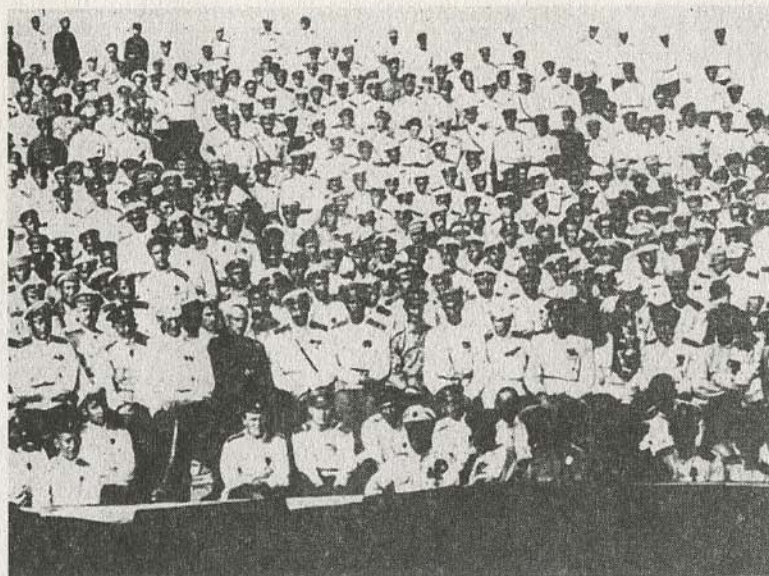
Так прошли мы версты три; спускаясь в балку, мы только что решили подбавить ходу, чтобы поскорее догнать взвод, как увидели впереди лежавшего на краю дороги человека в защитной шинели. По его ненормальной позе было видно, что перед нами лежит убитый. Понукая заартачившихся коней, мы подъехали ближе и опознали в убитом добровольца. Лежал он ничком, уткнувшись лицом в

землю. Правая рука его подвернулась под тело, левая откинулась в сторону; одно плечо выше другого; защитная фуражка свалилась с окровавленной чернявой головы; в двух шагах лежала винтовка.

Чтобы по погонам узнать, к какой части принадлежал убитый, я объехал неподвижное тело и на приподнятом плече увидел родной мне юнкерский погон с вензелем Императора Павла I, да еще с нашивкой младшего портупей-юнкера. С болью сжалось сердце: павлон ведь, однокашник! И с гордостью погиб этот юноша, так, как полагается павлону, — смотря смерти в лицо, в бою, с винтовкой в руках. И вспыхнуло в душе: нельзя же павловский погон оставить зверям красногвардейцам, которые вскоре последуют за нами по этой дороге; нельзя допустить, чтобы какой-нибудь мерзавец повесил погон славного Павловского военного училища на хвост своей кобыле, как тогда обычай был у красных. Посмотреть также захотелось, не остались ли на убитом какие документы, по которым можно бы было узнать, кто он и откуда, этот пошедший за Корниловым юнец.

И только что я вынул ногу из стремени, чтобы спешиться, как совсем близко, с гребня, что тянулся правее дороги, раздался выстрел, а за ним сейчас же второй, третий. Взглянул я вправо и увидел на гребне группу пеших, стрелявших по нас, и в тот же момент через бутор и чуть спереди нас перевалили человек десять всадников, понесшихся с заблестевшими на солнце клинками нам наперерез. Не успел я вдеть ногу назад в стремя, как Кузьма огрел моего коня плетью, и оба мы, свернувши резко влево, поскакали по кустарникам к видневшемуся неподалеку перелеску. Конные большевики, доскакавши до дороги, остановились и за нами не пошли, а ограничились лишь безвредной стрельбой с коней.

Оторвавшись от этого врага, мы приостановились в «хмерече» и начали ориентироваться. Учитывая, что наша конница, а с ней и наш взвод имели задачей прикрывать правый фланг пехоты, мы сообразили, что искать своих надо там, где звучали за перелеском одиночные выстрелы. Направившись туда, мы через короткое время вышли на боковую заставу конной группы, а оттуда уже без особого труда нашли и свою сотню, и взвод. Явились мы к командиру взвода, и он нам объяснил, что он со взводом шел на присоединение к отряду без дороги, на видневшийся у железной дороги перелесок. Дорога же на Энем отходила постепенно вправо, и если бы мы с Телегановым продолжали по ней двигаться, то в конце концов она привела бы нас прямо к большевикам. Посмотрели мы с Кузьмой друг на друга и клятву дали — никогда не забывать того павлона, который уже мертвым спас нас от мучений и смерти.

Первоходники в Галлиполи с генералом А.П. Кутеповым

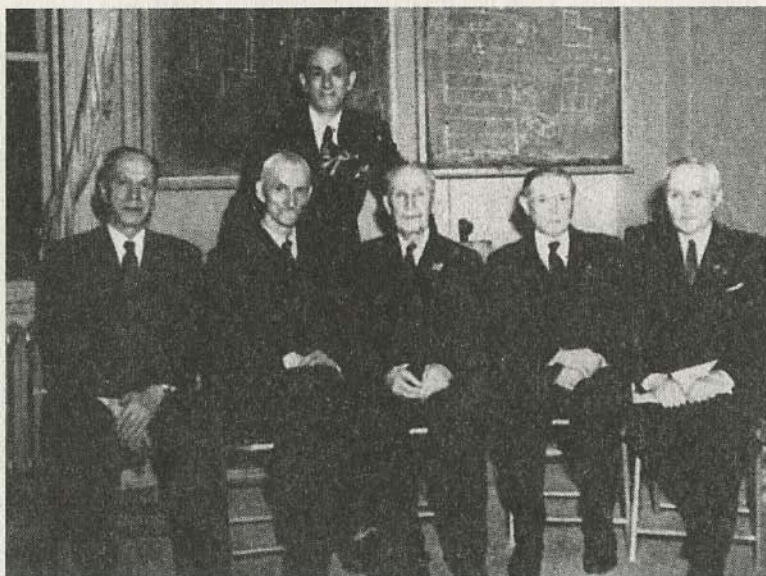
Корниловцы-первоходники в Галлиполи

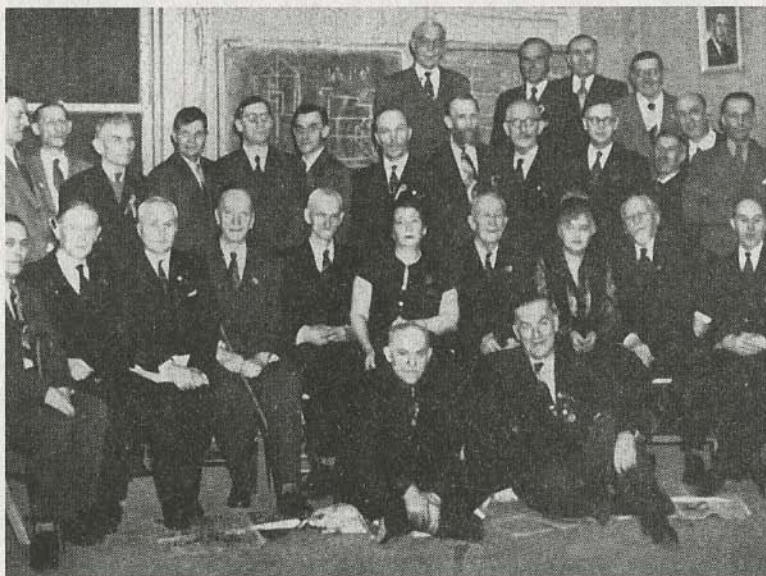
Группа корниловцев-первопоходников

Группа корниловцев-первопоходников в станице Егорлыкской

Главное правление Союза Первоходников, 1953 г.

Группа первоходников с вдовой генерала А.И. Деникина.
Нью-Йорк, 1953 г.

Группа корниловцев-первопоходников

Сестры милосердия
Корниловского ударного полка

Врач и сестра милосердия
Корниловского ударного полка

Сестра милосердия Е.В. Шмидт и прапорщик З.Н. Реформатская

Девушки-прапорщики участницы 1-го Кубанского похода

Полковник (генерал-майор)
И.К. Кириенко

Подпоручик (штабс-капитан)
С.Н. Гернберг

Прапорщик А.Г. Макриди

Вольноопределяющийся
(под'есаул) Н.Н. Туроверов

Лейтенант (капитан 2-го ранга)
А.П. Ваксмут

Подъесаул (полковник)
В.И. Третьяков

Подпоручик (штабс-капитан)
Г.И. Зайцев

Подпоручик (поручик)
Л.Я. Безруков

Штабс-капитан (генерал-майор)
Н.В. Скоблин

Прапорщик (поручик)
Я.Я. Колдаев

Подполковник (полковник)
Г.М. Гротенгельм

Полковник барон М.Л. Унгерн
фон Штернберг

Полковник (генерал-майор)
Л.Л. Илляшевич

Штабс-ротмистр (полковник)
Н.М. Алексеев

Поручик (капитан) Г.Е. Бешенов

Сестра милосердия
П.Ф. Бешенова

Сестра милосердия Т. Давыдова

Сестра милосердия
И. Колесникова

Сестра милосердия
О. Есеновская

Сестра милосердия
Д.И. Сулацкая

Сестра милосердия
В.С. Левитова

Неизвестная сестра милосердия
Корниловского ударного полка

Поручик (полковник)
М.Н. Дашкевич

Подпоручик (генерал-майор)
М.А. Моисеев

Штабс-капитан Капелька
(князь Ухтомский)

Подьесаул (есаул)
Н.В. Милеев

Поручик (подполковник)
А.Е. Лысань

Подполковник (полковник)
В.М. Пронин

Неизвестный юнкер

Штабс-капитан (полковник)
Р.Ф. Пух

Подъесаул (генерал-майор)
М.А. Скворцов

Поручик В.П. Мяч

Прапорщик М. Мерсье

Юнкер (войсковой старшина)
Н.А. Шрамко

Подпоручик П. Скоробогатов

Штабс-ротмистр (генерал-майор) А.Г. Шапрон дю Ларрэ

Вольноопределяющийся (штабс-капитан) А.А. Васильев

Штабс-капитан (полковник) В.В. Челядинов

Так, при этих вот печальных обстоятельствах, мне привелось увидеть в последний раз юнкера Павловского военного училища — «последнего павлона». Погиб он, вероятно, когда наша пехотная разведка в темноте нарвалась на большевистскую засаду и под сильным огнем должна была отойти, оставив убитого на месте перестрелки. В темноте красные не обнаружили убитого и не надругались над его телом.

Много, много лет прошло с тех пор, и хотя «здравый ум» продолжает утешать, что спешиться в тот момент было бы равносильно самоубийству — так как от красных тогда уж не уйти бы, — меня и до сих пор грызет тоска и совесть мучает, что не срезал я, на вечную память, погоны с плеч их носителя, а оставил их как трофей ненавистному врагу.

*А. Жемчужный*²⁹⁶

СЛЕПОЙ КОНЬ²⁹⁷

Ночь холодная. От окон с плохо заклеенными бумагой дырами в рамах без стекол несет стужей, от которой никак не укрыться под солдатской шинелью. К холоду, к жесткому ложу на полу, к спанью в одежде с походной сумкой под головой вместо подушки доктор привык, и сон обычно был крепкий. После тяжелой езды на коне или суетной работы в госпитале, в хлопотах о больных и раненых, — только бы прилечь, свалиться наземь, на пол, закрыть глаза — и уже сон со всех сторон наваливается завесой, заволакивает все вокруг.

В сегодняшний день ничего особенного не случилось. Никаких сверх положенных в условиях Кубанского похода неприятностей не произошло, — такой же напряженный в работе день, как и все дни до него.

Или серый непогожий мартовский день наморосил унылую тень раннего вечера? Или уж так устал больше обычного, сверх меры? Что могло выбить из колеи и не дать обычного крепкого сна? — думал доктор, ворочаясь беспокойно с боку на бок в тревожном полузабытии.

Обычно спокойный, невозмутимый и уравновешенный доктор сам ничего не может вспомнить из происшедшего в объяснение своему состоянию.

Наконец приходит сон — тревожный от неотступных, неостывающих мыслей, беспокоящих больше, чем насекомые, неизбежные спутники в походе.

«Надо бы ампутацию сделать казаку... Зачем послушал коллегу, зачем не настоял на операции?.. Пропадет казак, — зудила, как расчес, мысль с самого вечера и царапала, поминутно возвращаясь в бессонной ночи. — Все равно пропал бы: перевязывать нечем, наркоза нет, а завтра с утра выступить в поход. Ехать надо завтра же».

«Ехать надо... Ехать надо... — постукивают в голове слова, как на стыках рельс вагоны. — Ехать надо, ехать надо».

«А на чем ехать?» — вдруг обрушивается невероятной тяжестью вопрос, выросший как отзвук, как громкое эхо на выстуки сонных слов: «ехать надо, ехать надо». Доктор не может ответить, придавленный, прижатый усталостью к полу, придушенный перетянувшим шею высоким воротником не снятого на ночь френча.

На чем ехать? Вот что мучило подсознательно и теперь вдруг вынырнуло, выросло вопросом, как из-за горы тяжелая глыба, и катится прямо на доктора и с размаху бьет по голове, по телу и стучит, выбивая громко: «Ехать надо, ехать надо...»

От нестерпимой боли в шее, в плече и в голове доктор даже стонет, но не может проснуться, прийти в себя. Вот, вот он уже на грани, ведущей к сознанию окружающего. В уши доктора уже ползет назойливый сухой храп соседа.

Доктор хочет проснуться, открыть глаза, проверить, кто же это хриплым надсаженным голосом упорно повторяет одно и то же: «Ехать надо, ехать надо...» Но сил нет ни открыть глаза, ни повернуться и распрямить отяжелевшее тело, руки, ноги.

Только когда уже рассвело и за домом зашумели голоса и топот лошадей и скрип повозок, — доктор проснулся, с трудом отрешаясь от навязчивого кошмара. Присев на полу, оглядывая мутную в предрассветной утренней тьме комнату, доктор не сразу пришел в себя. В ушах все еще шумело: «Ехать надо, ехать надо...» И сразу в тон и в такт отвечало в голове доктора: «А на чем, а на чем?» В самом деле, на чем ехать ему, доктору, главному врачу и в отряде и в госпитале, на чем выступить в поход?

Приподнялся осторожно, чтобы не разбудить спавших почти вплотную друг к другу людей из своей «команды», как он называл ближайших помощников в госпитале и отряде. Мрачные мысли растаяли в мягких белокурых волосах, в пушистых ресницах, опущенных на румяную щечку, в пухлых маленьких губках, капризно, почти по-детски надутых и поднятых к смятому в пуговку носику. Только половина лица была видна в густой барашковой папахе, которой лежала голова Маруси. На черных кудрявых завитушках папахи лицо Маруси казалось белее и мелкие веснушки на носу и щеке были как легкие тени

от усталости. Лицо от стриженных по-мальчишески волос казалось еще более моложавым для ее 18 лет.

«Эх, ты, воробышек, — подумал доктор, глядя с отеческой нежностью на спящую Марусю. — Из какого гнезда ты упала на такую страшную дорогу? Наше дело — мужское, ибо нам оставаться дома было нельзя».

Пока одевался и приводил свои вещи в порядок, думал больше всего о том, что было ближе к Марусе. Опять встал вопрос: зачем пожалел девчонку и подобрал ее, шедшую с трудом возле повозки, маленькую, с повязкой на голове, в стоптанных ботинках и в солдатской, длинной не по росту шинели? Почему не оставил в госпитале, а взял к себе в команду? Пожалел, что среди мужчин пропадет? И чего теперь нянчиться? Девчонка простая, молчаливая, ничего толком сделать не умеет и в госпитале плохая помощница у больных и раненых. И врет, и все врет и про себя, и про свою родню... Оттого, должно быть, что глупенькая; еще много в ней ребячьего, детского, беспомощного. И оттого ее и жаль, как малое неразумное дитя. О ней приходится думать, как о ребенке. Спит, как у себя дома в кровати. И будить даже жалко.

Отдохнув глазами и мыслями на милом личике Маруси, вспомнил доктор, как было серо, пусто и одиноко для самого себя. А теперь рядом с ним почти родное существо, серыми глазами ищущее доктора в минуты опасности, в дни работы и в часы досуга в походе. А ночью маленькая девочка ложится с краешку возле доктора, как у надежной защиты от всех ночных страхов. Эти мысли о Марусе на короткие миги заслонили тревоги и заботы о наступающем дне. И опять заворочались, застучали тяжелые вопросы: «Ехать надо, а на чем?»

Вот и приказ — выступать в поход.

«Команда, вставай! К походу готовься!» — будил доктор команду. Позевывая, покашливая, поеживаясь от холода, потягиваясь, вставали. Уже совсем рассвело. Пасмурно на дворе. По улице непрерывное движение людей и повозок. Надо торопиться в госпиталь. Скоро уж черед выступать и санитарному отряду.

«Взять коня у Маруси? Ледаший у нее коняка — маленький и слабый, ее, девчонку, с трудом волочит. У коллеги взять — не хочется обижать, и в таком походе без коня как без ног. Придется тогда коллеге пехтурой грязь месить. Самому шагать — по чину не пристало, не полагается», — думает про себя доктор. А вслух хотел было крепкое слово пустить по адресу того, кто накануне у него, задремавшего у края дороги, украл коня, срезавши повод, — да запнулся: в присутствии девчонки нельзя.

— Если бы знал вор, что конь докторский, не украл бы его? Как вы думаете, коллега? — спрашивает доктор.

— Все равно украл бы, — уверенно отвечает коллега. — А вы к станичному атаману адресуйтесь. Он вам в два счета коня достанет.

Уже раненые и больные размещены по повозкам, и госпиталь вместе с отрядом ждут приказа главного врача.

— Трогайтесь, марш! — приказывает доктор.

Маруся с тревогой посмотрела на доктора и хотела остаться. Доктор нахмурился и отрицательно покачал головой — поезжай, мол, с обозом.

Станичный атаман — седобородый, сухой от старости и еще больше увядший от беспокойства и хлопот с добровольческим отрядом, занявшим станицу и требовавшим от атамана непосильных для его возраста трудов, — только разводил руками, показывая тем, что нет никакой возможности достать коня, и не торопясь говорил:

— Все подходящее расхватали. Одна калечь осталась негодная. Вот и у меня — один только конь остался, да и тот слепой. А сказать правду, иного зрячего стоит. Был нашему дому другом и работником. Старший сын мой ординарцем на нем ездил. Конь крепкий; коли другого нет, берите до случая. Жалеть не будете. Довезет не вскачь, а шажком спорым пойдет.

«И то, — подумал доктор, — рысью с обозом не ехать. Да ничего другого и нет, чтоб разбираться. Не согдится — брошу».

Вывел атаман старого, сытого и крепкого коня с мутными от бельма глазами, заседлал добрым казачьим седлом, приторочил сумы с докторскими вещами и подвел к доктору. Доктор сел на коня, приладился к седлу и коню. Конь и впрямь добрый и к поводу чуткий.

— Ну, теперь, доктор, глядите в свои оба, — шутит атаман. — А коли в Мариинской станице найдете другого, то коня моего оставьте в станичном правлении, чтобы знать мне, где моего старого друга найти.

Конь умный, путь-дорогу копытом чует и совсем не тяжело думать о дороге. Идет возле повозки и не споткнется, не оступится, ни на что не на шагнет. Спасибо атаману, последнего коня, да еще старого друга не пожалел.

— Дай Боже счастья вам, дай победы, дай здоровья братьям-станичникам. Знаю, что мне жизнью рисковать придется, когда вернутся большевики в станицу и меня будут допытывать да квитаться за то, что кадетам служил. Старый я, а то и сам бы пошел с вами, — да пользы от меня мало будет. Коня последнего отдал. Чем пахать буду, не знаю. А может, и не придется мне в мое поле выезжать,

землю свою поработать. Не простят мне большевики грехов моих казачьих и прикончат без милости. Ну и пусть будет, что пошлет Господь. Пожил, слава Богу... Коль не одолеем врага, нам — старым людям — все равно не покориться, и жить нам будет не в силу. — Смахнул атаман наворачнувшуюся слезу с глаз, уставленных на дорогу, по которой тянулись обозы и части отряда, миновавшие уже околицу станицы.

Шумно и суетно было в эти два дня постоя отряда. А теперь опустела, осиротела станица, и тихо, настороженно и жутко безмолвно по домам и улицам. Знают станичники, что скоро придут большевики и будут вымещать на безвинных свое поражение и трусость перед горсточкой храбрецов добровольческого отряда.

Понуро поплелся атаман в станичное правление, сел на приступку крыльца и задумался. «Тяжкая година, и не сулит она хорошего. Сколько трудов, сколько горя и страданий и смерти в злой междуусобице. Обида и разорение. На что один конь слепой убогий от всего добра у меня оставался, а и его не миновала горькая участь. Осиротел я, обезлошадел, а и конь мой, брошенный, как калека, пропадет с голоду. Бедный, бедный мой слепыш!..»

Черные без посевов поля вдоль дороги, черные, слякотью и грязью забрызганные лошади и повозки, с трудом везомые по вязкой, размокшей, изрытой колеями дороге. Чмок... Чмок... В каждом шаге тискают копыта черноземную слякоть. Стук, бряк... Громяхают колеса и кузова повозок, встряхивая седаков. Грязь все жиже; все больше и больше луж по дороге и по смежным полям. Вот уже, как в половодье, мелкие озера мутной воды в отсветах мутного, в тучах неба.

«А вдруг спотыкнется слепой конь мой!» — думает доктор. Нет, не дрогнет, не оступится старый конь. Осторожно, но уверенно ступает, чутко прислушиваясь и вздрагивая от холодных брызг, попадающих в губы, в глаза слепые, но умные, добрые глаза лошади, прошедшей тяжелую казачью службу. И чувствует конь седока-хозяина и друга, которому послушен и покорен.

«Ну разве не символическая картина?! Едет человек на слепом белом коне — это слепая судьба Белого движения. Не то везет человека конь, не то плывет человек вместе с конем по безграничному простору вод закубанских плавней. Эти широкие кубанские плавни — широкие просторы неизвестного, и где и как они станут твердью и что будет на ней для нас — не видать, как слепому».

Ну, шагай, шагай, мой слепой белый конь! Вывози, кривая на оба глаза моя обездоленная старая лошадка! Не падай, не роняй меня в придорожные лужи холодных плавней! Шагай рядом и вместе со

всеми невольными спутниками похода на Кубань! Теперь ведет нас сам генерал Корнилов, и, быть может, мой белый конь, хоть и слепой, но верный казачий конь не отстанет от побед, в которые так хочется верить. Верить и победить во что бы то ни стало, как верит сам Корнилов и как побеждал от Ростова до встречи с нами за Кубанью».

Тяжел был этот первый день похода под командой Корнилова. Стояли самые холодные на Кубани мартовские дни, с дождем и ветром и хмурой пасмурью непогоды, с леденящей стужей, — и мучили истомленных раненых и больных. В этот день доктор вел свой обоз с больными и ранеными по дороге вслед за другими, идущими упрямо и покорно и безропотно, как слепой за поводырем.

На белом слепом коне по ледяной воде, бежавшей над мостом почти в уровень с перилами, в слепые сумерки раннего утра, натянутыми поводьями, как бы желая поднять как можно выше над бушующим половодным потоком храпящего в настороженности и чующего опасность коня, — переправлял доктор свой отряд через мост. Почти плыл с конем, мало думая о риске и для себя, и для обоза. Спасение только впереди, и нельзя ни на шаг, ни на минуту отставать от общего движения.

Вот уже слышнее стук копыт по деревянному настилу берега, залитого на многие версты. Твердь по ту сторону есть, и дорога видна меж двух рядов телеграфных столбов, стерегущих тракт на станицу Мариинскую.

Туда скорей, к мерцающим огням, еще не потухшим в остатке мартовской ночи; туда, к первым хатам, чтобы согреть заочевенных больных и раненых, измученных, промокших и заледеневших в эту беспримерно студеную, непогожую страшную ночь.

— Марш, марш! — кричит доктор в сложенные рупором руки.

Повозка за повозкой скатывается с берега на мост, обдавая брызгами и шумя потоками струй, охвативших и лошадей, и тачанки мутными полотнищами густой в напоре вод, бегущей стремглав реки.

— Ой, ох... Тонем... Гони! — вопят лежащие тяжелораненые и больные, которых достала ледяная вода на дне повозок.

Только тогда тронул своего коня доктор, когда пропустил всех из своего отряда, пустив коня быстрым шагом, чтобы пройти весь обоз и у каждой повозки осведомиться, не слишком ли промокли, и вслед сказать что-нибудь утешающее, что, мол, совсем скоро обогреемся и отдохнем.

— Скорее бы, — отвечали с повозок.

— Скоро ли? — спрашивали дрожащие от холода голоса.

А с иных повозок — только стоны, с других — только глядели глаза, полные муки и мольбы, и неслышный шепот посиневших губ. А было немало и таких повозок, где безмолвный покой, бледные без кровинки лица с опущенными веками говорили страшными словами жуткой смерти о том, что ледяная ночь доконала непомерными муками холода и тяжестью перехода. Им уже незачем теперь спешить, и ничто уже не отогреет застывшее навсегда сердце.

Доктор торопит коня, чтобы вместе с квартирьером поскорее доехать до станицы и захватить места для госпиталя. Кончились плавни. Хоть и топко по грязи, но можно бы пойти рысью, но слепой конь отвык от бега и только, ускорив шаг, зачастил ногами, сколько было старой силы.

Впереди уже близко горят огоньки станицы сквозь мутные силуэты хат и деревьев. Огни манят продрогших и усталых людей. Люди и кони ускоряют шаг, чтобы донести до казачьих хат неугасшее еще тепло живого сердца. Сердца людей, принявших тяжелый жребий борьбы за свою правду и не покорившихся.

И вместе со всеми торопливо шагала и слепой конь, уверенно и бодро ступая в привычном походном шаге и чужавший запах жилья впереди. Слепая, в лохмотьях дождевой измороси, тупой холодной тьмой бившая людей ночь прозревала светом утренней зари: она приняла в свои светлые руки усталых людей и бережно понесла по улицам станицы.

Когда повозки стали возле отведенных для них хат, уже настал день. День, который помнят все добровольцы Кубанского похода. В этот день решен был поход на Екатеринодар.

Помогая Марусе слезть с лошади, доктор заботливо и ласково посмотрел на нее, едва державшуюся на ногах от холода и усталости.

— Жива ли ты, мой воробушек? Хоть и слепой конь, а все же вывез меня из беды. Это он для тебя не утопил меня в холодной реке и дотащил невредимым. Что бы ты делала, если бы я замерз?

— Я бы тоже замерзла, милый доктор, — с трудом вымолвила чуть слышным шепотом Маруся.

Старый слепой конь стоял возле. Усталый и понурый, он уже дремал, закрыв тяжелыми веками белесые, невидящие глаза. Маруся обняла голову слепого коня, прижалась к ней и поцеловала. Конь открыл глаза, поворачивая их в сторону Маруси. Но слепые глаза не могли видеть тоже слепых от слез глаз Маруси, которая упала бы на землю, если бы доктор не подхватил ее в это мгновение ..

Прошлая ночь, чуть не захлестнувшая отряд в половодной реке, едва не заморозившая все живое, та ночь, которая дала имя всему

Первому походу — ЛЕДЯНОЙ, — уже забыта. Впереди еще много будет ночей в пути, и в них, быть может, застынет не одно сердце обреченных утонуть в слепой тьме отчаяния, в страданиях от ран и болезней. Лежа в повозках походного госпиталя, люди тщетно борются за остатки жизни в холодеющем уже теле.

Слепая судьба ведет всех вперед... Она на слепом коне веры в победу. Перед ней путь залит не разливом плавней, а слезами и кровью братоубийственной войны.

Медленным шагом, только по пути, предрешенному волей ведущего армию генерала Корнилова, медленно шагает ее слепой конь в неведомые пределы и грани неравной борьбы. И так же шагал слепой казачий конь в ту холодную, темную ночь, которая заледенила сердца многих вечным покоем. Но в сердце других была и победила сила живых, идущих с верой в победу.

*В. Крамаров*²⁹⁸

ПОД ЕКАТЕРИНОДАРОМ²⁹⁹

После соединения Добровольческой и Кубанской армий 18 марта 1918 года в станице Ново-Дмитриевской Добровольческая армия, почти удвоенная в своем количестве, с численностью около 6000 человек, двинулась на Екатеринодар, столицу Кубанского края.

Погода была ужасная: днем попеременно лил дождь или падал снег, а ночью был сильный холод с ветром. Земля совершенно размякла, и дороги превратились в какое-то месиво, а реки с ледяной водой разливались, и местами пришлось переходить их вброд. Вот почему эта часть Кубанского генерала Корнилова похода и называлась Ледяным походом.

Перейдя с боями железнодорожное полотно у станицы Георгие-Афипской и переправившись с боем у станицы Елизаветинской через Кубань, добровольцы стали подходить к Екатеринодару. Сопrotивление красных с каждым днем становилось все упорнее. Советский главнокомандующий Сорокин, кроме своей «железной дивизии» и Темрюкской армии, сосредоточил около Екатеринодара и другие части матросов и красных, а всего около 60 000 человек. Добровольцы имели весьма ограниченное количество снарядов и винтовочных патронов, добывая их только в боях, а поэтому должны были расходовать их весьма экономно. Красные же, имея в своем распоряжении колоссальные огнестрельные склады бывшей Кавказской действующей армии, засыпали наступающих снарядами.

Все части Добровольческой армии, соперничая в храбрости, повели жестокие атаки на подступы к Екатеринодару, неся значительные потери, но все же заставили красных отступить к самому городу.

27 марта артиллерия противника была особенно активна и не давала нашим пехотным цепям успешно продвигаться вперед. Вверенная мне Сводная Кубанская офицерская батарея (как тогда называли, Крамаровская батарея) находилась вблизи наших передовых частей. Заметив залегшие наши цепи и батарею красных, ведущую по ним ураганный огонь, начальник команды конных разведчиков вверенной мне батареи, 20-летний подьесаул В.И. Третьяков³⁰⁰, уже завоевавший тогда себе среди добровольцев славу неустрашимого офицера, решил атаковать батарею красных. Посадив на коней и развернув свою команду в 9 человек в лаву с обнаженными шашками, подьесаул Третьяков ринулся в атаку на батарею красных. Сильное пехотное прикрытие батареи открыло частый огонь, а орудия на картечь встретили атаку. Почти все лошади под всадниками: у подьесаула Третьякова, сотника Н. Пахно³⁰¹, корнета Пеховского, юнкера Н. Белоусова³⁰² и других — были перебиты, а часть всадников ранены. Все же смельчаки не отступили, а, спешившись, из непосредственной близости, стоя во весь рост, открыли из винтовок огонь по красным артиллеристам, сразу же уничтожив нескольких из них. Все это заставило красную батарею, оставив своих убитых и раненых на поле боя, поспешно отойти в самый город, а нашим цепям дало возможность продвинуться еще ближе к городу.

Всегда бывает предел человеческому дерзанию. Пехота добровольцев хотя уже и проникла в окраины города и вела уличные рукопашные бои, а кавалерия своими доблестными атаками в районе Садов уничтожила массу матросов и красноармейцев, все же большие потери, полное переутомление в течение десятидневных непрерывных боев и отсутствие патронов стали сказываться на дальнейших наших атаках.

30 марта двумя пулями был убит храбрейший командир Корниловского ударного полка полковник Неженцев, когда он, как «последний резерв» своего славного полка, поднял личным примером залегшие цепи ударников и повел их в атаку. Главнокомандующий генерал Корнилов был потрясен смертью Неженцева.

31 марта, накануне решительного штурма Екатеринодара, был убит последний Верховный Главнокомандующий русской армии — легендарный и бессмертный герой, сибирский казак генерал А.Г. Корнилов. Дух Добровольческой армии невольно был временно надломлен. Генерал Алексеев на место погибшего Главнокомандующего Добровольческой армии генерала Корнилова назначил знаменитого «желез-

ного» героя 1-й Европейской войны, мудрого генерала А.И. Деникина. Атака Екатеринодара была отменена.

2 апреля, с непрерывными боями, ибо кругом был противник, потеряв около 500 добровольцев убитыми и имея с собой на подводах 1500 раненых, не считая раненых, оставшихся в строю, среди которых был доблестный генерал-лейтенант Б.И. Казанович, Добровольческая армия двинулась обратно на Дон, где уже начинались восстания казаков против красной нечисти. Да, действительно, тернист был путь первых добровольцев, пробиваемый мечом!

В. Черешнев

КОННИЦА ПОД ЕКАТЕРИНОДАРОМ

(из воспоминаний участника)³⁰³

«Башкиры»

В середине марта 1918 года, в станице Ново-Дмитриевской, сейчас же после соединения отряда Кубанского правительства с Добровольческой армией генерала Корнилова, все мелкие конные части и соединения обоих отрядов были сведены в один полк. Кубанцы, офицеры и юнкера стали 2-й офицерской сотней этого полка; в ее 3-й взвод вошли те немногие офицеры-кубанцы, которые незадолго перед этим, в ауле Шенджий, были отрезаны от ядра дивизиона полковника Кузнецова и избежали его печальной участи, уйдя по плавням к главным силам Кубанского отряда. Был в этой группе и автор этих строк. (Дивизион же полковника Кузнецова, оторвавшись от главных сил, ушел в горы, там был разбит, большая часть офицеров, вместе с самим полковником Кузнецовым, была зверски переколота штыками, а часть отряда посажена в Майкопскую тюрьму; оттуда уцелевшие, и среди них полковник Бабиев³⁰⁴, были потом освобождены восставшими казаками генерала Геймана³⁰⁵.)

Ядро 3-го взвода состояло из нескольких офицеров 1-го Черноморского полка; вообще же состав взвода был смешанный: были в нем и линейцы, и черноморцы разных полков; были и пластуны, которым надоело месить тяжелыми сапогами жирный кубанский чернозем; чины не играли никакой роли: рядовыми всадниками, с «винтачом» за плечами, были и заслуженные есаулы, и только что произведенные прапорщики; были и одиночные казаки «рядового звания», не поже-

лавшие расстаться со своими офицерами. Не знаю почему — быть может, за наш смешанный состав или за тенденцию многих из нас «воевать по собственному усмотрению» — наш взводный командир, подъесаул 1-го Черноморского полка Владимир Чигрин³⁰⁶ шутя назвал нас «башкирами»; так мы и сами стали себя называть.

После переформирования наша сотня принимала участие в бою за взятие станицы Георгие-Афипской, прикрывая правый фланг нашей наступающей пехоты со стороны Екатеринодара. Вместе с нами в этом боковом отряде был 1-й эскадрон полка, состоявший из офицеров регулярной кавалерии — многие в погонах и в фуражках своих полков. Наше внимание особенно привлекла небольшая группа всадников на прекрасных, по большей части рыжих конях и с казачьей седловкой. Из расспросов выяснилось, что это были донцы, офицеры лейб-гвардии Казачьего полка: братья Рыковские, Плева, Краснов и еще несколько молодых офицеров, — почти все со своими вестовыми. С ними мы быстро подружились

Конница генерал Эрдели

В станице Елизаветинской, после переправы на правый берег Кубани, генерал Корнилов приказал мобилизовать несколько годов молодых казаков; из этой не нюхавшей пороху молодежи Елизаветинской и Мариинской станиц был создан Кубанский казачий полк, вместе с нашим 1-м Офицерским кавалерийским полком составивший кавалерийскую бригаду, командовал ею генерал Эрдели; кажется, входил в нее еще и черкесский дивизион.

Когда генерал Корнилов решил взять Екатеринодар штурмом, эта конная бригада получила задание — обойти город с севера и с востока, перерезать Черноморскую, Тихорецкую и Кавказскую железнодорожные ветки и, замкнувши город в кольцо, отрезать екатеринодарских большевиков от подвоза подкреплений и боеприпасов. Задача эта, к сожалению, была выполнена только частично, и гарнизон Екатеринодара непрерывно пополнялся и людьми, и амуницией, в то время как наша пехота расстреливала последние патроны. Как развивался штурм города, мы, рядовые конники, не знали, но слухи доходили, что большевики дерутся упорно, города не покидают и что наша пехота несет большие потери.

К вечеру 31 марта конница Эрдели вернулась из рейда в глубокий обход Екатеринодара и втянулась в Сады. Там и ночевали — кто в летних домах екатеринодарских огородников и садоводов, а кто под

плетнями и под навесами; спали «с одним открытым глазом». Еще засветло наши заставы обстреливали небольшие группы красных, приближавшихся со стороны Тимашевки, а разъезды, вернувшиеся с того направления, доносили о митинговании громадной толпы «товарищей» в занятой ими Новотитаровской станице.

Пеший бой

С рассветом затакали винтовки в охранении, совсем близко; сон как рукой сняло. Приказано — поесть чем Бог послал, напоить коней и проверить, у кого сколько патронов осталось после вчерашней перестрелки (за день до этого «лишние» патроны были у нас отобраны для передачи пехоте, и нам, конникам, оставили всего лишь по три обоймы). Через короткое время приказ: нашей сотне, передав лошадей коноводам, в пешем строю занять стрелковую позицию поперек дороги, идущей вдоль Садов, с севера, от Новотитаровской к Екатеринодару.

Только что рассыпались в цепь — в канавах по обе стороны дороги, за домами, плетнями и земляными валами, — как мимо, по дороге, проскакало полным ходом наше охранение, десятка два всадников. И буквально в тот же момент, шагах в 500 от нас, с обеих сторон на дорогу высыпали пешие «товарищи». Без всякой команды мы открыли огонь «пачками», и красных как рукой сняло: некоторые из них скрылись за кустами и заборами; кто не успел, прыгнули в придорожную канаву и залегли там; а несколько тел остались лежать на дороге. Завязалась перестрелка; от командира сотни и от взводных все время слышатся напоминания: «Беречь патроны, целиться, бить только на верняка». И в самом деле, кое-кто из нас сторяча расстрелял все патроны и теперь просит: «Хоть одну обойму дай, выручи»; а тут у самого патроны считанные. Огонь с нашей стороны подзатих; по цепи слышатся только одиночные редкие выстрелы. Большевики смелеют; их выстрелы все чаще и все ближе. От времени до времени видны их одиночные люди, перебегающие с одной стороны дороги на другую; некоторым это не удастся, и на дороге то там, то сям остаются жертвы нашей стрельбы «наведя на мушку». Но и на нашей стороне есть потери: то вскрик слышится — того, кого нашла пуля; то соседи уносят тяжело раненного; есть и убитые.

Большевики нагледят: уж очень редок наш огонь; их одиночные храбрецы выскакивают на середину дороги и грозят нам оружием; все ближе они показываются, уже слышны их крики: «Кадеты, мать вашу

перетак. . не уйдете, гады; всем кишки повыпустим, живыми пожжем...»

Мы постепенно отходим, то по левой стороне дороги, то по правой; одиночками, от плетня до следующего плетня. К счастью, наши откаты противнику не видны: кусты, земляные валы и канавы скрывают отходящие пригнувшиеся фигуры; сильно помогают, сдерживая порыв большевиков, наши два Люиса. Но положение становится все более «корявым»; патронов почти ни у кого не осталось: у кого были припрятаны, пришлось отдать пулеметчикам для их дисков. Помощи нет, да ее и не обещали. Озираемся: «Где коноводы? Всегда их черти куда-то заносят». Время тянется: минуты кажутся часами. Неприятельские цепи все ближе; их выстрелы сливаются в сплошной треск. Становится не по себе: «Не уйти ведь, не добежишь до коноводов». На губах молитва: «Господи, спаси, не допусти попасться в руки красноармейцам». Наконец — желанное приказание: «Оставить позицию, незаметно отойти за укрытие, а там — бегом к коноводам». Хотелось «Ура!» кричать от радости, да опасно догадаются красные, чему мы рады. Приказание было выполнено с потрясающей быстротой. Большевики так и не заметили, когда перед ними уже не оказалось противника. А мы, задами да садами, кто «в поводу», а кто уже в седле, запыхавшись, но с счастливыми лицами, собрались к командиру сотни.

Время было уже к полудню. От командира сотни мы узнали обстановку: вся наша конница уже очистила Сады, оторвалась от противника и оттянулась к западу «на поддержку нашей пехоты, застрявшей на кирпичных заводах».

Конная атака

Только что мы нашли свои взводы и отделения, как послышалась команда: «Садись, справа по три, за мной» — и сотня рысью пошла к видневшейся вдали конной массе. То были два полка конной бригады генерала Эрдели: наш 1-й Офицерский кавалерийский полк и только что сформированный пятисотенный полк из казаков, елизаветинцев и мариинцев. Полки стояли в невыравненных резервных колоннах, в укрытии от противника за скирдами соломы и отдельными куренями. Наша сотня подошла к колонне и выровнялась по 1-му эскадрону. У соседнего куреня вправо виднелись наши щегольские «конвойцы», а немного подальше донские партизаны-баклановцы с их черным значком и с белой «мертвой головой и костями»

на нем. Влево были елизаветинцы и мариинцы. На невысоком бугорке видно было «начальство»: генерал Эрдели со штабом, командиры полков и их ординарцы. Мы спешились.

По рядам передавались всякого рода слухи: кто-то слышал от кого-то, а тот узнал от знакомого. Передавали, что наша пехота понесла огромные потери, завязла, ни взад, ни вперед, и что нас в пешем строю пошлют ей на поддержку. Ропот пошел: «Это как же, без патронов? Знал бы, с самого начала в Улагаевский батальон пошел бы, к пластунам; ни к черту наши командиры не годятся: как конницу нас не используют, а какие же мы вояки в пешем строю?» Надо заметить, что каждый из нас недавно сам командовал — кто взводом, а кто и сотней или дивизионом, — и каждый критически рассматривал любой приказ или распоряжение начальства. Единственно, чьи приказы никем из нас и никогда не критиковались, это приказы самого Верховного, генерала Корнилова. О том, что еще накануне не стало Верховного, мы, рядовые всадники, не знали; начальство правильно соображало, что в такой критический момент нельзя было убивать в нас веру в победу; а уверенность в победе для всех нас заключалась в самой личности Корнилова.

Бригада стояла фронтом на восток; впереди, по возвышенности, по буграм видны были одиночки и группы; то красные гуськом двигались на юг, во фланг и тыл нашей пехоте.

Но вот начальство спустилось с бугорка. От командиров полков прискакали к сотням ординарцы с приказанием: «Приготовиться к атаке в конном строю; подтянуть подпруги, осмотреть холодное оружие и выбросить из сум лишнее барахло». Подьесаул Чигрин в двух словах объяснил нам положение: неприятель крупными силами, двигаясь с севера, из Садов, стремится выйти во фланг и тыл нашей пехоте; конной бригаде приказано разбить эту группу противника и ликвидировать обход, грозящий пехоте.

Наступал момент, о котором каждый из нас мечтал с раннего возраста, — атака в конном строю и рубка противника. Подтянув подпругу у моего горячего и не совсем послушного коня и проверив, легко ли шашка выскакивает из ножен, я огляделся. Взвод был готов. По совету бывавших уже в конных атаках офицеров — подьесаулов Чигрина, Помазанова и Перекотия — мы оставили наши «кожухи» и бурки под скирдою и в строй стали налегке. Опять команда: «По коням; садись» — и взвод выравнялся по соседям-юнкерам. Правее нас выстраивался 1-й эскадрон; левее виднелись густые ряды елизаветинцев и мариинцев. Передние сотни сразу же построили двухшереночный развернутый фронт; кто был во второй линии, не знаю, но

кто-то был. При этом построении мы высунулись из-под закрытия, и со стороны красных затакали довольно редкие выстрелы; пули запели у нас над головами. До неприятеля в этот момент было шагов с тысячу.

Командир сотни, гвардеец полковник Рашпиль, выехал на уставную дистанцию вперед, повернулся в седле и, указывая в сторону противника, скомандовал: «Сотня в атаку — шашки вон — рысью — марш!» — и сразу же поднял своего большого гнедого коня в свободную рысь, сверкнули наши шашки, и сотня двинулась за своим командиром.

Первое время мы шли по твердому грунту, и наши кони охотно и легко следовали за бывшими впереди взводными командирами. Мой Азият (Азиятом его перекрестили казаки за его горячность и тенденцию куснуть соседнего коня) вообще не терпел кого-либо впереди, и мне трудно было сдерживать его порыв вперед. Злился я на него ужасно: негодуя на сдерживающий повод, он уклонялся то вправо, то влево и ломал строй. На этого коня и двух рук было мало, а тут ведь в правой руке была шашка; как я не отрубил себе ухо, не знаю. Еще более негодовали на меня мои соседи, прапорщик Кадушкин³⁰⁷ слева и подьесаул Помазанов справа.

Направление нашей атаки было с запада на восток. Мы быстро рысью сближались с неприятелем. Видно было, как одиночные люди и небольшие группы, двигавшиеся по возвышенности к югу, останавливались и поворачивали фронт в нашу сторону, на запад. Огонь противника был редким, но пули уже находили случайные жертвы в наших рядах.

Прошли мы так, рысью, шагов 300—400; полковник Рашпиль перевел нас на намет, и только что мы начали скакать, как твердый грунт кончился и мы очутились на вспаханном поле. Кто знает кубанский запаханный чернозем, да еще весной, после таяния снега и дождей, тот поймет наш ужас, когда мы начали чувствовать, как все больше и больше уменьшалась скорость нашего движения. Красные цепи открыли по нас шквальный, но короткий огонь. Мы продолжали скакать, но уже на тяжело дышавших лошадях. С расстояния 400 шагов красные открыли огонь залпами. Здесь уже можно было видеть, как падали лошади и валялись с них люди. А немного впереди, еще 100—150 шагов, сотня напоролась на болото (какие всегда остаются в низинах после дождей). Лошади с трудом, где «собачьей рысью», а где и шагом, двигались вперед по этому болоту.

Против нас красные были в двух шеренгах; передняя стреляла с колена, а задняя стоя. Цепи красных были неровные: местами они сбивались в кучки, а в других местах стояли одиночки, в трех-четырех шагах друг от друга. Каждый из нас смотрел вперед и ждал —

когда же они повернут и побегут назад. Но ни беглецов, ни потерявших дух не было. Вглядываясь вперед я, к своему удивлению, увидел на некоторых рыжие и черные мохнатые шапки, каких много было у кубанских пластунов. Так вот почему не было паники у нашего врага! Мы продолжали атаку, хоть наше «Ура» уже перестало быть грозным и мощным. Нас продолжали расстреливать, теперь уже частым огнем.

Тут, собственно, и погибла наша сотня. Пал Рашпиль, многие юнкера; получил рану в грудь и наш взводный, подъесаул Чигрин, рядом со мной был ранен в руку подъесаул Помазанов.

Линия атакующих перестала быть линией: кто выбыл из строя по ранению, у кого упала лошадь, а кто и повод начал укорачивать, не видя рядом соседей. Нашей кучке — я, сотник Ярош, прапорщик Кадушкин, урядники Скрыпник, Телеганов и Шрамко — нам повезло: грунт перед нами был выше и суше, чем у соседей, и коням было легче идти. Кричим «Ура!» и надаем ходу. По сторонам уж некогда оглядываться, но слышим, что «Ура!» замирает и, наоборот, становятся слышны крики и «Ура!» от противника. Вот тут-то, не дойдя до неприятеля всего лишь шагов 50, кто повернул назад, а кто вдоль фронта вправо. Вперед продолжали скакать лишь те, кто не мог остановить разгоряченных лошадей, да еще те, кто даже в этой ужасающей обстановке инстинктом понимали, что на такой дистанции повернуть спину к противнику — значило стать мишенью для стрельбы в упор.

Низина кончилась, и грунт стал повышаться. Против нашей кучки всадников (а скакали мы в интервалах двух-трех шагов) были одиночные люди неприятельской цепи. Передняя шеренга встала с колен, и тут у них началось небольшое замешательство: кто начал отступать к задней шеренге, кто перемещался вдоль цепи, кто вкладывал в затвор новую обойму, кто брал винтовку за дуло для встречи нас «в приклады». Это волнение и спасло нас. Как мы проскакали последние шаги, не знаю, не до того было. Помню только, что для себя я наметил точку удара: вразрез между красногвардейцем в солдатской ушанке справа и рыжей шапкой слева. Ушанка, видимо, выпустив очередную пулю в несущегося на него всадника (и, к счастью, промазав), колебался — не то досылать следующий патрон в ствол, не то готовиться встретить врага штыком. Его-то, ушанку, я и выбрал для себя, оставивши рыжую шапку Мише Кадушкину. Так мы и влетели в цепь: слева от меня Кадушкин, справа урядник Скрыпник, чуть дальше вправо урядник Шрамко, сотник Ярош, урядник Телеганов и еще кто-то. Еще до удара я решил рубить сначала вправо и сейчас же влево.

В последний момент моя ушанка поднял винтовку, чтобы закрыться от моего удара шашкой, но одновременно этот человек уклонился от меня полуоборотом влево, и этим открыл шею и правое плечо. По шее я и рубанул. В следующий момент я перегнулся влево, рубить пластуна в рыжей шапке, но мой Азиат как-то внезапно рванул вправо, и я ударом влево промахнулся. Сейчас же за этими двумя красными показалась еще какая-то фигура, опять у меня слева. Я ее кольнул, но, далеко перегнувшись, чтобы достать ее концом клинка, я сам чуть не слетел с коня.

Впереди меня никого не было; крики и стрельба были уже позади, и мне стало ясно, что я очутился в тылу у противника, сзади его цепей. Подскачили ко мне мои одностаничники прапорщики Кадушкин и Шкарлат, невредимые, и сотник Ярош, раненный в ногу. Урядник Скрыпник остался убитым при прорыве через цепь. Недосчитались мы и Телеганова; были и еще кто не прорвался. Уже в тылу у неприятеля мы потеряли урядника Шрамко (Шкарлат уверял, что Шрамко уцелел, но подался на Васюринскую, «кончивши воевать»).

Мы, уцелевшая четверка, сразу же сообразили, что единственной возможностью для нас выйти назад к своим было попробовать обогнуть неприятельский отряд подальше от места атаки. Так мы и сделали: по кустам и за деревьями мы взяли влево и очень скоро нашли конец неприятельской цепи; загнувши еще больше влево, мы довольно быстро очутились «на нашей стороне». Выехав из-за укрытия на открытое место, мы заметили, что по нас стреляют, и пустились коней карьером, стремясь поскорее достигнуть видневшегося впереди «куренья з левадою». Подскакали ближе к этому укрытию и заметили, что там много всадников и пеших. На мгновение сжалось сердце: а вдруг не наши? Но так как к этому куреню то и дело, и не спеша, подъезжали всадники из нашего тыла, то мы сообразили, что это были «кадеты». Так оно и оказалось: это были казаки-елизаветинцы, не дошедшие в атаке до Садов и благоразумно «задержавшиеся» у разных закрытий. Подъехавши к ним, мы свалились с коней: тут мы почувствовали страшную усталость. Ярошу перевязали раненую ногу; пуля, ранившая Яроша, вошла в плечо его коня, но, очевидно, не затронула ни кости, ни артерии, так как конь был в полном порядке. Зато с моим Азиатом было хуже: у него в левом бедре была рваная рана, и из нее беспрерывно шла кровь. Это была штыковая рана; рыжая шапка метил штыком в меня, но, уклоняясь от удара Кадушкина, запоздал и, вместо моей ноги, ударил штыком в Азията. Тут я вспомнил, как вздрогнул мой верный конь, когда

мы проскакивали цепь. На мне же не было ни царапины, хотя два пулевых отверстия испортили рукав и левую полу моей «бичераховки» (дачковая гимнастерка, с грудными карманами «под газыри»).

Переведа дух, мы уже спокойно, то рысью, то шагом отправились к скирдам, где, по словам елизаветинцев, собирались остатки нашего полка. Под одним из стогов мы нашли нескольких офицеров и юнкеров из нашей сотни; было там два-три человека и из нашего 3-го взвода: поручик (теперешний полковник) Пухальский³⁰⁸, хорунжий Острецов³⁰⁹, братья Романцовы³¹⁰ и раненый подьесаул Помазанов, который отказался эвакуироваться в лазарет в станицу Елизаветинскую. Тяжело раненного подьесаула Чигрина уже отвезли туда; там он и принял мученическую смерть, когда, при нашем отходе, лазарет был оставлен на милость большевикам и все раненые были зверски переколоты ликующими победителями-красногвардейцами. Тут же мы узнали о смерти полковника Рашпиля³¹¹ и многих его гвардейцев; другие части тоже сильно пострадали; погибли у неприятельских цепей и те гвардейцы-донцы, которыми мы так восхищались: есаул Рыковский и подьесаул Плева. В 1-м эскадроне была убита женщина-прапорщик баронесса Боде, отличный и храбрый офицер, и многие другие. Припомнилось: «Тогда считать мы стали раны...»

К вечеру мы начали отходить на северо-запад. Мой Азият совсем обессилел, и я часто вел его в поводу. В маленькой станиченке, через которую мы проходили, я оставил Азията одному из жителей, а вместо него заседал какую-то шкапу, до того никогда в жизни не имевшую ни седла, ни всадника на спине. Позже, в колонии Гначбау, я и ее оставил «благодарному населению», после того как Помазанов, сжалившись надо мною и над моей клячей, отдал мне своего лысого, белоглазого коня, а сам перебрался на лазаретную линейку.

На месте сбора после атаки уцелевших юнкеров влили в наш взвод, назвали взвод сотней, и в командование ею вступил есаул Машыщенко.

Так печально и трагически окончилась наша отчаянная атака. Но цели мы достигли, дошли до противника и рубили его, хоть и не все; а главное, мы выполнили свою задачу — не дали большевикам выйти во фланг и тыл нашей изнемогшей пехоте; обход мы остановили. В этот же вечер наши пехотные цепи, незаметно для противника, снялись с позиции, и, севши на подводы, уцелевшие герои Корнилова покатали к Гначбау и к дальнейшим боям и скитаниям.

АТАКА³¹³

Наступает 45-я годовщина с тех пор, как казак полководец Корнилов, восставший против коммунизма, в неравной битве не победивший, а создавший стимул для подвига, во имя Отчизны и за свою идею, в последний день осады Екатеринодара — заплатил жизнью...

В этот день (мои именины!)... тучи пехоты красных охватывали левый фланг белых, чтобы окружить стальным кольцом и захватить всю корниловскую армию...

На конницу легла вся надежда спасения; приказ — атаковать пехоту!.. Два офицерских эскадрона на ходу развернулись для атаки центра; почти все всадники были командирами, водившими своих подчиненных в атаки; им знакомо чувство опасности, когда до боли в руке сжималась острая сабля; им без слов была понятна обстановка, обеспечивающая успех впереди, у опушки рощи стоящего противника, сереющую пехоту.

И ясна была необходимость сознательной жертвы, когда малодушие и паника охватили всех и когда уже в гробу лежавший Корнилов сам призывал офицеров на возвышенный, бескорыстный подвиг — пожертвовать жизнью «за други своя».

Блеснули шашки... На полудиком, быстром кабардинце полковник Рашпиль, бывший командир сотни конвоя Государя, резко вырвавшись вперед, повел за собою лаву всадников. Из бешеного галопа кони порывисто перешли в карьер, быстро увеличивая собою мишени.

Грозная сила вихревого налета конницы встречена гробовым молчанием пехоты, моментально перестроившейся, одевшись в панцирь штыков.

И вдруг... началась пляска смерти... Стройный, губительный залповый огонь открыли красные по атакующим, с дистанции шагов тридцать. Этот свинцовый концерт смерти давал, видимо, опытный дирижер — командир. Рой стальных пчел осел на всю лаву; огневая завеса отделяла всадников от противника, и металлический смертоносный дождь, казалось, остановил лаву...

Поднялся на дыбы рослый скакун-дончак и упал, а с ним есаул Дронов грузно сорвался убитым. Вторым упал Рашпиль.

Степь наполнилась крови убитых. Дорогой ценою вызван моральный надлом красных, оставивших позиции. Уводил их к Черноморскому вокзалу хорунжий Дронов (родной брат убитого!), Георгиевский ка-

валер всех степеней, за боевые отличия произведенный в офицеры в 6-м Кубанском пластунском Цесаревича Алексея батальоне.

Армия спасена! В эту ночь, с гробом Корнилова, она свободно ушла из-под Екатеринодара.

Был жуткий ночной поход... К этой ночи относится начало легенды — созданной духом армии, после перенесенных тридцати пяти боев в сорок дней насыщенной мистицизмом смерти, — будто из темноты ночной голос убитого Рашпиля рапортовал у гроба Корнилова:

— Ваш приказ — атаковать — исполнил! В составе тридцати двух убитых офицеров в ваше распоряжение прибыл!

— Состоять при мне! — был ответ из гроба...

Э. Каруц³¹⁴

ЛЕДЯНОЙ...³¹⁵

После нашего соединения с отрядом добровольцев, вышедших из Ростова под командованием генерала Корнилова, и переформирования таковых под водительством последнего, наш полк вошел в состав 1-й бригады Добровольческой армии, которую (бригаду) возглавил генерал Марков.

Уже почти с первых дней мы, добровольцы, от рядового до командиров, сразу преисполнились глубоким уважением к нему.

В отдаваемых им приказаниях он был резок, в выполнении — требователен. Он сам за всем наблюдал. Его можно было видеть повсюду — на самых важных участках, он был там и брал на себя руководство. Где появится генерал Марков — это означало, что именно тут пункт тяжести, и, каков бы он ни был, каким неразрешимым ни казался, он своей напористостью заставлял его преодолеть.

Добровольцы сразу поверили в генерала Маркова и шли за ним, не существовало для них преград, когда Марков шел с ними в бой, которых нельзя было бы одолеть. Казалось, что не мы, а он, титан, схватился с врагом, а мы только молчаливые зрители.

Как в дневных походах, так и в ночных передвижениях — Марков и тут, Марков и там, и слышится его резкий, повелительный голос, дающий те или другие распоряжения или указания. Его характерная фигура в белой, сильно пожелтевшей папахе, в темно-серой, штатского покроя, ватой подстеганной до колен куртке с генеральскими погонами, с плетью в правой руке, часто резко поднимавшей-

ся с угрозой, иногда не только рассекавшей воздух, но и ложившейся по плечам, появлялась перед нами в совершенно неожиданных для нас местах, на невысоком, но крепко сложенном коне.

Мое первое соприкосновение с генералом Марковым началось уже с того момента, когда он принял в состав своей бригады наш полк, сделав нам смотр, и мы из станицы Калужской двинулись в направлении Екатеринодара, во исполнение диспозиции командования Добармии — выбить красных из столицы Кубани.

Должен оговориться, что положение полковой пулеметной команды, не в пример ротам или сотням в полках, было особое — она подчинялась непосредственно командиру части, и не только по «Положению» о пулеметных частях, но и по фактической огневой силе, ее начальник привлекался сплошь и рядом на совещания при предстоящих операциях или получал, наравне с командирами батальонов, указания о предстоящей задаче.

Генерал же Марков, комбригады, сплошь и рядом, через голову командира части, сам давал мне детальные указания. Он входил сам во все детали, чтобы при каждом моменте быть в курсе вопроса своей бригады. Был не только резок, требователен в отношении своих подчиненных, но также защищал интересы бригады и в высшей инстанции, не считаясь с положением лица или лиц там. Умел в нужде и защищать своих подчиненных.

Приведу характерный пример. Перед нами на походах часто мелькала плотная фигура бывшего председателя Государственной Думы Родзянко со своим окружением-свитой, которая постепенно стала расти. Вся эта свита с ним гарцевала на хороших лошадях. В адрес их со стороны добровольцев раздавались шуточные замечания. Марков иногда в их адрес также запускал витиеватые шутки, на которые он был мастер. Ругатель он также был отменный. После переходов и особенно боев Марков требовал от нас давать ему непосредственно отчет о состоянии части, интересуясь, главным образом, людским составом — выбывшие по болезни, раненые и убитые, — а также состоянием боеприпасов.

Как-то после перехода (боев у нас в этот день не было) мне доложили, что из состава команды бесследно исчезли два поручика, братья Михайловы. Розыски их не дали результатов. Все мы были в недоумении. Высказывалось предположение, что на походе они могли по каким-то надобностям оторваться от колонны и попасть в руки красных. Я уже готовил очередное донесение генералу Маркову, где вписал, что такие-то бесследно исчезли, когда получил донесение от своих людей, что братья Михайловы записались и перешли

в свиту Родзянко. Тут же дописал на готовом донесении, что Михайловы найдены и дезертировали к Родзянко и что принимаю меры к изъятию их оттуда. Отослав донесение, я снарядил за ними людей с приказом в случае, если они откажутся добровольно вернуться, — взять их силой. Несмотря на угрозы со стороны Родзянко в мой адрес, что он будет жаловаться на меня генералу Деникину, мой приказ был выполнен, и их привели ко мне. Я приказал их держать под арестом при обозе.

В это время меня потребовал к себе генерал Марков, получивший уже мое донесение и жалобу Родзянко. Я не знал, как отнесся генерал Марков к случившемуся и к моей инициативе самому «изъять» самовольно ушедших из своей части. Марков же встретил меня довольно спокойно и даже как будто довольный. Выслушав мой доклад о случившемся и о стычке моего наряда с Родзянко, он одобрил мои действия.

— А относительно Родзянко не беспокойтесь, я уже сам поговорю о нем где следует, — закончил он.

Двинувшись в направлении Екатеринодара, я получил приказание быть в арьергарде колонны. Впереди меня шел наш громадный и неповоротливый санитарный обоз — раненые и больные. Начальником его был Генерального штаба генерал Белоусов³¹⁶. Бригада шла в голове нашей колонны, а еще раньше нас первыми выступили полки 2-й бригады генерала Богаевского. Поэтому на встречный бой с красными расчета не делали, и мне было приказано внимательно следить за нашим «тылом», так как предполагалось, что за нами могут двинуться вытесненные накануне красные, которые упорно защищали станицу, заставив нас ночевать в открытом поле под дождевым снегом и в промокшей глубоко земле.

Но действительность оказалась другая. Впереди мы услышали перестрелку. Наша бригада вошла в соприкосновение с красными. Вскорости на взмыленном коне ко мне подскакал ординарец-офицер генерала Маркова с приказом немедленно выдвинуться вперед и вступить в бой. Задача была не из легких. Впереди идет санитарный обоз и все остальное хозяйство бригады. Свернуть по разъезженной дороге почти невозможно. В санитарном обозе уже тревога — уходит прикрытие. Понимаю их положение. Начальник санитарной части генерал Белоусов высказывает мне свои заботы об этом, но я, не теряя ни минуты, уже двинул свои пулеметные тачанки вперед, приказав своему обозу продолжать следовать за санитарным. Вырываюсь вперед, и ввязываемся в бой, который быстро заканчивается. Красные рассеялись. Но надо все же было видеть, как после принял меня «в

штыки» генерал Марков. Считал недостаточно быстрым мое выдвижение. Но когда я обрисовал ему создавшееся в обозах положение, когда меня не хотели «выпустить», рассмеялся и поблагодарил за выполнение задачи.

Бой за Георгие-Афипскую

Наши цепи расположены немного наискось против железнодорожного полотна. Правый фланг удаленнее. Виден вокзал. На полотне большой бронепоезд красных. Ведет по нашим цепям интенсивный пулеметный и артиллерийский огонь. Движение наших цепей приостановлено. Мои пулеметы сосредоточены больше справа, ведя огонь по бронепоезду. Но что-то не ладится. Направляюсь туда. Вдруг, как бы вынырнув из-под земли, генерал Марков указывает мне рукой:

— Что у вас там справа?

Отправляюсь быстрее, во взятом уже мною направлении. На встречу — пулеметчик. Докладывает: нет патронов. Пулеметы почти молчат. Оказалось, что под сильным огнем противника подносики патронов застряли, скрывшись за складками местности. Наладил поднос и влился в цепь, дав распоряжение четырем пулеметам сосредоточить огонь в одну точку — по бронепоезду. Все же бронепоезд, уходя весьма медленно, продолжал отстреливаться и даже снова двинулся обратно.

Вдруг слышу позади голос генерала Маркова. Оборачиваюсь. Подходит с ним генерал Корнилов.

Там, где мы были расположены, местность образовывала складку, и противник не мог видеть расположения пулеметов, за исключением самого правого флангового, который стоял просто открыто наверху складки.

Я был как раз в нескольких шагах от этого пулемета. Генерал Марков указал на меня рукой и что-то сказал. Генерал Корнилов подошел вплотную ко мне. Внимательно осмотрел наше расположение и ясно видный впереди бронепоезд. Пулеметы продолжали бой.

— Это ваш? — обратился он ко мне, указывая на прапорщика, который сидел за открытым пулеметом и стрелял из него.

— Так точно.

— Вам бы следовало немного спуститься ниже с пулеметом, — обратился генерал Корнилов непосредственно к прапорщику Н., — а то подвергаете себя напрасному риску.

— Ваше высокопревосходительство, это ничего, но вот вы напрасно рискуете, и вам бы не следовало быть тут, — ответил скромно, но убежденным тоном прапорщик.

Генерал ничего на это не ответил. Лишь можно было заметить под усами чуть-чуть обозначившуюся улыбку. Молча повернулся и, кивнув головой, удалился с Марковым.

Бой за Екатеринодар

Ночь с 30-го на 31 марта. Затишье. Пулеметчики где-то на чердаке раскопали многолетнюю, в черенках, засохшую до отказа кукурузу. Голодно. Поджариваем на маленьком, скрытом складкой местности костре. Грызём. Я бросил в бой почти все свои пулеметы, оставив по приказанию Маркова в резерве два взвода.

Из темноты появляется характерная фигура Маркова. Он появляется всегда неожиданно и в неожиданных местах. Подсаживается. Вижу, что озабочен, но держится спокойно и так же спокойно разговаривает с нами, затем обращается ко мне и говорит:

— Не все у нас ладно. Придется вам отправиться с подкреплением на кирпичный. Возьмите один взвод, сами разместите и возвращайтесь, и будьте с последним взводом в моем распоряжении.

Выполнив задание, я возвратился к моей импровизированной стоянке; было уже предрассветное утро. Устроился на матери-земле сырой и задремал. Немного подремав, обратил внимание, что на нашем фронте сравнительно тихо. Часов в девять утра или немного позже, приблизившись, но не доходя, меня поздравил к себе Марков:

— Генерал Корнилов убит, пока не говорите никому. Командование принял генерал Деникин. Стяните ваши пулеметы, мы готовимся к отходу.

Оторвавшись от Екатеринодара, мы снова двинулись в неизвестность.

Противник всюду. Но генерал Марков среди нас, и его также видно повсюду. Он так же бодр, как и раньше, и по-прежнему пересыпает свои распоряжения крепкими словами, на которые был охоч.

Дядьковская. Переход через железную дорогу заграждает нам бронепоезд, и Марков, атакуя его нещадными словами, оставаясь верным себе, приказывает:

— Стой, такой-сякой! А то расстреляю!

Поезд противника от такого неожиданного окрика и приказа стал. В упор его расстреливает наша артиллерия, пулеметы стрекочут. Он

забрасывается с нашей стороны ручными гранатами, и добровольцы облепливают его со всех сторон. В центре этой картины, вплотную к стене поезда — Марков. Его распоряжения и голос доминируют надо всем. Добровольцы делят добычу. Каждый старается добыть для себя побольше огнеприпасов. Делается все быстро. Времени нет. Надо быстрее перейти преграду — железную дорогу.

Прибыв на Дон, мы разместились в станице Егорлыцкой (мы ее называли Фронтной), вторая бригада — в Мечетинской, там же и наше командование, а кавалерия — в Кагальницкой. Добрармия разместилась тут на широких квартирах, приводила себя в порядок, починаясь и пополняясь. Наши боевые вылазки — не в счет.

В Егорлыцкой из бригады оставался наш полк, Офицерский ушел в Ростов. Ушло от нас и некоторое количество добровольцев. Были такие и у меня, но немного, несколько человек. Все они потом возвратились, кроме одного штабс-капитана Н.

Дон был свободен. Атаман Краснов установил с немецким командованием прекрасные отношения. Немцы занимали всю Украину до Ростова. У нас с ними отношений никаких — вооруженный нейтралитет, но обозы, наших раненых и больных, направляемых в Ростов, они предупредительно пропускали, называя нас «корниловцы».

Тут, почти в «мирной» обстановке, мне пришлось уже чаще встречаться с генералом Марковым в приватной обстановке, и даже раза два и за чаркой доброго донского вина.

Хочу еще отметить, что незадолго до нашего выхода во Второй Кубанский поход, завершившийся освобождением всей Кубани до берегов Черного моря, которое нас связало с Западной Европой и нашими союзниками по Великой войне (война еще продолжалась), в станицу Егорлыцкую из Мечетинской прибыло наше командование во главе с генералами Алексеевым и Деникиным.

В станичное правление были приглашены для выслушивания доклада офицеры командного состава. Мы расселись против стола, за которым сидели (лицом к нам) генералы Алексеев и Деникин в центре, а по бокам Романовский и Лукомский. Генералы Марков и Богавский стояли, как еще несколько других. Первым взял слово генерал Алексеев, за ним говорил генерал Деникин.

Ситуация к этому моменту была следующей: немецкое командование через генерала Эльснера, представителя Добрармии (Ростов) для связи с Доном, предлагает войти с ними — немцами — в соглашение до перемирия включительно от имени России (видя в нас старую русскую армию). Они согласны отбросить Брест-Литовский договор с большевиками, помочь нам в борьбе с ними и гарантируют

заявление о взятии Москвы в три месяца. Это предложение командование Доброй армии категорически отвергает, считая, что мы не можем изменить нашим договорам с союзниками, хотя вести войну против немцев тоже не можем, но остается одно — держать вооруженный нейтралитет. Дойдя до Черного моря, мы установим связь с союзниками, которые нас поддержат в борьбе против большевиков.

*Л. Пермяков*³¹⁷

ГЕНЕРАЛ КОРНИЛОВ

(из воспоминаний участника 1-го Кубанского похода)³¹⁸

Личность генерала Корнилова, от его первых шагов до рокового снаряда, пресекшего под городом Екатеринодаром жизнь этого легендарного генерала и патриота, описана в воспоминаниях его ближайших сподвижников — генералов Лукомского и Деникина. Я же — только скромный свидетель мимолетных эпизодов, которые наблюдал, иногда и слышал до и после присоединения Кубанского отряда генерала Покровского. Слухи самые фантастические носились среди красных, по показаниям пленных: генерал Корнилов идет, сметая все на своем пути. Его артиллерия, исчисляемая в сотни орудий, пролагает ему путь... Он, подобно Белому Генералу Скобелеву, всегда впереди и лично ведет атаку.

У станицы Калужской, после упорного боя, генерал Покровский опрокинул красных и вошел в связь с «армией генерала Корнилова». Армия эта, численностью до 3 тысяч, своею численностью не превышала Кубанский отряд, но у страха глаза велики: несмотря на очевидность, так как ее малочисленность не могла быть неизвестной в районе ее движения, обыватели неизменный ее успех и разгром красных объясняли по-своему: «видимо и невидимо, и масса орудий».

Вскоре после соединения «армия» была переорганизована в две пехотные бригады: 1-я — Корниловский и Г. партизанский 2-батальонного состава полки — и 2-я — Офицерский и Кубанский стрелковый полки (того же состава). Артиллерия — две батареи по 4 орудия, по одной на бригаду. Конница — два полка: Черкесский и Конный, 4-сотенного состава каждый, сведены в бригаду генерала от кавалерии Эрдели с конной Кубанской батареей. Плюс — инженерно-саперный отряд: две роты — связь и подрывники. Вот и все «видимо и невидимо», но зато обоз — повозки с ранеными и бе-

женцами — по отношению к боевым силам был действительно «видимо и невидимо».

Генерал Корнилов вполне отдавал себе отчет в том, что силы его малы, что в боевых припасах недостаток, особенно в снарядах. Что же его толкнуло на штурм города Екатеринодара и к отказу от первоначально принятого решения — уйти по соединению в Задонские степи?

Три фактора повлияли на это: 1) необходимость снабдить себя снарядами; 2) необходимость разгрузить себя от раненых и беженского обоза; 3) влияние Кубанского войскового правительства и Рады, несколько преждевременно преувеличивших антибольшевистские настроения в крае.

Генерал Корнилов признавал, что взятие Екатеринодара даст ту искру, которая зажжет пожар восстания на Кубани, даст ему необходимые силы и развяжет руки и ноги, связанные обозом. Удар по станции Георгие-Афипской как бы подтвердил этот прогноз.

В 20-х числах марта 1918 года «армия» его атаковала красных у станции Георгие-Афипская (железная дорога Екатеринодар—Новороссийск). Генерал-майор Марков со 2-й бригадой (Офицерский и Кубанский стрелковый полки), поддержанные батареей полковника Миончинского, атаковали с фронта, 1-я бригада генерала Богаевского (Корниловский и Партизанский полки с батареей) обходила правый фланг красных; конница генерала Эрдели двинулась еще левее 1-й бригады, имея задачей — прервать железную дорогу на Новороссийск, выйти в тыл красным и отрезать им отход к Екатеринодару.

В 10-м часу в тылу боевого участка 1-го Кубанского стрелкового полка показалась группа всадников, шедшая галопом в направлении наступавших цепей полка. Впереди на золотистом коне-текинце генерал Корнилов, за ним всадник-текинец со значком и десятков лиц свиты. У скирды, шагах в 200—300 не доходя цепей, ведущих интенсивный огонь по красным, группа остановилась и спешила; как стало известно позже, тут был легко ранен в ногу начальник штаба Верховного генерал Романовский.

Генерал Корнилов, встреченный командиром полка, в сопровождении командира и меня, как полкового адъютанта, спокойным шагом прошел по цепям, занимавшим железнодорожную насыпь, и, идя вдоль их, пошел навстречу командиру Офицерского полка генерал-майору Тимановскому, в стыке с которым наступал 1-й Кубанский стрелковый полк. Выслушав доклад, он в бинокль стал разглядывать расположение противника, а затем спокойно, не обращая внимания

на обстрел, спустился вниз под насыпь к подскакавшему генералу Маркову. Переговорив с ним, он направился к стогу сена, за которым стояли лошади, сел на своего текинца и, сопровождаемый группой севшей на коней свиты, пошел вдоль фронта галопом в направлении наступления 1-й бригады.

Это был второй раз, что я видел генерала Корнилова. Первый раз утром, когда мы разворачивались из походной колонны для движения к своим участкам: он пропускал полки, здороваясь с ними, сидя на своем золотистом коне. Его появление в передовых цепях, его спокойствие, скажу — непринужденность под пулями, — вселяли какую-то уверенность, что с ним все возможно и удача несомненна.

Я слышал, как казаки и добровольцы говорили: «Вот это генерал, с ним не пропадешь», а ведь и генерал Марков, и генерал Тимановский, да и наш командир полка были примерами бесстрашия... Но то были ведь прямые начальники, а здесь был «Верховный», вмещавшийся в маленькую, сухонькую фигуру генерала, с Георгиями на груди и на шее; слегка раскосые глаза монгола, как бы гипнотизируя, давали необъяснимое чувство веры, что с ним все возможно...

Вскоре после отъезда генерала Корнилова генерал Марков, очевидно выполняя его указания, повел наступление на станицу Георгие-Афипскую. Взрывы как со стороны Екатеринодара, так и со стороны Новороссийска указывали, что наша конница выполнила поставленную ей задачу. Быстро, не останавливаясь, двигались цепи полка; беспорядочный огонь красных указывал на их моральную подавленность и почти не причинял потерь; несколько очередей шрапнелью по околице — и наши цепи с криком «Ура!» уже ворвались в станицу; весело, шутя со стрелками, промчался вперед генерал Марков на своем маштаке, в белой папахе; красные забегали в хаты, но жители станицы выталкивали их, передавая нам, а успевшие удрать попадали под удары 1-й бригады или нашей конницы — разгром красных был полный, а главное — в наши руки попали патроны и артиллерийские снаряды.

Успех у Георгие-Афипской предрешил штурм Екатеринодара. Передавали, что будто бы Кубанский атаман в разговоре сказал: «После взятия Екатеринодара у вас будет десять раз 10 000 бойцов», — в ответ слова генерала Корнилова: «Будь у меня 10 000 человек, я пошел бы теперь на Москву!»

Верно или нет, но 28 марта была начата операция по овладению столицей Кубани. Предстояло переправиться на правый берег реки Кубани. Отсутствие переправ и бродов вынуждало использовать паром против станицы Елизаветинской. Эта переброска пакетами нарушила

организацию, части перемешивались и вступали в бой не под командой своих прямых начальников. Так, 2-й батальон Кубанского стрелкового полка, переправившись, оторвался от 1-го батальона, попавшего в Корниловский полк, а командир 2-й бригады генерал Марков командовал частями Офицерского, Корниловского полков (отставшими от своих полков) и казаками станицы Елизаветинской. Это перемешивание, возможно, и затянуло бой.

Красные использовали артиллерию крупного калибра, подвезенную из Новороссийска и снятую с судов Черноморской эскадры, с которой двум нашим батареям трехдюймового калибра, несмотря на все искусство их командиров, состязаться было трудно: снаряды красных буквально пахали поле, которое было ровно, как плац. Я вспоминаю, что, ища место для командного пункта полка, я напрасно искал хотя бы малейшую складку на нем и, не найдя, приказал рыть окоп в месте разрыва тяжелого снаряда. На вопрос подошедшего командующего полком, почему я остановил свой выбор на этой воронке, я ответил: «Исходя из теории вероятностей, считая, что мало шансов, что вторично сюда же попадет второй снаряд».

Действительно, в течение 30—31 марта, несмотря на интенсивность огня красных, который по силе можно было сравнивать, по выражению подполковника Т., участника боев на Западном фронте, с артиллерийской подготовкой прорыва позиции, снаряды падали и рвались кругом командного пункта, но ни один не попал в него; но зато огонь пулеметов поливал его роем пуль. Только с наступлением сумерек являлась возможность передвигаться и исправлять перебитые телефонные провода к ротам впереди и к резерву в тыл, связь с которыми поддерживалась ординарцами, пробиравшимися ползком. Вечером 31 марта я вышел из окопа, прошел к резерву, сел на лошадь и с вестовым поехал в штаб генерала Корнилова на ферму у берега Кубани за приказаниями.

Там я получил приказ: «2-му батальону 1-го Кубанского Стрелкового полка с Партизанским полком перейти в наступление и овладеть Екатеринодаром совместно с наступающими частями впереди генерала Маркова; окраины города, в частности Артиллерийские казармы, Кожевенный завод и Сенная площадь, в наших руках; конница генерала Эрдели в садах к юго-западу от города». Приказ заканчивался словами: «Генерал Корнилов лично поведет атаку».

К рассвету я вернулся на командный пункт полка, но вскоре получил дополнительное приказание, отменявшее приказ и сообщавшее, что на рассвете разрывом артиллерийского снаряда, попавшего в ферму, смертельно ранен генерал Корнилов, через несколько минут скон-

чавшийся, и что в командование вступил генерал Деникин; о смерти генерала Корнилова войскам не передавать, держаться своего расположения до вечера, а с наступлением сумерек отходить от Екатеринодара, в указанной последовательности вливаясь в общую колонну.

Отход, несмотря на близость противника, особенно в передовых линиях, был совершен беспрепятственно; красным, очевидно, не верилось, и они принимали его за хитрость. Только лишь 12 часов спустя, когда «армия» отошла и остановилась в колонии Гначбау, началось преследование, выразившееся в обстреле с броневых поездов артиллерией. К этому времени от казаков станицы Елизаветинской и пленных им стало известно о смерти генерала Корнилова.

Невольно при воспоминании об этом напрашиваются вопросы: 1. Взял ли бы тогда генерал Корнилов город? 2. Прав ли был генерал Деникин, отойдя? 3. Как отразилось бы на событиях взятие Екатеринодара?

На первый вопрос я сейчас, как и тогда, отвечаю утвердительно. На второй — прав и генерал Деникин, так как без генерала Корнилова он не смог бы это сделать, подобно тому, как без Суворова не был бы взят Измаил и не были бы пройдены Альпы, а без Юденича не было бы победы у Саракамыша, ни штурм Эрзерума, но была бы гибель русской армии. Добровольцы и ближайшие сотрудники генерала Корнилова верили в него, и это была та сила, при которой невозможное было возможным. С его исчезновением эта сила исчезла, его заместитель был бойцам чужд; уже позже, при отходе выдвинулась фигура генерала Маркова — выкристаллизовывался новый вождь, — но тогда такового еще не было. То, что было доступно Корнилову, то есть потребовать и получить то моральное напряжение, коим достигается, вопреки здравому расчету, победа, — того после его смерти никто уже добиться не мог, а смерть скрыть было невозможно, так как армия привыкла его видеть в минуты решения; без него штурм был невыносим, как и штурм Измаила без Суворова. На третий вопрос скажу: движение на Москву началось бы не в 1919 году, а весной 1918 года, то есть на $\frac{1}{2}$ года раньше. Политическая и военная обстановки были бы иные: на Украине — немцы, на Волге — армии Сибири, да и красная армия была еще в зародыше.

Движение на Москву, о котором мечтал генерал Корнилов, сулило успех, и Москва была бы наша, до победы наших союзников над немцами, в помощи которых мы вряд ли бы нуждались, и если бы победа была за союзниками, то с нами им пришлось бы считаться как с равноправными участниками победы, а не как с бедными родственниками; в случае же победы немцев им вряд ли была бы охота нас

покорять, а выгодней иметь в лице России спокойного соседа и, договорившись, уйти восвояси; судьба Царской Семьи была бы иная.

Поистине снаряд, унесший жизнь генерала Корнилова, был не только роковым для нас, белых, но, как показали дальнейшие события, стал роковым и для судеб всего мира Недаром говорят на Востоке: «кисмет!» — что значит — «предопределено».

К. Нефедьев³¹⁹

ДВА ПЕРВОПОХОДНИКА³²⁰

Мои начальные среднешкольные годы в стенах пансиона Кубанского Александровского реального училища совпали с русско-японской войной. Среди малышей-реалистов преобладало воинское воодушевление. В то время игра в оловянные солдатики была популярна. Чуть ли не каждый располагал тем или иным числом игрушечных солдат, «знаменем» и «вооружением». Елочные подарки, случайные игрушки для мальчиков включали и эти «воинские» игрушки.

В пансионе организовались две группы — «русская» со своим знаменем, барабанами, игрушечными ружьями, трубами, руководимая второгодником Володей Асеевым, прозванным «Суворовым», и «японская» с Микадо. Обе группы, играя в солдатики на столах, составляли планы «сражений» и во время послеклассного отдыха во дворе, а чаще в длинных коридорах училища вели «войну». Невообразимый шум, беготня, крики «Ура» и «Банзай!» наполняли коридоры. Группы сходились, старались друг друга обезоружить, отнять знамя, вступить в борьбу, а через протянутую веревку старались перетянуть противную сторону.

Все эти забавные сцены разыгрывались при молчаливом согласии учебного начальства и насмешливого отношения старшеклассников. «Враждебные действия» прекращались, как только наступало время вечерних занятий «Победители» и «побежденные» мирно сидели за столами и готовили уроки. В праздничные, воскресные дни подобные занятия происходили в более широких размерах; приходящие также принимали в них участие.

Эти «воинственные» настроения продолжались до окончания русско-японской войны. После летних каникул по приезде в пансион в 1905 году все эти забавы как-то были забыты. Правда, все «подготовишки», участники «войны», были во Владикавказском кадетском корпусе, а вновь поступившие не проявляли желания играть «в войну».

Школьная жизнь протекала своим рассчитанным порядком. На переменах обычно, помимо всяких забав, было шумно. Семь основных, семь параллельных, подготовительный и приготовительный классы заполняли большое помещение реалки. При главном входе в училище, возле раздевалок, стоял медный шарообразный чан-котел с питьевой водой. К нему с четырех сторон были приделаны края с медными цепочками и кружками для воды. Вокруг котла, внизу был сооружен медный обод для стока воды. Здесь обычно на большой перемене постоянно толпились ученики всех классов.

Однажды, когда я наливал в кружку воды, к чану-котлу с криком подбежали двое старшеклассников — А. Дурасов, за ним И. Пейфасор. Последний ростом и фигурой в сравнении с нами — великан запорожского типа. Дурасов, добежав до чана-котла, ловко вывернулся из-под рук догнавшего его Пейфасора, а последний тяжестью своего богатырского тела обрушился на меня. Помню лишь, что я закричал не своим голосом и, обливаясь кровью, упал возле котла, потеряв сознание.

Оказывается, толчок был настолько сильным, что я, ударившись правой частью лба о медный отвод котла, разрезал кожу и ушиб лобовую кость над правым глазом. Когда меня принесли в приемную к доктору Франгопуло и он начал зашивать рану дугообразной иглой, я очнулся и орал полным голосом. Если бы не крепкие руки фельдшера и двух помощников, я бы, наверное, вырвался. Эта «швейная» операция оказалась очень мучительной и навсегда осталась в моей памяти, но молодость... Рана быстро зажила, а богатырь Илько Пейфасор с Дурасовым стали моими доброжелателями.

Так как они были приходящими и жили вместе в достатке, то при встречах со мной старались меня чем-либо порадовать — давали сладости, фрукты, а в праздничные дни предлагали бесплатный билет в цирк или театр. Не всегда я мог этим воспользоваться.

Не помню, когда именно, возвратившись с летних каникул, в новом учебном году в стенах реалки я не нашел ни Дурасова, ни Пейфасора. Не окончив реалки, они, как выяснилось, продолжали образование в Москве, и мне вновь пришлось с ними встретиться в феврале 1918 года.

В это время в Екатеринодаре сын нашего законоучителя отца Григория Виноградова — капитан М. Виноградов³²¹ — формировал 5-ю полевую батарею в отряде полковника Лесевицкого. Набор производился из учащейся молодежи, по добровольному желанию. Я в это время числился при штабе войска и с разрешения записался в эту батарею с зачислением ездovým на первый унос на 3-е орудие.

Здесь я встретил Пейфасора и Дурасова, также поступивших добровольцами в батарею. Между нами было договорено неразлучно быть вместе.

Всем известно, какое это было трагически-тревожное время. Наскоро формировавшиеся воинские подразделения из добровольцев без надлежащей подготовки, нужного снаряжения и вооружения в ночь с 28 февраля на 1 марта выступили в первый исход за Кубань. Казачество еще не определило своего отношения к борьбе с большевиками.

Не буду описывать этот Ледяной поход, о нем достаточно писалось авторитетными лицами. Наша батарея, как и остальные части добровольцев, доблестно выполнила свои обязанности. В тяжелые минуты боевой страды, на походе, Илья Пейфасор был душой батареи. Всегда веселый, остроумный, а главное — незаменимый помощник, когда орудия оказывались застрявшими на пнях, ухабах, — сильными руками он вытаскивал колеса.

После отхода от Екатеринодара батарея, за отсутствием снарядов, была оставлена в Гначбау, а состав ее вошел во вновь сформированную офицерскую команду разведчиков при штабе генерала Маркова и в особую сотню. Капитан Макаров назначен был начальником разведчиков. Я, Пейфасор и Дурасов состояли в одной «тройке» и по команде «Очередные!» вместе отправлялись на различные боевые задания, за исключением второстепенных. Весь путь отступления от Екатеринодара с огромным обозом раненых и больных, переутомленных, удрученных гибелью генерала Корнилова добровольцев был особенно тяжелым. В голове движения — неутомимый, смелый генерал Марков.

Ночным маршем, бесшумно подходим к железнодорожному поезду у станицы Медведовской. На переезде стоит броневик. Развернув Офицерский полк по сторонам переезда железной дороги, генерал Марков со штабом, с ручной гранатой в руках, подошел к локомотиву броневика и бросил гранату внутрь его. Красные буквально были ошеломлены появлением добровольцев. Захватив броневик, прислуга которого частью была перебита, а частью бежала в станицу, марковцы ворвались на станцию и не успевали разоружать бежавших красноармейцев. Я, Пейфасор и Дурасов проскочили через переезд на окраину станицы Медведки, задерживали также бежавших в панике красных. Не больше чем через 15—20 минут головная часть колонны с обозами заняла станицу Медведовскую.

Эта блестящая операция генерала Маркова сразу влила в ряды добровольцев свежий дух, боевое настроение и веру в успешность движения на Дон. После пополнения захваченными у красных бо-

еприпасами свое вооружение, дальнейшее движение добровольцев проходило все время в коротких, успешных отражениях наседавших со всех сторон красных.

В селе Лежанка, расположившись на ночь, команда установила связь со всеми частями Офицерского полка, охранявшего подступы к селу. Красные всюду следовали за нами. После полуночи послышалась редкая ружейная перестрелка в направлении одного взвода; донесений не поступало. От нашей команды был послан поручик Михайлов, добровольно вызвавшийся в одиночку отправиться в этот взвод. Прошло довольно много времени, но он не возвращался, а перестрелка прекратилась. Поэтому было приказано очередной тройке выехать для выяснения обстановки. Я, Дурасов и Пейфасор были на очереди и выехали в указанном направлении.

На окраине Лежанки, у ветряных мельниц, нас застал рассвет. По дороге нашего следования, впереди началась пулеметная и ружейная стрельба в нашем направлении. Заросли камыша по сторонам дороги укрывали красных, а дальше за камышами по буграм влево и вправо показались густые цепи красных, двигавшихся на Лежанку.

Дурасов, отделившись от нас, поскакал к ближайшему укрытию, узкой прогалине, и двинулся по ней с донесением в штаб, но был засыпан ружейным огнем из камышей и упал вместе с убитой лошастью. Пейфасор, спешившись, ползком передвигался к лежавшему без движения Дурасову. В это время по сторонам от нас бежали из Лежанки роты марковцев с пулеметами; одновременно с ними к ветрякам, где я укрывался с лошадьми, выехала батарея. Прямой наводкой по камышам, по буграм влево и вправо от дороги батарея открыла беглый огонь. Марковцы с криком «Ура» стремительно бросились на красных. Только когда красные в панике бросились назад, мы увидели, как много их было. Огнем батареи и прибывшими пулеметчиками-марковцами вся эта масса бежавших красных буквально расстреливалась. Наступающие марковцы двинулись к передовому взводу, от которого не получалось донесений, но его не нашли. Как выяснилось, после полуночи взвод был окружен красными, но, прорвавшись, не мог отойти на Лежанку или послать донесение. Посланный Михайлов попал живым в руки красных и был ими зверски убит. Убитый Дурасов был Пейфасором вынесен и в тот же день похоронен в ограде местной церкви. Таким образом, наша «тройка» потеряла своего боевого друга.

Перед вечером меня вызвали к генералу Маркову, который приказал, не ожидая выступления штаба, с проводником-возницей немедленно отвезти на подводе заболевшего Е.Е. Ковалевского³²² в станицу

Егорлыцкую. Проводнику-вознице из местных крестьян было дано специальное удостоверение, что по выполнении доставки больного он будет освобожден от принудительного транспорта.

Трудно забыть мое состояние, когда, сопровождая верхом больного, ночью, через неизвестные места, овраги нужно было быть начеку от могущих встретиться опасных неожиданностей. Просыпавшийся больной нервничал. Ему казалось, что я его хочу оставить. В целях осмотра местности по сторонам от подводы мне приходилось временами отрываться от нее. К счастью, погода оказалась хотя и холодная, но ясная — видимость была хорошая.

На рассвете мы въехали в станицу Егорлыцкую, куда уже прибыл штаб генерала Маркова, по расчетам которого я с больным должен был приехать в станицу много раньше. Жители станицы в это время возвращались от Светлой Заутрени и приветствовали нас: «Христос Воскресе!» На душе становилось радостно.

Очень скоро после этого я разболелся. Предполагали воспаление легких, поэтому отправили меня в госпиталь в Новочеркасск. Илья Пейфасор остался один из нашей «тройки».

Когда мне по выздоровлении разрешено было выходить из госпиталя, мне вновь пришлось встретиться с Пейфасором в войсковом соборе, куда он привез тело убитого под Шаблиевкой генерала Маркова. После похорон генерала я поступил во вновь сформированный из перебежчиков-кубанцев 1-й Кавказский конный полк, а И. Пейфасор остался при штабе на прежнем месте.

Следующая наша встреча состоялась в городе Белграде, когда, прогуливаясь на Теразии, я был приятно удивлен видом проезжавшего мимо меня экипажа в русской упряжке, в котором важно восседал Илько Пейфасор.

Оказывается, он устроился управляющим к видному бывшему австро-венгерскому помещику и приехал в Белград хлопотать через Красный Крест о приезде жены с сыновьями из Краснодара. Встреча была радостная для обоих, и мы провели несколько часов в дружеских воспоминаниях о боевой жизни на родине. Расставаясь, Илько обещал по прибытии семьи переселиться в Белград и организовать самостоятельное дело; у него уже имелось достаточно средств для этой цели. И действительно, в конце 20-х годов мы снова встретились с ним в Белграде, когда он соединился с семьей и открыл приличный бакалейный магазин. Энергии у него было неизмеримо много. Дело пошло как нельзя пожелать лучшего, но... не надолго.

Как-то, посетив его, я заметил, что с Илько что-то случилось: выглядел он усталым, печальным и больным, а при разговорах со мной

старался не откровенничать. Но однажды со слезами на глазах признался, что в семье произошел разлад. Он из сил выбивался, чтобы дело не закрылось. День и ночь сам грузил и разгружал получаемые товары, торговал, бегал по кредитным обществам, но... дело шло к упадку. Пошли долги, неполадки с кредиторами, с покупателями, и в один день Илько оказался мертвым от сердечного удара. Накануне мы беседовали с ним о прошлом, он очень горевал о настоящем, особенно озабочен был судьбой сыновей. Смерть наступила моментально.

Из богато организованного предприятия едва хватило средств на весьма скромные похороны. Сыновья были устроены Державной комиссией в кадетский корпус. Бакалейный магазин полностью ликвидирован в счет задолженности кредиторам. Когда пришлось прощаться у гроба, я невольно прослезился. Так неумолимо жестока оказалась его судьба, а мне, узнавшему его в коридоре реалки, пришлось в Белграде проводить его к месту вечного упокоения. Вечная память ему и мир его истстрадавшейся душе в братской сербской земле.

*Г. Алексеев*³²³

ДВЕ ВСТРЕЧИ³²⁴

По окончании Симбирского кадетского корпуса нас девять человек вышло в Константиновское военное училище (1-е Киевское). После производства в офицеры троих из нас — Диму Шнарковского, Павлика Житецкого и меня — оставили при училище. Шел 1917 год с его «бескровной» и Октябрьской революциями.

26 октября и в Киеве, по примеру Москвы, большевики пытались захватить власть. Рота Георгиевских кавалеров, юнкера нашего и других военных училищ и киевских школ прапорщиков, оставшиеся верными своему долгу и Родине, эту попытку подавили. В происшедших на улицах боях наше училище понесло особенно большие потери: выбыло из строя убитыми — 2 офицера и 40 юнкеров и ранеными — 1 офицер и 60 юнкеров.

Воспользовавшись поражением большевиков, в Киеве воцарилась Украинская Рада, провозгласившая независимость Украины. Новая власть предложила всем воинским частям, не пожелавшим «украинизироваться», покинуть пределы страны. Представитель Кубанского войска на шедшем в то время в Киеве Съезде представителей казачьих войск, предложил желающим офицерам и юнкерам эвакуироваться на Кубань. Начальник училища принял это предложение и в конце

октября мы выступили в поход. Раненному в боях Шнарковскому пришлось остаться в госпитале; Житецкий, по каким-то причинам, тоже застрял в Киеве. Перед самым Ледяным походом первый, переодевшись «товарищем», пробрался к нам в Екатеринодар, Житецкий же присоединился только после 2-го Кубанского похода.

Не могу не отдать должного нашему училищу, вставшему одним из первых на защиту поруганной Родины. С октября 1917 года оно прошло все фазы борьбы Белой армии: защита Екатеринодара, 1-й и 2-й Кубанские походы, защита Крыма в войсках генерала Слащева, десант на Кубань, Галлиполи и, наконец, Болгария, где было последнее производство юнкеров в офицеры. Недаром училищным девизом было: «Где константиновец — там долг исполнен».

На Кубани, в Отряде спасения Кубани, юнкера-константиновцы, вместе с офицерами, реалистами, гимназистами и немногими стариками кубанцами, защищали Екатеринодар от наступающих со всех сторон красных. Казаки, вернувшиеся с фронта, держали нейтралитет. В бою 12 февраля 1918 года, у разъезда Потаенный Владикавказской железной дороги, меня тяжело ранило и контузило.

После гибели генерала Корнилова, ночью на 1 апреля 1918 года, начался отход частей, штурмовавших Екатеринодар, а из станицы Елизаветинской потянулся обоз, на телегах которого лежало и сидело около полутора тысяч раненых и больных. Часть тяжелораненых пришлось оставить, под опекой медицинского персонала, в станице. Заняв ее, красные всех их зверски перебили. По бокам двигавшихся повозок обоза шла редкая цепочка пехоты — его охрана. На одной из телег везли тела нашего первого вождя генерала Корнилова и полковника Неженцева.

На коротком привале я с Димой Шнарковским, шедшим в цепочке рядом с моей повозкой, присели у обочины дороги и, прикрывшись бурками, закурили. Покуривая, обсуждали наше положение: убит наш вождь, наша надежда на спасение России, — генерал Корнилов. В сердца храбрых закрадывалось сомнение в успехе нашего дела. Убит и полковник Неженцев, любимец генерала, убиты двое — лучшие из лучших. В это время, обгоняя нас, мимо проходил конный отряд. Услышав знакомый нам слегка картавый выговор нашего однокашника симбирца Жоржа Шишкина, мы оба, в один голос, крикнули: «Жорж! Это ты?» Это был он. Быстро соскочив с седла, Жорж подбежал к нам, и мы обнялись. После первых, обычных вопросов: где кончил училище? в какой полк вышел? — разговор перешел на родной корпус. Но, увы, долго поговорить нам не удалось — перебил возница, позвав садиться. Передние подводы уже тронулись. Проща-

ясь, выразили надежду, что встреча будет не последней. Жорж вскочил на коня и, торопясь нагнать свой отряд, быстро исчез в темноте. Встреча была последней. Во 2-м Кубанском походе Жорж пал смертью храбрых, ушел в вечность, оставшись навсегда в моей памяти.

Через несколько дней после занятия станицы Дядьковской мы двинулись дальше. Проезжая в телеге по станице, я, в дверях школы, увидел раненого, голова и руки которого были забинтованы. Какое-то внутреннее чувство подсказало мне задержать повозку и подбежать к нему. Я подвел его к нашей повозке, и, потеснившись, мы усадили его между нами. Лица раненого, из-за бинтов, не было видно. Объясниться с ним было невозможно, он не мог ни говорить, ни писать. На следующем большом привале, в станице Журавской, мы все отправились на перевязку. Стояли с нашим новым спутником и ждали очереди. Дошла она и до нас, сестра разбинтовала голову нашего незнакомца, и что же я увидел? Передо мной стоял мой однокашник симбирец Алеша Елисеев. Радость встречи была омрачена — он не мог говорить. Не расставался я с ним до села Лежанка Ставропольской губернии, где я вернулся в строй. Алешу, с обозным лазаретом, через станицу Егорлыцкую, отправили в Новочеркасск. Выйдя из госпиталя, он провел отпуск у моих родных. В это время я был на фронте, и свидеться с ним больше не пришлось. Алеша так же, как Дима Шнарковский и Жорж Шишкин, пал в бою.

В отряде Чернецова, при защите Ростова-на-Дону, был убит еще один мой однокашник, симбирец Петя Лензин.

Много лет прошло, но пережитое и эти последние встречи с дорогими однокашниками-симбирцами никогда не изгладятся из моей памяти. Пусть эти несколько строк моих воспоминаний будут венком на их неизвестные могилы.

Раздел 6

А. Крицкий³²⁵

НАЧАЛО 1-ГО КУБАНСКОГО ПОХОДА³²⁶

26 февраля 1918 года, в станице Ново-Леушковской, командир 1-го кавалерийского дивизиона полковник Гершельман передал мне приказание генерала Корнилова: «Назначить в разъезд 20 офицеров, и сегодня с темнотою разъезду под моим командованием, оторвавшись от армии, выступить к станице Ново-Донецкой, где захватить живым атамана этой станицы и сдать его в штаб армии».

В разъезде я назначил 1-й взвод 1-го Офицерского эскадрона, и с темнотою мы выступили в направлении станицы Ново-Донецкой. Не доходя полверсты до станицы, разъезд спешился у стогов сена и, оставив здесь коноводов, спешенные офицеры двинулись к станице. Я предупредил господ офицеров соблюдать полнейшую тишину и без моего приказанья не стрелять.

Было около полуночи; станица спала. Мы тихо вошли в улицу и сейчас же услышали топот лошадиных копыт. Было ясно, что в станицу вошел красный разъезд. Господа офицеры залегли, и стало видно, что к нам приближается разъезд в 12—15 коней. В тот момент, когда разъезд поравнялся с нами, господа офицеры без крика и шума окружили разъезд и потребовали, чтобы всадники слезли с коней; те, не пытаясь сопротивляться, соскочили с седел. Оказалось, что это разъезд красных кубанских казаков. Отобрав у пленных винтовки и шашки, их самих под конвоем четырех офицеров отвели к коноводам.

Пошли дальше. Во всей станице темнота, и лишь в одном доме свет в окнах. Снаружи было видно, что внутри этого дома за большим столом сидят 20—25 человек и о чем-то говорят. Оставив около дома наблюдение, мы вошли, чем вызвали у сидевших испуг и смя-

тение. Я предупредил вставших, что мы им ничего дурного не сделаем, но нам надо поговорить с атаманом. Получив ответ, что атаман уехал в соседнюю станицу, мы быстро нашли его лежащим под лавкой у стены.

Забрав атамана, мы вышли на улицу и вновь услышали шум приближающегося к нам разезда. Опять залегли, и в тот момент, когда разезд был уже ясно нами виден, с нашей стороны вдруг грянул выстрел. Приближавшийся к нам разезд буквально улетел; взяв атамана, мы присоединились к коноводам, где нашли полковника Гершельмана с офицерским эскадром. Полковник Гершельман, беспокоясь за участь офицерского разезда, пришел к станице Ново-Донецкой с остальными тремя взводами офицерского эскадрона, чем показал нам, насколько все мы были братски близки один другому и насколько велика была забота командира о своих подчиненных.

По приказанию полковника Гершельмана пленные казаки были отпущены вместе с их конями, а их оружие осталось у нас. На следующее утро атаман был сдан в штаб армии.

* * *

Прошло 44 года. Я в Америке и стою у церкви, в которой идет богослужение. Мимо меня прошел высокий, седой, благородной осанки господин; его поддерживает под руку, помогая его больной ноге, молодая очень интересная дама. Прошли мимо меня и невдалеке сели на садовый диванчик. Ко мне подошел староста церкви и, указывая на них, сказал: «Вот этот господин хочет вам что-то сказать».

Я подошел и спросил:

— Вы хотите мне что-то сказать?

Господин ответил:

— Вы были командиром 1-го офицерского эскадрона в 1-м Кубанском походе?

— Да, я был.

— Вы помните поручика Сукачева?

— Конечно помню!

— Так это я — поручик Сукачев³²⁷.

Мы стали встречаться, вспоминать былое, и как-то в разговоре я его спросил:

— Лев Павлович! Помните вы, как мы ходили ловить атамана?

— Конечно помню!

— Скажите, пожалуйста, кто тогда выстрелил?

— Выстрелил я, так как я боюсь собак, а когда мы залетели, ко мне шла собака.

Выстрел был сделан, разъезд ускакал, не было тогда смысла спрашивать: кто выстрелил? почему выстрелил? и т. д. А вот теперь, через 44 года, я узнал, кто выстрелил и почему выстрелил.

Мы с бывшим поручиком Сукачевым живем, как и тогда, в 1-м походе, но теперь он не поручик Сукачев, а бригадный генерал Итальянской армии.

А. Крицкий

ИСТОРИЯ 1-ГО КАВАЛЕРИЙСКОГО «ПОЛКОВНИКА ГЕРШЕЛЬМАНА» ДИВИЗИОНА³²⁸

13 февраля, окончив задачу по прикрытию переправы, эскадрон прибыл в станицу Ольгинскую на присоединение к армии. 15-го на рассвете эскадрон выступил из станицы Хомутовской на Зимовники за лошадьми для армии, прикрывая вместе с тем с севера фланговый марш армии, переходящей из станицы Хомутовской в село Лежанка. Работая по набору лошадей в Зимовниках, эскадрон имел несколько удачных стычек с бывшими солдатами Кавказского запасного полка, после каковых в эскадроне были приобретены первые пять шашек с убитых большевиков.

20 февраля эскадрон, идя уже на Лежанку для соединения с армией, ночевал на зимовнике Пишеванова, и ночью от неизвестной причины загорелась навозная изгородь вокруг зимовника. После долгих усилий огонь к утру 21-го был потушен, и эскадрон, гоня перед собой табун набранных лошадей и сам сидя уже на хороших ремонтных лошадях, к вечеру 22 февраля вошел в село Лежанка, которое часа 3 тому назад армия взяла с боя. 23 февраля, в составе арьергарда армии, эскадрон перешел в станицу Новокорсунскую и на следующий день — в авангарде армии — в станицу Незамаевскую.

25 февраля эскадрон в колонне главных сил перешел в станицу Веселую, откуда 2-й взвод под командой штабс-ротмистра Дубровинского³²⁹ с подрывным вьюком был направлен к станции Ново-Леушковской для взрыва железнодорожного виадука. Задачу разъезда выполнил удачно, что на следующей день способствовало армии перейти железнодорожное полотно у станции Ново-Леушковской совершенно беспрепятственно, так как подошедший броневой поезд красных из-за взорванного виадука не мог подойти на выстрел к армии, и

его снаряды не долетали. При переходе армии через полотно железной дороги эскадрон, занимая станцию Ново-Леушковскую, составлял как бы прикрытие фланга армии, на случай могущего быть десанта красных из бронепоезда.

Пропустив армию, эскадрон, составляя ее арьергард, перешел через станицу Ново-Леушковскую в станицу Старо-Леушковскую. Из станицы Старо-Леушковской был выслан сборный разъезд в 18 коней под командой ротмистра Крицкого в станицу Ново-Донецкую для освещения этого района и ареста атамана этой станицы, который впоследствии, по приказу генерала Корнилова, был казнен. Войдя уже с темнотой в станицу Ново-Донецкую, разъезд столкнулся с вошедшим в эту же станицу с другой стороны разъездом красных кубанских казаков, и после нескольких выстрелов кубанский разъезд, которому был закрыт разъездом эскадрона выход из станицы, сдался целиком, так что разъезду досталось еще 12 шашек, взятых у пленных.

К полуночи того же дня к станице подошел и полковник Гершельман с эскадроном. По приказанию полковника Гершельмана пленные казаки вместе с лошадьми были отпущены и лишь отобрано оружие. Переночевав в стогах соломы, эскадрон на следующее утро выступил на станицу Березанскую, которую в этот день должна была взять армия. Идя маршем по большой дороге станица Ново-Донецкая — станица Березанская и не доходя последней версты, 2-й эскадрон был предупрежден прискакавшим раненым в грудь кадетом, бывшим в головном дозоре, что впереди, на бугре, находится цепь красных кубанских казаков, которая только что захватила в плен штабс-ротмистра Мальвинского³³⁰ и прапорщика Венценосцева³³¹, тоже бывших в головном дозоре. Продвинувшись еще вперед, эскадрон действительно уверился, что следующий, перед эскадроном, бугор сплошь занят стрелковыми цепями.

Тогда эскадрон свернул с дороги влоборота направо и стал целиной подходить к станице Березанской, со стороны которой была слышна стрельба. Пройдя без дорог еще с полверсты, эскадрон обнаружил перед собой конницу, стрелявшую по эскадрону с коней. Полковник Гершельман решил, что это свои, и, остановив эскадрон, выслал навстречу коннице разъезд, но разъезд тоже не пропустили, а обстреливали, и даже из пулемета. Тогда эскадрон, развернувшись в лаву и подняв винтовки вверх прикладами (условный знак для опознания своих), стал шагом, несмотря на продолжавшийся огонь, приближаться к стоявшей за отдельными хатами коннице.

Но лишь эскадрон прошел несколько десятков шагов, как из камыша вышла цепь пехоты и стала стрелять залпами. По огню и по

тому порядку, в котором цепи пехоты вышли из засады, большинство офицеров эскадрона поняло, что это свои, но подойти нельзя, так как стреляют, и в эскадроне уже есть потери. Тогда эскадрон повернулся кругом, стал отходить и, отойдя с версту и переправившись через речку, другим берегом, в колонне по три, без головных дозоров вновь двинулся на Березанку. Подойдя к ней на версту, эскадрон совершенно незаметно для себя был подпущен корниловской засадой, спрятавшейся в камышах реки, совершенно вплотную, и только тогда стрелки встали из воды. Здесь выяснилось недоразумение, отчего эскадрон был принят за красных и его обстреливали. Как оказалось, это была рота корниловцев и 2-й Кавказский дивизион полковник Глазенапа.

В Березанку эскадрон вошел тогда, когда взявшие ее части стояли уже там по квартирам и на площади шла порка вероломных казаков. К большой радости эскадрона, казаки не успели расстрелять захваченных ими в плен штабс-ротмистра Мальвинского и прапорщика Венценосцева, и пехота их отбила. Теперь они, вместо отобранных у них казаками, получили от станицы по лучшей станичной лошади и стали в строй эскадрона.

Простояв на площади станицы полтора-два часа, эскадрон к вечеру того же дня вместе с Партизанским полком выступил для овладения станцией и станицей Выселки, откуда, под напором красных, отошли корниловцы. После прямого боя, в котором эскадрон в конном строю атаковал станцию Выселки и захватил санитарный поезд, задача была выполнена, и эскадрон отошел на присоединение к армии в Журавские хутора. Как узнали потом, эскадрон должен был оставаться на ночь на станции Выселки, но по недоразумению отошел и ночевал в Журавских.

4 марта переночевавшая в Журавских хуторах армия с рассветом должна была выступить на станицу Кореновскую, но так как за предыдущую ночь красными вновь были заняты Выселки, находившиеся всего лишь в полутора-двух верстах от Журавских хуторов, то являлась необходимость сперва разбить занявших Выселки, а затем уже идти на Кореновскую. С утра завязался бой у Выселок, и эскадрон находился на охране левого фланга армии, а в то время, когда красные, выбитые из Выселок, стали отходить, эскадрон в конном строю атаковал одну из красных колонн, доведя атаку до удара шашек.

Эскадрон в этой атаке понес чувствительные потери, и, как оказалось, атака эскадрона была ведена на стрелковый полк 4-й кавалерийской дивизии³³², с которым охотникам эскадрона пришлось уже встречаться в ночном нападении на деревню Султан-Салы-Малые. После атаки его под Высеками этот полк больше за весь поход армии

на ее пути не встречался. В этой атаке, среди других погибших, пропал без вести штабс-ротмистр 4-го драгунского Новотроицко-Екатеринославского полка Товаров, который в германской войне служил в стрелковом полку 4-й кавалерийской дивизии.

Покончив с Выселками, армия в тот же день, 4 марта, через Журавские хутора двинулась на станцию Кореновскую, а от эскадрона были высланы 4 разъезда по взводу каждый, которые собрались лишь после овладения армией станицей Кореновской. Во время дневки армии в станице Кореновской от эскадрона была выставлена застава на станции Кореновской и высланы разъезды на Платнировскую и на Усть-Лабинскую.

6 марта эскадрон совместно с Партизанским полком, составляя арьергард армии, выступил на станицу Усть-Лабинскую и в продолжение целого дня вел упорный арьергардный бой сседающей конницей красных, не давая ей настичь колонну главных сил, которая брала упорным боем станицу Усть-Лабинскую.

После овладения станицей эскадрон, все так же в арьергарде, пропустив и Партизанский полк, вслед за армией прошел станицу и, переправившись по мосту через реку Кубань и взорвав мост, остановился на ночлег в станице Некрасовской, где во время дневки приводил в порядок истреппавшихся лошадей и седловку. Простояв два дня в Некрасовской, отдохнув и подкормив лошадей, эскадрон, составляя арьергард армии, переправившейся через реку Лабу, оставался в станице Некрасовской, ведя бой с большевиками, успевшими переправиться через реку Кубань, не допуская их переправы через реку Лабу, а затем, перейдя реку Лабу и уничтожив переправы, не допускал большевиков к переправе через реку Белую.

В тот же день, оставив при Корниловской роте, занявшей сторожевое охранение по реке Кубани, разъезд в 12 коней под командой штабс-ротмистра Стрижевского³³³, эскадрон отошел на ночлег в Княжеские хутора.

12 марта эскадрон вместе с Марковской ротой, составляя авангард армии, в продолжение целого дня вел редко упорный бой по овладению селом Филипповским, являвшимся центром закубанских большевиков. Неоднократно переходя в атаки, эскадрон, на линии марковцев в пешем строю, ворвался в село, настигая на его улицах замешкавшихся большевиков. Заняв село и присоединив к себе разъезд штабс-ротмистра Стрижевского, эскадрон заночевал в Филипповском.

На рассвете следующего дня эскадрон в авангарде армии выступил на станицу Рязанскую, но лишь переправился через реку Белую, как подвергся жестокому обстрелу со стороны большевиков, ушед-

ших накануне из Филипповского и занявших бугры на противоположном берегу реки Эскадрон, несмотря на свое одиночество и огромные силы противника, принял бой.

Скоро к эскадрону подъехал генерал Корнилов и, лично руководя боем и давая свои указания, приказал армии под прикрытием эскадрона переправляться и разворачиваться для боя. Когда армия развернулась и начала бой, эскадрон в пешем строю в составе Партизанского полка, ведя упорный стрелковый бой, до вечера удержал свои позиции, а затем, в составе колонны главных сил, отошел на станицу Рязанскую и дальше на аул Панахес, где и остановился на ночлег.

На следующее утро эскадрон, в колонне главных сил, перешел в аул Понежукай, откуда эскадрон выслал разъезд в 20 коней под командой подьесаула Малахова³³⁴ в район станицы Калужской, где, по слухам от казаков, находился отряд под командой генерала Покровского, ушедший из Екатеринодара.

Разъезд выступил днем, а вечером, вследствие поднявшейся метели и отсутствия хорошего проводника, разъезд сбился с дороги и, проблуждав в степи несколько часов, к 10 часам вечера вернулся в Понежукай, не дойдя до станицы Калужской. В 11 часов вечера того же дня вновь был выслан другой разъезд в 20 коней, под командой штабс-ротмистра Иванчина-Писарева³³⁵, который, блуждая до рассвета в метели, к утру подошел к станице Калужской, где действительно находилась Екатеринодарская армия, с которой разъезд впервые и установил связь.

15 марта эскадрон в авангарде армии с рассветом выступил на станицу Ново-Дмитриевка. Подходя к хутору Чернова, эскадронные дозоры были обстреляны из хутора, оказавшегося занятым красными. Так как к этому времени бывший в этот день буран уже значительно бушевал, то, не имея возможности атаковать хутор в конном строю, эскадрон спешил и повел наступление, которое часом позже увенчалось успехом. Эскадрон, войдя в хутор, занял его и повел бой с отошедшими и засевшими в следующей экономии большевиками, составляя уже боковой авангард армии, которая, совершая фланговый марш у хутора Чернова, продолжала движение на станице Ново-Дмитриевка.

К вечеру того же дня, прикрывая марш колонны и пропустив ее мимо себя, эскадрон в арьергарде выступил на станицу Ново-Дмитриевка, куда подошел к моменту переправы первых частей через реку Ерек. Приняв на крупы своих лошадей пехотинцев, эскадрон перевозил армию через бушующую речку, перейдя ее до 20 раз от одного берега до другого. И только поздней ночью, закончив пере-

праву, эскадрон, люди и лошади которого буквально замерзали, прошел в станицу. Отдохнуть, однако, не удалось эскадрон послал сейчас же сеть разъездов для установления связи с отошедшим противником и выслал ряд наблюдательных постов, охраняя тем отдых армии, люди которой, дойдя до теплой хаты, свалились как мертвые; в этот день, при ужасной погоде (дождь и ветер, пронизывающий буквально до костей, снег и временами мороз, затем вновь дождь и опять снег и мороз при бушующем ветре), они сделали дневной переход по почти непроходимой дороге, по которой ни одна пушка и повозка не дошли, а, застряв, были брошены, затем вели еще ночной бой с переправой через реку без моста и парома. Только к вечеру 16 марта отдохнувшая пехота сменила эскадрон, охранявший сон армии, и его людям можно было отогреться самим и погреть и подкормить лошадей.

17 марта в эскадрон прибыло пополнение в 5 офицеров и 32 юнкера Кубанского Казачьего училища, присланных из отряда генерала Покровского при реорганизации армии. Бывшие 4 взвода эскадрона были сведены в 3, а 4-м взводом в эскадрон влились вновь прибывшие; командиром взвода был назначен есаул Малышенко³³⁶. Стоя вместе с армией в станице Ново-Дмитриевка, эскадрон, ведя разведку на станции Эйнем—Екатеринодар и Понежукай—Екатеринодар, участвовал во всех боях армии с неоднократно наступавшими на станицу большевиками со стороны Григорьевской, Смоленской и Греческих хуторов.

23 марта эскадрон, совместно с Партизанским полком, отбил яростную атаку красных на Греческие хутора, и после боя эскадрон остался на хуторе, усилив разведку на Эйнем—Екатеринодар и на аул Понежукай и дальше на аул Панахес, где и остановился на ночлег.

В ночь с 25-го на 26 марта от эскадрона вышел разъезд в 12 коней под командой штабс-капитана Грегера³³⁷ с подрывным вьюком для взрыва железнодорожного полотна между станциями Эйнем и Георгие-Афипской. Место взрыва начальнику разъезда было указано точно самим генералом Корниловым. С утра 26 марта эскадрон выступил на Булгарские хутора, составляя авангард армии, следующей из Ново-Дмитриевской на Георгие-Афипскую. На Булгарских хуторах к эскадрону присоединился разъезд штабс-капитана Грегера, который доложил, что взорвать железнодорожное полотно в указанном ему месте он не мог, так как с обеих сторон к полотну подходят непроходимые плавни, а по полотну пройти нельзя. Полковником Гершельманом тотчас были высланы охотники исполнить ночную задачу разъезда, но, проблуждав несколько часов по пояс в болоте,

охотники железнодорожного полотна не достигли и не предотвратили, таким образом, возможности появления броневых поездов у Георгие-Афипской со стороны станции Эйнем.

На Булгарских хуторах эскадрон получил задачу охранять правый фланг армии, наступающей на станицу Георгие-Афипскую, приковав одновременно к себе внимание противника со стороны станции Эйнем. Выдвинувшись стрелковыми цепями из Булгарских хуторов, эскадрон ввязался в прямой бой с крупными частями красных и, приковав к себе их внимание, не допустил их, несмотря на неоднократные попытки к атакам, к станции Георгие-Афипской, где в это время армия вела упорный бой за овладение ею.

Подошедший со стороны станции Эйнем бронепоезд красных обстреливал во фланг цепи пехоты, которая только к вечеру овладела станицей и станцией Георгие-Афипской, куда на ночлег отошел эскадрон

За невыполнение задания по взрыву железнодорожного полотна командир дивизиона полковника Гершельман приказом по армии был отрешен от командования дивизионом, а эскадрон был сведен вместе со 2-м дивизионом, образуя 1-й Конный полк — впоследствии 1-й Конный генерала Алексева полк — куда эскадрон вошел 1-м эскадроном.

На следующий день, 27 марта, из Георгие-Афипской выступил 1-й Конный полк, трехэскадронного состава.

*Н. Федоров*³³⁸

СМЕРТЬ ЕСАУЛА ВЛАСОВА, КОМАНДИРА БАКЛАНОВСКОГО ОТРЯДА, В БОЮ ПОД ВЫСЕЛКАМИ³³⁹

...Ночь прошла спокойно, уступив место солнечному весеннему утру Жизнь в станице, ранее казавшаяся погруженной в зимнюю спячку, с первыми лучами яркого солнца закипела ключом. Уже скрипели журавли колодцев, и холодная вода лилась в огромные корыта, к которым беспрерывно подводили коней еще полузаспанные кавалеристы.

Уже дымились трубы в хатах. Этот дым щекотал носы, а проворные хозяйки то и дело сновали в погреб и обратно к печке, приготавливая еду для неожиданных гостей.

В отдалении слышна была орудийная стрельба, а в станице Журавской, больше похожей на муравейник, занятый своим делом, было

совершенно спокойно. Не видно было приготовлений и не заметно суеты, обычной перед выступлением в поход или в бой. Все делалось спокойно, потому что во главе этой горсточки людей, заброшенных в людском бушующем море, стоял сам легендарный Корнилов. Вера в него и в правоту его дела была настолько безгранична, что без преувеличения можно сравнить только с ранними последователями учения Христа из «Камо грядеши»...

Случайно приходилось бывать очевидцем последнего прощания родителей с детьми, всегда сцена расставания — невыносимо тяжела, но на этот раз проходила спокойно с обеих сторон, без обычных слез и истерики...

Если бы не гул артиллерийской канонады, то можно было бы принять за маневры... Но наша группа в три с половиной тысячи человек, носящая имя Добровольческой армии, находилась в чрезвычайно тяжелом положении, тем более что большевики усердно провоцировали небывалые в печати не только дома — в России, — но и за пределами ее.

...Отогнанные большевики, получив подкрепление, готовились к новым атакам, а один большой отряд, поддержанный бронепоездами, занял Выселки. Он вытеснил наш небольшой отряд, который отошел, не предупредив об отходе главные силы Добровольческой армии. Уверенный в том, что Выселки в наших руках, наш авангард шел беспечно в село и попал в засаду.

Мы понесли большие потери и вынуждены были принять неравный бой. Партизанский полк авангарда, состоявший в большинстве из учащейся молодежи, гимназистов, кадет, студентов и молодых офицеров, потерял много убитыми и ранеными и только благодаря высоко-талантливому руководству его командира, генерала А. Богаевского, не подвергся полному истреблению. Мы отошли...

На северной окраине станицы в больших дворах расположилась кавалерия. Рослые кони мирно жевали пахучее сено, которое подносили дневальные.

Из открытых дверей и окон слышен был разговор и смех. Из хаты приятно тянуло ароматным запахом приготовляемой снеди. У колодца во дворе умывалась по очереди молодежь и... по одному исчезали в хате. Неожиданно группа у колодца расступилась, уступая место молодому гиганту.

— Нет, нет, не беспокойтесь, пожалуйста. Я подожду еще ба-тюшку.

Подошедший отошел немного в сторону от колодца. Он был больше шести футов ростом, необычайно широк в плечах, с тонкой тали-

ей, блондин с правильным, даже красивым лицом и темно-голубыми глазами.

Через несколько минут из дома вышел батюшка с вестовым. Все бывшие во дворе радостно приветствовали священника. Его очень любили в отряде за его дружеское отношение, всегда готового прийти на помощь нуждающемуся. Вестовой набрал воды в ведро и поставил около священника, и гигант предложил батюшке умыться первому.

— Да мы оба свободно сможем. Дай-ка, братец, кружку — я полью нашему командиру, а он мне затем...

Гигант подошел к забору и, опершись об изгородь, глядя на колыхавшееся полотно отрядного значка, поставленного у ворот, глубоко задумался. Его мысли улетели домой, где он оставил дорогих и близких его сердцу родных. Как-то они там живут среди этих «апостолов мира», кровью заливших города и села любимой страны...

Вспомнилось ему недавнее еще детство, школа... училище... служба... война. А ведь жизнь улыбалась ему. В 29 лет ему уже доверили эскадрон, и он получил почти все боевые награды... Правда, пару раз его и ранило, но Бог милостив — выздоровел. Открытая жизненная дорога лежала впереди, и неожиданно эта жуткая, никому не нужная революция... Он еще на фронте видел, как торжествовал враг, как безнаказанно занимал страну, три года сопротивлявшуюся...

Он видел, как в огне грандиозного пожара гibli ценности, рушились те устои, которые были основой семьи... И в это поистине кошмарное время только отдельные голоса призывали к борьбе за восстановление порядка, и среди этих голосов он выбрал Корнилова и пошел за ним безоговорочно...

Налетевший ветерок расправил полотно значка и заиграл им в воздухе. Глядя на него, опять нахлынули воспоминания о полке, где он начал свою службу... и опять мысли о еще незабытых днях... История полка; биография одного из лучших сынов Дона и России — легендарного Якова П. Бакланова, героя Кавказа, имя которого знают и в Азии и в Европе. В честь и память его назван полк; да не только полк носит его славное имя, но и добрый десяток новых поселений (станций и хуторов) и вновь открытых школ народных и ремесленных... Так Дон чтит своих героев-сынов. Нашему командиру-великану посчастливилось поступить в полк под сенью того же значка, который был с Баклановым во всех походах, во всех боях.

Враги хорошо помнят черное полотно значка, на котором серебром вышит череп со скрещенными костями, а внизу надпись: «Чаю воскресения мертвых...»

Кто-то тихо позвал его, он оглянулся. В нескольких шагах стоял батюшка.

— О, это вы, отец?

— Да, вижу, что ты опять призадумался около значка, а время уже и чайку попить, — сказал батюшка, подходя поближе. — Я вообще заметил, что ты уже несколько дней чем-то озабочен. Может, я могу помочь?

— Да что-то очень тоскливо, а почему — не знаю; да это пройдет, — ответил гигант.

— Да я не примечал, чтобы ты тосковал; ведь давно вместе служим. А вот вижу, что ты какой-то не свой, и думаю сам — отчего это? Хотя, конечно, ведь причин-то много, а все-таки нам поддаваться нельзя. Посмотри, как хорошо вокруг, весна настоящая, солнце-то как греет! Ну, пойдем, а то и чай будет холодный, да и хозяйюшки будут волноваться... — и, взяв его за руку, направился с ним в хату. В это время из большого сарая вышел вестовой, а за ним два коня, весело помахивая головами. Батюшка первый заметил коней и проговорил, смеясь: — Мы с одной стороны идем, а наши кони с другой, всегда вместе, — и весело окликнул коней, которые в ответ радостно заржали и прибавили шаг.

Кони подошли к своим хозяевам и трогательно терлись головами. Вестовой, отошедший в сторону, мрачно смотрел на коней.

— Почему ты такой мрачный? — спросил батюшка, подходя к вестовому.

— Да командирский конь чудит чего-то, не ест как следует и не пьет, только мочит губы, а ветеринар после осмотра говорит, что конь совершенно здоров. Ума не приложу, в чем дело, — ответил вестовой.

— Выглядит вполне здоровым, посмотри, как он ласкается к своему хозяину, — проговорил священник.

Действительно, конь терся мордой о плечи хозяина, а потом положил голову на его плечо и тихо заржал... словно жалуясь на что-то, что его беспокоит. Командир ласково погладил его по шее, провел рукой по морде и, взяв недоуздок, передал вестовому, который отвел и привязал коней к телеге, наполненной сеном.

— Вестовой злится на меня за то, что я верю больше ветеринару, но как же иначе? — сказал командир батюшке.

— Ты же знаешь, как вестовой предан тебе и как он любит вообще животных. Вы оба живете как родные братья. Если он очень волнуется за тебя и коней, то это только потому, что он заботится о тебе как о родном. Он так же беспокоится и о коне, ибо конь для казака —

родной брат. Ну, пойдём, — сказал батюшка, и оба скрылись хате, где в одной из комнат на столе стоял горячий самовар.

Гостеприимная пожилая хозяйка налила чай в стаканы и поставила перед ними. В это время дверь открылась и кто-то попросил разрешения войти.

— Входите, — ответил начальник.

— Дежурный по кавалерии, — раздался рапорт офицера.

Начальник выслушал рапорт и пригласил дежурного офицера к столу.

— Я должен собрать все сведения и ровно в 8 часов быть у генерала Маркова. Благодарю вас, господин есаул.

— Тогда после доклада приходите к нам, и наша хозяйка и мы угостим вас малороссийской колбасой, — вставил батюшка.

— Благодарю вас ещё раз и постараюсь быть. Теперь это большое лакомство. Бог знает, что будет через час, — ответил офицер и вышел из комнаты.

— На сегодня мы приданы арьергарду, которым командует генерал Марков. Интересно, какие новости принесет дежурный, — сказал начальник.

Прошло не меньше часа, пока дежурный вернулся и на вопрос, что нового, поделился услышанным.

— На сегодня отряды кавалерии соединены в один отряд под общей командой полковника Глазенапа и приданы штабу генерала Маркова, который командует Офицерским полком. Полковник Глазенап уже получил приказ о выступлении в 10 часов. Я узнаю, какое приказание будет для нас.

— Это хорошо, что мы подчинены полковник Глазенапу. Он боевой офицер и большая умница, — проговорил войсковой старшина Никитин. — Я помню полковника Глазенапа по Юго-Западному фронту. Почти с самого начала войны он доставил немцам много неприятностей, так что немцы даже объявили денежную награду за его голову.

— Да, я тоже помню, — сказал есаул Власов. — Помню, как молодежь стремилась попасть к нему. Я эти последние дни присматривался к составу нашей Добровольческой армии, и мне бросилось в глаза, что половина, если не больше, все та же молодежь, которая и там раньше, на фронте, беззаветно отдавала свою жизнь... Пойдемте на воздух. Кажется, стрельба усилилась. Возможно, что сегодня будет не только хорошая погода, но и хороший бой.

Теперь стрельба слышна была больше и громче. Вдали, как морской прибой, шумели ружейные пули и пулеметная стрельба, прорезаемые выстрелами орудий противника. Шла борьба не на жизнь, а на

смерть. Чутко прислушивались к этим страшным звукам добровольцы, тихо переговариваясь между собою.

На обширном дворе группами сидели добровольцы у колодца, под деревом или под сараем, и всюду был один разговор, одна тема — о наступающей весне и о непоколебимой вере в победу над большевиками. О доносившейся стрельбе даже не говорили.

Есаул Власов, начальник Баклановской сотни, вышел на улицу и остановился, заметив конного, в котором узнал дежурного. Подъехавший, соскочив с коня, подошел к Власову и доложил о приказе выступать через час в направлении Выселок.

— А вообще что слышно? — спросил Власов.

— Передают, что противник оказывает сопротивление и нашим послано подкрепление. Очевидно, скоро наши собьют большевиков, так как обозам приказано уже вытягиваться, — ответил дежурный.

Настроение у всех было хорошее, хотя немного озлобленное потерями партизан, которые попали под огонь бывших пленных мадьяр и немцев, находящихся у большевиков. Партизаны взяли нескольких в плен и прислали в штаб. При допросе выяснилось, что по приказу Троцкого все военнопленные немцы и австрийцы вооружены и брошены против добровольцев. Великая Русская революция укреплялась штыками врагов России.

Власов подозвал дневального и отдал приказание о выступлении. Медленно направляясь к своему двору, он обратился к дежурному со словами:

— До выступления вы сможете у нас позавтракать. Хозяйки под батиным руководством готовят домашнюю колбасу. Батюшка уже говорил вам... Надо сказать ему, чтобы не задерживали с едой, а то неизвестно, когда придется есть.

Во дворах расположения отряда с получением новости о выступлении не было заметно большого движения, не было суеты и шума. Баклановцы укладывали свои вещи. Большинство вещей старались оставить в обозе. Разрешалось иметь одну повозку на взвод. Нужно сказать, что и одной повозки было много, ибо почти никто ничего не имел... Вообще же все старались облегчить себя, а главное — коня. Каждый знал и понимал, что конь — это все в бою и на походе. Не прошло и нескольких минут, как все были готовы; оставалась только седловка, но это в последнюю минуту перед выездом. Времени для седловки было больше чем достаточно.

В избе тоже шли приготовления, но другого рода. На громадных сковородах подрумянивалась круглая домашняя колбаса, еще с вечера приготовленная хозяйкой. Батюшка тоже помогал — советами,

конечно, — что вызывало добродушную улыбку на морщинистом лице хозяйки, лучшей специалистки по выделке колбас. О ее кулинарном искусстве говорила вся станица. В больших чугунках тушилась пахнущая яблоками капуста. Аппетитный запах наполнял комнаты и чувствовался даже на дворе.

За большим, покрытым чистой скатертью столом уже восседали любители покушать, поглядывая с нетерпением на хозяйку и на часы. Начальник отряда и батюшка, посмеиваясь над ожидавшими, тоже подошли к столу. Сидевшие встали, и батюшка прочитал молитву. По прочтении молитвы все проговорились:

— Ну, может быть, теперь, после молитвы, скорее дело пойдет, а то просто замучила нас хозяйка своим: «Еще минуточку, еще минутку, и будет готова колбаса»...

Ласково улыбаясь, хозяйка поставила на стол большую сковороду возле начальника, а дочь принесла несколько мисок с шипящей капустой. Вскоре все были поглощены уничтожением вкусной колбасы.

Батюшка, сам большой гурман, был в восхищении от колбасы... Он все подкладывал своему соседу Власову, который не заставлял себя долго упрашивать. Молодой исполин добросовестно уничтожал добавки. Аппетит у него был завидный, а хлопотунья хозяйка, польщенная похвалой, все время подкладывала новые куски колбасы.

Уже давно все насытились, и только начальник и батя подкладывали друг другу по «последнему кусочку»... Наконец и сам начальник, есаул Власов, положил в сторону вилку и, вздохнув, с сожалением посмотрел на сковороду, на которой еще возвышалась гора подрумяненной колбасы.

— Ну что же, хозяйка, не осилили все, но правда — больше не в состоянии. Спасибо тебе и всей семье за хлеб-соль, и, если живы будем, — милости просим к нам в гости всей семьей, нашего хлеба-соли отведать. — Власов встал и, подойдя к хозяйке, добавил: — Разрешите поцеловать тебя, как мать родную, — нагнулся и поцеловал ее морщинистую щеку. — А теперь, — он посмотрел на часы, — через десять минут мы выезжаем; надо присмотреть за седловкой, — и он медленно вышел из хаты, а за ним последовали и остальные. Осталась в хате только хозяйка с дочерьми. Они, стесняясь друг друга, украдкой вытирали полные слез глаза.

Скоро отряд двинулся по дороге на Выселки, обгоняя вытянувшийся по дороге обоз. Недалеко от окраины догнали отряд Глазенапа и пошли за ним. Шли медленно, так как впереди кавалерии шел штаб генерала Маркова, к которому непрерывно подъезжали дежурные офицеры-ординарцы.

Отъехав несколько верст, мы остановились, остановился и обоз. Кавалерия спешила, и каждый жадно прислушивался к сильной ружейной и пулеметной стрельбе, происходившей где-то в направлении Выселок. Простояв с полчаса, опять двинулись вперед, ведя коней в поводу. Становилось жарко. Прошли с версту. Отряд, шедший впереди нас, получил приказание и, отделившись от группы, быстро исчез за буграми. Баклановцы, заняв место ушедшего отряда, оказались сзади штаба. Стрельба впереди становилась слышнее и сильнее, в особенности пулеметы. Чувствовалось, что впереди идет жестокий бой.

Стало известно, что кавалерия пошла по вызову генерала Корнилова, и все высказывали предположения, для чего понадобилась конница. Одни предполагали, что для разведки, для охраны флангов, но никто не знал наверное.

Прошло немного времени, наконец, показался ординарец, подъехавший к штабу, и тотчас же передал по колонне: «Начальника отряда к генералу Маркову!»

Есаул Власов вскочил на своего рыжего и поскакал к штабу, за ним не отставал вестовой. Через пару минут вестовой вернулся и передал приказ: «По коням, вперед». Отряд рысью поравнялся со штабом генерала Маркова, дружно ответил на приветствие его и крупной рысью пошел по дороге в Выселки. Отряд шел к генералу Корнилову по его личному вызову.

Быстро прошли несколько верст, и поле боя открылось глазам отряда. Впереди, около мельницы, расположился генерал Корнилов со штабом, а влево широкой долиной отходила пехота противника, отстреливаясь, но в порядке. Нам был отчетливо виден их фланг до середины их фронта. Противник, не видя перед собой наших частей, отходил, не торопясь, хотя левый фланг противника уже сбита наша пехота... Непонятно было, по ком противник стрелял. Правда, скоро мы услышали знакомый полет пуль, хотя мы — отряд — находились около двух верст от противника. От штаба отделился конный и скакал к нам, к нему навстречу направился Власов, и вскоре, пропуская отряд, Власов громко приказал приготовиться к атаке, не торопиться и слушать команду:

— Корнилов, генерал Корнилов сам смотрит на нас! — Мы продолжали идти рысью.

Подалась команда: «Взводные ко мне!» — и выехавшие из строя офицеры поскакали к начальнику. На рыси начальник объяснил взводам задачу, и они скоро вернулись на свои места. Оставалось версты полторы до первых цепей противника. Видно было, как в цепи метались их комиссары.

Раздалась команда, одна за другой повторенная взводными, и отряд, как на учении, перестроившись в одну линию, все той же рысью продолжал идти вперед, не обращая никакого внимания на рой летящих пуль.

Мы уже подошли на 1000 шагов, и хотя огонь по нас был усилен, но потерь не было — большевики нервничали и забыли, что нужно целиться. Подошли ближе, все тем же аллюром, и нам стало ясно видно все семь цепей противника и происходящая суматоха в первых трех цепях.

Начальник отряда вынул свой клинок, а за ним сверкнули на солнце клинки всего отряда, и затем всадники быстро перестроились лавой. Заметно было, как кинулись убежать одиночки из передних цепей и конные улепетывали к себе в тыл. Мы были недалеко от противника, когда начальник подал сигнал к атаке.

Прошло несколько минут, и баклановцы с криком «Ура!» врубались в цепь противника. Легко опрокинув передние цепи, они увлеклись преследованием. Красные сдавались в плен, бросались на землю пластом, притворяясь мертвыми, бросали оружие в сторону, становились на колени.

Все произошло молниеносно — атака, крики раненых и сдающихся, перемежающиеся с одиночными выстрелами, так как общая стрельба совсем прекратилась. Вскоре баклановцы начали собираться в группы и искать своих взводных и командира. Взводные находились здесь же. Они приказали собираться вместе, выделив нескольких конников для сопровождения пленных... но начальника отряда никто не видел. Кто-то заметил группу на месте, где в начале находилась первая цепь противника, и опознал коня командира. Все направилось к этому месту, и скоро мы увидели нашего командира... Молодой гигант лежал на земле; он был мертв...

Очевидец, священник отряда, следующий за атакующими баклановцами, поведал, как все произошло. Он прерывал свой рассказ, чтобы вытереть предательские слезы...

— Я видел всю атаку. Когда отряд поравнялся с первой цепью красных, я сосредоточил свое внимание на командире. Я видел, как блеснул на солнце его клинок и как рыжий сделал огромный прыжок, после которого командир спрыгнул с коня, не обращая внимания на продолжавшуюся атаку. Я был сравнительно далеко. Мой конек не шел быстрее, и я издали видел, что конь командира стоял на трех ногах, а начальник рассматривал рану, стоя спиной к полю. Видимо, он был поглощен выяснением серьезности ранения коня; да и не могло быть иначе, зная любовь казака к коню. Командир не замечал, что творилось

вокруг, и не видал, как за его спиной лежавший на земле красногвардеец поднялся и со штыком наперевес направился к Власову, который по-прежнему сосредоточил свое внимание на ране коня, не замечая грозившей ему опасности.

Я все это видел издали, но не мог прийти на помощь. Я кричал во всю силу своих легких, но, видно, не слышал командир моего голоса за шумом боя, а красный приближался все ближе и ближе; было ясно видно, что штык красного был на уровне живота командира. Я кричал до хрипоты, но напрасно... и только в последний момент, когда красный находился на расстоянии штыкового удара, командир обернулся и увидел перед собою штык, но было уже поздно, он не мог отвести удар.

Штык красного вонзился в живот Власова. Даже в этот жуткий момент командир не растерялся и, схватив левой рукой дуло винтовки, еще дальше вонзил в свой живот штык, чтобы приблизить врага, державшего приклад винтовки. Он правой рукой, в которой держал шашку, нанес удар по голове красному. Прежде чем я доскакал до них, они оба медленно повалились на землю. Первым свалился красный, а на него сверху наш командир. Когда я подошел, оба были мертвы — Власов со штыком в животе, а под ним красный с рассеченной до шеи головой. Около Власова стоял верный конь с застывшей слезой в выпуклых глазах... Стоял он на трех ногах, вздрагивая всем телом от пулевой раны в правое заднее стегно, а около на земле сидел вестовой, спрятав лицо в коленях, и по вздрагивающим плечам видно было, что он беззвучно рыдал.

Может быть, рана не была бы смертельна, если бы желудок не был полон, и, может быть, выжил бы наш гигант, а теперь его нет среди нас.

Молча слушали хмурые баклановцы, стоя вблизи лежавшего на земле тела начальника, которого отнесли в сторону от красного. Под голову убитого положили его подушку, снятую с седла, и накрыли тело попоной. Все ждали подводу, за которой уже давно послали в село. Коня расседлали, и он стоял недалеко от своего мертвого хозяина, понурия голову и изредка издавая жалобное ржание...

Кругом царила тишина. Даже не верилось, что только недавно это место было свидетелем боя. Весна вступала в свои права, и солнышко припекало, но никто не обращал на это внимания. Все были подавлены потерей, и не одна слеза катилась по суровым лицам баклановцев...

Вскоре прибыл ветеринарный врач, который осмотрел раненого коня и сказал, что пуля засела глубоко в кости и что конь выживет, если его поставить в конюшню и совершенно лишить движений не

меньше чем на десять дней. Значит, коня надо было оставить «на милость» где-нибудь в селе.

Наконец прибыла подвода с крестьянами по наряду. Крестьяне принялись за копанье ям для убитых, собирая имеющиеся на них документы... Баклановцы бережно уложили на подводу своего командира и тихо двинулись и село. В крестьянской хате приготовили тело к погребению и переложили в гроб, сколоченный из грубых досок, поставили у гроба почетный караул, ожидая дальнейших распоряжений. Вскоре пришел генерал Марков, за ним генерал Алексеев с ротмистром Шапрон дю Ларре, и... все отстояли печальное отпевание-панихиду. Не один смахивал назойливую слезу. Было над чем подумать: сегодня ты, а завтра я.

По окончании службы генерал Алексеев задержался и около часа беседовал с баклановцами, стараясь ободрить и отвлечь их от мрачных дум.

Стало известно, что отряд атаковал противника, который оказался старым врагом. По документам, собранным у военнопленных, видно было, что банда Смольного призвала в красную гвардию наших врагов, находившихся в лагерях и на полевых работах, — немцев, австрийцев и мадьяр, — обещая им за это возвращение на родину и платя им за голову каждого убитого добровольца премию. Так новые интернациональные «апостолы»-бандиты покоряли русскую землю чужими руками, призвав китайцев, латышей, пленных немцев, австрийцев, мадьяр и прочих врагов России...

Незаметно надвинулся короткий вечер и за ним темная южная ночь. Ввиду нашего ухода из этих мест и, конечно, немедленного вступления красных, было решено похоронить командира без соответствующих его положению почестей. Баклановцы не желали привлечь внимание красных, зная по опыту, что красные выкапывали мертвых и надругались над ними...

Поздно ночью пришел генерал Корнилов проститься с погибшим. Он постоял у гроба молча, перекрестившись и простившись с есаулом Власовым; генерал Корнилов медленно вышел из избы и исчез в темноте... Он выглядел старше своих лет, заметно было его серое, усталое лицо. За короткое время похода генерал Корнилов оценил исполнительного, храброго и талантливого офицера, и потеря его была тяжелым ударом для генерала Корнилова.

Вскоре после ухода генерала Корнилова баклановцы собрались в избе, чтобы отдать последний долг своему командиру. Служил погребение батюшка при мерцающих свечах, и, даже не глядя на него, все чувствовали его волнение. Голос батюшки часто срывался, видны были предательские слезы, катившиеся по его щекам. Да, правду сказать, не только

батюшка нервничал, но многие баклановцы старались украдкой смахнуть «случайно» набезавшую слезу. По окончании службы баклановцы, простясь с командиром, вынесли гроб на руках из хаты и медленно направились к могиле, заранее приготовленной.

Не слышно было печального погребального звона и не было хора. Могильная тишина, темная ночь как бы умышленно скрывала происходящее, словно стыдясь за человека и им творимое...

Срывался холодный ветер, гоня черные тучи. Чувствовалась перемена погоды, но баклановцы не замечали изменений и медленно несли гроб своего есаула. Это шествие напоминало что-то тайное, мистическое давно прошедших дней. Это были те же гонимые, что и в первые века, на заре христианства... Все это происходило на глазах всего культурного мира, безучастно наблюдавшего уничтожение русской интеллигенции, под прикрытием слова «революция».

...В темноте показался огонек, и процессия направилась на него. При свете трех фонарей гроб поднесли к свежеврытой могиле. После короткой службы закрыли гроб и приготовились спускать его на канатах. В это время кто-то проговорил: «Посветите сюда фонарем» — и к фонарю склонился генерал Марков, всматриваясь в часы на руке, затем выпрямился и сказал: «Можно опускать, не спеша». Гроб медленно поплыл вниз, но не успели еще его опустить на дно, как раздался оглушительный взрыв недалеко от села, и весь горизонт осветился на несколько секунд ярким фосфорическим светом. В наступившей затем темноте раздался негромкий голос: «Командирский салют». Через минуту раздался второй взрыв, потом третий. То саперы взрывали дорогу, а получилось — как бы прощальный салют нашему командиру. При мерцавшем свете была ясно видна надпись на баклановском значке: «Чаю воскресения мертвых...»

Порывы холодного ветра колыхали тяжелое полотно над самой могилой, как бы посылая есаулу последнее прости...

*М. Гетманов*³⁴⁰

ПЕРВЫЙ КОРНИЛОВСКИЙ ПОХОД

(воспоминания участника)³⁴¹

В период боев маленькой «армии генерала Корнилова» под Екатеринодаром, я находился в конном Баклановском отряде. Отряд был донской и состоял из офицеров и донской учащейся молодежи. Нас в

отряде было два кубанца: мой старший брат и я. К тому времени я уже «сделал карьеру»: был вахмистром отряда.

Всей конницей командовал генерал Эрдели. Мы находились на левом фланге нашей пехоты, штурмовавшей Екатеринодар, в Садах.

Как сейчас помню, утром 1 апреля (1918 года) кто-то сказал мне, что генерал Корнилов убит, на что я ответил: «Более глупой и идиотской шутки ты не мог придумать...» Но это оказалось истиной.

Вскоре генерал Эрдели получил приказание: «Коннице атаковать станцию Черноморской железной дороги, дабы выходом во фланг большевикам дать возможность нашей пехоте вытянуться из боя». Старый конник, генерал от кавалерии, понимал, что атака в конном строю железнодорожной станции, в районе которой находились два красных бронепоезда, бывшие по нашей пехоте, значила: для спасения пехоты конница должна была пожертвовать собой. И на глазах у старого генерала навернулись слезы. Но приказ есть приказ.

Распоряжение было отдано. Баклановский отряд прошел Сады и при выходе из них развернулся для атаки; левее нас тоже развернулся Кубанский гвардейский дивизион. И наконец, левее гвардейцев развернулась Кубанская офицерская сотня. Точно не могу сказать, куда были направлены остальные части нашей, увы, немногочисленной конницы.

Броневики дали по нас 2—3 выстрела, не причинивших вреда, и, задымив, ушли по направлению на Екатеринодар. Пехота же большевиков, занявшая позицию вдоль полотна железной дороги, оставалась спокойна и огня не открывала. Как молния пронеслась мысль: «Это не красная гвардия!» (В то время большевики на Кубани еще не имели настоящих строевых частей. Части, носившие громкое название «Красной гвардии», фактически представляли из себя вооруженный сброд, впадавший сразу в панику при виде атакующей конницы.)

Но рассуждать было некогда. Мы уже шли широким наметом, и дистанция быстро сокращалась. Шли мы, однако, по вязкой кубанской пахоте, и уже перед самыми цепями, на топкой низине, наши измученные кони стали сбавлять аллюр. Первая шеренга красных опустилась для стрельбы с колена, и с дистанции прямого прицела мы были встречены правильными залпами пехотного огня. В некоторых местах мы дошли на 30—50 шагов, кое-где отдельные всадники прошли через неприятельскую цепь, но в общем под сильным

огнем наша атака захлебнулась. Впоследствии мы узнали, что против нас были только что прибывшие с Кавказского фронта настоящие строевые части.

Конница свою задачу выполнила, но потери людьми и лошадьми были тяжелые; мы не смогли вывезти ни своих убитых, ни своих раненых. Гвардейцы потеряли своего командира полковника Рашпиля.

С темнотой наша пехота начала отход, а к утру и мы прибыли в колонку Гначбау. К вечеру 2-го или 3 апреля наш отряд получил приказание разобрать по сумам брошенную или оставленную «кубанскую казну» (при оставлении Екатеринодара Кубанское правительство вывезло за Кубань все серебро, хранившееся в казначействе) и быть готовыми к немедленному выступлению. «Крыли» мы бросивших двуколки с казной на чем свет стоит! Кони уставшие, голодные, а тут еще добавочная нагрузка.

Куда идем, зачем... ничего никто не знает. Слухи ползут самые невероятные: «Наша пехота ушла пробиваться в горы... Конница разбегается...» и т. д. Неудачный бой под Екатеринодаром, смерть генерала Корнилова — все это сильно понизило дух. Более слабые духом несколько человек действительно оторвались, и судьба их осталась неизвестной.

При выходе из колонки я заметил оставленного хорошего коня и предложил брату вернуться за ним. В колонку уже входили красные, но стоило рискнуть: уж больно хорош был конь! Мы вернулись, взяли коня и догнали отряд на переправе. Не успели мы похвастаться своей «военной добычей», как откуда ни возьмись — «Гаврилыч!» (Так шутя называли мы донцов.) «Так што это конь войскового старшины Ш. Я за конем!» — «А ты скажи своему войсковому старшине, нехай он вернется за конем в колонку, где он его бросил!» Но оказался виноватым не войсковой старшина, а сам «Гаврилыч»: «Все взял, а коня не то забыл, не то запамятовал». Пришлось отдать.

Переправа затянулась. Железнодорожный мост не имел сплошного настила, а только две доски посредине рельсового пути. Если конь оступался и проваливался между шпалами, стоило больших усилий вновь поставить его на мостки. Нервы у всех были страшно натянуты, подойди спереди или с хвоста колонны красный броневик — нам пришлось бы жарко! Кто-то не выдержал и решил переехать речку вброд; мы только услышали душераздирающий крик «Ратуйте!» погибающего в болоте... Только к утру, закончив благополучно переправу, мы прибыли в станицу Дядьковскую.

Не успели там спешиться — вот тебе и приемщики за серебром тут как тут: «Сдавайте!» Приняли они от нас серебро, а с ним, как процент, пару «теплых слов» и комплиментов за то, что бросили его в колонке.

В станице Дядьковской сосредоточилась вся небольшая белая армия. Проходя по улице, я увидел, как в одном из дворов садился на лошадь генерал Марков, страшный ругатель, но за свое бесстрашие и заботу о подчиненных любимый всей армией. К нему подошел какой-то доктор: «Ваше превосходительство, правду ли говорят, что мы окружены?» — «Совершенно верно, мы окружены», — спокойно ответил Марков. Опустившись в седло, он посмотрел на доктора: выражение лица последнего было не из веселых. «Знаете, доктор, г... тот начальник, и г...ые те войска, которые не прорвут окружение. До свидания!» И генерал Марков выехал со двора.

После дневки мы двинулись в направлении хутора Журавского. Наш отряд шел в авангарде. Генерал Эрдели следовал за нами. Я был начальником головного разъезда. В дозоре, не помню с кем, шел мой брат. Дело было к ночи, и мы шли на сокращенных дистанциях. С гребня я заметил, что по ту сторону виднеются какие-то люди. Выскочил к дозору. Брат докладывает: «Здесь красная застава. На вопрос: «Кто идет?» — я сказал, что казаки с хутора Малеванного. «По мобилизации?» — «Да». Говорю брату: «Ты им скажи, что сейчас подъедет остальная группа», а сам мотнулся к взводному, Донского войска есаулу Алексееву, из молодых, но отличному боевому офицеру. Весь взвод на рысях двинулся через гребень. На ходу Алексеев распорядился: «Спешимся и смешаемся с ними, а как я зажгу спичку — разом кончать».

Красная застава вышла из хаты, даже не захватив винтовок. В этот момент на конце гребня появился выехавший вперед генерал Эрдели. Кто-то из красных крикнул ему: «Товарищу, у тебя подпруга распустилась!» Генерал ничего не понял сразу; я потянул его за рукав вниз и сказал: «Это красные. Сейчас все будет кончено». Объяснять было некогда. В этот момент вспыхнула спичка, раздались выстрелы, и застава была полностью ликвидирована. Только двое успели прыгнуть в речонку, но и они не ушли.

Много прошло времени с тех пор. Забываются числа, имена и названия. И хоть много написано про общий ход Белой борьбы на Кубани, а вот такие небольшие инциденты в литературу не попадают. А жаль. Ибо по ним нашей молодежи будет легче дать правильную оценку той борьбы.

1-Я ОФИЦЕРСКАЯ БАТАРЕЯ В КУБАНСКОМ ПОХОДЕ³⁴²Выступление Юнкерской батареи в Корниловский поход³⁴³

9 февраля 1918 года, в 22 часа, Юнкерская батарея выступила в свой 1-й Кубанский поход. Люди и лошади, утомленные дневным боем, не успевшие еще отдохнуть, напрягая последние усилия, с трудом вытягивали свои ноги из рыхлого снега. Батарея шла в главных силах. Впереди шли обозы с ранеными, ехавшими на автомобилях, санях, подводах и реквизированных извозчиках. Прикрывать отступление остались: Студенческий батальон и одна офицерская рота, которые боя не вели, вследствие пассивности противника, и вскоре присоединились к хвосту общей колонны. Было темно, и нельзя было разобрать, каков численный состав колонны, и поэтому первый раз, генералам Корнилову и Алексееву удалось подсчитать свои силы только утром, после переправы через Дон.

Никто не знал, куда мы идем, и только по мере нашего продвижения стало выясняться, что мы держим путь на станицу Аксайскую. Колонна растянулась версты на три. В ночной тишине слышался скрип колес и саней и дикий крик возниц, понукавших выбивающихся из сил лошадей. Накатанной дороги не было, и потому версты через четыре, нам стали попадаться на пути брошенные машины, подводы, походные кухни и прочее, все завязшее в снегу. Все приводилось в полную негодность, по всему видно было, что люди, идущие по дороге, не хотели оставить врагу ничего, могущего пойти ему на пользу.

Впереди главных сил, пешком, увязая в снегу, шел генерал Корнилов, один только знавший, куда и зачем идет эта горсть храбрецов, выражающая своим походом протест всему миру. Труден и бесконечно долог показался ночной переход.

10-го стало светать, и в полумраке показался переезд железной дороги Ростов—Новочеркасск. Дабы прикрыть от бронепоезда со стороны Ростова, была послана в его сторону подрывная команда, которой ставилось задачей взорвать имеющиеся на пути небольшие мостики и разобрать в нескольких местах путь, что и было выполнено.

Дойдя до полотна, голова колонны повернула в сторону станции Аксай и пошла по полотну, прыгая и громыхая подводами по шпалам. Батарее также пришлось свернуть на полотно, и с большим трудом удалось направить ее по желаемому пути, снимая орудия с передков, выпрягая уносы и перетаскивая через рельсы передки на одних корнях, а орудия на руках и без того уже уставших и промер-

зших юнкеров. При дальнейшем следовании на пути колонны встречались железнодорожные мостики, дыры между шпалами, которые приходилось юнкерам закладывать досками и встречающимся на пути подручным материалом. Двигаться через такие животрепещущие мостики нужно было осторожно, т. к. лошади копытами проваливались в щели, а после прохождения каждого орудия настилка настолько портилась, что приходилось ее вновь ремонтировать, что затрудняло и замедляло движение батареи.

Только к 6 часам батарея добралась до станицы Аксайской, где была размещена по квартирам и имела возможность отдохнуть два часа после трудного перехода, в ожидании своей очереди для переправы через Дон. Моста, вследствие того что он плавучий, а Дон замерз, не было. Переправа производилась по льду, а он был так тонок, что приходилось переправляться по очереди подводам, а орудия даже разбирать по частям.

Первым начал переправу генерал Алексеев, который, опираясь на палочку и пробуя ею крепость льда, на глазах всей армии перешел Дон. В этот момент рассеялись тучи, нависшие над Доном, и выглянувшее солнце осветило старческую фигуру любимого генерала.казалось, что даже природа сочувствует нам в нашем деле и солнце своим светом благославляет на далекий, полный лишений крестный путь.

За генералом Алексеевым шел генерал Корнилов со своим конвоем, а за ними потянулись обозы, раненые, одиночные люди и лошади. Все спешили как можно скорее переправиться, т. к. лед трещал, и с каждым часом становилось опаснее и опаснее переправляться. На каждом берегу реки стояли небольшие команды с офицерами во главе, которым было поручено строго следить за порядком переправляющихся и вести среди них очередь.

После обоза и раненых начала переправу Юнкерская батарея 4-орудийного состава, потом пехота и конница. Выяснилось, что орудия придется разбирать по частям и переправлять на санях, и для этой цели подполковник Миончинский послал нескольких юнкеров к казакам станицы за санями. Здесь нам пришлось столкнуться с враждебно настроенными к армии казаками, которые ругали нас в глаза и наотрез отказались чем-либо помочь. Только вид нагаек и винтовок заставил их смириться, и они, ворча и ругаясь, были вынуждены предоставить в наше распоряжение несколько саней.

Началась историческая переправа батареи. Лошадей выпрягали и по парам в подводу переводили через лед. Орудия снимались с передков, снаряды выгружали в сани, чтобы облегчить передки и потом их на руках перетащить по льду. Причем въезд на лед и выезд на другой

берег успели настолько раскатать, что берег от льда разделяла ледяная вода, глубиною до одного аршина, по которой приходилось переходить юнкерам, таща за собою пушки и передки. Когда же расстояние между берегом и льдом увеличилось до двух сажен, то пришлось его закладывать бревнами и досками, которые с большими скандалами доставались у местных казаков. После переправы передков было приступлено к орудиям.

Тела орудий снимались, укладывались на сани и перевозились на ту сторону, а облегченный таким образом лафет перевозился юнкерами на руках. В течение всей переправы батареи ею руководил командир батареи, который подбадривал юнкеров своим бодрым видом, воодушевляя их, заставляя замерзших и уставших от работы с ключами и молотками при разборке снова браться за работу и веселее работать. Надо было торопиться, ибо вдали уже слышалась ружейная и пулеметная трескотня и изредка долетал гул бухающих орудий.

Батарея уже переправила три орудия, дошла очередь и до 4-го, но здесь пришлось столкнуться с затруднением. Никакими усилиями не удавалось отвинтить гайку соединительного болта, чтобы, вынудив его, можно было снять тело орудия. Гайка не поддавалась, а время не ждало, пошли в ход все инструменты, и вот, чтобы не бросать орудия, было решено его перевезти на руках. Тут же под мостом была найдена чугунная труба, длиной в аршин пять, которую заложили поперек под сошник так, чтобы с каждой стороны лафета оставались концы около 2 аршин, за которые взялись юнкера и, помогая за колеса, щит и другие выступы пушки, докатили ее к переправе.

Всех было человек 15, и все они знали, что если лед не выдержит тяжести пушки и стольких людей, то все погибнут. Но каждый знал, что он идет на рискованное и лихое дело, а потому, подбадриваемые словами подполковника Миончинского «С Богом», пушку смело и решительно вкатили на лед. Лед слегка хрустнул под колесами, но ее моментально покатали дальше и таким образом спасли от провала. Катили орудие сначала шагом. Сзади ее шел спокойно подполковник Миончинский, который напряженно следил за трещавшим все более и более льдом, по мере приближения к середине Дона. На самой середине лед сильно хрустнул и дал трещину, в которую начало погружаться одно колесо. Все как-то замерли в ожидании катастрофы и от неожиданности слегка приостановили движение, но в этот момент раздалась громкая и решительная команда нерастерявшегося командира: «Бегом марш». Все напрягли силы и бегом покатали орудие дальше.

Лед продолжал трещать и лопаться под колесами, сзади слышались все чаще и чаще оклики командира: «Скорее, скорее». Люди от быстрого бега и большой тяжести почти выдохлись, и только любовь к пушке, к батарейному командиру и желание не осрамить батарею и доставить на тот берег все 4 орудия заставили совершенно выбившихся из сил юнкеров тащить дальше орудие. Но вот уже до берега оставалось несколько сажень, еще одно усилие — и пушка на берегу, а люди, тащившие ее, все до одного лежат на ней и, порывисто дыша, стараются отдышаться и прийти в себя. Так было переправлено 4-е орудие, и батарея приступила к сборке пушек. Когда переправа приходила к концу, батарее пришло приказание построиться для смотра генералами Алексеевым и Корниловым. Здесь впервые наши вожди подсчитали свои силы.

Нас было не много по сравнению со всей Советской Россией, но зато все мы считали, что «лучше смерть, чем рабство». И наше настроение вполне понял генерал Корнилов, решив, что с такой армией он может смело идти вперед, не боясь численного превосходства врага, т. к. его подчиненные ставили на карту самое дорогое, что у них осталось, — собственную жизнь. Осмотр частей начался, как неожиданно для всех в облаках загудел мотор и показался аэроплан, летевший на переправу со стороны Ростова. Кто-то громко приказал не бояться его, ибо это аппарат краевого правительства, все поглядывали на него, радуясь новому прибавлению к нашим силам. Вдруг неожиданно в воздухе что-то просвистело, а затем послышался оглушительный треск разорвавшейся бомбы, брошенной с аэроплана, потом другая, третья.

Моментально была открыта стрельба, и летчик не замедлил удалиться. Две бомбы разорвались на берегу, не принеся вреда, а третья упала недалеко от переправы в лед, чем немного и замедлила дальнейшую переправу. Через полчаса переправа закончилась, и колонна двинулась по дороге на станицу Ольгинскую.

В станицу батарея прибыла днем 10 февраля и разместилась по квартирам. День прошел спокойно, и ни о чем не приходилось думать, все отдыхали. 11-го начали прибывать из Новочеркаска наши раненые и отбившиеся от батареи офицеры и юнкера, узнавшие о нашем местопребывании и, несмотря на свои раны, не желающие остаться у большевиков.

В этот же день командир объявил, что генерал Корнилов приказал сделать батарею двухорудийного состава. Такая мера была вызвана желанием сделать батарею более поворотливыми и объяснялась малым количеством снарядов и пехоты. Нам было приказано сдать две за-

пряженные пушки 2-й батареи, которая оставила своих лошадей и пушки по приказанию полковника Икишева. Немного погоревали по этому поводу юнкера, составили несколько куплетов «Журавля» на 2-ю батарею и два орудия передали. Личный состав этих двух орудий вошел в пеший взвод.

Стали: командиром батареи — подполковник Миончинский, 1-м орудием стал командовать штабс-капитан Шперлинг, 2-м — поручик Казанли³⁴⁴, пешим взводом — поручик Боголюбский Н.³⁴⁵, пулеметной командой — подпоручик Гагеман³⁴⁶, командой разведчиков — подпоручик Давыдов³⁴⁷, телефонистами — портупей-юнкер Александрин и заведующим хозяйством — капитан Межинский³⁴⁸.

На второй день нашего пребывания в станице в батарее между двумя юнкерами произошел крупный инцидент, для ликвидации которого был выбран юнкерский суд чести, под председательством капитана Межинского.

Все отдельные отряды, батальоны и команды были сведены в более крупные единицы. Тут образовались: 1-й Офицерский полк — генерал Л. Марков; Корниловский Ударный — полковник Ийженцов; Юнкерский батальон — генерал М. Боровский; Партизанский полк — генерал Богаевский; артиллерийский дивизион — полковник Икишев — из 4 батарей по два орудия: Миончинский, Шмидт, Ерогин и Третьяков, Чехословацкий инженерный батальон — капитан Неметчик, и конные отряды сведены в дивизион полковника Гершельмана.

12 февраля ознаменовалось для батареи радостным приказом, производившим всех юнкеров в первый офицерский чин — прапорщика. Теперь батарея стала называться 1-й Офицерской и состояла почти из прапорщиков, за исключением командного ее состава. За время стоянки в станице Ольгинской батарея отдыхала, приводила в приличный вид обтрепанное обмундирование, чистила лошадей и приводила в порядок материальную часть. 13-го утром армия двинулась в станицу Хомутовскую.

От Ольгинской до Лежанки³⁴⁹

С 13-го по 23 февраля 1918 года

13-го утром батарея вышла из Ольгинской. За станицей, в сторону Хомутовской, был назначен сборный пункт, где части занимали каждая свое место в порядке походного движения. Во все время похода дух молодых прапорщиков, их жизнерадостность и легкость, с которой они переносили лишения, ставились в пример всем, а юн-

керские песни, распеваемые на сборных пунктах с бесшабашной удалью и с поразительной веселостью, притягивали к батарее массу посторонних.

Случалось отставать от батареи, догоняешь ее только на сборном месте, разобраться в этой массе конных, пеших людей и повозок и найти батарею очень трудно, но вот откуда-то издали несутся громовые раскаты хохота, свист, улюлюканья и звуки «Журавля», дружно подхватываемые хором, направляешься туда и безошибочно находишь 1-ю батарею. Около орудий много любопытных, пришедших послушать. Особенно нравилась всем артиллерийская песня — «На посту дивизиона».

ЖУРАВЕЛЬ

Соберемтесь-ка, друзья,
И споем мы «журавля»...

Белый крестик на груди,
Миончинский впереди...

Митю можно полюбить
Только ножки подрубить...

Полноты ему придать
И немножко воспитать...

Всем известно, что разведка
Ходит сзади очень редко...

Впереди их, словно пава,
Выступает наша Ава...

А за боевою частью
Прет обоз — бойцов несчастье.

И в обозе «завсегда»,
Ездил Машин, господа.

На коне сидит котом,
Трясет гордо животом...

Машин бороду побрил,
Доброволишу смутил...

Но конечно, в батарее
Есть полковники милее.

Чем, к примеру, не «предмет»,
Наш Михайлов-пистолет...

Где кисляк и молоко,
Там орудие Михно...

Опираясь на губу,
Хартулари прет в избу...

В батарее вечно пьян,
То Межинский капитан...

(Ава — уменьшительное имя институтки Августы Пята, порученной батарее генералом Алексеевым во время похода при расформировании обозов; она ездила верхом с батареейной командой разведчиков, исполняя обязанность таковых. — К.С.)

Мимо батареи справа вытягивается на дорогу санитарный обоз, развеваются косынки сестер, громовое «Сестры лазарета красный крестик носят...» заставляет их моментально убраться в санитарки и смущенно задернуть занавеску. «По коням», — раздаётся команда. Пение моментально обрывается, еще момент — и все уже на местах. Полная тишина воцаряется на сборном пункте. Все взоры обращены к станице, оттуда медленно приближается отряд конных, видны белые папахи текинцев и развевающийся трехцветный флаг.

Впереди знакомая фигура генерала Корнилова, на высокой буланой лошади, в серой солдатской шинели и офицерской папахе. В холодном утреннем воздухе громко и четко разносится дружный ответ. Голова колонны двинулась, но мы еще стоим. Снова раздаются песни, смех и шутки. Опять: «По коням». Из станицы по дороге быстро несется отряд конных с развевающимся черным значком. Впереди них мчится генерал Марков, в белой папахе, в черной кожаной куртке, с нагайкой в руке. Он весь воплощенная энергия, сплошной порыв. Как дух проносится он мимо батареи, и наше дружное приветствие застает его уже в голове колонны. За ним поодиночке несется карьером отставший конвой.

Вот мимо батарей проезжает медленно генерал Алексеев, он сидит в своей любимой позе, боком на сиденье, с головой опущенной на руки, руки опираются на палку. Его доброе старческое лицо с ласковым участием смотрит на своих юнкеров. На всех лицах написано чувство благоговейного уважения. Но вот экипаж скрывается среди массы повозок, и батарея вытягивается на дорогу.

К вечеру прибываем в станицу Хомутовскую. На рассвете подъем, все готово к выступлению, но оно почему-то откладывается. Сидим в чистой просторной комнате и пьем чай. Слышится какое-то потрескивание и стук колес. Начал идти дождь, замечает кто-то. Нет, это

стук обозных колес, отвечает другой. Пощелкивание усиливается, полное впечатление того, что большие дождевые капли стучат по железной крыше. «Что вы здесь сидите, — влетает хозяин, — по станице идет бой. Ваши уезжают». Пулей выскочили мы из дома и бросились в парк. Орудия уже выезжали рысью к выходу из станицы. В нашем районе рвались неприятельские снаряды. По улице в беспорядке неслись санитарные повозки, двуколки и подводы. Цепь партизан рассыпалась между домами, на углу трещал наш пулемет, изредка свистели пули.

Выезжаем на Кагальницкую дорогу, противник хорошо пристрелял ее, и снаряды ложатся у самой обочины. Наше счастье, что он стрелял гранатой, а не шрапнелью, иначе было бы хуже. Были и прямые попадания в обоз, перевернуло санитарную двуколку, ранило сестру. В батарее ранило 4 лошадей. Вся сплошная колонна обоза мчится рысью подряд версты три, батарея, повинувшись стихийному движению и находясь в середине обоза, следует тем же аллюром. От командира, оставшегося на окраине станицы, подъезжает разведчик с приказанием немедленно двигаться рысью назад. Поворачиваем, опять попадаем в сферу артиллерийского огня, становимся на полуоткрытую позицию, и двумя десятками снарядов подполковник Миончинский сбивает конную лаву, появившуюся на буграх. Она начинает отходить, но благодаря сгустившемуся туману преследование ее огнем становится невозможным. Бой стихает.

Все части вытягиваются на Кагальницкую дорогу и следуют по ней. Как потом выяснилось, Голубов с частями 4-й дивизии, с несколькими сотнями красных казаков и 2 конными орудиями произвел на армию неожиданный налет со стороны станицы Злодейской. К вечеру снег растаял, вся дорога представляла собою какое-то сплошное болото, которое с остервенением месили люди и лошади. Спокойно перешли железную дорогу Батайск—Торговая.

Ночью пришли в станицу. Долго усталые шлепали в темноте, разыскивая свою квартиру. На следующий день желающим было предложено перейти в 4-ю батарею. Согласились четверо. Здесь мы простояли спокойно два дня и 17-го выступили в станицу Мечетинскую. Целый день месили грязь. Измученные лошади отказывались везти, и орудия то и дело останавливались. Кому не приходилось совершать такие тяжелые переходы, тот не знает, сколько напряжения, труда и колоссальных усилий понимается под фразой: «Дорога была тяжелая, батарея шла едва две версты в час». Измученные люди, стоя по колено в грязи, с отчаянной решимостью, написанной на забрызганных грязью лицах, как мухи облепляли пушку. «Раз, два, три», — слышал-

ся надрывающийся голос командира, звучащий то страшной злобой, то умоляющей просьбой, то безысходным отчаянием. Пушка сдвигалась с места. Пройдя сажен 50, опять останавливалась. И так всю дорогу.

Ночью пришли в Мечетинскую. Утром приказано было ехать в станичное правление за амуницией, оставленной казачьей батареей. Здесь же были куплены 4 лошади. На станичном сходе генерал Корнилов произнес речь, и его заключительные слова о том, что не пройдет и двух месяцев, как армия вновь вернется на Дон и тогда все теперешние враги будут ее встречать с распростертыми объятиями и слезами на глазах, произвели на казаков большое впечатление. Сумрачные и задумчивые выходили они из станичного правления, раздумывая над словами великого вождя. Генерал Корнилов верил в свои слова, и они сбылись.

Через два месяца армия, спеша на помощь изнемогавшему в борьбе Дону, вновь проходила через станицу Мечетинскую, но генерала Корнилова уже не было с ней. Он, ее вождь, первый патриот земли Русской, тот, на которого были обращены взоры всех еще оставшихся верными России, нашел себе безвременную могилу в Кубанских степях.

18 февраля перешли в станицу Егорлыцкую, последнюю станицу на границе Донской области. Дальше перед нами расстилались Кубанские степи.

20-го выяснилось, что в селе Лежанка, в 2,2 верстах от станицы, стоят остатки 39-й пехотной дивизии, 154-й пехотный Дербентский полк и 5-я горная батарея. Распропагандированные, они решили не пропускать нас в Ставропольскую губернию.

21-го утром подъем, идем брать село Лежанка. Наша батарея с 1-м Офицерским полком идет в авангарде. Пройдя большую часть пути, поднимаемся на бугор. Перед нами громадное село, лежащее по ту сторону реки Средний Егорлык; виден мост, около моста что-то нарыто, видимо окопы. Подходим ближе, раздается со стороны противника первый выстрел, потом другой, третий, стреляла горная батарея. Офицерский полк развернулся в боевой порядок и продвигается вперед, начинается ружейная трескотня. В это время наш командир замечает орудийные вспышки на левом краю площади, моментально мы снимаемся с передков, и через 5—8 минут нашего огня батарея противника спешно снимается и скрывается за домами.

Генерал Марков уже впереди, в цепях, он приказывает двум ротам делать демонстрацию атаки на мост, а двум другим перейти реку вброд одновременно выше и ниже моста. Полк поднимается и идет

в атаку, ружейная трескотня достигает наивысшего напряжения. Батарея противника, вновь ставшая на позицию, обстреливает наши орудия, стоящие совершенно открыто на скате, обращенном к Лежанке. Проносится справа рысью 4-я батарея, влево разворачивается и Партизанский полк. Подполковник Миончинский решает подъехать еще ближе, беремся в передки и двигаемся вперед. Попадаем в сферу ружейного огня. Опять снимаемся с передков, и командир сбивает батарею красных. Ружейный огонь достигает такой силы, что во избежание лишних потерь передки отводятся за бугор и у орудий остаются по 5 номеров. Передки останавливаются за бугром, ездовые ложатся, мимо проносятся санитарные двуколки, мчатся конные ординарцы, ведут раненых.

Приезжает разведчик с приказанием подвезти ящичный передок. На передок кладут еще сверху лотки, на них садятся номера, и он рысью выезжает к батарее. До нее версты полторы, а противник уже начал обкладывать запряжку, снаряды ложатся у самого края дороги... Проскочим или нет, вертится у каждого... Издали батарея кажется двумя маленькими кучками людей, копошались у орудий; видно движение, вспышка, затем слышен глухой удар, опять вспышка, опять глухой удар. На светло-голубом небе, над батареей плывут беленькие облачка разрывов шрапнелей, не верится, что эти симпатичные клубочки несут с собою смерть и разрушение.

Подъезжаем ближе, глухие удары нашей батареи смешиваются с шуршащим полетом шрапнелей и визгом разрывающихся гранат красных. На ящике левого орудия видна стоящая во весь рост характерная фигура подполковника Миончинского, сюда уже доносится его громовой голос; вот он соскакивает с ящика, хватается за правило, сам ворочает пушку, затем отталкивает наводчика, садится сам на его место, потом со всеми номерами бросается на ящичное колесо, момент — и он снова на ящике и, несмотря на сильный ружейный огонь, наблюдает за разрывами. Своей колоссальной энергией он заражает всех. Во все моменты боя его громовой голос покрывает и треск шрапнелей, и визг гранат, и свист пуль.

Полный контраст представляет собой правое орудие, за наводчика сам штабс-капитан Шперлинг, быстро и молча исполняют номера его команды, вот его серая папаха наклоняется над щитом, выстрел, когда пыль рассеивается, он уже смотрит в бинокль. Слышна команда вполголоса, забегали номера, опять серая папаха наклоняется, опять выстрел...

Село занято нами, противник бежит на Белую Глину. Переезжаем через мост и въезжаем в улицу. Кучка офицеров окружает раненого

красноармейца, останавливается проезжающий мимо генерал Корнилов. «Почему дрался?» — спрашивает он его. «Заставили идти», — отвечает тот. «Вот люди, — вскричал генерал Корнилов, — их заставляли идти против своей Родины, и они идут!»

Три офицера 39-й артбригады остались и перешли к нам, по приказанию генерала Корнилова их зачислили в 4-ю батарею: штабс-капитан Шпилиотов³⁵⁰, подпоручики Парфенов³⁵¹ и Руссецкий³⁵², по слиянии этой батареи с нашей они служили у нас. В селе были захвачены запасы сахара, военные и интендантские склады. До поздней ночи перевозили оттуда амуницию, кроме того, нам достались два горных орудия.

Подпоручик Давыдов, как горный артиллерист, был послан привести их в порядок, но оказалось, что они были без замков, так что ничего нельзя было сделать. По рассказам жителей, красные бросили замки в какой-то колодезь. За находку их была обещана награда в 1000 рублей, но замков так и не нашли. Несколько орудийных лошадей, оставленных в селе и бегавших по улицам, были пойманы и приведены в батарею. К вечеру пошел дождь, и через полчаса вся площадь представляла сплошное море грязи, в которое широкими потоками вливалась грязь с улиц. Весь следующий день занимались пригонкой амуниции и 23 февраля выступили дальше.

От села Лежанка и до станицы Выселки³⁵³

Утром 23 февраля армия выступила из села Лежанка. Батарея шла в главных силах. О непролазной грязи не было и помину, шли по твердой, установившейся дороге. Переход прошел спокойно, и к вечеру колонна подошла к Плоской, первой кубанской станице, где и остановилась на ночевку, пройдя в этот день 12 верст. Квартиры были хорошие. Казаки встречали довольно радушно, хорошо угощали и почти все отказывались от денег. Первое впечатление от кубанцев великолепное.

24-го двинулись дальше. Батарея шла в арьергарде. Выйдя на назначенную дорогу и свернув немного в сторону, батарея остановилась и стала ждать своей очереди для вытягивания в колонну. Номера и ездвые, как всегда на остановках, собрались около одного из орудий. Шутки и смех, никогда не оставлявшие эту батарею, раздавались не умолкая. Вот показалась пехота. Прекратился шум, и грянула любимая песня пехоты — «На посту дивизиона», так встречала батарея свой полк, как и все родные ей части. Песня эта не имела ни начала

ни конца и была всегда на «злобу дня» и вообще на слабые стороны части. Кто-то крикнул «Идет!» — и куплеты «Журавля» приветствуют доблестную 2-ю батарею, у которой две пушки, данные Юнкерской батареей. .

«По коням» — и батарея вытягивается в колонну. Идем на станицу Незамаевскую. Часам к 12 колонна подходит к селу Ново-Ивановка, где привал на два часа. Подзакусив и подкормив лошадей, колонна продолжает путь и к 16—17 часам подходит к станице Незамаевской, одной из самых богатых станиц Кубани, встретившей армию на редкость хорошо. Была объявлена ночевка. Хозяева-казаки как будто сговорились нас обкормить и, угощая на славу, заставляли чуть ли не объедаться. Куриный суп, вареники, блины, яичница, закваски всех сортов, сметана, не говоря уже о великолепном белом хлебе, чай с медом — все это было в любой хате, и всем этим угощали гостеприимные казаки, ко всему были дни Масленицы.

Генерал Корнилов в тот же вечер говорил с казаками на сходе, встреченный шумными приветствиями и хлебом с солью, поднесенной стариками станичниками, которые постановили выставить сотню пеших и конных в его распоряжение. Как ни жалко было расставаться, но утром 25 февраля двинулись на станицу Веселую, куда подошли к часам 14, сделав 15 верст. Здесь должны были отдохнуть и к часам 20 двинуться дальше. Еще когда подходили к станице, командир говорил о том, что этим ночью или утром предстоит трудный переход с возможностью боя, которого почти не избежать, ввиду наличия бронепоездов красных, охраняющих железную дорогу.

К 20 часам прибыли на сборный пункт. Было совсем темно. Обычная при ночном движении брань и ругань то и дело раздавалась то здесь, то там. Особенно много ее обрушивалось на артиллеристов, т. к. в темноте при малейшем недосмотре ездовых колесами орудия или ящика ломались как скорлупы подводы, которых всегда бывало так много на сборных пунктах и число которых ночью, казалось, еще больше увеличивалось. Так и было в этот раз, и одна из подвод, несмотря на крики, была задета и раздавлена. Войска вытягивались в колонну, куда идем, никто не знал, предполагалось, что будем переходить железную дорогу Ростов—Тихорецкая.

Через несколько верст вынужденная остановка. Впереди оказалась небольшая трясина, однако достаточных размеров, чтобы препятствовать движению. Начали рубить оказавшийся поблизости кустарник и накладывать на трясины, засыпая соломой, которая, к счастью, поблизости оказалась в избытке. Работа кипела, и через полчаса можно было переезжать, но, правда, по одной повозке. Стало светать, когда дошла

очередь до батареи. У построенной гати стояли генералы Корнилов и Марков. Батарея прошла благополучно, не застрыв ни одним орудием, ни ящиком, и получила похвалу генерала Маркова: «Ну 1-я молодец!». Вскоре пришли к хутору Упорному и, не останавливаясь, двинулись дальше. При выходе из хутора сразу увидели станицу Ново-Леушковскую, вправо от которой были слышны взрывы. Это конная подрывная команда, заранее высланная генерала Корниловым, взрывала железнодорожный путь. Армия, взяв направление на Ново-Леушковскую, то есть еще южнее, уже явно шла в неопределенном направлении. Генерал Корнилов, получивший сведения о большом скоплении бронепоездов и вообще сил противника на станции Сосыка, где последний готовился встретить армию, решил перейти железную дорогу здесь, рассчитывая обмануть их и избежать бой.

Так было и на самом деле. Дойдя до станции, конвой и пехота спиливали и рубили провода и телеграфные столбы. В станице, сделав остановку только минут на 10, колонна двинулась дальше. По выходе из станицы стала видна железная дорога и далеко вправо показались дымки. Это приближался красный бронепоезд, и, дойдя до места взорванного, он открыл артогонь по колонне. Стрельба с довольно большой дистанции мало приносила вреда, но все же он, пристрелявшись, мог разбить переезд пути и даже заставить принять бой. Было ясно, что надо было как-нибудь реагировать на стрельбу бронепоезда. Батарея подходила к переезду. На полотне стояли генерал Корнилов и Марков. Подполковник Миончинский, будучи удивлен отсутствием приказаний об открытии огня, решил сам обратиться к генералу Маркову. Последний на это ответил, что командир дивизиона доложил, что стрельба невозможна из-за дальности расстояния. Наш командир это опроверг, и генерал Марков приказал открыть огонь. Переехали переезд и, свернув с дороги, снялись с передков. Первый же выстрел лег на полотне перед бронепоездом, который стал отходить и прятался за посадку. Дав еще два выстрела, подполковник Миончинский приказал 2-му орудию поручика Казанли выдвинуться вперед. Орудие, на рысях пройдя версты полторы-две, стало на открытую позицию и открыло огонь. Бронепоезд отошел еще немного и открыл огонь по орудию. Орудие сначала отстреливалось, но потом принуждено было переменить позицию на более закрытую. Армия между тем заканчивала переход полотна, и когда он совершился, то батарея взялась в передки и догнала колонну.

Настроение у всех, несмотря на проведенную без сна ночь, было отличное, день великолепный, солнце грело всюю. В колонне говорили, что теперь будем идти по плодородному и богатому краю Кубани,

где большевизм не успел еще пустить корни, и, наверно, без боев достигнем Екатеринодара, на который столько возлагалось самых радужных надежд и который был целью нашего похода. Восторгались генералом Корниловым, так удачно проведшим армию. К часам 11—12 подошли к Старо-Леушковской, где, сделав привал на 2 часа, двинулись на станицу Иркилевскую, куда пришли к вечеру и расположились по квартирам на ночевку.

По сведениям казаков, перед Березанкой были сделаны пять рядов окопов. Так было и на самом деле. Противник встретил наш авангард ружейным и пулеметным огнем из окопов. Несмотря на это, он был выбит немедленно. Конница Гершельмана пошла в атаку и врубилась в бегущего противника. Были взяты пленные, много порублено в момент атаки, а село занято почти без боя. К часам 12—15 батарея уже стояла на квартирах. Проходя мимо окопов, случайно заметили, что из них торчит что-то. Прапорщики Сломинский и Дегас поскакали, и этот предмет оказался трубой Цейса, брошенной красными.

Село оказалось почти пустым, ибо, испуганные рассказами большевиков о причиняемых будто бы нами разгромах и разбоях, жители покинули свои дома. Часть же мужского населения благодаря этой провокации участвовала в оказанном нам сопротивлении, и поэтому пленные состояли большей частью из них. Генерал Корнилов приказал их выпороть и отпустить. Вечером узнали, что на наш арьергард, в котором шли чехословаки, по выходе их из станицы Незамаевской налетели два эскадрона большевиков, совершенно уничтоженных перекрестным пулеметным огнем. Генерал Корнилов пожаловал одному пулеметчику 5000 рублей за храбрость и меткость.

Утром 2-го армия двинулась из села Березанки на хутор Журавку, от которого оставалось до города Екатеринодара 50 верст. К хутору подошли к 15 часам, и здесь стали доходить слухи об оставлении города Кубанским отрядом. Только что успели встать на квартиры, как получено приказание выехать на позицию против подходящих бронепоездов. 2-е орудие стало на окраине селений, а 1-е выехало дальше, к железной дороге в сторону Выселок. Бронепоезда более не появлялись, и к вечеру орудия вернулись на свои квартиры.

С утра 3 марта предполагалось движение на Кореновку, но неожиданно выяснилось, что село Выселки, занимаемое конницей Гершельмана, оставлено и занято выбившими их ночью большевиками. Для занятия снова Выселок были посланы 1-й Офицерский полк, партизаны и 1-я батарея, а затем для решения участи боя генерал Корнилов направил и корниловцев, шедших по ту сторону полотна

на Кореновку. Противник крепко засел в Выселках, укрепившись на Вальцовке. Наш командир рысью вывел батарею и под пулеметным и ружейным огнем, находясь впереди наших цепей, открыл огонь по заводу. Телефонисты, не успевшие собрать провод, были нещадно ругаемы Миончинским, обещавшим всех их расстрелять, если через 5 минут не будет проведен провод, который был необходим, т. к. он хотел выдвинуться поближе, чтобы рассмотреть расположение красных пулеметов.

Партизаны, получившие участок завода, находились под убийственным огнем и несли большие потери. Батарея снова взялась в передки и понеслась вперед, но, подъехав саженей на 200 от завода, должна была стать на позицию из-за сильного огня противника.

Телефонисты, задыхаясь, сматывали провод, но командир, будучи вообще человеком добрым и негрубым, был беспощаден. Прапорщик Тольский³⁵⁴ был «козлом отпущения» в таких случаях. Он несколько раз был приговорен к расстрелу, два раза к повешению, и на сей раз ему грозила опасность быть застреленным из нагана. Тольский, будучи от природы толстым, делал невероятные усилия. Но, как бой кончился, командир извинялся за свою горячность.

В это время партизаны кинулись в атаку. Все заклокотало. Но, несмотря на огонь, достигший громадных размеров, противник был выбит и стал отходить, преследуемый нами. Батарея, пострелявши с бугра за селением, вернулась в село и стала по квартирам, вместе с Офицерским полком, а другие части вернулись в хутора Журавские.

В батарею ранен в ногу прапорщик Мино, в пехоте много потерь, убит полковник Краснянский и в 10-й раз ранен поручик Курочкин, с которым батарея вместе дралась под Каменским.

Станица Кореновская — станица Некрасовская (4—7 марта 1918 года)³⁵⁵

Разбивши красных в бою 3 марта под Выселками, занявши ее и основательно испортив в районе станции Выселки железнодорожные пути, стрелки и мосты, армия, обеспечивши себя таким образом на некоторое время от противника со стороны Тихорецкой, продолжала свое движение к центру Кубани — Екатеринодару, и следующим пунктом, лежащим на этом пути, была большая станция Станичная и расположенная при ней большая станица Кореновская.

Армия, в ночь с 3-го на 4-е, выступила на Кореновскую, как потом оказалось, занятую крупными силами красных. Согласно прика-

занию, генерал Марков из Выселок с 1-м Офицерским полком и нашей батареей должен был выдвинуться левее наших главных сил и обходом правого фланга противника решить участь боя.

С рассветом 4-го эта обходная колонна выступила из Выселок, перейдя у станции полотно железной дороги, направилась в сторону Кореновки. Было ясное, чуть морозное утро, справа сзади от времени до времени взрывы, это подрывные команды портили железный путь. Бодро и уверенно двигался полк со своею батареей, бывшие почти всегда вместе, под командой своего любимого генерала, этого рыцаря без страха и упрека. Где-то впереди начал слышаться гул орудий, вначале глухой, отдаленный, становившийся все яснее по мере продвижения колонны вперед. Главные силы вели бой под Кореновской.

Перейдя вторично железную дорогу у разъезда Козырки, сделали небольшую остановку в хуторе Малеванном и вновь перешли у хутора на левую сторону полотна (смотря на Екатеринодар). Еще немного — и колонна вступила в сферу артогня. Полк стал быстро разворачиваться в цепи и продвигаться вперед. Батарея открыла огонь. Силы противника были очень велики, несколько рядов окопов, густо занятых, бесконечными линиями отходили в обе стороны от полотна, артиллерия стреляла очень метко, и вообще по всему видно было, что противник придавал бою большое значение.

Вследствие громадного превосходства красных обойти фланг их было невозможно, и части генерала Маркова завязали фронтальный бой. Большевики сосредоточили всю силу своего огня, как пехотного, так и артиллерии, с бронепоездом, маневрирующим и обстреливающим продольным огнем, чем сильно задерживали продвижение и наносили большие потери.

Стали появляться раненые. На левом фланге они сосредоточили почти сплошь «красу и гордость революции» — матросов, которые держались очень стойко, подпуская к себе на 150—200 шагов. 6 раз ходили офицерские цепи в атаку на окопы противника и не могли его сбить.

Вправо на бугре, на батарейном наблюдательном пункте, развевался трехцветный флаг и находились генералы Корнилов и Марков и наш Миончинский, туда же по приказанию последнего был выдвинут батарейный пулемет с поручиком Гагеманом, а вправо от бугра рассыпался наш пеший взвод поручика Боголюбского. Как сама батарея, так и бугор подвергались сильному обстрелу стоящих возле станции батарей противника.

Осколками разорвавшихся гранат был легко ранен в правый висок штабс-капитан Шперлинг, отправившийся выбрать новую позицию,

оставшийся в строю; старший офицер батареи капитан Глотов Александр³⁵⁶ тяжело ранен в живот, и через несколько дней он скончался.

День уже клонился к вечеру, а противник все еще не был сломлен. Израсходованы уже все резервы. Наши орудия готовились к решительной атаке. К цепям подвезли патроны, орудию штабс-капитана Шперлинга приказано стрелять по району станции и бронепоезду, а 2-му поручика Казанли — по окопам противника. Началась атака по всему фронту. Красные, наконец, не выдержали дружного натиска пехоты и меткого огня батареи и начали отступать за реку, куда вслед за ними по железнодорожному мосту выдвинулось два-три ближайших к полотну офицерских взвода.

На крайнем правом фланге Юнкерский батальон с 4-й батареей, сбив большевиков, перешел речку, ворвавшись с северо-восточной стороны окраины в станицу, и стал выдвигаться к линии железной дороги. Бронепоезд, вышедший было со станции с целью отрезать перешедших на левый берег реки от моста, огнем нашей батареи был отогнан и, под угрозой самому быть отрезанному юнкерами, поспешно отошел на Платнировскую, следующую станцию.

Во время обстрела станции удачным попаданием орудия штабс-капитана Шперлинга в стоящий на станции состав был перебит крюк оцепления паровоза с ближайшим вагоном, и т. к. состав стоял головой в сторону Екатеринодара, то паровоз, бросивши состав, отошел на Платнировскую. Бой кончился. Противник, оставив на поле много убитых и раненых, отступил на запад. Утомленные длительным боем, понеся также большие потери, вступили добровольцы в станицу. Батарея, перейдя по гати речку, подходила к станции, где в вагонах захваченного состава найдены запасы хлеба, консервов, мяса, галет, белье и медикаменты, а главное — около 800 снарядов и патроны, особенно ценные для армии, не имевшей тыла с арсеналами, заводами и складами и вынужденной добывать для себя боевые припасы ценой жизни и крови своих бойцов.

Сейчас же были поданы зарядные ящики, и их стали нагружать снарядами, после чего двинулись в станицу и расположились на ночлег. Вечером красные делали попытку перейти при поддержке бронепоезда в наступление, но нашей пехоте удалось их отбить, и они отошли.

Наступило 5 марта. В штабе в это время произошло совещание старших начальников, в связи с полученными в Кореновке сведениями о том, что Екатеринодар пал 28 февраля и Кубанский отряд с войсковым правительством, на соединение с которыми шла наша армия, оставив город, отошел за Кубань — в горы. Надо было выяснить

дальнейший путь армии, и генерал Корнилов решил повернуть на юг и, форсировав Кубань, идти на соединение с отступившими. Местом переправы через Кубань выбрана станица Усть-Лабинская, где имелся постоянный мост.

Весь день 5-го батарея стояла в районе станции на позиции и отгоняла несколько раз от направления на Платнировскую бронепоезд противника. На наблюдательном пункте — большой паровой мельнице — находились командир, штабс-капитан Шперлинг и несколько разведчиков. Вдруг днем, во время общего затишья, внезапно сзади, довольно близко, началась частая ружейная стрельба; создалось впечатление пехотного боя, произошло небольшое смущение, каждый подумал, неужели это красные наступают с тыла, со стороны Выселок. Посланы разведчики, узнать, в чем дело. Но вот прискакал на батарею от генерала Маркова ординарец и сообщил, что это уничтожают на мосту через реку Бейсужек захваченные на станции в большом количестве берданочные патроны. В этот же день, узнав о нахождении генерала Корнилова в Кореновской, сюда прибыла из станицы Брюховецкой группа в 400 казаков-добровольцев и присоединились к армии.

С наступлением темноты 1-я батарея отошла в станицу, а в ночь с 5-го на 6-е вся армия, выступив из Кореновской и перейдя на переезд у станции линию железной дороги, двинулась на юг.

Батарея шла в главных силах. С рассветом сзади началась стрельба, это генерал Богаевский, почти всегда прикрывавший движение армии, вел арьергардный бой с наседавшими от Платнировской красными. Почти не останавливаясь, прошли лежащую на пути станицу Раздольную и быстрым шагом двигались к Усть-Лабинской. Необходимо было как можно скорее пересечь железную дорогу и овладеть переправой, прежде чем красные, разгадав замыслы наши, подтянут сюда бронепоезда и силы со стороны Екатеринодара и Кавказской. Вот, наконец, показались водокачка, станция, несколько церквей, телеграфные столбы и железнодорожная насыпь. Все было спокойно. В сторону Екатеринодара удалялось несколько дымков.

Как выяснила разведка, красные незначительными силами занимали окопы по ту сторону железной дороги. Быстро разворачивались наши цепи. Рысью выехала 1-я батарея и, свернув вправо от дороги, открыла огонь. Возле батареи разворачивался на ходу Чехословацкий инженерный батальон. Левее дороги стояла 4-я батарея. Тут недалеко наблюдал за боем, в трубу Цейса, генерал Алексеев. После короткой перестрелки противник бежал. Громадная станица и важная переправа взяты почти без потерь. По мосту уже переходят на левый

берег обозы и армейский лазарет. Целый день большевики ничего не предпринимали, только к вечеру со стороны Ладожской показалось несколько эшелонов, выгрузивших пехоту и 4-орудийную батарею, начавшую обстреливать станцию и окраину станицы.

Батарея, оставаясь еще на правом берегу реки, стала на площади около почтово-телеграфной конторы и открыла огонь по буссоли. Пеший взвод, по приказанию командира, усиленно поливал водою пыльное пространство перед орудиями. Противник скоро был сбит, и преследовавшая его наша пехота чуть не захватила брошенные им орудия, но не захватила их, т. к. наступила темнота, и она была отозвана.

В ночь на 7 марта батарея переправилась через Кубань и пришла в станицу Некрасовскую, расположенную в 7—8 верстах от реки, на правом высоком берегу реки Лабы

Горящие хутора³⁵⁷

Темная, тихая ночь. С переправы слышится сдержанный гул голосов. Отпрягли уносы, орудия на одних корнях будут спущены к мосту, дальше их покатыят на руках; конные перейдут реку вброд, пешие по доскам, перекинутым через ряд затопленных телег — своеобразных понтонов.

Скупы слова, слово — дело. Кони дрожат мелкой дрожью, пугливо храпят, чуя холодную ванну. Вперед. Сначала мелко, хорошо бы так до конца, нет, забурлили живые моторы, поплыли...

Берег — слава Богу. Рысью по отмели к мосту, чтобы не застудить лошадей и поскорее принять переправленные пушки. Проскакивая мимо одинокого стога, каждый норовил выщипнуть клочок, чтобы потом, когда останутся, свернуть из него жгут и обтереть им сухо свою лошадь. Переправа закончена благополучно, и батарея легко поднялась наверх, по крутому берегу реки Лабы.

Весь горизонт был усеян какими-то на первый взгляд удивительно яркими точками, так светятся черноморские маяки — без снопов, без отбрасываемых в пространство лучей, а сплошным огненным шаром. Вместе с подошедшей пехотой батарея двинулась к одному из таких маяков. Чем ближе подходили, тем яснее становилось, что это не что иное, как зарево больших пожаров, горели хутора иногородних, подожженные казаками за захват и раздел войсковой земли. Вскоре начал доноситься отчетливый запах гари, повеяло теплом, а когда подтянулись к околице, просто жаром. Сделали попытку обойти этот

огромный костер, дороги нет, втянулись в пылающую улицу: ни одного уцелевшего дома, сплошное море огня с обеих сторон.

Жуткая картина. Вокруг пожарища ни души, жители куда-то исчезли, словно провалились сквозь землю... Быть может, угнаны в полон пришедшие из тьмы веков ордою обрвов или лихих наездников половецкого хана. Так горели посады Москвы в дни торжества татар, в нашествие Наполеона. Нет, тогда был грабеж победителей, вакханалия алчности, победный клик врага-чужестранца, в те времена немой язык огня оживлялся присутствием людей, творивших позор или подвиг, несших с собою разгул, насилие и смерть, претерпевавших «горе побежденным», а здесь, сейчас, щемящая до боли, постыдная до глубины души трусливая месть соседа, вчерашнего доброжелателя, брата

Хотелось курить. «Дай спичку. » — «Мало ли тебе огня вокруг», — сострил и осекся, т. к. сам почувствовал в своих словах ничто похожее на богохульство: если нельзя прикурить от лампы, то кто же дерзнет от позорного огня. Возле горящих ворот одного из домов выла собака Единственное живое существо, верный пес пел отходную отлетающим в вечность хуторам Марухинским. Их уже нет

На мгновение переменившийся ветер зажег стоящий в стороне, на окраине, случайно уцелевший стог сена. Золотистым каскадом мельчайших искр взвился он в черное поднебесье и возвестил наступившую смерть...

Батарея шла по темной дороге. Спустя не больше часа она вновь прошла такое же потухающее пепелище, бывшие хутора Ново-Севастопольские; от них дорога сворачивала вправо к хуторам Султановским, которые передовым разъездам удалось отстоять от полного уничтожения пожаром. Здесь Юнкерский батальон и батарея расположились на двухчасовой отдых, до наступления, когда начался тяжелый бой с наступающим со всех сторон противником

Станица Некрасовская и аулы

Прибыв в ночь с 6-го на 7 марта после перехода через Кубань в станицу Некрасовскую, долго пришлось дожидаться на церковной площади своих квартирьеров. «Обычная история, — с обидой в голосе повторяли раздосадованные задержкой разведчика офицеры. — Нажрались и дрыхнут, забыв про батарею». И снова принимались на разные голоса выкрикивать квартирьеров «Квартирьеры 1-й батареи, сюда!» Ответа не было.

Пришлось свернуть с дороги и в обычном ожидании расположиться на голой земле. Командир разогнал во все концы разведчиков на поиски батарейного района, нелестно отзываясь о квартирьерах, вернулся в бурку и, следуя общему примеру, задремал на земле.

Наконец-то с дальней стороны площади раздавался оклик: «Первая батарея». «Здесь, сюда», — кричали полусонные офицеры, ездовые наскоро взнуздывали подруги усталым лошадям. «Ездовые, садись. Шагом марш», и батарея, понемногу оживляясь после первого сна на открытом воздухе и от предвкушения скорого ужина, весело браня злополучного квартирьера, двинулась в свой район. Район отведен; лошади распряжены и разведены по коновязям — так назывались дворы домов, где располагались ездовые, и вскоре улица опустела. Однако не долго пришлось отдыхать, с рассветом началась перестрелка. Пули засвистели по батарейному району. Одеваясь на ходу и быстро замуничив лошадей, приготовились к вызову на позицию.

В ожидании приказа из штаба командир батареи выслал дозор от пешего взвода на соседнюю улицу для выяснения обстановки, а в сторону стрельбы выдвинул батарейные пулеметы. Выяснилось, что батарейный район находится почти у самого берега реки Лабы, противник с другого берега начал перестрелку с нашими дозорами. Первое волнение от неизвестности улеглось; прибыл разведчик от генерала Маркова, сообщивший уже ранее выясненную обстановку, и батарея разошлась по квартирам, расположив за прикрытия свои запряжки. Утром пришло приказание выбрать позиции для одного орудия и его выставить для обстрела левого берега Лабы. Позицию пришлось выбрать полузакрытую в огороде одного из домов.

Очередным орудием было первое штабс-капитана Шперлинга, которое и расположилось по-домашнему: на хате наблюдали, а в хате грелись номера и, воспользовавшись радушием хозяев, готовили себе обед. Орудие стояло в 5—6 шагах от хаты, наводя ужас на хозяев, которые исполняли все прихоти, упрашивая только не разбивать снарядами их хаты.

Днем противник начал сильный обстрел страницы, особенно по церковной площади, где в школе был расположен армейский лазарет. Ввиду этого было получено приказание во что бы то ни стало заставить замолчать неприятеля. После напряженного наблюдения штабс-капитану Шперлингу удалось обнаружить красный взвод и несколькими снарядами привести его к молчанию. К вечеру Юнкерский батальон должен был занять переправы, а орудие его поддерживать. Удачно пристреляв несколько целей и сбив пулемет, орудие

приготовилось к поддержке, но из-за наступления темноты атака была отменена, и все отошли на квартиры.

Ночью с 7-го на 8-е Юнкерский батальон, частью на лодках, частью вброд, с криком «Ура» занял и закрепил за собою переправы. Противник в бессилии целую ночь обстреливал беспечно артогнем станицу, а утром наши конные отряды повели наступление на ближайшие хутора, чехословаки же занялись постройкой моста и приспособления бродов для конных и обозов.

К вечеру на том берегу находился Корниловский полк и санитарный обоз, после чего началась общая переправа. Последними перешли партизаны и 2-я батарея, которые стояли заслоном в направлении на станицу Усть-Лабинскую, где большевики начали починку моста через Кубань.

Подойдя к переправе, орудия пришлось на руках спускать к мосту, т. к. крутизна дороги не позволяла двигаться на тормозах. У моста отстегнули постромки запряжек, предоставив номерам перетаскивать орудия на руках через мост, а запряжки и разведчики начали переправляться вброд. Ночная темнота, еле позволявшая видеть впереди стоящую лошадь, мешала переправе, огней разводить не позволяли, кроме одиноко стоящего костра на правой стороне переправы.

Лошади нервно вздрагивали, входя по брюхо в воду, и медленной неуверенной поступью проходили реку. Молчали и люди, посматривая на холодное течение, с усилием держа лошадей в поводу, боясь, чтобы последние не оступились и тем самым не заставили бы принять неприятную ванну. Все закончилось благополучно. С трудом отыскав в темноте конец моста, где должны пушки ждать своих лошадей, запряжки вытянули орудия с песчаного откоса на дорогу, припрягая для этой цели поочередно лишние уносы.

В ожидании пехоты батарея остановилась у одиноко стоящего сарая. Войдя погреться, номера обнаружили там листовой табак, развешанный в большом количестве, видимо для просушки. Табак моментально был перенесен в передки, и таким образом батарея пополнилась одним из необходимейших продуктов, в котором особенно нуждалась в походе. Наконец подошла пехота, и двинулись.

Странное зрелище представлялось перед глазами колонны: весь горизонт освещался заревом пожаров. Это горели хутора иногородних, подожженные местными казаками из мести к крестьянам за грабежи, и в особенности за раздел казачьей земли. К одному из таких пылающих костров приближалась колонна. Вот уже виднелись отдельные дома, охваченные пламенем...

Вой собак смешался с треском и шумом горящего дерева. Запах гари встревожил лошадей, которые начали храпеть и пугливо оглядываться по сторонам. Втянулись в хутора. Несколько часов назад здесь были по обе стороны дороги богатые и красивые избы, русского, неказачьего типа с огромными стогами сена и соломы, с многочисленными службами деревенского хозяйства, — теперь же это превращено в огромные кучи горящих и потухающих углей, золы и пепла.

«Это Марухинские хутора», — незлобно, но как-то особенно невнятно ухмыляясь, сказал проходящий навстречу казак, как преступник пошел по дороге на переправу. Не задерживаясь даже передохнуть, прошли горящие развалины хутора, прошли такие же пепелища, бывшие хутора Ново-Севастопольские, и остановились на ночевку в хуторе Султановском, состоящем из 7—8 убогих хатенок. Здесь стали батарея, Юнкерский батальон и часть Офицерского полка, остальные разместились в таких же хуторах на расстоянии 300—200 саженей один от другого.

9 марта с рассветом начался бой. Вначале ориентироваться никто не мог. Где свои, где чужие — одному Богу известно. Еще прошлой ночью нельзя было осмотреться и хоть чуть изучить местность, а последняя представлялась слишком запутанной, все видимое пространство было сплошь усеяно хуторами: 2—3 хаты, сад с кустарником по краям, неширокое поле и снова хутора и т. д.

Противник стрелял и спереди и сбоку. Цепи быстро развернулись и двинулись прямо перед собой, оставляя для других охрану флангов. Только к середине дня, когда вошли в полную связь между собой, выяснилось, что авангард — корниловцы — ведет бой по дороге в направлении на станицу Филипповскую; главные силы: Офицерский полк, Юнкерский батальон и батарея — отбрасывают значительные силы противника на хуторах, что правее дороги на станицу Филипповскую, а партизаны и чехословаки сдерживаютседающих большевиков, перешедших у станицы Усть-Лабинской реку Кубань и следующих по пятам через станицу Некрасовскую и Лабинские переправы. Батарее пришлось заменять собою отсутствие резервов, по приказанию генерала Маркова, появляться повсюду и стрелять во все стороны. Было несколько моментов, когда, следуя непосредственно за передовыми цепями, орудия попадали под перекрестный огонь противника, угрожавшего ей обходом, а отсутствие своей пехоты на флангах ставило ее в совершенно безвыходное положение, тогда на выручку выдвигался пеший взвод и все лишние номера, телефонисты и батарейный пулемет, образовывая собою цепь пехоты, ведущую наступление, ликвидирующую фланговые обходы и восстанавливающую положение.

Бой длился целый день. Главные силы, заслоняя собой санитарные обозы, ожидавшие занятия авангардом станицы Филипповской, стремились в то же время своим правым флангом соединиться с арьергардом, имея также связь по цепям с авангардом. Таким образом, в этот день армия вела бой, окруженная почти в кольце.

К 17 часам корниловцы заняли станицу Филипповскую и примыкающее к ней село Царский Дар, на правом берегу реки Белой. Только в темноте батарея получила приказание двигаться на сборный пункт, на Филипповскую дорогу и оттуда идти в Царский Дар ночевать. Дорога проходит через станицу Филипповскую, как-то неприветливо вырисовываются силуэты неосвещенных хат из общего мрака ночи.

Усталые, голодные добровольцы забежали в хаты, чтобы напиться или попросить кусок хлеба, их же встречали одни только бабы с затаенным ужасом и плачем, мужчин совершенно не было, да и вообще большая часть жителей, запуганная орудийной стрельбой и рассказами красных о зверствах так называемых «кадетов» — прозвище Добровольческой армии, — бежало из станицы. Ночью корниловцы овладели переправами на реке Белой.

С рассветом 10 марта под прикрытием Юнкерского батальона со стороны Филипповской, куда уже приближались цепи противника, началась переправа по деревянным мостам через реку Белую. Артиллерия шла в первую очередь, дабы занять там удобные позиции и прикрыть переправу. У мостов видна была поспешность, с которой отступал противник накануне: опрокинутые повозки, брошенные ящики с горными снарядами, разбросанные патроны — все свидетельствовало о лихости натиска корниловцев.

На левом берегу, среди наспех вырытых окопов, валялись трупы большевиков, некоторые со штычковыми ранами. «Бой был короткий, но жестокий», — сказал легко раненный корниловец, подбирая брошенные патроны. Батарея быстро открыла огонь, помогая продвижению корниловцев. Обозы рысью проносились мимо орудий по дороге на станицу Рязанскую, у моста их торопил и подгонял генерал Марков. Левобережный противник, видя идущее к нему подкрепление на правом берегу, упорствовал. Уже прошел, рассыпавшись цепью, Офицерский полк и часть чехословаков на помощь корниловцам. Взволнованный, проскакал генерал Марков с несколькими ординарцами, сообщая командиру, что противник перешел в решительную контратаку и корниловцы просят поддержки. Положение ухудшалось.

Недалеко от батареи расположился генерал Корнилов со штабом и текинцами. Он вызвал к себе командира батареи и приказал передвинуть батарею на новую позицию, что было немедленно исполне-

но. Генерал лично наблюдал за стрельбой и остался доволен, сказав: «Ну, здесь они сейчас начнут отступать». Действительно, осыпаемый нашей шрапнелью противник залег и спустя некоторое время отхлынул в беспорядке назад.

В другом месте корниловцам стало очень тяжело, генерал Корнилов послал текинцев в атаку, этим заставив противника отходить. Потом он влез на стог сена, дабы посмотреть бой на правом берегу, и, вызвав командира батареи, приказал: «Полковник, поддержите одним орудием юнкеров, а то им тяжело». Сняв одно орудие и поставив его в диаметрально противоположном первоначальной стрельбе направлении, Миончинский открыл огонь. Юнкерам было очень тяжело, они уже подходили к мостам, с трех сторон наседал противник, по главной улице рысью двигалась красная батарея, направляясь прямо к мосту; вдруг мосты загорелись. Это чехословаки, забыв об юнкерах, их подожгли. Юнкера бросились к горящему мосту и при поддержке орудия батареи перешли на нашу сторону.

Теперь бой продолжался только на левом берегу реки, но с огромным упорством со стороны красных. Генерал Корнилов рысью выехал вперед, и вдруг спустя несколько минут наши цепи огласились громким, радостным «Ура!». Красные были ошеломлены. Вдоль наших цепей скакал всадник, и что-то он сообщил, а в ответ ему еще дружнее, еще громче неслось «Ура!». Соединились с генералом Эрдели. Вот что сообщал скачущий всадник. Противник уменьшил ярость и настойчивость атак, армия сворачивалась в колонну, оставляя на поле чести один только арьергард. Темнело, когда батарея двинулась по дороге на станицу Рязанскую.

К ночи вошли в станицу, но квартирьеров не вызывали: все ждали отдыха, а его не давали. Утомленные боем и переходом, офицеры еле плелись за орудиями, идущими к мосту. Получив кой-какие сведения, командир батареи решил заpastись хлебом, т. к. мы будем двигаться на ночевку в аул, где все разграблено. Выслали квартирьеров вперед.

К 2 часам 11 марта, пройдя высокий мост через горную речку Пшиш, батарея втянулась в черкесский аул Габукай, где и стала на ночлег. Типичные азиатские постройки, кривые узкие улицы с бесчисленными переулками и закоулками, бесконечные плетни вместо заборов, загонов и амбаров — вот и весь аул. Внутренняя убогость убранства саклей, вернее, отсутствие всякого убранства, костры под колпаками дымоходами вместо печей, отсутствие мебели и кроватей — все это производило большое впечатление на всех офицеров, большая часть которых была знакома с аульной жизнью только по книжкам.

За час до рассвета все были разбужены громким голосом командира, разносившего на улице дежурного по батарее за то, что последний не произвел вовремя подъем. В ауле уже кипела жизнь, слышался шум проходящего обоза, понукание усталых лошадей, говор и тяжелое, гулкое в ночной тишине топанье нескольких сотен ног. Это выступил Офицерский полк на сборный пункт, а за ним должна вытянуться батарея. Снова поход, снова нудное движение с частыми остановками из-за растягивания обоза, нервирующее ездовых и напрасно мучащее и без того усталых лошадей в орудиях.

Рассвет оживил колонну. К восходу солнца, поднимаясь в гору, вошли в аул, где был получасовой привал. Жителей в ауле не было совершенно, однако мычание скота позволяло предполагать поспешность и в то же время недавность их ухода, т. к. скотина не успела съесть своего корма и ожидала обычного водопоя. Некоторые пробовали полакомиться буйволиным молоком, но неудачно — из-за неумения доить.

Двинулись дальше. Вызваны квартирьеры — хороший признак: не будет боя и скоро долгожданный отдых. Мост через горную речку — и аул Несшукай, где и стали по квартирам. Этот аул считался большим: имел две мечети и одну лавку. Разместились по саклям, все с радостью торопились укладываться спать, и вряд ли кто-нибудь, за исключением ездовых, выходил из неуютной сакли на улицу, чтобы обменяться впечатлениями прошедших боев или призадуматься о недалеком будущем. Однако вести о генерале Эрдели все же подбадривали и придавали бодрости уставшим бойцам.

12 марта, по сведениям черкесов, противник решил наступать на аул Несшукай. К полудню появились сначала отдельные маленькие группы, затем и цепи противника. Завязался бой. Юнкерский батальон нес службу охранения, а потому первый вступил в перестрелку. По приказу к вечеру армия должна была следовать дальше, и генералу Боровскому, начальнику арьергарда, поручено оборонять аул лишь до темноты, огнем не подпускать противника и стараться не переходить в контратаки, дабы не нести излишних потерь.

Батарея была придана арьергарду и, имея наблюдательный пункт на старой мечети, стала на позицию на площади. Противник готовился к атаке. Подвезли артиллерию, которая, как всегда, стреляла ниже всякой критики, и подтягивали резервы к цепям. Подполковник Миончинсий решил бросить закрытую позицию и выехал вперед к цепям, где и оставался до захода солнца. С темнотою, когда уже главные силы наши отошли, противник решил атаковать аул. Генерал Боровский приказал цепям отходить, но забыл об этом передать батарее,

которая стояла в огородах, обнесенных глубокими оврагами и не имеющих широких переездов.

Услышав отступление цепей пехоты, противник двинулся за ними и открыл сильнейший огонь. Батарея взялась вназадки и двинулась в аул, т. к. юнкерские цепи подходили к орудиям. Ближайший командир роты советовал торопиться, т. к. его рота отходит последней и, согласно приказанию, должна нигде не задерживаться. В это время одно из орудий свернулось с узенького мостика и застряло в канаве, наполненной водой. Началась суматоха, поднялся шум, большевики усилили огонь в сторону голосов. Номера по грудь в воде тщетно старались на руках вытащить орудие, понукание и поторапливание только им мешали. Видя такое затруднение, рота остановилась и стала задерживать наседающего противника до тех пор, пока номерам удалось вытащить орудие, чем и спасла его от верной гибели.

Выехав на дорогу, батарея скорым шагом пошла на соединение с главными силами, т. к. ночью она являлась обузой для пехоты. Пройдя аул соседний Понежукай батарея догнала и присоединилась к Офицерскому полку. Только к 15 часам 13 марта остановились на три часа на привал в ауле Вочепший. Здесь несколько дней тому назад, по словам жителей, был бой Черкесского полка, из армии, считавшейся генерала Эрдели, с большевиками. Сейчас же эта армия находится или в ауле Шенджий, куда должны двигаться после отдыха все части, или же в станице Калужской, недалеко от аула. За час до выступления батареи высланы квартиреры в аул Шенджий, а к вечеру прибыла туда и батарея. Здесь назначена дневка.

Началась чистка и приведение в порядок материальной части. Все занялись делом, как вдали послышалось какое-то странное, визгливое и в то же время монотонное пение. Это входил в аул из станицы Калужской, для связи с нашей армией от кубанцев, Черкесский полк. Громким «Ура!» встретили мы въезжающих черкесов на аульную площадь. Полк выстроился в ожидании прибытия генерала Корнилова. Теперь всем стало ясным и все убедились, что соединение армий произошло.

Ледяной поход³⁵⁸

В 7 часов 15 марта подъем. Выступили в часов 9—10. Всю ночь шел непрерывный дождь. Земля напиталась водою как губка. Улицы представляли сплошное море грязи. Измученные лошади начали останав-

ливаться уже сразу по выходе из аула, что же будет дальше, по такой непролазной грязи придется идти еще 18 верст до Ново-Дмитриевки.

Для облегчения передков были спешены все конные чины батареи и на их лошадей навьючены лотки, но и это не помогало. Не успели мы пройти и 5—6 верст, как в батарее пало уже три лошади. Орудия то и дело останавливались; для обхода какого-то непроходимого участка дороги, затопленного разлившейся рекой, обозы и батарея были двинуты боковой дорогой. Приходилось двигаться среди затопленного водой леса, по узкой проселочной дороге, местами вода доходила до осей ящиков. Несчастные номера, с поднятыми полами шинелей, перепрыгивали с кочки на кочку, выискивали места помельче, пробираясь через густые заросли кустарника. Но вот орудие зацепилось колесом за дерево, вся колонна останавливается. «Номера и пеший взвод сюда», — слышится голос Миончинского, и вот прапорщикам приходится лезть в яму, залитую водой, распутывать построжки, поднимать упавших лошадей, накатывать орудие и, стоя по пояс в ледяной воде, тянуть под уздцы упиравшихся лошадей.

Дорога казалась бесконечной, дождь шел не переставая. Окончательно измокшие люди уже не выбирали более сухие места, а прямо шли по жидкой грязи, из нее легко было вытаскивать намокшую обувь. Сладким отдыхом показались всем 10—15 минут, проведенные в брошенном хуторе, в хате, битком набитой людьми. Но вот двинулись дальше; подул холодный ветер, начало морозить, непрерывно идущий дождь понемногу превратился в град, потом в снег, острые снежинки как иглы кололи лицо, намокшая одежда превратилась в ледяную кору, прикосновение к которой обжигает как огнем, замерзшие полы шинели стучат при ходьбе, ездовые, нахохлившиеся, как какие-то гигантские птицы, примерзли к седлам в полном смысле этого слова; орудийные колеса от налипшего и замерзшего на них снега представляли сплошные снеговые диски, которые номера, шедшие рядом, все время разбивали кирками.

До Ново-Дмитриевки оставалось еще версты 3—4. Колонна подходит к речке, разлившаяся от непрерывных дождей, она вышла из берегов и затопила мост. Переправляться по нему нельзя было, конные, посланные вперед, выяснили, что перед мостом находится выбоина, где глубина достигает двух аршин, кроме того, поднятый на середине мост настолько обледенел, что лошади, пытавшиеся на него взбираться, скользили и падали. Колонна останавливается, ждут дальнейших распоряжений, всем ясно, что переправляться нельзя. Вода от массы падающего снега превратилась в грязно-молочный кисель...

А при мысли о переправе вброд по спине пробегают мурашки. Началось какое-то движение. «По коням», — раздается команда. Справа по берегу медленно подъезжает генерал Корнилов. Он и генерал Марков спешиваются и подходят к реке.

«Есть слухи, что станица оставлена красными, — говорит наш командир, — сейчас туда двинется разведка». Действительно, два взвода Офицерского полка садятся на крупы лошадей конных ординарцев генерала Маркова и начинают переправляться; темнеет, снег усиливается, начинается вьюга; окончательно замерзшие люди жмутся друг к другу, укрываясь от пронизывающего ветра за передками и ящиками, несчастные лошади дрожащие еле стоят на ногах и все время стараются собраться в кучу. Около переправы разложен костер огромный, моментально вокруг него собирается толпа. Красивое и вместе с тем жуткое зрелище представляла собой группа коченеющих людей, толпящихся у костра. Громадная пламя, колеблясь от ветра, выхватывало из темноты то одну, то другую фигуру, у костра лежит тяжело раненный, его только что сняли с повозки, где он почти замерз, со слабой страдальческой улыбкой протягивает он свои окоченевшие руки к огню, нужды ему нет, что его полущубок начал тлеть, что его перчатки дымят и от его сапог идет пар, он чувствует, как живительная теплота разливается по телу, и счастливая улыбка озаряет его лицо.

Мрачно и сосредоточенно смотрят все на колеблющееся пламя костра, как будто в нем ища разгадку своим страданиям. Даже верховые лошади и те, чувствуя тепло, пытаются просунуть свои морды к костру, их бьют, отгоняют, но они снова подходят... Стемнело окончательно, а вьюга усиливается. Сильнее порывы ветра, теснее жмутся друг к другу люди. Внезапно с того берега начинается близкая ружейная стрельба, слышны какие-то крики, это отходит наша разведка, и Корнилов отдает приказание роте корниловцев и роте Офицерского полка перейти вброд и прочно закрепиться на ближайшем гребне. Цепь рассыпается и двигается к берегу. «Рота, за мной», — слышится голос генерала Маркова, и он первый входит в ледяную воду. Молча, с винтовками над головами, с лицами, на которых застыло выражение мрачной решимости, двинулась эта цепь полумерзших людей в бурлящую реку. Слышен громкий голос генерала Маркова. «Как будто немного сыровато», — шутит он. Бушующая водяная стихия, казалось, решила сломить эту горсть смельчаков, дерзнувших поспорить с нею, но все напрасно, по грудь в воде, делая нечеловеческие усилия, чтобы противостоять напору воды, цепь медленно, но верно подвигалась вперед.

Оставшиеся на берегу с замиранием сердца наблюдали эту страшную картину борьбы сильных духом с разбушевавшейся природой. Даже у генерала Корнилова, у этого железного человека, на глазах блестели слезы. Но вот цепь достигла того берега, поднимается на него и двинулась к станице, ее оттуда встречают сильным пулеметным и ружейным огнем. В направлении на станицу что-то блеснуло, момент — и треск разорвавшейся гранаты заставляет всех разбежаться по своим местам.

Противник с очень близкого расстояния начинает обстреливать переправу. Один из первых снарядов попадает в костер, громадный столб пламени вздымается к небу, огненным снопом разлетаются искры, слышны стоны и проклятия, 4 убито и 22 ранено. Корнилов приказывает переправить орудие на тот берег, чтобы поддержать нашу наступающую пехоту.

По команде «Ездовые, садись» номера поднимают ездовых и садят их, т. к. замерзшие люди не могут даже вставить ногу в стремя. Лошади бросаются вперед, потом назад, опять вперед и бессильно останавливаются, колеса вмерзли, и пушка стоит на месте. Подходят номера, скалывают лед, берутся за колеса — все напрасно. Наконец, сдвинулось с места 2-е орудие и осторожно спускается в реку, вода доходит до седел, пушки почти совсем не видно. Каким-то чудом проезжает запряжка по мосту и въезжает на тот берег, за ней двинулся 2-й ящик.

Едва орудие поднялось на гребень, как было встречено пулеметным огнем из густых зарослей слева от дороги. Орудие моментально завернулось, снялось с передков, но после первого же выстрела благодаря замерзшему маслу оно остановилось в положении отката и никакими усилиями его нельзя было подать вперед.

Против большевиков, засевших в зарослях, были двинуты рота корниловцев и юнкера, которые и выбили противника. Станица в это время почти вся уже была занята нами. Ввиду невозможности перевести артиллерию и обоз в станицу, решено оставить все это на месте, выставить сторожевое охранение на ближайших хуторах, а всех людей и лошадей отправить в станицу. Конным чинам было приказано перевозить пеших на крупах лошадей. Т. к. каждый стремился скорее попасть в станицу, то сейчас же масса конных запрудила реку, вода быстро поднялась. Было настолько темно, что всадник с трудом мог различить голову своей лошади; у самого моста кто-то свалился вместе с лошастью в яму и начал барахтаться.

«Какая ... там пузыри пускает», — раздался голос генерала Маркова, наблюдавшего за переправой. «Это я, генерал Богаевский», —

отвечал голос из темноты. «Африкан Петрович, — весело крикнул Марков, — плывите сюда, здесь мелко».

Скоро почти все были перевезены на другой берег, и батарея двинулась в станицу. Незадолго перед этим был тяжело ранен пулей в голову начальник пулеметной команды поручик Гегеман, он умер на следующий день. Его смерть была тяжелой потерей для батареи. Выдающийся пулеметчик, боевой офицер, «интеллигентный авантюрист», как его называл в своем дневнике подполковник Миончинский, он был человеком военного дела в полном смысле этого слова, дрался с кочевниками на границах Афганистана, был инструктором в турецкой армии, кончил французскую пулеметную школу, будучи турецким офицером, дрался с болгарами и, наконец, всю европейскую войну провел пулеметчиком в рядах русской армии. Ввиду того что красные еще занимали окраину станицы, было приказано разместиться как можно кучнее, и батарея получила 4 дома.

На рассвете на следующий день начали перевозить пушки в станицу. Шел снег. Противоположный берег был усеян повозками, санитарками, перевернутыми двуколками и трупами лошадей. Вода сильно спала, и мост почти весь виден над водой. Лошади настолько измучились прошлой ночью, что только с помощью волов удалось перевезти пушки в станицу.

На третий день нашей стоянки противник повел наступление на Ново-Дмитриевку со стороны Георгие-Афипской, но был отбит. Во время боя местные большевики стреляли из домов, откуда был ранен в ногу прапорщик Беляев³⁵⁹.

В это время из станицы Калужской пришла к нам на соединение армия Кубанского правительства. Выяснилось, что они должны были одновременно с нами наступать на Ново-Дмитриевку со стороны Калужской, но благодаря жестокой вьюге генерал Покровский не выступил, вследствие чего мы должны были с боем форсировать реку и занять станицу, имея перед собой неразрозненные силы красных.

На совете, собранном генералом Корниловым, только после споров кубанцы подчинились и были влиты в армию. Образованы две бригады пехоты: первая — 1-й Офицерский полк с влитым в него Юнкерским батальоном и 1-й Кубанский стрелковый полк подполковника Туненберга с нашей батареей, под командой генерала Маркова. Вторая бригада генерала Богаевского с корниловцами с Партизанским полком генерал Казановича. Конница подчинена генералу Эрдели, а артиллерийский дивизион был расформирован: 1-я и 4-я батареи сведены в одну, 1-ю Отдельную батарею подполковника Ми-

ончинского; 2-я и 3-я — во 2-ю Отдельную батарею полковника Ерогина. Решено было наступать на Екатеринодар, взять его, пополниться и отдохнуть.

Восемь дней батарея простояла в станице и за это время три раза выезжала на позицию. В ночь с 23-го на 24-е, стоя на позиции, батарея слышала ружейную стрельбу: это 2-я бригада наступала на станицы Григорьевскую и Смоленскую. В три часа ночи, в абсолютной темноте, батарея снялась с позиции и выступила в поход для занятия станицы Георгие-Афипской.

Четвертая батарея полковника Третьякова

Она была влита в 1-ю Офицерскую батарею, и все ее доблестное прошлое входит в нашу историю, а ее командир полковник Третьяков, бывший командир Дивизиона лейб-гвардии стрелковой артбригады, стал позднее командиром нашей бригады и начальником Марковской пехотной дивизии.

В станице Ольгинской она сформирована из 2 орудий образца 1902 года, 2 зарядных ящиков, телефонной двуколки, походной кухни и 2 повозок образца 1884 года. Личный состав: 53 офицера и добровольца. Старшим офицером подполковник Машин³⁶⁰, заведующий хозяйством подполковник Михайлов³⁶¹, фельдфебель штабс-капитан Левашев³⁶², начальник 1-го орудия подьесаул Золотарев и 2-го — капитан Рудницкий, фуражир подпоручик Иванис³⁶³, будущий атаман Кубанский, и офицеры: капитаны Яницкий³⁶⁴ и Шаколи³⁶⁵; штабс-капитаны Стадницкий-Колендо³⁶⁶, Масленников, Крутиков, Риман, Звездовский, Трегубов³⁶⁷ и Альдингер; поручики Рябинкин и Атаянц; подпоручики Алексеев, Ледковский Андрей³⁶⁸, Шидловский, Черняев³⁶⁹, Эсмонд и прапорщики Евтушевский³⁷⁰, Рукавишников, Сорокин, Переход, Маинберг, Дворников³⁷¹, Лазаревский, Галицинский³⁷², Светозарский³⁷³, Орлов, Афендульев³⁷⁴, Иссов³⁷⁵, Гемпель³⁷⁶ и Казмин; добровольцы: П.Г. Ильинский³⁷⁷, Ковалев, Фролов, Сероглазов, Бондарев; сестра милосердия Ольга Ивановна Башкова³⁷⁸ и две доброволицы Головина и Нина (фамилия забыта).

Батарея доблестно действовала, обслуживая почти все части армии, и понесла потери. Переведенный из Конного отряда полковника Гершельмана штабс-капитан Трегубов в первый же день попал рукой в колесо орудия и под Ново-Дмитриевской, находясь в лазарете, был убит гранатой, попавшей в повозку. Штабс-капитан Шпилютов ранен в руку у Некрасовской и прапорщик Афендульев ранен

несколькими шрапнельными пулями: в голову, грудь и ногу, под Ново-Дмитриевской. Полковник Третьяков и поручик Шидловский остались при штабе бригады генерала Маркова, а все остальные вошли в состав нашей батареи.

Бой у станицы Георгие-Афипской и станицы Елизаветинской

К рассвету 24 марта 1-я бригада генерала Маркова двинулась на станицу Георгие-Афипскую, оставив для охраны тыла и фланга два конных полка генерала Эрдели. Удар должен быть совместный со 2-й бригадой, цель — пополнение запасов, в коих нуждались. Конница наша должна была взорвать железнодорожные пути в обе стороны, удалось только со стороны Новороссийска, и батарея сразу же попала под огонь бронепоездов, подошедших от Екатеринодара.

Упорный бой продолжался до 14 часов, когда после общей атаки Георгие-Афипская была взята, с захватом добычи, особенно снарядов. Батарея, пополнив ими передки, создала на трех повозках свой неприкосновенный запас, около 100. В бою была ранена легко осколком снаряда в грудь сестра наша Д.И. Сулацкая³⁷⁹ в то время, когда на батарейных передках перевязывала раненого прапорщика Носова, а затем Беляева и Пахомова.

Конная бригада немедленно двинулась в аул Панахес, а 1-я бригада осталась в станице, в арьергарде армии, 2-я же бригада 25-го двинулась на аул Панахес, к переправам, и на рассвете на 27 станица Елизаветинская была занята.

К вечеру 26-го батарея прибыла в аул Панахес и здесь стала готовиться к екатеринодарским боям, питаясь слухами от приезжающих с переправы, и только ночью 28 марта, прикрывая огромные санитарные обозы, двинулась к переправам. С утра она началась на двух паромах. После обозов и 1-го Офицерского полка пошла батарея, сразу же встав на позицию на случай появления вооруженных катеров. Вскоре один взвод остался для этой цели, а другой встал в станице и стал готовиться к движению под Екатеринодар. Волновались все, и особенно генерал Марков, стремясь в бой, и, чтобы не вносить рознь между «новым» и «старым» взводами, командир взял с собой 1-е орудие штабс-капитана Шперлинга и 3-е подьесаула Золотарева.

Перед темнотой, двигаясь по высокой дамбе, все были удивлены большим количеством повозок. Оказывается, это шли на помощь нам казаки ближайших станиц добровольно, с целью освободить свою столицу.

Екатеринодар

28 марта 1-й взвод под командой подполковника Миончинского из станицы Елизаветинской двинулся к Екатеринодару, а 2-й — подполковника Михайлова, остался на месте. К городу подходили по широкой дороге с северо-западной стороны. Правее была Кубань, прямо перед фронтом виднелись трубы и крыши кожевенных заводов, левее их «Сады» и Черноморская железная дорога, по которой курсировали бронепоезда красных.

На заводы в лоб, упираясь своим правым флангом в Кубань, должен был наступать 1-й Офицерский полк, левее его корниловцы, а на самом левом фланге конница генерала Эрдели. В резерве партизаны генерала Казановича и казаки-добровольцы из Елизаветинской. Полки развернулись и начали наступать.

Первый взвод шел за цепями по дороге и, когда началась перестрелка, подошел к молочной ферме, с густым садом, за которым и укрылся. Командир с разведчиками выехали вперед, и вскоре взвод встал на позицию, левее дороги и фермы, на $1/2$ версты от нее. Позиция полузакрытая, с подступом совершенно открытым, и поэтому сразу же попал под обстрел. Было выбито из строя несколько волов из зарядного ящика прапорщика Небучинова³⁸⁰, а одна граната разорвалась под самым ящиком. Волов быстро заменили и ящик доставили на позицию.

Т. к. взводы в это время почти не стреляли, то орудие есаула Золотарева оставили на указанной позиции, а штабс-капитана Шперлинга выдвинули за бугорком вперед и вправо, где находился общий для всех наблюдательный пункт. Задача — поддерживать наступление Офицерского полка на кожевенные заводы и отгонять бронепоезда противника.

Снарядов было очень мало, не более 1500 на все батареи, и подвоза ждать было неоткуда. Наблюдательный пункт был на бугорке и подвергался сильнейшему огню всех видов. Приходилось лежать, телефонистам приказано было вырыть окопчик и укрыться. Среди них был убит капитан Яницкий, начальник команды, и ранен пулей в живот прапорщик Баянов³⁸¹.

Наша пехота вела сильнейший бой и несла огромные потери; батарея поддерживала ее, из-за отсутствия снарядов, редким огнем. К вечеру, после упорного боя, в атаках которого участвовали генерал Марков и полковник Неженцев, ведущий свой полк с оркестром, была занята окраина города, кожевенные заводы и «Сады», а отдельные патрули подходили даже к Красной улице. Бой не смолкал ни на минуту, даже ночью. Трескотня пулеметов и винтовок сливалась в один общий звук,

издали напоминающий клочкотание кипящей воды. Орудийный гул слился в протяжные и неумолкаемые раскаты грома. Большевики не жалели снарядов и выпускали их в день до десяти тысяч, о ружейных патронах говорить не приходится.

Генералу Корнилову был нужен Екатеринодар, как центр Кубанской области и как город, имеющий большие запасы всего. По приказанию генерала Корнилова, 1-я батарея передала 2-й батарее 20 снарядов. Убит доблестный командир корниловцев полковник Неженцев, а в третьем орудии поручик Руссецкий.

30 марта на ферме состоялся военный совет, где, после обмена мнениями, генерал Корнилов назначил атаку города на рассвете 1 апреля. К молочной ферме подошли резервы — партизаны и казаки, ферма обстреливалась, подошедший наш 2-й взвод был вызван на позицию, заняв ее уступом назад и левее 1-го взвода. Приказано было построить параллельный веер и рыть окопы, что было в диковинку. Мимо проходили и проносили многочисленных раненых. Ходил слух, что красные начали эвакуацию города. К вечеру в батарее осталось 4 шрапнели и 3 гранаты, и пошел слух, что перед атакой всех артиллеристов вооружат винтовками и, оставив караул у орудий, пустят пеших цепью в атаку, а конных — как конницу.

31 марта, в течение дня, наши передки несколько раз меняли свое место, дабы избежать потерь, а сама ферма, находящаяся правее батареи, обстреливалась редким артогнем противника. Все наблюдали за разрывами, и неожиданно один снаряд попал прямо в ферму, подняв клубы дыма красного цвета от кирпичей. Посмотрев на это, все сказали: «Здорово, видно, офицер руководит стрельбой» — и на этом успокоились, прикурнули у пушек, в ожидании приказаний.

Гудок телефона — и мы узнали, что в доме фермы убит наш вождь. Весть с быстротой молнии облетела всех и, конечно, подействовала удручающе на дух и общее настроение. К ферме прибыл генерал Алексеев и отдал приказ. Генерал Деникин немедленно вступил в командование и приказал начать отход.

В батарее все были потрясены потерей своего вождя, с наступлением темноты расселись вокруг костра. Бой как будто бы начал стихать. В это время был ранен пулей в глаз юнкер Гайлер³⁸². Стали устраиваться на ночь, как пришел приказ об отступлении. Тихо взялись назадки и все молча и понуро двинулись на сборное место, к ферме. Подошли пехотные части и говорили, как они вели бой на улицах города. Большевики открыли огонь и бросились на отходящих. Но жизнь шла своим чередом, и армия в темную ночь уходила от Екатеринодара в неизвестность.

Отход от Екатеринодара и колония Гначбау

1-я батарея, выйдя из подчинения генералу Богаевскому, у фермы присоединилась к генералу Маркову. Армия шла двумя колоннами: пехотные бригады на Ново-Величковскую, а обозы — на Ново-Титаровскую, но из-за присутствия там сильного отряда красных приказано двигаться на Марьяновские хутора. Для охраны главных сил был выделен особый отряд из двух наших орудий, пешего взвода у пулемета, усиленный несколькими офицерами из 1-го Офицерского полка и под командой подполковника Михайлова. Другой взвод шел в общей колонне через хутора Марьяновские и Мышастовские на переправу через реку Понуру, у станицы Андреевки. Оба взвода соединились в колонии Гначбау.

Смерть генерала Корнилова и потеря $\frac{2}{3}$ боевого состава тяжело отразились на духе армии. Этому еще способствовали разговоры и критика действий командующего со стороны некоторых членов Кубанской Рады, заговоривших о распылении по станицам. 2 апреля было приказано сократить обозы, оставить часть раненых, батареям испортить по два своих орудия и остаться при двух. Но потом нашей приказано оставить одно и, по возможности, прислугу третьего орудия посадить на лошадей, для прикомандирования орудия к 3-й конной бригаде.

1-е орудие составили орудие и ящик штабс-капитана Шперлинга; 3-е и 4-е составили 2-е орудие поручика Казанли и ящик под командой капитана Сапезжко³⁸³, а 3-е орудие есаула Золотарева пошло в конную бригаду, куда выступило вечером по дороге на станицу Тимашевскую, где на железнодорожном мосту колонна попала под огонь, и по приказанию генерала Эрдели орудие было брошено, о чем было приказано еще до выхода. Сняв замок и панораму, артиллеристы присоединились к штабу бригады.

Бой под Медведовской³⁸⁴

31 марта не стало генерала Корнилова. Осиротелая горсточка бойцов — первых добровольцев еще по инерции атаковала красный Екатеринодар. Один против ста, одна шрапнель против тысячи и один патрон пулемета или винтовки — против десяти тысяч. Из старших начальников почти все были убиты или ранены. В ротах оставалось по несколько стрелков.

За стеной кожевенных заводов залегли несколько десятков юнкеров и чинов Офицерского полка. Пулеметы матросов со стороны

казарм били неумолчно, туча листьев неслась, сбиваемая пулями. На батарее полковника Миончинского осталось 4 гранаты, и нечем было поддержать редкую цепочку партизан и корниловцев, окопавшуюся впереди батареи. В дыму разрывов бризантных гранат и шрапнелей неистовавших красных бронепоездов лежали на земле последние добровольцы, дожидаясь приказа о решительном штурме или смерти.

На левом фланге, в редких перелесках фруктовых садов, все чаще и ближе лязгали винтовки: там красные все глубже охватывали конницу генерала Эрдели, стремясь прижать всю армию к Кубани.

Такова была обстановка, когда генерал Деникин решил взять на себя смелость отдать первый раз в Корниловском походе, приказ об отходе. Он решил спасти последнюю горсть добровольцев, выведя ее из окружения. Задача казалась неразрешимой, красные заняли все населенные пункты вокруг, сосредоточив броневые поезда на всех возможных переходах добровольцев через железные дороги за ночь.

Армия стянулась к немецкой колонии Гначбау, где провела тяжелый и особенно безнадежный день. Все улицы были запружены обозом раненых, во дворах ломали лафеты, колеса лишних орудий, ящики, подводы; приказано было бросить все, что возможно. Уныние царило полное.

Красные наступали с трех сторон, шрапнель била стекла в домах колонии; гранаты, вздымая бурые столбы на улицах и в огородах, разбивали повозки, калеча лошадей и добивая раненых. Темные и зловещие слухи поползли о сдаче, о бегстве, что кто-то уже бежал. В обозе была паника, кто-то застрелился.

На околице у мельниц, наскоро окопавшись, несколько сот не спавших четверо суток корниловцев, партизан, юнкеров и офицеров, почти без выстрела, одним своим присутствием, прикрывали от зверской расправы красных несколько тысяч своих раненых братьев.

Где-то тайно хоронили генерала Корнилова и его близкого соратника полковника Неженцева, командира Ударного Корниловского полка. Стоны, крики новых раненых целый день раздавались на улицах Гначбау. Мужественные сестры выбились из сил... Спускалась быстро южная весенняя ночь, еще грохотали последние очереди красных орудий. Добровольцы чудом удержались на подступах к Гначбау весь день.

Куда-то, в стустившийся сумрак, прямо по целине в степь пошла на рысях разношерстная конница генерала Эрдели. По степной дороге, сделав ложный крюк, двинулись тяжелым уставшим шагом еще

более поредевшие роты, прогремела батарея Миончинского и бесконечной лентой повозок, лошадей, быков, изможденных страданием лиц, серых окровавленных шинелей потянулся обоз и полевой лагерь армии Корнилова.

Куда идем, не знал никто. Сказали только: «Не разговаривать громко и не курить...» Тяжел был этот переход, мрачна южная ночь, охватившая спасительным покровом своим армию генерала Корнилова, но бесконечной казалась она, словно не было иной жизни, кроме грохота колес телег во мраке, сумрачных фигур соседей, зловещей мысли: завтра — смерть. Огоньки хуторов направо и налево по сторонам, далекий собачий лай слышен за много верст. Но вот встали впереди. Остановились и мы. Стояли долго... Кое-кто прилег. Крик вдали — неразборчивый. Ближе, ближе — это передача: «Батарею вперед... орудия... артиллерию...»

Штабс-капитан Шперлинг поднялся с земли, сел на коня и недовольным, как всегда со сна, голосом протянул: «Повод вправо, рысью марш...» «Артиллерию пропусти, посторонись...» — несло по серым во мраке кучкам пехоты. Внезапно выросла железнодорожная насыпь и на темном ночном небе контуры телеграфных столбов.

Белела железнодорожная будка. Она была освещена. У будки виднелась характерная фигура в белой папахе, с нагайкой в руке, это был «душа армии» — генерал Марков. Рядом с ним высилась фигура нашего батарейного командира подполковника Миончинского.

«Димитрий Тимофеевич, поставьте ваши орудия: одно налево, другое направо», — слышался голос генерала Маркова. Потом он что-то крикнул обозу, отчего затарахтели повозки рысью по переезде. Как говорили потом, генерал Марков торопил обоз потому, что со станции Медведки вызвал по телефону красный бронепоезд (говорил из будки переезда).

Наступила зловещая тишина... орудия остановились у насыпи шагах в 60. Номера, бывшие юнкера михайловцы и константиновцы, копошились, быстро окапывая сошник, снимая чехлы, вынимали из передка последние 4 гранаты. Штабс-капитан Шперлинг сам встал у панорамы. «Передки, убирайтесь к...» — взволнованно бросил откуда-то из темноты подполковник Миончинский. Налево от орудия штабс-капитана Шперлинга устраивались с «максимом» батарейные пулеметчики. Позади их растаяла во мраке цепочка Офицерского полка.

«Идет...» Чуть слышен стук и лязг буферов и колес. «Идет...» Огневая точка... чуть мелькнула... растет и растет — это топка паровоза. Дыхание замерло в груди, лишь тревожно бьется сердце... Растет

во мраке чудовище — кованный железом красный бронепоезд. Подкатывает медленно...

«Стой, поезд. Стой...» — металлический голос из мрака. Кричал Марков. В это время штабс-капитан Шперлинг дернул за боевой шнур: паровоз был в перекрестии его панорамы... С треском ахнула граната по паровозу, и сразу крики и тревожные голоса прокатились по бронепоезду. А через секунду несколько пулеметов с платформ и орудия выплюнули струи пуль и картечи...

Свист, треск, грохот, крики пошли по степи. Вспышки яркого огня озаряли на миг пригнувшиеся фигуры в шинелях, метавшихся по степи лошадей, повозок без седоков, кухонь... Но среди суматохи, под роем пуль, штабс-капитан Шперлинг спокойно всаживает вторую гранату в паровоз: он уже завалился в облаке пара... потом по платформам. Номера за щитом орудия, за ящиком укрываются, как могут, от пулеметов бронепоезда. Налево целый заряд картечи в упор опрокидывает наш батарейный пулемет: четыре юноши растерзаны пулями.

«Вперед», — кричит выскочивший на самое полотно генерал Марков. «Ура!» Из темноты появляются фигуры в шинелях, кричат «Ура!», бегут к платформам, раздается взрыв ручных гранат и опять крики... беспорядочная дробь выстрелов... Пушки смолкли.

Горит задний вагон с патронами, точно бой винтовок, на самом деле все кончено. В вагонах и на платформах бронепоезда только трупы убитых. Дрались жестоко — легли и наши. «Снаряды. Перегружать снаряды. Повозки сюда», — кричат генерал Марков и подполковник Миончинсий. Снаряды — жизнь армии, снаряды вообще спасение. Грохочут подводы, сворачивая на пахоту... Быстро грузятся снаряды — их несколько сот, месяц жизни армии.

Светает... На востоке разорвалась мгла. Справа в предрассветном тумане новые подходящие бронепоезда, идут цепи красных. Пулеметы стучат в степи... начинается арьергардный бой, второе орудие отвечает броневикам. Капитан Шаколи, курсовой офицер Михайловского артиллерийского училища, сам у панорамы. Он тяжело ранен в плечо, но, несмотря на приказание командира, не покидает орудия. Последние повозки лазарета галопом, уже под пулеметом, проскакивают переезд.

«Победа», — на лицах у всех. «Победа, победа», — разнеслось и по лазарету, радостны бледные лица страдальцев. Утренний ветерок полощет черный значок генерала Маркова. Бодрый и веселый, провожаемый словами восторга и приветствия, скачет он с разведчиками в голову колонны. Армия Корнилова вырвалась из кольца. Мудрой решимостью

генерала Деникина и безграничной доблестью генерала Маркова она была спасена от распыления и гибели.

Юнкерская батарея, столь лихо сбившая бронепоезд, развернувшись в Марковскую артиллерийскую бригаду, вплела немало в венок добровольчества лавров, отдав в борьбе за Родную Землю свою гордость: полковника Миончинского, штабс-капитана Шперлинга и немало славных учеников и соратников их: офицеров, юнкеров и солдат-добровольцев.

* * *

В этом ночном штурме бронепоезда были убиты пулеметчики-прапорщики: Сергеев, Кареницкий и Кригер-Войновекий и старший фейерверкер Воронов. По приказанию генерала Маркова их похоронили в наскоро вырытых могилах, у полотна железной дороги. В пехотной цепи убит прапорщик Жуйков. После привала, на сборном пункте, у северо-восточной окраины станицы Медведовской, генерал Деникин объезжал 1-ю и 2-ю бригады. На левом фланге пехоты стояли 1-я и 3-я батареи. Подъезжая к ним, генерал Деникин что-то спросил генерала Маркова, и последний указал на нашу батарею. Генерал Деникин вызвал вперед подполковника Миончинского и поблагодарил за лихую работу. Когда же генерал Деникин начал снова благодарить генерала Маркова, то последний, указывая на 1-ю батарею, ответил: «Ваше превосходительство, это не я, это они — сегодня день артиллеристов».

От станицы Дядьковской до станицы Успенской

На площади авангард был встречен крестным ходом, все хотели видеть генерала Корнилова, но когда узнали, что он убит, то начали расходиться. Многочисленные раненые затрудняли движение, и пришлось решить тяжелый вопрос об их оставлении, дабы спасти армию. Оставлялись лишь тяжело раненные, станичному атаману давались средства, и за это в станице были оставлены захваченные армией заложники: комиссары и большевики. В батарее был оставлен тяжело раненный прапорщик Беляев Александр, других же временно возили с собою. Здесь же часть офицеров пошла на пополнение Офицерского полка (очерк будет дан ниже). Пехота начала двигаться на подводах, батарее пришлось очень часто работать с 1-м Кубанским стрелковым полком. В Успенской умер от ран штабс-капитан Альдингер.

Пеший взвод батареи

Еще в станице Ольгинской, после сдачи орудий другой батарее, из свободных номеров при батарее был сделан пеший взвод для ее прикрытия в боях. Командиром назначен поручик Н. Боголюбский, и во взвод вошли: помощником командира — прапорщик Иванов Николай, фельдфебелем прапорщик Суханов и прапорщики Буйков, Трифонов³⁸⁵, Златковский³⁸⁶, Макаревич³⁸⁷, Бороздин³⁸⁸, Лускино³⁸⁹, Комаров, Крживоблоцкий³⁹⁰, Колтыпин³⁹¹, Сурин³⁹², Терентьев³⁹³, Попов, Степанов³⁹⁴, Михайлов Николай, Михайлов Федор³⁹⁵, Сергиевский³⁹⁶, Широков³⁹⁷, Зарубин³⁹⁸, Раскин³⁹⁹, Земчихин⁴⁰⁰ и другие, около 30 человек.

Взвод во всех боях, всегда был прикрытием батареи со всех сторон и зачастую наступал как самостоятельная пехотная единица. Во время же тяжелых переходов, по малопроезжим местам или даже совсем без дорог, взвод был рабочей силой, который на себе вытаскивал орудия из грязи, строил мосты и настилал гати. В Дмитриевке взвод был расформирован, и тогда часть его чинов попали в 1-й Офицерский полк.

2-я рота (артиллерийская) 1-го Офицерского полка⁴⁰¹

Отдохнув после боя несколько часов в Медведовской, части перешли в станицу Дядьковскую. Здесь была сформирована 2-я рота 1-го Офицерского полка, названная «артиллерийской». Состав ее получился очень небольшой, не более 60 человек. Из основной Юнкерской батареи в роту вошли прапорщики Анихимовский⁴⁰², Гемпель, Зарубин, Комаров, Колтыпин, Климентьев, Лускино, Сурин, Терентьев и Флавицкий⁴⁰³. Командиром роты был полковник 6-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Коротаев⁴⁰⁴, командирами взводов: капитаны Чунихин⁴⁰⁵ и Анкудинов⁴⁰⁶. Рота была бы больше, если бы все назначенные в нее явились бы, но этого не случилось, т. к. ездových из Кубанской батареи генерал Марков взял в свой конвой, а оставшимся он предложил идти в 1-й Офицерский или в 1-й Кубанский стрелковые полки. Так, в последнем полку были прапорщики: Далингер⁴⁰⁷, Цветаев⁴⁰⁸, Жердев и Овчинников⁴⁰⁹. Генерал Марков осмотрел роту и сказал: «Вы мой последний резерв».

Из станицы Дядьковской до станицы Бейсугской совершили спокойно переход походным порядком, потом уже все переходы совершались на подводах. В ночь на 5 апреля в полной темноте перешли

железную дорогу, сделав привал в Журавских хуторах, а 7-го выступили из Бейсугской утром, чтобы опять пересекать железную дорогу у Бекешевской. Нашу роту рассыпали в цепь, в ожидании появления бронепоезда. Лежали долго и совершенно зазябли. Поезд подошел только перед рассветом, но оказался товарным составом.

Отсюда пошли далее и спокойно до станицы Ильинской, где просто-яли с вечера 8-го до утра 12-го. 10-го утром роты заняли позиции и слегка окопались, т. к. «товарищи» должны были наступать. К 14 часам их цепи появились и начался бой, но их скоро отбили, и преследовать пошла 2-я бригада.

13 апреля пришли в станицу Успенскую, где 14-го или 15-го генерал Деникин сделал смотр 1-й бригаде. За последние переходы я заскорузлыми японскими сапогами с грубыми швами растер ноги и загрязнил раны заношенными портянками. Получились язвы и опухоль. Сапог я надеть не мог и на смотр выходил в глубоких резиновых галошах, которые одолжил мне хозяин-казак. В таком виде был и в церкви. За эти дни получили пополнение в роту из нескольких казаков. Среди них был молодой казак Яшка Буханцев. Потом его всегда спрашивали: «Яшка! За что ты воюешь?» Он неизменно отвечал: «Воюю за хорошую революцию». Чем была плоха происходившая революция и почему она ему не нравилась, он объяснить не мог.

В эти же дни появился в Успенской разъезд донцов из станицы Егорлыцкой, привезя важные известия с Дона. Видеть этот разъезд все были рады.

В ночь на 16 апреля бригада выступила в направлении на село Горькая Балка. Предстояло опять переходить железную дорогу, и наша рота остановилась у стожков сена, почти у самого переезда. Генерал Марков с плетью стоял на переезде и торопил обозных скорее проезжать, иногда сам подхлестывал лошадей. Вдруг, нарушая порядок всего движения, с шумом и громом вылетело несколько повозок. Генерал Марков крикнул: «Стой! Что за сволочь сюда выперлась?» С повозок ответили: «Члены Рады». Марков ответил: «Что члены — вижу сам, а чему рады в такой обстановке, в толк не возьму. Проваливайте к черту».

Когда рассвело, рота пошла по дороге на Горькую Балку. Долгое время пришлось идти под артогнем с броневика. В занятой с боя Балке был привал, и наша рота два раза выходила за село для встречи конного отряда красных, но он не пришел.

Из Горькой Балки перешли в станицу Плосскую, где переночевали и 17-го к вечеру были в Лежанке. Утром 19 апреля генерал Марков повел бригаду против наступающих от села Лежанка большевиков.

Произошел короткий встречный бой, и красные смешались и начали поспешно отступать. Лежанка была взята. Хаты были без хозяев, все бежали, но везде было много молочных продуктов, приготовленных к Пасхе. Все навалились на еду, и многие наелись до рвоты. Вечером выступили в Лежанку. День этот был Великий Четверг.

Колтыпин, Сурин, Климентьев, Лускино и я были в первом отделении 2-го взвода и все время держались вместе и на походе в повозке, и на ночевках. 20-го «товарищи» повели наступление и наша рота (слева и инженерная), пошли навстречу цепям. Шли по пахоте. Когда остановились, по возможности окапывались, но лопатки для этого были редко у кого. Весь день пролежали под их огнем, а к вечеру красные стали сбиваться в толпы. Были видны конные, которые метались между толпами, видимо, пытавшиеся руководить этими бандами, но безуспешно: все повалило в Лежанку. Мы провели весь день почти не стреляя, а ночь рота провела за кладбищем, у мельниц. Была абсолютная темнота и страшный холод.

21-го, Великая Суббота, красные повалили в массах, желая занять Лежанку и праздновать Пасху. Мы получили по две обоймы и залегли на самой окраине. Потом сначала было пошли вперед, но попали под сильный огонь, начались потери. Одной и той же пулей были ранены пулеметчики: поручик Толь, стрелявший из Люиса, и другой, на плечах которого лежал пулемет.

До 16 часов ничего не ели, когда верхом приехал бородатый Степанов и из мешка раздавал по цепи хлеб. Перед вечером, слева от нас, из-за Лежанки стали выходить цепи, это были егорлыцкие казаки, мы поднялись и пошли вперед. У красных началось замешательство, стрельба оборвалась, опять заметались конные. Мы остановились, расстреляли по толпам по 5 патронов, и противник быстро стал уходить. Степь была совершенно чистой, а рота вернулась в село.

22 апреля, день Святой Пасхи, начался спокойно. В хатах разговлялись молочной снедью, которой было в изобилии. В 16 часов выступили колонной на Егорлыцкий шлях. Когда поднялись в гору, из-за Лежанки выскочил грузовой автомобиль с пулеметами и обстрелял хвост колонны. 1-я рота развернулась в цепь, а наша батарея дала выстрел, грузовик поспешно скрылся.

Со шляха свернули в сторону и вышли к железной дороге в район разъезда Прошальный. Здесь генерал Марков приказал приступить к порче железнодорожного пути. Еще в темноте приступили к работе. Отсутствие инструментов не очень помешало. Выворачивали целые звенья, отбивали шпалы, валили их в костры и зажигали. С рассветом бронепоезд противника открыл по нас огонь, подполковник

Миончинский его обстрелял, и он отошел, стреляя потом на пределе.

В роте был ранен ружейной пулей прапорщик Гемпель, а один из шрапнельных стаканов, с рикошета, ударил в живот стоящего на насыпи лейб-гренадера полковника Дорошевича. Он громко крикнул: «Смотрите, как хорошо иметь большое брюхо, от которого шрапнельные стаканы отскакивают». В полдень вошли в Егорлыцкую станицу и были радостно встречены по-праздничному одетыми толпами. Наша рота была расположена в конце улицы, выходящей на выгон, по которому стали располагаться табором прибывавшие кубанцы, бежавшие от большевиков. Они были безоружными. Генерал Марков говорил нам, что надо добывать оружие, за которым мы пойдем.

25-го на подводах выступили в Незамаевскую, где переночевали, а на следующую ночь заняли исходное положение перед станцией Сосыка-Владикавказская. Самая сильная рота первая, 150 человек, пошла вперед, в темноте встретилась с большевиками, опрокинула их и, продвигаясь вперед, напоролась на бронепоезд, понесла потери от пулеметов и, окруженная, пробилась, потеряв 27 убитыми и 44 ранеными.

Роты окопались и лежали под артогнем. Слева наступал 1-й Кубанский стрелковый полк, наступление их шло удачно и угрожало обходом. Когда наша артиллерия отогнала бронепоезд, то все двинулись вперед и заняли станцию, забитую груженными составами; много патронов, около 300 пудов пироксилина, медикаменты, белье и товары, награбленные в городе Ейске. Началась погрузка, но наша рота пошла в станицу Ново-Павловскую, где пробыли до вечера и откуда выступили на Крыловскую, где вела бой бригада генерала Богаевского.

С бригадой двигался обоз в несколько сотен повозок перегруженного добра, и бригада расположилась в станице Ново-Михайловской, что при станции Крыловской, все время стояния там находились под обстрелом бронепоездов, со стороны станции Кисляковской.

Выступили дальше под прикрытием 2-й бригады, продолжительное время шли под огнем противника, а 30 апреля, через станцию Ново-Пашковскую и село Гулай-Борисовка, вернулись в Егорлыцкую.

В ночь на 2 мая бригада выступила вдоль полотна железной дороги, к разъезду Прошальному, где большевики восстановили пути, чем дали возможность бронепоездам обстреливать Егорлыцкую. Ночь темная и холодная. Шли долго, впереди светились пожары. Перед рассветом неожиданно столкнулись с большевиками, и сразу же начался бой. 2-я рота залегла в канаве, идущей перпендикулярно к железнодорожному мостику, загнули левый фланг. Все остальные части были справа от полотна, а здесь мы были одни. Потом подошла 3-я рота.

Как только рассвело, на нас пополз бронепоезд, но подполковник Миончинский вовремя открыл огонь, бронепоезд с огнем из пушек и пулеметов отошел.

С той стороны полотно до нас доносились крики раненых. «Товарищи», что находились против нас, лежали, видимо, в такой же канаве, как и мы. Они вели ружейный огонь и изредка стреляли из бомбомета. Из наших был ранен прапорщик Лускино. Позднее командир роты послал вперед на разведку нашего Комарова и корнета, оба они были убиты. Вскоре теснимый противник начал отходить, а мы, разрушив железнодорожный путь, вернулись и в станицу.

6 мая генерал Деникин устроил смотр 1-й бригаде и донцам. Параллельно командовал генерал Эрдели. Подполковник Миончинский просил генерала Деникина вернуть ему своих чинов из пехоты, взять еще и чужих, для разворачивания батареи в четырехорудийную. Разрешение было дано. 7 мая вернулись в батарею: Климентьев, Колтыпин, Сурин, Анихимовский, Флавицкий и я. Комаров был убит, Гемпель и Лускино ранены. Через несколько дней командир взял из роты в батарею прапорщиков: Петропольского Владимира⁴¹⁰, Главацкого⁴¹¹ и добровольцев: Петропольского Михаила⁴¹², Менькова Василия⁴¹³ и Дончикова Петра⁴¹⁴ и поручика Перелешина. В роту же командир, в наказание, отправил прапорщика Рудзита⁴¹⁵, который в июне при возвращении полка из Новочеркасска в бою под станицей Кагальницкой был убит.

Первая батарея в боях от станицы Успенской⁴¹⁶

Переход в станицу армия совершила на подводах. Первые два дня все в батарее было приведено в порядок, и на 13 апреля был назначен смотр 1-й бригаде. Генерал Марков произвел чистку обоза, где удалил всех «ловчашихся господ», а каждая часть получила утвержденные штаты для своих обозов, и батарея оказалась единственной частью, которой нужно было не уменьшать, а увеличивать свой обоз.

На площади у церкви генерал Деникин произвел смотр и благодарил войска. «Земной поклон вам, русские чудо-богатыри. Вы совершили один из славнейших походов русской армии. Родина вас не забудет».

14 апреля, совершенно неожиданно для всех, прибыл донской казачий разъезд из станицы Егорлыцкой, с просьбой помочь освободиться от большевиков. Сообщили, что к Ростову подходит из Румынии отряд добровольцев и т. д. Для проверки был послан в станичное правление разведчик, который увидел этот взвод. Решено было двигаться на Егорлыцкую.

15-го у села Горькая Балка произошел бой; со стороны станицы Белоглинской батареей был отогнан бронепоезд, но когда батарея втянулась в селение, то он открыл огонь по селу; гаубичной шрапнелью смертельно ранена сестра батареи Ольга Ивановна Башкова. После привала занята станица Плоская, где был ночлег.

17-го — 19-го, продвижение к селу Лежанка, бои там. 21-го армия вступила в станицу Егорлыцкую, где 22-го был день Святой Пасхи. Раненые были отправлены в станицу Мечетинскую, а 26—29 апреля батарея атаковала станцию Сосыку, где захвачено много добычи и был убит прапорщик Трифонов, когда пеший взвод с одним нашим пулеметом были высланы на помощь полку.

К вечеру 30 апреля батарея через станицу Куцевскую и село Гуляй-Борисовка, прибыла в станицу Егорлыцкую, чем закончился 1-й Кубанский поход: 80 дней, 1050 верст и 44 дня боя. К этому дню батарея имела 44 убитых, 17 пропавших без вести и очень много раненых.

Станица Егорлыцкая, ее оборона и обстановка

К приходу в станицу выяснилась вся политическая обстановка: на Дону и Кубани, восстания казаков, Новочеркасск освобожден, пришел Дроздовский отряд, немцы заняли Украину и район Ростова. Прикрываясь штыками нашей армии, восставших казаков и, что печальное всего, немецкими, вылезли из всех нор разные лица и стали решать дела России по своему способу и по интересам их партий. Началась борьба с Добровольческой армией, а опираясь на немцев, вербовка других отрядов для борьбы с большевиками.

Еще 23 апреля в Егорлыцкой генерал Деникин ознакомил старших начальников со своей политической программой и обращением к русским людям.

На путях к Дону, пользуясь немцами, стали не пропускать по железным дорогам офицеров и добровольцев, едущих к нам в армию, началась агитация, которая подпольно проникла и в станицы, где стояли части.

5 мая в станице Мечетинской генерал Деникин всем начальникам частей обрисовал общую обстановку, как и подтвердил свой наказ, посланный в разные города:

1. Добровольческая армия борется за спасение России путем 1) создания сильной и дисциплинированной армии; 2) беспощадной борьбы с большевизмом; 3) установления в стране единства, государственного и правового порядка.

2. Стремясь к совместной работе со всеми русскими людьми, государственно мыслящими, ДА не может принять партийной окраски.

3. Вопрос о формах государственного строя является последующим этапом и станет отражением воли русского народа, после освобождения его от рабской неволи и стихийного помещательства.

4. Никаких сношений ни с немцами, ни с большевиками, единственно приемлемые положения: уход из пределов России первых и разоружение и сдача вторых.

5. Желательно привлечение вооруженных сил славян на основе их исторических чаяний, указанных в 1914 году русским Верховным Главнокомандующим.

Когда на заседании дошла очередь до подполковника Миончинского выразить настроение батареи, то генерал Деникин сказал: «Вас я знаю; нечего спрашивать — все благополучно».

Приказ командующего, разрешавший всем сделавшим поход покинуть армию, был прослушан в полном молчании, но по всему было видно, что осуждали это решение. Нескольких донцов, подавших рапорта о переводе в донские части, генерал Марков приказал немедленно откомандировать.

Вечером в тот же день генерал пришел в батарею и обрисовал общую обстановку, как всегда, меткими и остроумными фразами. Расспросил новых офицеров, прибывших из России, о жизни там и в конце беседы остановился на «болтающихся» из одной армии в другую в поисках за теплыми местами и предупредил, что у себя он их не потерпит: «К чертовой матери, на все четыре стороны».

8 мая генерал Марков снова собрал офицеров своей бригады в станичной школе: он поделился сведениями об общей обстановке, разбирал разные заманчивые предложения агитаторов, приглашавших на службу, с обещанием производства и большого содержания. «Как офицер Великой русской армии и патриот, я не представляю для себя возможным служить в какой-нибудь Крымской или Всевеликой республике, которые мало того что со своими идеями стремятся к расчленению Великой России, но считают даже допустимым вступать в соглашение и находиться под покровительством страны, фактически принимавшей главное участие в разрушении Великой нашей Родины».

Часть чинов получила отпуска и поехали навестить своих родителей, стали возвращаться раненые, а батарея пополняться новыми чинами, прибывающими из всех мест России.

В конце мая прибыла в армию 3-я бригада полковника Дроздовского, которая торжественно была встречена гарнизоном станицы Егорлыцкой, отдавшем ей честь, и которая, в свою очередь пристроившись

на левом фланге, приветствовала тоже отданием чести; бригада была однообразно и хорошо одета, что заметили все.

Одежда же чинов 1-й бригады была печальная. Полученные в феврале ватные брюки и телогрейки вместо верхних гимнастеров во время похода пришли в совершенную негодность и представляли лохмотья. Правда, кое-что удалось получить в Сосыке, но самое главное — это отсутствовало однообразие.

Через два дня после встречи дроздовцев вернулся из Новочеркасска генерал Марков и рассказывал, как 1-й Офицерский полк растет как грибы. Все происки интриганов и немцев потерпели полную неудачу, и армия осталась верной России и стояла готовой к новым подвигам и жертвам, веря своим начальникам.

За стоянку в станице Егорлыцкой было несколько экспедиций и боев, в разные от нее стороны. В одной из них был ранен прапорщик Лазарев, вскоре скончавшийся от ран.

*В. Ларионов*⁴¹⁷

ПОСЛЕДНИЕ ЮНКЕРА⁴¹⁸

После боя за Ростов, в коем приняла участие и Юнкерская батарея, состоялось совещание нашего командования. Было решено оставить Дон и, сохраняя армию от уничтожения, отвести ее в Задонские степи и на Кубань. В эти февральские дни выглянуло солнце, и со стороны Азова задул теплый южный ветер.

Снег в степи быстро таял. Лед на Дону почернел, и на льду выступила вода. Переправлять через лед артиллерию и обозы было трудно. Переправа через Дон происходила около станции Аксай в направлении станицы Ольгинской. В станице сосредоточились все отдельные части, образовав армию генерала Корнилова, ибо только он мог с успехом вести организационную работу и боевые операции. Со всех «фронтов» собралось около четырех тысяч пехотинцев и около тысячи конных, четыре трехдюймовых орудия, большой обоз раненых, опасавшихся оставаться на Дону, и еще более значительный обоз гражданских — политиков и беженцев.

В станице Ольгинской из отдельных групп и отрядов были созданы полки.

26 февраля (здесь и ниже все даты по новому стилю. — В.Л.) 1918 года армия генерала Корнилова, с трехцветным национальным флагом впереди, двинулась через задонские станицы, держа направ-

ление на Ставрополье; за ней тянулся обременяющий все ее маневры обоз раненых и гражданских лиц. Этот день — 26 февраля — надо считать первым днем Первого Кубанского генерала Корнилова похода.

Юнкерская 1-я батарея, несмотря на большие потери и испытания во время «рейдов» есаула Чернецова и боев на Таганрогском направлении, под начальством подполковника Миончинского, оказалась в блестящем порядке. Юнкера были бодры и веселы. Боевая страда на Дону их закалила и спаяла в единую семью. Внешний вид юнкеров изменился. Юнкерские шинели сохранились не у всех, у кого порвались, у кого пропали. Преобладали овчинные казачьи или солдатские полушубки, у кого были и простые солдатские теплые куртки. Головные уборы были также различные, большей частью армейские или казачьи папахи. Шпор не было почти ни у кого. Ремни порвались, и шпоры утонули в жидкой грязи. Шашки сохранились только у разведчиков, остальные побросали их за ненадобностью. Шашку заменила винтовка или карабин. Обувь была у большинства изношенная или новая солдатская. Но самое существенное изменение у юнкеров заключалось в исчезновении любимых юнкерских галунных погон с великокняжескими вензелями — «М» и «К».

26 февраля 1918 года все юнкера Михайловского и Константиновского артиллерийских училищ были произведены приказом генерала Корнилова, ставшего Главнокомандующим, в прапорщики.

В тот же день юнкерские погоны были сняты и, так как офицерских галунных достать было, конечно, невозможно, на солдатских суконных погонах химическим карандашом проводили посередине погона черту и рисовали звездочку. Впрочем, весь Кубанский поход все старшие офицеры продолжали считать нас за юнкеров и командовали как батарейными солдатами. Школа была тяжелая, но люди, ее прошедшие, действительно получили боевую закалку.

Новые прапорщики — офицеры «1-го легкого артиллерийского дивизиона» — как была переименована Юнкерская батарея, все, без исключения, были на должностях солдат: номера, ездовые, фейерверкеры, разведчики, телефонисты, пулеметчики. Из тех, кому не осталось должности в батарее, был сформирован «пеший взвод». Обязанностью «пешего взвода» было прикрытие батареи, когда впереди не было пехоты. Такие случаи бывали в Кубанском походе довольно часто. Над «пешим взводом» в батарее порою смеялись, рассказывая, что командир батареи, подполковник Миончинский, увлекаясь иной раз преследованием бегущих большевиков, командовал взявшимся в «передки» орудиям: «Рысью марш! Пеший взвод вперед!» Но несомнен-

но, что-то подобное бывало. «Пеший взвод» должен был иногда гнаться за ускакавшей вперед батареей, утопая в вязком кубанском черноземе, и слушать при этом нелестные, непечатные эпитеты подполковника, считавшего «пеший взвод» легкой кавалерией.

Когда через несколько суток похода по кубанским степям у многих развалилась обувь и ноги были стерты до ран, «пеший взвод» уныло плелся позади, часто не поспевая к решающей схватке. Однако у юнкеров «пешего взвода» были и преимущества: им не надо было поить, кормить и чистить коней, как «ездовым», и вставать на два часа раньше батареи; им не надо было стоять ночью часовыми в оружейном парке, как это приходилось номерам. В походе мы всегда недосыпали, и поэтому лишний час сна имел большое значение.

Когда армия проходила задонские станицы, большевики почти не наседали, но после взятия села Лежанка, когда армия Корнилова повернула в направлении Екатеринодара, навстречу армии генерала Эрдели, большевики не давали нам передышки. Днем приходилось пробиваться из окружения, а ночью уходить дальше.

Время сна ограничено тремя-четырьмя часами, а часто и того меньше. Почти всегда в три часа утра подъем и выступление. Ездовому надо встать еще на час раньше, чтобы успеть напоить и накормить пару коней. В станице — грязь по колено. Ночь холодная, колодцы глубокие, а веревка обледенелая, грязная, скользкая. Пока достанешь несколько ведер... После боя и сорокаверстного перехода — ломящая усталость. И после короткого сна она не проходит. Настроение злое, унылое. Невыспавшиеся старшие офицеры ругаются крепкими словами по ничтожному поводу, особенно если, недружно взявши с места, кони запутаются в построениях и сделают заступку. «Заступка» — это большое преступление ездового; а в полной темноте и в глубокой грязи сделать ее весьма легко.

Наконец тронулись к сборному пункту. Слышно, как месят грязь пешие роты, повозки стучат колесами, чавкают по лужам и грязи сотни конских копыт, повсюду слышны крики: «Какой части?!» — «Отряд генерала Боровского!»... «Где отряд полковника Колосовского?»

...Чуть светлеет. «Стой! Слезай!» Теперь надо ждать больше часа подхода и сбора всех частей. Холодно! Наша молодежь возится друг с другом, греются. Становятся в кружок и запевают песню, чаще всего: «Настал универсальный век: прогресс и время все меняют...» или «Ермака»: «Ревела буря, дождь шумел...»

Вот скачет конный от штаба генерала Корнилова, ищет командира батареи и что-то ему докладывает. Командир садится на свою вороную кобылу: «По коням! Ездовые, садись! Пулеметная двуколка

вперед! Шагом ма-а-рш!» Если «пулеметная двуколка вперед» — это значит будет бой. Уже светает. Скоро взойдет солнце.

Идет наша пехота: Офицерский батальон, надевший черные погоны, траур по России, под командой генерала Маркова, Корниловский Ударный полк с черно-красными погонами, под командой полковника Неженцева. Цвет погон создан еще на фронте. «Дети генерала Боровского» — так зовут Ростовский Студенческий и Юнкерский батальоны и Партизанский батальон генерала Богаевского — остаток донских партизан из отрядов есаула Чернецова и Семилетова. Все эти части уже имеют свое боевое прошлое. Они идут в атаку, не останавливаясь и не ложась под огнем красных.

В корниловском Кубанском походе постепенно и незаметно образовывались боевые традиции и походные песни.

Корниловцы взяли слегка заунывный, но боевой, чисто славянский мотив сербской военной песни, так как в составе ударного полка были сербские офицеры-добровольцы, постоянно певшие боевые песни-марши:

Пусть кругом одно глумленье,
Клевета и гнет.
Нас, корниловцев, презренье
Черни не уьбет.

Мы былого не жалеем,
Царь нам не кумир,
Мы одну мечту лелеем —
Дать России — мир.

Верим мы: близка развязка
С чарами врага,
Упадет с очей повязка
У России, да!

Русь поймет — кто ей изменник,
В чем ее недуг
И что в Быхове не пленник
Был, а — верный друг.

За Россию и свободу
Если в бой зовут,
То корниловцы и в воду
И в огонь пойдут...

Корниловцы — частью республиканцы. Для них «царь — не кумир». Говорят, что цвета их погона, черный и красный, это цвета партии социалистов-революционеров — «Земля и воля» (черный — земля, красный — воля). Но вернее, надо расшифровывать эти цвета

как четкий боевой лозунг: «Свобода или смерть!» К тому же у них на рукавах щит голубого цвета, с нарисованным на нем черепом, под коим рвущаяся граната и скрещенные мечи. Поют они на мотив революционной песни:

Дружно, корниловцы, в ногу,
С нами Корнилов идет.
Спасет он, наверно, свободу,
Не выдаст он русский народ.

Офицеры батальона генерала Маркова поют на мотив «Белой акации»:

Смело мы в бой пойдем за Русь Святую,
И, как один, прольем кровь молодую...

Студенты Ростовского батальона поют свою песню:

Вспоили вы нас и вскормили,
Отчизны родные поля,
И мы беззаветно любили
Тебя, Святой Руси, земля.

Теперь же грозный час борьбы настал,
Коварный враг на нас напал,
И каждому, кто Руси сын,
На бой кровавый — путь один...

Все бойцы соперничают друг с другом в лихости и отваге: корниловцы, республиканцы, монархисты-гвардейцы, кадеты, гимназисты, студенты, юнкера, девушки-казачки и ростовские гимназистки, из коих немало ушло с нами в поход, не только сестрами, но и в строю.

Мы неизменно гоним красных, хотя они во много раз превосходят нас числом. У них бронепоезда, базы, сколько угодно снарядов и патронов. У нас лишь то, что при себе, — повозки со снарядами, взятые с бою и оплаченные кровью.

Красные окружают нас часто, пытаются сжать и раздавить, засыпают гранатами, ведут непрерывный ружейный и пулеметный огонь, не жалея снаряжения.

Но высок престиж генерала Корнилова и идей добровольчества, сильна вера в свою правоту и в победу у всех партизан, юнкеров, казаков и офицеров. Под Выселками мы разбиваем банды Автономова, а на другой день выбиваем армию «главковерха» Сорокина из станции Кореновской. Маленькая «армия» генерала Корнилова гонит десятки тысяч по Кубанской степи, по равнине Ставрополя, десятки тысяч дезертиров со всех фронтов войны — латышей, черноморских

матросов, китайцев, 39-ю дивизию, шахтеров Донбасса, рабочих из Баку, Темрюка, Керчи и Тамани...

Мы гоним их всегда. Корниловские ударники, не знающие отступления; «дети генерала Боровского»; офицеры генерала Маркова; наступающие, держа равнение, как на параде, чернецовцы, помнящие своего героя-есаула; бывшие юнкера — михайловцы и константиновцы, скачущие со своими орудиями часто впереди цепей и стреляющие «прямой наводкой»; девушки-гимназистки и ударницы из отряда Бочкаревой еле вытаскивают тяжелые солдатские сапоги из черноземной жижи, несут винтовки, а иной раз тащат пулеметы, не отставая от цепи, — у них тоже «ударные углы» на рукавах: «свобода или смерть»; казаки-кубанцы, конные и пешие (пластуны), казаки славных полков: Запорожского, Уманского, Линейного, ушедшие от большевиков из своих станиц и хуторов; черкесы на конях с зеленым флагом пророка Магомета: у них позади — сожженные аулы, разрушенные мечети, оскверненный Коран, изнасилованные жены, сестры и дочери, убитые старики и дети.

Под грохот пушек, в большинстве красных, идет вперед цепь, не знающая отхода, ибо отход может быть только на подвижной лазарет, где тысяча раненых товарищей ожидает результата боя. Отход — это конец всему, смерть.

Лежанка, Выселки, Кореновка, Некрасовская, Ново-Леушковская, Усть-Лабинская, Ново-Дмитриевская, Филипповские хутора, аул Нещукай... Все это этапы побед и крови. Когда в боях проходят дни и недели и каждый день видишь убитых, своих и чужих, смерть начинает казаться нормальной, естественной. Умереть — это значит стать как земля, как степной ковыль, как небо.

Почти в каждом бою есть критический момент, когда считаешь себя уже пропавшим и в горле сухо от нервного напряжения. Но когда бой кончен, настает странная тишина. Мир кажется сном, а настоящей жизнью — бой... Потом хочется только есть и спать. Природа берет свое.

Но сон короток. Еще темно, и уже скрипят по станице колодузжуравли, пьют, пофыркивая, кони. Сонно переругиваются невыспавшиеся ездовые; звездочками засветились огоньки хат. Лают охрипшим хором станичные цепные псы. «Заамуничивать и запрягать!» — командует дежурный по батарее. Тяжелые запряжки, позвякивая амуницией, хлюпают по грязи.

С другого конца станицы и с хуторов, где только что пропели петухи, с той окраины, где ночевала конница, протяжно звучит труба — «Поход»:

Всадники, други, в поход собирайтесь!
Радостный звук вас ко славе зовет!
За царя и за веру сражайтесь...

Поход, вечный поход... Степные травы уже поднялись и пахнут горько и хмеляше.

...Да посрамлен будет тот малодушный,
Кто без приказа отступит на шаг!.. —

звучит по степи.

Тянет холодным предрассветным степным ветерком... Лунный серп побелел, тухнут звезды, и лишь Венера розовато блестит на светлеющем небе. Уже различаешь фигуры людей и лошадей, пулеметные тачанки проходящей вперед пехоты. Внезапно яркие краски восхода загораются над степным простором. Неожиданно вся колонна останавливается, только ординарцы командиров и штабов да конные разведчики сломя голову галопом скачут по обочине.

В трех-четыре верстах впереди видны на гребне крылья ветряков и фабричная труба, а налево можно различить телеграфные столбы железной дороги.

Вот колонна зашевелилась и начала расползаться в обе стороны. Воздух разорвали первые пристрелочные шрапнели из-за далекого гребня. Все задвигалось быстрее. Роты разошлись взводами, передние уже рассыпались бегом в цепь и быстро идут вперед.

Орудия Первой батареи свернули со шляха и рысью двинулись за цепью. Очередь неприятельских гранат заставила пригнуться и с грохотом разорвалась в десятке метров от орудий. Комья чернозема засыпали ездových и коней, запахло тротилом.

Атаку Выселок с фронта ведут партизаны генерала Богаевского. Их цепи, встреченные сильным пулеметным огнем, то ложатся, то снова бегут вперед, застилаемые черным дымом рвущихся гранат. Батарея попадает в снап пулеметного огня. «Налево кругом! Стой! С передков! — кричит командир. — Прямо по цепи! Направление на трубу! Сорок! Трубка сорок! Огонь!»

Пушка подскакивает, обдаваемая пылью. Командир стоит на зарядном ящике с биноклем. «Правее ноль двадцать! Огонь!» Через десять минут: «Бегут сволочи! — кричит командир. — Передки на батарею!» Пули свистят, но мы скачем вперед. Нас обгоняют текинские степные кони... штаб Корнилова. С тем же трехцветным флагом, привлекающим огонь красных пулеметов, генерал Корнилов спешит к атакующей цепи. Партизаны не ждут генерала и бегут вперед. Большевикские пулеметчики с чердака паровой мельницы дерзко застро-

чили из всех пулеметов, пытаясь удержать атаку партизан. По всему фронту слышно: «Ура!» Стрельба обрывается — красные бегут!

Теперь все приходит в движение: зарядные ящики, подводы лазарета, все движется вперед. На околице станицы, против паровой мельницы, лежат, раскинув руки и устремив безжизненные глаза в небо, юноши-партизаны, донские юнкера, кадеты, гимназисты. Их убито несколько человек. Далеко по степи бежит в полном беспорядке «армия» товарища Автономова. Не скоро ее остановят и приведут в боеспособное состояние.

После боя становится известно, что отдыха не будет: завтра на рассвете мы идем на станицу Кореновскую и станцию Станичную, выбивать «армию главковерха» Сорокина, насчитывающую в своих рядах около тридцати тысяч красноармейцев, несколько батарей и два бронепоезда. В составе сорокинских войск находится и «непобедимая» «Железная дивизия».

Припекает солнце. Травы поднимаются, согретый воздух течет вверх, поднимая причудливым маревом далекие хутора, клуни, стога, железнодорожные будки. Белые станичные хаты нарядились в кружева вишневых садов.

Весна, весна! Какой радостью охватывает она все наше существо. Как хороша жизнь...

Сегодня, 17 марта, наша батарея идет вместе с офицерским батальоном в составе обходной колонны. Колонну ведет молодой генерал — Сергей Марков, как всегда в высокой белой папахе и в полушубке. Он в хорошем настроении и шутит с артиллеристами.

Генерал Марков стал с первого же боя под Лежанкой предметом преклонения: он неожиданно появлялся в самых опасных местах боя, и в его присутствии люди преображались, заражаясь его стремительной энергией и бесстрашием. В бою напористый и жертвенный, он требовал жертвенности и от других. Бранью или резкой, но меткой остротой он бичевал всякое малодушие и шкурничество. Поэтому храбрые его любили, трусы его боялись и ненавидели. Нередко он пускал нагайку по спине шкурника, не считаясь ни с его чином, ни с положением.

Идем мы по степи уже более двух часов. Далеко вправо слышен гул пушечной стрельбы. Степное эхо превращает его в какой-то рев. Это партизаны генерала Богаевского и корниловцы наступают на станицу Кореновскую. Наша же колонна с умышленным запозданием идет к железной дороге, к станции Станичной. Очевидно, нашим нелегко. Это видно по сильному артиллерийскому огню красных. Мы выходим на железную дорогу и останавливаемся. Все проголодались.

Появляются караваны белого кубанского хлеба, отрезают тесаками сочные куски кубанского сала, пьют прямо из кувшина янтарный мед. Благодатный край! Жить бы здесь беззаботно среди чудной природы и ее изобильных даров — без стрельбы и непрерывного напряжения, не видя трупов и крови.

Неожиданно гулко и резко около железнодорожной будки застрочил близкий пулемет. Генерал Марков бежит к будке. Офицерская рота быстрым шагом движется вдоль полотна вперед. Кое-где в рядах мелькают лица, знакомые еще по Новочеркасску, с Барочной улицы. Какие они все загорелые и возмужавшие под постоянным огнем... «По коням! Садись! — кричит батарейный командир, вскакивая на свою спокойную вороную кобылу. — Рысью марш!»

Мы съехали с дороги, кони мягко скачут по целине. Обгоняем офицерскую роту, постепенно взбираемся на гребень. Справа, где сильнее всего грохочет артиллерия, показывается широко раскинутая станица, это Кореновка. Над ветряками и церковной колокольной плывут, тают и снова появляются облачка шрапнели: там по всему фронту идет бой. Засвистали и у нас первые пули.

Офицерский батальон развернулся в цепи и наступает на гребень через широкую ложину. На гребне можно различить окопы противника. Это — «Железная дивизия» Сорокина. Цепи Офицерского батальона встречены сильным пулеметным, ружейным и артиллерийским огнем. От станции появился бронепоезд и взял цепи Офицерского батальона огнем во фланг. Цепи залегли. Было ясно, что наше наступление захлебнулось.

На батарею принесли, тяжело раненного в живот, нашего капитана Глотова, посланного полковником Миончинским вперед, выбрать позицию для батареи. Приносят и других раненых. Наша сестра их перевязывает. Густые цепи красных, ободренные выездом бронепоезда, поднялись на гребне из окопов и пошли в контратаку. Цепи офицерских рот, неся потери под перекрестным огнем, бегом отступали на батарею.

...«По поезду! Прямой наводкой! Гранатой! Пять-ноль!» — кричит полковник Миончинский. Наши гранаты взметнули полотно под бронепоездом. Он сразу же дал «полный задний» к станции.

Но офицерские роты быстро отходят на батарею. Пули сорокинцев все чаще свистят у орудий. Кони жмутся, прижав уши, ездовые прячутся за передки. Момент напряженный. Прицел все понижается: «Пять-ноль!.. Сорок пять... Сорок!.. Тридцать!..» Это уже близко, и командир не жалеет драгоценных для нас снарядов. Пушки подсакивают ежеминутно, отдавая уже близкие цепи красных низ-

ким «шрапом». Только и слышно: «Первое!.. Второе! Один патрон! Беглый огонь!» Выдержат... или нет?

Вдруг сзади на батарею галопом влетает всадник и кричит: «Кавалерия!» Лицо его искажено ужасом, залито потом. Это чехословак. По-русски он говорит плохо, и понять что-либо трудно. Полковник кричит: «Пулемет на батарею! Ездовым разобрать винтовки!» Но сам ни на секунду не выпускает густую большевистскую цепь из точного низкого шрапнельного огня. Гора расстрелянных гильз у орудий растет. Все чаще: «Огонь!» Вот видны уже лица наших отступающих. «Наводи в самую гущу! Огонь!» — кричит командир, заглушая грохот боя... «Не выдерживают! Бегут сволочи! Бегут!.. Огонь!»... Действительно, цепи «Железной дивизии» не выдержали низких, точных разрывов шрапнели, люди в цепи заметались направо и налево, сбились в кучки и побежали обратно по склону. По редкой цепи отступающих офицерских рот пробежал победный гул голосов, превратившийся в «Ура». Они движутся снова вперед, на этот раз неудержимо... «Передки на батарею!»

«А ведь наврал, сукин сын, про кавалерию!» — смеется прапорщик Попов⁴¹⁹, ездовой 1-го орудия. Но, как стало известно потом, большевистская конница все же была и прошла близко от нас, атаковав 3-ю батарею полковника Третьякова, отбившую все ее атаки картечью.

Пушки прошли лощину и начали подниматься в гору по вязкой пахоте. Вокруг лежали трупы. Сначала проехали мимо нашего, убитого в цепи наповал, зеленая фуражка пограничных войск валялась рядом на траве. Потом ехали мимо убитых красногвардейцев «Железной дивизии». На гребне вырисовывалась длинная фигура нашего полковника, тщетно машущего руками, призывая орудия. Кони еле тянули по пахоте в гору и, хотя все налегали на колеса, ускорить движения не могли.

С гребня полковнику открывался вид на всю окрестность. На его глазах, внизу, у станции, торопливо отходили эшелоны красных, маневрируя на запасных путях. Немудрено, что на головы ездовых он посылал все проклятия и ругань, ему известные. Потом он затих, с отчаянием глядя на уходящие красные эшелоны и на свои еле ползущие в гору пушки... Наконец дотащились. Миончинский ринулся к первой пушке. Номера заметались у орудия, поворачивая его на цель. Через минуту наши гранаты взметнулись в самой гуще вагонов. Слышались тревожные паровозные гудки. Паровозы с вагонами и платформами и без них быстрым ходом уходили на юг. Много вагонов застряло на станции, где бой уже затих.

«Армия» Сорокина, понеся большие потери, спешно отступала на юг на станицу Платнировскую. И у нас были немалые потери, обременившие еще более походный лазарет. А главное — в этом бою были расстреляны все наши гранаты и шрапнели, в парке оставалось шесть гранат. Но можно было еще раз сказать: «С нами Бог!» Одна из наших последних гранат перебила вагонное сцепление. Паровоз удрал на Платнировку, бросив эшелон с грузом драгоценных для нас снарядов. Армия была еще раз спасена. Стрельба затихла. Войска втягивались в станицу.

Небольшая речка и мостик через нее. Около моста, под водой, видны трупы красных, здесь их скопил пулемет юнкеров из отряда генерала Боровского.

На другой день объявлена дневка. Это была первая дневка со дня выхода в Кубанский поход. Однако Сорокин не был разбит, он был лишь выбит из станицы и отброшен, и в день дневки батареею несколько раз по тревоге вызывали к станции. Цепи противника пытались, при поддержке бронепоезда, несколько раз наступать со стороны Платнировской, но огнем застав и выстрелами орудий противник был отброшен.

В Кореновской нас застали плохие вести: армия генерала Эрдели ушла две недели тому назад из Екатеринодара, занятого красными. Таким образом наш план похода на Екатеринодар для соединения с армией генерала Эрдели и полковника Покровского рухнул. Впереди была неразбитая группа «главковерха» Сорокина с бронепоездами, позади, уже в одном переходе, надвигалась на нас оправившаяся после поражения под Выселками «армия» Автономова.

К вечеру стало известно, что наше командование решило обмануть Сорокина: бросить Екатеринодарское направление и ночью, повернув на восток, перейти Кубань, пробиться через район крестьянских хуторов в предгорные аулы и там, продвигаясь на юг, искать соединения с Кубанской армией Эрдели—Покровского.

К полуночи 19 марта все части стянулись бесшумно к станции. Привычный ночной марш. Направо, в стороне Платнировской, виднелись зарева далеких огней, вероятно костров группы Сорокина. Не прошло и двух часов, как сзади послышались отдельные выстрелы, а потом частая ружейная стрельба.

Сорокин спохватился, его части ринулись за нами и столкнулись с нашим арьергардом, но было уже поздно: наши главные силы и все обозы вышли из-под флангового удара. Когда настало утро, позади раздалась пушечная стрельба. Сорокин энергично нажимал на наш арьергард. Впереди были еще переправы через Кубань и через Лабу...

Надо было с налета брать станицу Усть-Лабинскую, куда уже спешно подходили красные эшелоны со стороны Тихорецкой. Армия Корнилова была снова в тисках. Шрапнель Сорокина рвалась не только над нашим лазаретным обозом, но достигала и авангарда, разворачивавшегося для атаки на Усть-Лабинскую.

Победа над Выселками и Кореновской внушила нам веру в свои силы. Со станичной площади орудия повели редкий, но меткий огонь по подходившим к станции эшелонам красных, не давая бойцам выживаться.

К наступлению темноты бой затих: мост через Кубань был нами прочно занят. До глубокой ночи лазарет переправлялся через реку. Обоз увеличивался после каждого боя и дошел почти до тысячи повозок. Армия все более лишалась способности гибкого маневрирования, превращаясь в прикрытие для лазаретного и беженского обозов.

Трудно себе представить и описать то, что переживали наши раненые — с пулями и осколками в груди и в животе, с переломленными и раздробленными костями. Езда на безрессорных подводах. Ночные переходы по изъезженным, тряским дорогам, через гати. Холод и сырость, проникающие под тонкое одеяло, жар, бред. А днем обоз не раз попадал под артиллерийский, а иногда и под пулеметный огонь, и повозки с тяжело ранеными должны были вскачь переходить обстреливаемое пространство.

Вторая ночь без сна, переходы с непрерывным боем измотали юнкеров. Юнкер Попов заснул, стоя у своей запряжки, и не слышал команды «Садись!». Командир подъехал к нему и потряс его за плечи.

Стали на квартиры уже глубокой ночью. Повалились на солому и заснули мертвым сном. Пробуждение было не из приятных: в горнице голосила баба-казачка: «Ой, убили! Ой, убили!.. Такие все молоденькие!» За окном слышались совсем близкие выстрелы винтовок. «Стрельба!.. Вставать!» — крикнул наш командир капитан Шперлинг. Все выскочили из хаты. По улице свистели близкие пули. Воображение играло: большевики ночью пробрались в станицу и теперь избивают всех по хатам. Вопли хозяйки и пули по улицам — картина ясная. Побежали к орудиям в парк. Но там все было спокойно, часовой прохаживался у орудий. Оказалось все просто: по другому берегу большевики подошли небольшими группами к станице и беспорядочно начали стрелять по улицам. В то же время в станичной церкви отпевали наших вчерашних убитых. Нервы нашей хозяйки не выдержали тяжелого зрелища ряда гробов, и она, прибежав домой, начала голосить над нами спящими.

В станице Некрасовской была дневка. Наш штаб считал, что за переправой будет спокойнее, что армия вышла из клещей. Но не тут-то было: воспользовавшись нашей дневкой, Сорокин и Автономов переправились вслед за нами и утром атаковали Некрасовскую станицу. В то же время агитаторы подняли против нас все окружающие ставропольские села, деревни и хутора, где было немало фронтовиков, возвратившихся домой с оружием. Эти отряды фронтовиков отрезали нам все дороги вперед. Вместо спасения за Кубанью, армия Корнилова попала в полное окружение. Со всех четырех сторон клочкотала ружейная стрельба. Тротиловые гранаты с грохотом рвались среди домов и сараев, на улицах и на площади около церкви, где стоял наш обоз-лазарет. Тут же, на площади, стояли и наши орудия, — в резерве.

Было тяжело стоять в бездействии среди разрывов гранат. Минуты шли томительно, тоскливо. Тут галопом прискакал генерал Марков: «Артиллеристы! Живо на окраину, к мельницам! Там никого нет! Красные почти вошли!»

Кони рванули с места. Пушки, с грохотом и звоном, в облаках пыли, понеслись за командиром. С передков орудий и зарядных ящиков летели плохо подвязанные винтовки, котелки и всякая утварь. «Успеем или нет? Успеем или нет?» Когда выскочили на окраину, то увидели совсем близко две цепи большевистской пехоты, идущей вперед без всякой помехи. У нас — никаких резервов, все брошено в огонь. Около мельниц нервно ходит генерал Марков, считая секунды. «Налево кругом! С передков» Юнкера горохом посыпались с передков и повернули орудия. Подскакавшие пулеметчики спешно нацеливали «кольт» и «максим». Пеший взвод где-то безнадежно отстал от батареи.

«Сорок! Трубка! Сорок! Огонь!» Подпрыгнули пушки, выплюнув пламя. Два низких белых клубка дыма проплыли перед идущей, как на прогулке, большевистской пехотой. Черные фигурки пригнулись, попадали, заметались... «Правее ноль двадцать! Огонь!» — «Первое!» «Второе!» — откликнулись фейерверкеры. Не больше десяти минут продолжалась стрельба шрапнелью. Цепи сначала остановились, попятиться и, сбиваясь в кучки, покатались назад. «Молодцы, артиллеристы!» — крикнул генерал Марков, и всем было ясно, что генерал доволен лихим выездом и меткой стрельбой.

До темноты мы простояли у мельниц, а потом двинулись на переправу через Лабу. Предстоял ночной переход. Однако шли мы не долго: часам к двум ночи дошли до хутора, где сосредоточилось столько войск, что нам отвели на всю батарею лишь один дом с клуней. Было

передано, что большевики впереди, совсем близко, и что уже с рассвета мы снова попадем в бой. Немного поспали на соломе, не раздеваясь. Хлеба не было, утром поели холодного супового мяса, прямо из котла.

Бой завязался еще до рассвета, на широком фронте, в степи. Наши цепи пошли в наступление на сильные отряды дезертиров-фронтвиков, засевших на Филипповских хуторах. «Армия» Сорокина обходила в это время наши фланги и нажимала с тыла.

Был момент, когда орудие капитана Шперлинга прошло пространство, не занятое нашей цепью, и оказалось в трехстах шагах от хутора, занятого «товарищами». Красные сделали глупость: вместо того чтобы подпустить орудие еще ближе к хутору и захватить его голыми руками, они открыли по нас ожесточенную ружейную стрельбу. Все покатались с коней, но успели повернуть пушку на хутор и угнать передки назад.

«Два патрона! Беглый огонь!»

Стрельба в упор... Сплошной свист пуль...

«Жарко же у вас тут», — послышался спокойный и даже веселый голос, это был генерал Марков. Он присел на корточки за ящиком, укрываясь от пуль, и начал закуривать. «Сейчас пойдет в атаку ваш пеший взвод, — сказал он Шперлингу. — Дайте еще пару гранат!»

Через десять минут слева появились знакомые лица. Это были наши юнкера-артиллеристы «пешего взвода». Во главе с поручиком Боголюбским бывшие юнкера, теперь прапорщики, ринулись на хутор бегом. Поручик тряс раненной кистью руки.

Стрельба оборвалась, хутор был взят. Путь вперед был снова свободен. Мы двинулись к Филипповской. Жителей в домах не было. Все они бежали. В печах стояли еще горшки горячих щей.

Ночь в Филипповской была беспокойна. Сорокин успел занять высоту за селом, за рекой Белой. С самого утра завязался тяжелый бой. Корниловцы форсировали переправу и взобрались на гребень, но понесли при этом большие потери. Красные, бросив крупные силы в контратаки, несколько раз прорывали наш фронт. Генерал Корнилов остановил нашу батарею, направил ее в прорыв и, стоя во весь рост на стогу сена, наблюдал, как наши орудия метким огнем остановили густые цепи красных, потеснивших кубанцев генерала Богаевского почти до батареи. С этого же стога, стоя под градом пуль, он бросил свой конвой в конную атаку влево от батареи, где красная пехота прорвала нашу редкую цепь.

А позади, за мостом, где с тыла нажимала группа Автономова, пришлось снять с обоза всех могущих держать винтовку, всех легко раненных из лазарета. В этой цепи шли и донской писатель Родио-

нов, и журналист Борис Суворин. Когда бой начал затихать на фронте, стрельба усилилась в тылу. Юнкера генерала Боровского еле удерживали пехотные массы Автономова, рвущиеся к мосту, где на рысях, повозка за повозкой, переправлялся наш огромный обоз и лазарет. Вдруг где-то далеко на фланге послышалось «Ура!»... Крики «Ура!» начали приближаться и скоро охватили весь фронт. Оказалось — наш разъезд, достигший черкесских предгорий, вернулся и сообщил, что связался с разъездом Кубанской армии генерала Эрдели, отошедшей от Екатеринодара. От всеобщего громового «Ура!» прекратилась стрельба: большевики в недоумении прекратили огонь. Они как бы почувствовали, что случилось что-то такое, после чего им все равно не сломить нашу пехоту и не пробиться к мосту. Их цепи начали отходить. Артиллерия красных все еще вела беспорядочный огонь, но потерь нам не наносила. Свернувшись в колонну, мы двигались в сторону предгорий.

Местность начала меняться: холмы, овраги, перелески. Взошла луна и осветила стены отдаленных хат и белую вышку — минарет аула. Сакли были пусты, обитателей в них не было. Мечеть была осквернена большевиками: Коран порван на мелкие куски и затоптан, на полу — испражнения. Мы тут же узнали, что не успевшие убежать жители аула были отведены в овраг и там перебиты. Женщины и девушки перед этим изнасилованы.

Большевики отстали, и лишь слабые их части тревожили наш арьергард. Они вымотались, понесли большие потери и, очевидно, отчаялись сломить Корниловскую армию. Дух их был подорван...

В ауле Шенджий 27 марта состоялась встреча с частями полковника Покровского. Штаб Покровского прибыл с эскортом Черкесского конного полка. Впереди реяло зеленое знамя с белым полумесяцем. Мы смотрели на горячих кавказских коней, на смуглых горбоносых всадников в черных папахах и бурках. Соединение с армией генерала Эрдели должно было произойти в станице Ново-Дмитриевской, где обе армии должны были переформироваться и идти на Екатеринодар, откуда и начать борьбу за освобождение Кубани.

Небо было серо, дул пронзительный холодный ветер. Крупные капли частого дождя проникали за ворот шинели, в рукава и в сапоги. Колонна двигалась быстро. Люди и лошади согревались движением. Но скоро поля превратились в болота и в них стали вязнуть лошади и люди, повозки и, главное, пушки.

Становилось все холоднее. К полудню дождь перешел в сильную снежную метель. Колонна расстроилась. Кони падали и больше не вставали. Все чаще попадались брошенные повозки и конские тру-

пы. Промокшие насквозь шинели теперь промерзли и превратились как бы в стальные панцири. Части разбились на нестройные кучки, движущиеся вперед, к заветному теплу. Внезапно впереди, за пеленой снежной вьюги, послышались ружейные выстрелы. Где-то ухнуло орудие.

Все задвигалось быстрее. Небольшой ручей, по ту сторону которого была станица Ново-Дмитриевская, обратился в довольно широкую быстротечную речку, глубиной почти до пояса. Мост снесло, и река эта стала препятствием для артиллерии и обоза. Все остановились.

Большевистская артиллерия начала бить по берегам. Если было уже тяжело идти против вьюги и ветра в степи, то еще тяжелее было стоять на месте и ждать, да еще под разрывами тротильных гранат.

Разведчики наши были уже на той стороне. На берегу речки стояла рота Офицерского полка. Бывалые офицеры не теряли бодрого настроения и даже острили по поводу предстоящей холодной ванны. Генерал Марков был тут же. Потирая руки, он шутил с офицерами. Потом первый прыгнул в воду, погрузился по пояс и быстро двинулся к другому берегу. За ним, держа винтовки над головой, переправилась вся офицерская рота. Было видно, как они рассыпались в цепь и исчезли в белой пурге.

Стрельба участилась. Где-то левее переправлялись корниловцы. Уже темнело, а мы все стояли на берегу, ожидая приказаний и не смея оставить орудия. Несколько юнкеров пытались развести из сломанного забора костер, но, когда он разгорелся, граната угодила рядом. Юнкер Офендульев⁴²⁰ был тяжело ранен осколками в грудь.

Вскоре стало совсем темно. Артиллерия большевиков смолкла, доносились лишь отдельные выстрелы. Пулеметчики наши переправлялись и перетаскивали пулеметы уже в полной темноте. При этом шальной пулей в голову был убит начальник пулеметной команды, туркестанец поручик Гегеман.

Наконец пришло сообщение, что станица занята нашей пехотой и батарея может переправляться. Переправлялись мы на наших уносах, выпряженных из зарядных ящиков, и часть зарядных ящиков оставили до утра. Холодная вода доходила нам лишь до бедер, но и это было неприятно. Как потом было хорошо повалиться на солому в теплой, душной хате!

На следующий день было еще холодно, но солнце уже вышло из-за туч. На улицах, в глубоких лужах таявшего снега, лежали трупы большевиков.

Настала, наконец, настоящая весна. Обильный снег быстро растаял, по всей степи блестели озера, отражавшие небесную лазурь. Вдали си-

нели кавказские предгорья, и весенний ветер подбадривал и вливал новые силы. Наши части отдохнули и переформировались. Все мелкие отряды были слиты в две бригады, коими командовали: 1-й — генерал Марков, 2-й — генерал Богаевский. В 1-ю бригаду вошли: Офицерский и Кубанский стрелковые полки. Во 2-ю бригаду: Корниловский Ударный и Партизанский полки. Вся конница объединилась под командой генерала Эрдели и полковника Покровского. Наша бывшая Юнкерская батарея вошла в 1-ю бригаду.

Была темная ночь, когда наша бригада выступила в направлении на станицу Георгие-Афипскую и железнодорожную станцию того же названия. Это было началом похода на Екатеринодар. Труднопроходимая грязь, глубокие лужи и сплошное болото, — орудия и повозки постоянно застревали, а конные и пешие уходили вперед. Части отрывались друг от друга или наступали друг другу на хвост. Какие-нибудь шесть верст тащились всю ночь.

Небо розовеет на востоке, начинают вырисовываться дали. Плотной железной дороги и домики станицы верстах в двух. Видна высокая станичная колокольня. Колонна, растянувшаяся ночью по степи, стягивается. Впереди видны конвой генерала Корнилова с трехцветным флагом, группа конных — штаб армии — и сам генерал.

Станица и станция уже недалеко, а между тем все тихо... Внезапно из-за водокачки повалили клубы дыма и, освещенный солнцем, блистая сталью, выкатил из-за станционных построек большевистский бронепоезд. Несколько секунд царил тишина, но вот воздух как бы дрогнул и занял. Несколько пулеметов бронепоезда разом забили по колонне. И что тут было... Все смешалось: кто ринулся в глубокую канаву у дороги, кто залег в кусты, кто побежал в сторону. Лошади попадали, путаясь в постромах, вырвались, понеслись по степи. Все ринулись назад, кроме нашей батареи. Пушки снялись с передков и через минуту ударили по бронепоезду. Бронепоезд сразу же откатился назад за постройки. Роты Офицерского полка рассыпались в цепь и пошли к станции. Завязался тяжелый бой.

Далеко влево были видны цепи нашей 2-й бригады, атаковавшей соседнюю станцию. Было даже слышно, как они кричат «Ура!». Вскоре подошли большевистские поезда со стороны Екатеринодара и наше 1-е орудие капитана Шперлинга оттянули на крайний фланг, чтобы их задержать. Большевистские поезда остановились в густых посадках и перестали дымить. Пристреляться к ним было трудно, так как мы должны были беречь снаряды. Зато они били по нас, стоящим на ровной степи, как по мишени.

Почти два часа грохотали разрывы гранат: перелет, недолет... Били и шрапом. Это был форменный расстрел. Мы остались в живых только потому, что несколько гранат, попавших между нашими орудиями, заглохли в глубокой грязи. Был ранен шрапнелью в ступню номер нашего орудия Прохоров, тот, который тащил меня, раненного под Кизитеринкой. Теперь я тащил его, стонущего, к оттянутым передкам. Кроме Прохорова, были ранены бывшие юнкера-михайловцы Иссов и Владимиров, получившие пулеметные пули, — Иссов в плечо и Владимиров в глаз.

Бой этот был поистине страшный. Мы жались к щиту орудия, чтобы спастись от низких разрывов шрапнели, и быстро ложились, если гранаты рвались на батарее. Во рту было сухо. Никогда еще мы так не ждали спасительного покрова темноты, как в день этого боя!

С наступлением темноты бой затих. Станция и станица были взяты. Большевицкие бронепоезда ушли на Екатеринодар. Лишь к полуночи мы выбрались из топкой грязи и добрались до отведенных нам квартир. Но уже на рассвете прискакал из штаба разведчик и сообщил, что наши орудия должны немедленно выехать за станицу и занять позицию против бронепоездов.

На этот раз мы стали на закрытую позицию, и большевицкие бронепоезда не могли к нам пристреляться. Гранаты рвались непрерывно по соседству, вздымая вверх глыбы мягкого чернозема, падающего потом на землю с шумом, подобным конскому топоту.

Екатеринодар был совсем близко, но мы повернули, обходя его с юга, чтобы атаковать его с той стороны, где он не прикрыт рекой Кубанью.

Наступление на Екатеринодар начала бригада генерала Богаевского, а мы прикрывали переправу через Кубань и тыл. Два дня мы слушали гул орудий и тревожно ждали вестей. Вести были оптимистические: «Город взят», «Бой уже за городом», «Город сегодня будет взят»... Но гул орудий не прекращался и даже усиливался. Наконец нашу батарею потребовали к городу. Одновременно с нами пошли к Екатеринодару и части Офицерского полка с генералом Марковым во главе.

Мы шли переменным аллюром и уже через пару часов проехали рощу и ферму Кубанского экономического общества. Роща была усыяна трупами красных — рослыми черноморскими матросами. Накануне здесь была блестящая атака партизан генерала Богаевского.

Вся степь перед Екатеринодаром дымилась разрывами гранат. Десятки орудий разного калибра били со стороны города и громили

наши позиции «по площадям». Наша позиция была полузакрытая, и в первый раз за всю войну мы начали рыть себе ровики.

Впереди раздавалась ружейная трескотня и неумолчная строчка многочисленных пулеметов. Командир батареи вместе с капитаном Шперлингом прошли вперед выбрать наблюдательный пункт. Скоро провели телефон, и батарея сделала несколько выстрелов. Неприятельские пули свистели беспрерывно.

Передавали, что генерал Марков будет атаковать кожевенные заводы и батарея должна поддержать его атаку огнем. Томительно шли часы. Огонь противника усиливался, переходя в ураганный. Наконец справа началась ожесточенная пулеметная и ружейная стрельба — это генерал Марков пошел в атаку с Офицерским батальоном. Наша батарея не могла, из-за недостатка снарядов, ее достаточно поддержать. Сообщили, что генерал Марков заводы взял и дошел до артиллерийских казарм, но дальше продвинуться не может: уличный бой был тяжел, потери большие. Стало ясно, что атака не имеет решительного успеха.

Армия наша наступала на Екатеринодар частями, сначала только 2-й бригадой, и не использовала первого успеха при взятии фермы, дав красным отступить к городу и получить там большие подкрепления. На следующий день атакующие нарвались на густой артиллерийский и пулеметный огонь большевиков, успевших стянуть к месту атаки бригады генерала Маркова значительные силы, прибывшие из Новороссийска. Цвет командного состава добровольцев, идущий, по традиции, впереди атакующих, понес тяжелые потери: пал командир Корниловского Ударного полка и его создатель — полковник Неженцев, пал известный партизан-чернецовец Курочкин, тяжело был ранен генерал Казанович.

Из кубанских станиц подкрепления подходили слабые — группки молодых необстрелянных кубанских казаков, терявшихся под убийственным артиллерийским огнем. На вечерней заре этих кубанцев рассыпали на гребне в цепь так, чтобы они были видны в Екатеринодаре и чтобы красные подумали, что к нам идет подкрепления.

Артиллерия красных, затихшая к вечеру, открыла ураганный огонь по кубанской цепи. Около нашей батареи командир кубанской сотни был подброшен разорвавшейся гранатой высоко вверх.

В эту ночь плохо спалось в наскоро вырытом окопчике. Было холодно, особенно на рассвете. Как только посветлело, началась артиллерийская стрельба по всему фронту со стороны красных. Били они больше по площадям. Мы лежали, прижимаясь к земле, не имея возможности, из-за недостатка снарядов, отвечать на огонь. Осколки

гранат свистели вокруг, бороздя подсохший чернозем. Тут же рядом лежал молодой хорунжий Кубанской армии, убитый осколком в висок. Молоденькая сестра гладила его русые волосы. Было тоскливо и как-то безнадежно на душе...

Позади, в станице Елизаветинской, где мы перед маршем на Екатеринодар отстояли вечерню, сосредоточился наш огромный обоз-лазарет.

Носились тревожные слухи, что большевистская конница обходит нас с левого фланга. На ферме Кубанского общества, где был наш штаб армии, не расходился черный дым разрывов. Вечером 12 апреля передали: завтра будет общий, последний штурм Екатеринодара, причем все артиллеристы пойдут в цепях, так как снарядов больше нет.

Ночью стрельба вспыхивала то здесь, то там. Какие-то крики не давали сомкнуть глаз. Еще до рассвета разрывы большевистской артиллерии загрохотали по нашим затихшим позициям и по штабу армии. Приказа идти в атаку не было, вместо этого прошел слух: «Генерал Корнилов... убит...»

Слух этот скоро подтвердился: на рассвете большевистская граната попала в ту комнату фермы, где спал генерал Корнилов. Его вынесли из дома на берег Кубани, — там он и умер, не приходя в сознание.

В командование армией вступил генерал Деникин. Он отменил штурм Екатеринодара и приказал с наступлением темноты всем частям отходить от города. Конница генерала Эрдели, для прикрытия отхода, атаковала правый фланг красных в загородных садах. В этой конной атаке погибла храбрая прапорщица — баронесса де Боде.

Уже в полной темноте начался отход с поля боя. Потери были велики. В передке нашего орудия лежали последние четыре гранаты... Отход начался на немецкую колонию — Гначбау, где к полуночи, на тесном пространстве, собралась вся армия с обозами. Уже утром красные начали наступать на Гначбау. Несколько их орудий открыли огонь по улице колонии и по немногим ее домам. Тут действительно ни одна граната не пропала даром. Повсюду рубили колеса ненужных повозок и пустых зарядных ящиков. Было известно, что ночью будет прорыв из красного окружения, от коего зависит судьба остатков армии. Можно было слышать разговоры: «Не пора ли «распыляться»...»

Генерал Марков в эти жуткие минуты был, как и всегда, невозмутимо спокоен. Было особенно тяжело, когда он приказал подтянуть бывшую Юнкерскую батарею к штабу армии. Он верил мальчикам —

бывшим юнкерам, свято помнившим его слова: «Нам самим ничего не надо... Да здравствует Россия!»

В эти черные безнадежные ночи отступления от Екатеринодара мы не знали ни отдыха, ни сна. Четыре дня и четыре ночи мы шли безостановочно. Люди спали на ходу. Юнкер Березовский⁴²¹ заснул в седле, упал на землю и при этом не проснулся. Он очнулся глубокой ночью один в степи. Лошадь, после падения всадника, ушла за колонной. Не было и дороги. Березовский не знал, куда ему идти, где искать колонну. Все вокруг было тихо. Вдруг на горизонте появились вспышки, как зарницы, донесся гул пушечной стрельбы. Там, верстах в восьми, начинался бой под станицей Медведовской, — Березовский пошел на выстрелы.

Трудно себе представить, как не погибла в те дни наша маленькая «армия». По приказу нового Главнокомандующего, несколько сот тяжелораненых были оставлены в станичных больницах. Несколько врачей и самоотверженных сестер остались с ними. И хотя тут же были отпущены на свободу несколько пленных большевиков, почти все раненые и оставшиеся с ними сестры и врачи были перебиты. Только в одной станице оставленные там тяжело раненные добровольцы каким-то непонятным образом уцелели. Среди них были два наших юнкера: Прохоров, раненный в ступню под Георгие-Афипской, и грузин, бывший михайловец, Захарашвили⁴²², с выбитым пулей глазом. Потом, уже летом 1918 года, он мне рассказал, что он пережил. Некоторое время он был совсем слеп и слышал разговоры в станичном лазарете над своей кроватью: «Расстрелять кадетскую сволочь»... и как кто-то за него заступился. Как лежал он долго в полной тьме, и, когда пришла Пасха и в открытые окна станичной больницы, вместе со всеми ароматами южной степной весны, ворвались торжественные звуки церковного колокола, зарыдал и вдруг прозрел на один глаз. Его таскали потом в Екатеринодар в Ревтрибунал, но и там его не убили, признав мобилизованным. Вернее всего, что в те дни у комиссаров была паника в связи с подходом германских войск к Дону, и им было уже не до расстрелов.

Итак, после дневки в колонии Гначбау, в ночь 16 апреля, армия пошла на прорыв. Впереди — остатки Офицерского полка на повозках, наша батарея из двух орудий и генерал Марков. Темная теплая ночь. На отдаленных степных хуторах мерцают огоньки. Заунывным хором лают собаки, чуя движение войск. Все идут молча. Ни шуток, ни разговоров, лишь топот коней, шум колес, позвякивание орудийных щитов. Положение страшное: четыре снаряда на всю бригаду. Роты по десять штыков и многотысячный транспорт, — лазарет ра-

ненных и беженцев. Ноги стерты в кровь, усталость физическая и моральная беспредельна. Слухи о «распылении» все чаще, все настойчивее. Железное кольцо врага сжимается все уже. Советские бронепоезда стерегут все железнодорожные переходы. Кажется, что выхода из создавшегося положения нет и что «синяя птица» нашего похода со смертью генерала Корнилова покинула несчастную армию. Даже наши юнкера редко поют свои любимые песни. Оборванные, грязные, небритые — как мало напоминают они теперь томных «михайлонов» и лихих «констапулов».

Генерал Марков — нахмуренный, злой, похудевший — свирепствует в обозах и работает плетью на всех переправах и железнодорожных переездах. Он один из немногих, не погружившихся в апатию и уныние. Его задача — спасти армию от уничтожения.

Прорыв через большевистское кольцо происходит около станции Медведовской глубокой ночью. Генерал Марков, с конными разведчиками, захватывает железнодорожную будку на переезде, допрашивает перепуганного стрелочника и узнает от него, что на ближайшей станции стоит советский бронепоезд. Генерал решается на смелый шаг: он телефонирует на станцию Медведовка и кричит в трубку: «Товарищи! Высылайте немедленно бронепоезд... Кадеты идут!» Первое орудие Юнкерской батареи снимается с передка в нескольких шагах от железнодорожной насыпи, недалеко от будки стрелочника, тут же окапывается и батарейный пулемет. Генерал у переезда перегоняет нескончаемый обоз. Обоз не успевает перейти... Вдали ясно показывается светящаяся точка — фары быстро идущего бронепоезда, уже слышен его шум. Редкая цепь стрелков Офицерского полка отходит от насыпи. Генерал Марков уже на будке. Поезд тормозит с лязгом буферов, слышно шипение паровозного пара... «Стойте поезд!» — кричит генерал Марков. «Товарищи! А где же кадеты!» — кричат с паровоза. В эту минуту орудие Юнкерской батареи, нацеленное капитаном Шперлингом, в упор бьет в паровоз. Грохот взрыва, облако пара, закрывшее лунный свет. Не прошло и нескольких секунд, как грянула картечь с бронепоезда. Первый ее снаряд просвистел над орудием, но второй снаряд пуль выбил всю команду нашего батарейного пулемета: трое юношей-кадет полегли, разорванные пулями. Генерал Марков командовал: «Вперед! В атаку!» И сам кинулся, с гранатой в руке, к броневой площадке.

Картечь и пулеметы бронепоезда брали высоко. Офицерская рота, залегшая у полотна, оказалась в мертвом пространстве. Генерал Марков, его разведчики и наш начальник 1-го орудия, капитан Шперлинг, сбивший первой же гранатой паровоз бронепоезда, были

героями этого боя. Капитан Шперлинг — михайловец выпуска 1914 года — начал выдвигаться еще до Кубанского похода, и скоро его имя, как лучшего артиллериста Добровольческой армии, покрылось славой. Замечательный стрелок, выдержанный и спокойный, он был действительно храбр в бою, никогда не ложился под пулями, никогда не кланялся низко пролетавшим снарядам. Незаметный, скромный, молчаливый, он преображался в бою, влияя своим спокойствием и бесстрашием на подчиненных.

Растерявшиеся большевики выскакивали из вагонов и платформ длинного поезда на рельсы и тут же были сражены в упор. Через четверть часа все было кончено. Бронепоезд с разбитым гранатой паровозом был наш... Разведчики генерала Маркова и наши юнкера быстро разгружали снаряды из вагонов и грузили их на наши подводы. В этом коротком бою было спасено боевое дыхание армии.

После взятия красного бронепоезда на станции Медведовка настроение сразу же улучшилось. Как будто не было кровавого екатеринодарского боя, усталости, сознания безнадежности. Окрыленная, пополненная снарядами и патронами армия быстро двигалась на север. С Дона шли радостные вести о восстании казаков, пришел казачий разъезд — казаки звали нас на помощь. Это была «благая весть»... Весна была в полном разгаре, когда мы решительно повернули к Дону и перешли границу Ставропольской губернии в Лежанке.

Тут армия разделилась: 2-я бригада генерала Богаевского вместе со штабом и обозом раненых пошла на Дон в станицу Егорлыцкую. 1-я бригада генерала Маркова осталась в Лежанке с целью прикрыть Дон с юга. Тут нагнали нас красные и навалились на Лежанку с двух сторон. Тяжелые бои продолжались три дня, 2—4 мая, от рассвета до заката, — ночью красные отходили. Артиллерия красных громила Лежанку и расположение перед ней. Цепи красных, одна за другой, под прикрытием нескольких батарей, шли в атаку, но залегали или бежали назад, встреченные редким, но выдержанным огнем кубанских пластунов и офицерской роты.

Наши орудия стреляли мало, экономя снаряды, и лишь по интересным целям: броневому автомобилю, приблизившейся пулеметной тачанке, группе всадников... Вокруг наших пушек вся земля была вспахана гранатами, и, если бы не распоряжение поручика Боголюбского: «Отойти всем от орудий!» — за исключением дежурных, засевших в глубоких окопчиках, — многие из юнкеров, несомненно, остались бы спать вечным сном на сельском кладбище Лежанки.

Красные окружили нас со всех сторон, но сломить в те дни бригаду генерала Маркова было трудно. К вечеру Черкесский конный полк,

укрывае́мый весь день в резерве, подобрался с фланга и совершенно неожиданно атаковал советские цепи. Реяли зеленые флаги с полумесяцем, блестили клинки в лучах заходящего солнца. Какие красные части того времени могли выдержать конную атаку черкесов генерала Келеч-Гирея⁴²³? Атаку в столбах степной пыли, сопровождаемую победным гортанным кликом, подобным клекоту горных орлов! Этой ночью мы смогли отдохнуть от грохота гранат, от напряжения непрерывного боя. Наутро, с подходом новых большевистских частей, снова загрохотала большевистская артиллерия по Лежанке...

Бригада генерала Маркова устояла. Большевики ушли на четвертый день боя, потеряв сотни сраженных пулями и порубленных черкесами. Много было и раненых. Их дух был сломлен. Выполнив задачу, бригада генерала Маркова двинулась к Дону в станицу Егорлыцкую, где ее ждал отдых после трудных дней и ночей Ледяного Кубанского похода...

Когда не стало генерала Корнилова, генерал Марков стал особенно близок нашему командиру полковнику Миончинскому, так как чувствовал в нем родственную душу: героя, рыцаря и солдата. Генерал Марков был подлинный вождь и не только солдат, но и пламенный, блестящий оратор.

Вот подлетает он на параде в Лежанке к строю нашей батареи и, осадив свою кобылу, начинает речь: «...Под грохот ваших пушек мы шли вперед...» Реет его черный ротный значок и под высокой белой папахой, всем знакомой по походу, горят его глаза. «..Мы пойдем на Москву...» Да, конечно, мы — юнкера, константиновцы и михайловцы, первыми пойдем на Москву, мы — офицеры корниловского производства, мы — участники Кубанского похода, закаленные в боях Дона и Кубани, мы пойдем на север, и нас ничто не остановит...

По распоряжению генерала Алексева, после нашего прихода на Дон был издан приказ по армии. В частности, в нем стояло, что каждый может оставить ряды армии, ибо армия — добровольческая.

Многие, у кого были семьи в оккупированных немцами областях, или по иным соображениям, подали рапорта о выходе из армии. Тогда генерал Марков собрал всех офицеров в станичном правлении и над грудой лежащих на столе рапортов о выходе из армии произнес речь. Когда он кончил, почти все офицеры, подавшие рапорта, поднялись с мест, подошли к столу и взяли свои рапорта обратно.

Победа и весть об освобождении Дона от красных подняли общее настроение. Снова слышались песни и шутки.

НОВО-ДМИТРИЕВКА⁴²⁵

После тяжелых боев у Филипповских хуторов и трудных переходов наша 1-я отдельная батарея стала на ночлег в ауле Шенджий. Отведенная нам бедная сакля с трудом вмещала состав батареи, и от тесноты спать было невозможно.

Еще перед рассветом нас, номеров, вызвали помогать выучить лотки со снарядами на строевых лошадях для облегчения передков и зарядных ящичков. Предстоял трудный переход по заполненной водой равнине. На дворе — острый ветер и мелкий холодный дождь. Выступили еще в темноте. Идем по сплошной воде и размокшей грязи. Изредка раздаются отчаянные крики ездовых: «Номера на колеса!» Надо помогать лошадям вытащить попавшее в покрытую водой рытвину колесо ящичка или орудия. Быстро промокли до нитки и перемазались с головы до ног. Становится все холодней и трудней идти против ветра.

Непрерывные переходы и бои и связанные с ними недостаточный уход и кормежка лошадей сказываются. Запряжки орудий идут еще бодро, но ящички, где лошади послабее, сдают. Начинают выпрягать более слабых лошадей и дают их номерам — вести на поводу. Впрягают заводных и строевых.

Веду и я одно из выбившихся из сил животных. Часто конь отстает, и мне все труднее заставить его двигаться. Все больше отстаю от колонны. На ногах у меня сапоги с кожаными грубыми головками и брезентовыми голенищами. На правом сапоге брезент оторвался от кожи, и верх кожаного задника, скоробившись, буквально резал ногу. Носок в крови, и каждый шаг — мучение. Наконец, в отчаянии, снимаю и выбрасываю сапог. Боль утихает, но нога мерзнет.

После долгих напрасных усилий я оставил бедное животное. Поднялась метель, и давно уже никто не перегонял меня. Медленно брел я по затопленным просекам и полянам, ориентируясь по брошенным повозкам и павшим лошадям.

Нога все больше коченела. Господи, думаю, хотя бы тряпку найти на ногу! Вдруг вижу в стороне от дороги занесенную снегом полевую двуколку. Пробираюсь по воде к ней и думаю: «Дай Боже, чтобы в ней была обувь!» Взобрался на двуколку и вижу ботинок. Мелькнула мысль — только бы на правую ногу! Не верю глазам — новый, крепкий ботинок — на правую ногу. Перевязываю рану носовым платком

и надеваю ботинок. Как раз впору! «Слава Тебе, Господи!» Больше в двуколке ничего не было.

Ветер становился все крепче. Шинель превратилась в ледяной панцирь. Выйдя из леса, увидел толпу людей у овечьего загона. Оказалось — отставшие от колонны наши номера и пеший взвод. Рассказывают, что станица близка, но перед нею разлившаяся горная река и конные перевозят пеших. Передохнув за плетеным загонном, я направился к реке.

Там энергично распорядился генерал Марков и наш командир подполковник Миончинский. Конные искали брод для второго орудия. По направлению, указанному конными, с разгона, рысью спустилось в реку наше орудие. Среди облака брызг наша лихая запряжка вынесла орудие на другой берег.

Нас — счастливых и гордых номеров — перевезли вне очереди конные. Помню, как потешались конные, когда я в своем ледяном «кринолине» с трудом поднимался на лошадь. Орудие, покрытое ледяной корой, шло за нами.

Впереди начался оживленный ружейный огонь, и пули засвистели над нами. Команда: «Стой! С передков!» Почти в темноте навели орудие на окраину станицы. Перед нами — две яркие вспышки и резкие звуки орудийных выстрелов. Гранатами красные били по переправе. Одна из них ударила по костру и ранила несколько человек. По звуку ясно, что дистанция минимальная.

— Прямой наводкой по орудийным вспышкам, гранатой, прицел 151... Огонь!

Вслед за выстрелом — разрыв нашей гранаты.

Здесь произошло нечто исключительное. Наше орудие образца 1902 года после отката не накатилось обратно, то есть тело орудия осталось под лафетом, и мы не могли продолжать огонь. То был единственный орудийный выстрел нашей армии в этом бою.

Пехота вошла в станицу и выбивала красных из домов. Красная батарея больше не стреляла и была брошена. Наш первый взвод и пулеметчики отправились греться в стоявшую на окраине хату. Отправился и я, но, когда я забрался в набитое людьми помещение, началась жаркая стрельба, и я решил вернуться к орудию. По дороге свистели пули.

В темноте я увидел нашего доблестного командира пулеметной команды Гагемана. После ранения в Чернецовском походе он ходил хромым. Я подошел к нему и, взяв его под локоть, сказал:

— Разрешите мне помочь вам идти.

На что он ответил:

— Да вы, голубчик, сами еле двигаетесь.

Мы пошли рядом и подходили к батарее под уже редким огнем, когда раздался звук шлепнувшей о что-то пули. Поручик, не сгибаясь, навзничь упал. Пуля попала ему в висок. Через несколько минут он умер.

Наше орудие вышло на площадь. Нам отвели хаты, и, распрягнув лошадей, мы завалились спать.

На другой день наши ездовые ездили за реку помогать перевезти первое орудие и ящики. Мы же чистили и приводили в порядок наше орудие. Потеплело, и орудие само накатилось, как должно.

И. Лисенко

НАШИ СЕСТРЫ⁴²⁶

1-я генерала Маркова батарея понесла тяжелые потери за три года борьбы против красных. Пали в боях командир полковник Миончинский, весь выдающийся первоначальный командный состав и большинство рядовых чинов. Оставшиеся почти все были переранены, многие по несколько раз. Были убиты и две сестры милосердия и дважды ранена третья. О них я и хочу вспомнить.

При соединении 4-й и 1-й батарей в Ново-Дмитриевской вместе с остальным составом к нам попала и сестра милосердия, уроженка Донской области, Ольга Ивановна Бошкова. Скромная и деловитая, она завоевала общую симпатию и уважение за свое недолгое пребывание в батарее.

Помню один из переходов после отхода от Екатеринодара. Я дошел, придерживаясь за щит орудия, а рядом шла Ольга Ивановна со своей полевой сумкой. Меня поразило выражение глубокой печали на ее лице, и я невольно спросил: «Отчего вы так грустны? Слава Богу, мы вышли из окружения и идем к вам на Дон». Она ответила, что вспомнила своего жениха, оставшегося на германском фронте, и родных и чувствует, даже знает, что никогда их больше не увидит. Я был смущен уверенностью ее слов и пытался сказать ей что-то в утешение. Но она молчала.

Через несколько дней, при переходе железной дороги у Горькой Балки, батарея попала под орудийный и пулеметный огонь бронепоезда. Быстро снялись с передков и прямой наводкой отогнали красных. В нескольких шагах от орудий низким разрывом шрапнели была убита Ольга Ивановна.

Елена Ильченко, известная под другим именем на юге артистка, поступила в батарею во втором походе. Поразительно красивая, она

держала себя с большим чувством собственного достоинства и полным бесстрашием. Невольно все мы подтягивались во всех отношениях в ее присутствии. Она была убита под Армавиром, когда погибло наше 3-е орудие, сопровождавшее Сводно-Гвардейский полк.

После боя под Ростовом в 1917 году наша батарея вернулась в Новочеркасск и расположилась в Платовской мужской гимназии. Заботу о нашем питании взяла на себя заведующая бывшим до нас в гимназии лазаретом. Ей помогала сестра милосердия, казачка станицы Кумшацкой, Домна Ивановна Сулацкая. В начале января 1918 года взвод батареи был отправлен в отряд Чернецова, защищавшего Донскую область севернее Новочеркаска. К взводу присоединилась и Домна Ивановна. Позднее она нам говорила, что ей было бесконечно жалко нас, таких молодых и одиноких на Дону, идущих защищать Новочеркасск, в то время как офицеры и казаки расходились по домам. Небольшого роста, крепкая, ловкая и хозяйственная, она казалась мне воплощением лучших черт казачества. Скоро стала она для нас не только образцовой и бесстрашной сестрой милосердия, но и как бы старшей сестрой всех нас — 18-летних юношей. Она была старше нас года на три и держала себя соответственно — по-домашнему просто, деловито и серьезно.

Нельзя представить себе 1-ю генерала Маркова батарею без полковника Миончинского, капитана Шперлинга и Домны Ивановны.

Бои 1-го Кубанского похода вспоминаются мне монотонными переходами, прерывающимися появлением у орудия командира батареи или самого генерала Маркова и командой: «Номера на передки садись! Орудия рысью марш!» Наскоро вскочивши кто на передок, кто на лафет или зарядный ящик, мы обгоняем колонну и идем вперед к цепям прогонять бронепоезда или сбивать пулеметы. Ясно помню, как под Выселками мы под обстрелом неслись вперед сбить пулеметы противника у мельницы. Едва успевши вскочить на переходящий на рысь зарядный ящик, я увидел ловко на ходу прыгнувшую и примостившуюся на стреле ящика (окованный железом деревянный брус, соединяющий ящик с передком) Домну Ивановну. На мое удивленное замечание: «Куда вы, Домна Ивановна, ведь только одно наше орудие идет в цепи», — она спокойно возразила: «Вот потому-то мне и надо быть с вашим орудием; не дай Бог, кого-либо пуля зацепит!» И так всегда Домна Ивановна находила, где ей «надо быть». Господь хранил ее, и она отделалась только двумя ранениями.

В тяжелом и неудачном бою под Шишкином в декабре 1918 года, где был убит у орудия полковник Миончинский, Домна Ивановна под пулями переходила от орудия к орудию и наливала из фляжки каж-

дому поочередно стопочку разбавленного спирта, а на закуску давала по ломтику хлеба с куском сала. Кухни в этот день мы не видели и ночью вышли, ничего не евши.

Вспоминаю конец марта 1919 года в Донецком бассейне. Наше орудие еще до рассвета заняло позицию в стороне от железной дороги, ожидая «Черномор» — красный бронепоезд с командой из матросов, причинявший нам большие неприятности.

Недалеко у железной дороги — полуразрушенная гранатой будка путевого сторожа. Холодно, острый ветер и мелкий частый дождик, постепенно проникающий струйкой за воротник шинели; влага пропитывает обувь, одежду и папаху. Прибывши за несколько дней до этого из госпиталя после сыпного тифа, я был еще очень слаб и в каком-то пассивном состоянии лег на мокрую землю возле колеса стоящего на позиции орудия и задремал с мыслью: «Хоть бы «Черномор» скорее появился, чтобы согреться и избавиться от противной мелкой дрожи»... Вдруг чувствую, что кто-то трясет меня за плечи, и слышу настойчивый голос Домны Ивановны:

— Прапорщик Лисенко, идите скорее чай пить, командир взвода разрешил по очереди пройти закусить.

Действительно, подошел прапорщик М., сменивший меня у орудия. Вместе с Домной Ивановной я прошел к разбитой покинутой будке.

Оказывается, наша сестра заставила ездовых закрыть от ветра и дождя деревянными щитами разбитые окна и стену будки и вскипятила воду в котле уцелевшей печки. По очереди Домна Ивановна поила нас всех чаем, прибавляя «для дезинфекции» немножко спирту, и угощала ломтем хлеба с неизменным салом. Где и как она все это доставала, никто из нас не спрашивал. Промокшие и голодные люди веселели, согретые заботой нашей сестры милосердия — казачки.

Много можно вспомнить таких эпизодов боевых будней, когда Домна Ивановна, исполняя свой прямой долг — перевязки раненых и лечения вольных, — находила еще время и силы своей заботой скрашивать тяжелую жизнь строевого состава.

После первого похода часть наших казаков перешла в казачьи части, но Домна Ивановна осталась с нами — марковцами.

* * *

В Галлиполи в наш дивизион были зачислены офицеры разных расформированных артиллерийских частей. Среди них был и кадровый офицер, командовавший батареей на германском фронте, капитан

Я. Нам он казался пожилым, так как ему было уже за тридцать. Тактичный и добрый, он быстро завоевал общее уважение и симпатии. По прибытии в Болгарию, где не сразу наладилась наша жизнь, его единогласно выбрали заведовать артельным хозяйством. Несмотря на прогрессирующее уменьшение отпуска сумм на довольствие, он прекрасно поставил питание дивизиона. Завел целое хозяйство — огород и свиней, — чтобы улучшить довольствие; по ночам он уезжал в горы, в далекие села, дабы рано утром попасть на базар и к жителям и достать свежие и дешевые продукты. Все мы ценили его энергию, настойчивость и удивлялись положительным результатам.

В 1923 году я покинул Болгарию и уже в Чехословакии узнал, что Домна Ивановна вышла замуж за капитана Я. Мои друзья перед Второй мировой войной ездили в Болгарию и встречали чету Я. и их подрастающую дочь.

Трогательно отзывалась Домна Ивановна о всех нас, живущих и ушедших в мир иной, и говорила, что все мы были для нее как «родные дети». Пусть мои далеко не полные и краткие записки будут моей данью благодарности этой исключительно скромной и героической русской женщине.

*Д. Свидерский*⁴²⁷

ВЫСШАЯ НАША НАГРАДА⁴²⁸

И вспомнила седая голова: мы уходили из холодного и почти враждебного нам, добровольцам, города Ростова, последнего кусочка родной земли, где еще развевалось наше трехцветное знамя, где была еще Россия!..

Наша 3-я батарея полковника Ерогина, почти исключительно составленная из безусой молодежи, была в вагонах и на платформах на железной дороге и, приданная генералу Маркову, держала фронт против Батайска.

После приказа уходить, разгружаясь с нашего поезда почти уже в темноте на станции Заречная и снимая наши две пушки с платформ (наш «бронепоезд», который мы как-то состряпали почти из ничего), мы уже слышали страшную стрельбу в самом городе: туда вламывалась, уничтожая всех и все на пути, «красная Свобода»!.. Сатана там правил бал!..

Уже в строю мы покидали станцию Заречную, и нам уже стреляли в спину!.. Мы — Добровольческая армия: два Верховных Главно-

командующих Вооруженными Силами России, 33 боевых и опытных генерала, известных еще по Великой войне, около 700 штаб-офицеров, около 3000 обер-офицеров, юнкеров, кадет, вольноопределяющихся (и это — из многомиллионной Российской Императорской армии и даже из почти переполненного офицерством города Ростова!), 127 сестер милосердия, 21 врач, 25 фельдшеров и санитаров и, наконец, студенты, учащиеся, девушки-добровольцы и добровольцы, почти дети, умолявшие нас записать и их в нашу армию: «Дяденьки, примите и меня с вами, ей-богу, мне скоро будет 15 лет». И это — тоже из большого города, где было сотни тысяч населения и много, много способных взяться за оружие! И вся армия наша — всего-навсего менее четырех тысяч!

Но нас вел генерал Корнилов, и мы пошли, ушли в полную неизвестность!.. По завету генерала Алексеева мы пошли зачесть где-то Светоч Божьей Правды и человеческой совести, среди красной и кровавой тьмы, уже захлестнувшей нашу Родину Россию...

Наш первый бой — большое село Лежанка, где 39-я Кавказская дивизия, ставшая уже красной, и почти все население села (иногородние) встретили нас жутким огнем и упорным сопротивлением.

Но сам Корнилов был со своими доблестными корниловцами, овеянными доблестью и славой еще в Великую войну, среди нас — молодой армии, — и блестящей стремительной атакой на село красные были сбиты и в панике бежали; нам досталось село и множество убитых в нем.

После Лежанки армия поверила в себя! Мы узнали свою силу, уже никто и ничто не страшило нас, невозможного уже не стало для нас. Бодро и с песнями армия зашагала в окружающую нас со всех сторон нашу почти бескрайнюю кубанскую неизвестность. Бои и походы, походы и бои... потери были в памяти дни, недели и месяцы! Казалось, остановилось само время!..

Как всегда, перед каждым походом, армия выстраивалась в походную колонну, каждая часть на свое назначенное место. И почти всегда наши три батареи назначались в затылок Корниловскому полку, к нашим корниловцам, как называли и очень радовались мы — батарея. Ждали нашего Корнилова!

Генерал Корнилов со своим штабом, проезжая части, почти всегда здоровался с Корниловским полком или другими частями. И мне хорошо запомнился следующий эпизод: в Корниловском полку было немало людей с очень хорошими, даже профессиональными голосами. Почти всегда перед походом полк пел что-либо из наших хороших, уже сложенных в добровольчестве песен. И вот, в ожидании

проезда Корнилова и похода, наши славные корниловцы и заливались чудными соловьями о «Вещем Олеге» (уже переделанном), и чуть они кончили один из куплетов, как к ним подъехал Корнилов.

— Здравствуйте, мои доблестные корниловцы! — поздоровался он с ними.

И вдруг... вместо положенного ответа, к общему изумлению всех нас, слушателей, ему раздалось в ответ:

— Так за Корнилова, за честь, за славу мы грянем громкое «Ура!».

Корнилов выждал паузу и снова поздоровался с ними, а ему снова в ответ, и еще громче:

— Так за Корнилова, за честь, за славу мы грянем громкое «Ура!».

Только усмехнулся наш Корнилов! Редко, редко можно было видеть улыбку на его особенном лице, уже с первого же взгляда запоминаемом на всю жизнь! Обернулся он к своему штабу и говорит:

— Вот видите, они у меня и в бою такие! — повернул коня и поехал дальше.

На нашем пути была небольшая станица Березанка. Подходим к ней, а станица встретила нас огнем (помнится, это в первый раз, что казаки встречали нас огнем!). Даже не останавливаясь, перестраиваясь на ходу, корниловцы и передовые части ринулись вперед. Наша батарея не успела сделать и одного выстрела, как станица была уже взята! «Конечно, если корниловцы попрут, то и боя нет никакого!» — ворчали наши старики.

Среди пленных оказалось человек 15 молодых парней — казаков этой станицы. Все наши части расположились на дневку (помнится мне), очень редкую в наших походах. И вот в таких случаях, на дневках, наше, батарейцев, дело совсем плачевное. Мы — самые «разнесчастные»! Еще хуже нас бывает только нашим врачам, санитарам и бедным сестрам!

Всегда завидно было всем пехотинцам и конникам, но «по-пешему»: чуть подавалась им команда: по квартирам! — все вламывались в отведенные им хаты, винтовки ставились в углы, все уже брались за ложки и принимались с волчьим аппетитом за вкусный борщ и вареники. А когда в мисках не оставалось уже ничего, то заваливались спать, досыпать недоспанное.

Мы же, пушкари, да еще ездовые, только начинаем нашу «муку»: сперва строим парк, распрягаем, разамуничиваем коней (у меня было два таких «паровоза», к которым и подойти было страшно, но... любили мы друг друга очень!), отводим их на место, поим, кормим, приводим их в порядок, приводим в порядок амуницию, седла и прочее, и только тогда уже имеем право братья за ложку и мечтать о

сне! И только, бывало не раз, выбираешь уже себе местечко, где слаще будет спать, как... где-то уже запела несносная труба нашей кавалерии в поход: «Всадники-друзи, в поход собирайтесь!» Это значит, что наши передовые части уже выступают в поход, а всем остальным, и нам грешным, — невеселая команда: «Заамуничивай, запрягай!» Прощай сладкие сновидения!

Так с нами было и в Березанке. Только что мы все успели справиться с нашим конячим делом и только что уже уселись за стол, на котором уже стояли обильные вареники со сметаной, поднесли ложки ко рту, как... появляется капитан Смогоржевский⁴²⁹ (вечная и славная память ему, исключительно доблестному офицеру нашей батареи, рыцарю без страха и упрека, убитому ружейной шальной пулей прямо в сердце, уже после боя под Нижним Рогачиком!) с неожиданным приказом: «1-му и 2-му орудиям заамуничивать и запрягать!» — «Как? Почему?! Куда?! А вареники?!» На это — никакого ответа.

Ну, как всегда, сборы были недолгие. Выехали. Приехали на большую площадь станицы, становимся на позицию слева от церкви и против станичного правления, шагах в 300 от него. Команда: «С передков! К бою!» Ничего не понимая, приготовились к стрельбе по... станичному правлению! Мы, человек 10—20 артиллеристов, стоим кучей и только руками разводим! И никто из нас даже не заметил, как среди нас появился генерал Корнилов!

— Здравствуйте, мои батарейцы! — поздоровался он с нами.

От такого, впервые, его обращения к нам мы с особой радостью и во все глотки «рявкнули» ему в ответ.

— Ну вот, здесь казаки станицы встретили меня огнем, — говорит он. — Я приказал станице к 12 часам выдать все оружие, или же я прикажу вашими пушками разнести им станичное правление! — Повернулся и пошел туда.

У станичного же правления была уже большая толпа казаков; старики были в полной своей форме, с крестами и медалями. А в стороне уже лежала большая куча сложенного оружия. Увидев подходившего к правлению Корнилова, казаки стали строем, с атаманом впереди. Остановившись на расстоянии перед строем, Корнилов громким голосом сказал:

— Здраваться с вами не буду!

Но должно быть, от понятного обалдения, казаки нестройно ответили ему:

— Здравия желаем, ваше высокопревосходительство!

Перекрыв их своим голосом, Корнилов говорит:

— Не хочу с вами здороваться! Я сам — казак и напрасно не буду проливать казачью кровь. Я вам пушу ее из другого места! Полковник... (имя его уже выскочило из моей памяти) распоряжайтесь! — Повернулся от них и ушел.

Что же будет дальше? От любопытства мы (несколько человек), конечно, залезли уже в первые ряды. Вот вынесли из правления скамейку, вынесли и разложили на одеяле десятка два хороших казачьих плетей и вывели первого пленника, парня лет двадцати. Коротко сказано было ему: «Снимай штаны, ложись!» В это время подходит к полковнику старик казак с тремя нашивками на погонах и во всю грудь с медалями и крестами:

— Ваше высокоблагородие, дозвоьте мне поучить маленько вот этого!

Полковник разрешил. Старик долго выбирал на руке плеть. Выбрал, должно быть, неплохую и подошел к лежащему уже на скамейке парню:

— Ну, дорогой сыночек, не доучил тебя раньше, доучу теперь, как настоящим казаком быть!

И если бы старика не оттащили уже силой, то он мог бы запороть своего сына на смерть!

Вывели второго парня, не старше первого. К полковнику подходит второй старик:

— Дозвольте и мне!

Так казаки-отцы «доучивали» своих сыновей.

Но на такое «зрелище» стало даже больно (за парней) смотреть, мы вернулись восвояси доканчивать наши вареники. К ночи наша армия опять отмахивала версты и версты по нашей неизвестности...

А на душе у каждого из нас — пушкарей 3-й батареи — сияла большая радость: сегодня Корнилов назвал нас своими батарейцами!

Станицы за станицами... железнодорожные узлы... переходы через реки... бои и бои — спереди, сзади, чуть ли не со всех сторон! Проща даже и ледяная Ново-Дмитриевка, где генерал Марков, первым бросившийся в стремительные воды реки на штурм, смог только сказать:

— Очень сыровато, господа офицеры! За мной!

И подошли, наконец, к роковому для нас городу Екатеринодару и с трех сторон обложили его.

В первый же день боя за город корниловцы рассказали нам такой характерный случай с Корниловым: под жутким обстрелом красных Корнилов пришел со своим штабом и с полковником Неженцевым чуть ли не в передовую линию и, найдя какую-то сопку, влез

туда с Неженцевым, а штаб погнался за сопку, в прикрытие. В это время, перебежками от огня, на сопку вбежал капитан-корниловец с донесением и доложил свое донесение. Корнилов поблагодарил, похлопал капитана по плечу и сказал ему:

— А теперь, голубчик, спускайтесь к штабу, спрячьтесь. Тут уж больно стреляют! Опасно здесь!

Густая краска залила лицо капитана, и он выпалил генералу Корнилову в глаза:

— Ваше высокопревосходительство, если моему Верховному Главнокомандующему и моему шефу не опасно здесь, то его капитану тоже не опасно! — и демонстративно стал даже впереди Корнилова.

Корнилов покачал головой, взял капитана под руку со словами:

— Ну, тогда пойдем все вместе вниз!

И все спустились за сопку в прикрытие. При моем личном знакомстве с этим капитаном уже во Втором походе, в Харькове, капитан мне точно подтвердил это.

Бои за Екатеринодар становились ожесточеннее (обещанного Корнилову восстания офицеров в городе так и не было, и кончались наши снаряды и патроны!). Мы все ожидали приказа об общем штурме города

И вдруг пошло по частям: среди своих корниловцев убит доблестный основатель и командир Корниловского полка, полковник Неженцев! Замерли корниловцы осиротевшие, но... не сломались, дрались еще упорней! А на другой день всю нашу армию как громом поразила страшная весть: роковой гранатой сразило нашего вождя, генерала Корнилова!

Невозможно передать человеческими словами, что стало со всеми нами! Отлетела от нас наша душа, пропала наша сила, потухли наше горение и порыв, угас наш Светоч, за которым и повел нас всех наш единственный из всех — генерал Лавр Георгиевич Корнилов!..

С наступлением темноты уже новый Главнокомандующий, генерал Деникин, увел армию из-под Екатеринодара. Впервые наша армия отступила! С Корниловым во главе мы шли только вперед, шли во весь рост, не боясь никого и ничего; мы не спрашивали никогда: сколько красных? Спрашивали только: где они?

Не стало нашей души, не стало нашего вождя, и мы повернули назад! И только под станицей Медведовской генерал Марков личным беспримерным подвигом (уничтожением красного бронепоезда, добычей нам множества снарядов и патронов и, самое важное, полным уничтожением сильного красного заслона на нашем пути) сумел снова влить в наши опустошенные души и сердца прежнюю смелость и

прежнюю веру в свои несломленные силы. Благодаря только ему армия снова обрела себя!

Но уже во Втором походе также роковым образом и трагично погиб на своем посту и доблестный генерал Марков!.. Так ушли от нас генерал Корнилов, генерал Марков, полковник Неженцев, ушли славнейшие из славных, и не стало больше в армии души и духа нашего Ледяного похода.

Во Втором походе, когда от прихода пополнения в армию Корниловский полк превратился в Корниловскую дивизию, наша 3-я батарея полковника Ерогина приказом генерала Деникина (номер приказа и дату я уже не помню) по Добровольческой армии была переименована в 1-ю генерала Корнилова батарею, из которой получился Корниловский артиллерийский дивизион, а потом и Корниловская артиллерийская бригада.

Самой высшей, самой лучшей и самой гордой наградой для нас было получение имени этого великого человека нашего времени, имени нашего вождя генерала Корнилова на наши погоны. И мы — пушкарки — вошли в семью доблестных корниловцев! С этим священным для нас именем в душе и на погонах корниловцы прошли вместе еще долгий и доблестный путь, через трагедию Новороссийска, всю Таврию с генералом Врангелем, с исторического Перекопа вырвались в город Александровск, за Днепр в Никополь, на своих плечах держали полчища красных вплоть до самого Севастополя и .. с оружием в руках, несломленными, ушли на российских кораблях на чужбину!.. Ушли с доблестью и честью!

В эмиграции, рассеявшись чуть ли не по всем странам мира, корниловцы сменили свое привычное оружие на правдивое и свободное слово и печать, и наша непримиримая борьба против красного дьявола продолжается. 50 уже лет Сатана «царствует» над нашей несчастной Родиной Россией, но наш Светоч там, зажженный нашими генералами Корниловым и Алексеевым и их кучкой первых добровольцев, *горит*, горит больше и больше, и будет день, когда он разгорится в пламя, на котором и сгорит проклятый большевизм! Мало уже осталось на свете корниловцев, уйдем и мы все, последние, за своим вождем, и только в новой, снова, России, в правдивой истории нашей родной земли корниловцы снова появятся, и снова со своим величайшим человеком нашего времени — легендарным генералом — Лавром Георгиевичем Корниловым!

КОММЕНТАРИИ

¹ **Деникин Антон Иванович**, р. 4 декабря 1872 в д.Шпеталь Дольный Варшавской губ. Сын майора. Окончил Ловичское реальное училище (1890), Киевское пехотное юнкерское училище (1892), академию Генштаба (1899). Генерал-лейтенант, главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта, с 29 августа 1917 г. под арестом в Быхове. После освобождения 19 ноября 1917 г. участник организации Добровольческой армии, в начале января 1918 г. командующий войсками Добровольческой армии, с 30 января 1918 г. начальник 1-й Добровольческой дивизии. В 1-м Кубанском походе — заместитель генерала Л.Г. Корнилова, которого 31 марта 1918 г. сменил на посту Главнокомандующего. 26 декабря 1918 г. — 22 марта 1920 г. Главнокомандующий ВСЮР. В эмиграции в апреле—августе 1920 г. в Англии, затем до мая 1922 г. в Бельгии, с июня 1922 г. в Венгрии, с весны 1926 г. во Франции (Париж, с мая 1940 г. дер. Мимизан), с 1945 г. в США. Умер 7 августа 1947 г. в Энн-Эрборе.

² Впервые опубликовано: А.И. Деникин. Очерки Русской Смуты. Париж, 1922. Т. 2. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. — апрель 1918 г. В настоящем издании публикуются главы, посвященные 1-му Кубанскому походу.

³ Имеется в виду сформированный в Ростове Студенческий батальон — одна из первых частей Добровольческой армии. Создан в Ростове по инициативе группы офицеров-ростовчан, бывших студентов, прежде всего поручика Дончикова, и пополнен добровольцами, записавшимися в ростовском Бюро записи добровольцев. Окончательно сформирован в составе двух рот 8 января 1918 г. Насчитывал 280 человек при 25 офицерах (после 1-го Кубанского похода из его состава осталось в живых 30—40 человек). При реорганизации армии в начале 1-го Кубанского похода 11—13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской вошел в состав Особого Юнкерского батальона. Командир — генерал-майор А.А. Боровский, помощник-полковник Назимов, командиры рот — полковник Зотов и капитан Сасионков.

⁴ **Боровский Александр Александрович**, р. в 1875 г. Из дворян. Окончил Псковский кадетский корпус, Павловское военное училище (1896), академию Генштаба (1903). Генерал-майор, командир бригады 2-й Сибирской стрелковой дивизии. В Добровольческой армии с ноября 1917 г., орга-

низатор и командир Студенческого батальона. С 12 февраля 1918 г. командир Юнкерского батальона, с марта 1918 г. командир Офицерского полка, с июня 1918 г. начальник 2-й дивизии, с 15 ноября 1918 г. командир 2-го армейского корпуса, с 24 декабря 1918 г. командир Крымско-Азовского корпуса, с 22 июля 1919 г. командующий войсками Закаспийской области, затем в резерве чинов при штабе Главного командующего, уволен с 29 октября 1919 г. Генерал-лейтенант (12 ноября 1918 г.). Весной 1920 г. покинул Крым. Умер в 1938 г.

⁵ Воспоминания А.П. Богаевского публикуются ниже.

⁶ **Романовский Иван Павлович**, р. в 1877 г. Из дворян, сын офицера. Окончил 2-й Московский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1897), академию Генштаба (1903). Генерал-майор, генерал-квартирмейстер при Верховном Главнокомандующем. В Добровольческой армии с декабря 1917 г., начальник строевого отдела штаба Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с февраля 1918 г. начальник штаба Добровольческой армии, 8 января 1919 г. — 24 марта 1920 г. начальник штаба Главного командующего ВСЮР. Генерал-лейтенант. В марте 1920 г. эвакуирован в Константинополь, где убит 5 апреля 1920 г.

⁷ **Алексеев Михаил Васильевич**, р. в 1857 г., сын солдата сверхсрочной службы. Окончил Тверскую гимназию, Московское пехотное юнкерское училище (1876), академию Генштаба (1890). Генерал от инфантерии. С 1 апреля 1917 г. Верховный Главнокомандующий, с 30 августа до 11 сентября 1917 г. начальник штаба при главкомверхе А.Ф. Керенском Основоположник Добровольческой армии; с декабря 1917 г. член триумвирата Донского гражданского совета, с 18 августа 1918 г. Верховный руководитель Добровольческой армии. Умер 25 сентября 1918 г. в Екатеринодаре.

⁸ Этот полк (1-й офицерский генерала Маркова полк, с апреля 1920 г. — 1-й генерала Маркова пехотный полк) стал родоначальником так называемых Марковских частей. Сформирован 12 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской при реорганизации Добровольческой армии в начале 1-го Кубанского похода из 1-го, 2-го и 3-го Офицерских батальонов, Ударного дивизиона Кавказской кавалерийской дивизии, части 3-й Киевской школы прапорщиков, Ростовской офицерской и Морской рот как Сводно-Офицерский полк. Первоначально состоял из 4 рот и команды связи и подрывников при 13 пулеметах. В середине марта 1918 г. в полк вторым батальоном влит Особый Юнкерский батальон (5-я и 6-я роты). С середины марта 1918 г. входил в состав 1-й бригады. Части, вошедшие в состав полка, практически полностью состоявшие из офицеров, начали 1-й Кубанский поход в составе около 1320 человек (в т. ч. Сводно-Офицерский полк около 800), под Екатеринодаром — 800, после штурма — 400 человек (по 40—100 в роте), на 13 апреля — до 600, в мае — около 500. Во время похода в полк было влито несколько сот кубанцев, и он перестал быть чисто офицерским. С начала июня 1918 г. получил наименование 1-й офицерский полк и вошел в состав 1-й пехотной дивизии. Переформирован в 9 рот (3 батальона), из которых 5-я состояла из учащейся молодежи, 6-я — из чинов гвардии, а 7-я, 8-я и 9-я были чисто офицерскими и более многочисленными

(по 200 человек против 150 в других). С 13 июня 1918 г. именовался 1-й офицерский генерала Маркова полк.

В августе 1918 г. из полка (ок. 800 человек) были выделены на формирование своих частей гвардейцы, гренадеры, моряки, поляки (в Польский отряд), офицеры для пластунских батальонов, 100 человек в особую роту при Ставке — всего до 400 человек. После пополнения насчитывал свыше 3000 человек. Переформирован в 3 батальона по 4 роты (по более 200 штыков, в т. ч. 7-я и 9-я чисто офицерские по 250 штыков). В конце октября, после боев у Армавира в полку было 1500 штыков (по 40—120 в роте), столько же — в середине ноября (роты по 100 штыков, офицерские — свыше 200), в конце месяца — 2000. В середине января 1919 г. в полку было до 800 штыков (по 50—80 в роте, в офицерских — по 150), в конце месяца — до 1500, в начале апреля — до 550 (по 10—35 в роте). В это время офицерские роты наполовину состояли из солдат. На 1 октября 1919 г. в полку было около 3000 человек, на 5 октября 1919 г. его боевой состав насчитывал 882 штыков при 20 пулеметах, в середине октября — около 1200 штыков. С 14 октября 1919 г. входил 1-м полком в состав Марковской (Офицерской генерала Маркова) дивизии. На 12 декабря 1919 г. имел 800 штыков и 60—100 сабель в конной сотне, в конце декабря осталось около 300 (в ротах по 4—6 человек). В середине марта 1920 г. в Крыму насчитывал около 450 штыков при 15 пулеметах (3 батальона по 3—4 роты), в начале октября в ротах было по 30—40 человек при 4—5 офицерах, в конце месяца, после отхода в Крым, полк насчитывал 400 штыков. Полк вынес на себе основную тяжесть боев, особенно в 1918 г., и провел через свои ряды десятки тысяч людей. Только одна из рот (7-я офицерская) за год существования к июню 1919 г. пропустила через свои ряды около 600 офицеров, 70 кубанских казаков и до 200 солдат. За это время она потеряла убитыми около 120 (20% потерь), ранеными по 2 и более раз — до 300, по 1 разу — около 160, пропавшими 5—6 офицеров, 30 остались полными инвалидами, и только один офицер ни разу не был ранен (22—23 офицера воевало в ней с первого дня). Потери полка часто были весьма значительными. Части, вошедшие в состав Марковского полка, практически полностью состоявшие из офицеров, еще до 1-го Кубанского похода потеряли около 600 человек (уже под Кизитеринкой погибло около 20 офицеров, а всего при взятии Ростова в конце ноября 1917 г. выбыло около 150, в т. ч. до 40 убитых). В 1-м Кубанском походе под Выселками и Кореновской марковцы потеряли до 200 человек при 45 убитых, под Екатеринодаром — около 350 (около 80 убитыми и до 50 пропавшими), то есть 50% состава, у ст. Медведовской — до 75 (15 убито), у Лежанки — 20 апреля — до 50 и 21-го — более 100 (15 убито), у Сосыки — около 100 человек, всего за поход — около 1175 человек (из которых около 300 убитыми и до 80 пропавшими). Во 2-м Кубанском походе 25 июня 1918 г. у Кагальницкой полк потерял 400 человек, в т. ч. около 80 убитых (по другим данным — 317, в т. ч. 31 убит), причем почти все потери пришлись на три чисто офицерские роты — 305 человек (около 65 убитых), 6 июля под Екатериновской — до 350 (в т. ч. 150 — офицерские роты), а всего за неделю — до 500. В боях под Армавиrom: 13 сентября — около 350,

14-го — до 250, 19-го — свыше 150 (из них 7-я офицерская рота до 100 при 24 убитых), 2 октября — свыше 200, 13-го — свыше 300, а всего до 2000. В начале ноября под Ставрополем — до 500, в зимних боях в Ставропольской губ. — 2200 человек За весь же 1918 г. (не считая потери до 1-го Кубанского похода) марковские части потеряли более 10 тысяч человек. В Донбассе с начала 1919 г. за четыре месяца боев до начала мая полк потерял еще до 2000. Тяжелые потери нес он и в дальнейшем. Для чинов полка в эмиграции был установлен нагрудный знак в виде черного мальтийского креста с белой узкой каймой, в центре — черный прямоугольник с пересекающимися по диагонали линиями, окруженный серебряным терновым венком; на концах креста даты: «12», «фев», «19», «18».

Командиры: генерал-лейтенант С.Л. Марков (12 февраля — середина марта 1918 г.), генерал-майор А.А. Боровский (середина марта — 20 апреля 1918 г.), полковник Н.Н. Дорошевич (20—21 апреля 1918 г.), полковник князь И.К. Хованский (21—27 апреля 1918 г.), полковник Н.С. Тимановский (27 апреля—октябрь 1918 г.), генерал-майор Н.Н. Ходаковский (октябрь 1918 г.), полковник Наркевич (врио, октябрь — 19 ноября 1918 г.), полковник В.И. Гейдеман (19—27 ноября 1918 г.), полковник А.Н. Сальников (27 ноября 1918 г. — март 1919 г.), полковник А.Н. Блейш (март 1919 г. — середина февраля 1920 г.), полковник Трусов (врио, март 1919 г.), полковник И.П. Докукин (врио, 14—21 ноября 1919 г.), полковник Д.А. Слоновский (врио, 21 ноября — 18 декабря 1919 г.), капитан (полковник) Д.А. Марченко (22 декабря 1919 г. — начало октября и с 21 октября 1920 г.), подполковник Г.А. Лебедев (октябрь 1920 г.; убит), капитан В. Коломацкий (врио, октябрь 1920 г.).

⁹ **Марков Сергей Леонидович**, р. в 1878 г. Из дворян. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1898), академию Генштаба (1904). Генерал-лейтенант, начальник штаба Юго-Западного фронта. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г., быховец. В Добровольческой армии с 24 декабря 1917 г., начальник штаба командующего войсками Добровольческой армии, с января 1918 г. начальник штаба 1-й Добровольческой дивизии, с 12 февраля 1918 г. командир Офицерского полка, с апреля 1918 г. командир 1-й отдельной пехотной бригады, с июня 1918 г. начальник 1-й пехотной дивизии. Убит 12 июня 1918 г. у ст. Шаблиевка

¹⁰ Имеются в виду следующие части:

1-й Офицерский батальон. Развернут 15 декабря 1917 г. в Новочеркасске из 1-й Офицерской роты, созданной в начале декабря из кадра расформированной Сводно-Офицерской роты как 5-я Офицерская рота (13 декабря переименована в 1-ю). 19 января 1918 г. после боя у ст. Гуково из 2-й роты батальона от 35 человек осталось 7. При реорганизации армии в начале 1-го Кубанского похода 11—13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской вошел в состав Сводно-Офицерского полка. Насчитывал 200 человек. Командир — подполковник Борисов.

2-й Офицерский батальон. Развернут в Ростове из переведенной из Новочеркасска 2-й Офицерской роты, созданной в начале декабря 1917 г. из

кадра расформированной Сводно-Офицерской роты. В конце декабря 1917 г. переведена в Ростов и пополнена добровольцами, записавшимися в Бюро записи добровольцев в Ростове. Часть его состава (2 роты) тогда же выделена в Отряд полковника Кутепова, а 29 января 1918 г. влита в 3-й Офицерский батальон. При реорганизации армии в начале 1-го Кубанского похода 11—13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской вошел в состав Сводно-Офицерского полка. Насчитывал около 240 человек. Командир — полк. Лаврентьев.

3-й Офицерский батальон. Сформирован в Ростове 29 января 1918 г. из офицерских рот, входивших в Отряд полковника Кутепова под Таганрогом (1-я и 2-я из 2-го Офицерского батальона и 3-й (Гвардейской)). При реорганизации армии в начале 1-го Кубанского похода 11—13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской вошел в состав Сводно-Офицерского полка. Насчитывал около 200 человек. Командир — полк. А.П.Кутепов.

¹¹ Имеется в виду Ударный дивизион Кавказской кавалерийской дивизии. Представлял собой регулярную часть, прибывшую в декабре 1917 г. в составе 80 человек с Кавказского фронта. В январе 1918 г. насчитывал около 120 человек. При реорганизации армии в начале 1-го Кубанского похода 11—13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской вошел в состав Сводно-Офицерского полка.

¹² Морская рота. Одна из первых частей Добровольческой армии, созданных в Новочеркасске. Сформирована в начале декабря 1917 г. из добровольцев флота в числе около 50 человек (преимущественно офицеров: среди 25 ее чинов, о ком сохранились сведения, 1 капитан 2-го ранга, 4 старших лейтенанта, 7 лейтенантов, 7 мичманов, 4 гардемарина и кадета). В конце декабря переведена в Ростов и пополнена добровольцами, записавшимися в Бюро записи добровольцев в Ростове. Насчитывала 70 человек. При реорганизации армии в начале 1-го Кубанского похода 11—13 февраля в ст. Ольгинской вошла в состав Сводно-Офицерского полка.

¹³ Юнкерский батальон — одна из первых частей Добровольческой армии, созданных в Новочеркасске. 15 ноября 1917 г. юнкера, кадеты и учащиеся были выделены из Сводно-Офицерской роты в Юнкерскую роту (штабс-капитан В.Д. Парфенов) и переведены в лазарет № 23 на Грушевскую ул. 1-й взвод состоял из юнкеров пехотных училищ (главным образом Павловского), 2-й — артиллерийских, 3-й — морских и 4-й — из кадет и учащихся. 19 ноября, по прибытии большой партии юнкеров-артиллеристов, 2-й взвод был развернут в отдельную часть — Сводную Михайловско-Константиновскую батарею, а сама рота развернулась в батальон (две юнкерские и «кадетская» роты). Во второй половине ноября насчитывал свыше 150 человек. В начале декабря сведен в двухротный состав («юнкерская» и «кадетская»). Ко времени выступления в 1-й Кубанский поход насчитывал 120 человек. При реорганизации армии в начале 1-го Кубанского похода 11—13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской вошел в состав Особого юнкерского батальона.

¹⁴ Корниловский ударный полк был создан приказом по 8-й армии (генерала А.Г. Корнилова) 19 мая 1917 г. из добровольцев как 1-й Ударный отряд, 1 августа преобразован в полк (4 батальона). В августе 1917 г. переименован в Славянский ударный полк и включен в состав Чехословацкого

корпуса. Принимал участие в октябрьских боях с большевиками в Киеве. После захвата власти большевиками чины полка группами пробрались в Добровольческую армию. Основной эшелон полка прибыл в Новочеркасск 19 декабря 1917 г., а к 1 января 1918 г. собралось 50 офицеров и до 500 солдат. На Таганрогском направлении сражалась сводная рота полка (128 штыков при 4 пулеметах), 30 января 1918 г. смененная офицерской ротой (120 человек). 11—13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской при реорганизации Добровольческой армии в начале 1-го Кубанского похода в полк были влиты Георгиевская рота и Офицерский отряд полковника Симановского. При выступлении насчитывал 1220 человек (в т. ч. 100 человек Георгиевской роты), треть его составляли офицеры. С середины марта 1918 г. входил в состав 2-й бригады, с начала июня 1918 г. — 2-й пехотной дивизии, с которой участвовал во 2-м Кубанском походе. С 16 января 1919 г. входил в состав 1-й пехотной дивизии. На 1 января 1919 г. насчитывал 1500 человек, в сентябре 1919 г. — 2900 при 120 пулеметах (3 батальона, офицерская рота, команда разведчиков и эскадрон связи). На 5 октября 1919 г. имел 945 штыков при 26 пулеметах. С 12 июля 1919 г. — 1-й Корниловский ударный полк; с формированием 14 октября 1919 г. Корниловской дивизии вошел в нее тем же номером. Полк нес большие потери. Оборона Ростова в феврале 1918 г. стоила полку 100 человек. Из 18 человек командного состава (до командиров рот), вышедших в 1-й Кубанский поход, за войну погибло 13. В начале штурма Екатеринодара полк имел 1000 штыков и пополнился во время боя 650 кубанцами, после штурма осталось 67 (потери 1583 человека). Всего за поход он потерял 2229 человек (теряя в отдельных боях от 6 до 60 человек, в двух наиболее крупных — под Кореновской и переходе через р. Белую — 150 и 200). За 2-й Кубанский поход полк трижды сменил состав, с начала его до 1 ноября 1918 г. он потерял 2693 человека. Летом 1919 г. на базе полка образована Корниловская ударная дивизия. Для чинов корниловских частей установлен серебряный штампованный жетон (копия голубой нарукавной нашивки, носившейся на левом рукаве у плеча) — формы гербового щита, в середине которого — череп со скрещенными костями, над ним — дуговая надпись «корниловцы», внизу — скрещенные мечи рукоятью вниз, между рукоятями — пылающая граната и ниже даты «1917 г. — 18». Нагрудный знак представлял собой черный равнобедренный крест с белой каймой, наложенный на серебряный терновый венец, под которым — серебряный с золотой рукоятью меч (слева снизу вверх, рукоятью вниз), в центре — голубой щит, подобный жетону, но мечи опущены вниз и дата отсутствует (все изображения — золоченые). После эвакуации Русской Армии из Крыма в Галлиполи в составе 1-го армейского корпуса из полков и конного дивизиона Корниловской дивизии был вновь сформирован Корниловский ударный полк, который после преобразования армии в РОВС до 30-х гг. представлял собой, несмотря на распыление его чинов по разным странам, кадрированную часть. Осенью 1925 г. насчитывал 1135 человек, в т. ч. 738 офицеров.

¹⁵ **Неженцев Митрофан Осипович**, р. в 1886 г. Сын коллежского асессора. Окончил Николаевскую гимназию, Александровское военное училище

(1908), академию Генштаба (1914). Подполковник, командир 1-го ударного (Корниловского) полка. Участник боев в Киеве в октябре 1917 г. 19 декабря 1917 г. привел в Новочеркасск остатки полка. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода во главе Корниловского полка. Полковник. Убит 30 марта 1918 г. под Екатеринодаром.

¹⁶ Имеется в виду Георгиевская рота. Одна из первых частей Добровольческой армии, созданных в Новочеркасске. Сформировалась с середины ноября 1917 г. из кадра бывшего Георгиевского полка (сформированного из Георгиевских кавалеров), насчитывая тогда 50—60 человек. С начала декабря при формировании 5 офицерских рот получила номер 1-й, с 13 декабря — снова Георгиевская. При реорганизации армии в начале 1-го Кубанского похода 11—13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской вошла в состав Корниловского ударного полка. Командир — полковник И.К. Кириенко.

¹⁷ Имеется в виду Офицерский отряд полковника Симановского — одна из первых частей Добровольческой армии. Сформирован в декабре 1917 г. в Ростове полковником В.А. Симановским из офицеров-добровольцев. Представлял собой батальон 4-ротного состава имени генерала Корнилова. В январе—феврале 1918 г. участвовал в боях при отходе Отряда полковника Кутепова от Таганрога к Ростову. При реорганизации армии в начале 1-го Кубанского похода 11—13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской вошел в состав Корниловского ударного полка.

¹⁸ **Симановский Василий Лаврович**, р. в Полтаве. Георгиевский кавалер. Полковник, командир 467-го пехотного полка. В Добровольческой армии в декабре 1917 г. командир офицерского отряда своего имени, затем 3-го офицерского батальона. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода — командир батальона Корниловского полка. Убит бандитами в г. Кобеляки в конце 1918 г.

¹⁹ Этот полк в дальнейшем был известен как Алексеевский полк (в сентябре—ноябре 1918 г. Партизанский пеший казачий полк, с 27 ноября 1918 г. — Партизанский генерала Алексева пехотный полк, с 10 октября 1919 г. 1-й Партизанский генерала Алексева пехотный полк, с апреля 1920 г. Партизанский генерала Алексева пехотный полк). Сформирован 11—13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской при реорганизации Добровольческой армии в начале 1-го Кубанского похода из 3 пеших сотен — бывшие партизанские отряды полковника Краснянского, есаула Лазарева и полковника Чернецова (главным образом из донских партизан — учащейся молодежи), в полк был влит также отряд киевских юнкеров во главе с полковником Дедурой. С середины марта 1918 г., пополненный батальоном Кубанского стрелкового полка (образовавшим 2-й батальон), входил в состав 2-й бригады, с начала июня 1918 г. — 2-й пехотной дивизии. Под Екатеринодаром насчитывал 800 человек, после штурма — 300, в начале 2-го Кубанского похода в июне 1918 г. — 600 (2 батальона, 6 сотен). 25 сентября 1918 г. получил имя генерала Алексева. Летом 1919 г. входил в состав 1-й пехотной дивизии, с 1 сентября 1919 г. — 9-й пехотной дивизии, с 14 октября 1919 г. — Алексеевской (Партизанской генерала Алексева) дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывал 1118 штыков при 28 пулеме-

тах. 10 октября 1919 г. из него был выделен 2-й Алексеевский полк. Участвовал в десанте в начале апреля 1920 г. у Геническа. 16 апреля 1920 г. сведен в батальон и влит в 52-й пехотный Виленский полк, 14 июня восстановлен и в августе участвовал в десанте на Кубань. С 4 сентября 1920 г. входил в состав 1-й бригады 7-й пехотной дивизии. Под Екатеринодаром полк потерял 500 человек, 2—3 июля у Песчанокоспской — около 300, под Ставрополем только в 1-м (офицерском) батальоне осталось из около 600 лишь 30 человек. Понес также огромные потери в десанте у Геническа. Гренадерский батальон полка целиком погиб 2 августа 1920 г. при десанте на Кубань (убито и зарублено в плену более 100 человек). При отходе в Крым у с. Богдановка 15 октября 1920 г. полностью погибли все обозы, лазарет и нестроевые команды полка, а из полка осталось не больше роты. В Галлиполи в Алексеевский пехотный полк были сведены все остатки пехотных частей, кроме «цветных» и гвардейских, коренные алексеевцы составили 1-ю роту. Для чинов полка 22 декабря 1939 г. установлен нагрудный знак в виде креста с удлиненными вертикальными сторонами, разделенный по горизонтали на белую (верхняя) и голубую части, в центре — золоченая буква «А» славянской вязи, внизу — дата «1917 г.». Командиры: генерал-лейтенант А.П. Богаевский (12 февраля — середина марта 1918 г.), генерал-лейтенант Б.Н. Казанович (середина марта — начало июня 1918 г.), полковник (генерал-майор) П.К. Писарев (начало июня — 15 декабря 1918 г.), полковник Е.Ф. Емельянов (врио, октябрь 1918 г.), полковник князь А.А. Гагарин (с 17 января 1919 г.), капитан (полковник) П.Г. Бузун (лето 1919 г. — ноябрь 1920 г.).

²⁰ **Икишев Сергей Михеевич**, р. в 1874 г. Сын коллежского асессора. Полковник 22-й артиллерийской бригады. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с 12 февраля 1918 г. командир 1-го легкого артиллерийского дивизиона, летом 1919 г. заместитель начальника 6-й пехотной (затем Сводно-гренадерской) дивизии, затем командир Сводно-гренадерской артиллерийской бригады, с 15 апреля 1920 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Генерал-майор. Галлиполиец. С апреля 1922 г. в Болгарии. Осенью 1925 г. в составе Алексеевского артдивизиона в Югославии.

²¹ **Миончинский Дмитрий Тимофеевич**, р. 26 октября 1889 г. в Казани. Из дворян, сын генерала. Окончил Нижегородский кадетский корпус (1906), Михайловское артиллерийское училище (1909). Георгиевский кавалер. Подполковник, командир батареи 31-й артиллерийской бригады. В Добровольческой армии с 12 декабря 1917 г.; с 14 декабря командир Юнкерской батареи, участник похода отряда Чернецова. С 12 марта 1918 г. командир Юнкерской батареи 1-го легкого добровольческого артиллерийского дивизиона, с марта 1918 г. командир 1-й отдельной легкой батареи, с 10 июля 1918 г. командир 1-го отдельного легкого артиллерийского дивизиона. Полковник. Убит 16 декабря 1918 г. у с. Шишкино Ставропольской губ.

²² Имеется в виду подполковник **Евгений Владимирович Шмидт**. В 1-м Кубанском походе — командир 2-й отдельной батареи. Полковник. Умер 12 ноября 1952 г. в Зальцбурге (Австрия).

²³ Ерогин Лев Михайлович, сын капитана. Окончил 2-й кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1904). Подполковник, командир батареи 18-й артиллерийской бригады. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; в декабре 1917 г. — январе 1918 г. командир 3-й батареи. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В 1918 г. переименован в полковники (утвержден 6 ноября 1919 г.). Командир 2-й артиллерийской бригады, с 16 октября 1919 г. — Корниловской артиллерийской бригады; в Русской Армии на той же должности до эвакуации Крыма, с 27 октября 1920 г. начальник Корниловской дивизии. Галлиполиец. В апреле 1922 г., осенью 1925 г. командир Корниловского артдивизиона в Болгарии. В эмиграции в Польше, начальник отдела РОВС. Умер в 1943 г. в Варшаве.

²⁴ Третьяков Александр Николаевич р в 1877 г. Окончил Тифлисский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Михайловскую артиллерийскую академию. Полковник, командир дивизиона л.-гв. Стрелковой артиллерийской бригады. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с 2 января 1918 г.; командир 3-й батареи. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: с 12 марта 1918 г. командир 4-й батареи, с марта 1918 г. при штабе генерала Маркова, затем командир 1-го легкого артиллерийского дивизиона, с 4 апреля 1919 г. командир 1-й артиллерийской бригады, с июня 1919 г. командир 1-й бригады 1-й пехотной дивизии, с июня 1919 г. начальник Алексеевской дивизии, с 16 октября 1919 г. командир Алексеевской бригады С 26 марта 1920 г. начальник Марковской дивизии. Генерал-майор (1918 г.). Застрелился 14 октября 1920 г. у с. Днепровка.

²⁵ Чехословацкий инженерный батальон насчитывал до 250 человек. В его состав входил Русско-Галицкий взвод или рота. Расформирован летом 1918 г.

²⁶ Немечек Иван Францевич, р. в 1872 г. Капитан, помощник командира 8-го Чехословацкого легиона. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Полковник. Возглавлял отдел Союза Первопоходников в Праге. Полковник чехословацкой армии. Умер 6 ноября 1931 в Вимперке (Чехословакия).

²⁷ Краснянский Тихон Петрович, р. 19 июня 1876 г. в ст. Аксайской Области Войска Донского. Из казаков ст. Гундоровской. Окончил Новочеркасское военное училище (1896). Офицер с 1898 г. Полковник, командир 46-го Донского казачьего полка. В 1917 г. состоял в распоряжении Донского атамана, в декабре 1917 г. в донском партизанском отряде. В 1-м Кубанском походе командир 1-й сотни Партизанского полка. Убит 3 марта 1918 г. под ст. Выселки.

²⁸ Есаул Боков (16-го или 17-го Донского казачьего полка) в декабре 1917 г. был в партизанском отряде полковника Семилетова (в январе 1918 г. командир сотни), в феврале 1918 г. формировал добровольческий отряд в Новочеркасске. В 1-м Кубанском походе командир Баклановской сотни 1-го конного дивизиона.

²⁹ Лазарев Роман Григорьевич. Окончил Новочеркасское военное училище (1913). Есаул. В январе 1918 г. заместитель командира партизанского отряда Чернецова. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Полков-

ник (31 января 1919 г.), весной 1920 г. в Донском офицерском резерве. Расстрелян в 1920 г. в Крыму.

³⁰ **Глазенап Петр Владимирович**, р. 3 марта 1882 г. в Гжатске. Из дворян, сын офицера. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1903). Полковник, командир особого ударного отряда. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир кавалерийского дивизиона, с 25 марта 1918 г. командир 1-го офицерского конного полка, с июня 1918 г. командир Кубанской отдельной бригады, с 9 октября 1918 г. начальник 4-й дивизии, затем ставропольский военный губернатор, с 23 марта 1919 г. начальник Сводно-Горской конной дивизии, с 27 марта 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР (отчислен с 8 октября 1919 г.). Генерал-майор (с 12 ноября 1918 г.). С лета 1919 г. в Северо-Западной армии; генерал-губернатор Северо-Западной области, помощник командующего, 23 ноября 1919 г. — 22 января 1920 г. командующий Северо-Западной армией. Генерал-лейтенант. Весной 1920 г. формировал 3-ю Русскую Армию в Польше и до августа 1920 г. командовал ею. В эмиграции в Будапеште, с 1922 г. в Германии, с 1925 г. в Данциге, с 1939 г. в Варшаве. С 1946 г. организатор и председатель Союза Андреевского флага. Умер 27 мая 1951 г. в Мюнхене (Германия).

³¹ **Гершельман Василий Сергеевич**. Полковник л.-гв. Уланского Его Величества полка. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Организатор и командир (18 декабря 1917 г. — 26 марта 1918 г.) 1-го кавалерийского дивизиона. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, затем в резерве чинов, с августа 1918 г. командир Запасного кавалерийского полка. В конце 1918 г. прислан в Крым для формирования Сводно-гвардейского кавалерийского дивизиона, командир его. Убит 20 февраля (6 марта) 1919 г. в Аскания-Нова.

³² **Корнилов Аркадий Афанасьевич**. Подполковник 17-го гусарского полка. Георгиевский кавалер. С января 1918 г. в Донском партизанском отряде Чернецова, с 12 февраля 1918 г. командир конного отряда своего имени, сформированного из чернецовских партизан. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с марта 1918 г. в 1-м конном полку. Полковник. Эвакуирован из Новороссийска. В эмиграции во Франции. Умер 13 июня (10 июля) 1967 г. в Париже.

³³ Имеется в виду **Парфенов Василий Дмитриевич**, р. в 1892 г. Из дворян. С 1914 доброволец. Произведен в офицеры за боевое отличие. Штабс-капитан л.-гв. Измайловского полка. С октября 1917 г. член тайной монархической организации. В Добровольческой армии с 4 ноября 1917 г., командир 1-й Сводно-Офицерской роты — первой части армии, с 15 ноября — в Юнкерском батальоне, участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С мая 1918 г. в Астраханской армии, в начале 1919 г. снова в Добровольческой армии в Сводно-гвардейском полку, в мае 1919 г. капитан, начальник команды конных разведчиков 3-го батальона того же полка. Летом 1920 г. полковник, назначен командиром пехотного полка, но был убит по дороге к месту назначения.

³⁴ **Эльснер Евгений Феликсович**, р. в 1870 г. Из дворян. Окончил Тифлисский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1888), академию Генштаба (1895). Генерал-лейтенант, главный начальник снабжения Юго-Западного фронта. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г., быховец. Участник боев в Киеве в октябре 1917 г. В Добровольческой армии с декабря 1917 г., с января 1918 г. начальник снабжения армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, начальник обоза, с лета 1918 г. по март 1919 г. представитель Добровольческой армии при атамане Всевеликого Войска Донского, в начале 1920 г. выехал в Югославию. 23 ноября 1921 г. — 1 сентября 1929 г. преподаватель Крымского кадетского корпуса, затем Первого русского кадетского корпуса. Умер 5 июля 1930 г. в Белой Церкви (Югославия).

³⁵ **Попов Петр Харитонович**, р. 10 января 1867 г. в ст. Казанской. Из казаков ст. Новочеркасской Области Войска Донского. Окончил Новочеркасскую гимназию, Новочеркасское казачье юнкерское училище (1891), академию Генштаба (1899). Генерал-майор, начальник Новочеркасского военного училища. С 30 января 1918 г. походный атаман Донского казачьего войска, возглавил Степной поход в Сальские степи, с 5 мая 1918 г. генерал-лейтенант, с 6 мая 1918 г. в отставке. В 1919 г. возглавлял Донское правительство, с конца 1919 г. — представитель Донского атамана в Новороссийске и за границей, в 1920 г. генерал для поручений при Донском атамане. Генерал от кавалерии. Эвакуирован из Новороссийска. Вышел в отставку 24 июня 1920 г., с 16 марта 1921 г. представитель атамана в Болгарии, с 4 ноября 1921 г. и. о. помощника Донского атамана. В эмиграции в Болгарии, Франции, с 1928 г. в США. В 1938 г. частью казачества избран Донским атаманом (наряду с графом Граббе), с 1938 г. снова в Европе (во Франции, Чехословакии, Болгарии, Югославии), после 1945 г. — в США. Умер 6 октября 1960 г. в Нью-Йорке.

³⁶ **Сидорин Владимир Ильич**, р. 3 февраля 1882 г. Из дворян Области Войска Донского ст. Есауловской, сын офицера. Окончил Донской кадетский корпус (1900), Николаевское инженерное училище (1902), академию Генштаба (1910). Полковник, начальник штаба корпуса. С осени 1917 г. на Дону, участник взятия Ростова, начальник полевого штаба атамана Каледина. В декабре 1917 г. — январе 1918 г. начальник штаба Северного фронта донских войск, в январе 1918 г. начальник штаба походного атамана, участник Степного похода. С 12 апреля по 9 мая 1918 г. начальник штаба Донской армии, генерал-майор (с 5 мая 1918 г.). С 12 мая 1918 г. в отставке. С 2 февраля 1919 г. командующий Донской армией, с 27 марта 1920 г. командир Донского корпуса. Генерал-лейтенант (с 2 февраля 1919 г.). Вышел в отставку 5 апреля 1920 г. В эмиграции в Болгарии, Югославии и Чехословакии. Умер 20 мая 1943 г. в Берлине.

³⁷ Воспоминания А.С. Лукомского публикуются ниже.

³⁸ **Ронжин Иван Александрович**, р. в 1867 г. Окончил Сибирской кадетский корпус, Константиновское военное училище (1886), Военно-юридическую академию (1893). Генерал-лейтенант, член Главного военно-морского суда. В Добровольческой армии; в декабре 1917 г. — марте 1918 г.

начальник судной части штаба армии, с 24 октября 1918 г. начальник судного отделения общей части Военного и Морского отдела, 1919 г. — 1920 г. Главный военный прокурор ВСЮР. С 1921 г. военный агент в Болгарии. Умер в 1928 г.

³⁹ **Лебедев Дмитрий Антонович**, р. в 1883 г. Окончил Сибирский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1903), академию Генштаба (1911). Генштаба полковник, член Главного комитета Союза офицеров. В Добровольческой армии с декабря 1917 г., затем направлен в Сибирь. С 21 ноября 1918 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего. Генерал-майор (1918 г.). В январе 1919 г. командир Степной группы. 23 мая — 12 августа 1919 г. начальник штаба ВГК и военный министр. 9 августа — 16 ноября 1919 г. командующий Отдельной Степной группой войск, с 16 ноября 1919 г. командующий Уральской группой войск. В октябре 1922 г. начальник вооруженных сил Владивостока. Генерал-лейтенант. Умер в 1928 г. в Шанхае.

⁴⁰ **Роженко Владимир Ефремович**, р. в 1887 г. Из крестьян. Окончил 5-ю Санкт-Петербургскую гимназию, Михайловское артиллерийское училище (1909), академию Генштаба (1914). Капитан, и. д. младшего штаб-офицера для делопроизводства и поручений особого делопроизводства управления генерал-квартирмейстера при Верховном Главнокомандующем, член Главного комитета Союза офицеров. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г., быховец. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Убит около ст. Великокняжеской 22 марта 1918 г.

⁴¹ Воспоминания Б.А. Суворина, Н.Н. Львова и Л.В. Половцова публикуются ниже.

⁴² **Новосильцов Леонид Николаевич** (Новосильцев), р. в 1872 г. Из дворян Калужской губ. Окончил Нижегородский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1892), Военно-юридическую академию. Подполковник, командир 19-й запасной ополченческой батареи, член Государственной Думы, председатель Главного комитета Союза офицеров. Быховец. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В эмиграции с марта 1922 г. член ЦК Русского Народно-Монархического Союза. 10 января 1923 г. — 1 сентября 1926 г. преподаватель Первого русского кадетского корпуса. Умер 22 октября 1934 г. в Сараево (Югославия).

⁴³ **Кисляков Владимир Николаевич**, р. в 1875 г. Из дворян. Окончил Александровский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1895), академию Генштаба (1901). Генерал-майор, товарищ министра путей сообщения на театре военных действий. Быховец. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В 1918 г. на Украине, состоял при гетмане П. Скоропадском. В Вооруженных силах Юга России начальник эксплуатационного отдела управления путей сообщения при ставке Главнокомандующего. Генерал-лейтенант. Расстрелян большевиками при отступлении белых в 1919 г. в Полтаве.

⁴⁴ **Тимановский Николай Степанович**, р. в 1889 г. Полковник, командир Георгиевского батальона Ставки ВГК. В Добровольческой армии с де-

кабря 1917 г. С 12 марта 1918 г. помощник командира Сводно-Офицерского полка, начальник штаба 1-й отдельной пехотной бригады, с мая 1918 г. командир Марковского полка, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор, командир 1-й бригады 1-й дивизии. В начале 1919 г. направлен в Одессу, с 21 января начальник Отдельной бригады Русской Добровольческой армии в Одессе (с 27 января — Отдельной Одесской стрелковой бригады), с которой отступил в Румынию, с 18 мая по 13 июня начальник развернутой из бригады 7-й пехотной дивизии, с 2 июня 1919 г. начальник 1-й пехотной дивизии, с 10 ноября 1919 г. начальник Марковской дивизии. Генерал-лейтенант (с лета 1919 г.). Умер от тифа 18 декабря 1919 г. в Ростове.

⁴⁵ **Кутепов Александр Павлович**, р. в 1882 г. Из дворян, сын лесничего. Окончил Архангельскую гимназию, Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище (1904). Полковник, командующий л.-гв. Преображенским полком. В Добровольческой армии и ВСЮР с ноября 1917 г. командир офицерской роты, с декабря 1917 г. — войсками Таганрогского направления. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир роты Корниловского полка, затем командир того же полка, командир бригады, начальник 1-й пехотной дивизии, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор, с декабря 1918 г. Черноморский военный губернатор, с 13 января 1919 г. командир 1-го армейского корпуса, затем — образованного из Добровольческой армии Добровольческого корпуса. В Русской Армии командир 1-го армейского корпуса, с августа 1920 г. командующий 1-й армией. Генерал от инфантерии. С 1928 г. председатель РОВСа. Похищен и убит агентами ОГПУ 26 января 1930 г. в Париже.

⁴⁶ **Сорокин Иван Лукич**, р. в 1884 г. в ст. Петропавловской. Из казаков Кубанской обл. Окончил военно-фельдшерскую школу и 2-ю Тифлисскую школу прапорщиков (1915). Служил в 3-м Линейном полку Кубанского казачьего войска. Сотник. В начале 1918 г. возглавлял большевистские силы на Кубани в должности помощника командующего Юго-Восточной революционной армией. В дальнейшем был Главкомандующим Красной Армией Северного Кавказа, но находился в напряженных отношениях с политическим руководством возникавших там «советских республик». 30 октября 1918 г. он был арестован в Ставрополе и на следующий день убит в тюрьме.

⁴⁷ **Автономов Александр Исидорович**, р. в 1890 г. Из казаков Кубанской области. Хорунжий. С января 1918 г. — командующий так называемой Юго-Восточной революционной армией красных, затем командовал войсками «Кубанской Советской республики». Вследствие разногласий с большевистским руководством в мае был отстранен от командования. После поездки в Москву получил назначение в 11-ю красную армию, где умер от тифа 2 февраля 1919 г.

⁴⁸ **Курочкин Василий**. Поручик. В Донской армии; в январе 1918 г. командир сотни в отряде Чернецова. Ранен 18 января 1918 г. у ст. Лихой. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку. Капитан. Убит 28 марта 1918 г. под Екатеринодаром.

⁴⁹ О его смерти см. публикуемые ниже воспоминания Н.В. Федорова.

⁵⁰ **Покровский Виктор Леонидович** р. в 1889 г. Из дворян. Окончил Одесский кадетский корпус (1906), Павловское военное училище

(1908). Капитан 10-го гренадерского полка, командир 12-го армейского авиационного отряда. В январе 1918 г. сформировал на Кубани добровольческий отряд, с 24 января 1918 г. полковник и командующий войсками Кубанского края, с 13 февраля командующий Кубанской армией, с 13 марта 1918 г. генерал-майор, с июня 1918 г. командир Кубанской конной бригады, июль 1918 г. — 3 января 1919 г. начальник 1-й Кубанской конной дивизии. С января 1919 г. командир 1-го конного корпуса, январь—август 1919 г. командир 1-го Кубанского корпуса, с 2 ноября 1919 г. по 8 марта 1920 г. командующий Кавказской армией. Генерал-лейтенант (4 апреля 1919 г.). В мае 1920 г. покинул Крым. В эмиграции в Болгарии. Убит 9 ноября 1922 г. в Болгарии жандармами.

⁵¹ **Трухачев Сергей Михайлович**, р. в 1879 г. Из дворян. Окончил Тифлисский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1899), академию Генштаба (1906). Генерал-майор, и. д. инспектора отдела управления дежурного генерала при Верховном Главнокомандующем. В Добровольческой армии с ноября 1917 г., с января 1918 г. командир штабной роты штаба армии. В 1-м Кубанском походе с марта 1918 г. начальник строевого отдела штаба армии. С июля 1918 г. дежурный генерал штаба Добровольческой армии, с января 1919 г. дежурный генерал штаба Главнокомандующего ВСЮР. В эмиграции в Болгарии.

⁵² **Щербина Федор Андреевич**, р. 31 января 1849 г. Из казаков ст. Новодеревянковской Кубанской обл. Сын священника. Окончил Кавказскую духовную семинарию (1866), обучался в Петровской земледельческой академии и Новороссийском университете. Профессор Кубанского политехнического института, член Кубанской Рады и Верховного Круга Дона, Кубани и Терека, председатель Верховного суда на Кубани и финансово-бюджетной комиссии Рады. В эмиграции с 1921 г. в Чехословакии, профессор и ректор Украинского института в Праге. Историк Кубанского казачьего войска. Умер 28 октября 1936 г. в Праге.

⁵³ **Корвин-Круковский Алексей Владимирович**, р. 23 сентября 1872 г. Из дворян Нижегородской губ. Окончил Нижегородский Александровский институт, Казанское пехотное юнкерское училище (1894), Офицерскую стрелковую школу (1913). Полковник, командир 6-го Финляндского стрелкового полка. Георгиевский кавалер. В январе 1918 г. глава офицерской организации в Царицыне, с января 1918 г. комендант штаба Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, начальник обоза армии, с февраля до 2 сентября 1918 г. комендант штаба армии, затем комендант главной квартиры армии, с 5 ноября 1918 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор, с ноября 1918 г. командующий добровольческими частями в Крыму, с 19 ноября 1918 г. начальник гарнизона Симферополя и начальник Крымской (с января 1919 г. 4-й) пехотной дивизии. С 28 мая 1919 г. в резерве чинов при штабе ВСЮР, в декабре 1919 г. — феврале 1920 г. военный комендант Новороссийска. В Русской Армии начальник 4-й пехотной дивизии. В эмиграции один из организаторов Союза Инвалидов, создатель объединения Казанского военного училища, начальник военной колле-

лии Лиги русских офицеров и солдат запаса. Генерал-лейтенант. Умер в 1943 г. в Белграде.

⁵⁴ **Патронов Иван Федорович**. Сын унтер-офицера. Окончил академию Генштаба (1911). Полковник. В Добровольческой армии с 22 декабря 1917 г. В 1-м Кубанском походе штаб-офицер для поручений при штабе армии, затем начальник этапа № 1 Добровольческой армии и ВСЮР, с 11 ноября 1919 г. штаб-офицер для поручений при Главнокомандующем ВСЮР, сотрудничал в газетах Б.А. Суворина. В Русской Армии в прикомандировании к отделу генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего до эвакуации Крыма. В мае 1921 г. входил в состав ближайшего окружения генерала Врангеля. В эмиграции в Югославии, в 1921—1941 гг. редактор «Военного сборника» в Белграде.

⁵⁵ **Эрдели Иван Георгиевич**, р. в 1870 г. Из дворян. Окончил Николаевский кадетский корпус (1887), Николаевское кавалерийское училище (1890), академию Генштаба (1897). Генерал от кавалерии, командующий Особой армией. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г., быховец. В Добровольческой армии с ноября 1917 г., в январе—марте 1918 г. представитель армии при Кубанском правительстве, с марта 1918 г. командир отдельной конной бригады, с июня 1918 г. начальник 1-й конной дивизии, с 16 апреля 1919 г. Главноначальствующий и командующий войсками Терско-Дагестанского края (Северного Кавказа), до марта 1920 г. начальник Владикавказского отряда. В эмиграции во Франции, с 1930 г. председатель Союза офицеров-участников войны во Франции, с июня 1934 г. начальник 1-го отдела РОВС. Умер 7 июля 1939 г. в Париже.

⁵⁶ **Федоров Михаил Михайлович**, р. в 1858 г. Член Конституционно-демократической партии, товарищ министра торговли и промышленности. Летом 1918 г. член Национального Центра в Москве, с осени 1918 г. член Особого Сопровождения при Главнокомандующем ВСЮР. В эмиграции во Франции. Умер в 1946 г.

⁵⁷ **Филимонов Александр Петрович**, р. в 1866 г. в ст. Григорополиской Кубанской обл. Окончил Киевский кадетский корпус, Александровское военное училище, военно-юридическую академию, Московский историко-археологический институт. Полковник, атаман Лабинского отдела Кубанского казачьего войска, с 1917 г. председатель Кубанского правительства, с 12 октября 1917 г. атаман Кубанского казачьего войска (до 10 ноября 1919 г.). Генерал-лейтенант. Эвакуирован из Новороссийска. Умер 4 августа 1948 г. в Оесеке (Югославия).

⁵⁸ **Туненберг Ростислав Михайлович**. Из дворян. Штабс-капитан, командир роты Киевского военного училища. В феврале—марте 1918 г. в войсках Кубанского края, с марта 1918 г. подполковник, командир Кубанского стрелкового полка, с 17 марта командир 1-го Кубанского стрелкового полка, полковник. С 9 ноября 1918 г. член комиссии по организации кубанских частей, с 19 ноября 1918 г. командир 2-й бригады 1-й дивизии с оставлением командиром полка, с 30 ноября 1918 г. в составе комиссии для рассмотрения проекта новой организации армии, с 11 марта 1919 г. командир 2-й бригады 2-й пехотной дивизии с оставлением командиром

полка, с 15 июня 1919 г. генерал-майор. 26 июля 1919 г. уволен от службы. В марте 1920 г. начальник участка на Перекопе, в мае — командир бригады 34-й пехотной дивизии.

⁵⁹ Родичев Гавриил Дмитриевич, р. 23 января 1889 г. в Москве. Из дворян Тверской губ., сын мирового судьи. Окончил 2-ю Московскую гимназию, учился в Московском университете. Младший военный врач. В Добровольческой армии с осени 1917 г. В 1-м Кубанском походе — в штабе генерала Маркова, затем ординарец генералов Маркова и Тимановского, с июня до ноября 1918 г. в околотке 1-го Офицерского (Марковского) полка, затем в команде конных ординарцев 1-й бригады 1-й пехотной (Марковской) дивизии. Подпоручик. Галлиполиец. В эмиграции с 1921 г. в Тырново (Болгария), с 1922 г. в Чехословакии, с 1927 г. во Французском Конго. Умер 21 апреля 1930 в Париже.

⁶⁰ 1-й Кубанский стрелковый полк. Сформирован 1 марта 1918 г. в ауле Шенджий в составе Кубанского отряда как 1-й стрелковый полк, насчитывая 1200 штыков и 4 пулеметов (в т. ч. 700 офицеров, 400 юнкеров и 100 казачков) и 60 человек пулеметной прислуги; после соединения с Добровольческой армией вошел в состав ее 1-й бригады как Кубанский стрелковый полк. С начала июня 1918 г. входил в состав 1-й дивизии, с 16 января 1919 г. — 2-й пехотной дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывал 1324 штыка при 43 пулеметах. Летом 1920 г. входил в состав 1-й Сводной пехотной дивизии. С 4 сентября 1920 г. входил в состав 2-й бригады 7-й пехотной дивизии. Командиры: подполковник (полковник) Р.М. Туненберг (1 марта 1918 г. — 26 июля 1919 г.), полковник Дмитриев (с 10 августа 1919 г.).

⁶¹ Впоследствии — Марковская инженерная рота (1-я Отдельная инженерная генерала Маркова рота). Образована в Добровольческой армии в середине марта 1918 г. из Технической роты как 1-я Инженерная рота. 8 декабря 1919 г. получила имя генерала С.А. Маркова. Входила в состав 1-й бригады, с начала июня 1918 г. — 1-й дивизии, с 14 октября 1919 г. — Марковской дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывала 563 человека. Командир — полковник Г.М. Гротенгельм.

⁶² 1-я Офицерская батарея. Ведет происхождение от Сводной Михайловско-Константиновской батареи. С декабря 1917 г. входила 1-й батареей в 1-й Отдельный легкий артиллерийский дивизион Добровольческой армии. При расформировании его в середине марта 1918 г., включив в свой состав 4-ю батарею дивизиона, стала именоваться 1-й отдельной батареей, приданной 1-й бригаде. С начала июня 1918 г. вошла в состав 1-й дивизии. С формированием 8 июля 1918 г. второй батареи, развернулась в 1-й Отдельный легкий артиллерийский дивизион. С 7 августа 1918 г. 1-я батарея дивизиона именовалась 1-я генерала Маркова батарея. Командир — подполковник Д.Т. Миончинский.

⁶³ Первоначально — Пластунский отряд полковника Улагая. Возник как добровольческий отряд, начавший формирование 29 ноября 1917 г. и окончательно сформированный в середине января 1918 г. полковником Улагаяем. Действовал на левом берегу Кубани. В феврале 1918 г. насчитывал 100 человек (в т. ч. 50 конных), из которых 85 офицеров при 2 пулеметах. Вошел в

состав Кубанского отряда. После соединения его с Добровольческой армией вошел в состав 1-й бригады как Пластунский батальон (Кубанский пластунский батальон). С сентября 1918 г. переименован в Особый пластунский батальон. Командир — полковник С.Г. Улагай.

⁶⁴ Первоначально — Кубанская отдельная инженерная сотня. Сформирована в январе 1918 г. в составе Отряда полковника Лесевицкого в основном из учащейся молодежи. Первоначально насчитывала 60 человек. Затем состояла из 4 взводов (1-й — полковник С.В. Попов, 2-й — полковник П.К. Алексеев, 3-й — капитан В. Бершов, 4-й — капитан П.Т. Казамаров; всего несколько сотен человек). В февраля 1918 г. вошла в состав Кубанского отряда. После соединения его с Добровольческой армией вошла в состав 2-й бригады как 2-я инженерная рота. Командиры: генерал-майор Е.С. Хабалов (январь 1918 г.), капитан В. Бершов (февраля 1918 г.), полковник С.В. Попов (март 1918 г.).

⁶⁵ 2-я Офицерская батарея. Сформирована в Добровольческой армии, в середине марта 1918 г. при расформировании 1-го Отдельного легкого артиллерийского дивизиона из его 2-й и 3-й батарей как 2-я отдельная батарея, приданная 2-й бригаде. С начала июня 1918 г. вошла в состав 2-й дивизии. Выделила кадр для формирования 2-й, 3-й и 4-й батарей Корниловской артиллерийской бригады, сама войдя в ее состав как 1-я генерала Корнилова батарея. Командир — полковник А.М. Ерогин.

⁶⁶ Отдельная конная бригада 6 июня 1918 г. была переименована в 1-ю конную дивизию.

⁶⁷ Впоследствии — 1-й конный генерала Алексеева полк (1-й офицерский конный полк). Сформирован в Добровольческой армии 25 марта 1918 г. как 1-й конный (Конный, Конно-Партизанский) полк (3 эскадрона) из 1-го и 2-го (Конные отряды полковника Глазенапа и подполковника Корнилова) кавалерийских дивизионов. Состоял тогда почти исключительно из офицеров (после соединения с Кубанским отрядом офицеры и юнкера-кубанцы составили 2-ю офицерскую сотню во главе с полковником Рашпилем) и понес огромные потери в знаменитой конной атаке под Екатеринодаром (в одной только сотне Рашпиля убито 32 офицера). С мая—июня 1918 г. входил в состав 1-й дивизии Добровольческой армии, с которой участвовал во 2-м Кубанском походе. С 14 февраля 1919 г. — 1-й конный генерала Алексеева полк. С 27 мая 1919 г. входил в состав 1-й бригады 1-й кавалерийской дивизии. В июле 1919 г. включал также 2 эскадрона 10-го драгунского Новгородского и 2 эскадрона 10-го уланского Одесского полков. На 5 октября 1919 г. насчитывал 196 сабель при 16 пулеметах. С 19 ноября 1919 г. входил в состав 1-й кавалерийской дивизии. 30 декабря 1919 г. при сведении ее в Сводную кавалерийскую бригаду сведен в дивизион. По прибытии в Крым дивизион полка вошел в 1-й кавалерийский полк, а 8 августа 1920 г. переформирован в конный дивизион 6-й пехотной дивизии под названием Отдельного конного генерала Алексеева дивизиона. Чины полка носили белые с красным околышем фуражки и красные с белой выпушкой погоны. Для чинов полка установлен нагрудный знак в виде черного равностороннего креста с широкой белой каймой, на который слева снизу направо наложен

серебряный меч рукоятью (золоченой) вниз; на крест навешен серебряный терновый венок, в центре — золоченая буква «А» славянской вязи, на верхней стороне креста — белая дата «1917 г.». Командиры: полковник К. Корсун (июнь—сентябрь 1918 г.), полковник В.П. Глиндский (сентябрь—ноябрь 1918 г.), полковник (генерал-майор) А.П. Колосовский (ноябрь 1918 г. — 21 марта 1919 г.), полковник Сабуров (7 апреля — осень 1919 г.).

⁶⁸ Впоследствии — Корниловский конный полк (1-й Кубанский конный полк). Сформирован как Кубанский конный дивизион, в который после соединения 14 марта 1918 г. Кубанского отряда с Добровольческой армией была сведена кубанская кавалерия. Входил в состав Конной бригады, с 6 июня 1918 г. — 1-й конной дивизии как 1-й Кубанский конный полк. На начало июня 1918 г. насчитывал 510 сабель при 4 пулеметах). С 4 августа 1918 г. получил наименование Корниловского, а 14 сентября — знамя, пожалованное в 1803 г. Черноморскому войску. К апрелю 1919 г. имел около 400 человек (200 сабель), на 5 октября 1919 г. — 334 сабли при 21 пулемете. Летом — осенью 1919 г. был придан 3-й Кубанской казачьей дивизии. В апреле 1920 г. капитулировал под Адлером. Вновь образован в Крыму из собравшихся там чинов полка 7 июля 1920 г. и вошел в состав 1-й Кубанской казачьей дивизии. На 27 октября 1920 г. имел 300 сабель, 16 пулеметов. Награжден серебряными трубами орд. Св. Николая Чудотворца. После эвакуации Крыма на о. Лемнос вошел в состав 3-го Сводно-Кубанского полка. Командиры: подполковник А.А. Корнилов, полковник Г.Я. Косинов (апрель—май 1918 г.), полковник В.Г. Науменко (27 июня — 12 августа 1918 г.), войсковой старшина Ермоленко (12 августа — 7 сентября 1918 г.), полковник Федоренко (7—17 сентября 1918 г.; убит), войсковой старшина (полковник) Н.Г. Бабиев (17 сентября 1918 г. — 26 января 1919 г.), есаул (в. ст.) Ф.И. Елисеев (февраль — 18 июня 1919 г.), полковник Головин (с 18 июня 1919 г.), в. ст. В. Безладный (апрель 1920 г.), полковник Макеев (октябрь 1920 г.).

⁶⁹ Впоследствии — 1-й Черкесский конный полк. Сформирован в Добровольческой армии 1 марта 1918 г. в ауле Шенджий в составе Кубанского отряда как Черкесский конный полк. Состоял из кубанских черкесов, с января 1918 г. боровшихся с большевиками. Насчитывал 600 человек. После соединения с Добровольческой армией вошел в состав ее конной бригады. С 4 ноября 1918 г. именовался 1-й Черкесский конный полк. Входил в состав 1-й конной дивизии, с 7 декабря 1918 г. — Черкесской конной дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывал 662 сабли. Командиры: полковник Султан-Келеч-Гирей (1 марта — 11 декабря 1918 г.), ротмистр К.К. Улагай (с 11 декабря 1918 г.).

⁷⁰ Воспоминания Б.И. Казановича публикуются ниже.

⁷¹ **Улагай Сергей Георгиевич**, р. в 1875 г. Сын офицера. Окончил Воронежский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1897). Полковник, командир 2-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска. Участник выступления генерала Корнилова. С конца 1917 г. командир отряда Кубанских войск, участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С 22 июля 1918 г. начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии, с 27 февраля 1919 г. командир 2-го Кубанского корпуса, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор. Затем в

резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 28 ноября 1919 г. в распоряжении командующего Добровольческой армией; в марте 1920 г. командующий Кубанской армией, с 5 июля 1920 г. командующий Группой войск особого назначения, в августе 1920 г. руководитель десанта на Кубань, после неудачи которого отставлен. Генерал-лейтенант (1919 г.). В эмиграции в Югославии. В годы Второй мировой войны участник формирования антисоветских казачьих частей. Умер 20 марта 1947 г. в Марселе.

⁷² **Писарев Петр Константинович**, р. 30 декабря 1874 г. на Дону. Из дворян Области Войска Донского. Окончил Техническое училище, Новочеркасское военное училище (1898). Полковник, командир 42-го Донского казачьего полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир 1-го батальона Партизанского полка. Летом 1918 г. генерал-майор, осенью 1918 г. командир Алексеевского полка, с августа 1919 г. командир 1-го Кубанского корпуса, затем начальник 6-й пехотной дивизии, в сентябре—октябре 1919 г. — Сводно-гренадерской дивизии, затем командир 1-го Сводного корпуса в Кавказской армии. В Русской Армии командующий Севастопольской крепостью, командир Сводно-казачьего корпуса, командир 3-го армейского корпуса, с августа 1920 г. командир 1-го армейского корпуса. Генерал-лейтенант. В эмиграции председатель Союза Первопоходников. Умер 22 декабря 1967 г. в Шель (Франция).

⁷³ Имеется в виду **Бетлинг Виктор Эдуардович**, штабс-капитан 2-й Житомирской школы прапорщиков. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. После 1-го Кубанского похода он был командиром Особой офицерской роты при Ставке Главнокомандующего ВСЮР. Умер от тифа 22 февраля 1919 г.

⁷⁴ **Долинский Виктор Иванович**. Поручик, адъютант генерала Л.Г. Корнилова до августа 1917 г. и в 1-м Кубанском походе. Затем в Сибири, адъютант атамана Семенова. В эмиграции в США. Умер 27 декабря 1967 г. во Флориде (по другим сведениям, в Медин, Пенсильвания).

⁷⁵ Речь идет об Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России, которая была образована 4 апреля 1919 г. Комиссия руководствовалась Уставом уголовного судопроизводства 1914 года и имела право вызывать и допрашивать потерпевших и свидетелей, производить осмотры, обыски, выемки освидетельствования и другие следственные действия, а протоколы, составленные комиссией, имели силу следственных актов. Дела комиссии публиковались отдельными выпусками. Несколько десятков их было переиздано в книге: Красный террор в годы Гражданской войны (по материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков). Ред.-составитель Ю.Г. Фельштинский. Лондон, 1992.

⁷⁶ По свидетельству очевидца — одного их оставленных — В. Иванова (чьи воспоминания публикуются ниже), их было значительно больше.

⁷⁷ **Шапрон дю Ларрэ Алексей Генрихович**, р. в 1883 г. Окончил Николаевское кавалерийское училище. Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. В Добровольческой армии с 2 ноября 1917 г., адъютант генерала М.В. Алексеева до сентября 1918 г., затем — адъютант генерала Де-

никина. С 30 декабря 1918 г. начальник политической части, член Главного комитета общества Белого Креста. 17 июля — 23 ноября 1919 г. командир 2-го конного полка, с января 1920 г. генерал-майор, генерал для поручений при Главнокомандующем ВСЮР. Был женат на дочери Л.Г. Корнилова 22 марта 1920 г. выехал в Константинополь. В эмиграции в Бельгии. Умер 10 июня 1947 г. в Брюсселе.

⁷⁸ **Барцевич Владимир Петрович.** Из потомственных почетных граждан. Окончил академию Генштаба (1913). Подполковник. В Добровольческой армии с 19 января 1918 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, начальник отдела формирований штаба армии; с декабря 1919 г. полковник, начальник штаба 4-й конной дивизии Донской армии; в Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции входил в состав ближайшего окружения генерала Врангеля. Убит в 1922 г.

⁷⁹ **Какурин Иван Иванович** р. в 1896 г. Из казаков ст. Казанской Области Войска Донского. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1917). Хорунжий. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Затем в Донской армии; с 1918 г. сотник л.-гв. Казачьего полка. Ранен 22 февраля и в июле 1919 г.; 1920 г. подъесаул, старший офицер пулеметной команды л.-гв. Казачьего полка. Есаул (3 сентября 1920 г.). В эмиграции служил в Русском Корпусе. С начала 1950-х гг. в США. Умер 19 ноября 1975 г. в Нью-Йорке или в Бэльторе (США).

⁸⁰ Приводится по книге: Иван Какурин. Первый Кубанский Генерала Корнилова поход. 9 февраля 1918 г. — 9 февраля 1968 г. Издание Музея л.-гв. Казачьего Его Величества полка. Париж, 1967. Исключены эпизоды, заимствованные автором из других источников, публикуемых в настоящей издании.

⁸¹ **Рыковский Яков Федорович.** Из дворян Области Войска Донского, казак ст. Усть-Белокалитвенской. Есаул л.-гв. Казачьего полка. Донской партизан. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку, затем командир взвода гвардейской сотни в 1-м офицерском конном полку. Убит 31 марта 1918 г. под Екатеринодаром.

⁸² **Плеве Николай Павлович.** Из дворян, сын офицера. Подъесаул л.-гв. Казачьего полка. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку, затем в 1-м офицерском конном полку. Убит 31 марта 1918 г. под Екатеринодаром.

⁸³ **Рыковский Федор Федорович,** брат Я.Ф. Рыковского, р. в 1896 г. Офицер с 1914 г. Подъесаул л.-гв. Казачьего полка. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку, в 1-м офицерском конном полку. После похода до сентября 1918 г. командир сотни в своем (л.-гв. Казачьем) полку Донской армии, есаул. Ранен в 1919 г., в 1920 г. командир конвойной сотни штаба Главнокомандующего до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос: начальник хозяйственной части л.-гв. Казачьего полка. Осенью 1925 г. в составе Донского офицерского резерва в Болгарии. Полковник.

⁸⁴ **Жеребков Алексей Михайлович,** р. в 1897 г. в Санкт-Петербурге. Корнет. В январе 1918 г. в войсках атамана Каледина. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Сотник, с апреля 1919 г. подъесаул л.-гв. Казачь-

его полка, адъютант Донского атамана. Ранен в сентябре 1920 г. Есаул (с сентября 1920 г.). В эмиграции во Франции. Покончил самоубийством 15 сентября 1932 г. в Ницце (Франция).

⁸⁵ **Чернецов Василий Михайлович**, р. в 1880 г. Из казаков ст. Усть-Белокалитвенской Области Войска Донского. Окончил Каменское реальное училище (1907), Новочеркасское казачье юнкерское училище (1909). Есаул, командир сводной казачьей партизанской сотни при 4-й Донской казачьей дивизии, комендант Макеевских рудников. В ноябре 1917 г. организатор и командир партизанского отряда своего имени. С января 1918 г. полковник. Захвачен в плен и убит 30 января 1918 г. под Глубокой.

⁸⁶ **Краснов Семен Николаевич**, р. в 1893 г. Из дворян Области Войска Донского, казак ст. Урюпинской (племянник Донского атамана Петра Николаевича Краснова). Окончил Николаевское кавалерийское училище (1913). Подъесаул л.-гв. Казачьего полка. С января 1918 г. в офицерской казачьей дружине при Донском атамане, в феврале 1918 г. начальник пулеметной команды бронепоезда. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку, затем командир 1-й сотни в своем (л.-гв. Казачьем) полку Донской армии; с 1918 г. есаул, затем войсковой старшина, с 28 октября 1920 г. полковник. Был на о. Лемнос. В годы Второй мировой войны — в антисоветских казачьих формированиях. Генерал-майор. Выдан в 1945 г. в Лиенце и казнен 19 января 1947 г. в Москве.

⁸⁷ **Ляхов Николай Дмитриевич**, р. в 1897 г. Из казаков ст. Раздорской Области Войска Донского. Окончил 2-й кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1917 г.). Хорунжий л.-гв. Казачьего полка. С января 1918 г. в офицерской казачьей дружине при Донском атамане. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку. Ранен 31 марта 1918 г. После похода — в своем (л.-гв. Казачьем) полку Донской армии; с 1918 г. сотник, с 1920 г. подъесаул. В эмиграции адъютант Главнокомандующего генерала Врангеля. Есаул. Умер 30 апреля 1962 г. в Англии.

⁸⁸ **Чекунов Сергей Акимович** (1-й). Из казаков ст. Раздорской Области Войска Донского. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1917). Хорунжий л.-гв. Казачьего полка. С января 1918 г. в офицерской казачьей дружине при Донском атамане. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку. После похода — в своем (л.-гв. Казачьем) полку Донской армии; с 1918 г. сотник. Ранен в мае и сентябре 1919 г., эвакуирован за границу, с 1920 г. исключен из списков полка.

⁸⁹ **Чекунов Григорий Акимович** (2-й), брат С.А. Чекунова, р. в 1898 г. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1917). Хорунжий л.-гв. Казачьего полка. С января 1918 г. в офицерской казачьей дружине при Донском атамане. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку. После похода — в своем (л.-гв. Казачьем) полку Донской армии; с 1918 г. сотник. Ранен в мае и декабре 1919 г. Подъесаул. Эвакуирован за границу.

⁹⁰ **Мигулин Григорий Петрович**, р. в 1888 г. Из казаков ст. Усть-Белокалитвенской Области Войска Донского. Подхорунжий л.-гв. Казачьего полка. С января 1918 г. в офицерской казачьей дружине при Донском атамане. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку. После

похода — в 1-й сотне своего (л.-гв. Казачьего) полка Донской армии. С 1920 г. хорунжий в том же полку. Ранен в августе и октябре 1920 г. Сотник (с 3 сентября 1920 г.). Умер 9 августа 1992 г. в Рио-де-Жанейро (Бразилия).

⁹¹ **Усачев Иван Куприянович.** Офицер с 1917 г. Хорунжий Донского казачьего войска. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку. После похода — в л.-гв. Казачьем полку Донской армии. Сотник (с 1918 г.). Убит 11 августа 1919 г. у д. Морозовки.

⁹² **Упорников Лев Алексеевич,** р. в 1898 г. Хорунжий Донского казачьего войска. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку. После похода — в сотне конвоя Донского атамана, с 1920 г. в 3-й сотне л.-гв. Казачьего полка. Ранен в августе 1920 г. С 27 апреля 1920 г. сотник, с 14 августа 1920 г. подьесаул. Был на о. Лемнос. Умер 14 сентября 1979 г. в Марбурге (Германия).

⁹³ **Балабин Олег Александрович,** р. в 1899 г. в Новочеркасске. Сын офицера ВВД. Окончил Тифлисское военное училище (1917 г.). Прапорщик Донского казачьего войска. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку. После похода — в партизанском отряде полковника Мамонтова, с конца 1918 г. — хорунжий в л.-гв. Казачьем полку. Ранен 22 февраля 1919 г. Есаул. Дважды тяжело ранен, инвалид. В Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии. Капитан югославской армии, затем в Австралии, атаман казачьей станицы в Мельбурне. Умер 23 августа 1963 г. в Мельбурне.

⁹⁴ **Солтысов Константин Константинович.** Прапорщик Донского казачьего войска. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку. После похода — сотник л.-гв. Казачьего полка в Донской армии. Умер после ранения 19 марта 1919 г. у хут. Семимаячного.

⁹⁵ **Скалозубов Вячеслав Николаевич.** Прапорщик Донского казачьего войска. Чернецовец. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку, затем в 1-м конном полку. После похода — хорунжий л.-гв. Казачьего полка в Донской армии.

⁹⁶ Она скончалась в 1984 г. в Париже.

⁹⁷ **Поздеев Константин Ростиславович,** р. 22 октября 1887 г. Из казаков ст. Новочеркасской Области Войска Донского. Донской кадетский корпус (1905), Михайловское артиллерийское училище (1908). Есаул л.-гв. Казачьего полка. Георгиевский кавалер. В Донской армии; с 1 апреля 1918 г. — участник освобождения Новочеркасска, затем помощник командира в своем полку, с 10 мая 1918 г. войсковой старшина, с 5 марта 1920 г. командир л.-гв. Казачьего полка. Ранен в августе и октябре 1919 г., августе и октябре 1920 г. Генерал-майор (с 4 октября 1920 г.). В эмиграции заместитель (на декабрь 1924 г.) и затем председатель полкового объединения, представитель Донского атамана при РОВС, на ноябрь 1951 г. помощник председателя объединения л.-гв. Казачьего полка и представитель в Гвардейском объединении от 3-й гвардейской кавалерийской дивизии, член правления Союза Георгиевских кавалеров. На декабрь 1963 г. председатель Гвардейского объединения. Умер 2 января 1981 г. в Курбева (погребен в Сент-Женевьев-де-Буа).

⁹⁸ Воспоминания С.Н. Ряснянского публикуются ниже.

⁹⁹ **Рашпиль Георгий Антонович.** Из дворян Кубанской обл. Полковник В начале 1918 г. в Кубанских частях. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир Кубанского конного дивизиона. Убит 31 марта 1918 г. под Екатеринодаром.

¹⁰⁰ Есаул Собственного Его Императорского Величества конвоя **Иван Андreeвич Ветер** (впоследствии полковник) был женат на сестре Г.А. Рашпиля Нине.

¹⁰¹ **Галушкин Николай Васильевич**, р. в 1893 г. в Санкт-Петербурге. Из казаков ст. Темнолесской Кубанской обл. Сын офицера. Окончил Воронежский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1913). Есаул Собственного Его Императорского Величества конвоя. Впоследствии войсковой старшина, помощник командира дивизиона Собственного Его Императорского Величества конвоя до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе дивизиона л.-гв. Кубанской и Терской казачьих сотен в Югославии. В эмиграции в Югославии, помощник командира 3-го Сводно-Кубанского полка; служил в Русском Корпусе. Полковник. Умер 6 июля 1964 г. в Лос-Анджелесе (США).

¹⁰² **Баронесса София де Бодe** была одной из девушек, окончивших Александровское военное училище (1917). Участница октябрьских боев в Москве и 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Убита 31 марта 1918 г. под Екатеринодаром.

¹⁰³ **Бузун Петр Григорьевич.** Капитан. Во время 1-го Кубанского («Ледяного») похода — в Партизанском полку, с 31 марта 1918 г. командир 2-го батальона и помощник командира Партизанского (Алексеевского) полка, с июня 1919 г. командир 1-го Алексеевского полка, с ноября 1919 г. полковник, с апреля 1920 г. командир Алексеевского полка. В эмиграции в Югославии. Служил в Русском Корпусе. Убит 19 мая 1943 г. у Вальева (Югославия).

¹⁰⁴ **Хан Хаджиев Резак Бек**, р. в 1895 г. в Хиве. Происходил из семьи хивинских ханов. Окончил 3-й Московский кадетский корпус, Тверское кавалерийское училище (1916). Поручик Текинского конного полка. В Добровольческой армии с декабря 1917 г., личный адъютант Л.Г. Корнилова. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Весной 1918 г. уехал в Хиву и воевал на Закаспийском фронте; затем через Багдад и Индию пробрался в Сибирь и воевал в армии адмирала Колчака. В эмиграции жил в Шанхае, затем в Японии, с 1962 г. — в Мексике. Умер 20 мая 1966 г. в Мехико. Автор книги о генерале Корнилове «Великий Бояр» (Белград, 1929).

¹⁰⁵ Интервью, данное газете «Русская Мысль». Впервые опубликовано: Русская мысль, № 1271—1272, 1274. 30 сентября, 2 и 7 октября 1958.

¹⁰⁶ Имеется в виду полковник **Владимир Васильевич Галицин**. С ноября 1917 г. он находился в рядах Добровольческой армии в Новочеркасске. Во время 1-го Кубанского похода находился при штабе армии.

¹⁰⁷ **Краснушкин Вениамин Александрович.** Из дворян Области Войска Донского, сын войскового старшины, казак ст. Константиновской. В 1917—1918 гг. редактор газеты «Вольный Дон» при атамане Каледине, в

1918—1919 г. редактор журнала «Донская волна». Писатель (псевдоним — Вик. Севский). Расстрелян большевиками в 1920—1921 г. в Ростове.

¹⁰⁸ Имеется в виду полковник **Владимир Дмитриевич Григорьев** — командир Текинского конвоя А.Г. Корнилова в 1-м Кубанском походе.

¹⁰⁹ **Мистулов Эльмурза Асланбекович**, р. в 1869 г. Из казаков-осетин ст. Чернойарской Терского казачьего войска. В службе с 1885 г., офицером с 1889 г. Генерал-майор, командир бригады 1-й Кубанской казачьей дивизии. В 1918 г. избран командующим войсками Терского района, руководитель восстания терского казачества в июне 1918 г. Застрелился 30 октября 1918 г. у ст. Прохладной.

¹¹⁰ Имеется в виду поручик **Петр Продун**, участник 1-го Кубанского похода.

¹¹¹ **Трегубов Владимир Иванович**. Учащийся Ростовского мореходного училища. В декабре 1917 г. — январе 1918 г. доброволец в Морской роте Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Затем на Каспийской флотилии. С 1921 г. на Сибирской флотилии. Мичман (с лета 1918 г.). Умер 7 апреля 1935 г. в Брисбене (Австралия).

¹¹² Очевидно, имеется в виду полковник **Петр Георгиевич Корнилов**. В 1918 г. — январе 1919 г. он был одним из руководителей антибольшевистской «Туркестанской военной организации», затем в 1919 г. — начальником штаба «Мусульманской армии» полковника Мадамин-бека. Расстрелян большевиками в начале 1920 г. в Ташкенте.

¹¹³ **Львов Николай Николаевич**, р. в 1867 г. Товарищ председателя Государственной Думы. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, затем в Вооруженных Силах Юга России до эвакуации Новороссийска. В эмиграции в 1921 г. член Русского Совета, с марта 1922 г. член ЦК Русского Народно-Монархического союза. Писатель и публицист.

¹¹⁴ В настоящем издании публикуются главы из книги: Львов Н.Н. Свет во тьме. Очерки Ледяного похода. Сидней, 1972.

¹¹⁵ **Родионов Иван Александрович**. Есаул, писатель, редактор «Армейского вестника» Юго-Западного фронта, член Главного комитета Союза офицеров. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г., быховец. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Полковник. Умер 24 января 1940 г. в Берлине.

¹¹⁶ **Зейме Сергей Рудольфович**. Капитан л.-гв. Преображенского полка. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. в 3-й офицерской роте. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Офицерском полку. Затем в 6-й (гвардейской) роте Марковского полка. Убит 15 июля 1918 г. у Кореновской.

¹¹⁷ **Половцов А.В.** — член Государственной Думы. В Добровольческой армии с декабря 1917 г., начальник инженерной части. В эмиграции с 1921 г. член Русского Совета. Его воспоминания (главы из книги «Рыцари тернового венца», изданной впервые в 1920-х годах в Праге) публикуются ниже.

¹¹⁸ **Вера Вадимовна Энгельгард** после 1-го Кубанского похода служила сестрой милосердия в частях гвардейской кавалерии, где служил и ее брат — ротмистр **Юрий Вадимович Энгельгард**. Оба они были участниками Бре-

довского похода и после интернирования в Польше 20 июля 1920 г. были эвакуированы в Югославию, откуда возвратились в Крым в Русскую Армию генерала барона Врангеля.

¹¹⁹ Штабс-капитан **Капелька** (псевдоним гвардии полковника кн. Ухтомского) в Добровольческой армии с января 1918 г. состоял в офицерском батальоне. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку. Убит 9 марта 1918 г. под с. Филипповским.

¹²⁰ Имеется в виду прапорщик **Александр Семенович Сокольниковский**.

¹²¹ **Богаевский Митрофан Петрович** (брат А.П. Богаевского), р. в 1881 г. Окончил Новочеркасскую гимназию (1903), Санкт-Петербургский университет (1911). Директор гимназии в ст. Каменской. С 18 июня 1917 г. помощник войскового атамана Всевеликого Войска Донского и председатель войскового Круга. Расстрелян большевиками 1 апреля 1918 г. в Ростове.

¹²² **Волошинов Евгений Андреевич**. Войсковой старшина Донской артиллерии. Председатель войскового Круга Всевеликого Войска Донского. Расстрелян 15—17 февраля 1918 г. в Новочеркасске.

¹²³ **Усачев Куприян Яковлевич**, р. в 1857 г. Генерал-майор. Георгиевский кавалер. В январе 1918 г. окружной атаман ст. Каменской, командующий войсками Каменского района. Убит большевиками 17 марта 1918 г. в Новочеркасске.

¹²⁴ **Орлов Иван Давыдович**, р. 3 февраля 1870 г. Из дворян Всевеликого Войска Донского, казак ст. Старочеркасской. Окончил Пажеский корпус (1891). Генерал-майор л.-гв. Казачьего полка, командир Донской дивизии. В январе 1918 г. начальник войск Макеевского района, затем в распоряжении Донского атамана. Взят в плен и убит 14 марта 1918 г. в Новочеркасске.

¹²⁵ Имеется в виду коллежский советник **Николай Михайлович Родзянко** (умер в Париже).

¹²⁶ **Суворин Борис Алексеевич**, р. 24 декабря 1879 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян. Известный журналист, издатель газеты «Новое время». Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, издатель «Полевого листка Добровольческой Армии», затем возобновил при армии издание «Нового времени». Летом 1920 г. выехал во Францию с поручением генерала Врангеля. В 1924 г. возродил газету «Вечернее время», с 1926 г. на Дальнем Востоке, редактор газеты «Шанхайская заря» и «Время», затем вернулся во Францию, с 1938 г. в Югославии. Умер 18 января 1940 г. в Белграде.

¹²⁷ В настоящем издании публикуются главы из книги: Б.А. Суворин. За Родину. Париж, 1922.

¹²⁸ **Аладьин Алексей Федорович**, р. в 1873 г. Из крестьян. Окончил народное училище, 3-ю Казанскую гимназию, Казанский университет. Член Государственной Думы, журналист. Лейтенант английской армии. Летом 1917 г. поддерживал связь с генералом Л.Г. Корниловым. Участник выступления Корнилова, быховец. В феврале 1918 г. ушел из Новочеркасска в Степной поход. Затем в Добровольческой армии, ВСЮР и Русской Армии. Участник организации эвакуации Крыма. В эмиграции в Константинополе, Париже и Лондоне. Умер в 1927 г.

¹²⁹ Опубликовано: Первопоходник, № 30. Март—май 1976 г.

¹³⁰ **Орехов Василий Васильевич**, р. в 1897 г. В Добровольческой армии, ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Штабс-капитан. На 18 декабря 1920 г. в 1-й роте Железнодорожного батальона Технического полка в Галлиполи. Осенью 1925 г. в составе Технического батальона во Франции. В эмиграции в Бельгии. Издатель и бессменный редактор журнала «Часовой». Капитан. Умер 6 июля 1990 г. в Брюсселе.

¹³¹ **Ряснянский Сергей Николаевич**, р. в 1886 г. Из дворян. Окончил Полтавский кадетский корпус (1904), Елисаветградское кавалерийское училище (1906), академию Генштаба (1914). Георгиевский кавалер. Капитан, состоял в распоряжении начальника штаба Румынского фронта. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г., быховец. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Во время 1-го Кубанского похода — в разведотделе штаба армии. 23 марта 1918 г. командирован к генералу П.Х. Попову. С апреля 1918 г. начальник разведывательного отдела штаба армии; с конца 1918 г. полковник, начальник штаба конной группы Донской армии; с 25 марта 1920 г. в резерве офицеров Генштаба при штабе Донского корпуса; 24 апреля — 10 октября 1920 г. командир Гвардейского кавалерийского полка, в сентябре 1920 г. командир 2-й бригады 2-й кавалерийской дивизии. В Галлиполи командир 4-го кавалерийского полка. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже, в 1922—1923 гг. преподаватель Николаевского кавалерийского училища. Во время Второй мировой войны служил начальником штаба в 1-й Русской Национальной армии. После 1945 г. — в США, с 1954 г. начальник Северо-Американского отдела РОВС и заместитель начальника РОВС, редактор «Вестника совета русского зарубежного воинства». Умер 26 октября 1976 г. в Нью-Йорке. Автор ряда военно-исторических трудов, в т. ч.: Краткая история 10-го гусарского Ингерманландского полка. США, Б. г.; Русско-японская война. Нью-Йорк, 1954; Русская армия перед революцией 1917 года. Нью-Йорк, 1956.

¹³² Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 53—54. Февраль—март 1966.

¹³³ Все они летом 1917 г. окончили Александровское военное училище в Москве (это был первый и единственный опыт такого рода), большинство — по специальности пулеметчицы.

¹³⁴ Речь идет о первом бое с большевиками на Кубани отряда войскового старшины **Галаева**, в котором пулеметчица **Т. Бархаш** сыграла выдающуюся роль, обеспечив победу добровольцев.

¹³⁵ Сестры **Мерсье** отличились во время октябрьских боев с большевиками в Москве. Во время 1-го Кубанского похода находились в составе 2-й роты Корниловского ударного полка. **Вера Мерсье** погибла в 1-м Кубанском походе, а **Мария** была убита в 1919 г. под Воронежем.

¹³⁶ **Зинаида Иосифовна Готгардт** во время 1-го Кубанского похода служила в разведывательном отделе штаба армии. Позже воевала во 2-й батарее Дроздовской артиллерийской бригады. Подпоручик. В эмиграции жила в Югославии, где покончила жизнь самоубийством.

¹³⁷ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 29. Февраль 1964.

¹³⁸ Брат С.Н. Ряснянского был офицером 10-го гусарского Ингерманландского полка и с декабря 1918 г. служил в возрожденном в Добровольческой армии дивизионе своего полка.

¹³⁹ **Лукомский Александр Сергеевич**, р. в 1868 г. Из дворян. Окончил Полтавский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище (1888), академию Генштаба (1897). Генерал-лейтенант, начальник штаба Верховного главнокомандующего. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г., быходец. В Добровольческой армии и ВСЮР с ноября 1917 г., начальник штаба Алексеевской организации. С 24 декабря 1917 г. начальник штаба Добровольческой армии, с 2 февраля 1918 г. представитель Добровольческой армии при атамане Всевеликого Войска Донского. С февраля 1918 г. в командировке Царицын—Харьков—Севастополь—Одесса для связи с офицерскими организациями. В июле 1918 г. возвратился на Дон, с августа 1918 г. зампредела Особого Совещания и помощник командующего Добровольческой армией, с октября 1918 г. начальник Военного управления. С 12 октября 1919 г. до февраля 1920 г. председатель Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР. В марте 1920 г. выехал в Константинополь, с апреля 1920 г. представитель Русской Армии при союзном командовании. С ноября 1920 г. в распоряжении Главнокомандующего. В эмиграции в Белграде, США, во Франции; помощник Великого Князя Николая Николаевича, с 1928 г. в распоряжении председателя РОВС. Умер 25 февраля 1939 г.

¹⁴⁰ В настоящем издании публикуется часть главы из воспоминаний генерала Лукомского (А.С. Лукомский. Воспоминания. Т. 1—2. Берлин, 1922).

¹⁴¹ **В. Иляхинский** во время 1-го Кубанского похода был врачом 6-го отделения походного лазарета Добровольческой армии. Умер в эмиграции после 1958 г.

¹⁴² Впервые опубликовано: Первые — начавшие. Издание Главного правления Союза участников 1-го Кубанского похода. Под редакцией С.Н. Ряснянского. Нью-Йорк, 1958.

¹⁴³ Речь идет о станице Елизаветинской. О судьбе оставшихся там раненых см. публикуемые ниже воспоминания В. Иванова.

¹⁴⁴ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 26. Ноябрь 1963.

¹⁴⁵ **Илья Карабут** — сын офицера Кубанского казачьего войска. Во время описываемых событий ему было 13 лет. В эмиграции оказался после Второй мировой войны.

¹⁴⁶ Впервые опубликовано: Первопоходник. № 6. Июнь 1972.

¹⁴⁷ Приводимые здесь воспоминания марковцев приводятся по книге подполковника В.Е. Павлова, составленной по запискам и дневникам более 100 чинов марковских частей: Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917—1920 годов. Т. 1. Париж, 1962. **Павлов Василий Ефимович**. Окончил Алексеевское военное училище (1914). Капитан. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, затем в 7-й роте 1-го Офицерского (Марковско-го) полка, с июня 1918 г. помощник командира, с июля 1918 г. командир 7-й роты. В октябре 1919 г. командир 3-го батальона в 3-м Марковском

полку, в Русской Армии до эвакуации Крыма. Подполковник. Галиполиец. В эмиграции во Франции.

¹⁴⁸ **Плохинский Назар Борисович**. Из крестьян. Подполковник. В Добровольческой армии с декабря 1917 г.; командир 1-й офицерской роты. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м Офицерском (Марковском) полку; командир роты, затем командир 1-го батальона. Ранен 16 июля 1918 г. у ст. Кореновской. Умер от ран 19 июля 1918 г.

¹⁴⁹ Имеются в виду части, прикрывавшие южный фронт обороны Ростова, проходивший через Батайск, — Морская рота и Ударный дивизион Кавказской кавалерийской дивизии.

¹⁵⁰ Имеется в виду 3-я Киевская школа прапорщиков. Одна из первых частей Добровольческой армии. Переведенная в начале ноября 1917 г. из Киева, она (состояла из 2 рот) стояла гарнизоном в Таганроге. Насчитывала 400 человек. 17 января 1918 г. при большевистском восстании в Таганроге погибло более 300 офицеров (в т. ч. других частей) и юнкеров, а остальные юнкера (141 человек) были перебиты 22-го при выходе из города после перемирия. До 50 офицеров и юнкеров было брошено в доменную печь на металлургическом заводе, кроме того, после изгнания большевиков в мае было обнаружено около 100 трупов. При реорганизации армии в начале 1-го Кубанского похода 11—13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской остатки школы вошли в состав Сводно-Офицерского полка и Особого Юнкерского батальона. Начальник — полковник Мастыка. Командиры рот: подполковник Дедюра, подполковник Макаревич.

¹⁵¹ Ростовская офицерская рота. Одна из первых частей Добровольческой армии. В декабре 1917 г. в Ростове было открыто бюро записи добровольцев с целью создать Ростовский офицерский полк. В течение двух недель записалось около 300 человек, из которых 200 составили Ростовскую офицерскую роту, а остальные направлены на пополнение 2-й и 3-й Офицерских, Морской и Технической рот и Студенческого батальона. При реорганизации армии в начале 1-го Кубанского похода 11—13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской вошла в состав Сводно-Офицерского полка. Командир — капитан Петров.

¹⁵² Штабс-капитан **Згривец** был убит в мае 1918 г. под Сосыкой.

¹⁵³ Поручик **Виктор Викторович Якушев** был в составе Добровольческой армии с 16 декабря 1917 г. в 3-й роте 1-го Офицерского батальона; с 3-го по 14 января 1918 г. — в партизанском отряде в тылу большевиков. Участник боев под Гуковом 18—20 января и Ростовом 9 февраля 1918 г. В 1-м Кубанском походе ранен 15 марта 1918 г. под Ново-Дмитриевской. В августе 1918 г. — августе 1919 г. в 1-й роте 1-го Марковского полка. Убит до 1920 г.

¹⁵⁴ Корнет 3-го Заамурского конного полка **Пржевальский** был убит 31 марта 1918 г. под Екатеринодаром.

¹⁵⁵ **Кондырин Николай Иванович** р. в 1884 г. Полковник Донского казачьего войска. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. командир Технической роты, во главе которой участвовал и в 1-м Кубанском походе. В дальнейшем генерал-майор (1918 г.), командир Донской броневой железнодорожной бригады. Эвакуирован до осени 1920 г. В эмиграции в Югославии.

¹⁵⁶ Поручик **Кромм** — один из первых добровольцев, к 15 декабря 1917 г. он был командиром роты в 1-м Офицерском батальоне.

¹⁵⁷ Имеется в виду полковник **Борис Евгеньевич фон Бонин**.

¹⁵⁸ Прапорщик **Петр Эдуардович Шмидт** (р. около 1878 г.) — один из первых добровольцев Технической роты. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й инженерной роте. Убит в августе 1918 г. петлюровцами в Екатеринославе.

¹⁵⁹ Полковник **Василий Николаевич Биркин** (офицер 6-го гренадерского полка) был преподавателем Донского кадетского корпуса. После 1-го Кубанского похода, который он до конца проделал в 4-й роте 1-го Офицерского полка, вернулся в корпус, с которым весной 1920 г. был эвакуирован в Египет. Умер в эмиграции.

¹⁶⁰ Подполковник **Александр Александрович Арент**, преподаватель Донского кадетского корпуса, вместе с сыном Константином проделал 1-й Кубанский поход в 1-м Офицерском полку; в дальнейшем служил во 2-м запасном батальоне Вооруженных Сил Юга России.

¹⁶¹ **Суровецкий Николай Васильевич**. Войсковой старшина Терского казачьего войска, преподаватель Донского кадетского корпуса. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Офицерском полку. Весной 1918 г. вернулся в Донской кадетский корпус. С 1920 г. инспектор классов и преподаватель 1-го Донского кадетского корпуса в Египте. Полковник.

¹⁶² **Суровецкий Борис Васильевич** (младший брат Н.В. Суровецкого), р. в 1884 г. Окончил 2-й Московский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище (1905). Есаул Терского казачьего войска, воспитатель Донского кадетского корпуса. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 4-й роте Офицерского полка. Весной 1918 г. вернулся в Донской кадетский корпус, с осени 1918 г. — войсковой старшина. Награжден орд. Св. Анны 2 степени (21 июля 1920 г.). В эмиграции — преподаватель Донского кадетского корпуса. Умер 4 апреля 1960 г. в Нью-Йорке.

¹⁶³ **Мишустов Николай Михайлович** впоследствии был произведен в прапорщики и воевал в Донской армии и Русской Армии до эвакуации Крыма, после эвакуации — в 1-м Донском пластунском полку. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. — в составе Донского офицерского резерва в Болгарии. Хорунжий.

¹⁶⁴ Кадет Донского кадетского корпуса **Владимир Ажинов** был убит 3 марта 1918 г. под Березанской.

¹⁶⁵ **Смола-Смоленко Елисей Климентьевич**, р. 26 июня 1894 г. в Киве. Окончил 1-ю Житомирскую гимназию (1914), Одесскую школу прапорщиков (1915). Поручик. В Добровольческой армии с января 1918 г. В марте 1918 г. во 2-м Офицерском батальоне. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода во 2-й роте Офицерского полка. Тяжело ранен, вернулся в полк без правой руки; в сентябре — ноябре 1918 г. в 1-й роте Офицерского (Марковского полка). В Русской Армии в Марковской дивизии до эвакуации Крыма. Трижды ранен. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского полка в Болгарии. Подполковник (с 1 октября 1920 г.). В эмиграции в Болгарии. Служил в Русском Корпусе (командир роты). После 1945 г. — в Австрии, Чили,

с 1958 г. в США. Член Общества Ветеранов. Умер 13 ноября 1964 г. в Пало-Алто (США).

¹⁶⁶ Имеется в виду штабс-ротмистр **Всеволод Концепин**.

¹⁶⁷ **Гурчин Валериан Николаевич**, р. в 1897 г. Окончил Сибирский кадетский корпус и Александровское военное училище (1916). Поручик л.-гв. Измайловского полка. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: в марте 1918 г. в Юнкерском батальоне, затем в 3-й роте Офицерского полка. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Капитан. Служил в Русском Корпусе. Умер в конце мая 1976 г. в Сантьяго.

¹⁶⁸ **Кедрин Александр Петрович**. Прапорщик. В дальнейшем — штабс-капитан Марковского полка. В эмиграции член Главного правления Союза Первопоходников. Служил в Русском Корпусе. Капитан. После 1945 г. — в США, член отдела Общества Галлиполийцев в США. Умер 27 апреля 1967 г. в Нью-Йорке.

¹⁶⁹ **Дорошевич (Дорошевич-Никшич) Николай Николаевич**. Полковник, командир л.-гв. Гренадерского полка. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. (прибыл со знаменем полка). С февраля 1918 г. командир 3-й офицерской (гвардейской) роты. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир гвардейского взвода, с 17 марта 1918 г. командир 2-го батальона Офицерского полка. В апреле 1918 г. помощник командира 1-го офицерского (Марковского) полка, в июне 1918 г. командир полка, в июле 1918 г. командир 3-го батальона того же полка, июль — август до 23 сентября 1918 г. командир Солдатского (затем Самурского) полка, затем в 4-м батальоне Марковского полка, с 28 сентября 1918 г. командир Сводно-гвардейского полка. Взят в плен и убит 2 октября 1918 г. под Армавиром.

¹⁷⁰ **Назимов Владимир Федорович**. Полковник. В Добровольческой армии в декабре 1917 г. в Студенческом батальоне. Во время 1-го Кубанского похода в Офицерском полку. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской дивизии до эвакуации Крыма. Генерал-майор. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского полка в Болгарии. Умер 3 февраля 1949 г. в Мюнхене.

¹⁷¹ **Дончиков Владимир Николаевич**. Поручик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Юнкерском батальоне. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В эмиграции в 1922 г. в Болгарии. Осенью 1925 г. в составе 1-й Галлиполийской роты во Франции. Капитан. Умер 6 сентября 1956 г. в Париже.

¹⁷² **Федоров Павел Александрович**, р. 14 августа 1896 г. в Казани. Окончил Казанскую учительскую семинарию, Казанскую школу прапорщиков (1915). Поручик 18-го стрелкового полка. Участник октябрьских боев в Москве. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в команде связи Офицерского полка. Тяжело ранен, после похода — во 2-м запасном батальоне, затем начальник комендантской команды в Армавире (в 6-м запасном батальоне), участвовал в боях с бандами Махно. Эвакуирован в Константинополь. Офицер для поручений при посольстве, с 1924 г. в Албании, после 1945 г. — в Канаде. Умер 18 ноября 1972 г. в Монреале (погребен в монастыре Ново-Дивеево).

¹⁷³ **Шперлинг Александр Альфредович**, р. в 1895 г. Из дворян Прибалтики. Окончил 1-й Московский кадетский корпус (1913), Михайловское артиллерийское училище (1914). Штабс-капитан. С января 1918 г. в Юнкерской батарее, участник рейда отряда Чернецова и 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Затем в 1-й артиллерийской бригаде, с 16 декабря 1918 г. командир 1-й батареи в 1-й (затем Марковской) артиллерийской бригаде, капитан, с 26 марта 1920 г. полковник. Кавалер орд. Св. Николая Чудотворца. Убит 6 августа 1920 г. у раз. Чакрак в Северной Таврии.

¹⁷⁴ **Николай Николаевич Александров** умер 8 июня 1950 г. в Мариенвиле (Франция).

¹⁷⁵ **Марченко Дионисий Андреевич**. Окончил учительскую семинарию. Штабс-капитан, командир батальона 124-го пехотного полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с января 1918 г. в 1-м офицерском батальоне. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: рядовой в 1-й роте Офицерского полка. Тяжело ранен. С 14 марта 1919 г. капитан, комендант штаба 1-го армейского корпуса, с осени (сентябрь) 1919 г. командир 2-го батальона 1-го Марковского полка, затем помощник командира полка, декабрь 1919 г. — 29 сентября 1920 г. и с октября 1920 г. командир того же полка. Полковник (26 марта 1920 г.). В эмиграции в Югославии, с декабря 1937 г. командир Марковского полка. Умер 24 сентября 1968 г. в Югославии.

¹⁷⁶ Впервые опубликовано: Часовой. № 565—567. Июнь—сентябрь 1973.

¹⁷⁷ **Бутенко Василий Феодосьевич**. Штабс-капитан. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. в 1-й офицерской роте, с января 1918 г. в 1-м офицерском батальоне. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й роте Офицерского полка. Ранен 21 февраля 1918 г. под с. Лежанка. С 14 марта 1919 г. капитан, в июле 1919 г. казначей полка. Подполковник. В эмиграции в США. Умер 5 февраля 1976 г. в Нью-Йорке.

¹⁷⁸ **Коломацкий Всеволод Владимирович**. Поручик. В Добровольческой армии с 1 января 1918 г. в 1-м офицерском батальоне. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В октябре 1918 г. — июле 1919 г. в 1-й роте 1-го Марковского полка, затем начальник команды в Марковских частях. Ранен 4 марта 1918 г. под Кореновской, 9 марта 1918 г. под Филипповскими хуторами и 13 октября 1918 г. под Армавиром. С 30 сентября 1919 г. штабс-капитан. С 21 октября 1920 г. командир 1-го Марковского полка. Капитан. В эмиграции в с. Русском, Ракошин (в Чехословакии).

¹⁷⁹ Штабс-капитан **Некрашевич** был одним из самых первых добровольцев. С 15 ноября 1917 г. он был командиром Офицерской роты — первой части Добровольческой армии. В 1-м Кубанском походе в 1-й роте Офицерского полка. Убит 30 марта 1918 г. под Екатеринодаром.

¹⁸⁰ **Рейнгард Юрий (Георгий) Александрович**. Студент Института восточных языков, окончил Александровское военное училище (1917). Прапорщик 175-го пехотного полка. Член Алексеевской организации в Петрограде. Чернецовец. С января 1918 г. в 1-м офицерском батальоне. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й роте Офицерского полка. С октября 1918 г. в 1-й роте Марковского полка, затем в охране Великого Князя

Николая Николаевича, охранной роте при Ставке, с мая 1919 г. снова в 1-м Марковском полку, затем во 2-м Марковском полку, с августа 1919 г. командир роты того же полка до эвакуации Крыма. Кавалер орд. Св. Николая Чудотворца. Капитан. В эмиграции в Бельгии. Умер 5 апреля 1976 г. в Брюсселе.

¹⁸¹ Воспоминания Ю.А. Рейнгардта о 1-м Кубанском походе разновременно публиковались в виде отдельных рассказов в журналах «Вестник первопоходника» и «Первопоходник».

¹⁸² Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 20. Май 1963.

¹⁸³ **Ершов Александр Вакулович.** Поручик. Во время 1-го Кубанского похода в 1-й роте Офицерского полка. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской дивизии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. — в составе 3-й роты Марковского полка в Галлиполи. Капитан.

¹⁸⁴ **Пелевин Василий Александрович.** Прапорщик. В Добровольческой армии с 18 ноября 1917 г. в Юнкерском батальоне, с 29 декабря 1917 г. в 1-м Офицерском батальоне. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й роте Офицерского полка, в которой состоял и во время 2-го Кубанского похода. Ранен 6—7 июля 1918 г. под Крыловской и Екатериновской. К июлю 1919 г. в 1-й роте 1-го Марковского полка. Поручик.

¹⁸⁵ Речь идет о взятии станции Гуково 21 января 1918 г.

¹⁸⁶ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 22. Июль 1963.

¹⁸⁷ **Залеткин Георгий Николаевич.** Окончил Одесское военное училище (1914). Поручик 139-го пехотного полка. В Добровольческой армии с 2 января 1918 г. в 3-й роте в 1-м офицерском батальоне. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й роте Офицерского полка. Ранен 24 марта 1918 г. у Георгие-Афипской. В октябре 1918 г. — июле 1919 г. в 1-й роте 1-го Марковского полка. В Русской Армии в Марковской дивизии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского полка в Болгарии. Подполковник. В эмиграции в Болгарии, 1935 г. начальник отдела Союза Первопоходников в Софии. Затем в Югославии. Служил в Русском Корпусе. С 1954 г. в США. Умер 19 сентября 1984 г. в Лос-Анджелесе (США).

¹⁸⁸ **Успенский Василий Степанович.** Поручик. В Добровольческой армии; с 30 декабря 1917 г. в Офицерском полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, в сентябре—декабре 1918 г. в 6-й роте 1-го Офицерского (Марковского) полка. Ранен 14 сентября 1918 г. под Армавиrom. С 20 августа 1919 г. штабс-капитан, с 30 сентября 1919 г. капитан.

¹⁸⁹ Поручик **Александр Андреевич Паль** начал службу в Добровольческой армии в 1-м Офицерском батальоне, во время 1-го Кубанского («Ледяного») похода был в 1-й офицерской роте Офицерского полка, в которой служил и в дальнейшем.

¹⁹⁰ Поручик **Недошивин** впоследствии продолжал служить в той же роте. Во время 2-го Кубанского похода был ранен 6—7 июля 1918 г. под Крыловской и Екатериновской.

¹⁹¹ **Платов Михаил Михайлович.** Из Царицына. Участник 1-го Кубанского похода в 1-й роте Офицерского полка, в которой служил до конца

1918 г. Вольноопределяющийся, затем младший унтер-офицер. Был ранен 1 ноября 1918 г. под с. Татарка. Участник Бредовского похода. С августа 1920 г. в пулеметной команде 1-го Марковского полка.

¹⁹² **Крыжановский Всеволод Владимирович**, р. в 1892 г. Штабс-капитан. В 1-м Кубанском походе в 1-й роте Офицерского полка; в августе—декабре 1918 г. в 1-й роте, в июле 1919 г. в команде пеших разведчиков 1-го Марковского полка. Ранен 2 сентября 1918 г. под Белореченской. С ноября 1919 г. капитан, командир 2-го Марковского полка. В Русской Армии во 2-м Марковском полку до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского полка во Франции. Полковник. Умер 31 декабря 1980 г. в Монморанси (Франция).

¹⁹³ **Образцов Дмитрий Васильевич**. Студент, доброволец 14-го пехотного полка, награжден 4 Георгиевскими крестами и в 1915 г. произведен в офицеры (командир батальона). В Добровольческой армии с конца 1917 г.; с 3 января 1918 г. в 3-й роте 1-го Офицерского батальона, 9—31 января 1918 г. начальник нестроевой команды того же батальона. Участник 1-го Кубанского похода в Офицерском полку. В июле 1918 г. адъютант 1-го Офицерского (Марковского) полка, в декабре 1918 г. в 6-й роте того же полка. Ранен 4 марта 1918 г. под Кореновской, затем 20 апреля 1918 г. (остался в строю) и 20 июля 1918 г. С 14 марта 1919 г. — капитан. В марте 1919 г. — адъютант полка, затем командир офицерской роты, с 7 июля 1919 г. командир 4-го батальона 1-го Марковского полка, затем (с июля 1919 г.) помощник командира 2-го Марковского полка. Убит 2 ноября 1919 г. в с. Касорном. Посмертно произведен в полковники.

¹⁹⁴ Впервые опубликовано: Вестник первоходника. № 23. Август 1963.

¹⁹⁵ Впервые опубликовано: Вестник первоходника. № 21. Июнь 1963.

¹⁹⁶ Впервые опубликовано: Вестник первоходника. № 22. Июль 1963.

¹⁹⁷ Штабс-капитан **Павел Федорович Поляков** служил в 1-й роте 1-го Офицерского полка, с которой проделал 1-й Кубанский поход, до конца 1918 г.

¹⁹⁸ **Папков Михаил Владимирович**. Штабс-капитан. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. в офицерском батальоне. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской роте; с 13 октября 1918 г. до осени 1919 г. командир 1-й роты в 1-м Марковском полку, командир батальона в 1-м Марковском полку. В ноябре 1919 г. командир 1-го батальона в 3-м Марковском полку. Капитан (с 14 декабря 1919 г.). Убит 18 декабря 1919 г. в с. Алексеево-Леоново.

¹⁹⁹ Прапорщик **Василий Тихомиров** после 1-го Кубанского похода продолжал служить в 1-й роте Офицерского (Марковского) полка. 23 марта 1919 г. произведен в подпоручики.

²⁰⁰ **Игнатов Николай** (2-й). Юнкер Виленского военного училища. В Добровольческой армии во 2-м офицерском батальоне. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В июне 1918 г. — июле 1919 г. в 1-й роте 1-го Марковского полка. С 12 февраля 1918 г. прапорщик, с 13 июня 1919 г. подпоручик, с 18 июня 1919 г. поручик.

²⁰¹ Впервые опубликовано: Вестник первоходника. № 24. Сентябрь 1963.

²⁰² **Эйхенбаум Иван Андреевич**, р. в 1895 г. в Риге. Офицер с 1914 г. Георгиевский кавалер. Капитан 52-го пехотного полка. В Добровольческой армии; участник 1-го Кубанского похода в 3-й роте Офицерского полка. Затем — в штабе 3-го армейского корпуса. Полковник. В эмиграции с 1920 г. в Латвии, служил в латвийской армии. После 1945 г. — в Аргентине, председатель Южно-Американского отдела Союза Первопоходников, начальник группы РОВС в Аргентине. Умер 12 ноября 1982 г. в Буэнос-Айресе.

²⁰³ Впервые опубликовано: *Ледяной поход. 1918 — 1953*. Нью-Йорк, 1953.

²⁰⁴ Впервые опубликовано: *Вестник первопоходника*. № 21. Май 1963.

²⁰⁵ Фамилия приведена неверно. Имеется в виду **Моллер Михаил Николаевич** (1-й), р. в 1890 г. Полковник л.-гв. Преображенского полка. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир отделения гвардейского взвода, с 17 марта 1918 г. командир гвардейского взвода 3-й роты Офицерского полка. В июне 1918 г. в 4-м батальоне 1-го Марковского полка, с 28 сентября 1918 г. в Сводно-гвардейском полку, с 29 сентября 1918 г. начальник хозяйственной части того же полка. Умер в 1964 г. во Франции (погребен на Сент-Женевьев-де-Буа).

²⁰⁶ **Эльманович Владимир Сергеевич**. Окончил Отдельные гардемаринские классы (1917). Мичман минной бригады Черноморского флота. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Морской роте. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Офицерском полку. Тяжело ранен, затем служил в тяжелой артиллерии, в июне 1918 г. — в Донской флотилии, затем в Новороссийском военном порту; с 22 января 1919 г. в Донской армии, с 18 июля 1919 г. на истребителе № 3 Каспийской флотилии. Лейтенант. Умер 17 марта 1967 г. в Помпано-Бич (Флорида).

²⁰⁷ Впервые опубликовано: *Вестник первопоходника*. № 12. Сентябрь 1962. В настоящем издании помещен фрагмент воспоминаний, касающийся 1-го Кубанского похода. Предыдущая часть помещена в первом томе серии «Белое движение в России» — «Зарождение Добровольческой армии».

²⁰⁸ Приводимые воспоминания корниловцев были опубликованы в сборнике, составленном М.А. Критским: *Корниловский Ударный полк*. Париж, 1936.

²⁰⁹ **Кириенко Иван Касьянович**, р. 12 октября 1880 г. в Киевской губернии. Из дворян, сын офицера. Окончил Киевский кадетский корпус (1899), Киевское военное училище (1901). Георгиевский кавалер. Подполковник 400-го пехотного полка, командир Георгиевского полка. Участник боев в Киеве в октябре 1917 г. В Добровольческой армии с 3 ноября 1917 г., командир Георгиевского полка (роты) до 12 февраля 1918 г., затем, после присоединения остатков полка к Корниловскому полку, в резерве. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В дальнейшем на административных должностях, с лета 1919 г. и в Русской Армии комендант 1-го армейского корпуса. Генерал-майор (с 28 апреля 1920 г.). В эмиграции до 1923 г. в Салониках, затем в Белграде. С 1939 г. председатель Корпуса Императорских Армии и Флота в Югославии. Организатор Союза Ге-

оргиевских кавалеров и участников 1-го Кубанского похода. Служил в Русском Корпусе. Умер 26 мая 1971 г. в Брэн-ле-Комте (Бельгия).

²¹⁰ **Скоблин Николай Владимирович**, р. в 1894 г. Сын коллежского асессора. Штабс-капитан 126-го пехотного полка, затем 1-го ударного полка. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: помощник командира и с 1 ноября 1918 г. командир Корниловского полка, с 12 ноября 1918 г. полковник, с 26 марта 1920 г. генерал-майор, начальник Корниловской дивизии. Галлиполиец. В эмиграции во Франции, в 1930 г. завербован советской разведкой, участвовал в похищении начальника РОВСа генерала Е.К. Миллера в 1937 г., после чего переправлен в Испанию, где, по неподтвержденным сведениям, умер в 1938 г.

²¹¹ **Князь Ухтомский Николай Павлович**, р. в 1886 г. Поручик, адъютант Корниловского ударного полка. В Добровольческой армии в том же полку, участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка в Болгарии. Ротмистр. Впоследствии — протоиерей.

²¹² Штабс-капитан (позже — капитан) **Владимир Михайлович Морозов** был убит во 2-м Кубанском походе 14 августа 1918 г. у ст. Енакиево.

²¹³ **Гавриленко Андрей Агапитович**. Капитан. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода — начальник хозяйственной части Корниловского полка. Летом 1919 г. начальник хозяйственной части во 2-м Корниловском полку, в Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в нестроевой роте Корниловского полка в Галлиполи, помощник командира Корниловского полка по хозяйственной части. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка в Болгарии. Полковник (24 декабря 1921 г.).

²¹⁴ **Булюбаш Евгений Григорьевич**, р. 1 сентября 1873 г. в Полтаве. Из дворян. Окончил Киевский кадетский корпус, Павловское военное училище (1892), академию Генштаба (1900). Полковник, помощник начальника и командир батальона Павловского военного училища. В Добровольческой армии с 3 ноября 1917 г., начальник гарнизона Новочеркасска. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода — командир офицерского батальона Корниловского полка. В Донской армии с декабря 1918 г. Командир 1-го Донского пластунского батальона и полка. Тяжело ранен. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Генерал-майор (21 марта 1921 г.). Галлиполиец, преподаватель Кубанского Алексеевского училища. Осенью 1925 г. в составе Александровского военного училища в Болгарии. В эмиграции в Болгарии, с 1950 г. в США. Председатель объединения Павловского военного училища. Умер 2 октября 1967 г. в Мартинсбурге.

²¹⁵ **Миляшкевич Николай Николаевич**. Капитан. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку, участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода — командир 1-й роты полка. Во ВСЮР и Русской Армии в корниловских частях до эвакуации Крыма (с сентября 1920 г. командир запасного Корниловского полка). На 18 декабря 1920 г. в комендантской команде Корниловского полка в Галлиполи. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка в Болгарии. Капитан. Умер до 1936 г.

²¹⁶ Штабс-капитан князь **Георгий Чичуа** (Георгиевский кавалер) служил в Корниловском ударном полку с лета 1917 г. В Добровольческой армии с декабря 1917 г., был помощником командира отряда полковника Симановского. Убит 1 марта 1918 г. у ст. Березанской.

²¹⁷ **Минервин Михаил Михайлович**. Окончил Сибирский кадетский корпус и Павловское военное училище (1908). Капитан, командир роты 2-го Сибирского стрелкового, затем Корниловского ударного полка. Во время 1-го Кубанского («Ледяного») похода — командир 2-й роты Корниловского полка. Ранен под Екатеринодаром. Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. Галлиполиец, с 24 декабря 1921 г. командир 12-й роты Корниловского полка. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка в Болгарии. Полковник (с 5 ноября 1919 г.). Умер 23 января 1949 г. в Тарбе (Франция).

²¹⁸ Капитан **Пиотровский** был убит 4 марта 1918 г. у ст. Кореновской.

²¹⁹ Полковник **Мухин** был убит 10 марта 1918 г. на р. Белой.

²²⁰ Штабс-капитан **Томашевский** был убит 15 марта 1918 г. у ст. Ново-Дмитриевской.

²²¹ Штабс-капитан **Петров** был убит 10 марта 1918 г. на р. Белой.

²²² Поручик **Салбиев** погиб до 1920 г.

²²³ **Индейкин Владимир Иванович**. Из крестьян Области Войска Донского. Полковник, командир 23-го Сибирского стрелкового полка. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: с 12 февраля 1918 г. командир батальона Корниловского ударного полка, с 28 марта 1918 г. одновременно помощник командира, с 15 июля 1918 г. командир Корниловского полка. Убит 31 октября 1918 г. под Ставрополем.

²²⁴ Капитан **Лызлов** погиб до 1920 г.

²²⁵ Капитан **Мымыкин** был убит в 1-м Кубанском походе.

²²⁶ **Милеев Николай Васильевич**. Из казаков Оренбургского казачьего войска. Подъесаул 6-го Оренбургского казачьего полка. В Корниловский ударный полк вступил в Могилеве. Во время 1-го Кубанского («Ледяного») похода — командир пулеметной роты полка, затем адъютант полка, с 26 июля 1919 г. командир 3-го Корниловского полка. Есаул (с 20 августа 1919 г.). Застрелился в Крыму весной 1920 г.

²²⁷ Есаул **Кисель** вступил в Корниловский полк 27 марта 1918 г. во главе 300 казаков.

²²⁸ Полковник **Шкуратов** с мая 1918 г. был заместителем командира, затем командиром Корниловского полка. Убит 25 июня 1918 г.

²²⁹ Имеется в виду полковник **Сергей Илларионович Зазулевский**.

²³⁰ **Левитов Михаил Николаевич**. Из духовного звания. Духовная семинария, Виленское военное училище (1914). Поручик. 178-го пехотного полка. В Добровольческой армии в партизанском генерала Корнилова отряде. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Корниловском полку: командир роты, в мае 1919 г. командир батальона во 2-м Корниловском полку, с июля 1919 г. командир 1-го батальона, с 10 ноября 1919 г. врид командира в 3-м Корниловском полку, затем помощник командира во 2-м Корниловском полку. 13 марта 1920 г. произведен из поручиков в подполковники, с

15 июля 1920 г. командир 2-го Корниловского полка до эвакуации Крыма. Ранен 6 раз. Орден Святого Николая Чудотворца. Галлиполиец, с 24 декабря 1921 г. командир 2-го батальона Корниловского полка. До осени 1925 г. в составе Корниловского полка в Болгарии. Полковник (с июня 1920 г.). В эмиграции председатель полкового объединения, председатель Общества Галлиполийцев. Умер 15 декабря 1982 г. в Париже.

²³¹ Приводится по изданию: Левитов М.Н. Материалы для истории Корниловского ударного полка. Париж, 1974. Опушены фрагменты, заимствованные из воспоминаний других участников похода, публикуемых в настоящем издании.

²³² **Пух Роман Филиппович.** Штабс-капитан. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в отряде полковника Симановского. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир 3-й офицерской роты Корниловского полка. Тяжело ранен в сентябре 1918 г. под Ставрополем. В начале 1920 г. помощник командира 3-го Корниловского полка, с августа 1920 г. командир того же полка до эвакуации Крыма. Галлиполиец, с 24 декабря 1921 г. командир 1-й роты Корниловского полка. Осенью 1925 г. в составе полка в Болгарии. Подполковник. В эмиграции полковник, начальник подотдела 5-го отдела РОВС. Умер 17 июня 1958 г. в Люксембурге.

²³³ Имеется в виду Ю. Рейнгардт, чьи воспоминания приводятся выше.

²³⁴ **Ткаченко Николай Григорьевич.** Офицер л-гв Измайловского полка. В Добровольческой армии в Георгиевском батальоне, во время 1-го Кубанского («Ледяного») похода — в Корниловском полку. Тяжело ранен. Осенью 1919 г. начальник хозяйственной части в 3-м Корниловском полку. Капитан. В Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка в Бельгии; к 1932 г. начальник группы полка в США. Умер 31 июля 1975 г.

²³⁵ Подполковник (впоследствии полковник) **Иван Иванович Молодкин** осенью 1918 г. командовал одним из батальонов Корниловского полка.

²³⁶ **Данилин Николай Михайлович** Прапорщик. В Добровольческой армии с 1917 г. в Корниловском полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка в Болгарии. Капитан. Служил в Русском Корпусе. Умер 1 марта 1981 г. в Валенсии (Венесуэла)

²³⁷ Киевское Константиновское военное училище. Принимало участие в боях с большевиками в Киеве 25 октября — 1 ноября 1917 г. (убито 2 офицера и 40 юнкеров, ранено 2 и 60). Прибыло в Екатеринодар 13 ноября 1917 г. в составе 25 офицеров и 131 юнкера во главе с генералом Калачевым. Большинство их (около 100 офицеров и юнкеров) погибло в Кубанских походах. Участвовало в боях на Кубани с 21 января 1918 г., в 1-м и 2-м Кубанских походах (с 2 марта 1918 г. полусотня 3-й сотни 1-го Кубанского стрелкового полка). К 3 августа 1918 г. в нем осталось 11 офицеров и 14 юнкеров. Прием по полному курсу был открыт в Симферополе 1 января 1919 г. (67-й выпуск), а 3 сентября 1919 г. — еще один (68-й выпуск) 6 августа 1919 г. переведено в Феодосию. 26 декабря 1919 г. — 28 апреля 1920 г. обороняло Перекопский

перешеек, 30 июля — 28 августа 1920 г. участвовало в Кубанском десанте. В училище был 21 офицер. При выступлении на фронт 27 декабря 1919 г. в батальоне училища было 16 офицеров, 336 юнкеров и 27 солдат, на 30 июля 1920 г. к началу десанта на Кубань — 2 генерала, 5 штаб- и 20 обер-офицеров, 2 врача, 377 юнкеров и 44 солдата, на момент эвакуации — 4 генерала, 15 штаб- и 16 обер-офицеров, 2 чиновника, 342 юнкера и 3 солдата. С января 1919 г. училище потеряло убитыми 4 офицера и 64 юнкера и ранеными — 9 и 142 соответственно. Награждено серебряными трубами с лентами ордена Святого Николая Чудотворца, 187 его юнкеров — Георгиевскими крестами и медалями. За 5 лет сделало 3 полных (двухлетних) и 2 ускоренных выпуска — всего 343 офицера. В Галлиполи 5 декабря 1920 г. были произведены в офицеры 114 юнкеров его 67-го выпуска (первого набора в белой армии), 4 июня 1922 г. — 109 чел. 68-го выпуска, в 1923 г. — юнкера 69-го выпуска. После преобразования армии в РОВС до 30-х г. представляло собой, несмотря на распыление его чинов по разным странам, кадрированную часть в составе 1-го армейского корпуса (офицеры последних выпусков были оставлены в прикомандировании к училищу). Осенью 1925 г. насчитывало 148 чел., в т. ч. 133 офицера. Начальники: генерал-майор Н.Х. Калачев (1 января 1919 г. — 4 апреля 1920 г.), генерал-майор М.П. Чеглов, генерал-майор Е.К. Российский (середина 1922 г. — конец 1923 г.), полковник В.И. Соколовский (1925 — 1931 гг.). Инспектор классов — полковник Попов (с 1 января 1919 г.). Командир батальона — полковник Сребницкий (с 1 января 1919 г.). Аdjутант — капитан В.Г. Шпаковский. Начальник группы в Болгарии — генерал-майор П.Д. Черноглазов. В 1926 г. в Париже основано «Объединение Киевлян-Константиновцев» и «Общество взаимопомощи Киевлян-Константиновцев» во Франции и Югославии, существовавшие до Второй мировой войны. Общество взаимопомощи Киевского Константиновского училища насчитывало к 1930 г. более 200 чел.

²³⁸ Имеется в виду генерал-лейтенант **Яков Федорович фон Гилленшмидт** (р. в 1870 г., в офицеры произведен в 1890 г.), бывший командир 4-го кавалерийского корпуса.

²³⁹ **Голубятников Виктор Петрович**. Поручик. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Корниловском полку. Штабс-капитан. С 26 июля 1919 г. помощник командира в 3-м Корниловском полку. В Русской Армии в Марковской дивизии (?) до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в 3-й роте Марковского полка в Галлиполи. Капитан.

²⁴⁰ **Басов Николай Иванович**, р. 30 ноября 1903 г. в Новочеркасске. Сын офицера. Кадет Донского кадетского корпуса. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 6-й роте Корниловского полка. Георгиевский кавалер. Затем с 1919 г. в Атаманском военном училище, откуда в 1920 г. отчислен в 4-й класс Донского кадетского корпуса, с которым эвакуирован из Новороссийска в Египет. В эмиграции в Югославии. Окончил Донской кадетский корпус (1925), Пражский политехнический институт. Инженер-строитель, с 1948 г. в Канаде. Умер 28 июля 1975 г. в Монреале.

²⁴¹ Впервые опубликовано: Вестник первоходника. № 6—8 Март—май 1962; № 18—19. Март—апрель 1963.

²⁴² Поручик **Евдотьев** был убит 9 марта 1918 г. под Филипповскими хуторами.

²⁴³ **Мяч Василий Павлович**, р. 23 апреля 1893 г. в Анапе. Окончил Чугуевское военное училище (1914). Поручик 237-го пехотного полка. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в отряде полковника Кутепова, во время 1-го Кубанского («Ледяного») похода командир взвода в 6-й роте Корниловского полка, во 2-м Кубанском походе сотник, командир сотни 2-го Сводно-Кубанского казачьего полка, в начале 1920 г. — адъютант генерала Покровского. Эвакуирован до августа 1920 г. из Феодосии. В эмиграции с генералом Покровским в Болгарии, с 1922 г. в Югославии. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. — в США. Председатель Союза Первоходников в Лос-Анджелесе, редактор журнала «Первоходник». Умер 13 декабря 1966 г. в Лос-Анджелесе (США).

²⁴⁴ **Гуль Роман Борисович**, р. в 1896 г. в Киеве. Из дворян Пензенской губ. Окончил 1-ю Пензенскую мужскую гимназию, студент Московского университета. Командир роты, затем адъютант 417-го пехотного Кинбурнского полка. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Корниловском ударном полку. Осенью 1918 г. во 2-м подотделе 2-го отдела дружины генерала Кирпичева в Киеве. В эмиграции в Германии, с 1933 во Франции, с 1950 г. в США. Журналист и писатель, в 1959—1986 гг. редактор «Нового журнала». Умер 30 июня 1986 г. в Нью-Йорке.

²⁴⁵ Впервые опубликовано: Гуль Р. Ледяной поход (с Корниловым). Берлин, 1920.

²⁴⁶ **Садовень Алексей Владимирович**. Штабс-капитан. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. в отряде полковника Симановского. Во время 1-го Кубанского («Ледяного») похода — в Корниловском полку. Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка в Болгарии. Капитан. Умер в 1925 г. на mine Перник в Болгарии.

²⁴⁷ Полковник **Михаил Александрович Кун** в 1-м Кубанском походе был начальником 2-го отделения санитарного обоза. Умер от тифа в 1919 г. в Таганроге.

²⁴⁸ **Рябинский Аполинарий Александрович**, р. 15 июля 1890 г. в Витебске. Из дворян, сын генерала. Окончил Симбирский кадетский корпус (1911), Киевское военное училище (1913). Георгиевский кавалер. Офицер 81-го пехотного полка. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. с Корниловским полком; в боях с 18 января 1918 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир пулеметной роты Корниловского полка. Ранен 14 октября 1918 г. под Армавиrom. Во ВСЮР и Русской Армии в 1-м Корниловском полку до эвакуации Крыма. Капитан. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка в Болгарии. Полковник. В эмиграции в Югославии, председатель полкового объединения 81-го пехотного полка. Сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 10 апреля 1982 г. в Буэнос-Айресе.

²⁴⁹ Впервые опубликовано: Вестник первоходника. № 7. Апрель 1962.

²⁵⁰ Имеется в виду подпоручик **Дмитрий Сергеевич Слоним** (убит).

²⁵¹ Имеется в виду подпоручик **Николай Владимирович Левашев**.

²⁵² Прапорщик **К.И. Васильев** (впоследствии капитан) вместе со своим старшим братом, прапорщиком Л.И.Васильевым (убитым в марте 1919 г. в Донбассе) участвовал в 1-м Кубанском походе в составе Корниловского ударного полка. Умер в эмиграции после 1965 г.

²⁵³ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 47—48. Август—сентябрь 1965.

²⁵⁴ **Трембовельский Александр Дмитриевич**. Окончил Александровское военное училище. Прапорщик 56-го запасного пехотного полка. Участник октябрьских боев в Москве. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в пулеметной роте Корниловского полка, затем на бронепоезде «Партизан» в 1-м бронеавтомобильном дивизионе, с 30 сентября 1919 г. поручик, в мае 1920 г. — в экипаже танка «Генерал Скобелев», в июле 1920 г. штабс-капитан, командир того же танка. Кавалер ордена Святого Николая Чудотворца. С августа 1920 г. капитан и подполковник. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Технического батальона в Югославии. Полковник. Окончил курсы Генерального штаба в Белграде. Умер 1 февраля 1985 г. в Санта-Барбаре (США).

²⁵⁵ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 76—78. Январь—март 1968.

²⁵⁶ **Салтыкова Варвара Ивановна**. Сестра милосердия. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Корниловском ударном полку, с которым участвовала в боях отряда полковника Кутепова на Таганрогском направлении. Участница 1-го Кубанского («Ледяного») похода, после которого служила в госпитале в Тихорецкой. Умерла от тифа в конце 1918 — начале 1919 гг. во Владикавказе.

²⁵⁷ **Ган Александр-Роберт Александрович**, р. 7 марта 1894 г. в Риге. Из почетных граждан, сын купца. Окончил Рижскую гимназию, Чугуевское военное училище (1915). Поручик, командир штурмового батальона 55-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с 6 января 1918 г. в Георгиевском полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: начальник пулеметной команды Корниловского полка, затем в автоброневом дивизионе, командир бронеавтомобиля «Доброволец». С 17 августа 1919 г. штабс-капитан и капитан. В марте—апреле 1920 г. командир бронеполка 2-й конной дивизии. Участник десанта на Кубань, с августа 1920 г. во 2-м бронеавтомобильном дивизионе, с 8 октября 1920 г. подполковник. На 18 декабря 1920 г. помощник командира 3-го батальона Технического полка в Галлиполи. Галлиполиец.

²⁵⁸ Впервые опубликовано: Первопоходник. № 1. Июнь 1971.

²⁵⁹ **Борис Турчанинов** родился и жил в Ростове; в описываемое время учился в гимназии. Умер в эмиграции после 1970 г.

²⁶⁰ Впервые опубликовано: Первопоходник. № 3. Октябрь 1971.

²⁶¹ Имеется в виду **Татьяна Семеновна Кунделекова**. В Добровольческой армии — сестра милосердия Офицерского отряда полковника Симановского, затем Корниловского ударного полка. Во время 1-го Кубанского («Ле-

дяного») похода — во 2-й роте Корниловского полка. Убита в 1919 г. под Купянском (у Корочи).

²⁶² **Левитова Варвара Сергеевна** (ур. Васильева). Курсистка Ростовского медицинского института, сестра милосердия. Участница 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Корниловском полку. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в штабе 2-го батальона Корниловского полка в Галлиполи. Жена полковника М.Н. Левитова (см. выше). Умерла после 1974 г. в Париже.

²⁶³ Фамилия искажена, имеется в виду Т.С. Кунделекова (см. выше).

²⁶⁴ Невеста князя Г. Чичуа — **Мария Иоселиани**.

²⁶⁵ Как явствует из воспоминаний Б. Турчанинова, содержание письма стало известно ему от младшей сестры М. Иоселиани — Тамары.

²⁶⁶ **Иванов Владимир Михайлович**. Прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Корниловском ударном полку. Штабс-капитан. В эмиграции в Чехословакии, окончил политехнический институт. После 1945 г. — в Германии. Умер 22 августа 1975 г. в Мюнхене.

²⁶⁷ Впервые опубликовано: Ледяной поход. 1918 — 1953. Нью-Йорк, 1953.

²⁶⁸ **Малинин Владимир А.** Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, адъютант генерала А.И. Деникина, затем в Алексеевской артиллерийской бригаде. Полковник. Умер 27 сентября 1939 г. в Париже.

²⁶⁹ **Богаевский Африкан Петрович**, р. в 1872 г. Из дворян Области Войска Донского. Окончил Донской кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1892), академию Генштаба (1900). Генерал-майор, начальник 1-й Забайкальской казачьей дивизии. С января 1918 г. командующий войсками Ростовского района. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир Партизанского полка и 2-й бригады С 4 мая 1918 г. председатель Совета управляющих отделами Всевеликого Войска Донского (Донского правительства) и управляющий иностранным отделом, с 27 августа 1918 г. генерал-лейтенант, с февраля 1919 г. войсковой атаман Донского казачьего войска. В эмиграции во Франции. Умер 30 февраля 1934 г. в Париже.

²⁷⁰ В настоящем издании публикуются главы из книги воспоминаний генерала Богаевского: Воспоминания генерала А.П. Богаевского. 1918 год. «Ледяной поход». Нью-Йорк, 1963.

²⁷¹ **Ермолов Ефим Ефимович**, р. в 1883 г. Из казаков ст. Гундоровской Области Войска Донского. Войсковой старшина. В Добровольческой армии во время 1-го Кубанского («Ледяного») похода — в Партизанском полку. Затем в Донской армии, ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; командир 3-го батальона в Гундоровском Георгиевском полку. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе Гундоровского казачьего полка в Болгарии. Полковник.

²⁷² Есаул **Илья Петрович Карташев**, член Донского войскового Круга, умер в 1933 г. в с. Шипка (Болгария).

²⁷³ **Казанович Борис Ильич**, р в 1871 г. Из дворян. Окончил Могилевскую гимназию, Московское пехотное юнкерское училище (1892), академию Генштаба (1899). Генерал-майор, начальник штаба и командующий 6-й Сибирс-

кой стрелковой дивизией. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с марта 1918 г. командир Партизанского полка, в мае — июне командирован в Москву в Национальный центр. С 12 июня 1918 г. начальник 1-й дивизии, с 15 ноября 1918 г. командир 1-го армейского корпуса, уволен по болезни 13 января 1919 г. С 8 октября 1919 г. до начала 1920 г. командующий войсками Закаспийской области. С мая 1920 г. в резерве чинов Русской Армии, в августе 1920 г. — начальник Сводной пехотной дивизии в десанте на Кубань Генерал-лейтенант (12 ноября 1918 г.). Галлиполиец. В эмиграции в Югославии, председатель Общества офицеров Генерального штаба, председатель Главного правления Союза участников 1-го Кубанского похода. Умер 2 июня 1943 г. в Панчеве (Югославия).

²⁷⁴ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 23. Август 1963.

²⁷⁵ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 76—78. Январь—март 1968.

²⁷⁶ **Трейман Федор Федорович.** Статский советник, лекарь военного времени. Во время 1-го Кубанского («Ледяного») похода — начальник походного лазарета, в ноябре—декабре 1918 г. — и. д. начальника санитарной части армии, затем врач для поручений при полевом военно-санитарном инспекторе, с 22 июля 1919 г. корпусной врач 5-го кавалерийского корпуса. В эмиграции в Болгарии, председатель отдела Союза Первопоходников в Болгарии, корпусной врач 1-го армейского корпуса, директор санатория в В. Тырново. Отравился в 1945 г. при занятии Болгарии советскими войсками.

²⁷⁷ Автор подписывался как «Доброволец Иванов». По-видимому, это псевдоним, во всяком случае, ни с кем из лиц соответствующего круга с такой фамилией его отождествить не удалось. Он родился на Дону, происходил из духовенства, учился в Донской духовной семинарии, в 1917 г. был студентом переведенного в Новочеркасск Варшавского ветеринарного института. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку. По возвращении из похода откомандирован в распоряжение штаба ВВД, однако вскоре поступил в 4-ю сотню конного полка отряда полковника Дроздовского (2-й конный офицерский полк), в котором и воевал в дальнейшем. После ранения эвакуирован в феврале 1920 г. с госпиталем в Египет, откуда возвратился в Русскую Армию в Крым. После эвакуации был в Галлиполи. Затем жил в Болгарии, пел в казачьем хоре. Он оставил довольно обширные воспоминания, из которых в настоящем издании публикуется фрагмент, относящийся ко времени 1-го Кубанского похода.

²⁷⁸ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 31—33. Апрель—июнь 1964.

²⁷⁹ **Борис Леонидович Яхнин** погиб в 1943 г.

²⁸⁰ **Попов Моисей Тихонович.** Из казаков ст. Каменской Области Войска Донского. Окончил Новочеркасское военное училище. Есаул. Чернецовец, помощник Чернецова и последний командир чернецовцев. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку. С начала 1919 г. командир вновь сформированного партизанского отряда. Был на о. Лемнос. В эмиграции в Болгарии и Франции. Умер 25 июля 1935 г. в Париже.

²⁸¹ Речь идет о А.А. Корнилове (о нем см. выше)

²⁸² **Голубов Михаил Алексеевич.** Офицер Донского казачьего войска. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку, затем в Донской армии. Войсковой старшина. Публицист, атаман казачьей станицы в Австрии. Умер 20 декабря 1984 г. в Инсбруке (Австрия).

²⁸³ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 53—54. Февраль—март 1966.

²⁸⁴ **Герасимов Александр Константинович,** р. 30 июля 1888 г. Из казачков станицы Новочеркасской Области Войска Донского. Окончил Новочеркасское военное училище (1910). Подъесаул 17-го Донского казачьего полка. Во время 1-го Кубанского («Ледяного») похода — в Партизанском полку, затем в Донской армии: командир 78-го Донского казачьего полка (1918 — 1920 гг.), 2-го Донского запасного батальона (1920 г.), 2-го Донского запасного конного дивизиона 2-й бригады 2-й Донской конной дивизии (на сентябрь — октябрь 1920 г.). Генерал-майор (24 июня 1920 г.). Был на о. Лемнос. В эмиграции в Болгарии и Франции. Умер 20 марта 1957 г. (погребен в Сент-Женевьев-де-Буа).

²⁸⁵ **Бирюкова Нина Н.** Прапорщик. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с ноября 1918 г. в 3-й роте 1-го Офицерского (Марковского) полка. Убита в конце 1919 г. под Гниловской.

²⁸⁶ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 76—78. Январь—март 1968.

²⁸⁷ То есть солдаты л.-гв. Финляндского полка.

²⁸⁸ Так называли чинов 4-й стрелковой бригады (затем развернутой в дивизию), получившей за стойкость название Железной. Ею с 6 сентября 1914 г. по 9 сентября 1916 г. командовал генерал А.И. Деникин.

²⁸⁹ Имеется в виду А.В. Корвин-Круковский (о нем см. выше).

²⁹⁰ **Сыроватка Семен Аггеевич.** Прапорщик. Во время 1-го Кубанского («Ледяного») похода — в Партизанском полку, затем — во 2-й сотне 1-го Кубанского стрелкового полка. Сотник. В эмиграции — доктор медицины. Умер после 1968 г.

²⁹¹ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 76—78. Январь—март 1968.

²⁹² **Николаев Константин Николаевич,** р. в 1890 г. Офицер (с 1912 г.) 148-го пехотного полка. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м Кубанском стрелковом полку. Полковник. В эмиграции в Югославии. Окончил курсы Генерального штаба в Белграде. Председатель Союза Инвалидов, с 1924-го по 1944 г. секретарь Главного правления Союза Первопоходников. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. — в лагере Келлерберг, редактор журнала «На рубеже», председатель отдела Союза Первопоходников и председатель Русского Национального Объединения в Австрии. Умер 14 мая 1963 г. в Виллахе (Австрия).

²⁹³ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 31—32. Апрель—май 1964. В настоящем издании помещен фрагмент воспоминаний, касающийся 1-го Кубанского похода. Предыдущая часть помещена в первом томе серии «Белое движение в России» — «Зарождение Добровольческой армии».

²⁹⁴ **Черешнев Вячеслав Васильевич**, р. в 1895 г. в ст. Усть-Лабинской Кубанской области. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Кубанском отряде, с марта 1918 г. — во 2-й сотне 1-го офицерского конного полка. После похода — в 1-м Запорожском полку Кубанского казачьего войска, с 13 ноября 1918 г. есаул. Осенью 1919 г. — командир того же полка. Эвакуирован в Египет, откуда вернулся в Русскую Армию в Крым. Полковник. Умер в эмиграции после 1958 г.

²⁹⁵ Впервые опубликовано: Вестник первоходника. № 22. Июль 1963.

²⁹⁶ **Жемчужный (Перельман) Александр Александрович**, р. в 1881 г. Врач, начальник санитарной части Кубанской армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, затем помощника начальника санчасти Добровольческой армии. В эмиграции сотрудник журнала «Родимый край». Умер 1 августа 1976 г. в Воллонгонге (Австралия).

²⁹⁷ Впервые опубликовано: Первоходник. № 4. Декабрь 1971.

²⁹⁸ **Крамаров Валериан Яковлевич**. Есаул Кубанского казачьего войска. В начале 1918 г. командир офицерской батареи отряда полковника Лесевицкого, командир взвода батареи Кубанского отряда. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Командир 4-й Кубанской батареи; в сентябре—октябре 1919 г. командир 3-го Кубанского конно-артиллерийского дивизиона. Полковник. В эмиграции в Югославии, начальник отдела Союза Первоходников в Суботице. Служил в Русском Корпусе. Умер 5 января 1957 г. в Милуоки (США).

²⁹⁹ Впервые опубликовано: Вестник первоходника. № 93. Август—сентябрь 1970.

³⁰⁰ **Третьяков Владимир Иванович**, р. в 1897 г. Из казаков ст. Натухаевской Кубанской области. Окончил Владикавказский кадетский корпус, Оренбургское военное училище. Подъесаул. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода — начальник команды конных разведчиков Сводно-Кубанской офицерской батареи, затем в Корниловском конном полку, с 26 декабря 1918 г. есаул. Осенью 1925 г. в прикомандировании к Кубанской конной батарее. Полковник. В эмиграции в Югославии служил в Русском Корпусе. Вице-председатель Союза Первоходников, в 1966—1974 гг. Кубанский атаман. Умер 18 сентября 1975 г. на Толстовской ферме (погребен в Ново-Дивееве).

³⁰¹ **Пахно Николай Дмитриевич**. Сотник Кубанского казачьего войска. В январе—марте 1918 г. в офицерской батарее отряда полковника Лесевицкого, во время 1-го Кубанского («Ледяного») похода — в Сводно-Кубанской батарее. Впоследствии есаул.

³⁰² **Белоусов Николай Иванович**. Юнкер Михайловского артиллерийского училища. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Сводно-Кубанской офицерской батарее; галлиполиец. Поручик. В эмиграции в Чехословакии, где окончил вуз (инженер), затем в США. Председатель Союза Инвалидов и Союза Первоходников в Лос-Анджелесе. Умер 22 ноября 1973 г.

³⁰³ Впервые опубликовано: Вестник первоходника. № 9. Июнь 1962.

³⁰⁴ **Бабиев Николай Гаврилович**, р. 30 марта 1887 г. в ст. Михайловской Кубанской области. Из дворян, сын офицера. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1909). Войсковой старшина, командир 1-го Черномор-

ского полка Кубанского казачьего войска. С 10 января 1918 г. в боях на Кубани. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в дивизионе полковник Кузнецова. Затем в 1-м Лабинском полку, с 25 сентября 1918 г. полковник, с 18 октября 1918 г. командир Корниловского конного полка, с 26 января 1919 г. генерал-майор 26 янв.—июль 1919 г. начальник 3-й Кубанской казачьей дивизии. В Русской Армии начальник 1-й Кубанской казачьей дивизии, начальник конной группы. Генерал-лейтенант (18 июня 1919 г.). Убит 30 сентября 1920 г. у с. Шолохово.

³⁰⁵ **Гейман Александр Александрович**, р в 1866 г. Офицер с 1886 г. Генерал-майор. Весной 1918 г. возглавил восстание кубанских казаков в Майкопском отделе и в октябре 1918 г. со сформированной из них бригадой присоединился к Добровольческой армии. С 15 ноября 1918 г. — октября 1919 г. командир 2-й Кубанской пластунской отдельной бригады. Генерал-лейтенант.

³⁰⁶ **Чигрин Владимир**. Подъесаул 1-го Черноморского полка Кубанского казачьего войска. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Кубанском отряде, затем командир взвода в 1-м Офицерском конном полку. Тяжело ранен под Екатеринодаром, остался в ст. Елизаветинской, где в начале апреля 1918 г. был убит большевиками в числе других раненых.

³⁰⁷ Прапорщик **Михаил Алексеевич Кадушкин** (впоследствии сотник) умер в эмиграции в США.

³⁰⁸ **Пухальский Федор Васильевич**. Из казаков Кубанской обл. Офицер пехотного полка. С 4 марта 1918 г. в конном дивизионе Кубанской армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м Офицерском конном полку. Осенью 1919 г. командир Заволжского отряда «Степных партизан», с 6 марта 1920 г. командир 1-го Уманского полка Кубанского казачьего войска, в Русской Армии командир пешей сотни Запорожского полка, в сентябре—октябре 1920 г. в Феодосии. Полковник. В эмиграции в США, в 1963—1967 гг. в Лос-Анджелесе.

³⁰⁹ Воспоминания И.Г. Острцова публикуются ниже.

³¹⁰ В списке награжденных знаком отличия 1-го Кубанского похода значатся двое офицеров-кубанцев **Романцовых: Валентин Николаевич и Валериан Иванович**. Оба — из казаков станицы Хамкетинской, родились в 1893 г., оба были на о. Лемнос, а осенью 1925 г. — полковники Кубанского Алексеевского военного училища в Болгарии (последний из них после 1-го Кубанского похода служил в 1-й Кубанской казачьей конной батарее, с 4 апреля 1919 г. — командир той же батареи). Но они могли быть только двоюродными братьями. Родной брат В.Н. Романцова — **Дмитрий Николаевич** (р. в 1896 г., осенью 1925 г. вахмистр того же училища) в списках первопоходников не значится.

³¹¹ Полковник Ф.И. Елисеев в журнале «Вестник первопоходника» (№ 10. Июль 1962 г.) поместил отклик на воспоминания В.В. Черешнева под названием «Печальный апофеоз», в котором пишет: «Прошло четыре месяца. Из Ставрополя, от полковника Шкуро, я прибыл в Екатеринодар, чтобы в его партизанский отряд набрать казаков из Кубанского запасного полка. Не знаю почему, но я шел по Красной улице на север, уже за памятником 200-летию

Кубанского Войска, когда я увидел шедшую мне навстречу громоздкую похоронную процессию с хором трубачей и Войсковым хором певцов. Процессия шла тихим шагом, торжественно. По христианскому обычаю я остановился, снял папаху и смотрел на печальный ход процессии, не зная, кого хоронят, но видя, что хоронят какое-то заслуженное в войске лицо. И когда за гробом на катафалке пожилой урядник-конвоец с седою бородою вел высокого гнедого коня, под седлом и под черным траурным чепраком, я, заинтересовавшись, спросил: кого это хоронят?

— Полковника-конвойца Рашпиля, что убит был в бою под Екатеринодаром 31 марта этого года, — ответил кто-то.

Умное животное, высокий гнедой конь «в летах», спокойно шел за гробом; его держал под узды старик конвоец в выцветшей синей черкеске при красном бешмете. Мне сказали, что этот урядник-конвоец был эпохи императора Александра III, а может быть, императора Александра II. Родственник ли он был полковнику Рашпилю — я не знаю, но меня тронуло это внимание старого гвардейца к своему геройски погибшему молодому офицеру той же части войск, служить в которой считалось высшей честью на Кубани и на Тереке.

Гнедой же высокий конь «в летах», на котором служил и пал в неравном тяжелом бою полковник Рашпиль, — шел спокойно, не сознавая ни славы, ни трагедии своего бывшего седока, хотя взоры многих — ох как многих! — и мои лично в спокойном шествии «высокого гнедого коня» видели именно и славу и трагедию полковника Рашпиля, которая зрительно переносилась на эту благородную лошадь. Печальный апофеоз...»

³¹² **Острецов Иван (Вано) Георгиевич.** Хорунжий 1-го Черноморского полка Кубанского казачьего войска. С конца 1917 г. — в отряде капитана Покровского на Кубани. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Кубанской офицерской сотне и 1-м Офицерском конном полку. Эвакуирован в Грузию. В эмиграции в Бельгии. Умер 22 марта 1965 г. в Брюсселе.

³¹³ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 14. Ноябрь 1962.

³¹⁴ **Кариус Эдуард Фердинандович.** Окончил Виленское военное училище. Капитан, начальник отдельной пулеметной команды 5-й Кавказской казачьей дивизии. С января 1918 г. на Кубанском бронепоезде. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: начальник пулеметной команды 1-го Кубанского стрелкового полка, с 27 сентября 1918 г. начальник Кубанских пулеметных курсов, с 29 января 1919 г. полковник, затем генерал-майор. В эмиграции в США. Умер 19 июля 1974 г. в Лос-Анджелесе.

³¹⁵ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 3. Ноябрь — декабрь 1961. В настоящем издании помещен фрагмент воспоминаний, касающийся 1-го Кубанского похода. Предыдущая часть помещена в первом томе серии «Белое движение в России» — «Зарождение Добровольческой армии».

³¹⁶ **Белоусов Иван Максимович**, р. в 1869 г., офицер с 1892 г. Окончил академию Генштаба. Генерал-майор. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, затем — комендант главной квартиры Добровольческой армии. Умер 11 ноября 1923 г. в Сараево (Югославия).

³¹⁷ **Пермяков Леонид Владимирович**. Окончил Тифлисский кадетский корпус, Елизаветградское кавалерийское училище (1907). Штабс-ротмистр 18-го драгунского полка, старший адъютант штаба 2-й Кавказской казачьей дивизии. С декабря 1917 г. начальник штаба отряда полковника Лесевицкого на Кубани. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м Кубанском стрелковом полку. В 1918 г. в Егорлыцком конном полку Донской армии, затем старший адъютант штаба 1-й Кубанской казачьей дивизии, старший адъютант штаба 3-го армейского корпуса и общего отдела управления генерал-квартирмейстера штаба командующего войсками Терско-Дагестанского края. Полковник. В эмиграции. Умер 31 декабря 1971 г.

³¹⁸ Впервые опубликовано: Вестник первоходника. № 31—32. Апрель—май 1964.

³¹⁹ **Нефедьев Константин Павлович**, р. 24 марта 1894 г. в Санкт-Петербурге. Из казаков ст. Убеженской Кубанской обл. Есаул. В марте 1918 г. доброволец 5-й полевой батареи Кубанской армии, с которой выступил в 1-й Кубанский поход, затем в команде конных разведчиков генерала С.А. Маркова. После похода до 31 января 1919 г. командир 1-го Кавказского полка Кубанского казачьего войска. Войсковой старшина. В эмиграции в Югославии. Служил в Русском Корпусе. Умер 24 ноября 1981 г. в Сан-Петерсберге (США).

³²⁰ Впервые опубликовано: Первоходник. № 13. Июнь 1973.

³²¹ **Виноградов Михаил Григорьевич**, р. в 1890 г. Капитан. В конце 1917 г. командир сформированной им батареи отряда полковника Лесевицкого, участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Полковник. Эвакуирован из Севастополя на корабле «Херсонес».

³²² Гвардии полковник **Евграф Евграфович Ковалевский** во время 1-го Кубанского («Ледяного») похода состоял при генерале С.А. Маркове, затем — в 1-м конном полку и в управлении дежурного генерала ВСЮР. В эмиграции в Югославии. Убит 6 апреля 1941 г. в Белграде.

³²³ **Алексеев Григорий Иванович**, р. в 1897 г. Сын офицера. Окончил Симбирский кадетский корпус и Киевское военное училище (1917). Прапорщик, курсовой офицер того же училища. Участник боев в Киеве в октябре 1917 г. и 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В Добровольческой армии, ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Поручик. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Алексеевского полка в Югославии. Служил в Русском Корпусе и Русской освободительной армии. Умер 11 июля 1969 г. в Ютике (США).

³²⁴ Впервые опубликовано: Военная Быль. № 62. Сентябрь 1963.

³²⁵ **Крицкий Александр А.** Ротмистр 15-го уланского Татарского полка. В Добровольческой армии с января 1918 г. командир взвода 1-го кавалерийского дивизиона, с 8 февраля 1918 г. командир 1-го экадрона, затем в 1-м конном полку. В Русской Армии в 3-м кавалерийском полку. Кавалер ордена Святого Николая Чудотворца. Полковник (с 20 августа 1919 г.). В эмиграции. Умер после 1961 г.

³²⁶ Впервые опубликовано: Вестник первоходника. № 10. Июль 1962.

³²⁷ **Сукачев Лев Павлович**, р. 3 марта 1895 г. в имени Яблочкино. Из дворян Екатеринославской губ. Окончил Тенишевское училище в Петрограде, Елизаветградское кавалерийское училище (1915). Штабс-ротмистр 5-го уланского Литовского полка. В Добровольческой армии с января 1918 г. в 1-м эскадроне 1-го кавалерийского дивизиона. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в отряде полковника Гершельмана, затем в 5-м гусарском Александрийском полку до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже. В 1924 г. участник Албанского похода, майор албанской армии, командир гвардейского полка. В 1939—1949 гг. в итальянской армии, с 1947 г. бригадный генерал. С 1949 г. в США. Умер 29 января 1975 г. в Монтеррее (США).

³²⁸ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 5. Февраль 1962. В настоящем издании помещена та часть воспоминаний А. Крицкого, которая относится ко времени 1-го Кубанского похода. Предыдущая помещена в первом томе серии «Белое движение в России» — «Зарождение Добровольческой армии».

³²⁹ Имеется в виду штабс-ротмистр 11-го гусарского Изюмского полка **Юрий Сергеевич Дубровинский**.

³³⁰ Имеется в виду **Малевинский Антон Михайлович**. Произведен в офицеры из вольноопределяющихся в 1914 г. Штабс-ротмистр 10-го уланского Одесского полка. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Во время 1-го Кубанского похода — в конном дивизионе полковника Гершельмана и 1-м Офицерском конном полку. В 1920 г. — командир эскадрона 10-го уланского полка в 1-м кавалерийском полку Русской Армии, врид командира того же полка до эвакуации Крыма. Кавалер ордена Святого Николая Чудотворца. Полковник. Галлиполиец. В эмиграции в Югославии, затем во Франции. Умер 19 июля 1949 г. в Мюльгаузене (Франция).

³³¹ Имеется в виду прапорщик Кубанского казачьего войска **Александр Александрович Венценосцев** (впоследствии хорунжий).

³³² Имеются в виду большевизированные солдаты этого полка бывшей русской армии.

³³³ **Стрижевский Всеволод Константинович**. Окончил Воронежский кадетский корпус и Елизаветградское кавалерийское училище. Штабс-ротмистр 15-го уланского Татарского полка. Во время 1-го Кубанского похода — в конном дивизионе полковника Гершельмана и 1-м Офицерском конном полку, в котором продолжал служить и после похода. Трижды ранен. Полковник. Галлиполиец. В эмиграции в Югославии, 1 марта 1922 г. — 1 сентября 1927 г. служащий Крымского кадетского корпуса. Умер 9 мая 1970 г. в Брюсселе.

³³⁴ Имеется в виду **Владимир Прокофьевич Малахов** (впоследствии есаул).

³³⁵ Штабс-ротмистр 2-го уланского Курляндского полка **Иванчин-Писарев** с января 1918 г. состоял в 1-м эскадроне 1-го кавалерийского дивизиона, где с 10 февраля был командиром взвода.

³³⁶ Подъесаул **Владимир Иванович Малышенко** затем служил в 1-м Кубанском конном полку. Есаул. В эмиграции в Болгарии, умер в 1933 г. в Софии.

³³⁷ **Грегер Сергей Федорович**, Штабс-капитан л.-гв. Саперного полка. В январе 1918 г. состоял в 1-м эскадроне 1-го кавалерийского дивизиона, с которым вышел в 1-й Кубанский поход. Затем служил в Запасном кавалерийском полку, в марте 1919 г. — командир эскадрона дивизиона л.-гв. Уланского Его Величества полка, затем до июня 1919 г. командир эскадрона Сводно-гвардейского кавалерийского дивизиона, в 1920 г. — командир эскадрона в Гвардейском кавалерийском полку. Полковник. Убит 29 сентября 1920 г. у с. Марьинское на Днепре.

³³⁸ **Федоров Николай Васильевич**, р. 30 ноября 1901 г. на хуторе в низовьях Дона. Учащийся Новочеркасской Платовской гимназии. Добровольцу отряда Чернецова. В 1918 — 1919 гг. служил в одной из батарей Донской армии, затем вновь учился в гимназии. С начала 1920 г. до эвакуации Новороссийска командир взвода добровольческого батальона, после чего был зачислен в дивизион л.-гв. Атаманского полка, затем служил в донском казачьем дивизионе в Крыму. Был на о.Лемнос. В эмиграции в Болгарии (служил в болгарской армии), с 1929 г. в США, где окончил Колумбийский университет. Работал инженером, затем профессор в Колумбийском университете. С 1965 г. — Донской атаман в зарубежье.

³³⁹ Впервые опубликовано: Первопоходник. № 34. Декабрь 1976. Составлено Н.В. Федоровым по рассказам его покойного брата. **Федоров Петр Васильевич**. Студент Варшавского университета. Окончил Новочеркасское военное училище. Подпоручик. Участник взятия Ростова в ноябре 1917 г. Во время 1-го Кубанского («Ледяного») похода — в Баклановском отряде. Затем командир взвода 4-й донской казачьей сотни 2-го конного офицерского генерала Дроздовского полка. Участник Бредовского похода. В эмиграции во Франции, с 1927 г. в США. Атаман казачьей станицы в Нью-Йорке. Умер 7 марта 1952 г. в Нью-Йорке.

³⁴⁰ **Гетманов Михаил Демьянович**, р. в 1891 г. Из казаков ст. Барсуковской Кубанской обл. Полковник. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Баклановском отряде. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Витим». Генерал-майор. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Кубанского Алексеевского училища в Болгарии. После 1945 г. — в США. Умер 26 января 1978 г. в Нью-Йорке.

³⁴¹ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 2. Октябрь 1961.

³⁴² Публикуемые здесь материалы представляют собой воспоминания офицеров 1-й офицерской (бывшей Юнкерской) батареи. Поскольку они написаны разными лицами, в комментариях даются сведения об авторах каждой главы. Впервые опубликовано: Марковцы-артиллеристы. 50 лет верности России. Париж, 1967.

³⁴³ Автор — **Мино Николай Николаевич**, р. в 1898 г. Окончил Александровский кадетский корпус (1917), юнкер Константиновского артиллерийского училища. Член монархической организации в Петрограде, организатор отправки юнкеров на Дон. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в

1-м легком артиллерийском дивизионе, затем в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма (в мае — сентябре 1920 г. штабс-капитан, командир взвода 1-й батареи). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе 1-й Галлиполийской роты в Югославии. Капитан. Умер 8 апреля 1949 г. в Осло.

³⁴⁴ Поручик **Лев Казанли** с 9 февраля 1918 г. состоял в Офицерской батарее, затем командир орудия 1-й батареи. Убит во 2-м Кубанском походе 24 июля 1918 г. под Выселками.

³⁴⁵ **Боголюбский Николай Николаевич** (1-й). Поручик. В Добровольческой армии в Юнкерской батарее. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир пешего взвода 1-й батареи, с июня 1918 г. командир орудия той же батареи, с марта 1919 г. старший офицер 4-й батареи, с 7 октября 1919 г. командир 2-й батареи Марковской артиллерийской бригады до эвакуации Крыма. Капитан. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона в Болгарии. Подполковник. В эмиграции во Франции. Умер 19 августа 1976 г. в Париже.

³⁴⁶ Поручик **Гагеман** был убит в 1-м Кубанском походе в марте 1918 г. у Ново-Дмитриевской.

³⁴⁷ **Давыдов Борис Антонович**. Подпоручик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, затем старший офицер 1-й батареи Марковской артиллерийской бригады. Поручик. Умер от тифа 28 декабря 1919 г. в Куцевке под Ростовом.

³⁴⁸ **Межинский Федор Дормидонтович**. Полковник, отделенный офицер Михайловского артиллерийского училища. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С лета 1919 г. командир Богучарского дивизиона в Донской армии. В эмиграции в Чехословакии, инструктор чехословацкой армии. Умер 15 мая 1931 г. в Париже.

³⁴⁹ Автор — **Сломинский Константин Константинович**. Юнкер Михайловского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, затем в 1-й батарее Марковской артиллерийской бригады до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона в Польше. Капитан. Умер до 1967 г.

³⁵⁰ **Шпилиотов Лев Александрович**, р. в 1888 г. Окончил Александровское военное училище (1912). Штабс-капитан 39-й артиллерийской бригады. В Добровольческой армии с 22 марта 1918 г.; участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 4-й батарее, затем в 1-й батарее Марковского артиллерийского дивизиона, потом бронепоездных войсках, затем снова в Марковской артиллерийской бригаде. Полковник. Умер 28 сентября 1956 г. в Рабате (Марокко).

³⁵¹ Подпоручик **Алексей Сергеевич Парфенов** (впоследствии поручик) жил в эмиграции во Франции, юрисконсульт РОВС. Умер 22 октября 1970 г. в Париже.

³⁵² Подпоручик **Русецкий** был убит 29 марта 1918 г. под Екатеринодаром.

³⁵³ Автор неизвестен. Из архива Марковской артиллерийской бригады.

³⁵⁴ **Тольский Александр.** Юнкер. В Добровольческой армии; в декабре 1917 г. в Юнкерской батарее. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. После похода — в 1-й (затем Марковской) артиллерийской бригаде. Поручик. Убит до 1919 г.

³⁵⁵ Автор — **Фишер Борис А.** Студент института путей сообщения, юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее. Чернецовец. С 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, затем в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона в Болгарии. Штабс-капитан. В эмиграции в Болгарии, возглавлял группу дивизиона в Софии. Погиб в годы Второй мировой войны.

³⁵⁶ Капитан **Александр Глотов** с января 1918 г. был командиром взвода в Юнкерской батарее и участвовал в боях отряда полковника Кутепова под Таганрогом.

³⁵⁷ Автор этой и следующей главы — **Иегулов Сергей Владимирович.** Портупей-юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Затем в 1-й батарее Марковской артиллерийской бригады до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона в Болгарии. Штабс-капитан. Умер до 1967 г.

³⁵⁸ Автор этой и четырех следующих разделов неизвестен. Из архива Марковской артиллерийской бригады.

³⁵⁹ **Беляев Александр.** Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Умер до 1920 г.

³⁶⁰ **Машин Петр Николаевич.** Подполковник. С конца 1917 г. в отряде капитана Покровского на Кубани, в феврале — марте 1918 г. старший офицер 4-й батареи, затем в 1-й батарее, начальник хозяйственной части, с 10 июля 1918 г. — командир 1-й батареи, с 16 декабря 1918 г. полковник, с 4 апреля 1919 г. командир 1-го дивизиона, с июня 1919 г. командир Марковской артиллерийской бригады, с 6 июня 1920 г. генерал-майор. Галлиполиец. В эмиграции командир Марковского артиллерийского дивизиона до декабря 1926 г.

³⁶¹ **Михайлов Алексей Алексеевич.** Подполковник 48-й артиллерийской бригады. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, в феврале — марте 1918 г. заведующий хозяйственной частью 4-й батареи, затем старший офицер 1-й батареи, с 3 июля 1918 г. командир 2-й батареи, с марта 1919 г. командир 2-го дивизиона в Марковской артиллерийской бригаде. Полковник. Галлиполиец, командир 2-й батареи Марковского артиллерийского дивизиона. Погиб до 1945 г.

³⁶² **Левашев Анатолий Николаевич.** Штабс-капитан л.-гв. 2-й артиллерийской бригады. После 1-го Кубанского похода — в батарее своей бригады. Участник Бредовского похода. 20 июля 1920 г. эвакуирован в Югославию, откуда возвратился в Русскую Армию в Крым. Полковник. В эмиграции в Бельгии. Умер 30 июня 1960 г. в Брюсселе.

³⁶³ Имеется в виду подпоручик **Василий Николаевич Иванис.**

³⁶⁴ Капитан **Яницкий** был убит 28 марта 1918 г. у ст. Елизаветинской.

³⁶⁵ **Шоколи Николай Александрович,** р. в 1886 г. Из дворян. Окончил Михайловское артиллерийское училище и Михайловскую артиллерийскую академию. Капитан, курсовой офицер Михайловского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г., командир артиллерийской роты, затем Константиновско-Михайловской батареи. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, в феврале—марте 1918 г. в 4-й батарее, затем в 1-й батарее Марковского артиллерийского дивизиона и бригады. Эвакуирован до августа 1920 г. из Севастополя. Полковник. В эмиграции председатель Общества офицеров-артиллеристов. Умер 9 августа 1963 г. в Нью-Йорке.

³⁶⁶ **Стадницкий-Колендо Вячеслав Иосифович.** Штабс-капитан. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 4-й, затем 1-й батарее; 21 ноября — 26 декабря 1918 г. командир 3-й батареи, затем старший офицер той же батареи; в сентябре 1920 г. подполковник, командир 3-й батареи; с 21 сентября 1919 г. командир 5-й батареи в Марковской артиллерийской бригаде. Кавалер ордена Святого Николая Чудотворца. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона в Польше. Погиб до 1945 г.

³⁶⁷ Имеется в виду **Александр Сергеевич Трегубов,** штабс-капитан л.-гв. 1-й артиллерийской бригады.

³⁶⁸ **Ледковский Андрей Михайлович.** Подпоручик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 4-й, затем в 1-й батарее, с 21 ноября 1918 г. в 3-й батарее 1-го легкого артиллерийского дивизиона, затем — Марковской артиллерийской бригады, с 22 июля 1919 г. поручик, с 30 сентября 1919 г. штабс-капитан.

³⁶⁹ **Черняев Василий Федорович.** Гвардии подпоручик. В Добровольческой армии, ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона в Болгарии. Капитан. Умер в июле 1939 г. в Париже.

³⁷⁰ Прапорщик **Вадим Евтушевский** (впоследствии подпоручик) после похода остался в Марковской артиллерийской бригаде и был убит до 1919 г.

³⁷¹ **Дворников Игорь Владимирович.** Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 4-й, затем в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. В Русской Армии до эвакуации Крыма (в сентябре 1920 г. штабс-капитан 1-й батареи Марковской артиллерийской бригады). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковской артиллерийской бригады во Франции. Умер 30 ноября 1958 г. в Париже.

³⁷² **Галицинский Николай Иванович.** Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Поручик 1-й батареи Марковской артиллерийской бригады. Убит в июле 1919 г.

³⁷³ **Светозарский Михаил Валерианович.** Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе.

³⁷⁴ **Афендульев Вячеслав Вячеславович,** р. в 1898 г. в Вильно. Сын офицера. Окончил Полоцкий кадетский корпус. Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, затем в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Штабс-капитан. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона во Франции. Умер 9 октября 1975 г. в Париже (погребен в Сент-Женевьев-де-Буа).

³⁷⁵ **Иссов Валентин Александрович.** Окончил Киевский кадетский корпус. Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, затем в Марковской артиллерийской бригаде. Штабс-капитан. В эмиграции во Франции. Умер 14 июня 1966 г. в Париже.

³⁷⁶ **Гемпель Леонид Николаевич.** Окончил Суворовский кадетский корпус. Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, 3 апреля — 7 мая 1918 г. в 1-м Офицерском полку, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, затем в Марковской артиллерийской бригаде (в сентябре 1920 г. поручик 4-й батареи); в Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона во Франции. Штабс-капитан. Умер 21 сентября 1984 г. в Париже.

³⁷⁷ **Ильинский Павел Геннадьевич.** Впоследствии — прапорщик в 1-й артиллерийской (Марковской) бригаде, с 20 августа 1919 г. подпоручик, позже — поручик.

³⁷⁸ **Ольга Ивановна Башкова** была убита 15 апреля 1918 г. у Горькой Балки.

³⁷⁹ **Сулацкая Домна Ивановна.** Из казаков ст. Кумшацкой Области Войска Донского. С ноября 1917 г. сестра милосердия в Юнкерской, затем 1-й офицерской батарее. После похода — в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма. В эмиграции. Умерла до 1967 г.

³⁸⁰ **Небучинов Михаил Алексеевич.** Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Корниловского арtdивизиона в Болгарии. Штабс-капитан. В эмиграции в Болгарии, член правления Общества Галлиполийцев в Русуке. Служил в Русском Корпусе. Пропал без вести 15 октября 1944 г. под Смередовом (Югославия).

³⁸¹ **Баянов Сергей.** Инженер, юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, затем в Марковской артиллерийской бригаде. Поручик. Умер от холеры в мае 1920 г. в Перекопе.

³⁸² **Гайлер Михаил Михайлович.** Юнкер Александровского военного училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе.

³⁸³ Имеется в виду капитан **Максим Иванович Сапежко.**

³⁸⁴ Автор — В.А. Ларионов, чьи воспоминания приводятся ниже.

³⁸⁵ Прапорщик **Трифонов** был убит 29 апреля 1918 г. у ст. Соськи.

³⁸⁶ **Златковский Николай Михайлович.** Окончил Нижегородский кадетский корпус (1917). Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, затем в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма. Штабс-капитан. В эмиграции во Франции. Умер 2 марта 1962 г. в Париже.

³⁸⁷ **Макаревич Николай.** Юнкер Михайловского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, с 21 ноября 1918 г. из 1-й батареи переведен в 3-ю батарею (1-го легкого артиллерийского дивизиона и Марковской артиллерийской бригады), в которой воевал до эвакуации Крыма. Штабс-капитан. В эмиграции. Умер до 1967 г.

³⁸⁸ **Бороздин Николай.** Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, затем во 2-й запасной батарее Марковской артиллерийской бригады. Поручик. Убит 23 ноября 1919 г. под Белгородом.

³⁸⁹ Прапорщик **Александр Лускино** был участником 1-го Кубанского («Ледяного») похода в пешем взводе 1-й батареи, 3 апреля — 7 мая 1918 г.

в 1-м Офицерском полку, затем в 1-м легком артиллерийском дивизионе и 1-й артиллерийской бригаде, с 22 июля 1919 г. подпоручик.

³⁹⁰ **Крживоблоцкий Михаил Яковлевич.** Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. В сентябре 1920 г. поручик 1-й батареи Марковской артиллерийской бригады. Штабс-капитан. В эмиграции Умер до 1967 г.

³⁹¹ **Колтыпин Иван Александрович.** Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, 3 апреля — 7 мая 1918 г. в 1-м Офицерском полку, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, затем в 1-й батарее Марковской артиллерийской бригады до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона в Чехословакии. Штабс-капитан. Председатель Общества Галлиполицев в Брно. После 1945 г. — в Нью-Йорке. Умер до 1962 г.

³⁹² **Сурин Всеволод Александрович,** р. 13 декабря 1899 г. Окончил Одесский кадетский корпус (1917). Юнкер Константиновского артиллерийского училища. Участник боев в Петрограде. В Добровольческой армии с 13 ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Чернецовец. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 4-й, затем в 1-й офицерской батарее, 3 апреля — 7 мая 1918 г. в 1-м Офицерском полку, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, затем в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма (в сентябре 1920 г. во 2-й батарее). Галлиполиец. Капитан. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона в Чехословакии. Окончил Межевой институт. Умер 19 января 1973 г. в Касабланке (Марокко).

³⁹³ В.М. Терентьев — автор следующего раздела (см. ниже).

³⁹⁴ **Степанов Павел.** Юнкер. С ноября 1917 г. в Юнкерской батарее. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Прапорщик, телефонист 1-й батареи 1-го легкого артиллерийского дивизиона. Взят в плен и сожжен живьем 19 декабря 1918 г. в с. Падинском Ставропольской губ.

³⁹⁵ **Михайлов Федор Михайлович.** Юнкер Михайловского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в пешем взводе 1-й офицерской батареи, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма. Поручик. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона в Болгарии.

³⁹⁶ **Сергиевский Сергей.** Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе.

³⁹⁷ **Широков Сергей.** Юнкер Михайловского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, затем во 2-й батарее Марковской артиллерийской бригады. Штабс-капитан. Умер до 1967 г.

³⁹⁸ Зачисленный в пеший взвод 1-й офицерской батареи прапорщик **Зарубин** 3 апреля 1918 г. был переведен в 1-й Офицерский полк и, видимо, погиб до конца 1918 г.

³⁹⁹ **Раскин Анатолий Михайлович**, р. в 1898 г. Студент Санкт-Петербургского института путей сообщения, юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, затем в 4-й батарее Марковской артиллерийской бригады до эвакуации Крыма. Штабс-капитан. В эмиграции во Франции и Бельгии. Умер в 1957 г. в Брюсселе.

⁴⁰⁰ **Земчихин Борис Яковлевич**, р. 26 июня 1900 г. Окончил 1-й кадетский корпус. Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Чернецовец. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик; на 3 января 1919 г. на бронепоезде «Витязь». Затем в 1-й батарее Марковской артиллерийской бригады до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского арtdивизиона в Болгарии. Штабс-капитан. Застрелился 6 апреля 1929 г. в Софии.

⁴⁰¹ Автор — **Терентьев Всеволод Михайлович.** Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, 3 апреля — 7 мая 1918 г. в 5-й роте 1-го Офицерского полка, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, затем в 1-й батарее Марковской артиллерийской бригады до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского арtdивизиона в Болгарии. Штабс-капитан. В эмиграции во Франции. Умер в 1977 г. в Монпелье.

⁴⁰² Имеется в виду прапорщик **Онихимовский**, бывший юнкер; с 3 апреля по 7 мая 1918 г. он служил в 1-м Офицерском полку.

⁴⁰³ **Флавицкий Петр.** Юнкер Константиновского артиллерийского училища. Во время 1-го Кубанского похода — в 1-й офицерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик; 3 апреля — 7 мая 1918 г. в 1-м Офицерском полку, затем на бронепоезде «Генерал Алексеев». Умер от тифа 6 марта 1919 г. в Ростове.

⁴⁰⁴ Полковник **Коротаев** умер 25 июля 1918 г.

⁴⁰⁵ **Чунихин Георгий Львович**, р. в 1893 г. Из дворян. Окончил Екатеринославское коммерческое училище и выдержал экзамен при Ораниенбаумской школе прапорщиков (1915). Штабс-капитан, член Главного комитета Союза офицеров. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г.,

быховец. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с 3 апреля 1918 г. командир взвода во 2-й роте Офицерского полка; с сентября 1918 г. во 2-й роте того же (Марковского) полка. Убит на Северном Кавказе в 1918 г.

⁴⁰⁶ **Анкудинов Андрей Павлович.** Штабс-капитан. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с 3 апреля 1918 г. командир взвода во 2-й роте 1-го Офицерского полка, 28 октября — 4 ноября 1918 г. командир той же роты. Капитан.

⁴⁰⁷ **Далингер Владимир Александрович.** Прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й батарее, с 3 апреля 1918 г. в 1-м Кубанском стрелковом полку, в сентябре 1920 г. капитан штаба Марковской артиллерийской бригады. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона во Франции. Умер после 1967 г.

⁴⁰⁸ Имеется в виду прапорщик **Василий Алексеевич Цветаев.**

⁴⁰⁹ Прапорщик **Гавриил Иванович Овчинников** в дальнейшем воевал в бронепоездных частях до эвакуации Крыма. Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. во 2-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона. Капитан.

⁴¹⁰ **Петропольский Владимир Михайлович.** Прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м Офицерском полку, с мая 1918 г. в 1-й батарее Марковской артиллерийской бригады. Во ВСЮР и Русской Армии в той же бригаде до эвакуации Крыма (в сентябре 1920 г. штабс-капитан 1-й батареи). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона во Франции. Умер до 1967 г.

⁴¹¹ Прапорщик **Главацкий** и в дальнейшем продолжал служить в этой батарее Марковской артиллерийской бригады (в начале 1920 г. — поручик, в сентябре — штабс-капитан).

⁴¹² **Петропольский Михаил.** Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м Офицерском полку, с мая 1918 г. в 1-й батарее 1-й (Марковской) артиллерийской бригады. Во ВСЮР и Русской Армии в той же бригаде до эвакуации Крыма (с 13 июля 1919 г. подпоручик, в сентябре 1920 г. поручик 2-й батареи). В эмиграции. Штабс-капитан. Умер до 1967 г.

⁴¹³ Прапорщик **Василий Меньков** был взят в плен и сожжен живьем 19 декабря 1918 г. в с. Падинском Ставропольской губ.

⁴¹⁴ **Дончиков Петр Алексеевич.** Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м Офицерском полку, с мая 1918 г. — в 1-й батарее, в сентябре 1920 г. — подпоручик той же батареи. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона во Франции. Умер 21 марта 1982 г. в Париже.

⁴¹⁵ Юнкер **Рудзит** (с 12 февраля 1918 г. прапорщик) — участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й батарее. С 7 мая 1918 г. в 1-й роте 1-го Офицерского (Марковского) полка. Убит 25 июня 1918 г. под ст. Кагальницкой.

⁴¹⁶ Из архива Марковской артиллерийской бригады.

⁴¹⁷ **Ларионов Виктор Александрович,** р. 13 июля 1897 г. в Санкт-Петербурге. Окончил 13-ю Санкт-Петербургскую гимназию (1916), после чего учился в Отдельных Гардемаринских классах, с июня 1917 г. — юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с

ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, затем в Марковской артиллерийской бригаде; летом 1919 г. поручик, с октября 1920 г. капитан. В эмиграции член боевой организации Кутелова, с 1927 г. жил во Франции, затем в Германии. Умер после 1984 г. в Мюнхене.

⁴¹⁸ Приводится по изданию: Виктор Ларионов. Последние юнкера. Франкфурт, 1984.

⁴¹⁹ **Попов Арсений Андреевич.** Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 марта 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма (в сентябре 1920 г. штабс-капитан 1-й батареи). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона во Франции. Штабс-капитан. Умер до 1967 г.

⁴²⁰ Фамилия искажена. Имеется в виду В.В. Афендулев (см. выше).

⁴²¹ **Березовский Павел Ефимович.** Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде (в сентябре 1919 г. поручик, командир взвода, в мае 1920 г. — штабс-капитан) до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона в Чехословакии. Пропал без вести до 1967 г.

⁴²² **Захарашвили Захар Львович.** Юнкер Михайловского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Взят в плен в апреле 1918 г., вернулся летом и служил в Марковской артиллерийской бригаде (в сентябре 1920 г. подпоручик 1-й батареи). В эмиграции. Умер до 1967 г.

⁴²³ Полковник **Султан-Келеч-Гирей** был командиром 2-й бригады 1-й конной дивизии, с 8 декабря 1918 г. — начальник Черкесской конной дивизии. Генерал-майор.

⁴²⁴ **Лисенко Иван Эрастович (2-й).** Сын офицера. Юнкер Константиновского артиллерийского училища. Участник боев в Петрограде. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее. Чернецовец. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее. С 12 февраля 1918 г. прапорщик. Осенью 1918 г. в 1-й батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, в июле 1919 г. командир орудия 1-й батареи в Марковской артиллерийской бригаде, в сентябре 1920 г. штабс-капитан 4-й батареи той же бригады. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона в Чехословакии. Капитан. В эмиграции с 1933 г. в Чехословакии, затем в США, член отдела Общества Галлиполийцев. Умер 17 января 1969 г. в Сан-Франциско (США).

⁴²⁵ Впервые опубликовано: Очерки. Марковцы первопоходники-артиллеристы. Б.м., б.г.

⁴²⁶ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 27. Декабрь 1963.

⁴²⁷ **Свидерский Даниил Данилович.** Окончил реальное училище, в офицеры произведен в 1916 г. В Добровольческой армии с декабря 1917 г., участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Корниловского артдивизиона в Болгарии. Штабс-капитан. Умер 31 декабря 1979 г. в Санта-Барбаре (США).

⁴²⁸ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 76—78. Январь — март 1968.

⁴²⁹ **Смогоржевский Донат Ефимович.** Произведен в офицеры из вольноопределяющихся. Поручик 52-й артиллерийской бригады. Георгиевский кавалер. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 3-й отдельной батарее. Затем во 2-й (затем Корниловской) артиллерийской бригаде; с 14 декабря 1919 г. штабс-капитан, в начале 1920 г. капитан, старший офицер 1-й батареи Корниловской артиллерийской бригады. Кавалер ордена Святого Николая Чудотворца. Подполковник. Убит в октябре 1920 г. под Нижним Рогачиком в Северной Таврии.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

Раздел 1

<i>А. Деникин</i> . Первый Кубанский поход	9
<i>И. Какурин</i> . Первый Кубанский генерала Корнилова поход	43
<i>Хан Р.-Б. Хаджиев</i> . Генерал А.Г. Корнилов в «Ледяном походе»	91
<i>Н. Львов</i> . Свет во тьме	104
<i>А. Половцов</i> . Рыцари тернового венца	170
<i>Б. Суворин</i> . За родиной	218
<i>Б. Суворин</i> . Газетка на тачанке	271
<i>С. Ряснянский</i> . Воспоминания о Кубанском походе	274
<i>С. Ряснянский</i> . Командировка к походному Донскому атаману	279
<i>А. Лукомский</i> . У большевиков	284
<i>В. Иляхинский</i> . Сестры милосердия в походе	295
<i>Первопоходник</i> . Мы не забудем вас	301
<i>И. Карabut</i> . Поход Корнилова	304

Раздел 2

Марковцы в Первом походе Добровольческой армии	312
<i>Д. Марченко</i> . На боевых постах	432
<i>Ю. Рейнгарт</i> . Мой взвод	437
<i>И. Эйхенбаум</i> . Отрывки из книги о 1-м Кубанском походе	470
<i>И. Эйхенбаум</i> . Пасха в Лежанке	472
<i>В. Эльманович</i> . Морская рота Добровольческой армии	475

Раздел 3

Корниловцы в Первом Кубанском походе	478
<i>М. Левитов</i> . Корниловский ударный полк в 1-м Кубанском походе	495
<i>Н. Басов</i> . Воспоминания о 1-м Кубанском походе	535
<i>Р. Гуль</i> . Ледяной поход	573
<i>А. Рябинский</i> . Братя-славяне	596

К. Васильев. Бой у хутора Новолокинского	599
А. Трёмбовельский. Посвящается Варе Салтыковой, сестре милосердия Корниловского Ударного полка	606
А. Трёмбовельский. Возвращение из Первого похода	610
Б. Турчанинов. Скорбные тени	613
В. Иванов. Где вы, пережившие?	618

Раздел 4

А. Богаевский. Первый Кубанский поход	622
Б. Казанович. Партизанский полк в 1-м Кубанском походе	682
Б. Казанович. Движение Добровольческой армии в марте месяце и штурм Екатеринодара	686
Доброволец Иванов. По следам памяти	700
М. Голубов. Сильные духов	713
М. Голубов. Финляндцы	717
С. Сыроватка. Из далекого прошлого	727

Раздел 5

К. Николаев. Первый Кубанский поход	730
В. Черешнев. Последний павлон	734
А. Жемчужный. Слепой конь	737
В. Крамаров. Под Екатеринодаром	744
В. Черешнев. Конница под Екатеринодаром	746
И. Острецов. Атака	755
Э. Кариус. Ледяной... ..	756
Л. Пермяков. Генерал Корнилов	762
К. Нефедьев. Два первопоходника	767
Г. Алексеев. Две встречи	772

Раздел 6

А. Крицкий. Начало 1-го Кубанского похода	775
А. Крицкий. История 1-го кавалерийского «полковника Гершельмана» дивизиона	777
Н. Федоров. Смерть есаула Власова, командира Баклановского отряда, в бою под Выселками	783
М. Гетманов. Первый Корниловский поход	794
1-я офицерская батарея в Кубанском походе	798
В. Ларионов. Последние юнкера	845
И. Лисенко. Ново-Дмитриевка	869
И. Лисенко. Наши сестры	871
Д. Свидерский. Высшая наша награда	874
Комментарии	883